

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 3

Мир в раннее
Новое время

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В шести томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик	А. О. ЧУБАРЬЯН	(главный редактор)
член-корреспондент РАН	В. И. ВАСИЛЬЕВ	(заместитель главного редактора)
член-корреспондент РАН	П. Ю. УВАРОВ	(заместитель главного редактора)
доктор исторических наук	М. А. ЛИПКИН	(ответственный секретарь)
член-корреспондент РАН	Х. А. АМИРХАНОВ	
академик	Б. В. АНАНЬИЧ	
академик	А. И. ГРИГОРЬЕВ	
академик	А. Б. ДАВИДСОН	
академик	А. П. ДЕРЕВЯНКО	
академик	С. П. КАРПОВ	
академик	А. А. КОКОШИН	
академик	В. С. МЯСНИКОВ	
член-корреспондент РАН	В. В. НАУМКИН	
академик	А. Д. НЕКИПЕЛОВ	
доктор исторических наук	К. В. НИКИФОРОВ	
академик	Ю. С. ПИВОВАРОВ	
член-корреспондент РАН	Е. И. ПИВОВАР	
член-корреспондент РАН	Л. П. РЕПИНА	
академик	В. А. ТИШКОВ	
академик	А. В. ТОРКУНОВ	
академик	И. Х. УРИЛОВ	

МОСКВА НАУКА 2013

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 3

Мир в раннее Новое время

Ответственные редакторы тома:
кандидат исторических наук В.А. ВЕДЮШКИН
доктор исторических наук М.А. ЮСИМ

МОСКВА НАУКА 2013

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-01-16163*

Редакционная коллегия:

*Е.Е. Бергер (ответственный секретарь), М.В. Винокурова,
И.Г. Коновалова, А.А. Майзлиш, П.Ю. Уваров, А.Д. Щеглов*

Рецензенты:

*доктор исторических наук Ю.Е. Арнаутова,
доктор исторических наук М.С. Мейер*

Всемирная история : В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука. – 2011. – ISBN 978-5-02-036725-8.

Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. – 2013. – 854 с. – ISBN 978-5-02-038035-6 (в пер.).

В структуре и содержании настоящего издания традиционный «страноведческий» подход сочетается с проблемным; том построен по хронологическому принципу, что позволяет охватить все основные события и факты рассматриваемой эпохи и показать, что происходило примерно в одно и то же время в разных уголках земного шара; авторы и составители тома исходили из того, что в указанный период история начинает приобретать действительно глобальный характер. Особое внимание уделено взаимовлиянию Запада и восточных цивилизаций, духовным и культурным процессам, изменениям на карте мира в результате Великих географических открытий. В книге охарактеризованы такие феномены, как абсолютизм, Ренессанс, Реформация, барокко, зарождение новой науки и другие.

Издание носит научный характер и вместе с тем рассчитано на широкий круг читателей.

Предлагаемый вниманию читателя третий том «Всемирной истории» посвящен периоду, который в последние десятилетия отечественные историки стали называть «ранним Новым временем», следуя за тенденцией, наметившейся в западных странах. В советской историографии эпоха Средних веков заканчивалась серединой XVII столетия, в качестве поворотного момента которого рассматривалась Английская буржуазная революция. Очевидная условность этой даты заставляла некоторых историков доводить эпоху Средневековья до конца XVIII в. в частности потому, что первой буржуазной революцией считалось восстание в Нидерландах, закончившееся выходом Соединенных провинций из состава испанских владений, а классической буржуазной революцией, покончившей со Старым режимом, была Великая Французская революция. Во всяком случае сегодня очевидна необходимость вычленения относительно самостоятельного периода между Средними веками и Новым временем, хронология и название которого могут быть предметом дискуссий.

В настоящем издании начало перехода от классических Средних веков к Новому времени отсчитывается примерно с середины XV – начала XVI в. и заканчивается 1700 г., датой условной, но обозначающей действительный водораздел между эпохой конфессионально обусловленных войн и веком Просвещения в Европе. Таким образом, период, который обычно называют «ранним Новым временем», делится в нашем издании на две части.

Краткий анализ самого понятия раннего Нового времени и отдельные аргументы в пользу и против его приложения к периоду XVI–XVII вв. приведены ниже.

ПОНЯТИЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Зарождение идеи Нового времени связано с эволюцией трехчленной схемы (Древняя, Средняя и Новая эпохи), выкристаллизовавшейся в трудах историков эпохи Возрождения. Гуманисты сравнивали первоначально древнюю и новую (современную им – *moderna*) историю. Флавио Бьондо (1392–1463), еще не используя термина *medium aevum*, рассматривал промежуток между ними как период упадка Римской империи, распространения христианства и, наконец, расцвета новых государств в Италии. Мыслители эпохи Возрождения в полной мере испытывали характерное для Средних веков уважение к старине, вместе с тем они осознавали свое отличие от античных

авторов и стремились быть первооткрывателями, что свидетельствует о зарождении модели развития как созидания нового. Но в умах образованных людей XV в. идея поступательного развития, присущая христианскому миропониманию, оттеснялась идеей циклизма. «*Le temps revient*» – «времена возвращаются» – гласил французский девиз дома Медичи.

В сущности, идея раннего Нового времени – это продукт коллективного творчества нескольких поколений ученых, причем сами историки XVII в., когда трехчленная схема окончательно сложилась, считали свое время «Новым». Если Средние века и Новое время (как и Античность) суть понятия, обусловленные развитием европейской истории и культуры и имеющие за собой некую историко-культурную объективную (независимо от ума историка существующую) реальность, то раннее Новое время отражает в первую очередь лишь тот факт, что Средневековье не сдавало позиции очень долго. Многие историки отмечают, что условные даты, завершающие хронологию Средних веков: 1453, 1492, 1500 годы, – будь у них политические, культурные или цивилизационные основания, отнюдь не соответствуют моменту, когда Средние века как феномен человеческой истории уходят в прошлое. На это с большим основанием может претендовать конец XVIII – начало XIX в. Родился даже термин «Долгое Средневековье», указывающий на доминирование старого образа жизни в большей части Европы вплоть до Великой Французской революции. При этом в романоязычной историографии «Новой историей» называется как раз период с середины/конца XV – начала XVI до конца XVIII в. (*modernité*), а следующий – «Историей современности» (*histoire contemporaine*). Термин «раннее Новое время» (*Early Modern*, *Frühe Neuzeit*) для первого из этих периодов используют англосаксонские и германские историки.

Доставшаяся нам в наследство периодизация несет на себе много следов случайности и историчности, можно сказать, исторически преходящего. Ее живучесть, вместе с тем, объясняется ее некоторой бесцветностью, всеохватностью, даже необязательностью. Старое и новое – категории универсальные. Идея смены общественных формаций оказалась с этой точки зрения более искусственной и менее жизнеспособной (хотя ее понятия и термины продолжают использоваться и, следовательно, не лишены корней).

Зачем вообще нужно понятие раннего Нового времени, если оно столь приблизительно? Если взять условные временные точки, допустим, 1200 и 1900 годы, разница будет существенной, они укладываются в разные исторические пространства, различающиеся во всех главных (в социальном и культурном плане) чертах. Но между эпохами не было границы, смена «парадигм» происходила постепенно, и раннее Новое время делает из этой границы довольно-таки широкую полосу. Этот термин, таким образом, не идеален, но полезен, его появление отражает рост исторической научной специализации. Чаще всего период раннего Нового времени завершают концом XVIII в., но независимо от нюансов периодизации своеобразие двух предыдущих столетий и самого этого века (начало индустриализации, распространение светского свободомыслия, просвещенный абсолютизм и перекройка карты Европы и мира между «великими державами») побуждают к тому, чтобы говорить об этом столетии отдельно.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Если вести речь о феноменах, которые типологически не характерны для Средних веков и скорее ассоциируются с Новым временем, то это прежде всего рынок и финансы. Разумеется, они существовали и в Античности, и в дальнейшем, но в средневековом обществе товарно-денежные отношения не были главенствующими в экономике, где в качестве основного источника ценности выступала земля; владение ею наделяло и местом в обществе, в иерархии власти.

В сфере идей в Средние века главенствовали религиозные институты идеологической власти, которые, впрочем, неплохо себя чувствуют и в Новое время, несмотря на потрясшие ее кризисы расколов, расцвет свободомыслия и светскую эмансипацию.

В политике монархия теоретически должна была бы смениться демократией, подготовленной позднесредневековыми сословно-представительными учреждениями, но в раннее Новое время расцветает абсолютизм, а позднее даже просвещенный абсолютизм, который готовит или оттягивает крах политической моды на эту «низшую» (по выражению Макиавелли), единоличную форму правления. С точки зрения международных отношений, в Европе устанавливается относительный баланс сил, сопровождаемый, тем не менее, борьбой за гегемонию, вызванной амбициями той или иной крупнейшей державы (поочередно Испании, Франции, Англии).

В области технологии развивается мануфактурное производство, начинается практическое использование достижений науки и основанных на них технических изобретений.

В социальном отношении Новое время является эпохой смены господства аристократии, «элиты по крови», буржуазией – элитой «денежного мешка» – и собственно для советской историографии эта эпоха была ознaменована тем, что в ней называлось буржуазными революциями.

В культурном отношении рассматриваемый период ознaменован Ренессансом, переходной между Средними веками и Новым временем эпохой. Но с ранним Новым временем она не совпадает, начинаясь в Италии не позднее середины XIV в. и заканчиваясь началом XVII в. (если считать, как по традиции принято, Сервантеса и Шекспира гениями Возрождения, хотя оба испытали и влияние барокко).

В духовном смысле раннее Новое время – эпоха десакрализации знания. Образование, книги и идеи начинают становиться широко доступными, и более того, эта доступность приветствуется так называемыми прогрессивными мыслителями. Но это влечет за собой и некоторое обесценение, ведь знание – оружие обоюдоострое, зарождается массовая культура современности, которая приспособливает новые ценности ко вкусам и пониманию толпы, становится инструментом влияния.

Иногда говорят о начале перехода от традиционной культуры к индустриальной. От особого отношения к знаниям и унаследованного от предков уклада жизни, базировавшегося на индивидуально-штучном, к фабрично-стандартному.

Одним из важнейших событий раннего Нового времени стала географическая, колониальная и культурная экспансия Европы, прежде всего Запад-

ной, это создает предпосылки для того, что история становится подлинно всемирной, или, по сегодняшним понятиям, глобальной – рушатся перегородки между отдельными народами, как стали говорить в Новое время, «нациями», их взаимозависимость растет.

С понятием Нового времени связана идея «модернизации», несущая в себе европейский эталон прогресса, хотя сам его принцип, несмотря на утверждающееся до сих пор повсеместно главенство западного взгляда на мир как истинного общечеловеческого, сегодня подвергается сомнению. Но именно попытки модернизации т.е. перестройки общества на западный манер, позволяют говорить о наступлении Нового времени для всего мира.

Люди, жившие в раннее Новое время, отмечали присущий ему дух обновления, но сегодня, как это ни парадоксально, описываемая эпоха воспринимается скорее как далекая от нас, и именно в ней массовая культура зачастую видит подлинное Средневековье с университетскими школярами и рыцарскими турнирами, инквизицией и «охотой на ведьм». Действительно, многие феномены «раннего Нового времени» восходят еще к концу XII – XIII в. и задерживаются очень надолго, что и позволяет некоторым историкам широко раздвигать его рамки. Тем не менее период примерно с 1500 по 1700 гг., когда старое еще доминировало, – это своего рода «раннее» раннее Новое время. В разных европейских странах вышеупомянутые процессы обновления шли в разном темпе, к другим частям мира эта периодизация применима лишь в меру их связей с Европой.

СТРУКТУРА ТОМА

Каждая из двух частей третьего тома «Всемирной истории» посвящена одному столетию, что отражает биолого-антропологический принцип восприятия исторического времени – смену поколений («веков»), столетних годовых циклов, фиксируемых в десятиричной системе, а также утвердившийся в европейской традиции принцип вести отсчет от Рождества Христова или начала «новой эры». При таком построении, с одной стороны, более очевидна непрерывность исторического процесса, а с другой – условность всякой периодизации. Вместе с тем отнесение этого периода к раннему Новому времени является данью потребности в систематизации исторического пространства, в обозначении таких глобальных «событий» в мировой истории, как целые эпохи жизни народов и континентов.

Попытка соединить регионально-страноведческий принцип изложения с обзорным и с обсуждением общих проблем определила внутреннюю структуру тома. Его обрамляют две главы, в которых дан панорамный взгляд на мир («Мир-Систему» в терминологии их автора). Первая из них показывает, что происходило на Западе и на Востоке накануне рассматриваемого периода, вторая – какой была эта картина в конце XVII в. Такой синхронный обзор выявляет взаимозависимость регионов мира, который становится все более тесным, а иногда и неожиданное сходство процессов, разворачивавшихся на почве разных цивилизационных традиций. Во вводном разделе находятся также главы, посвященные некоторым ключевым событиям или феноменам

и общей характеристике периода – Великим географическим открытиями, научной и другим «революциям», повседневности и т.д.

Общий вводный раздел в значительной мере предваряет и первую часть тома, рассказывающую о событиях XVI столетия, века позднего Возрождения и Реформации в Европе, начала ее широкой экспансии в мире, основания колоний в Новом Свете и на Востоке. Вторая часть посвящена истории XVII в., отмеченной как чертами кризиса и упадка, так и кристаллизацией новых структур, поэтому здесь в нескольких вводных главах рассматриваются пути становления абсолютизма, экономическая конъюнктура и формирование нового художественного и культурного стиля – барокко.

В прочие разделы тома вошли страноведческие главы, а также главы, рассказывающие о судьбах отдельных регионов и народов, в тех случаях, когда логически и исторически целесообразно не разделять их на две части.

Описанный принцип позволяет уделить достаточно внимания всем регионам мира, хотя европейские страны занимают в томе особое место, как в силу начавшейся тогда европейской экспансии, так и потому, что российское издание «Всемирной истории» естественным образом отражает традиции европейской историографии. Но именно в XVI–XVII вв. благодаря расширению диалога культур и изменениям в восприятии чужих традиций создаются предпосылки для будущего отхода от этноцентристского взгляда на историю.

Многие сюжеты отдельных глав тома перекликаются, и в каждом случае авторы подходят к ним по-своему, иногда даже с противоположных позиций. Наличие разных точек зрения, которое оговаривается в соответствующих случаях, по мнению редколлегии, побуждает читателя к дальнейшему размышлению.

МИР НАКАНУНЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

К XV в. весь мир значительно изменился. Внимание исследователей традиционно было обращено к динамике Запада, сумевшего вырваться вперед в своем развитии, однако трудно отрицать, что беспрецедентные изменения можно было наблюдать повсюду – на суше и на море.

НОВЫЕ ДОРОГИ В ОКЕАНЕ

Отдаленные участки Мир-Системы Старого Света связывал Индийский океан. В XV в. пришли в упадок объединения аденских купцов *карими*, на протяжении нескольких веков контролировавших торговлю пряностями, а появление «Золотого флота» грозило превратить Индийский океан в «Китайское озеро». Китайские купцы плавали в этих водах и ранее, теперь за флотилиями многомачтовых джонок (*баочуаней*) стояла воля императора и мощь Срединной империи. Китайские экспедиции через Цейлон и Южную Индию шли на Запад, к Красному морю и Африканскому рогу. После окончательного отказа династии Мин от морской экспансии (1433) китайское присутствие в южных морях сохранялось (часто вопреки «морским запретам» императоров), но ограничивалось областями к востоку от Малаккского пролива. Для карими роковыми оказались сложности, возникшие на другом конце пути. Египетские султаны, стремясь покрыть траты на амбициозную внешнюю политику, постоянно повышали торговые пошлины, пока в 1429 г. султан Барсбай не установил монополию на торговлю пряностями, перекрыв доступ в Красное море. Вскоре режим торговли был смягчен, но карими не смогли оправиться.

Морская торговля сулила слишком большие барыши, чтобы долго находиться в упадке, а альтернативный сухопутный путь был затруднен после распада монгольской империи. Место карими заняли гуджаратские купцы, создавшие разветвленную торговую сеть между Аденом и Малаккой. В Адене на индийские корабли грузили слоновую кость, золото и африканских невольников, привезенных через Занзибар, опиум и розовую воду из Леванта, ткани, доставленные венецианцами. Затем корабли шли в Камбей или Сурат, где выгружали большую часть товаров, набирая кипы хлопковых тканей, произведенных гуджаратскими ткачами. Далее, через Каликут или Цейлон, шли в Малакку. Оттуда, передав товары малайским и китайским купцам, возвращались назад, груженные специями и китайскими товарами – шелком и фарфором. В Гуджарате и на Малабарском берегу можно было встретить персов, армян, итальянцев, татар; посетил эти места и Афанасий Никитин. Многократное удорожание товаров, шедших через Египет, сулило еще большее обогащение тем, кто обошел бы султанские препоны. Преследуя эту цель, до Индии в конце века добрались португальцы.

Атлантика еще не стала центром мировой торговли. Однако и здесь в XV в. наметилось оживление. Жан де Бетанкур, нормандский рыцарь на службе кастильского короля, приступил к завоеванию Канарских островов. Покорение местного населения – гуанчей – растянулось на столетие. Конкистадоры применяли к ним все то, что позднее обрушится на индейцев: натравливали вождей друг на друга, уничтожали непокорных. Но, как и в Новом Свете, наибольший урон туземцы понесли от завезенных европейцами микробов. Эпидемия, сократив в десять раз коренное население острова Тенерифе, сломала сопротивление гуанчей (1495).

После захвата Сеуты (1415) португальцы начинают продвижение вокруг Африки. Побочным результатом стало открытие острова Мадейра в 1419 г. Итальянские мореходы знали об острове и раньше, но португальцы начали его колонизацию. С середины XV в. на Мадейре выращивают сахарный тростник. Капиталы генуэзских и фламандских купцов помогли поставить дело на широкую ногу – спрос на «сладкую соль» был огромен. К концу века с Мадейры в Антверпен ежегодно уходило до 70 кораблей с сахаром. Для работы на плантациях сначала привозили преступников, затем чернокожих невольников.

Освоение Азорского архипелага, лежащего более чем в полутора тысячах километров от материка, стало для португальцев школой дальнего плавания в открытом океане. Во второй половине века сюда приглашают фламандских, а позже и французских поселенцев. Именно здесь, собирая сведения о невиданных деревьях и телах людей незнакомой расы, приносимых океаном, Х. Колумб уверился в том, что на западе есть населенные земли.

Похолодание XIV–XV вв. привело к исчезновению европейских поселений в Гренландии и к упадку Исландии. Оно же способствовало развитию атлантического мореплавания. Ихтиологи полагают, что похолодание изменило маршруты рыбных косяков, ушедших тогда от берегов Ютландии и Голландии ближе к теплым водам Гольфстрима. Спрос на рыбу в Европе неуклонно повышался – и датские, и голландские рыбаки уходили за треской и сельдью все дальше на север. В XV в. голландские рыбаки научились обрабатывать и засаливать рыбу прямо на кораблях. В отличие от конкистадоров рыбаки держали в тайне свои открытия. Баскские и бретонские китобои давно ходили к Ньюфаундленду, но скрывали свои маршруты. И только датско-португальские экспедиции 70-х годов XV в. в Гренландию (и, вероятно, в Америку) привлекли внимание картографов, что повлияло на идею трансатлантического плавания в «Китай».

Освоению высоких широт Атлантики и Ледовитого океана способствовала погоня за дефицитными ресурсами. Спрос на меха в Европе увеличился как из-за похолодания, так и из-за того, что этот предмет престижного потребления находил спрос у все более широкого круга европейцев (прежде всего разбогатевших горожан). На территории Новгородских пятин запасы пушнины заканчивались. Приходилось двигаться все дальше на север, московские князья настойчиво стремились овладеть Вяткой и бассейном рек, впадающих в северные моря, проникнуть на Югру. Нужда в рыбных ресурсах на Руси была не меньшей, чем на Западе, хотя бы потому, что посты были строже. Поморы, обжив берега Белого моря, продвигались дальше на север, на Грумант, ходили вокруг мыса Нордкап, доставив, например, в 1498 г.

посла Ивана III Григория Истоуму в Данию. Поморские кочи двигались не только на север, но и на северо-восток, на Новую Землю, придавая дополнительный импульс миграциям субарктических народов. Но и датско-норвежских, а позже и нидерландских мореходов привлекали воды «Студеного моря». Еще больше чем пушниной они интересовались торговлей моржовым бивнем, которую Иван III стремился поставить под свой контроль. Пределом мечтаний было самое главное сокровище Арктики – «рог единорога» (бивень нарвала), защищавший, как верили, от любого яда.

В Тихом океане сеть коммуникаций к XV в. интенсивно развивалась лишь в той его части, которая омывала Азию. В Океании уже завершился процесс полинезийской колонизации удаленных островов. Последние волны переселенцев (около XII в.) достигли Новой Зеландии, острова Чатэм, Гавайского архипелага и острова Пасхи. Природа жестко ограничивала здесь возможности социального развития. Там, где такие условия все же имелись, процесс политогенеза зашел далеко – складывалась своеобразная «островная империя» Тонга, на Гавайях существовало несколько конкурирующих «королевств», возникали сословия или касты.

Плавали ли полинезийские пироги и катамараны к берегам Америки? Помимо легенд и сходства элементов материальной культуры индейцев и полинезийцев, доказательством прямых контактов служит культивирование полинезийцами сладкого картофеля (батата), произраставшего в Южной Америке. Батат не мог быть занесен на острова морским течением (клубни не выдерживают пребывания в соленой воде). Археологи недавно нашли в Чили кости куриц полинезийской породы, датируемые XIV – началом XV в.

Согласно легендам индейцев кечуа, завоеватель Тупак Инка Юпанки в 80-х годах XV в. отправил эскадру бальсовых плотов в океан. После длительного плавания индейцы вернулись, привезя темнокожих людей. Некоторые исследователи считают, что инки достигли острова Пасхи, другие полагают, что «темнокожими» могли быть не полинезийцы, более светлые, чем индейцы, а меланезийцы Соломоновых остров (удаленных на 10 тыс. км от побережья Перу). Скептики говорят о посещении необитаемых Галапагосских островов, где нашли индейскую керамику. В самом факте океанских плаваний инков никто не сомневается, ведь Тупак Юпанки сокрушил могущество богатой страны Чиму, напав на нее с моря.

Отметим, что при всей разнокалиберности перечисленных явлений все они были беспрецедентны: впервые европейцы заселяли острова Атлантики, впервые русский купец достиг Малабарского берега, впервые китайский император направил морские экспедиции такого масштаба, впервые правители американской империи устремились в Тихий океан. Даже в доколумбовой Америке по непонятным нам причинам история ускоряет свой бег. В Южной Америке прежде не возникало таких огромных империй, как государство инков. За сто лет экспансии империя «детей солнца» поставила под контроль территорию свыше двух миллионов квадратных километров. Страна была покрыта сетью дорог, функционировала эстафетная курьерская служба, с ее помощью распоряжения передавались со скоростью до 400 км в день, действовала строгая система учета, от которой нельзя было скрыть и пары сандалий. Возможно, что империя ацтеков, тогда же достигшая пика могущества, не была самым крупным образованием, когда-либо созданным

на территории современной Мексики. Но экономический подъем, расцвет густонаселенных городов, развитие сложных религиозных систем, сопровождавшихся своеобразной философской рефлексией и достаточно развитой летописной традицией, не имели precedентов.

Высокая динамика развития в XV в. не была, как видим, монополией Запада. Связать каузальной цепью трансформации обществ Старого и Нового Света мы не можем, но для большей части Мир-Системы это реально. Напомним, что в предыдущем томе, поставив задачу синхронизации изменений, происходящих в мире за этот период, мы увидели, что пояс цивилизаций, растянувшийся от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока, находился в таком взаимодействии, при котором серьезные изменения на одном участке так или иначе сказывались на состоянии других его частей. Этот пояс мы обозначили как средневековую Мир-Систему.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: МОРСКИЕ ЗАПРЕТЫ И МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Оживление в водах Тихого океана было вызвано импульсами, исходившими из Китая. Во времена династии Сун там началось бурное развитие товарно-денежных отношений, замедленное, но не остановленное монгольским завоеванием. С утверждением династии Мин возобладало стремление «обрубать ветви, чтобы лучше рос ствол»: чтобы достичь стабильности, требовалось ограничить воздействие денежной экономики. После некоторых колебаний Китай отказывается от морской, да и от сухопутной экспансии, перейдя к оборонительным войнам с кочевниками. Перенос столицы из Нанкина в Пекин был зримым доказательством того, что страна «отворачивалась от моря». Следуя «морским запретам», власти не разрешали покидать страну. Ограничивалась даже внутренняя торговля – крестьянам запрещалось уходить из своих деревень более чем на 12 км. Купцов считали не вызывающими доверия. Ремесло строго регламентировалось, предпочтительной считалась работа на казенный заказ. Укрепляя систему должностных экзаменов, власти облегчали возможность продвижения талантливым простолюдинам, что отворачивало амбициозных людей от купеческой стези. Упрощение налогообложения, отказ от сложных инструментов кредитной сферы и навигационных расчетов вели к упадку великой китайской математической школы. Для сбора налогов и их распределения чиновникам хватало четырех арифметических действий.

Полностью «подморозить» страну не удалось. Казенные мануфактуры производили все больше фарфора и других товаров, пользовавшихся спросом по всему миру, росло число частных мастерских. Китайские корабейники ловко обходили заставы на дорогах. Усиливающаяся коррупция смягчала таможенные запреты, развивалась морская контрабанда. Южные моря изобиловали китайскими купцами и пиратами. Не получалось и удержать культуру в ее канонических формах. Следование неоконфуцианскому учению не мешало популярности даосских и буддистских сект, той же секте Белого Лотоса. Предписание соблюдать официальные каноны культуры не остановило развитие новых литературных жанров на народном языке.

И все же утверждение о самоизоляции Китая в эпоху Мин при всех оговорках остается справедливым. Но это не относится ко всему Дальнему Востоку. Отказавшись от морской экспансии, Китай передал инициативу в другие руки. Наиболее показателен пример архипелага Рюкю, где на Окинаве в начале XV в. один из враждующих кланов сумел объединить весь остров, создав государство, признавшее суверенитет Китая. Природные условия на Окинаве были не слишком благоприятны для хозяйства: частые тайфуны разрушали ирригационные сооружения рисовых полей, не было полезных ископаемых, за исключением серы, изобиловавшей в кратерах вулканов.

Лояльность по отношению к Срединной империи делала Окинаву ее импортирующей и даже «офшором» в условиях «морского запрета». Купцы с Окинавского архипелага допускались в китайские порты, на острове обосновались китайские купцы, торговавшие под видом рюкюсцев. Китайцы помогали спускать на воду джонки, ходившие на юг за пряностями, сандаловым деревом, слоновьей костью, везя туда шелк и фарфор. Вскоре купцы королевства Рюкю оценили и выгоды торговли в северном направлении – в Китае пользовались спросом японские мечи и медь, корейские хлопковые ткани. С середины XV в. окинавские купцы выстроили торговый «треугольник»: Юг (Аннам, Сиам, Ява, Суматра, Бирма), Китай и Север (Япония и Корея). Прибыли торговых операций доходили до 1000%. Это был «золотой век» Окинавского архипелага, в ее порту Наха можно было встретить не только местные суда каботажного флота, но и китайские, японские и малайские джонки с международными экипажами. Китайцы (управляющие, казначеи, шкиперы кораблей) жили в отдельных кварталах, японцы же расселялись по всему городу, но имели собственные буддистские и синтоистские храмы с японскими священниками.

Однако правители Окинавского архипелага слишком надеялись на покровительство Китая, не заботясь о военном усилении страны. Жителей Рюкю начали теснить китайские пираты, все смелее по мере дряхления китайского государства нарушавшие «морские запреты», и японцы, осознавшие выгоды морской торговли. Когда в регионе укоренятся португальцы, Окинава вступит в полосу бедствий, закончившихся японским завоеванием в XVII в.

На другом конце Восточно-Китайского моря («дальневосточного Средиземноморья») иной пример развития демонстрировала Корея. Династии Ли удалось справиться с тяжелейшими испытаниями: набегами чжурчженей и грабительскими рейдами японских пиратов. Экспедиции корейского флота на Цусиму убедили местных пиратов в том, что им выгоднее стать купцами. Военные успехи во многом основывались на применении огнестрельного оружия, в особенности «огненных повозок» (*хванчха*), производивших единовременный залп боевыми ракетами. Корейцам удалось нормализовать отношения с новой династией Мин, признав вассалитет по отношению к Китаю, облегчавший торговые связи.

Конфискации имущества знати и буддистских монастырей помогли перераспределить земли в пользу *янбанов*, которые были одновременно и чиновниками, и помещиками, получавшими образование конфуцианского толка для экзамена на чин. Обновленный государственный аппарат дал возможность составить новые кадастры и создать стабильные политические институты, которым суждено будет пережить века. Конфуцианская модель социальной организации способствовала подъему культуры – для желающих сдать

экзамены на чин в столице в изобилии находились частные и государственные школы. Спрос на литературу вел к развитию книжного дела. С начала XV в. корейские печатники переходят от ксилографии к металлическим наборным шрифтам. Ученые, созданные Седжоном Великим, к 1443 г. разработали новую систему фонематического письма (*хангыль*), приспособленную для корейского языка и несравненно более легкую, чем традиционная *ханча* (письменность, основанная на китайских иероглифах). Реформа письма открывала путь к грамотности широким слоям населения.

Ориентация на китайские образцы диктовала константы социально-политического устройства. Гражданские должности считались престижнее военных. Ремесленники были объединены в «цехи» (*ке*), обязанные большую часть времени работать на казну. Купцы рассматривались как наименее уважаемая группа. Главной целью была стабильность сельского населения. Крестьяне для несения денежной и трудовой повинности объединялись в общины-пятидворки, связанные круговой порукой; им запрещалось покидать деревни без специальных пропусков. Но эти меры не могли остановить текучести населения: разорившиеся крестьяне становились коробейниками, уходили в город или добровольно отдавали себя в рабство. Некоторые, впрочем, делали это из расчета: встречались рабы (*ноби*), имевшие состояния и сами владевшие рабами, но не платившие налогов.

Если при всей специфике Корея ориентировалась на Китай (корейцы называли свою страну «маленькой Поднебесной»), то Япония шла иным путем. Отсутствие внешней угрозы снимало необходимость в сильном государстве, периоды децентрализации не вели к фатальным последствиям, но могли оказаться благоприятными для развития хозяйства и культуры. Это и наблюдалось в XV в., когда сёгунат Асикага пытался укрепить центральную власть, но чаще отступал под натиском местных губернаторов-*сюго*.

В начале XV в. сёгуны старались наладить отношения с династией Мин. Прибытие посольств ко двору императора расценивалось как признание китайского суверенитета (это вызвало недовольство в Японии). Но японским кораблям разрешался доступ в порты Срединной империи, а доходы от внешней торговли были необходимы для борьбы с непокорными князьями.

Города Сакаи и Хаката, игравшие главную роль в заморской торговле, сравнивают с «вольными городами» Запада, настолько сильно было местное самоуправление. Рост числа сделок и их усложнение вели к появлению бумаг, аналогичных векселям и чекам. Развивалась кредитная сфера. Когда сёгун Ёсимицу попытался обложить налогом доходы ростовщиков и менял, то только в Киото оказалось свыше 350 таких контор. Купцы, ростовщики, менялы, производители сакэ и монахи, управляющие хозяйством своих общин, собирали солидные состояния. Их ненавидело обремененное долгами население, но сами они вели экономную жизнь, не гонясь за роскошью. Многие входили в секту Лотоса, с ее позитивным отношением к накоплению богатств. Скромность в сочетании с достатком развивала хороший вкус, элегантность, умение ценить неброское, но подлинное искусство.

Придворные и монастыри покровительствовали ремеслам, торговле и ростовщичеству. Чаще других под опеку магнатов и монастырей попадали гильдии, связанные с транспортировкой товаров: возчики, коробейники, бурлаки, купцы, ведущие дальнюю торговлю. Доходы с торговых пошлин

были более выгодны и менее хлопотны, чем попытки увеличить поборы с крестьян, не раз уже отвечавших на это восстаниями. Часто монастыри выступали как ссудные кассы и ломбарды. Объединение в гильдии под эгидой «сеньора» было выгодно самим купцам и ремесленникам, получавшим от него помощь в обеспечении своих монопольных прав и в освобождении от налогообложения. Так, например, буддистский храм Кофуку-дзи в Наре контролировал 90 таких гильдий. Несмотря на начавшуюся со второй половины XV в. «эпоху воюющих провинций», в Японии продолжался экономический рост и культурный подъем, достигший апогея в эпоху Эдо.

Итак, во всем регионе наблюдалось развитие денежной экономики, стимулированное морской торговлей и, в свою очередь, поощрявшее ее. Хотя центральная власть могла поддерживать подобный рост в силу конфуцианской модели бюрократического государства (этатизм), она начинала сдерживать или даже блокировать развитие, как только осознавала, что новые процессы таят в себе угрозу для существующего порядка. Перемены были очевиднее там, где по каким-то причинам воздействие государства ослабло в отсутствие внешней угрозы.

ЮГ. НОВЫЕ РУБЕЖИ ИСЛАМА

XV столетие – время быстрого распространения ислама. Лишь иногда дело сводилось к прямому завоеванию мусульманами земли иноверцев, понимаемой как «территория войны» (*дар-ал-харб*). Чаще ислам шел иными путями, как в африканском Сахеле. Мусульманские купцы, занятые в транс-сахарской торговле, и проповедники селились в городах, занимая отдельные кварталы, мало общаясь с местными жителями. Правители быстро осознавали, что новая вера может укрепить их власть. Приняв ислам и реорганизовав общество, они придавали старым конфликтам характер *газавата* и воевали с соседями успешнее прежнего. Те либо покорялись, либо переходили в ислам, либо сопротивлялись, отвергнув новую веру, но это достигалось путем существенных изменений конфессиональной и административной основы. Так, к XV в. в Западной Африке народы хауса в основном приняли ислам, а племена моси (совр. Буркина-Фасо), не отказавшиеся от анимизма, создали воинские сообщества, которые настолько успешно противостояли мусульманам, что португальцы предположили в них воинов легендарного «царства пресвитера Иоанна».

Второй путь исламизации предполагал относительно мирную интеграцию мусульманских купцов в местные сообщества. Зона арабо-африканского синтеза тянулась вдоль Индийского океана от Африканского рога до современного Мозамбика. Пришельцы из Аравии и Персии (Шираза) смешивались с африканцами. В итоге образовалась «береговая» культура суахили (от арабского *сахель* – «берег»), основу которой составляли самоуправляющиеся города, ведущие торговлю с Южной Азией. К XV в. их насчитывалось около трех десятков, самым процветающим был Занзибар.

Оба варианта распространения ислама можно наблюдать и в Юго-Восточной Азии XV в., хотя первый путь был более характерен. К началу века гуджаратские купцы-мусульмане усилили свое присутствие на Суматре

и на Малаккском полуострове, обращая в новую веру местных контрагентов. Опираясь на мусульманских купцов, яванский принц Парамешвара принял ислам и встал во главе созданного им Малаккского султаната под именем Искандер-шаха. Ислам способствовал укреплению власти султана, что привело к быстрому территориальному росту Малаккского султаната. Вскоре малайские купцы и проповедники распространили ислам на Суматре, Борнео, Молуккских островах, южных Филиппинах и на юге современной Камбоджи. Культура, основанная на индийском влиянии, отступала под натиском малайско-мусульманской культуры, предлагавшей малайский язык как средство межэтнического общения.

Произошла бы полная исламизация всего этого региона, если бы в XVI в. сюда не пришли европейцы? На пути ислама здесь встречались общины китайских колонистов, с которыми конфессиональных конфликтов не возникало, возможно потому, что среди выходцев из Поднебесной было немало *хуэйцзу* – китайских мусульман (вспомним, что мореплаватель Чжэн Хэ и его спутники были приверженцами ислама). Однако конфуцианская государственная традиция представляла собой действенную альтернативу политической исламизации. Традиционно сильным было конфуцианское наследие на севере Вьетнама, и Дайвьет укрепил свое влияние в регионе. Ле Лой, восстановивший независимость страны от династии Мин, осуществил преобразования, вполне созвучные китайскому образцу государственности. Весьма успешное государство Аютия придерживалось скорее буддистской, чем конфуцианской традиции (оно было основано тайцами, которые бежали из Наньчао, завоеванного монголами, а затем династией Мин). Но за века соседства с Поднебесной тайцы впитали китайские политические традиции. Аютию отличала значительная обезличенность в отношениях между бюрократией и подданными, что делало власть устойчивой.

Некоторое время растущей мощи мусульман противостояла империя Маджапахит, господствующая на Яве и других островах Индонезии. Местные махараджи пытались консолидировать общество, способствуя индуистско-буддийскому симбиозу. «Шива и Будда различны, но едины» – гласил «девиз» этой империи, сохранившийся в гербе современной Индонезии, полностью мусульманской.

В Индии в XIV–XV вв. расширению исламских государств сопротивлялась империя Виджаянагар, контролировавшая большинство земель, населенных дравидийскими народами. Внешняя угроза – со стороны Делийского султаната, а затем государства Бахманидов – способствовала консолидации земель Юга, и правители последней индуистской империи многое заимствовали у северных противников, пытаясь утвердить систему служилых наделов, создать своеобразное фискально-бюрократическое устройство. Доходы от морской торговли через Гоа позволяли Виджаянагару закупать арабских скакунов для кавалерии и держать наемные войска. До XVI в. северяне не считали войны с Виджаянагаром священными. В войсках императоров служило немало мусульман.

Бахманидские султаны отличались веротерпимостью, ведь на подконтрольной им территории на плоскогорье Декан мусульмане составляли меньшинство. Не желая ссориться с вассальными раджами, султаны не взимали *джизью* – налог с «неверных». Вместе с тем, ведя происхождение от

иранских шиитов, бахманиды поощряли переселение персов. Это вызвало соперничество между местными мусульманами *декани* и чужеземцами *афаки*. Одним из афаки был Махмуд Гаван, персидский купец, ставший визирем и носивший титул «господина купцов». При нем могущество султаната достигло апогея: был захвачен порт Гоа, султанат занимал территорию от Малабарского до Коромандельского берега, правители попытались добиться эффективности системы военных держаний. Визирь пал жертвой интриг декани. Султанат лишился своих завоеваний.

Гуджаратские султаны боролись с независимыми кланами воинов-раджпутов. Иногда они побеждали и брали неприступные раджпутские замки, но не проводили насильственную исламизацию, предоставив значительную свободу раджпутским вотчинникам-*заминдарам*. Благодаря этому султаны получали значительные доходы от торговли и ремесла, позволявшие им до середины XVI в. сохранять независимость. Гуджаратский султанат был не только центром торговли в Индийском океане, но становился и «мастерской Индии». Многочисленные ремесленники и крестьяне-надомники изготавливали ситцы и шелковые ткани, расходившиеся по миру.

Делийский султанат как «страна плохих мусульман» был разбит Тимуром. Сами же делийские султаны гордились тем, что им удалось сохранить ислам в чистоте и добиться успехов в его распространении. Однако попытки обратить всех подданных в мусульманскую веру встречали сопротивление индуистского большинства. Султаны рисковали потерять власть, проиграв более толерантным соперникам.

В политике и в культуре государств Индии шел синтез мусульманских и индийских традиций. В Южной Индии, в Керале, мусульмане в большей степени были связаны с Аравийским полуостровом, в Гуджарате и на Декане – с Персией, в Северной Индии – с афганскими и тюркскими государствами с их сильными кочевыми традициями и «жестким» вариантом распространения ислама. Ислам в Индии настолько видоизменился, что в общине правоверных (*умме*) проявлялась тенденция раздела на касты. Представители прочих вероучений находились между собой в сложных (иногда конфликтных) отношениях. Но XV в. с его политической раздробленностью, ввиду отсутствия гегемона, каким ранее был Делийский султанат, а позже будет империя Великих Моголов, принес Индии экономическое и культурное процветание. Правители состязались друг с другом в меценатстве и строительстве. Брахманы возводили и украшали храмы на территории мусульманских султанатов. В торговых городах Кералы развивались математические школы, добивавшиеся невиданной точности вычислений вплоть до дифференциальных уравнений.

Особенностью индийской культуры XV в. был поиск духовного синтеза. В Раджастане на основе вишнуизма и джайнизма сформировалась система взглядов бишноев, проповедовавших своеобразную «экологическую» религию, которая базировалась на тезисе родства человека с окружающей природой. В Гуджарате, Синде, Панджабе и Бенгалии в конце XV в. появились синкретические учения, такие как *сампантх* («истинный путь») или *бхакти* («любовь к Богу»). В них провозглашалось равенство людей перед Богом, отвергались нетерпимость и формализм традиционных учений, выражались сомнения в кастовом строе, в роли мулл и брахманов. Новые идеи были по-

рождением городской среды, откуда выходили учителя (*гуру*), творцы религиозных систем, почитаемых приверженцами разных конфессий. Так, могила ткача-поэта Кабира, учившего, что любовь и правда – не в святых местах, но в повседневных делах человека, стала местом паломничества и мусульман, и индуистов разных толков, а затем и сикхов. Основатель сикхской общины гуру Нанак в конце XV – начале XVI в. призывал прославлять Бога-Абсолюта, невидимого, бесконечного и недостижимого. Рассказывали, что, странствуя, Нанак заночевал в мечети, вытянув ноги в сторону Каабы. Возмущенному этим служителю Нанак ответил: «Ты думаешь, что если я сплю ногами к дому Бога, то проявляю непочтительность? Но попробуй повернуть их в ту сторону, где не обитал бы Бог...»

Интенсивность духовных исканий в Индии сопоставима с Реформацией в Европе. Помимо отрицания ритуализма и утверждения личной ответственности человека за свое спасение общей чертой был успех новых языков. Подобно тому значению, которое имел перевод псалмов Давида на vernacularные языки Европы, религиозно-философские песнопения индийских гуру творили литературный язык из диалектов Северной Индии – *гуджарати*, *панджаби*, *бенгали*.

Для региона в целом XV в. – время преобладания морских держав (талассократий) над сухопутными (теллурукратиями). Упадок Делийского султаната особенно очевиден на фоне успеха Гуджарата и Виджаянагара, ориентированных на морскую торговлю. В Юго-Восточной Азии примером талассократии является Малаккский султанат. В Африке процветают независимые города на побережье, которые можно сопоставить с политиями Малабарского берега. Доходы от торговли и выращивания пряностей помогали им сохранять независимость и во времена господства Великих Моголов.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК ПОД ТЮРКСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Одной из причин успеха талассократий Индийского океана в XV в. стал упадок сухопутного пути между Востоком и Западом Евразии. В землях «старого ислама» – от Нила и Адриатики до Сыр-Дарьи и Гиндукуша – царил хаос, но в нем можно разглядеть контуры рождающегося нового порядка. Основными соперниками, претендующими на лидерство, оказались наследники Тимура, тюркские конфедерации Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, турки-османы и султаны Египта. Эти политические образования при всем различии обладали по крайней мере двумя общими чертами: они были «военными ксенократиями», где власть принадлежала военной элите (в основном тюркского происхождения), отличавшейся по языку и культуре от основного населения; их правители претендовали на роль имамов – истинных борцов за веру, главенствующих над мусульманским миром: каждый из них хотя бы однажды отправлял в Мекку богато украшенный паланкин (*махмаль*), доставлявший раз в год покрывало черного шелка для священной Каабы.

На протяжении большей части XV в. эту роль играл султан Египта. Под его опекой находились главные мусульманские святыни – Мекка, Медина, Иерусалим, его гордо именовали «султаном ислама и мусульман». Для этого были основания. Султаны изгнали крестоносцев, остановили монгольское

нашествие, в XV в. завоевали христианский Кипр. Египетское войско комплектовалось из рабов – мамлюков. Молодых невольников привозили в Египет, где они принимали ислам и проходили подготовку, обучаясь джигитовке, стрельбе из лука, владению саблей. Иногда мамлюки получали свободу и могли заводить семью, но подлинной семьей они считали свою *хушдашийя* – однокашников-однополчан, спаянных рабским прошлым, тяготами учения и преданностью хозяину, который их купил, обучил и отпустил на волю. Хозяин, его дети, рабы и вольноотпущенники образовывали «дом», о котором мамлюку предписывалось заботиться больше, чем о собственной семье. Особенности этики мамлюков имели важные последствия – и военные (они с презрением относились к огнестрельному оружию, обесценивающему воинские достоинства), и социально-политические (уверенность в том, что славы достоин лишь прошедший рабство и военное обучение, означала, что дети мамлюков не шли по родительским стопам). Мамлюк мог стать султаном, но основать династию было сложнее. Европейский путешественник заметил, что в Египте султаном «не может стать никто, если он не был предварительно продан в рабство».

Такая система имела видимые преимущества: *икта́* (военные держания) оставались по-настоящему условными и возвращались к султану по смерти иктадара, а поскольку дети мамлюков не становились военными, казенный земельный фонд не переходил в частные руки. Но и издержки системы были немалыми. Иктадары не вкладывали средства в земли, которые находились во временном пользовании, но старались выжать из крестьян-феллахов как можно больше, добиваясь их прикрепления к земле. Рост поборов и прямые грабежи вызывали восстания феллахов и бедуинов, подавляемые с величайшей жестокостью. Новый султан не доверял людям из «дома» своего предшественника, стремился заменить их своими ставленниками, и в этом крылась причина постоянных заговоров и смут. Огромные доходы от транзитной торговли поглощались расходами на пополнение корпуса мамлюков. Закупка рабов не уменьшалась даже в отсутствие войн, поскольку и султан, и его эмиры хотели усилить свои «дома». До второй половины XIV в. рабами становились в основном турки из кыпчакских степей. Но по мере исламизации этих краев приток рабов сокращался, ведь мусульмане не могли поработать единоверцев. Мамлюками были *руми* (греки, венгры, славяне), христиане Закавказья, но больше всего ценились *джаркис* – черкесы (так обозначали жителей Северного Кавказа, как христиан, так и язычников). С началом правления черкесских султанов (1382) *джаркис* монополизировали важные должности. Но тюркский язык оставался средством общения мамлюков.

Летописцы склонны были противопоставлять «хороший» тюркский период «плохому» черкесскому, когда все важные должности доставались лишь землякам султанов и эмиров. Многие под видом рабов вывозили с Кавказа своих родственников, порой уже взрослых, вопреки этике мамлюков и принципам военной меритократии. Пережив нашествие Тимура на Сирию, султаны уже не вели больших войн. Служба мамлюков делалась все привлекательнее, а их притязания все возрастали. Бурное развитие товарно-денежных отношений вело к эрозии ценностей мамлюкского корпуса.

Султаны, эмиры и простые иктадары охотно дарили земли мечетям, медресе и общинам дервишей, способствуя росту числа вакуфных земель. *Вакф*

(имущество, предназначенное на благотворительные цели) не облагался налогом и не подлежал конфискации. Но дарители и их потомки сохраняли права на получение части доходов с таких земель; мамлюки обеспечивали так будущее своих детей. Вакуфные земли становились «островками процветания», поскольку свобода от обложения и гарантии стабильности способствовали агротехническим улучшениям.

Поскольку ни с икта, ни с вакфа не собирались налоги, главным источником пополнения казны служила торговля. Султаны взвинчивали пошлины, вводили монополии. Купцов, не желавших торговать по этим тарифам, бросали в тюрьму. Стремясь максимально контролировать доходы египетских купцов, султаны запрещали им покидать страну, передав дальнюю торговлю в руки иностранцев. Была введена монополия на сахар, на султанских плантациях сахарного тростника в Гизе работали чернокожие невольники. Рабы-ремесленники трудились и в султанских мастерских.

Султаны и эмиры, занятые борьбой за власть и дележом прибылей, не могли поддерживать дисциплину в мамлюкской армии. Египет не оснастил армию огнестрельным оружием, не обзавелся сильным флотом. Притязая на роль покровителей ислама, султаны не помогли единоверцам на Пиренеях, не препятствовали утверждению шиитов в Иране. Появление португальцев на Красном море подорвало и экономику, и престиж султана. Османских завоевателей население Египта приветствовало как освободителей.

Если мамлюки гордились тем, что были людьми «без роду и племени», чагатайская военная элита ценила свои генеалогии. Тимур, чья слава не знала себе равных от Атлантики до Тихого океана, не решился узурпировать ханский титул, так как законными ханами могли считаться только чингизиды, по отношению к которым он был лишь зятем. Его потомки стали именоваться тимуридами. Впрочем, в исторических сочинениях XV в. их уже считали настоящими чингизидами. Еще одним «спрямлением» истории было убеждение в единстве тюрков и монголов. Тюрки воспринимались единственными наследниками Чингисхана, но и завоевания тюрков-сельджуков «присваивались» тимуридами. Последний из среднеазиатских тимуридов, ставший основателем династии Великих Моголов, в своем жизнеописании «Бабур-намэ» заявил, что страна, когда-либо находившаяся во власти одного из тюркских племен, по праву принадлежит тюркскому народу. Вот почему Тимур, когда-то сказавший, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей», действовал своеобразно. Разрушив Делийский султанат, он не стал углубляться в богатую Индию. Разгромив Баязида, не добил Византию и не двинулся на Европу. Изгнав мамлюков из Сирии, не пошел в Египет. Видимо, под «населенной частью мира» Тимур полагал лишь мир, подвластный тюркам (причисляя к нему и Китай), здесь он и устранял соперников.

Тимур использовал и идею джихада: упрекал соперников в терпимости к неверным, был беспощаден к несторианам, порой, взяв город штурмом, вырезал иноверцев, сохраняя жизнь мусульманам. Он чтит мусульманский закон выше Ясы Чингисхана, построил великолепные мечети в Самарканде. Его сын Шахрух снаряжал пышный махмаль в Мекку, а внук Улугбек погиб во время хаджа. Под влиянием суфизма находился и праправнук Тимура, правитель Герата и поэт-мистик Хуссейн Байкара, который возвел «Голубую

мечеть» Мазари-Шариф на месте новообретенной могилы праведного халифа Али, превратив Хорасан в центр паломничества.

Ни Тимур, ни его потомки не хотели, да и не могли отказаться от кочевых традиций, а эти традиции плохо совмещались с исламом. С точки зрения правоверных мусульман, кочевники отводили женщинам слишком высокую роль, на пирах ханов вино лилось рекой, в войске поддерживались традиции шаманизма. Сколь ни почитали тимуриды Мекку, их основные помыслы были устремлены в кыпчакские степи, где наследники Чингисхана мерились силами на пространстве от Алтая до Волги. Биография тимурида включала в себя *казаклик* – обязательный период странствий в Степи, период войн и разбоя. Даже утонченный поэт Хуссейн Байкара участвовал в борьбе между наследниками Золотой Орды. Кочевники настороженно относились к городской культуре покоренного населения. «В городе даже турецкая собака лает по-персидски», – гласила тюркская пословица, предостерегавшая от утраты кочевой удачи. Тимур, наставляя своего наместника в Западном Иране, велел опасаться не султана Ахмеда из рода монголов, которого «таджики сделали своим», а «Кара-Юсуфа, ибо он туркмен», настоящий кочевник.

Ираноязычное население не менее враждебно относилось к тюркской власти. Сопротивление носило в основном религиозный характер. Большое распространение получило движение махдизма, шиитских орденов, ожидавших прихода 12-го имама. Тайные общества *сарбадаров* («висельников»), провозглашая восстановление истинных исламских порядков, выступали против грабежей и неканоничных поборов и могли временно контролировать целые области. Одно из таких «государств» просуществовало в Хорасане более 40 лет. Тимур в борьбе с соперниками вступил в союз с сарбадарами Самарканда, но истреблял их в Иране.

На территории Мавераннахра Тимур установил тесный союз с местными горожанами, из их среды формировались вспомогательные отряды пеших воинов, брались кадры для управленческого аппарата. Постоянные войны были необходимы хотя бы для того, чтобы воины-кочевники не грабили свое население, довольствуясь добычей. При этом целью походов Тимура было и восстановление контроля над Великим шелковым путем на максимальной его протяженности. Для этого он устранял конкурентов (был ослаблен Хорезм), стремился блокировать альтернативные маршруты (прежде всего северный путь через кыпчакскую степь до итальянских факторий на Черном море).

Создать прочную континентальную державу тимуридам не удалось. В течение века они удерживали под своей властью лишь Мавераннахр и Хорасан. Военные держания быстро превращались в наследственные владения, пользующиеся правами иммунитета (*тарханы*). Но в оазисах Хорасана и некоторых областях Мавераннахра удавалось организовать более стабильное налогообложение.

Происходил и культурный синтез. Неформальным влиянием на тимуридов пользовался суфийский орден (*тарикат*) Накшбанди с центром в Бухаре. В Герате соученик Байкары по медресе поэт Алишер Навои, став визирем, способствовал превращению Герата в столицу «тимуридского ренессанса», привлекая лучших поэтов, художников, каллиграфов и архитекторов. В поэмах, составленных не только на фарси, но и на чагатайском языке, Навои

выражал суфийские идеи, пытаясь обосновать достоинство тюркского языка как языка культуры.

Как бы далеко ни зашло развитие исламской культуры, тимуриды оставались верны тюркской политической концепции. Страна считалась коллективной собственностью ханского рода, и каждая смена власти сопровождалась междоусобицами. Такие войны в начале XVI в. привели к тому, что Мавераннахр был завоеван кочевниками-узбеками Шейбани-хана. Попытки молодого хана Ферганы, Бабура, отвоевать Самарканд не увенчались успехом, и он вынужден был покинуть родные места. В 1506 г. после смерти Хуссейна Байкары узбеки завоевали и Герат.

Было ли это проявлением «закона Ибн Халдуна», согласно которому варвары-завоеватели, бедные, но обладающие *асабией* (воинской сплоченностью и способностью жертвовать собой ради общей цели), завоевав богатую страну, привыкнув к роскоши, теряют боевые качества, заботясь лишь о своем благе, притесняя народ, пока не приходят новые варвары-завоеватели? «Почти сто сорок лет столичный город Самарканд принадлежал нашему дому, неизвестно откуда взявшийся чужак и враг пришел и захватил его!» – сокрушался Бабур, подтверждая, казалось бы, теорию Ибн Халдуна. Но чингизид Шейбани-хан, поэт мистического толка, утонченный книжник, не был неизвестным чужаком. В Мавераннахре он сразу приступил к строительству новых медресе, а его двор стал прибежищем суннитских ученых, бежавших из Ирана, захваченного шиитами. Защита суннизма стала прочной базой нового государства. И когда Бабур, получив помощь сефевидов, попытался отвоевать страну, против него поднялся народ, не желавший попасть под власть «еретиков». А сам Бабур, воспитанный в придворной роскоши, не походил на изнеженного аристократа. С горсткой воинов он сумел завоевать Афганистан и Северную Индию. Обращаясь к историческому опыту тимуридов, он заложил основы невиданного ранее государства, прекрасно организованного, с высоким уровнем веротерпимости, поощрявшего искусство, реагирующего на вызовы товарно-денежных отношений. В этом смысле опыт тимуридов не пропал даром.

Согласно китайской поговорке, «у варваров не бывает удачи, которая длилась бы сто лет». Ибн Халдун говорил о 90-летних циклах. Государственные образования тюрков в Западном Иране были менее долговечны. Конфедерации тюркских племен, обитавших в Восточной Анатолии и Северном Ираке: союзы Кара-Коюнлу («Черный баран») и Ак-Коюнлу («Белый баран»), названные так по изображениям на своих знаменах, заполнили вакуум власти, образовавшейся после нашествия Тимура. Сам Тимур высоко оценивал вождя Кара-Коюнлу Кара-Юсуфа и его воинов. С воинами Тимура их роднило тюркское происхождение, полукочевой образ жизни, схожие мир ценностей и система родства. Но в отличие от чагатайцев их предки-огузы давно оторвались от кочевой прародины, у них было меньше людских ресурсов, что заставляло постоянно искать союзников и покровителей в лице то египетского султана, то османов, то тимуридов. Долгий исторический опыт выработал умение налаживать сотрудничество с иранцами, арабами, курдами и христианами.

Кара-Юсуф объединил под своей властью территорию Ирака, Западного Ирана, Армении, сделав столицей Тебриз. Его сыну Джахан-шаху за годы

Туркмен Ак-Коюнлу. Миниатюра конца XV в. Музей Дворца Топкапы, Стамбул

долгого правления (1431–1467) удалось создать государство внушительных размеров, от Шираза до Грузии, и договориться с тимуридами о разделе Ирана, оставив пустыню Деште-Кевир нейтральной территорией. В отличие от своего отца, «настоящего тюрка», Джахан-шах был покровителем искусств (красотой мечетей и медресе Тебриз соперничал с Самаркандом) и писал стихи, в которых ощущалось влияние хуруфитов, секты, искавшей мистический смысл в символике букв и чисел Корана (что не помешало ему казнить 500 хуруфитов в Тебризе). В последние годы жизни он столкнулся с мятежами сыновей, один из которых заручился поддержкой союза Ак-Коюнлу, в результате захватившего власть.

Правитель Ак-Коюнлу Узун-Хасан занял Тебриз и присоединил к землям своего предшественника верховья Тигра и часть Восточной Анатолии. Он присвоил титул султана и неоднократно отправлял махмаль в Мекку с караваном иракских паломников. Объявив себя борцом за веру, Узун-Хасан вел войны с Грузией, что не мешало ему поддерживать Трапезундскую империю, пока она не была завоевана османами. Осознав опасность со стороны победоносного Мехмеда II, Узун-Хасан пытался создать широкую антиосманскую коалицию, в которую вошла Венеция, Венгрия, Кипр и другие государства Запада. Вел он переговоры и с Иваном III. Европейские послы Тебриза, куда стекались послы и товары из самых далеких стран; султан индийского государства Бахманидов даже направил ему жирафа. Мудрость

Узун-Хасана отмечал гератский поэт-суфий Джами, посвятивший ему поэму «Саламан и Абсаль», где, впрочем, предупреждал султана о губительности пьянства для разума. Верный тюркским дружинным традициям Узун-Хасан от вина отказаться не мог, но разум ему не изменял. Испытав на себе огневую мощь османской армии, он стремился при помощи венецианцев запастись огнестрельным оружием; убедившись в эффективности османского управления, подражая Мехмеду II, издал «Книгу законов» (*Канун-намэ*), где установил максимальные размеры налогов и тарифов. Оценив прочность турецкой системы военных держаний, он затевает подготовку кадастра, чтобы вернуть казне доходы и обеспечить несение службы с военных наделов. Так правители Ак-Коюнлу пытались лишить льгот многие тарханы и вакуфные земли, что вызывало недовольство тюркской знати – беков, инициировавших дворцовые перевороты.

Султаны все больше опирались на элиты иранского происхождения, занимавшие гражданские должности. Желая заручиться поддержкой народа в борьбе с тюркской знатью, султан Ахмед попытался отменить все повинности и подати кроме тех, что предписаны шариатом, как это не раз декларировали османские султаны, и за что боролись иранские сарбадары. В ответ беки подняли мятеж, султан Ахмед был убит, а его указы отменены. Разобщенность гражданской и военной элит, неизбежные смуты при смене власти мешали формированию государства, способного ответить на новые вызовы. С востока угрожали новые хозяева Средней Азии – узбеки, с запада надвигалась мощь Османской империи. Ирану нужна была эффективная власть, сплоченное население и дисциплинированное войско. Этого ни Кара-Коюнлу, ни Ак-Коюнлу дать не могли.

Выход был найден орденом Сефевидов. Суфийско-дервишские ордена основывались на фанатичной преданности учеников-мюридов своему шейху. Особенностью ордена последователей шейха Сефи ад-Дина было то, что среди его мюридов оказались тюркские племена Южного Азербайджана, недовольные притязаниями Ак-Коюнлу. В знак верности ордену мюриды наносили на белую чалму 12 красных полос в честь 12 шиитских имамов, поэтому их называли *кызылбаши* («красноголовые»). Железная дисциплина мюридов в сочетании с воинской удалью кочевников и поддержкой населения превратили орден в грозную силу. Молодой 14-летний шейх Исмаил захватил Ширван на севере Азербайджана, затем занял столичный Тебриз. Апеллируя к иранской традиции, Исмаил принял титул шахиншаха, хотя его родным языком был тюркский (на этом языке он писал стихи). Вскоре он завоевал большую часть Ирана, вступив в борьбу с Шейбани-ханом. Завоеватель-чингизид послал шахиншаху суму и посох дервиша, издеваясь над его низким происхождением. Но в битве под Мервом (1510) Шейбани-хан потерпел поражение и был убит. Кызылбаши захватили Хорасан, параллельно воюя с османами за Восточную Анатолию и Сирию, где султан Селим вырезал 10 тысяч шиитов. В Чалдыранской битве 1514 г. османская артиллерия разгромила конницу кызылбашей. Исмаилу удалось прочно укрепиться в шиитском Иране и остановить османское продвижение.

Османское государство в XV в. проделало блестящий путь. После удара, нанесенного Тимуром, османы оказались вытеснены на Балканы и отрезаны от «этнического резервуара» тюрок-кочевников в Восточной Анатолии.

«Турками» теперь все больше становились местные жители. Это диктовало особое отношение к покоренному населению. Завоевывая очередную страну, османы создавали социальную опору, отменяя непосильные налоги и повинности, ограничивая права местной элиты. Служба султану была привлекательной для всех слоев населения вне зависимости от происхождения и веры. Возможности, открывавшиеся перед мусульманами, гарантировали такой приток желающих принять ислам и «стать турками», что власти даже опасались, как бы казна не лишилась дохода от *джизьи*, налога на «неверных». Необходимость управлять областями, где мусульмане не являлись большинством, заставляла султанов декларировать принципы некоторой веротерпимости. Их значение не следует преувеличивать, тем не менее, к османам часто бежали иноверцы. В конце XV – XVI в. сильной была эмиграция иудеев и маранов из Испании, позднее турки оказывали покровительство протестантам и русским старообрядцам.

Султаны многое заимствовали у Византии, в частности практику регулярной ревизии военных держаний – *тимаров*. Попытки султанов Ак-Коюнлу повторить этот опыт закончились плачевно, но правители Османской империи обладали достаточной политической волей и силой, чтобы обеспечить по-настоящему условный характер этого землевладения. Даже чиновники высокого ранга не обладали военными держаниями.

Корпус янычар, комплектуемый на основе *девширме* – принудительного набора христианских юношей в рабы султана, историки называют прообразом регулярной армии на основе рекрутского набора. Но сама идея профессиональной рабской армии навеяна воинской славой мамлюков. Однако в отличие от мамлюков янычары были «рабами дворца» (*капыкулу*), т.е. их хозяином являлся султан, а после его смерти их преданность переходила на сына, унаследовавшего престол. «Новое войско» пехотинцев, необходимое султану, чтобы уравновесить ополчение тимариотов и личные дружины беков, отличалось выучкой и оснащалось по последнему слову военной техники. Помимо контроля командиров строгая дисциплина поддерживалась правилами особого суфийского ордена, а постоянные войны служили гарантией от разложения. Османы оказались удивительно восприимчивы ко всем военным новшествам. Столкнувшись с армией Яноша Хуньяди, продемонстрировавшей эффективность «ручниц», турки через пару лет оснастили войска ручным огнестрельным оружием. Тогда же были взяты на заметку и чешские боевые повозки-таборы. Построив флот, турки бросили вызов лучшим мореходам Средиземноморья.

Как в Египте и в державе Тимура, смысл существования Османского государства заключался в обеспечении военной машины. Тимариоты несли службу, чтобы получить добычу и предоставить султану земли для новых тимаров. Турецкая внешняя политика была вполне последовательна и оправдана в глазах мусульманского мира. Завоевания султана не выглядели своекорыстной борьбой за контроль над торговыми путями, подобно политике египетского султана, Венеции или Генуи. Доходы от торговли обогащали султанскую казну, но не являлись ее главным источником. Купцы считались ненадежными людьми, более всего пекущимися о собственной выгоде. То, что дальнюю торговлю турки в конце концов отдали иноземным купцам, будет иметь серьезные последствия. Османы строили не торговые, а военные

корабли. Они оказали поддержку египетскому султану, восстанавливавшему флот для борьбы с португальцами. И только предательская политика мамлюков, явно дожидавшихся исхода борьбы турок с сефевидами, настроила османов на решительную борьбу с Египтом, который был завоеван в 1517 г. Тогда же султан Селим Явуз провозгласил себя 88-м халифом – духовным лидером всех мусульман-суннитов. Следующие четыре столетия султаны будут владеть этим титулом.

Раннее Новое время принесло нечто неслыханно новое на «внутренние» земли ислама (*Дар-ал-Ислам*). Пережив сумбурный XV в., регион «старого» ислама адаптировался к тюркскому фактору и вступил в период консолидации и стабильности. Мавераннахр останется под властью узбеков на века, «антимир» шиитской Персии обретет устойчивую цивилизационную идентичность. Османская империя, синтезировав опыт тюркских государств и Византии, встанет во главе мусульманского мира. Отлаженная военная машина, новейшая военная техника, сильное государство, общество, максимально открытое для социальной динамики и при этом приспособленное к экспансии... сможет ли ей противопоставить что-либо Запад, до того времени стратегически проигрывавший османам все серьезные битвы?

СИЛА СЛАБОЙ ЕВРОПЫ

Несмотря на катастрофическую убыль населения в результате пандемий XIV–XV вв., латинская Европа была по сравнению с соседними регионами плотно заселена, уступая по численности населения лишь Китаю и Индии. Однако Запад менее чем когда-либо был способен к сплочению ради общей цели. Один за другим терпели неудачу крестовые походы против чешских таборитов. Напрасно призывал к крестовому походу против схизматиков-московитов магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг, чьим владениям угрожали войска Ивана III. Швейцарская конфедерация, отказавшись собирать деньги на войну с турками, что означало де-факто выход из Священной Римской империи, оставалась неуязвимой, громя посылавшиеся против нее рыцарские армии.

Стоит ли удивляться провалу крестовых походов против османов? Даже блестящие победы, одержанные Яношем Хуньяди, Георгием Скандербегом, Стефаном Великим или зловещим Владом Цепешем, оказывались лишь тактическими успехами, поражения же носили, как правило, стратегический характер. Постепенно Восточное Средиземноморье уходило из-под власти христиан. Остатки владений крестоносцев, осколки империи ромеев, герцогства бывшей Латинской Романии, земли, захваченные каталонскими или наваррскими наемниками, многочисленные фактории и колонии генуэзцев и венецианцев на Черном и Эгейском морях, – от всего этого к концу столетия почти ничего не осталось. Несколько лет продержится твердыня рыцарей-иоаннитов на Родосе, под упорядоченной властью Венецианской республики некоторое время простоит Кипр, еще дольше – Крит. Генуэзцы сохраняют владения на Хиосе, управляемые частной компанией пайщиков, которая, предвосхищая будущее, насаждала плантационную систему, обеспечивающую поставки драгоценной мастики.

Венецианцы и генуэзцы силой военного флота, дипломатическими комбинациями и подкупом добились от Порты сохранения некоторых торговых привилегий, но в целом Левант оказался потерян. Генуэзцы поняли это раньше, перенеся предпринимательскую активность в Западное Средиземноморье и Атлантику, где дела христиан шли лучше. Гранадский эмират, отрезанный от Африки после взятия португальцами Сеуты, был обречен. Арагонские и кастильские корабли громили пиратские базы Магриба и захватывали форпосты на африканском побережье. Арагонские короли мечтали о завоевании Магриба, но каталонские и генуэзские купцы противились этому – государство Хафситов было сильно, и дорогостоящая война могла нарушить сложившееся равновесие.

Но если на протяжении большей части XV в. Запад сохранял бесспорное морское превосходство, то к концу столетия с этой иллюзией пришлось распрощаться. В 1480 г. громадный турецкий флот доставил в Калабрию 18 тысяч воинов, которые взяли штурмом Отранто и учинили расправу над жителями. Только скоропостижная смерть султана Мехмеда II не дала туркам развить свой успех и двинуться на Рим. Спустя несколько лет турецкий флот под командованием Кемаль Рейса пришел на помощь гибнущему Гранадскому эмирату. Разорив порты Балеарских островов и Корсики, турки заняли Малагу, вывозя исламских и иудейских беженцев. Выйдя в Атлантику, Кемаль Рейс разграбил Канары. Тогда же туркам удалось захватить одного из спутников Колумба и получить достоверную информацию об открытиях в Новом Свете.

В предыдущем томе говорилось о том, что Европа, не имевшая настоящего грозного противника, не испытывала нужды в едином сильном государстве и могла себе позволить «роскошь феодализма». Теперь, когда такой противник появился, могло ли порожденное этой роскошью богатство помочь Европе выстоять? Ответ можно проиллюстрировать примером флота. Османы брали лучших корабелов, инженеров и опытных мореходов, но у них не было инфраструктуры для быстрой и вместе с тем постоянной мобилизации капитала. Европейцы же могли быстро купить новые корабли и набрать воинов, благо в наемниках недостатка не было. На Западе для этого имелись отработанные институты торговли и кредита: система морского страхования, привычные формы кооперации ресурсов (коммента, коллеганца, общество, компания), отлаженная банковская структура, институт «государственного (городского) долга», банки, вексельная система обращения, двойная бухгалтерия и многое другое, что складывалось веками и что нельзя было ввести ни султанским фирманом, ни княжеским указом. В результате корабли европейцев осуществляли внешнюю торговлю Египта, Туниса и Османской империи. Европейские купцы имели свои подворья (*фундуки*), в городах Леванта и Магриба, откуда при помощи местных контрагентов осваивали страну в собственных интересах.

Экономическая сила Европы была основана не только на расположении, благоприятном для морской торговли, но и на возможностях свободного обращения капиталов, подкрепленных гарантиями собственности. Политическая история Генуи изобиловала борьбой кланов, заговорами и мятежами, но генуэзский банк Сан-Джорджо оставался оплотом стабильности, управлял заморскими владениями и регулярно выплачивал доходы пайщикам. Макиа-

велли предрекал, что под власть банка попадет вся Генуя. Конечно, в Европе ситуация, когда купцы-банкиры управляли страной, была редкостью. Некоторые правители недолюбливали купцов, а кое-кто и вовсе был тираном, но если государь заходил слишком далеко в своих притязаниях на имущество подданных, особенно богатых, то он рисковал остаться без денег, а значит без солдат и, как следствие, без власти.

Даже сильнейшие из европейских правителей, как правило, не располагали большими фискальными возможностями. Учреждение новых налогов предполагало согласие сословий, что вело к длительному торгу. Верный доход давали пошлыны от экспортной торговли, и власти делали многое для поощрения производства и вывоза товаров, но «быстрые деньги» проще было взять у банкиров. С банкирами случались конфликты, хотя власти старались заглаживать последствия. Главный кредитор и казначей французского короля Карла VII Жак Кёр умер в изгнании, но Людовик XI возместил ущерб его семье. Так он показывал денежным людям, что в королевстве им ничего не угрожает. Надо отметить эффективность папской финансовой системы, обеспечивавшей бесперебойное поступление средств со всей Европы и ее тесную связь с развитием банковского дела. А Великая схизма и Соборное движение, создававшие альтернативные центры церковного управления, способствовали усложнению и совершенствованию системы клиринговых банков.

Денежное богатство все более легитимизировалось. Теологи и доктора канонического права ослабляли запреты на коммерческий процент. Юридическая защита имущественных прав укреплялась, на их страже находилось все большее число юристов, выходящих из стен факультетов права: только в XV в. было открыто три десятка новых университетов. Хотя о степени правовой защищенности человека в Европе того времени можно поспорить, но там оказалось возможным аккумулировать капиталы в одной семье на протяжении нескольких поколений. И в этом уникальность Запада, обеспеченная и правовой традицией, и фактом политического плюрализма в отсутствие единого сильного государства.

«Политической лабораторией Европы» называют Италию XV в., где соперничали несколько типов государственного устройства и несколько альтернативных путей консолидации страны. Но ведь то же относилось и ко всему Западу. В германском мире императорская власть (на которую по-прежнему возлагались надежды в деле объединения страны) сосуществовала с владениями князей, становившимися альтернативными очагами централизации. Особым случаем были орденские земли, большую роль играли союзы городов и земель: Ганза, Швабский союз, эльзасский Декаполис, союз шести лужицких городов, тирольское Трехградье и пр. «Мужицкую» альтернативу предлагала разраставшаяся швейцарская конфедерация, служившая привлекательной моделью власти для многих, например, для крестьянско-плебейских тайных обществ наподобие «Союза Башмака». В условиях пестроты политического устройства Запада из множества вариантов выбирались наиболее жизнестойкие.

Политическому многообразию соответствовало многообразие экономическое. Деньги «искали, где лучше», выбирая более удобную в данный момент область приложения. Если возникали трудности в кредитной сфере или

в дальней торговле, то капиталы вкладывались в производство, что было надежнее, или в землю, что было престижнее. С обмелением реки Звин порт Брюгге мог принимать все меньше кораблей, и полюс европейской торговли и кредита был перенесен в Антверпен; заиливание русла реки у Эг-Морта на Роне обеспечило успех соседнего Марселя. Ужесточение цеховых регламентов в городах побуждало купцов к переносу производства в сельскую местность или к освоению новых технологий, еще не охваченных корпоративной регламентацией. Техническая мысль изобиловала проектами, предвосхищавшими будущее (наподобие летательных аппаратов Леонардо да Винчи), но XV в. отнюдь не был эпохой непризнанных гениев. Европейские специалисты были востребованы правителями, в том числе и за пределами Западной Европы (достаточно взглянуть на Московский Кремль). Они обладали необычайно широким кругозором. Так, Георгий Агрикола перечислял, что должен знать горный мастер: помимо прикладного знания о породах, рудных жилах и растворах, необходимых для получения металлов, названы философия («естественная история»), медицина, астрономия, «наука измерений» и «наука чисел», архитектура, рисование («чтобы уметь изобразить модели машин»), юриспруденция, особенно горное право. Изобретения влекли за собой шлейф последующих изменений – от металлического чесального гребня, бумажных мельниц и сахароваренных заводов до валлонских доменных печей, использовавших коксующийся уголь, металлических наборных шрифтов и колесцового замка для аркебузы. Мотивы изобретений были разными. Иногда важно было экономить время, например при разгрузке кораблей в порту. Брунеллески за разработку кранов для пизанского порта получил монопольное право на доходы от их эксплуатации. Венецианская республика назначала солидные премии за аналогичные изобретения. Иногда требовалось удешевить процесс и обеспечить точность в работе – так мотивировали преимущества «ангельского искусства книжного тиснения». Но чаще всего изобретения призваны были обеспечить экономии рабочей силы.

В XV в. Европа вступила в состоянии острого демографического кризиса, вызванного пандемиями, и начала выходить из него лишь к концу столетия. Дороговизна рабочих рук имела важные последствия и для ремесла, и для сельского хозяйства. В городах власти пытались ограничить рост заработной платы и бороться с праздною «здоровых нищих». Крестьяне – держатели, арендаторы, поденщики – стремились улучшить свое положение, используя демографическую конъюнктуру. Сеньориальные доходы, напротив, снижались. В этих условиях феодальные землевладельцы иногда пытались усилить личную зависимость крестьян, заставив их больше трудиться или больше платить. Но это было чревато социальным взрывом и крестьянскими войнами. Где-то сеньоры пробовали компенсировать падение доходов участием в войнах и в борьбе феодальных клик за власть. Войны Бургиньонов и Арманьяков, Йорков и Ланкастеров были настолько типичными для XV в., что даже борьбу Василия Темного с Юрием Звенигородским советские историки называли «феодальной войной».

Перспективнее был переход к более рентабельным формам хозяйства, требующим меньших трудовых затрат. Отсюда распространение пастбищного скотоводства, разведение технических культур (вайды, хмеля, тутовника и т.д.), успехи пригородного огородничества. Конечно, речь шла лишь о

тенденции, и большинство крестьян по-прежнему выращивали рожь, ячмень и пшеницу (разве что больше чем раньше ориентируясь на рынок). Однако тенденция эта была выражена достаточно для того, чтобы по морю стали ввозить недостающее зерно из земель Центральной и Восточной Европы. В дальнейшем вывоз на Запад станет определять путь развития этих земель, где основными поставщиками товарного зерна окажутся помещики. Пока же XV в. можно называть «золотым веком европейского крестьянства». К востоку от Эльбы еще не успело развернуться «второе издание крепостничества», а к западу процесс огораживания общинных пастбищ только начался, каталонские крестьяне-ременсы уже добились свободы, повсюду промыслы и надомная работа давали крестьянам возможность дополнительного заработка.

Перед крестьянами не были закрыты пути социального возвышения. Сельский ткач Ганс Фуггер пришел в Аугсбург продавать свои ткани, да так и остался в городе. Женился, приобрел дом, открыл торговлю бумагой. Его дети занимались поставками сырья, закупаемого через Венецию для ткачей Аугсбурга и Ульма, его внуки в трудную минуту ссужали деньгами и нарядами императора Фридриха III и его сына Максимилиана, а правнук Ганса Фуггера, обретя гербы и дворянство, получил монополию на продажу серебра тирольских копеей. Владея множеством шахт по всей Германии, он стал богатейшим банкиром Европы, оплатившим избрание императором Карла V.

Писать общую историю Европы того времени – значит утверждать взаимоисключающие вещи. Распространение огнестрельного оружия и успехи сомкнутого строя швейцарцев подрывали позиции рыцарства. Но это был век наивысшего расцвета рыцарской культуры, великолепия турниров и утонченной геральдики. Новые рыцарские доспехи обеспечивали гибкость движений и защищали от пуля.

Справедливо много говорят об успехах централизованных государств, видя за этой силой будущее. Но ведь XV в. был еще и «эпохой уний», временем подъема «композиционных монархий». Могущество городских республик, вольных городов и городских союзов достигло апогея. Города (более эффективно, чем королевства) проводили социальную, экономическую и даже «экологическую» политику; хорошим примером является рачительное отношение Нюрнберга, центра металлургии, к своим лесным угодьям – лесам св. Зебальда и св. Лаврентия.

Все отмечают успехи ренессансного индивидуализма, накопление научных знаний, растущую секуляризацию общественного сознания, всеобщее недовольство церковью. Но это был также период религиозного подъема, духовных исканий, расцвета религиозных братств, создания новых орденов. Когда с негодованием пишут о беспрецедентных масштабах торговли реликвиями и индульгенциями, забывают о том, что без спроса не бывает предложения, и люди того времени остро нуждались как в реальном обладании святыми мощами, так и в гарантиях облегчения мук чистилища.

Эпоха Ренессанса и «осень Средневековья» – это не только взлет европейского искусства и духовных исканий, но и нарастание религиозной нетерпимости, «охота на ведьм», опустошительные войны, мятежи, жестокость, массовые фобии и суеверия. Тем не менее Запад демонстрировал удивительный запас прочности, гибкость и способность решать самые сложные задачи, не прибегая к политической консолидации.

Если Европа была столь сильна, то не являются ли утверждения о подвиге народов, заслонивших собой Запад от турок, не более чем удобным мифом национальной историографии – сербской, болгарской, румынской? Фактор времени был очень важен – и он работал не в пользу Османской империи. Армия Сулеймана Великолепного, осадившего Вену, была сильна как никогда. Но и противостоявшая ему Европа оказалась сильнее, чем век назад. Хотя она не стала единой: союзниками султана бывали и французский король, и венецианский дож, а Лютер писал: «Сражаться против турок – все равно, что выступать против Господа, который уготовил нам розги за грехи». Европа опиралась на богатство складывавшегося мирового рынка. Португальцы уже доставляли пряности и другие восточные товары в Европу, минуя Османскую империю, чем сокращали доходы последней и оттягивали ее морские силы на юг. Туркам приходилось воевать и на востоке, где европейцы пытались вооружить Сефевидов пушками. В Австрии Сулейман столкнулся с неплохой артиллерией и новыми видами вооружения (он с удивлением созерцал трофейные сплошные доспехи нового образца, не сковывавшие движений рыцаря). Действия дисциплинированной армии эрцгерцога также впечатлили султана. Но главным было то, что неумолимые законы денежной экономики, действие которых ускорялось влиянием Запада, уже начали подтачивать устой османского порядка.

Сквозь удивительную пестроту цивилизаций и хитросплетения исторических случайностей проступали процессы, имевшие схожий вектор. Попробуем назвать некоторые общие для XV в. тенденции:

- Это период бурного развития денежной экономики, особенно на Дальнем Востоке, в латинской Европе, регионах, омываемых Индийским океаном. Вероятно, это стало результатом действия механизмов, запущенных давно, но к XV в. многократно усиленных кумулятивным эффектом от начавшегося процесса складывания межрегиональных товарных связей.

- Становилась очевидной определяющая роль морской торговли, что вело к упадку традиционных сухопутных путей и, как следствие, к упадку стран, по которым проходили эти пути. Впрочем, зависимость и здесь была кольцевой – политические неурядицы давали обычно первый импульс к поиску обходных, главным образом морских, маршрутов.

- Процессы, порождаемые развитием денежной экономики, имели важные социальные последствия, воспринимаемые, как правило, с негодованием. Купцов, менял, ростовщиков ненавидели почти везде. Конечно, где-нибудь на Окинаве, на Малабарском побережье или в ганзейских городах дела могли обстоять иначе, но это были исключения, лишь подтверждавшие правило. Эквиваленты русской поговорки: «от трудов праведных не наживешь палат каменных», – звучали на многих языках. Разница заключалась в возможностях власти ограничивать, а то и вовсе блокировать социальные последствия развития товарно-денежных отношений.

К XV в. большинство регионов Мир-Системы были ослаблены пандемиями, которые иногда возвращались и в этом столетии. Сохранившиеся кадастры и налоговые описи (Китай, Египет, некоторые европейские страны) свидетельствуют о существенной убыли населения от эпидемий и войн и о постепенном восстановлении докризисного уровня во второй половине века. Рабочие руки были дороги. «Золотой век крестьянства» наступил не только

на Западе, но и на Руси и в Китае. Социальная мобильность была сравнительно высока. К тому же рента, взимаемая сеньорами, имела тенденцию к сокращению, что приводило крестьян к поиску иных доходов, зачастую связанных с развитием товарно-денежных отношений.

— Люди продолжали высоко ценить существующие каноны и традиции, доводя до совершенства методы комментирования священных авторитетов, и искали в древности, реальной или вымышленной, новые источники вдохновения. Но при этом охотно заимствовали чужое знание, особенно если речь шла об инновациях технического характера. Небывалая плотность различного рода изобретений и усовершенствований не могла не привести к переменам в социальной жизни, а затем и в мировоззрении. Происходила и очевидная демократизация знания, оно переставало быть монополизированным узкой группой высокоученых профессионалов.

Для большинства регионов Мир-Системы XV столетие стало эпохой интенсивных духовных исканий. Человек этой эпохи даже в доведенном до предела ритуализме, не говоря уже о мистических течениях, искал новые пути спасения, не довольствуясь прежними образцами. Одни пытались переосмыслить древнюю традицию с помощью новых знаний, другие стремились к синтезу различных религиозных и философских систем, третьи подчеркивали необходимость углубленного личного мистического опыта. Упование на поиски индивидуального духовного пути спасения ставило под вопрос необходимость посредников между человеком и Богом (или Абсолютом). Повсюду вспыхивали споры о пользе или вреде стяжания священнослужителями земных богатств. Нельзя напрямую связывать успехи денежной экономики с новыми культурными исканиями, но то, что духовными учителями становились главным образом выходцы из городских, торгово-ремесленных слоев по меньшей мере символично.

Духовные искания, новое отношение к знанию и культуре изменяли лингвистическую ситуацию за счет расцвета «народных» языков. Если в Корее *хангыль* теснит *ханча* при прямой поддержке Седжона Великого, то *байхуа* отвоевывал позиции у классического языка *вэньянь* скорее по недосмотру китайских властей. *Гуджарати*, *декани*, *бенгали*, да и *фарси*, как язык индийских парсов, укрепляли свои позиции, нарушая монополию древних языков на трактовку священных сюжетов. На тюркских языках трактовались литературные, исторические и религиозно-философские сюжеты, что доказывало их право на существование наряду с арабским и персидским языками. Позиции латыни в Европе оставались сильны, что не мешало подъему «народных» языков, на которые иногда переводили Священное Писание. Станным образом итогом беспокойного XV в. стала кристаллизация основных этнокультурных и этнополитических общностей, которые сохраняются до настоящего времени.

В XV столетии Европа была важным, но не доминирующим участником «концерта цивилизаций». Она обладала большим потенциалом развития, которое, по-видимому, обеспечивалось не только многообразием «точек роста», но и относительной слабостью сдерживающих этот рост факторов. До поры до времени это преимущество Европы остается не выявленным. Многие регионы Мир-Системы продолжают развиваться, и весьма динамично, без ощутимого воздействия импульсов, исходящих из латинской Европы. Еще один миг — и в следующем XVI в. ситуация радикально изменится.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ В КОНЦЕ XV – XVII ВЕКЕ

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ПОНЯТИЕ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Принципиально новый этап познания европейцами ранее неизвестного им мира за пределами Европы получил в географической и исторической науке название «Великие географические открытия». Так принято называть открытия новых земель и торговых путей, совершенные европейскими путешественниками с конца XV до середины XVII в. Являясь результатом развития средневековой Западной Европы, они не включают даже самые замечательные открытия, сделанные в это же время мореплавателями других регионов (Китая, Океании и т.д.). Более спорным в этом плане остается вопрос о масштабных русских открытиях в Сибири в конце XVI – середине XVII в. (подробнее см. в главе по истории России в XVII в.). Несмотря на определенное сходство с испанской Конкистой Америки, в целом действия русских землепроходцев имели иные предпосылки и результаты. Показательна судьба открытия Берингова пролива, отделяющего Азию от Северной Америки (Федот Попов и Семен Дежнев, 1648 г.). В допетровской России оно не было по достоинству оценено и востребовано, оказалось забыто и вновь совершено в XVIII в. экспедицией Витуса Беринга – на сей раз в очевидной связи с европейской традицией, но уже в совсем иную эпоху.

Понятие «географическое открытие» в его историческом контексте не сводится к первому посещению какой-либо территории тем, кто совершает открытие, но предполагает установление прочных и важных для обеих сторон контактов. В этом смысле открыли Америку не викинги, плававшие у берегов с рубежа X–XI вв., а Колумб, хоть он и был убежден, что открыл не новую часть света, а новый путь на Восток.

С конца XX в., в преддверии и в ходе празднования 500-летних юбилеев открытия Америки и морского пути в Индию, развернулась острая полемика об историческом смысле происходивших тогда событий и о применимости к ним понятия «открытие». Общественные деятели и ученые ряда стран Латинской Америки, Азии и Африки отказывались «праздновать начало своего угнетения» и отрицали термин «открытие», предлагая вместо этого говорить о «встрече культур» или уничтожении, «сокрытии» одной культуры другой. «Встреча культур» действительно имела место, но встретились они не на полпути между Европой и Америкой (или Европой и, к примеру, Индией): именно европейцы пришли в Америку и на Восток, чтобы через какое-то время, где раньше, где позже, начать диктовать свою волю. В целом, однако, эти споры сыграли важную роль, обогатив проблематику Великих географических открытий новыми подходами и аспектами.

Название «Великие географические открытия» условно, ведь поистине великие географические открытия делались во все периоды всемирной истории. Однако для него есть основания: ни до, ни после этого открытия новых земель и морских путей не совершались с такой интенсивностью и не имели такого значения для развития Европы и всего мира.

Хронологические рамки и периодизация Великих географических открытий остаются предметом дискуссий. Датировки начала этой эпохи колеблются от взятия португальцами Сеуты в 1415 г. до 1492 г. – года открытия Америки Колумбом. Для конечной даты расхождения оказываются значительно больше: либо середина XVI в. – рубеж, к которому уже были совершены самые значительные открытия (такой датировки придерживались преимущественно испанские и португальские ученые), либо середина XVII в. Однако все наиболее важные географические открытия той эпохи либо были сделаны в ходе поисков морских путей в страны Востока, либо стали следствиями таких поисков, составляя в этом смысле системное единство. И потому наиболее надежным критерием для уточнения времени начала и окончания Великих географических открытий может служить возникновение и развитие идеи поисков морских путей в страны Востока. Эта идея противоречила географическим представлениям античного ученого Клавдия Птолемея (II в.), который считал, что в южных широтах располагается большой материк, смыкающийся с Африкой и с Азией; тем, кто исходил из правоты Птолемея, приходилось признать, что морской путь в Индию даже теоретически невозможен. Тем не менее в последней трети XV в. мысль о том, что стран Востока можно достичь морским путем, получает в Европе все большее распространение, и сразу же начинаются попытки ее реализации. А в первой половине XVII в. для мореплавателей стало очевидно, что основные маршруты, ведущие в страны Востока, уже открыты, другие же, если и существуют, не имеют практического значения. Дальнейшие поиски прекращаются. Поэтому наиболее обоснованной датой начала Великих географических открытий, похоже, остается последняя треть XV в., а их конца – 40-е годы XVII в.; такие хронологические рамки приняты и в отечественной науке.

В первый период Великих географических открытий (примерно с 80-х годов XV в. до середины XVI в.), когда и были совершены наиболее важные путешествия, ведущую роль в них играли Испания и Португалия, хотя уже в это время на просторы Атлантики вышли Англия и Франция. Второй период (середина XVI – середина XVII в.) отмечен преобладанием сначала Англии, а с конца XVI в. – Голландии.

Почему, собственно, начались Великие географические открытия? Почему европейцы, тысячу лет довольствовавшиеся традиционными сухопутными дорогами, вдруг обращаются к поискам новых маршрутов – морских? Что изменилось по сравнению с предшествующими столетиями?

Изменилось не так уж мало. Рост городов и развитие товарно-денежных отношений требовали гораздо больше драгоценных металлов, чем могли предоставить имеющиеся в Европе месторождения. К тому же на протяжении всего Средневековья торговый баланс Европы со странами Востока был отрицательным, и разница покрывалась как раз драгоценными металлами, веками уходившими на Восток. Иной, рассчитанной на гораздо более широкий круг потребителей, стала сама дальняя торговля; те, кто был с нею связан,

пользуются в обществе все большим влиянием. Изменилось и отношение людей к теоретическому знанию о Земле; вдруг оказалось, что кабинетные размышления о ее форме и размерах, о соотношении на ее поверхности воды и суши могут открыть – или, наоборот, закрыть – дорогу к сказочным богатствам. Правители готовы платить огромные деньги, чтобы переманить к себе на службу самого знаменитого космографа или купить хорошую карту мира; простые моряки вдруг оказываются вхожи в покои государей. Колумб, получив в Португалии в 1485 г. отказ в поддержке своего замысла, переезжает в соседнюю Испанию и там добивается успеха, а отказавший ему король Жоан II через три года, задолго до открытия Америки, пишет ему письмо, в котором называет «нашим особым другом».

Средневековую Европу связывала со странами Востока разветвленная система торговых путей. Великий шелковый путь вел из Китая в Среднюю Азию; далее можно было огигать с севера Каспийское море и выходить к черноморским портам либо идти через Иранское нагорье и Месопотамию к портам Восточного Средиземноморья – Леванта. А можно было из Индии плыть через Аравийское и Красное моря; у Суэцкого перешейка товары выгружались и сушей доставлялись в Александрию.

В левантийских и черноморских портах восточные товары скупали венецианцы и генуэзцы, которые затем развозили их по всей Европе. Трудности и опасности пути вкупе с многочисленными пошлинами резко удорожали стоимость товаров, и даже сравнительно дешевые в Индии пряности ценились в Европе очень дорого. В середине XV в. часть торговых путей была временно перекрыта в результате политики египетских султанов и османских завоеваний. В результате цены на восточные товары резко возросли, и потребность в открытии новых торговых путей, по которым можно было бы торговать без посредников, стала ощущаться особенно остро.

Свою роль сыграли и религиозно-политические соображения. После падения Константинополя османская опасность нависла над Европой и в поисках союзников христиане рассчитывали на единоверцев на Востоке, вспомнив известную с XII в. легенду о христианском государстве царя-пресвитера Иоанна, которое традиция помещала сначала в глубинах Азии, а затем на Северо-Востоке Африки, там, где располагалась Эфиопия. Европейцы стремились найти державу Иоанна и заключить с ней союз против мусульман, что, как они считали, позволит остановить османское наступление, отвоевать Константинополь и даже Гроб Господень.

К середине XV в. европейцы были все еще плохо осведомлены о других частях Старого Света; к тому же их знания нередко были устаревшими или не очень-то приспособленными для практических нужд. Сведения об Африке в основном ограничивались ее северной частью. Со времен Крестовых походов европейцы довольно много узнали о Передней Азии, но их представления об Индии, Китае, Японии и Юго-Восточной Азии часто носили случайный и полуполюгендарный характер. Север Азии вообще оставался неизвестным для европейцев. Огромные пространства океанов были им известны лишь в узкой прибрежной полосе. Сведения норманнов о Северной Америке не получили распространения за пределами Скандинавии, да и в ней самой Гренландия и Винланд не воспринимались ни как иная часть света, ни как источник богатств, к которому следует стремиться. В целом накануне Вели-

ких географических открытий сведения европейцев об устройстве мира опирались на античные представления, причем гуманисты раннего Возрождения закрепили как достижения, так и ошибки древних авторов. Фантазия людей населяла неведомые земли карликами, великанами, амазонками и прочими фантастическими существами, которые причудливо сопрягались в сознании европейцев с богатствами отдаленных земель, и слухи об амазонках или карликах считались признаком близости золота. Огромной популярностью в Европе в XIV–XV вв. пользовалась Книга Марко Поло, описавшего чудеса и неисчислимые богатства Востока. Сокровища и диковины мира воспламеняли воображение и влекли в дальний путь.

Великие географические открытия, связанные с необходимостью пересекать океаны, были бы невозможны без достижений европейской науки и техники. Чаще всего речь шла не о принципиально новых изобретениях, а о широком внедрении в практику мореплавания приборов, давно известных ученым. Прежде всего требовались быстроходные и маневренные парусные корабли, которые при небольшом экипаже отличались бы достаточной грузоподъемностью и могли двигаться нужным курсом при любом направлении ветра. Таким кораблем оказалась каравелла, которая приобрела законченный вид на верфях Португалии к концу XIV – началу XV в.

Чтобы прокладывать нужный курс в открытом океане и определять положение судна, требовались соответствующие навигационные приборы. К XV в. европейские моряки уже повсеместно пользовались компасом, известным в Европе с XII–XIII вв. Широта определялась с помощью астробии, однако установление долготы оставалось проблемой вплоть до XVIII в. Большим подспорьем для моряков служили Региомонтановы таблицы, изданные немцем Иоганном Мюллером (Региомонтаном) в 1474 г. и составленные на несколько десятилетий вперед. Они позволяли в момент солнечного или лунного затмения определять местонахождение судна. Изменились и географические карты: традицию изготовления точных и подробных карт (портуланов), выработанную в Средиземноморье, португальцы стали использовать для картографирования Африки, а затем и Азии.

Важную роль сыграло изобретение в середине XV в. книгопечатания. Становится относительно доступной и литература путешествий с ее описаниями богатств Востока, и справочная литература по навигации, и сообщения о новейших открытиях, провоцировавшие дальнейшие поиски.

Когда вслед за первыми открытиями начались военные конфликты с жителями заморских земель, особое значение приобрело военно-морское превосходство европейцев, которое в этом смысле тоже стало предпосылкой успешных плаваний. И если на суше развитые страны Востока в военном отношении долгое время не уступали европейцам, то на море португальские корабли, быстроходные, маневренные и вооруженные артиллерией, сразу же показали свою силу. А в Африке и Америке военное превосходство европейцев на суше и на море было очевидным.

Первыми на просторы океанов вышли страны Пиренейского полуострова, и это не случайно. Хотя Испания и Португалия не принадлежали к числу наиболее экономически развитых стран Европы, само географическое положение предрасполагало их к экспансии в Атлантике. У них имелись удобные порты, опытные моряки, давние и богатые морские традиции. Португалия к

середине XIII в. завершила свою Реконкistu, а ее продолжением стало продвижение в Северную Африку – сначала в виде военных походов против мусульман, затем в виде морской экспансии. Соперничавшая с Португалией Испания первоначально уступала ей на море; тем не менее в начале XV в. Кастилии удалось обосноваться на Канарских островах, ставших удобной отправной точкой для дальнейшего продвижения и своего рода опытным полигоном для разработки практик колонизации. К концу XV в., когда в основном завершилось объединение страны и окончилась Реконкиста, Испания была готова к морской экспансии, тем более что после завершения Реконкисты многие занятые в ней дворяне, оставшиеся не у дел, готовы были ввязаться в новые авантюры.

ПОРТУГАЛЬЦЫ НА ПУТИ В СТРАНЫ ВОСТОКА

Великим географическим открытиям предшествовал период португальского продвижения вдоль побережья Западной Африки, сыгравший важную роль в их подготовке. Начало ему положило взятие войсками Жоана I марокканского порта Сеута (1415). Один из сыновей Жоана I вошел в историю как Энрике (Генрих) Мореплаватель (1394–1460), хотя сам он не принял участия ни в одном дальнем плавании и ступал на корабль лишь для участия в военных предприятиях. Энрике знал, что в Сеуту по транссахарским торговым путям поступали с юга золото, слоновая кость, чернокожие невольники, и решил попробовать достичь южных стран, плывя вдоль побережья Западной Африки. Прежде европейцы продвигались в этом направлении лишь до Канарских островов. Дальше простирались неведомые земли. Энрике, являвшийся магистром португальского духовно-рыцарского ордена Христа, использовал свои средства и влияние для того, чтобы на протяжении 40 лет почти ежегодно отправлять экспедиции на юг. При дворе принца собрались лучшие географы, астрономы и математики, он не жалел денег на географические карты и на оплату службы самых опытных моряков.

Результаты не заставили себя ждать. В 1419–1420 гг. португальцы достигли островов Мадейра, в конце 20–50-х годов XV в. были открыты Азорские острова. Наибольшие трудности вызывало продвижение на юг вдоль побережья Африки.

Долгое время экспедиции не приносили прибыли и организовывались лишь благодаря энтузиазму Энрике. Но в начале 40-х годов XV в. португальцы достигли тех ее районов, где жили негры; их стали захватывать в плен и обращать в рабство. Работоторговля являлась тогда неотъемлемой стороной жизни стран Южной Европы, и заморские экспедиции, прежде убыточные, начали приносить огромные доходы.

Осознав новую опасность, местные жители бежали от чужеземцев в глубь континента. Европейцы же в поисках новых рабов плыли дальше, туда, где о них еще не знали. Так работоторговля оказалась стимулом для дальнейшего продвижения вдоль африканского побережья. В 1445 г. португальцы обогнули Зеленый мыс, а в 1456 г. открыли острова Зеленого мыса. Наряду с работоторговлей португальцы вели меновую торговлю, получая за дешевые ткани и безделушки золото и слоновую кость.

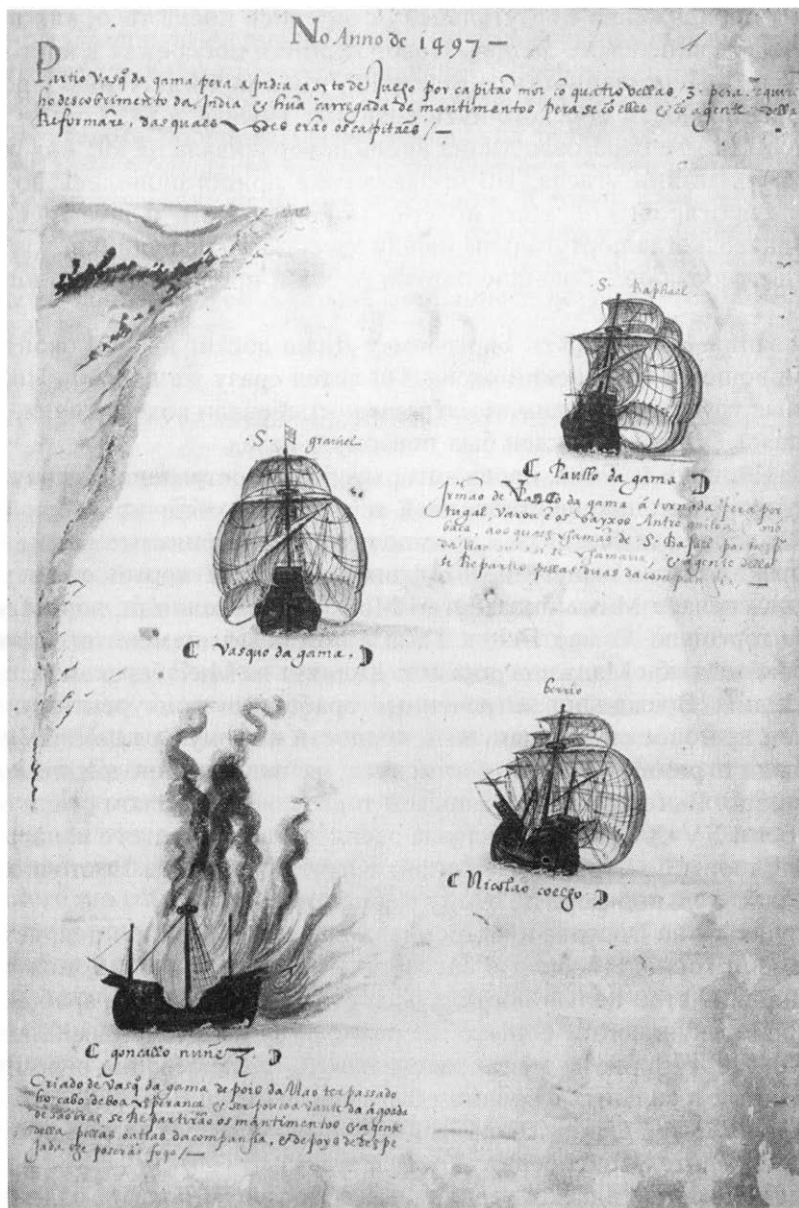
Темпы продвижения португальцев ускорились после того, как в 1462 г. они достигли Гвинейского залива. Поворот линии побережья к востоку оказался для них неожиданностью. Вероятно, именно тогда у них зародилась мысль о возможности морского пути в Индию. Правда, в 1472 г. они достигли того пункта, где береговая линия вновь поворачивала на юг: надежда быстро достичь Индии угасла. Но продвижение приостановилось по другой причине: для освоения богатств побережья Гвинейского залива требовалось время. Однако, когда португальцы нашли здесь золотые рудники, для их разработок потребовались большие партии рабов и продвижение на юг возобновилось.

В плавании 1487–1488 гг. Бартоломеу Диаш достиг южной оконечности Африки и вошел в Индийский океан. Он хотел сразу же достичь Индии, но изнуренные трудным плаванием матросы потребовали возвращения, и капитан, опасаясь бунта, вынужден был повернуть назад.

Васко (Вашку) да Гама, перед которым была поставлена задача достичь Индии, учел опыт предшественников и повел корабли не вдоль берегов Африки, а через открытый океан, используя благоприятные ветры и течения. Обогнув южную оконечность Африки, он достиг портов ее восточного побережья, сначала Мозамбика, затем Момбасы и Малинди, вовлеченных в арабскую торговлю. В мае 1498 г. Гама с помощью знаменитого арабского лоцмана Ахмеда ибн Маджида достиг г. Каликут на Малабарском (западном) берегу Индии. Враждебно встреченные арабскими конкурентами, португальцы тем не менее сумели закупить пряности и вернуться домой. Людские потери были огромны, но цель достигнута: экспедиция проложила морской путь в Индию. Выгоды прямой морской торговли с Востоком стали очевидны. С рубежа XV–XVI вв. и до начала эксплуатации Суэцкого канала (1869) торговля Европы со странами Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии велась в значительной мере по этому маршруту.

Утвердиться на Востоке и вытеснить оттуда арабских купцов, которые к тому времени господствовали в бассейне Индийского океана, можно было только силой. С этой целью португальцы стали вести против арабов необъявленную морскую войну. Однако, не располагая необходимыми людскими ресурсами, Португалия не могла рассчитывать на завоевание огромных густонаселенных и сильных в военном отношении стран Востока. Зато она использовала для укрепления своих позиций и искусно разжигала противоречия между правителями соседних государств.

Фундамент португальского господства в Индийском океане заложил первый вице-король Индии Франсишку де Алмейда (1505–1509). В 1509 г. у острова Диу он разбил флот султана Египта, которому, по понятным причинам, помогали венецианские советники. Сменивший Алмейду Афонсу д'Албукерке (вице-король в 1509–1515 гг.) утвердился на Малабарском берегу Индии, сделав центром португальских владений город Гоа, и начал проникновение на Коромандельский берег и на Цейлон. Португальцы узнали, что часть ценных пряностей (прежде всего гвоздику) привозят в Индию из Юго-Восточной Азии, и двинулись туда. В 1511 г. они захватили Малакку, установив контроль над важнейшим торговым путем, соединявшим Южную Азию с Дальним Востоком. Одновременно они заняли Ормуз и остров

Флотилия Васко да Гамы.

Рисунок XVI в. из «Книги армад». Академия наук, Лиссабон

Сокотра – стратегически важные пункты на путях из Индийского океана в Красное море и Персидский залив.

Так возникла португальская колониальная империя – первая в истории Нового времени. Она основывалась на почти монопольной торговле пряно-стями и контроле над важнейшими морскими коммуникациями. По всему маршруту следования кораблей из Португалии в Индию (и далее в Малакку)

была создана система хорошо укрепленных фортов в наиболее важных пунктах. Чтобы не допустить снижения цен, Португалия ограничивала объемы ввозимых восточных товаров, особенно пряностей. Правда, несмотря на успехи в борьбе с арабскими купцами, португальцам не удалось полностью вытеснить их из торговли индийскими пряностями. Тем не менее прибыли португальцев достигали 800%, и не случайно сразу же после возвращения Васко да Гамы король Мануэл I стал именоваться «Король Португалии и Алгарви, Заморских стран в Африке, господин Торговли, Завоевания и Мореплавания Аравии, Персии и Индии».

В 1513 г. португальцы добрались до Южного Китая, а в 1553 г. основали в Макао (Аомыне) торговую факторию. В 1542 г. они высадились в Японии и сначала смогли там закрепиться, но в 1617 г. их вытеснили оттуда голландцы.

Важную роль в колониальной экспансии играли миссионеры, особенно иезуиты, добившиеся больших успехов в христианизации местного населения. Особенно отличился соратник Лойолы выходец из испанской Наварры Франсиско Хавьер (Франциск Ксаверий), в 1542–1552 гг. проповедовавший в Африке, Индии, Японии и в других странах Востока.

Иезуиты сыграли важную роль в исследовании европейцами внутренних областей Азии. Так, португалец Бенту де Гойш, проповедовавший христианство в Индии и представлявший португальскую колонию Гоа при дворе Акбара Великого, в 1602–1605 гг. под видом армянского купца первым из европейцев совершил сухопутное путешествие из Индии в Китай. Через Афганистан и Яркенд он добрался до Сучжоу на границе Китая, но в страну его не пустили, и в 1607 г. Гойш там же и умер, успев, однако, ознакомить с собранной им информацией иезуита, присланного ему на помощь из Пекина (где к тому времени уже действовала миссия во главе с Маттео Риччи).

Другой португальский иезуит Антониу де Андраде в 1624 г. под видом паломника-индуса пересек Гималаи и одним из первых среди европейцев оказался в Тибете, где изучал быт, нравы и религию местного населения. Написанный им отчет, изданный в 1626 г. под названием «Новое открытие Великого Китая или Тибетского царства», вызвал в Европе огромный интерес – в том числе и потому, что Андраде сопоставил буддизм с христианским богословием, и это, возможно, оживило полузабытую легенду о царстве пресвитера Иоанна.

Благодаря иезуитам и другим монахам-миссионерам европейцы получили более подробные и точные, чем прежде, сведения о Востоке, а жители стран Востока – о Европе и Новом Свете. Так, «История наиболее достойных внимания вещей, ритуалов и обычаев великого королевства Китай» (1585) испанского августинца Хуана Гонсалеса де Мендоса стала первой книгой о Китае, написанной европейцем со времен Марко Поло. Она пользовалась огромным читательским успехом, пока в 1615 г. не была превзойдена гораздо более информативным и точным сочинением Маттео Риччи о проникновении иезуитов в Китай.

ОТКРЫТИЕ, ИССЛЕДОВАНИЕ И ЗАВОЕВАНИЕ АМЕРИКИ

Открытие Америки Колумбом. В 1483 г. генуэзский моряк Христофор Колумб (1451–1506) предложил королю Португалии Жоану II проект западного пути в страны Востока. Колумб исходил из достаточно распространенной к тому времени идеи шарообразности земли, что делало западный путь в страны Востока принципиально возможным. Стремясь доказать, что этот

маршрут реально осуществим, Колумб сильно преуменьшил размеры земного шара и, напротив, преувеличил протяженность Евразии с запада на восток. Комиссия экспертов, рассматривавшая проект в Лиссабоне, понимает, увидела его слабые стороны, и Колумб получил отказ. Видимо, сыграло свою роль и то обстоятельство, что португальцы надеялись вскоре проложить путь в Индию вокруг Африки.

В 1485 г. Колумб приехал в Испанию, рассчитывая увлечь своим замыслом королей Фернандо (Фердинанда) и Изабеллу, но испанские эксперты также отвергли проект, осуществление которого к тому же было чревато конфликтом с Португалией: по испано-португальскому договору 1479 г. права на открытия и колонизацию к югу от параллели Канарских островов принадлежали Португалии, а предполагаемый маршрут Колумба приводил его именно в португальскую зону влияния. Однако Колумбу удалось увлечь своим замыслом влиятельных финансистов, придворных и служителей церкви, которые убедили королевскую чету принять проект.

В августе 1492 г. три корабля Колумба покинули испанскую гавань Палос, а в начале сентября, после остановки на Канарских островах, двинулись оттуда на запад. 12 октября 1492 г. (этот день стал национальным праздником Испании) корабли достигли первой земли за океаном – одного из Багамских островов. Колумб, уверенный, что находится недалеко от Индии, назвал местных жителей индейцами (*indios*). В этом плавании были также открыты северные берега островов Куба и Гаити; последний Колумб назвал «Испанским островом» («Ла Исла Эспаньола», или просто Эспаньола). Перед возвращением в Испанию Колумб оставил часть экипажа в крепости Навидад на Эспаньоле – первом со времен норманнов европейском поселении в Америке. В марте 1493 г. экспедиция вернулась в Испанию.

Позже Колумб совершил еще три плавания, в ходе которых открыл Малые Антильские острова, часть побережья Кубы и Эспаньолы, а также участки побережья материка в Южной и Центральной Америке. До конца жизни он считал, что проложил морской путь в страны Востока. Однако доходы с новых земель едва ли покрывали расходы короны. Монархи, обманутые в своих надеждах, изменили отношение к Колумбу; он умер в опале. Значение его открытия было осознано позже, но уже его младший современник Бартоломе де Лас Касас писал: «Лучшее из всего, что произошло после сотворения мира и смерти его Создателя, – это открытие Индий, которые потому и названы Новым Светом».

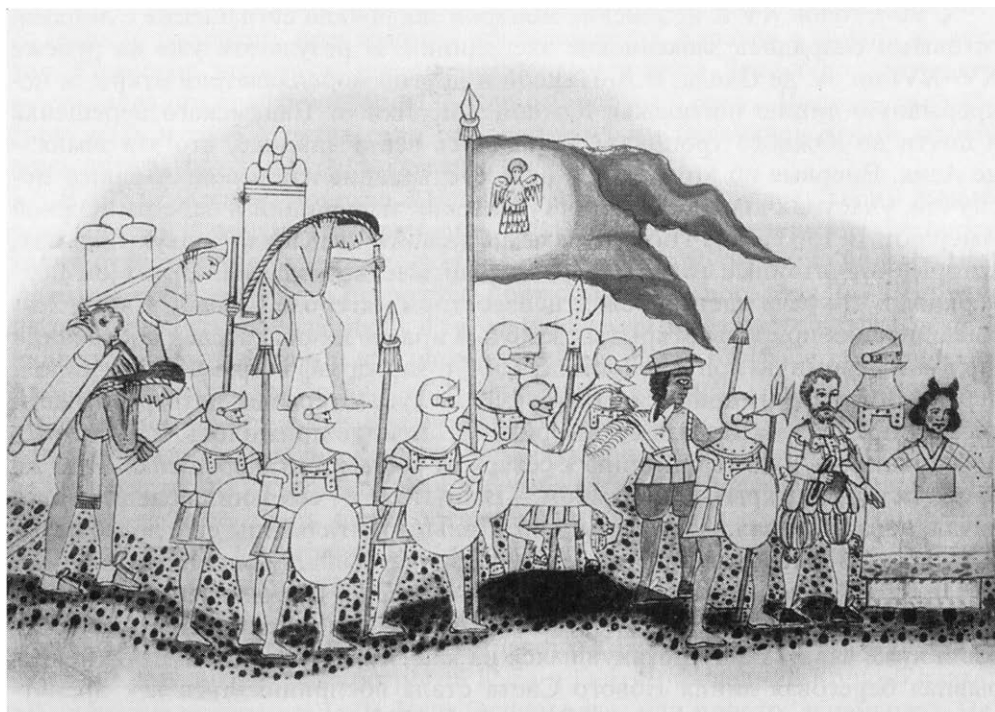
Открытие Колумба потребовало от испанской короны пересмотреть прежнее соглашение с Португалией. Тордесильяский договор 1494 г. делил Атлантику уже не в широтном направлении, а от полюса к полюсу по меридиану, проходившему в 370 лигах (ок. 2200 км) к западу от Канарских островов. Территории к востоку от этой линии стали зоной влияния Португалии, к западу – Испании. Договор устроил и испанцев, закрепивших за собой права на открытые ими земли, и португальцев, сохранивших контроль над морскими путями к югу Африки и далее в Индию. А когда в 1500 г. была открыта Бразилия, выяснилось, что линия раздела оставляла ее восточную часть португальцам. Тордесильяский договор, который иногда называют первым разделом мира, регулировал отношения между Испанией и Португалией в этой сфере до XVIII в., хотя другие державы его не признавали.

С 90-х годов XV в. испанские монархи заключали соглашения с лицами, готовыми снарядить заокеанские экспедиции. В результате уже на рубеже XV–XVI вв. А. де Охеда, В.Я. Пинсон и другие мореплаватели открыли непрерывную линию побережья Южной Америки от Панамского перешейка и почти до Южного тропика. Становилось все очевиднее, что эта земля – не Азия. Впервые об этом заявил во всеуслышание итальянец Америго Веспуччи, участник испанских и португальских экспедиций к берегам Южной Америки. В 1503–1504 гг. он рассказал о своих плаваниях в двух письмах, которые в считанные годы выдержали множество изданий. В них он подчеркивал, что речь идет о прежде неизвестном материке – Новом Свете. Живые описания природы открытых земель и нравов их обитателей обеспечили письмам огромную популярность. В 1507 г. картограф Мартин Вальдземюллер из Лотарингии приписал Веспуччи заслугу открытия четвертой части света и предложил назвать ее Америкой. Название прижилось, а затем распространилось и на территорию к северу от Панамского перешейка. В то же время острова, открытые Колумбом, – Вест-Индия – сохранили следы первоначального названия. А испанцы, португальцы и итальянцы еще долго называли всю Америку Новым Светом, Индиями или Западными Индиями.

Открытие западного пути в страны Востока. Сначала земли Америки разочаровывали европейцев: золота там нашли мало, пряности по качеству были хуже азиатских. Протянувшаяся на многие тысячи километров непрерывная береговая линия Нового Света стала восприниматься как препятствие на западном пути в страны Востока. В 1513 г. отряд испанцев под руководством Васко Нуньеса де Бальбоа пересек Панамский перешеек и вышел к Тихому океану, получившему тогда название Южное море. С этого времени испанцы и португальцы еще усерднее искали пролив, который соединял бы Атлантику с Южным морем. В 1518 г. свой проект выдвинул португальский моряк Фернан Магеллан (Магальяйнш), утверждавший, что знает, где находится пролив.

Магеллан много лет служил португальской короне на Востоке и в Африке, но не получил за это достойного вознаграждения. Недовольный, он перешел на испанскую службу и предложил достичь Островов пряностей западным путем через якобы известный ему пролив, опередив Португалию в Юго-Восточной Азии. В 1519 г. пять кораблей под руководством Магеллана пересекли Атлантику и затем проследовали на юг вдоль восточных берегов Южной Америки. Магеллан нашел искомый пролив (позже названный в его честь), а затем достиг и Южного моря. Именно Магеллан и его спутники нарекли его Тихим океаном: на протяжении трех месяцев, пока они пересекали его, морякам посчастливилось избежать бурь, хотя они жестоко страдали от голода и жажды. В марте 1521 г. флотилия достигла Марианских, а затем и Филиппинских островов (названных так в 40-е годы XVI в. в честь наследного принца, будущего короля Филиппа II). Стремясь закрепиться на них, Магеллан вмешался в распрю между местными князьками и погиб в стычке. Позже спутники Магеллана достигли Молуккских островов, хотя и не смогли опередить там португальцев.

Лишь один корабль экспедиции, «Виктория», пересек Индийский и Атлантический океаны и вернулся в Севилью. Из 265 человек, ушедших в море тремя годами раньше, на берег сошло 18 изнуренных голодом людей, совер-

Отряд Кортеса. Рисунок XVI в. Национальная Библиотека, Париж © Photo Scala, Florence

шивших первое в истории кругосветное плавание (1519–1522). Привезенные пряности окупили все расходы на экспедицию.

Плавание Магеллана вновь обострило противоречия между Испанией и Португалией, поскольку Тордесильяский договор ничего не говорил о разграничении владений в этом регионе. По Сарагосскому договору 1529 г. Испания за большую сумму отказалась от своих сомнительных прав на Молуккские острова, сохранив, однако, права на Филиппины.

Научное значение этого плавания трудно переоценить: проложив западный путь в страны Востока, Магеллан и его спутники доказали шарообразность земли и единство Мирового океана, впервые пересекли Тихий океан и убедились в том, что вопреки мнению античных авторов воды на Земле гораздо больше, чем суши. Однако его практические последствия оказались весьма скромны: кругосветное путешествие было в тех условиях слишком рискованным. Отправленная в 1525 г. тем же маршрутом большая испанская эскадра почти вся погибла.

Конкиста. Важной составной частью Великих географических открытий стала Конкиста – исследование и завоевание земель Нового Света испанцами и португальцами. Этот процесс включал и открытие новых земель, и собственно завоевание, сопровождавшееся грабежом, и колонизацию, и наконец, христианизацию (которую называют еще «духовной Конкистой»). Конкиста началась в 90-е годы XV в. и в основном завершилась уже в середине XVI в.; в ней довольно четко выделяются два этапа. В течение первых 25 лет после открытия Колумба испанцы осваивали Большие и Малые

Антильские, а также Багамские острова. В 1510 г. началось покорение Кубы, ставшей в силу своего центрального географического положения ключом к испанским владениям в Америке. Тогда же возникло первое испанское поселение на материке – на восточной стороне Панамского перешейка. А в 1517–1518 гг. испанцы достигли берегов Мексиканского залива и узнали о богатствах ацтеков – одной из высокоразвитых цивилизаций Доколумбовой Америки (подробнее о них см. т. 2). В XIV–XV вв. союз племен во главе с ацтеками подчинил себе соседей и подвергал их жестокой эксплуатации.

С покорения Мексики начинается второй этап Конкисты. С этой целью в 1519 г. с Кубы отправилась экспедиция во главе с Эрнаном Кортесом. Его отряд располагал пушками и лошадьми. Правитель ацтеков Моктесума опротестовывало позволило отряду Кортеса войти в глубь страны и вступить в столичный Теночтитлан. Кортес захватил Моктесуму в плен и пытался управлять от его имени, но ацтеки восстали, Моктесума был убит. Испанцы смогли выбраться из Теночтитлана лишь ценой огромных потерь. Вскоре они развернули новое наступление на державу ацтеков – на сей раз во главе целой армии союзных индейцев, помогавших испанцам из ненависти к ацтекам. В 1521 г. Кортес взял Теночтитлан штурмом. В последующие годы отряды конкистадоров (Кортеса, Гонсало Сандовалья, Педро де Альварадо, Кристобала де Олида и других) подчинили индейские племена на огромном пространстве от Юкатана и Гватемалы до Калифорнии. Немного позже, в 1539–1542 гг., экспедиции Эрнандо де Сото и Франсиско Васкеса де Коронадо открыли значительную часть современной территории США, но особых богатств там не нашли и (за исключением Флориды) не пытались установить свое господство.

На Юкатане испанцы в 20–40-е годы завоевали многочисленные городогосударства майя. Их покорение было облегчено разрозненностью действий и даже соперничеством между ними.

Вскоре после похода Васко Нуньеса де Бальбоа до испанцев дошли слухи о расположенной дальше к югу богатой стране Биру (Перу). Речь шла об огромной державе инков Тауантинсуйю. Покорить ее решил незаконный отпрыск дворянского рода Франсиско Писарро. Его отряд из 168 солдат вступил в пределы державы инков в 1532 г., вскоре после того как там завершилась борьба за власть между двумя претендентами. Сторонники проигравшего в этой борьбе Уаскара обратились за помощью к испанцам, снабдив их необходимой информацией о положении в стране. Испанцы захватили в плен правителя (верховного инку) Атауальпу. Тот предложил им огромный выкуп золотом, но, когда большая часть сокровищ была уже собрана, испанцы под надуманным предлогом казнили Атауальпу и объявили верховным инкой его племянника, ставшего орудием в их руках. Заняв в 1533 г. столицу инков город Куско, испанцы утвердились в центральной части Перу. Вскоре они покорили территории нынешнего Эквадора и южной части Колумбии, а в 1535–1537 гг. отряд во главе с Диего де Альмагро проложил дорогу в Боливию и северную часть Чили. Позже испанцы не раз пытались завоевать центральные и южные районы Чили, но за три века колониального господства так и не сумели покорить жившие там племена арауканов.

С завоеванием Перу связано еще одно важное открытие. В 1541–1542 гг. Ф. де Орельяна, перейдя в составе экспедиции Г. Писарро через Анды, на кораблях спустился по течению реки Амазонки почти от истоков и до устья.

Увидев в пути индейских женщин, сражавшихся бок о бок с мужчинами, испанцы решили, что достигли описанного древними авторами царства амазонок. Так возникло название Амазонка, а европейцы получили представление об огромных размерах Америки.

В горную Колумбию, где жили племена чибча-муисков, испанцев привели слухи о стране позолоченного вождя – Эльдорадо. В 1536–1537 гг. испанцы устремились туда почти одновременно с трех сторон. Один из отрядов шел с юга, из Перу, другой был снаряжен агентами немецкой торговой компании Вельзеров, которая в конце 20-х годов купила у Карла V право на колонизацию части земель к югу от Карибского моря. Отряд под руководством Г. Хименеса де Кесада немного опередил конкурентов и подчинил себе страну, захватив немалые богатства. Однако легенда об Эльдорадо как символе богатства Америки оказалась столь привлекательной, что и после этого испанцы, а затем и представители других стран еще долго продолжали искать по всей Америке «Золотую страну», и лишь десятилетия неудач поубавили их пыл.

В 30-е годы еще один поток испанской колонизации устремился в глубь континента со стороны залива Ла Плата; рядом с ним в 1536 г. был основан город Буэнос-Айрес. Вскоре два потока – с северо-запада, т.е. из Перу, и с юго-востока, от залива Ла Плата – сомкнулись. Историческое значение имело открытие на территории нынешней Боливии «серебряной горы» Потоси (1545), во многом предопределившее судьбу Америки.

Еще одним объектом испанской колониальной экспансии были Филиппинские острова. Основы испанского владычества на архипелаге были заложены отправленной из Мексики экспедицией М. Лопеса де Легаспи. В ходе ее в 1565 г. впервые был проложен путь из Азии в Америку. Тогда же Легаспи основал первые испанские поселения на Филиппинах, а в 1571 г. сделал столицей г. Манилу. Проникновение испанцев на Филиппины носило более мирный характер, чем в Америке (в том числе благодаря личным качествам Легаспи), и не сопровождалось такими тяжелыми последствиями для местного населения. Испанцы успешно встроились в торговлю Филиппин с соседними странами, особенно с Китаем.

Административно Филиппины зависели от Мексики, и связи с ней (а через нее – с метрополией) осуществляли манильские галеоны. Первоначально Тихий океан нередко пересекали по несколько судов, но широкое развитие прямых торговых связей между Америкой и Азией оказалось невыгодно для влиятельной группы севильских купцов. В 1593 г. они убедили Филиппа II ограничить навигацию между Манилой и Акапулько двумя кораблями в год для обоих направлений (т.е. фактически в каждую сторону шел лишь один корабль, и такая система действовала до XIX в.). Чтобы хоть частично компенсировать это ограничение, размеры галеонов были сильно увеличены (при длине до 50 м и более их водоизмещение достигало 2000 т). Примерно четыре месяца галеон с пряностями, китайским фарфором, ртутью, шелковыми тканями шел в Мексику; обратно везли в основном серебро.

Примерно в середине 50-х годов XVI в. Конкиста завершилась и в Центральной, и в Южной Америке. Ее результаты были грандиозны: отряды конкистадоров, которые за все время завоеваний в общей сложности могли составлять, по разным подсчетам, всего лишь от 4–5 до 10 тысяч человек, завоевали территории, по площади во много раз превосходившие Испанию,

сокрушив могущественные державы ацтеков и инков. Они захватили огромную добычу: только у Писарро при завоевании Перу она составила в пересчете на золото около 6 тонн!

Историки по-разному объясняют феномен Конкисты. Говорят о превосходстве в вооружении и военной тактике, об огромной смертности индейцев из-за эпидемий принесенных европейцами болезней, о том, что индейцы склонны были обожествлять пришельцев, о страхе, который внушали индейцам всадники (до Колумба Америка не знала лошадей), о внутренней слабости держав инков и ацтеков, которой испанцы умело пользовались. Не менее важно, что конкистадоры были людьми переломной эпохи, деятельными и упорными, готовыми на любые лишения ради открывшегося перед ними пути наверх, к богатству и славе. В результате успешных плаваний перед ними распахнулось новое огромное пространство – не обжитое, как в Европе, а чужое и неизведанное, и они ответили на его вызов. Очень эффективной оказалась и стихийно складывавшаяся практика взаимоотношений конкистадоров и короны.

Конкиста привела к гибели значительной части индейского населения Америки (во многом из-за завезенных завоевателями болезней) и к уничтожению ее самобытных цивилизаций: майя и ацтеков в Мексике, инков и чибча-муисков в Южной Америке. Однако в ходе испанской колонизации на смену индейской культуре пришла новая, собственно латиноамериканская, возникшая в результате взаимодействия и синтеза испанских и индейских культурных традиций.

ОТКРЫТИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Поиски северо-западного и северо-восточного проходов. Во второй половине XVI в. инициатива в Великих географических открытиях переходит от испанцев и португальцев, сил которых едва хватало для удержания уже захваченных земель, к англичанам и голландцам. Активность обеих стран в поисках и захватах новых земель была обусловлена быстрым развитием их промышленности и торговли, а затем и войной против Испанской монархии. В борьбу за источники богатств готовы были включиться и французы, плававшие к берегам Америки уже в 20–30-е годы XVI в. (открытие залива и реки Святого Лаврентия в Канаде Жаком Картье в 1534–1536 гг.), а позже пытавшиеся обосноваться в Бразилии и Флориде.

Поскольку Испания и Португалия, захватившие самые богатые земли, обладали мощным флотом, новым претендентам на колонии оставалось «перераспределять» в свою пользу часть этих богатств с помощью контрабандной торговли и пиратства или искать новые пути на Восток. Это мог быть, по представлениям того времени, северо-западный путь, огибающий с севера Америку, либо северо-восточный, огибающий с севера Азию.

Отличительной чертой этого периода была важная роль в организации экспедиций крупных паевых компаний: Ост-Индской и Вест-Индской в Нидерландах, Московской, Ост-Индской и других в Англии. Власти обеих

стран также поощряли экспансию; так, голландское правительство назначило большую премию тому, кто откроет северо-восточный проход.

Начало английской заокеанской экспансии положили экспедиции 1497–1498 гг. генуэзца Джованни Кабото (известного в Англии как Джон Кэбот (Кабот)), в результате которых была открыта Северная Америка. Однако обнаруженные им земли – о. Ньюфаундленд и прилегающая часть побережья материка – не заинтересовали англичан (за исключением рыбаков, которые стали плавать к Ньюфаундлендской банке), и их попытки обрести богатство за океаном оказались надолго отложены. В середине XVI в. начались поиски северо-восточного прохода в страны Востока, прежде всего в Китай и Японию. Снаряженная туда в 1553 г. экспедиция Х. Уиллоуби достигла лишь Карского моря, но в ходе ее корабль во главе с Р. Ченслером вошел в устье Северной Двины. Оттуда Ченслер, выдавший себя за посла, по приглашению Ивана Грозного приехал в Москву. Так в 1554 г. были установлены прямые дипломатические и торговые отношения между Россией и Англией.

Убедившись, что природные условия делают северо-восточный путь малоперспективным, англичане начали поиски северо-западного прохода. С 70-х годов XVI в. по 30-е годы XVII в. М. Фробишер, Г. Гудзон, В. Баффин и другие открыли множество островов, заливов и проливов в приполярной части Северной Америки, но не обнаружили ни богатств, ни прохода в Тихий океан. В 30–40-е годы мореплаватели пришли к выводу, что северо-западный проход, если и существует, непроходим для кораблей и не имеет торгового значения.

В конце XVI в. поиски северо-восточного прохода вела Голландия, снарядившая в 1594–1596 гг. три экспедиции подряд. Ключевую роль в них сыграл Виллем Баренц, хотя официально возглавлял их не он. Однако голландцы, добравшись лишь до Новой Земли (где в 1596–1597 гг. состоялась первая в истории европейских открытий полярная зимовка), отказались от дальнейших плаваний в этом направлении. Поиски северо-восточного и северо-западного проходов, хотя и не увенчались успехом, способствовали накоплению знаний о северных морях и землях; были обнаружены богатые районы рыболовства и китобойного промысла.

Открытие Австралии. История открытия Австралии связана с одним из географических мифов, восходящих к античности – мифом о Южной земле. Античные географы считали, что в Южном полушарии должна находиться земля, которая «уравновешивает» огромные пространства суши Северного полушария. На рубеже XV–XVI вв. эта теория на какое-то время теряет приверженцев (так, на глобусе М. Бехайма 1492 г., первом из сохранившихся, никакой земли у Южного полюса нет), но в XVI в. Южная земля быстро «берет реванш», ее размеры постоянно увеличиваются, и в Атласе мира А. Ортелия (1570 г.) она занимает огромные пространства, кое-где доходя почти до экватора. Тогда же ее стали называть Неведомой Южной землей, причем кабинетные ученые считали ее обитаемой и даже густонаселенной.

Такой разгул фантазии стал возможен потому, что высокие широты Южного полушария, где плавать было трудно и опасно, оставались почти недоступными для моряков, и когда в этих водах видели на юге какую-либо землю, ее тут же объявляли северным выступом огромного южного материка. Возможно, так думали португальцы, обнаружив в начале XVI в. северо-

западное побережье Австралии, а затем и Новой Гвинеи. Во второй половине XVI – начале XVII в. испанцы организовали плавания в Тихом океане в поисках Южной земли, а также библейской страны Офир. В 1606 г. Л. Ваэс де Торрес открыл пролив между Новой Гвинеей и Австралией; ее северо-восточный выступ был принят за часть Южной земли. Открытие Торреса было засекречено и стало известно лишь в XVIII в.

С конца XVI в. голландцы развернули наступление на португальские колонии. Португалия тогда входила в состав Испанской монархии, но, поскольку ее колониям прежде никто не угрожал, они не были столь хорошо защищены, как испанские. С 1602 г. организатором экспансии Нидерландов в бассейне Индийского океана стала Ост-Индская компания. В считанные годы голландцы вытеснили португальцев из Индонезии. В поисках надежных коммуникаций между Югом Африки и островом Ява Х. Браувер в 1611 г. открыл новый маршрут, использовавший удобные течения. Войдя в Индийский океан, голландцы плыли на восток, и, лишь достигнув долготы о. Ява, поворачивали к северу. Из-за несовершенства навигационных приборов они иногда заплывали слишком далеко на восток и оказывались у побережья Австралии; так в 1616–1636 гг. была открыта значительная его часть.

Чтобы выяснить, являются ли эти земли частью Неведомой Южной земли, губернатор голландской Ост-Индии снарядил две экспедиции Абела Тасмана. В 1642 г. Тасман отплыл с острова Ява в сторону острова Маврикий, а оттуда в поисках Южной материка повернул на юг. Достигнув 40-х широт и убедившись, что там материка нет, он направился на северо-восток и вскоре оказался у земли, много позже названной Тасманией. Он объявил ее владением Голландии, обогнул с юга и, продолжив путь на восток, открыл северо-западное побережье Новой Зеландии (которую он считал выступом Южной земли). Отсюда Тасман повернул на север, а затем на запад и в 1643 г. вернулся на Яву. Это плавание доказало, что открытые голландцами участки побережья не являются частью Южной земли, отодвинув границы последней далеко на юг. В 1644 г. Тасман совершил новое плавание, проследив непрерывную линию северного побережья Австралии на протяжении 5500 км и доказав, что речь идет не об островах, а о материке, получившем название Новая Голландия (Австралией, т.е. «Южной», ее назвали уже в начале XIX в.).

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Уже с конца XV в. всемирную историю невозможно представить себе вне последствий Великих географических открытий. Они привели к резкому расширению представлений европейцев о мире и опровержению многих античных и средневековых мифов. Были открыты ранее неизвестные европейцам Америка и Австралия, в основном определены контуры всех обитаемых материков, исследована большая часть земной поверхности. В конечном счете Великие географические открытия способствовали запуску механизмов научной революции.

Открытия дали новый обширный материал для естественных наук и этнографии, истории и языкознания, стимулировали развитие общественной

мысли. Приобретая опыт общения с носителями иных культур и религий, европейцы более отчетливо осознавали свое культурно-историческое единство. В то же время европейцы, по крайней мере наиболее критически мыслящие, убеждались, что мир многолик, что чужая культура и религия может быть не хуже своей и что европейцу есть чему поучиться у обитателей заморских земель. Не случайно авторы социальных утопий раннего Нового времени, начиная с Томаса Мора, не раз помещали идеально устроенные страны в тех уголках земного шара, которые стали известны европейцам в результате Великих географических открытий. Размышления о Золотом веке и неиспорченной вере обитателей Америки перекликались с идеями Возрождения и Реформации. Испанские гуманисты и служители церкви (Бартоломе де Лас Касас, Васко де Кирого и другие) пытались в Новом Свете воплотить в жизнь утопические идеи.

Великие географические открытия и Конкиста вызвали к жизни литературные произведения разных жанров: «Донесения» Э. Кортеса, «Основные плаванья, путешествия и открытия англичан» Р. Хаклюйта и др. Появились синкретичные труды, содержавшие сведения о географии и природе новых земель, об обычаях и истории их народов: «Декады Нового Света» П. Мартине д'Ангиера, «История Индий» Лас Касаса, «Декады» Ж. де Барруша и другие. Образы дальних стран вошли в европейскую литературу и искусство, занимая важное место в наследии Камозенса, Монтеня и Шекспира.

Открытия оказали глубокое влияние на социально-экономическое развитие Европы. С перемещением основных торговых путей из Средиземноморья в Атлантику одни регионы теряли былое первенство (Италия, Южная Германия), другие, напротив, заметно усиливались (Испания и Португалия, позже – Англия и Голландия). Масштабный ввоз американских драгоценных металлов вдвое увеличил количество находившегося в обращении в Европе золота и втрое – серебра, способствуя по всей Европе быстрому росту цен на предметы первой необходимости («революция цен»). Значительная часть поступавших в Европу драгоценных металлов тут же вывозилась в Азию, где на них закупались дорогостоящие восточные товары. Однако часть серебра оставалась в Европе. Увеличение денежной массы, а также возможности колоний как источников сырья и рынков сбыта для европейских товаров способствовали развитию европейской экономики. В то же время «революция цен» и другие новые социально-экономические процессы вызвали к жизни попытки объяснить их причины и способствовали развитию экономической мысли, особенно в Испании (Т. де Меркадо и др.).

В результате Великих географических открытий не только расширились торговые связи между Европой и остальными частями света, но и устанавливались системные связи между Азией и Америкой, воплощенные в «манильских галеонах», а также Америкой и Африкой. В Атлантике в XVI в. сложился «торговый треугольник»: корабли везли европейские товары в Африку, оттуда перевозили невольников в Новый Свет и возвращались в Европу с грузом табака, сахара и других товаров. Все это свидетельствовало о формировании мирового рынка.

Вместе с экономикой на просторы океанов выходит и политика. Неотъемлемой частью международных отношений становится соперничество за контроль над торговыми путями, стремление европейских держав обзаве-

стись собственными колониями, борьба за их передел. Благодаря богатствам колоний метрополии заметно усиливали свои позиции в Европе, как, например, Португалия в начале XVI в.

Европейцы познакомились с новыми сельскохозяйственными культурами (картофель, кукуруза, томаты, чай, кофе, какао, табак), и, хотя внедрение их в силу консервативности сознания подавляющего большинства потенциальных потребителей затянулось надолго, со временем они заметно изменили рацион питания европейцев, произведя своего рода «пищевую революцию». Особенно велико было значение картофеля и кукурузы, заметно снизивших угрозу голода.

Колониальная система связала весь мир в единое целое, в то же время разделив значительную его часть на метрополии и колонии. При этом в Азии вплоть до XVIII в. европейцы могли установить свой контроль лишь над немногими стратегически важными пунктами. Однако воздействие европейцев выходило далеко за рамки этих территорий.

Разрушительным было воздействие европейской экспансии на Африку, где работорговля, включенная в систему мировой экономики, опустошала целые области, оказывая негативное влияние на развития континента. Совокупные потери населения Африки в результате работорговли за XV–XVIII вв. составляли десятки миллионов человек.

В Америке контакты с европейцами также привели к заметному сокращению численности местного населения, а местами и к его полному исчезновению. Однако в целом в Испанской Америке возникло латиноамериканское общество со своей культурой, вобравшей в себя и европейские, и индейские черты, но переработавшей их в новое целое. Для индейцев Северной Америки последствия английской колонизации, хотя проявились позже, но оказались более губительными.

Европейцам Великие географические открытия несли не только выгоды, но и издержки. Раньше всего проявили себя новые болезни (сифилис появился в Европе уже в конце XV в.). В Испании и Португалии эмиграция в колонии создавала демографические проблемы. Экономика этих стран не могла обеспечить потребности их заморских владений, и властям приходилось открывать дорогу в Америку купцам из более развитых стран, которые заодно подчиняли себе, в той или иной степени, и экономику метрополии. «Испания стала Индиями для иностранцев», – жаловались в середине XVI в. депутаты кастильских кортесов.

Великие географические открытия привели к заметным изменениям в географии религий. К XVI в. христианство господствовало в Европе и в Эфиопии, но на Востоке христиан было мало. А в XVI–XVII вв. европейские миссионеры распространили свою веру на огромных пространствах Азии, Африки и особенно Америки, хотя в некоторых странах Востока первые успехи оказались непрочными: власти стали запрещать христианство и жестоко преследовать его сторонников. Там, где проповедовали испанские, португальские и французские миссионеры, утверждался католицизм, там же, где верх брали англичане и голландцы, чаще распространялись различные реформационные течения, в основном кальвинистского толка.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В XVI – XVII ВЕКАХ

ИЗМЕНЕНИЯ ДЛЯ ИСТОРИКА – ТЕМП, ДЕМОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

С исследовательской точки зрения особенности рассматриваемого периода всемирной истории вытекают из временных (темпоральных) и количественных характеристик присущих ему социальных процессов. Нарастает темп изменений на всех структурных уровнях исторического времени, и большой и малой длительности, даже географическая среда во все возрастающей степени подвергается воздействию как разрушительных, так и созидательных усилий человека. Демографический рост и образование новых, национальных государств с развитым бюрократическим аппаратом, с усложняющейся системой администрирования ведут к появлению значительных массивов письменных документов и материалов, к формированию государственных и других архивов, где хранятся многочисленные и зачастую однородные данные, пригодные для статистического и математического анализа. Распространение грамотности и развитие книгопечатания также во много раз расширяют круг источников исторического исследования. Все это позволяет сделать его масштаб более подробным, гораздо пристальнее всматриваться в реалии повседневности, ближе узнавать людей того времени. Вместе с тем охватить «все» сведения по тому или иному предмету одному человеку становится почти невозможно, хотя именно тогда появляются грандиозные труды эрудитов, впечатляющие своим размахом и полнотой, такие как словари Шарля Дюканжа и энциклопедия Пьера Бейля.

Можно ли выразить в одном-двух понятиях, в какой-то формуле суть изменений, происходивших в ту эпоху? В советское время было принято обозначать их (хотя и с оговорками) как переход от феодализма к капитализму, «генезис капитализма». На сегодня никаких альтернативных, более внятных или исчерпывающих формулировок не предложено, если не считать использовавшихся ранее и довольно расплывчатых терминов «Средние века» и «Новое время». Историки всего мира, не только российские, нередко прибегают к понятиям «капитализм», «капиталистическое производство», «буржуазный», но далеко не всегда утруждают себя их уточнением, хотя, если разобраться, подразумеваемых оговорок стало еще больше.

Видимо, объективное наличие некоторого ряда феноменов, скрывающихся за словом «капитализм», представляется очевидным, а копание в теоретических нюансах, некогда обязательное для советских историков (был ли тот или иной процесс уже капиталистическим или еще докапиталистическим, когда именно установился новый строй в той или иной стране – причем всегда со ссылкой на *verba magistri*), теперь выглядит схоластическим или в лучшем случае считается уделом философов и социологов.

Однако вопрос о том, насколько жизнь общества укладывается в схемы и как эти схемы конструируются, важен и для истории, и для понимания сегодняшнего дня. «Феодализм», занимающий одно из главных мест в марксистской схеме, никто специально не строил, этот термин стал применяться для обозначения определенного общественного уклада лишь в XVIII в., когда сам этот уклад уже изжил себя в Европе, т.е. люди, жившие еще раньше при феодализме, об этом не догадывались. Социализм, напротив, сразу возник как некий «проект», как должностовование и предполагаемая цель человечества. Капитализм находится где-то посредине: никто его специально также не возводил, но усилия людей, боровшихся за свободу торговли, за развитие промышленности, за равенство, наконец, были куда более осознанными, чем в Средние века – в смысле общественных перспектив. На этой стадии «научное», т.е. систематизированное, являющееся плодом специальных изысканий, знание об обществе постепенно стало обязательным компонентом идеологий. «Капитализм» поэтому не есть ярлычок, приклеиваемый произвольно к совокупности множества разнородных и мало связанных между собой явлений; термин появился тогда, когда экономисты и историки заметили феномен и ощутили потребность его назвать. Капитализм – это общественный строй или уклад (в последнем смысле слово употреблял Маркс), основанный на рыночных отношениях и свободе предпринимательства, который утверждался в той или иной форме в том или ином месте и в то или иное время, как правило, непростым способом – в борьбе с другими укладами. (Некоторые историки находили его и в глубокой древности.) Не чистый конструкт (примышленное к реальности обозначение), и в то же время не объективная данность, а коллективное изобретение – продукт ума (ментальности) и деятельности многих поколений. Капитал (иначе говоря, получение прибыли) стал источником развития. Сначала это было товарное производство, затем производство виртуальных ценностей (денег). Произошла капитализация мира, превращение его в источник доходов – такая ментальная установка в конечном счете возобладала в экономике.

Для «феодализма» характерно специфически нераздельное соединение власти (права) и собственности – сочетание этих параметров определяет место человека, а точнее его рода, в социальной иерархии, имеющей форму пирамиды. При «капитализме» собственность обезличена: не власть наделяет богатством, а богатство властью. В XVI–XVII вв. исход соревнования этих принципов был далеко не ясен, в том числе и в Европе. Возникновение мануфактур, развитие рыночных отношений и товарного производства, ориентация на спрос и возрастание роли кредита, который благодаря торгующим финансовыми услугами банкам становится самостоятельной отраслью экономики, стимулировали экспансию Европы. Однако за ее пределами европейские новации не встретили понимания, они были отвергнуты странами, имеющими собственные тысячелетние традиции – Китаем, Японией, Индией. Выбор в пользу закрытости сделали политические «элиты», хотя предпосылки для развития рыночных отношений существовали и в этих странах. Но до поры до времени они могли развиваться в рамках отдельных «миров-экономик», как называл такие конгломераты, формировавшиеся вокруг крупнейших цивилизационных центров, Ф. Бродель. Только образование мирового рынка и развернувшееся на нем соперничество побудили отстававшие страны к «модернизации» в капиталистическом духе.

Картина социальной жизни раннего Нового времени (или очень позднего Средневековья, что примерно то же), если рассматривать ее в контексте «прогресса», выглядит очень неоднородной, если не сказать противоречивой. Наряду с другими рынками формируются рынки рабочей силы, при этом квалифицированный наемный труд и физический труд постепенно перестают быть презируемыми, о чем красноречиво свидетельствуют новые установки в воспитании, касающиеся даже семей просвещенных деспотов.

В то же время новое дыхание и новые формы обретают торговля людьми и рабский или подневольный труд, которые парадоксальным образом сочетаются с рыночными способами хозяйствования и именно от них получают новый импульс. Прежде всего имеется в виду вывоз рабов на американские плантации, главным образом из Африки, и запоздалый подъем барщинного хозяйства на Востоке Европы, который приводит к новому закрепощению крестьян на землях помещиков, поставляющих сельскохозяйственные продукты на рынок, в том числе международный.

Подневольное состояние значительной, иногда большей части общества — феномен, вполне характерный для Средних веков, которым было знакомо и рабство, как оно знакомо и нашему времени. В Средние века работорговля являлась одной из форм международной торговли, в частности между Востоком и Западом. Кочевники поставляли тысячи рабов из Восточной Европы на невольничьи рынки Малой Азии и Причерноморья, откуда они иногда снова попадали в Европу, на этот раз в Западную. Но здесь рабство не получило широкого распространения, возможно, вступая в противоречие с христианской идеологией. Как бы то ни было, идея о том, что можно владеть людьми как любым другим имуществом, что такая власть вытекает из законов природы, вполне соответствовала патриархальному политическому укладу Средних веков, в котором право на власть ассоциировалось с особым статусом, с прирожденными, священными правами государей. Все подданные стояли ниже их (если не считать магнатов, которые также были в своем роде государями и равными государям). Но подневольное состояние очень часто было выгоднее, а может быть, и почетнее свободного. Слово «министр» происходит от латинского понятия «слуга», потому что министрами государева двора становились дослужившиеся до высших постов слуги. В России XVI в. высшим почетным титулом был «слуга государев». Главенствующее в Средние века военное сословие в значительной мере рекрутировалось из таких слуг, они участвовали в первоначальном формировании слоя рыцарства. На Востоке привилегированные военные части комплектовались по специальной системе из отпрысков покоренных народов; янычары в Турции со временем стали влиять на выбор султана, в Египте мамлюки превратились в правящее сословие. В Китае чрезвычайную силу набрали евнухи, насчитывавшиеся десятками тысяч и часто руководившие всей государственной политикой. В общем, быть зависимым не обязательно означало быть лишенным власти, зависимость от правителя приближала к нему. Это один из элементов социальной мобильности, существовавшей и в средневековом сословном обществе.

Повсеместно люди делились на податных и неподатных, простолюдинов и белую кость, принадлежность к которой, как правило, сочеталась с заня-

тиями военным делом. На закате Средних веков в Европе привилегии получают и ученые люди, доктора (ранее ими пользовалось духовенство, из которого они вышли). Их значимость связана с их знаниями, с должностями, которые они занимают, и эти должности, в соответствии с тогдашними представлениями о месте человека в обществе, рассматриваются как его личная, часто семейственная принадлежность: должность не только можно купить, но и передать по наследству. На Востоке это часто было узаконенной практикой, на Западе (во Франции, в Англии, в Риме) ее не одобряли, но порой тоже пытались узаконить. Административная должность обеспечивала особое место в обществе, давала права на благородство, как титул, который состоятельный человек в это время мог купить, а иногда владельцев должностей даже принуждали покупать титулы.

Если для изначально зависимых людей и даже групп в позднесредневековый период открывалась возможность подниматься по социальной лестнице, то другие, формально свободные и привилегированные слои средневекового общества вследствие имущественного расслоения становились уязвимыми. Это относится к низшей и наиболее массовой части военного сословия, служилым людям, получавшим от государства надел для прокормления. В силу циклических законов рынка и других причин немногие из них богатели, а большая часть беднела. Эта наиболее многочисленная часть дворянства была одним из столпов средневековой «демократии» и в то же время источником повсеместных смут – она кормилась за счет войн, а при их отсутствии или неудачном исходе была склонна к асоциальному поведению, проще говоря к разбою и участию в волнениях. Такая военная прослойка имела и в Европе (рыцарство, польская шляхта, русское мелкое дворянство и отчасти казачество), и на Востоке: в Турции (тимариоты), в Китае, в Корее.

Служилые люди повсеместно стремились сделать свои владения наследственными и прикрепить к ним земледельцев, а иногда, наоборот, согнать их с отнятых участков. Государственная власть вмешивалась в эти отношения, прежде всего в фискальных целях, в Турции, Китае, Японии, Венгрии, Скандинавии, противодействуя «несправедливому» переделу земель и защищая податное сословие. Но в некоторых случаях, как например в Иране в конце XVII в., инициатива закрепощения исходила напрямую от государства.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ

Историки политических учреждений в Европе XVI–XVII вв. говорят о существовании в это время так называемых «составных монархий» (англ. composite monarchy), причем это словосочетание может обозначать две разные вещи: 1) государство, в котором политическую роль играют несколько сословий, в большинстве случаев это та же сословно-представительная монархия (например, в Англии); 2) государство, состоящее из разных народов, фактически почти синоним империи (Габсбургская, Османская). В Средние века, уже ближе к их закату, власть монарха стала ограничиваться сословно-представительными учреждениями, где собирались, как правило, депутаты от дворянства, духовенства, горожан, реже – свободных крестьян. Государи были вынуждены созывать эти собрания, например Генеральные Штаты во

Франции, чтобы объявлять войну и утверждать необходимое для этого взимание налогов. Существование таких учреждений имело для правителей и некую политическую выгоду: они могли опереться на них, апеллируя к защите общегосударственных интересов в борьбе со своевольными магнатами и сепаратизмом. Подобные органы, не обязательно сословного характера, имелись не только в Западной Европе, в частности монгольские курултай или Земские соборы в России. Относительно последних в историографии идут споры, насколько можно говорить об их сословно-представительном характере, хотя в период, близкий к Смутному времени, такие функции, связанные с необходимостью выбирать кандидатов на царский трон, явно присутствовали.

В названных учреждениях видят прообраз будущей «демократии», но на заре Нового времени эти ростки парламентаризма парадоксальным образом ущемляются в пользу абсолютной власти монархов, парадокс здесь в том, что путь от средневекового сословного представительства к буржуазной республике лежит через ничем по сути не ограниченный суверенитет единоличного государя. Марксистская социология объясняла этот феномен неустойчивым равновесием политического влияния двух классов – дворянства и буржуазии, но сегодня хотелось бы подчеркнуть, во-первых, причудливость исторического существования и развития общественных институтов, эта причудливость не вписывается в схемы, нанизывающие все жизненные сферы на один стержень, а во-вторых, тот факт, что абсолютизм явился определенным венцом государственного строительства и развития политического сознания, в котором общее благо стало отождествляться с персоной государя, но государя – не столько верховного собственника страны и подданных, сколько главного слуги Левиафана (выражение Т. Гоббса), главы государственной машины*. В этом смысле абсолютный монарх – ее воплощение, высший чиновник, командующий армией чиновников. Тут можно провести некоторую параллель с неевропейскими странами, имевшими высокоразвитые государственные традиции, в частности с Китаем или Японией, где, однако, в рассматриваемый период императорская власть вырождается, превращаясь в чистый символ и замещаясь другими структурами (сёгунат). Впрочем, проведение подобных параллелей для историков чревато риском смешать вечное и временное, циклические феномены со «стадиальными», историю общества в целом с историей учреждений. Всегда и везде разворачивается борьба между унитаризмом и сепаратизмом, между концентрацией власти и ее распределением, между централизацией и автономией. В России жестоко подавляются новгородские вольности, в Испании (позднее) вольности Арагона – можно ли видеть здесь проявления одного или хотя бы вызванных одинаковыми причинами процессов? В разных частях Европы подданные поднимаются или устраивают заговоры против монархов, называя их греческим словом «тираны»: в Испании комунерос против императора Карла, во Франции

* Политические теоретики этого времени часто прибегают также к сравнению государства с организмом, в котором существует субординация частей, обеспечивающая их слаженную работу. В этой связи деятельность правителя и политика уподобляется усилиям врача, вовремя распознающего и излечивающего общественные недуги.

монархوماхи против королей, в Англии парламент – было ли все это побочным результатом прихода абсолютизма?*

Нужно иметь в виду, что новые веяния и давно известные идеи могут применяться к совершенно разным явлениям и институтам, при всей их внешней похожести. Например, империи в эпоху раннего Нового времени далеко не потеряли своего значения и перспективности как политические «проекты». Священная Римская империя при Карле V обрела давно забытую грандиозность, казалось бы, ненадолго, но на ее обломках сформировалась австрийская империя Габсбургов, просуществовавшая еще триста с лишним лет. В Китае одна династия и даже один правящий этнос сменил другой, но империя сохранилась. В Индии империя Моголов более или менее благополучно продержалась на протяжении всего четырех поколений правителей, как в наше время Советский Союз (а в XV в. Бургундское государство), но не стала ли ее история важнейшим вкладом в будущее национальное единство, учитываемая политикой терпимости некоторых из них? Вообще религиозная и национальная терпимость – вынужденный выбор для многих империй, состоявших обычно из разных этносов и представителей разных конфессий. Любопытна в этом отношении история Османской империи, мусульманского государства, сохранившего свой азиатский облик, но в то же время ставшего преемником Византии, своего рода третьим Римом (или Румом). Близость к Европе, возможно, не только стала фактором ослабления Порты, но и помогла ей выжить, что особенно сказалось уже в современную эпоху.

Знаменательные изменения происходят в начале Нового времени с самой материей государства. Формируется бюрократия, созревает класс чиновничества, который соответствует новым представлениям о политических учреждениях. Хотя о парламентаризме и партиях говорить пока рано, чиновники образуют костяк новой государственной машины, будучи ее винтиками. Слуги государя становятся господами, сам он – слугой общества и закона, хотя бы в идеале. Идеальная функция нового чиновника – управлять потоками, его интересы – угодить начальству, не нарушать инструкций (никакой самостоятельности), но не забывать и себя. Только намного позже в Новом Свете потомки американских колонистов, стараясь взять все лучшее из европейского опыта, попытаются создать «демократию» с опорой на вооруженный народ, в которой государство действительно подчинено (служит) обществу, хотя и этот опыт далеко не во всем успешен.

В административной сфере также причудливо сочетались разнородные тенденции, что выразилось в уже упоминавшейся продаже должностей, особенно распространенной на Востоке. Не только в Западной Европе, но и в России, в Турции с XVI в. собственно государственные органы, приказы, обособлялись от аппаратов управления дворцом и личным хозяйством монархов. Везде, от Франции до Китая и Японии проводятся учет и оценка земель для пополнения доходов государства. В то же время в Восточной и Западной Индии (Америке), в Китае династии Цин, на Востоке Европы и в Турции сохраняются старинные механизмы управления, основанные на круговой поруке и удобные и в новых условиях для управления большими группами людей (общинами).

* Любопытно, что и в Китае в это время в XVII в. ученый и политический деятель Хуан Цзунси рассуждает о народном суверенитете и о праве свергнуть монарха.

Рубеж Средних веков и Нового времени ознаменован явлением, которое сегодня мы называем «революциями». Восстания, перевороты и мятежи сопровождали всю историю властных отношений в человеческом обществе. Но о революциях заговорили тогда, когда стало заметно, что в результате социальных конфликтов меняются не только люди или группы людей, стоящие у власти, но весь строй общества, начиная от экономических структур и заканчивая господствующими идеями.

Понятие социальной революции было глубоко разработано в марксизме, который считал революции проявлением законов истории, способом смены отсталого общественного строя более «прогрессивным», прежде всего феодального буржуазным (процессы, разворачивавшиеся на глазах Маркса и Энгельса). Это представление имеет право на существование в той мере, в какой можно провести аналогию между техническим прогрессом (совершенствованием орудий, механизмов и приспособлений) и социальной «технологией». И если техника в производстве и повседневной жизни рано или поздно «модернизируется» повсеместно, в силу связей и соревнования между разными обществами, то социальное обновление, судя по всему, слишком приблизительно описывается стадийной схемой, потому что мотивация человеческого поведения противоречива и разнообразна, репертуар ролей несводим к сословной и классовой принадлежности. Конфликты, вызванные экономическими интересами, в том числе вечное противостояние бедных и богатых, накладывались на этнические и религиозные, которые все же очень трудно свести к неосознанному выражению классовой борьбы, объективно ведущей к прогрессу.

XVI и XVII века в Европе и во всем мире заполнены смутами, крестьянскими войнами и восстаниями и другими вспышками недовольства. Большинство из них сочеталось с конфликтами международного характера, т.е. с войнами, и с религиозной конфронтацией. Это относится и к Смутному времени в России, и к Тридцатилетней войне, которая с «европоцентристской» точки зрения была прообразом будущих мировых войн, ибо затронула весь тогдашний европейский мир. Среди мотивов и обоснований войн и переворотов по-прежнему на первом месте династические интересы, национальные и патриотические чувства уже пробудились, но их роль для этого времени не стоит преувеличивать.

Национально-гражданское самосознание быстрее развивается в тех странах, где формируются абсолютные монархии (Франция, Испания) и где революции пробуждают политическую и экономическую активность (Нидерланды, Англия). Все эти страны в XVI–XVIII вв. поочередно претендуют на гегемонию в Европе и связанном с ней мире, в том числе в колониях, которые уже начинают подвергаться переделу.

Главенствующие на пике Средневековья в политическом и духовном отношениях части Европы (Германия как центр империи и Италия – резиденция пап) остаются раздробленными, становятся ареной кровопролитных общеевропейских войн и на время превращаются в захолустье Европы.

ЦЕРКВИ И РЕЛИГИИ

XVI–XVII столетия – время религиозных схизм и реформ не только на Западе, но и в России (никонианский раскол), и в иудейской диаспоре (саббатизм). Впрочем, межконфессиональная и внутриконфессиональная борьба постоянно сопровождает всю историю религий. В геополитическом плане западное христианство наверстывает потери раскола благодаря колониальным захватам и миссионерской деятельности, распространяющейся на весь мир и приносящей богатые плоды, в том числе в Китае и Японии. Но в указанных странах эти плоды сводит на нет местная политическая конъюнктура, как и в других регионах, в частности в Африке, где католическое влияние слабеет под напором ислама или местных традиций (Эфиопия, Конго). Вообще знаменем времени становится подчинение религии политике и ослабление политической и экономической самостоятельности церквей. Монастырское землевладение ограничивают не только в Англии и Скандинавии, но и в России, духовенство лишается налоговых и сословных привилегий (представительства) не только в протестантских странах, но и в Венеции.

Важнейшим косвенным результатом Реформации в конечном счете стало утверждение идеи веротерпимости, имеющей общие корни с ренессансным свободомыслием и для средневековой Европы чуждой. Благодаря религиозным коллоквиумам и соглашениям выработалось, пока в зачаточном виде, понимание необходимости считаться с чужим мнением. Правда, зачастую внешняя веротерпимость на деле сводилась к ограниченному допущению других культов в силу тех или иных причин (сосуществования разных этносов, пограничного положения) при господстве главной конфессии. Такая ситуация имела место в Польше, Венгрии, Османской империи. На Востоке относительно мирное сосуществование разных вер, например буддизма, конфуцианства и даосизма в Китае, имело более древние традиции. Но и здесь проявления государственной веротерпимости и поисков синтеза, такие как в Индии в правление султана Акбара, встречались чересчур редко, чтобы можно было увидеть в них общую закономерность.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

Для понимания собственно экономических процессов, как это ни парадоксально, нужно отталкиваться от тех изменений, которые происходили в ментальности.

На рубеже Средних веков и Нового времени наметилось доминирование парадигмы постоянного роста и постоянного обновления. Чтобы началось развитие производства, необходимо утверждение в умах этих парадигм. Можно сослаться на заложенную в природе человека тягу к накоплению или его инстинктивную любознательность, но для того, чтобы эти потребности привели к появлению современной экономики, они должны оформиться в некие коллективные ментальные тренды. В то же время для этого нужны, разумеется, и особое стечение обстоятельств, и определенные предпосылки, в том числе и чисто материальные.

В нашем случае это было наличие в Европе некоторого количества независимых государств, конкурирующих между собой, но и объединенных общим культурным, или цивилизационным багажом, не в последнюю очередь христианским, т.е. средневековым и античным. Христианское общество с подозрением относилось к богатству, которое считалось терпимым в силу несовершенства земной жизни. Перенос интереса на земной мир способствовал легитимации идеала накопления, но одновременно и революций ради «справедливого» предела собственности.

Схему дальнейшего развития экономики можно также строить на противопоставлении различных путей и взглядов, определявших ее состояние. Все они так или иначе связаны между собой: противостояние натурального хозяйства и рыночного клонится в рассматриваемый период к явному перевесу последнего, альтернатива свободы торговли и стремления управлять процессом выливается в последующие столетия в борьбу экономического либерализма и протекционизма (в рассматриваемый период – меркантилизма), баланс вещных и виртуальных средств обмена изменяется в сторону торжества кредитной экономики. Она обеспечивает рост производства, финансовые инвестиции, диверсификацию отраслей, преобладание предложения над спросом. Вместе с тем она несет с собой инфляцию как условие развития, финансовые спекуляции, банкротства и периодические кризисы. Зарождение новых кредитных отношений имело для Нового времени не меньшее значение, чем открытие Америки (эта параллель сходится в одну линию, если вспомнить о будущей роли доллара как мировой валюты и об участии генуэзского банка Сан-Джорджо в финансировании экспедиции Колумба).

Уже упомянутый меркантилизм был не столько теоретическим оправданием, сколько первой реакцией на этот процесс, стремлением общества в лице государственной власти придать ему управляемость. Желание накапливать деньги (внутри государства) отражает одну сторону рыночной экономики, традиционную, и для того периода оправдывается еще и тем, что деньги не стали в полной мере условной ценностью, они (драгоценные металлы) сохраняли характер реальной ценности, гарантируемой одинаково для всех природой. Другая сторона, выражаемая тем, что деньги должны работать, продаваться, крутиться, чтобы приносить доход, связана больше с их виртуальной спецификой и противоречит наличию всевозможных границ и барьеров, в перспективе она ведет к «глобализации».

Противоречивость и переходность раннего Нового времени ярко проявилась в феномене продажи должностей, о котором говорилось выше. Государство, одной из функций которого является перераспределение доходов, должно как-то и себя обеспечивать. В Средние века доходы человека были привязаны к его месту на общественной лестнице, человек тесно срастался с местом, но отсюда вытекала и возможность отчуждения, распоряжения им как имуществом – это явление того же порядка, что и продажа целых провинций и графств. Было понимание несовместимости службы обществу, как и Богу, с корыстью, извлечением доходов, однако симония больше всего процветала в Риме, что и стало одним из поводов к Реформации.

Во многих странах, особенно на Востоке, место и титул (например, заминдара в Индии) можно было продавать; наличие должности предполагало получение официальных подарков от просителей не только в России, но

и, например, в Англии. В конце Средневековья, таким образом, возникают элементы рыночно-правовых отношений, торговли властью, правом как собственностью. Вместе с тем было понятно, что правосудием нельзя торговать и что правовые полномочия требуют наличия некоторых знаний. Отсюда требование специальных знаний у чиновников – в Китае, где они должны были сдавать экзамены, в какой-то степени и во Франции, где делались попытки оформить существующую практику продажи и законодательно. В последнем случае покупка должности могла преследовать как цели престижа, так и получение доходов, своего рода инвестиция капитала в собственность, приносящую постоянный и относительно гарантированный доход. Со стороны государства это выглядело как род займа, погашаемого должностным жалованьем, почти разновидность рент, получивших в этот период во Франции чрезвычайное распространение.

В общем, попытки легализации продажи должностей служат одним из подтверждений того, что при власти находятся чаще не самые мудрые, образованные и достойные люди («меритократия»), а самые богатые, влиятельные и изворотливые. Первые только служат вторым, как в Китае XVII в., где захватившие власть маньчжуры использовали образованных чиновников в качестве хранителей государственной традиции.

Впрочем, мир накануне Нового времени, конечно, не мог являть собой царство социальной справедливости, смутное представление о которой только начинало приобретать определенные очертания в трудах авторов утопий.

На рубеже Средневековья и раннего Нового времени в Европе в условиях экономического подъема и глубоких общественно-политических перемен (становление национальных государств, усиление центральной власти, борьба держав за сферы влияния и т.д.) происходит переворот в военной области. Термин «военная революция», выдвинутый британским историком М. Робертсом в 1955 г., был воспринят, уточнен и обоснован многими учеными. Правда, ввиду длительности, неравномерности и обширной географии этого явления, которое нельзя ограничить двумя столетиями, иногда предпочитают вести речь об эволюции.

В XVI–XVII вв. вооруженные конфликты становятся более продолжительными, ожесточенными и кровопролитными, чем прежде, приобретают огромный территориальный размах (Итальянские войны, 1494–1559; Ливонская война, 1558–1583; Тридцатилетняя война, 1618–1648; «Потоп» Речи Посполитой и Северные войны, 1648–1667, и др.). Соперничество стран и альянсов выходит далеко за пределы континента и охватывает почти весь мир в связи с образованием колониальных империй (Португалия, Испания, затем Нидерланды, Великобритания, Франция). Многие блестящие полководцы этой эпохи – Гонсало Фернандес де Кордова, Мориц Нассауский, Альбрехт фон Валленштейн,

Густав II Адольф, Оливер Кромвель, Раймондо Монтекукколи, Анри Тюренн, Фридрих Вильгельм Бранденбургский, Ян Собеский и др. – не только прославились своими победами, но и внесли вклад во всесторонние военные реформы. Повсюду внедрялись и быстро перенимались военно-технические находки, новые виды вооружений, способы ведения боя, формы войсковой организации.

В Европе были созданы постоянные профессиональные армии, которые получили регулярную структуру, вели систематическую боевую подготовку и состояли на полном содержании государства, что многократно увеличило военные бюджеты и расходы. Наряду с традиционным, по-прежнему многочисленным наемным корпусом (немцы, швейцарцы, шотландцы и др.), все больший удельный вес получали части, вербовавшиеся по национальному признаку.

Рисунок Якоба де Гейна из трактата «Обращение с оружием». 1607 г.

Так, шведская армия уже с середины XVI в. комплектовалась на основе обязательной воинской повинности. Каждая сельская община должна была выставить определенное число людей, из которых по рекрутским спискам отбирали солдат. При короле Густаве Адольфе страна была разделена на девять округов, и в каждом набирался один «большой полк» до 3 тысяч человек; «большие полки» делились на три «полевых полка», по восемь рот в каждом. Рекрутскому набору подлежал каждый десятый крестьянин, годный к военной службе. Король Карл XI ввел территориально-милиционный порядок службы (*indelningsverket*), покрывавший основные расходы на содержание вооруженных сил за счет доходов от частных и государственных, особенно редуцированных, дворянских земель. К концу XVII в. малонаселенная и ограниченная в ресурсах Швеция располагала более чем 60-тысячной постоянной армией; ее численность с началом Северной войны 1700–1721 гг. за счет дополнительного набора и найма была доведена до 100 тысяч человек. Бурный рост вооруженных сил наблюдается и в других странах. К началу 1700-х годов армии Великобритании и Нидерландов также достигали 100 тысяч человек, не считая многотысячных морских команд, на которых во многом покоилось могущество этих держав. Во Франции армия со 120 тысяч в 70-х годах XVII в. была довербована до 400 тысяч в начале XVIII в. Множился и административный аппарат, росли военные ведомства и министерства.

Еще важнее были качественные изменения. В целом определились состав и иерархия боевых подразделений и частей от взвода и роты до бригады и дивизии, сложилась знакомая и сегодня система воинских званий от унтер-офицерских чинов до фельдмаршала. Роль пехоты постоянно росла, хотя не следует преуменьшать и значение кавалерии – оно оставалось высоким, а в некоторых армиях (например, польско-литовской) преобладающим; в последних битвах Тридцатилетней войны конница даже численно превосходила пехоту. Появились новые рода войск, в том числе драгуны, способные действовать как в конном, так и в пешем строю; шло формирование инженерного корпуса и элитных лейб-гвардейских частей. Главнокомандующие стремились обеспечить оперативное взаимодействие всех родов войск, наладить их постоянное снабжение путем создания баз и магазинов, поддерживать твердую дисциплину.

Существенно повысились дальноточность и скорострельность личного оружия и артиллерии. Во всех войсках вводилось единообразное вооружение. На смену аркебузам и мушкетам с фитильным запалом пришли ружья, карабины и пистолеты с колесцовым, а позже и с более практичным кремневым замком (его изобретение в начале 10-х годов XVII в. приписывается французскому мастеру Марену ле Буржуа). Помимо гладких стволов все чаще использовались нарезные. Беспорядочный и спорадический огонь уступал место залповому и непрерывному. В пехоте в конце XVII в. были введены штыки, сначала вставные, затем насадные, не препятствовавшие стрельбе. Возросла роль артиллерии, разделившейся на осадную, крепостную, полевую, полковую и морскую, началась унификация калибров, была улучшена конструкция лафетов, что повысило подвижность орудий; их вес был намного облегчен благодаря прогрессу литейного производства. В конце XVII в. в Швеции изобрели орудие нового типа, промежуточное между пушкой и

мортирой, – гаубицу. Совершенствовались боевые припасы – появились зарядные пороховые трубки, картечи, картузы и т.д.

С начала XVI в. в испанской армии были приняты плотные и глубокие построения пехотинцев (*coronellas*, затем *tercios*), которые впервые последовательно сочетали холодное оружие с ручным огнестрельным и могли противостоять тяжелой рыцарской коннице. Они принесли Испании блестящие победы в сражениях при Чериньоле (1503), Павии (1525), Сен-Кантене (1557) и других, стяжали славу непобедимых и имитировались в других странах. К концу XVII в., в ответ на растущую мощь огня на поле боя, постепенно восторжествовала более гибкая линейная тактика. Пехота обычно располагалась в центре, в две-три линии различной глубины из мушкетеров и пикинеров (с введением штыков пики почти вышли из употребления), кавалерия – на флангах, артиллерия – по фронту или между боевыми частями. В зависимости от местных условий позиционные действия сочетались с быстрым маневрированием, осады – с генеральными сражениями. Развитие тактики не было однонаправленным, и безупречного, универсального боевого порядка не могло существовать. Так, в 1634 г., после всех реформ и побед Густава Адольфа, шведы и их союзники-протестанты были наголову разбиты «старомодными» полками Габсбургов при Нёрдлингене.

В фортификации бастионное начертание, возникшее в Италии в конце XV в., получило быстрое развитие в разных странах. В 1565 г. новейшие достижения крепостного искусства обеспечили победный для христиан исход «Великой осады» Мальты османами. Реформаторы инженерной науки – француз Себастьян де Вобан (1633–1707), голландский барон Менно ван Кухорн (1641–1704) и саксонец Георг Римплер (1636–1683) – были сторонниками упорной, активной, глубоко эшелонированной обороны, призванной удерживать противника как можно дальше и дольше. Отныне осады велись по принципу постепенной атаки («побольше пота, поменьше крови»), с апрошами, целенаправленным батарейным огнем из тяжелых орудий по уязвимым участкам и сложной системой концентрических параллельных траншей, соединенных зигзагообразными окопами (сапами). Весьма действенным способом взятия крепостей стало минирование; против него применялись контрмины. Немалых успехов достигла и полевая фортификация.

Стремительно развивалось военно-морское дело. Все ведущие державы Европы создали постоянные военные флоты, которые насчитывали десятки судов различных классов – от галер, незаменимых в условиях мелководья, и брандеров до галеонов в XVI в. и трехпалубных стопушечных линейных кораблей в конце XVII в. Изобретателем водонепроницаемого орудийного порта в начале XVI в. считается французский судостроитель из Бреста по имени Дешарж. Благодаря этому и другим новшествам резко возросла огневая мощь морских судов, как по количеству размещаемых на борту орудий, так и по их калибру. Абордаж, прежде основная форма морского боя, был вытеснен артиллерийской дуэлью. Как и на суше, во флоте стало применяться линейное построение, что давало возможность слаженно маневрировать и многократно производить сокрушительные бортовые залпы. Наиболее примечательными событиями в морских анналах того времени были уничтожение османского флота при Лепанто в 1571 г., долгое противостояние испанской и английской армад и англо-голландские войны второй половины XVII в.

Знаменитые флотоводцы – испанский маркиз Санта Крус, англичанин сэр Фрэнсис Дрейк, голландский адмирал Михиел де Рюйтер и другие – своими победами доказали, что флот превратился в важную и неотъемлемую часть вооруженных сил. К концу XVII в. «владычицей морей» стала Британия: в 1688 г. ее военный флот состоял из 173 судов с экипажем в 42 тысячи человек при 6930 орудиях. В целях взаимодействия морских и наземных операций были основаны части морской пехоты: в Испании (1537), Франции (1622), Великобритании (1664) и Нидерландах (1665).

В эту эпоху возникают первые военно-учебные заведения (в 1653 г. в Пруссии учреждены кадетские школы), издается обширная военная литература, вырабатываются армейские уставы, церемониалы, обычаи, униформа, кодексы обращения с военнопленными и проведения дуэлей, разнообразные жанры военной музыки и т.д.

Историческим итогом всех этих перемен стало бесспорное военное преимущество и растущее мировое господство европейцев, начиная с походов Кортеса и Писарро, с горстью солдат захвативших державы ацтеков и инков. Однако так бывало не всегда. К примеру, испанцы не смогли покорить жившие на территории Чили племена арауканов (мапуче). В XVII в. индейцы Северной Америки достаточно быстро освоили огнестрельное оружие и научились использовать лошадей в военных действиях, не без успеха сопротивляясь европейцам еще и в XIX в. Определенный вклад в развитие тактики морского боя внесли и пираты (Г. Морган и другие).

Военная история Востока XVI–XVII вв. также весьма богата событиями – такими, как разгром мамлюкского Египта османами в 1516–1517 гг., затяжные турецко-персидские войны, завоевание Китая маньчжурами и борьба Кореи за свою независимость. Среди выдающихся полководцев Азии можно назвать могольских падишахов Бабура и Акбара, иранского шаха Аббаса I (преобразованием своих войск он в известной мере обязан английским советникам, в частности Р. Ширли), объединителей Японии Ода Нобунага и Токугава Иэясу, корейского адмирала Ли Сунсина. Здесь тоже быстро и повсеместно распространялось огнестрельное оружие, в том числе путем восприятия его европейских видов. Известны и смелые нововведения, например, первые опыты применения в Корее «ракетных устройств» («огненные повозки» – *хвачха*) и «кораблей-черепах» (*кобуксон*), позволивших корейцам в конце XVI в. уверенно отражать атаки японцев, хотя наличие брони на кобуксонах не доказано. Но если даже в Европе о «военной революции» принято рассуждать с оговорками, то в азиатских странах, где в данной сфере по-прежнему ориентировались на традицию, это едва ли возможно вообще. Именно в эти столетия все яснее проявлялось военное превосходство Запада над Востоком, тем более разительное, что на стороне последнего почти всегда был заметный, порой подавляющий перевес в численности войск. В первой половине XVI в. небольшие эскадры и десанты португальцев победоносно прошествовали почти по всему побережью Индийского океана, сломали сопротивление местных правителей и закрепились в стратегически важных пунктах. Борьба христианских государств с Османской империей велась с крайним напряжением сил и переменным успехом, однако туркам не удалось одолеть ни маленькую Мальту, ни уже клонившуюся к упадку Венецию. Победы османов все чаще оказывались «пирровыми» (четвертьвековая

осада Кандии 1645–1669, Чигиринские походы 1677–1678 гг.) и вскоре сменились сокрушительными поражениями от армий Священной лиги под Веной в 1683 г., при Зенте в 1697 г. и др.

На севере Евразии Россия, не самая передовая военная держава, нередко уступавшая на поле брани западным соседям, довольно легко покорила Казанское, Астраханское и Сибирское ханства и отбила у турок Азов. В 80-х годах XVII в. сильный боевой корпус Цинского Китая долго не мог совладать с несколькими сотнями русских казаков, оборонявших острог Албазин на Амуре. Успехи царского оружия во многом связаны с тем, что военные реформы в России все более решительно следовали по западноевропейскому пути, и это способствовало росту новой мировой империи. По указу царя Михаила Федоровича, в начале 30-х годов XVII в. шотландец Александер Лесли, ставший первым русским генералом, сформировал полки «иноземного строя» – солдатские, драгунские и рейтарские. С помощью опытных иностранных наставников, особенно Патрика Гордона, Петр I довершил начатое, создав регулярную армию и флот, одни из лучших в Европе.

СОБЫТИЯ И ПЕРЕМЕНЫ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ: ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕФОРМАЦИЯ, КОНТРЕФОРМАЦИЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Эпоха раннего Нового времени ознаменована культурными феноменами, которые зародились в Европе, но оказали огромное, может быть, решающее влияние на всю последующую всемирную историю. Они принесли с собой изменения во взглядах на мир, в отношении к науке, искусству, вере, человеческой личности. В результате знания стали более доступными, перестали быть уделом избранных, распространились понятия о свободе совести и веротерпимости, открытие новых земель сопровождалось культурной экспансией и обменом, тенденция приветствовать новое укоренилась и в хозяйственной деятельности, и в литературе, и в социальной жизни. Впоследствии на этой основе утвердилась идея прогресса, который в эпоху Просвещения стали связывать с распространением знания.

Все началось с Возрождения. Это была переходная эпоха между Средними веками и Новым временем, которая в смысле социального устройства ближе к первым, но в духовном отношении подготовила практически все будущие перемены. Чисто хронологически она начинается с середины XIV в. (а если говорить о Предвозрождении, то с его начала) и заканчивается в отдельных странах XVII в. Возрождение началось как сугубо конкретный исторический феномен, и хотя делались попытки с большим или меньшим основанием говорить о других Возрождениях (Каролингском, Восточном), все же это было уникальное явление, последствия которого вышли далеко за рамки чисто культурной сферы.

Сам термин «Возрождение», или его французский прототип «Ренессанс», вошел в историческую науку около середины XIX в., но восходит к идее *renovatio*, обновления, выдвинутой самими его представителями – итальянскими гуманистами. Речь шла о следовании великим образцам греко-римской древности как в изобразительном искусстве, так и в словесности, образцам, которые были преданы забвению на протяжении почти тысячелетия. Но достижения античной цивилизации использовались и тогда, особенно широко с XII в.; юристы и медики изучали римское право и труды древних врачей, философы – Аристотеля, сама же идея обновления была распространена среди верующих, где звучали призывы вернуться к евангельским истокам и оздоровить церковную организацию; этими принципами руководствовались не только еретики, но и основатели нищенствующих орденов. Позднее эта же идея воплотилась уже в форме разрыва с католицизмом и отрицания главенства папы в реформационном движении, отчасти хронологически совпавшем, отчасти пришедшем на смену Возрождению. Коренное отличие последнего заключается в преобладании у гуманистов светских интересов, что со временем навлекло на них критику как католиков, так и протестантов.

Будучи движением преимущественно культурным, Возрождение не создало никаких специальных институтов и организаций, кроме гуманистических кружков и академий, объединявших любителей литературы и искусства; оно не знало четких сословных, политических, религиозных и прочих границ. Оно создавало новую духовную атмосферу, идеи носились в воздухе и незаметно проникали повсюду – в этой аморфности и заключалась неодолимая сила ренессансной культуры, плодами которой могли воспользоваться все – папы, короли, дворяне, купцы, крестьяне, ремесленники, горожане; даже ее враги не могли обойтись без гуманистической образованности, без услуг новых художников и ученых. Эта бескровная революция заняла столь прочные позиции в европейской идеологии, что провозглашенные ею принципы образования и формирования развитой личности главенствовали несколько столетий и не забыты до сих пор.

Еще одна важная черта жизнеспособности ренессансной культуры – это ее наднациональный характер. Хотя в каждой стране Возрождение имело свои особенности и национальные корни, увлечение античной культурой, древние языки, научное и художественное общение придавали новому течению международный характер.

Таким образом, Возрождение представляло собой предпосылку отрицания средневековых обычаев и институтов в рамках самой средневековой системы; в чем-то порывая с прошлым, оно оказалось одним из самых пышных цветов, возросших на средневековой почве. Раскрепощая человека, оно еще не вело к разобщенности, к обезличенности общественных отношений.

Хронологически наиболее четко оформлена периодизация искусства Возрождения: для Италии она делится на Раннее (середина XIV–XV в.), Высокое (конец XV – начало XVI в.) и Позднее (XVI в.), что с некоторым сдвигом совпадает с тремя веками итальянского Ренессанса в целом: Треченто, Кватроченто и Чинквеченто (XIV, XV и XVI вв.). В другие страны Европы Возрождение пришло позднее и в значительной мере совпало там с эпохой Реформации, начавшейся в первой четверти XVI в. и продлившейся около ста лет. Реформация была прежде всего религиозным и национально-политическим движением и в этом смысле составляла противоположность Ренессансу.

Новые явления, вызвавшие к жизни гуманизм и искусство Возрождения, связывают обычно с развитием городской культуры. Средневековые города прирастали населением и освобождались от феодальной зависимости, в городских республиках жили свободные люди, кормившиеся ремеслом и торговлей, у них скапливались большие денежные средства, которые можно было тратить на общественные нужды – строительство, украшение церквей, общие торжества. Купцы ездили по свету, видели разные страны, набирались опыта и приобретали вкус к новым знаниям, необходимым для производства, торговли и путешествий. Постепенно образовывалась группа людей, культурные потребности которых выходили за пределы старых форм, ограничивавших круг образованных людей в основном духовными лицами, а науку подчинявших теологии. В марксистской историографии ответ на вопрос, почему предпосылки для возникновения феномена Возрождения возникли

именно в Италии на рубеже XIV в., искали в особенностях ее экономики и общественной структуры: промышленное развитие городов переросло узкоцеховые рамки, появились зачатки мануфактурного производства с разделением труда между сотнями и даже тысячами рабочих, в первую очередь в текстильной промышленности. Формировались новые общественные классы, получившие названия ранней буржуазии, или предбуржуазии (фактически «бюргерства»), и пролетариата – они выдвигали собственные политические притязания. Однако эти общие и затрагивающие преимущественно материальную сферу явления не привели бы к Ренессансу, который путем прямого заимствования и подражания распространился из Италии в другие страны Европы, если бы не ряд других обстоятельств.

Первым из них был сам факт наличия в Италии множества небольших и независимых городов-государств, которые в свое время были фундаментом античной культуры и сохранили некоторую память об этом. Не было забыто и величие Италии в эпоху империи, частично возрожденной германскими властителями. Благодаря римскому престолу Италия была центром западно-христианской Европы, и в Средние века Рим был точкой притяжения всего христианского мира, со всех сторон в него стекались материальные и духовные богатства. Такие связи соответствовали и универсальному, наднациональному характеру гуманизма. Интенсивность внутривластной жизни Италии, ее активные сношения со всем известным тогда европейцам обитаемым миром, попытки вернуться к единству с восточным христианством немало способствовали культурному всплеску. Падение византийской империи в середине XV в. и переезд в Италию византийских ученых, хранивших древнегреческие традиции, помогли распространению и изучению античных авторов в подлиннике, переводу греческих авторов на латынь и новые европейские языки. Позднее Итальянские войны, длившиеся с конца XV до второй половины XVI в., способствовали широкому распространению ренессансной культуры в других странах.

Гуманизм зародился в среде интеллектуалов, но не случайно эта эпоха дала возможность большим массам людей приобщиться к высокому образованию и культуре. «Демократические» идеи о свободе и достоинстве человека были разнесены благодаря изобретению печатного станка, также относящемуся к середине XV в., – к концу столетия было напечатано уже около 40 тысяч названий общим тиражом в несколько миллионов книг.

Появление печатной книги и других изданий изменило всю структуру производства и потребления знания – правда, не столь радикально и не столь быстро, как иногда принято считать. Печатная книга – это техническое новшество, которое отвечает на новые потребности в знании и одновременно формирует эти потребности, распространяет иные стандарты использования знания.

Распространение грамотности, новое обращение к античной культуре, пересмотр отношения к авторитетам – приметы времени, обозначившиеся еще до внедрения печатного станка. Последний, однако, дал новые импульсы этим тенденциям, и за счет высвобождения времени, тратившегося на переписывание книг, и за счет облегчения чтения текстов, тиражированных типографским способом, и за счет расширения круга источников знания и их доступности. В то же время печатная книга далеко не сразу вытеснила

рукописную как вследствие редкости отдельных изданий, так и потому, что и печатные книги были недешевы и иногда переписать, т.е. затратить ручной труд, представлялось более выгодным. Типографы приспособлялись к рынку: тиражи не были большими, но популярные книги часто переиздавались, появлялись и «пиратские» издания. Кроме того, почти одновременно с книгопечатанием в XV в. родилась и цензура в виде списков запрещенных книг, утверждаемых авторитетом римского папы (см. ниже).

Само понятие «гуманист» применительно к Возрождению очень расплывчато, оно не является чисто профессиональной или социальной характеристикой, но не сводится и к наличию у носителя этого звания какой-то определенной суммы взглядов. В социальном плане наилучшими условиями для получения гуманистического образования обладали зажиточные слои – дворянство и бюргеры, однако были и выходцы из низов, тем более что гуманисты провозглашали принцип равного достоинства людей по природе, независимо от происхождения. В профессиональном отношении гуманистами были люди самых разных творческих профессий – от дипломатов до священников. Но заниматься умственным трудом еще не значило быть гуманистом – юристы, учителя, врачи могли придерживаться средневековых, во многом противоположных гуманизму взглядов. П.О. Кристеллер и его последователи пытались дать гуманистам профессионально-социальное определение на основании предпочтения, которое последние отдавали словесности. В этом смысле гуманисты предстают как люди, усвоившие набор классических знаний и предлагающие свои услуги в качестве учителей риторики, придворных поэтов, историков, секретарей власть имущих – именно последним требовались подобные услуги, и у них была возможность их оплачивать. Вместе с тем гуманисты исповедовали духовную независимость, и это позволяло некоторым ренессансным публицистам, например Пьетро Аретино, бичевать в своих памфлетах королей, а таким художникам, как Бенвенуто Челлини, ссориться с папами и герцогами.

Иногда говорят о том, что в эпоху Возрождения впервые сложилась особая общественная группа – интеллигенция. Но гуманисты скорее были предшественниками интеллигентов Нового времени, причем не столько по роду своих занятий: подражание античности, увлечение астрологией и магией сильно отличаются от позднейшей науки, сколько благодаря комплексу новых идей, связанных со *studia humanitatis*, «изучением человечности» (фактически мира природы в противовес *studia divina* – богословию и другим умоизрядительным предметам).

Подражание классической древности постепенно вошло в моду во всем – в искусстве, архитектуре, философии, гражданской жизни и даже отчасти в богопочитании. Но развитие получили те стороны античной культуры, которые отвергались в Средние века. Прежде всего возврат к подлинникам древних писателей, философов и поэтов носил характер очищения их от искажений, служил обновлению латинского языка, который оставался языком Церкви и, соответственно, образованного сословия, но эти штудии вели и к обогащению идейного аппарата. Если в Средние века монархов уподобляли небесному царю, а иерархическую структуру общества – небесной иерархии, то из древних книг гуманисты усваивали республиканские идеалы и представления о циклической смене политических форм. Для схоластов высшим

авторитетом был Аристотель, гуманисты же очищали его труды от наслоений времени и вместе с тем противопоставляли ему «божественного Платона», предтечу христианской философии, но все же язычника, вкладывавшего в уста главного героя своих диалогов, Сократа, вольнодумные речи. Церковь учила, что человеческая природа поражена грехом и истинная жизнь ожидает праведников за гробом, для древних же загробное воздаяние было лишь тусклым и туманным отражением земного бытия, их боги, олицетворявшие силы природы, жили на Земле, почти как люди, и их чувства и поступки служили неиссякаемым источником вдохновения для поэтов и художников. У христиан эти мифологические персонажи превратились в бесов, но гуманисты прониклись поэзией античных верований – они толковали их по-своему, как аллегории, иносказания, иногда предвосхищающие христианскую истину, однако именно такие представления были им близки. Они хотели видеть природу одушевленной, а человека, его тело, проявления его жизни – одухотворенными; отсюда огромное влияние античной мифологии на искусство Ренессанса, а через него на культуру последующих столетий.

Если можно говорить применительно к рассматриваемой эпохе о революционных переменах в культуре, то это перемены в отношении к знанию, к его возможностям и доступности. Знание обладало силой и прежде, но во многом его воспринимали как сверхъестественную силу, отчасти магическую, отчасти нравоучительную; знание имело особый ценностный, даже сакральный статус и смысл, закрытый для профанов. Начиная с Возрождения можно говорить о десакрализации знания, и именно этот процесс ведет в дальнейшем к появлению такого понятия, как «информация». Информация – это и есть десакрализованное знание, т.е. служащее конкретным целям, сугубо утилитарное. Порох, компас и книгопечатание стали изобретениями, которые, по словам Ф. Бэкона, изменили современный мир, они получили известность и у китайцев, но в Европе нашли новое применение, вероятно, именно благодаря этому утилитарному духу.

Знание, которое привлекало гуманистов, было знанием о человеке, а его давали словесность и нравственная философия того времени. Гуманистические сочинения, в большинстве своем диалоги, представляют собой сплав литературы и искусства; это, как правило, рассуждения о том, как должно жить, в виде бесед ученых мужей, почитателей наук и искусств. Вообще жанры, в которых упражнялись гуманисты, они унаследовали от античности – трактаты, речи, диалоги, письма, предназначенные для опубликования. Язык, искусство слова, красота слога – вот что заботило и находило у них отклик в первую очередь. Красноречие воплощало для них науку о человеке. Систематизированных учений гуманисты не оставили, можно говорить лишь о некоторых общих тенденциях и принципах, которые они проповедовали.

На первом месте среди этих принципов находилась тяга к знанию как главной добродетели и главной цели земной человеческой деятельности. В поисках истины гуманисты обращались ко всем источникам: греческим философам, римским поэтам и писателям, Отцам церкви, средневековым арабским и еврейским ученым, у которых они искали сокровенного, доступного лишь посвященным знания. Конечно, истина, как ее представляли себе образованные итальянцы XIV–XV столетий, значительно отличалась и от истины средневековых схоластов и от постулатов новоевропейской науки XVII в.

Возрождение было сродни и той и другим; от Средних веков оно взяло целостность, нерасчлененность знания, его устремленность на человеческие нужды, хотя тогда под ними понималась забота о спасении души. Оно черпало знания не столько в опыте, сколько в традиции, правда, расширив ее рамки и позволив себе относиться к ней куда более критически, но все же оставаясь культурой эрудитов, эстетов и коллекционеров. Критицизм, широта взглядов, светская направленность и перенос акцента на земную деятельность людей сближает гуманистов с учеными Нового времени. Но в отличие от последних для гуманистов мир был слишком одушевленным, лишенным механистичности, открытым и доступным для человека во всех своих проявлениях. Гуманисты, как художники, искали в действительности и старались воплотить в своих творениях прекрасное. Понятие истины совпадало с понятием блага (высшая цель – познание) и с понятием прекрасного. Поэтому для них было так дорого учение Платона, изображающее познание как любовь, т.е. постижение прекрасного, движение к красоте, начиная от низших форм – прекрасных творений природы, человеческого тела, до красоты души и красоты одухотворенного мира в целом, красоты Вселенной как произведения творческого духа. Платонизм позволял связать воедино все разнородные источники мудрости и представить их в виде постепенного движения к божественной истине, главным, но не единственным достижением которого мыслилось евангельское учение.

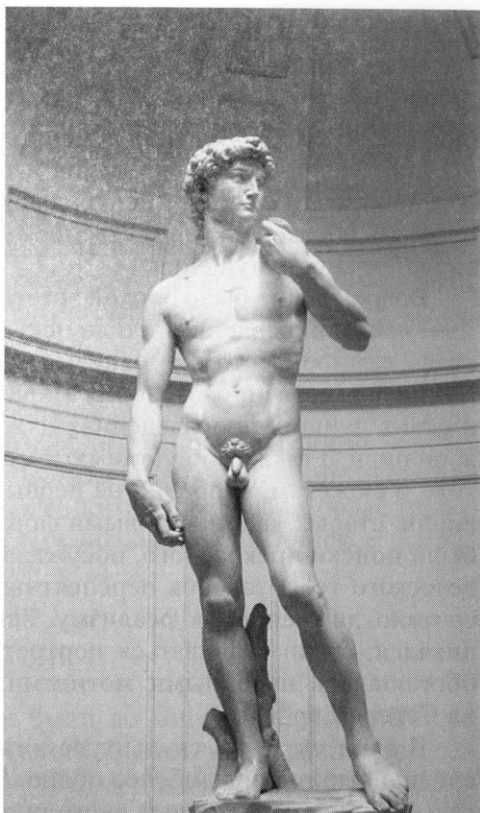
Дух времени, дух обновления еще сильнее выразился в других принципах гуманизма – в проповеди активной жизни и наслаждения ею в противовес средневековым идеалам затворничества и аскетизма; в оправдании земных потребностей, чисто светских человеческих устремлений и занятий. С идеалом гражданской жизни гуманисты связывали античный патриотизм и политическую свободу. Они стали несколько иначе понимать общество и его прошлое. Если средневековые хронисты видели во всех событиях проявления божественной воли, а несчастья или успехи государей объясняли господней карой или наградой за благочестие (если оно отсутствовало, то временным попусшением Божьим), то гуманистическая историография обратилась к критике источников, к объяснению происходящего чисто земными, естественными причинами. В теории обсуждались вопросы наилучшего государственного устройства, иногда даже взаимоотношений разных социальных групп и сословий и их влияния на политику, на ход истории, что не мешало ставить во главу угла всесторонне развитую, независимую и могучую личность, идеал ренессансного государя.

В области естественных наук важнейшим достижением гуманистов стало возвращение к античной натурфилософии, в которой они стали предшественниками пантеизма, считающего Бога как бы разлитым во всей природе, тождественным ей, как утверждал великий пантеист XVII в. Б. Спиноза. Такие представления способствуют попыткам умозрительного овладения законами природы, одушевлению ее сил, не чуждому средневековым алхимикам и астрологам – эти науки сохраняли и даже увеличивали свою притягательную силу в эпоху Возрождения, притом что отношение к ним было противоречивым. Здесь выражалось желание освоить в доступном и понятном человеку виде все тайны природы.

Возникали, однако, открытия, расширявшие кругозор общества и удовлетворявшие его практические запросы в области техники, промышленности и торговли. Благодаря развитию мореплавания были не только обнаружены новые земли, но и доказана шарообразность нашей планеты. В астрономии после Коперника утвердились гелиоцентрические взгляды, были достигнуты некоторые успехи в области медицины и в математике. Поворот в сфере гуманитарного знания повлек за собой впоследствии и естественнонаучный переворот, связанный с утверждением экспериментального подхода, окончательным отделением научного мировоззрения от веры.

Сама культура Возрождения не порывала ни с Церковью, ни тем более с религией вообще. Несмотря на наличие противоречий, в окончательном разрыве не нуждались ни гуманизм, ни Католическая церковь, по крайней мере до Реформации – но тогда у Рима появился более опасный враг, протестантизм. Гуманисты, как правило, оставались ортодоксально верующими и часто сами входили в церковную иерархию, что не мешало им критиковать пороки и невежество римской курии. Оценивая Церковь как определенный общественный институт, сопоставляя его с языческой и другими религиями, они были склонны к синтезу разных религиозных взглядов в образе «философского бога», в философской идее творца и перводвигателя мира.

Своими дерзаниями деятели Возрождения как бы бросали вызов Богу, не случайно их сравнивают с титанами древнегреческой мифологии, вставшими против обитателей Олимпа. Сложилась и точка зрения, видящая в таком безудержном развитии человеческой личности негативные стороны, объединяемые понятием индивидуализма. Говорят, что, с одной стороны, Ренессанс освободил индивидуальность от средневековых пут, но с другой – породил крайности индивидуалистического эгоизма: нежелание следовать нравственным нормам, вседозволенность, беспринципность, эгоцентризм. Тем не менее Возрождение стремилось к гармонии отношений личности с окружающим миром и обществом, недаром именно тогда появились первые утопические проекты, модели идеальных городов. Общечеловеческие интересы в них увязываются с идеалом ничем не скованного развития личности, может быть, потому, что люди Возрождения не являлись приверженцами

Микеланджело. Давид. 1501–1504 гг.
Галерея Академии, Флоренция.

узких доктрин и догм, проявляли терпимость ко всем проявлениям человечности и стремились, как подчеркивают современные ученые, к диалогу культур, в том числе культур разных эпох.

В человеческой личности, на которой в конечном итоге строится история, как в микрокосме, для гуманистов отражался большой мир в его многообразии красок, образов, звуков и идей, и отдельный человек должен был соответствовать своему центральному положению в мироздании. Поэтому цельное, образное, художественное освоение мира составляло основу ренессансного мироощущения.

Возрождение было эпохой эстетизации жизни, очевидно, поэтому его самым ярким проявлением стало искусство, особенно изобразительное. Не зря столь важное место в гуманизме занимало платоническое учение о постижении божественной красоты мира в зримых формах. Ренессанс сохранил в своих лучших произведениях духовную содержательность средневековой живописи, а также общую тематическую подчиненность религиозной догматике и сюжетам, особенно на первых порах, но сразу пошел по пути обогащения старых канонов новыми формами. Целью ренессансных художников были поиски прекрасного, побуждавшие их к кропотливому изучению человеческого тела, законов перспективы и пропорции, что было впоследствии сочтено движением к реализму. Затем светский элемент постепенно усиливался, стали развиваться портретный и исторический жанры, живопись обогащалась народными мотивами, особенно у художников, работавших на Севере Европы.

В архитектуре и скульптуре интерес Возрождения к классическому наследию выразился наиболее полно. Большой общественный спрос на строительство монументальных церковных и гражданских зданий, возведение статуй для украшения площадей и церквей, увековечение памяти выдающихся личностей способствовали притоку мастеров в эти две родственные области искусства. Архитектура Возрождения утверждала свои принципы, опираясь на систему античных ордеров, вопреки усложненному готическому стилю, но иногда и используя элементы средневекового строительства. По мере развития новой архитектуры нарастала тенденция к созданию целостных градостроительных ансамблей и даже проектов городов, авторы которых вдохновлялись идеями гуманизма.

Литература представляла собой не менее важное выражение культуры Возрождения, породившей такие жанры, как гуманистические трактаты и диалоги. Однако ренессансную литературу питали и другие источники, особенно традиции народной культуры, проникновению которых в литературу помогало и то, что Возрождение было временем создания национальных литератур на так называемых «просторечных» языках отдельных стран Европы. Влияние фольклора сказалось на таком распространенном ренессансном жанре, как бытовая новелла и отчасти на противоположной ей героической поэме, унаследовавшей и заветы рыцарской поэзии Средних веков, и сюжеты народной сказки, и стилистику античного эпоса. Из подражания Античности возникла буколическая поэзия, идеализировавшая пастушескую жизнь на лоне природы; явлением оригинальным, отразившим приближение Нового времени, стал плутовской роман. Небывалых вершин достигла ренессансная драматургия, театр был наиболее демократичным видом искус-

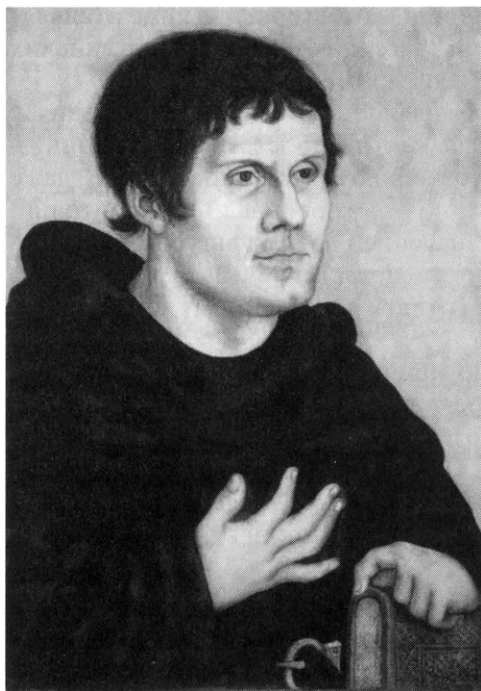
ства, также отдавшим дань народной традиции, в частности, в лице итальянской комедии масок. Венцом ренессансной трагедии стали пьесы английских драматургов XVI в. во главе с великим Шекспиром.

Отличительной чертой Возрождения являлось изменение отношения к художнику, на которого раньше смотрели как на простого ремесленника. Живописцы, архитекторы позволяли себе общаться с сановниками, даже князьями и папами чуть ли не на равных; поэтов короновали на Капитолии; гуманисты осознавали первостепенное значение своей культурной миссии. Впрочем, эта новая тенденция не была последовательной и долговечной; с закатом Ренессанса общее отношение к артисту как наемному слуге закрепилось на столетия.

Возрождение «наук и искусств» было мощным культурным движением, имевшим определенные, иногда разноречивые политические и религиозные тенденции и предпочтения, но не создавшим особых организационных форм и четко зафиксированных доктрин. Однако изменения, происходившие в социально-экономической и политической жизни, требовали более решительного обновления, которое вылилось в религиозно-политическое движение, получившее название Реформации.

РЕФОРМАЦИЯ

Истоки Возрождения и Реформации были во многом общими. Новым культурным запросам отвечали гуманистическое движение и расцвет ренессансного искусства. Но на повестку дня встали такие вопросы, как освобождение народов Европы от духовного диктата Рима и подчинение Церкви государственной власти. Гуманистическая образованность не могла стать знаменем политической борьбы, эти функции взяло на себя религиозное движение за обновление христианской Церкви. Его вожди, Лютер, Цвингли, Кальвин, подвергли пересмотру устои католицизма, они по сути отрицали необходимость Церкви как общественного института и ее помощи верующим в деле спасения души. Реформаторы, которые получили название протестантов, утверждали, что для спасения достаточно лишь оправдания верой, фактически, внутренней убежденности. В социальном смысле это выражалось в отрицании особого вида власти – власти посредников между богом и людьми, утверждением нового рода демократизма. Тот же принцип освобождения личности, который вдохновлял гуманистическое движение, выразился и в протестантизме, на этот раз в религиозной сфере. Основатели нового богословия посягнули на высший авторитет Церкви и папы, они утверждали, что каждый верующий имеет право и должен сам изучать и толковать Священное писание. Казалось бы, эти идеи должны были нести с собой веротерпимость и гуманизм, но на деле протестантизм, как всякая идеология, служащая политике, имел двойственный характер. С одной стороны, он способствовал развитию национальных культур – языка, литературы, музыки, призванных обслуживать вновь созданные церкви; латынь как единый язык богослужения была отвергнута. Издание Библии на национальных языках способствовало ее критике и углубленному изучению истории религии. В то же время протестантизм, как и любое вероучение, претендовал на знание абсолют-

Лукас Кранх Старший. Портрет Мартина Лютера как монаха-августинца. Ок. 1523 г. Германский Национальный музей, Нюрнберг

ной истины, кроме того, после раскола с Католической церковью ему пришлось вести жестокую борьбу за существование и за сферы влияния, помноженную на борьбу интересов политических сил, втянутых в религиозное противостояние. Это привело к росту нетерпимости не только в духовной и политической жизни, но и в области науки, культуры, общественной морали.

Отрицая внешнюю пышность, присущую католическому культу, протестанты были сторонниками скромной, бедной церкви, лишенной былых средневековых богатств – это оправдывало также политику секуляризации церковных имуществ, проводимую протестантскими государствами.

Взаимоотношения гуманизма и Реформации были непростыми и противоречивыми. Век Реформы был одновременно последним веком Возрождения и гуманизма. Эти два течения не были открыто враждебными, но оставались в основном чуждыми

друг другу. Среди гуманистов были религиозные люди, вдохновлявшиеся идеями обновления церкви, но духу гуманизма претили фанатичная узость и нетерпимость деятелей Реформы, как и Контрреформы, предпринятой католицизмом в противовес первой. Сами религиозные деятели были готовы использовать ученость и знания гуманистов, но мирская направленность их интересов вызывала подозрение. Лютер говорил, что от знания древних языков человек еще не становится добрым христианином.

Деятели культуры часто сочувствовали Реформации постольку, поскольку они воодушевлялись патриотическими интересами. В Италии же, несмотря на ряд призывов к церковному обновлению, звучавших в XV в. (Савонарола), серьезные шаги были сделаны уже после раскола и вылились в так называемую Контрреформу, которая позволила католицизму во второй половине XVI в. даже усилить свое господство в Италии, Испании и других странах Европы, преимущественно Южной. Контрреформация имела ряд общих черт с протестантизмом, почему многие историки предпочитают говорить о «католической Реформе». Реформация внешне отделила религию от политики, а на деле поставила церковь ниже государства, что способствовало оправданию неограниченной власти монарха, развивало на новом этапе давно известный принцип. Идеологи Контрреформы, иезуиты, отстаивали идею верховенства народа и его право избавиться от негодного правителя (впро-

чем, эту теорию проповедовали и те протестанты, которым приходилось бороться с королевской властью).

В отличие от гуманистического движения Реформация и Контрреформация имеют более четкие исторические очертания, связанные с конкретными событиями. Классической страной Реформы стала Германия, а человеком, который подорвал могущество духовенства, – августинский монах Мартин Лютер, 31 октября 1517 г. обнародовавший 95 тезисов, направленных против индульгенций, т.е. продаваемых за деньги освобождений от налагаемых церковью наказаний за грехи. Выступление Лютера вызвало активную поддержку в разных слоях немецкого общества. За три года дошло до почти полного разрыва с Католической церковью. Но представления крестьян, бюргеров, князей и рыцарства о необходимых реформах были разными. Крестьянская война 1524–1525 гг. проходила под лозунгами установления царства Божьего на земле, народной власти и всеобщего единения на принципах справедливости. Наиболее крайние позиции занимали анабаптисты, или перекрещенцы, требовавшие повторного крещения уже взрослых людей. Им удалось даже на короткое время захватить власть в г. Мюнстере, где они проводили в жизнь свои уравниательные идеи (1533–1535 гг.). Лютер и его сторонники придерживались позиции германских князей, использовавших Реформацию для захвата церковных земель. В 1529 г. последователи Лютера приняли документ, направленный против религиозных ограничений со стороны императора Карла V Габсбурга и католических князей – Протестацию, откуда и пошло название всех новых церквей. В 1530 г. было оформлено так называемое «Аугсбургское исповедание», ставшее символом веры лютеранства как церковной организации, евангелической церкви. В ней было упразднено почитание икон и мощей, из семи таинств, мистических обрядов католицизма, осталось лишь два – таинства крещения и причащения. Право новой веры на существование утверждалось в кровопролитных войнах, в конце концов усиливших независимость многочисленных германских князей, и в 1555 г. был провозглашен принцип «Чья власть, того и вера». Но религиозные распри еще долго являлись знаменем политической борьбы, в частности они послужили поводом для развязывания Тридцатилетней войны (1618–1648), опустошившей всю Германию. В конце концов в результате так называемой конфессионализации (разделения Европы по религиозному признаку) установилось некоторое равновесие.

Вторым центром реформационного движения в Европе стала Швейцария, родина двух важных течений протестантизма – цвинглианства и кальвинизма. Ульрих Цвингли получил гуманистическое образование и был священником в Цюрихе. Принципы учения Цвингли были более радикальными, чем лютеранские, и сам он придерживался республиканских взглядов, причем считал, что церковь должна подчиняться непосредственно властям. Цвингли выступал за запрет военного наемничества, наносившего ущерб Швейцарии, и стремился к объединению всех швейцарских кантонов. Его поддерживали крестьяне и городские низы, сильные волнения которых произошли в 1524–1525 гг., во время Крестьянской войны в Германии. Однако повсеместному введению протестантизма воспротивились католические земледельческие кантоны. В ходе политической борьбы Цвингли погиб, а распространение его учения затормозилось.

В 30-е годы XVI в. в Женеве была выработана другая протестантская доктрина, более умеренная и созвучная настроениям массы бюргеров. Ее основателем стал Жан Кальвин, выходец из французских протестантов, бежавших от гонений в Швейцарию. Здесь было издано основное сочинение Кальвина «Наставление в христианской вере». Кальвинизм знаменит своим учением о вечном и абсолютном предопределении, согласно которому спасение отдельных людей не зависит от их стараний, но от века установлено богом – кому уготовано гореть в аду, а кому попасть в рай. Казалось бы, это снимает с человека личную ответственность, но на деле такое понимание предопределения лишь констатирует зависимость человеческой судьбы от внешних сил и оставляет простор для толкований. Если гуманисты призывали к полной внешней, земной реализации всех человеческих потенций, а лютеране – к внутреннему очищению верующего, то кальвинизм обосновал необходимость активного поведения личности, хотя в строго заданных рамках.

Гуманисты предполагали наличие у человека свободной воли в вопросах добра и зла, способность их постижения разумом для движения к благу. Официальная церковь учила, что это движение возможно лишь с ее помощью, при ее посредничестве между человеком и божественной благодатью. По мнению Лютера, отрицавшего свободу воли, только личная вера наделяет человека благодатью и заступничеством Христа. Кальвин, на первый взгляд, шел еще дальше, объявляя человеческие усилия в конечном счете бесполезными для спасения, но из его учения следовали два важных вывода. Во-первых, верующий должен быть смиренен и скромен, поскольку решение его судьбы от него не зависит. Во-вторых, он никогда не должен отчаиваться в своих стараниях быть добродетельным, ведь божественный приговор скрыт от человека.

Кальвин создал жесткую систему, охватывавшую все стороны жизни. Церковь получила четкую организацию: общины верующих возглавлялись пресвитерами (старшинами) и проповедниками, объединявшимися в консисторию. Большая часть церковных праздников была отменена, посещение церкви стало обязательным, досуг следовало проводить не в развлечениях, а в чтении религиозных книг; запрещались танцы, ношение дорогой одежды. Нарушения жестоко карались консисторией, за несогласие с мнениями Кальвина грозила смерть; так, в 1553 г. был казнен находившийся в Женеве проездом испанский врач и ученый, известный учением о кровообращении, Мигель Сервет, отрицавший троичность бога.

Благодаря своей гибкости, организационной оформленности и строгой последовательности учение Кальвина (реформатство) получило широкое распространение в Европе. Кальвинистские консистории были во второй половине XVI в. центрами революции в Нидерландах, завершившейся освобождением северных провинций от испанского владычества и установлением республики. Во всех европейских странах распространение Реформации сопровождалось острой политической борьбой и гонениями на инакомыслящих, очень редко раздавались призывы к веротерпимости, примером которых может служить голос голландского богослова Арминия, пытавшегося смягчить кальвинизм. Во Франции конфликт между католиками и протестантами приобрел преимущественно политический характер; его подо-

плекой являлась борьба между разными группами дворянства и все более набирающей силу королевской властью. Французская церковь издавна была относительно независимой от папского Рима и в конечном счете превратилась в организацию, подчиняющуюся королевской власти. Таким образом, эта задача Реформации оказалась во Франции менее актуальной и здешняя национальная церковь, получившая название галликанской, после всех ужасов религиозных войн и избиений, подобных Варфоломеевской ночи, сохранила свои католические позиции.

Нечто подобное произошло и в другой крупнейшей державе Европы, Англии, с той разницей, что англиканство вследствие конфликтов короля и папы полностью порвало с Римом. В 1534 г. король Генрих VIII был провозглашен главой церкви, которая в дальнейшем приняла ряд положений протестантизма, но сохранила католическую организацию, епископат и пр. Национальная англиканская церковь была реформирована сверху и в таком виде осталась государственной, хотя позднее, в конце XVI и в XVII в., в Англии развернулось движение пуритан в пользу установления кальвинизма и устранения остатков католицизма. Шотландия оставалась оплотом Католической церкви, хотя в ней постепенно распространилось пресвитерианство.

В скандинавских странах – Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии – протестантизм в лютеранском (евангелическом) варианте был утвержден королевской властью в 30–40-е годы XVI в. На Востоке Европы – в Чехии, Польше, Венгрии – Реформация добилась значительных успехов, но в конце XVI – начале XVII в. они были почти сведены на нет усилиями католических политиков.

КОНТРЕФОРМАЦИЯ

Центрами Контрреформации в 40-е годы XVI в. стали Италия и Испания. Католицизм восстановил свои позиции в южных странах Европы, в Южной Германии, в Южных Нидерландах, на Севере же утвердилась новая вера. Если в Германии Реформация объединила широкие общественные слои, включая (особенно на первых порах) и представителей гуманистического течения, и народные низы, то в Италии такого соединения не произошло. Ученые, гуманисты, деятели культуры до поры до времени пользовались широким покровительством пап. В образованных кругах духовенства высказывались идеи обновления Церкви, но в рамках католического учения, сохранявшего господство и над умами народной массы. Это господство поддерживали нищенствующие ордена и народные проповедники, странствовавшие по Италии. Влияние германской Реформации, не имевшее здесь национальной почвы, было подхвачено одиночками, иногда небольшими группами образованных людей из высшего круга. Но в первые годы Реформы папы не видели в этом большой угрозы. Только успехи протестантизма в 20–30-е годы XVI в., прежде всего вне Италии, заставили их обратиться к решительным мерам и приложить усилия по сплочению всех католических сил. В 1542 г. в Италии под именем Священной канцелярии (Sant'Uffizio) был восстановлен церковный суд инквизиции, учрежденный в XIII в. и активно действовавший в Испании.

В пику протестантизму, отрицавшему монашество, возникли новые монашеские ордена – театинцы, капуцины, иезуиты. Последние сыграли особую роль в контрреформационном движении.

Сообщество «воинства Иисуса Христа» было основано в 1534 г. испанцем Игнатием Лойолой и утверждено папой в 1540 г. Принципы деятельности ордена составляют в некоторых отношениях внешнюю параллель протестантизму. Хотя члены ордена приносили монашеские обеты, вся их деятельность протекала в миру. Огромное значение придавалось воспитанию юношества, иезуиты основали многочисленные школы, где преподавание, прежде всего классической филологии, велось на высоком уровне. Эти школы составили серьезную конкуренцию протестантскому образованию, более демократичному и направленному на приобщение масс к чтению Евангелия и освоению практических азов наук. Ученые иезуиты занимались почти всем – филологией, историей, естественными науками, описанием стран и народов, которым они проповедовали христианство. В организации ордена военная жесткость устава соединялась с гибкостью в соблюдении общих моральных запретов и упорством в укреплении могущества ордена, хотя официальной целью провозглашался триумф католицизма и упрочение власти папы, которому иезуиты приносили особый обет повиновения. Полулегальная организация иезуитов приобрела гигантское политическое влияние, которому Контрреформация была не в последнюю очередь обязана своими успехами, хотя позднее, в эпоху «просвещенного абсолютизма», иезуиты были изгнаны почти из всех стран Европы.

Деятельность новых орденов была направлена на то, чтобы пробудить в народе искреннее религиозное чувство, как это происходило в странах, затронутых Реформацией. Отчасти, как и там, это достигалось средствами религиозного просвещения, распространением элементарного и элитного образования под контролем Церкви, разработкой специальных программ для чтения и воспитания паствы. Но главный упор в католицизме был сделан на средства внешней и художественной пропаганды, обращавшейся непосредственно к чувствам верующих, для этого использовались все достижения нового эффектного, драматично-театрального и пышного стиля барокко с его грандиозной архитектурой, впечатляющей живописью, органной музыкой, сопровождающей богослужение, богатыми праздничными шествиями. Поощрялся культ святых, в протестантизме отвергнутый, почитание мощей и реликвий. На научном уровне в противовес протестантам, использовавшим историю для критики Рима, образовывались целые монашеские конгрегации для исследования и публикации исторических документов, в том числе серии «Жития святых» (болландисты) и сочинений Отцов церкви (мавристы). Для организации миссионерской деятельности, достигшей невиданного размаха в связи с открытием и завоеванием новых земель, в 1568 г. была основана специальная конгрегация кардиналов, получившая название «Пропаганды (распространения) веры».

Важнейшим событием Контрреформы был Тридентский церковный собор, получивший название по имени г. Тренто на севере Италии. Он собирався с перерывами с 1545 по 1563 г. Собор должен был обновить и укрепить единство Церкви перед лицом распространяющегося протестантизма. Первоначально, благодаря наличию среди католических прелатов более мягкой партии и настроением императора и князей, оставалась надежда на примирение с протестантами, но в конечном счете вследствие преобладания среди

членов собора итальянцев, влияния иезуитов и пап, опасавшихся за свое положение, все нововведения были отвергнуты, догматы и обрядность католицизма сохранены, власть папы укрепилась. Собор подтвердил роль Священного предания наряду с Писанием. Строгие меры принимались для очищения Церкви, в частности был запрещен сбор платы за индульгенции, превратившийся в разновидность торговли и послуживший одним из поводов для начала Реформации. Смягчить церковное наказание теперь имел право только епископ с учетом бескорыстных пожертвований и раскаяния верующего. Также новый импульс получила борьба с давними пороками Церкви: продажей должностей, фактически узаконенной в эпоху Возрождения, nepотизмом (раздачей бенефициев родственникам), абсентизмом (неявкой обладателей титулов, прежде всего епископов, в свои диоцезы), совмещением должностей; однако искоренить все эти явления до конца не удалось.

Был принят Индекс запрещенных книг, куда входили многие классические произведения и, между прочим, даже издания Библии, не одобренные Римом или в переводах на национальные языки. Стоит отметить, что внутри самой Церкви и среди кардиналов имелись и противники излишне жестких идеологических запретов, делавшие ставку на убеждение, на внутреннее очищение верующего, на личные примеры благочестия, которые подавали новые святые – Игнатий Лойола, Франциск Сальский, Тереза Авильская, кардинал Карло Борромео. Однако радикальное течение, не склонное к каким-либо послаблениям, все же преобладало. Причина заключается, видимо, в том, что Католическая церковь для защиты своих прав на посредничество между верующими и Богом, своих тысячелетних институтов нуждалась в усилении централизации, власти своего главы – папы, особенно в условиях, когда светские государи и национальные церкви высказывали притязания на автономию и в какой-то мере добивались их удовлетворения. Возможности компромиссов в этом отношении были для Церкви объективно ограниченными.

Несмотря на периодически вспыхивавшие конфликты с Римским престолом, политически его поддерживали императоры Священной Римской империи из рода Габсбургов, одобрявшие возвращение Церкви части конфискованных земель. Политическая роль Рима в эпоху Контрреформации заметно ослабла, но идеологически его позиции укрепились. С точки зрения духовной атмосферы столетие борьбы контрреформационного движения с Реформой стало временем нетерпимости, «охоты на ведьм», гонений на свободную науку.

Однако как раз XVI – начало XVII в. принесли ряд открытий, подготовленных в том числе и идеями Возрождения (см. также раздел «Научная революция» и страноведческие главы). Гуманисты подорвали веру в авторитеты, в том числе в авторитет привычного, обратились к естественнонаучным взглядам античности, внесли в общество дух любознательности и культ истины. Переворот в естествознании был тесно связан с другими крупнейшими духовными явлениями, возникшими на переломе Средневековья и Нового времени – Возрождением и Реформацией. При всех различиях в жизни все три мировоззренческие системы тесно переплетались. Развитие науки носило интернациональный характер, художественная культура и литература на рубеже Нового времени приобрели заметно выраженные национальные черты и в нашем издании рассматриваются в рамках истории отдельных стран.

В раннее Новое время европейская наука претерпевает кардинальные изменения. Накопление новых знаний, изобретения и открытия, попытки использовать исследования для нужд повседневной жизни – всё это происходило и ранее. Однако общее восприятие окружающего мира как сотворенного Богом и не мыслимого вне Бога на протяжении веков оставалось неизменным. Соответственно и познавать этот мир можно было только весьма фрагментарно и лишь в рамках религиозной концепции – в той мере, в какой человек способен осмыслить непостижимый в основе своей замысел творца.

Тем не менее постепенно складывается принципиально иное представление: вне зависимости от того, сотворен мир Богом или нет, он существует и развивается в соответствии с рядом изначально лежащих в его основе физических законов. Повлиять на них человек не в состоянии, однако познать эти законы и ориентироваться на них – вполне в его силах. Основным инструментом новой науки становится разум, а ее неотъемлемыми частями – опыт и эксперимент. При этом наука приближается к практике, появляется мысль о том, что главная ее цель – улучшение человеческого существования. Именно такая совокупность изменений и сопутствовавшие ей открытия получили в истории название Научной революции.

Это явление возникло исключительно на европейской почве и имело всеобщий характер, хотя одни страны были затронуты им в большей степени, а другие скорее шли в фарватере общей тенденции. Прежде всего в научные центры превратились Италия и Нидерланды, позднее к ним присоединяются Франция и Англия, германские и австрийские земли. Апогей Научной революции, безусловно, XVII век, однако ее периодизация достаточно условна. С одной стороны, ряд открытий, логически завершающих исследования XVII в., был сделан в XVIII в. (особенно в области химии и биологии). С другой, и это гораздо более принципиально, фундамент будущей Научной революции во многом был заложен уже в конце XV–XVI в.

Распространение идеи о том, что в основе познания мира лежит разум, было связано с Ренессансом и Реформацией. Многие ученые этого времени выступают с резкой критикой античных авторитетов, на которые опиралась наука позднего Средневековья и Возрождения. Показателен пример перешедшего в протестантизм французского философа Пьера де ля Раме (Рамуса) (1515–1572), отстаивавшего идею ориентированного на практику метода и рассматривавшего разум как высшую инстанцию в решении научных проблем. Оспаривая непогрешимость Аристотеля, в основу магистерской диссертации философ положил весьма характерный тезис: «Все, что сказано Аристотелем, ложно» (1536).

Другая идея, во многом стимулировавшая развитие Научной революции, – это мысль о том, что в основе познания лежат наблюдения и опыт. Обычно ее связывают с именем Фрэнсиса Бэкона (1561–1626). В своем самом знаменитом сочинении «Новый органон» (1620) Бэкон подчеркивал важность индуктивного метода познания (от фактов – к теории, от частного – к

общему), основанного на наблюдениях и эксперименте. Правда, для Бэкона в этой системе не было места гипотезе: он полагал, что основная задача ученого – это сбор первичной информации и классификация полученных данных, а дальше уже в дело должна вступать индукция.

Впрочем, Бэкон лишь сформулировал теорию, тогда как на практике идею эксперимента продвигали в жизнь совсем другие люди. К их числу относится придворный врач Елизаветы Английской Уильям Гильберт (Джилберт) (1544–1603), еще до Бэкона провозгласивший опыт критерием истины, поставивший несколько сотен экспериментов с магнитными телами и пришедший к выводу, что между планетами действует сила тяготения магнитного происхождения. Он же первым предположил, что действие магнита распространяется подобно свету, и ввел в научный оборот термин «электрический».

СОЕДИНЕНИЕ НАУКИ С ПРАКТИКОЙ

Ориентация ученых на практическую пользу привела в годы Научной революции к появлению множества изобретений. Так, например, в конце XVI–XVII в. ученые различных стран активно работали над построением прибора, способного измерять температуру. В Италии появился ртутный термометр, который врачи начали использовать для измерения температуры тела у больных. Многочисленные опыты с вакуумом и атмосферным давлением привели в 40-х годах XVII в. к изобретению итальянским математиком и физиком Эванджелистой Торричелли (1608–1647) ртутного барометра. Принципиальные изменения произошли в это время в изготовлении часов: вследствие усовершенствования механизма и изобретения в 1657 г. маятниковых часов, точность измерения времени настолько увеличилась, что, как полагают, именно тогда у часов возникли минутная, а затем и секундная стрелки. Это дало историкам повод заметить, что вслед за пространством человек XVII в. овладел и временем.

Паровой двигатель – одна из основ, на которую веком позже станет опираться промышленный переворот в Англии, – также был придуман в годы Научной революции. В конце 80-х годов XVII в. французский математик, физик и механик Дени Папен (1647–1712) предложил первые проекты двигателя, представлявшего собой полый цилиндр с движущимся поршнем и работавшего за счет нагревания воды и превращения ее в пар. Двигатель Папена был сложен в эксплуатации, однако его принцип использовался для создания в Англии паровых помп, откачивавших воду из шахт.

Еще более важными стали те изобретения, которые дали новой европейской науке необходимый инструментарий. Прежде всего надо упомянуть о создании новых оптических приборов – телескопа и микроскопа. Путь к ним оказался довольно долгим: ряд оптических свойств изогнутых поверхностей был известен еще в античности, с конца XIII в. в Европе появляются очки, а с XVI в. ученые постепенно начинают рассматривать малые объекты при помощи лупы. Принято считать, что первый микроскоп был создан в 90-е годы XVI в. голландскими оптиками, установившими две выпуклые линзы внутри одной трубки. На протяжении XVII в. усовершенствованием

этого прибора занимались многие исследователи, и одним из первых, кому удалось добиться приемлемого для научных наблюдений увеличения, стал голландец Антони ван Левенгук (1632–1723). Созданные им микроскопы со 150–300-кратным увеличением позволили впервые увидеть бактерии и эритроциты.

Честь изобретения телескопа приписывают себе четыре страны: Англия, Нидерланды, Италия и Германия. Так или иначе, это устройство стало широко известно в результате деятельности нидерландского мастера по изготовлению очков Ханса Липперсхей (1570–1619) – в 1608 г. он предложил использовать сконструированный им телескоп в военных целях. Однако голландцы решили, что для военных нужд удобнее бинокли, а телескоп был оставлен в основном для развлечения.

В следующем году о существовании телескопа узнал итальянский механик и астроном Галилео Галилей (1564–1642) и сразу же начал работать над аналогичным прибором. При этом детали изобретения Липперсхей ему не были известны, Галилей лишь знал, что оно принципиально возможно. В итоге после ряда опытов он добился того, что сконструированный им телескоп обеспечивал тридцатикратное приближение, чего оказалось достаточно для сенсационных открытий в области астрономии.

ПЕРЕСМОТР АНТИЧНОЙ МОДЕЛИ МИРА

Той сферой, открытия в которой, пожалуй, наиболее радикально повлияли на мировоззрение современников, стала именно астрономия. Согласно сохранявшему тогда свою актуальность учению Аристотеля, «надлунный мир» считался вечным и неизменным. Обосновав идею о том, что центр Земли является одновременно и центром Вселенной, Аристотель полагал, что земля и вода притягиваются именно к этому центру – поэтому наша планета и обладает формой шара. В его системе Земля не имела собственного осевого вращения, однако вокруг нее был расположен ряд полых, прозрачных и вращающихся сфер, благодаря которым и осуществлялось движение планет и звезд. Эту часть учения Аристотеля еще во II в. н.э. пытался скорректировать Птолемей, однако, хотя его система и оказалась более сложной и одновременно принимающей во внимание большее количество реальных, она не отвечала потребностям Нового времени. Эпоха Великих географических открытий породила острую необходимость в новых астрономических приборах, которые позволяли бы устанавливать точные координаты кораблей в открытом море. Использование же таких приборов, в свою очередь, было невозможно без составления как можно более подробных таблиц движения планет.

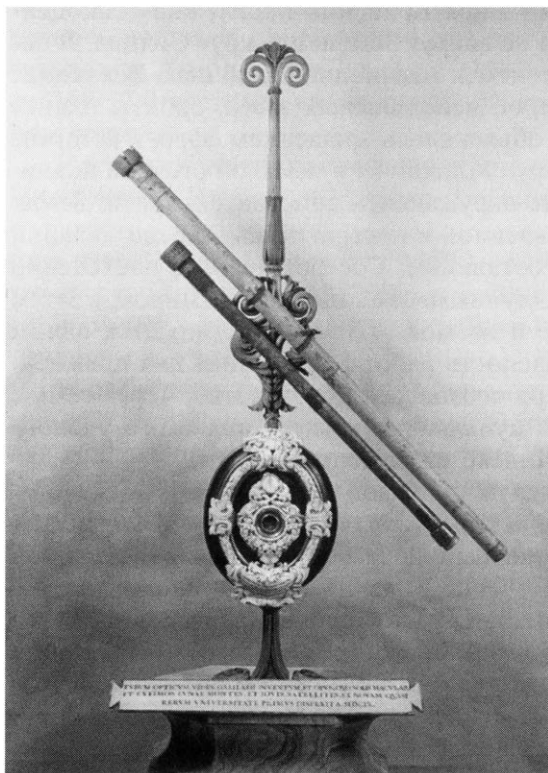
Одним из первых, кто попытался пересмотреть систему Птолемея, стал польский ученый Николай Коперник (1473–1543). Выпускник университета Кракова, он много путешествовал, учился и работал в Италии, где приобрел определенную известность как астроном и медик. Вернувшись на родину, он создал обсерваторию и продолжил астрономические наблюдения. Со временем он пришел к выводу, что ряд закономерностей в движении планет необъясним в рамках теории Птолемея и изложил свое видение космоса в трактате «Об обращении небесных сфер», опубликованном в 1543 г.

Вместо геоцентрической модели мира Коперник предложил гелиоцентрическую: все планеты вращаются не вокруг Земли, а вокруг Солнца. В остальном же он оставил систему Птолемея неизменной: для него Вселенная по-прежнему была ограничена сферой неподвижных звезд, орбиты планет имели форму круга, а их вращение объяснялось вращением сфер, к которым крепились планеты. Тем не менее труд Коперника в немалой степени повлиял на общефилософское восприятие окружающей действительности: Земля перестала мыслиться как центр Вселенной и превратилась в представлении людей в такую же планету, как и остальные. Соответственно, постепенно стала стираться граница между «надлунным» и «подлунным» миром, а затем возникло представление о том, что и космос, и Земля подчиняются одним и тем же законам. Со временем опасность работы Коперника для прежней, признанной Церковью картины мира осознало и духовенство: через семь с лишним десятилетий после первой публикации трактат польского ученого был внесен Святым престолом в «Индекс запрещенных книг».

Труды Коперника во многом послужили базой для работ его последователей, таких, например, как итальянский философ, астроном и математик Джордано Бруно (1548–1600), настаивавший на бесконечности Вселенной и множественности миров. Однако учение Коперника создавало для астрономов и определенные проблемы: несмотря на внешнюю радикальность его труда, характерный для него компромисс между собственными выводами и системой Птолемея привел к тому, что его модели с чисто прикладной точки зрения давали даже худшее, чем прежде, представление о реальном движении планет. Неудовлетворенность теоретической базой для расчетов со временем только нарастала. Одним из тех, чьи наблюдения вошли в противоречие с космологией и Птолемея, и Коперника, стал датский астролог, математик, астроном и алхимик Тихо Браге (1546–1601), долгие годы пытавшийся самостоятельно сделать выбор между гео- и гелиоцентрической системами. Стремясь их согласовать, Браге даже предложил считать, что вокруг Солнца вращаются все планеты, кроме Земли и Луны, а уже Солнце с Луной – вокруг Земли. Но главный его вклад в науку состоял, разумеется, не в этом, а в бесчисленных астрономических наблюдениях, признанным мастером которых его считали в Европе. В 1572 г. Браге неожиданно увидел новую звезду в созвездии Кассиопеи (современные астрономы идентифицировали ее как сверхновую), что стало настоящей сенсацией: ведь согласно античным теориям, в «надлунном» мире никакие изменения невозможны.

Многолетние наблюдения Браге заложили основу, которой воспользовался его ассистент, немецкий математик, астролог и астроном Иоганн Кеплер (1571–1630). Как считается, еще в годы его учебы один из профессоров, будучи вынужденным преподавать астрономию по Птолемею, устраивал во внеурочные часы занятия для небольшого кружка одаренных студентов, на которых рассказывал про открытия Коперника. Однако, присоединившись в 1600 г. к работе Браге над составлением новых астрономических таблиц, Кеплер вскоре пришел к выводу, что ни античные теории, ни система Коперника не позволяют сделать это с достаточной степенью точности.

Продолжив после смерти Браге его дело, Кеплер выдвинул предположение о том, что орбиты имеют форму не круга, а эллипса, и что планеты

Телескоп Галилея. Музей истории науки, Флоренция

движутся тем быстрее, чем ближе находятся к Солнцу. В отличие от Галилея, писавшего: «Я предпочитаю найти истину, хотя бы и в незначительных вещах, нежели долго спорить о величайших вопросах, не достигая никакой истины», Кеплер пытался построить именно общую систему, выявить фундаментальные законы и закономерности. Он подчеркивал: «Моя цель состоит в том, чтобы показать, что небесная машина должна быть похожа не на божественный организм, а скорее на часовой механизм». Его главная книга носила характерное название – «Гармония мира» (1619). В ней Кеплер раскрывал свою теорию гармонии в четырех областях: геометрии, музыке, астрологии и астрономии. Кеплера также считают одним из предшественников Ньютона в разработке закона всемирного тяготения; в одной из работ он,

в частности, отмечал: «Тяжесть есть взаимная склонность между родственными телами, стремящими слиться, соединиться воедино».

Сторонником гелиоцентрической системы стал и Галилей. С помощью телескопа он совершил множество сенсационных открытий. Неожиданно оказалось, что поверхность Луны во многом похожа на земную и покрыта горами и кратерами, что Венера, подобно Луне, меняет свои фазы, что Млечный путь состоит из множества отдельных звезд, что на Солнце можно наблюдать пятна, а вокруг Юпитера вращаются его собственные луны. Свои открытия Галилей обобщил в сочинении «Звездный вестник» (1610).

Для Галилея было достаточно очевидно, что научное объяснение увиденных им небесных явлений возможно лишь в рамках теории Коперника, – и именно это привело к его последующему конфликту с Католической церковью. В 1616 г. книга Коперника была запрещена духовенством. Ну а поскольку труд Галилея «Диалоги о двух главнейших системах мира – Птолемеевой и Коперниковой» (1632) – фактически доказывал истинность гелиоцентрической системы, автор предстал перед церковным судом, вынужден был отречься от учения Коперника и публично покаяться.

Несмотря на стремление Кеплера построить новую всеобъемлющую модель мира, на деле его исследования, равно как и открытия Коперника, Браге, Галилея и многих других ученых, шаг за шагом опровергали античные представления о действительности, но так и не привели к выявлению фундаментальных законов, которые могли бы объяснить мироздание в целом.

Эту проблему попытался решить французский философ Рене Декарт (1596–1650). Осуждая Галилея за то, что тот, «не касаясь первопричин в природе, искал причины лишь некоторых ограниченных явлений и таким образом строил здание без фундамента», Декарт приступил к построению новой целостной картины мира. С его точки зрения, одна из основных проблем заключалась в том, чтобы получить достоверное знание. Здесь не всегда мог помочь чувственный опыт, поскольку он способен принять за реальность иллюзии, и не всегда возможно опираться на рассуждения, ибо их правильность зависит от истинности изначальных посылок. В основу своей философии Декарт положил сомнение, поскольку именно оно способно наиболее эффективно подвергнуть критике старые «истины» и выявить те аксиомы, на которых будет строиться новая система взглядов. Такой базовой аксиомой стала для Декарта известная максима: «Я мыслю, следовательно, я существую». В качестве одного из основных инструментов познания Декарт использовал математику и даже в описании природы стремился оперировать лишь математическими понятиями: движение, фигура, протяженность и т.д.

Декарт провозгласил, что в мире нет пустоты – мир наполнен материей, так как она фактически тождественна протяженности. Бог и его действие неизменны: творец создал материю и он же сохраняет ее в целостности. Меняются лишь части материи – и этим изменениям они обязаны природе. «Правила, по которым совершаются эти изменения, я называю законами природы», – писал Декарт. С самого начала творения частицы материи обладают движением, а к изменению состояния материи приводит столкновение одних частиц с другими. Таким образом, за богом оставался преимущественно первый толчок (или, как еще порой говорили, «первый щелчок»), а дальше уже вступали в действие законы природы.

Тем не менее ряд базовых принципов, лежавших в основе мироздания, по-прежнему оставался непознанным – так, например, было неясно, какая сила обеспечивает обращение планет, препятствует им оторваться от Солнца и отправиться в открытый космос. Свое объяснение этому предложил знаменитый английский физик, математик, механик, астроном, алхимик и философ Исаак Ньютон (1643–1727). Учась в Кембридже, Ньютон познакомился с сочинениями Кеплера, Галилея и Декарта. Тогда же он начал заниматься математикой, проблемами движения и света, сделал ряд открытий в разных сферах науки. В частности, Ньютон изобрел телескоп-рефлектор (более мощный, чем существовавшие до того), заложил основы математического анализа, много работал в области теории света и, в частности, доказал, что при помощи призмы белый цвет можно разложить на составляющие его семь цветов радуги. Кроме того, немало времени Ньютон посвятил изучению алхимии и взаимным превращениям металлов, активно интересовался теоло-

гией, увлекался астрономией и независимо от Кеплера пришел к выводу о том, что планеты вращаются вокруг Солнца по орбитам в форме эллипса.

Как и у других ученых эпохи Научной революции, открытия Ньютона в немалой степени базировались на достижениях предшественников. Так, например, закон падения тел и параболическая траектория снаряда были открыты еще Галилеем. А идея о том, что движение планет обусловлено в том числе и взаимным притяжением между телами, была высказана в 1674 г. английским естествоиспытателем Робертом Гуком (1635–1703), совершившим и ряд других важных физических открытий, но зачастую не доводившим свои исследования до конца, что впоследствии мешало установлению его приоритета: в частности, Ньютон отрицал, что следовал в своих рассуждениях за теориями Гука.

Так или иначе, в опубликованном в 1687 г. фундаментальном труде «Математические начала натуральной философии» (так называли тогда физику) Ньютон сформулировал «закон всемирного тяготения»: каждый материальный объект притягивается к любому другому вдоль соединяющей их прямой с силой, прямо пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Этот закон позволял объяснить не только взаимодействие Солнца и планет, Земли и Луны, но и практически любое движение тел.

Исследования Ньютона привели его к выдвижению и двух других базовых понятий классической физики: инерции и движущей силы. Его достижения воспринимались современниками как модель для познания всех закономерностей в природе и обществе. Казалось, что он совершил чудо: понял язык природы, более того, вступил с ней в диалог, и на свои вопросы о том, как устроен мир, получил четкие и однозначные ответы. Его труд окончательно разрушил средневековую картину мира, соединив воедино многое из того, что было сделано до него. Столетием позже Лагранж, известный математик и физик XVIII в., не без зависти скажет: «Ньютон был величайшим гением из всех, когда-либо существовавших, и самым удачливым, поскольку систему мира можно открыть лишь единожды».

РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИКИ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Постепенное создание новой системы мира в годы Научной революции шло параллельно с множеством открытий в механике, химии, физике, биологии и других областях. Широкое внедрение в исследовательскую практику рационалистических установок и отказ от старых догм вели к подлинно революционным переменам в естествознании.

Бурное развитие в это время математики стимулировало прогресс в астрономии, навигации и других дисциплинах. Вводятся в оборот логарифмы, десятичная запятая, алгебраическая формула и алгебраическая символика: знаки умножения, деления, показателя степени, квадратного корня, «+» и «-». Блез Паскаль (1623–1662) сконструировал образцы арифметической машины для проведения сложения и вычитания (так называемое «Паскалево колесо»). Совместно с другим известным французским математиком Пьером Ферма (1601–1665) он разработал на примере игры в кости основы теории вероятности.

В конце XVI – первой половине XVII в. были изобретены логарифмы (Дж. Непер), правила действий с десятичными дробями (С. Стевин), разработанная математическая символика (Ф. Виет, Р. Декарт), введено алгебраическое (вместо геометрического) понимание числа, открыт способ перевода (с помощью системы координат) геометрических предложений на алгебраический язык (Р. Декарт, П. Ферма, Дж. Валлис). Эти достижения существенно упростили сложные расчеты, расширили границы применения математических исследований и предопределили следующий важный шаг в развитии математики. Таким шагом стали работы Б. Кавальери и П. Ферма, выдвинувших идею анализа произвольных кривых с помощью разложения их на бесконечно малые отрезки прямых, и труды Дж. Валлиса, Дж. Грегори и И. Барроу, осуществивших «алгебраизацию» метода исчисления бесконечно малых величин. Публикации названных ученых сформировали основу для разработки во второй половине XVII в. Г. Лейбницем (1646–1716) и И. Ньютоном методов дифференциального и интегрального исчисления, в совокупности составивших исключительно мощный инструмент исследования – математический анализ.

Математический анализ обеспечил переход от аналогового моделирования к математическому, что открыло возможности проведения исследований невиданной ранее глубины и масштаба. В частности, математический анализ стал средством понимания и изучения всех проблем зависимости переменных величин (функция) и движения, что в свою очередь позволило его создателям описать новую научную картину мира. Математика, таким образом, оказалась одновременно и языком новой науки, и таким же инструментом формирования новой картины мира, как и телескоп.

Активно развивались физика и химия. Торричелли доказал, что воздух имеет вес и проводил опыты по измерению атмосферного давления. Исследования Паскаля в конце 40-х годов в области гидродинамики и гидростатики привели к изобретению шприца и гидравлического пресса; также был сформулирован «закон Паскаля»: жидкости и газы передают производимое на них давление одинаково по всем направлениям. Англичанин Роберт Бойль (1627–1691) настаивал на том, что химия должна стать самостоятельной наукой, преследующей иные цели, нежели до того алхимия и фармакология. В 1662 г., на десятилетие раньше пришедшего к аналогичным выводам французца Эдма Мариотта (1620–1684), Бойль сформулировал закон, известный ныне как «закон Бойля–Мариотта» и описывающий изменения объема газа с изменением давления. Совместно с Гуком Бойль заложил основы современной химии, систематизировав и подвергнув критике накопленные до них данные алхимиков, металлургов и медиков. Гук также установил клеточное строение тканей, ввел термин «клетка», уподобил дыхание сгоранию.

РЕЛИГИЯ И МИСТИКА

Новая картина мира в сознании человека XVI–XVII вв. не вступала в неразрешимое противоречие с религиозными и мистическими представлениями той эпохи. В значительной степени это объясняется тем, что сделанные в годы Научной революции многочисленные открытия приводили к мысли, что мир материален, а если природа – это гигантский механизм, то она оказывается в значительной степени самодостаточна, функционирует сама по себе и не нуждается в непосредственном вмешательстве Бога. Сам акт творе-

ния, как правило, не подвергался сомнению, нередко он снабжался комментариями, такими, скажем, как идея «первого толчка» у Декарта.

Тем не менее важно подчеркнуть, что сам интерес ученых эпохи Научной революции к математике, химии, физике, астрономии во многом основывался на эзотерических практиках Средних веков и раннего Нового времени. Увлечение ятрохимией (медицинским направлением в алхимии) превратило знаменитого медика Парацельса (1493–1541) в родоначальника фармакологии. Популярным оставался герметизм – теософское учение, восходящее к трудам, приписываемым Гермесу Трисмегисту и рассматривающим проблемы астрологии, алхимии и теургии (божественной магии, опирающейся на силы богов и ангелов). Изучение влияния небесных тел на Землю и человека, трансмутация (превращение) одних элементов в другие (в частности свинца в золото) – все эти штудии черпали свое начало в герметизме, и многие люди науки отдали им дань.

Не теряло своей силы и пифагорейство – учение, названное по имени знаменитого древнегреческого мыслителя Пифагора, превратившегося в легендах в знаменитейшего мудреца и мага, соединявшего достижения античной и восточной науки. Для пифагорейцев в основе мира лежали числа, а сам он имел арифметически-геометрическую структуру. Пифагорейцы интересовались отнюдь не только математикой, но и музыкой, акустикой, этикой, медициной, астрономией. Считается, что они первыми высказали идею о шарообразности Земли, предложили поставить ученых во главе общества, основали религию, в основе которой лежала идея переселения душ, разработали понятие дедукции, логики, построенной на аксиомах.

Идея о том, что познать числа – это познать мир, очень способствовала увлечению математикой и астрономией в раннее Новое время. В историю вошла знаменитая фраза Галилея: «Природа написана на языке математики». Едва ли не самой яркой фигурой является в этом плане Кеплер; в полном соответствии с идеалами пифагорейства он видел во Вселенной проявления цифровой гармонии – как геометрической, так и музыкальной.

Еще более важными представляются те корни Научной революции, которые уходят в характерную для Средневековья религиозную картину мира. Хотя обычно принято считать, что открытия XVII в. эту картину разрушили, подобное утверждение корректно лишь до определенной степени.

Прежде всего, сами деятели Научной революции были глубоко верующими людьми. Характерен пример испанского философа и врача Мигеля Сервета (ок. 1509–1553), впервые в Европе описавшего малый круг кровообращения в религиозном рассуждении о крови как обиталище души. Тираж книги был практически полностью утрачен, а сам Сервет сожжен по указанию Кальвина, и его открытие так и осталось неизвестным современникам.

Ряд историков отмечают, что свой безбрежный оптимизм и убежденность в простых, рациональных и познаваемых основах мира (для которых в окружавшей их реальности не имелось никаких оснований) многие ученые черпали именно в вере. Совершая открытия в астрономии, они не сомневались, что лишь являют миру замысел творца – во всем его совершенстве. Так, к примеру, Коперник трактовал понятие «тяжести» как заложенное «божественным зодчим» стремление частиц материи, соединяясь, приобретать форму шара; отсюда же он выводил шарообразную форму планет.

То, что сделанные в это время открытия практически не оставили Богу места во Вселенной, выяснилось значительно позже, в XVIII и XIX столетиях.

Лучшим примером трепетного отношения к Богу является Ньютон, считавший свои теологические труды не менее значимыми, нежели работы по физике. Ньютон чтит Библию, методично отмечал в записных книжках свои грехи (например, «не боялся Тебя так, чтобы не обидеть Тебя»), пытался примирить библейскую и светскую хронологию, увлекался толкованием пророчеств. Ньютон постоянно соизмерял научные открытия с сугубо религиозной картиной мира и, критикуя Декарта, обвинял его в том, что отождествление материи и пространства есть «прямая дорога к атеизму».

У самого Ньютона схема была иной. Материя Декарта – это существование независимой от Бога субстанции, тогда как для Ньютона материя существовала лишь постольку, поскольку Бог создавал ее в непрерывном акте творения на основе им же созданных законов (например, на основе закона всемирного тяготения). Однако и после акта творения Богу, с точки зрения Ньютона, находится место во Вселенной: он непрерывно творит новую материю, а время от времени, раз во много тысяч лет, корректирует свое творение (чинит машину). Лейбниц возражал на это, что настоящий мастер создает такие часы, которые не нуждаются в ремонте; значит, и Бог сотворил такой мир, который не нуждается в дальнейшем вмешательстве. Иначе получится, «что у Бога не хватило изобретательности предусмотреть вечное движение».

Сложившаяся ситуация, при которой сама необходимость Бога для существования мира ставилась под сомнение, повлияла на развитие в XVII в. новых форм религиозного сознания. Одной из таких религий стал деизм (который иначе называли «религией рассудка»). Деисты отрицали чудеса, божественную природу Библии, откровения и пророчества. Христос воспринимался ими как моральный учитель, Библия – как свод моральных норм и правил, а их соблюдение трактовалось в ракурсе поклонения Богу. То, что в христианстве могло быть подтверждено с помощью разума, деисты считали истинным, а остальное должно быть отвергнуто. Наряду с деизмом стал популярен и пантеизм, воспринимающий Бога как бестелесную субстанцию, неотделимую от природы.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ

В ходе Научной революции ученые пришли к убеждению, что накопление и развитие нового знания не может быть делом одиночек. Кеплер активно использовал данные, собранные Тихо Браге, Ньютон – Гринвичской обсерваторией, Галлей опирался на теорию Ньютона, Мальпиги – на работы Гарвея, и это стало системой.

Сама идея международного сотрудничества ученых выросла из сочетания трех факторов. Первый – практические потребности: количество людей, занимавшихся научными исследованиями, значительно увеличилось, они стали ощущать большую потребность в подтверждении своего приоритета, в публичном признании – как в рамках корпорации, так и вне ее. Не случайно в «Новой Атлантиде» Бэкон описывал идеальную научную организацию

именно в терминах всемирного ордена – аккумулирующего данные, имеющего единый план развития науки, влияющего на все сферы жизни, пользующегося поддержкой государства.

Второй фактор – объединения ученых прекрасно вписывались в доминировавшую еще в Средневековье концепцию о единстве знания, постулировавшую, что сотворенный Богом мир не просто совершенен – он целостен и обозрим. Соответственно, все люди науки, по сути, изучают один и тот же объект. Не умирала в Средние века и идея научных сообществ, нередко носивших название академий.

И наконец, можно вспомнить об опыте создания тайных обществ, зачастую оккультного характера, имевших членов в разных городах и разных странах. Самым известным из них было братство розенкрейцеров, заявившее о своем существовании в 1614 г. и способствовавшее распространению в Европе оккультных знаний, якобы пришедших с Востока. Хотя формально розенкрейцеры не столько стремились к новому знанию, сколько выражали готовность открыть посвященным уже имеющиеся алхимические и магические техники, они стремились использовать эти знания для глобальной реформы науки, общества и государства.

Под действием трех названных факторов в течение XVII в. стремительно менялась атмосфера научной жизни. По всей Европе возникали различные научные объединения: сначала небольшие, камерные, а затем и национального масштаба. Одним из первых естественнонаучных объединений стала созданная в Италии начала XVII в. Академия деи Линчеи («Академия рысьеглазых»), ставившая своей целью свободное развитие математики, физики и естественной истории. Ее гербом служила рысь: считалось, что ее острый взгляд якобы способен проникать даже сквозь твердые тела. Среди прочих в число членов этой академии входил Галилей. В 1657 г. во Флоренции для пропаганды науки и расширения новых знаний в области физики была основана Академия опытов, считающаяся прообразом для других академий.

В середине 40-х годов XVII в. в Лондоне начались заседания идейно связанного и с розенкрейцерами, и с мечтаниями Бэкона так называемого «невидимого колледжа» – кружка ученых, интересовавшихся натурфилософией. В 1660 г. несколько членов этого кружка, включая Р. Бойля, основали новое научное общество. Впоследствии оно получило покровительство Карла II и название «Лондонское королевское общество для развития знаний о природе», со временем превратившись в английский аналог других европейских академий наук. Члены общества подчеркивали, что не связаны ничьим авторитетом и не готовы ничего принимать на веру. С 1703 по 1727 г. Лондонское королевское общество возглавлял Ньютон.

Множество кружков, обществ и академий появилось и во Франции. Ришелье в 1635 г. учредил Французскую академию, объединившую гуманитариев, а Кольбер в 1666 г. – Академию наук. В отличие от Англии, где Королевское общество обладало творческой и финансовой независимостью, хотя и находилось под покровительством Карла II, во Франции деятельность Академии наук с самого начала направлялась государством. Ее патроном стал король, члены Академии получали государственные пенсии, а результаты их трудов оценивались в зависимости от непосредственной пользы, которую могли принести промышленности и торговле. Таким образом, в XVII в.

возникло еще одно новое явление – стремление поставить науку на службу государству.

Примерно в это же время появились и международные научные журналы. В Париже с 1665 г. издавался «Журнал ученых» – еженедельное обозрение книг, литературных споров и научных открытий по всей Европе. Королевское общество сочло необходимым ответить изданием под названием «Философские труды», которое появилось на свет несколько месяцев спустя и издавалось ежемесячно на английском языке и раз в три месяца на латыни. Со временем их примеру последовали и другие страны.

Тем не менее, хотя к концу XVII в. международное сотрудничество ученых стало нормой, привычка к нему прививалась непросто. В ходе Научной революции нередко еще были случаи, когда совершившие открытие не торопились публиковать результаты своих опытов, либо делали это в максимальном общем виде, чтобы соперники ими не воспользовались; годами могли вестись споры о приоритете, превращавшие коллег в смертельных врагов.

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Помимо частных, конкретных изобретений и открытий, пусть даже менявших жизнь человека и его представления об окружающем мире, Научная революция имела и гораздо более глубокие последствия.

Прежде всего, от науки начинают ожидать решения насущных проблем. Обеспечение безопасной навигации, развитие промышленности, военное дело, медицина – вот те направления, в которых наиболее активно работали ученые XVII в. Постепенно возникала наука в современном смысле этого слова – теснейшим образом соединенная с практикой. Фактически появилась особая профессия ученого – человека, призванного открывать новое. Для того чтобы это оказалось возможным, потребовался настоящий переворот в мировоззрении. Ранее, в рамках концепции Аристотеля, было принято рассматривать природу как идеал, которому всё остальное может лишь подражать. Однако постепенно природа стала восприниматься как гигантская машина, своего рода механизм, в котором каждый элемент зависит от конфигурации и движения целого. При этом все части такой машины соразмерны и в равной мере необходимы для функционирования целого – это представление фактически подрывало фундамент, лежавший в основе идеи о необходимости социальных иерархий.

Как только мир и природа начинают восприниматься в качестве машины, постепенно исчезает принципиальная ранее граница между природными и искусственными объектами. Декарт утверждал: «Нет различий между машинами, созданными ремесленниками, и различными телами, составляющими природу». Явления природы копируются и воспроизводятся в специально предназначенных для научной деятельности местах – в лабораториях. Так получение знания со временем начинает приравниваться к творению. Поскольку природу создал Бог, лишь он точно знает, как она функционирует, однако человек способен познать то, что создал или воспроизвел он сам. Тем самым наука XVII в. ставила во главу угла опыт, эксперимент, одновременно

создавая потребность в использовании специальных научных приборов, оборудования, без которого эксперимент был бы невозможен.

Разумеется, не стоит преувеличивать скорость распространения новых идей и новых принципов ведения научных исследований. Широкие массы населения, как правило, ничего не знали о совершаемых открытиях. Университетское образование по большей части оставалось консервативным. Да и среди интеллектуальной элиты далеко не все были готовы отказаться от привычной картины мира. Так, например, английский поэт Джон Милтон (1608–1674) во время путешествия по Италии встречался с Галилеем, но тем не менее в своей знаменитой поэме «Потерянный рай» (1667) воспроизвел космологию Птолемея. С другой стороны, интерес к науке проявлялся в XVII в. едва ли не во всех слоях общества: ей уделяли внимание короли и министры, среди ученых можно было встретить государственных деятелей (Ян де Витт), ею занимались дворяне (Гюйгенс и Бойль, Браге), буржуа (Левенгук) и выходцы из других социальных групп (Ньютон был сыном фермера).

Еще одним следствием Научной революции стало изменение отношения к религии, о котором речь уже шла выше. Однако кроме нового взгляда на Бога, XVII в. дал начало и новому взгляду на человека. Воспринимая природу, как машину, сконструированную богом-инженером, некоторые деятели Научной революции (например, Декарт) и человека уподобляли машине, физическому автомату, предпочитая оставлять при этом за рамками исследования проблемы человеческой души. Нидерландский философ Бенедикт (Барух) Спиноза (1632–1677) пошел в этом плане еще дальше и применил декартовский геометрический метод к человеческим страстям, эмоциям, грехам и порокам.

Другим итогом Научной революции стало появление такого важнейшего для последующих эпох понятия, как «прогресс». Если разум всемогущ, способен познать объективную истину и обратить это знание на благо человеку, то человек – творец своей собственной судьбы. Таким образом, появляется новый вектор, цель, к которой можно и нужно стремиться (без чего понятие прогресса лишено смысла). Ранее этот вектор был совсем иным – он основывался на христианской идее о неизбежном конце истории, когда воцарится гармония и исчезнут страдания. Однако спасение ждало не всех, а лишь самых достойных. Отныне же целью становится развитие разума, познание, которое поможет сделать иной саму судьбу человека и затронет всех.

Появление идеи прогресса было невозможно без отказа от безоговорочного признания авторитета древних. Как отмечал Бэкон, «Истина – дочь Времени, а не Авторитета», и для многих ученых XVII в. это стало действительно так. Если для Средних веков весьма характерно представление о завершенности наук, которое соседствовало с идеей неизменности мира, то в годы Научной революции возникает мысль о том, что каждое новое поколение ученых привносит что-то свое, продвигается дальше, стоит на плечах предшественников. Ведь, как отмечал Гассенди, «все древнее было некогда новым», и в некотором роде пример обновления подал сам Аристотель, выступив против своего учителя Платона.

Однако на мир не просто начинают смотреть по-иному – возникает механистическая, строго упорядоченная картина вселенной. XVII век – это век наблюдения, измерения, век стремления разложить всё на составляю-

шие. Чрезвычайно популярным становится слово «анатомия»: английский поэт Джон Донн публикует в эту эпоху религиозно-мистическую поэму «Анатомия мира» (1611), Роберт Бертон создает энциклопедическое сочинение «Анатомия меланхолии» (1621), хорошо известны полотна Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпа» и «Урок анатомии доктора Деймана».

Ученые задумались о том, что в природе всё гармонично, ее жизнь подчиняется четким законам, а среди людей царят голод, нищета, войны, социальное неравенство. Нельзя ли применить созданный в естественных науках инструментарий к исследованиям общества? Математика начинает использоваться в социальных науках (демографии, экономике и др.), обретает свои очертания разрабатывавшаяся еще в Средние века теория «естественного права» (т.е. права, существующего изначально, от природы). Общество и государство теперь нередко сравнивают с организмами, происходящие в них процессы – с физическими явлениями: например, появляется понятие «силы» применительно к общественной жизни (и сегодня мы говорим «расстановка сил», «соотношение сил»). Формируется представление о том, что если технические открытия приносят непосредственную пользу человечеству, то, как писал знаменитый английский философ Томас Гоббс (1588–1679), «пользу философии морали и философии государства можно оценить не столько по тем выгодам, которые обеспечивает их знание, сколько по тому ущербу, который наносит их незнание».

Однако в годы Научной революции ученые лишь начинают активно обсуждать эти проблемы, их детальная разработка принадлежит уже веку Просвещения.

РАЗВИТИЕ И УСПЕХИ МЕДИЦИНЫ В XVI – XVII ВЕКАХ

Значительных успехов в эпоху Научной революции достигли медицина и биология. До этого времени мышление врачей и их практическая деятельность всецело определялись традиционными медицинскими системами, основы которых были заложены еще в Древнем мире. К XVI–XVII вв. наибольшее влияние повсеместно имели три таких системы – китайская, индо-тибетская и греко-арабская. Причем последняя пользовалась признанием самого значительного числа врачей и господствовала на территориях государств Западной и Восточной Европы, Северной Африки, Аравийского полуострова, Российского царства, Османской империи и других государств Азии и колоний. Греко-арабская медицина завоевала известное признание даже на территориях, подконтрольных китайским императорам, где она получила наименование «унани медицина» (т.е. «ионийская медицина»).

Названные выше традиционные медицинские системы, несмотря на множество индивидуальных особенностей, постулировали сходные представления о принципах устройства и жизнедеятельности человеческого организма, о здоровье и болезни; формировали практически идентичные подходы к диагностике, лечению и профилактике. Все они рассматривали человеческий организм (микрокосм) как единое и неделимое целое, являющееся частью Макрокосма и находящееся с ним в непрерывном взаимодействии. Важнейшим связующим звеном между Микро- и Макрокосмом считалась особая духовно-материальная и витально-энергетическая субстанция («пневма» – в греко-арабской, «прана» – в индо-тибетской, «ци» – в китайской медицине). Постоянное наполнение тела этой субстанцией и ее беспрепятственное движение в теле (по трем сосудистым системам в греко-арабской медицине, каналам «нади» в индо-тибетской, «меридианам» в китайской медицине) рассматривалось как обязательное условие жизни и здоровья.

Тело признавалось состоящим из жидких (соков) и твердых частей, которые в свою очередь являлись результатом «смешения» четырех (греко-арабская медицина) или пяти (китайская и индо-тибетская медицина) первоэлементов (стихий). Эти элементы благодаря присущим им «противоположным качествам» («силам», «свойствам») находились в постоянном диалектическом взаимодействии, состоявшем в их непрерывном взаимопорождении и взаимопреодолении. (Например, четырьмя первоэлементами греко-арабской медицины являлись земля, вода, воздух, огонь. Первоэлемент «земля» обладал качествами сухости и холода, «вода» – холода и влажности, «воздух» – влажности и теплоты, «огонь» – теплоты и сухости.) Если в результате такого взаимодействия первоэлементов их «качества» уравнивали друг друга, то организм находился в состоянии здоровья. Причем под «уравновешенностью качеств» понималось их «справедливое распределение» для данного конкретного организма и каждого из его органов, соков,

частей тела. Если же какое-нибудь «качество» получало перевес над остальными – возникала болезнь.

Таким образом, все три основные системы рассматривали болезнь как состояние, противоположное здоровью, «общее расстройство» всего организма, возникающее вследствие нарушения циркуляции «пневмы» («ци», «праны») или утраты «уравновешенности внутренних качеств», которые получили наименование ближайших причин болезни.

Их возникновение считалось результатом одновременного воздействия на организм человека двух групп отдаленных причин – внешних (случайных) и внутренних (предрасполагающих). К внешним причинам относили факторы окружающей среды (температура воздуха, инсоляция, влажность, «непогода» и т.п.), «механически действующие вредности», яды, «миазмы» и др. Перечень отдаленных внутренних причин включал в себя предрасположенности к болезням, зависящие от темперамента, возраста, пола, телосложения, наследственных и врожденных факторов, а также образа жизни человека, рациона питания и др.

Диагностика болезненных состояний осуществлялась на основании сбора данных, получаемых в процессе расспроса пациента, его осмотра, обнюхивания, ощупывания, выслушивания дыхательных органов, определения изменений температуры тела, визуального исследования внешнего вида выделений (моча, кал, пот, кровь, мокрота), изучения особенностей пульса.

Так врач получал набор разнообразных симптомов и признаков, на основании которых путем умозрительных рассуждений «определял» ближайшую причину болезни – то или иное нарушение в «циркуляции пневм» или «качество внутреннего страдания». Например, такие симптомы и признаки, как головная боль, прекращение потоотделения, обложенный язык, полное отсутствие жажды, являлись внешними проявлениями «болезней холодности» (болезней, возникавших в результате перевеса «холода» над всеми остальными качествами). Особо следует подчеркнуть, что основоположники и апологеты традиционных медицинских систем не стремились «называть болезни по имени» и не ставили перед собой задачи выделять и описывать, выражаясь современным языком, их отдельные нозологические (классификационные) формы. Исключение делалось лишь для наиболее часто встречающихся устойчивых сочетаний симптомов и признаков (перемежающаяся лихорадка, чахотка, чума, оспа, проказа, водянка и др.), которых в рассматриваемый период было выделено около 150.

Подходы к лечению основывались на положении о том, что «лечит природа», а в тех случаях, когда ее сил оказывается недостаточно, дело врача – прийти ей на помощь. Помощь состояла в воздействии на уже упоминавшиеся ближайшие причины болезненных состояний. Основными лечебными приемами по восстановлению свободной циркуляции в теле «пневмы» служили массаж, физическая и дыхательная гимнастика, «очистительные» процедуры (кровопускания, назначение слабительных, рвотных, потогонных средств) и различные методики точечных воздействий на особые точки (точки пересечения «каналов» циркуляции «пневмы» («ци», «праны»)) на поверхности тела путем иглоукалывания (акупунктура), давления (акупрессура), прижигания. Особо отметим, что эти методики широко применялись не только в китайской и индо-тибетской, но и в греко-арабской медицине. Един-

ственное отличие состояло в том, что в странах Западной Европы, арабского Востока, Российском царстве акупунктура выполнялась не с помощью иголок, а путем нанесения мельчайших надрезов кожи («до капли крови»). Более того, начиная со второй половины XVII в., акупунктура и прижигания получили в Западной Европе и России даже большее распространение, чем в Китае, где они были искусственно вытеснены «траволечением» после 1644 г.

Восстановление «уравновешенности» внутренних качеств осуществлялось главным образом средствами лекарственной терапии, которые могли возместить недостающие «внутренние качества» и умерить избыток противоположных «качеств». Болезни «холода» следовало лечить лекарствами, основным «качеством» которых была «теплота», «горячие» – средствами, способными охлаждать, и т.д. «Поистине, когда будет понятно качество болезни, – писал Ибн Сина, – нужно выбрать лекарство с противоположным качеством, ибо болезнь лечится противодействием». О «качествах», присущих тем или иным лекарственным средствам, судили по их вкусу, запаху, внешнему виду и т.д. Лекарственным сырьем служили природные материалы растительного (травы, ягоды, корни, ветви, листья, млечный сок, кора деревьев), животного (рога, кости, мясо, кровь, желчь, жир, мозг, кожа, когти, волосы, моча животных) и минерального происхождения. Лекарственные средства изготавливались в формах настоев, отваров, порошков, пилюль и включали, как правило, несколько десятков компонентов. Кроме лекарственной терапии важная роль в восстановлении «уравновешенности» внутренних качеств отводилась устранению «погрешностей» в режимах труда и отдыха, сна и бодрствования; в пищевом рационе.

Названные выше подходы и методы лечения в полной мере распространялись и на группу «болезней нарушения непрерывности», к которым относились: раны, язвы (нагноившиеся раны), переломы, кровотечения, растяжения и разрывы мышц и связок, вывихи, раздробления и т.п., словом, все то, что нуждается в хирургической помощи.

Считалось, что, «когда нарушение непрерывности происходит в органе с хорошей (уравновешенной) натурой, то он быстро снова становится годным, если же это происходит в органе с дурной натурой, он не поддается лечению...». При этом «основное» лечение могло дополняться и рядом «рукодеятельных» манипуляций, таких как остановка кровотечения с помощью наложения лигатуры или «скручивания» поврежденного сосуда; вскрытие гнояников, очистка ран от грязи и попавших в нее посторонних предметов, прижигание ран раскаленным железом или кипящим маслом, вправление вывихов, вытяжение и наложение шины при переломах. В исключительных случаях могли производиться операции камнесечения, ампутации конечностей, трепанации черепа, глубокие разрезы для извлечения попавших в тело посторонних предметов. Однако врачи крайне неохотно шли на собственно оперативные вмешательства из-за их чрезвычайной опасности для жизни пациента. Более того, врачи предпочитали выполнять их чужими руками (цирюльники, банщики и др.), что существенно тормозило развитие хирургических практик.

Практические рекомендации в отношении «сохранения здоровья и предупреждения болезней» носили ярко выраженный индивидуальный характер, состояли в разработке предписаний в отношении режимов труда и отдыха, диеты, гимнастики и т.д. для каждого отдельного человека с учетом особенностей

его «натуры». Широко известные меры, предпринимавшиеся рядом древних и средневековых государств по санитарно-гигиеническому благоустройству городов – создание водопроводов, специальных канализационных стоков, установление контроля над качеством продуктов на рынках, строительство бань и другие, не были напрямую связаны с существовавшими медицинскими представлениями. В их основе лежали прежде всего культурные, религиозные, политические мотивы или соображения городского благоустройства.

На протяжении XVI–XVII вв. получить медицинскую помощь было возможно либо у частнопрактикующих врачей, либо в госпиталях и больницах. Большинство частнопрактикующих врачей были сконцентрированы в городах. Их услуги стоили сравнительно дорого, и пользовались ими главным образом представители высших сословий и обеспеченные горожане. Те же, кто не мог оплатить услуг врача, обращались в госпитали, число которых постоянно росло благодаря усилиям Церкви, различных религиозных орденов и светских властей.

Сложившиеся в рамках традиционных медицинских систем лечебно-профилактические подходы и технологии позволяли врачам оказывать действенную помощь при целом ряде расстройств сердечно-сосудистой, нервной, дыхательной, мочеполовой, пищеварительной систем, купировать разнообразные болевые синдромы и др. Эти успехи поддерживали веру врачей в справедливость существовавших представлений и в известной мере способствовали их жизнеспособности.

Однако в целом эффективность этих лечебно-профилактических мероприятий была невысока. Они оказывались практически полностью беспомощны в борьбе с непрекращавшимися эпидемиями, наводившими ужас и уносившими сотни тысяч жизней. Эпидемии в сочетании с чудовищной детской смертностью являлись одной из главных причин того, что средняя продолжительность жизни в рассматриваемый период не превышала 30 лет, а число лиц, доживавших до 60–70 лет, составляло несколько процентов. В эпоху Возрождения именно беспомощность в борьбе с эпидемиями послужила главным мотивом для критики в адрес традиционных медицинских систем, особенно в первой половине XVI в., когда была предпринята попытка разработать новое всеобъемлющее медицинское учение и с помощью алхимии создать по-настоящему эффективные лекарственные средства. Однако создать панацею не удалось, а разработанное Парацельсом и Ван-Гельмонтом учение медицинской алхимии не получило широкого признания среди врачей. По существу единственным значимым последствием их деятельности стало увеличение в арсенале врачей лекарственных средств минерального происхождения и в первую очередь чрезвычайно токсичных препаратов мышьяка, серы, ртути.

* * *

Тотальное мировое господство традиционные медицинские системы утратили лишь во второй половине XVII столетия, когда в ходе Научной революции, развернувшейся к этому времени в Западной Европе, была доказана ошибочность многих ключевых положений системы греко-арабской медицины. Ее пересмотр начался с опровержения традиционных представ-

лений об устройстве и механизмах функционирования человеческого организма, так называемой анатомо-физиологической концепции. Согласно этим представлениям, вся жизнедеятельность человеческого организма регулировалась тремя видами «пневмы» (растительной, животной и жизненной), для каждого из которых существовала до известных пределов изолированная система сосудов (или трубочек). «Животная пневма» находилась в системе нервных трубочек, центром которой являлся мозг; «растительная» – в венозной системе, центром которой служила печень; «жизненная» – в артериальной системе и ее центральном органе – сердце.

Накопление данных, не соответствовавших приведенным выше представлениям, началось во второй половине XVI в. в результате внедрения метода анатомического исследования. А. Везалий (1514–1564) доказал отсутствие у человека чудесного сосудистого сплетения и отверстий в межжелудочковой перегородке сердца. В 1553 г. М. Сервет и в 1559 г. Р. Коломбо независимо друг от друга обосновали существование «пути крови из правого в левый желудочек сердца через легкие». В 1574 г. И. Фабриций обнаружил и описал венозные клапаны, очевидно препятствовавшие свободному току крови от печени к периферии тела. Однако названные исследователи даже не усомнились в правильности традиционных представлений.

Опровергнуть анатомо-физиологическую концепцию греко-арабской медицины оказалось возможным лишь в результате двух великих научных прорывов, совершенных в 20–60-е годы XVII в. Первым из них стало открытие системы лимфатических сосудов. В 1622 г. Г. Азелли в ходе анатомической демонстрации случайно обнаружил в брыжейке собаки сосуды, которые «содержали не кровь, а хилус». В начале 50-х годов Ж. Пеке, О. Рудбек и Т. Бартолин независимо друг от друга обнаружили и подробно описали общий ствол лимфатических сосудов, млечную цистерну, грудной лимфатический проток и место его впадения в «подключичные вены». Тогда же Ж. Пеке в экспериментах на собаках, а Гайян на трупе человека показали, что эта система сосудов служит целям всасывания хилуса из кишечника, который поступает непосредственно в сосудистую систему, минуя печень.

Вторым важнейшим прорывом стало открытие кровообращения, которое принято связывать главным образом с именем У. Гарвея (1578–1657). Отправной точкой исследований У. Гарвея в этой области послужили остроумные арифметические расчеты. Измерив объем крови, находящийся в левом желудочке сердца подопытного животного, он умножил его на количество сердечных сокращений за определенный промежуток времени и получил ошеломляющий результат: за полчаса сердце «выбрасывает больше крови, чем ее содержится во всем организме». Объяснить этот факт с позиций учения греко-арабской медицины, предусматривавшего полное усвоение крови органами и частями тела, было невозможно. У. Гарвей высказал гипотезу о том, что кровь из артерий попадает в вены, а из вен – снова в артерии, и, таким образом, в организме человека она движется по кругу, а точнее по двум замкнутым кругам – малому («через легкие») и большому («через весь организм»). Причиной, заставляющей кровь циркулировать, У. Гарвей назвал сокращения сердца.

В окончательном виде эта гипотеза была сформулирована У. Гарвеем в 1628 г., но всеобщее признание она получила лишь в 60-х – начале 70-х го-

дов XVII в. после того, как усилиями М. Мальпиги, А. Левенгука и Т. Уиллиса были представлены прямые доказательства существования кровообращения. М. Мальпиги обнаружил капилляры, соединяющие артерии и вены, и экспериментально доказал отсутствие прямого сообщения между капиллярами и альвеолами легких (1661). А. Левенгук зафиксировал движение клеток крови по капиллярам от артериального к венозному концу (1670). Т. Уиллис представил бесспорные доказательства того, что кровеносные сосуды не прерываются не только в легких, но и в головном мозге (1664). Эти открытия нанесли сокрушительный удар по анатомо-физиологической концепции греко-арабской медицины. В частности, стало совершенно очевидным, что под дыханием ошибочно понимался процесс «доставки» воздуха и растворенной в нем «пневмы» в левое сердце. Что продукты переваривания пищи в желудке не поступают напрямую в печень и не «перевариваются» там в кровь, флегму, черную и желтую желчь, а всасываются по особым сосудам непосредственно в кровяное русло. Что кровь не потребляется без остатка органами и частями тела, а циркулирует в замкнутой системе сосудов. Случившееся поставило врачебное сообщество Европы в крайне непростое положение. Во-первых, в отличие от целостной, внутренне логичной и все объясняющей системы традиционных представлений новое знание носило фрагментарный характер и порождало множество вопросов. Например, оказалось совершенно непонятным предназначение системы органов дыхания и физиологический смысл этого акта жизнедеятельности. Во-вторых, возникли серьезные сомнения в справедливости и обоснованности традиционной лечебно-диагностической концепции. Врачи оказались вынужденными констатировать, что она либо ориентировала на выявление и устранение несуществовавших «внутренних страданий», либо опиралась на неверные исходные данные в процессе диагностического домысливания.

Для преодоления возникшего в медицине Западной Европы кризиса были предложены два пути. Условно говоря, первый из них предполагал разработку новых всеобъемлющих умозрительных медицинских учений (систем), построенных по образу и подобию традиционных. В XVII в. было создано два таких учения – ятромеханическое (ятрофизическое) и ятрохимическое. Ятромеханики (С. Санторио, Дж. Балвиви, Л. Беллини) постарались объяснить все физиологические и патологические явления исключительно на основе законов механики. Ятрохимики (Ф. Сильвий, Т. Уиллис, В. Ведель, Р. де Грааф, Я. Сваммердам, Р. Лоуэр, Дж. Мэйо) рассматривали процессы жизнедеятельности организма человека как химические явления, болезни – как результат нарушения химического равновесия и ставили задачу поиска химических средств их лечения. Учения ятрофизиков и ятрохимиков ненадолго завоевали сторонников, но в конце XVII в. стало очевидным, что ни одно из них не в состоянии объяснить всего многообразия проявлений жизнедеятельности человеческого организма и предложить эффективные способы лечения и профилактики заболеваний.

Другой путь состоял в дальнейшем опытно-экспериментальном изучении основных актов жизнедеятельности человеческого организма и кардинальном реформировании практической медицины на основе внедрения принципиально новых подходов к изучению, диагностике, лечению и профилактике болезней. Инициатором реформы выступил знаменитый английский

врач Т. Сиденгам, разработавший в 60–80-х годах XVII в. принципиально новую лечебно-диагностическую концепцию, важнейшей отличительной особенностью которой стал полный отказ от традиционной ориентации на диагностическое домысливание «внутренних страданий организма» и их «качеств». Т. Сиденгам считал, что основным объектом диагностического исследования должны быть не ближайшие причины болезней, а сами болезни – их отдельные нозологические формы. Последнее было вполне достижимо на основании сбора и систематизации только «внешних болезненных явлений» – «припадков» (симптомов). Рассматривая болезнь как живое существо, возникающее и развивающееся по своим собственным законам, Т. Сиденгам полагал, что каждая нозологическая форма обладает строго индивидуальным, присущим только ей одной, набором «внешних болезненных явлений».

Процесс диагностического поиска стал включать в себя два основных этапа. Первый предполагал выявление и фиксацию всех без исключения симптомов; второй заключался в сопоставлении составленного врачом «точного портрета болезни» с уже имеющимися описаниями всех известных болезней с целью обнаружения возможных сходств (анalogии). Если аналогия возникала – ставился диагноз, если не возникала – рождалась новая нозологическая форма. Следуя этому подходу, Т. Сиденгам впервые детально описал и выделил из острых лихорадок с сыпью – скарлатину, из группы судорожных состояний – малую хорею, из группы заболеваний суставов – суставной ревматизм и подагру. Получили известность его подробные описания коклюша, кори, натуральной оспы, малярии, истерии.

Главной целью нозологического подхода к выделению и диагностике заболеваний Т. Сиденгам считал поиск специфических средств лечения для каждой болезни. Основанием для его убежденности в существовании таких средств послужил опыт успешного использования в Европе в середине XVII в. в лечебных целях коры хинного дерева. Хина прекрасно помогала при лечении малярийных лихорадок и была совершенно бесполезна при других болезнях. В качестве специфических средств Т. Сиденгам также признавал препараты железа для лечения анемий, ртуть при сифилисе и опий при болях. Особое внимание Т. Сиденгам уделил проблеме эпидемических болезней, для изучения которых предусматривалось проведение непрерывных серийных наблюдений по выявлению заболеваемости и ее связи с изменениями атмосферного давления, температуры и влажности воздуха, «переменами в направлениях ветра», местными условиями жизни и питания, особенностями почвы, воздуха, общественных отношений. Идеи Т. Сиденгама уже в конце XVII в. получили всеобщее признание, а их практическая реализация составила магистральный путь становления современной европейской медицины в XVIII столетии.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЫ В XVI – XVII ВЕКАХ

В плане повседневной жизни XVI и XVII века представляют собой своеобразный мостик, перекинутый между двумя существенно отличающимися друг от друга цивилизациями. По одну его сторону остается средневековая Европа: пропитанная христианским восприятием мира, со сравнительно малой мобильностью населения, с латынью в качестве универсального языка науки, с традиционной структурой образования и питания, с вооруженными преимущественно холодным оружием армиями. По другую сторону находится мир, который уже очень похож на современный: стремительными темпами идет секуляризация сознания, быстро растет население, за Научной революцией следует промышленный переворот, окончательно закрепивший связь науки с практикой и производством, Европа постепенно перестает быть аграрной, возникают регулярные армии. Какая бы сфера жизни ни привлекала наше внимание, перемены бросаются в глаза.

Вместе с тем, если сегодня эти многочисленные перемены принято оценивать скорее как благо, как «прогресс», у современников они зачастую вызвали совсем иные чувства. Старый мир разрушался слишком быстро, в Европе наступало время войн, голода, мятежей и восстаний, экономических, демографических и социальных пертурбаций, определяемых рядом историков как «кризис XVII века». Реакцией на эти явления стали растущее чувство неуверенности в будущем, ощущение хрупкости и неустойчивости привычного миропорядка, рост эсхатологических настроений, коллективные страхи, легкое верие в восприятии слухов, ужас перед возможной скорой смертью и всевластием нечистой силы.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Средняя продолжительность жизни в Европе XVI–XVII вв. составляла 25–35 лет (если считать от рождения) и около 50 лет (если не принимать во внимание детскую смертность). Это, разумеется, не означало непереносимой гибели именно в этом возрасте: знаменитый Тициан прожил около 100 лет и умер лишь от чумы.

Подсчеты численности населения для этих веков страдают неизбежной неточностью: более или менее полные переписи в Европе стало принято проводить лишь с XVIII – XIX вв. Для XV–XVII вв. разброс данных по количеству европейского населения у различных специалистов весьма велик. К примеру, для 1450–1500 гг. их оценки укладываются в диапазон от 55 до 90 млн человек, для 1600 – от 78 до 105 млн (100 млн многим кажется наиболее правдоподобной цифрой), для 1650 г. – от 75 до 136 млн.

Вместе с тем общие тенденции не вызывают сомнений. «Победу жизни над смертью» датируют лишь серединой XVIII – началом XIX в., ранее же население европейских стран то увеличивалось, то вновь уменьшалось.

Обычно выделяют рост населения в 1450–1620 гг., за которым следует более или менее значительный спад или в лучшем случае стагнация, продолжавшаяся до 80–90-х годов XVII в., а в ряде стран и до первых десятилетий XVIII в.

Причины подобной демографической неустойчивости весьма разнообразны. Одним из факторов послужило глобальное похолодание, получившее название «малого ледникового периода» и захватившее значительную часть XVII в. По-прежнему периодическое сокращение населения вызывают войны, мятежи, экономические неурядицы (в первую очередь нехватка продовольствия): так, в 1693–1694 гг. Франция потеряла более полутора миллионов жителей, смертность увеличилась на 85%. Избрание частью населения духовной стези также сказывалось на приросте его общей численности; в Испании, например, в первой половине XVII в. было около 9 тысяч только мужских монастырей.

За исключением проказы (практически побежденной в течение XVI в.) для Европы оставались актуальны все болезни, терзавшие ее и ранее; разве что к ним добавился еще и сифилис, появившийся в самом конце XV в. В начале XVI в. Англию поражает эпидемия гриппа, которую принято считать первой, но отнюдь не последней. В конце того же века возвращается бубонная чума, особенно широко распространившаяся по окончании Тридцатилетней войны. Свиристствует не щадящий ни бедных, ни богатых туберкулез: только во Франции от него скончались три монарха. Дизентерия, оспа, тиф, «пляска Святого Витта» – волна одной болезни нередко следовала за другой. В результате эпидемий итальянцев в середине XVII в. оказалось меньше, чем было за век до того; Кастилия за четыре года на рубеже XVI–XVII в. потеряла десятую часть населения; от чумы 1665–1666 гг. лишился четверти населения Лондон.

Даже в периоды демографического роста Европа все еще остается малонаселенной; лишь один из пяти людей на Земле к концу XVII в. был европейцем (в настоящее время – лишь один из восьми, однако это следствие совершенно иных демографических процессов). В это время население Франции не превышает 21 млн человек, Германии – 15–20 млн, материковой Испании – 7 млн, Англии – 4–5,5 млн. Если из страны уезжало 200–300 тысяч человек и более (как это было в Испании в связи с изгнанием морисков, во Франции после отмены Нантского эдикта или в Англии во второй половине XVII в.), потери населения осознавались современниками как значительные и влекущие за собой серьезные последствия.

Поскольку экономика большинства стран остается аграрной, основная часть населения проживает в деревне (исключение составляет Голландия, где уже в XVII в. в городах концентрируется до половины жителей). Сами города относительно невелики: считается, что в 1500 г. на всю Европу приходилось лишь пять городов с населением 100 тысяч человек или больше. И в 1600, и в 1700 гг. таких городов всего 12, из них восемь – в Средиземноморском регионе, преимущественно в Италии. Самый крупный город XVI в., Неаполь, насчитывал в 1600 г. ок. 280 тысяч жителей; население Лондона тогда же не превышало 150–200 тысяч человек, около 200 тысяч проживало и в Париже. Ни один другой город Англии не преодолел в это время рубеж в 15 тысяч человек, Франции – 50 тысяч. Тем не менее многие города быстро росли, особенно порты, связанные с международной торговлей.

В целом население было значительно моложе, нежели сегодня: доля тех, кому исполнилось менее двадцати, составляла по различным оценкам до 40 %. Сознательное регулирование рождаемости, как правило, отсутствовало. Среднее количество детей в семье в это время оценивается весьма поразному и колеблется в диапазоне от четырех до десяти рожденных и от двух до пяти доживших до вступления в брак. Несомненно, однако, что в более зажиточных семьях выживших детей обычно было больше, чем в бедных, в том числе и по причине отсутствия перерывов на кормление ребенка, который нередко передавался кормилице.

Согласно постановлению Тридентского собора, в католических странах ребенок должен был быть как можно быстрее крещен, однако далеко не везде и не всегда это происходило в тот же день. В протестантских странах требование о срочности крещения обычно не выдвигалось вовсе, церемонию нередко проводили в ближайший воскресный или праздничный день. При крещении ребенок получал имя, которое везде выбиралось из ограниченного списка, однако принципы наречения и количество имен варьировались в зависимости от страны и социального слоя.

Детская смертность в благополучные времена составляла от 20 до 50% появившихся на свет; как заметил один из историков, «требовалось двое детей, чтобы получился один взрослый». Это объяснялось не только отсутствием должного уровня помощи и гигиены при родах и многочисленными болезнями, которые подстерегали детей в первые годы жизни, но и процветавшим преднамеренным или непреднамеренным детоубийством: в бедных семьях порой избавлялись от младенцев, выкидывая их на улицу; множество детей погибало во сне, придавленные и задушенные родителями, с которыми они спали в одной постели; детей было принято оставлять дома одних, что влекло за собой соответствующий уровень бытового травматизма.

Во всех слоях общества при воспитании ребенка активно использовалось так называемое «педагогическое запугивание». Процветали телесные наказания. Популярностью пользовались посещения казней: так внушалась мысль о неотвратимости наказания за преступления, а красочные рассказы про ад и дьявола должны были подтолкнуть к добродетельной жизни. Чтобы заставить детей ночью не покидать свои кровати или днем не отходить далеко от дома, им рассказывали о злобных существах, всегда готовых их украсть, съесть или выпить кровь: про ведьм и ночных демонов, евреев (в христианской среде), волков-оборотней, Синюю Бороду.

По сравнению со Средневековьем значение женщины в обществе на протяжении XVI–XVII вв. постепенно увеличивается, она все чаще начинает выходить на первый план, играть самостоятельную роль. Едва ли не самые известные королевы Англии и Франции – Мария Тюдор, Елизавета I, Екатерина Медичи, Анна Австрийская – жили именно в эту эпоху. Женщины становятся хозяйками модных светских салонов; во время Английской революции они впервые начинают подавать петиции в парламент. Неудивительно, что для рубежа веков гендерные историки отмечают усиление противостояния полов. В публицистике женщину все чаще называют коварной, несовершенной, хитрой, пагубной, жестокой.

Брак, как правило, заключался между мужчиной и женщиной, принадлежавшими к одной социопрофессиональной категории и жившими в одной местности. С XVI–XVII вв. господствовала так называемая европейская брачная модель, для которой был характерен «отсроченный брак» – он заключался довольно поздно (и чем дальше, тем позже), женщины хранили невинность до свадьбы. Так, во Франции XVI–XVII вв. средний возраст вступления в брак для женщин составлял, в зависимости от региона, от 23 до 27 лет, для мужчин – от 25 до 27 лет. В городах женились позже, на селе – раньше. В народной среде жених порой оказывался моложе невесты, тогда как в зажиточных социальных слоях он как правило был старше, а то и существенно старше: в XVII в. герцоги и пары Франции в среднем женились в 25,5 лет, тогда как их невестам не было и 20. Для английских сквайров средний возраст первого брака наследников меняется с 21 года в начале XVI в. до 26 лет на рубеже XVII–XVIII вв.

Очевидно, что на формирование этой модели повлиял не только религиозный аспект. Не исключено, что немаловажную роль здесь сыграли не осознаваемые явно современниками попытки ограничения рождаемости, поскольку значительную часть репродуктивного периода женщина проводила не замужем, а около 40 лет уже переставала рожать детей. Невелика была и средняя продолжительность брака, вызванная смертью одного из супругов: известно, скажем, что в XVII в. в парижском регионе треть браков не длилась и 10 лет, средней же цифрой принято считать 17–20 лет. Потеряв жену или мужа, люди очень часто стремились сразу же вступить в повторный брак (от общего числа браков повторных заключалось 25, а то и 30%). Однако удавалось это, разумеется, не всем, причем мужчин по понятным причинам ждал успех чаще.

Другим резонансом для позднего создания семьи стало доминирование представления о том, что мужчина готов к браку, когда может содержать жену и детей: по европейским традициям пара стремилась сразу после свадьбы покинуть родительский кров и поселиться отдельно (исключением был ряд крестьянских обществ). С родителями жили крайне редко, разве что в некоторых аристократических семьях, где женились очень рано. Необходимые средства к существованию в этой ситуации предоставляла либо смерть родителей, либо, гораздо чаще, предполагалось, что глава семьи сам способен зарабатывать на жизнь, а родители готовы помогать молодой паре по мере возможности (деньгами, связями, обустройством жилья).

ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

За исключением некоторых категорий населения, для которых была характерна относительная мобильность (солдаты, торговцы, моряки, часть ремесленников, сезонные рабочие, странствующие монахи, бродяги), окружавший человека мир, как и ранее, обычно ограничивался рамками его прихода, реже сопредельных городов и деревень, еще реже провинции или страны. На местности, где он рождался и умирал, замыкался и круг его интересов; на территории большинства европейских стран сохранялось разнообразие местных диалектов, привычек, обычаев, обрядов, а порой и законодатель-

ных норм. Человек, пересекавший большую страну из конца в конец, очень быстро убеждался, что чем дальше от дома, тем хуже он понимает местных жителей, а они его.

Сами путешествия отнимали немало сил и времени, регулярное сообщение между городами возникает только в XVII в., да и то лишь в нескольких странах (например, в Нидерландах). Почтовые службы для частных лиц по большей части лишь начинают организовываться. Новости распространялись крайне медленно. Хотя в это время активно строились каналы и прокладывались новые дороги, передвижение даже между городами нередко воспринималось как опасное, долгое и отчасти непредсказуемое. На реках путников подстерегали мели и кораблекрушения, на дорогах – непролазная грязь, поломки и опрокидывание повозок, а также разбойники.

Если даже знание о том, что происходит в сопредельных странах, оставалось в основном уделом членов правительства или читателей немногочисленных газет, то представления о мире в целом были еще более смутными. Как считается, к 1500 г. в Европе знали примерно 20% поверхности земного шара, в 1600 г. – 60%. Главные очертания континентов были к XVII в. уже известны, хотя и не совсем точно, но внутренние пространства Азии, Африки и Америки еще таили для европейцев немало сюрпризов.

Тем не менее очевидно возрастание интереса к иным странам: по сравнению с XVI в. в следующем столетии количество книг о путешествиях увеличилось более чем втрое, причем пока еще особое любопытство вызывал мир за пределами Европы: в XVI в. ему было посвящено 75% от общего количества изданий, в XVII в. – 65%. Европу охватывает мода на экзотику, проявлявшаяся весьма многообразно: становится чрезвычайно популярным давно уже известный перламутр, коллекционеры начинают собирать морские раковины и другие диковины, с Востока приходит серебряная филигрань, из Турции – тюльпаны, вызвавшие в 30-е годы XVII в. в Голландии настоящий коммерческий бум. Среди состоятельных людей растет спрос на предметы из экзотических материалов, которые до XVII в. употреблялись преимущественно для украшения, – из черепаховых панцирей, рога носорога, кокосовых орехов, кораллов. Популярность китайского и японского фарфора заставляла европейских гончаров подражать их орнаментам, не прекращались и попытки овладеть секретом производства фарфора, остававшиеся безуспешными до XVIII в.

ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛЬНЫЙ

Жизнь в это время была преимущественно публична, она предусматривала постоянное общение, непрерывные контакты, совместные развлечения. Показателем успехов человека служило то, как он принят в своем сообществе. Особенно это возводилось в абсолют в дворянском сословии, где категория репутации оставалась одной из самых важных. Предполагалось, что никакие личные обстоятельства в идеале не должны отвлекать человека от публичной роли: когда одному французскому аристократу, участвовавшему в королевском спектакле, сообщили перед началом представления, что умерла его мать, он ответил: «Вы ошибаетесь, она умрет, когда закончится балет».

Человек практически никогда не оставался в одиночестве. Чтобы обрести уединение, удалялись от мира – в уединенную часовню, в монастырь, в скит. Дом тогда – это во многом место общественное, отдельные помещения для занятия профессиональной деятельностью еще очень редки. Кофейни и другие места для встреч за пределами дома только появляются, во многих странах они были доступны далеко не всем. Это приводило к тому, что даже не в самом богатом городском доме постоянно пребывали слуги, клирики, приказчики, клиенты, друзья, родственники.

Начиная со второй половины XVII в. ситуация начинает постепенно меняться, однако это долгий процесс, хорошо и повсеместно заметный лишь столетие спустя и шедший по социальным стратам сверху вниз. Растущий в обществе индивидуализм приводит к тому, что у европейцев значительно увеличивается потребность не только в уединении, но и в обособлении своего тела и всего, что с ним связано, от контакта с другими людьми. Не случайно носовой платок и ночная рубашка появляются практически одновременно и медленно завоевывают право на существование в конце XVII – начале XVIII в. Этим же временем датируется и распространение вилки, вошедшей в обиход в Италии еще во второй половине XVI в., но долгое время воспринимавшейся как забавная и совершенно ненужная роскошь. Даже при дворе Людовика XIV вилок пользовался лишь один герцог, про которого писали, что он был личностью «чудовищно опрятной». В XVII в. постепенно становятся также обыденными индивидуальные тарелки и столовые приборы, предоставляемые хозяином дома.

С течением времени меняется и отношение к личной гигиене. В принципе еще со времени эпидемий чумы XIV в. считалось, что мытья горячей водой следует избегать, поскольку оно ослабляет организм, открывая кожные поры воздействию любых инфекций, которые носятся в воздухе. Количество ванн в частных домах постепенно стремится к нулю. Число общественных бань остается вопросом дискуссионным, однако известно, что к XVI в. в ряде мест они исчезают вовсе. Во многих городах их остаются считанные единицы; посещают бани преимущественно аристократы или люди богатые, да и то лишь в связи с определенными событиями в своей жизни: перед путешествием или после него, в преддверии любовного приключения или накануне свадьбы. Вместе с тем посещение бани не означало непременно стремления к чистоте: это нередко место общественное, куда ходили компаниями и скорее ради развлечения.

Вместо мытья с XVI в. постепенно укореняется обычай чаще менять и стирать белье – постепенно именно оно наряду с чистотой головы и рук начинает создавать общее впечатление о том, насколько человек следит за собой. Это, разумеется, не касалось простолюдинов и свидетельствовало не о борьбе с антисанитарией (в сиротских приютах об этом даже не думали), а о появлении удобного инструмента социальной сегрегации. С того же времени постепенно входят в моду парики – еще один социальный маркер, но также и средство борьбы со вшами, поскольку голову под парик нередко брили. «Веком париков» обычно называют XVII столетие: после того как Людовик XIII вводит их в моду при дворе, за несколько десятилетий поветрие распространяется по всей Европе. Оба эти явления вписываются в рамки общей тенденции: «приличный» человек должен идентифицироваться с пер-

вого взгляда — он заботится о своей внешности, выглядит чистым, а при случае и использует косметику: так, с XVI в. в ряде стран распространяется припудривание волос в дворянской среде.

Тем не менее в это время уровень личной гигиены даже среди состоятельных людей существенно варьировался от страны к стране. К примеру, если голландцы во второй половине XVII в. все еще садились за стол, не вымыв руки, то у французов и англичан это уже вызывало брезгливость. Один из британцев даже презрительно заметил: «Они содержат свои дома в большей чистоте, чем собственные тела». Однако, разумеется, еще в большей степени приличия зависели от социального слоя: дворяне начинают смеяться над сальными волосами буржуа, позабыв, что всего век назад ничем от них не отличались.

С изменениями в отношении к личной гигиене связаны и трансформации европейской моды этого периода. К началу XVI в. верхняя одежда повсеместно укорачивается. Рубаха, некогда скрытая от глаз, становится видна — по крайней мере, в области воротника и манжет, а затем и вовсе превращается из нижней одежды в верхнюю. По французским описям хорошо видно, как рубахи и белье начинают занимать в гардеробах знати самостоятельное место, а порой расходы на них превышают суммы, отведенные на весь остальной гардероб. Во второй половине XVI — XVII в. нормой для человека, вращающегося в свете, становится обладание тремя-четырьмя десятками рубах, которые постоянно меняли и стирали.

Если в прошлые эпохи законы против роскоши нередко осуждали ношение мехов, то теперь они обращены на дорогое шитье и кружева, которые в католических странах становятся все более распространенной деталью мужского костюма состоятельных людей. В протестантских государствах картина была иной. Так, в Англии пуритане до 50-х годов XVII в. демонстративно отказывались от украшений в одежде и лишь ближе к концу Революции их принципы в этой сфере стали менее жесткими.

В том же XVII в. законодательницей мод безоговорочно становится Франция. Принятым там обычаям старательно подражают по всей Европе, впрочем, внося при этом в костюм национальное своеобразие. Лишь в нескольких странах, особенно в германских государствах, это вызывает протест, и «офранцузивание» осуждается моралистами. Тон повсюду задавали государи и придворные, за ними следовали знать и состоятельные горожане. Народный костюм менялся очень медленно, отставая от моды на век, а то и на полтора. Влияли на моду и укреплявшиеся торговые связи с дальними странами. Восточные хлопчатобумажные ткани прочно занимают свое место в обиходе: они лучше красились и легче стирались, чем шерсть.

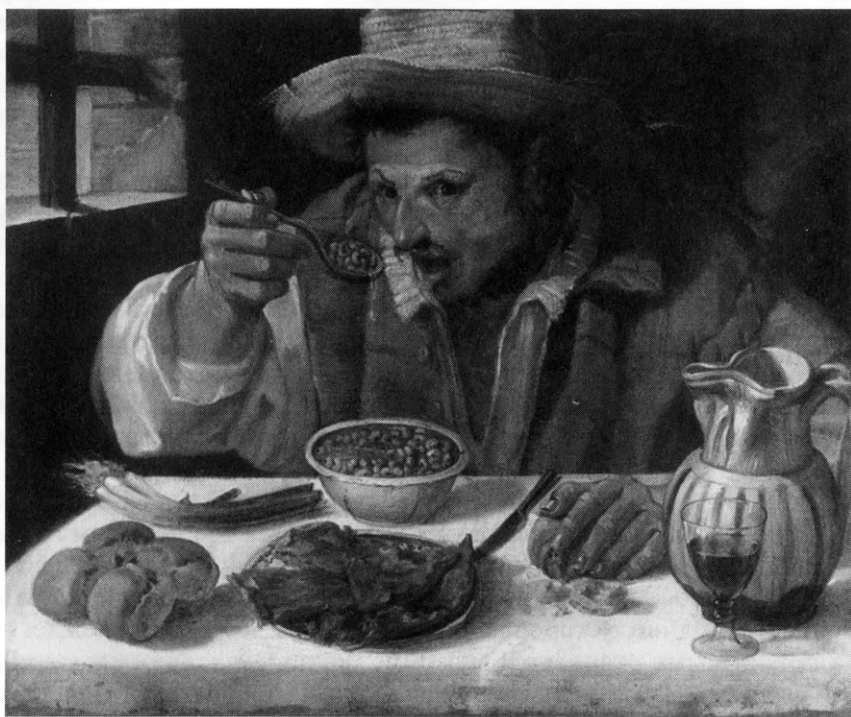
Из принципиальных новинок европейского костюма этой эпохи можно назвать перчатки: войдя в моду в XVI в., они быстро стали одним из символов привилегированных сословий, хотя подлинного облегания перчатками рук мастерам удалось добиться лишь век спустя. Другим новшеством стало повышенное внимание, которое начинают уделять домашней одежде: у дворянства привычными становятся мужской халат и женский пеньюар; в них во время утреннего туалета допускалось принимать посетителей. И наконец, постепенно меняется облик войск: с созданием регулярных армий в XVII в. появляется и военная форма, позволяющая различать полки на поле боя.

ЕДА И НАПИТКИ

За исключением наиболее развитых в экономическом отношении регионов (прежде всего Голландии и Англии), европейское сельское хозяйство оставалось традиционным. В рационе и городских, и сельских жителей преобладали зерновые (рожь, пшеница, ячмень, овес), и, как следствие, цена на хлеб оказывалась для наемных рабочих столь же важна, сколь и размер заработной платы. Горожане старались разнообразить свой рацион при помощи подсобных хозяйств, садов и огородов. Большую роль в рационе играла рыба, в XVII в. голландская сельдь экспортировалась по всей Европе.

Продукты с иных континентов (за исключением сахара и пряностей) во многих местах все еще оставались редкостью. Часть из них воспринималась как роскошь: они были дороги, и их потребление росло весьма незначительными темпами (чай, кофе, какао, шоколад). Другие постепенно проникали в повседневный рацион (картофель, помидоры, кукуруза, сладкий перец, фасоль, рис), правда, медленно и неравномерно, кое-где под нажимом правительства или сеньоров; нередко вначале их высевали на огородах, а лишь затем на полях.

Напитки также преобладали по большей части традиционные. Лидировала по потреблению вода, далеко не всегда остававшаяся в городах общедоступной: водопроводы и фонтаны с питьевой водой были относительно редки, и жителям городов приходилось прибегать к услугам водоносов. Хотя вино и пиво потребляла практически вся Европа, в массовом порядке они обычно покупались в тех регионах, где были произведены.

Аннибале Карраччи. Бобовая похлебка. Ок. 1585 г. Галерея Колонна, Рим

Традиции употребления более крепких напитков только закладывались: с конца XV в. шотландцы пили виски, англичане постепенно вводили в моду мальвазию, портвейн, малагу, мадеру и херес, французы – коньяк, голландцы – водку; на рубеже XVII–XVIII вв. входит в обычай выдавать солдатам водку перед боем. С Антильских островов в Европу импортировали ром.

ОБРАЗОВАНИЕ

XVI–XVII вв. нередко называют эпохой революции в образовании: повсеместно растет стремление к грамотности и количество людей, умеющих читать и писать. В XVI в. этот процесс охватывает Италию, в следующем столетии на первое место выдвигается Англия: практически в каждом рыночном городе появляется грамматическая школа, способная подготовить к университету. Количество грамотных людей быстро увеличивается: в начале XVII в. в Лондоне 76% ремесленников и лавочников могли, по крайней мере, подписаться.

Школы того времени сохраняют многие черты, характерные для предыдущих столетий. Уровень преподавания в основной массе еще не высок, в большинстве стран от учителей не требуется никакого специального образования, их жалование весьма скромно, система лицензирования преподавателей или проверки властями их знаний, как правило, отсутствует. Школа остается лишь относительно доступной для низших слоев общества: бесплатного образования практически нет, покупка книг, свечей, письменных принадлежностей, а нередко и оплата за пансион ложится тяжелым бременем на семейный бюджет.

Тем не менее появляется и немало нового. С XVI в. во многих католических странах модными и распространенными становятся иезуитские коллегии, для которых была разработана своя система среднего образования. Она, в частности, предполагала поэтапное приобретение знаний (лишь по достижении определенного уровня ученик мог перейти в следующий класс), упор на гуманитарные науки, запоминание правил при помощи стихов. Эта система оказала немалое влияние на происходившее в то же самое время зарождение педагогической науки: так, например, один из ее основоположников чех Ян Амос Коменский (1592–1670) разработал систему последовательного и постепенного обучения с учетом возраста детей и с опорой на практические занятия.

Под влиянием иезуитского образования и педагогических теорий школа в XVI–XVII вв. существенно изменилась. Со временем становится привычным, что свое помещение есть не только у школы в целом, но и у каждого класса; до того в общем зале стоял такой шум, что голландцы говорили: лучше пройти мимо кузницы, чем мимо школы. По мере того как класс становится базовым элементом школьной системы, на переходе из класса в класс строится программа, ориентированная на поэтапное приобретение знаний. Постепенно уходит в прошлое практика перескакивания из класса в класс или, наоборот, задержка на несколько лет в одном классе просто для того, чтобы продлить обучение.

Начиная с середины XVII в. в обществе постепенно распространяется представление о том, что для ряда профессий (военные, чиновники) образование, полученное в школе, предпочтительнее доминировавшего в то время обучения на практике, «в людях». Еще в начале века для дворянина было нормальным умение читать и писать – не более того; потратившие много времени на школу отставали в карьере от остальных – отсюда особый интерес, который испытывали к детям, опережавшим сверстников в своем развитии.

Высшая школа также сохраняет немало архаичных черт. Образование, ориентированное на подготовку клириков, уходит в прошлое еще до начала раннего Нового времени, однако во многих странах и в XVII в. в центре учебных программ продолжала оставаться латынь. Как и в Средние века, школяры повсеместно носили оружие, воспринимались как люди несамостоятельные, бедные, буйные, развратные; в городах, где находились крупные колледжи, часто устанавливался особый полицейский режим, включавший комендантский час; на подавление студенческих волнений подчас приходилось вызывать войска.

Двойственным остается положение университетов. Им припоминают утрату былой независимости от властей, нередко воспринимают как оплот давным-давно устаревших научных и философских концепций, обвиняют в пустой схоластике. Тем не менее только они сохраняют право присваивать ученые степени, в ходе революции в образовании число их студентов стремительно увеличивается, ряд университетов приобретает репутацию не только хранителей старого, но и творцов нового знания.

Хотя знания по тем предметам, которые преподавались в университетах, предпочитали получать именно в их стенах, развивались и альтернативные формы обучения, прежде всего в сферах, которые университеты не затрагивали. Дворян в сопровождении наставника нередко отправляли за границу, в Германии и особенно во Франции их постепенно стали отдавать в так называемые Академии, где могли учить верховой езде, танцам, фехтованию, изящным искусствам и фортификации. Однако в XVII в. традиции специализированных высших школ лишь закладываются, время их расцвета наступит позже.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ. ПРЕССА

Развитие книгопечатания в этот период приводит к тому, что книга становится доступной и приходит в народ. Ожесточенная религиозная борьба в Англии, Германии и Франции способствовала особой популярности такого жанра, как памфлет, использовавшегося в первую очередь для пропаганды протестантских идей; широчайшую известность приобрели памфлеты самого Мартина Лютера.

В XVI в. европейским центром книгоиздания становится Италия, особенно Венеция: в ней концентрировалось более сотни типографий, почти половина всех итальянских издателей и книготорговцев. В XVII в. множество типографий возникает во Франции, Нидерландах и других европейских странах. Начинается издание массовой литературы, тиражи которой дости-

гали десятков тысяч экземпляров, а иногда и более: в Англии, например, где особой популярностью пользовалось Священное писание, тираж Библий и Новых Заветов, опубликованных от Реформации до 1640 г., перевалил за миллион. С 1500 по 1630 г. число названий книг, издаваемых ежегодно в этой стране, возросло с 45 до 460, в 1640 г. оно достигло 600, а затем стало увеличиваться еще быстрее. По всей Европе становятся все более популярными библиотеки, возникает понятие «обязательных экземпляров», которые издатели должны были направлять в книгохранилища: в 1537 г. эта норма закрепляется во Франции, а в следующем веке появляется в Англии, Священной Римской империи, Швеции и Дании.

Книгу все чаще можно встретить в личном пользовании; в протестантских странах это происходит быстрее, чем в католических, поскольку появляется привычка держать дома Библию и другие книги религиозного содержания. Дороговизна книг, а нередко и их религиозный характер способствовали тому, что одно и то же издание читали по нескольку раз, берегли, передавали по наследству. В образованных слоях общества чтение все чаще становится интимным процессом, книги перемещаются из гостиных в кабинеты и библиотеки. В народной среде, напротив, актуально чтение вслух.

Религиозная литература постепенно уступает место светской: наряду со старыми рыцарскими и новыми романами, стихами, книгами античных авторов все активнее издаются произведения, бывшие ранее объектом устной, нередко народной культуры (сказки, притчи, баллады). Становятся популярными альманахи – своеобразные календари, дополненные сведениями справочного и астрономического характера, а также короткими рассказами, стихами, историческими анекдотами и предсказаниями. К 1660 г. в Англии продавалось 400 тыс. альманахов в год (этого было достаточно, чтобы обеспечить примерно две пятых всех семей). Люди постепенно привыкали и к тому, чтобы книга не только развлекала, но и советовала: множатся руководства о том, как вести себя в обществе, управлять делами, воспитывать детей.

В то же время в XVI–XVII вв. еще почти не существовало профессиональных писателей и поэтов. Как правило, литераторы либо зарабатывали себе на жизнь чем-то иным, либо изначально были обеспечены, либо владели полуголодное существование, перебиваясь случайными заработками (написанием стихотворений для влюбленных, пьес для комедиантов), либо пользовались покровительством государей и вельмож. Занятие литературным трудом не приносило достаточного дохода во многом еще и потому, что практически не существовало представлений об авторском праве. Если закон порой и ограничивал произвол издателей, то лишь по отношению к их коллегам: так, например, декларация императора Леопольда I от 1671 г. запрещала другим издателям перепечатку книг в течение пяти лет после их выхода в свет.

Развитие грамотности и улучшение средств сообщения привели к тому, что стало возможным появление первых европейских газет. Поначалу новостные листки были рукописными, а с XVI в. их начинают печатать в типографиях. Происхождение слова «газета» обычно связывают с выходившим с 1556 г. венецианским изданием, стоившим одну мелкую монетку (*gazzetta*). В первой половине XVII в. газеты современного типа начинают выходить

в Голландии и в Германских землях, во Франции и в Испанских Нидерландах, а с 60-х годов и в Англии. Как правило, они знакомили читателей с европейскими событиями (лишь изредка публикуя материалы об Америке или Азии), причем на протяжении едва ли не всего XVII в. заграничные новости преобладали в большинстве изданий над новостями из жизни своей страны. С того же времени в газетах появляется и реклама.

УСИЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЧУВСТВА

Реформация, а затем и Контрреформация, религиозные войны второй половины XVI – начала XVII в. не принесли победы ни католикам, ни протестантам. В этой ситуации обе церкви делают ставку не только на вооруженное противостояние, но и на активизацию религиозного чувства.

В качестве одного из инструментов эскалации этого чувства все шире начал использоваться прием воспитания «от противного»: постепенно акцент стал делаться не столько на любви к богу, сколько на стремлении внушить верующим ужас перед его антиподом – дьяволом (Сатаной, Люцифером, Вельзевулом). Дьявола рисовали и ваяли, его силе посвящали проповеди, Сатана выступал в роли героя множества легенд и притч. Труды и проповеди клириков и духовных лидеров того времени, опиравшиеся в том числе на более ранние, средневековые тексты, позволяют воссоздать не только биографию дьявола, но и его внешний облик, манеру поведения, обычаи и привычки. Закрепляется представление о том, что роду человеческому противостоит не только его главный враг – Сатана, но и легионы служащих ему более мелких бесов. И не просто противостоит – в XVI в. он развязывает настоящую войну с Богом за души людей. Зримое проявление этой войны – сражения между католиками и протестантами, где каждая из сторон обвиняла противников в том, что они предали дьяволу, а то и порождены им. Сатану, как и Господа, начинают называть вездесущим.

Постоянно подчеркивалась неопределенность посмертной судьбы человека, активизировался интерес к возникшей еще много веков назад концепции чистилища, где души тех, кого нельзя однозначно причислить к грешникам или праведникам, горят не в карающем, а в очищающем пламени. Судя по завещаниям, массовым сознанием эта идея завладевает как раз к XVII в. Отсюда и удивительный рост числа заупокойных месс. Рекомендовалось начинать их как можно раньше, в момент агонии или самой смерти, и молиться как можно чаще. Умами владела идея заступничества, считалось, что эффект от месс суммируется, и в итоге душу умершего можно будет быстро вымолить из чистилища и переместить в рай.

Нарастание страха перед дьяволом стало одним из проявлений более широкого процесса, истоки которого относятся еще к XV в. Реакцией на религиозный раскол и на утрату былого единства стало отчаянное стремление всеми силами сохранить былую общность. В результате европейцы этого времени начинают все более нетерпимо относиться к «иным» – разнообразным категориям людей, которые, казалось, грозят взорвать общество изнутри, не готовы (в реальности или в воображении современников) к ассимиляции, противопоставляют себя господствующим религиозным воззрениям,

выделяются своим образом жизни, воспринимавшимся многими как странный, непонятный и опасный. На них становится удобно возложить ответственность за те беды, причины которых остаются для людей непредсказуемыми или неявными.

К XVII в. во многих сферах этот процесс достиг своего апогея. Гонения на «иных» приобретали все более ожесточенный характер, оказываясь значительно более активными, нежели в Средние века. Так, на стыке веры в дьявола и страха перед колдовством в XVI–XVIII вв. развивается еще один феномен – «охота на ведьм». Если ранее вера в существование ведьм расценивалась как ересь, то к концу XV в., после буллы папы Иннокентия VIII против распространения ведовства в Германии, постепенно складывается убеждение, что ведьмы не действуют сами по себе: они объединены в рамках единой структуры и во главе их стоит сам Сатана. Соответственно, и перед Церковью, и перед светскими властями встает задача выявить и уничтожить эту структуру.

Хотя изначально процесс борьбы с ведьмами возглавляли и направляли два религиозных ордена – доминиканцы и францисканцы, размах преследований ведьм в протестантских землях был не меньшим, чем в католических. По разным оценкам в ходе охоты на ведьм было казнено около 30 тысяч человек, из которых примерно 80% – женщины; порой репрессии выкашивали до половины населения глухих деревень. Вообще, обвиняемые на ведовских процессах чаще всего проживали именно в сельской местности; даже когда костры горели в городах, сжигались на них нередко жители деревенской округи.

Однако чем больше людей уничтожалось, тем чаще казалось, что, несмотря на ожесточенную борьбу, количество ведьм лишь множится. К 30-м годам XVII в. в Европе началась настоящая истерия, повлекшая за собой массовые сожжения обвиненных в ведовстве; юристов и клириков зачастую самих стали присоединять к их жертвам. Во время одного из процессов было заявлено, что треть христиан – на самом деле колдуны.

Хотя до сего дня историками не предложено единого исчерпывающего объяснения этого феномена, его истоки и причины, несомненно, лежат на пересечении нескольких факторов.

Прежде всего, демономания практически не затронула города: даже в Риме ведьм не сжигали. Зона охоты на ведьм – это преимущественно сельская местность, ведьма почти всегда односельчанка. Во многом это объясняется тем, что повсюду в XVII в. при жизни в деревянных домах, при отсутствии современных лекарств и обезболивающих боль, голод, пожары, внезапная и безвременная смерть были обычными явлениями.

Не имея единого и общепризнанного объяснения демономании, историки указывают и на иные факторы: начало нового этапа в жизни деревни, когда она уже переставала быть саморегулирующимся механизмом и состоятельные жители готовы были прибегнуть к помощи властей; рост чувства тревоги и незащищенности на фоне «революции цен», смут, религиозных конфликтов; широкое распространение веры в колдовство.

Обращает на себя внимание и изначальная география охоты на ведьм. Хотя к XVII в. демономания становится общеевропейским явлением, она начиналась, а затем и в наибольшей степени распространялась в горных райо-

нах Европы: Альпах, Вогезах, Юра, Пиренеях и их предгорьях. За пределами этих регионов (например, в Англии) борьба с ведовством была, как правило, значительно менее ожесточенной. Данная ситуация отнюдь не случайна: именно в горных районах долгое время существовало совершенно иное общество, нежели на равнинах, обладавшее своим уникальным менталитетом и живущее по своим законам. Регулярная церковь порой появляется там довольно поздно, влияние ее слабее, что нередко способствует разнообразным ересям: районы наибольшей активности альбигойцев и вальденсов становятся в Новое время местами значительной «активности» ведьм. Начиная со Средневековья именно в этих регионах практически проходит один из фронтов борьбы мира христианского с миром нехристианских, более древних, верований.

Будучи лишь одной из форм социальной нетерпимости, охота на ведьм отнюдь не уникальна. Другим проявлением той же тенденции стала значительно более активная, чем в Средние века, борьба с теми иноверцами, которые давно уже не были новы для европейского общества. Так, испанский король Филипп III вопреки экономическим резонам санкционировал изгнание из Испании морисков. После отмены Нантского эдикта Людовик XIV отдал приказ уничтожить общину вальденсов (приверженцев одной из ересей, зародившейся еще в XII в.), да и сама возобновившаяся борьба с протестантами во Франции стала явным пересмотром тех условий религиозного мира, которые сложились еще при воцарении Генриха IV.

С новой силой различные государства Европы поражают вспышки агрессивного антисемитизма: после 1648 г. войска Богдана Хмельницкого с остервенением уничтожают евреев на территории Польши, в 1669–1670 гг. император Священной Римской империи Леопольд I выселяет евреев из Вены, постоянным преследованиям в Испании и Португалии подвергались марраны.

Исключения из этого ряда хотя и имели место, но оставались весьма немногочисленны. Отдельные голоса в защиту веротерпимости раздаются уже в XVI в. (С. Кастеллион, М. Монтень). Нидерланды в XVII в. демонстрируют немало примеров толерантного отношения к иноверцам, однако магистральная тенденция начинает меняться лишь с конца этого столетия – с выходом «Писем о веротерпимости» английского философа Дж. Локка и с наступлением эпохи Просвещения.

Часть 1

КОНЕЦ XV – XVI ВЕК

Раздел I

СТРАНЫ ЕВРОПЫ

ИТАЛИЯ В XVI ВЕКЕ

ГЛАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЕРИОДА

Хотя итальянские республики первыми в Европе вступили на путь динамического развития начиная еще с XIII–XIV вв., в XVI–XVIII вв. итальянцы (вместе с немцами) перешли на положение отстающих по сравнению с другими западноевропейскими нациями. Причины этого заключаются в особенностях экономической и политической конъюнктуры, поставившей Италию в зависимость от более сильных соседних держав. Тем не менее призывы освободить Италию от варваров, повторяющиеся в эту эпоху от Петрарки до Гвиччардини, свидетельствуют о зарождении национального самосознания, а исследования историков второй половины XX в. показали, что общий кризис в стране, с которым по традиции связывали закат Возрождения и следующие за ним столетия, развивался не столь стремительно и был не столь универсальным, как может показаться на первый взгляд. Во всяком случае, XVI век, несмотря на войны и потрясения, был одним из самых блестящих в истории Италии, которая оставалась законодательницей в области техники, финансов, торговли, культуры и идеологии – будущие соперники во многом еще только учились у нее.

Главные события этого периода, происходившие на Апеннинском полуострове или затронувшие его – это взлет ренессансной культуры и начало ее упадка, формирование искусства барокко, реформационный взрыв и развертывание католической Реформации, Итальянские войны, освоение Нового Света, борьба с экспансией Османской Турции, перемещение торговых и финансовых потоков. Все эти события разворачивались на фоне конфликтов между отдельными крупными и мелкими итальянскими государствами. В конечном итоге эти конфликты превратили страну в арену борьбы католического и христианнейшего королей – короля Испании (с 1519 до 1556 г. Карл V совмещал этот титул с императорским) и короля Франции.

Если внешняя экспансия западноевропейских стран в XVI–XIX вв. связана с колонизацией заморских территорий, то период Итальянских войн и последующих за ним переделов можно назвать попыткой внутренней

«колонизации» (в смысле передела территорий) этой процветающей и развитой части Европы.

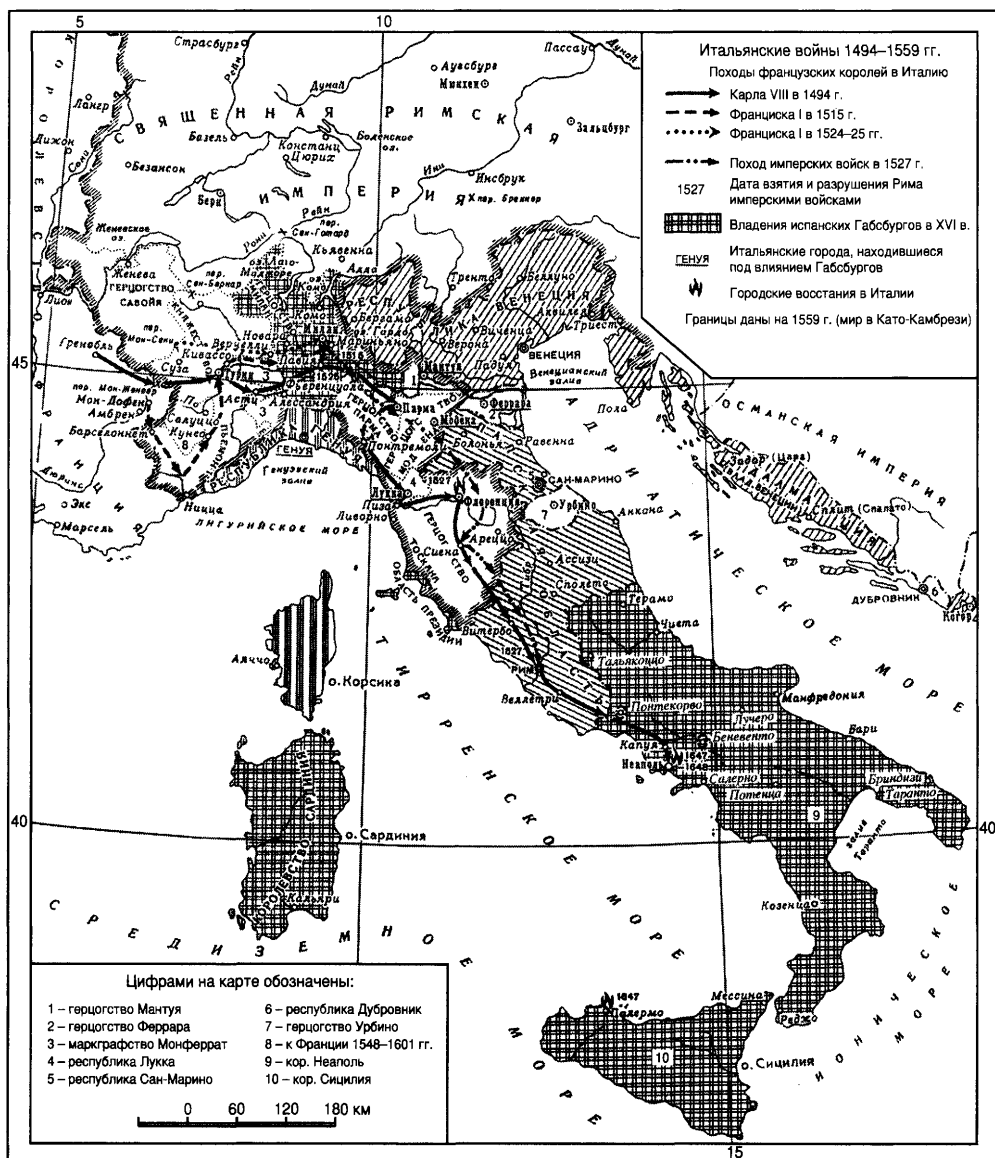
Войны за Италию были в этот период отчасти еще борьбой за влияние во всем католическом, т.е. западнохристианском мире. В некотором смысле это был последний всплеск борьбы за овладение миром в духе средневекового универсализма. В то же время наличие папства как особого центра западного мира, как и укоренившиеся в Италии традиции государственной самостоятельности помешали Испании полностью поглотить ее территории, хотя со второй половины XVI в. ее господство на полуострове было неоспоримым.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

К началу XVI в. на территории Италии существовало несколько относительно крупных государственных образований: королевства Неаполитанское и Сицилийское, герцогство Миланское, герцогство Савойское, владевшее Пьемонтом, республики Флоренция, Венеция и Генуя, Папское государство. Почти все они в итоге Итальянских войн оказались под управлением или влиянием Испании, исключение составили Савойя и Венеция, отчасти герцогство Тосканское и папские владения. Более мелкие итальянские государства зависели от своих соседей и были предметом их распрей, не говоря о притязаниях иностранных держав. Это герцогства Мантуя, Феррара, Урбино, республики Лукка и Сиена, маркизат Монферрат, города области Романья – общим счетом около пятидесяти самостоятельных владений.

Мотивом для начала войн послужили традиционные притязания Франции на Неаполитанское королевство и раздоры итальянских государей, которые удавалось улаживать миром примерно до 1492 г., когда умерли правитель Флоренции Лоренцо Медичи Великолепный и папа Иннокентий VIII. Нашествию французов способствовал конфликт между неаполитанским королем Фердинандом I и правившим в Милане Лодовико Сфорца по прозвищу Моро, который отстранил от власти своего племянника Джан Галеаццо и его жену Изабеллу, внучку Фердинанда. В сентябре 1494 г. французский король Карл VIII перешел с двадцатипяти тысячным войском через Альпы и беспрепятственно добрался до Неаполя. Во Флоренции приход французов привел к смене режима: изгнанию Медичи. В Риме, занятом Карлом, папа Александр VI Борджиа (формальный суверен Неаполя) был вынужден признать его права на королевство. Сын умершего в том же году Фердинанда Альфонс II отрекся от престола в пользу своего наследника Фердинанда II (Феррандино), но Неаполем завладели французы. Они пробыли здесь всего три месяца с февраля по май 1495 г., так как быстро настроили против себя местное население, а бывшие союзники, в том числе Моро, и соперники, напуганные чрезмерными успехами Карла VIII, создали антифранцузскую Святую лигу. Карлу с трудом удалось пробиться на родину, выдержав кровопролитную битву при Форново-ди-Таро 6 июля 1495 г. с венецианско-миланским войском. Следующую попытку обосноваться на итальянской территории предпринял преемник Карла VIII Людовик XII, который по материнской ли-

нии был правнуком герцога миланского Джан Галеаццо Висконти и объявил о своих наследственных претензиях. Государства Северной и Средней Италии были заинтересованы в ослаблении Милана, поэтому французам было легко войти в него (1499) и весной 1500 г. окончательно разгромить Лодовико Моро, который остаток своих дней провел во французском плену. Одновременно Людовик XII заключил тайный Гранадский договор с Фердинандом Католическим о разделе королевства Неаполитанского, на престоле которого находился родственник последнего Федерико II Арагонский. К марту 1502 г. его владения были захвачены испанцами и французами, которые, однако, занялись их переделом. Французское войско потерпело поражения при Чериньоле и при Гарильяно, так что на Юге Италии безраздельно воцарился Фердинанд Католический, уже владевший Сицилией, а Милан остался за Францией. Венеции удалось поживиться за счет обеих территорий — на Юге она захватила ряд портов Апулии, на Севере — часть Ломбардии. В Средней Италии Флоренция пыталась вернуть себе с помощью французов отложившуюся от нее Пизу, но главным камнем преткновения была область Романья, формальный феодал папы. Сначала Александр VI Борджиа намеревался объединить все мелкие владения Романьи под властью своего сына Чезаре, затем, после краха этих планов, здесь столкнулись интересы нового папы Юлия II (1503–1513) и той же Венеции. В 1508 г. все ее противники (папа, император, Франция, Испания) объединились в составе Камбрейской лиги и нанесли венецианцам 14 мая 1509 г. тяжелое поражение при Аньяделло, в результате которого они временно лишились почти всех владений на материке (Террафермы). Однако папу не устраивало чрезмерное усиление французов, и он заключил с Венецией и Испанией Святейшую лигу (1511), провозгласив ее целью изгнание из Италии «варваров». Хотя французы не потерпели военного поражения, битва при Равенне 11 апреля 1512 г. подорвала их позиции в Италии, и они покинули Ломбардию. В Милане к власти с помощью нанятых папой швейцарцев пришел сын Лодовико Моро Массимилиано. Во Флоренции также с помощью войск Лиги было восстановлено правление Медичи. Борьбу за Ломбардию, теперь уже при поддержке Венеции, продолжил следующий французский король Франциск I, который разбил в 1515 г. при Мариньяно швейцарцев, контролировавших Милан, и занял город и крепость. Существенным моментом, нарушившим равновесие сил в Италии и Европе в целом и определившим дальнейший ход итальянских войн, стало избрание испанского короля Карла Габсбурга на императорский трон (на него претендовал и Франциск, но традиция избрания немцев не была нарушена). Предальпийские итальянские земли, разделявшие северные и южные испано-имперские владения, стали ареной борьбы Франции и Испании за гегемонию в Европе, как и позднее, во второй половине столетия, пограничные территории между Францией и Нидерландами. В 1525 г. испанская армия, состоявшая в основном из итальянцев, разгромила французов при Павии, причем Франциск провел один год в плену. Решительный перевес Испании привел к созданию против нее в 1526 г. Коньякской лиги в составе папы, Франции, Венеции, Генуи, герцога Миланского (Франческо II Сфорцы, посаженного в 1521 г. императором в пику французам) и Флоренции (ее политикой руководили Медичи, в лице Льва X и Климента VII зани-

Итальянские войны

мавшие с небольшим перерывом в 1513–1534 гг. папский престол). Война Коньякской лиги, последняя, в которой итальянцы имели возможность отстаивать независимость страны в целом, была «позиционной». Папа стремился договориться с императором мирно и согласился распустить Лигу, но наемные отряды имперских ландскнехтов самовольно вошли в Рим 6 мая 1527 г. и подвергли его трехдневному тотальному разграблению. Разгром Рима стал символическим событием, сопоставимым с аналогами тысячелетней давности. Папа оказался во власти императора, независимость сохранила только Венеция, во Флоренции (в апреле) вспыхнуло новое восстание против

Медици и установилась республика, просуществовавшая три года. В августе 1530 г. Клименту VII с помощью испанцев удалось восстановить господство своей семьи над городом. К этому времени очередная попытка Франциска I завоевать Неаполь завершилась неудачей, 3 августа 1529 г. был заключен мир в Камбрэ, а в феврале 1530 г. папа венчает Карла V в Болонье императорской короной.

Новым поводом к войне послужила смерть герцога Миланского Франческо II Сфорца в 1535 г.; его титул унаследовал Карл V, а Франциск I снова заявил притязания на Ломбардию. Военные действия с небольшими перерывами продолжались до 1546 г., несмотря на мир в Крепи. При этом Франциск вступил в союз с осаждавшими владения Габсбургов турками; французы завладели Савойей. Война в это время перемещается за Альпы, где французы находят поддержку в лице лютеранских князей, противников императора. После смерти Франциска I в 1547 г. борьбу продолжил его сын Генрих II, противником которого после отречения Карла V в 1556 г. стал сын последнего испанский король Филипп II, получивший почти все его владения кроме австрийских. В 1557 г. испанские войска под командованием герцога Савойского Эммануила Филиберта разбили французов при Сен-Кантене, а в 1559 г. был заключен Като-Камбрезийский мир, положивший конец Итальянским войнам. Сицилия, королевство Неаполитанское, Сардиния и Ломбардия с Миланом остались за испанцами. Под управлением испанского короля находился также форпост на южном побережье Тосканы, контролировавший зону Тирренского моря. Он известен под названием Государство гарнизонов (Stato dei Presidi) и занимал часть территории бывшей Сиенской республики, подчиненной испанцами и медичейской Флоренцией в ходе их войны против сиенцев и французов 1552–1559 гг. Крупнейшими формально независимыми государствами, кроме Венеции, были Генуя, Папские владения и герцогство Тосканское, которые, однако, находились под влиянием Испании. Французскому королю достался в Италии только маркизат Салуццо; Савойя и Пьемонт перешли под власть Эммануила Филиберта, в тот момент союзника испанцев. Итальянские войны были периодом распространения ренессансной культуры, зародившейся во Флоренции примерно за двести лет до этого, на другие страны Европы, прежде всего на Францию, где издавна жили флорентийские купцы, банкиры, политические беженцы и позднее художники. Хотя Возрождение считается общеевропейским явлением, в каждой стране оно отличалось специфическими чертами, связанными с формированием отдельных наций и национальных культур. В Германии, в частности, роль «национальной идеи» играла Реформа, направленная против папства, и это не могло не сказаться на отношении к итальянцам вообще, при том что их влияние во всех сферах было неоспоримо. В Италии же, напротив, с начала XVI в. главными меценатами и ценителями искусства становятся римские папы, и это положение не изменилось и с наступлением Контрреформации и эпохи барокко, искусство которого было поставлено на службу Церкви. Если говорить о национальной (этнической) стороне культуры, Ренессанс был порождением собственно итальянской культуры в зачаточной стадии ее становления (первой национальной культуры в Европе), соответственно обремененной политическими «пережитками» средневекового универсализма в виде папства, раздробленности, подчиненности империи, воспомина-

ний о величии римлян и их языка. Пережитками в кавычках, потому что они же содействовали созданию неповторимой культуры Возрождения. Как бы там ни было, великие итальянские политические писатели начала XVI в., Макиавелли и Гвиччардини, рассуждают как итальянцы, оставаясь при этом патриотами Флоренции.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Макиавелли (1469–1527), секретарь флорентийского правительства в период антимедицейской республики, в трактате «Государь» обращается к дому Медичи с призывом освободить Италию от варваров. Гвиччардини пишет первую «Историю Италии» в целом, посвященную как раз начальному периоду Итальянских войн. Размышления Макиавелли о новом государе предвосхищают теории «государственного интереса» конца XVI в., вызванные к жизни повсеместным становлением абсолютистских режимов и подчиняющие Церковь задачам государства. Но в отличие от них его сочинения проникнуты морализирующим ренессансным духом и скептицизмом по отношению к политике вообще, что объясняется и тогдашней ситуацией в Италии. Публицисты XVI в. единодушно обвиняют итальянских государей в своекорыстии и изнеженности, но множественность центров власти, соревновавшихся друг с другом, имела и свою положительную сторону: при итальянских дворах формировалась куртуазная культура, основанная на принципах Возрождения и привлекавшая себе на службу лучших художников и литераторов. Ренессансная культура этого времени сохраняла определенную цельность, выражавшуюся в единстве философской мысли, научного знания и художественного творчества.

Наиболее популярным литературно-философским течением конца XV – начала XVI в. стал унаследованный от медицейской Флорентийской академии неоплатонизм, сохранявший влияние до конца столетия. Гуманистов учение Платона привлекало своей диалогической формой и теорией познания, трактовавшей творчество как любовь или стремление порождать в красоте. В XVI в. платонизирующие теории любви берутся на вооружение авторами популярных трактатов об идеальном придворном (Бальдассаре Кастильоне) и литературными теоретиками (Пьетро Бембо). Учение о всеобщей одушевленности и космической силе любви исходит из единства мира, изначальной связи Бога и природы, оно сродни пантеизму, т.е. идее божественного присутствия во всех вещах. Подобные взгляды, включающие в себя представление о «симпатической связи» вещей и обосновывающие практику астрологии и магии, развивали крупнейшие итальянские натурфилософы XVI в. Джироламо Кардано (1501–1576), Бернардино Телезио (1509–1588), Франческо Патрици да Керсо (1529–1597). Идея практического использования знания сочетается у них с утверждением о его элитарности, о доступности скрытого высшего знания только для посвященных. Отголоски платонизма слышны в трактатах доминиканца Джордано Бруно (1548–1600), приговоренного к сожжению на костре по обвинению в ереси. Бруно был сторонником теории Коперника и говорил о существовании бесконечного числа миров.

Другим и более традиционным философским направлением считается аристотелевская, или перипатетическая школа, оплотом которой были университеты, прежде всего Падуанский. Ее представителей принято считать продолжате-

лями схоластики, хотя они внесли свой вклад в развитие рационализма Нового времени, особенно благодаря исповедуемым многими из них принципам аверроизма: учению о единстве разума в индивидах и вытекающему из него отрицанию бессмертия индивидуальной души. Выходцем из Падуанского университета был Телезио, а наибольшую известность приобрел его профессор Пьетро Помпонацци (1462–1524), автор наиболее антиклерикальных концепций, принципиально отрицавший возможность и необходимость загробного воздаяния. Университет был также важнейшим центром изучения медицины и астрономии, в нем преподавал Галилей.

В искусстве начало XVI в. было вершиной развития выработанного гуманизмом гармонического сочетания античного идеала и христианской идеологии. Творчество трех крупнейших художников Ренессанса связано с Флоренцией и Римом. Леонардо да Винчи (1452–1519), живописец, изобретатель, инженер и исследователь, являет образец универсального гения этой эпохи и одновременно ее загадочности или двусмысленности – его произведения и биография не до конца вписываются в привычные рамки, мотивы его скитаний и поступков остаются плохо понятными, несмотря на расшифровку его многостраничных рукописей. Искусство для Леонардо было средством познания, как для платоников зрение – инструментом постижения красоты.

Младший современник Леонардо Рафаэль Санти из Урбино (1483–1520) воплотил идеал единства науки, веры и разума в ватиканских фресках, а представление о совершенной красоте – в портретах и в образах мадонн.

Микеланджело Буонарроти (1475–1564) за свою почти 90-летнюю жизнь был свидетелем нескольких исторических и культурных эпох. По его скульптурам и фрескам можно видеть, как менялось отношение общества к воплощению телесности в искусстве, которая была одним из открытий Ренессанса. Хотя Микеланджело едва дожил до того времени, когда обнаженные тела на ватиканских картинах и в скульптурах стали задрапировывать, эволюция его творчества от гармонического Давида до «Страшного суда», в котором прекрасная плоть уже вследствие своей избыточности соотносится с мыслью о бренности бытия, предвещает расцвет маньеризма, пресытившегося простым подражанием природе и поисками совершенства. Маньеристы (Джулио Романо, Пармиджанино, Понтормо, Бронзино) работали в эпоху противостояния Рима и Реформы, породившую новые идеологические требования и запросы; кроме того, утрате прежней цельности способствовали более мрачные настроения в обществе. Исключение составляла венецианская школа, сохранившая прямую преемственность с живописью начала века. Во второй половине XVI в. возникают художественные академии, в частности Болонская академия братьев Карраччи, целью которой было изучение классики. К концу столетия развивается «караваджизм», направление, восходящее к Караваджо (1573–1610) и широко внедрявшее в живопись бытовые, натуралистические и жанровые элементы. У самого Караваджо технический натурализм сочетался с глубоко философским осмыслением традиционных сюжетов, с противопоставлением света и тени, бытовых и патетических, светлых и сумеречных сторон жизни. В XVI в. завершился переход от восприятия изображений как сакральных или чисто украшательных к их осмыслению в качестве особого инструмента познания мира. Утверждаются жанры пейзажа и натюрморта, аллегории наполняются античными и общепhilosophическими

мотивами. Началась эпоха барокко, для которой характерно более противоречивое и напряженное мироощущение по сравнению с Ренессансом.

XVI столетие отмечено созданием традиционных для Италии грандиозных поэм на народном языке. «Неистовый Роланд» Лодовико Ариосто (1474–1533) подхватывает канву поэмы автора XV в. Маттео Боярдо и развивает его тему, заимствованную из средневековых рыцарских романов, в непринужденном рассказе, изобилующем сюжетными линиями и авторскими отступлениями. Третья рыцарская поэма, «Освобожденный Иерусалим» (опубликована в 1581 г.), писалась, как и две предыдущие, в Ферраре. Ее автор Торквато Тассо (1544–1595) творил в эпоху, когда возрождение классических канонов стало утрачивать прежнюю актуальность. Он стремился совместить достоинства своих предшественников с подражанием Вергилию, возвышенностью стиля и благочестивым духом. Поэт страдал душевным недугом и последние годы провел в скитаниях по Италии, пытаясь обрести покой, однако его произведение уже при жизни автора приобрело огромную популярность.

В начале XVI в. из подражания римским комедиографам Теренцию и Плавту родилась итальянская драматургия, известные образчики которой оставили Ариосто и Макиавелли («Мандрагора», 1518 г.). Позднее традиции этой ученой комедии, несколько циничной и сходной по сюжетам с популярной новеллистикой, продолжил знаменитый сатирический публицист Пьетро Аретино (1492–1556). Пьесы исполнялись при итальянских дворах актерами-любителями, но в это же время происходит становление первого в Европе профессионального театра – народной комедии делль арте, импровизационное действие в которой строилось на диалогах постоянных персонажей-масок.

Италия XVI в. была законодательницей также музыкальной моды, хотя полифонические жанры первоначально развивались под влиянием нидерландских композиторов. В области церковной музыки выделяется Римская школа, представленная Джованни Палестриной (1525/1526–1594). К концу XVI в. возникает жанр музыкальной драмы (опера), отразивший тягу к синтезу искусств и сочетавший полифонию с монодией – речитативами, положенными на музыку. Первой оперой считается «Дафна» Якопо Пери, поставленная во Флоренции в 1598 г.

ЭКОНОМИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Утрата позиций на внешнеполитической сцене и в международной посреднической торговле способствовала, хотя и в небольшой степени, развитию внутренней промышленности. Италия сохранила роль важнейшего экспортера и реэкспортера зерна, тканей, предметов роскоши и денег. Генуэзские банкиры были в XVI в. главными финансистами испанского правительства; поступавшее из Америки золото, ввоз которого сосредоточивался в руках последнего, распределялось по Европе через Италию вследствие того, что итальянцы контролировали финансовые ярмарки, проходившие в начале XVI в. в Лионе, а после 1534 г. в имперском городе Безансоне и других городах (но все равно их называли «безансонскими»). На этих ярмарках про-

изводились расчеты по кредитам и устанавливались кредитные ставки, т.е. фактически определялась стоимость денег вообще и отдельных «валют» по отношению друг к другу в частности.

Испанские короли, владея огромными территориями, нуждались в огромных суммах наличности для оплаты своих расходов в разных странах и даже частях света, они были вынуждены делать займы, а в некоторых случаях даже прибегали к банкротству. Цены на золото и серебро определялись итальянскими банкирами, в первую очередь генуэзским банком Сан-Джорджо. Другим крупнейшим заемщиком такого рода были римские папы. Выплаты по займам производились путем передачи на откуп монополий (например, на соль) и сбора определенных налогов. Выгодность торгово-посреднических операций и финансовых спекуляций вызывала концентрацию капиталов именно в этих секторах и этим обусловила отставание Италии, как и ввозившей драгоценные металлы из Нового Света Испании, в развитии собственной промышленности. Позднее это привело и к политическому упадку этих стран, проигрывавших Франции и североευропейским державам в динамике развития собственной экономики. В качестве иллюстрации можно привести пример зернового рынка, цены на котором зависели от международных. Купцы из Северной Италии контролировали вывоз зерна из Сицилии и в конце XVI в. даже занимались закупками хлеба через прибалтийские порты в Восточной Европе. В самой Италии при этом цены на зерно и другие продукты в неурожайные годы (например, во Флоренции в конце 70-х годов XVI в.) возрастали в несколько раз.

В силу политической разобщенности и привязанности итальянских государств к внешним рынкам общенациональный экономический рынок не мог сложиться, что отчасти компенсировалось формированием региональных рынков вокруг крупнейших городских центров и внутри устойчивых территориальных образований.

Ремесленные цехи в городах лишаются своей политической роли – принадлежность к ним перестает быть условием гражданства, – и становятся орудием политики абсолютистских правительств. Сохраняется и даже усиливается их роль как источника промышленной регламентации, поэтому в XVI в. наблюдается процесс перехода мануфактурных производств в мелкие города, где цеховой диктат не стеснял их деятельности. Промышленное производство не обеспечивало больших прибылей и нуждалось в протекционистских мерах, особенно ввиду того, что серьезную конкуренцию его главной отрасли, текстильной, составили английские и голландские мануфактуры. Английские грубые сукна вытесняли более дорогие и качественные флорентийские, которые становилось невыгодно производить. Возникали трудности с получением сырья: английской шерсти, красителей с Востока.

Некоторую компенсацию составило шелкоткачество, поощрявшееся, в частности, правителями Милана и Пьемонта. Хорошо известен наметившийся с начала XVI в. перенос капиталов в землевладение, рассматривавшийся в марксистской историографии как одно из проявлений феодальной реакции. Формулируя более осторожно, можно назвать этот феномен признаком изменения общей конъюнктуры, как экономической, так и социально-политической. В дальнейшем соперничестве европейских стран

за преобладание на Западе, а затем и во всем мире, промышленное развитие вышло на первый план как главный фактор и показатель способности выдвигать такие притязания. Но величина промышленного роста на самом деле является лишь одной из характеристик, притом внешних, хозяйственного развития. Земля в XVI в. (как и по сей день) остается одним из главных источников экономического богатства, а сельское хозяйство – одним из его важнейших ресурсов. В Италии XVI в. предпринимались меры по развитию таких передовых для того времени отраслей, как выращивание риса, новых заморских культур, цитрусовых (апельсинов и мандаринов), тутовых деревьев. Виноделие и производство оливкового масла были стабильно рыночными отраслями. Вместе с тем на части территорий Италии (на Юге, на Сицилии, в Пьемонте) сохранились полукрепостнические отношения между крестьянами и сеньорами, обременявшие крестьянские хозяйства многочисленными не только экономическими, но и социальными повинностями. Основной формой взаимоотношений собственников земли и работников в Северной и Средней Италии в этот период постепенно становится ипотека («медзаджия»), аренда участков, оплачиваемая половиной урожая, которая также обрастает рядом «нерыночных» повинностей. Долговые обязательства иногда превращали долгосрочную аренду в вынужденно наследственную. Налоговый гнет на крестьян был чрезвычайно велик, что приводило к волнениям с требованиями снижения и отмены налогов и увольнения алчных чиновников. Распространенным способом ухода от нищеты и борьбы с властями было разбойничество («бандитизм» от итальянского слова «бандито» – объявленный вне закона). Реальные разбойники были далеки от образа, созданного литературой эпохи романтизма, хотя их жертвами становились, разумеется, в основном богатые и знатные люди. Иногда они пользовались тайным покровительством мелких дворян, а то и магнатов, по традиции считавших себя независимыми от центральных властей, особенно в Неаполитанском королевстве и на Сицилии, где правили испанские вице-короли. В бывших и сохранившихся городских республиках существовали две группы нобилей: старая земельная аристократия, в руках которой концентрировалась также торговля и банковское дело, и выходцы из разбогатевших горожан, владевшие мастерскими, лавками, меняльными конторами и мануфактурами. Богатства второй группы не уступали по масштабам первой, и граница между ними стиралась, так как богатые бюргеры строили дворцы, покупали титулы и земли (например, генуэзская знать приобретала земли на Юге Италии, поскольку в окрестностях Генуи ощущалась их нехватка). Говорить о формировании особого класса, буржуазии, по крайней мере для Италии этого времени, некорректно. Горожане мелкого и среднего достатка – цеховые мастера, мелкие торговцы, ремесленники, тем более наемные рабочие, были лишены какого-либо участия во власти и, как правило, не могли на него претендовать. Их довольно редкие политические выступления были направлены, как и у крестьян, против непомерных налогов и произвола чиновников, иногда и против чужеземного гнета; их провоцировал также рост цен и частые эпидемии.

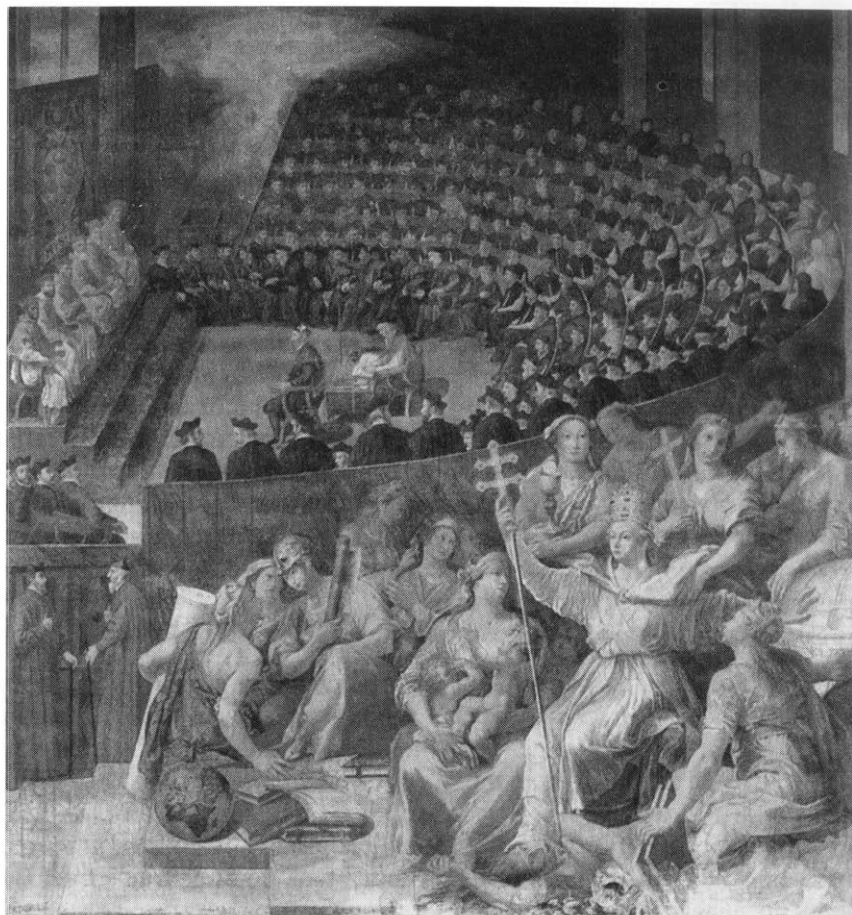
На рубеже XVI в. римские папы оказались в положении правителей, может быть, самого важного, но все же лишь одного из крупных государств, на которые была поделена Италия, столкнувшаяся с притязаниями соседних европейских держав. Заботы о приумножении владений и о поддержании своего престижа чисто мирскими средствами с помощью увеличения доходов, ликвидации местных привилегий и льгот, укрепления семейных позиций, придания блеска своей власти посредством меценатства привели к тому, что папство проглядело наступление раскола и лишь с запозданием обратилось к решительному реформированию Церкви. В результате главы католичества лишились значительной части своей паствы, что отчасти компенсировалось благодаря миссионерской деятельности и основанию католическими странами колоний в Новом Свете. В Европе политическое значение Рима было сведено до минимума, а ренессансный антиклерикализм и свободомыслие, подавленные Контрреформой, в новом обличье возродились в эпоху рационализма и Просвещения.

Одним из главных виновников кризиса считается, не всегда обоснованно, Александр VI Борджиа (1492–1503). В политике этого папы испанского происхождения наиболее ярко проявились те черты, которые характерны для Возрождения и во многом для всего XVI в. в целом: nepотизм (продвижение родственников), лавирование между европейскими державами, своекорыстие и вместе с тем забота о поддержании духовного и международного авторитета римского первосвященника. Примеры – булла о разграничении сфер влияния Испании и Португалии в новых землях, введение церковной цензуры для печатных книг. Будучи противником усиления французов в Италии, Александр попытался использовать их присутствие для сколачивания в Северной и Средней Италии крупного территориального государства во главе со своим сыном Цезарем Борджиа. В клановых интересах использовались династические браки самого Цезаря и дочери папы Лукреции, которая сменила трех мужей, подкуп и продажа должностей, политические убийства (хотя вина семейства Борджиа в приписываемых ему преступлениях не всегда подтверждается современными историками). Смерть папы привела к крушению этих планов, и восстановлением церковной власти в Романье и других феодах Рима занялся представитель другого клана, Делла Ровере, Юлий II (1503–1513). Этот воинственный папа поднял всю Италию в союзе с соседями сначала против Венеции, а затем против французов, подчинив римскому престолу Парму, Реджо в Эмилии, Пьяченцу и Модену. Рассорившись с Францией, Юлий был вынужден в пику организованному против него Людовиком XII Пизанскому собору созвать V Латеранский собор (1512–1517), проходивший в основном уже при Льве X Медичи. Собор не приступил ни к каким существенным реформам, его главной задачей стало подтверждение верховенства папы в Церкви. Медичи вернули себе власть во Флоренции в 1512 г. после ухода французов из Италии, их отношения с Францией были сложными. В 1516 г. был заключен компромиссный Болонский конкордат, предоставлявший определенные выгоды как Риму, так и галликанской церкви. Непомерное усиление Габсбургов после избрания Карла V императором в 1519 г. привело Льва X в противный им лагерь, хотя начавшаяся вскоре Ре-

формация подталкивала к союзу с Габсбургом, отвергшим лютеранство. После недолгого правления Адриана VI (Утрехтского, 1522–1523), воспитателя Карла, на папский престол снова взошел Медичи – Климент VII (1523–1534), учредивший антигабсбургскую Коньякскую лигу. Война закончилась разгромом Рима в 1527 г., вынужденным переходом папы на сторону императора и завершением ренессансного периода в истории папства. Отпадение значительной части европейских земель севернее Альп от Католической церкви заставило папство возглавить движение Контрреформы, или католическую Реформацию, которая свелась, с одной стороны, к закреплению основных средневековых принципов, в том числе примата папы, а с другой – к наведению порядка, созданию новых инструментов и средств для утверждения и распространения католицизма.

При папе Павле III Фарнезе (1534–1549) был учрежден орден иезуитов (1540), подчинявшийся только папе и имевший целью пропаганду веры в миру и во всем мире; создана Конгрегация Римской инквизиции (Sant'Uffizio, 1542), которая известна не столь массовыми, как в Испании, но громкими процессами (в частности против Бруно, Кампанеллы, Галилея), а также участием в составлении Индекса запрещенных книг (1559). В конце правления Павла III был созван Тридентский собор (1545–1563), оформивший основные направления реформ и закрепивший их в своих решениях. Вместе с тем при этом папе процветал nepотизм: в 1545 г. он подарил своему сыну Пьерлуиджи Фарнезе церковные владения Парму и Пьяченцу. Павел продолжил некоторые традиции ренессансных пап, в частности традиции привлечения в Рим крупнейших архитекторов и художников. Еще при Юлии II, затеявшем перестройку базилики Св. Петра и других городских зданий, в Риме по заказу папы работали Браманте, Микеланджело, Рафаэль, возвращались к жизни найденные при раскопках шедевры античной скульптуры (Аполлон Бельведерский, Лаокоон). При Павле III Микеланджело закончил фреску «Страшный суд», руководил перестройкой Капитолия и участвовал в строительстве собора Св. Петра.

Новый импульс Реформация получила при Павле IV (Карафа, 1555–1559), который пытался навести порядок в Риме: он преследовал епископов, оставивших свои епархии, и даже провинившихся кардиналов, выдворил из города проституток (их насчитывалось несколько тысяч), замкнул живших в городе евреев в гетто. Папа боролся с растущим влиянием Испании и заигрывал с Францией, но был вынужден примириться с Филиппом II, когда в 1556 г. испанские войска подошли к Риму. После смерти Павла римский народ устроил празднества, сжег дворец инквизиции и обезглавил статую сурового папы на Капитолии. Тридентский собор закончился при папе Пие IV, выходец из побочной ветви рода Медичи (1559–1565), принятием католического катехизиса и учреждением Конгрегации собора для осуществления его решений. При Пие IV развернулась деятельность одного из крупнейших деятелей Контрреформы, кардинала Карло Борromeо, архиепископа Миланского, который был племянником папы. Он известен своей благотворительностью, женоненавистничеством и «охотой на ведьм», а также изображающей его гигантской статуей «Санкарлоне», воздвигнутой в XVII в. в его родном городке, когда кардинал был канонизирован. Политика преследования инакомыслящих продолжилась при святом Пие V (1566–1572), правление которого

Тридентский собор. Художник П. Кати. Фреска 1588 г.
базилики Санта-Мария-ин-Трастевере, Рим

ознаменовано заключением долгожданного союза против турок – Священной лиги в составе Испании, Венеции, Генуи и Рима. Объединенный флот лиги разгромил турок при Лепанто 7 октября 1571 г. Пий изгнал евреев из большинства папских владений и казнил авторов антипапских эпиграмм как еретиков, упразднил орден умилиатов, вступивший в конфликт с Борромео.

При Григории XIII (1572–1585) были предприняты усилия по закреплению результатов Контрреформации в странах, затронутых протестантизмом, основаны Английская, Германская и Греческая коллегии для воспитания священников под руководством иезуитов; была проведена реформа юлианского календаря с целью более точного приближения к астрономическому году. Текущая дата при этом сместилась на 10 суток. Одним из наиболее успешных и деятельных пап этого периода стал Сикст V (1585–1590), которому удалось сократить постоянно возраставшие до тех пор государственные расходы, провести административные преобразования, жестоко расправиться с разбойниками и пиратами, ставшими бичом папских владений. Сикст также занимался осушением малярийных болот, возводил акведуки, строил и

перестраивал кварталы Рима. Папа широко использовал возможности нового художественного стиля барокко для возвеличения Церкви и воздействия на верующих. Он распорядился установить сохранившиеся от античности обелиски на главных площадях города, перед соборами. Правление Климента VIII (1592–1605) отмечено удачами во внешнеполитической сфере: была присоединена Феррара, благодаря переходу в католичество Генриха IV улучшились отношения с Францией, между последней и Испанией в 1598 г. при содействии папы был заключен Вервенский мир, в 1596 г. учреждена Брестская уния с расчетом на переход под опеку Католической церкви ряда территорий с православным населением.

В целом, к концу XVI в. Папское государство продолжало оставаться одним из важнейших в Италии и в Европе, не только благодаря сохранению своего духовного авторитета, но и вследствие финансовой мощи, политических преобразований, характерных для эпохи абсолютизма. Они заключались в усилении централизации, ликвидации местных вольностей, развитии промыслов и торговли, в том числе через международные порты, особенно Анкону на Адриатике.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В XVI в. большинство итальянских государств, в том числе формально независимых, как уже было сказано, подпало под влияние Испании или Франции, причем владения последней на полуострове к концу столетия свелись до минимума в пользу первой. На ее территориях вся власть принадлежала испанским наместникам – вице-королям (Неаполь, Сицилия и Сардиния) и губернаторам (Милан), несмотря на формальное сохранение местных выборных органов. Король назначал наместников по представлению Высшего Совета по делам Италии в Мадриде. Испанцы рассматривали свои зарубежные владения прежде всего как источник для получения средств, поэтому они постоянно увеличивали количество и сумму собираемых здесь налогов, монополизировали экспорт зерна, основного продукта Сицилии, ввели инквизицию по испанскому образцу. Они изгнали в 1542 г. евреев, вносивших некоторое оживление в хозяйственную жизнь, и превратили Юг в зону почти автаркического (самодостаточного, замкнутого в самом себе) хозяйства. Только в Неаполе, который с его 300-тысячным населением был крупнейшим городом в испанских владениях за пределами Пиренейского полуострова, развивались промыслы, в частности производство шелка. Одной из проблем Южной Италии были постоянные набеги турецких флотилий, которые окончательно не прекратились и после Лепанто.

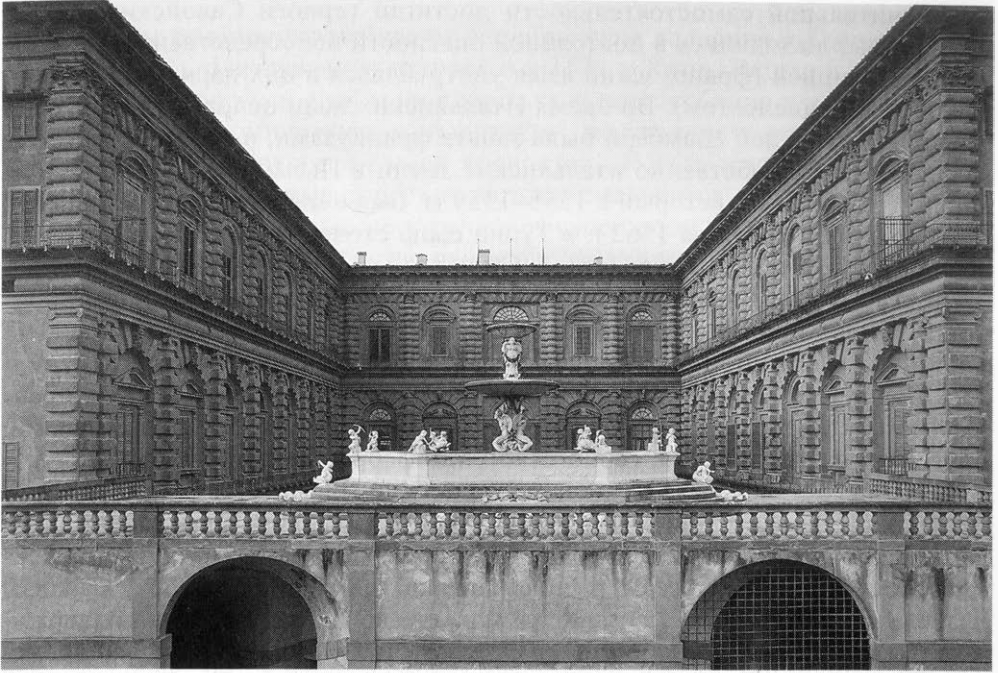
Герцогство Миланское после смерти в 1535 г. Франческо II Сфорца, который с трудом удержался на троне после поражения Коньякской лиги, перешло к Габсбургам, а заключение мира в Като-Камбрези ознаменовало его закрепление за Испанией на полтора века. Владение герцогством, в которое входила почти вся Ломбардия и некоторые другие земли, позволяло контролировать Северную Италию и гарантировало прочность испанской власти в стране в целом. Милан был военным и экономическим перевалочным пунктом между Испанией и ее европейскими владениями, через него проходила

основная часть поступавших из метрополии заморских денег, и до конца столетия это способствовало поддержанию традиционных промышленных отраслей Ломбардии (оружейной, текстильной) и ее развитого сельского хозяйства. Милан стал также одним из центров контрреформационного движения благодаря деятельности архиепископов Карло Борромео и его двоюродного брата Федерико (в должности с 1595 по 1631 г.).

Из формально независимых государств наиболее связанной с Испанией была Генуэзская республика, в XVI в. остававшаяся одним из главных финансово-коммерческих и морских центров Европы. Сложная внешнеполитическая ситуация подтачивалась внутренними смутами; в 1507 г. вспыхнуло народное восстание против французов во главе с красильщиком (или угольщиком) Паоло да Нови, которого провозгласили дожем. Войска Людовика XII жестоко расправились с мятежниками. Город несколько раз переходил из рук в руки от испанцев к французам, пока в 1528 г. адмирал Андреа Дориа, служивший до этого Франциску I, не заключил договор с Карлом V о независимости Генуи под протекторатом последнего. Город получил новую конституцию, открывшую доступ к власти «новым нобилям», представителям так называемого «портика Сан-Пьетро», более многочисленным по сравнению со старой знатью «портика Сан-Лука», склонной опираться на французов (названия связаны с лоджиями на площади Банков, где собирались партии). Выборные органы формировались на основании «Золотой книги» (*Liber civitatis*) генуэзской знати, куда было занесено около 800 лиц из 28 домов («альберги»). Во главе республики стоял избираемый на два года дож. Фактическим правителем был А. Дориа, а после смерти в 1560 г. его внук Джованандреа. Дориа и их галеры защищали берега от африканских пиратов и верно служили испанскому королю. Эти отношения были выгодными для Генуи, поскольку в середине XVI в., после банкротства немецких компаний, ее финансисты стали главными кредиторами испанской короны. Этот период, продлившийся около столетия, получил название «века генуэзцев». Золотой век, озаменованный строительством великолепных дворцов и загородных вилл по проектам архитектора Г. Алесси, украшенных картинами Рубенса и Караваджо, был, однако, омрачен новыми политическими потрясениями. Генуе с трудом удалось сохранить за собой Корсику, охваченную профранцузскими выступлениями; островом управлял банк Сан-Джорджо, который в 1562 г. был вынужден уступить его республике. В 1547 г. против семьи Дориа был организован заговор Фиески, поддержанный новой знатью портика Сан-Пьетро – в результате его подавления эта партия была снова отстранена от власти. Наконец, в 1573–1576 гг. разразился кризис, вызванный теми же противоречиями и приведший к коллапсу власти, которую попытались взять в свои руки уже не нобили, а представители разных слоев горожан. Волнения были подавлены с помощью военного и дипломатического вмешательства Испании и папы, но органы управления подверглись реформированию, «альберги» – отменены, и выборы стали производиться на основании имущественного ценза. В целом судьбы Генуи, во многом зависевшие от процветания Испанской державы, до конца XVI в. находились на подъеме.

В положении формально независимого, но на деле политически связанного с Испанией союзника оказалась в конечном счете также Флоренция с принадлежащей ей частью Тосканы, которая к концу XV в. была одним из

самых влиятельных государств Италии. Эволюция Флорентийской республики в сторону принципата, а затем и абсолютистского правления Медичи несколько раз прерывалась благодаря наличию сильной демократической традиции, находившей опору как в олигархических кругах, так и в более широких слоях флорентийского попола. После нашествия французов в 1494 г. и свержения Пьеро Медичи (сына Лоренцо Великолепного), фактически капитулировавшего перед ними, власть постепенно сосредоточилась в руках популярного доминиканского проповедника Джироламо Савонаролы, склонного скорее к расширению круга лиц, наделенных избирательными правами, и вместе с тем религиозного реформатора, который намеревался оздоровить всю гражданскую и духовную жизнь города в соответствии с христианскими нравственными заповедями. Большую известность приобрел устроенный им 7 февраля 1497 г., в масленичный четверг, «костер тщеславия» – сожжение предметов роскоши, книг, картин, игральных столов и прочего, символизировавшее отказ от мирской суеты. Это событие состоялось уже в момент обострения отношений Савонаролы с церковными властями и с папой Александром VI, вызванного политическими разногласиями (доминиканец, в отличие от папы, пытался опираться на французского короля, изгнанного к тому времени из Италии) и критикой обмирщения папства со стороны Савонаролы. Папу поддерживали все недовольные монахом во Флоренции, партия Медичи и так называемые «рассерженные» (*arrabbiati*). В мае 1497 г. Савонарола был отлучен, позднее папа угрожал интердиктом за неповиновение всему городу; проповедник же мог противопоставить этим санкциям лишь угрозы Божьей карой и приближающимся концом света. Наконец, доминиканец был арестован и 23 мая 1498 г. с двумя соратниками повешен, а затем сожжен на костре. После гибели Савонаролы установился режим, основанный на компромиссе между основными семьями олигархии, номинальным главой с 1502 г. стал пожизненный гонфалоньер Пьетро Содерини; на этот же период приходится политическая деятельность секретаря республики Никколо Макиавелли, к советам которого Содерини прислушивался. После нового ослабления французов в 1512 г. партия Медичи вернулась к власти, Содерини бежал, а Макиавелли был удален в ссылку в пределах городских владений, где он написал свои знаменитые трактаты об условиях взятия, поддержания и укрепления власти, апеллирующие к античности, но продиктованные, по сути, современной автору политической ситуацией. При папах из дома Медичи Флоренция находилась всецело под их влиянием, пока в 1527 г. обстановка снова резко не изменилась. Поражение Климента VII в борьбе против Карла V привело к последнему возрождению республики, продержавшейся три года (1527–1530). Ее окончательному падению способствовали внутренние разногласия между умеренными и более радикальными партиями, а также очередная политическая перегруппировка – заключение мира Франции с императором и вступление папы в союз с ним. С помощью имперских войск Климент VII после девятимесячной осады восстановил правление семьи Медичи во Флоренции, посадив на учрежденный с помощью императора герцогский престол своего внучатого племянника Алессандро. Герцог не пользовался любовью подданных и в 1537 г. был убит дальним родственником Лоренцино. В его преемники избрали представителя млад-

Палаццо Питти. Архитекторы Л. Фанчелли, Б. Амманати. Флоренция

шей ветви рода Медичи, сына известного кондотьера Джованни делле Банде Нере Козимо (1519–1574). Козимо I активно занимался делами правления до 1564 г., а уже отойдя от дел, в 1569 г. добился от папы получения титула великого герцога Тосканского. Он подчинил себе почти всю территорию Тосканы, за исключением республики Лукки, которая в 1546 г. стала центром антимедичейского заговора Ф. Бурламакки. В 1552–1555 гг. в ходе Сиенской войны с участием французов и испанцев независимая республика Сиена перестала существовать, и ее владения достались Козимо (в качестве феода от испанского короля), кроме небольшого Государства гарнизонов, сформированного испанцами. Великий герцог в просвещенном духе своего времени заботился о развитии торговли и промышленности, мореплавания, строил крепости, основал рыцарский орден Святого Стефана для борьбы с турками и пиратами. Его резиденциями были новый дворец Уффици и перестроенный палаццо Питти. Из многочисленных детей Козимо почти все умерли от болезней или в результате насильственной смерти. Его преемник Франциск (Франческо) I вместе с женой был, как предполагается, отравлен родным братом-кардиналом, который стал следующим герцогом (Фердинанд I, 1587–1609). Фердинанд, как и его отец, проводил административные реформы, занимался мелиорацией, открыл Ливорно для беспощинной портовой торговли (порто-франко) и пытался проводить независимую внешнюю политику, расширяя контакты с Францией. Тем не менее Тоскана находилась под сильным влиянием испанских и австрийских Габсбургов, с которыми Медичи были также связаны династическими браками.

Значительной самостоятельности достигли герцоги Савойские, владения которых находились в постоянной опасности непосредственного поглощения Францией (французский язык употреблялся в них наряду с местным итальянским диалектом). Во время Итальянских войн основная территория Савойи со столицей Шамбери была занята французами, и ядром герцогских владений стали собственно итальянские земли в Пьемонте. Эммануил Филиберт (1528–1580), который в 1555–1559 гг. был испанским губернатором в Нидерландах, перенес в 1562 г. в Турин свою столицу и построил цитадель по образцу фламандских крепостей. Он провел налоговую реформу, отменил крепостное право, содействовал развитию сельского хозяйства путем ирригации, создал постоянную армию на основе рекрутского набора и военный флот, принимавший, между прочим, участие в битве при Лепанто. Сыну герцога Карлу Эммануилу удалось присоединить по Лионскому миру с Францией 1601 г. маркграфство Салуццо в обмен на некоторые земли за Альпами. Другой маркизат (с 1575 г. герцогство), Монферрат, на который претендовали савойцы, остался за мантуанскими герцогами Гонзага благодаря женитьбе Федерико II на наследнице этой территории. Небольшое герцогство Мантуя находилось в вассальной зависимости от императора и было одним из центров ренессансной культуры, расцвет которой приходится на эпоху маркизы Изабеллы д'Эсте (1474–1539), жены Франческо II Гонзага. Она поддерживала отношения с крупнейшими писателями и художниками своего времени – Кастильоне, Бембо, Ариосто, Леонардо, Рафаэлем и Тицианом. Вкусы Изабеллы унаследовал ее сын Федерико, пригласивший для строительства и росписи загородного дворца Палаццо Те Джулио Романо. Таким же важным культурным центром было герцогство Моденско-Феррарское, принадлежавшее синьорам Эсте. Покровителем искусств был герцог Эрколе I (правил в 1471–1505 гг.), его сын Альфонсо (1505–1534), женатый на Лукреции Борджиа, выдающийся артиллерист и верный союзник французов, а также их потомки. Прямое потомство герцогов пресеклось в 1597 г., и Феррара, как церковный лен, отошла к Папскому государству, но Модена и Реджо остались у наследников титула по боковой линии.

Наиболее самостоятельным и значимым государством Италии после папского Рима была Венецианская республика, которая в XVI в. не только отстаивала свою независимость, но и пыталась расширить владения в бесконечных войнах с императором, папой, испанцами, французами, итальянскими соседями на востоке и Османской империей.

В самом начале столетия венецианцы, пользуясь ситуацией, делают ряд приобретений (после краха семейства Борджиа) в Романье, во время испано-французских войн на Юге – в Апулии, а также в Ломбардии и на границе с Австрией. Поражения в войне с Камбрейской лигой и затем в составе Коньякской лиги против императора лишают Венецию значительной части этих владений, но ее влияния еще достаточно, чтобы добиться от Карла V сохранения формальной независимости Милана (1529). Когда последний окончательно переходит под власть Испании (1535), венецианцам приходится оставить помыслы об экспансии на материке. Во время дальнейших испано-французских конфликтов они придерживаются нейтралитета и даже вступают с испанским королем во временные союзы против общего врага – турок; один из них закончился победой при Лепанто. Тем не ме-

нее султаны постепенно отбирают венецианские владения в Греции (война 1499–1503 гг.), близлежащие острова и в 1571 г. Кипр. Венеция вынуждена искать мира с турками, чтобы не лишиться всего, особенно учитывая неблагоприятную экономическую конъюнктуру: португальцы открыли морской путь в Индию и обрушили рынок пряностей, до того контролировавшийся венецианцами; основные торговые потоки смещаются к северо-западу, но Республика св. Марка пока не утрачивает своей роли. Происходит переориентация экономики: государство пытается предупреждать финансовые и хозяйственные кризисы, главной частью доходов становятся прибыли от сельского хозяйства, местной промышленности, производящей дорогие ткани, ювелирные изделия, художественное стекло. Венецианские патриции обустроивают свои поместья, города Террафермы обрастают знаменитыми виллами, многие из которых сооружаются по проектам выдающегося зодчего позднего Ренессанса Андреа Палладио (1508–1580). Венеция, снискавшая благодаря невмешательству государства в дела веры славу самого свободного города, стала крупнейшим центром книгопечатания – здесь издается больше книг, чем на территории всей остальной Италии. Законодательницей книжной моды Венеция становится на рубеже XV–XVI вв., в эпоху Альда Мануция, печатавшего греческих, латинских и итальянских классиков в новых форматах и новыми шрифтами. Здесь же во второй половине XVI столетия появляются первые газеты как сборники новостей (*avvisi*), составленные профессиональными хроникерами; не случайно в Венеции обосновался уже упомянутый публицист и комедиограф Пьетро Аретино. К началу XVI в. город на лагуне стал наряду с Флоренцией и Римом крупнейшим художественным центром Италии; сформировалась особая Венецианская школа живописи, в которой световые и цветовые решения начинают главенствовать над графическим рисунком, самостоятельную роль приобретает пейзаж. Ее зачинателями были Якопо, Джентиле и Джованни Беллини, Антонелло да Мессина и Витторе Карпаччо, известнейшими представителями – Джорджоне (1478–1510) и великий живописец Тициан (1477–1576), особенно знаменитый портретами и изображениями персонажей античной мифологии. Во второй половине столетия Венецию прославили, в том числе и картинами на исторические сюжеты, Паоло Веронезе, Тинторетто и Якопо Бассано.

ФРАНЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVI ВЕКЕ

ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРОЛЕВСТВА И НАЧАЛО ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙН

Во второй половине XV в. Франция возрождалась после Столетней войны. Чтобы заселить пустующие земли, сеньоры предоставляли крестьянам льготы, создавали относительно выгодные условия для держателей и арендаторов. С 60-х годов XV в. наметился устойчивый демографический рост. По приблизительным расчетам историков, к началу XVI в. население королевства составляло 15 млн человек, это было самое населенное централизованное государство Запада. По сравнению с соседями король Франции эффективно контролировал свою территорию, собирал с нее налоги, обладая самым солидным в Европе государственным аппаратом (на королевской службе находилось до пяти тысяч чиновников). Плодородие французских земель, помноженное на разнообразие ландшафтов, позволяло экспортировать продовольствие (в Нидерланды, Италию, Испанию, Англию). Росло и налогообложение: за годы правления Людовика XI размеры собираемой талли (прямого налога, для сбора которого уже не требовалось согласия Генеральных Штатов) повысились втрое. При сборе налога чиновники определяли общую сумму, которую должна была уплатить сельская община (чаще всего она совпадала с церковным приходом). Руководство общиной находилось в руках богатых крестьян, обеспечивавших себе более выгодные условия, что усиливало процесс расслоения в деревне. Зажиточные фермеры, использовавшие наемный труд и арендовавшие у сеньоров как землю, так и право сбора сеньориальных пошлин и штрафов, являлись альтернативной дворянам сельской элитой.

Стены защитили большую часть городов от грабежа и разорения, выпавшего на долю крестьян в предыдущий период. Города, преумножившие свои привилегии и льготы, богатели. Людовик XI поощрял развитие шелкоткацких мануфактур, металлургии, производства оружия и стекла. Появилось при нем и книгопечатанье – сначала в Париже, затем в Лионе и в других городах. Лион стал крупнейшим ремесленным центром: ярмарки превратили его в важный узел европейской торговли и финансов: здесь обосновались немецкие и итальянские банкиры, кредитовавшие международную торговлю, предоставлявшие займы королю, церкви и сеньорам.

В период правления Людовика XI и в последующие годы, помимо земель из «бургундского наследства», к Франции после пресечения Анжуйской династии был присоединен Прованс (1481), а в результате брака Карла VIII с Анной Бретонской – Бретань (1491). В присоединенных провинциях сохранялись парламенты и продолжали созываться местные Штаты, решавшие, помимо прочего, фискальные вопросы, поскольку эти земли были освобождены от прямого налогообложения. Особый режим управления сохранялся и

в апанажах — «уделах», предоставленных принцам королевской крови. Генеральные Штаты собирались все реже — право взимать постоянный военный налог делало короля менее зависимым от сословий.

Последний раз в XV в. Генеральные Штаты были созваны в 1484 г. по требованию принцев, которые, пользуясь малолетством Карла VIII, попытались взять реванш за годы «тиранического правления» Людовика XI. Но регентша, старшая сестра короля Анна де Божё, оказалась не менее искусственным политиком, чем ее отец. Она пошла на уступки требованиям Штатов и тем самым оставила принцев без поддержки сословий. Принцы крови под предводительством герцога Людовика Орлеанского подняли мятеж, но были разбиты королевскими войсками.

Реализуя права на наследие короля Рене Анжуйского, Карл VIII решил отвоевать Неаполитанское королевство, некогда принадлежащее Анжуйскому дому. Филипп де Коммин, автор «Мемуаров», прославлявших мудрую политику Людовика XI, был крайне недоволен планами молодого короля, у которого, по его мнению, «не было ни ума, ни денег, равно как и всего прочего, необходимого для такого предприятия, и если оно все же благополучно завершилось, то лишь по милости Бога». Но французские монархи усвоили, что внешняя война нужна как средство от войны внутренней. Относительное снижение сеньориальных доходов на фоне роста расходов на то, чтобы «жить по-дворянски», толкало часть дворян либо в клиенты мятежных принцев, пытавшихся получить доступ к казне, либо на службу короля, чтобы в походах снискать жалование, добычу и славу.

В 1494 г. Карл VIII с большой армией вторгся на Апеннинский полуостров, без особого труда пройдя его с севера на юг. Дворянская конница («жандармы») и королевская артиллерия показали хорошие боевые качества, но основной причиной успеха была раздробленность Италии. Французам удалось завоевать Неаполитанское королевство, однако быстро сложилась антифранцузская коалиция, попытавшаяся блокировать французскую армию. Карл VIII сумел пробиться во Францию, но вскоре он утратил Неаполь и начал готовить новый поход. Франция оказалась втянута в длительные итальянские войны (1494–1559).

Все было готово к новому походу, но Карл VIII погиб в результате несчастного случая. Он не оставил детей, и в силу правил престолонаследия («Салического закона») королем стал Людовик Орлеанский. Вступив на престол и присоединив свой апанаж к королевскому домену, Людовик XII (1498–1515) не стал преследовать тех, кто в свое время подавил его мятеж, а напротив, наградил их за то, что они честно выполняли свой долг. Одна из причин устойчивости французской политической системы заключалась в «естественных пределах» оппозиционности принцев королевской крови. Даже самый мятежный из них понимал, что превратности «Салического закона» могут сделать его или его потомков королем Франции.

Людовик XII удержал Бретань, заключив брак с овдовевшей Анной Бретонской. Ему удалось расширить круг притязаний в Италии: его бабкой была Валентина Висконти, наследница герцога Миланского. Король овладел Миланом, который называли «ключом к Италии», и частью Неаполитанского королевства. Однако французы вновь столкнулись с могучей коалицией противников и после ряда поражений опять утратили владения в Италии.

Людовик XII умер 1 января 1515 г., не оставив наследников мужского пола. Логика «Салического закона» возвела на престол молодого герцога Ангулемского, приходящегося королем двоюродным племянником и женою на его дочери от Анны Бретонской.

НОВЫЙ СТИЛЬ ВЛАСТИ

Франциск I (1515–1547) возобновил войну в Италии и в битве при Мариньяно (1515) разгромил швейцарских наемников, оборонявших герцогство Миланское. Считавшиеся прежде непобедимыми швейцарцы были сметены французской артиллерией. Их разгром довершила дворянская конница. Прямо на поле боя король, проявивший отвагу, был посвящен в рыцари. Этот обряд совершил над ним воин Пьер Баярд, имевший репутацию «рыцаря без страха и упрека». Так сам король продемонстрировал верность рыцарским ценностям.

Следующим успехом Франциска I было подписание конкордата с папой Львом X в Болонье (1516). Папа добился отмены Прагматической санкции 1438 г., но признал за королем право назначать своих ставленников на должности епископов и аббатов, которые затем автоматически одобрялись Римом. Это задевало интересы французского духовенства, практически лишая его канонического права выборности церковных должностей. Парижский университет попытался оказать сопротивление регистрации конкордата в Парижском парламенте (а только после этого королевский акт обретал силу закона). Но королю удалось навязать свою волю.

Начало правления Франциска I вызывало большие надежды. Король-воин и рыцарь был галантным кавалером и тонким ценителем искусств. Получив блестящее образование под руководством своей старшей сестры Маргариты (впоследствии она станет королевой Наваррской), он знал древние языки и вел переписку с видными гуманистами, в том числе с Эразмом Роттердамским.

Первые 60 лет XVI столетия французские историки часто называют «прекрасным XVI веком» указывая на поступательное развитие экономики, относительную политическую стабильность и, главное, на расцвет культуры. Изобретение книгопечатания ускорило распространение знаний и идей, подстегнуло любопытство и смелые интеллектуальные искания. К началу столетия во Франции насчитывалось 14 университетов, куда постепенно проникали новые идеи и педагогические приемы, заимствованные из Италии или из Нидерландов. Значительную роль в утверждении новой культуры сыграли Итальянские войны. Сам образ жизни итальянских дворян и горожан поразил воображение представителей французской элиты. Подражая итальянским вкусам, они стремились украсить свои замки и сделать их более комфортабельными. На берегах Луары королевские придворные, военачальники и особенно финансисты при помощи итальянских архитекторов и художников возводили великолепные дворцы. Франциск I пригласил во Францию Леонардо да Винчи, который работал над украшением королевских праздников. Король оказывал покровительство неуживчивому Бенвенуто Челлини, работавшему над ювелирными и скульптурными шедеврами дворца в

Фонтенбло. Пиетет перед итальянской культурой и античностью сочетался с возвеличиванием французской культуры и французского языка. Эти ноты отчетливо начинают звучать к середине XVI в. и ярко проявятся в трактате Ж. Дю Белле «Защита и прославление французского языка» (1549).

В Париже и Лионе сложилась особая среда ученых, знатоков не только латыни и греческого, но и древнееврейского языка, стремящихся заново постичь смысл древних текстов. Сложилось определенное направление христианского гуманизма, пытавшегося гармонизировать существующую систему. В 1512 г. Лефевр д'Этапль издал комментарии к Посланиям апостола Павла. Обращаясь к греческому первоисточнику, он попытался очистить текст от последующих искажений; впоследствии он занялся переводом Библии на французский язык. Раньше Лютера он начал разрабатывать учение об оправдании верой. Его ученик, советник короля Гийом Бюде, утонченный эллинист, посвятил королю трактат «О наставлении государя» (1519), где подчеркивал важность реформы образования, воспитания критического мышления, пользы изучения древних языков для блага государства. Король, с его точки зрения, должен выступать прежде всего как меценат, призванный победить невежество. Франциск I предложил Эразму Роттердамскому открыть в Париже «Коллегию трех языков». Эразм отказался, но в 1530 г. была создана «Корпорация королевских лекторов в Парижском университете», члены которой получали жалованье от короля и читали открытые лекции для изучавших греческий и древнееврейский языки, латинское красноречие и математику.

Подобные новации не могли не вызывать тревоги у теологов, коль скоро люди, не имевшие богословской степени, дерзали толковать Священное Писание. Но до поры до времени и король, и его сестра покровительствовали подобным исканиям. Так, епископ города Мо Гийом Бриссоне попытался воплотить идеи Лефевра в своем диоцезе, собрав там кружок христианских гуманистов. Маргарита Наваррская в своих произведениях «Гептамерон» и «Зерцало грешной души» задавалась вопросами приобщения к божественному через духовную любовь, понимаемую в духе неоплатонизма.

ВАЛУА ПРОТИВ ГАБСБУРГОВ

В 1519 г. умер император Максимилиан Габсбург. Франциск I заявил о своих притязаниях на императорскую корону и тратил огромные суммы на подкуп немецких курфюрстов. Однако императором под именем Карла V стал король Испании, внук Максимилиана и Марии Бургундской. Как правитель Нидерландов и наследник Карла Смелого, последнего Бургундского герцога, Карл V хотел вернуть «захваченные» французами Бургундию и Пикардию, как император он стремился отвоевать Миланское герцогство, считавшееся имперским леном. Еще одним «яблоком раздора» являлось королевство Наварра, традиционный союзник французских королей. Война между королем и императором была неизбежна.

Военные действия оказались крайне неудачными для Франции. Испанцы завоевали большую часть Наварры. 24 февраля 1525 г. французская армия была разбита в битве при Павии. Франциск I попал в плен. Франция осталась

беззащитной, парижане со дня на день ожидали вторжения с территории Нидерландов. Однако регентша Луиза Савойская, королева-мать, сумела обеспечить порядок и охрану страны. Население Франции согласилось на сбор экстраординарных налогов. Зажиточные горожане, люди церкви и чиновники должны были сдать на монетные дворы золотую и серебряную посуду, чтобы собрать новое войско. Жители недавно присоединенного Прованса оказали упорное сопротивление испанцам.

Находясь в плену, Франциск I был вынужден принять условия императора: возвращение ему Бургундии и отказ от Милана. В 1526 г. короля отпустили из плена (двое его сыновей оставались в Мадриде заложниками). Вернувшись, Франциск I отказался от данных императору обязательств на том основании, что Парижский парламент и Ассамблея нотаблей (собрание представителей, депутаты которого, в отличие от Штатов, не избирались, а назначались королем) признали нелегитимными данные им обещания, поскольку они противоречили закону о неотчуждаемости королевского домена. Между королем и императором последовал ряд взаимных упреков, монархи даже пытались вызвать друг друга на дуэль. При посредничестве Луизы Савойской и тетки Карла V Маргариты Австрийской в 1529 г. был подписан так называемый «Дамский мир». Королевские сыновья освобождались за огромный выкуп, сам король женился на сестре Карла V. Его первая жена, дочь Анны Бретонской и Людовика XII, к тому времени умерла, но Бретань уже была интегрирована во Французское королевство.

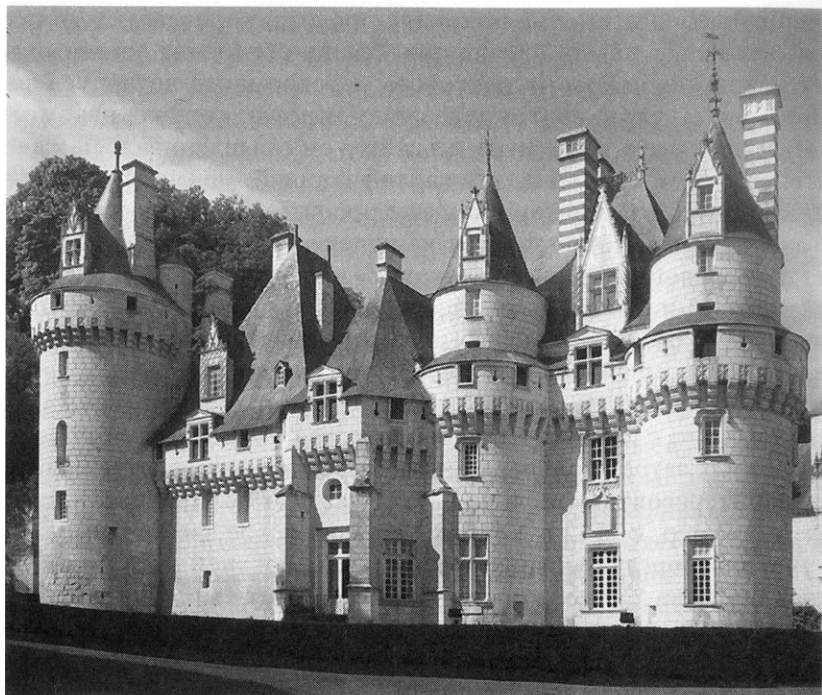
Столкновения с императором еще неоднократно возобновлялись. При этом «христианнейший король» Франции был готов на все, чтобы ослабить «католического короля» Испании. Он заключал союзы с протестантскими князьями Германии и даже с османским султаном. Турецкий флот Хайредина Барбароссы базировался в Тулоне и Марселе, нападая на испанские галеры.

При сыне Франциска I короле Генрихе II (1547–1559) Итальянские войны продолжились. Помимо нескольких военных экспедиций в Италию французы предприняли активные действия на территории Священной Римской империи, заняв там три епископских города – Мец, Туль и Верден.

ФИНАНСЫ И БЮРОКРАТИЯ.

«АБСОЛЮТИЗМ» ИЛИ «РЕНЕССАНСНАЯ МОНАРХИЯ»?

Война требовала больших денег. Надо было платить жалование наемникам, не скупиться на субсидии союзникам, дорого стоило содержание многочисленных гарнизонов. Развитие артиллерии выдвигало новые требования к фортификации, предполагавшие дорогостоящие инженерные работы. «Мирные» расходы немногим уступали военным. Возведение и убранство роскошных дворцов, таких как Фонтенбло, Шамбор, Сен-Жермен-ан-Лэ, демонстрируя величие королевской власти, и само по себе поглощало неслыханные суммы денег, но вдобавок разжигало аппетиты королевских фаворитов и фавориток, желавших строить дворцы, не уступающие королевским.

Замок Юэ. Долина Луары, Франция

При Франциске I талья выросла с 2,6 млн до 4,6 млн ливров, не считая многочисленных косвенных сборов. Но фискальные возможности короля были не безграничны. Антианалоговые мятежи вспыхнули в Бордо и Тулузе в 1516–1519 гг.; в 1548 г. восстания в Гиени, Пуату, Сентонже и Лимузене вылились в настоящие военные действия. Налоги на продовольствие послужили причиной голодных бунтов городской бедноты: это и «Большой мятеж» 1529 г. в Лионе, и серия волнений в Дижоне. В лесах скрывались шайки бродяг и дезертиров, промышлявших разбойными нападениями. Появляются и новые формы социальной борьбы: в Лионе, крупнейшем центре книгопечатания, союз типографских подмастерьев организовал в 1539 г. стачку, сопровождавшуюся беспорядками.

Власть вынуждена была изобретать новые формы привлечения средств. Под давлением короля крупные города (в первую очередь Париж и Лион) продавали муниципальные ренты – обязательства, проценты по которым гарантировались надежными денежными поступлениями, например пошлинами с ярмарок. Но главным источником «быстрых денег» оставались займы. Деньги можно было найти у итальянских и немецких банкиров. В начале 50-х годов XVI в. в Лионе была создана «Большая компания», объединившая основных кредиторов короны, для ведения общих переговоров с казной. Французский король предоставлял настолько выгодные условия, привлекавшие капиталы со всей Европы, что отток денег усилил экономические затруднения Испании, и, несмотря на возрастающий приток американского серебра, Филипп II вынужден был объявить банкротство в 1557 г. Но и государственный долг Франции нарастал как снежный ком.

Большое распространение получила продажа королевских должностей. Она практиковалась давно, однако при Франциске I была легализована. Человек, желавший приобрести должность (от скромного нотариуса до советника парламента), давал своего рода ссуду королю, получал искомое назначение, а затем в виде процентов по займу ему выплачивалось жалование. Соискатель должен был обладать квалификацией, но он имел право передать должность по наследству или даже продать, испросив согласие короля и уплатив пошлину. Для выходцев из купечества продажа должностей открывала путь к аноблированию, поскольку членство в судебных учреждениях (парламентах) и финансовых палатах давало дворянский статус. Однако таких дворян (позже их станут называть «дворянством мантии») представители «дворянства шпаги» не торопились признавать равней.

Продажа должностей, порождая злоупотребления, осуждалась современниками, но с точки зрения государства имела и преимущества: король без особых затрат получал деньги, укрепляя государственный аппарат людьми, заинтересованными в сильной власти и политической стабильности. Так, например, в 1552 г. Генрих II создал новое звено в системе правосудия, учредив «президиальные суды» (суды средней инстанции). Единственная продажа 550 должностей принесла почти миллион ливров.

Такая система имела и недостатки: чиновники, чувствуя себя собственниками должностей, проявляли независимость суждений. Парламенты настаивали на своем праве ремонстрации – указания на несоответствие королевских распоряжений основному законодательству. Королю приходилось порой затрачивать усилия, чтобы навязать свою волю. С одними он договаривался, других карал в назидание прочим, третьим напоминал о своих прерогативах, применяя, например, процедуру «Ложь правосудия» (*Lit de justice*), лично являясь в парламент для принудительной регистрации очередного закона. Франциск I казнил нескольких высокопоставленных финансистов, возложив на них вину за военные неудачи.

При губернаторах, назначаемых королем из местной знати, действовали лейтенанты («местоблюстители»), полностью зависевшие от короля. Генрих II в особых случаях посылал на места специальных представителей – комиссаров. Они, имевшие четкое задание и облеченные королевским доверием, должны были любыми средствами добиваться исполнения поставленной задачи.

Короли пытались обеспечить слаженную работу звеньев правосудия. Эту цель преследовал ордонанс, принятый королем в Виллер-Коттре в 1539 г. и представлявший собой всеобъемлющий план унификации судопроизводства и правил ведения документации. Предписывалось вести дела по-французски; судьи и нотариусы должны были обеспечить архивную сохранность своих документов, а кюре вменялось в обязанность вести учет рождений, браков и смертей в своих приходах. Королевская власть поощряла усилия юристов по унификации местных кутюм (обычного права). Их запись и королевское одобрение превращали монарха в источник и этих «старинных прав».

В трактате Клода де Сейселя «Великая французская монархия» (1519), описывающем устройство французского государства, отмечалось, что король обладает огромными полномочиями, но имеются «три узды для

монарха». Король не может поступать во вред католической вере, не может нарушать свои собственные законы, не может наносить ущерб государственной пользе. Люди церкви, «господа закона» и чиновники, занятые административным управлением («полицией»), сразу укажут королю на недопустимость подобных действий. Франциск I остался недоволен трактатом Сейселя, а к концу правления этого короля и особенно его сына ни о какой «узде для монарха» речь уже не шла. Король был свободен в своих решениях, являлся абсолютным монархом (от лат. *absolutus* – независимый, неограниченный). Об абсолютной власти французского короля юристы говорили уже давно, с конца XIII в., тогда заявлялось, что монарх ни от кого не зависит и является «императором в своем отечестве». В XVI в. для подобного утверждения появилось куда больше оснований. Юрист Шарль де Грассай перечислял 208 атрибутов королевского величия и называл французского короля славнейшим из прочих монархов, «вторым Солнцем на земле», «божеством в телесном облики». Адвокат Шарль Дюмулен, комментируя парижскую кутюму, последовательно подчинял обычное право нормам римского права, с точки зрения которого феодальные права, сеньориальная юстиция и различного рода «нерушимые обычаи» прошлых веков, по его мнению, являются лишь узурпацией власти, безраздельно принадлежащей монарху.

Однако по сравнению с последующей эпохой ресурсы власти были еще относительно малы. Во второй половине XVII в. население Франции почти не увеличилось, но чиновников будет в десять раз больше. В XVI в. короли не были свободны от необходимости консультироваться с сословиями и считаться с интересами аристократических клиентел.

Для XVI в. французские историки термину «абсолютизм» предпочитают термин «ренессансная монархия», отмечая некоторые стилистические особенности образа власти. При помощи языка символов во время многочисленных публичных праздников и церемоний, языка архитектуры и поэзии, король предстал перед подданными в виде античного героя («французского Геркулеса», «нового Гектора»). Используя синтез самых разных знаний, включая астрологию, монарх и его окружение обращались к неоплатонической идее всеобщей цепи бытия, уз любви, связывающих в единое целое все королевство и все мироздание. Монарх – философ на троне – мыслился наделенным высшим знанием о тайнах вселенной и об общественном благе; свет знания позволяет ему приблизить наступление Золотого века. При этом король не порывал и со средневековой традицией, представляя себя и как рыцаря («нового короля Артура»), и как главу мистического тела королевства, наместника Бога, пастыря, ведущего души подданных к спасению.

РЕФОРМАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

О необходимости церковной реформы во Франции говорилось давно. Дело было не столько в падении нравов духовенства, сколько в более высоких требованиях, предъявляемых к нему мирянами, все более озабоченных своим спасением, тогда как в стремительно менявшихся и усложнявшихся условиях жизни старые формы благочестия оказывались в значительной мере изжитыми. Но если в Германии и в Швейцарии дело быстро дошло до

разрыва с Римом, во Франции новые идеи, высказанные в более осторожной форме, не имели столь серьезных последствий. Франциск I объективно был не очень заинтересован в отпадении от Рима: Болонский конкордат и без этого давал ему контроль над галликанской церковью. На первых порах монарх благожелательно относился к исканиям гуманистов-реформаторов и, уступая просьбам сестры, брал ученых вольнодумцев под свою защиту. Но пока король находился в плену, подвергся разгрому кружок реформаторов из Мо, начались репрессии. Теологический факультет Парижского университета («Сорбонна», как его называли по имени коллегии, в которой заседал совет факультета) осудил сочинения Эразма Роттердамского.

Чем радикальнее становились во Франции реформаторы, тем больший ужас они вызывали у населения, видевшего в их проповедях и проступках причину небесных кар, постигших христианский мир – военные поражения и пленение короля, наступление турок, грозные знамения и неурожаи, землетрясения и бунты. После того как в 1529 г. кто-то разбил статую Девы Марии в Париже, искупительную процессию парижан возглавил сам король. А когда в ночь с 17 на 18 октября 1534 г. в Париже, в других городах и даже на дверях королевской спальни были расклеены плакаты с резкими нападениями на церковные таинства, король наконец сделал свой выбор. Были сожжены десятки «еретиков», сотни арестованы. Король в гневе повелел было закрыть все типографии. В 1543 г. Сорбонна издала «Индекс запрещенных книг», куда вошли не только труды Лютера, Цвингли и других «ересиархов», но и сочинения Эразма и даже «Утопия» Томаса Мора, мученика за католическую веру.

Несмотря на союз королей с немецкими протестантами во время Итальянских войн, во внутренней политике борьба с реформационными учениями усиливалась. Все большее распространение получало учение Кальвина, на основе которого в конце 50-х годов XVI в. складывается мощная организация протестантской церкви во Франции.

Жан Кальвин учился в Парижском университете. В 1533 г. он помог ректору университета Николя Копу составить тезисы речи, выдержанной в духе осторожного «христианского гуманизма», но демонстрирующей знакомство с запрещенными сочинениями Лютера. Сорбонна усмотрела в этой речи ересь и потребовала ареста виновных. В последний момент Кальвину удалось уйти по крышам из окна своей кельи. Бежав в Швейцарию после «дела плакатов», он опубликовал первую редакцию «Наставления в христианской вере». Затем до самой своей смерти (в 1564 г.) Кальвин редактировал этот труд, придавая ему все более радикальный и более систематизированный характер. Согласно его учению, природа человека безнадежно испорчена вследствие первородного греха. Но избранному меньшинству Бог предопределил спасение. И ни человек, ни Церковь не в силах изменить предопределение благими делами или молитвами. Знать, что ему уготовано, человек не может, но раз у него есть дар веры, он должен оставить все сомнения и действовать в миру решительно в соответствии с наставлениями Библии. Человек обязан следовать своему призванию, и тогда Господь подаст ему «внешний знак», свидетельствующий о его избранности. Этим знаком может быть процветание в делах, но могут быть и бедствия, которыми испытывается твердость веры человека, и даже мученическая смерть.

От церкви Кальвин требовал строгости и простоты культа, настаивая на ее «демократическом» устройстве. Кальвинистская церковь представляла собой

федерацию общин, руководство которых избиралось верующими. Но авторитет избранных пастырей должен быть непрерываем и подкреплён строжайшей дисциплиной. Долг подданного, согласно Кальвину, уважать государственную власть, однако если правитель мешает истинной вере, то он становится тираном и бороться с ним является не только правом, но и святой обязанностью верующих. Впрочем, инициатива в борьбе с тираном могла исходить лишь от законных властей, от представительных органов, и главная роль отводилась увещаниям и ненасильственным действиям.

Кальвинизм привлекал выходцев из самых разных социальных слоев: купцов и ремесленников, клириков и аристократов, гуманистов и чиновников, – главным было ощущение избранности. За религиозным выбором зачастую скрывались вполне земные расчеты. Однако не следует забывать, что, отстаивая свои религиозные взгляды, многие кальвинисты шли на верную смерть. Особую роль в распространении кальвинизма в семьях дворян и чиновников играли их жены, именно они оказывались наиболее восприимчивыми к словам проповедников, воспитывали детей в новой вере. Успехам кальвинизма не могли помешать ни созданная при Парламенте «Огненная палата» (1547), ни деятельность новых президиальных судов, на которые Генрих II возложил обязанность сыска еретиков.

ОКОНЧАНИЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙН

Итальянские войны становилось вести все труднее, несмотря на ряд военных успехов в Италии и финансовые затруднения испанцев. Поток серебра, доставляемого Габсбургам из Нового Света, увеличивался, а налоговые ресурсы короля Франции были на пределе. Испанцам, вторгнувшимся с территории Нидерландов, удалось разбить французскую армию при Сен-Кантене (10 августа 1557 г.) и взять в плен коннетабля Монморанси. Угроза нависла и над Парижем. Королю пришлось спешно отозвать из Италии герцога Гиза. Прибывшая армия смогла несколько сгладить последствия поражения. Франсуа Гиз в январе 1558 г. в результате дерзкого штурма отбил порт Кале у Англии, которая в ту пору была союзницей Испании. Возвращение Франции Кале, более двух веков удерживаемого англичанами, принесло Гизу величайшую славу.

Но превосходство Испании было неоспоримо. Генрих II начал переговоры, которые увенчались подписанием 3–4 апреля 1559 г. в Като-Камбрези мира с Испанией и ее союзницами Англией и Савойей. Франция сохраняла за собой Кале и три немецких епископства, однако отказывалась от всех притязаний на итальянские земли. Мир вызвал всеобщее недовольство – трудно было смириться с мыслью о том, что результаты 65 лет войны оказались полностью перечеркнуты. В этом винили королевское окружение, отчасти обоснованно: выкупленный из плена коннетабль Монморанси и фаворитка короля Диана де Пуатье опасались усиления в случае продолжения войны чрезмерно популярного клана Гизов. Но у Генриха II имелись и другие причины для заключения мира. Он видел, что надвигается финансовая и военная катастрофа, что разросшийся чиновничий аппарат выходит из повинове-

ния, под угрозой оказалась затеянная им масштабная программа реформ. Но еще более его беспокоил рост влияния протестантизма.

Подписав мир, король развязал себе руки для решительных мер. 10 июня 1559 г. король созвал заседание дисциплинарной комиссии парламента и заявил о намерении искоренить ересь, выразив возмущение попустительством парламентариев по отношению к «еретикам». Но советник Анн Дю Бур выступил с дерзкой речью, в которой отвел эти обвинения. По его словам, скандальными являются преследования и казни невиновных, проповедующих лишь слово Божие, в то время как безнаказанными остаются тяжкие преступления – убийства, богохульства, супружеская неверность. Усмотрев в последнем замечании намек на самого себя, король пришел в ярость, велел арестовать Дю Бур и его единомышленников.

30 июня 1559 г. в Париже был устроен турнир по поводу заключения мира. Генрих II, прекрасный наездник и воин, принял в нем участие и выбил из седла всех противников, но во время последнего поединка король получил смертельное ранение: турнирное копье сломалось и острым концом вошло под забрало королевского шлема. Спустя несколько дней сорокалетний король скончался, успев запретить преследование своего невольного убийцы. Неожиданно страна оказалась на пороге катастрофы. «Прекрасный XVI век» закончился.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ

Было бы неправильно описывать французскую историю второй половины XVI в. лишь в мрачных тонах. Экономический упадок затронул не все области в равной степени. Королевская власть издавала ордонансы, регламентировавшие судопроизводство, финансы и администрирование. Французский гуманизм вступил в стадию зрелости. В апогее славы находилось объединение семи французских поэтов – «Плеяда». Политическая мысль переживала расцвет, популярностью пользовались труды по истории Ж. Бодена, Э. Пакье, Л. Ле Руа, поэта, воина и историка А. д'Обинье. Вершиной гуманистической мысли стали «Опыты» М. Монтеня. Глубина психологической точности французского портрета той эпохи поражает и сейчас. Французские гуманисты продолжали работу над переводами древних текстов. Французское книгопечатание оставалось одним из лучших в Европе, а книжный рынок – самым емким. Двор последних Валуа поражал иностранцев великолепием и утонченностью вкусов.

И все же это было время кризиса, о его причинах до сих пор спорят историки. Говорят о климатических изменениях, о том, что рост населения превысил возможности расширения обрабатываемых площадей, что вызвало фазу продовольственных кризисов и эпидемий, усугубленных войнами. Ведь любое передвижение войск сопровождалось не только грабежами, насилиями и убийствами; армии были переносчиками микробов, а эпидемии оставались спутниками войн. В итоге, в начале XVII в. во Франции проживало меньше людей, чем в середине предыдущего столетия.

Францию затронул процесс перемещения центров европейской экономической жизни из Средиземноморья на побережье Атлантики. Французские

короли с некоторым запозданием начали поощрять морские экспедиции. В 1535 г. моряк из Сен-Мало Жак Картье открывает Канаду, куда в 1543 г. снаряжается экспедиция Роберваля. Французы пытаются основать колонии во Флориде и в Бразилии, а французские корсары нападают на корабли, доставляющие серебро из Нового Света. И хотя первые колониальные опыты французов оказались неудачными (у королей не имелось возможности оказывать им регулярную поддержку), атлантические порты Франции набирали силу. Влияние Руана и Гавра, Дьеппа и Сен-Мало, Нанта и Бордо, а также неприступной Ла-Рошели усилится в результате Религиозных войн. Упадок ожидает Марсель, вотчину итальянских купцов, Лион утратит свои позиции, серьезные трудности переживет Тулуза.

Существенное воздействие оказала «революция цен», особо затронув поденщиков, наемных рабочих и ремесленников, не имевших ресурсов кроме заработной платы. Не случайно именно их называли главными виновниками смут и ереси в городах. Сеньоров кризис коснулся в разной степени. Те, кто образовал хозяйственные комплексы из земель своего домена и скупленных крестьянских цензив и сдавал их фермерам на условиях срочной аренды, могли приспособиться к изменениям рыночной конъюнктуры. Но это было характерно лишь для некоторых районов Франции, преимущественно северных. Многие сеньоры жили по-старому, и для части дворян, особенно для представителей младших ветвей, главным источником существования оставалась военная служба. С окончанием Итальянских войн они лишились и этого.

Многие считают, что Религиозные войны стали реакцией традиционно-го общества на успехи королевской власти. Принцы стремились вернуть былые права и привилегии, горожане хотели вернуть свои свободы и восстановить равновесие в городской общине, где все большую власть захватывали королевские чиновники. Однако в первую очередь причины войн носили религиозный характер. Конечно, кто-то желал нажиться на церковном имуществе, кто-то – устранить конкурентов, но и кальвинисты, и католики готовы были умереть за веру. Протестанты, обличая «идолопоклонников», разбивали статуи святых, разрушали церкви и монастыри. Католики, видя в протестантах слуг Антихриста, считали своим долгом их истребить, иначе гнев Господень падет на родной приход, город или королевство. Столкновения было трудно избежать.

НАРАСТАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ. ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ И КАНЦЛЕР ЛОПИТАЛЬ

Трагическую смерть Генриха II многие сочли доказательством воли Провидения, о котором говорил Кальвин. Король, гонитель «истинной веры», сам погиб в расцвете сил. Ряды протестантов множились, к ним шли те, кто считал себя обойденным – аристократы и ветераны Итальянских войн. Поскольку протестанты находились в тесной связи с Женевой, их прозвали «гугенотами» (от искаженного нем. Eidgenossen – союзник, член швейцарской конфедерации). Недовольных возглавили принц Луи Конде и Антуан Бурбон, женатый на Жанне д'Альбре, королеве Наваррской – представители

знатнейшего рода Бурбонов, отодвинутого от власти «иностранцами», лотарингскими Гизами.

Если в борьбе за влияние на Генриха II аристократические клики уравнивали друг друга, то при Франциске II (1559–1560) равновесие оказалось нарушено. Король, которому не исполнилось и 16 лет, находился под влиянием своей жены Марии Стюарт, и ее родни – Франсуа Гиза и кардинала Лотарингского. Гизы заботились о своей клиентеле: распустив армию, они сохранили жалование лишь для верных им частей. У ворот королевского замка в Амбуазе стояла виселица, на которой кардинал Лотарингский обещал повесить любого, кто станет досаждать королю просьбами о пенсии. При этом Гизы выступали защитниками католической веры, преследуя «еретиков».

«Амбуазский заговор» призван был освободить короля «от тирании Гизов». После того как заговор был раскрыт, рядовых заговорщиков, в основном кальвинистов, повесили на зубцах Амбуазского замка. Расследование изобличило участие в заговоре принца Конде, которого спасла лишь внезапная смерть Франциска II (5 декабря 1560). Его брату Карлу IX (1560–1574) было 10 лет. Королева-мать Екатерина Медичи, став регентшей, опасалась чрезмерного усиления какой-то одной из аристократической группировок и предпочитала балансировать между ними. Она освободила Конде, назначив Антуана Бурбона генеральным наместником королевства.

Опираясь на советы канцлера Мишеля де Лопиталья, Екатерина Медичи пыталась установить единение в условиях религиозного раскола и жесточайшего финансового кризиса. На созванных в декабре 1560 г. Генеральных Штатах в Орлеане было объявлено, что государственный долг превышает 42 млн ливров. Эта сумма в четыре раза превосходила все доходы государства. Дворяне и горожане требовали продать имущество Церкви для покрытия долга. Духовенство же согласилось оплачивать часть долгов короля по муниципальным рентам (государственным займам). В соответствии с жалобами сословий был составлен план реформирования судопроизводства, предприняты попытки религиозного примирения. Еще на открытии Штатов канцлер Лопиталь призывал: «Отложим в сторону эти дьявольские слова: “политические партии”... “лютеране”, “гугеноты”, “паписты” и будем называться просто “христианами” и “французами”».

В 1561 г. состоялся коллоквиум в Пуасси, куда были приглашены католические прелаты и кальвинистские пасторы, чтобы под эгидой короля положить конец религиозному конфликту. Стороны не шли на уступки, тем не менее, правительство во что бы то ни стало хотело установить религиозный мир. Согласно январскому эдикту 1562 г. («Эдикт терпимости»), вплоть до восстановления церковного единства запрещались преследования по религиозному признаку. Кальвинистам была дарована свобода вероисповедания, но запрещались собрания в городах, чтобы не смущать католиков.

Это был беспрецедентный шаг – до сих пор государственное единство мыслилось лишь как единство «общины верных», «мистического тела». Однако, несмотря на полученные свободы, эдикт не удовлетворял гугенотов, чья численность превысила миллион человек. Они стремились обратить короля и народ в свою веру, искоренить «папизм». Католическое большинство «Эдикт терпимости» устраивал еще меньше.

1 мая 1562 г. люди герцога Гиза разогнали нарушавшее ограничения январского эдикта молитвенное собрание гугенотов в городе Васси. Солдаты взломали амбар, в котором заперлись гугеноты, убили и ранили многих из собравшихся, в том числе женщин и детей. Это стало поводом для начала Религиозных войн, продолжавшихся до 1598 г.

Католический Париж встретил Франсуа де Гиза как спасителя веры. Но гугеноты подготовились к войне. В первые недели войны они захватили свыше 200 городов, среди которых были Лион, Руан, Орлеан, Пуатье, города Лангедока. Католики во главе с Гизами добились отмены «Эдикта терпимости». Во многих городах происходили избиения гугенотов. В конфликт втягивались соседи: Филипп II помогал католикам, Конде обратился к английской королеве и к немецким протестантам.

Главным преимуществом католиков было то, что они действовали от имени короля, поэтому на их стороне оказалось и много протестантов. Так, например, Антуан Бурбон командовал королевскими войсками и получил смертельную рану при осаде гугенотами Руана. Королевские войска начали брать один город за другим. Принц Конде попал в плен к герцогу Гизу. Коннетабль Монморанси был захвачен гугенотами. В феврале 1563 г. во время осады Орлеана гугенотский дворянин Польтро де Мере застрелил Франсуа Гиза и принял мучения и казнь, будучи уверен, что он освободил страну от тирана. Воспользовавшись тем, что вожди воюющих сторон были убиты или находились в плену, королева-мать вернулась к политике умиротворения. Договор в Амбуге подтверждал «Эдикт терпимости», хотя Парижский парламент выражал возмущение этим актом, считая уступки гугенотам чрезмерными.

Екатерина Медичи делала все возможное для укрепления авторитета королевской власти. В течение двух лет она путешествовала с Карлом IX по провинциям Франции, организуя «торжественные въезды» в города и встречи с местным дворянством. Подтверждая местные привилегии, она стремилась назначать на ключевые посты своих людей и тем самым ослабить всевластие аристократических клиентов. Пышность королевского двора (и в особенности «летучий батальон» прекрасных придворных дам) была призвана смягчить воинственность дворян, превратив их в придворных. Королева надеялась установить «союз сердец», основанный на неоплатонической идее пронизывающей космос всеобщей любви; отсюда и ее увлечение астрологией и «герметическими учениями».

Но логика гражданской войны оказалась сильнее. В 1567 г. кальвинисты попытались нанести превентивный удар и захватить короля (так называемый «сюрприз в Мо»). Война вспыхнула вновь. Канцлер Лопиталь был удален от двора, его политика примирения провалилась. Войны, вторая (1567–1568) и третья (1568–1570), становились все ожесточеннее. Королевской армии во главе с братом короля Генрихом, герцогом Анжуйским, удалось разгромить гугенотов (реальное командование осуществлял опытный маршал Таванн). Под Жарнаком был ранен и пленен принц Конде. Но если раньше с ним обходились по-рыцарски, то на сей раз по приказу герцога Анжуйского принца пристрелили, подвергнув его тело поруганию.

Несмотря на поражения, протестантам во главе с адмиралом Колиньи удалось совершить несколько удачных рейдов и угрожать столице. И вновь Екатерина Медичи решила закончить войну. Согласно Сен-Жерменскому миру (1570), была объявлена амнистия, Колиньи вошел в Королевский совет, а протестантам разрешили совершать богослужения вне городских стен. Кроме того, гугенотам предоставлялось несколько крепостей, и в частности Ла-Рошель. Католики возмущались условиями, казавшимися им унижительными после одержанных побед. Но правительство опасалось усиления ультракатолической партии.

Адмирал Колиньи предложил сплотить католическое и гугенотское дворянство в новой войне против Испании, давнего врага французских королей. Карл IX мог бы возглавить поход на помощь восставшим Нидерландам. Эти планы заинтересовали короля, завидовавшего воинской славе своего брата.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Екатерина Медичи старалась избежать войны с Испанией. Ей казалось безумием втянуть разоренную страну в войну против сильнейшего монарха Европы. К тому же поддержка кальвинистов в Нидерландах предполагала союз с протестантскими государствами, что слишком усиливало гугенотов. Королева-мать нашла другой выход. Сестра короля Маргарита Валуа, «жемчужина королевского двора», должна была вступить в брак с вождем гугенотов Генрихом Бурбоном, королем Наварры. Этот союз был символичен, и придворные астрологи старались рассчитать, чтобы дата свадьбы приходилась на день, когда совпадут орбиты Марса и Венеры. Бог войны сочетался с богиней любви, что должно было гарантировать стране мир, а королю — любовь подданных. У этого плана имелись и противники. Мать жениха Жанна д'Альбре, суровая кальвинистка, была в ужасе от нравов французского королевского двора. Брак был ненавистен Католической церкви и папе римскому, а также Гизам, чьи позиции при дворе оказались бы ослаблены. Но больше всего негодовали парижане. В гугенотах они видели не просто мятежников, разорявших страну, но приспешников Антихриста. Проповедники вещали, что Париж, где свершится противоестественный брак, будет испепелен гневом Божиим как новый Содом.

18 августа 1572 г. состоялась свадьба, на которую съехался цвет гугенотского дворянства. Пышные торжества проходили на фоне глухой враждебности парижан. 22 августа адмирал Колиньи был ранен выстрелом в руку: стреляли из дома человека из клиентелы Генриха Гиза. У последнего было много причин ненавидеть адмирала, который, как полагали, стоял за убийством его отца в 1563 г.

Карл IX и королева-мать явились к раненному адмиралу, чтобы выразить сочувствие, но гугенотские вожди потребовали от короля наказать виновных, угрожая покинуть Париж и взять дело мести в свои руки. Неясно, кто организовал покушение: испанцы, Гизы или Екатерина Медичи, которая, устранив адмирала, могла бы обратить мщение гугенотов против Гизов, столкнув «партии» между собой. Покушение не удалось, Колиньи остался жив, а гугеноты не скрывали готовности начать войну.

Франсуа Дюбуа. Варфоломеевская ночь. Между 1572 и 1584 г.
Музей изобразительных искусств, Лозанна

Срочно был созван королевский совет. Короля удалось убедить в том, что избежать новой войны можно, лишь устранив гугенотских вождей. В ночь с 23 на 24 августа к дому, где находился Колиньи, явились люди Генриха Гиза, которых пропустила стража, выставленная королем (ею командовал капитан из клиентелы Гизов). Адмирала убили, а его тело выбросили в окно. Ударил набат. Люди герцога Гиза и герцога Анжуйского врываются в дома, где разместились знатные гугеноты. Кальвинистов убивали и в Лувре. Генриху Наваррскому и его кузену, принцу Конде-младшему, сохранили жизнь, заставив перейти в католичество. В резне участвовала и городская милиция (ополчение горожан).

Утром в Париже разнеслась весть, что на кладбище Невинноубиенных расцвел сухой боярышник, в чем увидели знак одобрения содеяного. Погромы продолжались еще неделю, в том числе и в провинциальных городах – в Бордо, Тулузе, Орлеане, Лионе. В одном только Париже погибло от двух до трех тысяч человек – гугенотская знать, подозреваемые в кальвинизме парижане и члены их семей.

Взрыв народного гнева стал неожиданным для властей. Но если бы они хотели предотвратить резню, то средств у них для этого не было. Король взял ответственность на себя. Новый эдикт отменял право гугенотов иметь крепости. Религиозные свободы не были аннулированы, но переход в католическую веру всячески поощрялся. Во многих провинциях гугенотские общины прекратили существование.

Гугенотам удалось организовать сопротивление. Во время четвертой войны (1572–1573) королевская армия взяла ряд гугенотских крепостей, но так и не смогла овладеть главной твердыней – Ла-Рошелю. Командовавший осадой герцог Анжуйский заключил с гугенотами мир. Герцог торопился, получив известия о своем избрании на польский престол.

В Речи Посполитой, отличавшейся в ту пору веротерпимостью, противники кандидатуры Генриха Анжуйского рассказывали о его роли в Варфоломеевской ночи. Французские дипломаты повторяли версию, что Карл IX хотел покарать не протестантов, а мятежников, но любовь парижан к своему королю была столь сильной, что в результате народного гнева погибли и невинные. Если испанский король Филипп II и папа римский Григорий XIII приветствовали расправу, то Елизавета Английская и германские князья выражали возмущение. Любопытно, что в письме императору Максимилиану II казни безвинных подданных осуждает и Иван Грозный. Шок от Варфоломеевской ночи ни для кого во Франции не прошел бесследно. Религиозные войны будут продолжаться еще четверть века, но подобных погромов не повторится.

В 1573 г. протестанты создают объединение, которое историки назовут по аналогии с Нидерландами – Соединенные провинции Юга.

Если раньше гугеноты надеялись подчинить короля и навязать свою веру королевству, то теперь они создают нечто вроде своего государства, не признавая власть короля-тирана. Появилась масса памфлетов тираноборческого характера. Ф. Отман, Ф. Дюплесси-Морне, И. Жантийе и авторы многих анонимных сочинений настаивали на том, что суверенитет в стране принадлежит народу (т.е. дворянам, потомкам свободных франков), который со времен Хлодвиг избирал государя. Если же государь становится тираном, душит свободу и обременяет страну налогами, то народ может его свергнуть. Для этого у него есть защитники – принцы и Генеральные Штаты. Автор памфлета «Франко-Турция» утверждал, что целью Екатерины Медици и окруживших короля иностранцев (лотарингцев и итальянцев, учеников Макиавелли) является истребление всех знатных людей королевства, для чего и была задумана Варфоломеевская ночь. Эти памфлеты стали знаменем дворянской оппозиции, включавшей объединенные силы гугенотов и «недовольных» или «политиков», как называли умеренных католиков, противников религиозного насилия со стороны властей и черни.

Во время пятой религиозной войны (1574–1576), начатой гугенотами, умирает Карл IX. Генрих Валуа спешно покинул Польшу, чтобы занять французский престол под именем Генриха III (1574–1589). Новому королю пришлось столкнуться с большими трудностями. Брат короля Франсуа, герцог Алансонский, покинул Париж и примкнул к «недовольным». Принц Конде, а затем и Генрих Наваррский бежали из Парижа, отреклись от католичества и встали во главе гугенотов. Им на помощь пришли войска немецких протестантов. Губернаторы ряда провинций вышли из повиновения. Правительство не располагало ни деньгами, ни солдатами, чтобы справиться с врагами, несмотря на ряд побед герцога Гиза, командовавшего войсками католиков.

Генриху III пришлось заключить выгодный для гугенотов мир – им передавались 12 крепостей; гарантировалась свобода вероисповедания повсюду, кроме Парижа; признавалась политическая организация протестантов. События Варфоломеевской ночи были объявлены преступлением, гугенотам возвращалось конфискованное имущество. Договор получил название «мира Месье» (так официально именовали брата короля). Франсуа Алансонский, главный посредник на переговорах, получил в апанаж Анжу (и с тех

пор именовался герцогом Анжуйским), Турень и Берри. Генрих Наваррский был назначен губернатором Гиени, а принц Конде – Пикардии.

Несмотря на то что Гизам достались пять провинций, католики были возмущены условиями «мира Месье». Ответом на него стало создание Католической лиги. Ее участники давали клятву защищать веру. Но в этот союз допускали не всех. По мнению лигеров, «чудо» Варфоломеевской ночи не привело к окончанию войн, потому что к святому делу примкнули люди с нечистыми помыслами: чернь занималась грабежами, под покровом религии сводились личные счеты, а королевская власть преследовала своекорыстные цели, не торопясь восстанавливать религиозное единство. Лигеры решили вести войну самостоятельно. В «священный союз», возглавляемый Гизами, вступало не только верное им католическое дворянство, но многие из состоятельных горожан и некоторые чиновники. Помимо борьбы с гугенотами Лига требовала «возвращения французским провинциям тех прав, преимуществ и старинных вольностей, какими они пользовались при короле Хлодвиге». Королевская власть рисковала оказаться в изоляции перед лицом Католической лиги, гугенотов и «недовольных».

ГЕНРИХ III. ПОПЫТКИ НОВОВВЕДЕНИЙ

Осознав угрозу со стороны Лиги, король в декабре 1576 г. возглавил ее, чтобы тем самым нейтрализовать это движение. В 1576–1577 гг. Генрих III созвал в Блуа Генеральные Штаты, пытаясь восстановить мир в стране. Но депутаты, среди которых преобладали сторонники Лиги, настаивали на войне с гугенотами. Тогда в мае 1577 г. король начинает шестую Религиозную войну. На его стороне выступили и войска Лиги, и лидеры «недовольных». После ряда побед над гугенотами уже 17 сентября король заключает мирный договор в Бержераке, менее благоприятный для гугенотов, чем «мир Месье» (им разрешалось иметь не более одного храма в каждом судебном округе – баляже), но признававший существование протестантского «государства в государстве». Мир дал королю возможность распустить Лигу. Он продолжал собирать налоги на войну, хотя военных действий старался избегать, за исключением непродолжительной седьмой Религиозной войны (1580), носившей локальный характер.

Генрих III учредил орден Святого Духа, призванный объединить самых знатных дворян. Награждая голубой лентой ордена сторонников Гизов или Бурбонов, король надеялся создать свою собственную клиентелу. Он приближал к себе молодых провинциальных дворян, осыпая их милостями и доверяя важные посты, причем выбирал их не по принципу знатности или воинских заслуг – королевская милость мыслилась как единственное основание для возвышения тех, кого король считал своими друзьями. Это многих шокировало; королевских друзей презрительно называли «миньонами» («малышами»).

По замыслу Генриха III, идею королевского величия закреплял новый придворный церемониал. Двор представлял собой своеобразный театр, где главная роль отводилась королю, являвшемуся в блеске своей славы. Сорок пять преданных гасконских гвардейцев охраняли короля, никого не подпуская к нему без доклада. Изысканность поведения и утонченная вежливость

сочетались при дворе с нарочитой роскошью. Изящные манеры (именно Генрих III ввел пользование вилок и носовым платком) призваны были смягчить нравы французского дворянства. Но такие меры шли вразрез с рыцарско-феодальной традицией, рассматривавшей короля как первого среди равных. Своеобразным ответом на насаждаемую в XVI в. абсолютистскую идеологию стали дуэли, погубившие больше дворян, чем их пало в сражениях Религиозных войн. «Настоящее» дворянство оберегало свое главное достояние – честь – от посягательств короля и от притязаний нуворишей, стремящихся присвоить не только привилегии, но и моральные ценности дворянства.

Будучи ценителем книг и меценатом, Генрих III привлекал ко двору лучших музыкантов, архитекторов и поэтов. В Париже устраивались величественные театральные постановки и проводились ученые диспуты. В Париже в ту пору преподавал Джордано Бруно, шла интенсивная работа политико-правовой мысли: Жан Боден в «Шести книгах о государстве» разрабатывал понятие суверенитета, президент Парижского парламента Барнабе Бриссон трудился над составлением полного свода королевских законов. В 1579 г. в ответ на жалобы Генеральных Штатов лучшие юристы подготовили пространный «Блуаский ордонанс».

Перед Генрихом III остро стоял финансовый вопрос. Ведение войн (или хотя бы их имитация), роскошь двора, дары миньонам, величественная программа строительства требовали больших расходов; в то же время налоговая база была сужена: отпали гугенотские провинции, Штаты рекомендовали королю снизить расходы. Правительство провело денежную реформу, изыскивало новые формы обложения, но денег не хватало.

Главным было отсутствие наследника. Генрих III и его супруга Луиза Лотарингская совершали изнурительные паломничества к святым местам. Приверженец новых форм благочестия, король участвовал в процессиях братства «серых кающихся», надев мешок с прорезями для глаз, он шел в толпе, предаваясь бичеванию. Но все напрасно...

ВОЙНА ТРЕХ ГЕНРИХОВ И ПАРИЖСКАЯ ЛИГА

Ситуация обострилась после смерти брата короля в 1584 г. Согласно «Салическому закону», наследником становился гугенот Генрих Наваррский. Но правила престолонаследия противоречили другому «фундаментальному закону»: король должен быть защитником церкви и врагом еретиков. Перспектива того, что трон займет человек, уже неоднократно менявший веру, была невыносима для большинства католиков.

В 1584 г. восстанавливается Католическая лига во главе с герцогом Ги-зом. В Париже создается своя Лига. Если среди советников парламента, муниципальной олигархии и высшего духовенства авторитет короля был велик, то руководители кварталов, выборные капитаны городской милиции, судейские средней руки и приходские священники по большей части примкнули к Лиге. Ее участники опасались, что гугеноты во главе с «еретиком Бурбоном» готовят Варфоломеевскую ночь против католиков.

Гугенотские тираноборцы смолкли, как только их лидер стал наследником престола, но их аргументы подхватили тираноборцы католические.

Их памфлеты рисовали действия короля во все более мрачном виде. В новом церемониале видели желание унижить дворянство и ввести чужеземные обычаи, в гасконской страже – страх короля-тирана перед подданными, в дружбе с «миньонами» – содомский грех, в благочестии короля – лицемерие, в отказе от войны с гугенотами – потворство ереси. Ударом явился отказ католического духовенства обеспечивать выплаты по муниципальным рентам, недовольство королем перешло в новую стадию.

Генрих III пытался маневрировать. Не преуспев в борьбе с Лигой, в июле 1585 г. он был вынужден подписать Немурский эдикт, аннулировавший свободы гугенотов и лишивший Генриха Наваррского прав на престол. Это привело к восьмой Религиозной войне – «Войне трех Генрихов» (1586–1587). Генрих III надеялся, что в этой войне Генрих Гиз и Генрих Наваррский будут взаимно ослаблены. Против Генриха Наваррского он двинул армию герцога Жуайёза, своего «миньона». Генриху Гизу с небольшим войском было приказано помешать вторжению во Францию немецких рейтар, нанятых гугенотами. Однако Жуайёз погиб, потерпев поражение в Гиени. Гизу же удалось отразить рейтар и прослыть спасителем отечества.

Встревоженный ростом популярности герцога среди парижан, Генрих III запретил ему появляться в столице, а когда тот не послушался, ввел в Париж для устрашения швейцарских наемников. Но тем самым нарушалась давняя городская привилегия – свобода от размещения войск, к тому же солдаты вызвали страх грабежей или «реванша» за Варфоломеевскую ночь. 12 мая 1588 г. улицы Парижа были перегорожены баррикадами – большими винными бочками (*barriques*), набитыми землей и скрепленными между собой цепями. На баррикады вышли даже те горожане, которых король считал своей опорой – сила соседской солидарности оказалась сильнее. Солдаты попали в западню. Дальнейшее кровопролитие предотвратило лишь вмешательство герцога Гиза, подлинного «короля Парижа». После «Дня баррикад» король в гневе покинул столицу.

Остро нуждаясь в деньгах, Генрих III созвал в Блуа Генеральные Штаты, однако большинство депутатов оказалось под влиянием Лиги. Не дав королю денег, они потребовали заменить на всех постах его ставленников лигерами, ввести Генриха Гиза в Королевский совет и нанести решительный удар «еретику Бурбону». И король вновь вынужден был уступить. Все чаще вспоминали, что Лотарингские герцоги – прямые потомки Карла Великого и что прав на престол у них не меньше, чем у Валуа, а заслуги перед Францией и перед Церковью огромны.

Рискуя утратить власть, король решил нанести упреждающий удар. Как высший судья и источник права, он считал себя вправе на «*coup de majesté*» – «сверхзаконное» насилие, необходимое тогда, когда государственному интересу угрожает серьезная опасность. Так же как и Варфоломеевская ночь, эта мера принималась ради сохранения мира. На сей раз король надеялся обойтись без лишних жертв, считая, что стоит убрать Гизов, и Лига исчезнет как дым, а король вновь обретет всю полноту власти.

22 декабря 1588 г. Генриха Гиза, шедшего на заседание Королевского совета, закололи гасконские телохранители короля. Его брат, кардинал Лотарингский, был схвачен и задушен в темнице. Король сам зачитал список преступлений Гизов. Тела убитых сожгли, а пепел развеяли над Луарой.

Известия, пришедшие из Блуа, вызвали в Париже и в других городах взрыв негодования и ужаса. Король явил, наконец, свое лицо, скрываемое за притворным благочестием, – таков был лейтмотив памфлетов и проповедей. Теолог Жан Буше предположил, что коварству Генрих Валуа научился у Ивана Грозного. В сочельник 1588 г. в Париже толпы детей и женщин шли в одних рубахах со свечами в руках и по команде задували их с криком: «Да загасит Господь так же и династию Валуа!». Сорбонна издала постановление, позволяющее подданным собирать деньги на войну с «тираном Валуа» и освобождавшее от данных ему клятв. Рьяные лигеры арестовывали тех, кого подозревали в связях с королем, добившись, чтобы Парламент принял постановление против Генриха III.

Вопреки ожиданиям короля, Лига, оставшись без лидеров, не распалась, так как помимо верности вождю ее сплачивали связи горизонтальной солидарности, столь характерные для средневекового города. В каждом из шестнадцати кварталов Парижа действовали ячейки лигеров; на их основе был организован Совет шестнадцати, взявший в свои руки борьбу за святое дело.

Активисты «Шестнадцати» не были «чернью», как их рисовали противники. Они являлись людьми известными, но известными в основном на уровне своих кварталов. Высшие же муниципальные должности были монополизированы кланами чиновной олигархии. Парижане подозревали, что верность королю они предпочитают верности городу и вере. По мнению лигеров, этих предателей («политиков») надлежало заменить более достойными горожанами, рьяными католиками. Так думали во многих городах, присягнувших Католической лиге.

После гибели Гизов Лигу возглавил герцог Майеннский, младший брат Генриха Гиза. В Генеральный совет Лиги вошли верные ему дворяне, чиновники, представители городов и духовенства. Влияние «Шестнадцати» в этом органе было ограничено, но герцог не порывал с ними на тот случай, если в руководстве Лиги возобладали бы люди, склонные к миру с королем.

Генрих III действовал решительно. Он перенес в Тур «Парламент в изгнании», куда стекались советники, бежавшие из Парижа. Король примирился с Генрихом Наваррским. Королевским войскам и закаленным в боях гугенотам удалось нанести лигерам ряд поражений. Летом 1589 г. сорокатысячная армия двух королей осадила Париж. Этой грозной силе противостояла ярость памфлетистов и проповедников, воодушевляемых герцогиней де Монпансье, сестрой Гизов. Но слышались и голоса сторонников короля, предупреждавших, что лигеров повесят, а герцогиню сожгут, как ведьму.

1 августа 1589 г. к королю прибыл монах из Парижа, чтобы передать известия от парижских роялистов. Генрих III решил выслушать эти секретные сведения наедине, и тут монах выхватил нож и смертельно ранил короля... Монаха допросить не удалось – гасконцы убили его на месте. Позже выяснилось, что это был Жак Клеман, молодой доминиканец, недавно прибывший в Париж. В лихорадочной столичной атмосфере экзальтированный юноша стал слышать небесные голоса, побуждавшие его, пожертвовав собой, спасти Париж и все королевство от Антихриста.

ГЕНРИХ IV: ОТ «ЕРЕТИКА БУРБОНА» К «ХРИСТИАННЕЙШЕМУ КОРОЛЮ»

Умирая, Генрих III успел сказать своему преемнику, что, лишь приняв католичество, он станет королем Франции. Новый король Генрих IV (1589–1610) оказался в сложном положении. Губернаторы присваивали право собирать королевские налоги и назначать своих людей на королевские должности, города выходили из повиновения, дворяне, верные Генриху III, не собирались хранить верность Бурбону. Единственной опорой Генриха IV оставались гугеноты, и рисковать их поддержкой, меняя веру, он не мог. Со своей немногочисленной армией король отступил в Нормандию; его теснили превосходящие силы герцога Майеннского.

Лигеры избрали своим королем престарелого кардинала Бурбона, находившегося в плену у Генриха IV. Было ясно, что речь идет о временном решении. Герцог Майеннский надеялся предложить свою кандидатуру, но для этого ему нужно было покрыть себя славой военных побед, а их не было. Генрих IV, получив помощь из Англии, нанес ему поражение. Но и королю не удалось захватить Париж. Страшным для парижан было лето 1590 г., когда король держал столицу в голодной блокаде, но город не сдавался – на улицах встречались процессии монахов, клириков и студентов в доспехах поверх сутан, с крестами и аркебузами на плечах. В каждой церкви по «билетам», составленным идеологами Лиги, читались проповеди, разъяснявшие, что если падет Париж, этот «новый Иерусалим», падет вера, а с ней и весь мир. Лигеры придумали новый календарь, где отмечались: «День святых баррикад», «Тезоименитство спасителя веры Жака Клемана», «день мучеников Христовых Гизов»...

Париж спасла помощь Филиппа II: из Нидерландов подошел отряд испанцев под командованием герцога Пармского, прорвавший блокаду Парижа. Но войска Генриха IV постоянно находились в окрестностях города.

Чем хуже шли дела у Лиги, тем громче активисты «Шестнадцати» заявляли, что статус человека должен определяться не благородством и богатством, но рвением в служении святому делу. От слов радикалы перешли к делу. 15 ноября 1591 г. были казнены президент Парламента Барнабе Бриссон (он так и не закончил свод законов королевства) и еще два советника. «Совет Шестнадцати» требовал создания новой «Огненной палаты против еретиков», выборов католического короля, поставленного под контроль Генеральных Штатов, сохранения всех привилегий городов и духовенства.

Прибывший в Париж герцог Майеннский наказал виновных и разогнал «Совет Шестнадцати», опасаясь, что такие действия оттолкнут от Лиги ее умеренных сторонников. И действительно, инициатива явно переходила к Генриху IV. К нему в Тур устремлялись все новые беженцы, одна за другой провинции заявляли о верности королю, его право на престол признало большинство епископов Франции. Вокруг короля сложился штаб блестящих интеллектуалов, перехвативших инициативу в «памфлетной войне». Политическое чутье подсказывало королю, что ситуация меняется в его пользу.

Кризис в стране достиг апогея. Крестьянские отряды в Бретани, Сентонже, Ангума уничтожали любых солдат и сборщиков налогов, появлявшихся на их территории. В Гиени повстанцы – кроканы, чей боевой клич был «аух

сгоцантс!» («на грызунов!»), – нанесли ряд поражений дворянским армиям, отказывались платить налоги, угрожали перебить всех дворян. Призывы радикальных лигеров к пересмотру социальной иерархии напугали дворян, чиновников и буржуа. Генрих IV представлялся единственным, кто мог спасти от социального хаоса и от утраты страной независимости. На Генеральных Штатах, собранных лигерами в Париже в январе 1593 г., чтобы решить, кто будет королем, для всех стало ясно, что испанцы навязывают свою кандидатуру (дочь Филиппа II). Поэтому, когда 25 июня 1593 г. Генрих IV торжественно перешел в католическую веру, лигерские города один за другим начали присягать королю. В феврале 1594 г. в соответствии с коронационным чином прошло миропомазание Генриха IV. 21 марта 1594 г. во главе четырехтысячного отряда он въехал в город через ворота Сен-Дени, заранее открытые лигерским комендантом Парижа Бриссаком, которому был обещан маршальский жезл и солидная пенсия. Лигерам не удалось организовать сопротивления даже в Латинском квартале, их цитадели. Самым рьяным пришлось удалиться в изгнание. Остальным была объявлена амнистия. Парламент и Сорбонна отменили постановления, принятые против короля. Вину за тираноборческую агитацию они переложили на иезуитов, воспользовавшись тем, что студент иезуитской коллегии Жан Шастель пытался убить короля. В январе 1595 г. иезуитов изгнали из Франции.

Король еще несколько лет отвоевывал страну, перемежая военные действия торгом с вождями Лиги. В 1595 г. он объявил войну Испании, сумев осуществить план сплочения дворянства в «патриотической» войне. Этому способствовало и папское признание Генриха IV. На его сторону перешли герцог Майеннский и герцог Гиз, сын убитого Генриха Гиза. В ходе полугодовой осады вчерашним лигерам и роялистам в 1597 г. удалось взять Амьен, захваченный испанцами. В феврале 1598 г. сдался последний из лигеров – губернатор Бретани герцог Меркёр. 13 апреля 1598 г. король подписал «Нантский эдикт», формально завершивший Религиозные войны. Повторяя серию «Эдиктов терпимости», «Нантский эдикт» позволял «приверженцам так называемой реформированной религии» иметь свои церкви (хотя и не во всех городах), уравнивал их в правах с католиками, разрешал протестантам занимать государственные должности. Секретные статьи «Нантского эдикта» предоставляли гугенотам несколько крепостей, право созыва собраний.

Религиозные войны закончились «вничью» – подойдя к краю пропасти, страна осознала необходимость идти на компромиссы. От распада Францию спас и запас прочности, имевшийся у королевской власти, и традиции французского права, и сила церковного галликанизма (даже лигеры полагали, что решения французской церкви и Сорбонны выше папских булл), и законы рыцарской солидарности, объединявшие французское дворянство, и скреплявший страну «железный каркас бюрократии».

Победителем из смуты вышел абсолютизм, который с новой династией Бурбонов приобретает свои классические черты.

СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

Испания и Португалия в конце XV – XVI в. находились на вершине своего могущества, их роль в истории Европы и всего мира была в эту эпоху как никогда высока, однако в том же XVI в. обе страны вступают в период упадка, для Португалии сопровождавшегося к тому же утратой независимости. Одновременно в обеих странах это был и период расцвета культуры Возрождения. Сходство географического положения, природных условий и исторических судеб, а с конца XV в. – похожая роль в Великих географических открытиях и создании колониальных империй обусловили, при ряде различий, немало общих черт в развитии Испании и Португалии.

ИСПАНИЯ В ПРАВЛЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКИХ КОРОЛЕЙ

Время правления Фернандо и Изабеллы (1474–1516 гг.) ознаменовалось в Испании переменами во многих областях жизни. В 1469 г. принцесса Изабелла Кастильская вступила в брак с наследным принцем Арагона Фернандо (Фердинандом). После смерти своего брата Энрике IV (1454–1474) Изабелла сохранила для себя кастильский трон в гражданской войне 1475–1479 гг. против местной знати и португальского короля, который претендовал на власть от имени своей жены Хуаны – дочери Энрике IV. В 1479 г. Фернандо стал королем Арагона, что привело к династической унии Кастилии и Арагона и в конечном счете к объединению Испании. Поскольку Фернандо, будучи правнуком короля Хуана I, имел и собственные права на Кастилию, вопрос о его участии в управлении страной урегулировал специальный документ – «Арбитражная сентенция в Сеговии» (1475).

Союз Кастилии и Арагона в этот период был чисто династическим, в основном они сохранили самостоятельность и остались экономически разобщенными; кастилец в Арагоне и арагонец в Кастилии по-прежнему считались иностранцами. Фернандо и Изабелла, принимавшие наиболее важные решения совместно, восстановили в стране порядок и провели серьезные реформы, направленные главным образом на укрепление королевской власти и подчинение ей различных институтов и политических сил. Искусно используя противоречия внутри знати и опираясь на поддержку ее части, а также мелкого дворянства, церкви и городов, монархи сумели обуздать мятежных аристократов. Они приказали срыть множество замков, служивших очагами сопротивления, лишили знать крупных пожалований, сделанных предыдущими монархами, заставили вернуть короне узурпированные земли. Важную роль сыграла реформа королевского совета, в котором главную роль стали играть не представители дворянства, а *летрадо* – должностные лица с университетским образованием, часто незнатного происхождения; обязанные только короне своим возвышением, они были ее надежной опорой.

Фернандо занимался в основном кастильскими делами и почти не бывал в Арагоне; показательно, что даже важнейшее решение об отмене личной зависимости крестьян в Каталонии (Гуадалупская сентенция 1486 г.) он принял, не покидая Кастилии. Поэтому в 1494 г. для управления Арагоном, Каталонией и Валенсией был создан Совет по делам Арагона.

Влияние сеньориальных судов сократилось в результате консолидации системы высших судебных органов, именовавшихся канцеляриями. Важную роль в ослаблении знати и укреплении позиций короны сыграл переход к Фернандо должности магистра духовно-рыцарских орденов (Сантьяго, Калатравы и Алькантары); в XVI в. это звание было окончательно закреплено за испанскими королями. Упорядочив свои доходы, монархи стали меньше зависеть от городов, в которых резко возросла власть представителей короны – коррехидоров. Показательно, что кастильские кортесы между 1480 и 1498 гг. не собирались ни разу, что свидетельствует о снижении их значения, хотя в дальнейшем череда смертей детей и внуков Изабеллы заставила собирать их почти ежегодно – для клятвы новому наследнику. Усилению влияния короны в городах способствовало возобновление под ее контролем деятельности «Святой эрмандасы», отрядов горожан, призванных обеспечивать порядок в городах и на дорогах. Хотя сами Фернандо и Изабелла предпочитали лишний раз не подчеркивать свою возросшую власть, реально она стала гораздо более авторитарной.

Важные изменения произошли в религиозно-церковной сфере. Главным достижением Фернандо и Изабеллы и сами они, и современники считали завоевание в 1482–1492 гг. Гранадского эмирата, завершившее Реконкисту. Монархи покровительствовали Церкви, стремясь в то же время поставить ее под свой контроль, реформировать и очистить от злоупотреблений. В сложной и конфликтной религиозной обстановке, вызванной нежеланием иудеев и мусульман переходить в христианство и нарастанием антисемитских настроений в обществе, выливавшихся в погромы, королевская чета, хотя и не без колебаний, решила ввести в стране инквизицию (1481), которую возглавил Томас де Торквемада. В конце XV – начале XVI в. испанская инквизиция отличалась особой активностью, осудив на смерть тысячи людей. В 1492 г. все иудеи, не пожелавшие креститься, подверглись изгнанию из страны. На рубеже XV–XVI вв. вынуждены были перейти в христианство и испанские мусульмане. Религиозные гонения во многом были вызваны политическими соображениями: стремлением ввиду нараставшей османской угрозы в сжатые сроки привести подданных к единой вере. Однако такая политика стала трагедией для религиозных меньшинств, имела губительные последствия для социально-экономического развития Испании и привела к нарастанию нетерпимости.

Религиозные мотивы сыграли важную роль и в снаряжении в 1492 г. экспедиции Колумба для поисков западного пути в страны Востока, где предполагалось вести не только торговлю, но и миссионерскую деятельность, а также найти союзников против мусульман. За успехи в борьбе с врагами католицизма римский папа Александр VI в 1496 г. удостоил Фернандо и Изабеллу почетного титула Католических королей.

Решив самые насущные внутренние проблемы, испанские монархи активизировали внешнюю политику. Были окончательно присоединены

Канарские острова, стратегическое значение которых выросло с открытием Америки. Сразу после завоевания Гранады возникли замыслы продолжения экспансии в Африку, которые воплотились во взятии Мелильи (1497), Орана (1509) и Триполи (1511). В преддверии Итальянских войн Фернандо добился от Франции по Барселонскому договору 1493 г. возвращения ранее утраченных Руссильона и Сердани; в обмен он обещал не препятствовать Франции в Италии, но позже нарушил эту договоренность. Тордесильяский договор 1494 г. урегулировал назревавший конфликт с Португалией за влияние в Атлантике. Династические браки детей Католических королей, явно направленные против Франции, укрепили связи с Габсбургами, Португалией и Англией. Однако вследствие внезапной смерти их единственного сына Хуана, старшей дочери Изабеллы и старшего внука Мигеля (наследника и Испании, и Португалии), наследницей стала вторая дочь, Хуана – жена Филиппа Габсбурга, сына императора Максимилиана I. В результате сын Хуаны и Филиппа, будущий император Карл V, смог создать огромную державу.

Важные изменения происходили в это время в области культуры, главным центром которой являлся двор Католических королей. В 1473 г. в Испании появилось книгопечатание, сразу же поставленное под контроль государства и Церкви. При дворе долгое время пребывали итальянские гуманисты Пьетро Мартире д'Ангиера и Л. Маринео Сиколо, способствовавшие распространению в Испании идей итальянского гуманизма. В Испанию приглашаются итальянские архитекторы, скульпторы и художники, а некоторые испанские мастера учатся и работают в Италии. С королевским двором был связан и знаменитый гуманист Элио Антонио де Небриха – филолог, историк и педагог, автор трактата «Искусство кастильской речи», в котором он разработал литературные нормы кастильского языка. Позже по образцу Небрихи испанские миссионеры в Америке составляли грамматики индейских языков.

Другой ключевой фигурой рубежа XV–XVI вв. являлся духовник Изабеллы кардинал Ф. Хименес де Сиснерос, с 1495 г. возглавлявший испанскую Церковь, а с 1507 г. и инквизицию; дважды (1506–1507, 1516) он исполнял обязанности регента Кастилии. Руководитель церковной реформы, призванной очистить Церковь от злоупотреблений, поборник не показной, а искренней и глубокой веры, он хотел видеть текст Библии очищенным от искажений; все это сближало его с Эразмом Роттердамским. Под руководством Сиснероса лучшие гуманисты того времени осуществили издание «Многоязычной Библии», опубликовав ее тексты на латыни, греческом и иврите, а также комментарии к ним. Чтобы дать образование людям, способным осуществить его замыслы, Сиснерос основал университет в Алькале-де-Энарес, ставший одним из важнейших центров культуры Возрождения.

Сама королева была выдающимся меценатом, с ее именем связано создание шедевров архитектуры и скульптуры: монастырей Сан-Хуан-де-лос-Рейес в Толедо, Санто-Томас в Авила, Картуха-де-Мирафлорес под Бургосом. Испано-фламандский стиль, распространенный в то время в Испании и представлявший собой своеобразный переход от поздней готики к Ренессансу, не случайно получил и другое название – «исабелино». С другой стороны, именно в правление Фернандо и Изабеллы и с их санкции произошел поворот в отношении королевской власти к культурным традициям ислама

и иудаизма, началось их сознательное искоренение, вплоть до сожжения по приказу Сиснероса множества ценнейших арабских рукописей.

После смерти Изабеллы (1504) уния Кастилии и Арагона на время распалась: королевой Кастилии стала Хуана, причем ее муж Филипп (в Испании – Филипп I), не довольствуясь ролью консорта, пытался взять реальную власть в свои руки, что вызвало протест кастильской знати, расколовшейся на сторонников Филиппа и Фернандо. Последний вскоре женился вторично на Жермене де Фуа (брак с которой укрепил его династические права на Наварру). Уния распалась бы в случае рождения у Фернандо сына (который бы унаследовал Арагон, но не Кастилию), но единственный сын от этого брака прожил всего несколько часов. Филипп I, однако, внезапно умер (1506), Хуана была объявлена психически больной и недееспособной (отсюда ее прозвище Безумная), и регентом Кастилии с 1510 г. до совершеннолетия ее сына Карла стал Фернандо. Хотя в это время он уделял больше внимания итальянским делам, чем испанским (в которых его замещал Сиснерос), важным его успехом стало завоевание в 1512 г. части Наварры (к югу от Пиренеев).

ИСПАНИЯ В ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА V

После смерти Фернандо, короля Арагона и регента Кастилии, королем Испании был провозглашен в 1516 г. в Брюсселе шестнадцатилетний сын Хуаны и Филиппа Карл. В Испании многие сочли незаконными его притязания на трон, поскольку официально королевой оставалась его мать и при ее жизни Карл мог быть лишь регентом. К тому же Карл, выросший в Нидерландах, не знал языка и обычаев унаследованной им страны, и общественное мнение было настроено в пользу его младшего брата Фердинанда (будущего императора Фердинанда I), воспитывавшегося в Испании. Регент кардинал Сиснерос все же добился от испанцев признания Карла, однако подданные, опираясь на местные традиции, настаивали на взаимности обязательств короля и королевства, которой Карл пренебрегал. Недовольные апеллировали к общему благу, которое следует защищать даже и против короля, если он действует, как тиран. А потому народ, волю которого выражают города и кортесы, имеет право сопротивляться тирану вплоть до замены его на другого короля. Ставя интересы королевства выше интересов правящей династии, кортесы добивались ограничения монархии в свою пользу и стремились приобрести контроль над королевскими доходами, органами управления и назначением на должности. Карл же, находясь под влиянием фламандских советников, принимал решения единолично и пренебрегал испанскими традициями, что в сочетании с другими факторами вызвало сложное по составу и характеру социально-политическое движение – восстание комунерос 1520–1522 гг. (так называли участников выступлений городских общин против королевской политики).

Избрание Карла императором в 1519 г. потребовало от него огромных расходов, бремя которых он возложил на Испанию. Не считаясь с традициями и вольностями страны, Карл видел в ней источник средств для имперской политики и раздавал должности своим фаворитам-фламандцам, что вызывало широкое недовольство. В мае 1520 г. король, сочетая угрозы с подкупом,

добился согласия депутатов кастильских кортесов на очередную субсидию, но тут же нарушил данные обещания и покинул страну; наместником остался фламандец кардинал Адриан Утрехтский. Сразу же в городах Кастилии (Тоledo, Сеговии и др.) начались волнения, в которых участвовали как простые ремесленники, так и городские дворяне, возглавившие движение, а также представители духовенства. Повстанцы расправлялись с депутатами, превысившими полномочия, смещали представителей короля и брали власть в свои руки. В июле 1520 г. представители ряда городов собрались в Авила и образовали хунту (союз) с собственным войском, во главе которого встал Хуан де Падилья. Восставшие требовали пресечения вывоза денег из Испании и запрета назначения иностранцев на государственные должности, постоянного пребывания короля в стране, установления контроля над Королевским советом и доходами монарха, расширения городского самоуправления, представительства и прав кортесов.

Осенью 1520 г. хунта стала в Кастилии хозяином положения; наместник и сам король вели с ней переговоры и были готовы к уступкам, тем более что начавшаяся Реформация и угроза войны с Францией не позволяли Карлу сосредоточиться на испанских делах.

К восстанию примкнуло множество крестьян, выступавших против сеньоров; фактически оно приняло характер гражданской войны. Однако радикализация движения в деревне и в городе оттолкнула от него часть дворян, чему способствовала и политика властей, стремившихся расколоть силы мятежников; на сторону короля перешли города Андалусии, сначала также затронутой восстанием, и Галисии. Военные действия велись с переменным успехом, но 23 апреля 1521 г. восставшие были разбиты при Вильяларе. Попавшие в плен лидеры во главе с Падильей были казнены. После этого восстание было быстро подавлено всюду, кроме Толедо, где оборону возглавила вдова Падильи Мария Пачеко; город сопротивлялся более полугода. Восста-

Тициан. Портрет императора Карла V. Прадо, Мадрид © Photo Scala, Florence

ние комунерос, охватившее большую часть Кастильского королевства, стало одним из крупнейших в Западной Европе XVI–XVII вв. Под его влиянием произошли восстания Херманий (Жерманий) в Валенсии (1520–1522) и на Балеарских островах (1521–1523), в которых социальная составляющая была более выраженной, чем в Кастилии. Вопрос об историческом месте этих восстаний остается спорным: одни историки подчеркивают черты сходства с раннебуржуазными революциями, другие отмечают, что антиабсолютистская направленность движений носила в целом средневековый характер. Их подавление имело важные последствия для дальнейшего развития страны, оно усилило королевскую власть, ослабило торгово-предпринимательские слои и изменило баланс социальных сил в пользу дворянства.

Карл V унаследовал страну большую и достаточно сильную в военном отношении, но слабо заселенную и не слишком развитую экономически. К 80-м годам XVI в., после века благоприятной демографической конъюнктуры, ее население едва превысило 8 млн – вдвое меньше, чем во Франции, по территории сопоставимой с Испанией. Наиболее населенными были северные и отчасти центральные районы Кастилии, а также Валенсия. Среди городов преобладали мелкие и средние; в самых крупных – Севилье, Валенсии, Гранаде, Толедо (а с конца XVI в. и в Мадриде) – насчитывалось по несколько десятков тысяч жителей, максимум около ста тысяч.

Аграрная страна со слабо развитым ремеслом, Испания до Конкисты Америки располагала лишь одним богатством – шерстью овец-мериносов, пользовавшейся большим спросом на европейских рынках. Союз владельцев овечьих отар (Места) регулировал их перегон с летних пастбищ на зимние и обратно; постепенно он приобрел огромное влияние и многочисленные привилегии. Но деятельность Месты, при всем ее размахе (а в период расцвета ее стада насчитывали до 2,5 млн голов), нередко имела негативные последствия для экономики. Злоупотребления Месты наносили ущерб земледелию, а ее заинтересованность в экспорте шерсти противоречила интересам испанского сукноделия, нуждавшегося в дешевом сырье.

В первой половине XVI в. благоприятная экономическая конъюнктура способствовала развитию сельского хозяйства: расширялись посевные площади, росла товарность земледелия и его интенсификация. Благодаря расширению городских рынков, а затем и ввозу американского серебра быстро росли цены на предметы первой необходимости. «Революция цен» проявилась здесь сильнее, чем в любой другой стране. Так, в 1511–1549 гг. цены на вино выросли более чем в семь раз, цены на оливки – в три раза. Для крестьянства это означало возможность увеличения доходов, однако введенные с 1503 г. максимальные цены (таксы) на хлеб были выгодны потребителям, но не производителям. Хотя в XVI в. таксы не раз повышались, цены на зерно росли намного медленнее, чем на другие продукты, и производить его становилось невыгодно. Крестьяне сокращали посевы зерновых, заменяя их виноградниками или оливами, и страна все более зависела от привозного хлеба.

В положении крестьянства Кастилии имелись заметные различия между Севером, где меньше проявилась имущественная дифференциация, и центральными и южными районами, где резко обозначились два полюса: немногочисленная верхушка крестьянства, с одной стороны, и мелкие арендаторы

и поденщики, составлявшие местами более половины сельского населения — с другой. В целом лично свободное крестьянство отличалось высоким уровнем социальных притязаний, оно активно отстаивало свои права в тяжбах с сеньорами (нередко успешных) и покидало земли наиболее ненавистных из них.

Испанское общество в XVI в. сохраняло деление на три сословия, хотя границы между дворянством и податным сословием стали более проницаемыми, чем прежде, и нередко преодолевались аноблировавшимися «новыми богачами». Привилегированные сословия, дворянство и духовенство, являлись крупнейшими земельными собственниками, в то время как значительная часть крестьянства страдала от малоземелья. Отличительной чертой Испании являлся очень высокий удельный вес дворянства (в конце XVI в. в среднем около 10 % населения), что предполагало его неоднородность и вовлеченность многих простых идалго в хозяйственную деятельность.

Верхушку сословия составляла титулованная знать — немногим более сотни самых богатых, знатных и влиятельных семейств страны (прежде всего кастильских), располагавших баснословными богатствами и огромным влиянием. Однако возможности ее экономической деятельности жестко ограничивались традиционными представлениями и правилами майората, закреплявшими архаичные методы хозяйствования и не дававшими знати окончательно разориться. Более свободными в своей деятельности были средние слои дворянства — кабальеро; многие из них вели свое хозяйство весьма успешно. Низшие слои дворянства, многочисленные идалго, как правило, были ограничены в средствах и нередко разорялись. Глубоким различиям в экономическом положении верхушки дворянства и его основной массы соответствовал и заметный социальный разрыв, сказавшийся в уязвимости сословного положения обедневших идалго: их часто заносили в списки налогоплательщиков, и они вынуждены были доказывать свой статус в разорительных тяжбах. Вместе с тем идалго, потерявшие состояния и дворянские титулы, часто не могли расстаться с сословными предрассудками. Нищий и праздный идалго, живущий впроголодь, но не унижающий себя трудом — характерный литературный персонаж того времени.

Торгово-предпринимательские круги, при всех региональных различиях, в целом оставались экономически слабыми и политически плохо организованными. В сословном обществе, где господствовало дворянство, а политика королевской власти почти не учитывала их интересы, они не видели перед собой лучшей возможности возвышения, чем аноблирование. Как правило, это сопровождалось отказом от прежних занятий.

Отличительной чертой социальной структуры Испании XVI в. было наложение на обычную иерархию деления на «старых христиан» и «новых христиан» (*конверсо* — «новообращенных»). Последние подвергались дискриминации с помощью статуты «чистоты крови»: тем, о ком было известно, что среди их предков числились арабы и особенно евреи, был закрыт путь в университеты, в духовно-рыцарские ордена и на многие должности, а инквизиция постоянно подозревала их в тайном исповедании религии своих предков. Представления о «чистоте крови» влекли за собой представления о «чистоте занятий»: некоторые торгово-ремесленные занятия, ассоциировавшиеся с иноверцами, многие считали недостойными не только дворянина,

но и любого испанца. «Чистота крови» стала в Испании важным фактором социальной стратификации, в то же время провоцируя в обществе новые конфликты.

* * *

Исключительное стечение обстоятельств объединило под скипетром Карла V огромные территории в Западной и Центральной Европе (Испания, Южная Италия, Австрия, Нидерланды, Франш-Конте и Шароле), а также в Азии, Африке и Америке, которые никогда прежде не объединялись под властью одного правителя. Управление империей и защита интересов ее отдельных составных частей ставили перед Карлом беспрецедентные по сложности проблемы. Современники отмечали, что над его державой никогда не заходило солнце, и личный девиз императора «Plus ultra» («Все дальше») вполне соответствует необходимости постоянно странствовать по территориям империи, ибо в отсутствие монарха его власть всюду оказывалась под угрозой. Фактически держава Карла V представляла собой совокупность разных государств, связанных преимущественно личностью правителя. Ни политическим, ни экономическим, ни культурным единством не обладало даже ядро монархии – Испания, объединенная личной унией Кастилии и Арагона. Обе части сохраняли собственные сословно-представительные органы, систему налогообложения, привилегии, законы и даже язык. В свою очередь, и Арагон с Кастилией не были централизованы: каждая входившая в них область имела свой статус (королевство Галисия, сеньория Бискайя и т.д.), свои местные законы и обычаи, которые монарх обязан был соблюдать. Короля представляли вице-короли и наместники, которые обладали широкими полномочиями, но должны были соотносить свои действия с местными законами и органами управления. Страны Арагонской Короны – Арагон, Каталония и Валенсия – политически были еще более разобщены, чем Кастилия.

Все правление Карла V прошло под знаком борьбы с Францией, Османской империей и немецкими протестантами. Он одержал немало ярких побед, но каждый раз, вынужденный распылять свои силы, не имел возможности развить достигнутые успехи. Неудивительно, что внутренняя политика Карла V в Испании во многом была подчинена интересам внешней, мобилизуя для нее все возможные ресурсы. Одна из главных проблем (и для Карла, и позже) заключалась в том, что жители каждой из частей империи требовали, чтобы уплаченные ими налоги тратились только на их нужды, не позволяя императору аккумулировать средства для решения важнейших общеимперских задач. Свободнее всего Карл мог распоряжаться своей долей серебра из Америки; его масштабный ввоз, начавшийся с 40-х годов XVI в., делал монархов менее заинтересованными в развитии испанской экономики, что со временем негативно сказалось на ее развитии.

При Карле V заметно укрепилась королевская власть. В результате административных реформ, продолживших деятельность Католических королей, была создана достаточно эффективная по тем временам система управления монархией с помощью так называемых советов (*consejos*). Она сформировалась в конце XV – начале XVI в., хотя несколько советов добавились в середине – конце XVI в. Ее структура была довольно громоздкой: Советы по

делам Кастилии, Арагона, Италии, Фландрии, Португалии, Индий действовали по региональному принципу, в то время как компетенция других советов – по военным делам, делам инквизиции и духовно-рыцарских орденов – распространялась на всю Испанскую монархию, но ограничивалась строго определенным кругом вопросов. Высший среди советов – Государственный совет – носил и наиболее общий характер, но занимался в основном внешней политикой. Эффективность управления снижалась из-за недостаточного взаимодействия между советами и постоянно возникавших разногласий между заседавшими в Мадриде советами и представителями короны на местах.

Испания в это время продолжала играть ведущую роль в Великих географических открытиях; именно при Карле V произошли главные события Конкисты, а затем в Америке были созданы основы эффективной системы управления, обуздавшей своеволие конкистадоров. Сам император иногда присутствовал на ученых спорах о природе индейцев и сути Конкисты, которые вели мыслители того времени (Б. де Лас Касас, Х. Хинес де Сепульведа), и стремился строить политику в Америке на принципах справедливости.

С правлением Карла V в целом совпадает период зрелости испанского Возрождения, и это не случайно. В попытках преодолеть, хотя бы и с позиций силы, религиозный раскол и объединить под эгидой Империи весь западно-христианский мир Карл V находил поддержку у многих гуманистов, рассчитывавших на установление мира и на проведение давно назревших реформ. Отсюда атмосфера оптимизма, характерная для 20-х годов XVI в. В это время Испания в гораздо большей степени, чем прежде, открывается Европе. Наряду с расширением контактов с итальянской ренессансной культурой особое значение приобретают связи с деятелями Северного Возрождения, и прежде всего с Эразмом Роттердамским. Его идеи во многом совпадали с устремлениями испанских гуманистов к религиозно-нравственному обновлению общества; к тому же нидерландского мыслителя поддерживали сам Карл V и некоторые лица из его окружения. Сотрудничество и дружба связывали Эразма с крупнейшим мыслителем эпохи Возрождения Х.Л. Вивесом, который, живя за пределами Испании, поддерживал постоянные контакты с испанскими гуманистами. Высшей точки развития испанское эразмианство достигло в 1528–1533 гг., но затем его противники, обвиняя Эразма в лютеранстве, организовали преследования его сторонников, а после смерти Эразма добились запрещения многих его книг. Влияние Эразма прослеживается в Испании и после того, как многие его важные труды были включены в Индекс запрещенных книг.

Широта интересов Карла, понимание важности сотрудничества с представителями культуры сделали его одним из самых замечательных меценатов своего времени. Карл отличался тонким вкусом, покровительствовал Тициану, написавшему его лучшие портреты. В Испании при его поддержке была осуществлена широкая программа строительства в духе итальянского Ренессанса (дворец Карла V в Альгамбре, работы в Севилье и в Толедо).

В 1555–1556 гг. император отрекся от престола и разделил свои владения между наследниками. Его единственный законный сын Филипп II получил Испанию с ее итальянскими и заокеанскими владениями, Нидерланды, Франш-Конте и Шароле, в то время как младший брат Фердинанд, которо-

му еще раньше были переданы австрийские земли Габсбургов, унаследовал императорский титул. Передавая Нидерланды и другие части «бургундского наследства» (прежде больше связанные с Империей, чем с Испанией) сыну, а не брату, Карл руководствовался стремлением максимально усилить потенциального светского главу европейского католицизма, каковым неизбежно становился Филипп II. Но в конечном счете это решение дорого обошлось Филиппу II, вынужденному взвалить на себя тяжелое бремя нидерландских проблем.

ИСПАНИЯ В ПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА II

Филипп II еще при жизни отца приобрел немалый политический опыт. С 12 лет он участвовал в управлении Испанией, в 1548–1551 гг. посетил Италию, Германию и Нидерланды; будучи женат вторым браком на Марии Тюдор, долгое время провел в Англии. Унаследовав множество разнородных владений, он прежде всего был испанским королем, бегло говорил только по-испански и, вернувшись в Испанию в 1559 г. после долгого отсутствия, с тех пор почти не покидал ее. Он отличался глубокой религиозностью; стремясь сохранить в своих владениях католицизм и избежать распространения Реформации, чреватого кровавыми конфликтами, покровительствовал инквизиции и иезуитам, преследовал морисков, подозреваемых в тайной приверженности исламу (их восстание в 1568–1571 гг. было жестоко подавлено).

Основные направления внешней политики Филиппа II были им унаследованы от Карла V и во многом определялись ревностным католицизмом короля (что не исключало конфликтов с папами по политическим соображениям, вплоть до войны с Павлом IV в 1556–1557 гг.), положением Испании как оплота Контрреформации и ее претензиями на первенство в Европе. В первые же годы правления ему удалось завершить борьбу с Францией в Итальянских войнах. В 1557 г. испанцы одержали решающую победу при Сен-Кантене; в 1559 г. война завершилась благоприятным для Испании миром. Позже, после пресечения в 1589 г. династии Валуа, Филипп II вернулся к французским делам, стремясь не допустить воцарения бывшего гугенота Генриха IV и посадить на трон свою дочь от брака с Изабеллой Валуа, но не достиг цели.

В 60-е годы усиливается натиск османов на Западное Средиземноморье. Ясно было, что остановить наступление турок смогут лишь объединенные силы христиан. В 1571 г. флот Священной лиги (в составе Испанской монархии, Венеции, папства и других государств) во главе со сводным братом Филиппа II доном Хуаном Австрийским разбил турок при Лепанто, однако в должной мере воспользоваться плодами этой победы не удалось.

В Нидерландах политика Филиппа II, направленная на унификацию страны и борьбу с ересями, вызвала с 1566 г. освободительное движение; попытки подавить его стоили Испании огромных материальных и людских потерь (Фландрию называли «кладбищем испанцев»), а желаемого результата не дали: в 1581 г. северные провинции низложили Филиппа. Зато ему удалось достичь пиренейского единства. После пресечения Авишской династии

Филипп II реализовал династические права на трон Португалии, введя туда войска; с 1580 г. личная уния на 60 лет объединила Португалию с Испанией.

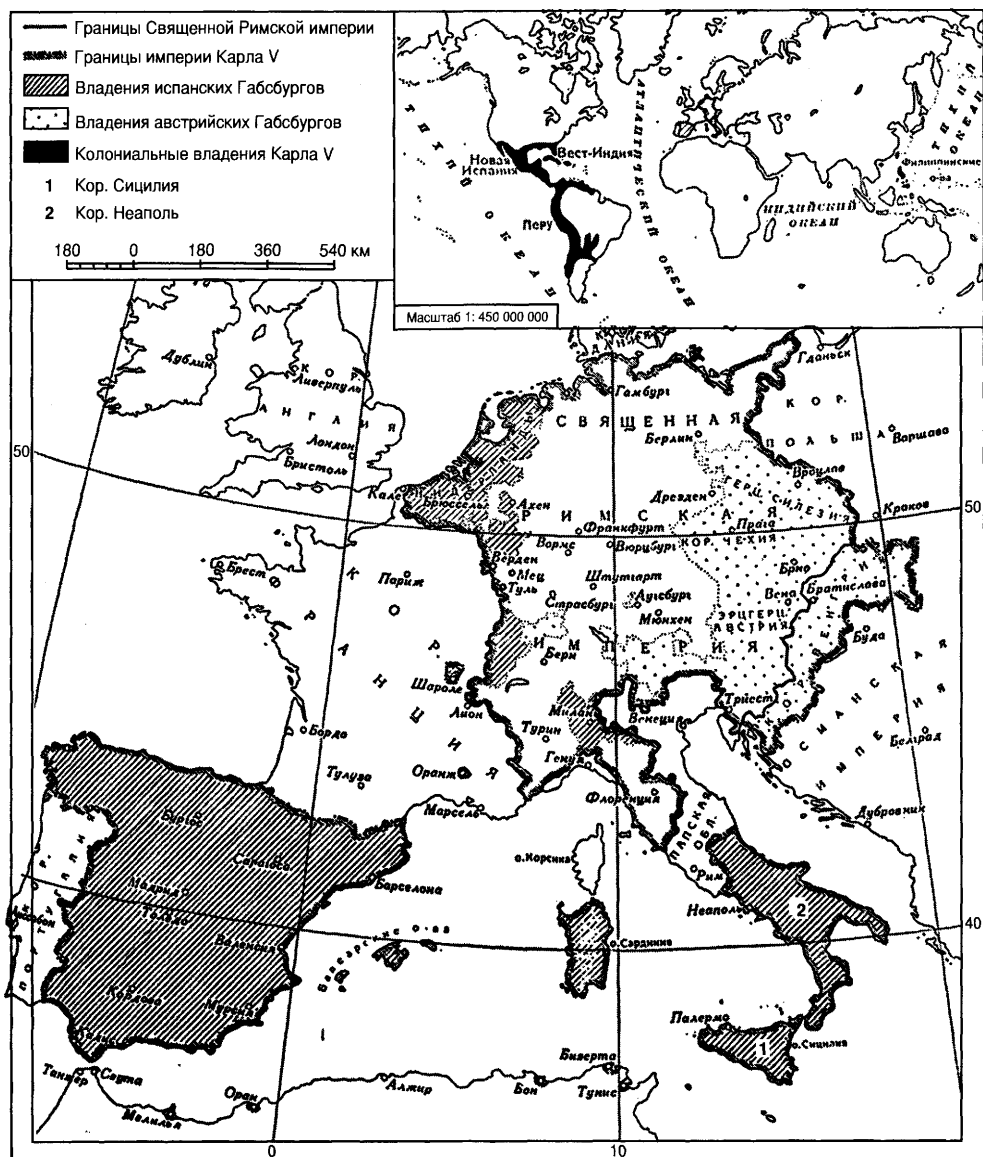
Опаснейшей соперницей Испании становится Англия, поддерживавшая мятежные Нидерланды и снаряжавшая корабли для контрабандной торговли в испанских колониях и для прямого пиратства. В 1588 г. король отправил на Англию огромный флот, вошедший в историю как «Непобедимая армада». Ее неудача стала для Испании не только тяжелым военным поражением, но и финансовой катастрофой, хотя борьба с Англией продолжилась.

В правление Филиппа II заметно укрепилась королевская власть. В 1561 г. Испания обрела постоянную столицу – Мадрид. Выбор столицы в центре полуострова был удачным компромиссом между ранее преобладавшим, но приходившим в упадок Севером страны и бурно развивавшимся Югом. Король стремился к унификации своих владений, несколько упорядочил законодательство, укрепил аппарат управления, но старался пунктуально соблюдать привилегии сословий и провинций. Лишь восстание в Арагоне в 1591 г., угрожавшее безопасности страны, вынудило его ввести туда войска и отменить арагонские вольности. Тем не менее вплоть до начала XVIII в. Арагон в отношении централизации существенно отставал от Кастилии.

Филипп как государственный деятель отличался редкой работоспособностью и успевал вникать в такое множество деловых бумаг со всех концов своей необъятной империи, что получил прозвище «бумажного короля». Однако чрезмерная осторожность монарха, желание лично контролировать все пружины власти, недоверие к подчиненным оборачивались фатальным запаздыванием в важных решениях. Дело было не только в медлительности короля: огромные расстояния, отделявшие центр от окраин, вообще были серьезнейшей проблемой управления Испанской монархией. На то, чтобы срочная депеша из Мадрида достигла Брюсселя, требовалось не менее двух недель, а в Мехико вести прибывали в лучшем случае спустя три месяца.

Правление Филиппа II обозначило новый этап в развитии испанского Возрождения и испанской культуры в целом, в котором сам король сыграл противоречивую, но очень важную роль. На фоне разворачивавшейся в Европе Контрреформации, особенно после завершения работы Тридентского собора, Филипп II решил перекрыть каналы связей с протестантскими странами и запретил своим подданным учиться за границей, что имело негативные последствия для развития культуры (хотя культурная изоляция Испании от протестантского мира была скорее мечтой короля, чем реальностью). Свою лепту в изменение духовного климата в стране внес орден иезуитов, быстро завоевавший здесь прочные позиции. Испанские индексы запрещенных книг появились раньше, чем римские, и были значительно объемнее. Инквизиция жестоко преследовала лютеран, ересьяков, мистиков; под подозрением оказались даже Лойола и Тереса Авильская. В стране установилась обстановка страха и подозрительности, и многие гуманисты в этих условиях были вынуждены прибегать к самоцензуре и к эзопову языку. В таких условиях гуманизм в пиренейских странах нередко окрашивался в трагические тона; это относится и к творчеству Мигеля де Сервантеса (1547–1616), в котором сфокусировались многие линии развития испанского гуманизма.

С другой стороны, те же десятилетия отмечены дальнейшим развитием ранее заложенных культурных тенденций. Литература и театр вступили

Империя Карла V и ее раздел

в свой золотой век, отмеченный именами Лопе де Веги, Фернандо де Эрреры, Луиса де Леона и многих других. Филипп II был, пожалуй, самым масштабным в Европе меценатом своего времени, высоко ценил Тициана и Босха, однако не отдал должное гению Эль Греко. При дворе Филиппа II и по его заказу творили выдающиеся портретисты Алонсо Санчес Коэльо и Хуан Пантоха де ла Крус. Подлинным «восьмым чудом света» стал дворец-монастырь Эскориал, который в 1563–1584 гг. создали по замыслу Филиппа II Х.Б. де Толедо и Х. де Эррера; в его украшении принимали участие многие известные художники того времени, как испанские, так и итальянские.

В Эскориале по инициативе Филиппа II была создана богатейшая библиотека с уникальным собранием греческих и арабских рукописей. Опыт развития Испанской монархии был отражен в произведениях общественной мысли. Так, «революция цен» вызвала к жизни размышления современников (М. де Аспилькуэты, Т. де Меркадо и других) о причинах и сути этого явления. Параллельно с экономическим упадком Испании, наметившимся уже в середине XVI в., развивается линия его осмысления современниками (Л. Ортис, М. Гонсалес де Сельориго). В области политической мысли ярким явлением стала критика неограниченной власти монарха (вплоть до оправдания убийства «тирана»), с которой выступил испанский иезуит Х. де Мариана.

В целом картина взаимоотношений власти и деятелей культуры в правление Филиппа II выглядит достаточно сложной. Король не оценил по достоинству многих великих деятелей культуры и покровительствовал инквизиции, жестоко преследовавшей подлинных, а иногда и мнимых еретиков. Однако он прекрасно понимал важность науки и техники для функционирования государства, поддерживал многих инженеров, картографов, медиков; по его указанию была создана Математическая академия. Столкнувшись с серьезными проблемами в области управления, он нуждался для их решения в том числе и в помощи людей знания, многие из которых, со своей стороны, охотно становились на службу имперской политике. В их деятельности можно выделить несколько главных аспектов.

Во-первых, это измерение и описание пространства империи, необходимые для полноценного контроля над ней. Делались подробные карты всех регионов Испании и всех ее владений, составлялись планы и рисовались виды городов. Параллельно осуществлялся беспрецедентный по размаху проект подробного историко-географического описания Испанской монархии на основе сочетания географических и даже геодезических работ с анкетным опросом жителей всех ее населенных пунктов (так называемые Географические донесения) – проект, к которому Филиппа II подталкивали потребности управления, но который имел и очевидную научную составляющую, подготавливая материалы для глобальной истории Испании.

Во-вторых, это стремление, познав природу, и ее поставить на службу монархии. По инициативе короля в 1571–1577 гг. состоялась первая в истории исследовательская экспедиция в Америку Ф. Эрнандеса с целью изучения природы Мексики, особенно лекарственных растений.

В-третьих, это попытка как бы установить контроль над временем, создав официальную историю Испанской монархии и ее составных частей (труды А. де Моралеса, Х. де Суриты, Х. де Марианы и других историков). Этот самый сложный проект привел к созданию официальных исторических архивов, теоретических работ о древностях и об историческом методе, но параллельно развивалось и другое направление – составление истории отдельных войн их участниками; в его рамках был создан замечательный памятник исторической мысли XVI в. – «Гранадская война» Диего Уртадо де Мендосы.

Наконец, в-четвертых, государство нуждалось в масштабных проектах, которые бы подчеркивали величие испанских традиций и достижений в области юриспруденции, богословия и интеллектуальной деятельности. При Филиппе II создается свод законов, готовится критическое издание Исидора Севильского, главное же, в Антверпене под руководством Б. Ариаса Мон-

тано печатается подлинный шедевр гуманистической библеистики, а заодно и типографского искусства – так называемая Королевская Библия, продолжившая начинание Сиснероса, издателя Многоязычной Библии.

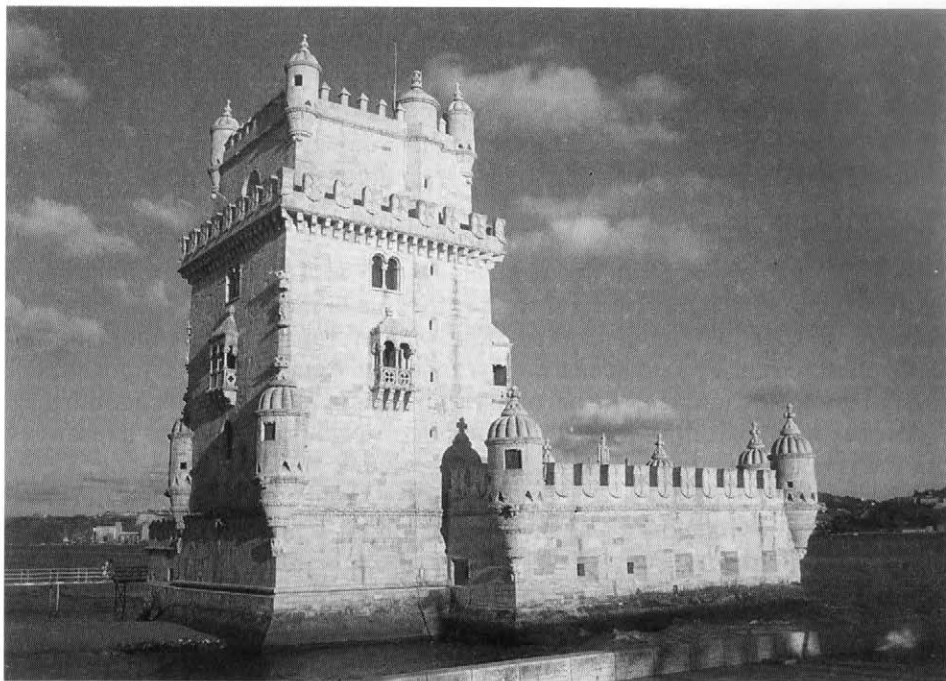
Несмотря на все успехи Филиппа II, его долгое правление закончилось серией тяжелых неудач. Активная внешняя политика отрицательно сказалась на экономике Испании, приведя к неоправданному росту налогов, разрушению финансовой системы, разорению крестьян и ремесленников и в конечном счете к глубокому экономическому упадку всей страны, начавшемуся уже в последние годы его правления. Впрочем, своей мрачной славой он обязан не столько этим, сколько так называемой «Черной легенде» – комплексу негативных представлений об испанцах как о высокомерных фанатиках, жестоких душителях свободы других народов, неспособных к созидательному труду. Эта легенда сформировалась в XVI в. в среде противников Испании, и прежде всего в Нидерландах и Англии, где Филипп II был особенно непопулярен.

ПОРТУГАЛИЯ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

В конце XV в. Португалия вступает в период блестящего расцвета, начало которого пришлось на правление Мануэла I Счастливого (1495–1521). Именно тогда были открыты и освоены морские пути в Индию и Бразилию, сложилась в основных своих чертах португальская колониальная империя, были заключены благоприятные для Португалии торговые договоры с Китаем и Персией. Открытия укрепили королевскую власть и на первых порах приносили огромные экономические выгоды. Мануэл стал одним из самых могущественных и богатых монархов Европы, чему способствовала и его политика невмешательства в европейские конфликты.

Опираясь на вновь обретенные ресурсы, Мануэл I продолжал политику Жоана II по укреплению королевской власти. Король урезал привилегии знати и привлекал ее ко двору, который в годы его правления сильно разросся. Значение кортесов, напротив, упало: за четверть века они собирались всего трижды. Король предпринял судебную, налоговую и административную реформы; по его инициативе был составлен новый свод законов – «Установления Мануэла». Стремясь установить в государстве единую католическую веру, Мануэл преследовал иудеев и мусульман. Попытки насильственного обращения иудеев привели к тому, что значительная их часть покинула Португалию; принявшие новую веру стали называться, как и в Испании, «новыми христианами», или конверсо (см. выше).

Значительную часть богатств, полученных от заморской торговли, Мануэл использовал для строительства в стиле, позднее названном в его честь «мануэлину». Этот стиль, считающийся, несмотря на определенное сходство с испано-фламандским стилем, чисто португальским явлением, является переходным, соединяя в себе традиции поздней готики и стиля мудехар, переосмысленные под влиянием ренессансных концепций пространства и впитавшие настроения эпохи Великих географических открытий. За короткий период его развития (ок. 1490 – ок. 1530) было построено и реконструировано в новом духе множество крупных архитектурных сооружений:

Образец искусства мануэлину – Башня Белен. Архитектор Франсишку де Арруда. 1516–1519 гг. Лиссабон

дворцы и монастыри, церкви и усадьбы знати. Лучшими из них считаются монастырь Жеронимуш и Башня Белен возле Лиссабона (ныне в черте города), монастырь Баталья, монастырь Христа в Томаре. Крупнейшими мастерами мануэлину стали братья Арруда, Д. Бойтак и другие. Активность строительства была связана с экономическим благополучием страны, ее политическим возвышением и развитием авторитарной монархии, нуждавшейся в самовыражении. Характерной чертой мануэлину является своеобразный декор зданий: при гладких, как правило, стенах он концентрировался на порталах и колоннах, вокруг окон. Чаще всего декор был связан с темой морских путешествий (якоря, канаты) или экзотических стран (початки кукурузы, ананасы, крокодилы); особую роль в нем играли символика королевской власти (особенно астрономический прибор армиллярная сфера – личная эмблема Мануэла I) и христианская символика (в частности, крест ордена Христа).

Еще при жизни Мануэла за внешним блеском проявились признаки кризиса, во многом связанного с непомерными людскими и материальными затратами на освоение и защиту колоний. Пытаясь расширить португальские плацдармы в Марокко, король в 1515 г. направил туда большую экспедицию для строительства крепостей в Маморе и Анафэ. Но в результате нападения мавров корабли и артиллерия были потеряны, а тысячи поселенцев погибли или были взяты в плен и проданы в рабство. Трагедия Маморы показала, что Португалия уже не могла обеспечить экспансию по всем направлениям.

В долгое правление сына Мануэла I Жоана III Благочестивого (1521–1557), огромная колониальная империя уже определенно клонилась к упадку, что, впрочем, никак не связано с личными качествами монарха. Цена за статус колониальной империи оказалась слишком велика для маленькой страны. Португалия испытывала растущие экономические трудности, расходы казны не соответствовали доходам, корона была вынуждена прибегнуть к внешним займам. Постоянный отток в заморские владения экономически и социально активной части жителей вел к сокращению населения метрополии (в XVI в. никогда не превышавшего 1,5 млн человек), а поразившие страну аграрный кризис, голод и эпидемии еще сильнее уменьшили его численность. В то же время огромные прибыли от торговли пряностями нарушили традиционное равновесие португальского общества. Это проявилось в непопулярности ставшего невыгодным крестьянского и ремесленного труда, бегстве из провинции в столицу, широком распространении паразитических настроений, непомерном увеличении числа должностных лиц. Результаты Великих географических открытий все чаще оценивались негативно и связывались с упадком страны; современники жаловались, что под запах пряностей королевство пустеет. Трудности нарастали, португальским владениям в Индии все более угрожали турки и арабы. Растущая потребность марокканских гарнизонов в людях и оружии без должной финансовой отдачи все более тяготила государство, и Жоан III вынужден был оставлять одно африканское владение за другим: Сафим, Азамор, Арзилу. Признание Испанией португальских прав на Молуккские острова и монополии на восточные пряности по Сарагосскому договору 1529 г. обошлось в 350 тыс. золотых дукатов. Король попытался взять реванш за неудачи на Востоке и в Африке, активизировав освоение Бразилии; попытки Франции проникнуть туда были жестко пресечены, хотя в целом Жоан избегал вооруженных конфликтов с европейскими странами.

Поддерживая тесные связи с папским престолом, Жоан III проводил в стране политику Контрреформации; в 1536 г. он получил от Рима разрешение ввести в стране инквизицию, и вскоре было проведено первое аутодафе. Португальская инквизиция далеко отставала от испанской в отношении числа процессов, но опередила ее по смертным приговорам. Наиболее заметную группу осужденных составили конверсо, многие из которых были потомками иудеев, переселившихся из Испании в конце XV в. В 1547 г. в Португалии появился первый Индекс запрещенных книг. И в королевстве, и в колониях быстро приобретали влияние иезуиты.

Все сыновья Жоана III умерли при жизни отца. Ему наследовал трехлетний внук Себастьян (Себаштьян) I (1557–1578), родившийся уже после смерти отца, младшего сына Жоана III инфанта Жоана. С 14 лет Себастьян начал править самостоятельно. Юный король, сформировавшийся под влиянием иезуитов, отличался глубокой религиозностью, честолубием и упрямством. Он грезил о славе спасителя христианского мира от неверных. Мечты короля воплотились в планы вторжения в Марокко, где португальцы теряли прежние позиции. В то же время успехи в Африке могло бы ослабить Османскую империю, что отвечало интересам всей христианской Европы.

В 1575 г. в борьбе за власть в Марокко победил ставленник турок. Увидев в этом угрозу Португалии и всем христианам, Себастьян начал готовить

экспедицию в Африку, объявленную крестовым походом. Подготовка потребовала огромных денежных средств. Филипп II, дядя Себастьяна, отказался участвовать в этой аванюре. 7 июля 1578 г. 20-тысячное войско высадилось в Танжере. Вопреки мнению опытных военных, Себастьян двинулся в глубь страны, к г. Эль-Ксар-аль-Кебир (Алькасар-Кебир), и 4 августа был там атакован превосходящими силами мусульман. Битва закончилась для португальцев катастрофой: половина войска погибла на поле боя, другая половина попала в плен. Сам Себастьян, видимо, тоже погиб.

Смерть Себастьяна привела к династическому кризису в Португалии. Себастьяну наследовал двоюродный дед, кардинал Энрике; ему было 64 и он был болен, так что вопрос о наследнике вскоре должен был встать вновь. На наследство претендовали внук Мануэла I по женской линии Филипп II Испанский и еще один внук Мануэла дон Антониу, незаконный сын инфанта Луиша. Остальные претенденты не пользовались широкой поддержкой. В условиях упадка и нараставших трудностей союз с Испанией представлялся лучшим решением для всех, кому было что терять. Знать надеялась на милости богатого и могущественного испанского монарха, а для купцов этот союз нес с собой огромные выгоды от открытия сухопутной границы с Кастилией, доступа в Америку и защиты португальской торговли на Востоке испанским флотом – на тот момент сильнейшим в Европе. Сила дона Антониу была в поддержке простого народа; он мог рассчитывать также на помощь врагов Испании. Фактически это был выбор между утратой или сохранением независимости. Король-кардинал надеялся решить вопрос мирно и избежать насилия. С этой целью Энрике вступил с Филиппом II в тайные переговоры, но умер в начале 1580 г., так и не решив вопрос о наследнике. Вскоре после этого дон Антониу вступил в Лиссабон, радостно встреченный народом. В ответ Филипп II ввел в Португалию войска под командованием опытейшего герцога Альбы. Дон Антониу пытался сопротивляться, но был разбит и покинул страну, чтобы искать помощи у Англии и Франции. В 1581 г. португальские кортесы официально признали Филиппа II королем Португалии.

При вхождении в состав Испанской монархии Португалии было сохранено прежнее устройство. На высшие должности могли быть назначены лишь португальцы, а вице-королем мог стать только близкий родственник монарха. Филипп II скрупулезно соблюдал все свои обещания, и уния долгое время казалась прочной. Однако, несмотря на значительную обособленность Португалии внутри Испанской монархии, присоединение к ней сильно осложнило военно-политическое положение страны, что особенно сказалось на колониях. Прежде Португалии удавалось обеспечивать их безопасность, теперь же соперники Испании, англичане и голландцы, атаковали и португальские колонии, защищенные хуже испанских. Смещение центра политической жизни Португалии в Испанию также вызвало недовольство и части дворянства, и простонародья. Дворяне, протестуя против испанского владычества, отказывались от службы при дворе или в колониях и удалялись в свои поместья. Недовольство унией с Испанией находило свое выражение в низших слоях в форме так называемого себастьянизма – мессианской веры в то, что король Себастьян не погиб в походе в Африку, но чудесным образом спасся и может объявиться, чтобы спасти Португалию в самые трудные

времена и вернуть ей независимость. Появление нескольких самозванцев, выдававших себя за погибшего монарха, усилило брожение. Даже и после возвращения Португалией независимости в 1640 г. себастьянизм как мистическая вера в возрождение «золотого века» Португалии периодически давал о себе знать.

Последние десятилетия независимого существования Португалии (т.е. годы правления Жоана III и Себастьяна) стали временем всестороннего расцвета культуры Возрождения. Многие гуманисты испытали влияние Эразма; среди них Жоан де Барруш (ок. 1497–1570) и особенно Дамиан де Гойш (1502–1574), который заплатил за дружбу с Эразмом и личную встречу с Лютером инквизиционными преследованиями. Перу Гойша принадлежат разные по жанру произведения: «Верования, религия и обычаи эфиопов», «Описание города Лиссабона», «Хроника короля Мануэла I», «Хроника государя Дона Жоана». «Хроника Мануэла» посвящена главным образом событиям в заморских владениях Португалии и содержит описание деяний многих знаменитых португальцев: Васко да Гамы, Кабрала, Алмейды, Албукерке.

Жоан де Барруш за свою долгую жизнь также успел написать множество сочинений: рыцарский роман, исторические, этические и дидактические сочинения (в том числе одну из первых грамматик португальского языка). Высоко оценивая португальский язык как результат и инструмент творчества португальского народа, Барруш мечтал о том, что он станет языком всемирной христианской империи («Диалог во славу португальского языка»). Его исторический труд «Декады», рассказывавший о былых деяниях португальцев во всех частях света, имел целью пробудить в соотечественниках чувство гражданственности и возродить подражание великим предкам; часть «Декад», которую автор успел закончить и выпустить в свет, посвящена Азии и составляет лишь малую часть задуманного. В книге ярко проявилось присущее португальской культуре XVI в. осознание исторической миссии географических открытий и заморской экспансии. «Декады» стали для современников и потомков главным источником знаний о заморских открытиях и завоеваниях.

Деяния португальцев на Востоке оказались и в центре творчества Луиса де Камознса (1524/25–1580), одного из величайших лириков своего времени и автора эпической поэмы «Лузиады», воспевающей открытие Васко да Гамой морского пути в Индию. Камознс эпизод за эпизодом воссоздает героические деяния лузов (потомков легендарного короля португальцев Луза) на этом пути, а в отступлениях рисует картины исторического прошлого страны, включенные в панораму всемирной истории. Смысл жизни человека и истории народа он видит в героическом преодолении препятствий, в воплощении в жизнь, с помощью человеческой доблести, божественного плана. В поэму включены пророчества о грядущих деяниях португальцев на Востоке, что позволило рассказать всю историю португальских завоеваний в Азии за время между плаванием Васко да Гамы и годами создания поэмы. Однако в авторских отступлениях немало горечи, в них звучит мысль о том, что прекрасный и героический мир, описанный в поэме, ушел в прошлое, а в реальности нет места героизму, бескорыстию, рыцарственному служению королю и народу.

Современник Камоэнса Фернан Мендеш Пинту также провел более 20 лет на Востоке, побывал в Эфиопии и Аравии, Индии и Индонезии, Китае и Японии. Тринадцать раз он был в плену, семнадцать раз продан в рабство, занимался торговлей и пиратством, богател и разорялся. Вернувшись на склоне лет в Португалию, он написал свой труд «Странствия» (1569–1578), ставший венцом португальской литературы путешествий. Это и дневник, содержащий колоритное описание дальних стран, и пиратский роман, и мемуары, и утопия (поскольку в некоторых описаниях автор явно высказывает свои идеи о справедливом общественном устройстве). Хотя Мендеша Пинту называют Камоэнсом в прозе, его рассказ, живой и реалистичный, по духу резко отличается от героической мифологии «Лузиада».

НИДЕРЛАНДЫ В XVI ВЕКЕ

НИДЕРЛАНДЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Верховная власть над Нидерландами с 1482 г. принадлежала государям из дома Габсбургов. В начале XVI в. правителем Нидерландов был Филипп Красивый (до 1506 г.), затем его сын Карл Габсбург (с 1519 г. император Карл V).

Практически же страной управляли наместники (генеральные статхаудеры), родственники правителей: в 1507–1530 гг. – Маргарита Австрийская, тетка Карла V, в 1531–1555 гг. – Мария Венгерская, его сестра. Они действовали в интересах династии, поэтому Нидерландам приходилось выделять деньги на военные кампании Габсбургов и выступать в роли плацдарма для ведения военных действий. При наместнике существовал Государственный совет, в котором состояли виднейшие дворяне Нидерландов.

Все нидерландские земли в 1512 г. были объединены в так называемый Бургундский округ империи, куда входило также графство Бургундия (Франш-Конте). Прежняя политическая независимость герцогств, графств и епископств была ликвидирована, они превратились в провинции единого государства.

К нидерландским землям, которые перешли к Габсбургам в качестве «бургундского наследства», Карл V путем мирных соглашений и захватов присоединил еще несколько областей: в 1524 г. Фрисландию, в 1528 г. епископство Утрехтское, а также отделившуюся от него область Оверэйссел, в 1536 г. Гронинген и Дренте, в 1543 г. Гелдерн. В итоге в Бургундский округ вошли 17 провинций: герцогства Брабант, Лимбург, Люксембург, Гелдерн; графства Фландрия, Артуа, Геннегау (Эно), Голландия, Зеландия, Намюр; сеньории Фрисландия, Мехелен, Утрехт, Оверэйссел, Дренте, Гронинген, Лилль (с Дуэ и Орши). В дальнейшем Бургундский округ мог наследоваться только в нераздельном виде, что и было закреплено Прагматической санкцией 1549 г.

В каждой провинции был статхаудер (наместник), обладавший значительной военно-административной властью. Статхаудер подчинялся наместнику императора в Нидерландах. В то же время важную роль продолжали играть Генеральные штаты. Они представляли, главным образом, интересы дворянства и богатого купечества. Генеральные штаты имели право утверждать налоги, решать вопросы о мире и войне, организовывать сословные суды.

В каждой провинции действовали Провинциальные штаты, вотиновавшие налоги на местном уровне, а также провинциальные административно-судебные и финансовые учреждения. Сохранялось и самоуправление в городах. Каждая провинция или город имели свои особые вольности, привилегии и автономию.

В период правления Карла V Нидерланды оставались одной из самых богатых стран Европы, передовой в экономическом отношении, и давали 45%

доходов в казну империи. Вхождение в империю Габсбургов обеспечивало стране определенные преимущества, особенно в области торговли.

Самой важной отраслью хозяйства было производство шерстяных тканей. Но в первой половине XVI в. здесь оживилось также производство специализированных товаров и предметов роскоши, ориентированное на экспорт.

Провинции Нидерландов не были однородны в хозяйственном отношении. Быстрее всего развивались Фландрия и Брабант, богатейший город которого Антверпен к середине XVI в. стал первым портом Европы, центром мировой торговли и кредита. Но и прежние экономические центры Фландрии и Брабанта не пришли в полный упадок. В них стали развиваться новые отрасли ремесла – производство плюша в Брюсселе, полотна в Генте, Ипре и Куртре. Во многих городах Фландрии и Брабанта процветало кружевное дело.

Северо-западные провинции, Зеландия и Голландия, экономически уступали Фландрии и Брабанту. В них развивались производство шерсти, маслоделие, пиво- и мыловарение. Важнейшее место занимали рыболовство (лов сельди и ее засол), торговля, судостроение. Последнее составляло основу, на которой зиждилось не только рыболовство, но также и заморская, и в значительной степени внутренняя торговля по рекам и каналам.

Торговые города Северных провинций не могли сравниться с блистательным Антверпеном, но в сумме составляли для него мощное дополнение, а иногда и сильный противовес. С распадом Ганзейского союза к голландским портам, в частности к Амстердаму, перешли торговля хлебом и ловля сельди на Балтике. В XVI в. Голландия, получив право свободного прохода своих судов через пролив Зунд, стала монополистом в торговле этого региона.

Таким образом проявлялась явная разнотенность торговых интересов нидерландских провинций: северные области имели более прочные связи с Прибалтикой и Северной Европой, южные – с Испанией и Средиземноморьем.

Земледелие господствовало в юго-восточных провинциях Нидерландов – Люксембурге, Геннегау, Артуа, Намюре, где имелось многочисленное дворянство и во многом господствовали феодальные отношения. Следует отметить, что при всей динамике развития ремесел и торговли, в хозяйственной жизни Нидерландов аграрный сектор сохранял важнейшее значение, отмечался рост товарности сельского хозяйства, увеличение капиталовложений в сельскохозяйственное производство (особенно в экономически развитых областях страны, где отмечался рост вложений в культивирование технических культур). Мясо, скот, молочные продукты шли на экспорт, за счет импорта покрывался недостаток зерновых.

В целом, в первой половине XVI в. экономика была на подъеме. Тем больше недовольства стала вызывать внешняя и финансовая политика Карла V. Налоговые поборы опустошали казну провинций, вынужденных оплачивать войны Габсбургов. Невнимание имперских властей к насущным интересам Нидерландов, централизация страны, часто проводившаяся без учета исторических и национальных традиций столь отличавшихся друг от друга провинций, а также последствия происходивших в стране социально-

экономических изменений (хозяйственный упадок отдельных городов, свертывание некоторых отраслей производства, непрерывный рост цен) — все это создавало почву для острых социальных конфликтов, которые вскоре вылились в открытое противостояние.

Социальная борьба, вспыхнувшая в Нидерландах в первой половине XVI в., тесно переплеталась с Реформацией. Влияние учения Лютера достаточно быстро (с 1518 г. или даже с конца 1517 г.) проявилось в стране, где существовали и социально-экономические, и идеологические предпосылки для развития Реформации. Для борьбы с еретиками Карл V ввел в Нидерландах инквизицию по образцу испанской, а с 1521 г. начал издавать “плакаты” (императорские указы) против еретиков, которые предусматривали жестокие наказания вплоть до казни. В 1522 г. был учрежден инквизиционный трибунал по борьбе с ересью.

С середины 20-х годов XVI в. в Нидерландах наряду с лютеранством распространялись более радикальные реформационные учения, прежде всего анабаптизм, сочетавший религиозно-мистические представления с радикальными социальными требованиями всеобщего равенства. Некоторые анабаптисты открыто призывали к насильственному свержению существующего строя. Особенно широко движение охватило Северные Нидерланды. В 1534–1535 гг. там прошла волна выступлений анабаптистов. Самые решительные устремились в Вестфалию на помощь анабаптистской Мюнстерской коммуне, в организации которой важную роль сыграли нидерландцы Ян Матисен и Иоанн Лейденский. В свою очередь, из Мюнстера тайно велась подготовка всеобщего восстания в Нидерландах. Весной 1535 г. в Северных Нидерландах собрались большие силы анабаптистов, готовые двинуться на помощь Мюнстеру. Но власти предотвратили поход и подавили выступления анабаптистов в Нидерландах. К 40-м годам XVI в. их учение эволюционировало, оформившись в непротивленческое течение баптизм.

Одним из самых ярких эпизодов социально-политической борьбы в Нидерландах в первой половине XVI в. стало Гентское восстание 1539–1540 гг. во Фландрии, вызванное политическими и религиозными притеснениями. В результате многомесячной борьбы власть в городе перешла в руки городского плебса и окрестной сельской бедноты. Только после того как в феврале 1540 г. в город вошли войска во главе с Карлом V, восстание, к тому времени уже распространившееся на значительную территорию провинции, было подавлено. Гент был обложен огромной контрибуцией. Карл V издал указ, известный как Конституция Карла V 1540 г. и лишавший города Фландрии политической власти и самоуправления. Борьба за возвращение утраченных привилегий, т.е. фактически за отмену Конституции 1540 г., станет одной из причин освободительной войны, которая во второй половине века охватит и все нидерландские провинции.

После подавления движений лютеран и анабаптистов в Нидерландах стало быстро увеличиваться число кальвинистов. И если более умеренное лютеранство получило распространение в основном среди оппозиционно настроенного дворянства и патрициата, то кальвинизм нашел своих сторонников в наиболее радикальных слоях общества: широкой бюргерской среде, городской и сельской бедноте, хотя руководящая роль в движении принадлежала городской буржуазии.

Остававшаяся верной императору часть нидерландского дворянства, занимавшая важные посты в государственном управлении, держалась католицизма. Преимущественно католическим оставалось и крестьянство.

Правительство не желало мириться с инакомыслием и ужесточало наказания еретикам. В 1550 г. появился «плакат», получивший название «Кровавый указ»: запрещалось читать, хранить и распространять произведения Лютера, Кальвина и других реформаторов. Но, несмотря на репрессии, властям все труднее было противостоять стремительному распространению кальвинизма, быстро вытеснявшего здесь все другие реформационные учения.

НАЧАЛО ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

После отречения в 1555 г. Карла V от престола 17 нидерландских провинций и Франш-Конте (как и Испанию с ее колониями, и владения в Италии) унаследовал его сын Филипп II. Важнейшей частью своего государства он считал Испанию, а на Нидерланды смотрел прежде всего как на главный источник денежных средств, необходимых ему для активной внешней политики, не имевшей ничего общего с интересами нидерландских провинций. Филипп II занял еще более непримиримую позицию в отношении нидерландского сепаратизма, нежели Карл V. Невзирая на традиционную обособленность провинций, их вольности и привилегии, Филипп II начал вводить здесь новые порядки, сосредоточив всю власть в стране в руках преданных монарху членов Государственного совета.

Благосостояние Нидерландов в это время несколько пошатнулось, поступления в испанскую казну сократились. Одной из главных причин являлся кризис цехового ремесла, в противовес которому начинало широко развиваться мануфактурное производство в деревнях и новых городских центрах. Но новые предприятия вырабатывали более дешевые и грубые шерстяные ткани, и фламандские сукна стали уступать рынок английским. Одновременно сказывались и последствия революции цен, а также неурожай и голод 1556–1557 гг. Современники, не видя настоящих причин ослабления экономики и ухудшения условий жизни, приписывали все это новым методам управления испанских властей. С точки же зрения испанцев, основной причиной сокращения нидерландских доходов было распространение ересей. Решив искоренить кальвинизм, Филипп II укрепил в Нидерландах власть Католической церкви; более активно стала действовать инквизиция.

В начале своего правления Филипп II старался не ссориться с нидерландской знатью. Виднейшие ее представители были приглашены к участию в Государственном совете, а двое из них назначены статхаудерами важнейших провинций. В 1559 г. молодой дворянин Вильгельм Оранский (1533–1584), из династии Оранских-Нассау, стал статхаудером провинций Голландия, Зеландия и Утрехт, граф Эгмонт – статхаудером Фландрии.

Хотя политика Филиппа II в Нидерландах затрагивала интересы различных слоев населения, протестные настроения раньше всего возникли среди представителей местного дворянства. Центром оппозиции стали Генеральные штаты. Нуждаясь в значительных субсидиях, Филипп II в 1559 г. приказал созвать Генеральные штаты. Взамен представители нидерландской знати

А. Кей. Вильгельм Оранский. Ок. 1580 г.
Рейксмузеум, Амстердам

потребовали вывести из страны испанские войска, вернуть управление местным властям и отменить инквизицию. Ответ короля был резок и не содержал каких-либо обещаний.

Постепенно вокруг Вильгельма Оранского и графа Эгмонта сгруппировались дворяне, убежденные в том, что интересы Нидерландов приносят в жертву Испании. Нидерландская знать стала добиваться устранения испанцев из Государственного совета, предоставления высших должностей местным дворянам. И дворяне, и представители городов негодовали по поводу использования финансовых средств страны для военных действий Испании против Франции. Вызывало возмущение и то, что король прислушивался к мнению своего советника кардинала Гранвеллы, ставшего объектом всеобщей ненависти, а не более рассудительной наместницы Маргариты Пармской. В 1563 г. аристократическая оппози-

ция потребовала отставки Гранвеллы. За ее выступлением последовал протест мелкого дворянства: 300 представителей низшей знати подали наместнице прошение, добиваясь восстановления вольностей страны, отмены или смягчения «плакатов» против еретиков. Под их давлением король отправил Гранвеллу в отставку.

Не видя существенных изменений в политике испанских властей, оппозиционное нидерландское дворянство в 1565 г. образовало союз «Компромисс» («Соглашение»), объединивший около 500 человек. В течение 1566 г. участники союза дважды подавали Маргарите Пармской петиции с изложением своих требований, но ответа не получили. Участников союза, одевшихся достаточно скромно, придворные наместницы презрительно называли «гёзами» (фр. «нищие», «оборванцы»). Прозвище было подхвачено оппозиционерами, которые подчеркивали, что они «верны королю до нищенской суммы».

Число кальвинистов росло, и их сопротивление Католической церкви стало более организованным. В августе 1566 г. во Фландрии вспыхнуло иконоборческое восстание. Толпы кальвинистов разрушали католические храмы и монастыри, разбивая статуи святых и уничтожая иконы. Осенью движение уже охватило Брабант, Голландию, Зеландию и Утрехт. В последних трех провинциях оно приобрело наибольший размах, а окраинные юго-восточные аграрные провинции затронуло меньше. Руководили им кальвинистские консистории, а местами — дворяне-кальвинисты, члены союза «Компромисс». Восставшие принуждали магистраты заключать соглашения

с консисториями, на основании которых в городах вводились свобода кальвинистского вероисповедания и ограничения для католиков.

Маргарита Пармская согласилась пойти на уступки, если народ сложит оружие, отменить инквизицию, смягчить «плакаты» и допустить кальвинистские проповеди в специально отведенных местах. Часть консисторий выступила с призывом повиноваться властям, в движении произошел раскол. Союз дворян, участникам которого обещали амнистию, самораспустился. Дворяне заявили о своей лояльности и повсеместно стали приносить особую клятву на верность Филиппу II. Ослабив, таким образом, движение, испанские власти к весне 1567 г. его подавили. Но решимость Филиппа II смирить непокорные Нидерланды только возросла.

НИДЕРЛАНДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

В августе 1567 г. в Нидерланды во главе 18-тысячного войска прибыл ближайший советник Филиппа II герцог Альба, сменивший на посту наместника Маргариту Пармскую. Перед Альбой, человеком упорным, всецело преданным королю и фанатичным католиком, стояла задача: искоренить ересь в стране и получить от Нидерландов необходимые Испании деньги.

Как только распространилось известие о скором прибытии Альбы, в Нидерландах поднялась волна эмиграции. Тысячи человек покинули страну; эмигрировали в германские владения Нассау Вильгельм Оранский и его брат Людовик Нассауский, не дававшие клятвы верности королю.

По прибытии в Нидерланды герцог Альба тотчас же учредил «Совет по делу о мятежах», прозванный в народе «кровавым советом», и запретил выезд из страны. Аресты, конфискации имущества и казни начались немедленно. В июле 1568 г. в Брюсселе были казнены лидеры оппозиции граф Эгмонт и адмирал Горн. Альба действовал в Нидерландах, как в завоеванной стране: местные органы власти потеряли всякое значение, вольности провинций и городов были ликвидированы. Казнями и террором Альба пытался устранить все препятствия на пути испанской политики в Нидерландах. Но это были лишь подступы к самому главному: решению финансового вопроса. Чтобы получать доходы из Нидерландов, не нуждаясь в разрешении Генеральных штатов, Альба решил ввести в стране постоянный налог по испанскому образцу – алькабалу. По нему предполагалось взимать 10 % с каждой торговой сделки. Под давлением наместника Генеральные штаты вынуждены были дать согласие. Но для Нидерландов, страны торговой, где каждый товар проходил через множество посредников, такой налог был равносителен экономической катастрофе. Поэтому когда в 1571 г. Альба решительно потребовал выплаты алькабалы и других налогов, то доведенное до отчаяния население Нидерландов взялось за оружие. Никакие религиозные притеснения не вызывали такого единодушного отпора, как введение новых налогов.

На помощь горожанам приходили отряды наемников, сформированные на средства дворян-эмигрантов и их сторонников и посланные в Нидерланды Вильгельмом Оранским. Вскоре принц встал во главе этой армии и от-

крыто выступил против Альбы. В окружении принца вынашивались различные политические планы, в том числе включить Нидерланды в состав Священной Римской империи, или же за помощь Франции и Англии в борьбе с Испанией уступить им часть территорий Нидерландов. В то же время дворяне-эмигранты допускали и возможность договориться об изменении испанской политики с Филиппом II, который оставался законным сувереном Нидерландов.

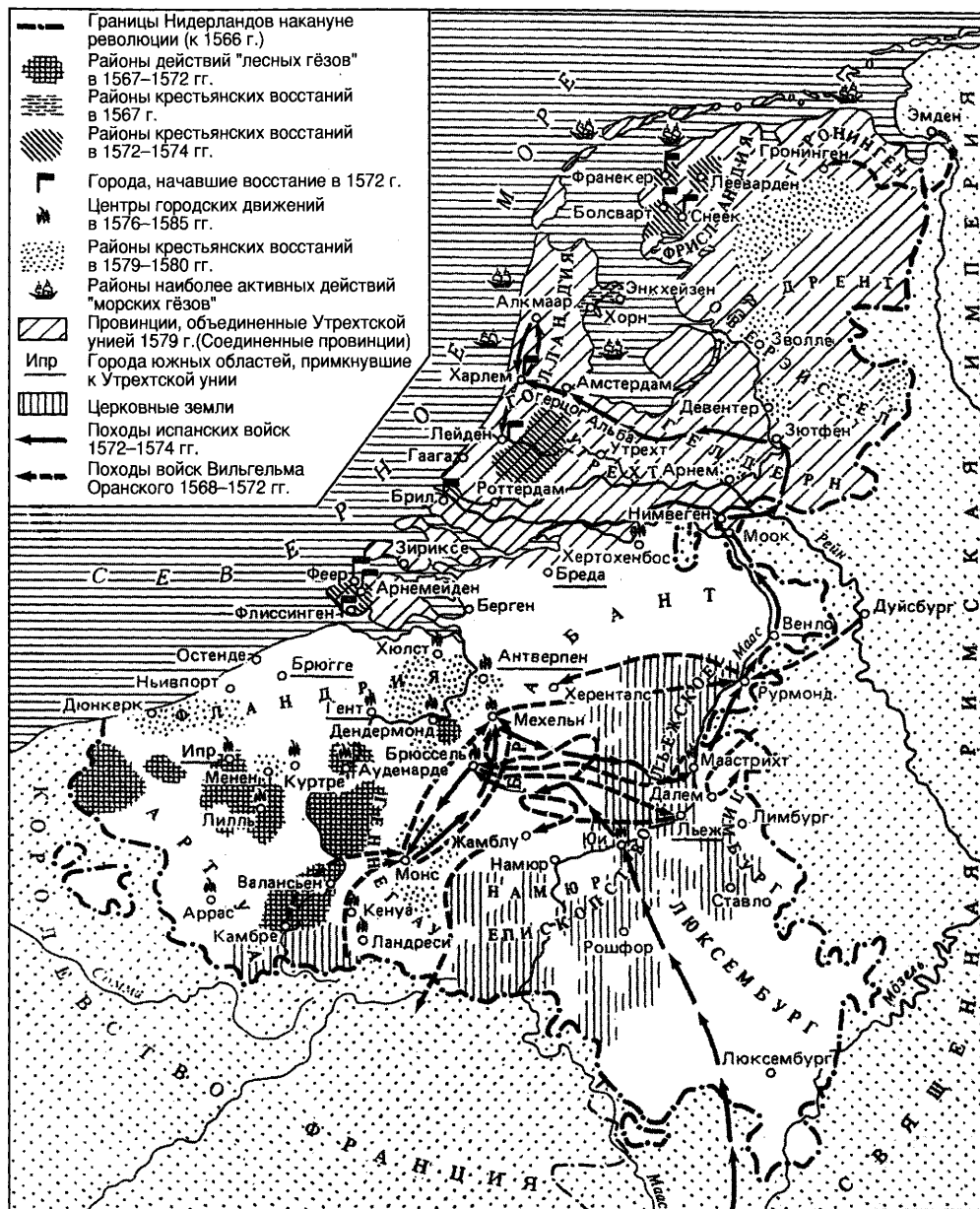
Но военные походы в Нидерланды наемной армии Вильгельма Оранского (в 1568, 1570 и 1572 гг.) закончились поражениями, и наемники были распущены. В это же время борьбу с испанцами вели и народные партизаны, патриоты, которые по аналогии с оппозиционным дворянством стали именовать себя гёзами.

Отряды так называемых «лесных гёзов» при поддержке местного населения действовали на юге в лесах Фландрии и Геннегау. В Северных Нидерландах борьбу против испанцев вели «морские гёзы». Под командованием дворян-кальвинистов и при активной поддержке Вильгельма Оранского они захватывали и топили испанские суда, нападали на порты, доставляли провиант в осажденные испанцами города. Корабли «морских гёзов» базировались в Англии. Однако весной 1572 г., опасаясь конфликта с Испанией, королева Елизавета приказала «морским гёзам» покинуть страну. 1 апреля 1572 г. «гёзы» захватили зеландский город Брилле. Известие о его захвате послужило сигналом к началу всеобщего восстания против испанцев в северных провинциях Нидерландов.

Прибрежные районы страны стали оплотом восставших, и вскоре вся Зеландия и Голландия, кроме Амстердама, оказались во власти «гёзов». Созданные в августе 1572 г. Провинциальные штаты Голландии признали Вильгельма Оранского законным статхаудером Голландии и Зеландии, передав ему верховное военное командование и высшую исполнительную власть в провинциях. Провал собственных планов Вильгельма Оранского и успехи восстания на Севере страны побудили принца перейти на сторону фактически отложившихся провинций. В октябре 1572 г. он прибыл в Голландию и возглавил борьбу против испанцев. Принц полагался на поддержку кальвинистов, хотя и защищал религиозное примирение и веротерпимость. Его целью было изгнание испанцев и объединение 17 провинций Нидерландов в единое свободное государство.

Альба бросил все силы на подавление восстания на Севере: в 1572–1574 гг. испанцы захватили многие города. И только в 1574 г. после блестящей победы голландцев в сражении за Лейден военные действия приостановились.

Провал политики герцога Альбы стал очевидным, и на посту наместника его сменил дон Луис де Рекесенс. Изменилась и тактика испанских властей, они пошли на переговоры с восставшими провинциями. После смерти Рекесенса власть весной 1576 г. перешла к Государственному совету, и Испания уже плохо контролировала управление Нидерландами. К тому же летом 1576 г. в испанской армии, давно не получавшей жалования и продовольствия, начался бунт. Испанские войска двинулись на юг, захватывая и разоряя города. В этих условиях юго-западные и центральные провинции страны вслед за северными выступили против испанцев. 4 сентября 1576 г.

Нидерландская революция

в Брюсселе восставшие арестовали членов Государственного совета, ликвидировав последний орган испанского владычества в стране. Власть перешла к Генеральным штатам, быстро сформировавшим армию.

Но после того как 4 ноября испанские войска разграбили Антверпен («испанское бешенство»), южные и северные провинции подписали текст так называемого «Гентского умиротворения» (8 ноября 1576 г.). В нем провозглашалась верность Филиппу II, подтверждалось единство страны, сохране-

ние католической веры в Южных и кальвинизма в Северных Нидерландах. Объявлялась всеобщая амнистия восставшим. Законы, введенные Альбой, и «плакаты» против еретиков отменялись. Мятежные испанские войска были поставлены вне закона.

«Гентское умиротворение» стало компромиссом между католическим дворянством южных провинций и кальвинистами северных. Однако оно не разрешило существовавших противоречий, и, главное, сохранялось подчинение Испании. К тому же интересы южных и северных провинций были слишком различны, и их объединение в целях борьбы против политики испанских властей не могло быть прочным еще и по этой причине.

В ноябре 1576 г. в Нидерланды прибыл новый наместник дон Хуан Австрийский. Несмотря на несогласие принца Оранского, Генеральные штаты вступили с ним в переговоры и в результате подписания в феврале 1577 г. «Вечного эдикта», по которому дон Хуан обязался соблюдать «Гентское умиротворение», признали его наместником. Зеландия и Голландия под давлением Вильгельма Оранского отказались повиноваться дону Хуану. «Вечный эдикт» был нарушен уже в июне того же года, так как дон Хуан намеревался восстановить прежние порядки, урезать права кальвинистов и усилить власть Испании. Поэтому поддержкой в стране он не пользовался. Уехав из Брюсселя, он захватил крепость в Намюре и выступил против войск Генеральных штатов.

Действия наместника вызвали раскол среди нидерландского дворянства и новый подъем социально-политической борьбы. В Брюсселе, Антверпене, Ипре и Генте оборону городов возглавили кальвинистские консистории. Они организовали так называемые «комитеты 18», которые захватили в свои руки городское управление. Комитет Брюсселя выдвинул требования удалить из Генеральных штатов сторонников испанцев, реорганизовать Государственный совет и вооружить народ. Возглавить вооруженную борьбу против наместника Генеральные штаты призвали Вильгельма Оранского. Он прибыл в Брюссель в сентябре 1577 г., и Штаты Брабанта избрали его статхаудером провинции.

В ноябре 1578 г. скончавшегося дона Хуана сменил новый наместник Александр Фарнезе, герцог Пармский. Испанские войска в это время оставались лишь в южных франкоговорящих католических провинциях. В стране шла настоящая гражданская война: нидерландское дворянство стремилось, получив власть, образовать аристократическую республику. Богатое купечество не соглашалось уступать ему первенство. Мелкие торговцы и городская беднота действовали самостоятельно. Вильгельм Оранский пытался балансировать между разными силами. Но многие ему не доверяли и считали недостаточно решительным.

В этих условиях испанцы начали наступление на север. Александр Фарнезе был талантливым полководцем и искусным дипломатом. Играя на разногласиях между городами, провинциями и различными слоями общества, он сумел договориться с католическим дворянством, примирить южные провинции с властью Испании и разрушить союз южных и северных провинций, заключенный в Генте.

По инициативе католического дворянства 6 января 1579 г. валлонские провинции Геннегау, Артуа, Дуэ заключили сепаратный союз с Фарнезе. По месту его подписания в г. Аррасе он получил название Аррасская уния. В течение 1579 г. к ней присоединились Лилль, Орши, Мехелен, Валансьен и некоторые другие города. Аррасская уния предусматривала соблюдение статей «Гентского умиротворения» 1576 г. и «Вечного эдикта» 1577 г., неприкосновенность католицизма, признание суверенитета Филиппа II при условии сохранения привилегий нидерландского дворянства, вывода испанских войск и восстановления прежних политических порядков. Фактически это означало победу Испании в южных провинциях.

Успехи испанцев на юге сделали очевидной неосуществимость общенидерландского союза. Поэтому северные провинции 23 января 1579 г. в Утрехте подписали текст Утрехтской унии. Заключив свой союз, семь северных провинций: Голландия, Зеландия, Утрехт, Гелдерн, Гронинген, Фрисландия и Оверэйссел, – а также отдельные города Фландрии и Брабанта объявили о намерении бороться до победного конца за политическую независимость и свободу вероисповедания. После этих событий «Гентское умиротворение» фактически утратило силу.

РАСПАД НИДЕРЛАНДОВ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ

Заключение Утрехтской унии положило начало образованию нового государства на Севере страны. Но Вильгельм Оранский не сразу поддержал этот союз, так как еще надеялся на присоединение к нему и южных провинций. Все же подписав унию в мае 1579 г., он вступил в переговоры с королевой Елизаветой и герцогом Анжуйским, рассчитывая получить от них военную помощь для борьбы с Испанией.

В июне 1580 г. был опубликован «Бан и эдикт» Филиппа II, в котором он назвал Вильгельма Оранского главным мятежником, заслуживающим сурового наказания. Ответом на эти обвинения стала знаменитая «Апология» Вильгельма Оранского, оглашенная 13 декабря 1580 г. Обращаясь к Генеральным штатам, принц Оранский опровергал обвинения в свой адрес и описывал правонарушения и преступления испанского режима и самого Филиппа II. Исходя из теории монархомахов и опираясь на реформатские государственно-правовые концепции, он заявил о праве на сопротивление вплоть до низложения государей, вставших на путь тирании. Свою деятельность принц рассматривал как служение «интересам народа» и считал, что только решение «народа» может определить его участь. Он открыто заявил о своем неповиновении королю и сам объявил его вне закона.

После нескольких неудачных попыток заручиться поддержкой Франции и Англии, а также поисков нового суверена страны Штаты Голландии, Зеландии и Утрехта в июле 1581 г. принесли присягу Вильгельму Оранскому как своему статхаудеру, наделенному чрезвычайными полномочиями, но обставили это целым рядом оговорок и условий. И только после этого Генеральные штаты заявили, что отныне не признают Филиппа II сувереном. Акт о его низложении как тирана, поправшего обычаи и законы страны, был подписан 26 июля 1581 г. Это был окончательный разрыв северных провинций с Испанией.

Между тем Фарнезе захватил большую часть земель к югу от Рейна вплоть до Антверпена, присоединившегося к Утрехтской унии. Осенью 1584 г. капитулировал Гент, в марте 1585 г. Брюссель, а в августе – Антверпен. Это означало поражение освободительной войны во Фландрии и Брабанте.

Филипп II считал принца Оранского своим злейшим врагом, и после нескольких неудавшихся покушений Вильгельм Оранский в 1584 г. погиб от руки наемного убийцы, подосланного испанцами.

После смерти принца на должность статхаудера в 1585 г. был избран его сын Мориц Нассауский, но Генеральные штаты продолжали поиски нового суверена. Они обратились к Генриху III Французскому, а после его отказа в августе 1585 г. подписали договор о союзе с Англией, предложив королеве Елизавете стать сувереном Нидерландов. Но она отклонила предложение, отправив в Соединенные провинции с войсками графа Лестера, который Штатами в январе 1586 г. был провозглашен наместником, хотя суверена фактически не было.

Лестер не смог занять ключевое положение в управлении Соединенными провинциями. Генеральные штаты ему не доверяли, но и Елизавета не была довольна его действиями. После отъезда Лестера в 1587 г. в Англию Генеральные штаты прекратили поиски нового суверена. В 1588 г. они взяли на себя управление страной, фактически положив начало Республике Соединенных провинций, официального провозглашения которой никогда не было.

Союз северных нидерландских провинций (его конституцией с 1585 г. де-факто была Утрехтская уния) стал именоваться «республикой», так как относился к числу немногих европейских государств, во главе которых не стоял монарх. Создание Республики Соединенных провинций вовсе не означало, что семь провинций были единым целым. Речь шла скорее об объединении на основе федерации с общими органами управления, где заседали депутаты от каждой провинции. Вследствие преобладания провинции Голландии над другими Республику Соединенных провинций за ее границами стали часто называть Голландией.

После заключения Утрехтской унии кальвинистская церковь стала основной церковью Соединенных провинций, а с 1586 г. – официальной, хотя лишь 1/10 часть населения была привержена кальвинизму, большинство же составляли католики. Но безопасность гарантировалась представителям любой конфессии.

В северных провинциях складывалось государство нового типа, главную роль в нем играли города, оттеснившие на второй план и лишившие участия в государственном управлении деревню. Всю власть в городах держал в своих руках небольшой слой богатейших купеческих семей. Городские советы состояли из 30–40 избранных пожизненно членов. Депутаты от городских советов составляли Провинциальные штаты, депутаты от Провинциальных – Генеральные штаты. Во внутренних делах каждая провинция пользовалась автономией. Необходимость совместных действий в сфере внешней политики выдвинула на первый план две государственные должности: великого пенсионария провинции Голландия, постепенно сосредоточившего в своих руках все нити управления и занимавшегося финансовыми вопросами и внешней политикой отложившихся провинций, и статхаудера – главно-

командующего военными силами республики. На последнюю должность выбирали обычно представителей дома Оранских-Нассау. Борьба между двумя ветвями власти началась уже при Йохане ван Олденбарневелте, с 1586 г. великом пенсионарии провинции Голландия, сыгравшем важную роль в организации устройства нового государства, и статхаудере Морице Нассауском.

Мориц Нассауский был талантливым полководцем. В 90-е годы XVI в. ему удалось отвоевать временно оккупированные испанцами земли республики, овладеть цепью важных крепостей и перенести военные действия в Южные Нидерланды. Революционно-освободительная борьба Нидерландов против испанцев, начавшаяся в 60-е годы XVI в., завершилась в 1609 г. перемирием сроком на 12 лет. Соединенным провинциям фактически была предоставлена независимость. В 1621 г. война с Испанией возобновилась в рамках Тридцатилетней войны. Долгое время военные действия велись с переменным успехом, но в конце концов Испания потерпела поражение и вынуждена была официально признать государственную независимость Соединенных провинций по Мюнстерскому миру, ставшему составной частью договорной системы Вестфальского мира 1648 г. (см. об этом в главе, посвященной Нидерландам XVII в.)

Вестфальский мир положил конец периоду, который в современной нидерландской историографии, как правило, называется Восьмидесятилетней войной – 1568–1648 гг. Он характеризуется как восстание в Нидерландах против испанского абсолютизма, которое затем переходит в войну за независимость семи северных провинций. Его конец совпадает с завершением общеевропейского конфликта – Тридцатилетней войны. Период, предшествующий указанному, – от вступления во владение Нидерландами Филиппа II в 1555 г. до подавления иконоборческого восстания и карательной экспедиции Альбы в 1567 г. – выделяют как начальный этап борьбы Нидерландов против Испании.

Первым историческим сочинением о восстании Нидерландов против Испании стала книга «Бельгийская и нидерландская история нашего времени». Ее автором был Эмманюэль ван Метерен (1535–1612), богатый купец, с 1583 г. глава нидерландской купеческой корпорации и ее представитель в Лондоне.

В течение всей жизни Метерен интересовался историей борьбы Нидерландов с Испанией и собирал различные сведения и документы о ней. Его дядя, знаменитый картограф А. Ортелиус, убедил Метерена переработать собранные материалы в книгу и издать ее. На основе богатой коллекции документов Метерен начал писать хронику событий, а по причине продолжавшихся военных действий в Нидерландах решил издать свой труд в Германии: в 1593–1596 гг. труд Метерена в двух частях был издан на немецком языке в Нюрнберге, а в 1598 г. в Кёльне на латинском. Однако в основу нидерландского издания (1599 г., Делфт) был положен авторский первоначальный вариант. Написанное в стиле хроники сочинение Метерена содержало прежде всего точное изложение событий их современником. По политическим убеждениям кальвинист-республиканец, он рассматривал восстание против Филиппа II как справедливое возмездие тирану и богоотступникам. Важное место в его описании событий занимала героическая борьба нидерландского народа против иноземных угнетателей. Метерен уделил большое внимание роли обществ редерейкеров (риторов) и подробно описал ланд-ювелы (праздничные публичные представления) редерейкеров в

Генте в 1539 г. и в Антверпене в 60-е годы XVI в., ставшие своего рода прологом Гентского восстания 1539–1540 гг. и иконоборческих выступлений в Нидерландах в 1566–1567 гг.

В Соединенных провинциях сочинение Метерена сначала было запрещено, поскольку Генеральные штаты опасались, что некоторые высокопоставленные господа после ознакомления с книгой сочтут себя оскорбленными. Но и без патента Штатов новая дополненная Метереном версия все же увидела свет в 1608 г., хотя и с указанием на титуле вымышленных места издания и имени издателя. После смерти Метерена Штаты провинции Голландия поручили занимавшим в то время высокие государственные посты Гуго Гроцию и Жиллю ван Леденбергу внести в труд Метерена «нужные исправления». Так появилось издание 1614 г. «История нидерландцев и их войн на соседних территориях», которое в XVII–XVIII вв. неоднократно переиздавалось, в том числе и на французском и английском языках. Труд Метерена является ценным историческим источником по истории Нидерландской революции XVI в.

В результате Нидерландской революции не только появилось на европейской карте новое государство, Республика Соединенных провинций, но и были созданы в нем все условия для быстрого развития капиталистических форм производства и обмена, расцвета национальной культуры в поистине «золотом» для Соединенных провинций XVII веке.

КУЛЬТУРА И НАУКА НИДЕРЛАНДОВ В XVI ВЕКЕ

Как и в предыдущем столетии, важнейшую роль в нидерландской культуре XVI в. играла живопись. Но под влиянием гуманистических идей и Реформации религиозная живопись в этот период утратила ведущее значение, уступив место развивающимся светским жанрам: портрету, пейзажу, бытовому жанру. В первые десятилетия XVI в. в Нидерландах появился пейзаж как самостоятельный, светский жанр.

Поиски новых выразительных средств, тем и сюжетов проявились в первой трети XVI в. в развитии романизма, основанного на подражании итальянским образцам Высокого Возрождения. Художники-романисты стремились приобщить нидерландское искусство к классической традиции. Они значительно расширили тематику живописи, используя античные и мифологические сюжеты, обратились к проблемам перспективы, сложного движения фигур и построения монументальных композиций. Крупными романистами были Ян Госсарт (ок. 1478–1532), Барент ван Орлей (ок. 1488–1541), Йос ван Клеве (1464 – ок. 1540).

Одного из самых значительных голландских художников первой половины XVI в. Луку Лейденского (1489 или 1494–1533) можно отнести к романистам лишь частично. Художник вошел в историю искусств прежде всего как замечательный мастер резцовой гравюры, хотя он также пробовал свои силы в офорте и много работал в ксилографии.

Демократизм нидерландской живописи выразился в формировании крестьянского жанра и натюрморта, увеличении числа картин бытовой тематики. Повседневная жизнь крестьян, ремесленников и торговцев предстает в творчестве амстердамского художника Питера Артсена (ок. 1508–1575) и его учеников.

Живопись второй половины XVI в. все чаще отражала жизнь простого народа и социальные противоречия эпохи. Наиболее ярко это проявилось у Питера Брейгеля Старшего (1525/1530–1569), именно поэтому получившего прозвище «Мужицкий». Глубоко национальное по форме и содержанию творчество Брейгеля стало итогом развития нидерландской живописи. Брейгель замыкает собой ряд нидерландских живописцев эпохи Возрождения.

Важнейшим явлением духовной жизни Нидерландов стало гуманистическое движение, главным представителем которого был Эразм Роттердамский (1466/69–1536). Хотя Эразм работал в разных странах Европы, именно в его творчестве нидерландский гуманизм нашел свое законченное выражение.

Развитие гуманизма, поддержанное национально-освободительным движением против испанских властей, подготовило расцвет литературы. Во второй половине XVI в. начался подъем светской поэзии, во многом ориентированной на итальянские и французские образцы.

К лучшим произведениям латинской поэзии Нового времени относятся латинские стихи Иоанна Секунда (1511–1536). Славу принес ему сборник лирических стихотворений «Поцелуй», в котором Секунд мастерски продемонстрировал всю риторическую технику латинской любовной поэзии.

Огромное значение для развития нидерландской культуры XVI в. имели камеры редерейкеров (или камеры риторов) – риторические общества любителей театра и литературы. Посредством своих произведений редерейкеры активно распространяли нидерландский язык, и в эпоху испанского господства их творчество стало одним из очагов национальной культуры. Они сыграли значительную роль в деле Реформации и подготовки политической оппозиции.

Яркую и злую сатиру на Римско-католическую церковь «Улей святой римской церкви» (1569) создал Филипп ван Марникс тот Синт Альдегонде (1539–1598), писатель и политический деятель, сражавшийся пером и оружием против власти Испании. Марниксу приписывают и авторство изданной анонимно песни «Вильгельмус», ставшей гимном Нидерландской революции.

Огромную роль в становлении нидерландской прозы XVI в. сыграл Карел ван Мандер (1548–1606), западнофламандский живописец, поэт, историк и теоретик искусства. Ван Мандер одним из первых в стране осваивал новые стихотворные формы (сонет, александрийский стих), переводил произведения античных авторов. Одним из крупнейших памятников нидерландского гуманизма стало изданное Ван Мандером в 1604 г. историко-теоретическое сочинение «Книга художника». Созданное по образцу «Жизнеописаний» Джорджо Вазари и включавшее свод жизнеописаний северонемецких и нидерландских мастеров, это сочинение Ван Мандера и поныне является одним из основных источников для изучения европейского искусства XV – начала XVII в.

В Нидерландах достигает высочайшего уровня искусство книгопечатания. Это связано с именем одного из самых известных типографов и издателей XVI в. Кристофа Плантена (ок. 1520–1589). Его издательство в Антверпене стало крупнейшим в Европе, имея филиалы в Париже и Лейдене. Издания Плантена отличались высоким полиграфическим качеством, кра-

сотой шрифта и переплетов, безупречной грамотностью текстов. За 34 года деятельности Плантен выпустил свыше 1600 изданий, главным образом научные труды, а также тексты классиков античности с комментариями ученых, литургические и богословские книги.

В 1581 г. в Лейдене начал свою деятельность Лодевейк Эльзевир (ок. 1546–1617), родоначальник династии самых известных голландских типографов и издателей XVI–XVIII вв. Издательство Эльзевиров существовало до 1712 г. Оно выпустило около 2200 книг, и все они отличались красотой и изысканностью.

В связи с участием Нидерландов в Великих географических открытиях больших высот достигли географическая наука и особенно картография, главными представителями которой были Меркатор и Ортелий.

Выдающийся космограф Герард Меркатор (1512–1594) считается основоположником современной картографии. В 1538 г. Меркатор составил карту «Образ мира», на которой одним из первых показал местоположение южного материка. Затем он приступил к работе над созданием карт земного шара, при составлении которых применил новую картографическую проекцию – «проекцию Меркатора». Именно он предложил термин «атлас» для обозначения набора карт в форме книги (на титульном листе книги было помещено изображение античного гиганта Атласа, несущего на плечах земную сферу).

Абрахам Ортелий (1527–1598), фламандский рисовальщик, гравер, географ, картограф и издатель карт, стал автором первого в мире системного собрания карт четырех континентов и отдельных стран Европы, Африки, Азии и Америки (1570 г.).

Дальние плавания нидерландских купцов и мореплавателей, таких как Виллем Баренц (ок. 1550–1597), не только помогли пополнить список географических открытий, но и значительно расширили сферу знакомства с заморской фауной и флорой, способствовали росту научных знаний в области ботаники и зоологии. Медик и ботаник Ремберт Додунс (1517–1585) представил в своих трудах подробные описания и рисунки растений дальних стран. Более знаменит французский ботаник Карл Клузий (1526–1609, настоящее имя Шарль де Леклюз), который с 1593 г. возглавлял кафедру ботаники Лейденского университета. Он занимался также разведением тюльпанов, которые быстро завоевали популярность и со временем превратились в один из символов страны. Медик и анатом Волхер Койтер (1534–1576) стал одним из основоположников новой науки – эмбриологии.

В конце XVI в. в результате национально-освободительной войны против Испании и успешного завершения Нидерландской революции единство комплекса земель исторических Нидерландов перестало существовать. Вследствие этого и их общая культура утратила прежнюю целостность. В Республике Соединенных провинций и Южных Нидерландах, оставшихся под властью Испании, началось формирование двух национальных культур: голландской (будущей нидерландской) и фламандской (фламандско-валлонской, будущей бельгийской), названных так по ведущим провинциям Севера и Юга нидерландских земель. Отныне каждая из них развивалась самостоятельно.

АНГЛИЯ, ШОТЛАНДИЯ И ИРЛАНДИЯ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНГЛИИ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

Период конца XV – XVI в. – эпоха бурных потрясений, связанных прежде всего со становлением капиталистического уклада в экономике, – занимает особое место в истории Англии. Мерилом социального престижа и политической власти в Англии XVI в., как и повсюду, была земля, но именно здесь сельское хозяйство, издавна связанное с внутренним и внешним рынком (вывоз овечьей шерсти, а затем и сукна), раньше промышленности стало объектом вложения капитала; в первую очередь в деревне создавались оптимальные условия для так называемого первоначального накопления. Причем аграрный переворот, базировавшийся на экспроприации крестьянства, совпадал с мануфактурной стадией развития капитализма в промышленности. Эти особенности развития страны в XVI в. наложили глубокий отпечаток на всю ее дальнейшую историю.

Процесс разложения традиционных порядков в деревне яснее всего проявлялся в эволюции рентных отношений, которые, хотя и имели еще феодальную природу, тем не менее качественно трансформировались, в том числе под влиянием инфляции, связанной с «революцией цен».

К началу XVI в. основная масса крестьян была лично свободной и находилась преимущественно лишь в поземельной зависимости от лорда. В конце XV – XVI в. углубился раскол английского дворянства на два различных по своей социально-экономической природе слоя: старое и новое (джентри). Старое дворянство составляли не столько древние аристократические кланы, уцелевшие в войнах Алой и Белой Роз, сколько дворяне, жившие за счет придворных должностей и сохранявшие в своих владениях преимущественно феодальные порядки. Верность старому способу ведения хозяйства приводила к оскудению манора (поместья), подчас к обеднению и упадку аристократии.

Способы формирования земельной собственности нового дворянства, джентри, были различны. Приобретая землю благодаря королевским пожалованиям, новое дворянство расширяло свои владения за счет насильственной экспроприации крестьян. Как правило, в сословном отношении принадлежавший к нетитулованной знати новый дворянин XVI в. (поместный сквайр, арендатор и одновременно владелец мануфактуры, торговец или участник заморских авантур) стал значимой фигурой в деревне в переломный момент ее истории. К середине XVII в. существовали уже тысячи семей нового дворянства: в 1640 г. только в Кенте их насчитывалось около 2 тысяч. Их поместья отличались высокой рентабельностью, что было бы невозможно при использовании лишь традиционных методов эксплуатации земли; требовалось совмещать феодальную ренту с коммерческой прибылью за

счет новых способов ведения хозяйства. К их числу относилась сдача земли в аренду, причем сроки арендных договоров сокращались, позволяя джентри быстрее реагировать на меняющуюся рыночную конъюнктуру. Сдача в аренду не только домена, но и крестьянских держаний, а также использование труда наемных работников свидетельствовали о постепенном переходе к новым методам хозяйствования.

Интересам джентри противоречила система рыцарских держаний, существовавшая в Англии с XI в. Выплата «щитовых денег» в качестве откупа за рыцарскую службу королю давно изжила себя, однако «вассал» все еще был обязан в определенных случаях помогать королю деньгами, платить релъф – выкуп за право вступления в наследство старшего сына из дворянской семьи и др. Особенно ненавистна была дворянству система опеки малолетних наследников (мужчин – до 21 года, женщин – до 16): король или вышестоящий лорд могли бесконтрольно распоряжаться имуществом несовершеннолетних подопечных. Все эти нормы феодального права противоречили материальным интересам нового дворянства.

Многое изменилось и в судьбе крестьянства. Преобладающей формой крестьянского держания в XVI в. был копигольд – держание земли по копии договора, составленного в манориальной курии (поместном суде), где после уплаты денежного взноса (вступного файна) и принесения присяги лорду копигольдеру выдавали копию протокола, фиксировавшего размеры участка, высоту ренты и срок держания. Жизнь копигольдера определял манориальный обычай, но его положение зависело и от воли лорда, иногда шедшей наперекор обычаю. В целом обычай – по словам А.Н. Савина, «душа и жизнь копигольда» – являлся в маноре нравственным законом и регулятором правовых норм, защищал права вдов и детей, определял правила передачи земли по наследству. Чем старше был обычай, тем больше он значил в жизни манора.

Правовое положение копигольдеров отличалось от положения свободных держателей (фригольдеров), обязанных лордам лишь символическими рентами (роза, перчатка, зернышко перца), неподвластных манориальной юрисдикции и имевших доступ наряду с другими гражданами королевства в королевские суды. Однако копигольд в XVI в. превалировал, удельный вес его площади по стране достигал в среднем 75–80%, а на аренду и фригольд приходилось 20–25%. Это свидетельствовало о достаточной традиционности поземельных отношений. Тем не менее в XVI в. шли процессы, представлявшие угрозу копигольду. Это был прежде всего процесс внедрения в деревню отношений краткосрочной (7–11 лет) аренды, позволявшей быстро повышать плату. Хотя в XVI в. преобладали сроки средней длительности (40–50 лет), показателен сам факт формирования этого типа отношений внутри манора, наряду с копигольдом и часто за счет него.

Угрозу копигольду представляла и имущественная дифференциация крестьянства. Размывалось ядро английской деревни – средние слои йоменри (держатели участков от 30 до 60 акров). Разбогатевшие копигольдеры могли вести хозяйство на участках площадью до 300 акров; нередко они меняли и сословный статус, пополняя ряды местного дворянства. В то же время крестьяне-коттеры (держатели участков в 3–5 акров), почти лишенные земли, были вынуждены становиться временными арендаторами на воле лорда либо пополнять армию пауперов. Конеч-

ным результатом процесса дифференциации станет полное исчезновение крестьянства.

Более заметным фактором экспроприации крестьянства являлись проводимые владельцами маноров огораживания в целях изгнания крестьян с земли (эвикции) и превращения их пашни в пастбища для овец. Процесс массовой насильственной экспроприации крестьянства и монополизации земельной собственности в манорах «новым дворянством» привел к обезлюдению деревень и росту бродяжничества. Однако этот фактор был решающим в основном для центральных и восточных регионов Англии, где природные условия наиболее благоприятствовали пастбищному овцеводству. Огораживания там проводились в два основных этапа: 40–50-е годы XVI в. и конец XVI – начало XVII в. Первый из этих этапов был связан с социальными последствиями закрытия монастырей в ходе Реформации.

Площадь секуляризованных земель достигала четверти всей обрабатываемой территории страны. Обширный фонд монастырских земель, образовавшийся вследствие диссольюции (респуска монастырей), недолго оставался у короны. Значительная его часть вскоре разошлась по рукам частных владельцев. К 1547 г. было продано уже две трети секуляризованных церковных владений. Формы их приобретения были различны: продажи, сдача в аренду (обычно на 99 лет), безвозмездные пожалования. Так, при Генрихе VIII 38 пэрм Англии было пожаловано около 1/9 части монастырской недвижимости. Помимо титулованной аристократии земли приобретали купцы, чиновники, финансисты, владельцы мануфактур, англиканское духовенство, а более всего поместные сквайры из нового дворянства. С формально-юридической точки зрения «новые» лорды, получившие монастырские земли, не обязаны были соблюдать местные манориальные обычаи. Они могли по своему усмотрению менять сроки держаний, повышать ренты, превращать копигольд в аренду или просто сгонять держателей с земли, проводя огораживания.

Тюдоры боролись с огораживаниями, издавая направленные против них статуты и прокламации. К этому правительство побуждали прежде всего соображения фискального и военного характера: крестьяне являлись основными налогоплательщиками, и из их массы набирались рекруты в годы военных конфликтов. Не последним фактором была боязнь крестьянских волнений. Однако акты против огораживаний соблюдались редко.

Сгон крестьян с земли порождал рост пауперизма. Бродяги и нищие наводняли дороги страны. Местные власти, по распоряжению правительства, заносили их имена в специальные регистрационные журналы, а наиболее опасных высылали в отдаленные графства Англии или за ее пределы. Многие из них попадали на галеры, иные становились пиратами. Законодательство Тюдоров против нищих по праву называют кровавым.

Вторая волна огораживаний, вызванная, помимо прочего, еще и ослаблением контроля за соблюдением королевских статуты, поднялась в основном в графствах Центральной Англии в конце XVI – начале XVII в. В других регионах страны большую угрозу для крестьянского землевладения представлял процесс постепенного вытеснения крестьян с копигольдерских держаний и внедрения на них представителей тех общественных прослоек, которые хотели, сами не работая на земле, превратить ее в источник ренты

или коммерческой прибыли. Обычно они появлялись тогда, когда сроки держания истекали, а лорд манора, нарушая обычай (по которому вступной фэйн ограничивался размером двухгодичного дохода с данного участка земли), требовал денежный взнос, в десятки и сотни раз превышающий обычные размеры, так что крестьянин был вынужден отказываться от держания. Самые высокие фэйны могли заплатить дворяне или купцы из ближайшего города, владельцы мануфактур, а чаще всего – богатые соседи, собиравшие землю в различных манорах. По сути, это был процесс скрытого обезземеливания крестьянства, узурпация его держательских прав с точки зрения манориального обычая. Лорды же, повышая фэйны, компенсировали этим убытки, связанные с неподвижностью ежегодных фиксированных рент.

На Северо-Западе Англии (например, в Ланкашире) преобладал дворянский фригольд. Здесь угроза крестьянскому землевладению заключалась в проникновении на копигольд новых дворян.

Не следует преувеличивать степени интенсивности капиталистического развития в аграрной экономике Англии XVI в.: все еще существовала система рыцарских держаний, сохранявшая черты феодальных отношений вассалитета; взимались старые феодальные платежи (отработки, натуральные ренты); сохранялись вилланское (несвободное) состояние и вилланские держания. Жизнь копигольдеров во многом была подчинена традиции, да и аренда, несмотря на ее «капитализацию», очень напоминала копигольд.

Изменения в аграрном строе Англии были неотделимы от развития в стране промышленного производства. Главной его отраслью в XVI в. стало сукноделие, в котором наиболее интенсивно шло формирование капиталистического уклада. Именно развитию сукноделия Англия более всего была обязана ростом своего национального богатства. Английское сукно было достаточно качественным и в то же время дешевым. Сукно производилось в основном в деревне, где дифференциация крестьянства создала условия для развития так называемой рассеянной мануфактуры. В таких мануфактурах использовался труд безземельных (или малоземельных) крестьян, работавших в основном на дому. Противодействие городских властей росту мануфактур, конкурировавших с ремесленными корпорациями, побуждало предпринимателей (в числе которых было немало представителей джентри) устраивать их в сельской местности. Перекупщики шерсти (а в дальнейшем владельцы раздаточных контор), работавшие на крупных предпринимателей-суконщиков, большими партиями покупали шерсть у овцеводов и раздавали прядильщикам, работавшим на дому, а затем ткачам, красильщикам, валяльщикам. В маноре можно было найти и дешевое сырье, и дешевую рабочую силу. Это соединение в маноре XVI в. ведущих направлений хозяйственной эволюции страны в промышленном и сельскохозяйственном производствах было важной особенностью английского варианта генезиса капитализма.

Более высокая стадия развития сукноделия достигалась, если работодатели собирали работников под одной крышей, централизуя процесс производства на основе его специализации. Уже в XVI в. имелись предприятия, на которых применялся труд сотен наемных рабочих.

Важнейшими центрами сукноделия были окрестности Нориджа и Колчестера в Восточной Англии, Престона и Вигана на Северо-Западе, Эксетера и Солсбери на Юго-Западе. Производство сукна и его экспорт непрерывно возрастали. Сукноделие становилось все более выгодным, им занимались выходцы из разных слоев общества, включая дворян.

Помимо сукноделия, в некоторых регионах страны развивается производство шелковых тканей, пользовавшихся широким спросом, особенно при королевском дворе. В конце XVI в. в Северной Англии стали производить и хлопчатобумажные ткани (сатин, бумазею), сырье для выделки которых английские купцы доставляли из Леванта.

Значительные успехи были достигнуты в традиционных отраслях промышленного производства: пивоварении, изготовлении мыла. Возникают и новые отрасли промышленности: производство пороха, селитры, сахара, сырье для которого доставлялось морем. Росла угледобыча; к началу XVII в. по уровню ее развития Англия выходит на первое место в Европе. На Севере и Юго-Западе страны высокого уровня достигает добыча свинца, олова, меди, железа. Быстро развивалось кораблестроение. Вместо громоздких судов с высокой надводной частью в Англии стали строить корабли удлиненной формы, подвижные и четко производящие в бою нужные маневры.

Интенсивное развитие сельского хозяйства и промышленности во многом определило пути развития торговли. К XVI в. в стране образовался единый национальный рынок с центром в Лондоне, население которого составляло к началу XVII в. около 200 тысяч жителей; этот город стал одним из крупнейших торговых центров Европы.

С XIV в. королевская власть жаловала некоторым лондонским гильдиям статус «ливрейных компаний» с правом иметь герб и ливреи и даже с исключительным правом производить тот или иной товар, а позднее торговать им. В XVI в. ливрейные компании стали возникать и в других крупных городах. В Лондоне двенадцать наиболее влиятельных, «больших» ливрейных компаний заняли ведущее место в городской экономике, практически монополизировав городское управление. Их члены активно участвовали и во внешней торговле, главным образом через внешнеторговые компании, к числу которых относились «регулируемые» и «паевые».

«Регулируемые» компании получали от короны патенты на монополистическую торговлю в той или иной области. Их члены не объединяли капиталы, а вели торговлю на свой страх и риск. Такая система порождала конкуренцию и способствовала развитию инициативы и деловой хватки. Примером может служить Компания «купцов-авантюристов»* (Merchants adventurers), возникшая в XV в. В упорной борьбе она отвоевала у Ганзы право экспорта из Англии шерсти и сукна; ганзейская фактория в Лондоне была закрыта. «Купцы-авантюристы» организовали свою факторию в Антверпене и заняли ведущее положение на европейском рынке шерсти.

«Регулируемые» компании вели торговлю в основном на ближних европейских рынках – в Голландии и Франции. Однако с потерей порта Кале

* Слово *adventurers* в данном случае должно переводиться как «предприниматели», «искатели удачи» (от англ. *venture* – (рискованное) предприятие), т.е. его значение довольно далеко от того, что в русском языке понимается под «авантюристом». – *Примеч. ред.*

(1558 г.) и в связи с закрытием в 80-е годы XVI в. в ходе Нидерландской революции торговых баз в Брюгге и Антверпене английским купцам пришлось искать новые рынки сбыта и открывать пути в неведомые края. Реализация этой цели требовала объединения капиталов: на основе этого объединения возникают паевые компании, члены которых приобретали у правительства грамоты на право вести монопольную торговлю в той или иной стране. Каждый пайщик вносил в дело свою строго определенную долю. Организацией экспедиций занимался совет паевой компании.

К числу компаний нового типа относились Русская (Московская) компания, а также Восточная, или Балтийская (1579 г.), и Левантийская (1581 г.), торговавшая с Османской империей. Гвинейская компания (1588 г.) монополизировала работорговлю, которая скоро стала одним из источников обогащения страны. В 1600 г. возникла Ост-Индская компания.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНГЛИИ

Укрепление английской монархии в эпоху раннего Нового времени связано с династией Тюдоров (1485–1603), утвердившейся на престоле после завершения войн Алой и Белой Роз. Победив в битве при Босворте Ричарда III, граф Ричмонд короновался как Генрих VII (1485–1509). В его жилах текла кровь Ланкастеров, а женившись на Елизавете Йоркской, король положил конец многолетней распре аристократических кланов.

В период междоусобиц и анархии позиции королевской власти ослабли: крупные магнаты, опираясь на феодальные дружины, пользовались широкими политическими вольностями. Генрих VII распустил ливрейные отряды, служившие знати, сравнял с землей замки непокорных и истребил тех, кто мог бросить вызов его власти. Благодаря конфискованным землям и имуществу мятежников он стал одним из самых богатых монархов Европы: его состояние достигало 2 млн фунтов стерлингов. Он ликвидировал судебные права лордов, расширив юрисдикцию короны. Эти меры стали возможны благодаря поддержке его централизаторской политики широкими слоями английского общества, уставшего от войны, а также парламентом.

В конце XV – начале XVI в. сложилась новая система отношений между короной и дворянством. Уцелевшая аристократия проявляла лояльность, но чтобы создать прочную опору престолу, Генрих VII насаждал новую «тюдоровскую аристократию», даруя титулы и земли своим сторонникам из рядов джентри. Двор ранних Тюдоров стал центром притяжения для среднего и мелкопоместного дворянства, открывая возможности для придворной, военной и чиновничьей карьеры, что было особенно важно в условиях материального оскудения «старого дворянства». Тюдоры отбирали на службу дворянскую молодежь, получившую образование в университетах, при них светские лица впервые потеснили клириков в аппарате государственного управления.

Централизаторскую политику отца продолжил Генрих VIII (1509–1547), подчинивший отдаленные северные территории и Уэльс, для управления которыми были созданы Совет Севера и Совет Уэльса.

Завоеванный еще в XIII в. Уэльс не представлял собой к концу XV в. единого целого, будучи конгломератом разных по статусу образований, начиная от княжества Уэльс (с 1301 г.), королевского домена, разбитого на графства на севере и западе, и заканчивая частными юрисдикциями отдельных сеньюрий в Окраинных землях. По праву завоевания Уэльс попал под власть английского короля, однако не являлся частью королевства Англия. Эдуард IV в 1471 г. создал Совет Окраинных земель для управления двором и владениями принца Уэльского, но вскоре Совет получил полномочия на решение правовых и военных вопросов, а Генрих VII еще более расширил их, используя Совет для усиления королевской власти в регионе.

По Акту объединения 1536 г. Уэльс был инкорпорирован в Англию. Все различия в правовом статусе между королевскими подданными в Англии и Уэльсе отменялись. Этим же актом валлийцам было даровано парламентское представительство, и к моменту принятия объединительного акта 1543 г. представители новых округов уже участвовали в парламенте в его обсуждении. Политика Генриха VIII не встретила значительного сопротивления в Уэльсе, так как местное джентри шло на сотрудничество с короной.

Акты 1536 и 1543 гг. положили начало образованию Объединенного королевства и интеграции Уэльса в рамках английского государства. Исследователи дают противоречивую оценку значения этой меры для валлийцев и валлийской культуры. С одной стороны, в ней видят попытку уничтожить национальное своеобразие Уэльса, однако отмечается и последовавший за объединением процесс внутренней консолидации валлийских территорий. Вопрос о языке также решался неоднозначно. В начале правления Елизаветы в связи с потребностями церковного урегулирования была пересмотрена унитарная политика в отношении языка. Акт 1563 г. санкционировал перевод Библии и Книги общих молитв на валлийский язык. Многие историки считают, что именно вследствие этой меры Реформация прошла здесь менее болезненно, чем в Ирландии или на Севере Англии.

Генрих VIII был незаурядной натурой, его восшествие на престол породило у гуманистов надежды на наступление эпохи просвещенного правления. Генриха по праву считают первым «ренессансным» государем Англии, придавшим блеск и величие монархии и двору.

Хотя авторитарные тенденции и уверенность в божественном характере собственной власти были свойственны Генриху VIII (как и всем Тюдорам), в английской политической теории сложилась традиция восприятия страны как «смешанной монархии», где король правит в союзе с парламентом и подчиняясь законам. Проводя на практике авторитарную политику, Тюдоры, тем не менее, проявляли политическую гибкость, считались с правовыми традициями и сотрудничали с парламентом.

В правление Генриха VIII при активном участии канцлера Т. Кромвеля были проведены важные реформы государственного управления. Главным административным органом стал Тайный Совет, сфера деятельности которого была практически неограниченной: он ведал внутренней и внешней политикой, финансами и обороной. Доминирующие позиции в нем занимали лорд-канцлер, лорд-казначей, государственный секретарь, лорд-адмирал и маршал королевства. Все больший вес приобретала должность государственного секретаря: из слуги монарха, ведавшего личной королевской

печатью, он превратился в координатора работы Тайного Совета, министра, курировавшего также разведку и дипломатическое ведомство.

Важную роль в укреплении монархии Тюдоров сыграло развитие судебной системы. Особое место в ней заняла Звездная Палата, учрежденная Генрихом VII для борьбы с оппозицией феодальной знати и рассматривавшая дела о государственной измене.

Аппарат тюдоровского центрального управления не превышал 1500 человек, и лишь небольшая его часть получала жалование из казны. Источником доходов большинства чиновников были официально установленные вознаграждения от просителей, тем самым корона перекладывала содержание своей бюрократии на население.

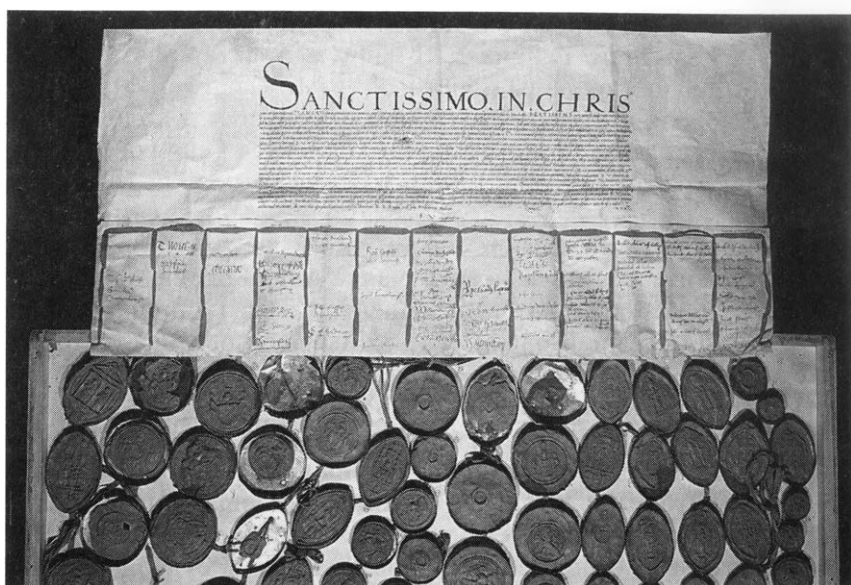
В системе местного управления ключевую роль играли шерифы, назначавшиеся королем и ведавшие коронными землями, и мировые судьи, ежегодно избиравшиеся на собраниях местного дворянства. Работа последних не оплачивалась, считаясь почетной обязанностью. Система мировых судей была разветвленной и эффективной, причем они сохраняли тесную связь с местным дворянством, из которого рекрутировались. Зачастую шерифы и мировые судьи дублировали функции друг друга.

Особенностью тюдоровского государства было отсутствие постоянной армии. В мирное время личная королевская гвардия насчитывала около 200 человек. В военное время монархи призывали своих вассалов-дворян и использовали наемников. Система обороны страны основывалась на отрядах местной милиции, в которые входили все самостоятельные мужчины (йомены-крестьяне и горожане-фримены), прошедшие обучение военному делу и имевшие соответствующее вооружение.

Королевский флот был создан указами Генриха VII и Генриха VIII, которые всемерно поощряли судостроение. Ядро королевских морских сил составляли 40–50 кораблей, но прерогативой монарха была мобилизация частных купеческих и рыбацких судов в случае войны.

Особенностью политической системы было сохранение позиций парламента, который не только вотирует налоги, но и активно участвовал в законодательстве. Сфера парламентского законодательства постоянно расширялась: в XVI в. в нее входили экономическое и социальное регулирование, вопросы религии и церковного устройства и даже утверждение порядка престолонаследия. Жизнестойкость парламента была обусловлена глубокими политическими традициями, а также тем, что отсутствие антагонизма между рыцарями и горожанами, заседавшими в палате общин, затрудняло манипулирование сословиями со стороны короны. С другой стороны, сами Тюдоры были заинтересованы в сохранении органа, который санкционировал многие важные политические шаги монархии.

Парламент состоял из палаты лордов и палаты общин. Состав последней формировался на основе выборов в городах и графствах, что позволяло депутатам заявлять, что они представляют интересы всего королевства. Государь и высшие чиновники имели возможность влиять на процедуру выборов и диктовать местным дворянам, кого бы они хотели видеть в нижней палате. В нем сохранялись и своеобразные отношения феодально-бюрократического патроната: многие депутаты группировались вокруг ведущих государственных деятелей и отстаивали внесенные патронами законопроекты.

Прошение английских епископов папе римскому о разводе Генриха VIII.
Секретный архив Ватикана © Photo Scala, Florence

Сговорчивость парламента была одной из причин его успешной интеграции в новую систему власти. Однако к концу столетия палата общин стала проявлять все большую независимость.

В XVI в. в парламенте окончательно сложились нормы и процедура законотворчества: правила подачи биллей, их троекратного слушания, принципы работы согласительных комиссий при редактировании законов. Сформировалась дисциплина и корпоративная идеология, основывавшаяся на идеях ответственности за дела государства и высокого престижа депутатов. За ними закрепились некоторые привилегии, получившие название «парламентских свобод». В начале каждой сессии спикер просил монарха даровать им свободу высказываться, не опасаясь преследования, свободу доступа парламентских делегаций к королю и свободу от ареста за деятельность в парламенте. Хотя эти привилегии соблюдались не всегда, они легли в основу представлений о политических правах личности в Англии.

Огромную роль в политическом развитии страны сыграла Реформация. Евангелические идеи стали распространяться здесь в 20-е годы XVI в. под влиянием французских и немецких реформаторов. Лютеранство было популярно преимущественно в городской среде благодаря оживленной торговле с Германией и Нидерландами, откуда в Англию тайно ввозилась протестантская литература. Однако в это время требование реформы Церкви еще не вылилось в Англии в широкое общественное движение.

Английские гуманисты по-разному восприняли идеи Лютера: в Оксфорде к ним отнеслись критически, в то время как в Кембридже у него появились последователи – У. Тиндал, М. Ковердейл, Т. Кранмер, Х. Латимер – будущие деятели Реформации. Уильям Тиндал в 1524 г. перевел Новый Завет

на английский язык, но первые издания его труда, запрещенного в Англии, увидели свет в Германии. Генрих VIII написал трактат против «немецкой ереси», за что получил от папы почетный титул «защитника веры». Однако отношение короля к Реформации резко изменилось в ходе конфликта с Римом, начавшегося из-за бракоразводного процесса Генриха VIII с его женой Екатериной Арагонской, многолетний брак с которой не дал наследника мужского пола.

Генрих VIII обратился к папе с просьбой объявить его брак недействительным и разрешить жениться на англичанке Анне Болейн, однако получил отказ. Тогда Генрих пошел на беспрецедентный шаг: аннулировав первый брак, он женился на Анне Болейн, уже ожидавшей ребенка, который должен был стать законным наследником престола. Это привело к открытому конфликту с Римом и началу «королевской Реформации». По настоянию государя, заседавший с 1529 по 1536 г. «парламент Реформации» принял ряд статутов, направленных на создание в Англии независимой от Рима национальной церкви. Это были законы об ограничении уплаты папе аннатов (отчислений из доходов церковных должностных лиц) и «пенни Св. Петра» – церковной десятины, о запрете апеллировать в Рим в судебных делах и об отмене папской юрисдикции над английским духовенством. Акт о супрематии (1534 г.) провозгласил Генриха VIII верховным главой церкви Англии, именовавшейся отныне «англиканской». Его власть объявлялась «имперской» – исключавшей подчинение другому суверену, в том числе и главе Католической церкви.

Реформация «сверху» не вызвала энтузиазма в обществе, но была поддержана «придворной партией» во главе с канцлером Т. Кромвелем и ближайшим окружением Анны Болейн, покровительствовавшей Латимеру и Кранмеру. Кранмера назначили архиепископом Кентерберийским, первым лицом в англиканской церкви после короля. Ловкий и беспринципный политик Т. Кромвель обеспечил успех «парламента Реформации», тщательно подбирая депутатов и не брезгуя подкупом. Под его давлением парламентарии одобрили секуляризацию церковной собственности. В 1536–1540 гг. земли монастырей, приоратов, церквей и часовен были конфискованы в пользу короны. Секуляризация сопровождалась разграблением церквей, монастырских библиотек, уничтожением образов и скульптур, разорением гробниц святых. Монашеские ордена были разогнаны, монастырские школы и госпитали закрыты.

Методы, которыми проводилась Реформация, а также ее теоретическое обоснование вызвали протесты многих убежденных католиков; некоторые из них уехали из страны. Король решительно подавлял проявления инакомыслия: за отказ присягнуть ему как главе церкви были казнены бывший канцлер Томас Мор и епископ Рочестерский Дж. Фишер.

Политическим итогом королевской Реформации стало подчинение церкви государю и включение ее в систему государственных институтов.

Первый англиканский символ веры «Десять статей» содержал множество внутренних противоречий. В нем декларировался лютеранский принцип оправдания верой, однако с оговорками о пользе добрых дел; с другой стороны, допускалось почитание святых, но «без чрезмерного поклонения и ложного суеверия». Из католических таинств в англиканстве, в отличие от лютеранства, были

сохранены три – крещение, причастие и покаяние (исповедь). Сохранились также иерархия духовенства, пышные облачения священников, богатое внутреннее убранство церквей, процессии и музыка во время богослужения. Таким образом, англиканская церковь заняла промежуточное положение между католической и лютеранской. Консерватизм королевской Реформации выразился и в отношении к распространению Библии на английском языке. Хотя Генрих VIII и санкционировал ее выход, он запретил читать ее и комментировать простонародью – ремесленникам, подмастерьям и земледельцам.

Утверждение новой веры и более радикальные преобразования в англиканской церкви совершились в правление сына Генриха VIII Эдуарда VI (1547–1553). Юный король и протекторы, герцоги Сомерсет и Нортумберленд, были убежденными протестантами. При них были приняты положения, приблизившие англиканскую церковь к лютеранской модели: о таинстве причастия как чисто символическом действе, о причастии под обоими видами для мирян и о разрешении браков духовенства. Осуждалось почитание икон, отменялись ограничения на чтение и толкование английской Библии, новое издание которой вышло в переводе М. Ковердейла. Но несмотря на успехи Реформации при Эдуарде, в северных и западных графствах население сохраняло верность прежней религии.

После смерти Эдуарда VI ему наследовала дочь Генриха от брака с Екатериной Арагонской – Мария Тюдор (1553–1558), убежденная католичка, восстановившая католическую церковь и прежние отношения с Римом. Из эмиграции вернулись ее сторонники, а протестанты стали покидать страну. Королева воздержалась от полной реституции конфискованных у церкви земель, поскольку это могло затронуть интересы большого числа новых собственников, однако возвратила те земли, которые оказались в распоряжении короны.

Целью ее внешней политики стало сближение с Испанией и домом Габсбургов. Англо-испанский союз был скреплен браком Марии и принца Филиппа (будущий Филипп II Испанский). Это вовлекло Англию в орбиту габсбургских интересов и в неудачную войну с Францией, в которой англичане потеряли свое последнее владение на континенте – порт Кале. Угроза утраты Англией самостоятельности привела в 1554 г. к восстанию патриотически настроенных протестантов во главе с Т. Уайеттом, которое было подавлено. Контрреформация, радостно воспринятая в северных и западных землях, не нашла поддержки у большинства населения. Мария Тюдор начала преследования протестантов, сопровождавшиеся казнями, за что получила прозвище «Кровавая». Смерть бездетной королевы, нелюбимой в народе, была встречена ликованием.

Характер церковного устройства стал предметом ожесточенных споров после восшествия на престол Елизаветы I (1558–1603), дочери Генриха VIII от брака с Анной Болейн, не признанного папой. В глазах католиков она была незаконнорожденной и не имела прав на престол. Епископы выступали за сохранение католичества, а вернувшиеся в Англию из Женевы эмигранты требовали не только возвращения англиканства, но и более радикальных реформ в духе кальвинизма. Во избежание дальнейшего раскола Елизавета избрала срединный путь, восстановив умеренную англиканскую церковь в том виде, в котором она существовала при Эдуарде VI. Ее иерархическая струк-

тура и обрядность остались близкими к католическим, но в новом Символе веры – «39 статьях» (1571 г.) – содержалось положение об оправдании верой и признавались только два таинства – крещение и причащение.

В первые десятилетия правления Елизаветы ее умеренная политика обеспечила религиозный мир, однако с конца 70-х годов обострились противоречия властей как с католиками, так и со сторонниками радикальной реформации. Елизавета ужесточила меры против всех, кто не признавал англиканскую церковь. От католиков требовали подписки о признании королевы главой церкви, без которой они не допускались к государственным должностям, не могли получить университетской степени. С другой стороны, ужесточился надзор за священниками, склонными к кальвинизму.

Сторонников очищения англиканской церкви от «пережитков папизма» называли пуританами (от лат. *purus* – «чистый»). Теологическая и политическая доктрина пуритан была близка к кальвинизму. Во второй половине XVI в. пуританское движение приобрело множество сторонников в самых разных слоях общества, но преимущественно среди зажиточных горожан, которым импонировала кальвинистская этика набожности, трудолюбия и аскетизма. В 60–70-е годы XVI в. пуритане надеялись, что Елизавета продолжит реформу церкви, упразднит иерархию духовенства. Однако она усмотрела в их требованиях угрозу своему авторитету главы англиканской церкви. Лишившись надежды на поддержку властей, пуритане развернули в 70–90-е годы критику существующей церкви в парламенте, создали национальный Синод пуританских священников и разработали тактику скрытого насаждения «пуританства в англиканстве»: сохранять видимость подчинения церковным властям, а на деле вести богослужение по кальвинистскому образцу. Для разоблачения их деятельности в 1583 г. была учреждена особая комиссия, перед которой каждый священник приносил присягу на верность англиканству. Деятельность комиссии вызвала острые дебаты в парламенте о правах подданных в вопросах веры. К концу XVI в. в среде пуритан выделилось умеренное направление пресвитериан, которое требовало подчинить церковь общенациональному Синоду духовенства, и более радикальное течение – индепендентов, отвергавших единство церкви и выступавших за полную независимость общин верующих как от светских, так и от церковных властей.

Правление Елизаветы I нередко называют «золотым веком» Англии. Это связано с успехами ее экономической политики, основывавшейся на принципах протекционизма. Королева активно поощряла развитие горного дела и металлургии, под ее эгидой и при непосредственном участии были созданы первые паевые товарищества в этих отраслях. Она выдавала лицензии и патенты тем, кто внедрял новые технологии. В то же время в традиционных производствах Елизавета I покровительствовала цеховым организациям и поощряла «ливрейные компании» лондонского Сити.

Протекционизм во внешней торговле выражался в таможенной политике, благоприятствовавшей вывозу английских товаров, и в активном поощрении купеческих компаний, получавших королевские хартии и монопольные права на ведение торговли. В правление Елизаветы I к существовавшим ранее компаниям «купцов-авантюристов», Испанской и Московской доба-

вились Балтийская (Эстляндская), Берберийская (Гвинейская), Левантийская и Ост-Индская.

Однако государственное регулирование в сфере производства и торговли имело и оборотную сторону. В правления купеческих компаний королева нередко вводила своих чиновников или аристократов, давая им возможность обогатиться. Недовольство предпринимателей и купечества вызывало предоставление торговых монополий кому-либо из придворных, в то время как купцам приходилось выкупать у него право на торговлю. В 70–80-е годы торгово-предпринимательские слои мирились с тем, что корона присваивает себе часть их прибыли, однако в 90-е годы они уже начали выступать против монопольных привилегий с лозунгом «свободы торговли».

Несмотря на свое островное положение, Англия не была в числе лидеров в начале Великих географических открытий, если не считать организованных Генрихом VII плаваний Джованни и Себастьяно Кабото (Кабот), обследовавших побережье Северной Америки и район Ньюфаундленда и открывших для Англии богатейшие рыбные промысловые районы.

Следующая экспедиция была предпринята только в 1553 г. под предводительством Х. Уиллоуби и Р. Ченслера, в результате ее в 1554 г. были установлены дипломатические отношения с Москвией. Получив от Ивана Грозного привилегии на русском рынке, английская Московская компания основала свои фактории в Холмогорах, Ярославле, Вологде, Устюге, Пскове и Новгороде. Дальнейшие поиски морского пути в Индию англичане сочли бесперспективными, но обнаружили в Московии выгодный торговый путь в Персию по Волге и Каспию. Московская компания экспортировала в Россию сукна и оружие, а вывозила пеньку, корабельный лес, мед и воск.

Проникновение английского купечества в страны Ближнего Востока привело к установлению регулярных дипломатических и торговых отношений с Турцией. Получив привилегии от султана, англичане основали в 1581 г. Левантийскую компанию, импортировавшую шелк, пряности и хлопок-сырец. В 1600 г. была создана Ост-Индская компания, которая проникла в Индию, а затем в Китай и Японию, где в 1613–1623 гг. существовала английская фактория.

Другим направлением торговой экспансии был Новый Свет. В 40–60-е годы XVI в. английские купцы вели взаимовыгодную торговлю с испанскими колонистами, поставляя им английские товары и африканских рабов. Однако с середины 60-х годов испанские власти запретили сношения колонистов с английскими «еретиками». В ответ в 1572 г. капитан Ф. Дрейк совершил рейд в Карибское море и захватил несколько испанских судов. Началась необъявленная морская война. Англичане нападали на корабли «серебряных флотов» и грабили прибрежные города Вест-Индии. Их рейды были прибыльным делом: в них охотно вкладывали средства дворяне приморских графств, купечество, даже члены Тайного Совета и сама государыня.

В 1577–1580 гг. Дрейк совершил второе в истории кругосветное плавание. Его корабли пересекли Атлантику, обогнули Южную Америку и вышли к Перу. Затем Дрейк пересек Тихий океан, посетил Молуккские острова, где заключил договор о торговле пряностями, и вернулся в Англию. Захваченная им добыча была огромна и принесла большой доход короне. Сама королева поднялась на борт корабля Дрейка и лично произвела его в рыцари.

Торговая экспансия была связана с успехами английской экономики и становлением в ней раннекапиталистического уклада, но колонизация Ирландии насаждала там систему феодальных поземельных отношений, в то же время способствуя накоплению капиталов в самой Англии.

ИРЛАНДИЯ В XVI ВЕКЕ

Англия предпринимала попытки захватить Ирландию с XII в. К началу XVI в. оплотом англичан были юго-восточные земли – Пейл, за пределами которого им противостояли соперничавшие между собой ирландские кланы, не знавшие верховной власти. В 1541 г. Генрих VIII объявил себя королем Ирландии, опираясь на право, признанное римскими папами за английскими монархами еще в XII в. Насаждение протестантизма в Ирландии не имело успеха: большинство населения осталось католиками и на протяжении XVI в. поддерживало всех врагов Англии. На острове существовали две исторические общины, традиционно враждебные друг другу, – местные гэльские ирландцы, которые жили в западных болотистых и гористых регионах, и англичане, потомки англо-нормандских колонистов, населявшие плодородные низины на Востоке. Сопrotивление тюдоровской Реформации положило начало процессу, в результате которого они трансформировались в одну общину – ирландцев-католиков.

В покоренных областях Ирландии вождей местных кланов принуждали отказываться от древних прав на их земли в пользу английского короля, который затем снова жаловал их своим союзникам, но уже как сюзерен вассалам. Во второй половине XVI в. англичане перешли к массовым конфискациям земель с последующей передачей их колонистам. Их поместья и замки превращались в крепости, пребывающие на осадном положении среди враждебного местного населения. Обязательным условием их освоения было заселение выходцами из Англии, которым не разрешалось вступать в браки с местным населением.

Лишенных земель ирландцев превращали в бесправных арендаторов или поденщиков. Многие в поисках пропитания эмигрировали в Англию или в Новый Свет. В 1594 г. в североирландской провинции Ольстер началось восстание, которое возглавили графы Тирон и Тирконел. Главным их требованием было свободное исповедование католической веры и право выбирать собственную администрацию. Елизавета направила на подавление восстания огромную армию, оказавшуюся бессильной перед тактикой партизанской войны, к которой прибегали ирландцы, и труднопроходимыми болотами. Ольстер был покорен лишь в 1603 г. в ходе карательной экспедиции лорда Маунтджоя, наместника Ирландии, сжигавшего деревни и посеы восставших. Яков I, сменивший на престоле Елизавету, конфисковал земли Ольстера, раздав их английским и шотландским колонистам.

Укрепляя свои позиции на Британских островах, Тюдоры столкнулись с давней проблемой непокорного северного соседа – Шотландии, отстаивавшей свою независимость от посягательств англичан. Между двумя странами издавна существовали торговые связи, но не менее стойкой традицией были пограничные конфликты, частные войны английских и шотландских магнатов, грабеж и угон скота. Тюдоры попытались разрушить традиционный франко-шотландский альянс: Генрих VII выдал свою дочь за короля Шотландии Якова IV Стюарта, однако это не обеспечило желанного «вечного мира», англо-шотландские войны вскоре продолжились.

Антагонизм двух британских корон питался глубокими различиями обеих стран. Ввиду более сурового климата, возвышенного рельефа, менее обширных и плодородных пахотных земель значение скотоводства в Шотландии было выше. В противоположность Англии, феодально-клановый уклад Королевства скоттов как в горной (Highlands), так и равнинной (Lowlands) его частях оставался почти незыблемым, с весьма слабыми признаками зарождения новых форм производства и торговли и новых социальных слоев. Города (бурги) заметно уступали английским по числу, населенности и благосостоянию. О большей однородности и консерватизме общественного строя свидетельствует однопалатный парламент Шотландии, в котором рядом с титулованной знатью заседали представители духовенства, горожан, среднего и мелкого дворянства (лэрдов), причем присутствие последних постепенно расширялось. Самобытная шотландская судебнo-юридическая система основывалась не на праве прецедента, а в значительной мере на римских нормах. В законодательстве, делопроизводстве и литературных сочинениях использовался народный язык (Scots), который к этому времени значительно отделился от английского, а добрая половина страны говорила на гэльском, родственном ирландскому. В эту эпоху авторитет королей из дома Стюартов заметно укрепился, хотя нередкие случаи ранней или насильственной смерти монарха приводили к регентству и временному упадку центральной власти, которая, располагая ограниченными возможностями, так и не пришла к абсолютизму.

В 1542 г. после смерти Якова V корону унаследовала правнучка Генриха VII Тюдора малолетняя Мария Стюарт, которую в детстве отправили во Францию (где позднее она станет женой короля Франциска II), в то время как Шотландией правила ее мать – регентша Мария Лотарингская, из рода Гизов. Она опиралась на французские войска, расквартированные в Шотландии, французы занимали ключевые посты при дворе, что вызывало недовольство местных лордов и дворянства. Стала усиливаться проанглийская партия, ее влияние возросло в связи с начавшейся в стране Реформацией. В середине века в Шотландии получили распространение кальвинистские идеи. Вдохновителем Реформации был Джон Нокс (ок. 1512–1572), с 1549 г. живший в Англии, а в период правления Марии Тюдор эмигрировавший в Женеву. По его инициативе был создан союз кальвинистов – Ковенант, выступивший за свержение королевы-католички, изгнание французов и союз с Англией. В 1559 г., после пылкой проповеди Нокса, по стране прокатилась волна иконоборческих погромов и бунтов. Разгорелась война между кальвинистами и католическим дворянством, поддерживаемым французами. Елизавета I оказывала помощь шотландским протестантам, а затем открыто вступила в войну. Кандидатуру Марии Стюарт, имевшей права на английский престол, поддерживали папа римский и католические государи, считавшие Елизавету незаконнорожденной узурпаторшей. В 1559 г. Мария и Франциск II официально приняли титул английских королей, но это лишь подстегнуло англичан, чей флот помог шотландским протестантам одержать решительную победу. Триумф протестантов увенчался в 1560 г. подписанием Эдинбургского договора, по которому французские и английские войска покидали Шотландию, а управление страной перешло к Совету из 12 высших лордов королевства. Кальвинисты, получив свободу вероисповедания,

приступили к секуляризации церковных имуществ, санкционированной «Реформационным парламентом», хотя его легитимность была сомнительна и католическая церковь какое-то время сосуществовала с пресвитерианской. Последствия Реформации, как и всюду, были противоречивы: с одной стороны, более «демократическая» организация церкви и рост уровня образования прихожан, с другой – религиозная нетерпимость, гонения на изобразительное искусство, музыку и театр.

Мария Стюарт не признала ни Эдинбургского договора, ни актов Реформационного парламента и не отказалась от своих прав на английский престол. Когда после смерти мужа она вернулась в Шотландию, ей пришлось заискивать и перед пресвитерианами, и перед Елизаветой I в надежде, что бездетная Елизавета объявит ее своей наследницей. Этому должен был способствовать и ее брак с англичанином лордом Дарнли, родственником Тюдоров. Борьба католиков и протестантов обострилась до крайности, когда Дарнли был убит при участии фаворита Марии Стюарт графа Ботуэлла (Ботвелла, Босуэлла), а ее обвинили в связях с убийцами. В 1567 г. началось восстание кальвинистов, вынудившее шотландскую королеву отречься от престола в пользу малолетнего сына, Якова VI, и бежать. Она прибыла в Англию, где вскоре была заключена под стражу, но и как пленница она была опасна для английской королевы. Католическое дворянство северных графств было готово возвести Марию на престол. Франция, Испания и Рим обещали свою поддержку. Католические державы тайне обсуждали планы высадки десанта в Ирландию и интервенции в Англию.

В 1569 г. в Северной Англии началось восстание под лозунгом восстановления «истинной веры». Его лидеры намеревались освободить Марию Стюарт и возвести ее на престол. Правительственная армия разгромила повстанцев, многие из которых были казнены. Религиозный мир, который Елизавете долгое время удавалось поддерживать, был нарушен. Папа Пий V издал буллу о низложении королевы Англии и призвал ее подданных к сопротивлению. После того как была перехвачена переписка шотландской королевы, в которой та соглашалась с планами интервенции в Англию и свержения Елизаветы, Мария Стюарт была предана суду и казнена в 1587 г. Это решение восторженно приняло протестантское население, в глазах которого Елизавета I была защитницей истинной веры и символом национальной независимости Англии.

С конца 70-х годов XVI в. англо-испанские отношения неуклонно ухудшались вследствие пиратских рейдов англичан и их негласной помощи восставшим Нидерландам. Казнь Марии Стюарт переполнила чашу терпения Филиппа II. В 1588 г. он снарядил огромный флот – Армаду из 130 кораблей. Испанцы хотели высадить в Англии сильную армию из Нидерландов, англичане стремились не допустить этого. Несколько морских сражений в Ла-Манше не выявили победителя, но затем неблагоприятный ветер унес Армаду в Северное море. При возвращении Армады в Испанию в штормах у берегов Шотландии и Ирландии погибли 28 кораблей. Поражение «Непобедимый армады» способствовало утверждению Англии в роли новой морской державы. В 80-е годы XVI в. она превратилась в европейского лидера протестантских государств.

В конце 80–90-е годы в английской экономике начался спад под влиянием ряда внешних факторов. Дороговизну продуктов, вызванную «революцией цен», усугубили неурожаи и нехватка зерна вследствие конверсии пахотных земель. Отрицательно сказался на экономике и англо-испанский конфликт: резко возросло налоговое бремя, казна была пуста, а пиратские экспедиции тех лет не принесли ожидаемых прибылей. Нестабильная ситуация на торговых путях, утрата традиционных рынков сбыта сукна в Испании, Португалии, Италии и католических землях Германии, острое торговое соперничество с политическим союзником – Нидерландами привели к кризису перепроизводства. Представители торгово-промышленных кругов видели выход в отказе от государственного регулирования и введении свободы торговли, однако робкие эксперименты правительства в этом направлении не дали ощутимых результатов.

В сфере внутренней торговли государство в фискальных целях увеличило количество частных монополий, распространившихся на большинство товаров повседневного спроса, что также вело к росту цен. Интересы экономики приносились в жертву казне и аппетитам придворных. Однако в условиях финансового дефицита королева сократила пожалования и придворным аристократам, и профессиональным военным, что обострило борьбу политических группировок – «партии мира», в которую входили государственные деятели, выступавшие за прекращение конфликта с Испанией, и «партии войны», возглавляемой фаворитом королевы маршалом Эссексом, которого поддерживало офицерство. В 1601 г. он поднял мятеж, чтобы отстранить своих противников от власти. Мятеж был подавлен, а зачинщики казнены, но выступление группы придворных, близких к трону, было симптомом серьезного политического кризиса.

На рубеже XVI–XVII вв. острой критике в нижней палате подверглась религиозная политика Елизаветы I, а увеличение налогов и рост числа частных монополий в торговле встретили единодушный отпор парламентариев. Поскольку власти пытались пресекать дискуссии по этим вопросам, в парламенте стало громче звучать требование свободы слова. В то же время депутаты подчеркивали свою лояльность короне и желание сотрудничать с ней, видя себя «оппозицией Ее Величества».

Под давлением парламента Елизавете I пришлось отменить ряд частных монополий и пообещать упразднить остальные. Это был первый политический успех оппозиции, хотя королева и не выполнила обещания. Борьба против монополий продолжилась в парламентах Якова I Стюарта, унаследовавшего английский престол после смерти Елизаветы в 1603 г.

КУЛЬТУРА АНГЛИИ В XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Параллельно с процессом государственной консолидации шло складывание единого литературного английского языка и формирование национальной культуры, открытой общеевропейским веяниям, получавшим на английской почве своеобразное преломление.

Важную роль в становлении новой ренессансной культуры сыграл Оксфордский университет, где сложился круг интеллектуалов, испытавших

влияние итальянского гуманизма и исповедовавших идеи неоплатонизма. В него входили Т. Линэкр, У. Гросин, У. Лили – знатоки древних языков, а также Джон Колет – видный теолог и теоретик педагогики. Полноправным членом оксфордского кружка был Эразм Роттердамский, признававший, что именно в Англии начала формироваться его «философия Христа».

Крупнейшим английским мыслителем первой половины XVI в. был Томас Мор (1478–1535). Его этическая доктрина основывалась на понятии христианской добродетели, наполненном новым, гуманистическим содержанием. Мор полагал, что добродетель и любовь требуют активной гражданской позиции и служения обществу, а не ухода в созерцательное бездействие. Главным его произведением стала «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516 г.), положившая начало литературному жанру, именуемому «утопией». В ней автор подверг резкой критике социальные порядки современной ему Англии и нарисовал картину идеального общественного устройства, основанного на упразднении частной собственности. В «Утопии» Мор пытался через синтез античных политических теорий и современного опыта осмыслить природу государства и его институтов, функции религии.

Распространению в Англии культуры Возрождения способствовал двор первых Тюдоров. При Генрихе VII и Генрихе VIII в Англию были приглашены итальянские художники, скульпторы и архитекторы, ведущим среди которых был Пьетро Торриджано, выполнивший надгробие Генриха VII. Широкомасштабное строительство развернулось при Генрихе VIII, которому принадлежал самый крупный дворцовый комплекс Европы – Уайтхолл, а также загородный дворец Хэмптон-Корт. Несмотря на проникновение ренессансных черт в английскую архитектуру в то время она сохраняла прочную связь с традициями местной «перпендикулярной готики».

При дворе Генриха VIII, который Эразм Роттердамский окрестил «храмом муз», процветали литература и искусства. Любимым развлечением двора были театральные представления, а также турниры, в которых обygрывалась идея рыцарской преданности дворян монарху и процветания Англии под его властью. Огромное влияние на становление английской портретной живописи оказал придворный художник Генриха VIII Ганс Гольбейн Младший.

Подлинного расцвета литература и искусства в Англии достигли во второй половине XVI в., которую нередко называют «золотым елизаветинским веком». Видным поэтом и теоретиком литературы этого времени был Ф. Сидни. В трактате «Защита поэзии», полемизируя с пуританами, выступавшими с нападка́ми на «легкомысленную» литературу и «развращающее» искусство, Сидни обосновывал высокое предназначение поэзии и ее роль в воспитании нравственно совершенного человека.

Важнейшую роль в становлении национального самосознания сыграл труд Р. Хаклюйта «Основные плаванья, путешествия и открытия английской нации» – собрание отчетов мореплавателей и путешественников.

Большой популярностью пользовались исторические произведения: «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда; труды У. Кемдена, основателя ученого кружка «антиквариетов» – собирателей старинных документов и древностей; «Описание Лондона» Дж. Стоу.

В елизаветинскую эпоху происходит становление публичного профессионального театра, актерские труппы обзаводятся собственными помещениями, такими как «Театр», «Куртина», «Глобус», «Лебедь» в Лондоне и др. Одним из крупнейших драматургов XVI в. был Кристофер Марло, который создал галерею образов титанических личностей, в своем безудержном стремлении к власти и славе стряхнувших с себя оковы традиционной морали, что в конце концов приводит к гибели самих героев («Тамерлан Великий», «Трагическая история доктора Фауста»).

Проблема личности и пределов ее свободы волновала и Уильяма Шекспира (1564–1616). Его пьесы – это глубокие размышления о сущности человеческой натуры, о природе добра и зла. Истоки трагедий своих персонажей Шекспир видел во внутренних противоречиях и слабостях человеческой души, которые позволяют страстям одержать верх над разумом. Обуздание страстей – залог внутренней гармонии и счастья.

Не меньшей популярностью пользовался у современников Бен Джонсон, автор бытовых реалистических комедий.

В живописи по-прежнему доминировал портрет. Выдающимся портретистом был Н. Хиллиард. Его миниатюры, полные аллегорий и символизма, создали идеализированный образ Елизаветы I, многократно тиражировавшийся другими художниками. Портреты его ученика Исаака Оливера отличались бóльшим реализмом, чем у Хиллиарда.

Прогресс опытного знания и представление о единых законах, по которым развиваются природа и человеческое общество, отразились в новых философских теориях, в которых отдельная человеческая личность перестает быть главным объектом интереса и занимает место лишь одного из компонентов во «всеобщей цепи мироздания». Эта тенденция ярко отразилась в творчестве Фрэнсиса Бэкона (1561–1626). Свои размышления об обществе, морали, политике и религии он облек в форму литературно-философских эссе – «Опыты и наставления нравственные и политические» (1597 г.). Наряду с этикой Бэкона все больше интересовала социально-политическая проблематика: функции государства, религия, экономика. В утопическом романе «Новая Атлантида» всеобщее благополучие основывается не на социальных преобразованиях, а на достижениях научно-технического прогресса. Описывая чудесные изобретения, Бэкон предсказал многие открытия далекого будущего: использование солнечной энергии, селекцию, консервацию органов для лечения людей и т.д.

Бэкон разработал новую теорию научного познания, выдвинув идею индуктивного эмпирического метода, предполагавшего движение от частного к общему, от наблюдений к эксперименту, затем рациональному анализу и научным обобщениям. Учение Бэкона об эмпирическом методе оказало огромное влияние на позднейшую европейскую философию.

ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Земли немецкого королевства в период позднего Средневековья составили ядро Священной Римской империи, самого обширного территориально-политического образования в Центральной Европе. На востоке империя граничила с Польшей и включала в себя Чехию, на юге она сохраняла патронаж над североитальянскими княжествами (Милан, Тоскана, Генуя, Венеция, Парма, Мантуя), на западе ей принадлежала так называемая имперская Бургундия, а с конца XV в. – большая часть исторических Нидерландов. На севере граница Империи пролегла по землям Голштинии, деля их на датскую и имперскую части. В Прибалтике вассалом Империи оставался Немецкий орден, владения которого простирались от низовьев Вислы на западе и до Балтийского побережья на северо-востоке, обнимая прусские и ливонские земли. Собственно немецкие регионы, давно распавшиеся на множество династических ленов и аллодов, в основе своей принадлежали к веками складывавшимся массивам Саксонии, Швабии, Баварии, Франконии, Тюрингии и Лотарингии.

Каждое из владений Империи обладало собственным административным статусом; они принадлежали ей лишь в силу вассальных обязательств перед короной, что исключает возможность видеть в них территории, замкнутые «государственными» границами в духе политологии Нового времени. Отсюда своеобразный «плавающий» характер этих «границ», зависевший от комбинации династических интересов. Во второй половине XV в. в результате раздела наследства бургундских Валуа после гибели Карла Смелого (1477) к Империи согласно Санлисскому миру (1493) отошли Северные и Южные Нидерланды. Второй брак Максимилиана I Габсбурга (1493–1519) – женитьба в 1494 г. на Бьянке Марии Сфорца – усилил имперское присутствие в Северной Италии (эта политика получила название «неогибеллизм»). Вмешательство французских Валуа в итальянские дела вызвало длительные Итальянские войны (1494–1559), в ходе которых австрийские Габсбурги, сумевшие получить для внука Максимилиана I Карла испанскую (1516) и имперскую (1519) короны, добились внушительных успехов: по миру в Като-Камбрези (1559) Валуа отказались от притязаний на Италию и Нидерланды взамен на лотарингские епископства Мец, Туль и Верден. Династический раздел, состоявшийся после отречения Карла V от власти (1556), привел к последней крупной перекройке границ: Империя передала Нидерланды под управление Испании, но сумела сохранить свое влияние в Северной Италии. Швейцарская конфедерация освободилась от вассальных уз еще по Базельскому миру 1499 г. Контроль над Прибалтикой Империя потеряла в ходе разразившейся там Ливонской войны (1558–1583). В то же время Габсбургам удалось расширить династический домен в Центральной Европе: после поражения при Мохаче и гибели последнего венгерского Ягеллона Людовика II (1526) короны Западной Венгрии и Чехии получил эрцгерцог Фердинанд. Империя оказалась форпостом христианского мира, гранича на Дунае с владениями

османов. Войны с турками, которые велись в правление Карла V, продолжались при его преемниках, императорах Фердинанде I (1556–1564) и Максимилиане II (1564–1576). К концу XVI в. Империя, несмотря на острый внутренний кризис, вызванный Реформацией, и нерешенный турецкий вопрос, оставалась мощнейшей силой континентальной Европы, особенно на фоне ослабления Франции.

В позднее Средневековье Империя все больше ассоциировалась в сознании современников собственно с Германией, точнее с землями, где говорили на немецком языке. Хотя язык был сильно раздроблен диалектами, к концу XV в. в нем преобладала верхненемецкая основа. Поиск исторических истоков, спровоцированный гуманистической культурой, все больше подчеркивал «добродетели» германских племен, формировал представление о Германии как исторической предтече Священной Империи и пробуждал (особенно при взгляде на положение дел у соседей) первые ростки национального патриотизма. Творчество немецких гуманистов рубежа XV и XVI вв., новое открытие важных исторических памятников, прежде всего «Германии» Тацита, наконец, длительное противостояние Габсбургов и Валуа в Итальянских войнах содействовали росту национального самосознания. Покровительство «национальной почвенности» со стороны правящей династии нашло свое выражение в публицистике и пропаганде времен правления императора Максимилиана I и особенно в произведениях выходца из франконских рыцарей Ульриха фон Гуттена. Осознание германских корней соседствовало с историко-географическими опытами: в 1512 г. Иоганн Коклей стал автором первого географического описания немецких земель.

На исходе XV в. население Империи насчитывало около 16 млн человек, имело неравномерную плотность по областям и было подвержено разного рода демографическим вариациям. Основная масса населения проживала во внутренних областях Германии, по 2 млн человек жили в Чехии, Нидерландах и Швейцарии. Средняя плотность достигала 20 человек на 1 кв. км. Как и прежде, концентрация наблюдалась преимущественно лишь в сильно урбанизированных зонах, среди которых лидировали южнонемецкие земли и Саксония. К началу XVI в. в Империи имелось около 5 тыс. поселений, обладавших городским правом, причем более 20 тыс. человек насчитывали лишь ганзейские города (Гамбург, Бремен, Росток), а также крупные центры транзитной торговли и местного ремесла (Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг, Аугсбург и др.).

Свыше 90% населения по-прежнему проживало на селе, что превращало Империю, как и большинство других европейских регионов, в аграрную страну. Чем дальше на север, тем малочисленнее были деревни, вплоть до почти безлюдных уголков Фрисландии, имперской Голштинии и Мекленбурга. Демографическая ситуация улучшилась в конце XV в. после циклически повторявшихся эпидемий XIV – начала XV в. Приросту населения вплоть до конца XVI в. способствовали установившийся на рубеже веков сравнительно теплый климат на большей части Западной Европы, в целом стабильный баланс между спросом и предложением на аграрном рынке и, как следствие, некоторый рост благосостояния. Формированию экономических рынков и социальному обмену мешал веками складывавшийся регионализм с сильно выраженной социокультурной самодостаточностью.

Позднее Средневековье и раннее Новое время еще не знали автономии «экономической сферы» быта. Хозяйственные потребности пересекались и смешивались в повседневной жизни с духовными и социальными; и городской, и сельский мир, равно как и повседневность отдельных сословий, характеризовались внутренним единством, типологически схожими чертами.

В сельском хозяйстве наблюдались существенные перемены. Немецкие земли медленно выходили из кризиса XIV–XV вв., который больше всего отразился на крупных крестьянских и поместных хозяйствах, связанных с городскими рынками. Начался процесс вторичного освоения заброшенных пашен. Тесная связь с городом влекла изменение в структуре сельскохозяйственной продукции: все большее место занимали технические культуры (вайда, лен, шафран, крапи), используемые при выделке и покраске тканей. Потепление климата содействовало развитию виноградарства, особенно на берегах Рейна, в Швабии и Саксонии. Менялась структура землепользования. Сдвиги произошли и в животноводстве: многие крестьянские и поместные хозяйства специализировались на товарном разведении скота, прежде всего овец. На Севере Германии, в Голштинии, в центральных областях, в Саксонии, Лаузице, Богемии и Австрии начался настоящий овцеводческий бум. Благодаря связям с городским производством (сукноделие) и приморскими портами на Балтийском побережье животноводческие комплексы быстро обогащались, превращаясь в «золотую жилу» для дворянских семейств. Сельское хозяйство чутко реагировало на потребности рынка: все более быстрыми темпами росло товарное разведение рыбы, особенно в регионах, насыщенных речными и озерными бассейнами (Лаузиц, Мекленбург, Австрия). Относительно дешевая рыба (пресноводный карп) успешно конкурировала с мясомолочными изделиями и ближе к концу XVI столетия потеснила все прочие составляющие в крестьянском меню. К началу XVI в. при общем росте сельского населения заметно выросли цены на зерно и мясо. Тем самым создавалась благоприятная для сельского хозяйства рыночная конъюнктура.

Между регионами все больше проявлялись различия в специализации и в формах организации труда. В восточных и северных землях империи наблюдался рост крупных поместных комплексов, ориентированных на товарное производство хлеба и мясомолочной продукции. Перестройка сопровождалась наступлением на общинные права крестьян, расширением господской пашни и в целом, хотя и не повсеместно, увеличением видов и размеров отработочной ренты. Так постепенно, в начале XVI в. еще не в полном объеме, стало оформляться фольварочное хозяйство, складывавшееся в землях Прусского герцогства, Мекленбурге, Померании, Голштинии, отчасти Бранденбурге, восточных районах Саксонии, Чехии и в некоторых австрийских владениях. Здесь шло медленное, растянувшееся на два века прикрепление крестьян к земле, вызванное потребностями экономики. Иначе складывалась ситуация в западных землях Империи. Здесь в условиях ярко выраженного малоземелья, чересполосицы, наличия множества средних и малых городских поселений и обширных гористых площадей, не пригодных к экстенсивному использованию, крестьяне сохраняли большую экономическую свободу, они развивали собственные ремесла, могли самостоятельно торговать на

городских рынках и отправляться в города на заработки. Следствием был так называемый «сеньориальный» тип землевладения: отработочная рента заменялась денежной, широко практиковалась аренда. В центральных регионах встречались смешанные типы, где соседствовали крупные фольварочные хозяйства и «сеньория».

На рубеже XV–XVI вв. важные сдвиги наметились в ремесле, торговле и промышленности. В горных районах, прежде всего в Швабии, Саксонии и Богемии, развивалась добыча и обработка железной руды, серебра и олова. Быстрыми темпами горная промышленность росла во владениях саксонских курфюрстов; доходы от нее составляли свыше половины всех поступлений в казну, а сами курфюрсты стали крупнейшими кредиторами Империи. По уровню развития добывающей промышленности немецкие земли стояли на первом месте в Европе. Бурный рост требовал технического усовершенствования, обеспечивал концентрацию производства, что влекло развитие целых городских поселений, связанных с горными разработками, и строительство металлургических заводов – предприятий, организованных, как правило, вскладчину состоятельными купцами-горожанами, но нередко при активном участии дворянского капитала.

Стремительно развивалась и текстильная индустрия, прежде всего выделка сукна. Выгодная сельскохозяйственная конъюнктура позволяла наладить обмен с селом и обеспечить поставки необходимого сырья: шерсти, льна, вайды, натуральных красителей. В сукноделии преобладал рассеянный тип мануфактуры, основанный на «раздаточной системе» (нем. Verlagwesen), суть которой заключалась в выделении (т.е. в «раздаче») хозяевами производства своим компаньонам средств, необходимых для налаживания отдельных стадий производственного процесса, в обмен на оптовые поставки готовой продукции. Хозяевами и сбытчиками выступали большей частью мастера крупных купеческих и ремесленных корпораций, занимавших ключевые позиции в руководстве городов. Центрами сукнодельного производства выступали города Швабии, в центральных областях вне конкуренции был Франкфурт-на-Майне. Качество немецкого сукна не уступало в то время лучшим европейским образцам Франции и Италии.

Промышленный подъем соотносился с ростом внутренней и внешней торговли. В начале XVI в. доминировали два крупных узла торговых связей. Один охватывал северные земли и был связан с балтийским регионом, другой – его центр располагался во Франконии и в Швабии – обеспечивал товарный обмен на Юге и Юго-Западе. Для северного сектора роль посредника все еще выполняла Ганза. Через ганзейские порты в Скандинавию и Россию направлялось зерно, соль, сукно, вина и изделия из железа, обратно ввозилась пушнина, поташ, воск, парусина, деготь, а также азиатские товары. Возросший нажим со стороны скандинавских держав привел к усилению зависимости балтийских городов от Дании и утрате контроля над Зундским проливом. Ганза как сплоченная группа городов в сущности прекратила существование, хотя последний съезд ее участников соберется еще в 1666 г.

Упадок Ганзы, однако, не означал экономической стагнации морских городов. Бремен и Гамбург, которые в XVI в. все больше ориентировались на торговлю с Англией, переживали период расцвета и сохранили роль лидеров на немецком Северо-Западе. На Юге пальму первенства сохранил Аугсбург;

символом экономической мощи стало появление там первых крупных банковских фирм Вельзеров и Фуггеров, оказавшихся в состоянии финансировать ведущие владетельные семьи Европы. Банкротство аугсбургских финансовых воротил в середине века не означало крушения банковского дела в Германии, с конца XVI в. возникают банки во многих центральных и северо-немецких городах – в Лейпциге, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне. Значение Франкфурта возрастает благодаря связям с Нидерландами и особенно после эмиграции фламандских ремесленников из Антверпена, спасавшихся от испанских репрессий, за счет чего город быстро превратился в столицу ювелирного дела Германии, центр книгопечатания и торговли шелком.

В целом вплоть до начала Тридцатилетней войны (1618–1648), несмотря на застой и даже упадок некогда ведущих центров, на колебания в отдельных регионах, можно говорить о стабильности в хозяйственной жизни немецких земель. Развитие аграрного сектора, металлургии и торговли вызывало интерес научной мысли и нашло отражение в первых крупных пособиях по сельскому хозяйству, написанных на исходе XVI в. Иоганном Колером и позже в XVII в. Вольфом Хельмгардом фон Хохбергом, в публикации так называемых «крестьянских календарей» и «практик», наконец, в первом систематическом изложении основ металлургического производства – «*De re metallica*» саксонского гуманиста Георга Агриколы, изданного в 1532 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ: КОРОНА И РЕГИОНЫ

Особенностью организации Священной Римской империи был ее двухуровневый характер: власть императора и короля Германии сосуществовала с княжеским самоуправлением на уровне отдельных земель. В условиях постоянных смут в правление Фридриха III (1440–1493) император и курфюрсты стремились добиться компромисса между притязаниями престола и интересами сословий. Лишь в правление сына и наследника Фридриха III, Максимилиана I, важнейшие проекты получили воплощение – как результат соглашений императора с княжеской ассамблеей. На рейхстаге в Вормсе в 1495 г. был провозглашен общеимперский «вечный земский мир», запрещено применение кулачного права, узаконен камеральный суд для решения спорных вопросов между сословиями и введено общеимперское уложение о наказании нарушителей «земского мира». Императору удалось укрепить свои позиции созданием в 1498 г. имперского надворного совета – консультативного органа по делам управления Империи. Вплоть до второй половины XVI в. лишь судебные структуры, надворный совет и рейхстаг оставались ее регулярными учреждениями. По инициативе императора Фердинанда I к ним добавились имперские тайный, а позже и военный надворный советы, учрежденные по образцу аналогичных органов в наследственных землях Габсбургов.

В германских княжествах источником власти по-прежнему являлся сам князь, все важнейшие решения принимались им лично, и потому стиль правления оставался персональным. Сохранялись представления о владетельных землях как о семейной собственности, подлежащей разделу, обмену, продаже и аренде, а также как об объекте межсемейных альянсов, заключае-

мых на случай угасания прямого потомства. Следствием был патриархальный уклад жизни, когда государь виделся отцом большой семьи, в состав которой входили и подданные. Лишь на исходе XV в. и далеко не все немецкие владетельные дома вводят в практику наследования принцип майората – неделимости наследственных земель (Гогенцоллерны в Бранденбурге в 1476 г., альбертинские Веттины в Саксонии в 1499 г., Виттельсбахи в Баварии в 1506 г.). В позднее Средневековье за счет выделения отдельных должностей в самостоятельные ведомства от двора начнут отпочковываться правительственные учреждения. Характерной особенностью немецкой княжеской юстиции было преобладание буквы и духа обычного права над заимствованиями из римской юриспруденции.

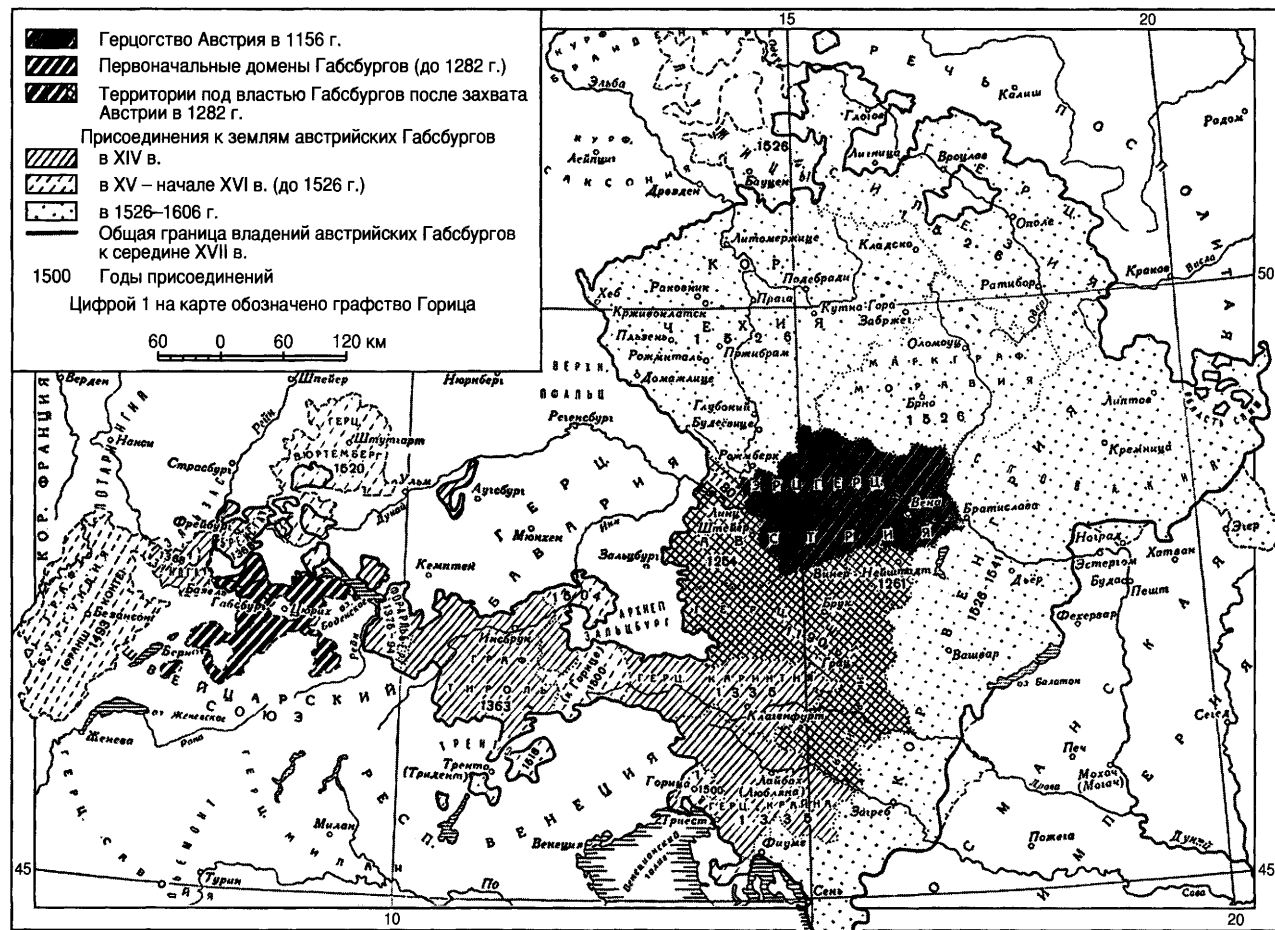
Крупным шагом в укреплении авторитета княжеской власти становилась практика введения «общеземских уложений», обязывавших подданных следовать общим нормативным принципам в целях поддержания «земского мира»; речь шла не о формировании общегражданского подданства в духе Нового времени, но лишь о поддержании сословного «урожденного» статуса самих подданных под патронажем княжеской власти.

СОСЛОВНОЕ ОБЩЕСТВО

Священная Римская Империя в позднее Средневековье представляла собой многоступенчатую пирамиду сословий. Завершилось разделение на непосредственных подданных императора и так называемых «медиатизированных чинов», находившихся в вассальной зависимости от первых. Важнейшим фактором, прояснявшим статус, стало введение имперского «матрикула»: лишь непосредственные подданные короны могли напрямую вносить свою квоту в имперскую кассу. Сословная элита распадалась на три ступени: имперские духовные и светские князья, имперские графы, бароны и рыцари. Современники подразумевали под Империей собственно рейхстаг, собиравший знать и выступавший персональным воплощением Империи.

Венчал сословную пирамиду император, власть которого оставалась огромной, несмотря на все компромиссы с князьями на рубеже XV и XVI вв. Император по-прежнему считался первым монархом Европы, ему принадлежало исключительное право имперской ленной инвеституры, пользуясь которым он мог влиять на своих вассалов, и право аноблирования.

В середине XV в. завершилась борьба за престол между ведущими династиями Империи – Виттельсбахами, Габсбургами и Люксембургами. Победители Габсбурги сохраняли имперскую корону до конца «старой» Империи в 1806 г. Раздел наследственных земель между сыновьями Фердинанда в 1564 г. предопределил династическую историю трех ветвей дома. Старшая ветвь получила имперскую, чешскую и венгерскую короны и владела землями Нижней и Верхней Австрии (Максимилиан II (1564–1576), Рудольф II (1576–1612), Матфей (Матеус) (1612–1619)). Средняя ветвь обосновалась в Тироле и пресеклась с кончиной эрцгерцога Фердинанда (1564–1595). Представители младшей ветви правили в Штирии, Каринтии и Крайне (эрцгерцог Карл (1564–1590), Фердинанд (1590–1637)). В 1619 г. эрцгерцог Фердинанд Штирийский получил корону Империи.

Владения австрийских Габсбургов

За императором в сословной иерархии следовали светские и духовные князья, общим числом в 90–100 семейств. Ведущей группой были курфюрсты Саксонии, Бранденбурга, Пфальца, король Чехии в статусе курфюрста и архиепископы Майнца, Кёльна и Трира. К началу XVI в. княжеская корпорация отличалась почти герметичной закрытостью, случаи княжеской инвентитуры встречались крайне редко. Позднее, в период религиозного раскола, Габсбурги, нуждаясь в умножении своей клиентелы, сознательно организуют пополнение княжеских рядов из числа ленников наследственных земель.

В позднее Средневековье завершился процесс «одворянивания» церкви в Священной Римской Империи: борьба за церковные кафедры и руководство монастырями разворачивалась между могущественными княжескими семьями и влиятельными фракциями дворянских родов. Соборные капитулы большинства духовных княжеств состояли в основном из дворян. Князья церкви при избрании в епископы или архиепископы вынуждены были идти на компромиссы, выражавшиеся в «выборных капитуляциях» соборному капитулу. В них подтверждались привилегии капитула, давались обещания их не нарушать.

Нижние чины имперской элиты – рыцари и бароны – оказались в позднее Средневековье на распутье: под возросшим давлением князей им приходилось либо бороться за статус непосредственных подданных императора, либо признавать вассалитет по отношению к князьям. На юге, в Швабии, Франконии и Баварии, в условиях насыщенного феодального пейзажа и недостаточно окрепшей княжеской власти дворянство еще пыталось отстаивать свою автономию. Позже это нашло воплощение в рыцарском восстании Франца фон Зиккингена (1522–1523), в разбойных набегах Гёца фон Берлихингена, в движении франконского рыцаря Вильгельма фон Грумбаха (1558–1567). Корона целенаправленно пыталась использовать малоземельное и беспокойное дворянство Юга Германии в качестве клиентелы, что привело к созданию во второй половине XVI в. сословия имперских рыцарей – непосредственных подданных престола, последней крупной пристройки к сословной иерархии Империи. Территориально имперское рыцарство подразделялось на округа (Швабский, Франконский, Рейнский), состоявшие из кантонов по швейцарскому образцу с собственным самоуправлением. Рыцари платили общеимперские взносы и позже получили представительство на рейхстагах.

Напротив, в восточных и северных регионах (балтийские герцогства, Бранденбург, Саксония) местное дворянство постепенно интегрировалось в структуры княжеской власти, образуя сословие непосредственных ленников представителей тамошних династий. Утрата независимости здесь компенсировалась возможностями контролировать крупные поместные массивы, окружную администрацию, местные духовные общины, оказывать влияние на правящую семью через надворные учреждения и ландтаг. В целом низшее дворянство обладало большей мобильностью, оно пополнялось за счет добившихся успехов на службе бюргерских родов, которым предоставлялись дворянские дипломы, благодаря прямой протекции императора, а также, в редких случаях, за счет аноблирования крестьян.

Городское сословие Империи находилось в процессе внутренней перестройки. Четче прорисовывался правовой статус общин: здесь заметно проявлялось двустороннее движение: укрепление автономии и непосредственного

имперского подданства в одних случаях соседствовало с утратой самоуправления и подчинения территориальной власти в других. В целом городское сословие становится более открытым и проницаемым как сверху, благодаря проникновению бюргеров в дворянские ряды, так и снизу, вследствие притока сельского населения. Быстрее всего к миру знати приобщалась купеческая элита, мастера крупных ремесленных цехов, часто выступавшие кредиторами и короны, и местного дворянства. Хозяева первых банковских контор Германии – аугсбургские Фуггеры и Вельзеры – обрели дворянские дипломы и пользовались прямой протекцией короны. Представители городской ученой среды – выпускники университетов и профессура – получали доступ в систему княжеского управления, престижные придворные должности.

Крестьянство оставалось самой многочисленной социальной группой. В то время как правовой статус селян восточных и северных земель менялся к худшему, община отступала под натиском поместной юстиции, на юге и в центральных областях Империи при слабости сеньориальной власти крестьянское самоуправление вступило в борьбу за сохранение относительной автономии. Возросшая динамика общественной жизни, рост потребностей в условиях малоземелья приводили с конца XV в. ко все более частым конфликтам между землевладельцами разных сословий и крестьянскими общинами в Швабии, Тироле, Эльзасе и Франконии. Однако ни откровения экзальтированного пастушка из Никласхаузена в 1476 г., ни заговоры «башмака» Йоса Фрица, ни движение «бедного Конрада» в 1514 г. так и не стали крестьянской «коммунальной альтернативой» (Петер Бликле) в немецкой истории. Крестьянская война 1524–1525 гг. – последняя и самая кровавая попытка остановить неизбежное давление территориальной власти на общинное самоуправление и на личную свободу – закончилась неудачей. Гейльброннская программа, обстоятельный документ, выдвинутый восставшими в 1525 г., в последний раз связывал судьбы крестьянского сословия с будущим Империи. Подавление движения, впрочем, не означало повсеместной «реакции» в виде резкого ухудшения правового статуса: крестьянское самоуправление оставалось во Фрисландии и в Тироле, а во многих центральных областях, особенно в Саксонии, крестьяне сумели сохранить и личную свободу, и прочные структуры самоорганизации.

РЕФОРМАЦИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА

В первой половине XVI в. Империя оказалась втянута в острый социальный кризис, вызванный Реформацией и религиозным расколом. Германия стала родиной протестантизма и местом первых крупных межконфессиональных столкновений раннего Нового времени. В первой половине века были заложены основы лютеранства (или евангелической конфессии), позже, с 60-х годов XVI в. на немецкой почве укрепляется кальвинизм (или реформатская доктрина). Одновременно преобразовывались структуры Католической церкви – под воздействием общеевропейского движения за реформу и в борьбе с протестантизмом. К концу XVI в. эти три религиозных потока в борьбе друг с другом расшатали единство имперской организации и предопределили тяжелейший кризис в годы Тридцатилетней войны. Этот большой

период часто именуется конфессиональной эпохой с учетом именно немецкой особенности: подразумевается процесс утверждения в обществе новых протестантских вероисповеданий и обновленного «тридентского» католицизма.

Истоками Реформации стали особенности духовного климата позднесредневековой Германии: растущая индивидуализация религиозных чувств, стремление постичь Бога, минуя посредничество церкви, влияние немецкого гуманизма, который превращал ученого в верховного арбитра библейских истин.

Родиной немецкого гуманизма был швабско-эльзасский регион (Якоб Вимпфелинг, Иоганн Рейхлин). Гуманистическая ученость развивалась и в крупнейших университетах Германии, число которых заметно выросло в XV в. Главными центрами немецкого гуманизма стали Вена, где работал Конрад Цельтис, и Эрфурт, в университете которого сложился кружок Муциана Руфа. Огромное влияние оказывало творчество Эразма Роттердамского, как нельзя лучше соответствовавшее духу религиозного индивидуализма (его трактат «Оружие христианского воина») и богословской учености (издание в 1516 г. Нового Завета на греческом языке с латинским переводом).

Отличительные черты Возрождения в Германии – ярко выраженный национальный характер гуманизма и его связь с движением за религиозное обновление. Новые веяния встретили сопротивление клерикальных кругов. Первым открытым столкновением в дореформационную эпоху было так называемое «дело Рейхлина». Иоганн Рейхлин (1455–1522), ученый и филолог, был комментатором древнееврейских книг, в том числе Ветхого Завета, канонизированных в латинском переводе «Вульгаты». Когда в 1507 г. обсуждался вопрос об уничтожении большинства еврейских книг как враждебных христианскому учению, Рейхлин высказался против этого, мотивируя свое мнение тем, что эти книги важны для правильного понимания Священного Писания; он говорил, что и языческие писатели достойны изучения и подражания. Защита Рейхлином принципов свободы мысли и терпимости получила поддержку большинства образованных людей Европы, высказывавшихся против грозившего ему суда инквизиции. Адресованные ему послания Рейхлин опубликовал в сборнике «Письма знаменитых людей». Позднее у его сторонников возникла идея издать подобный сборник как бы от имени противников, чтобы высмеять их невежество. В 1515 и 1517 гг. вышли две части этого сборника под названием «Письма темных людей» (*Epistolae obscurorum virorum*), что можно толковать и как письма неизвестных, незнатных людей, и как письма «обскурантов», т.е. врагов просвещения. Фактически это сборник пародий на полуграмотных церковников, схоластов, торговцев индульгенциями. Предполагается, что авторами «Писем темных людей» были члены гуманистического кружка при Эрфуртском университете Крот Рубеан и Ульрих фон Гуттен. Последний, страстный публицист, напечатал в Германии найденную им в Италии рукопись Лоренцо Валлы «О Константиновом даре», подрывавшую притязания папы на светскую власть.

Инициатором открытого раскола с Церковью стали, однако, не гуманисты, большинство которых оставалось на почве традиционной догматики, а Мартин Лютер (1483–1546), сын разбогатевшего горняка из Эйслебена Ганса Людера. Лютер оказался больше затронут не гуманистическими, а духовно-мистическими переживаниями времени. С 1501 г. он посещал Эрфуртский университет, где по желанию отца готовился к юридической карьере.

Лукас Кранх Старший. Портрет курфюрста Саксонии Фридриха Мудрого. 1532 г. Городской музей, Регенсбург

В 1505 г. под влиянием внутреннего порыва он вступил в местный монастырь августинцев-каноников, где попал в плен острейшего психологического и интеллектуального кризиса, вызванного размышлениями над проблемой спасения. Лютер получил в 1507 г. сан священника и в 1511 г. переселился в Виттенберг, где в следующем году стал доктором теологии, читал лекции в тамошнем университете и оказался под покровительством лиц, близких курфюрсту Саксонии Фридриху Мудрому. Так называемое «происшествие в башне» – откровение, пережитое Лютером в то время и позже описанное

им самим, видимо, может считаться точкой отсчета протестантской догматики: чтение Послания к Римлянам апостола Павла (I, 17) убедило Лютера в спасении посредством личной веры.

В октябре 1517 г. Лютер, возмущенный проповедями доминиканца Иоганна Тетцеля, выступил с открытой критикой продажи индульгенций, отослав составленные 95 тезисов архиепископу Альбрехту Майнцскому. Факт обнародования этих тезисов 31 октября 1517 г. на дверях приходской церкви некоторыми историками оспаривался (Вернер Изерло). Спор вокруг тезисов Лютера некоторое время не выходил за рамки внутрицерковной полемики. Он обострился лишь после вмешательства доминиканской конгрегации, выступившей в защиту Тетцеля, неудачной попытки Рима помириться с Лютером (свидание его с кардиналом Каэтано в 1518 г.) и публичного спора Лютера с католическим богословом Иоганном Экком в Лейпциге в 1519 г., на котором Лютер выразил сомнение в правильности решений Констанцкого собора, осудившего учение Яна Гуса. Светская элита, внимание которой больше занимали выборы нового императора Карла V в 1519 г., долго не вмешивалась в дело. В декабре 1520 г. папа Лев X издал буллу с отлучением Лютера от Церкви, побудив сословия Империи к более решительным действиям. Но только на Вормсском рейхстаге 1521 г. вопрос об учении Лютера действительно получил широкий общественный резонанс, и Реформация стала делом общеимперской важности. Лютеру была предоставлена возможность выступить в последние дни работы рейхстага в относительно благоприятной для него обстановке, сложившейся под впечатлением критики князьями беспорядков в церковной сфере («Жалоба немецкой нации»). Покровитель Лютера курфюрст Саксонский Фридрих рассчитывал не выдавать его, ссылаясь на мнение чинов. Император Карл V, убежденный католик, в свою очередь не хотел портить отношения с курфюрстом, которому был обязан поддержкой на выборах 1519 г. Большинство сословий, однако, осудили

выступление Лютера. Изданный по итогам рейхстага «вормсский мандат» (июнь 1521) запрещал проповеди и публикации Лютера и его сторонников на всех имперских землях, а его самого объявлял вне закона. Но к тому времени Лютеру удалось укрыться в Вартбургском замке в Тюрингии, очевидно, по устному распоряжению доверенных лиц курфюрста Фридриха и с его согласия. В Вартбурге Лютер начал переводить Библию на верхненемецкий язык.

Десятилетие 1521–1531 гг. стало важнейшим периодом Реформации в Германии. Оно ознаменовалось стремительным распространением реформационного движения по регионам, начавшимся внутренним размежеванием на радикалов и умеренных, вовлечением новых социальных групп и с годами все более явным расколом сословий и княжеской элиты. Земли саксонского курфюршества превратились в прочный плацдарм евангелической Реформации. Если первого покровителя Лютера курфюрста Фридриха Мудрого еще можно было считать далеко не последовательным сторонником религиозного переворота, то его брат и преемник Иоганн Постоянный (1525–1532) стал открытым приверженцем новой веры. Одновременно к новому вероисповеданию перешел гроссмейстер Немецкого ордена Альбрехт Бранденбургский. С 1525 г. в прусских землях была проведена секуляризация церковного имущества, а бывший прусский филиал Ордена превратился в светское герцогство Пруссия с наследственным правом дома Гогенцоллернов. Третьим регионом, принявшим сторону Реформации, стал Гессен. Ландграф Гессена (1518–1567) Филипп Великодушный, поддерживавший близкие отношения с Филиппом Меланктоном, на ландтаге в Хомбурге в 1527 г. одобрил план евангелических проповедников во главе с Франсуа Ламбером ввести Реформацию в наследственных землях («*Reformatio Ecclesiarum Hassiae*»). Он распустил часть монастырей и учредил в помещениях бывшего доминиканского конвента в Марбурге один из первых евангелических университетов в Германии – «Филиппину». Важным был не только открытый переход князей на сторону Лютера, стремительно росло число сторонников Реформации из всех сословий в большинстве имперских владений.

С начала 20-х годов XVI в. обозначились признаки раскола в реформационном движении: свойственное лютеранской доктрине акцентирование индивидуальных аспектов веры обрекало Реформацию на дробление, сектантскую рыхлость. Временное отсутствие Лютера оживило радикалов пантеистского толка во главе с Томасом Мюнцером и Андреасом Карлштадтом. Им противостояли последовательные сторонники лютеровой догмы в лице Меланктона и Иоганна Агриколы. Возвращение Лютера в Виттенберг (весна 1522) привело к победе его сторонников и вытеснению радикалов в тюрингские анклавы курфюршества. Город Мюльхаузен, куда прибыл Мюнцер, стал главным центром радикальной оппозиции.

В швабских и франконских землях борьба за лютеранскую Реформу совпала с выступлением малоземельного дворянства и открытым противостоянием сельских общин давлению поместной юстиции. Реформация стала катализатором острого социального кризиса, расшатывая стабильность внутри сословного общества. Восставшие рыцари во главе с Францем фон Зиккенгеном пытались овладеть Триром, но были разбиты силами Швабского союза, а сам Зиккенген пал при штурме его родового гнезда Ландштуль в мае 1523 г. Начавшаяся в 1524 г. Крестьянская война охватила обширные регионы

Южной и Центральной Германии, однако и здесь войскам Швабского союза удалось прекратить беспорядки и подавить к лету 1525 г. последние очаги сопротивления. В Центральной Германии было покончено с движением Мюнцера в Мюльхаузене.

Швабский союз с успехом исполнил роль защитника земского мира на Юге Империи, но имперские структуры уже испытывали серьезный сбой в своей работе. Инициатива перешла в руки региональных лидеров: их активность восполняла дефицит императорской власти. На уровне регионов возникли военно-религиозные альянсы князей, ставшие альтернативой общеперским структурам. Попытка покончить с «двоевластием» и принудить перешедшие в протестантизм сословия следовать «вормскому мандату», предпринятая Карлом V в 1529 г., запоздала и не соответствовала возможностям короны. Протестанты сплотились вокруг формулы своей веры, зачитанной Меланктоном на Аугсбургском рейхстаге 1530 г., и наотрез отказались исполнять вормские постановления. Раскол рейхстага и сословий стал свершившимся фактом.

Период с 1531 г. до середины 40-х годов XVI в. характеризовался высоким размахом реформационного движения и полным параличом имперских институтов. Недоставало присутствия Карла V и его авторитета. Представлявший интересы императора его брат Фердинанд был скован в своих полномочиях и постоянно отвлекался на решение турецкого вопроса, угрожавшего его наследным австрийским землям. Рейхстаг не собирался десять лет – до 1541 г., а враждебные группировки имперских чинов все отчетливее выражали две взаимоисключающие концепции земского мира: одну, основанную на равноправии лютеранских и католических сословий, вторую – на исключении протестантов из субъектов земского мира. В таких условиях рухнули и последние институты стабильности в регионах: в 1534 г. под давлением евангелических чинов Швабский союз был распущен. Одновременно протестанты организовали крупнейший альянс в Шмалькальдене (1531) объединивший князей, имперские города и представителей княжеских династий во главе с курфюрстом Саксонии и ландграфом Гессена. Этот Шмалькальденский союз располагал казной и армией и приступил к решительной экспансии в Центральной и Южной Германии. В 1534 г. протестантские войска оккупировали находившийся под управлением Габсбургов Вюртемберг и восстановили в правах тамошнего герцога Ульриха, а в 1541–1542 гг. изгнали католического герцога Брауншвейг-Вольфенбюттеля. Католические сословия могли противопоставить им лишь слабые и неэффективные контральянсы (Регенсбургский союз, 1538). Складывалось опасное для имперского единства двоевластие.

Лишь в середине 40-х годов XVI в., добившись перемирия в войнах с Турцией и Францией, император смог вплотную заняться немецкими делами. При поддержке папы, испанских войск и католических сословий Карл V летом 1546 г. наложил опалу на вождей Шмалькальденского союза и начал открытую войну с протестантами (Первая Шмалькальденская война, 1546–1547). В ней протестанты первоначально имели успех: они устремились в Южную Германию и захватили тирольские перевалы, но не удержали их и отступили к Ингольштадту. Перелом внесла диверсия властителя альбертинской Саксонии герцога Морица, полководца, перешедшего на сторону

императора. Осенью 1546 г. он предпринял рейд по владениям курфюрста Иоганна Фридриха, который был вынужден спешно покинуть южный фронт и вернуться на защиту наследственных земель, что повлекло за собой развал шмалькальденского лагеря. Императорские войска под начальством графа Бюрена и герцога Альбы вторглись в Гессен и Саксонию. Судьба кампании решилась в апреле 1547 г. близ Мюльберга: неожиданное нападение, блестяще выполненное Альбой, принесло имперскому оружию решающую победу. Иоганн Фридрих попал в плен и лишился регалий курфюрста, они были переданы его родственнику Морицу Саксонскому. Вскоре последовала сдача ландграфа Филиппа Гессенского.

Победитель Карл V стремился закрепить достигнутый успех и сплотить Империю на волне католического триумфа. На новом рейхстаге в Аугсбурге в 1547–1548 гг. он добился роспуска Шмалькальденского союза и введения «Интерима» – временного религиозного компромисса между лютеранами и католиками вплоть до окончательного решения Тридентского собора относительно веры. Под давлением католического большинства протестантские богословы во главе с Иоганном Агриколой согласились признать формулу «Интерима». Но в некоторых владениях она водворялась только с большими оговорками в пользу протестантов («Лейпцигский Интерим» для Саксонии, выработанный Меланхтоном в 1548). Надежды Карла на окончательную победу рушились: усиление власти императора не только спланивало протестантов для продолжения борьбы, но и нарушало традиционный баланс сил между сословиями и короной. Католические чины боялись вмешательства имперской власти, к тому же Карл V в ходе войны нарушил условия своей выборной капитуляции – он использовал иноземные войска, а наказание вождей Шмалькальденского союза последовало без учета мнения курфюршеской коллегии. Результатом стала антиимперская оппозиция, прежде всего на протестантском Севере Германии: новый союз, заключенный в Кёнигсберге между протестантскими князьями дома Гогенцоллернов в 1550 г., и сопротивление Магдебурга, решительно отказывавшегося ввести у себя аугсбургский «Интерим». Курфюрст Мориц Саксонский, которому было поручено исполнение имперской опалы над Магдебургом, все больше разочаровывался политикой Карла V в Германии. Он собрал под Магдебургом внушительную армию, вел тайные переговоры с участниками кёнигсбергского союза, подготовил новое выступление против императора и обеспечил поддержку французской короны соглашением в Шамборе 1551 г., предусматривавшим денежные субсидии мятежным князьям со стороны Франции. В марте 1552 г. войска княжеской коалиции внезапно атаковали и захватили тирольские перевалы, заставив Карла V бежать в Инсбрук, а затем в Филлах в Каринтии (Вторая Шмалькальденская война). В критическую минуту переговоры с мятежными князьями взял в свои руки король Фердинанд. После многодневных встреч сначала с Морицем, а затем с императором в Пассау были выработаны условия перемирия: ландграф Гессенский Филипп и бывший курфюрст Иоганн Фридрих получали амнистию, а имперские чины, исповедовавшие формулу Аугсбургской веры 1530 г., – свободу вероисповедания. Впредь император совместно с рейхстагом обязался содействовать общему примирению сословий в вопросах веры. Пассауский мир заложил

основы согласия сословий на уровне рейхстага и земского мира на уровне регионов.

На Аугсбургском рейхстаге 1555 г. Фердинанд от имени императора Карла V добился умиротворения Империи. Были восстановлены институты земского мира 1495 г. и узаконены две конфессии: католицизм и лютеранство, причем «евангелическому» вероисповеданию давалась весьма туманная формулировка, которая должна была удовлетворить различные направления в нем на момент подписания мира. Право религиозного выбора принадлежало лишь непосредственным имперским чинам, их подданные обязаны были разделять вероисповедание патронов, а в случае несогласия имели право эмигрировать при сохранении имущественных интересов (принцип *cuius regio, ejus religio* – «кто правит в стране, того и вера»). Статус церковных владений определялся по состоянию на 1 января 1552 г., но католическое большинство рейхстага настояло на так называемой «духовной оговорке» (*reservatum ecclesiasticum*), согласно которой в случае перехода в лютеранство духовного князя с него слагались правительственные функции и избирался преемник-католик.

Император Карл V до последнего отказывался признавать равноправие конфессий и заявлением о намерении отречься от короны (сентябрь 1555), видимо, надеялся сорвать работу рейхстага. Лишь гибкость Фердинанда позволила добиться общего согласия. Аугсбургский религиозный мир не мог, однако, стать панацеей от будущих потрясений.

Соглашение 1555 г. не завершило лютеранскую Реформацию и не стало окончанием самой конфессиональной эпохи. Евангелическое движение продолжало развиваться, охватывая все новые регионы, в том числе наследные земли Габсбургов. Одновременно шла борьба за выработку единой догматической платформы. В конфликте двух направлений между сторонниками учения Меланхтона («филипписты») и последователями Лютера («гнезиолютеране», т.е. «истинные лютеране») после многолетних споров победу одержали последние. Усилиями группы ведущих богословов в 1577 г. была подписана «Формула согласия», примирявшая враждебные стороны на платформе ортодоксального лютеранства. Во второй половине века были заложены основы административной организации евангелической церкви.

Своего пика конфессиональная эпоха достигла в начале 60-х годов XVI в. с выходом на сцену кальвинизма. Особенностью кальвинистской реформации в Германии стал ее «внешний» импульс: кальвинизм проникал в основном из Нидерландов, в Германии же имел лишь тонкую прослойку приверженцев в лице сторонников Меланхтона и представителей университетской элиты, отказавшихся признавать «Формулу согласия». Последователи Кальвина могли рассчитывать на успех лишь при прямой поддержке князей. Следствием стала Реформация «сверху», волей правящих домов. Первым крупным плацдармом немецкого кальвинизма оказался Пфальц, где новое вероисповедание было введено стараниями курфюрста Фридриха III в 1563 г. Кальвинизм, распространяясь преимущественно в лютеранских землях, вызывал враждебную реакцию евангелических богословов и широких слоев населения, считавших «кальвиниан» отступниками от учения Лютера. Новая конфессия взламывала единство протестантского лагеря, она содействовала росту религиозной напряженности и расшатывала устои Аугсбургского мира.

На фоне успехов протестантизма немецкий католицизм медленно восстанавливал свои силы. Первые симптомы Контрреформации обозначаются в 1543 г. в борьбе за архиепископство Кёльн, во второй половине века в противостоянии с протестантами за епископство Страсбург и в 1583 г. вторично за Кёльн, где архиепископ Гебхардт Трухзес фон Вальдбург перейдет в кальвинизм. Победа в споре за Кёльн стала поворотной точкой в судьбах немецкой Контрреформации. В это время шла напряженная работа католической Реформы. В Германии в авангарде преобразований выступали иезуиты, учредившие хлопотами своего главного подвижника Петра Канизия (1521–1597) в 1552 г. первый коллегиум в Вене, а позже и первые орденские провинции. Рядом с иезуитами кипучую деятельность развернули и князья церкви: их стараниями организовывались семинарии по подготовке священников, открывались новые университеты, главным из которых стал Диллингенский университет (основан в 1563 г.), издавались католические катехизисы.

В Баварии в правление Альбрехта V (1550–1579) реформа Церкви была проведена «сверху» стараниями герцогской власти, установившей контроль над духовной жизнью подданных и во многом подчинившей себе местное духовенство. В Австрии, наоборот, инициатива реформы исходила снизу, со стороны иезуитов и местного католического духовенства, в условиях слабой княжеской власти и давления многочисленных протестантских общин. В конце века с организацией так называемой «реформационной комиссии» во главе с епископом Мельхиором Клезлем и с восшествием на престол в Штирии эрцгерцога Фердинанда (1590) преобразования пошли быстрее. В 1600–1603 гг. большинству исповедовавших протестантизм дворян и горожан пришлось либо эмигрировать, либо перейти в католичество. Баварские Виттельсбахи (они одержали верх над пфальцскими в борьбе за Ландсгутский удел и объединили Баварию) и австрийские Габсбурги стали главной надеждой и опорой Католической церкви в Империи.

Правление Фердинанда I и Максимилиана II прошло под знаком стабильности и доверия сословий. Но уже в царствование сына Максимилиана Рудольфа II (1576–1612) обозначились первые симптомы напряженности, вызванные межконфессиональными трениями и нерешенными в условиях Аугсбургского мира вопросами. На пороге стоял кризис XVII в.

КУЛЬТУРА В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ

Крупные общественные потрясения совпали по времени с могучим интеллектуальным, творческим движением в немецком обществе. Культурное воздействие Реформации в Германии было огромным, в чем-то оно сливалось с гуманистическим, но в литературе сильнее всего ощущалась народная, национальная струя. Первостепенной была деятельность Лютера, переводившего Библию на родной язык. Популярное с конца XV в. сатирическое направление представлено стихотворным произведением Себастьяна Бранта (1458–1521) «Корабль дураков», высмеивавшим буквально всех и вся и породившим течение «литературы о глупцах». Крупным явлением в немецкой народной литературе XVI в. стало творчество поэта Ганса Сакса (1494–1576), который был мастером сапожного цеха в Нюрнберге и одновременно

мейстерзингером, т.е. автором песен традиционного средневекового склада. Ганс Сакс использовал в своих песнях, пьесах, баснях, шванках (коротких рассказах) и библейские мотивы, и старинные бродячие сюжеты, и темы, взятые у ренессансных и античных авторов. Сакс сочувственно относился к Реформации и в 20-е годы XVI в. поддерживал ее.

Помимо успехов на ниве гуманистической литературы и историографии, тесно связанных с богословской полемикой, Германия на рубеже XV и XVI вв. и позже, в первой половине XVI в., явила блистательную плеяду мастеров изобразительного искусства. Причем в художественном творчестве лучших представителей немецкой живописи – Альбрехта Дюрера (1471–1528), универсального художника и мыслителя, в этом смысле напоминающего Леонардо да Винчи, Матиаса Нитхарда-Готхарда (1470–1528), Йорга Ратгеба – заметно ощущение грандиозных и роковых сдвигов, проистекавших из церковного раскола и обрекавших общество на усиленный поиск истины: черты мессианского сознания в антураже элементов позднего Средневековья и Ренессанса хорошо отражены в произведениях этих мастеров. Вероятно, несколько иную линию – с большей адаптацией к новому вероучению в сочетании с тонким изыском портретного искусства – представляли Ганс Гольбейн (1497/98–1543), очевидец важнейших событий в годы реформационной борьбы, знакомый с ее участниками, и семейство художников Кранхов, прежде всего Лукас Кранах Старший (1472–1553), который был другом и соратником Лютера, придворным художником саксонского курфюрста. В библейские сюжеты Кранах привносит чисто светские мотивы («Юдифь с головой Олоферна»), а изображая обнаженное женское тело, он находится где-то посередине между готическим пренебрежением и итальянским любованием («Суд Париса», «Нимфа источника»). Противоречие между религиозной символикой, аллегоричностью и тягой к ренессансной пластичности характерно для других немецких художников первой половины XVI в. – Матиаса Грюневальда и пейзажиста Альбрехта Альтдорфера. Социальные бури, потрясавшие Германию на протяжении столетия, равнодушие протестантской церкви к живописи привели к снижению роли изобразительного искусства в конце века.

Небывалых высот в развитии традиций поздней готики достигла на рубеже XV и XVI вв. немецкая скульптура в творчестве Тильмана Рименшнейдера (ок. 1460–1531), автора надгробных композиций в Бамбергском соборе. Славу обрели и немецкие мастера прикладного искусства – в стеклодувном ремесле, в художественном литье (семейство Фишер из Нюрнберга), в чеканке и гравировке (мастерские Аугсбурга и Нюрнберга) и в ювелирном деле. В целом немецкое изобразительное искусство формировалось под определенным воздействием итало-нидерландской традиции, но отличалось выраженным своеобразием по отношению к итальянскому Ренессансу: этические, религиозные мотивы играли в творчестве немецких мастеров доминирующую роль.

Позднесредневековые границы скандинавских королевств – Дании, Швеции и Норвегии – не вполне совпадали с нынешними. Дания на протяжении большей части Средневековья включала, помимо Ютландского полуострова и ряда островов (Зеландия, Фюн и др.), области на юге Скандинавского полуострова – Сконе, Халланд и Блекинге, ныне входящие в Швецию. Области Херьедален и Емтланд в центральной Скандинавии (ныне западная Швеция) входили в Норвежское королевство. Норвегии принадлежали также Исландия, Фарерские и Оркнейские острова. Шведское королевство, кроме Швеции, включало в себя Финляндию. Спорным владением являлся остров Готланд в Балтийском море. Сначала он подчинялся шведской короне, но в середине XIV в. был завоеван датчанами.

Многое в истории скандинавских королевств было схоже. Близкими являлись языки, культура, менталитет, социальный и политический строй, экономика. Однако различались природно-географические условия и связанный с ними хозяйственный уклад. В Дании, открытой, равнинной стране с мягким климатом, имелись хорошие условия для земледелия; использовались и двуполье, и трехполье. В лесистой Швеции господствовало двуполье; трехполье практиковалось в отдельных местностях. На Севере страны, где в течение Средневековья активно шла расчистка лесов, использовалось старинное подсеčno-огневое земледелие. Большую роль в хозяйстве и общественной жизни Швеции сыграли горнорудные районы на Западе и Северо-Западе (области Вермланд, Даларна), где добывались медь, железо, а позднее и серебро. В гористой Норвегии, где хозяйственные возможности были ограниченными, немалое значение имело перегонное скотоводство. Всюду сохраняли важную роль рыболовство и охота.

Различалась численность населения. Наименьшей она была в Норвегии, наибольшей в Дании. Демографические и экономические различия (а также давность и прочность связей с развитыми европейскими регионами) сказывались на политической ситуации. В Средние века самым сильным скандинавским государством, наиболее интегрированным в европейскую политику и культуру, являлась Дания. Менее сильная Швеция все же успешно противостояла Дании или же сотрудничала с ней. Достаточно консервативная, но в то же время открытая для новшеств Норвегия пережила в XIII – начале XIV в. кратковременный расцвет, однако затем попала в зависимость от Дании и утратила самостоятельность.

Для скандинавских государств XV–XVI вв. – это, по сути, два периода, границей между которыми являются 20-е годы XVI в. В течение первого периода развитие Дании, Швеции и Норвегии во многом сохраняло средневековый характер. Второй период являлся этапом общественных изменений, хозяйственных, административных, политических и правовых реформ, связанных с Реформацией, Ренессансом, становлением абсолютизма, крупным предпринимательством. Но некоторые предпосылки этих перемен сложились еще в течение предыдущего периода – в XV – начале XVI в.

В зрелое Средневековье (применительно к Скандинавии примерно XII – XIV вв.) в Дании, Норвегии и Швеции оформился местный вариант общества, которое многие историки называют феодальным. Из древней родовой и служилой знати, из верхушки сельских общинников и отчасти из иноземцев и их потомков сформировалось неподатное сословие – *фрельсе* (букв. «свободное»). Светское фрельсе (рыцари и младшие рыцари – *вэпнары*, *свены*) владело поместьями на условии рыцарской службы королю. Духовное фрельсе, клир, формально не несло обязательств перед светской властью, хотя на практике нередко должно было с ней сотрудничать.

Земельные владения светского и духовного фрельсе обрабатывали крестьяне-арендаторы. Лично свободные, они находились в поземельной зависимости от землевладельца. Арендатор заключал с собственником договор на несколько лет. За пользование землей вносил ежегодную плату натурой, возводил постройки, отработывал небольшую барщину; за заключение договора платил взнос – «дар». Поместья фрельсисманов и обрабатывающие их арендаторы были освобождены от регулярных налогов в пользу короны. Однако арендаторы по обычаю платили королю экстраординарные подати.

Значительную часть угодий составляли тягловые земли. Их возделывали общинники-бонды – свободные сельские домохозяева. Бонды платили регулярные налоги и экстраординарные подати, участвовали в строительстве и ремонте кораблей, замков, крепостей, дорог, мостов, изгородей; в случае внешней агрессии служили в ополчении. Зажиточные бонды, способные нести рыцарскую службу, могли перейти в неподатное сословие. В свою очередь, обедневшим фрельсисманам разрешалось покинуть свое сословие и стать бондами, что подчас имело место.

Во главе государств стояли суверены европейского типа – короли «милостью Божьей». Порядок восхождения на престол различался. В Норвегии с XIII в. существовала наследственная монархия, в Швеции и Дании должность короля надолго сохранила выборный характер. Фактически суверена избирали светские и духовные аристократы. Официальные же выборы осуществлялись на собраниях представителей регионов и сословных групп. Новоизбранный король приносил присягу, обязуясь покровительствовать Церкви, блюсти мир, заботиться о подданных.

Обретя власть, король формировал (как правило, из аристократов) Государственный совет – *риксрод*, вводя новых членов взамен выбывших. С *риксродом* монарх был обязан совещаться при принятии важных решений. Нередко *риксрод* превращался в могущественный орган, стремящийся диктовать правителю свою волю. Бывало и наоборот: *риксрод* утрачивал реальную власть, подолгу не созывался. В число советников входили назначаемые королем сановники: *дротс* (верховный судья, помощник короля), *марск* (верховный военачальник) и канцлер (часто из епископов).

Король жаловал фрельсисманам лены: земельные держания, в Скандинавских странах (до середины XVI века) срочные, как правило, пожизненные. Лены давались за службу, за заем, а также на условии регулярных отчислений короне фиксированных сумм либо излишка доходов. Особо ценились престижные, стратегически и экономически важные замковые лены. Борьба за них сыграла огромную роль в истории Скандинавии.

Города в Скандинавии были невелики. Крупнейшие: Копенгаген, Мальмё, Рибе, Стокгольм, Кальмар, Берген – насчитывали по несколько тысяч жителей. Тем не менее города играли важную роль. Возглавляемые выборными бургомистрами и магистратами, они, как правило, подчинялись короне, интересы которой представляли королевские фогды. Специфической чертой многих северных городов был их бизнзизм – наличие как скандинавского, так и немецкого населения. В некоторых городах, например в Бергене и Стокгольме, бюргеры-немцы долго занимали ведущие позиции.

В политической жизни Скандинавских стран большое значение имели собрания представителей элиты и народа – тинги, херредаги («съезды господ»), а в позднее Средневековье – так называемые всеобщие собрания (allmänt möte) или риксдаги. Такие собрания созывались для принятия особо важных решений: избрания, утверждения или свержения государя, введения чрезвычайных налогов, разрешения конфликтов и кризисов. Отчасти такие собрания были своего рода продолжением древних демократических традиций. Но, как правило, тинги, херредаги и риксдаги использовались королями, регентами и аристократами, которые, обращаясь к делегатам от сословий, добивались выгодных для себя резолюций.

Важнейшим событием скандинавской истории явилось заключение в 1397 г. в Кальмаре унии Дании, Швеции и Норвегии. Всеми тремя странами должен был править общий монарх. После смерти короля следовало сообща избрать нового. Государства, сохраняя внутреннюю самостоятельность, заключали союз, обязывались проводить общую внешнюю политику, оказывать друг другу военную помощь. Уния усилила скандинавов и подняла их престиж. Однако она оказалась неравноправной. Наибольшие выгоды получила Дания, правители которой, возглавив союз, стремились превратить его в сильное, централизованное скандинавское государство, имеющее вес на международной арене и обладающее заветным для Дании господством на Балтийском море (*dominium maris baltici*).

Уже политика первых союзных правителей породила недовольство – особенно в Швеции, но также в Дании с Норвегией. Возмущение вызывали поборы, порча монеты, пожалование ленов и должностей иноземцам и людям низкого происхождения, несоблюдение привилегий фрельсе, нарушение законов. Шведов и норвежцев возмущал вывоз в Данию денег, ценностей, документов и собранных налогов. Духовенство было недовольно нарушением церковных привилегий. Магнатам требовались гарантии благосостояния и власти: регулярные созывы и реальные полномочия Государственных советов, назначение на государственную службу, ленные пожалования, искоренение финансовых и фискальных злоупотреблений.

Политические интересы магнатов различались. Датские аристократы в основном стремились к сохранению унии, возглавляемой датским монархом. В Швеции сформировались два крыла аристократии. Одно, продатское, хотело видеть короля, который находился бы «далеко» – в Дании, не вмешивался в политику магнатов, соблюдал привилегии, жаловал лены. Другое крыло сделало ставку на правителя из своей среды, на которого местные магнаты могли бы опереться. В национальном правителе были заинтересованы и мелкие дворяне, бюргеры, горные мастера, крестьяне. Народ верил, что

ского монарха. Королю предписывалось править в соответствии с законами, не отдавать в залог замки, города и лены, не вмешиваться в дела церкви, не сокращать имущество и доходы короны. Результаты переговоров были различны. В Норвегии Ханс взойшел на престол. В Швеции компромисса достигнуть не удалось. Противостояние с Данией, то и дело перераставшее в военный конфликт, сохранилось при новом регенте Сванте Стуре.

После смерти Сванте Стуре (1511 г.) в Швеции началась борьба за власть между Стеном Стуре Младшим (сыном Сванте) и аристократом Эриком Тролле (из датско-шведского рода Тролле), ставленником противников покойного регента. В конце концов Стен Стуре Младший был провозглашен правителем Швеции на условии уступок магнатам.

Между Швецией и Данией вновь начались переговоры – и вновь безуспешно. В 1517 г. Стен Стуре Младший отверг предложенные условия мира. Вскоре король Кристиан II (1513–1523), сменивший на датском троне отца, короля Ханса, заручившись международной поддержкой, в том числе заключив союз со Священной Римской империей и с Московской Русью, возобновил войну со Швецией. К этому времени в Швеции произошло важное изменение. Был избран новый архиепископ – Густав Тролле, сын Эрика Тролле, соперника Стена Стуре. Начался закономерный конфликт архиепископа и правителя. Стен Стуре конфисковал спорные владения и начал осаду замка, где пребывал архиепископ. В этих условиях военные действия датского короля были поданы как защита духовенства.

Поход Кристиана II на Швецию летом 1517 г. окончился поражением датских войск. Воспользовавшись успехом, Стен Стуре и его сторонники создали риксдаг, который вынес беспрецедентное решение: низложить архиепископа и разрушить спорный замок. Участники риксдага письменно обязались сообща нести ответственность за принятые решения, даже если последуют санкции со стороны Рима. Одновременно Стен Стуре развил успех, нанеся датским войскам новое поражение.

Но Кристиан II и папа римский Лев X продолжили борьбу против шведского регента. Стен Стуре и его сторонники были отлучены от Церкви и преданы анафеме, на Швецию был наложен интердикт. Новое вторжение датской армии в Швецию увенчалось военным успехом датчан. Стен Стуре умер от раны. Часть аристократов вступила в переговоры и признала власть Кристиана II в обмен на амнистию. В сентябре 1520 г. на условии амнистии капитулировал Стокгольм.

СТОКГОЛЬМСКАЯ КРОВАВАЯ БАНЯ

Вскоре наступила развязка. 4 ноября 1520 г. Кристиан II короновался на шведский престол. Спустя три дня, по истечении торжеств, в присутствии короля и его гостей была оглашена жалоба архиепископа Густава Тролле. Покойный Стен Стуре и его сторонники обвинялись в ереси, насилии над клириками, грубом нарушении интердикта. В ходе расследования обнаружилась улика: постановление риксдага о принятии коллективной ответственности за действия против архиепископа. Вечером 7 ноября группа духовных лиц (по-видимому, под давлением со стороны короля) постановила, что покойный регент и его сторонники – злостные еретики. Наутро в Стокгольме (а позднее в других городах и местностях Швеции) состоялись казни: жизни лишились около 100 человек.

Были казнены несколько духовных лиц (в том числе два епископа), множество дворян и их слуг, а также бюргеров.

Историки по сей день спорят, кто явился главным виновником «Стокгольмской кровавой бани» и в чем заключалась цель этой расправы. По-видимому, более всех в расправе был виновен Кристиан II, стремившийся отчасти уничтожить, отчасти запугать оппозиционеров, а также обогатиться, конфисковав имущество казненных. Жалоба архиепископа в таком случае использовалась как предлог, а разбирательство, учиненное духовными лицами, носило характер фарса.

«Стокгольмская кровавая баня» стала не только трагедией, но и вехой скандинавской истории. Она скомпрометировала Кристиана II, послужила основанием для свержения этого короля, дала толчок народному движению за окончательный выход Швеции из унии.

Вскоре после ноябрьской трагедии вспыхнуло восстание на юге Швеции – в Смоланде, а потом на Северо-Западе – в Даларне. Народную войну возглавил молодой дворянин Густав Эрикссон Ваза (Ваза), вскоре, в 1521 г. избранный регентом Швеции. Для борьбы с датчанами Густав Ваза получил военную помощь от Любека. Помощь была предоставлена в долг; Любеку были даны привилегии, позволявшие контролировать торговлю Швеции на Балтике. 6 июня 1523 г. на риксдаге в Стренгнесе Густав Ваза (возможно, при поддержке представителей Любека) был провозглашен королем Швеции (1523–1560). Так наступил конец Кальмарской унии: Швеция навсегда стала самостоятельным государством.

Тем временем датские дворяне, недовольные централизаторской политикой Кристиана II, свергли этого короля (также при поддержке Любека!). Кристиан II покинул Данию. Королем стал его дядя Фредерик I (1523–1533). Военные действия продолжались. Шведские войска заняли области в Восточной Норвегии и на Юге Скандинавии, попытались отвоевать остров Готланд. Мир был заключен в 1524 г. при посредничестве Любека; шведам пришлось отказаться от претензий на Готланд и другие спорные территории.

Для обоих монархов пришло время решения внутренних проблем. Прежде всего, следовало усилить королевскую власть, укрепить финансы. Добиться этого удалось во многом благодаря «королевской Реформации».

У Реформации в Скандинавии имелись предпосылки. Здесь правители давно (и безуспешно) стремились подчинить Церковь в своих странах вопреки средневековому принципу «свободы Церкви». В ходе борьбы накануне Реформации (особенно после Стокгольмской кровавой бани) пошатнулся авторитет католических прелатов и самого римского папы. К тому же популярность обрели новые идеи: человек получает спасение благодаря обращению к Богу, чтению Писания и жизни по нему, а не посредством обрядов и милостыни. Духовенство и миряне все меньше противопоставлялись, все больше воспринимались как единое целое – сообщество христиан.

Такие идеи, близкие к учению реформаторов, привлекали светские власти, часть дворян, бюргеров и клириков. Еще до Реформации в Дании и в Швеции планировались преобразования, которые, меняя отношения церкви и остального общества, сулили выгоды властям и дворянству. Интересы в церковных реформах имели и бюргеры: им не хотелось делать крупные пожертвования в пользу церквей и монастырей; к тому же монастыри являлись

торговыми конкурентами городов. Сыграла свою роль близость Скандинавии к Германии – родине Реформации. Скандинавы, интегрируясь в Балтийский регион, реагировали на изменения и усваивали новшества.

В начале 20-х годов XVI в. лютеранские идеи стали распространяться среди бюргеров Копенгагена, Виборга, Мальмё, Стокгольма, Бергена и других торговых городов, а также среди части духовенства. Временную популярность обрели также идеи радикальных реформаторов – анабаптистов; в некоторых городах имели место беспорядки, иконоборческие погромы.

Параллельно со спонтанным (хотя не таким масштабным, как в Германии) распространением новых идей началась их проповедь богословами. Последователи Лютера датчанин Ханс Таусен и швед Олаус Петри критиковали католические доктрины, пропагандировали лютеровское учение о спасении милостью Божьей. А короли Дании и Швеции Фредерик I и Густав Васа были заинтересованы в выгодах, которые сулила Реформация, но стремились избежать народного недовольства и раскола общества. На первых порах они формально придерживались консервативных взглядов, но на деле покровительствовали реформаторам, готовили крупные преобразования. Повидимому, образцом для датского и шведского королей явилась Пруссия, соседка скандинавов на Балтике.

Первые постановления, касающиеся реформ Церкви, были приняты на сословных собраниях: в Дании на «съездах господ» (херредагах) в Оденсе (1526 и 1527 гг.); в Швеции на риксдаге в Вестеросе (1527 г.). Королям, фактическим поборникам реформ, противостояла духовная и светская оппозиция. И первые реформы, касающиеся вероучения, явились умеренными. В Дании король взял под покровительство как древнюю церковь, так и новую, отложив окончательное решение вопроса о вере. В Швеции была принята резолюция о «чистой проповеди Слова Божьего» – о разрешении (фактически, о пропаганде и внедрении) лютеранского учения.

Более решительный характер носили постановления шведского риксдага 1527 г. в отношении имущества и прав Церкви. Епископы и соборные капитулы были обложены налогом; к короне перешли епископские штрафы; монастыри были отданы под управление светских опекунов. Участники риксдага постановили вернуть дворянам земли, проданные, заложенные или подаренные Церкви. Были упразднены правовые преимущества духовенства, ограничены свиты епископов. В наибольшем выигрыше оказалась корона, к которой перешли отчужденные земли, не имевшие законных наследников, а также многие церковные доходы.

Реформы, выгодные части элиты, не находили понимания у народа, особенно у крестьян, страдавших от поборов, дороговизны, нехватки необходимых товаров и ничего не получавших при нововведениях. Возмущение вызвала конфискация церковных ценностей, снятие колоколов, изъятие икон, закрытие монастырей. Поборников нового учения обвиняли в святотатстве, безумии, попытках вернуться к язычеству. Эти настроения подогревались оппозиционерами монархов-преобразователей – прелатами и некоторыми дворянами, которые использовали народную борьбу в своих интересах. В конце 20-х – начале 30-х годов XVI в. в Ютландии, Даларне, Смоланде, Вестеръетланде вспыхнули народные восстания, направленные против политики королей-реформаторов; подавить их удалось лишь с большим трудом.

Во внешней политике Скандинавских стран распад Кальмарской унии и начало Реформации были связаны с так называемой «графской распрей». После смерти Фредерика I в Дании возникли разногласия относительно его преемника. Одним из претендентов являлся сын короля герцог Кристиан. Но он покровительствовал протестантам, и большинство членов Государственного совета (в то время консервативных католиков) воспротивились его избранию. Тем временем в Любеке борьба между олигархами-католиками и демократической протестантской оппозицией завершилась победой протестантов. Новое руководство повело вооруженную борьбу с конкурентами Любека голландцами и обратилось за помощью к Дании и Швеции. Прокатолический датский риксрод ответил отказом. Но многие бюргеры (особенно в крупнейших торговых городах Копенгагене и Мальмё), сторонники Реформации и противники католического Государственного совета, поддержали Любек. В Данию вторглись наемные войска Любека во главе с графом Кристофером Ольденбургским (отсюда название «графская распря»). Кристофер Ольденбургский действовал от имени короля-изгнанника Кристиана II, сохранившего притязания на датский, норвежский и шведский престолы (и успевшего стать протестантом!). Любекцы рассчитывали: ставленник, обретя власть, отдаст Любеку контроль над проливом Эресунн и право взимать там пошлины. Внешняя агрессия сопровождалась гражданской войной между сторонниками и противниками Кристиана II. Интервенты использовали народное недовольство датской аристократией, провоцировали восстания, убийства дворян и сожжение усадеб.

Ситуацией воспользовались шведы, желая аннулировать торговые привилегии Любека и не уплачивать остаток долга. Швеция вступила в войну на стороне герцога Кристиана, которого датские дворяне избрали королем (Кристиан III, 1535–1559). Любек потерпел поражение. А вскоре в городе произошел новый переворот: к власти вернулась патрицианская, консервативно-католическая партия.

В 1536 г. Любек заключил мир с Данией и Швецией. Привилегии его в Швеции были аннулированы; позиции этого ганзейского города на Балтике пошатнулись. Отношения между скандинавскими королевствами на время улучшились. Это нашло отражение в заключенном в 1541 г. договоре об оборонительном союзе Швеции и Дании. Скандинавские монархи получили возможность сосредоточиться на внутренних проблемах, закрепить успехи, усилить свою власть, стабилизировать обстановку и пополнить казну. Одним из путей являлось завершение Реформации.

В Дании, казалось бы, этот путь был труден: ведь королю-реформатору вновь противостояли магнаты-католики. Но вскоре после «графской распри» Кристиан III совершил так называемый «государственный переворот». 12 августа 1536 г. он взял под стражу всех епископов. Потом епископов освободили, обязав не противиться преобразованиям. 30 октября 1536 г. открылся риксдаг, участники которого – более 1200 делегатов от дворян, бюргеров и крестьян – согласились с нововведениями в отношении Церкви. Епископы были отстранены от должности, на смену им пришли специальные должностные лица – суперинтенданты. Епископские земли, согласно постановлениям риксдага, подлежали отчуждению в пользу короля.

«Переворот» 1536 г. был осуществлен в интересах короля и тех датских дворян, которые сотрудничали с ним. Главным результатом стало увеличение земель датской короны: от одной шестой всей территории страны до более чем половины. Суперинтендантов впоследствии переименовали в епископов. По сути же это были выборные лица, не входившие в Государственный совет и не вмешивающиеся в «большую» политику. Духовные лица стали назначаться на выборной основе: епископов избирали клирики диоцезов, пробстов – приходские священники, настоятелей приходских церквей – прихожане.

В связи с реформами на риксдаге 1536 г. был поднят вопрос о Норвегии. Королевская резолюция гласила: Норвегия должна утратить независимость, как некогда ее утратили провинции, входящие в Данию. Норвегия, номинально сохранив статус королевства, потеряла самостоятельность и перешла под управление датской администрации. На Норвегию распространились положения о реформе датской Церкви; языком богослужения стал датский; в страну были направлены датские суперинтенданты.

Увеличение земель датской короны сопровождалось изменениями в ленной политике. Если при Фредерике I большинство ленов давались за службу, без административно-финансовых обязательств ленника в отношении короны, то при Кристиане III большинство ленов уже жаловались на условия регулярных отчислений части доходов в казну. С конца 40-х годов XVI в. многие датские ленники довольствовались фиксированной суммой, отсылая излишки королю. Лены округлились, утратили срочный характер, став, как во многих европейских странах, наследными держаниями. Увеличилась доля короны в нерегулярных поступлениях, таких как судебные штрафы. К короне перешла епископская доля церковной десятины.

Вследствие этих мер доходы датской короны резко возросли. Но финансовые затруднения продолжались: в сложной международной обстановке требовалось содержать армию наемников. Только в 1555 г., когда после заключения Аугсбургского мира напряженность в Европе ослабла, датский король смог распустить большую часть наемников и оздоровить финансы, сократив военные расходы.

В Швеции, как и в Дании, корона существенно обогатилась за счет церковной собственности. Земли, отчужденные королем у Церкви, отчасти перешли под управление администрации Густава Васы, отчасти были розданы в лен. Характер ленов (опять же, как и в Дании) менялся: держания давались на условия выплат; фактически уменьшалась разница между ленниками и королевскими служащими. С епископами, капитулами и монастырями король заключил договоры о налогах, по сути приравняв и высших духовных лиц к подотчетным ленникам короны. В казну стали также поступать отчисления от церковных штрафов и рента крестьян-арендаторов бывших церковных земель.

Но (вновь, как и у датского короля) велики были расходы, прежде всего военные. После «графской распри» Густав Васа оставил на службе часть иностранных наемников, завербованных на время войны, создав постоянное профессиональное войско. Король укрепил ряд замков и крепостей, построил еще несколько с применением фортификационных новшеств. Началось строительство флота. Военные расходы росли; покрыть их, помимо налогов,

ренты, штрафов и поборов, позволяли добыча серебра, экспорт шведских товаров (который значительно вырос) и торговые пошлины.

Сходство с Данией проявлялось и в том, что вследствие реформ усилился не только монарх, но и его сподвижники. Особенно это касалось «королевских родичей» – родственников и свойственников. Этот круг возник в том же 1536 г., когда Густав Васа (вторым браком) женился на шведской аристократке Маргарете Лейонхувуд. Сподвижниками Густава Васы стали и новые советники из немцев, такие как опытный юрист канцлер Конрад фон Пюхю или образованный померанский дворянин Георг Норман. Вообще период с середины 30-х по начало 40-х годов из-за особенно сильного влияния немцев на Швецию получил название «немецкое время».

«Новые люди» провели реформы управления (схожие с аналогичными датскими): усовершенствовали канцелярию (добавив к ней «немецкую канцелярию» – прообраз министерства иностранных дел), реорганизовали казначейство, которое теперь состояло из двух палат – счетной и доходно-расходной. Преобразованной канцелярией управлял совет из трех человек. Реорганизации подвергся и риксрод: из шведских аристократов и немецких советников был создан Правительственный совет во главе с фон Пюхю.

Возвышение новых соратников сопровождалось опалой старых. Зимой 1539/1540 г. состоялся суд над реформаторами Олаусом Петри и Лаврентиусом Андрес, обвиненными в государственной измене. Они были приговорены к казни и помилованы на условии штрафов. Обвинение, вероятно, было фиктивным: Густава Васа не устраивала независимая позиция реформаторов первого поколения, отказ от официального ура-патриотизма, критика короля, попытки вмешиваться в политику.

Новый лидер шведской церкви Георг Норман стал суперинтендантом – в данном случае, должностным лицом, получившим назначение от короля и подотчетным ему. Суперинтендант смещал нерадивых священников и назначал новых, надзирал за духовными лицами, следил, чтобы они проповедовали покорность властям. По всему королевству Норман произвел инспекцию церквей, конфисковав в казну огромное количество серебряной утвари.

Политика Густава Васы – опора на иноземцев, реформа церкви, изъятие реликвий и поборы – вызвала новый взрыв недовольства. Вновь очагом борьбы стал юг Швеции. В Смоланде началось крестьянское восстание, возглавленное Нильсом Даке. Многочисленные организованные повстанцы добились внушительных успехов. В ответ король применил испытанные методы: вступил в переговоры, выиграл время, повел контрпропаганду. Заключив перемирие, Густав Васа локализовал восстание, осуществил блокаду мятежного региона, собрал войско из наемников и ополченцев. Возобновив военные действия, король нанес крестьянам несколько поражений. Вождь движения был убит, восстание подавлено. Большинство повстанцев получили помилование, уплатив крупные штрафы. Многие, целыми отрядами, перешли на службу королю. Теперь регулярное войско, созданное Густавом Васой, состояло не только из иностранцев, но и из шведов.

Восстание Нильса Даке повлекло частичный отход властей от реформ «немецкого времени». Были упразднены государственные органы, созданные по немецким образцам, отменена должность суперинтенданта, восстановлен епископат. Риксрод возродился в прежнем виде, вернул свои полно-

мочия. Был реабилитирован Олаус Петри, ставший настоятелем Стокгольмской городской церкви. Конрада фон Пюхю приговорили к пожизненному заключению за растрату и другие проступки. Возможно, на фон Пюхю просто была возложена ответственность за общие злоупотребления и просчеты.

После мятежа Даже для Швеции настало время стабилизации, укрепления финансов и мирного строительства. Это было и время кардинальной политической реформы: введения наследственной монархии. На риксдаге 1544 г. делегаты постановили, что престол должны наследовать потомки Густава Васы по прямой мужской линии. Первым наследником стал Эрик (Эрик XIV, 1560–1568), сын Густава Васы от первого брака с немкой Катариной Саксен-Лауэнбургской. Младшим сыновьям (от второго брака) были пожалованы новообразованные герцогства – неотъемлемые автономные части страны.

Как и для Дании, середина XVI в. стала для Швеции временем экономического подъема. В хозяйственной политике Густава Васы присутствовали черты меркантилизма: стимулирование производства и экспорта. Однако в данном случае задачей являлся не только приток денег (обычная цель меркантилистской политики), но и обеспечение страны натуральными продуктами. «Деньги, – говорил король, – я могу чеканить и сам». Густав I стимулировал внутреннюю колонизацию – освоение пустой, расчистку лесов. Основывались города, в частности возник Хельсингфорс (Хельсинки). В духе времени король стремился, чтобы коммерческая деятельность сосредоточилась в полноправных торговых городах; окончательно запретил незаконную сельскую торговлю вне установленных мест (*ландсчён*).

В последние годы Густава Васы (и еще более после его смерти) в Швеции обозначились резкие противоречия между герцогами – сыновьями короля, с одной стороны, и «королевскими родичами» – с другой. Эти «родичи», к которым относился и род Стуре, получили множество ленов. И герцоги, и «королевские родичи» составили после смерти Густава Васы опасную конкуренцию взшедшему на престол Эрику XIV.

Стивен ван дер Мёлен. Портрет короля Швеции Эрика XIV. 1561 г. Национальный музей, Стокгольм

Новый король, в свою очередь, стремился противодействовать герцогам, упразднить автономию их владений. В связи с этим он опирался на «королевских родичей», жаловал им титулы графов и баронов. При их поддержке Эрик XIV созвал в 1561 г. риксдаг. Там было принято постановление, ограничившее самостоятельность герцогств, ставившее их под контроль короля. Как следствие, обострились отношения с герцогом Юханом, обособившимся в своем герцогстве Финляндии и вдобавок женившимся на католичке – польской принцессе Катарине Ягеллонке, сестре короля Сигизмунда Августа. В 1563 г. на очередном риксдаге герцог Юхан был обвинен в измене. Опираясь на это постановление, Эрик XIV потребовал от Юхана повиновения королю. В ответ герцог начал военные приготовления. Эрик XIV, опередив его, осадил Або (Турку), где находился Юхан, взял того под стражу, доставил в Швецию и подверг заключению.

Следствие по делу герцога Юхана было поручено Верховной комиссии (Höga nämnden). Это был послушный судебный орган, зависевший от короля и выносивший угодные монарху приговоры. За шесть лет (между 1561 и 1567 гг.) этот суд приговорил к смерти более 300 человек за должностные злоупотребления, измену и хулу на короля.

Кульминация деятельности Верховной комиссии наступила, когда возник конфликт между Эриком XIV и его бывшими союзниками, «королевскими родичами» – аристократами из семейств Стуре, Лейонхувудов, Стенбоков, Банеров. Король считал, что эти аристократы интригуют против него. Весной 1567 г. многие из них были брошены в тюрьму и преданы суду. Чтобы придать приговору видимость общественного постановления, Эрик XIV созвал риксдаг и огласил обвинение. Но ждать ответа монарх не стал. 24 мая 1567 г. он посетил заключенных и повел речь о примирении. Внезапно король вонзил кинжал в руку одного из узников – Нильса Стуре. По этому сигналу стражники убили почти всех обвиняемых дворян. Король спешно покинул темницу, скрылся в лесу и на время лишился рассудка. В течение нескольких месяцев он не мог вести дела, воображал, что свергнут и взят под стражу.

Причины расправы («убийства Стуре») и вообще оценка Эрика XIV являются предметом дискуссий. Их итог таков: Эрик XIV был противоречивым человеком – способным, но неуравновешенным, мнительным. На его душевном состоянии, вероятно, отразилась жестокая политическая борьба. Проводя в целом умную политику, он все же подчас терял чувство меры и реальности. К тому же, увлекаясь астрологией, король нередко основывал действия на предсказаниях звездочетов, а это было чревато роковыми последствиями. Само «убийство Стуре» было вызвано политико-династической борьбой. Король боялся (возможно, не без оснований), что недруги хотят истребить род Густава Васы и упразднить наследственную монархию. Поэтому он сам уничтожил соперников, в частности отпрысков Стуре, которые как наследники средневековых регентов могли претендовать на власть.

После «убийства Стуре», пока у короля был помутнен рассудок, Шведией правил риксрод. Герцог Юхан был освобожден. Ответственность за расправу возложили на королевского советника Йерана Перссона.

Еще не восстановив здоровье, Эрик XIV вступил в брак с любовницей – Карин Монсдоттер, девушкой из простолюдов, вскоре родившей сына.

Младшие братья, герцоги Юхан и Карл, немедленно подняли восстание, овладели Стокгольмом и казнили Йерана Перссона. Эрик XIV был свергнут и заключен в замок, где и умер (возможно, был убит). Королем стал Юхан.

Новый монарх – Юхан III (1568–1592), опираясь на аристократию, утвердил и расширил ее привилегии. Графы и бароны получили значительные владения. Но все же Юхан III нарушал обязательства в отношении дворян, в частности при введении экстраординарных налогов.

Тем временем достиг совершеннолетия Карл – младший сын Густава Васы, получивший герцогство в Центральной Швеции. Сначала отношения Карла с Юханом III были дружественными. Но затем возникли противоречия – отчасти религиозные: Юхан III был сторонником уступок католицизму, а герцог Карл последовательным лютеранином. Основное противоречие являлось политическим: Карл добивался самостоятельности своего герцогства, опираясь на местных дворян и давая им привилегии.

Вскоре возник вопрос о персональной унии Швеции и Польши: наследник престола Сигизмунд (III), сын Юхана III и Катарины Ягеллонки, был избран и на польский трон. Тогда, после смерти Юхана III, уже герцог Карл сблизился с риксродом. В 1593 г. на соборе в Уппсале Государственный совет, духовенство и дворянство упразднили уступки католицизму, сделанные при Юхане III. Аристократы-интеллектуалы Эрик Спарре и Хогеншильд Бьельке обосновали незыблемость дворянских привилегий – даже в условиях наследственной монархии. В конце концов Сигизмунд утвердил дворянские кондиции, признал решения уппсальского собора 1593 г., обязался блюсти законы. Было решено, что Швецией во время отлучки короля будет править Государственный совет под председательством герцога.

Но полномочия герцога и совета оказались ограниченными: не разрешалось издавать указы, созывать риксдаг. Дворян не устраивала и реальная политика Сигизмунда, назначившего на ключевые должности своих приближенных. И вскоре Карл был провозглашен регентом Швеции и созвал риксдаг. Применив испытанное старинное средство – угрозу отречения от власти – Карл добился, что риксрод утвердил его в должности правителя. Затем он повел борьбу против короля, переросшую в военный конфликт, который завершился победой регента, ставшего королем Швеции Карлом IX. В 1604 г. шведская корона была закреплена за его потомками.

ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН В XVI ВЕКЕ

В XVI веке окончил существование Ливонский орден – духовная и политическая организация (фактически государство) немецких рыцарей в Восточной Прибалтике. За временным подъемом и укреплением (конец XV – начало XVI в.) последовали кризис и распад.

Ливонией поначалу называлась область, населенная ливами, одной из древних народностей на территории Латвии. С XIII в. это название распространилось на всю территорию Эстонии и Латвии, подчиненную немецким завоевателям и освоенную немецкими колонистами. Ливонский орден был образован как особая ветвь Тевтонского ордена в 1237 г., и со временем под его властью оказалась большая часть латвийских и эстонских земель. Другими крупными территориями – союзниками Ордена, а иногда соперниками – являлись церковные владения: архиепископство Рижское и епископство Курляндское (Курземское) на Юге Ливонии, епископства Дерптское (Тартуское) и Эзель-Викское (Сааремаа-Ляанское) на Севере. Немалой территорией обладала Рига.

Орден был разделен на области, возглавляемые начальниками – комтурами и фогтами. Центром комтурства или фогтства являлся замок (бург). В бургах проходили собрания рыцарей – конвенты; в каждом конvente участвовало по 12–20 рыцарей под председательством комтура или фогта. Конвенты выносили решения по административным, военным и хозяйственным вопросам, вершили суд, ведали обеспечением порядка. Войско ордена подчинялось верховному военачальнику – маршалу. Высшая власть принадлежала магистру, которого пожизненно избирал конвент высших орденских чинов, а утверждал великий магистр (гроссмейстер) Тевтонского ордена. На Ливонский орден распространялась власть нескольких суверенов: тевтонского гроссмейстера, императора Священной Римской империи и римского папы. Важные вопросы внутренней и внешней политики обсуждались на сословных собраниях ордена, состоявших из четырех курий – «сословий» (нем. Stand). В первую курию входили архиепископ и епископы, во вторую магистр и его приближенные, в третью – представители дворянства Ливонии, в четвертую – делегаты от городов.

Полноправные члены Ливонского ордена назывались «братьями»; до XVI в. их численность достигала 400–500 человек. Все ливонские «братья» происходили из незнатных дворянских родов. Кроме них в орден входили священники и так называемые полубратья – ремесленники и служащие. Из братьев и их вооруженных отрядов состояла тяжелая рыцарская конница – основа войска. Помимо того, у ордена имелись вассалы, получавшие за службу лены. Держателями крупных ленов являлись немецкие рыцари. Контингент мелких ленников был пестрым как по этническому происхождению, так и по социальному составу: в него входили, в частности, бюргеры, мелкие служащие и даже крестьяне. Для ведения крупномасштабных боевых действий рыцарской конницы «братьев» и вассалов-ленников не хватало; с конца XIV в. ордену подчас приходилось пользоваться услугами наемников.

Сельское население латвийских и эстонских земель было организовано в общины, возглавляемые старейшинами, со временем – старостами, которых

Ливонский орден и соседние страны на карте Олауса Магнуса. 1555 г.

назначали помещики. Имелись крестьянские суды под председательством орденских фогтов; заседателей судов (из зажиточных крестьян) поначалу избирали общинники; впоследствии их стали назначать помещики.

Крестьянская рента, как правило, была смешанной: барщина, натуральный и денежный оброк. С XIV в. помещики, поставлявшие на рынок хлеб, стремились расширить барщинное хозяйство. Следствием стало прикрепление крестьян к земле и расширение барской запашки – нередко за счет сгона сельских домохозяев с обжитых мест, а также путем присвоения земель крестьян, убитых на войне, погибших от эпидемий, повстанцев и беженцев.

Крупнейшими городами Восточной Прибалтики были Рига, Ревель (Таллин), Дерпт (Тарту) и Нарва. Рига обладала большим флотом и сильным войском, имела обширные торговые связи. Рига, Ревель и Дерпт, являвшиеся с XIII–XIV вв. членами Ганзы, стали важными посредниками в товарообмене между Восточной и Западной Европой. С востока через эти города вывозились меха и воск, лен и пенька, деготь и кожа, рыба и жиры; в обратном направлении – ремесленные изделия и ткани, соль и сельдь, лекарства, пряности и фрукты. Особенно значительные доходы приносила соль; существовала поговорка, что Ревель «выстроен на соли». Через те же города вывозились прибалтийские товары: зерно, рыба, тюлений жир, строительный камень и лен.

В XVI в. Рига насчитывала примерно 10–15 тыс. человек; в Ревеле и Дерпте в XV в. жило примерно по 4–5 тыс. человек. Население городов росло преимущественно за счет крестьян. Как правило, они становились чернорабочими, прислугой, носильщиками, мелкими торговцами. Оптовой торговлей и наиболее доходными ремеслами (пивоварением, ювелирным делом) ведали полноправные бюргеры – преимущественно немцы. Они же составляли элиту городов. К городским «не немцам» относились латыши, эстонцы, русские, шведы, датчане и финны. Русских (выходцев из Новгорода и

Пскова) в Риге, Ревеле и Дерпте имелось довольно много; у них были там и свои церкви.

Из наиболее зажиточных бюргеров формировался городской совет (магистрат), пополнявший свои ряды путем кооптации. Магистрат ведал делами управления, вершил суд. При магистрате имелся секретарь, который вел городские книги – таможенные, земельные, долговые, счетные. В Восточной Прибалтике, как и повсеместно в Европе, имелось свое городское право. Вступив в Ганзу, Рига в XIV в. приняла городское право Гамбурга, которое потом не раз перерабатывалось. Образцом для городского права Ревеля и Дерпта, в свою очередь, являлось право Любека – ведущего города Ганзы. Мелкие города в своем политическом устройстве и праве подражали более крупным: латвийские – Риге, эстонские – Ревелю и Дерпту.

Купцы и ремесленники объединялись в гильдии и цехи. В Риге купцы входили в так называемую «Большую» гильдию, а ремесленники в «Малую», состоявшую из цехов (кузнечного, ткацкого и др.). Аналогичной была организация купцов и ремесленников в Ревеле: там тоже имелись Большая и Малая гильдии. Немецкие торговцы-холостяки в Ревеле и Дерпте образовали Братство Черноголовых. В Риге имелись союзы, объединявшие рабочих-латышей, а в 20-е годы XVI в. возник цех русских розничных торговцев.

Во второй половине XV – первой половине XVI в. Ливония переживала экономический подъем. Большую прибыль приносила торговля солью, а также экспорт из России пушнины, леса, воска и льна. Возникла благоприятная конъюнктура для вывоза зерна: в Европе увеличился спрос на хлеб, значительно выросли цены. Как следствие, в Ливонии подорожали поместья, расширилась барская запашка, завершилось закрепощение крестьян. На рубеже XV–XVI вв. крестьяне стали рассматриваться как собственность помещика, они были предметом продажи, обмена, дарения, заклада.

Взаимоотношения в «верхах» общества отличались противоречивостью. Между братьями ордена не было единства. В XIV в. среди них появились сторонники отделения от Тевтонского ордена, которых называли «вестфальцами» (многие из них были выходцами из Вестфалии), а их противников – «рейнцами». После поражения тевтонцев при Грюнвальде (1410) в Ливонском ордене верх взяли «вестфальцы». Со второй половины XV в. Ливонский орден фактически обрел самостоятельность. Но деление на партии сохранилось и способствовало упадку ордена.

Другой узел противоречий составляли отношения орденских верхов, высших духовных лиц Ливонии (главным из которых являлся рижский архиепископ) и городов (особенно Риги). С конца XIII в. между орденом и архиепископами шла борьба за верховенство в Восточной Прибалтике и за власть над Ригой. В свою очередь, Рига, подчиняясь архиепископу в духовных вопросах, отстаивала свою независимость в светских делах. Борьба шла с переменным успехом. В XV в. рижский архиепископ добился, чтобы Рига подчинялась двум сюзеренам – ордену и архиепископу. Затем на некоторое время верх взял орден; наконец, в 1481 г. Рига добилась независимости.

Новые осложнения возникли в связи с Реформацией, ее идеи стали распространяться в Ливонии с 20-х годов XVI в., особенно в городах. В отношении причин и предпосылок Реформации Прибалтика имела много общего с другими регионами. Немецкие бюргеры ливонских городов с энтузиазмом

восприняли идеи Реформации от бюргеров Германии, близких им по языку, культуре, ментальности и интересам. Для городских «не немцев» Реформация, напротив, стала орудием борьбы за права и лучшую долю, против патрициев – консервативных католиков. Для городских властей и бюргеров Реформация была орудием борьбы за независимость от католических олигархов – архиепископа и орденских верхов. Магнаты и вообще землевладельцы были заинтересованы в секуляризации и разделе церковной собственности. Крестьяне надеялись на послабления в отношении церковных поборов, на установление справедливых порядков. Предпосылкой Реформации стало и развитие национального и регионального самосознания, языков и письменности. Реформаторы довели до практического завершения дело, которое начали еще позднесредневековые католики: религиозное просвещение на языках национальной окраины, к которой тогда относилась и Прибалтика.

Реформация распространилась в Ливонии преимущественно в форме лютеранства. Власти городов вскоре поддержали лютеран, стали назначать их на церковные должности. Тем временем в городах появились и анабаптисты. Самым выдающимся из них был странствующий ремесленник Мельхиор Гофман, возглавивший анабаптистское движение в Прибалтике, Скандинавии, а после и в Германии. Следствием его проповедей стали волнения в Риге, Ревеле и Дерпте: горожане громили церкви, уничтожали иконы. Начались и крестьянские восстания.

Вскоре идеи Реформации обрели поддержку светской элиты. Многие рыцари стали принимать лютеранство и записывать в него своих крестьян. Около середины XVI в. большинство жителей Ливонии формально стали лютеранами. В 1554 г. на ландтаге в Вольмаре (Валмиера) была провозглашена свобода вероисповедания во всей Ливонии. Но епископы и высшие чины ордена вплоть до Ливонской войны оставались католиками и выступали против секуляризации церковных земель. Этот консерватизм позволил на какое-то время сохранить орден, его устои и традиции, но, конечно, отнюдь не мог разрешить социальные, политические и религиозные противоречия. Реформация (наряду с военной угрозой, политическими конфликтами, интригами и другими проблемами) способствовала падению ордена.

Ослабление Тевтонского ордена по Торуньскому миру 1466 г. означало для Ливонского ордена потерю союзника и усиление опасного соседа – Польши, стремившейся завладеть и ливонскими землями. Другая угроза исходила от датских королей: в XV в. они возобновили притязания на Северную Эстонию, пытались получить под свой протекторат Эзель-Викское епископство. На северные эстонские территории претендовали и шведы: архиепископ рижский предлагал Швеции эти земли в обмен на военную помощь в борьбе против Ордена. С конца 60-х годов XV в. во владения Ордена стали вторгаться войска московских князей. В 1481 г. русские войска заняли несколько ливонских городов, разрушили Феллин (Вильянди). В 1492 г. Иван III построил крепость Ивангород у границы Ливонии, напротив Нарвы. Она была мощным оборонительным сооружением и одновременно удобным форпостом для наступательных действий.

В связи с этими событиями перед руководством Ордена встали задачи обрести союзников и усилить армию. Новый магистр Вальтер фон Плеттенберг (1494–1535) стремился улучшить вооружение армии, укрепить замки и

крепости, вел активную пропаганду, апеллируя к патриотическим чувствам населения Ливонии. Однако на ландтаге 1498 г. выяснилось, что сословия выше всего ставят собственные интересы. Города, на помощь которых рассчитывал Плеттенберг, заявили, что не желают жертвовать ни землями, ни людьми и сами позаботятся о своей обороне. Магистру удалось добиться лишь весьма скромных пожертвований. Во внешней политике дела поначалу тоже складывались неудачно: попытки Плеттенберга найти поддержку у Священной Римской империи, Тевтонского ордена и Польши успеха не имели. Но магистру удалось заключить союз со шведским регентом Стеном Стуре Старшим. В свою очередь, Иван III заключил в 1493 г. союз с Данией – старинным противником Швеции и Ганзы.

Дальнейшие события развивались в связи с конфликтом Литвы с Московской Русью. Литовский князь Александр Казимирович оформил с Ливонским орденом договор о союзе (1501). В соответствии с ним в августе 1501 г. ливонские войска под предводительством Плеттенберга вторглись в русские земли и одержали несколько побед. Но успех оказался временным: русские нанесли ответный удар, устремились в Ливонию, достигли Феллина и Вендена (Цесиса). Плеттенберг сумел собрать средства для продолжения войны и в 1502 г. начал наступление на Псков, но получил отпор: русское войско одержало верх. По мирному договору 1503 г. орден принял требования русских. Дерптский епископ обязался платить дань в пользу Руси. Для защиты русских купцов от иностранных конкурентов было запрещено ввозить в Россию соль. Договор, впоследствии неоднократно пролонгированный, действовал до середины XVI в. – до самого распада Ливонского ордена.

С упадком Ганзы борьбу за господство на Балтике повели Дания, Швеция и Польша. Участником борьбы стала и Россия, стремившаяся присоединить к себе Восточную Прибалтику. Это сулило выход к морю, прямые торговые и иные контакты с Западной Европой, расширение земельных владений.

Поводом к нападению России на орден послужил военный союз последнего с Литвой и недоимки в уплате дани. В 1558 г. русские овладели Нарвой и Дерптом; в начале 1559 г. подступили к Риге. Затем, воспользовавшись перемирием, магнаты ордена во главе с магистром заключили с польским королем Сигизмундом II Августом соглашение, передав орденские земли под его протекторат. В том же году епископ Курляндии и Эзель-Вика продал свои епископства датскому королю, а тот отдал их своему брату Магнусу.

В 1560 г. русские войска вновь перешли границу Ливонии, взяли замок Мариенбург, а затем Феллин – самую мощную крепость ордена; преграждавшее путь к Феллину орденское войско было разбито; главнокомандующий ордена, ландмаршал, и 11 комтуров были взяты в плен. Русские прошли по Ливонии, захватили и разрушили несколько замков. В борьбе с ливонскими магнатами русские умело использовали волнения крестьян.

Ливонский орден, не имевший ресурсов для дальнейшего сопротивления, распался. Город Ревель и дворянство Северной Эстонии признали над собой власть Швеции в обмен на обещание широких привилегий.

В свою очередь, польско-литовские дипломаты заявили представителям ордена, что договор о протекторате потерял силу; если ливонцы хотят, чтобы их защищали, они должны полностью перейти под власть Сигизмунда II Августа. В феврале–марте 1562 г. был подписан договор о подчинении Ливо-

нии Польше. Орден прекратил существование. На его территории возникло вассальное по отношению к польской короне Курляндское герцогство; его герцогом стал последний магистр ордена Готхард Кеттлер. Остальные земли были поделены между Швецией, Литвой и Данией. История Ливонского ордена на этом закончилась, но политические, общественные, военные и культурные традиции региона (многие из которых были связаны с обычаями и привилегиями остзейских немцев) сохранялись в Прибалтике еще очень долго.

Ливонский орден изначально не был анахронистичным и заведомо обреченным политическим образованием. У него имелись значительные экономические ресурсы, достаточно крупные города, мощные замки, неплохое войско, способные руководители. Но Ливония оказалась «зажата» между могущественными соседями, и притом ее разрывали внутренние противоречия: многие дворяне, духовные лица, горожане и крестьяне поддерживали не орденских магнатов, а их противников. Все это привело к упадку и краху Ордена.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ, ЧЕШСКОЕ И ВЕНГЕРСКОЕ КОРОЛЕВСТВА В XVI ВЕКЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С середины XV в. история государств в Центральной Европе – Чехии, Венгрии и Польши – сплетается в единый, почти неразрывный узел. Монархов из светской знати, правивших в Чехии и Венгрии во второй половине XV в., к концу столетия сменяют избранные представители династии Ягеллонов. В 1526 г. на их место приходят Габсбурги, положив начало созданию своей многонациональной державы.

С опорой на новый ренессансный стиль в это время формировалось единое культурное пространство Центральной Европы, где в XVI в. выработались специфические формы синтеза ренессансного и местного готического начал. Переход от культуры Возрождения через маньеризм к культуре барокко ярко выразился в деятельности общеевропейского культурного центра при дворе Рудольфа II в Праге на рубеже XVI–XVII вв.

Конфессиональный ландшафт региона во второй половине XV–XVI в. отличался от западноевропейского. Центральная Европа пережила первую Реформацию – гуситское движение в Чехии, частично затронувшее Венгерское и Польское королевства и породившее первую межхристианскую конфессиональную войну. Но распространение Реформации XVI в. не получило в регионе характера гражданских войн. Религиозная свобода и ее выбор связывались с сохранением сословных привилегий и вольностей местного дворянства. Широкое распространение протестантизма в Польше и Венгрии к концу XVI в. мирно сменилось возвращением в лоно обновленного Тридентским собором католицизма, тогда как в Чехии, наоборот, привело в 1618 г. к восстанию против Габсбургов, которое, однако, было гораздо более политическим, чем конфессиональным.

Страны Центральной Европы спланировал внешнеполитический фактор – османская агрессия, резко обострившаяся в первой четверти XVI в. Власть так и не смогла наладить эффективного и согласованного сопротивления османам, а часть шляхты прямо использовала их помощь в своей борьбе за власть на местах (для Венгрии это обернулось фактическим расчленением королевства). Единственной реальной силой, которая смогла хоть как-то противостоять турецкой экспансии, оказались Габсбурги. Однако и им не удалось организовать общеевропейского и даже регионального сопротивления турецким захватам в Европе. Постепенно роль «спасителя христианства» примеряет на себя Польша, что в конце XVI в. выразилось в формировании сарматизма – специфической идеологии польской шляхты.

Экономика региона в данный период отличалась пестротой и многообразием. В Чехии продолжается расцвет ремесленного производства и внутренней торговли, благосостояние бюргерства достигает вершины, внешне выражаясь в богатстве и пышности одежды и интерьеров, соперничавших с дворянскими. Однако к концу XVI в. наметилась стагнация ремесла, социально

выражавшаяся в процессе так называемого замыкания цехов. В Польше города, население которых было по преимуществу этнически немецким, не составили такой густой и мощной сети, как в Чехии. Доминировало сельское хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян, но руководимое помещиками. Складывается тип хозяйства, близкий немецкому фольварку (помещичье барщинное хозяйство, ориентированное на сбыт зерна). Главными посевными культурами стали зерновые, а сама Польша превратилась в «житницу Европы», во времена Елизаветы I кормившую хлебом всю Англию. Польская шляхта, добившаяся права беспошлинной торговли зерном, получала огромные доходы от торговой деятельности, что способствовало ее значительному политическому росту как сословия, причем очень многочисленного. Это отличает польскую шляхту от чешской, основу благосостояния которой составляли не столько крупные земельные владения, сколько служба. В Венгрии малочисленность и слабость городов со смешанным в этническом плане населением обусловила доминирование сельского хозяйства, преимущественно скотоводства и виноделия. Через страну проходили важные торговые пути, которые, однако, теряли свое значение по мере усиления турецкой экспансии. Захват турками центральной части страны в 1526 г., сопровождавшийся разрушением крепостей и городов, переместил экономический и политический центр на Север Венгерского королевства, с древнейших времен населенный словаками. Экономически интенсивно развивалась область Спиш, пограничная с Польшей и временно ей отданная как залог. Ее процветание, в том числе культурное, основывалось на перевалочной торговле солью. Спишские города в начале XVI в. превратились в небольшие центры бюргерской культуры, по своему уровню не уступавшей западноевропейской. Основой экономики Венгрии, прежде всего ее северной части (ныне Словакия), являлись горнорудные разработки: именно серебро горных («баньских») городов служило базой могущества крупного дворянства.

Социальная структура стран региона обладала рядом как общих, так и специфических черт. Центральная королевская власть оставалась слабой, была ограничена системой сословных прав и привилегий. Все попытки усиления королевской власти, предпринимавшиеся польскими Ягеллонами, оказались неудачны. Большой успех сопутствовал Габсбургам, несмотря на сопротивление дворянства (шляхты), которое являлось главной политической и социальной силой в обществе. Шляхта могла быть единым сословием, как в Польше и Венгрии, или быть разделенной на панов и рыцарей, как в Чехии, но в реальности ее членение было более дифференцированным. Доминировали крупные магнаты, владельцы «латифундий» и горнорудных разработок, от магнатов зависела их клиентела – мелкие шляхтичи, оказывавшие им поддержку на сеймах и в вооруженных конфликтах. Особенно четко такая система зафиксировалась в Польше. Средняя шляхта большей силой обладала в Чехии (результат победы правого крыла гуситского движения), хотя в XVI в. наблюдался процесс ее расслоения и обеднения. Слой чешских магнатов, высшей аристократии, можно разделить на две группы. Одна представляла старые панские роды, оппозиционно настроенные к королевской власти, другая – относительно новую аристократию, обязанную своим взлетом благосклонности короля и ставшую его опорой в стране. Это отличало

чешскую аристократию от польской, в целом настроенной против сильной королевской власти и ратовавшей за еще большее увеличение дворянских «золотых вольностей». Среди венгерского дворянства в XVI в. также сильны были сепаратистские тенденции. Политические интересы, стремление к власти, превращение доменов в мини-государства обусловили столкновения в среде венгерского дворянства и ослабляли его. Стремление к доминированию на местах, внешне прикрываемое антимонархической и патриотической идеологией, привело часть венгерской аристократии к переходу под власть Османской империи, выразившемуся в признании вассалитета, и к созданию «двоекоролевья».

Сопrotивление центральной власти путем усиления власти сословий выразилась не только в поведении венгерских магнатов, но и в форме венгерских и польских рокошей – съездов вооруженного дворянства, принимавшего решение воевать против своего короля или против другого рокоша по причинам нарушения прав и привилегий. Расширение дворянских прав выражалось в Польше правом *liberum veto* (один голос против срывал работу всего сейма), которое идеологически обосновывалось требованием безусловного единства, единомыслия шляхты в праве законного вооруженного сопротивления королю, нарушившему сословные свободы, в праве свободного выбора вероисповедания. В Польше и Венгрии толерантность основывалась на праве личного выбора дворянина, в Чехии же к концу XVI в. победила концепция о равенстве всех христианских церквей перед законом. Политическое влияние дворянства базировалось на его экономической силе, обеспечивавшейся ведением сельского хозяйства, торговлей сельскохозяйственной продукцией и доходами от рудников. XVI в. демонстрирует постоянный рост политических амбиций дворянства, приносящий свои результаты в Польше (Генриховы артикулы) и Венгрии (королевские капитуляции), но в Чехии не реализованный и даже ущемленный в ходе подавления восстания сословий королевской властью в 1547 г.

Города и бюргерство были представлены на сейме в Чехии самостоятельной курией. Однако разгром чешских городов в результате восстания 1547 г. надолго приостановил их рост. Бюргерство (после гуситских войн преимущественно чешское, исключая крупные города Моравии и Силезии, такие как Брно, Оломоуц и Вроцлав, в которых превалировали немцы) обладало сословными правами и привилегиями в политическом, судебном, административном, экономическом и конфессиональном отношениях, что делало его важной политической силой. Противостояние дворянства и бюргерства в начале XVI в. закончилась фактическим компромиссом (Владиславское земельное уложение), оставившим за городами право свободной экономической деятельности и представительство на сейме. Именно города стали основными инициаторами сопротивления королевской власти и при Ягеллонах, и при Габсбургах.

Городская сеть в Чешском королевстве оставалась чрезвычайно густой, что позволяет говорить о доминировании бюргерского уклада жизни страны в целом. Своими размерами и численностью населения резко выделялась Прага, приближавшаяся по этим параметрам к крупнейшим городам Европы. Остальные города были средней величины, оставаясь в пределах городских стен, возведенных еще в Средневековье. Превалировали маленькие

города – местечки, население которых совмещало ремесленный труд с возделыванием приусадебных участков. Города, крупные и малые, в XVI в. приобретают внешний ренессансный облик, как бы надеваемый на старую готическую основу. Цельностью новой ренессансной архитектуры отличаются Телч, Литомышль, Чески Крумлов, Индржихув Градец, в XVI в. получившие городское право. Социальная структура чешских городов остается прежней. Превалируют экономически сильные ремесленные цехи и торговый патрициат, общий уровень жизни чешского бюргерства высокий. Можно говорить о социально-экономической усредненности: богатые верхи города многочисленны, значительный процент бедности не опускается ниже прожиточного уровня, средний слой очень широк и стабилен, а его отрыв от богатейшей части торгово-ремесленного патрициата не очень велик. Сам патрициат является новым, образовавшимся после гуситского движения, он этнически чешский и конфессионально гуситский, с 20-х годов XVII в. частично лютеранский. В городской экономике превалируют ремесленные цехи по изготовлению продуктов питания, одежды и обуви, изделий из металла и дерева. К чешской специфике следует отнести повсеместное развитие пивоварения, дававшего стабильный доход горожанам. Во многих чешских городах, особенно в Праге, расширяются еврейские кварталы (гетто), а их население становится заметным феноменом городской экономической и культурной жизни. Антисемитские мероприятия императора Фердинанда I, инициированные чехами-пражанами, сменяются расцветом Пражского гетто в конце XVI в. при Рудольфе II, когда оно стало центром еврейства Центральной и Восточной Европы.

Бюргерство Польши, наоборот, не имело политического веса, зависело от королевской власти. Городская экономика основывалась на среднеудаленной торговле и не способствовала формированию политических амбиций городского сословия, обладавшего к XVI в. традиционным в Центральной Европе набором экономических привилегий. Города по своей слабости не стали в Польше опорой королевской власти. Их обособленности в польском обществе способствовала этническая ситуация: патрициат и ремесленничество оставались преимущественно немецкими (Краков, Гданьск, Познань). Польский этнос в городах занимал места социального низа (плебс) и верха, поскольку шляхта иногда имела в них свои дома. Пестроту населения польской столицы, Кракова, дополняла интернациональная интеллигенция (немецко-польская в Ягеллонском университете и итальянская художественная при королевском дворе), а также еврейское гетто.

Городское население Венгрии также не являлось ни политической, ни экономической силой. Сокрушительный удар по городам на Юге Венгрии нанесли войны с турками, в XVI в. на первый план выходят города северных комитатов королевства, ныне являющиеся украшением Словакии, – Пожонь (Прессбург, совр. Братислава), Кашшау (Кошице), Банска Быстрица, Банска Штявница, Прешов. В них во дворцах, отстраиваемых в ренессансном стиле, селятся представители крупных венгерских родов, многие из которых имеют славянские корни (например, Турзо). Привилегии позволили городам, особенно горнорудным, в XVI в. стать центрами стабильной жизни и обеспечить довольно высокий уровень благосостояния населения. Этнически население было пестрым: первенствовали немцы и венгры, укрепляли

свое присутствие словаки, составлявшие главную рабочую силу на рудниках, ниже по социальной лестнице стояли православные русины и евреи.

В XVI в. в Центральной Европе к королевским городам прибавляется значительное число частновладельческих (панских) городов, особенно в Чехии. Трансформируясь из подзамковых местечек, они получают городское право, сохранявшее верховный суверенитет сеньора. Такая метаморфоза была взаимовыгодной: население повышало свой статус и степень экономическо-правовой защиты, что позволяло активизировать экономику, а сеньор получал от этого дополнительные доходы, к тому же его замок в таком городе часто превращался в крупный ренессансный центр (Литомышль, Чески Крумлов). Для Польши характерен расцвет панских местечек, поддерживающих фольварочную экономику. Изредка города основывались на новом месте, становясь столицей панства, как это стало с Замостьем, воплощением ренессансной урбанистической утопии, построенным в конце XVI в. коронным канцлером Яном Замойским. В Венгрии развитию урбанизации препятствовали войны – страна стала ареной сражений с турками и междоусобиц знати.

Положение *крестьянства* изменилось. В Венгрии и Польше происходит значительное усиление крепостного права. Крестьянские бунты были малочисленны и разрозненны, за исключением восстания в Венгрии под руководством Дьёрдя Дожи (1514). Подавление восстания привело к утверждению крайних форм крепостничества в Венгрии. В Польше усиление крепостничества было обусловлено развитием товарного производства фольварка. Пресечению эмансипационных стремлений польского крестьянства способствовало утверждение помещичьего «права пропинации» – обязательства крестьянина выпивать в год довольно значительное количество спиртного в барском шинке, торговавшем новым для XVI в. крепким напитком, водкой. Выпущенный на волю «зеленый змий» захватил и шляхту, сделав пьянство одним из сильнейших польских пороков, который резко осуждался в проповеднической и сатирической литературе.

В сфере сельскохозяйственной техники, как и ремесленного производства, XVI в. не принес инноваций. Консервативный сельский уклад сохранял традиционные формы, поддерживая не только сложившуюся в Средневековье социальную структуру, но и экологию крестьянской культуры. Ее архаические элементы особенно сильны у поляков, словаков и мадьяр. В XVI в. славянская языческая мифология, частично сохранившаяся в крестьянской культуре, привлекает интерес гуманистов и попадает на страницы исторических повествований («История Польши» Яна Длугоша).

ЧЕХИЯ

В последней четверти XV в. в Центральной Европе появляется возможность создания единой державы во главе с династией Ягеллонов: польско-литовский королевич Владислав был избран королем Чехии (1471), а затем Венгрии (1490). В этих странах он сменил на престоле королей из местной знати (Иржи из Подебрад и Матьяша Корвина), которые не только возродили

былую славу своих королевств, но и приняли активное участие во внешне-политической жизни региона как антигабсбургская сила.

Владислав Ягеллон начал править в Чехии и Венгрии в очень сложной обстановке. Ему удалось примирить страны и решить вопрос о сохранении целостности земель Чешской короны, однако король оказался игрушкой в руках политических группировок, прежде всего из среды аристократии Чехии и Венгрии. Не обладавшего силой государственного мужа Владислава II современники прозвали *rex bene*, «король “хорошо”», за его политику соглашаться с той «партией», которая брала верх в решении конкретных дел. Так, он одобрил переворот в Праге в 1483 г., когда гуситы-ремесленники свергли симпатизировавших католицизму «отцов города» и укрепили власть ремесленных цехов. Король не вмешивался в борьбу дворянства и городов, поставившую страну на грань гражданской войны. Лишь политической воле противостоящих сторон чехи были обязаны тем, что ценой взаимных компромиссов мир был достигнут (Владиславское земское уложение, 1500 г.): города сохранили представительство в сейме, но были вынуждены уступить экономическо-правовым претензиям дворянства.

Со стороны королевской власти не предпринималось попытки к созданию единых институтов управления двумя королевствами. Более того, реальную силу обрели предвыборные капитуляции Владислава II, согласно которым сохранялась независимость королевств. Возникла лишь персональная уния. Отношения Владислава с ягеллонской Польшей быстро испортились, поскольку его родственники не считали возможным его избрание на польский трон. Внутридинастические раздоры Ягеллонов, память о неудачном правлении короля Польши и Венгрии Владислава Варненчика, давление местной аристократии и сословных органов, отсутствие четкой политической программы – таковы условия, не позволившие реализоваться потенциально перспективной идее центральноевропейской «державы», противостоящей как Габсбургам, так и туркам.

Усиление чешской и особенно венгерской олигархий достигло апогея при юном Людовике II Ягеллоне. Война с турками могла привести к укреплению королевской власти, поэтому Людовик II отважился на поход против османов практически один, не ожидая все время откладывавшейся помощи от других христианских государей. Неподготовленный поход обернулся катастрофой: поражение при Мохаче в 1526 г. и гибель Людовика II положили конец расцвету ренессансной культуры Венгрии, а захват турками Буды и значительной части страны привел к регрессу экономики и социальных отношений.

Реальной силой, которая хоть как-то (в силу многих факторов) могла сдерживать наступление турок, оказались Габсбурги. Именно они и начали фактическую интеграцию стран региона в свою державу (никогда не имевшую единого названия), когда в 1526 г. на чешский, а затем венгерский престол был избран эрцгерцог Фердинанд I.

Главным препятствием для Габсбургов становится власть сословий обоих королевств. Чтобы ослабить позиции чешско-гуситской аристократии, Фердинанд I поддержал лютеран, изгнанных из Праги в результате городского переворота 1524 г., организованного пражскими цеховыми ремесленниками, не желавшими каких-либо изменений в утракизме (практике церковного причащения под двумя видами, введения которой добились гуситы).

К 1526 г. в Чехии утвердилась политическая система, которую принято называть дуализмом власти. Этот баланс двух центров власти – сословий, представленных на сейме и в системе государственных институтов, и короля, сохранявшего верховные прерогативы, – обеспечивал внутривластную стабильность «королевства разделенного народа» (т.е. гуситов и католиков) на основе системы земских законов и традиций, фактически обеспечивавших приоритет сословий. Фердинанд I пришел с новой концепцией власти, предусматривавшей резкое усиление власти короля в сторону абсолютизма, что определило противостояние сословий и короля на протяжении всего XVI в. Возобновив после столетнего перерыва избрание пражского архиепископа, Фердинанд I поднял престиж Чешского королевства. Однако это способствовало и конфессионализации внутривластной жизни, ознаменованной расколом гуситства на староутракизм (консервативные гуситы) и новоутракизм (гуситы, склонные к лютеранским новшествам), распространением лютеранства среди немецкой части горожан, активной политизацией Общины чешских братьев, прибытием в Чехию иезуитов. Общество стало поликонфессиональным. Установившаяся толерантность, конечно, была вынужденной, но ее компромиссный характер все же обеспечил внутреннюю стабильность, исключавшую религиозные войны. Протестантские «партии», при всех их разногласиях, осознавали себя единым фронтом, выступавшим против усиления габсбургского абсолютизма, который опирался на возрождение католицизма в стране. Католическое дворянство стало группироваться вокруг короля, составляя «королевскую партию», хотя его наиболее видные представители (Пернштейны, Вилем из Рожмберка, Лобковицы и др.) соблюдали дистанцию по отношению к трону, преследуя собственные цели. Сохранению баланса сил способствовал традиционный для послегуситской Чехии паритет в представительстве католиков и протестантов на высших земских должностях.

Активизация политики абсолютизма неизбежно вела к конфронтации и конфликтам. Первое столкновение короля и сословий произошло в 1547 г., когда в ходе Шмалькальденской войны в Германии Фердинанд I попытался привлечь к военным действиям Чехию, но встретил решительный отпор депутатов сейма, не желавших воевать против «саксонских единоверцев». Политический отпор перерос в противостояние армий короля и сословий, приведшее к захвату королевским наемным войском Праги и восстанию в городе. Подавив пражское восстание, Фердинанд I использовал ситуацию для ослабления сословий, прежде всего экономически и политически сильных городов, а также радикальной части дворянства и Общины чешских братьев. Удар по городам настолько их ослабил, что в дальнейшем они уже не смогли сохранить за собой роль главной силы оппозиции. Плодами своей победы Фердинанд I не смог воспользоваться в полной мере: он покинул некогда любимую им Прагу и в 1556 г. стал императором. Восстание 1547 г. по сути не нарушило дуализма власти, хотя внутри сословий ведущая роль перешла к аристократии из среды Общины чешских братьев. Именно ее активность привела к новому обострению отношений в 1575 г., когда она потребовала от Максимилиана II утверждения равноправия всех христианских конфессий в стране. Борьба за Чешскую конфессию в 1575 г. не вышла за парламентские рамки, сам документ получил лишь устное одобрение монарха.

Ханс фон Аахен. Портрет императора Рудольфа II. Около 1606–1608 г. Художественно-исторический музей, Вена

Ситуация устойчивого равновесия при подспудно сохранявшейся конфронтации в политике обеспечила экономический подъем государства. Богатство и роскошный образ жизни горожан, основанные на активной торговой деятельности, в конце XVI – начале XVII в. достигают апогея. В это время ремесленное производство входит в период стагнации, а торговля ограничивается местными рынками. В аграрной сфере начинают формироваться латифундии (панства) представителей аристократии, экономически усиливавшие политический вес знати. В таких панствах в XVI в. вводятся новшества, связанные с организацией хозяйства и повышающие его доходность. Одной из таких инноваций становится создание системы искусственных прудов, озер и протоков, существенно изменившей ландшафт Южной и Восточной Чехии. Она

улучшила орошение полей и привела к созданию новой отрасли хозяйства – рыбоводства, занявшего важное место в хозяйстве. Появляются специальные трактаты о разведении рыб, осуществляются масштабные гидротехнические проекты. Экономический подъем дворянства способствовал поддержанию его политической активности и расцвету его меценатской деятельности.

Перемены в политической и особенно культурной жизни страны произошли в правление Рудольфа II (1576–1612).

Сама личность императора была экстраординарной: меланхолик, ушедший целиком в оккультные науки, любитель и покровитель искусств, создавший в Праге музей-кунсткамеру для отражения многообразия форм, существующих в мире, и их тайного смысла, утонченный эпикуреец, приверженец широких гуманистических взглядов и принципа толерантности, но в то же время человек с больной психикой и слабой волей, не желавший исполнять роль политика и полководца. Он вступил в конфликт с домом Габсбургов, что и привело в 1611 г. к свержению Рудольфа II с чешского трона его братом эрцгерцогом Маттасом (Матвеем, Матфеем) при поддержке сословий Моравии, а затем и Чехии. Рудольфинский период в истории Чехии чрезвычайно важен. Прага вновь, как и при Карле IV, стала фактической столицей империи и, более того, культурной столицей Европы, последним оплотом гуманизма в его завершающей маньеристической стадии. При дворе Рудольфа II в Праге сложилась особая творческая атмосфера, господствовал дух познания Вселенной и поиски нового выражения открывавшейся сложности мироздания. На это были нацелены исследования ученых, прежде всего астрономов и физиков, таких как датчанин Тихо Браге и немец Иоганн Кеплер. Наука эпохи маньеризма стремилась к выявлению скрытых законов мирового развития, поэтому наука и эзотерика (герметическое

знание) составляли неразрывное единство. В связи с этим в Прагу, международный центр исследований, съезжаются алхимики, астрологи и каббалисты со всей Европы. Среди знаменитых ученых в Праге находились философ Джордано Бруно и астролог Джон Ди. Примечательно, что свои открытия ученые связывали с личностью Рудольфа II, причем навряд ли из лести («Рудольфинские таблицы» Кеплера и др.). Приезжало и множество шарлатанов, но не они определяли общий культурный климат в Праге, как потом это стало представляться в культурно-историческом мифе о рудольфинизме. Не случайно, что именно в рудольфинскую Прагу традиция поместила легенду о Големе – первом искусственном человеке, созданном с помощью каббалы в еврейском гетто, которому покровительствовал сам император. Создание Голема (по сути и по форме это был один из первых роботов в Европе) легенда приписывает раввину Иегуде Лёву бен Бецалелю (Махаралу), крупнейшему деятелю еврейского просветительства и праведнику рубежа XVI–XVII вв.

Масштаб художественной деятельности в рудольфинской Праге по сравнению с другими столицами был огромен и чрезвычайно многогранен. Особым увлечением Рудольфа II была живопись. Он создал в Праге одну из лучших галерей мира, приглашал лучших художников из Италии, Нидерландов и Германии. Император особенно любил картины Дюрера и Брейгеля. Над его заказами работали мастера европейского маньеризма Арчимбольдо, Спрангер, Хайнц. Нидерландские пейзажисты в Праге создавали работы, сочетавшие точность изображения природы с метафизическим пониманием природы. Скульптор Фриз в композициях на мифологические темы предвосхитил динамику барокко. Расцвета достигло прикладное искусство. Особым жанром стали научно-исследовательские приборы с «кунштюками», изготавливавшиеся в Германии по заказам пражского двора. Рудольфинская культура являет собой целостность, в которой все виды культуры (правда, литература почти отсутствовала) основаны на единой парадигме. Одним из самых ярких проявлений такой синтетичности стал эзотерический трактат в 50 музыкальных фугах «Убегающая Аталанта» Михаэля Майера. В рудольфинском искусстве присутствовала и тема прославления императора, но она была неотделима от общей культурной картины мира: слава преходяща, смерть всевластна, поэтому наиболее значимые ценности – знание и искусство. Интеллектуализация искусства, его концептуальность соответствовали общему стремлению к знаниям, характерному для чешской культуры XVI в. Ее традиции сохранялись еще многие десятилетия, став основой формирования культуры барокко в Центральной Европе. Синтез опытного знания и мистицизма, чувственности и рациональности, присущий рудольфинской культуре, затем стал характерной чертой чешского барокко.

В политической жизни страны при Рудольфе II наступило резкое обострение отношений. Под давлением папского нунция в Чешской канцелярии – верховном учреждении королевства, где сохранялось равновесие католиков и протестантов, – в 1599 г. все должности были переданы католикам. В других земских учреждениях значительно усилились представители «испанской партии» – решительно настроенные католики. В 1602 г. начались рекатолизация подданных на королевских и церковных землях и новые гонения на Чешских братьев. Оппозиция на сейме, руководимая Вацлавом Будовцем, известным гуманистом и дипломатом, смогла остановить это наступление,

однако вытеснение чиновников-протестантов из учреждений продолжалось. В этой обстановке австрийский эрцгерцог и наследник трона Матиас и решил осуществить свой план детронизации брата, используя недовольство сословий Австрии, Венгрии, Моравии неудачами Рудольфа II во внутренней и внешней политике, усугубленными в сущности проигранной войной с турками (1593–1606). Матиасу нужно было привлечь на свою сторону чешские сословия. В апреле 1608 г. его войска вторглись в Моравию, что вызвало переворот, и к власти пришел крупнейший магнат-протестант, политик европейского масштаба Карел Старший из Жеротина, покровительствовавший Общине чешских братьев. Став «некоронованным королем Моравии», он присоединился к австро-венгерской конфедерации, которую возглавлял Матиас. Единственной опорой Рудольфа II остались чешские сословия, что вынудило его пойти на уступки. Официально передав власть над Австрией, Венгрией и Моравией брату, император под нажимом чешских сословий утвердил в 1609 г. Маэстат (чеш. *Rudolfův majestát* от нем. *Majestätsbrief* – «императорская привилегия») о религиозной свободе, являвшийся переработанным текстом Чешской конфессии 1575 г. Этот документ, даровавший религиозную свободу евангелическим сословиям в Чехии, по своему содержанию и значению стал вершиной толерантности в государственном праве Европы. Он предусматривал равноправие конфессий и свободу отправления всех христианских культов, причем эта свобода распространялась на все категории подданных земель чешской короны. Конфессии объявлялись равными перед законом, протестантским сословиям разрешалось созывать свои съезды без разрешения монарха, под их управление передавались консистория и Пражский университет. Вскоре аналогичный Маэстат был издан для Силезии, подчиненной чешской короне. Больше всех от принятия Маэстата 1609 г. выиграла Община чешских братьев, уравненная в правах с другими церквями. Однако Рудольф II допустил роковую ошибку: в целях усиления в стране католицизма, чьи позиции подорвал Маэстат 1609 г., и отстранения Матиаса от наследования чешского трона, в 1611 г. он пригласил в Прагу войска из Пассау, немецкого епископства, возглавлявшегося его двоюродным братом Леопольдом. Кризис во владениях Габсбургов и вторжение иностранного войска в страну, осуществленное в нарушение законов государства, привело к тому, что чешские сословия, изгнав солдат, отказали в поддержке Рудольфу II. Генеральный сейм земель чешской короны, состоявшийся в 1611 г., используя дискредитацию «испанской партии», потребовал восстановить влияние сеймовой оппозиции на назначение верховных чиновников в государстве и созыв крайских съездов, а также утвердить право заключения военно-оборонных союзов между землями чешской короны и соседними государствами. Единство оппозиции ослаблялось партикуляризмом отдельных земель и противоречиями внутри сословий, прежде всего между дворянством и городами. В этой обстановке, используя потерю Рудольфом II авторитета и способности к управлению, Матиас добился избрания на чешский престол. Рудольф II сохранил за собой титул императора и возможность уединиться в Праге среди своих научно-художественных коллекций.

Краткое правление Матиаса (1611–1619), ставшего в 1612 г. императором, принесло мир; подспудно продолжалась работа по реставрации габс-

сбургской власти и католицизма. Наследник бездетного Матиаса Фердинанд Тирольский зарекомендовал себя ревностным католиком и сторонником сильной власти. Протестантская оппозиция смирилась с его избранием, и Фердинанд II перешел к решительным действиям, которые привели в 1618 г. к чешскому антигабсбургскому восстанию, ставшему началом Тридцатилетней войны.

ВЕНГРИЯ

Для Венгрии XVI столетие стало самым трагическим периодом в истории. Полиэтническое королевство, в котором жили мадьяры, хорваты, словаки и другие народы, после подъема во второй половине XV в., когда политика короля Матьяша Корвина вывела государство в лидеры региона, вступило сначала в полосу ослабления королевской власти, а затем и дезинтеграции как следствия турецкой агрессии. Войны с османами становятся главным фактором не только венгерской, но и европейской истории XVI в., находя отражение в изменении коллективной психологии и в произведениях литературы. В экономике преобладающей оставалась аграрная сфера, горожане составляли 2% населения, в большинстве своем это были немцы.

В начале XVI в. в Венгерском королевстве насчитывалось около 30 городов, которые распределялись по территории страны неравномерно, наиболее густая их сеть возникла в северных комитатах государства (совр. Словакия). Города так называемой Верхней Венгрии представляли собой центры или перевалочной торговли (район Спиша), или горнорудных разработок. Именно они являлись главным источником доходов венгерской казны. В социальной структуре значительную часть составляли мелкие бедные дворяне, являвшиеся наиболее мобильной общественной силой, за привлечение которой соревновались разные группировки магнатов. Именно они в XVI в. определяли ход венгерской истории, хотя роль среднего дворянства также росла. Обе социальные группы объединяло стремление к ослаблению королевской власти.

Правление Владислава (Уласло) Ягеллона (1490–1516) в Венгрии, как и в Чехии, отличалось политическим спокойствием. Король, по настоянию венгерских сословий сделавший Буду своей столицей, не вмешивался в государственные дела, решение которых перешло к Королевскому совету. Невозможность осуществления идеи единой державы Ягеллонов хорошо показывает война двух братьев – Владислава и Яна Ольбрахта – за венгерский трон. Лишь съезд Ягеллонов в Левоче (совр. Словакия) в 1494 г. прекратил династический кризис. Предвыборные капитуляции (обещания) Владислава сильно ограничивали королевские доходы, а передача нерегулярных денежных сборов на военные нужды в руки местного дворянства отрицательно сказывалась на армии, одновременно усиливая провинциальную знать. Ослабление центральной королевской власти сопровождалось ростом могущества светских и церковных магнатов. На ведущие позиции выдвинулся Тамаш Бакоц – канцлер, затем архиепископ эстергомский, вождь «баронской партии». Идеологом «дворянской партии» выступил Иштван Вербёци – магнат и правовед. Государственное собрание всего королевства в 1498 г. приняло разработанный И. Вербёци декрет, по которому увеличилось представ

вительство дворян в органах государственного управления, резко снижались налоги на дворянство, а бароны и дворяне заявили, что будут выставять свои войска только в случае военной неудачи войск короля и прелатов. Таким образом, ослабление королевской власти за счет усиления крупных и средних магнатов объективно вело страну к военному и государственному краху. Магнатские группировки враждовали между собой, уже в 1506 г. они раскололись по вопросу о престолонаследии на прогабсбургский и антигабсбургский лагеря. На венгерский престол стал претендовать трансильванский воевода и магнат Янош Запольяи (Ян Запольский), укрепивший свои внешнеполитические позиции браком сестры с польским королем Сигизмундом I. Планы Я. Запольяи были поколеблены рождением в 1506 г. у короля сына Людовика (Лайоша II), однако Владислав по-прежнему нуждался в поддержке Габсбургов и Ягеллонов для закрепления венгерского трона за своими потомками. Поэтому в 1515 г. в Пожони (совр. Братислава) на съезде трех монархов (Максимилиан I, Сигизмунд I, Владислав II) было заключено династическое соглашение, во многом затем облегчившее Габсбургам путь к чешскому и венгерскому престолам.

Центральным событием стала крестьянская война 1514 г. под руководством Дьёрдя Дожи. Войско крестоносцев, собранное по инициативе венгерских прелатов и в основном состоявшее из крестьян, повернуло оружие против самих прелатов. Война показала недовольство крестьянства своим социально-экономическим положением и статусом. В ней, как и во многих движениях Средневековья, выразилась глубоко укоренившаяся в сознании низших слоев общества (крестьяне, городской плебс, бедное мелкое дворянство, низший клир) мечта о «царстве Божием на земле». Данный, по сути своей эсхатологический, миф получил конкретные формы «справедливого королевства» во главе с «крестьянским монархом», т.е. политическая модель феодального средневекового государства сохранялась, но существенно изменялось его социальное наполнение. Эта черта, а также христианско-религиозный компонент в идеологии восставших делают крестьянскую войну 1514 г. в Венгрии одним из последних в Европе вооруженных выступлений социальных низов, типологически относящихся к Средневековью. Последствия жестокого подавления крестьянской войны были значимы для всего королевства. И. Вербёци разработал новый законник, «Трипартитум», по которому крепостное право приобретало крайние формы: крестьянин не обладал никакими правами, становился полной собственностью феодала, который считал его почти животным, обязанным лишь выполнять сельскохозяйственные работы. Законник зафиксировал равноправие дворян и магнатов, их совместное участие в государственной власти на основе идеологии «святой венгерской короны». Согласно ей, высшие сословия составляют «политическую нацию», владеющую христиански сакрализированным символом государственности – короной св. Иштвана, которую «нация» передает избранному ею королю. Знать сохраняет ему верность, если монарх не нарушает законов, свобод и обычаев государства. Это идеология сословной монархии с минимальным представительством сословий (города не входили в государственное собрание) при доминировании дворянства в системе государственного управления, причем интересы государства в целом, постули-

руемые в пышных выражениях, на деле никто не обязывается защищать, ибо не обозначен механизм мобилизации в кризисных ситуациях.

Такая специфика венгерского строя обусловила фактический распад государства после роковой битвы при Мохаче в 1526 г. В начале 20-х годов XVI в. резко обострилась борьба дворянских партий за власть, а доходы королевской казны сократились до минимума. У молодого короля не имелось даже средств на обед, и он вынужден был ходить в гости к баронам. Османскую угрозу венгерское дворянство не воспринимало всерьез, поэтому не оказало королю военной поддержки. Поэтому решительная победа турок при Мохаче стала неожиданностью, а ее катастрофические для христианской Европы последствия на несколько веков определили ход военной и внешней политики европейских стран.

Вскоре после битвы у Мохача победоносные войска османского султана захватили и практически уничтожили столицу венгерского королевства Буду. При этом почти полностью погибла ее ренессансная архитектура, некогда являвшаяся гордостью короля Матьяша Корвина. Затем османское войско с огромной добычей вернулось на Балканы, а в Венгрии началась ожесточенная борьба за трон, еще более истощившая страну. Государственное собрание в Секешфехерваре поддерживало «национального» короля Яноша Запольяи, вдовствующая королева на основе династического договора 1506 г. признала королем Фердинанда I Габсбурга, к тому времени уже получившего чешскую корону. Он и был избран венгерским монархом в конце 1526 г. Так как события 1527 г. в Италии усилили позиции империи и Габсбургов, часть венгерских магнатов перешла на сторону Фердинанда I. Янош Запольяи бежал в Трансильванию, воеводой которой он являлся с 1510 г., а затем в Польшу и стал искать помощи против Габсбургов у султана Сулеймана Кануни. В 1528 г. султан признал Яноша Запольяи законным венгерским королем, и тот принес султану вассальную присягу. До 1541 г. не утихала война в Венгрии между двумя королями, по сути гражданская. На сторону каждого из них перебегали крупные и мелкие дворяне, поэтому границы двух венгерских королевств постоянно менялись. Некоторые группировки магнатов, созывая «бескоролевские парламенты», пытались свергнуть обоих правителей. В 1536 г. турки захватили Славонию, принадлежавшую Яношу Запольяи. Наметилось сближение двух королев, завершившееся миром 1538 г., по которому Фердинанд I объявлялся единственным претендентом на венгерскую корону после смерти Яноша Запольяи, не имевшего на тот момент наследников. Но в 1540 г. у него от брака с Изабеллой (Эльжбетой), дочерью короля Польши Сигизмунда I, родился сын Янош Жигмонд (Сигизмунд). Через месяц Янош Запольяи умер, а епископ Варада Дьёрдь добился в нарушение договора с Габсбургами избрания младенца на трон, что было утверждено в Стамбуле. Фердинанд I в 1541 г. осадил Буду, но османские войска ее вновь взяли и разграбили. Теперь Венгрия была поделена на три части.

Центр страны с Будой стал турецкой провинцией (вилайетом), управлявшейся назначаемым из Стамбула пашой, турецкие чиновники собирали подати с местного христианского населения, свободно продолжали существовать католическая и протестантская конфессии, шла османизация системы управления, территория вилайета служила той базой турецких войск, откуда они осуществляли набеги на территории других государств, сделав границу

военной зоной. В 1543 г. турки захватили религиозную столицу Венгрии резиденцию архиепископа Эстергом, земли в Южном Задунавье и между реками Дунай и Тиса. Трансильвания и комитаты в Затисье остались во владении сына Яноша Запольяи – султан признал Яноша Жигмонда своим вассалом при условии выплаты ежегодной дани. Трансильванское княжество окончательно обособилось от других венгерских земель, но во многих отношениях унаследовало традиции Венгерского королевства.

Интересы Трансильвании (в славянской традиции Семиградья), население которой было полиэтнично (венгерское дворянство, немецкие города, саксонские, секейские и румынские крестьяне, цыгане, еврейские общины), ее правители отстаивали не только от Габсбургов, но часто и от поддерживавших их господарей Молдавии и Валахии, хотя за помощь в войне против Фердинанда I в 1529 г. Янош Запольяи передал господарю Молдавии Петру Рарешу в лен значительную часть земель (ныне входят, как и вся Трансильвания, в состав Румынии). Фердинанду I и его наследникам отошла западная и северная часть Среднего Подунавья, сохранившая название королевства Венгрии. Центры венгерской государственной и церковной жизни переместились в города к северу от Дуная (совр. Словакия) – в Пожонь (Братиславу), которая на три столетия стала столицей габсбургской Венгрии, и в Трnavу, превратившуюся в центр венгерского и словацкого католицизма. Экономическую основу габсбургской Венгрии по-прежнему составляли горнорудные города на территории современной Словакии. Венгрия при Габсбургах сохранила самостоятельные государственные учреждения, державшие дистанцию по отношению к Вене, которая стремилась уважать венгерскую государственную и социальную специфику. Общим для всех габсбургских владений в Центральной Европе являлся созданный в 1556 г. Военный совет в Вене, учреждение которого было продиктовано войнами с османами. Основное управление Венгерским государством сосредоточивалось в Венгерской палате и губернииуме во главе с палатином, который замещал почти постоянно отсутствовавших королей. При Габсбургах магнаты сохранили политический вес в стране и почти неограниченную власть в своих владениях. Крупнейшие магнатские семьи – Батори, Эрдеди, Надашди, Зриньи, Турзо – продолжали практически руководить страной, давая решительный отпор попыткам усиления королевской власти.

Несмотря на заключавшиеся время от времени мирные договоры, военные действия на венгерской территории продолжались. В конце XV в. турки начали захват земель Хорватии и тех сербских земель, которые входили в состав Венгерского королевства. В 1521 г. они взяли Белград. К концу XVI в., когда практически завершился наступательный период османского владычества в Европе, хорватские земли были завоеваны турками. В 1566 г. решительное сопротивление агрессорам оказал замок Сигетвар, гарнизон которого под командованием хорватского бана Миклоша Зриньи (Николаи Зринского) мужественно сражался до последнего (оборона Сигетвара стала сюжетом фольклорных песен и преданий). Мир между Габсбургами и турками 1568 г., по которому признавались все последние османские завоевания, а затем договор между Габсбургами и Яношем Запольяи сохраняли положение статус-кво и давали мирную передышку, хотя пограничные стычки не прекращались. Пятнадцатилетняя война (1593–1606) принесла Габсбур-

гам первые победы. Они отражены в символике парадных портретов Рудольфа II – защитника христианства и империи, поскольку у турок был временно отбит Эстергом. В первые годы XVII в. военные действия шли с переменным успехом, что дало основание заключить в 1606 г. мир, восстанавливавший довоенные границы, но освободивший Габсбургов от уплаты дани туркам. В конце войны положение габсбургской армии было существенно ослаблено восстанием трансильванского магната Иштвана Бочкаи, который со своим войском, состоявшим из гайдуков, вооруженных землевладельцев и скотоводов из Потисья, занял почти всю территорию современной Словакии. Если венгерское дворянство его приветствовало, избрав князем Венгрии, то население горнорудных городов отказало ему в поддержке. Восстание Бочкаи было направлено против власти Габсбургов, и его лидер установил союзнические отношения с турками. По Венскому миру с Бочкай (1606), инициатором которого выступил эрцгерцог Матиас, восстанавливалась независимость Трансильвании и равенство католицизма, лютеранства и кальвинизма в городах Венгрии, что не затрагивало, однако, жителей местечек, сел и деревень. 11 ноября 1606 г. Матиас подписал мир с турками, что вызвало резкое недовольство Рудольфа II, требовавшего продолжать войну, исход которой представлялся еще неясным. Матиас использовал недовольство Рудольфа II для своих планов завоевания трона. С этой целью он заключил союз с австрийскими и венгерскими сословиями, желавшими мира, а затем и с гайдуками Бочкаи (после его смерти), подтвердив дарованное им дворянство. Именно гайдуки составили основу войска Матиаса, с которым он выступил в 1608 г. на Прагу. После отречения Рудольфа II от венгерской короны государственное собрание Венгрии избрало на трон Матиаса.

Дезинтеграции венгерского общества в XVI в., кроме политики и войны, послужила конфессиональная ситуация. С 30-х годов XVI в. получает распространение лютеранство, затем кальвинизм. Антипротестантские законодательные меры оказываются малоэффективными, даже будучи подкрепленными усилиями иезуитов. С 60-х годов того же века (синод в Дебрецене) лютеранство и кальвинизм окончательно отделяются друг от друга: лютеранами были представители немецкого и словацкого населения городов, кальвинизм исповедовала часть венгерского дворянства, включая некоторых магнатов. Особенно широко кальвинизм распространяется в Трансильвании. Открытые полемические выступления проповедников перед паствой придавали религиозным прениям свободный и демократический характер. В такой обстановке многие люди постоянно меняли религиозную ориентацию, и к 80-м годам XVI в. примерно 80% населения всех частей Венгрии составляли протестанты, среди которых превалировали кальвинисты. Распространение получили и радикальные секты. Католическая церковь по-прежнему сохраняла свои общегосударственные и экономические позиции. Протестанты платили ей десятину. Религиозные гонения почти не наблюдались. В Трансильвании с 1568 г. устанавливается равноправие католицизма, лютеранства, кальвинизма и антитринитаризма, что превратило это небольшое провинциальное княжество в один из наиболее толерантных субъектов права. Рекатолизация в Венгрии делает первые шаги в 1604 г., когда Рудольф II одобрил некоторые мероприятия по защите католической веры и запретил Государственному собранию принимать решения по конфессиональным вопросам.

Несмотря на это, в 1606 г. был принят закон о религиозном равноправии. В Венгрии XVII в. протестантизм еще долго сохранялся, постепенно и мирно теряя свои позиции. Наступление католицизма было скорее культурно-идеологическим, чем административным. Усилению его в большей мере способствовали иезуиты; к Обществу Иисуса принадлежал Петер Пазмань, ставший в 1618 г. эстергомским архиепископом. Иезуиты развивали школьное образование, способствовали становлению венгерского литературного языка. Несмотря на успехи католиков, государственное собрание в 1618 г. подтвердило закон о свободе вероисповедания в рамках признанных конфессий.

ПОЛЬША

История Польши XVI в. имеет общие черты с венгерской и чешской, особенно в сфере общественного устройства, но обладает и значительной специфичностью, резко выделяющей ее среди стран Центральной и Восточной Европы. Идеология сарматизма, возводившего корни шляхты к древним кочевникам-сарматам, была разработана в XVI в. и превращала Польшу в бастион западной христианской цивилизации на рубеже «варварского» мира православия и ислама. Осознание исключительности, избранности определяло менталитет польской шляхты – «политического народа» государства, составлявшей около 10% от общего населения страны. Если соседние страны региона терпели военные поражения, то Польша побеждала своих врагов и соперников. Более того, на основе нового союза с Литвой (Люблинская уния 1569 г.) возникает единое государство, земли которого расстилаются от Гданьска на Балтике до степей Восточной Украины. Географическое, этническое и этнокультурное разнообразие могли бы стать основой превращения Речи Посполитой (название страны с 1564 г., калька с латинского *res publica*) в средневропейскую империю, однако гегемонизм польской католической шляхты, не желавшей учитывать интересы других этносов и конфессий, помешал этому. Именно в XVI в., в период расцвета, складываются предпосылки будущего краха польской государственности, в основном в политико-идеологической сфере. Об этом предупреждал в своих проповедях крупнейший деятель польской культуры иезуит Петр Скарга. На примере Речи Посполитой хорошо видно, как формирующаяся новая ментальность «титულიйской нации» определяет внутреннюю и внешнюю политику государства. Знаменитый «польский гонор», ставший культурным знаком, формируется именно в XVI в. на основе резкого укрепления шляхты. В Польше она официально составляла единое сословие, доминировавшее на сейме, хотя на деле процесс расслоения дворянства зашел очень далеко. Сложилась ситуация, когда масса бедных, почти безземельных шляхтичей становилась зависимой от магнатов, превращалась в их боевую (в политическом и военном смысле) силу, укреплявшую положение магнатской аристократии. В XVI в. резко усиливаются экономические позиции «можновладцев», как и весь объем привилегий, прав и свобод шляхты. К концу столетия во всей Европе не было аналога независимому положению польского дворянства. С 1493 г. польский сейм становится двухпалатным: в сенате заседают высшие сановники и прелаты, а «Посольская изба» (палата депутатов) отдана

«послам» с местных сеймиков — представителям шляхты. Города остаются экономически слабыми (за исключением ганзейских на Балтике), их сеть незначительна, население преимущественно немецкое, они не представлены на сейме, горожанам не разрешено занимать государственные должности. Наряду с городами, обладавшими полным объемом привилегий, развиваются панские города и особенно местечки со значительным процентом еврейского населения. Развитие товарно-денежных отношений в Европе и экономическая активность польской шляхты превратили страну в житницу Европы, что сопровождалось усилением крепостной эксплуатации крестьянства. Шляхта была освобождена от налогов, все бремя которых (панских и государственных) несло крестьянство (оно не входило в понятие «*natio Polonica*», распространявшееся только на шляхту). Появились теории иного этнического происхождения крестьянства, подчеркивалась обоснованность господства шляхты.

XVI век ознаменовался усилением шляхетской демократии в ущерб центральной королевской власти. Важным этапом на этом пути стала Радомская конституция 1505 г., названная «*Nihil novi*» («Ничего нового»), поскольку она устанавливала порядок, по которому король не мог проводить никаких инноваций без соизволения сейма. Король Сигизмунд I Старый (1506–1548) при поддержке средней шляхты попытался осуществить целый комплекс мероприятий («экзекуцию»), направленных на укрепление королевской власти: возврат королевских владений, переданных в залог магнатам, отмену устаревших законов, обложение военным налогом церковных земель. Однако более радикальные проекты короля, ущемлявшие интересы шляхты (постоянное налогообложение дворянских имений, содержание регулярного войска, превращение королевской власти из выборной в наследственную), не встретили поддержки и не были осуществлены. На сейме 1536 г. шляхта призвала к преобразованиям, направленным против светской и церковной олигархии, против короля, а также против городов (требование распустить цехи ремесленников в целях свободного сбыта продукции панских ремесленников из местечек). Взбунтовавшиеся шляхтичи в 1537 г. лишили сенат законодательных прав. В Польше сложилась прочная традиция вооруженного сопротивления (мятежи — рокоши и конфедерации) шляхты, недовольной политикой короля или же действиями другой шляхетской группировки. Громкие речи на сейме и буйное поведение шляхтичей неизбежно перерастали в вооруженные, хотя ограниченные, конфликты, пока еще не представлявшие опасности для польской государственности. Однако эта тенденция постоянно росла.

Начавший распространяться в Польше с 20-х годов XVI в. протестантизм (лютеранство, затем кальвинизм) был воспринят шляхтой в соответствии со своими сословными традициями: шляхтичей привлекало не столько религиозное содержание новых доктрин, сколько возможность использовать их в своих целях для укрепления независимости позиции дворянина. Строгая этика кальвинизма осталась чужда шляхте, сохранявшей по-славянски широкий и даже разгульный образ жизни, однако его тираноборческие идеи оказались весьма кстати на пути к шляхетской демократии. Борьба за свободу вероисповедания в Польше приняла характер традиционной борьбы за расширение шляхетских привилегий. Антипротестантские меры Католической церкви и короля не были поддержаны шляхтой и поэтому не имели

значительных последствий. В стране установилась религиозная терпимость, зафиксированная государственным актом 1573 г. Определенную роль в этом процессе сыграл важнейший внешнеполитический успех Польши. Ее многовековой враг, Тевтонский орден, стал лютеранским княжеством Пруссией, в 1525 г. принесшим вассальную присягу польской короне.

Конфессиональное расслоение в Польше приобрело классовый характер: крестьянство осталось верным католицизму, рассматривая евангелические конфессии как «ересь панов». Среди части горожан распространялись радикальные ереси (антитринитаризм), особое значение приобрели Польские братья (ариане), которые создали замкнутую общину, придерживавшуюся «евангельских правил жизни». Польские братья вели культурно-образовательную деятельность, уделяя особое внимание созданию христианско-просветительской литературы на национальных языках.

С середины 60-х годов XVI в. Католическая церковь, реформированная Тридентским собором, начинает борьбу с протестантизмом в Польше. Во главе этого процесса, проходившего исключительно в мирных формах, стояли кардинал Станислав Гозий и приглашенные им иезуиты, которые внесли значительный вклад в ренессансную культуру страны. То, что Польша в XVI в., как Чехия и Венгрия, не знала религиозных войн, несмотря на конфронтацию королевской и сословной власти, можно объяснить именно силой дворянских сословий, которые решали религиозные вопросы самостоятельно, считая свободу совести делом каждого и гарантируя ее защиту как одну из сословных привилегий. Польша достигла наивысшего расцвета в правление Сигизмунда II Августа (1548–1572), что выразилось в широком распространении новой ренессансной культуры и усилении международных позиций.

Люблинская уния 1569 г. между Польской короной и Великим княжеством Литовским привела к созданию более тесного, чем раньше, союза – Речи Посполитой. Земли Великого княжества Литовского хотя и сохраняли автономию (администрация, войско), но были инкорпорированы в единую Речь Посполитую, чему также способствовало перераспределение некоторых земель между короной и княжеством (так, Киев отошел к собственно Польше). В создании польско-литовского государства были заинтересованы обе стороны. Литовское дворянство, поняв невозможность своими силами продолжать экспансию на Восток, против Русского государства, хотело заручиться польской поддержкой и одновременно получить все привилегии польской шляхты. Последнее угрожало могуществу литовских и русских магнатских родов Великого княжества Литовского (Радзивиллы, Острожские), но начавшаяся в 1558 г. Ливонская война (спор Вильно и Москвы за ливонские земли) изменила мнение аристократии княжества. Польша же обретала новые земли на Востоке, которые начала осваивать шляхта, и становилась одним из обширнейших государств Европы, страной «от моря до моря», что соответствовало государственной идеологии любой монархии, направленной на расширение границ. Вместе с тем Польша получала новые проблемы: многочисленное православное население, общие границы с врагами, Московской Русью, Крымом и турками, необходимость экономического освоения «новых земель».

Речь Посполитая исходила из доктрины государственного могущества, но не смогла успешно решить внутривнутриполитические проблемы. Литовское

католическое и протестантское дворянство стало частью польской шляхты, усвоив ее язык и стиль жизни. Но со сцены оказались оттеснены православное дворянство и Православная церковь Великого княжества Литовского, ранее занимавшие в ней ведущие позиции. Западнорусский (старобелорусский) язык был изъят из государственных документов, польская толерантность не распространялась на православных, считавшихся «схизматиками», поэтому их положение становилось в какой-то мере неопределенным. Сохраняет свою власть и значение род князей Острожских, войско запорожских казаков укрепляет польские силы, но потенциальная нелояльность православного населения, не получившего в Речи Посполитой твердой гарантии своих прав, представляла серьезную проблему, обострившуюся с вступлением земель Польской короны в Ливонскую войну.

Укреплению Речи Посполитой должны были содействовать выборы нового короля, поскольку со смертью Сигизмунда II прервался род Ягеллонов, всегда занимавший литовский великокняжеский престол. Чтобы избежать внутренних распрей, было решено пригласить иностранца. В 1573 г. новым королем стал французский принц Генрих Валуа (будущий французский король Генрих III). Для него правление в Речи Посполитой оказалось краткой авантюрой, тогда как шляхта использовала это «свободное избрание» для усиления своих привилегий, что, в свою очередь, еще больше укрепило политическую власть магнатов. В Генриховых артикулах (1573 г.) закреплялся специфический строй Речи Посполитой: выборность короля, ведущая роль сейма в государственных делах (издание законов, созыв ополчения, определение налогов), ограничение прерогатив королевской власти. Созывы сейма становились регулярными (раз в два года, даже без королевского согласия), срок заседаний регламентировался. При короле создавался совет из сенаторов, назначаемых сеймом, без санкции которого король не мог принимать никаких решений. Под нажимом средней шляхты, в основном протестантской, был принят акт о веротерпимости, который, однако, касался только западнохристианских конфессий. Было узаконено право шляхты на вооруженное сопротивление королю в случае нарушения им любого артикула, что открывало путь к шляхетской анархии и фактически к гражданским войнам. Однако последствия Генриховых артикулов скажутся лишь в XVII–XVIII вв. Король в Польше все же не стал безвольной игрушкой в руках магнатско-шляхетских группировок, а был действенным, эффективным субъектом политики. Поэтому можно говорить о равновесии властей в Речи Посполитой, типологически присущем всем государствам Центральной Европы.

С бегством Генриха Валуа в Париж для вступления на французский престол в Речи Посполитой вновь наступило бескорольевье. После стычек группировок, среди которых имелись прогабсбургская и прорусская, на всеобщем элекционном сейме королем был избран воевода Трансильвании католик Иштван Батори (Стефан Баторий, 1576–1586), ярый противник Габсбургов, выдающийся полководец. Он изменил ход Ливонской войны, нанеся ряд поражений Русскому государству. Война измотала обе державы, но Москва, ослабленная к тому же репрессиями Ивана IV, оказалась в менее выгодном положении: по мирному соглашению она потеряла Ливонию и бывшее Полоцкое княжество.

Надгробие короля Польши Стефана Батория. 1595 г. Вавель, Краков

После неожиданной смерти Стефана Батория в 1586 г. вновь начались предвыборные смуты. В противостоянии Габсбургов и представителя шведского дома Ваза победил последний, но с избранием в 1587 г. Сигизмунда III Речь Посполитая оказалась вовлеченной в династические конфликты шведского дома и в проблемы шведско-русских отношений. Начало нового периода ее истории отмечено двумя знаковыми событиями в 1596 г.: столица государства из древнего Кракова была перенесена в маленькую провинциальную Варшаву и учреждена Брестская церковная уния. Новая столица, расположенная между Краковом и Вильно, символизировала единство обеих ча-

стей Речи Посполитой и новый курс королевской политики. Церковная уния, инициатором которой выступил не папский Рим, а польская католическая шляхта, преследовала благую для целостности государства цель – перевести православных подданных, сохранив для них традиционную обрядность и церковнославянский язык, в подчинение католическому первоиерарху. Однако вместо консолидации Брестская уния еще больше усугубила конфессиональный раскол общества, так как игнорировала традиционные православные религиозные традиции и ценности, напрямую связанные с главным вопросом эпохи всеобщей религиозности – спасением души. Православие было в Великом княжестве Литовском своего рода этноконфессией, поэтому подчинение Риму в глазах православного населения означало предательство веры предков. По поводу унии развернулась жестокая полемика, часто перераставшая в открытые конфликты. В результате возникла еще одна конфессия – греко-католики (униаты), а борьба вокруг унии активно продолжалась в XVII в. В конечном счете православные в Речи Посполитой независимо от своего социального статуса оказались людьми низшей категории, что создавало еще одну опасность для польской государственности, как показали казацкие восстания 1591–1594 гг.

КУЛЬТУРА ПОЛЬШИ, ВЕНГРИИ, ЧЕХИИ И СЛОВЕНИИ В XVI ВЕКЕ

Культура региона обладает рядом общих черт, характерных для перехода от Средневековья к Новому времени. Прежде всего это переплетение готического и ренессансного стилей в архитектуре, скульптуре и живописи рубежа XV и XVI вв. Новое вырастает из старого, обогащая его смыслами и формами. В этом состоит секрет сильнейшего эстетического воздействия такого искусства. К его шедеврам относится Мариацкий алтарь в Кракове и другие краковские скульптуры Вита Ствоша (Файта Штосса), Левочский алтарь и другие деревянные резные полихромные скульптуры мастера Павла из Левочи и его мастерской, религиозная живопись монограммиста MS и Томаша Коложвари из Венгерского королевства, порталы королевского дворца, а также скульптурный декор потолка Зала посланников («вавельские головы») на Вавеле в Кракове, Владиславский зал на Пражском Граде (архитектор Б. Рид), самое большое безопорное зальное пространство в Европе. Становлению ренессансного стиля в Чехии предшествовала «владиславская готика» (названная по правлению короля Владислава II); в архитектуре в этом направлении выразился переход от конструктивной готики к декоративной. Однако отдельные проявления готики, причем на высоком художественном уровне, встречаются и в XVI в. (костел св. Анны в Вильно), хотя в контексте культуры своего времени они выглядели анахронизмами.

Ренессансные импульсы проникают в регион двумя путями: из Италии и из Германии, где они были соединены с местной, готической традицией. Итальянское влияние воспринималось как новаторское. Однако по мере его распространения и укоренения, особенно в Польше, оно также обрастало местными традиционными чертами, что придавало новый характерный облик городам и замкам, превратившимся во дворцы – с аркадами по пери-

метру внутренних дворов и просторными парадными залами (Литомышль, Опочно, Брандыс, Баранув и др.). Влияние итальянского искусства волнообразно распространялось по Центральной Европе, начавшись в Венгрии при дворе Матьяша Корвина во второй половине XV в., затем охватив Польшу и Чехию (Королевский дворец и Сигизмундовская капелла на Вавеле, Бельведер у Пражского Града). Аристократы укореняют этот стиль в провинции (Жежмарок, Прешов, Зволен). Распространяются надгробия ренессансного типа; особенно выделяется их польская модификация, когда покойный представлен в позе спокойного сна в ожидании воскресения мертвых, что можно охарактеризовать как оптимистический эсхатологизм. Завершается период маньеристической архитектурой рудольфинской Праги и провинциальными родовыми усыпальницами Галиции (капелла Боимов во Львове).

Гуманизм в Центральной Европе приобрел специфические черты национального и конфессионального. Ренессансное миропонимание и мироощущение гуманистов наиболее полно воплотилось в польской культуре, очевидно вследствие ее сильного персонального начала, обусловленного традицией независимого поведения шляхты. XVI век стал «золотым веком» польской культуры, ознаменованным расцветом поэзии на латинском и родном языках (Я. Кохановский, М. Рей и целая плеяда других поэтов), историографии, переходившей от средневекового к гуманистическому дискурсу (Я. Длугош, Р. Гейденштейн), философии (А. Бурский), религиозной мысли и проповеднической литературы как у католиков (П. Скарга), так и у протестантов («польские братья», С. Будный), политической философии (социальная мысль Ф. Моджевского), филологии, математики и особенно астрономии. Открытие Коперника положило начало Научной революции, оно произвело колоссальный эффект в Европе, но осталось практически незамеченным в Польше. Высокий уровень образования поддерживали Ягеллонский университет и возникшая в конце XVI в. Академия в Замостье – частный университет Я. Замойского, перенявший эстафету математически-философской традиции из Кракова.

В ренессансной культуре Чехии практическое знание резко превалировало над художественным творчеством. Прагматизм устремлений общества, как бюргерства, так и дворянства, проявился в развитии юридических наук, публикации всевозможных практических пособий и большого числа исторических сочинений, переводных и оригинальных. Конфессионализация общества наложила сильный отпечаток на чешскую культуру. В ней можно усмотреть две тенденции: ориентированную на чешский язык и протестантизм, и латинско-католическую, но именно последней принадлежит сочинение на чешском языке, по которому три века воспитывалось историческое сознание чехов – «Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан. Это сочинение примечательно жанровостью: повествование хрониста под пером автора превратилось в захватывающую историческую беллетристику, где исторический вымысел переходит в новое качество исторического романа. Обе тенденции объединял чешский патриотизм, т.е. любовь к своему народу, государству и его истории, однако с разной конфессиональной окраской.

Под сильным влиянием чешского развивался словацкий гуманизм, в котором начался процесс формирования национального самосознания словаков. Ян Ессениус в Праге прославился как новатор в медицине; будучи

ректором, он пытался возродить славу Пражского университета, превратившегося в местную гуситскую высшую школу.

Для Словении, входившей в состав австрийских владений Габсбургов, огромное историческое значение имели перевод Библии на словенский язык и создание грамматики. «Записки о Московии» выдающегося дипломата С. Герберштейна, который подчеркивал свое словенское происхождение, стали важным источником сведений о Русском государстве.

Ренессансная культура в Венгрии, расцветшая при дворе Матьяша Корвина, затем, вследствие войн и разорений, резко задержалась в развитии. Расцветает неолатинская поэзия (Я. Панноний). Филологи начинают изучать венгерский язык, что способствовало появлению на нем шедевров поэзии (Б. Балашши), прозы (П. Пазмань), драматургии (П. Борнемисса). На венгерский язык протестанты переводят Библию. Печалью окрашены венгерские и созданные по их образцам словацкие баллады, посвященные войне с турками, а также специфический жанр жалоб-плачей («иеремиады»).

Музыка стран региона развивалась в общеренессансных формах. Господствовало религиозное полифоническое пение. В Польше в него проникает народный мелос, что особенно сильно проявилось в положенной на музыку М. Гомулкой «Польской Псалтири» Я. Кохановского. В Чехии лидирующую роль играли так называемые литтератские братства – любительские хоры, певшие полифонические сочинения из гуситских канционалов и сочинения авторов конца XV–XVI в. Интернациональный характер музыкального языка и форм сохраняется и обогащается привнесением в «высокую» музыку, предназначенную для храма, и в светскую танцевальную музыку некоторых фольклорных элементов.

Театр адаптировал назидательную библейскую притчу, превратившуюся в авторский текст высоких художественных достоинств. Большую популярность, особенно в Польше, приобрели простонародные комедии, в сатирическом духе изображавшие социальную действительность. Их авторы использовали раблезианские приемы показа «мира наизнанку», что обеспечивало успех сатирических произведений в демократической среде.

Шестнадцатое столетие в истории России – это время бурной территориальной экспансии, громких военных побед и тяжких поражений, утраты завоеванных земель; время оформления российской монархии и резких перемен в ее облике и характере. Век, вместивший годы деспотического самодержавия первого венчанного царя и правления первого избранного монарха. Столетие, когда страна все прочнее вращалась в сети мировых экономических, политических и культурных связей; столетие поисков новых форм в русской архитектуре, живописи, книжности; ожесточенной полемики по религиозным и политическим вопросам; появления книгопечатания. Эпоха зарождения сословного представительства и первых шагов на пути к крепостному строю, десятилетий экономического подъема в первой половине века и хозяйственного упадка в его конце. Тогда же пресеклась династия московских Рюриковичей, возросло социальное и политическое напряжение, ослабли международные позиции государства, множились признаки надвигающегося кризиса.

РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Весной 1502 г. Василий Иванович, сын Ивана III и Софьи Палеолог, был венчан «великим князем Владимирским и Московским» и стал соправителем отца, а с конца октября 1505 г., после смерти Ивана III, начал править самостоятельно. (Его племянник и претендент на власть Дмитрий Иванович умер в 1509 г. в заточении.) Он продолжил политику объединения под властью Москвы русских земель, к тому времени еще сохранявших самостоятельность. Формально независимыми к концу 1505 г. оставались Псков и Рязань. Но в Псков московские великие князья направляли служилых князей еще с 1399 г. Москва держала под контролем его внешнюю политику и оказывала поддержку в противостоянии с Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским. В начале 1510 г. при личном участии Василия III был окончательно присоединен Псков. В 1521 г. было ликвидировано и Рязанское великое княжество, прочно контролировавшееся Москвой уже с середины XV в.

Одним из приоритетов политики Василия III было поддержание баланса интересов и сил в правящей прослойке. Обеспечение эффективности в управлении податным населением, в организации военного дела, в осуществлении внешней политики также требовало неослабного внимания государя. В Думе Василия III не бывало более 15–16 бояр и окольничих, но к ним следует добавить еще 30–35 лиц без думного чина, занимавших высшие военные и гражданские посты, а также двух–трех «больших» дьяков. Это и было ближайшим окружением суверена. Дьячество, приказной люд в канцеляриях центральных органов, сами канцелярии приобрели значительно больший вес. Но эпоха Василия III еще далека от завершения сословной структуризации общества в едином (централизованном) государстве, а также формиро-

вания логичной системы административно-судебного управления в центре и на местах.

«Политическое сословие» государства формировалось в рамках двора. Разные группы («дворцовые партии») вели борьбу за престижные военные назначения (полковыми воеводами в больших армиях, гарнизонными в крупных пограничных крепостях), за значимые посты в центральных государственных учреждениях, а также в местных органах власти (наместниками в ведущих городах). Они боролись за думные чины (бояр, окольничих), за возможность влияния на принятие решений великим князем. Сами группировки возникали на основе родственных связей, а также по общности постов, назначений и статуса. Постепенно формировался обычай принимать важные решения по совету с членами Боярской думы, в нормах местничества и местного суда, несколько ограничивших произвол при назначении на должности.

Главной заботой государства были пополнение казны и обеспечение боеспособности вооруженных сил. Благоприятную в целом финансовую ситуацию обеспечили расширение территории (что означало рост численности плательщиков) и относительно устойчивый хозяйственный подъем. Сохранившиеся документы фиксируют успехи внутренней колонизации в большинстве регионов. Достижения в освоении новых и ранее заброшенных земель увеличивали ряды налогоплательщиков и, что не менее важно, означали молчаливое согласие крестьян с уровнем налогообложения.

Другой важнейшей задачей было постоянное расширение фонда поместных земель. Основу войска составляло ополчение служилых детей боярских (их еще называли служилыми людьми по отчеству, поскольку их служба передавалась от отца к сыну). В последней трети XV – начале XVI в. произошел резкий демографический рост этого многочисленного и важного слоя. Обеспечение его земель (с крестьянами) стало постоянным приоритетом государства. Именно в правление Василия III поместье стало ведущим типом светского землевладения, при нем же на регулярных смотрах определялось качество службы каждого дворянина и нормировались размеры поместий. Продолжались и массовые перемещения прежних вотчинников с присоединяемых и завоеванных земель (Псков, Смоленск, ряд иных) с последующим испомещением. Часть детей боярских имели право на получение кормлений – административно-судебных должностей, при исполнении которых они сами и их аппарат из холопов обеспечивались продуктами, фуражом, денежными взиманиями, судебными и иными пошлинами с управляемого населения. Этот традиционный вид местного управления в условиях единого государства стал раздражителем для всех сословных групп на местах. Уже в 20-е годы XVI в. правительство Василия III предпринимает попытки частичной замены кормленщиков городскими приказчиками из местных дворян.

Оценивая размеры армии в целом, надо помнить о боевых холопах (вместе со своими господами они участвовали в военных действиях), пехоте (отдельные формирования наемников, отряды пищальников из числа горожан; и те, и другие имели ручное огнестрельное оружие), пушкарях и других лицах, обслуживавших полевую и крепостную артиллерию, наконец, о податном люде, привлекавшемся для транспортировки артиллерии, боеприпасов, провианта, а также для военно-инженерных работ.

Из 28 лет единоличного правления Василия III мирного не было ни одного года; хотя на «объявленные» и завершавшиеся перемириями войны пришлось 17 лет, но с 1512 г. ежегодная весенне-осенняя служба в крепостях была обязательной для всего служилого дворянства. Так защищались от набегов войск Крымского ханства, от отрядов Ногайской орды и (в «немирные годы») Казани. С конца XV – начала XVI в. приоритетной стала борьба с Великим княжеством Литовским за древнерусские земли, входившие в его состав. Успехи России, закрепленные договором 1503 г., были обеспечены военными победами, переходом значительной части элиты восточных регионов Великого княжества Литовского на сторону Москвы, а также умелой дипломатией, в результате которой союзником Литвы в это время оставался один лишь Ливонский орден.

Первоначально Василий III взял курс на продолжение активной политики. Но в долгой войне 1512–1522 гг. действительно удачным стал только первый ее этап. Летом 1514 г. после третьей осады сдался гарнизон Смоленска. Однако в сентябре русская армия потерпела поражение под Оршей. Вскоре определилось примерное равенство сил: Литва не смогла отвоевать Смоленщину, Россия же, несмотря на отдельные военные успехи, не смогла добиться новых территориальных приращений. В 1522 г. было заключено перемирие, подтвержденное в 1526 г. и позднее.

Очень важным для России было расширение экономических и культурных контактов с европейскими государствами. Страна остро нуждалась в зодчих, мастерах крепостного строительства, литейщиках-артиллеристах, оружейниках, врачах, аптекарях. Нужно было обеспечить возможность их найма в странах Европы и гарантировать пропуск принятых на службу специалистов через Литву. Ее власти затрудняли, а временами просто блокировали их проезд в Россию.

Для перестройки Московского Кремля, начатой еще Иваном III в 70-е годы XV в., требовались всё новые и новые мастера. Послы великого князя чаще всего нанимали их на Севере Италии, в Милане и Венеции. Через Крым добирался до Москвы Алевиз Новый, возглавивший в 1505–1508 гг. строительство великокняжеской усыпальницы – Архангельского собора. Видимо, в эти же годы прибыл и Бон Фрязин, построивший столпообразную церковь-колокольню Иоанна Лествичника («столпообразным» принято называть особый тип древнерусского центрического башнеобразного храма, который мог совмещать в себе церковь и колокольню; произведение Бона Фрязина считается первым памятником этого типа). Ее первоначальная высота составила 60 м; позже, при Борисе Годунове, она была надстроена до высоты 81 м; сейчас более известна как колокольня Ивана Великого. Под руководством инженеров, фортификаторов, архитекторов, резчиков по камню из ренессансной Италии был создан уникальный ансамбль Московского Кремля, памятники которого стали наглядной демонстрацией новых политических амбиций правителей России. Невозможно переоценить влияние кремлевских построек на развитие русского церковного, дворцового и фортификационного зодчества в XVI–XVII вв. Элементы архитектурного декора, впервые в России примененные итальянскими мастерами (особенно Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари при строительстве Грановитой палаты и Алевизом Новым – Архангельского собора), стали излюбленными мотивами украшения русских храмов и палат XVI–XVII вв. Трудились в Кремле и русские мастера. В частности, они возвели домовые храмы великокняжеской семьи и митропо-

литов – Благовещенский собор и церковь Ризположения. Созданием икон для Успенского собора занимались несколько иконописцев во главе с самым выдающимся русским художником этого времени Дионисием (ок. 1430/40 – между 1503 и 1508 гг.), чей талант наиболее ярко раскрылся в росписях собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря близ Вологды, выполненных Дионисием с сыновьями в 1502 г. К сожалению, из его работ для Успенского собора Московского Кремля сохранились лишь житийные иконы духовных устроителей Русской земли митрополитов Московских Петра и Алексия.

Насущной проблемой было утверждение суверенитета Российского государства на международной арене. Определялось это тогда соотношением титулатуры. Еще в конце XV в. правители Дании, Швеции и некоторых других государств признавали за московским монархом титул «государя, великого князя всея Руси», а в ряде случаев – царский титул. Последний переводился на латынь как «император».

Официальная титулатура государей сформировалась на основе широкого круга идей, объяснявших происхождение власти российских монархов и место их «царствия» в ряду мировых империй и в истории церкви. В правление Василия III возникли три сочинения, взаимно дополнявшие друг друга. В Хронографе «редакции 1512 г.» российская история вписывается в мировую, которая завершается взятием османами Константинополя в 1453 г. Теперь православное христианство воплощает Россия. Это было созвучно складывавшейся теории «Москва – Третий Рим», сформулированной псковским монахом Филофеем в его «Послании» дьяку Мисюрю Мунехину: «все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя ... это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».

Цикл «Сказаний о князьях Владимирских» соединил «генеалогическое» предание о происхождении московской династии от Пруса, брата императора Августа, с установлением родства с византийскими василевсами, а также передачей Константином IX Мономахом символов власти Владимиру Мономаху. Теория «Третьего Рима» находила здесь разноплановую светскую аргументацию. Сочинения эти вскоре оказались востребованными практически: при венчании на царство Ивана IV в 1547 г., в острых спорах о титулах московского государя с литовскими дипломатами.

К середине 20-х годов XVI в. стал предельно острым вопрос о наследнике: брак Василия III и Соломонии Сабуровой оказался бездетным. По традиции, второй брак допускался после смерти жены или ее добровольного пострига в монахини. В конце 1525 г. великий князь решился на насильственный постриг Соломонии, а в феврале 1526 г. обвенчался с княжной Еленой Глинской. В августе 1530 г. на свет появился будущий Иван IV.

Развод и новый брак Василия III стали, по-видимому, одной из скрытых причин постепенного изменения отношения государя к различным течениям внутри Церкви. В первые десятилетия XVI в. в Русской церкви обострилась полемика по широкому кругу взаимосвязанных вопросов: об отношении к еретикам, о церковной (особенно монастырской) собственности, о степени и характере участия Церкви в мирских делах, а великокняжеской власти – в церковных. Наиболее явно противоположные позиции были сформулированы в сочинениях Иосифа Волоцкого (1439–1515 гг.) и Нила Сорского (1433–1508 гг.), а также их

последователей – иосифлян и нестяжателей. Первые были сторонниками жесткой борьбы с еретиками, усиления власти монарха и его роли в делах Церкви, сохранения и роста владений монастырей и кафедр при гарантии их неприкосновенности. При этом «стяжание» находило моральное оправдание в активной благотворительности и новой практике поминовений. Их оппоненты выступали за возвращение к нормам первоначального христианства, за бедную церковь и аскетизм. Лидеры обоих течений обладали огромным авторитетом, при этом, в условиях постоянной нехватки земель для испомещения служилого сословия, позиция нестяжателей по вопросу о монастырском землевладении находила понимание у великокняжеской власти. Но в 1525 г. стоявший на позициях иосифлян митрополит Даниил способствовал разводу Василия III, а сторонники «нестяжания» князь-инок Вассиан Патрикеев и Максим Грек развод осудили.

Максим Грек (в миру – Михаил Триволис; ок. 1470–1555 гг.) в 1518 г. по приглашению Василия III прибыл с Афона для перевода, исправления и описания греческих книг. Великолепно образованный, он долго жил в Италии, где общался со многими деятелями Возрождения и работал в знаменитой венецианской типографии Альда Мануция. В Москве его встретили с большим почетом. В первые годы он переводил греческие тексты на латынь, а русские переводчики – с латыни на церковнославянский; позже он стал переводить непосредственно на церковнославянский. В 1522 г. Максим Грек осудил неканоничное, с его точки зрения, поставление митрополита Даниила без разрешения Константинопольского патриарха, а в 1525 – развод великого князя. В том же 1525 г. он был осужден и отлучен от церкви по обвинениям в ереси, шпионаже в пользу Турции и заточен в монастырь, затем в 1531 г. вновь осужден. Условия содержания старца были смягчены, но вернуться на Афон ему так и не разрешили. Несмотря на то что большую часть своего длительного пребывания в России Максим Грек провел в заточении, он оставил обширное и чрезвычайно значимое литературное наследие.

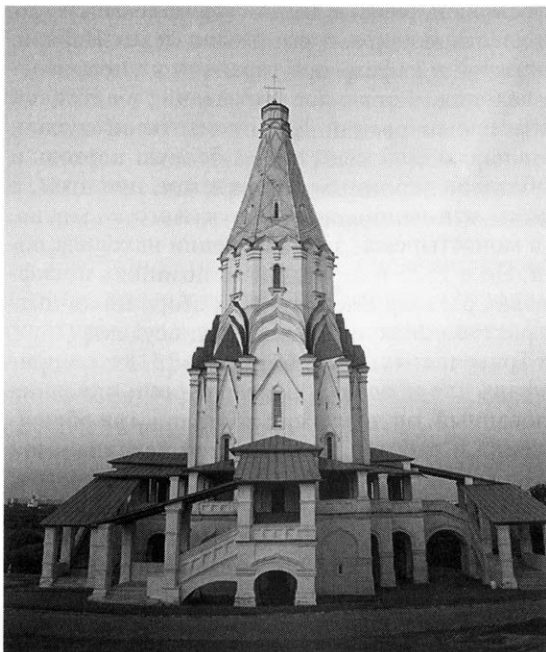
Военные действия в первой трети XVI в. почти не затрагивали основные регионы. Это, а также известная стабильность налогов и владельческой ренты, отсутствие массовых эпидемий вызвали рост населения, внутренней колонизации и соответственно экономический подъем страны. Стало больше городов, но особенно слобод и рядков с промысловым и торговоремесленным населением. Несомненно увеличение внутренней и внешней торговли, в том числе экспорта в Европу особо ценных и рядовых мехов, а также продукции ряда промыслов. Заметно возросли доходы казны.

Такая финансовая база позволила реализовать военно-оборонительную программу. Кремли в Нижнем Новгороде (к 1511 г.), Туле (1514–1521 гг.), Коломне (1525–1531 гг.), Зарайске (1531 г.) прикрыли южную границу. Аналогичные меры предпринимались и на западном порубежье.

Василий III умер после длительной болезни в декабре 1533 г. Он оставил вполне удовлетворительное наследство: благополучное хозяйственное положение, в целом спокойную международную ситуацию, сравнительно бесконфликтное развитие сословных структур, государева двора, центральных органов управления.

Василий оставлял государство с большой личной властью монарха, ограниченной отдельными институтами и традициями, опирающееся на корпоративное единство складывавшегося «политического сословия».

После смерти Василия III фактической правительницей стала Елена Глинская, отстранившая от власти назначенных мужем опекунов. После ее

Церковь Вознесения в Коломенском. 1528–1532 гг.

внезапной смерти (1538) управление страной перешло к Боярской думе, в которой шла борьба за власть, главным образом между группировками Шуйских и Бельских. Возмужание юного великого князя только усилило политическую неопределенность вследствие неровного характера Ивана IV и его подверженности влияниям со стороны. Немотивированные опалы и казни 1545–1546 гг., открытые проявления недовольства тяглыми горожанами и пищальниками продемонстрировали необходимость укрепить авторитет верховной власти, превратив ее в центр консолидации общества. Для этого в январе 1547 г. Иван IV венчался царскими регалиями. Второй шаг – смена стиля поведения монарха: его женитьба в

феврале 1547 г. на Анастасии Романовой, прекращение казней и пыток, регулярное участие в управлении, отправлении правосудия, военных операциях.

В истории многих государств старт преобразованиям давали войны, нередко неудачные. Именно в такие моменты обществом особо остро ощущалась необходимость перемен. В судьбах России такое повторялось не единожды, в частности в середине XVI в. Войну с Казанью обычно относят к 1545–1552 гг.: весной 1545 г. имел место первый после 1530 г. поход большой русской армии под Казань; пала же она 2 октября 1552 г. Начальные шаги реформ по традиции датируют периодом, открывшимся венчанием Ивана IV царским титулом в январе 1547 г., а завершившимся первыми кардинальными изменениями в системе органов местной власти в 1551 г.

«Царские» походы на Казань начались осенью 1547 г. То, что русские полки возглавил сам государь, подчеркивало первостепенность «восточной политики» и «казанской проблемы». Эта акция связана с начавшимися изменениями и социальными потрясениями в стране, особенно выступлением московских горожан после катастрофического пожара в столице летом 1547 г. Шокирующим для Ивана IV и его окружения стало не только убийство близких родственников государя из клана Глинских (холопы которых, по слухам, подожгли Москву), но и то, что столица какое-то время находилась под контролем тяглых горожан-мужиков.

При подобных обстоятельствах победа над традиционным врагом – Казанью – была очень важна. Но из-за неожиданных оттепелей царь вернулся из похода, не перейдя границ своего государства. Зимний поход 1549/1550 г. готовился намного тщательнее. На этот раз основные силы армии во главе с

Иваном IV подошли к Казани. Но неожиданная распутица, «великая мокрота» не позволили применить артиллерию и превратили в бессмыслицу любую попытку штурма. Двойная неудача привела к изменению плана ведения войны и ускорила реформы.

Решающее наступление на Казанское ханство произошло годом позже. В 1551 г. на правом крутом берегу Волги менее чем за месяц была возведена Свияжская крепость. «Плавная» или «судовая» рать по полой воде была направлена в Свияжск с продуктами, боеприпасами и частью артиллерии. Параллельно шло формирование основной армии и вспомогательных отрядов, взявших под контроль бассейн Камы. В июне большая часть сил главной армии во главе с царем выдвигается в крепости по Оке. Несмотря на несомненное неравенство сил, сопротивление Казанского ханства было длительным, ожесточенным и поначалу успешным. Пришлось сначала разбить татарские отряды в тылу русских войск, затем организовать осаду самой крепости, при постоянном артиллерийском обстреле Казани. Даже подрыв подземного хода к источнику воды не поколебал решимости осажденных. В конце сентября была взорвана часть крепостных стен. 2 октября после многочасового штурма и рукопашных боев на улицах ожесточенное сопротивление осажденных было подавлено. Город пал. Казанское ханство прекратило существование.

Взятие Казани стало вехой в развитии России, в укреплении ее международных позиций. В 1554–1556 гг. было завоено Астраханское ханство, со второй половины 50-х годов Ногайская орда перешла на статус вассальной зависимости от России, тогда же под власть Москвы добровольно перешли на правах полной автономии башкирские земли. Еще в 1555 г. сибирский хан просился через своих послов «под защиту» царя, обещая дань соболями. Под контролем Москвы оказалась вся Волга, от истоков до устья.

Завоевание Казани было принципиально важным в оформлении государственно-политической идеологии России как православного христианского царства. Победа над конфессиональным и традиционным противником не могла не рассматриваться в верхах общества как знак богоизбранности православного царя и его народа. Присоединение исламского ханства в эпоху максимального могущества Османской империи расценивалось по особому счету и в России, и в Европе. Иван IV теперь имел дополнительные основания на царский титул – ныне «под ним» были два царства. Титул государя сразу же был расширен, а сам аргумент пущен в ход в дипломатических спорах.

Память о взятии Казани была увековечена возведением собора Покрова на рву (храма Василия Блаженного). Собор был построен в 1555–1561 гг. «по государеву обету»; и царственный заказчик, и строители, воплощавшие его замысел, выступили подлинными новаторами. Восемь столпообразных приделов этого храма объединены на одном основании вокруг девятого – центрального столпа, перекрытого шатром. Посвящения престолов каждого придела напоминают о проявлениях чудесного заступничества во время войны с Казанью, а все вместе они символизируют победу православного воинства над басурманами.

Каменные столпообразные шатровые храмы появились в России еще в эпоху Василия III. Подлинная жемчужина и, возможно, первый памятник шатрового зодчества – церковь Вознесения в Коломенском (1528–1532 гг.). В ее архитектурном убранстве русские, ренессансные и готические элементы сочетаются причудливо и гармонично. Существует довольно обоснованное предположение,

что этот храм возводился под руководством архитектора Петра Фрязина (он же Петрок Малый), более известного строительством первых в России укрепленный бастионного типа, в том числе земляных и каменных стен Китай-города в Москве (1535–1538 гг.). Заказчиками почти всех известных шатровых и столпообразных храмов выступали государи или люди из их ближайшего окружения. И все эти храмы знаменовали собой важнейшие события в жизни своих высокопоставленных заказчиков, а следовательно, и государства. Согласно одной из ранее популярных гипотез, церковь Вознесения в Коломенском была храмом-памятником в честь рождения Ивана Грозного, церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове, объединившая пять столпообразных приделов, отмечала его венчание на царство, а Покровский собор – победу над Казанью.

Современные исследования позволяют предполагать, что церковь в Коломенском начали строить еще до рождения Ивана, Дьяковская же церковь несколько моложе храма Покрова, который в этом случае оказывается результатом не постепенного развития архитектурных форм (от простых и рациональных к более сложным и декоративным), а смелой новации.

ИЗБРАННАЯ РАДА

Избранная рада (название впервые употребил позже – уже в эмиграции – князь Андрей Курбский) – это правящий кружок с переменным составом, действовавший в конце 1540-х – 1550-е годы и знаменитый прежде всего своей реформаторской деятельностью. Начатые реформы отличались отчетливой правовой направленностью. Летом 1550 г. царем и Думой был принят Судебник, вобравший в себя нормы всех разделов тогдашнего права.

В 1548–1551 гг. была проведена отмена финансовых привилегий на уплату основных налогов и разнообразных проездных и торговых пошлин. В Судебнике 1550 г. *тарханы* (т.е. освобождение от части или всех платежей в пользу государства) были отменены.

Важные реформы были проведены в сфере управления. На местах развернулась губная реформа. Судебник 1550 г. резко ограничил prerogatives кормленщиков: из-под их юрисдикции были выведены все служилые дети боярские. В феврале 1549 г. состоялось первое собрание представителей ряда сословных и статусно-чиновных групп (думные чины, члены двора из разных страт, возможно, уездные дети боярские) по поводу искоренения «неправд» времен «боярского правления». Это дало толчок к дальнейшим переменам. На 1548–1549 гг. приходится становление и отдельных центральных ведомств-приказов (в том числе Посольского), разрастание функций канцелярий Большого дворца и Казны.

Еще одна область перемен – преобразование в армии. Это улучшение обеспечения поместного ополчения, формирование постоянных стрелецких войск, вооруженных огнестрельным оружием. Стрельцы обеспечивались коллективно землей, городскими дворами (не облагавшимися тяглом), небольшим денежным жалованьем, сохраняя право на мелкую торговлю и ремесло. Заметно увеличился артиллерийский парк, обслуживавшие его пушкари были выделены в особую группу служилых людей «по прибору».

Важные изменения произошли и в церковной сфере. В 1551 г. был созван церковный собор, на котором помимо царя, митрополита Макария и высших иерархов Церкви присутствовали также князья, бояре, служилые люди. Свод

постановлений собора по числу разделов получил название Стоглав, отчего и сам собор стали называть Стоглавым. Соборные постановления были направлены на осуждение всех видов «церковных нестроений» и принятие мер по их исправлению. На соборе был подведен итог спорам о церковном землевладении, которые несколько десятилетий вели иосифляне и нестяжатели. По решениям собора церковь сохранила земли и другое имущество, но впредь ей было запрещено увеличивать свои владения в городах, а крупные земельные вклады на помин души разрешалось принимать только по согласованию с государственной властью.

В практике 40–50-х годов совместные заседания церковных иерархов со светскими «синклитами» были заурядным фактом. Если православный идеал симфонии светской и церковной властей осуществлялся когда-либо в России, то эпоха Избранной рады была к нему ближе всего.

Центральной реформой Рады стала отмена кормлений и создание новых органов местной власти (согласно принятому в 1556 г. Уложению о службе как части «Приговора царского о кормлениях и о службе»). Эти перемены на уровне городов, волостей и уездов повлекли за собой изменения в важнейших сферах жизни общества, на всех уровнях государственного устройства.

Возникающие органы власти кардинально отличались от прежних по способу комплектования: они были выборными, а не назначаемыми из центра; соблюдался принцип представительства от локальных сословных групп. В уездах с развитым светским землевладением во главе стояли «выборные головы» или старосты из местных (нередко отставных) детей боярских. В ближайшей перспективе вместо возможных двух–трех голов («излюбленных», «судейских», «губных») оставался один управитель, в руках которого концентрировались все функции. Его аппарат состоял из дьячка (подьячего) и целовальников из крестьян. Если в уезде были черносошные волости с собственным самоуправлением, оно было подконтрольно старосте. Там, где государственное крестьянство численно преобладало, а также в городах, выбирали земских старост, а в помощь – земского дьячка и целовальников. В больших уездах система самоуправления была двухуровневой: уезд – волость.

Новые органы власти получили функции административного управления и суда. Они занимались раскладкой, сбором и отправкой в столицу налогов. Новые власти осуществляли реализацию поступивших из центра распоряжений. Они же отвечали за исправное отбывание государевых повинностей. Хотя судебским, губным и земским старостам был подведомствен ряд уголовных дел, последние подлежали контролю столичных инстанций: произошло перераспределение судебных прерогатив в пользу Москвы. Это повлекло перестройку московских учреждений. Естественной основой для рождения новых ведомств стали Большой и областные дворцы, Казна, боярские комиссии. Хотя первые приказы появились ранее 50-х годов XVI в., реальное их рождение как системы управления происходило в эпоху Избранной рады.

Одни из них решали задачи в масштабах всего государства. Так, Посольский приказ ведал дипломатическими сношениями, Поместный – учетом земель, обеспечением поместьями служилых дворян, составлением исходной базы для государева фиска. В Разрядном приказе были сосредоточены

функции по организации военного дела и воинской службы благородных сословий, по их учету, определению качества службы каждого дворянина. Аналогичные задачи в отношении служилых людей по прибору исполняли возникшие немного позже Пушкарский и Стрелецкий приказы. Сыском и судом по делам высшей уголовной юрисдикции ведал Разбойный приказ (он был верховной инстанцией для всех местных судов). В Холопьем приказе велся учет и осуществлялся контроль над всеми сделками с холопами.

Приказы второго вида надзирали в административном и судебном планах над определенными территориями и разрядами населения. Таким были Большой и областные дворцы. В столице судебные и прочие дела тяглого населения посадов и сотен находились в ведении Земского приказа.

Принципы комплектования местных органов способствовали сословной самоорганизации локальных сообществ. Это касалось прежде всего провинциального дворянства. Господствующий класс становился единым: по правилам материального обеспечения (наделение поместьями и выдача денежного жалованья); по юридическому статусу (подсудность монарху или приравненному к нему суду); по нормам военной службы (в соответствии с уложением 1556 г.).

Сословное и сословно-групповое обособление служилых людей по отечеству продвинулось в середине XVI в. далее, чем в других слоях общества. Признаки формирующейся сословности можно заметить у верхушки купечества, служилых людей по прибору (они объединялись несением военной службы, освобождением от тягла, групповым обеспечением денежного и поземельного жалованья), тяглых горожан. Крестьянство делилось на «государственных» (черносошных, а в завоеванных ханствах – ясачных) и владельческих (дворцовых и зависимых от светских или церковных земле-владельцев).

Завершилось формирование вооруженных сил. Их основу составляло поместное ополчение, включавшее всех годных к службе дворян с нормированным числом боевых холопов-послужильцев. Заметной по численности частью армии стали стрельцы, служилые казаки, пушкарки, воротники. Служилые люди по прибору составляли основу постоянных гарнизонов в пограничных крепостях.

Преобразования конца 40-х – начала 60-х годов имели комплексный и структурный характер. Они охватили основные сферы общества и государства, серьезным изменениям подверглись отношения и институты, а не отдельные учреждения. Перемены наметились еще в конце XV – первой трети XVI в. Но далеко не все имеет прямые истоки в предшествующей практике. Отмена кормлений – яркий тому пример. Подчеркивание возврата к порядкам «дедовых и батьковых уставов» оправдано лишь отчасти. За этим скрываются во многом стереотипы средневекового мышления: новое облачалось в старое, привычное одеяние.

Выразителен культурно-идеологический контекст преобразований. Это были годы реализации грандиозных «энциклопедических» замыслов. «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария – полный свод рекомендованных к чтению христианам сочинений, включая жития всех русских святых, 12 огромных томов, по одному на каждый месяц. Три редакции «Летописца

начала царства» – панегирик правлению Ивана IV, начиная с венчания и вплоть до победоносного начала Ливонской войны. «Домострой» вобрал в себя поучения о духовном, мирском и домовном строении. Стоглав регламентировал богослужебную практику белого духовенства и устройство монастырской жизни. Наконец, комплекс росписей и икон кремлевских соборов, иконография сюжетов преследовали цель включить феномен российской государственности и церкви в рамки всемирной истории.

Эпоха реформ породила особый и притом распространенный тип «воинника–администратора–дипломата», откликающегося на интеллектуальные и религиозные веяния современности. Алексей Адашев – редактор-составитель и возможный автор некоторых текстов «Летописца начала царства», государевых родословной и разрядной книг, ряда узаконений и некоторых правовых руководств – человек аскетического стиля жизни и нелицемерного благочестия. И.М. Висковатый – фактический глава Посольского приказа, полемист-начетчик, оспаривавший каноничность ряда росписей и икон при восстановительных работах, которые велись под надзором митрополита Макария. Его «умствования» были отклонены на церковном Соборе. Назовем еще двух лиц, чей авторский пыл пришелся на последующие годы, а кругозор и стиль сформировались, бесспорно, в эпоху «Избранной рады». Это князь Андрей Курбский, считавший себя учеником Максима Грека и оставивший множество сочинений разных жанров, изысканных по композиции, языку и стилю. Наконец, сам царь Иван – автор множества темпераментных посланий и, возможно, ряда богослужебных текстов. Он был «добре навычен божественным и святоотеческим писаниям», но вряд ли выделялся этим из окружавших его представителей знати старшего и среднего поколений.

С периодом преобразований связано и возникновение книгопечатания. Первые русские печатные книги не сообщают ни сведений о времени и месте издания, ни о мастерах. По бумаге, водяным знакам, шрифтам, инициалам, заставкам, технике печати эти так называемые «Анонимные издания» датируются 1553–1558 гг. Местом издания чаще считают Москву. Известно по крайней мере семь таких изданий: три Евангелия, две Псалтыри, Триодь Постная и Триодь Цветная.

Первой датированной печатной книгой в России стал Апостол 1564 года, изданный в Москве Иваном Фёдоровым и Петром Мстиславцем. Из послесловия можно понять, что автор не знал о деятельности Анонимной типографии. В качестве главных причин организации печатного дела называются, во-первых, необходимость обеспечить богослужебными книгами новые храмы и монастыри, созданные Иваном Грозным «в столичном городе Москве, и в окрестных землях, и во всех городах царства его, особенно же в недавно приобщенном к христианству месте – в городе Казани и его пределах», во-вторых, то, что приобретаемые рукописные книги «все оказались испорчены переписчиками, невежественными и несведущими в науках».

В 1565 г. Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец выпустили два издания Часослова, но после этого уехали из Москвы в Литву, в имение ревнителя православия гетмана Ходкевича. В 1574 г. (уже во Львове) Фёдоров написал, что отъезд произошёл «вследствие великих бед, часто случавшихся с нами не из-за самого русского государя, но из-за многих начальников, и церковных начальников, и учителей, которые нас по причине зависти во многих ересях обвиняли». Наиболее

плодотворными стали для Ивана Фёдорова 1578–1581 гг., когда, работая в Остроге, он выпустил пять изданий, в том числе знаменитую Острожскую библию.

После отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Литву Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев выпустили в Москве Псалтырь 1568 г., с использованием шрифта Фёдорова и аналогичных заставок. С 1569 г. в Москве начался «беспечатный» период. Лишь в 1577 и 1577–1580 гг. Псалтырь и Часослов были выпущены в Александровской слободе тем же Невежей Тимофеевым. С конца 80-х годов XVI в. книгопечатание в Москве было возобновлено и уже не прерывалось за вычетом ряда лет в годы Смуты.

Острый кризис вспыхнул в марте 1553 г., в дни болезни Ивана IV. Ожидание его скорой кончины привело к расколу царского окружения: одни присягали сыну царя, «пеленочнику» Дмитрию, другие, опасаясь всевластия родственников царицы Анастасии, склонялись к кандидатуре двоюродного брата царя, удельного князя Владимира. Эти события привели к ряду опал в правящей группе; видимо, именно тогда царь охладел и к своему духовнику, протопопу Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестру — одному из деятелей Избранной рады. Но опальные сохраняли гражданскую дееспособность, их не казнили и не отправляли в заключение.

К рубежу 60-х годов решительные успехи, особенно на военных фронтах и дипломатическом поприще (об этом см. ниже), гарантировали, казалось бы, продолжение деятельности А. Адашева и его соратников. Но здесь и проявились серьезные расхождения между царем и его ближайшими советниками. Ошибочным оказался курс Адашева на союз с Великим княжеством Литовским против Крыма с одновременным установлением протектората России над Ливонским орденом или его частью. Ошибкой стало и

Фронтиспис и заглавная страница Апостола, напечатанного в 1563–1564 гг. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в Москве

заключенное в мае 1559 г. полугодовое перемирие с Орденом. В итоге Литва взяла под протекторат Ливонский орден (август 1559 г.) и заключила анти-русский союз с Крымом.

Адашев и его окружение едва ли могли противостоять менявшейся позиции царя. В модели политического устройства реформаторов центральное место занимал благочестивый христианин, справедливый правитель, храбрый воин и последовательный защитник всех православных – богоизбранный самодержец. Таким и предстает Иван IV в летописных известиях о взятии Казани, в тексте уложения об отмене кормлений. Соправительствующая роль Думы, политическое значение мудрых советников и умелых исполнителей полностью заслонялись идеальной фигурой монарха. Гарантией служила традиция, разумное согласие между государем и его советниками. В такой конфигурации политических сил и влияний важной была роль Церкви как арбитра в конфликтных ситуациях. Правом и обязанностью первосвященника были наставления государю и печалования перед ним за опальных. Подчеркнем большое значение этой деятельности Макария. Значимым могло стать воздействие и иных духовных лиц, прежде всего Сильвестра. Но оно оказалось недостаточным. Никаких инструментов коллективного воздействия на царя – кроме прямого мятежа – не существовало. Прототип земских соборов, имевший место в феврале 1549 г., не получил развития. Царь решил править сам. В мае 1560 г. он послал Адашева в Ливонию, летом оставил его вне службы, а в конце года его (как и Сильвестра) осудили заочным судом. Вскоре он умер в ссылке.

Легкость падения Адашева свидетельствовала как будто о слабости всего свершенного реформаторами. Но это не так. Главные учреждения и институты, сословная структура и ее основания, характер права, основные регламентирующие нормы пережили и опричнину, и самого Ивана IV.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА. ОПРИЧНИНА

Ливонская война была главным делом Ивана IV. В конце 50-х годов XVI в. он решил направить основные усилия государства против Ливонского ордена. Поводом для войны послужили данные еще в 1554 г. обязательства ливонских послов уплатить юрьевскую дань за просроченные годы и не заключать союза с Сигизмундом II. Ни то, ни другое не было выполнено.

Интересы России заключались в прорыве к балтийской торговле и в активном участии в разделе территорий Ливонского ордена, прогрессирующий распад которого был очевиден всем соседям. Ливонские власти, Империя вкупе с Великим княжеством Литовским стремились не допустить Россию к установлению прямых связей с Европой по Балтийскому морю. Царь руководствовался также желанием получить стратегические выгоды от обладания Северной и Центральной Прибалтикой и религиозными мотивами – идеей торжества православия.

Уже первые столкновения выявили слабость Ордена. В мае 1558 г. взята Нарва, в июле – Юрьев (Дерпт). В зимнем походе конца 1558 – начала 1559 г. русские рати достигли окрестностей Риги. В марте 1559 г. было подписано перемирие на полгода. Как уже было отмечено выше, это решение оказалось

ошибочным. Дания захватила Эзель, Сигизмунд II взял Орден под свой протекторат. Но пока война продолжалась с успехом: в феврале 1560 г. пал Мариенбург, чуть позже взят Феллин (Вильянди). Однако в 1561 г. положение изменилось: в июне рыцарство Северной Эстонии и город Ревель присягают шведскому королю, под Ригой стоят литовские войска. По Виленскому договору (ноябрь 1561 г.) Ливонский орден прекратил существование, его территория передана в совместное владение Литвы и Польши, последний магистр получил от Сигизмунда II Курляндское герцогство. Вместо слабого противника перед царем оказались теперь три сильных государства, впрочем, с почти непримиримыми противоречиями между собой. Иван IV пошел на перемирие со Швецией, взял курс на соглашение с Крымом. Это позволило подготовить грандиозный поход русской армии во главе с царем в Литву зимой 1562/1563 г. Главная его цель была достигнута: в феврале 1563 г. пал Полоцк, стратегически важная крепость на Западной Двине. На этом список удач был исчерпан на несколько лет вперед.

Страна воевала практически без перерыва уже четверть века. Нарастала напряженность в правительственной среде. Опалам подверглись многие активные деятели 50-х годов, начались массовые казни. Подозреваемые в намерениях уехать должны были предоставить огромные залоги и многочисленных поручителей. В конце апреля 1564 г. царь получил болезненный удар: из Юрьева сбежал в Литву друг его юных лет Андрей Михайлович Курбский. В присланном вскоре письме и последовавшей переписке он не оправдывался, но обвинял царя в измене заветам Бога, принципам поведения православного монарха, которым тот следовал в прежние годы, когда у него были мудрые советники. Главное доказательство – необоснованные и жестокие казни, пролитие неповинной, «святой» крови бояр. По словам Курбского, царь «затворил царство русское, сиречь свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне». В ответных посланиях царь тоже не оправдывался, он обличал. Боярские измены – вот первопричина всех просчетов, самовольство (а к этому бояр привели Адашев с Сильвестром) означало «снятие власти» с самого царя. Он горько замечал: «Словом яз был государь, а делом ничего не владел». А ведь от прародителей он избран Богом на царскую степень, а потому волен казнить и миловать «своих холопей». У него лишь один судья, и тот не на земле, а в небесах – Бог.

Обострение внутривластной ситуации происходило на фоне военных неудач. В январе 1564 г. на Уле 20-тысячная русская армия была разбита куда меньшим литовским отрядом. В июне последовало новое поражение под Оршей. А в сентябре крымский хан разграбил Рязанщину и, не взяв город, удалился с полоном. Для царя было ясно: подобное не могло произойти без широкомасштабной измены. Пора было переходить к решительным мерам.

В декабре царь, покинув Москву, обосновался в Александровской слободе, дальней подмосковной государевой резиденции. В Москву доставили два послания. Иерархам, боярам, дворянам и приказным царь объяснял отъезд их «великими изменами»: каждая его попытка «понаказать» виновных оказывалась безрезультатной из-за вмешательства владык и думных бояр. Вот почему он покидает врученный ему от Бога престол и направляется туда, где его и семью устроит Всевышний. Совсем иное заключала грамота горожа-

нам: царь уверял в полном отсутствии гнева на них, во всем виноваты бояре-изменники. После переговоров в слободе с делегацией из Москвы Грозный смиростивился. Он вернется на трон при исполнении трех условий: казни изменников по своему усмотрению, введении опричнины – особого царского удела – для обеспечения обихода и безопасности Ивана Грозного и его семьи, а также выплаты земщиной (т.е. теми территориями страны, которые царь не включил в опричнину) на «подъем» 100 тысяч рублей – огромной суммы по меркам того времени. Возвращение царя в столицу в феврале 1565 г. сопровождалось репрессиями.

В свой удел царь взял многие уезды на Западе, Юго-Западе и в Центре страны, лучшие дворцовые владения и богатые северные регионы, часть территории Москвы. Опричный корпус насчитывал тысячу специально отобранных дворян, получивших поместья только в опричных уездах (откуда все земцы выселялись). Позднее численность опричников увеличилась в несколько раз, а территория опричнины заметно расширилась. В опричнине были своя Дума, свой двор, отдельные приказы. Земская дума и приказы полностью отстранялись от любого воздействия на опричнину. В свою очередь, царь, оставив текущее управление за Земской думой и центральными ведомствами, сосредоточил в своих руках контроль над дипломатией и важнейшими делами. Тяготы войны лежали опять-таки на земщине, опричники знали по преимуществу две обязанности – охрану царя и его семьи, сыск и выведение изменников.

Кто был включен в состав опричного войска? Дворовые опричники происходили, как правило, из незаметных ранее или младших линий знатных фамилий. Широко были представлены «старомосковные» нетитулованные дворяне. На первых ролях были отец и сын Басмановы, князь А. Вяземский, Г. Ловчиков. Опричники отсекались от любых родственных и дружеских связей в земщине.

Учреждение опричнины ознаменовалось ссылкой в Казань «в опалу» нескольких сотен дворян. Большинство из них принадлежало к ведущим княжеским домам – Ярославским, Ростовским, Стародубским, Оболенским Рюриковичам. Их родовые вотчины были конфискованы и пошлы в раздачу. Так царь опробовал еще один вариант разделения правящего сословия – передачу бывших вотчин новым помещикам. К весне 1566 г. всеобщее неудовольствие опричниной усилилось. Иван IV искал компромисса, особенно после добровольного ухода с митрополии Афанасия (он наследовал Макарию). Ссылные в Казань были прощены, им компенсировались их владения. Возникла также острая потребность определиться в отношении Литвы – ее власти предлагали мир или длительное перемирие на условиях статус-кво.

Именно тогда был созван широкий по составу (включая и представителей от купцов и от рядовых помещиков западных уездов) Земский собор 1566 г.

Царь нуждался в одобрении сословий по вопросу о продолжении войны с Литвой. Поддержка Собором войны, возможно, стала результатом ожиданий земщины, что царь распустит опричнину. Надежды не оправдались, а выступление против опричнины нескольких сотен дворян было подавлено, трое предводителей (участников Собора) были казнены. Царю удалось сравнительно безболезненно поставить нового митрополита – соловецкого игу-

мена Филиппа (из рода Колычевых), уговорив его снять требование об отмене опричнины и дать обязательство «не вступаться» в нее.

Поводом для начала массовых репрессий, видимо, стал донос самого князя В.А. Старицкого о заговоре в его пользу с боярином И.П. Федоровым во главе. Заговорщики якобы собирались выдать царя Ивана Сигизмунду II во время боевых действий. В 1567 г. царский поход в Ливонию был отменен, Грозный срочно вернулся в столицу. Там в конце года были произведены первые казни. Вакханалия расправ началась в 1568 г. с погромов вотчин И.П. Федорова. Опричники казнили около 500 человек. Престарелого боярина, якобы покусившегося на трон, царь сам заколол его же кинжалом.

Смерч репрессий пронесся над страной в 1569–1570 гг. Были убиты князь Старицкий со второй женой и детьми от этого брака, все княжеское окружение, его мать-монахиня с боярынями и десятки лиц, причастных к «заговору с целью отравления» Ивана IV. В декабре 1569 г. Грозный отправился выводить измену из Новгорода. Иван IV подозревал новгородцев в связях с польским королем. Погром в Новгороде и окрестностях продолжался пять недель. По приблизительным подсчетам, жертв было около 3 тысяч. Грабежи опричников (под видом конфискации) приняли чудовищные размеры. От этого погрома Новгород не оправился.

Еще по дороге в Новгород Малюта Скуратов по приказу царя задушил сведенного с кафедры и несправедливо осужденного митрополита Филиппа (Колычева), открыто обличавшего опричные беззакония Ивана IV.

В 1570 г. произошло закономерное: опричное чудовище начало пожирать своих «родителей». По обвинению в измене были казнены А.Д. Басманов, Аф. Вяземский и несколько высокопоставленных опричников «первого призыва». На первые роли в опричнине выдвинулись Малюта Скуратов-Бельский, его дальний родич Васюк Грязной, М.А. Безнин и другие лица, не поднимавшиеся до 1565 г. выше выборных дворян.

Военные действия велись вяло. Событие, изменившее соотношение сил, произошло в марте 1569 г.: Польша и Литва заключили Люблинскую унию, родилось объединенное государство – Речь Посполитая. В сентябре 1568 г. был свергнут шведский король Эрик XIV, на союз с которым Иван Грозный сделал ставку. Русские политики упустили момент, когда была возможность получить Ревель посредством соглашения – новый шведский король Юхан III отчаянно нуждался в мире. Весной же 1571 г. ситуация кардинально изменилась. В мае состоялся поход всех крымских сил во главе с ханом. Царь с корпусом опричников едва ускользнул от столкновения с крымской ратью. Хан расположился у стен столицы, поджег ее слободы, за несколько часов грандиозный пожар уничтожил Москву. На обратном пути крымчаки разграбили более 30 городов и уездов, в рабство было уведено более 60 тысяч пленников. Осенью того же года на приеме крымских послов Иван IV вырядился в сермягу, чтобы продемонстрировать, насколько он разорен.

Двухлетний мор и неурожай довершали безрадостную картину. Беглецы в Литву считались уже сотнями. Кризис армии в условиях опричных репрессий был очевиден. Победа русской объединенной армии под командованием земского боярина и талантливейшего военачальника М.И. Воротынского над крымскими войсками летом 1572 г. в упорном многодневном сражении при Молодях, недалеке от столицы, показала, что деление на опричнину и зем-

щину изжило себя полностью. Осенью 1572 г., находясь в Новгороде, царь запретил употреблять даже само слово «опричина».

Так завершилась первая, семилетняя фаза царских экспериментов с властью. За это время не было издано ни одного указа, который бы сохранила правовая традиция. Но царь не отказался и позднее от столь полюбоившихся ему приемов управления. В 1572–1575 гг. уже не было разделения территории страны, но существовали два двора – земский и государев. Последний имел все преимущества. В 1575 г. царь устроил новое разделение страны и общества, вновь сопровождавшееся «перебором людишек». Великим князем он провозгласил крещеного Чингизида Симеона Бекбулатовича (царского титула тот не получил), а себе отвел позицию московского удельного князя. Впрочем, уже через год Симеон получает в удел Тверь, царь же возвращается к практике двух дворов – теперь с разделением уездов.

В 1577 г. царь в последний раз напрягает силы страны для решающего удара. Под российский контроль попадает почти вся территория к северу от Западной Двины, за исключением Ревеля и Риги. Казалось, желанная цель достигнута. Но слабость Речи Посполитой, объяснявшаяся внутренней борьбой после смерти Сигизмунда II в 1572 г. (русский царь являлся одним из претендентов на освободившийся трон), оказалась временной. Королем избирается блестящий полководец, трансильванский воевода Стефан Баторий, который урегулировал внутренние конфликты и подготовил общество к войне с Россией. Кампания 1579 г. завершилась взятием сильно укрепленного Полоцка, поход 1580 г. – Великих Лук. Сопротивление было отчаянным, но полевые русские силы не отваживались на открытое сражение. Тяжелейшая шестимесячная оборона Пскова вынудила Батория пойти на мирные переговоры. В январе 1582 г. при посредничестве папского нунция А. Поссевино было заключено перемирие между Россией и Речью Посполитой, в августе 1583 г. – между Россией и Швецией. Завершилась Ливонская война. А 18 марта 1584 г. закончил свой земной путь царь Иван Васильевич Грозный...

В хозяйственном отношении страна была разорена. По официальным сведениям, пашня, облагаемая налогами, уменьшилась в новгородских пятинах более чем на 90%. В несколько раз сократилось число населенных пунктов. При этом налоговый нажим государства почти не изменился в сравнении с годами максимального подъема. Ответ крестьян был очевиден: побег (в том числе на окраины страны), сокращение надельной пахоты, увеличение вненадельной аренды, рост населенности пока еще сохранявшихся дворов. В такой ситуации логично введение заповедных лет – с отменой нормы о крестьянском переходе. Тогда, в самые последние годы царствования Ивана Грозного, был сделан первый реальный шаг к становлению крепостничества.

В глубоком кризисе находилась вся поместная система, а соответственно и русская армия. Массовые репрессии до предела обострили внутрисословные противоречия в дворянстве, между ним и знатью. К тому же были казнены многие блистательные воеводы.

Ливонская война была проиграна. Все завоеванное пришлось вернуть, шведы захватили четыре русские крепости. Гигантские усилия всей страны оказались затраченными впустую. Единственный успех этого времени – поход казачьего атамана Ермака. Со своим отрядом он перешел Уральские горы

и в 1581 (1582)–1585 гг. нанес несколько поражений сибирскому хану Кучуму, положив начало присоединению к России Западной Сибири.

Страшный удар царь нанес и самому себе, и своей династии. В дни осады Пскова, в очередном приступе гнева он смертельно ранил старшего сына, царевича Ивана. Неполноценность Федора, второго сына от Анастасии, уже тогда была очевидна. Права же на трон царевича Дмитрия, рожденного шестой венчанной женой почти через год после смерти царевича Ивана, были крайне сомнительны. Царь собственной рукой подрубил корни династии, того, что составляло предмет его безмерной гордыни: он, по собственному разумению, был царь по достоянию и наследованию предков, по поставлению Бога.

Не исключено, что царь умер, отравленный своими последними фаворитами Б.Я. Бельским и Б.Ф. Годуновым. Если это так, то рожденные в значительной мере его паранойей кошмары, заставлявшие его истреблять ближних и дальних и искать пути для возможного бегства за границу (в Англию), все-таки сбылись. Но вот что важнее. В XVI в. Россия вступила на путь создания новой государственной машины и централизации, ведущий, как и в других европейских странах, к абсолютизму. К сожалению, ей довелось в полной мере ощутить издержки, заложенные в такой форме развития. Впоследствии страна, хотя и с некоторым запозданием, продолжила адаптацию новых политических и социально-культурных институтов, втягивавших в свою орбиту всю Европу, а затем и весь мир.

СМУТА В РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

То, что происходило в стране в первые два десятилетия XVII в., навсегда врезалось в ее историческую память. Общество раскололось на несколько лагерей, принципы корпоративной и родовой солидарности, верной службы под присягой были поставлены под сомнение. Этот кризис имел глубокие корни.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В КАНУН СМУТЫ

Участники событий начала XVII в. объясняли все беды Смутного времени «Божьим наказанием» за убийство в Угличе царевича Дмитрия и избрание на царство Бориса Годунова, «погубителя царского корени» и «самовластного восхитителя» трона. Подобные универсальные истолкования удобно объясняли почти любой поворот в ходе событий начала XVII в. После смерти Годунова концепция, видевшая корень зла в «братоубийственном разделении страны» начиная от опричнины и до избрания Михаила Романова, утвердилась в сочинениях авторов и публицистов первой половины XVII в.

Советская историография исходила из понимания Смуты как крестьянской войны, события которой переплелись с интервенцией Речи Посполитой и Швеции. Кто-то видел здесь неудавшуюся попытку раннебуржуазной революции, другие ученые расценивали крестьянскую войну как ответ низов на усиление крепостничества. Но истоки и ход закрепощения понимались по-разному. В последнее время историки говорят о Смуте как о гражданской войне. В чем же заключались причины социального взрыва?

Начавшийся с 70-х годов XVI в хозяйственный кризис достиг апогея к середине 80-х. Он поразил почти всю территорию страны, в особенности центральные и западные районы. Эпоха «великих расчисток» и экономического подъема сменилась годами упадка и неурожаев. С начала 90-х годов можно говорить о некотором оживлении. Впрочем, положение крестьянских дворохозяйств оставалось трудным, в конце века уровень платежей и повинностей с тяглого пахотного надела оставался примерно таким же, как в начале 50-х годов XVI в., но тогда речь шла о много- или среднепосевном крестьянском хозяйстве в условиях экономического подъема. На исходе же столетия перед нами почти сплошь дворохозяйства, резко сократившие площади наделов. Чаще других причиной запустения современники называли царские подати.

Ответом стали массовые побеги крестьян в южные уезды, где природа была милостивее, а правительственный контроль менее обременительным, что вызвало к жизни законодательство «сыскных лет». Беглые крестьяне (в ноябрьском уложении 1597 г. речь шла только о тяглых главах дворохозяйств) подлежали розыску и возвращению в течение пяти лет, но за сыск отвечал сам бывший владелец. Если конфликт не решался полюбовно, он мог вчинить гражданский (не уголовный) иск.

Другим ответом крестьян явилось выведение основных работ из-под налогообложения, в чем были заинтересованы и помещики. Вырос удельный вес разных промыслов и домашних ремесел, а они плохо отслеживались казной. И что важнее, резко возросло значение аренды соседних земель, главным образом из числа запустевших. Они облагались меньшими платежами, владельцы же взимали необременительный оброк из доли урожая. В редких случаях как будто можно говорить о «предпринимательской» аренде, с нацеленностью производства на рынок. Добавим регионы новой колонизации, где возникавшие поместья были плохо обеспечены зависимыми крестьянами, но на обширных казенных землях работали оброчные крестьяне. К некрепостническому варианту развития тяготело и черносошное крестьянство северных и восточных регионов, а также ясачное население Среднего Поволжья.

Поэтому мы вправе рассматривать Смуту как столкновение двух тенденций развития: крепостнической и некрепостнической. Первая была многократно мощнее второй. Хозяйство уездного дворянина с зависимыми крестьянами рассматривалось правительством в качестве минимальной гарантии материального обеспечения его военной службы. А ведь основу русской армии и составляло дворянское ополчение. Альтернативой могли бы стать перемены в структуре армии – ориентация на иные слои «служилых людей воинского чина», так называемых «приборных»: стрельцов, пушкарей, городских казаков. Но эти группы пока не стали значимыми в социально-политическом плане. В отдельных регионах, правда, их роль была заметной, прежде всего в южной и юго-восточной пограничных зонах. Здесь социальное размежевание местного общества было невелико. Противоречия между этими областями и центром превалировали над внутренними конфликтами. Сюда стекались наиболее активные элементы общества. Пограничье делало привычным частое обращение к оружию. Суровость обстановки порождала особенный тип крестьянина, горожанина и служилого человека. Наконец, в пассивной оппозиции к власти находилась значительная часть горожан, недовольных налоговым бременем и произволом местных властей.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Соперничество в верхах московского общества обострилось после смерти Ивана Грозного. Прежде всего был сослан главный фаворит Ивана IV Б.Я. Бельский, что означало падение «партии» думных дворян из незнатных лиц в составе «особого двора». Сам этот двор соединили с земским. Затем еще до венчания Федора из Москвы в Углич был удален с матерью и родней полуторагодовалый царевич Дмитрий, что означало поражение клана Нагих. Гибель царевича в мае 1591 г. оказалась «неслучайной случайностью». У Годунова не было прямой заинтересованности в его смерти, но условия жизни больного эпилепсией отрока ее предreshали.

К лету 1587 г. ожесточенная дворцовая борьба выявила победителя: Борис Годунов, шурин Федора Иоанновича, стал фактическим правителем государства, получив дополнительные прерогативы. Это означало умаление роли Боярской думы и предполагало острейшие противоречия в аристокра-

тической среде. Правда, успешный ход дел в конце XVI в. и в первые два года XVII в. (победная война со Швецией, активная политика на Северном Кавказе, интенсивная колонизация южных уездов и отражение набегов крымского хана, успехи в освоении Сибири, постепенное укрепление международных позиций) притушил на время это соперничество. Важнейшим успехом Бориса Годунова в церковной сфере стало учреждение в 1589 г. патриаршества.

Династия московских Рюриковичей пресеклась в 1598 г. Законность власти нового монарха нуждалась в новых обоснованиях. Уже при коронации Федора в мае 1584 г. был собран Земский собор с выборными представителями с мест. В 1598 г. новый Земский собор, в работе которого участвовали патриарх Иов и «освященный собор» русской церкви, должен был стать рупором «божественного выбора». Однако избранный царь не обладал легитимностью наследственного монарха, что могло поставить под сомнение законность его власти. Это могло произойти при стечении двух обстоятельств. Первое из них – появление «настоящего» претендента на царский престол. Еще в середине 80-х годов XVI в. в Москве ходили толки о подменах рождавшихся мертвыми детей у царицы Ирины. После смерти Дмитрия, но особенно в начале XVII в., слухи о «царевиче-избавителе» широко распространились по стране.

Вторым было резкое обострение всех общественных противоречий. В 1601–1603 гг., после трех лет неурожаев подряд, умерших от голода считали сотнями тысяч, цены на зерно подскочили в десятки раз, большое число поместий оказалось на грани разорения. В таких условиях был неизбежен социальный взрыв, и он последовал.

ОТ «ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ» ДО АТАМАНА БОЛОТНИКОВА

В 1602 г. массовые разбои приобрели такой размах, что потребовали отправки особых дворянских отрядов. В конце лета 1603 г. на Смоленской дороге, этой важнейшей коммуникации, действовали отряды беглых холопов под водительством Хлопка. Полк московских стрельцов во главе с окольным И.Ф. Басмановым разбил повстанцев, казнив пленных. Но многие из холопов бежали на юг. В те же летние месяцы 1603 г. легенда о царевиче обрела реальность. В Брагине один из служителей князя А. Вишневецкого (он бежал из России годом ранее) объявил себя чудесно спасшимся сыном Ивана Грозного. Вскоре в пограничных городах России появились подметные листы. В них говорилось о спасении царевича благодаря «Божьему покровительству», о его законных правах на московский престол. Всего через два года, 20 или 21 (30 или 31 по н.ст.) июля 1605 г., в Успенском соборе Кремля прошла коронация нового монарха – «царя Дмитрия Ивановича». На трон московских Рюриковичей вступил, судя по всему, Григорий Отрепьев. Его имя называли еще в 1603–1604 гг. правительство и высшие иерархи русской церкви. Позднее все официальные власти придерживались этой версии. Отец Григория, стрелецкий сотник, погиб в пьяной драке, оставив сиротой малолетнего сына. Тот несколько лет добровольно служил во дворах аристократов, в том числе у одного из Романовых. В 1600 г. по обвинению в покушении на здоровье царя Бориса все члены их семьи были арестованы и

Лжедмитрий I. Марина Мнишек. Анонимные портреты начала XVII в.
Государственный Исторический музей, Москва

сосланы. Круто изменилась судьба Отрепьева: став послушником, он быстро сменил несколько монастырей, оказавшись в итоге в кремлевском Чудовом монастыре, а вскоре в свите патриарха Иова.

Самозванец обладал обширной начитанностью, острым умом, емкой памятью и почти гениальным умением приспособиться к любой ситуации. В Речи Посполитой он через князя А. Вишневецкого попал к польским католикам-магнатам, ориентировавшимся на Сигизмунда III. В руках опытного политика Юрия Мнишка туманные планы Лжедмитрия I превратились в реальное предприятие. Усердный ученик, он вполне «искренне» обещал ключевым фигурам то, чего они хотели. Королю – пограничные области России и участие в войне против Швеции. Ю. Мнишку и его 16-летней дочери Марине – богатства кремлевской казны и земли России, папе – введение католицизма в России и участие в антиосманском союзе, приглашение в страну Ордена иезуитов и т.д. Для убедительности самозванец весной 1604 г. тайно перешел в католичество. Но к исходу лета 1604 г. удалось собрать под его знамена лишь около 2 тысяч наемников.

Осторожность польского короля объяснялась дипломатией. С Россией Речь Посполитая подписала в 1601 г. перемирие на 20 лет на выгодных для себя условиях. А главное, еще в 1600 г. она начала войну за Прибалтику со Швецией, осложненную личной враждой (Карл IX лишил своего племянника, Сигизмунда III, шведского трона) и различием вер. К тому же многие значимые лица Речи Посполитой, начиная с канцлера Я. Замойского и киевского воеводы князя К. Острожского, выступали против авантюры.

Лжедмитрий нашел поддержку у вольного казачества на Дону и в Запорожье. На Дону он приобрел самых верных и воинственных сторонников, а Запорожье имело за плечами опыт самозванничества: в 70–80-е годы XVI в. из его среды выходили претенденты на молдавский трон. Кроме того, речь шла о восстановлении позиций реестрового казачества после поражения в восстании С. Наливайко. Так что украинских казаков в войске Лжедмитрия

было больше, чем наемников. Уже на русской территории в его лагерь прибыли отряды донских казаков, а позднее главные силы запорожцев.

Время и направление похода стали неожиданностью для правительства: самозванцу сдались Чернигов, Путивль и многие южные и юго-западные города. Схема повторялась из раза в раз: появление сторонников царевича провоцировало восстание местных жителей и гарнизона против годуновских воевод и их арест. Там, где отряды «царевича» сталкивались с крупными силами стрельцов, спешно отправленными из Москвы, успеха не было. Но и решительная победа царских воевод над его ратью 20 (30) января 1605 г. под Добрыничами не привела к переходу местного населения на сторону Годунова. Наоборот, в Путивле формируется совет, представительный орган от местных сословных групп. Раскол среди дворянства и воевод царской армии, осаждавшей несколько месяцев небольшую крепость Кромь, смерть Бориса Годунова, восстание во всем южном пограничье и антиправительственное выступление в столице 1 июня 1605 г. (в его ходе были убиты «нареченный царь» Федор Борисович и его мать) довершили дело: Лжедмитрий выиграл борьбу за престол.

Было ли это началом гражданской войны? Несомненно. Налицо раскол страны на два военно-политических лагеря с центрами в Москве и Путивле, вооруженная борьба за власть, параллельные институты государственного управления. У самозванца в Путивле в феврале–мае 1605 г. была своя Боярская дума, приказы и дьяки; он рассылал воевод по городам.

Активное участие низов, включая местных оброчных крестьян в лагере «царевича Дмитрия», несомненно. Именно у «суровых мужиков-севрюков» нарочито туманные обещания «милостей и жалованья» находили благодарный отклик. Зимой–весной 1605 г. определился состав антиправительственного, «антигодуновского» лагеря. Это вольные и служилые казаки, приборный служилый люд, местные дворяне, а в ряде ситуаций – разные разряды крестьян, горожане-тяглецы, а также отдельные группировки политической элиты.

«Царь Дмитрий Иванович» усидел на троне чуть менее года. Его политика неизбежно была компромиссной. Он произвел массовую раздачу денежного жалованья служилому дворянству и ему же увеличил поместные оклады. Была начата проверка прав собственности монастырей, на них был наложен большой чрезвычайный сбор. Тяглое же население Юга страны получило десятилетнее освобождение от налогов. Готовя новый законодательный кодекс, «царь Дмитрий» намеревался созвать выборных представителей от дворянских корпораций для изложения их нужд. При нем не проводилось массовых репрессий. Суд над Василием Шуйским (тот организовал заговор против самозванца) происходил на соборном заседании. Шуйского приговорили к смертной казни, но, помиловав, отправили в ссылку, откуда вернули в Москву.

В короткое царствование Лжедмитрия вместились немало новаций – регулярное личное участие монарха в управлении, судопроизводстве и военных учениях. Самозванец решительно отказался от своих обещаний зарубежным покровителям: он не стал ни помогать Сигизмунду в войне со Швецией, ни отдавать западные области. Не было и больших земельных пожалований невесте и ее отцу. Правда, деньги Мнишку в Польшу он отправил, но не в

обещанном количестве. Прекратились беседы с иезуитами, зато его общение с секретарями из поляков и украинской шляхты, большинство из которых были протестантами, происходило регулярно.

Не исключено, что удержись Самозванец у власти, реализовался бы вариант постепенного преодоления раскола общества путем компромиссов. Но неопытный правитель допустил немало ошибок. Совсем немногие в Думе и в верхних слоях государева двора были его сторонниками. Дворянство жаждало мира после трех голодных лет и военных действий в 1604–1605 гг. Лжедмитрий же объявил о походе на Крым. Ошибкой стал размах свадебных торжеств в мае 1606 г.: на них съехалось свыше двух тысяч гостей из Речи Посполитой. Их развязное поведение вызвало столкновения с москвичами. Спровоцированное этим восстание прикрыло собственно боярский заговор во главе с Шуйским против царя. Несколько дней труп Самозванца с маскарадной маской лежал на Красной площади. Затем тело закопали вне города, но толки о его спасении побудили выкопать труп, сжечь его и выстрелить из пушки на запад, где по мнению православных находился ад, – туда душе «еретика» и следовало отправиться.

Второй акт Смуты открылся избранием на царство Василия Шуйского. Представитель княжеского дома суздальских Рюриковичей в 1591 г. он как глава специальной комиссии признал смерть царевича Дмитрия ненасильственной; в 1605 г. Василий Шуйский публично свидетельствовал о спасении Дмитрия в 1591 г., а через год по его распоряжению царевич был канонизирован как святой страстотерпец, невинно убиенный по воле царя Бориса. В дни «избрания» и коронации Шуйского происходил Земский собор в составе освященного собора (духовенства), «московских чинов» и выборных дворянских корпораций. Но на Юге его избрание было воспринято как узурпация власти одним из ненавистных бояр. К середине лета Юг России вновь запылывал.

События 1606–1607 гг. по традиции объединяют под названием «восстание во главе с И. Болотниковым». Обычно их делят на три этапа: лето – начало декабря 1606 г.; декабрь 1606 г. – май 1607 г.; май – октябрь 1607 г. На первом формируются две повстанческие армии в районе Кром и Ельца. Противостояние правительственных войск и повстанцев закончилось во второй половине августа отступлением первых. Восставшие из Ельца во главе с венецким сотником И. Пашковым в сентябре объединяются на Рязанщине с отрядами рязанских дворян Г. Сумбулова и П. Ляпунова. Тогда же восстание охватывает нижегородско-арзамасский регион. В начале октября рать Пашкова и Ляпунова возобновила поход на Москву; взяв Коломну, повстанцы 25 октября разбили отборные царские силы под с. Троицким и в конце месяца блокировали столицу с юга и востока. Немногим позднее подошла армия И. Болотникова, ее передовые отряды подняли восстание в уездах к западу, северо-западу и северу от Москвы. Началась полуторамесячная блокада столицы.

Восстание проходило под лозунгом восстановления на троне «чудесно спасшегося» от «бояр-изменников» Дмитрия. По некоторым данным, за него одно время выдавал себя Михаил Молчанов. Именно он вручил приказ о воеводской власти И. Болотникову, возвращавшемуся из турецкого плена кружным путем через Польшу. Реальным политическим центром был Путивль,

где воеводствовал князь Г. Шаховской, «всей крови заводчик». Но предводители повстанцев не были склонны считаться ни с центром, ни друг с другом. Болотников казнил за измену «царю Дмитрию» множество воевод и знатных лиц, Пашков же отсылал таких людей в Путивль, где, впрочем, их чаще всего тоже предавали казни. Противоречия между военачальниками завершились переходом на сторону Шуйского 15 ноября рязанских дворян во главе с П. Ляпуновым, а в дни решающих боев под Москвой в начале декабря 1606 г. – И. Пашкова. Восставшие в тяжелых трехдневных боях были разбиты и отступили к Калуге и Туле.

Второй этап характеризуется подвижным равновесием. Из Путивля в Тулу прибыла рать нового самозванца, «царевича Петра Федоровича» (Илейки Муромца), вобравшая в себя терских и поволжских казаков, а также казачьи станицы Украины и Запорожья. Основные силы болотниковцев были осаждены в Калуге. В начале мая 1607 г. они нанесли правительственной рати поражение, и та отступила к Москве. Все крупные отряды повстанцев позднее соединились в одну армию в Туле.

Мобилизация всех военных ресурсов позволила Шуйскому перехватить инициативу. В кровопролитном бою в начале июня конные отряды повстанцев с артиллерией, пытавшиеся прорваться к Москве, были разбиты. Со второй декады июня 1607 г. началась почти четырехмесячная осада Тулы огромной царской армией. Только наступивший голод и затопление крепости вынудили повстанцев сдаться в начале октября на почетных условиях: аресту подверглись только предводители, все остальные осажденные были амнистированы.

Восстание Болотникова закончилось поражением. Но и Шуйский не одержал победы. В Поволжье ряд районов отказал ему в повиновении, равно как и вся Северщина. И все же он попытался спасти положение. Командному и рядовому составу армии выплатили жалованье, росли поместные оклады, повышался ранг у дворовых и жаловались в дворовые чины городовые дворяне. Сам царь отпраздновал победу в январе 1608 г. переездом в новый дворец в Кремле и свадьбой с юной княжной из рода Буйносовых-Ростовских. Через две недели за стенами города, на Серпуховской дороге был повешен «царевич Петр», Болотникова же сослали в Каргополь, где через полгода ослепили, а затем утопили.

По масштабам и остроте социального противостояния восстание Болотникова было беспрецедентным. Эта фаза гражданской войны охватила более половины территории европейской части России, в борьбе против Шуйского участвовали многие народности Поволжья. Среди восставших велик удельный вес южного дворянства, приборных служилых людей, боевых холопов. Заметно шире представлены в повстанческих силах крестьяне и вольное казачество, ряды которого постоянно пополнялись выходцами из тягловцев деревни и города, «гулящими людьми» и холопами.

События показали заинтересованным соседям всю глубину кризиса в России. Правда, Сигизмунду III, прежде чем вмешиваться в чужие дела, предстояло справиться с собственными неурядицами.

ОТ ДВУХ СТОЛИЦ К ЧЕТЫРЕМ ЦЕНТРАМ ВЛАСТИ В СТРАНЕ

12 июня 1607 г., еще до падения Тулы, в пограничном с Литвой Стародубе объявился человек, которого через месяц вынудили признаться, что он-то и есть чудесно спасшийся «царь Дмитрий Иванович». Его подлинность тут же удостоверили местные дворяне во главе с Г. Веревкиным, московские приказные, а главное, донской атаман, сражавшийся под стягами «царевича Димитрия» и в отрядах Болотникова, – И. Заруцкий.

По одним данным, второй самозванец был русским по происхождению, рано попавшим в восточные воеводства Литовского княжества (ныне Восточная Беларусь), где стал бродячим школьным учителем; по другим – местным евреем, рано перешедшим в православие, и также учителем. К появлению нового «царя Дмитрия» были причастны литовские шляхтичи и Заруцкий, посланный в мае 1607 г. «проведывать царя». Осенью 1607 г., после того как Сигизмунд III нанес оппозиционным силам поражение, немалое число шляхтичей оказалось на востоке Речи Посполитой с оружием, но без денег и занятий. Вот почему Лжедмитрий II, направившийся в сентябре к Туле, а в октябре бежавший поближе к границе, сильно нарастил свой потенциал за время зимовки под Орлом. К весне его рать насчитывала до 14–15 тысяч человек. Состояла она из бывших болотниковцев и вновь прибывших казаков донских станиц во главе с Заруцким, отрядов запорожцев (от 2 до 3 тысяч), а также наемников из Речи Посполитой (во главе с гетманом князем Ружинским, Лисовским и другими предводителями крупных, средних и мелких отрядов). В двухдневном бою под Болховом (30 апреля – 1 мая 1608 г.) Лжедмитрий II разбил правительственную армию под командованием царского брата, князя Д.И. Шуйского. Вскоре он был уже под Москвой, где возникла вторая «столица» в считанных верстах от стен Кремля, в селе Тушине. Отсюда и обыденное определение нового самозванца – «Тушинский вор». Так впервые в Смуту возникло два тесно соседствующих государственно-политических центра.

В Тушине при «царе» функционировали Боярская дума, государев двор (с полным набором чиновно-статусных групп дворовых), приказы, Большой дворец, Казна и иные учреждения. На высоких постах оказывались незнатные, а порой и вовсе «беспородные» люди. Тот же Заруцкий еще осенью 1607 г. стал главой Казачьего приказа и командовал всеми отрядами и станицами русских казаков. Но в Думе у Самозванца заседали и Рюриковичи (князья Засекины, Сицкие, Мосальские, Долгоруковы и т.п.), и Гедиминовичи (князья Трубецкие), аристократы с Северного Кавказа (князья Черкасские), представители старомосковских боярских фамилий (Салтыковы, Плещеевы), служил ему и касимовский хан. Осенью 1608 г. в Тушино появился свой «нареченный» (т.е. назначенный) патриарх: из Ростова привезли местного митрополита Филарета (в миру Федор Романов), получившего кафедру в последние недели правления Лжедмитрия I. При всем том все важные военные, политические и финансовые решения принимались верхушкой польско-литовских наемников. Первоначально главенствовал гетман Ружинский. С появлением Я.П. Сапеги (родственника литовского канцлера) во главе корпуса из семи с лишним тысяч воинов возникло своеобразное «двоевластие». Сапега,

с конца сентября 1608 г. осадивший Троице-Сергиев монастырь, самостоятельно распоряжался не только военными делами.

С мая по ноябрь 1608 г. множились успехи тушинцев. На исходе лета произошло еще одно событие, придавшее самозванцу дополнительную легитимность: «царь Дмитрий» вновь обрел «свою» венчанную и коронованную в мае 1606 г. жену. По соглашению лета 1608 г. Речь Посполитая обязывалась вывести всех наемников, своих подданных, из России в обмен на отпуск русским правительством задержанных и сосланных поляков, включая семейство Мнишков. В итоге на людях была разыграна радостная встреча насильственно разлученных супругов, втайне же состоялось венчание по католическому обряду. С этого момента царица Марина Юрьевна навсегда связала свою судьбу не только со вторым Самозванцем, но и с борьбой за власть в России.

Москва, собственно, находилась в блокаде: лишь периодически открывались дороги через Коломну на Рязань и Владимирская. Растущая хлебная дороговизна стала более грозным оружием, чем сабли и пушки Тушина. Почти все междуречье Оки и Волги признало власть тушинского царя. От его имени распоряжались в Астрахани, Свияжске, Арзамасе и т.п., все южное порубежье подчинялось ему. В Рязанском крае верный Шуйскому П. Ляпунов временами контролировал лишь крупные крепости. На Северо-Западе за Шуйским осталась Новгородская земля, Псков же довольно быстро присягнул Лжедмитрию. На Западе лишь Смоленск с округой сохранил верность царю Василию. Поздней осенью 1608 г. самозванцу присягнула Вологда (в которой были собраны налоги почти со всего Севера, товары заморской торговли и меховая казна. Это сулило близкий финансовый крах правительства Шуйского).

Исход войны решали не столько победы, сколько деньги и материальное обеспечение. И тушинские власти, и московские не могли контролировать органы управления на местах, тяглецы же ожидали немедленной реализации обещаний Лжедмитрия: милостей, облегчения налогов. Сбором денег на жалованье, «столовых запасов», фуража для лошадей наемникам из Речи Посполитой и казакам пришлось заняться самим тушинцам. В удаленные районы (на Северщину, в Арзамасский край и т.п.) тушинцы не добирались. Оттуда поступало столько, сколько считали правильным местные вожаки. Возмещать недостачу приходилось за счет уездов центра. Партии шляхты и их служителей, а также казаки делали это столь усердно, что от «нормальных» грабежей поборы отличали лишь легальные полномочия. Неудивительно, что через несколько месяцев началась спонтанная борьба городов и уездов против тушинцев. Она почти сразу приобрела национальный характер: в центре, в Заволжье действовали по преимуществу польско-литовские отряды. Если летом–осенью 1608 г. территория, подконтрольная Шуйскому, сжималась наподобие шагреновой кожи, то в конце 1608 – начале 1609 г. процесс пошел в обратном направлении.

Возможности городских ополчений были ограничены. На Севере и Северо-Востоке отсутствовали большие гарнизоны из приборных служилых людей, дворянских корпораций здесь почти не было, а в большинстве центральных уездов они во многом утратили боеспособность. Необходима была помощь извне. Февральский договор 1609 г., заключенный со Швецией от

имени царя его родственником князем М.В. Скопиным-Шуйским, предусматривал предоставление большого войска за деньги и в обмен на крепость Корелу с уездом. Весной шведские наемники прибыли в Новгородскую землю, в мае начался поход армии Скопина и почти одновременно рати Ф.И. Шереметева из Среднего Поволжья.

Умелые действия Скопина принесли серьезные успехи. К осени была очищена территория по Верхней и Средней Волге и начато продвижение к Москве. В конце 1609 г. рати Скопина и Шереметева соединились в Александровской слободе. В конце января 1610 г. была снята осада с Троице-Сергиева монастыря, взят Дмитров. В апреле Москва встречала колокольным звоном своих освободителей.

Впрочем, к этому моменту уже не Лжедмитрий II представлял главную опасность.

В сентябре 1609 г. началось вторжение армии во главе с польским королем Сигизмундом. Тогда же в Вильно увидела свет брошюра, в которой Россия приравнивалась к Америке: ее необходимо завоевать так же, как испанцы завоевали ацтеков, и плодородные земли раздать шляхтичам. Участие их многочисленных отрядов в российских событиях укрепило в Польше мнение о слабости соседа-соперника. Поэтому, несмотря на продолжавшуюся войну со Швецией в Прибалтике, сейм вотирует налоги на поход в Россию. Король приложил много усилий, перетягивая наемников из Тушина в свой лагерь под Смоленском. Уже осенью 1609 г. в Тушине обозначился кризис. В конце декабря 1609 г. Лжедмитрий бежит в Калугу, куда устремляются казачьи станицы, отряды приборных служилых, дворянские сотни южных уездов. Позднее, в феврале 1610 г., туда же бежит Марина. В январе-феврале имели место стычки между королевскими отрядами и русскими тушинцами. Однако большинство русских тушинцев-аристократов из двух маршрутов – в Москву или в Калугу – предпочли третий: в королевский лагерь под Смоленск. Там в феврале 1610 г. был заключен договор о предварительном избрании на русский трон сына Сигизмунда Владислава. Статьи соглашения регламентировали деятельность нового царя при сохранении московского государственно-политического устройства и православной веры.

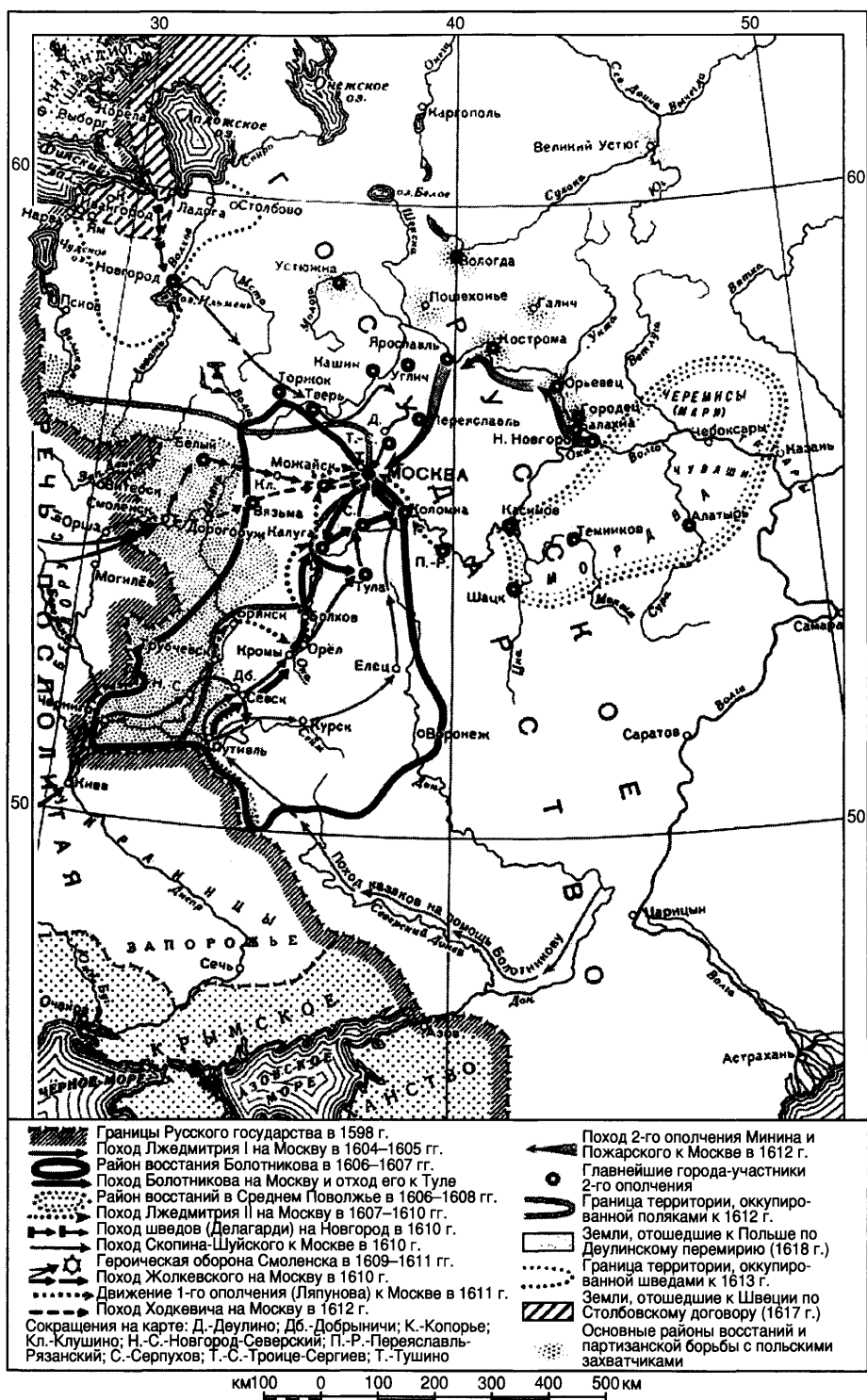
Итак, весной 1610 г. в стране имелось уже три центра с формальными правами или претензиями на власть: Москва, Калуга, королевский лагерь под Смоленском. Весной-летом ведутся вялые военные действия между Лжедмитрием II и королевскими отрядами. При этом решающим должно было стать столкновение армии Шуйского с королевской ратью. Смерть Скопина в апреле 1610 г. привела к смене командования. Русские войска с отрядами наемников из Швеции выступили к Смоленску, имея во главе царского брата, бездарного Дмитрия. Едва ли не лучший польский военачальник, коронный гетман С. Жолкевский нанес внезапный удар по русской армии и сумел склонить к измене наемников. Поражение при селе Клушине было катастрофическим: правительство Шуйского за несколько часов лишилось почти всей армии и значительных средств. К Москве устремились силы Лжедмитрия II из Калуги и корпус Жолкевского. 17 июля 1610 г. царь Василий Шуйский решением представителей сословий, оказавшихся в Москве, был сведен с престола, а затем насильно пострижен в монахи. Высшую власть приняла на

себя Боярская дума, по традиции именуемая «Семибоярщиной». Реальных военных сил у нее не было.

Заключенный Думой от имени русских сословий 17 (27) августа договор с Жолкевским утвердил избрание российским царем Владислава, причем крестоцелование на его имя началось едва ли не на следующий день. Дотошной регламентацией гарантировалась сохранность московских порядков во всех сферах жизни, включая церковь и веру. Власть будущего монарха серьезно ограничивалась в сфере законодательства, суда, внешней политики. Король обязывался вывести все свои войска из России и прекратить осаду Смоленска. Некоторые серьезные несогласия (в том числе о переходе Владислава в православие) не были преодолены. Их разрешение отложили до прямых переговоров с королем.

Статьи августовского договора обсуждались на заседаниях импровизированного Земского собора. Соборной делегации (представителей от сословий насчитывалось несколько десятков) во главе с Филаретом и боярином князем В.В. Голицыным поручили вести переговоры с Сигизмундом, поддерживая постоянную связь с Думой, патриархом Гермогеном, членами Собора в Москве. На этом фоне и для защиты от самозванца королевские войска вошли в Кремль. Фактически это грозило установлением контроля королевского коменданта над всеми институтами власти в столице. Но главное заключалось в другом. Сигизмунд и его окружение сочли ошибкой подписанный Жолкевским вариант соглашения. Не отвергая его формально, король затянул переговоры с русскими послами и практически дезавуировал договор, желая лично управлять Россией до взросления сына, вернуть Смоленск и другие области. А значит, осада Смоленска продолжалась. Русские же «простецы» никак не могли взять в толк: почему король воюет землю, монархом которой как будто стал его юный сын.

Русских послов, отказавшихся менять текст договора, в апреле 1611 г. отправили в заточение. В столице же к январю 1611 г. власть полностью перешла к королевскому коменданту Гонсевскому и тем знатым русским, которых как своих представителей направил в Москву Сигизмунд. В декабре 1610 г. был убит Лжедмитрий II. Патриарх Гермоген, вступивший в конфликт с королевскими властями в Москве, в декабре 1610 – январе 1611 г. начал рассылать грамоты по городам с призывом к освобождению столицы, за что власти практически взяли его под домашний арест. Правда, почему-то никак не сдается Смоленск, а действия короля и ситуация в Москве вызвали массовую ответную реакцию во многих регионах страны. Итогом стало рождение Первого земского ополчения с четкой политической программой – поход на Москву с целью изгнать королевский гарнизон, отказ от подчинения королю и его органам власти (а также Семибоярщине), очищение страны от войск Речи Посполитой. Возник и сословно-представительный институт во главе с П. Ляпуновым – «совет всея земли», приобретший по ходу событий функции исполнительной власти. В конце марта отряды городов и уездов Юга, Центра и Севера страны подошли к столице по трем направлениям. Там 19 марта вспыхнуло восстание москвичей. Тяжелые бои длились два дня, и только после поджога Китай-города и Белого города гарнизоном, когда выгорела почти вся застройка, выступление было подавлено. В апреле Ополчение признало незаконной власть Владислава и присягу ему. В апреле–июне ополченцы

Россия в эпоху Смутного времени

заняли большинство укреплений Белого города. Соединение отрядов ополчения под Москвой привело к структурной перестройке движения. Расширился состав «совета всея земли», по его приговору правители избрали князя Трубецкого, И. Заруцкого, П. Ляпунова (совет мог отозвать их полномочия и избрать новых), была создана система приказов (большинство дьяков и подьячих бежали из Москвы), особым приговором регулировались поземельные отношения (в пользу дворян-ополченцев) и материальное обеспечение (в пользу дворян и казаков). Централизовалось поступление доходов, запрещался самовольный сбор денег и кормов казаками. Особым приговором (после взятия Сигизмундом Смоленска) было утверждено соглашение об избрании русским царем старшего сына шведского короля Карла IX. Конфликт Ляпунова с Заруцким и провокация коменданта гарнизона привели к убийству дворянского лидера на казачьем кругу. Это вызвало отъезд из-под Москвы многих дворян и приборных служилых. Тем временем шведские войска заняли Новгород, а затем и новгородские земли. Через девять дней местные власти и сословия от имени «Новгородского государства» (а в перспективе и Московского) заключили договор об избрании правителем шведского принца. Реально управляла военная администрация шведов, опираясь на местных приказных. В Москве в это время королевские войска, их комендант и Боярская дума представляли власть Владислава. Главный же центр этой власти переместился в Речь Посполитую. Под Москвой действовало правительство Первого ополчения, но его авторитет на местах заметно ослабел. Ряд региональных центров (Путивль, Казань, Арзамас) практически не подчинялся никому. В Пскове в декабре 1611 г. в качестве царя был признан Лжедмитрий III.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде началось движение, которое постепенно объединило большинство сословий России в намерении реставрировать национальную монархию. Политическая платформа его гласила: не брать царем Ивана Дмитриевича (сына Марины), не приглашать на русский престол зарубежного претендента – освободить столицу и созвать Земский собор для избрания нового царя. Во главе ополчения встали стольник князь Дмитрий Пожарский и нижегородский земский староста Кузьма Минин. Помимо дворянских корпораций Среднего Поволжья и местных приборных служилых ядро новой рати составили дворяне Смоленской земли и соседних уездов, оставшиеся без имений и средств к существованию. Тяжелый чрезвычайный побор, собранный по инициативе Минина, обеспечил финансы на первом этапе. Походу предшествовала интенсивная переписка с советами многих городов.

Первый план прямого похода к Москве не был реализован. Ополчение двинулось вверх по Волге до Ярославля. К нему присоединялись все города и уезды по дороге. Упредив казаков Первого ополчения, отряды Второго появились в Ярославле ранней весной 1612 г. уже как общероссийская сила. В стране возник еще один военно-политический центр – «Совет всея земли». В Ярославль съехались депутаты от духовенства, представители двора,

служилых дворян, приборных людей, горожан и даже от черносошных и дворцовых крестьян. В общем деле были объединены все главные тяглецы и воины.

Угроза прорыва корпуса гетмана Ходкевича к польскому гарнизону в Москве вынудила предводителей ускорить поход к столице. Это вызвало кризис в Первом ополчении. Заруцкий с тремя тысячами казаков, захватив по дороге из Коломны Марину с сыном, направился в Рязанский край. Оставшиеся станицы и дворянские отряды под предводительством Трубецкого соблюдали нейтралитет. Лишь в критический момент сражения с Ходкевичем в конце августа они поддержали Второе ополчение. Гетман в главном успеха не достиг. Гарнизон в Кремле остался без продовольствия, припасов и резервов. Его судьба была предreshена: 27 октября 1612 г. два полка королевского гарнизона капитулировали, Москва была освобождена. Попытка Сигизмунда с небольшими силами переломить ход событий оказалась и запоздавшей, и неудачной. Узнав о сдаче гарнизона, он повернул в Польшу.

В конце сентября началось слияние обоих ополчений. В ноябре–декабре 1612 г. большинство дворян разъехалось по имениям, так что в столице численно преобладали казаки. Первые грамоты с призывом избирать депутатов на Земский собор были направлены по городам в ноябре. Заседания Собора открылись в Успенском соборе Кремля в первой декаде января 1613 г. Полагалось избирать по 10 человек от города при сохранении перечня сословий, использованного в Совете всея земли, включая черносошных крестьян. Традиционные и ведущие курии Собора – Освященный собор, Дума, московские чины двора (включая приказных) – сохраняли свою роль.

СОСЛОВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В СМУТУ

Первый Земский собор состоялся в феврале 1549 г. и всего за вторую половину XVI в. было не более четырех случаев созыва общегосударственных институтов сословного представительства.

Другое дело годы Смуты. Только за 1606–1607, 1610–1611 гг. состоялось более 20 соборов или соборных заседаний. В 1613–1614 и 1616 гг. можно говорить о двух-трех сессиях собора примерно одного состава в течение года.

Рассматривался широкий круг вопросов: от избрания нового царя (1606, 1610, 1611, 1613 гг.) и обсуждения важнейших международных договоров (1616 г.) до рассмотрения принципиальных финансовых и налоговых проблем (с 1613 по 1618 г.) и общего «устроения земли» после «разорения» в Смуту (1619 г.).

Принципиально изменилась не позднее 1611 г. процедура выборов (они стали реальностью) и сословный состав депутатов соборов: на соборах 1612–1613 гг. были представлены черносошные и дворцовые крестьяне. Известна квота представительства: 10 депутатов от города с уездом (1613 г.), процедура выборов (выборным должны были давать наказы). Увеличилась численность депутатов (в 1613 г., видимо, от 700 до 800 чел.).

Специальным решением постановили не рассматривать иностранные кандидатуры, равно как и кандидатуру сына Марины. Всего на январских обсуждениях фигурировало около десятка имен, цвет российской знати. Наиболее серьезными казались шансы князя Д.Т. Трубецкого, потратившего огромные средства на прямой и косвенный подкуп казаков. Среди пре-

тендентов фигурировало и имя Пожарского, но он не пользовался большой популярностью у казаков. Когда отбор кандидата зашел в тупик, вновь возникло имя шведского королевича Карла Филиппа (его старший брат Густав Адольф уже правил Швецией). В качестве компромисса была предложена фигура 16-летнего Михаила Романова, сына митрополита Филарета. В его пользу говорило родство с последней династией (царь Федор Иоаннович по матери приходился двоюродным братом Филарету), юный возраст (это предполагало его безгрешность перед Богом и неучастие в Смуте), малочисленность родового клана, широкие связи отца, попавшего в польский плен, отстаивая национальные интересы. Под сильным давлением казаков кандидатура Михаила получила предварительное одобрение 7 февраля. Специально посланные лица удостоверили на местах согласие с таким решением. 21 февраля торжественный акт окончательно подтвердил выбор нового российского царя.

Смута не закончилась фактом избрания Михаила царем, хотя бы уже потому, что без международного урегулирования нельзя было считать гражданскую войну завершенной, продолжались отдельные крестьянские выступления, движения и восстания казачества. Заруцкий попытался в 1612 г. на окраинах Рязанщины собрать антиправительственные силы из мелких дворян, приборных служилых, вольного казачества и некоторых групп крестьянства. В его распоряжении был реальный и «законный» претендент на российский трон: сын Марины от Лжедмитрия II. Тем не менее его затея не удалась. После поражения под Воронежем летом 1613 г. он бежал в Астрахань. Попытки создать здесь очаг казачьего движения или же отдалиться под покровительство персидского шаха оказались безрезультатны. Летом 1614 г. Заруцкого и Марину с сыном арестовали на Яике. Той же осенью Заруцкий и малолетний Иван были казнены в Москве, а Марина Мнишек вскоре умерла в заключении.

В 1615 г. вспыхнуло казацкое «восстание Баловня». Выступления казаков тех лет всегда связаны с массовыми грабежами и разбоями по маршруту движения. Их подпитывали усилившиеся за годы Смуты антидворянские настроения казаков. Особая опасность восстания Баловня проистекала из незащищенности столицы в момент появления в начале июля 1615 г. казачьих отрядов. Когда подтянулись правительственные войска, обманном путем удалось отсечь предводителей от основных сил и неожиданно напасть на таборы казаков. Сам Баловень с 36 товарищами был повешен в Москве, десятки других – в крепостях. Никогда более войско вольных казаков не достигало таких размеров, и никогда беспомощное правительство не находилось длительное время в столь унижительном положении. Последний поход Владислава в Россию в 1617–1618 гг. сопровождался переходом части казаков на его сторону. Позднее значительные группы казаков получили поместья по индивидуальным нормам или коллективно. Они составили важный элемент российской армии.

Открытая агрессия Речи Посполитой против России продолжалась с 1609 по 1613 г., а затем в 1617–1618 гг. Швеция приступила к захвату российских земель в 1611 г. Если действия на Карельском перешейке и в Новгородской земле были удачны для шведов, то их попытки захватить Кольский полуостров, Заонежские погосты и южное Беломорье завершились провалом. Такой же результат имело наступление на Тихвин. В 1615 г. сам Густав Адольф предпринимает осаду Пскова, оказавшуюся безуспешной. В итоге Швеция пошла на переговоры; по Столбовскому миру, заключенному в 1619 г., за ней осталась Ижорская земля, Карела с уездом, сохранились невыгодные для России статьи Тязвинского мира 1595 г., гарантирующие полный контроль над русской торговлей на Балтике. Но Новгородская земля была возвращена России, а Карл Филипп полностью отказался от претензий на российский трон.

В принципе нуждалась в свободе рук и Речь Посполитая. Сейм 1616 г. вотировал последний поход королевича Владислава в Россию в погоне за троном. Походу предшествовали безуспешные попытки русской армии взять Смоленск и столь же неудачные попытки переговоров при посредстве Империи. Новый всплеск войны лишь подчеркнул бесперспективность дальнейшей интервенции. Правда, отряды гетмана запорожцев Сагайдачного прошли огнем и мечом по южному и юго-западному региону страны. Тем не менее 1 декабря 1618 г., после неудачного штурма Москвы, в деревеньке Дедулино неподалеку от Троицкого монастыря было подписано перемирие. Его условия были крайне тяжелыми для России: она уступала Речи Посполитой Смоленск с уездом, Себеж с округой, Чернигов, Новгород-Северский, Дорогобуж и некоторые другие города. В ряде мест граница вернулась на рубежи 90-х годов XV в. Но самое существенное – Владислав не отказался от своих прав на русский трон. Важным пунктом соглашения был размен пленных – в Россию должны были вернуться все оставшиеся в живых члены Великого посольства, попавшие в плен при взятии Смоленска и в последнюю кампанию (в том числе отец царя митрополит Филарет).

Последствия Смуты для развития страны были катастрофичны. После нее роль России в системе европейских политических и экономических связей во многом ослабла. К примеру, южная граница была просто распахнута, восстанавливать ее начали только через двадцать лет. Долгие годы насилий и грабежей, связанные во многом с действиями иноземных войск, не могли не усилить ксенофобию в русском обществе. В Европе, расколовшейся в канун Тридцатилетней войны на два лагеря, Россия естественным ходом событий была вовлечена в антигабсбургскую коалицию. Но в рамках этого лагеря она оказалась на периферии. Потребовалась половина столетия, чтобы преодолеть самые негативные последствия Смуты в международном положении России. Только при Петре I был решен балтийский вопрос, столь актуальный для страны во второй половине XVI – начале XVII в.

В экономическом плане Смута оказалась долговременным, мощным откатом назад. Мерзость запустения – это словосочетание было буквально приложимо к огромным областям страны. Относительное восстановление аграрного производства произошло только в середине – третьей четверти

XVII в. Если в ходе гражданской войны некоторые тенденции и явления некрепостнического свойства проявились резче и сильнее, то экономические и социальные результаты Смуты усилили факторы крепостнического порядка. Вольное казачество в качестве военного сословия с традиционным обеспечением в виде кормлений – явление, не нуждающееся в крепостном режиме. И наоборот, начавшаяся трансформация верстанных казаков в помещиков – путь к развитию с крепостнической ориентацией. Фактическая отмена ограничений крестьянского перехода была продиктована реалиями Смуты. Но когда стали преодолевать ее последствия, первое, за что ухватилось правительство в 20-е годы, – восстановление запрета на право перехода крестьян и удлинение сроков сыска беглых.

Еще одна черта: никогда, вплоть до 1861 г., Россия не знала такого всплеска деятельности институтов сословного представительства. Функционировали Земские соборы (в том числе «советы всея земли») с резко расширившимся составом, усилением реальных выборов и заметно возросшими прерогативами, включая ряд функций исполнительной власти. Областные (городовые) же институты представительства местных сословных групп были вообще новостью. Однако участие в подобных органах воспринималось скорее как новая обременительная служба, а не способ достижения своих групповых интересов, и в дальнейшем деятельность таких представительных институтов в центре и на местах постепенно замирает.

Гражданская война начала XVII в. переполнена насилием и смертями. Недаром она открывает столетие, прозванное в России «бунташным». Бесспорно, Смута обострила патриотическое осознание всеми сословиями самостоятельной исторической судьбы России. Естественно возникшая тяга к восстановлению государственной самостоятельности и единства оказалась сильнее тенденций к распаду – в обществе, во всех регионах страны. Но цена за это была уплачена великая.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

Конец XV – XVI в. – время возникновения мировой системы экономических отношений, основанных на международном разделении труда и тесных экономических связях между европейскими странами и регионами. XVI век уже знает войны за контроль над путями, которые связывали отдельные регионы; показательно, что в таких войнах участвовали не самые развитые в экономическом отношении государства. К концу столетия столкновение интересов европейских держав в Азии, Африке и Америке будет оказывать серьезное воздействие на европейскую политику.

В первой половине XVI в. интенсификация международных связей ознаменовалась переходом в Западной Европе к современной системе организации посольской службы – постоянным дипломатическим представительствам. Эта система зародилась в Италии в 80-е годы XV в. После начала Итальянских войн ее переняли Франция и Испания, с 10-х годов XVI в. – Папское государство, с 20-х годов – Англия. К середине XVI в. такую практику заимствовало большинство европейских государств.

Тенденция к созданию общеевропейской политической системы парадоксальным образом осуществлялась посредством резко усилившихся факторов дезинтеграции, расколовших католическую Европу в конфессиональном отношении. В борьбе противодействующих сил средневековые взгляды на систему европейских государств постепенно уступили место доктрине «государственного интереса». Что касается политического сознания в рамках католического универсума, то до XVI в. актуальными оставались вопросы о границах высшей власти императора, римского папы, королей и, следовательно, о полноте суверенитета отдельных государств. Если «теократическая мечта» римских первосвященников была навсегда похоронена Авиньонским пленением пап в начале XIV в., то с идеей имперского универсализма дело обстояло иначе. Карл V в первой половине XVI в. в стремлении к европейской гегемонии опирался именно на представление о высшей власти императора как светского главы католического мира, тогда как папа был его духовным главой. Наследник римских кесарей, император был один, как и папа. Из европейских монархов только он при коронации получал свою корону из рук римского первосвященника (королей венчали на царство архиепископы) и потому обладал особой сакральностью. Однако фактически имперский универсализм в куда меньшей мере мог опереться на ресурсы политически рыхлой Священной Римской империи, чем на силу находившейся под его скипетром Испании с ее огромными колониальными владениями, что и обнаружилось сразу после отречения Карла V. Затем религиозный раскол лишил в глазах протестантского мира доктрину об исключительности императорской власти ее идеологической основы.

Наступил новый этап внешнеполитической борьбы, когда с середины XVI до середины XVII в., от Тридентского собора до Вестфальского мира, на

первый план выступил конфессиональный фактор, – борьба протестантизма против перешедшего в контрнаступление католичества.

Угроза духовным и материальным приобретениям Реформации выглядела тем более опасной, что страны, принявшие протестантизм, на первых порах были гораздо слабее оставшихся верными «папизму». Между тем ударной силой католицизма сразу же стала Испания, утвердившая свое политическое преобладание в Западной Европе после Като-Камбрезийского мира 1559 г. и тесно связанная династическими узами с империей австрийских Габсбургов. Контрреформация давала удобное обоснование гегемонистским устремлениям Габсбургов. Чувство общей опасности породило настроения конфессиональной солидарности во всех протестантских странах.

При неблагоприятном для протестантизма исходном соотношении сил неудивительно, что он испытал ряд поражений и утратил многие уже завоеванные им позиции, особенно в Центральной и Восточной Европе. Однако попытки вернуть в лоно католичества самые передовые в экономическом отношении страны, Северные Нидерланды и Англию, провалились. К тому же противники Габсбургов из числа католических государств, прежде всего Франция, вынуждены были искать себе союзников среди протестантских стран, что вело к образованию коалиций на политической основе и объективно подготавливало секуляризацию европейской политики.

* * *

На рубеже XV–XVI вв. Великие географические открытия привели к небывалому расширению европейской политики. Отныне к различным противоречиям между европейскими странами добавилось соперничество за колонии. Однако до второй половины XVI в. эта борьба редко приводила к острым столкновениям – слишком велика была добыча, доставшаяся на долю каждой из двух ведущих колониальных держав, Испании и Португалии, в то время как Англия, Франция и другие страны еще запаздывали со своим выходом на арену колониальных предприятий.

Испанская колониальная империя стала одной из опор политической гегемонии Испании в Европе. В первые годы XVI в. обозначается еще одно направление колониальной экспансии Испании – североафриканское. Помимо непосредственной заинтересованности каталонского купечества в контроле над североафриканской и транссахарской торговлей, эта политика диктовалась и широкими стратегическими соображениями: овладев Триполи, испанцы оказались у ворот Египта в то самое время, когда португальская блокада на Индийском океане ослабила султанат. В Алжире испанцы столкнулись с противодействием и в 1516 г. были разбиты. Именно в это время стратегическая обстановка в Средиземноморье резко изменилась. Османский султан Селим I (1512–1520), разгромив 24 августа 1516 г. близ Халеба (Алеппо) войска египетского султаната, вступил в январе 1517 г. в Каир. Сирия, Палестина и Египет вошли в состав Османской державы. В 1520 г. был признан сюзеренитет турецкого султана над Алжиром. Отныне испанские интересы в Северной Африке пришли в столкновение с османскими, и история этой борьбы тесно переплелась с историей всей европейской политики, в частности с Итальянскими войнами.

К концу XV в. политическая ситуация в Западной Европе изменилась благодаря укреплению монархий и внутренней консолидации во Франции, Испании и Англии, где были заложены основы современных национальных государств, тогда как Германия и Италия оставались разделенными.

Франция, богатая хозяйственными ресурсами, превосходившая соседей численностью населения, обладавшая компактной территорией и опытной армией, была готова к ведению активной внешней политики, к борьбе за гегемонию в Западной Европе. Одновременно выступает на сцену и ее главный противник. Династическая уния Кастилии и Арагона (1479) стала основой объединения Испании. Однако в отличие от Франции, всегда знавшей лишь одного короля, Испания объединяла Кастилию и Арагонскую корону, каждая из них имела свои интересы в сфере внешней политики; хотя и разнонаправленные, они не были взаимно противоречащими, напротив, союз усиливал каждую из сторон.

Интересы Франции и Испании резко сталкивались в Италии, где обе страны имели династические притязания на Неаполитанское королевство, а также в Наварре. Возможность династического союза между Испанией и Габсбургами представляла опасность для Франции. Но именно это произошло в 1496–1497 гг., когда были заключены испано-габсбургские браки. Отныне почти везде Францию окружали владения Габсбургов и их союзников. Франко-габсбургская борьба стала главным содержанием внешнеполитической истории Западной Европы вплоть до заключения в 1559 г. мира в Като-Камбрези.

В 1485 г. с приходом к власти династии Тюдоров Англия вышла из длительного периода гражданских войн и также получила возможность влиять на ход борьбы в Европе. Однако вплоть до второй половины XVI в. английская политика отличалась непоследовательностью. Многовековая традиция требовала считать главным врагом Англии Францию. В войнах против нее Англия выступала в союзе с Габсбургами, и ее успехи объяснялись тем, что силы Франции были отвлечены на борьбу с более опасным противником. С другой стороны, Англия в своей континентальной политике стремилась к поддержанию равновесия сил между Францией и Габсбургами, оказывая помощь слабейшему. Когда в 1525 г. французская армия была разгромлена при Павии и Франциск I попал в плен, Англия, также воевавшая с Францией, поспешила заключить с ней сепаратный мир, а затем и союз против Карла V с целью избавить Франциска от соблюдения тягостных условий подписанного им в плену Мадридского договора.

Гораздо более целеустремленной была политика Англии по отношению к Шотландии, направленная на то, чтобы силой, путем династических союзов или используя рознь в среде шотландской знати, навязать островной соседке свою власть. Это превращало Шотландию в естественную союзницу Франции, которая, в свою очередь, была заинтересована в том, чтобы сохранить в тылу Англии независимое от нее Шотландское государство. После того как в 1542 г. шотландский престол перешел к новорожденной Марии Стюарт, Англия предприняла энергичные усилия, чтобы принудить Шотландию к заключению брачного союза между Марией и наследником английского трона принцем Эдуардом (будущим королем Эдуардом VI). Однако планы англо-шотландской унии оказались сорваны решительными действиями Франции,

которая высадила в Шотландии свои войска; малютку-королеву вывезли во Францию, затем она стала женой дофина, будущего короля Франциска II.

Ренессансная дипломатия слабо учитывала экономические факторы. Политики мыслили категориями средневекового династического права. «Брачная дипломатия» именно в конце XV–XVI в. достигла высшей степени изощренности. Переговоры о браках между принцами и принцессами начинались со дня их рождения, при этом детально оговаривались размеры приданого, уступаемые провинции и т.п. Династическая политика часто способствовала созданию единых национальных государств, но иногда в результате подобных союзов возникали такие политические образования, как империя Карла V, в которой объединились разнородные страны. Самому Карлу, лелеявшему средневековый идеал императора как светского главы христианского мира, разнородность его владений вовсе не представлялась слабостью, да и объективно она имела свои сильные стороны.

Противоречия между государственной и этнической, языковой принадлежностью оставались постоянным явлением, хотя началось осознание важности критериев языка (приобретение Францией Прованса) или естественных географических границ (раздел Наварры по линии Пиренеев).

Крупнейшим событием европейской истории явились Итальянские войны (1494–1559). В конце XV в. Италия представляла собой богатейшую страну, которая стала колыбелью Ренессанса, но способствовавшее расцвету культуры политическое многообразие делало страну уязвимой для внешних врагов. Италии оказалось суждено стать главным полем борьбы европейских держав за гегемонию.

Итальянские войны начались как триумфальный поход французской армии, предпринятый с целью реализовать старинные династические притязания на Неаполь, где правила ветвь Арагонской династии. Политическая обстановка в Италии складывалась благоприятно: Францию поддерживали Милан, Венеция и папа. Перейдя в августе 1494 г. через Альпы, Карл VIII легко разбил неаполитанцев и в феврале 1495 г. вошёл в Неаполь. Уже через месяц обнаружилась дипломатическая неподготовленность войны: французские политики проглядели заключение в марте 1495 г. антифранцузской Венецианской лиги между Венецией, Миланом, папой, императором Максимилианом и Испанией. Французскому королю пришлось с боем отступить, в июле 1495 г. неаполитанский король вернулся в свою столицу. Казалось, буря прошла и прежнее положение восстановлено. Но вся итальянская политическая система была потрясена до основания: стали явными уязвимость страны и слабость Неаполитанского королевства, что побудило Испанию взять курс на его захват – Фердинанд Католический тоже вспомнил о своих династических правах.

В 1498 г. умер французский король Карл VIII, престол занял представитель другой ветви династии Валуа Людовик XII. Для итальянской политики Франции это оказалось кстати: новый король дополнил прежние династические притязания новыми – на Милан (Людовик XII был внуком Валентины Висконти, старшей сестры последнего миланского герцога из дома Висконти).

Война 1499–1504 гг. началась с борьбы за Милан. В октябре 1499 г. французы взяли город, Людовик XII провозгласил себя миланским герцогом.

В феврале 1500 г. герцогу Лодовико Моро удалось было с помощью швейцарских отрядов отбить свою столицу, но в апреле он был окончательно разбит, взят в плен и увезен во Францию. Настала очередь Неаполя. В ноябре 1500 г. был заключен франко-испанский договор, в 1501 г. союзники вторглись в Неаполитанское королевство и покончили с его самостоятельностью. Однако вместо его предполагавшегося раздела начались столкновения между французами и испанцами. В 1502–1504 гг. испанцы вытеснили французов из Неаполитанского королевства. Общим итогом войны 1499–1504 гг. стало падение сразу двух крупных итальянских государств: Франция оккупировала Милан, Испания – Неаполь.

Овладев Миланом и Генуей, Франция взяла курс на сближение с императором, стремясь получить от него инвеституру на Милан и выиграть время для укрепления на захваченных землях. По договору 1504 г. Людовик XII получил от Максимилиана I инвеституру на Милан.

К этому времени успехи Венеции, расширявшей свои владения во всех направлениях, восстановили против нее соседей. В начале 1508 г. разразилась война Венеции с империей, а в декабре 1508 г. франко-имперским договором в Камбре была создана антивенецианская коалиция, куда затем вошли Испания, папа римский, Феррара и Мантуя. В 1509 г. начались военные действия: Франция заняла Восточную Ломбардию с Бергамо и Брешией, а имперские войска – почти всю область Венето. Однако поддержка населения Террафермы и разногласия среди противников спасли республику. В 1510 г. с Венецией сепаратно примирились папа, получивший ее владения в Романье, в том числе Равенну, и Испания, приобретя порты в Апулии. Затем папа сразу же начал войну против Феррары, которая оставалась верной Лиге; в 1511 г. в папские владения вторглись французы. В октябре 1511 г. был заключен договор об антифранцузском военном союзе между Венецией, папой и Испанией – Священная лига; вскоре к нему присоединилась Англия. Инициатором создания новой коалиции был воинственный папа Юлий II (1503–1513), требовавший изгнать из Италии «варваров» (по иронии судьбы основную военную силу Священной лиги составляли иноземные войска – испанцы и швейцарцы). Сначала военные действия разворачивались удачно для французов, но затем Франция потеряла Милан (там была восстановлена династия Сфорца), а в сентябре 1512 г. благодаря успехам Лиги пала занимавшая профранцузскую позицию Флорентийская республика, и в город вернулись прежние правители – Медичи. Теперь Флоренция оказалась под фактическим протекторатом папы, особенно после того как умершего Юлия II в марте 1513 г. под именем Льва X сменил Джованни Медичи, сын Лоренцо Великолепного. В 1512 г. испанцы завоевали Наварру, и Фердинанд V принял титул наваррского короля. Добившись своих целей, Испания заключила в 1513 г. перемирие с Францией и больше не участвовала в военных действиях, а Венеция даже вступила в союз с французами. В декабре 1512 г. к победоносной Священной лиге примкнул бывший французский союзник император Максимилиан I.

Положение снова изменилось, когда Франция, примирившаяся в 1514 г. с Англией, уже при новом короле Франциске I (1515–1547) двинула свои войска в Ломбардию. Разбив 13–14 сентября 1515 г. при Мариньяно дотолеслывших непобедимыми швейцарцев, Франциск I вновь овладел Миланским

герцогством; папа Лев X был вынужден признать этот факт и вернуть захваченные его предшественником в 1512 г. миланские земли. В ноябре 1516 г. последовал «вечный мир» Франции с Швейцарской конфедерацией, после чего Швейцария как государство в Итальянские войны уже не вмешивалась, а в марте 1517 г. Камбрейский договор между Францией, Испанией и Империей привел к общему умиротворению на основе взаимной гарантии фактических границ. Последствия оккупации венецианских земель Камбрейской лигой были полностью ликвидированы. Таким образом, полная драматических событий война 1508–1517 гг. не привела в Италии к крупным переменам.

В июне 1519 г., после смерти Максимилиана I, императором Священной Римской империи был избран его внук, испанский король Карл. Создание империи Карла V в корне изменило и характер борьбы в Италии. Отныне Франции противостояла вся мощь объединенных сил Империи и Испании; враги – Франциск I и Карл V – стоят лицом к лицу, итальянским властителям приходится выбирать одного из двух патронов. Противоречия между итальянскими государствами перестают быть причинами крупных военных конфликтов. Политическая ситуация в Италии сильно упростилась.

Первая франко-габсбургская война (1521–1526), главным образом за обладание Миланом, шла с переменным успехом. 25 февраля 1525 г. наступила неожиданная развязка: французы были разбиты при Павии, король попал в плен. В январе 1526 г. в плену в Мадриде ему пришлось подписать мирный договор на очень тяжелых условиях: помимо полного отказа от притязаний в Италии Франция обязывалась отдать Карлу V Бургундию. После этого король был отпущен на родину.

Известие о битве при Павии всколыхнуло Италию. В мае 1526 г. в г. Коньяк был заключен союз между Франциском I и рядом итальянских государств. Участниками Коньякской лиги (1526–1529) стали папа Климент VII, Венеция и Флоренция; ее протектором объявил себя король Англии. 6 мая 1527 г. разразилась катастрофа: имперские войска взяли Рим и разграбили город, капитулировавший папа вышел из Лиги. После этого в Италию вступила французская армия, которая, повторив маршрут Карла VIII, в апреле 1528 г. начала осаду Неаполя. С моря Неаполь был блокирован флотом Франции, Венеции и Генуи. Однако неожиданный выход Генуи из коалиции ослабил силы осаждавших, и в августе 1528 г. французы, потерпев тяжелое поражение, сняли осаду Неаполя.

Договоры, заключенные в 1529 г. Карлом V с Францией и итальянскими государствами, подвели итоги его войны с Коньякской лигой. Итальянцы должны были признать неоспоримую гегемонию императора: в декабре 1529 г. был оформлен многосторонний союз Карла V с папой, Венецией, Миланом, Савойей и другими итальянскими государствами. Флорентийская республика, изгнавшая Медичи, пала после девятимесячной героической обороны в августе 1530 г.; вернувшиеся Медичи стали теперь герцогами Флоренции и верными вассалами Габсбургов. Франциск I по Камбрейскому миру (август 1529) отказался от притязаний на Италию и от феодального сюзеренитета над фактически принадлежавшими Карлу V Фландрией и Артуа; зато он был освобожден от исполнения пункта Мадридского договора об уступке Бургундии, дети его, остававшиеся в заложниках, за выкуп вернулись из плена.

Разгром Коньякской лиги означал крах последней попытки итальянских государств вести самостоятельную политику в борьбе между Францией и Империей. Перед Францией встала проблема поиска новых союзников для борьбы с Карлом V на Средиземном море, и таким союзником, в конце концов, стал османский султан.

Борьба за Италию не прекратилась, в действие вступили новые факторы, ослаблявшие империю Карла V. С 30-х годов XVI в. получил международное значение конфликт между немецкими католиками и протестантами, сплотившимися в 1531 г. в Шмалькальденскую лигу. С 40-х годов XVI в. стал явным факт антигабсбургского военного союза Франции и Турции.

Франко-габсбургская война 1536–1538 гг. началась в ответ на оккупацию имперскими войсками в октябре 1535 г. Милана после пресечения династии Сфорца. Карл V принял титул герцога Милана, город потерял даже формальную независимость. Французские войска заняли Савойю и большую часть Пьемонта с Турином. Согласно подписанному в Ницце в июне 1538 г. перемирию, Франция удержала за собой Савойю и две трети Пьемонта (одну треть, где признавалась власть савойского герцога, оккупировали имперские войска, выступавшие с ним в союзе).

В следующей войне (1542–1544) Франция впервые выступала против Карла V в союзе с Османской империей. К этому времени турецко-алжирский флот захватил инициативу в борьбе на Средиземном море. Война 1538–1540 гг. против коалиции Империи, Венеции и римского папы оказалась удачной для султана: в сентябре 1538 г. союзный флот был разбит у Превезы, Венеция по условиям мира лишилась последних владений в Пелопоннесе. Попытка Карла V в октябре 1541 г. овладеть Алжиром завершилась неудачей. В 1543 г. происходит «скандальное» для христианского мира событие: турецко-алжирский флот приходит в Марсель, соединяется там с французскими кораблями, а затем союзники осаждают и берут Ниццу, признававшую власть савойского герцога.

Исход войны 1542–1544 гг. решился не в Пьемонте, а на полях самой Франции: летом 1544 г. большая армия во главе с Карлом V вторглась в Шампань и дошла почти до стен Парижа, в то время как английская армия взяла Булонь. Все же эффектной развязки не последовало: Карл V, стремясь освободить себе руки для борьбы с немецкими протестантами, заключил с Франциском I мир в Крепи (сентябрь 1544) на условиях сохранения статус-кво. Однако в Германии Карл V так и не добился своей цели, несмотря на яркую победу его войск при Мюльберге (1547).

Последняя из Итальянских войн (1551–1559) велась уже сыном Франциска I королем Генрихом II. Первым эпизодом новой схватки стала «Пармская война» (1551–1552). Парма с прилегающей областью была в 1545 г. выделена папой Павлом III (Алессандро Фарнезе) из состава Папского государства в отдельное герцогство для своего сына. Новый папа Юлий III стремился вернуть Парму, отняв ее у семейства Фарнезе. В начавшейся войне Фарнезе поддерживали французы, а союзником папы выступил император. Столкновение завершилось успехом Франции: герцог Фарнезе удержал Парму, которая стала важным опорным пунктом французов в Северной Италии; папа, заключив перемирие с Генрихом II (апрель 1552), отказался от союза с Карлом V, перейдя к политике нейтралитета.

1552 год был удачным для Франции. Генрих II воспользовался начавшейся в Германии войной, чтобы захватить в Лотарингии имперские города Мец, Туль и Верден («три епископства»). После того как Карл V, едва не взятый в плен протестантами, был вынужден отвести войска из-под Пармы в Германию, французы нанесли новый удар в Италии. В результате организованного при французском содействии заговора и народного восстания в Сиене 27–28 июля 1552 г. из города был изгнан испанский гарнизон. Франция оказала военную помощь восставшим, и очень скоро Сиенская республика с ее важными портами на Тирренском море оказалась под фактическим французским протекторатом. В конце года император, заключив соглашение с протестантами, попытался вернуть Мец, но потерпел неудачу и в декабре 1552 г. был вынужден снять осаду.

В феврале 1556 г. в Воселле было заключено общее перемирие. Однако рассчитанное на пять лет перемирие не продлилось и года. В роли возмутителя спокойствия на этот раз выступил папа Павел IV (1555–1559). Происходя из знатного неаполитанского рода Караффа, он ненавидел властвовавших над Неаполем испанцев. Его избрание оживило надежды французских политиков на завоевание Неаполя. Заключив тайный военный союз с Францией, Павел IV в своем стремлении развязать войну вел себя крайне вызывающе по отношению к Испании. В сентябре 1556 г. испанская армия под командованием герцога Альбы вторглась в Папское государство, и папе пришлось заключить перемирие. Чтобы не потерять союзника, Генрих II возобновил войну в январе 1557 г. В июне 1557 г. войну Франции объявила Англия. Английская королева Мария Тюдор (1553–1558), еще в 1554 г. ставшая супругой испанского наследного принца Филиппа, теперь короля Филиппа II, проводила в своей стране политику Контрреформации и считала долгом поддерживать Испанию. 10 августа 1557 г. в битве при Сен-Кантене была разбита французская армия и взят в плен ее полководец, первый министр коннетабль Монморанси. Несмотря на победу Гиза над англичанами и взятие Кале (январь 1558 г.), перевес оставался на стороне испанцев.

Мир между Францией, с одной стороны, Испанией и Англией – с другой, был заключен в Като-Камбрези 2–3 апреля 1559 г. Франции пришлось отказаться от всех итальянских завоеваний (кроме маркизата Салуццо, утраченного ею впоследствии). Савойя и Пьемонт были возвращены савойскому герцогу Эммануилу Филиберту, победителю при Сен-Кантене. Генуя вновь вступила во владение Корсикой. Республика Монтальчино была отдана флорентийскому герцогу, которому еще в 1557 г. Испания уступила права на территорию уничтоженной Сиенской республики, сохранив за собой, однако, ее главные порты (Presidi). Англии пришлось расплачиваться за чуждую ее интересам политику, уступив Франции Кале. Занятые в 1552 г. французами Мец, Туль и Верден остались за Францией де-факто, без юридического обоснования.

Итальянские войны окончились. На Апеннинском полуострове и во всем Западном Средиземноморье прочно утвердилась гегемония Испании. Като-Камбрезийский мир 1559 г. открыл новый этап в истории международных отношений в Западной Европе. Испания, усилившаяся после раздела империи Карла V между его сыном Филиппом II и братом Фердинандом I (Филиппу достались не только все земли испанской короны, но и имперские владения –

Нидерланды, Милан, Франш-Конте), завладела теперь обоими «полюсами богатства» Европы – Нидерландами и Италией. Франция, напротив, вступила в эпоху гражданских войн, возможности ее внешнеполитической активности были ограничены.

С середины XVI в. во внешней политике резко возрастает значение конфессионального фактора. Тридентский собор в 1563 г. провозгласил программу Контрреформации. Защита католической веры стала ведущим принципом внешней политики Испании и духовным обоснованием ее гегемонии. Но и протестантские властители активно приходили на помощь иноземным единоверцам; большой резерв наемников для протестантских армий давала отдыхавшая от религиозных войн Германия. Роль конфессиональной солидарности в оформлении внешнеполитических союзов делается тем заметнее, что главными противниками Испании становятся протестантская Англия, а затем и освободившаяся от власти Испании кальвинистская Республика Соединенных провинций.

Авторитет Филиппа II как защитника католической веры усилила его роль в борьбе с Османской империей. Укрепив свои позиции в Италии, испанский король в союзе с другими католическими государствами смог вернуть энергичную борьбу против Турции на Средиземном море. Борьба эта была очень нелегкой. В 50-е годы XVI в. турецкое наступление на североафриканском берегу успешно продолжалось: в 1551 г. турки, выбив мальтийских рыцарей, овладели Триполи в Ливии, ряд побед над испанцами был одержан в Алжире и Тунисе. В 1560 г. союзный испанско-венецианский флот был разбит у острова Джерба близ тунисского берега. Но затем турок постигли неудачи: в 1563 г. испанцам удалось отстоять Оран, в 1565 г. они помогли мальтийским рыцарям защитить Мальту. Самым крупным военным конфликтом на Средиземном море во второй половине XVI в. была турецко-венецианская война 1570–1573 гг. за обладание Кипром, вызвавшая к жизни антитурецкую Святую лигу, участниками которой стали Венеция, Испания, папа римский, Генуя и Савойя. В ходе войны 7 октября 1571 г. союзный флот Испании и Венеции одержал победу над турками в битве при Лепанто. Эта победа лишила османский флот ореола непобедимости и имела большое моральное значение, хотя и не оказала большого влияния на исход войны. Завоеванный турками Кипр остался за ними, и Венеции пришлось признать это мирным договором 1573 г.

Вскоре был решен давний испанско-турецкий спор за контроль над Тунисом – страной, которая отделяла основную территорию Османской империи от подвластного ей Алжира. В 1574 г. турки овладели Тунисом. Этот их успех оказался последним: между Турцией и Испанией установилось перемирие, а затем Османская империя была надолго отвлечена войной с Ираном. Расширение Османской империи в Средиземноморье отныне осуществлялось только за счет островных владений слабеющей Венеции. Крупнейшей победой Филиппа II стало присоединение Португалии (1580 г.). Так под властью монарха оказались объединены две огромные колониальные державы.

После вступления в 1558 г. на трон Елизаветы I Тюдор Англия бесповоротно перешла в ряды протестантских держав, что повлияло на выбор нового длительного курса внешней политики государства. С середины XVI в. деловые круги Англии начинают всерьез интересоваться поисками новых

путей в Индию и трансокеанскими торгово-колониальными предприятиями. Но наиболее выгодной формой колониальной активности был подрыв монополии Испанской короны на торговлю с колониями в Америке. С 60-х годов XVI в. Англия становится главным врагом испано-португальской колониальной монополии.

Нидерландская революция оказала значительное влияние на развитие международных отношений. События в Нидерландах затрагивали интересы Англии, их соседа и важнейшего торгового партнера. Религиозные преследования нидерландских сторонников Реформации привели к тому, что протестантская Англия превратилась в крупнейший центр эмиграции из Нидерландов — сначала торгово-ремесленной, а затем, после репрессий герцога Альбы, и политической. Однако, даже помогая гёзам, Елизавета I ни в коем случае не хотела допустить открытой войны с Испанией, сознавая, что для этого Англия еще недостаточно сильна. Вильгельм Оранский, предпринимавший в конце 60-х годов XVI в. безуспешные вторжения в Нидерланды, рассчитывал на помощь французских гугенотов. После того как в апреле 1572 г. гёзы заняли почти всю территорию Голландии и Зеландии, Англия и Франция активизировали свою политику. Оказывая помощь восставшим, они стремились взять под свой контроль нидерландские земли.

Тем временем отношения между Англией и Испанией обострялись. В 1578 г. английский корсар Фрэнсис Дрейк захватил у перуанского побережья испанский галеон с грузом сокровищ. Несмотря на протесты испанского посла, привезенные Дрейком богатства поступили в королевскую казну. Испанский двор, ведя антианглийскую политику, поддерживал тайные сношения с содержавшейся в заточении в Англии бывшей королевой Шотландии ревностной католичкой Марией Стюарт, основной претенденткой на английский трон после смерти Елизаветы I. Еще в середине 70-х годов XVI в. Филипп II одобрил в целом план вторжения в Англию, чтобы свергнуть Елизавету и возвести на престол Марию. В январе 1584 г. из Англии был выслан замешанный в одном из заговоров против Елизаветы испанский посол. В мае 1585 г. испанское правительство распорядилось захватить все находившиеся в испанских портах английские корабли; разрыв дипломатических отношений стал фактом.

17 августа 1585 г. после долгой осады испанцы взяли Антверпен. Теперь непосредственная опасность грозила Северным Нидерландам, а их покорение могло стать прологом к вторжению в Англию. Елизавета I поспешила заключить договор с нидерландскими Генеральными штатами. Королева согласилась принять титул «протектора Нидерландов» и прислала войска под начальством графа Лестера, исполнявшего функции ее наместника; однако тот воевал неудачно. С этого времени восставшие провинции выступали на международной арене как суверенное государство, Республика Соединенных провинций. Выход Голландии на арену мировой политики значил много и для колониальной истории. Обладавшие мощным флотом Соединенные провинции были достаточно сильны, чтобы господствовать на море, основывать колонии в зонах влияния Испании и Португалии, стремясь вытеснить старых хозяев и создать на месте их бывших владений собственную колониальную империю.

Английские корабли и Непобедимая армада. Английский художник конца XVI в.
Национальный морской музей в Гринвиче

В те же годы Дрейк успешно действовал в Карибском море, грабя испанские поселения, а в 1587 г. его корабли напали на порт Кадис в Испании. Наконец, Филипп II отдал приказ о подготовке грандиозного флота для вторжения в Англию, рассчитывая возложить на себя английскую корону в соответствии с завещанием казненной в феврале 1587 г. Марии Стюарт. Это известие вызвало национальный подъем в Англии; множество частных судов вошло в состав королевского флота. Сыграл свою роль и англо-голландский союз: голландские корабли блокировали выход в море из фландрских портов транспортов с испанской десантной армией. Неудача Непобедимой армады (август 1588) отдала в руки Англии инициативу в морской войне. В 1589 г. эскадра Дрейка попыталась (правда, неудачно) высадить десант в Португалии. Английские корабли нападали на Вест-Индию. Ярким эпизодом англо-испанской войны стал поход англо-голландского флота на Кадис в 1596 г., приведший к взятию города и его разграблению.

Не достигнув своих целей в борьбе с Англией и не завершив покорения Нидерландов, Филипп II ввязался в войну во Франции. 31 декабря 1584 г. Католическая лига заключила секретный договор о союзе с Испанией. В 1590 г. испанцы вторглись во Францию, чтобы не допустить к власти гугенота Генриха Наваррского и посадить на французский трон дочь Филиппа II от брака с Елизаветой Валуа. В военные действия вмешалась и Савойя, еще в 1588 г.

отнявшая у Франции маркизат Салуццо. В 1590 г. савойская армия вошла в Прованс, в 1591 г. заняла Марсель, но затем стала терпеть поражения.

Нанести поражение королю-гугеноту испанцы не смогли; их вторжение во Францию лишь оттянуло победу Генриха IV. Зато Испании пришлось резко ослабить свои военные усилия в Нидерландах, и этим воспользовались голландцы, одержавшие в 1591–1592 гг. ряд побед под командованием Морица Нассауского. В январе 1595 г. Генрих IV объявил войну Испании и заключил в мае 1596 г. союзный договор с Англией, к которому затем присоединилась и Республика Соединенных провинций. Общий итог войны уже тогда был ясен. Франция заключила в мае 1598 г. (за четыре месяца до смерти Филиппа II) сепаратный Вервенский мир с Испанией и Савойей на основе сохранения статус-кво. Мирные договоры Испании с Англией и Соединенными провинциями были подписаны позже, в начале XVII в.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

На рубеже 70-х и 80-х годов XV в. окончательно пришла в упадок Золотая Орда. Одновременно завершилось объединение земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси под властью великих князей Московских, поставившее литовских и польских политиков перед весьма сложными проблемами. Единое Российское государство стремилось к объединению в своем составе всех восточнославянских земель, некогда входивших в Древнерусское государство. Титул «великого князя всея Руси» с начала 90-х годов XV в. стал употребляться не только внутри страны, но и в практике международных контактов. Тогда же было заявлено о правах Ивана III на княжество Киевское, «которое за собою держит Казимир, король польской, и его дети». Наконец, в конце 80-х годов началась сначала необъявленная, а затем открытая война Российского государства с Великим княжеством Литовским, означавшая новый шаг на пути «собирания» русских земель.

Война завершилась миром 1494 г., по которому в состав Российского государства вошли занятые во время военных действий часть Смоленщины (Вяземское княжество) и так называемые «верховские княжества» в бассейне верхней Оки и Угры, находившиеся ранее под литовским протекторатом. Еще большую неудачу Великое княжество Литовское понесло в войне, начавшейся в 1500 г., когда к Российскому государству отошли Северская земля с Черниговом, Новгородом-Северским и Путивлем, Брянск и ряд волостей Мстиславского княжества (на Смоленщине). Принципиальное значение имело то обстоятельство, что война завершилась в 1503 г. не «миром», а только «перемирием»: русские дипломаты официально заявили, что заключение мира невозможно, пока украинские и белорусские земли находятся под властью Ягеллонов. С этого момента напряженное состояние отношений между двумя главными восточноевропейскими державами стало постоянным. Учитывая положение дел на востоке, польские Ягеллоны отказались от открытого соперничества с Габсбургами в Центральной Европе и ограничились скрытым противодействием их политике. Австрийские Габсбурги предпринимали попытки сближения с Россией, когда стремились добиться от Ягеллонов тех или иных уступок.

Битва при Мохаче. Османская миниатюра XVI в. Фрагмент

В своих интересах этот конфликт стремилась использовать и Османская империя, которая после 50–70-х годов XV в., полностью овладев Балканами, стала великой державой не только в Азии, но и в Европе. С 20-х годов XVI в. главным объектом турецкой экспансии стало Венгерское королевство. В 1521 г. пал Белград – главный опорный пункт на южной границе королевства, в 1526 г. чешско-венгерское войско было разбито в битве при Мохаче, когда погиб и сам король Людовик (Лайош) II. В 1541 г. османы овладели столицей королевства Будой, положив начало созданию Будайского эялета, постепенно охватившего территорию Тисо-Дунайского междуречья. На юго-восточных территориях Венгерского королевства образовалось Трансильванское княжество.

Османы располагали большими ресурсами, чем Габсбурги, и в военных действиях 50–70-х годов XVI в. перевес был на их стороне. Габсбурги пытались использовать для борьбы с турками помощь Священной Римской империи. Однако для ее получения требовалось согласие «имперских чинов», а этому явно препятствовала политика Габсбургов по укреплению императорской власти и реставрации католицизма.

С 1526 по 1568 г., когда мир в Эдирне на время положил конец длительной полосе войн в Среднем Подунавье, позиции османов в этом регионе усилились, укрепилось господство Порты и над ее балканскими провинциями, и над христианскими вассальными княжествами – Молдавией и Валахией. В конце XV – начале XVI в. их правители имели некоторые возможности для самостоятельной внешней политики. Однако с распадом Венгерского королевства и с отказом Польши от активной политики на Балканах эти княжества все более зависели от османов. Возросла дань, усилилось вмешательство султана во внутренние дела княжеств, господарей для них стали

присылать из Стамбула. Дунайские княжества официально лишились права вести внешнюю политику.

В Восточной Европе две крупные державы – Великое княжество Литовское и Российское государство – к началу 80-х годов XV в. соседствовали с ханствами, возникшими после распада Золотой Орды. Об изменении соотношения сил в регионе в пользу Российского государства свидетельствует установление в конце 80-х годов XV в. русского протектората над Казанью. Враждебные друг другу татарские ханства искали поддержки у восточно-европейских держав. С середины 70-х годов XV в. на положение в регионе сильное влияние оказывала Османская империя, завоевавшая итальянские колонии в Северном Причерноморье и установившая протекторат над Крымским ханством (1475). При поддержке османов это довольно слабое государство к концу XV в. превратилось в грозную военную силу. Благодаря помощи османов, а также военно-политическому сотрудничеству с Российским государством длительная борьба Крыма и Большой Орды завершилась к 1502 г. полным разгромом последней. С этого времени внешняя политика Крымского ханства заметно меняется. Набеги крымских татар стали все более обращаться против Российского государства.

Набеги казанских и крымских татар сопровождались опустошением земель и пленением населения. Наиболее крупным был поход крымского хана Сахиб-Гирея на Москву в 1541 г., в котором вместе с крымцами участвовали отряды ногайцев и астраханских татар, а также османы. В эти годы борьба с татарскими ханствами стала самой важной задачей русской внешней политики. К середине XVI в. ее главной целью стало завоевание Казанского ханства, которое граничило с Россией.

После походов русских войск на Казань в 1547–1550 гг. от ханства отделилась и перешла в русское подданство так называемая «горная сторона» Волги, заселенная чувашами. В самой Казани возобладала военная группировка, получившая поддержку враждебных России ногайских мурз. Здесь русские войска столкнулись с упорным сопротивлением.

После взятия Казани в октябре 1552 г. война продолжалась до конца 50-х годов XVI в. Под русский протекторат попало, а в 1556 г. было присоединено к России лежавшее в низовьях Волги Астраханское ханство. Перешла на русскую сторону и оказалась в вассальной зависимости от нее и Ногайская орда. Начались сношения русского правительства с адыгейскими и кабардинскими князьями, искавшими в Москве защиту от крымского хана и султана. Все это означало резкое усиление русского влияния в регионе за счет ослабления там позиций османов. Турки попытались взять реванш, совершив в 1569 г. поход на Астрахань, закончившийся провалом, а в 1571–1572 гг. организовали вторжения крымских татар в российские земли и сами приняли в них участие. В 1571 г. крымский хан добился успехов, дойдя до Москвы, однако в 1572 г. его войска потерпели поражение при Молодях.

Тем не менее в 70–80-е годы XVI в. Османская империя находилась на вершине внешнеполитических успехов. В конце 70-х началась новая война с Ираном. Постепенно турецкие войска утвердили протекторат над грузинскими царствами, овладели Курдистаном, Арменией и Ширваном. Появление турок в Ширване создавало угрозу русскому Поволжью. Однако попытки русского правительства создать в 80-е годы новую коалицию против

турок не нашли поддержки ни в Иране, ни в Великом княжестве Литовском. Зато события 1569–1572 гг. послужили толчком для реорганизации российской сторожевой службы и для создания вдоль южного берега Оки Засечной черты – системы укреплений и лесных завалов длиной 500 км.

Колонизация земель Юга, запустевших от нашествия Золотой Орды, а затем от набегов крымцев, развивалась и в России, и особенно на юге Украины. Немалая часть беглых крестьян здесь вливалась в ряды вольного казачества. Примерно с середины XVI в. возникали казацкие поселения на Дону и в Запорожье, на границе османских владений в Восточной Европе. Казаки постоянно вели «малую войну» с крымскими улусами и гарнизонами турецких крепостей в Причерноморье. Размах их действий постепенно возрастал, выходя за рамки локальных конфликтов.

Хотя к началу 70-х годов XVI в. Османская держава, казалось, находилась на вершине могущества, на самом деле она уже вступила в полосу затяжного внутреннего кризиса. Великий везир Синан-паша, правивший делами при неспособном султани Мураде III, искал выход в новой войне, на этот раз с Габсбургами (1593–1606). Однако уже в ее начале выяснилась ошибочность этих расчетов. Армия Рудольфа II действовала успешно, на сторону Габсбургов перешли Дунайские княжества и Трансильвания. Войска валашского господаря Михая Храброго нанесли серьезное поражение османам, перенеся военные действия на земли к югу от Дуная. Однако Габсбурги не сумели воспользоваться ситуацией. Они традиционно полагались прежде всего на свою наемную армию. Дунайские княжества и Трансильванию Габсбурги рассматривали не как союзников в совместной борьбе, а как объект экспансии – и политической, и религиозной (насаждение католицизма на землях с православным и протестантским населением). Показательна судьба Михая Храброго: в 1601 г. он был убит по приказу австрийского командующего.

Мир 1606 г. восстанавливал статус-кво, однако Габсбурги освобождались от обязательства платить дань туркам. Впервые в истории османско-габсбургской борьбы было заключено соглашение, содержавшее серьезные уступки османов. Период их постоянной экспансии в Европе закончился. Символично, что по мирному договору Рудольф II был признан «Римским императором», а не «венским королем»: ранее титул «кайсар-и-Рум» входил лишь в титулатуру султана.

В сферу международных отношений, затрагивавших интересы стран Центральной и Восточной Европы, с конца XV в. были вовлечены в большей мере, чем прежде, и государства Северной Европы. Их повышенное внимание к политическому положению на Балтике вызывалось тем, что с середины XV в. стало очевидным ослабление орденских государств.

После Тринадцатилетней войны Польши с Тевтонским орденом (1454–1466) значительная часть его территории снова вошла в состав Польского королевства. Орден сохранил за собой восточную часть своих прежних владений как вассал польского короля. С начала XVI в. гроссмейстеры Ордена, избиравшиеся из виднейших немецких княжеских династий, при поддержке немецких князей и Империи пытались освободиться от зависимости и вернуть утраченные земли. Гроссмейстеру Альбрехту Гогенцоллерну удалось превратить Орден в светское протестантское княжество – герцогство Прусское, по договору 1525 г. признанное леном польского короля. Польша по-

лучила довольно широкие возможности для вмешательства во внутреннюю жизнь княжества, была создана основа для инкорпорации Пруссии в состав Польского королевства.

С конца XV в. стала заметно расти активность русского, литовского и белорусского купечества, однако прибалтийские порты для них были закрыты, как и дальнейший путь «за море» и возможность заключать сделки на месте с западноевропейскими купцами и прямо у них покупать их товары. Политику ливонских городов поддерживал откровенно враждебный по отношению к России Ливонский орден, на территории которого находились основные порты Восточной Прибалтики. Это привело к войне Российского государства с Ливонским орденом. Довольно скоро обнаружилась неспособность разных частей этого государственного объединения к согласованным действиям. Критическое положение Ордена усугублялось восстаниями местного населения – латышей и эстов. 11 мая 1558 г. русские войска заняли Нарву, на несколько десятилетий ставшую первым русским портом на Балтике. Не желая перехода Ливонии под власть России, правители Ордена нашли выход, передав его под протекторат польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II. После разгрома главных сил Ордена русскими войсками в битве под Эргеме (1560) его верхушка объявила о роспуске Ордена (1561), его земли должны были стать совместным владением Великого княжества Литовского и Польши, хотя последняя в соглашении не участвовала. Еще до этого события Дания заняла в 1559 г. острова Хиума и Сааремаа и выступила с притязаниями на некоторые земли Ордена, лежавшие на материке, а в 1561 г. Таллин перешел под власть шведского короля Эрика XIV. Владения Ордена фактически поделили четыре государства. Война России с Ливонским орденом превратилась в крупный международный конфликт, в который оказались втянуты государства Северной, Центральной и Восточной Европы.

Русскому правительству в этой войне удалось разьединить действия противников и, заключив мирные соглашения с Данией и Швецией, сосредоточить силы на войне с Сигизмундом II. В 1563 г. русские войска заняли Полоцк, сделав шаг по пути к воссоединению белорусских земель и одновременно нанеся удар по позициям Великого княжества Литовского – путь в Балтийское море по Западной Двине был перерезан. Литовские магнаты обратились за помощью к Польше. Русская политика объединения всех восточнославянских земель в одном государстве затрагивала ее интересы, ведь под властью Польши с XIV в. находилась значительная часть украинских земель. По Люблинской унии 1569 г. Польша и Великое княжество Литовское объединились в единое государство – Речь Посполитую, где при формальном равноправии сторон ведущая роль принадлежала Польше. Великое княжество Литовское утратило украинские земли, которые вошли в состав Польского королевства, ставшего соседом Российского государства.

Непрочными оказались и мирные отношения со Швецией. Овладев Таллином, та намеревалась и далее использовать свои преимущества на торговом пути, ведущем из России на Запад. С конца 60-х годов XVI в. шведское правительство начало блокаду Нарвы, а затем пошло на фактическое сотрудничество с Речью Посполитой. К концу 70-х годов XVI в. противоречия между Польско-Литовским государством и Швецией в Прибалтике отступили перед общей заинтересованностью в ослаблении России. В противовес

русская дипломатия пыталась сблизиться с Данией, которая, однако, на это не пошла.

Наличие серьезной опасности со стороны османов и Крымского ханства заставляло русское правительство постоянно держать на юге значительные силы, что влияло на ход войны в Ливонии. Швеции такая опасность не угрожала, а традиционные мирные отношения Речи Посполитой с Османской империей были упрочены выбором на польский трон в 1576 г. вассала султана трансильванского воеводы Стефана Батория.

Воздействие всех этих факторов предопределяло неудачный для России исход Ливонской войны. Развязка была лишь отсрочена пресечением со смертью польского короля Сигизмунда II династии Ягеллонов (1572). До 1576 г. в Речи Посполитой было «бескорольевье», во время которого она не проявляла внешнеполитической активности, а Иван IV оказался одним из претендентов на опустевший польский трон. Поддержка его кандидатуры частью польской шляхты имела серьезные основания, но русский претендент не получил достаточного числа голосов поддержки. Новый польский король Стефан Баторий возобновил в 1578 г. войну в неблагоприятной для России международной ситуации.

Баторий и его советники ставили целью не только вытеснение Российского государства из Ливонии, но и захват русских земель. Рассчитывая использовать недовольство части русского общества внутренней политикой Ивана IV, польский король безуспешно призывал русские сословия к восстанию против царя. Героическая оборона Пскова (1581) заставила польского короля отказаться от столь широких планов. Во время осады Пскова шведы сумели захватить Нарву. Владения Ливонского ордена поделили Речь Посполитая и Швеция. Большая часть Ливонии (вся современная Латвия и значительная часть Эстонии) отошла к Речи Посполитой. Власть польских королей к началу 80-х годов XVI в. распространилась на значительную часть Балтийского побережья, но отсутствие у них большой постоянной армии и, главное, военного флота, к созданию которого польско-литовские магнаты даже не стремились, делало позиции этой державы на Балтике очень уязвимыми. Северная Эстония с городом Таллином оказалась под властью Швеции, что гарантировало шведской казне большие финансовые поступления от торговли и давало шведам плацдарм для установления господства на балтийских торговых путях.

Новым явлением европейской политики стало изменение взаимоотношений Речи Посполитой с Габсбургами. Объявленная императором Фердинандом I блокада Российского государства, начавшего войну с Ливонским орденом, отвечала интересам польских и литовских магнатов. Но притязания Габсбургов на верховную власть над Ливонией как частью империи не встречали понимания ни в Вильно, ни в Кракове. К концу XVI в. трения сменились политическим сотрудничеством. Сигизмунд III (1587–1632), сын шведского короля Юхана III, получивший польскую корону благодаря родству с Ягеллонами, был фанатичным католиком. Современники называли его «Филиппом II Севера». Его попытки при поддержке части аристократии подготовить реставрацию католицизма в Швеции закончились неудачей и низложением со шведского трона. В Речи Посполитой, где Сигизмунд III пытался укрепить власть, его политика также вызвала недовольство дворянства, осо-

бенно протестантского. И в борьбе с недовольными, и в попытках вернуть шведский трон Сигизмунд III искал поддержки австрийских Габсбургов; наметилось сближение двух держав.

План рекатолизации страны (правда, без каких-либо изменений ее политического строя) на рубеже XVI–XVII вв. получил поддержку влиятельных группировок в Речи Посполитой. Католицизм представлялся идейной силой, способной создать успешные условия для восточной экспансии. Одним из первых проявлений новой политики стала принятая в Бресте при участии некоторых православных епископов и под давлением правительства уния Православной и Католической церквей на территории Речи Посполитой (1596), что должно было не только содействовать упрочению католицизма на белорусских и украинских землях Речи Посполитой как господствующей религии, но и создать благоприятные условия для экспансии католицизма на русские территории. Эти шаги, совпавшие с массовым переходом белорусских и украинских дворян в католическую веру и их полонизацией, имели весьма важные и далеко идущие последствия, хотя и не соответствовавшие расчетам политиков.

Изменение международной ориентации Речи Посполитой наложило отпечаток и на политику ее соседей. В начавшейся в 1600 г. войне Швеции и Речи Посполитой за передел бывших владений Ливонского ордена Сигизмунд III искал поддержки своим планам похода на лютеранскую Швецию не только у австрийских, но и у испанских Габсбургов. Обсуждался, в частности, проект отправки испанского флота на Балтийское море. Шведское правительство пошло на сближение с протестантскими державами, противниками Габсбургов. Новые тенденции в международных отношениях в регионе получили развитие в XVII в., в ходе Тридцатилетней войны и открытой интервенции Сигизмунда III в Россию.

Раздел II

СТРАНЫ ВОСТОКА

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСМАНСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ XIV – XV ВЕКОВ

Османские завоевания XIV–XV вв. сопровождались турецкой колонизацией завоеванных территорий, ассимиляцией отдельных групп местных жителей, обращением части христианского населения в ислам. В первые века турецких завоеваний переселение значительных масс населения из Анатолии на Балканы являлось частью османской государственной политики. Среди переселенцев было много кочевников, которые компактно расселились в долинах рек Марица и Вардар и в Причерноморье. Эти племена, ведя полукочевое скотоводческое хозяйство, составляли своего рода этническое целое и получили впоследствии общее название «племен юрюков» (букв. «кочевников»). Вначале из них формировались вспомогательные отряды османской армии, но уже в XVI в. их привлекали лишь для дорожно-строительных работ и разработки рудников. Насчитывая к XVI в. около 250 тысяч человек, балканские юрюки стали заметным этническим вкраплением в среду местного населения. На Балканах они включили в свой состав родственные тюркские группы, в частности татар-ногайцев, переселившихся из южнорусских степей и Крыма после распада Золотой Орды.

Кроме кочевников переселялись на новые земли и оседлые турецкие жители. Они обосновывались прежде всего в городах, а также вокруг различных объектов, передававшихся в вакф, т.е. в распоряжение мусульманских благотворительных и религиозных организаций – мечетей, медресе, караван-сараев. В вакуфных владениях собирались как вновь прибывающие люди, так и потомки различных групп военных, действовавших в этих районах в период завоеваний. Переселением и расположением на определенном месте жительства руководили османские власти. После завоевания Константинополя, который турки называли Стамбулом, часть оставшихся в живых горожан-греков была отправлена в другие города страны. На их место поселялись турки и другие мусульмане из Малой Азии и Балкан. Появились на новых землях и сипахи-тимариоты, получавшие свои тимарные пожалования в Балканском регионе. Однако в количественном отношении турецкое население на Балканах составляло меньшинство, колонизация затронула лишь восточные и центральные районы полуострова. Как считают исследователи, соотношение мусульман и христиан на Балканах никогда не превышало 1:4. Значительную массу мусульман постепенно стали составлять принявшие ислам представители покоренных народов.

Установление османского господства вызвало значительные миграционные процессы и среди местного балканского населения. Часть греческого,

болгарского и сербского населения Балкан, спасаясь от разрухи, истребления и угона в рабство, сопровождавших завоевание, уходила в горы и другие труднодоступные районы, переселялась в безопасные города и области, либо туда, куда еще не дошли турецкие завоеватели. Однако в стратегически и хозяйственно важных районах османские власти сумели количественно восстановить население.

Для этого его отдельным группам, которые использовались османами как военно-вспомогательные силы для охраны дорог, перевалов, мостов, предоставлялся особый статус. Они явились для османов той опорой в местном населении, которая была необходима, чтобы установить господство над регионом. С этой же целью практиковалось насильственное переселение значительных групп местных жителей. При заселении обезлюдившего после покорения Стамбула греков переселяли из Кафы, Трапезунда, с Пелопоннеса и островов Эгейского моря, малоазиатских и балканских городов, армян – из различных районов Анатолии и Балкан, евреев – более чем из 30 балканских городов; они приезжали также из Испании и других стран Европы, где подвергались преследованию.

Одновременно с переселениями и тюркской колонизацией шла и исламизация отдельных групп местных жителей. Она происходила как насильственно, так и добровольно. Помимо принуждения, работорговли и прямого захвата рабов, особенно женщин и девушек, исламизации способствовали и материальные стимулы. Налогообложение для мусульман устанавливалось на более низком уровне. Для части господствующего класса балканских народов переход в мусульманство способствовал сохранению прежнего социального положения. Многие из так называемых христиан-сипахи (конников), сохранившие свои небольшие землевладения (тимары) после перехода на службу к османам, вынуждены были принять ислам, так как только это позволяло надеяться на получение тимаров большого размера и в какой-то мере охраняло от произвола властей. Принявших ислам христиан с самого начала османского утверждения на Балканах было много среди крупных османских военачальников и сановников самого высшего ранга.

Имелись и другие причины обращения в ислам. Так, в районах, где с XII в. среди крестьянства получило распространение учение богомилов, Католическая и Православная церкви вели против этого учения, еретического с их точки зрения, беспощадную борьбу. В этих условиях народные массы видели в переходе в ислам избавление от религиозных гонений. Кроме того, к исламу зачастую обращались те христиане, которые в результате военных действий оказывались вынужденными покинуть прежние места обитания и обустроиваться на новых землях, не сохранив при этом ни имущества, ни старых духовных ценностей и традиций. Наиболее массовый характер исламизация приобрела в Боснии и в той части албанских земель, где проходила главная дорога османского продвижения в Европу. Такие компактные этнические массы, как боснийцы, албанцы и некоторые иные, сохраняли свое этническое самосознание, но обычно местные жители, принимавшие ислам, теряли свои этнические корни и ассимилировались турками. Добровольное принятие ислама, связанное с желанием получить облегчение податного бремени и сохранить свой привилегированный статус, отличалось наибольшей массовостью.

Правда, бывали и взрывы воинствующего исламизаторства. В период завоеваний исламизаторами выступали зачастую многочисленные исламские секты. К XVI в., когда города на Балканах стали преимущественно мусульманскими, местные власти и мусульманское большинство также выступали порой как воинствующие исламизаторы, о чем свидетельствуют балканские жития христианских мучеников. Государственной же политики, рассчитанной на массовое обращение в ислам населения Балканского полуострова, в Османской империи не существовало. Более того, уже Мехмед II Фатих начинает регулировать межконфессиональные отношения в стране. Утверждаются так называемые *миллеты* – религиозные общины, которые получали от султана официальный статус и определенную внутреннюю автономию. Первым таким миллетом был объявлен Рум миллети, т.е. православная религиозная община. Ее главой стал назначенный султаном новый православный патриарх Геннадий Схоларий. Патриархия получила резиденцию в стамбульском квартале Фанар (Фенер). Хотя ее часто называют Греческой патриархией, предоставленная ей власть распространялась на всех православных империи – греков, болгар, сербов, молдаван, валахов, позднее православных арабов и др. Немного позднее были созданы яхуди-миллети и эрмени-миллети (еврейский и армянский). Мусульмане были объявлены *миллет-и хакиме* («господствующей общностью»), представители других религий – *миллет-и махкюме* («руководимыми, подчиненными»).

Был учрежден пост шейх уль-ислама – руководителя мусульманской общины, ведущего религиозного авторитета, который издавал фетвы, т.е. религиозные заключения о законности, с точки зрения мусульманской религии, того или иного действия властей или события, происходящего в стране. Он возглавлял корпус *улемов* (исламских богословов), религиозное образование и судебную (кадийскую) систему в стране. Руководители других миллетов подобные же функции выполняли среди своей паствы. Миллеты гарантировали для своих членов свободу веры, возможность соблюдения религиозных обрядов, сохранения церковных зданий, а также определенную судебно-правовую автономию.

Все немусульмане Османской империи как жители исламского государства во всем остальном, помимо прав, предоставленных им миллетной автономией, должны были подчиняться государственному и исламскому законам. Они платили подушный налог – *джизье*. Считалось, что они платят его за то, что государство гарантирует им защиту и освобождение от службы в армии. Существовали также и некоторые другие налоги, которые немусульмане платили в больших размерах, чем мусульмане, как официальную плату за право проживания в исламском государстве. И главное, немусульмане были полностью отстранены от государственного управления. В управленческих структурах могли работать лишь мусульмане.

Несмотря на завоевательные успехи и колонизацию, для большинства районов Балкан турки продолжали считаться пришлым населением. Их этническим центром оставалась Анатолия. Именно там и на примыкающих территориях Восточной Фракии шел в конце XV – первой половине XVI в. процесс складывания турецкой народности. В этот период в Анатолии сохранялось еще много кочевых и полукочевых племенных объединений, раз-

нящихся особенностями хозяйственных традиций, языка и культуры. Однако чувство тюркской общности, связанной происхождением и историческими судьбами, страной обитания, культурой, религией, языковой близостью и новым характером хозяйствования, было уже достаточно развитым.

При этом для народности по-прежнему не было еще единого этнонима, самоназвания. Слово «турок» (тюрк) хотя и воспринималось всеми турецкими племенами, но оставалось чуждым для горожан, в самосознании которых на первый план выступала религия. Термин «османлы» (османцы, османы) также не стал этнонимом. Он означал лишь подданство либо принадлежность к правящему классу. Как этноним этот термин иногда использовался лишь за пределами страны, причем в двух вариантах – османы и оттоманы. Так же, как и термин «османлы», этноним «турок» вначале был воспринят иностранцами и средой нетурецкого населения Османской империи, а потом уже был принят самой народностью.

СКЛАДЫВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ, СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В мусульманской юридической науке (начиная с Ибн Халдуна и до современных фундаменталистских богословов) настоятельно проводится мысль, что шариат (т.е. совокупность юридических и обрядовых норм, вытекающих из тех общих положений ислама, которые изложены в Коране) может служить основой для решения любых жизненных проблем, а потому не требуется никаких иных законов, создаваемых правительством. В Османской империи кадийские (т.е. мусульманские, религиозные) суды руководствовались принципами этого общемусульманского права и его толкованием, принятым ханифитской правовой школой, считающейся наиболее гибкой из всех мусульманских правовых школ. При возникновении спорных вопросов запрашивались шейх уль-ислама, которые давали по этому поводу свои толкования – фетвы. Так как шариатское право не было кодифицировано, то эти фетвы становились определенным правовым основанием для последующих судебных решений.

Османские правители, однако, пошли дальше этой юридической практики и стали издавать законы (*канун-наме*), обобщающие складывающиеся в империи социальные отношения. Наличие канунов и шариата, т.е. двойственной системы законодательства, явилось особенностью, отличающей Османскую империю от других мусульманских государств того времени. Именно благодаря канунам османы сумели заимствовать многие порядки завоеванных ими стран. Наиболее активная законотворческая деятельность связана с двумя султанами – Мехмедом II Фатихом и Сулейманом I Кануни (Законодателем, 1520–1566).

Общественные отношения, складывавшиеся в Османской империи, опирались на исламские устои, но, будучи зафиксированными в канунах, оказывались несколько дополненными, подправленными, приближенными к тем традициям, которые османы застали в завоеванных странах. Все османское

общество было разделено на две группы – военные (*аскери*), которые были освобождены от уплаты налогов и не принимали непосредственного участия в экономической деятельности, и податное сословие – *реайа* (араб. мн. ч.; ед. ч. – *райат*). Аскери представляли собой господствующую общность завоевателей. По своим функциям они делились на «людей меча» и «людей пера», т.е. включали не только воинов, но и улемов, кадиев, чиновников финансового ведомства и т.п. Лишь аскери могли получить земельные пожалования от султана, все виды которых в источниках того времени назывались «тимары». Однако сами тимары могли различаться по размеру, формам наследования и обязанностям, возлагаемым на их получателя (к XVII в. источники фиксируют свыше 20 форм таких пожалований).

Основой тимарной системы было то, что все завоеванные земли в османском государстве считались собственностью султана. Лишь он своим распоряжением мог дать их в пользование подданным, но только для хозяйственного использования и получения дохода. Их нельзя было продавать, закладывать и т.п. На практике это предписание нарушалось, зачастую даже самими султанами. Они за особые заслуги жаловали земли, выдавая «мюльк-наме», т.е. дарственные грамоты, отдававшие земли в полную собственность. Мюльками были признаны, например, земли румелийских пограничных беев. Однако юридически такие владения на землях, принадлежавших султану, не отвечали общемусульманским религиозным предписаниям. Поэтому они не были даже формально ограждены от султанского произвола. Султан всегда мог их изъять у владельца. Мехмед II широко использовал это право для ослабления крупных беев, получивших свои земли еще во время завоевания. Потому-то эти беи, их наследники и некоторые другие получатели мюльков очень часто передавали свои земли в вакф. Такая передача гарантировала бывшему владельцу и его наследникам сохранение определенной доли дохода с пожалованного имущества. Обычно эта доля составляла 20% ежегодного дохода.

Широкая практика пожалования земли в вакф (пожертвование), что делали и сами султаны, привела к тому, что к XVII в. вакуфное землевладение стало составлять в империи около трети всех обрабатываемых земель. Это, разумеется, ограничивало экономическую мощь государства и султана. Из тех земель, которые оставались в распоряжении султана, выделялся фонд для раздачи условных пожалований османскому господствующему классу. В XIV–XVI вв. наиболее распространенный вид пожалований составляли тимары воинам-кавалеристам (*сипахи*), обязанным по приказу султана лично участвовать в военных походах, а в зависимости от получаемого дохода еще и выводить с собой какое-то число экипированных всадников. Доходы с тимара, четко фиксированные жалованной грамотой, даваемой сипахитимариоту, были частью государственных налогов, которые получатель тимара собирал в свою пользу. Увеличить свою долю тимариот не мог, так как с того же тимара некоторые налоги собирались чиновниками финансового ведомства в казну, а некоторые сборы шли в пользу их командиров по сипахийскому ополчению, также имевших и свои тимары, но более крупных размеров. Складывалась некая земельно-налоговая иерархия, которая была к тому же и военной иерархией и, более того, служила также территориальной администрацией.

До середины XV в. османское государство делилось на две крупные административные единицы – бейлербейлика. Это Анадолу, т.е. османские районы Анатолии, и Румелия (Рум, или страна Рума), как стали называться земли балканских владений османов. Их возглавляли бейлербеи, военные командиры (дословно – беи беев), осуществлявшие на территориях размещения своих сипахи и административную власть. В дальнейшем административное деление страны (с 1590 г. бейлербейства стали называть эялетами) усложнилось. Увеличилось количество бейлербейств, сами они делились на более мелкие административные единицы – санджаки. Однако суть осталась прежней. В основе территориального управления лежали армейские связи и тимарная система. Рядовые тимариоты обязаны были жить в своих санджаках и осуществлять определенные надзорные функции в отношении проживающего в их владениях крестьянства (следить за тем, чтобы земля не оставалась необработанной, контролировать поступление налогов с каждого крестьянского двора и т.п.). Это тесное переплетение армии, управленческого аппарата и тимарной системы стало основой, на которой базировалась Османская империя. Хозяйственной опорой всей этой надстроечной пирамиды было земледельческое хозяйство, отодвинувшее на задний план кочевников, не раз в XVI–XVII вв. безуспешно протестовавших против такого положения и потрясавших империю своими восстаниями.

Главную массу податного сословия империи составляли крестьяне. Османская налоговая система во многом следовала византийскому образцу, хотя основные налоги получили общемусульманские названия и установилась разница в налогообложении христиан и мусульман. После завоевания той или иной области османские власти производили перепись населения, возможных объектов налогообложения и в ней фиксировали ту рентно-налоговую практику, которая существовала до завоевания. Затем материалы этих переписей включались в «канун-наме» данного района, как узаконенная султаном система налогообложения. Используя таким образом уже сложившуюся до завоевания рентно-налоговую базу, османы формировали на ее основе свой господствующий класс и систему государственного управления. В рамки единого податного сословия они постепенно вводили и тюрко-мусульманское крестьянство, складывавшееся в стране в XIII–XVI вв. Четкая упорядоченность налоговой системы и отказ от некоторых непривычных для новых рентополучателей повинностей (например, сокращение отработочной ренты) приносили населению в первый период существования османского государства некоторое облегчение.

Тимарная система и опирающиеся на нее армия и местная администрация находились под строгим контролем центральных властей. Этому служили регулярно проводившиеся (обычно раз в 30 лет) переписи населения, объектов налогообложения, тимарных владений и т.п. Кроме военно-территориальной административной системы, состоящей из тимариотов, санджакбеев, бейлербеев и далее подчинявшейся великому везиру, существовала иерархия фискальных чиновников, также подчинявшихся великому везиру, но не через бейлербеев, а непосредственно через главу финансового ведомства – *дефтердара*, и еще более обособленной была судейская линия. Кадии не подчинялись местным властям. Округа, в которых они вершили правосудие, не совпадали с другими административными единицами. В центре они под-

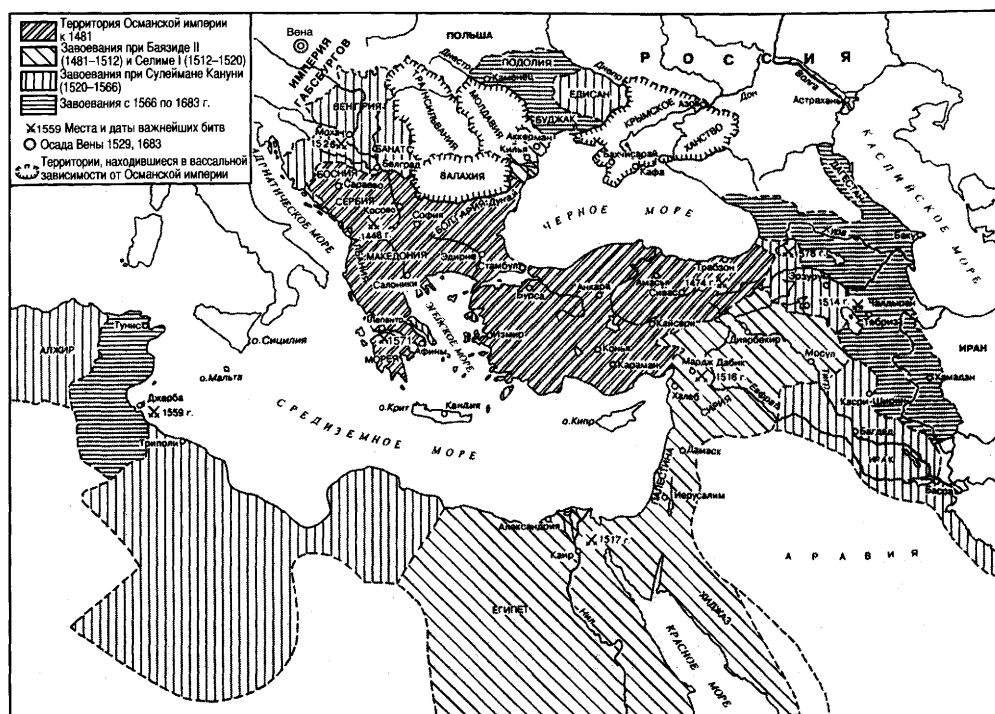
чинялись не великому везиру, а шейх уль-исламу. Переплетение функций, замкнутость всех ветвей управления на имперский центр, контроль всех за всеми заставляли эту сложную бюрократическую машину на первых порах функционировать вполне успешно.

Уже со второй половины XIV в. земельные пожалования начинают получать не только воины, но и представители управленческой верхушки государства. Размеры этих пожалований, называемых *хассы* и *арпалыки*, намного превышали тимары и *зеаметы* сипахи, однако они не передавались по наследству, а были связаны с определенной должностью и утрачивались владельцем с прекращением службы или сменой своего поста. Значительные размеры, доходы, большая имунитетная свобода ставили владельцев таких пожалований в экономически более выгодное положение, чем воинов-тимариотов, но в то же время они оказывались более зависимыми от султанского произвола.

Высшие чиновные должности в государстве постепенно переходили в руки *капыкулу* (тех султанских рабов, которых, как и янычар, воспитывали в дворцовых школах из мальчиков, взятых по *девширме*). Занимая высшие должности в государственном аппарате, капыкулу закрывали путь в имперскую администрацию и бейским фамилиям, прославленным в период первых завоеваний, и той наиболее массовой прослойке управленческого класса, которая была связана с кавалерийским тимарным ополчением. Между ними начинается соперничество за земельный фонд, все более и более уходящий в пожалования управленческой верхушке, а не воинам-сипахи. На протяжении XV–XVI вв. это соперничество помогало султанам держать в повиновении и тех и других. Однако здесь нарастали противоречия, вылившиеся к концу периода в большие социальные потрясения.

Время Сулеймана I Кануни считается периодом наивысшего расцвета Османской империи, ее «золотым веком». При нем не только была окончательно оформлена имперская государственная и общественная структура, но и установился тесный контакт между султанской властью и мусульманским духовенством. Принципиальные изменения, внесенные Сулейманом в законодательство, заключались в отмене особых привилегий и освобождения от налогов, которое распространялось в предшествующий период на довольно большие слои мусульманского населения. Это воины-крестьяне, подразделения которых были довольно значительными при первых османских правителях, наследники воинов племенных ополчений, не сумевшие получить тимары, некоторые группы кочевников. Их исключали из аскери и переводили в разряд реайи.

Большое внимание османские законы уделяли всеобщей регламентации жизни и доходов населения. Четко определялись доходы сипахи, торговцев, ремесленников, даже ростовщиков. Осуществлялось это с помощью кадиев, которые устанавливали цены на рынках почти на все продукты питания и товары широкого потребления. При этом учитывались сезон, транспортные расходы и даже возможная прибыль ремесленника, торговца или производителя сельскохозяйственной продукции, которая обычно не должна была превышать 10%. Лишь в ремесле («которое очень трудно») разрешалась прибыль в 20%. Этими же 20% ограничивался ростовщический процент, кото-

Османская империя в XVI–XVII вв.

рый официально фиксировался в кадийских судах, хотя по Корану ростовщичество считалось недопустимым.

Продолжение завоеваний, которые не прекратились после падения Византии, принесло Османской империи огромные территориальные приращения. Перед государством встала проблема включения новых земель и народов в единую имперскую структуру. Перестроить их по византийско-балканскому образцу оно не смогло. Им была предложена иная форма сосуществования в огромном государственном образовании.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАВОЕВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Лишь сокрушив Константинополь и установив свое господство над Балканским полуостровом, османские султаны смогли приступить к окончательному подчинению Анатолии. Свыше 12 лет им пришлось бороться с Караманами, которых поддерживали многие кочевые племена региона. Свою главную опору и источник власти османы видели в земле, земледельческом хозяйстве и эксплуатации крестьянства. Борьба в Анатолии, следовательно, была не просто политическим соперничеством, но и имела определенное социальное содержание. Союзником Караманов в эти годы выступило тюрко-огузское государство Ак-Коюнлу, сложившееся в верховьях Тигра и Евфрата и включившее в свой состав Азербайджан, Армению, Арабский Ирак и

Западный Иран. Дипломатическую поддержку противникам османов оказывали итальянские торговые города-республики, особенно Венеция, а также Родос и Кипр. Коалиция надеялась повторить победоносный рейд Тимура и свергнуть власть османов. Но Караманы (в 1470–1472 гг.) и правитель Ак-Коюнлу Узун-Хасан (в 1473–1475 гг.) были разбиты османскими войсками. Победоносно для османов окончилась и война с Венецией (1463–1479). По окончании войны в Венецию (впервые в Европу) было отправлено османское посольство. Речь шла тогда о возможном военном взаимодействии двух государств в районе Средиземного моря.

К концу XV в. в руках османов оказался весь малоазиатский участок важнейших караванных торговых путей, по которым издревле шли азиатские товары в Европу. Сбор таможенных пошлин с караванной торговли традиционно считался азиатскими властями наиболее важной статьей государственных доходов, а потому контроль над торговыми путями во многом определял союзников и противников в политической борьбе. Османы, включившись в посредническую торговлю шелком и пряностями и всячески поощряя ее, не внесли в нее каких-либо новшеств. Возможности же караванной торговли были ограничены, поэтому ей было трудно выдержать конкуренцию с морскими перевозками пряностей, организованными португальцами. Однако при все возрастающих европейских потребностях в восточных товарах караванная торговля еще долго сосуществовала с морской, а доходы от нее, получаемые османскими властями, на протяжении всего XVI в. продолжали расти, правда, менялись контрагенты этой торговли. Внутри страны более активно стали действовать представители народов, населявших Османскую империю (армяне, евреи, греки, турки, арабы), сменились и внешние партнеры, экспортировавшие товары в Европу (сузилась сфера деятельности венецианцев, активизировались флорентийцы и генуэзцы, а затем и их деятельности османами были поставлены определенные препоны). Сама направленность европейской торговли сдвинулась на северо-восток, что было вызвано соперничеством Венеции и Португалии в Западной Европе.

Поворот торговли делал для османов более значимыми связи с Восточной Европой, и в частности с Россией, установление межгосударственных отношений с которой датируется 1492 г., а позже начинаются довольно регулярные посольские сношения. Большее значение стало придаваться также торговым путям, которые шли через Молдавию на Львов и дальше на север и северо-восток. Не случайно османы, хотя и оставили внутреннюю самостоятельность Молдавии, Валахии и Крымскому ханству, сохраняя их на положении вассальных территорий, взяли под свое непосредственное управление важнейшие в стратегическом и торговом отношении пункты – Кафу (1475), Килию и Аккерман (1484). Те же интересы транзитной для Османской империи азиатско-европейской торговли подталкивали османов к борьбе за Восточное Средиземноморье, захвату Родоса (1522), Кипра (1571), к многочисленным войнам с Венецией.

В еще большей степени те же интересы заставляли османские власти быть очень внимательными к положению в Анатолии, которая и в начале XVI в. (т.е. после разгрома антиосмански настроенных бейликов) была охвачена многочисленными восстаниями. Идеологически они были связаны с распространенным здесь шиизмом, а также происками сложившегося к этому

времени в Иране государства Сефевидов. В создании этого нового государства активное участие принимала знать тюркских кочевых племен, в том числе пришедших под власть сефевидского шаха Исмаила из османских владений. Как уже отмечалось, в Османской империи, строившей свою общественную и государственную структуру на земледельческой хозяйственной основе, кочевые племена отстранялись от имперских структур и ставились в жесткие рамки формируемых в стране налоговых и управленческих систем. Шиизм Исмаила здесь становился знаменем политических и социальных движений, враждебных османским суннитским правителям. Под шиитские (кызылбашские, как их называли в Анатолии) знамена становились не только кочевники, но и крестьяне, и потомки знати анатолийских бейликов, утратившей власть после османских завоеваний.

Внук Мехмеда II Селим I, придя к власти в 1512 г. и желая умиротворить Анатолию, учинил массовую резню шиитов, уничтожив, как сообщают источники, до 40 тысяч человек, а затем, снарядив огромную армию, в мае 1514 г. выступил против Сефевидов. В августе 1514 г. армии Селима и Исмаила встретились в Чалдыранской долине. Султанские войска, используя свое превосходство в артиллерии и других видах огнестрельного оружия, наголову разбили войско сефевидов. Шах бежал, погибло около 50 тысяч его воинов, османы захватили огромные трофеи, в том числе шахский гарем и государственную казну. Османские войска вошли в столицу Исмаила Тебриз. Однако через несколько дней город был оставлен, а Селим начал готовить поход против мамлюкского государства, владевшего Египтом, Сирией, Палестиной, Киликией, Верхним Евфратом, Аравией и некоторыми территориями Северной Африки.

Мамлюкские правители считались тогда руководителями мусульманского мира, носителями вселенского имамата. Они организовывали хадж, покровительствовали священным городам Мекке и Медине. В Каире находились четыре верховных кадия, т.е. руководители четырех основных суннитских правовых школ (мазхабов), а также потомки аббасидских халифов. Этот центр ислама и его глава султан Кансух аль-Гури продемонстрировали в начале XVI в. неспособность противостоять как европейской экспансии, так и шиитской ереси. Наступление Испании и Португалии на мусульманский мир с запада, а затем и с юга (из Индии и со стороны Красного моря) и мамлюкская бездеятельность во время османо-кызылбашского конфликта показали, что «султаны ислама», как именовали себя мамлюкские правители, защитить мир ислама не в состоянии. Восстание бедуинов в Хиджазе в 1502–1508 гг. привело к временному приостановлению хаджа. Все это вызвало большие потрясения в сознании мусульман и заставило их перейти к поискам нового главы исламского мира.

Потому-то Селим I, отказавшись от продолжения успешно начатой войны с Сефевидами, обратил свое внимание на юг. В арабском мире он выступал как защитник ортодоксального, суннитского ислама и освободитель от чуждой местному населению мамлюкской власти. Итак, подчинив себе лишь Юго-Восточную Анатолию и Курдистан, Селим начал военные действия против мамлюков. Мамлюкская армия была разбита недалеко от Халеба (Алеппо) на Дабикском поле (Мердж-Дабик) в августе 1516 г. Османы явно превосходили противника в военно-техническом и тактическом

отношениях. Они имели прекрасную по тем временам артиллерию, хорошо освоили тактику передвижных крепостей из связанных между собой телег, разработанную чешскими таборитами, и различные средства обороны против кавалерии. Их армия отличалась дисциплинированностью и моральной сплоченностью. Мамлюки были обращены в бегство, а султан Кансух аль-Гури покончил с собой. Местное население приветствовало победителей, помогало расправляться с отступающими мамлюками, оказывало османам всевозможную помощь. Им подчинились Сирия (Ливан и Палестина считались тогда ее частью) и Хиджаз со священными городами мусульман Меккой и Мединой. Уже в Халебе Селим I в пятничной молитве (*хутбе*) был провозглашен «Хранителем обоих священных городов» (*хадим аль-хурамейн*) и, следовательно, духовным и светским главой мусульманского мира. Есть легенда о передаче ему титула халифа, т.е. наместника пророка Мухаммеда на земле, что будто бы осуществил последний Аббасидский халиф, которого султан захватил в Каире и отправил в Константинополь. Однако этот титул в начале XVI в. не имел прежнего значения, важен был не он, а то, что, подчинив новые огромные территории с мусульманским населением, османские султаны стали более активно проявлять свои теократические притязания по отношению к своим подданным и другим мусульманским государствам.

В начале 1517 г. Селим I подчинил себе Египет. Еще двигаясь к этой цитадели мамлюков, османский султан распространил воззвание к народу Египта, в котором заявлял, что пришел воевать лишь с мамлюками, всем же другим обещал амнистию, неприкосновенность личности и имущества. Феллахи (крестьяне Египта) и городские низы приветствовали османские войска. Селим запретил грабежи населения, раздавал милостыню бедным, вдовам и сиротам. После окончательного разгрома мамлюков и ликвидации их государства Селим провел в стране значительные социальные реформы. Были ликвидированы все формы мамлюкского землевладения. Земли Египта (кроме вакуфных, т.е. собственности религиозных и благотворительных организаций) фактически перешли в ведение казны. Обобществлены были также жилые дома и другая городская недвижимость мамлюков. Из государственного жилого фонда дома и квартиры сдавались в наем. Были отменены многие налоги, штрафы и подарки, традиционно собираемые мамлюками с населения. На базарах установлены твердые цены. Феллахи и вообще простой народ были объявлены находящимися под покровительством государства. Защита их и их имущества от какого-либо незаконного притеснения была возложена на кадиев. Мамлюки лишались всех своих богатств. В значительной мере утратили свои позиции и бедуины. Османы предприняли меры по защите оседлого населения от их набегов, прибегая порой даже к физическому уничтожению кочевников.

Египет и Сирия вошли в состав Османской империи как вассальные территории, обязанные платить центру ежегодную дань, содержать янычарские гарнизоны, поставлять по требованию султана армейские отряды для участия в войнах империи. Из уцелевших мамлюков Селим сформировал «корпус черкесов», которому стали выдавать небольшое жалованье.

ОСМАНЫ,
СЕВЕРНАЯ АФРИКА
И АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Успех османов в Египте, Хиджазе и Йемене (захваченном у мамлюкского наместника в 1517 г.) привел к установлению контроля над торговыми путями, проходившими через Красное море и Аденский залив. В этом районе они столкнулись с португальцами, которые контролировали территорию Омана, захватили Ормуз и Маскат (1515 г.), а также часть соседнего побережья Персии. Борьба между Османской империей и Португалией за контроль над торговлей в Индийском океане продолжалась до конца XVI в.

К западу от Египта лежали пустынные области Северной Африки, населенные многочисленными арабскими и берберскими племенами. Прибрежные города были веками включены в систему средиземноморской торговли, и между европейскими странами и Османской империей началось соперничество за контроль над побережьем, а не над внутренними частями Ливии, Туниса и Алжира. Прибрежные зоны также были центрами пиратства. Местные династии к началу XVI в. фактически не могли влиять на ход этой борьбы. Усиление в этом регионе позиций Испании, захватившей целый ряд портов (Оран – 1509, Алжир – 1510, Триполи – 1510 г.), привело к тому, что часть династий признала свою зависимость от нее. Но испанцев вскоре сменили пираты, которые предпочли признать власть Стамбула. Знаменитый Хайреддин Барбаросса из опасения начала нового наступления испанцев в 1518 г. обратился за помощью к османам. Получив ее, Хайреддин постепенно отвоевал у испанцев Алжир и Тунис, но лишь к 50–70-м годам XVI в. позиции турок на «берберском берегу» стали достаточно прочными. Подчинявшаяся османам часть Магриба была разделена на три провинции: Триполи, Тунис и Алжир. Главой провинции назначался паша. Значительную роль в управлении играли янычары.

Вне османского контроля на Севере Африки осталось лишь Марокко. В середине века (1554 г.) влиятельному роду Сааидов удалось свергнуть правящих Ваттасидов и подчинить большую часть страны своему контролю. Ахмад аль-Мансур (1578–1603, его прозвище обозначает «победоносный»), перенесший столицу в Марракеш, смог в 90-е годы XVI в. захватить часть Судана с богатыми торговыми городами Дженне, Тимбукту и Гао. Марокко теперь контролировало транссахарские торговые пути. Это обеспечивало стране приток богатств; аль-Мансура даже называли «Золотым», его двор поражал европейских послов своей роскошью. В Марракеше развернулось грандиозное строительство. Но уже к началу XVII в. захваченные в Судане города пришли в упадок.

Джентиле Беллини. Турецкий янычар.
Конец XV в. Британский музей, Лондон

Османский султан Сулейман I (1520–1566), султан Законодатель (Кануни), в Европе был прозван Сулейманом Великолепным. Именно при нем Османская империя достигла пика могущества, упрочив свою власть на огромной территории от Алжира до Багдада и от Йемена до Северного Причерноморья. Имперская столица Стамбул окончательно приняла облик мусульманского города. Несколько сот церквей было превращено в мечети, монастыри отданы под медресе и «текке» (дервишские обители). Детали многих разрушенных византийских памятников использовались при возведении дворцов султанских сановников. К Св. Софии были пристроены минареты, с которых раздавались призывы к мусульманским молитвам. А над куполом теперь уже мечети Айя-Софии засверкал золоченый полумесяц. Придворный церемониал султана к этому времени был кодифицирован по старым византийским образцам, придворная жизнь поражала пышностью и великолепием. Развивались не только законотворчество, но и турецкая культура. Сулейман сам писал стихи и всячески поощрял развитие поэзии. Из научных знаний наибольшей популярностью пользовалась математика, астрономия и все, связанное с морским делом. Имя турецкого мореплавателя Пири Рейса и его атласы вошли в историю географической науки. Знаменитый архитектор Синан создал особый стиль османской храмовой архитектуры, продолжавший многие традиции византийского зодчества. Наибольшую славу ему принесло строительство трех великолепных мечетей (Селимие, мечеть Шах-заде, Сулеймание).

Завоевательная политика Сулеймана была не менее успешна, чем у его отца. Он лично принимал участие в 13 военных кампаниях. Причем десять из них были проведены в Европе, т.е. направленность внешнеполитической экспансии страны после арабских завоеваний Селима снова изменилась, хотя и в Азии, и в Африке у империи также появились в это время важные приобретения. Так, у шиитского Ирана были отвоеваны Западная Армения, Западная Грузия и Ирак с Багдадом (1535). В 1555 г. был подписан Амасьинский мир, установивший ирано-турецкую границу.

В Европе главным соперником Сулеймана был Карл V Габсбург. Противостояние империй Сулеймана I и Карла V разворачивалось на землях Венгрии и Австрии, а также в Западном Средиземноморье, где османы, стремившиеся контролировать мореплавание и торговлю, претендовали на Северную Африку и многие острова. В 1521 г. войска Сулеймана осадили Белград, входивший тогда в состав Венгерского королевства. Взятие Белграда, а затем разгром венгерской армии под Мохачем (1526) привели к краху этого королевства, гибели короля Людовика (Лайоша II) и прекращению венгерско-чешской линии династии Ягеллонов. В дальнейшем Сулейман совершил еще несколько походов в Венгрию, которая оказалась разделенной между Габсбургами и Османской империей. Часть ее попала в руки австрийского эрцгерцога Фердинанда I, брата и наследника Карла V, часть была превращена в османский пашалык Будин, Трансильвания же сохранилась как вассальное княжество Османской империи. В 1529 г. османские войска осадили Вену.

Взять ее им не удалось. Вена осталась тем форпостом христианского мира, на котором споткнулись османские завоевания.

Во времена Сулеймана Османская империя становится крупнейшей морской державой, державшей в страхе все Средиземноморье. Был сооружен передовой по тем временам флот. Османы утвердились в Алжире (1520 г.), Тунисе (1574 г.) и Ливии (1551 г.). Лишь с Мальтой у османского султана вышла неудача. В 1556 г. он вынужден был прекратить осаду острова, так как на помощь мальтийским рыцарям пришла испанская эскадра.

В правление султана Сулеймана окончательно оформилась четкая структура Османской империи, главную опору которой составляли области, непосредственно управляемые из центра. Структура местной администрации базировалась здесь на тимарной системе. Однако по мере расширения османского государства появлялись и территории, сохранявшие особенности своей внутренней организации. Вхождение в империю для них означало лишь уплату дани, размещение в своих крепостях янычарских отрядов и участие в имперских войнах своими ополчениями. В османском законодательстве официально был признан их особый статус и дано название «эялеты с сальяне». Такой статус получили почти все арабские страны, близки к ним были также европейские пограничные княжества – Валахия, Молдавия и Трансильвания. Независимыми от центра оставались некоторые признавшие османское верховенство пограничные восточные районы (например, курдские), сохранившие свою доосманскую внутреннюю организацию. Лишь в административном подчинении числились шерифы Мекки и крымские ханы.

Сулейман Кануни был последним османским султаном, который издавал законы. После него законодательная деятельность султанов формально прекратилась. Перестали издаваться «канун-наме», а появились «адалет-наме», т.е. некие «рескрипты справедливости», целью которых считалось не введение новых правил или постановлений, а напоминание о старых законах, необходимости их исполнения и тем самым восстановления «справедливости». Как «бидат» (т.е. ересь, религиозное преступление) стали восприниматься любые нововведения. И это не случайно. В период бурного территориального расширения XVI в. развитие османской общественной структуры вглубь прекратилось. Встал вопрос о сохранении того, что было достигнуто. Отсюда проистекает строгая и порой мелочная регламентация и двойное, светское (через кануны – законы) и шариатское, освящение всех тех институтов и структур, на которых базировалось османское государство. Были строго зафиксированы доходы сипахи, торговцев, ремесленников, даже ростовщиков. Контролировалось это кадиями, которые устанавливали также цены на рынках. При этом учитывались сезон и транспортные расходы; определялась разрешенная прибыль. Порядок, установленный в стране при Сулеймане, впоследствии стал вспоминаться как некий «золотой век» Османской империи, к которому мечтали вернуться.

При Сулеймане же сложились основы союзных отношений османского государства с некоторыми европейскими странами. Инициатором здесь оказалась Франция, которая, как и Сулейман, враждовала с империей Карла V и видела в османах возможного союзника. В 1534 г. в Стамбул прибыл первый

Сулейман Великолепный. Гравюра XVI в.

французский посол. Между двумя странами была достигнута договоренность о совместных военных действиях против Габсбургов, в частности турецким пиратам из Алжира было разрешено пользоваться Тулонской гаванью, чтобы совершать рейды на испанское побережье. Несколько позднее, в 1553 г., султан предоставил в распоряжение французского короля свой флот, за что король должен был уплатить султану 300 тысяч золотых ливров. Тогда же начались переговоры о торговых привилегиях французских купцов в Османской империи. В 1569 г. был обнародован султанский рескрипт, дававший им освобождение от налогов, право экстерриториальности, низкие ввозные пошлины. Эти торговые льготы были односторонними. Впоследствии подобные соглашения, получившие название «капитуляций» (главы,

статьи), сыграли отрицательную роль в судьбах Османского государства, создав благоприятные условия для экономической зависимости империи от европейского капитала. На первых же порах они рассматривались как милость султана, действовали лишь на период его правления, и в них тогда не было ничего неправомерного.

Османская империя, осознавая свою военную силу, не стремилась приобщиться к принятым в среде европейских стран нормам и правилам дипломатии. Она исходила из мусульманского представления о христианских странах как «территории войны», в которой лишь покорностью и уплатой хараджа (податей) неверные могут купить мир с мусульманами. Поэтому соглашения о военной помощи и сотрудничестве типа тех, что были установлены с французскими королями Франциском I и Генрихом II, воспринимались османскими властями как изъявление покорности со стороны последних, подобной вассальной зависимости, а полученные денежные суммы в качестве дани вассала. Торговые же привилегии иностранным купцам представлялись в виде льгот покорным вассалам.

ДИНАСТИЙНАЯ БОРЬБА И ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ ВНУТРЕННЕГО КРИЗИСА

В сохранившихся источниках, передающих текст указа Мехмеда II Фатиха 1478 г., есть статья о том, что наследник султана имеет право убить своих братьев, чтобы не возникало распрей и внутридинастийных смут. Однако угроза гибели лишь обострила соперничество между сыновьями султана.

Уже смерть Мехмеда II ознаменовалась борьбой двух братьев – Джема и Баязида. Победил Баязид, сумевший привлечь на свою сторону янычарский корпус, после чего он значительно увеличил жалование янычарам и ввел обычай платить им *бакшиш* (подачку, взятку, подарок) при вступлении на трон нового султана. Баязид II (1481–1512) попытался отойти от политики своего отца, восстанавливая мюльки и вакфы, конфискованные при Мехмеде. Этим он надеялся привлечь поддержку старой земельной бейской аристократии и улемов в борьбе с Джемом, бежавшим в Анатолию и оттуда продолжавшим сопротивление правящему султану. Позднее Джем укрылся на Родосе, а затем в Италии. Он стал игрушкой в руках европейской (особенно папской) дипломатии, пытавшейся использовать его в своих интересах. В 1494 г. Джем, находившийся при войске французского короля Карла VIII, умер при неясных обстоятельствах. Земельные преобразования Баязида оказались незначительными и не изменили общей направленности развития страны. Сам же он был свергнут с престола своим сыном Селимом, который поднял мятеж, а став султаном, приказал убить всех своих братьев, племянников и других родственников мужского пола, оставив в живых лишь сына Сулеймана. В правление Сулеймана I (1520–1566) его сыновья Мустафа, Баязид и Джихангир были уничтожены еще при жизни отца. В гибели старшего сына Мустафы была повинна любимая жена султана Роксолана (Хюррем-султан), расчищавшая путь к престолу своим детям. Интриги Роксоланы послужили также причиной отставки ряда везиров и даже казни влиятельнейшего в свое время везира Ибрахим-паши (1523–1536), с именем которого связано сближение империи с Францией.

К концу XVI в. в османской державе явно проявляются симптомы внутреннего кризиса. Начинаются массовые восстания в Анатолии. Усиливается недовольство балканских народов. Наиболее широкой формой его проявления стало гайдучество, партизанское движение слабо связанных между собой отрядов, имевших широкую поддержку местного населения. Вспыхивают восстания в приграничных вассальных княжествах – Молдавии, Валахии и Трансильвании. В 1598 г. произошло выступление в Тырново, выдвинувшее лозунг восстановления болгарского государства. Все эти волнения быстро подавлялись войсками империи, но свидетельствовали о неблагополучии, нараставшем в имперском сообществе. Ностальгия по прошлому и попытки сохранить старый социальный порядок стали характерными чертами для общественных настроений османского общества следующих двух веков.

Тимуриды в Иране. После падения державы ильханов в середине XIV в. на территории Ирана и прилегающих территорий параллельно существовали государства Сарбадаров, Музаффаридов, Джалаиридов, Куртов, во главе которых стояли тюрко-монгольские или местные династии. В 80–90-е годы XIV в. все эти государства пали под ударами войск чагатайского эмира Тимура (1369–1405) и вошли в его огромную империю, простиравшуюся от Средней Азии до Персидского залива и от Закавказья до Северной Индии. На западных рубежах своей империи, в Анатолии, Тимур восстановил целый ряд мелких тюркских эмиратов, которые ранее утратили свою самостоятельность под напором османов.

Военная мощь Тимура вызвала интерес к нему при дворах европейских владык и в Византии. Обеспокоенные крупными успехами османов на Балканах, они стали искать контактов с Тимуром, рассчитывая на его помощь против османской угрозы. Дипломатические контакты Тимура с христианскими государствами – Византией, Генуей, Францией, Англией и Кастилией – нередко осуществлялись при посредничестве Великих Комнинов, которые в 1402 г. признали сюзеренитет Тимура. Добившись полной международной изоляции Османского государства, в июле 1402 г. в сражении под Анкарой Тимур разгромил османскую армию, а султана Баязида I взял в плен.

После смерти Тимура между его сыновьями и внуками разгорелась борьба, в результате которой империя быстро распалась на множество мелких уделов. В Иране власть принадлежала внуку Тимура Халил-Султану. Поглощенный борьбой за восточную столицу Тимуридов Самарканд, он не смог противостоять новому кочевому объединению, которое образовалось в Западном Иране, – конфедерации туркменских племен Кара-Коюнлу («Черные бараны»). В 1408 г. тимуридская армия во главе с отцом Халил-Султана Мираншахом была наголову разбита султаном Кара-Коюнлу Кара-Юсуфом. За несколько лет Кара-Коюнлу захватили большую часть Азербайджана, Армению, Курдистан и Ирак (Арабский), сделав столицей своей державы Тебриз.

Тем временем борьба Тимуридов в Средней Азии завершилась в пользу младшего сына Тимура Шахруха (1409–1447). Своей столицей Шахрух сделал Герат, где правил еще с 1397 г., оставив правителями Мавераннахра и Балха своих сыновей – Улугбека и Ибрахим-Султана. Герат при Шахрухе превратился в важный культурный центр благодаря покровительству, которое Шахрух и его приближенные оказывали ученым и деятелям искусств из мусульманского мира. Сын Шахруха Байсункар основал в Герате Китаб-хана («Библиотека»), прославившуюся работами каллиграфов и миниатюристов.

Унаследованная от Тимура антиосманская ориентация объективно делала Шахруха потенциальным союзником Византии и европейских государств. В поддержании контактов между христианскими державами и Ираном большая роль принадлежала еще одному объединению туркменских племен – Ак-Коюнлу («Белые бараны»), правители которого были связаны друже-

ственными (в том числе и матримониальными) отношениями с Великими Комнинами. В 1431 г. послы правителя Ак-Коюнлу прибыли ко двору императора Сигизмунда I Люксембурга, чтобы информировать его об антиосманских планах Шахруха.

При преемниках Шахруха политическая раздробленность Ирана только усугубилась. Из-под власти Тимуридов вышла конфедерация Кара-Коюнлу, правитель которой, Джахан-шах (1436–1467), с 1435 г. признавал себя вассалом Шахруха. В 1458 г. Джахан-шах даже на короткое время захватил Герат, но затем оставил город, договорившись с правившим в Мавераннахре и Хорасане тимуридом Абу Саидом о том, что границей между их владениями будет пустыня Деште-Кевир.

Кочевая конфедерация Ак-Коюнлу. Соперничавшая с Кара-Коюнлу туркменская знать Ак-Коюнлу, преодолев внутренние смуты 30-х – середины 50-х годов XV в., сплотилась под властью Узун-Хасана («Длинный Хасан», 1457–1478), при котором государство Ак-Коюнлу достигло своего расцвета. В 1467 г. Узун-Хасан на Мушской равнине (в Армении) разгромил войска Кара-Коюнлу. Джахан-шах был убит, а вскоре погибли и оба его сына. Большая часть подвластных им племен вошла в состав Ак-Коюнлу. Абу Саид двинулся было на помощь Кара-Коюнлу, но попал в плен к Узун-Хасану и был казнен. Узун-Хасан вскоре отвоевал у Тимуридов почти весь Иран. В результате Ак-Коюнлу превратилось в крупное государство со столицей в Тебризе.

С этого времени главным противником Ак-Коюнлу стали османские султаны, особенно усилившиеся после захвата ими Константинополя в 1453 г. и перекрывшие восточным купцам свободный доступ к Черному и Средиземному морям. В целях создания антиосманской коалиции Узун-Хасан поддерживал дружеские отношения с Великими Комнинами (он был женат на дочери Иоанна IV Феодоре), наладил дипломатические контакты с Венецией и другими итальянскими государствами, Венгрией, Чехией, Польшей, Германией, Бургундией, Московским государством. Однако эта коалиция оказалась нежизнеспособной и не помешала османам в 1461 г. занять Трапезунд и ликвидировать Трапезундскую империю. В 1473 г. при Терджане (в верховьях Евфрата) войско «белобаранных» было разбито османами, в результате чего Ак-Коюнлу лишилось своих малоазийских территорий.

От дальнейших поражений со стороны набиравшей силу Османской империи конфедерацию не спасли даже реформы, которые пытались осуществить правители Ак-Коюнлу. Преемник Узун-Хасана Йакуб (1478–1490), желая усилить централизацию государства, стал опираться не на вождей кочевых объединений туркмен, а на местную иранскую бюрократию и оседлую знать. Чтобы прекратить разбазаривание фонда государственных земель и упорядочить налогообложение, он провел перепись земель, а также стал лишать налогового иммунитета владельцев *союргалов*, которые фактически превратились из военных ленников, какими они были при Тимуридах, в наследственных владельцев земли. Эти меры вызвали решительное сопротивление туркменской знати, и после смерти Йакуба реформы быстро сошли на нет. Последнюю попытку укрепить центральную власть предпринял в 1497 г. султан Ахмад. По примеру Йакуба он сократил налоги и отнимал у кочевой знати союргалы, не останавливаясь перед казнью тех, кто оказывал особен-

но упорное сопротивление. Не процарствовавший и года султан был убит мятежниками.

В результате вспыхнувшей междоусобицы государство Ак-Коюнлу в 1500 г. распалось на две части. В Северо-Западном Иране с центром в Тебризе воцарился султан Алванд, а в Центральном и Южном Иране, а также Ираке (Арабском), со столицей в Исфахане – султан Мурад. Самостоятельными стали правители Гиляна и Мазандарана. В Ардебиле укрепились шейхи Сефевиды, сумевшие привлечь на свою сторону некоторые туркменские племена, главы которых не поддержали ни Алванда, ни Мурада.

Возвышение Сефевидов. Во главе объединения Ирана встала династия шейхов Сефевидов из Иранского Азербайджана, которые привели персидскую империю к могуществу и величию. Родоначальник и эпоним Сефевидов шейх Сафи ад-Дин (1252–1334) на рубеже XIII–XIV вв. основал в азербайджанском городе Ардебиле суфийский орден *сафавийа*, последователи которого были алевитами, т.е. исповедовали неортодоксальный шиизм. В XV в. сефевидские шейхи пользовались огромным влиянием в Азербайджане и прилегающих к нему районах Малой Азии, где среди сторонников ордена преобладали племена кочевников-туркмен. Членов ордена называли *кызылбаши* («красноголовые») за излюбленный ими головной убор в виде чалмы, украшенной двенадцатью пурпурными полосами по числу шиитских имамов.

В конце XV в., когда кызылбаши приступили к внешней экспансии, их предводителем был шейх Исмаил (род. в 1486/87 г.). По отцовской линии он являлся потомком Сафи ад-Дина, а его матерью была Халима-бегум, дочь трапезундской принцессы Феодоры и султана Ак-Коюнлу Узун-Хасана. На рубеже XV–XVI вв. кызылбаши разгромили Ак-Коюнлу и на территории Иранского Азербайджана создали собственное государство, первым правителем которого и стал Исмаил I (1502–1524).

Новое государство называлось *доулет-е кызылбаш*, т.е. Кызылбашское государство (1502–1736). Исмаил считался *пиром* (старейшиной, религиозным наставником) кызылбашей, а последние, в свою очередь, его *мюридами* (последователями). Начиная с Исмаила, сефевидские правители носили титул *шахиншах-е Иран*, использование которого свидетельствует о том, что Сефевиды осознавали себя наследниками древних правителей Ирана. В западноевропейских источниках государство Сефевидов называлось Персией. Государственной религией Сефевидского Ирана стал ортодоксальный шиизм («двунадесятничество»), который исповедовало большинство иранского населения и который мог рассматриваться как объединяющий фактор в условиях перманентных войн с мусульманами-суннитами (османами и узбеками).

В 1502 г. Исмаил I взял крупнейший город Ирана Тебриз, ставший первой столицей государства Сефевидов. В последующие десять лет Исмаил подчинил Армению, Курдистан, Ирак, Фарс, Хузистан, Гилян и Мазандаран. Исмаил строил планы захвата Мекки и вторжения в арабские земли, находившиеся под властью мамлюков. Завоевания кызылбашей сопровождались массовым террором и разрушениями: они жгли деревни, разрушали мечети и суннитские святыни, устраивали показательные казни. Экстремизм кызылбашей вызывал ненависть к ним со стороны мусульман-суннитов, которых заставляли переходить в шиизм.

Стремительное укрепление позиций кызылбашей в Закавказье, Курдистане и Месопотамии объективно делало Сефевидских владык соперниками османских султанов. Кроме того, султаны – приверженцы суннитского ислама – не могли быть уверены в политической лояльности малоазийских шиитов-кочевников и крестьян, лишь сравнительно недавно ставших подданными империи. Восстания под шиитскими лозунгами прокатились по Анатолии в 1508, 1511–1513, 1519 гг. и были подавлены с большим трудом.

Уже при Исмаиле I началась долгая и упорная борьба Сефевидов и османов за Закавказье, Ирак и Месопотамию. Особым ожесточением отличались войны за Багдад и Месопотамию, поскольку южнее Багдада лежали главные священные города шиитов – Кербела с гробницей Хусейна и Неджеф с гробницей Али. Кроме того, обладание Нижней Месопотамией позволяло контролировать международную торговлю через портовый город Басру в устье Евфрата. В Персидском заливе уже в начале XVI в. обе державы столкнулись с португальцами, уничтожившими при Диу в 1509 г. египетский флот и ставшими серьезной политической силой в бассейне Индийского океана. Португальцы, играя на противоречиях между османами и Сефевидами, в 1513 г. вступили в переговоры с Исмаилом I, надеясь закрепиться в Ормузе – одном из важнейших центров мировой торговли.

Первое же крупное сражение Исмаила с османской армией Селима I Явуза на Чалдыранской равнине (к востоку от оз. Ван) 23 августа 1514 г. закончилось полным разгромом кызылбашей, которые, по свидетельству арабского историка Ибн Ийаса, потеряли около 50 тысяч воинов. Сам Исмаил еле спасся. Турки победили благодаря мощной артиллерии, которой у Исмаила не было вовсе. В руки османов попала огромная добыча, в том числе золотой трон шаха, находящийся сейчас в стамбульском музее Топкапы. В 1516 г. кызылбаши потерпели еще одно поражение от османов близ Мардина, результатом которого стала утрата ими Верхней Месопотамии.

Сломленный военным поражением, Исмаил обратился к дипломатии. Он установил контакты с европейскими владыками – папой римским, императором Карлом V, венгерским и португальским королями, правителем Родоса и Венецией, – призывая их заключить союз для совместной борьбы с осма-

Портрет шаха Исмаила. Неизвестный художник. Начало XVI в. Галерея Уффици, Флоренция

нами. В 1515 г. Сефевиды в обмен на военный союз против османов уступили Ормуз португальцам, которые еще с 1507 г. начали строить там свою крепость и разместили в ней большой гарнизон. Португальцы также получили право на сбор таможенных пошлин в портовых городах Восточной Азии. Они фактически перекрыли морские торговые связи Сефевидского Ирана со странами Индийского океана, что в перспективе привело к усилению позиций в этом регионе голландской Ост-Индской компании, купцы которой стали посредниками в торговых отношениях Ирана со странами Юго-Восточной Азии.

На востоке главным соперником Сефевидов были узбекские ханы Шейбаниды. В начале XVI в. предводители узбеков братья Мухаммад Шейбани и Махмуд-султан – потомки Шибана, сына Джучи, – вторглись из Южной Сибири в Среднюю Азию. Там они быстро захватили у ослабленных междоусобной борьбой Тимуридов Бухару, Самарканд и Хорезм, Герат в Афганистане, Астрабад и другие города. Вскоре Мавераннахр и часть Хорасана почти на целый век оказались под властью этой ветви Шейбанидов.

Пока власть Шейбанидов в Мавераннахре и Хорасане не укрепилась, кызылбашам удалось войти в Самарканд и овладеть на несколько лет большей частью Мавераннахра. В 1510 г. Сефевиды одержали блестящую победу над узбеками в битве под Гератом, в которой погиб Мухаммад Шейбани.

После покорения Герата на службу к Сефевидам перешел знаменитый художник Бехзад (ок. 1455–1535), ставший главой придворных художников и управителем шахской библиотеки в Тебризе. Начиная со школы Бехзада расцветает искусство персидской книжной миниатюры в Тебризе. Одним из шедевров этой мастерской является рукопись персидского эпоса «Шахнаме», выполненная при шахе Тахмаспе и содержащая более 250 великолепных миниатюр (ныне в разных коллекциях). Впоследствии в Казвине и Исфахане получают распространение и другие виды персидской миниатюры – жанровая живопись со свободным сюжетом на отдельных листках и лаковых предметах. Когда в 1827 г. русские войска под командованием И.Ф. Паскевича взяли Ардебиль, они вывезли оттуда часть библиотеки Сефевидов, находившейся при гробнице сефевидских шахов (их по традиции хоронили в этом городе). Рукописи затем остались в России как компенсация за убийство в Тегеране в 1829 г. российского посла А.С. Грибоедова.

Весь Иран и другие области, подчиненные кызылбашам, были разделены между предводителями семи главных кызылбашских племен (шамлу, румлу, устаджлу, текелю, афшар, каджар, зулкадар) и их воинами. Прежнее население изгонялось с территорий, перешедших под власть кызылбашей. Вся земля подразделялась на несколько категорий: *юрт* (земли кочевых племен), *дивани* (казенные земли), *хассе* (домены шаха и его родственников), *вакуфы* (не облагаемые налогами неотчуждаемые земли, переданные владельцем на религиозные или благотворительные нужды исламской общине, государству или отдельному лицу). Уже при первых Сефевидях земли стали жаловать на правах *тиула* – ренты-налога с определенной территории, даваемой представителям знати и служилым людям на период выполнения ими должностных обязанностей. Крестьяне юридически считались свободными, но, помимо уплаты ренты (*харадж*), составлявшей 15–20% от урожая, они несли множество других повинностей. Для горожан сохранялся введенный еще монго-

лами налог на ремесло и торговлю – *танга*; кроме того, они по приказу властей должны были заниматься строительными работами.

При Исмаиле I центральная власть держалась в значительной мере на авторитете самого шаха. Ему так и не удалось обуздать кызылбашских эмиров, стремившихся к безраздельному господству в Сефевидском государстве. Из числа кызылбашей назначались военачальники, наместники провинций, придворные сановники, включая *векиля* («заместитель»), или *амир ал-ума* («глава эмиров», т.е. высшей кызылбашской знати) – второго после шаха лица в государстве. Первым векилем был воспитатель и сподвижник Исмаила Хусейн-бек шамлу. Пытаясь найти социальную опору среди местного населения, Исмаил в 1507–1508 гг. передал эту должность иранцам, но поскольку вторая из подобранных им кандидатур оказалась крайне неудачной, то впоследствии пост векила вновь оказался в руках кызылбашской знати. Таким образом, политика Исмаила, направленная на ослабление кызылбашской знати, не увенчалась успехом.

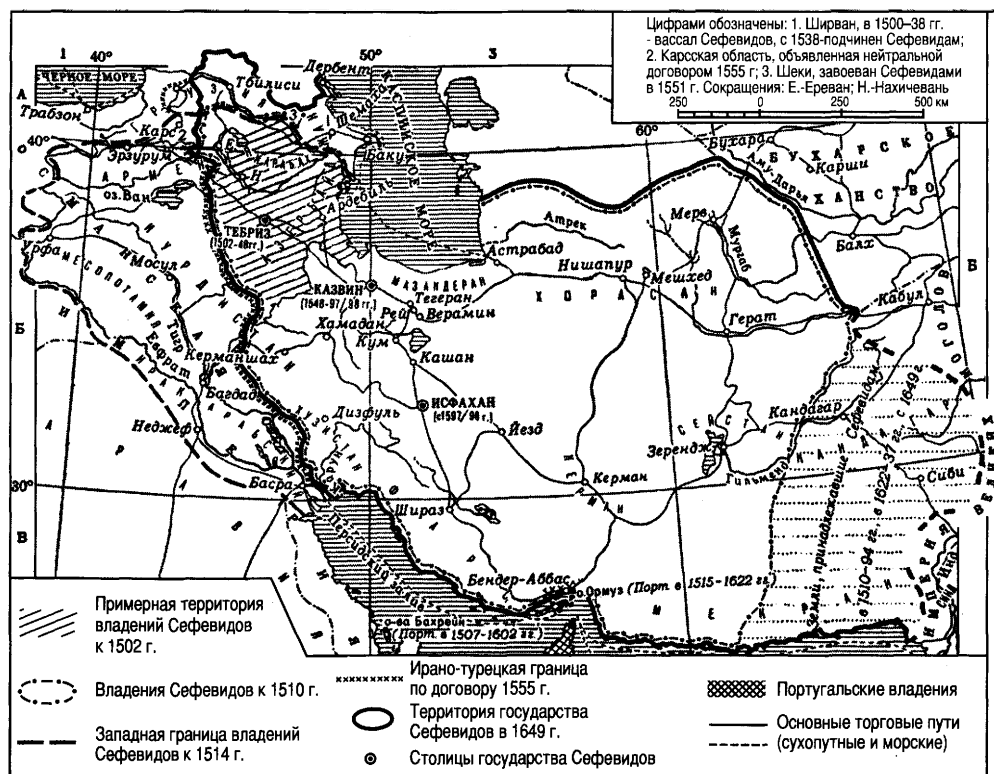
При преемниках Исмаила I центральная власть стала еще больше слабеть, что привело к усилению самовластия и произвола на местах. Старший сын Исмаила Тахмасп I (1524–1576) полностью зависел от кызылбашей, главы которых непрерывно враждовали между собой. Однажды они чуть не ранили Тахмасапа, устроив перестрелку прямо в шахском шатре. Отдельные кызылбашские эмиры переходили на службу к османскому султану, как это сделал, к примеру, Улама-бек Текелю накануне османского наступления в 1533–1534 гг.

Внутренней слабостью Сефевидского государства не преминули воспользоваться соседи. На востоке узбеки, преемники Мухаммада Шейбани, перешли Амударью и совершали постоянные вторжения в Хорасан, где им удалось захватить некоторые города, включая Мерв и Тус. Но наиболее существенные потери Сефевиды понесли на западе.

В 1533–1555 гг. османы отвоевали у Ирана Западную Армению, Курдистан и Арабский Ирак. Кроме того, османские войска постоянно угрожали Тебризу и трижды брали город (в 1533, 1534 и 1548 гг.), что вынудило Тахмасапа в 1548 г. перенести столицу в Казвин. Полунезависимые правители Басры и Восточной Аравии, формально находившиеся под сюзеренитетом Сефевидов, добровольно признали власть султана. Впоследствии османские позиции в Ираке и Восточной Аравии ни Сефевиды, ни португальцы уже не смогли подорвать. Стремясь совершенно вытеснить португальцев из Персидского залива и Индийского океана, османские султаны даже снаряжали экспедиции в Индию, пытаясь таким образом помогать тамошним правителям в их борьбе против португальцев. С 1561 г., чтобы избежать нападений со стороны турок, португальские торговые корабли выходили из Ормуза с военным эскортом.

После мирного соглашения с османами, заключенного в Амасье в 1555 г. и признававшего права османов на Ирак, Тахмасп всячески избегал вооруженных конфликтов с Турцией. В 1561 г. он даже выдал османскому султану Сулейману I Кануни его сына Баязида, который в 1559 г. поднял мятеж против отца и ушел со своими сторонниками в Иран.

Несмотря на военные неудачи, Сефевиды оставались важным игроком на международной арене. При дворе Тахмасапа нашел приют правитель

Иран в XVI–XVII вв.

Могольской империи Хумаюн, который в 1540 г. был свергнут своим вассалом Шер-шахом Суром. Через 15 лет при помощи Тахмаспа Хумаюн вернул себе престол.

Тахмасп, как и Исмаил I, поддерживал связи с европейскими государствами. В его правление началось проникновение в Иран англичан, которые пытались через территорию России и Ирана наладить сухопутную связь со Средней Азией и Индией. В 50–80-е годы XVI в. Иран посетило несколько посольств агентов и служащих английской Московской компании, наиболее известным из которых является миссия Энтони Дженкинсона начала 60-х годов XVI в. При Тахмаспе установились дипломатические отношения с Московским государством. После взятия Казани Иваном IV Грозным Иран и Москва обменялись посольствами. Дальнейшему сближению двух государств способствовала обоюдная заинтересованность в союзе против Османской империи.

После смерти шаха Тахмаспа в 1576 г. шахская власть пришла в совершенный упадок. Среди его двенадцати сыновей, опиравшихся на поддержку тех или иных кызылбашских эмиров, началась междоусобная война. Согласно традиции, каждый шахский сын имел в качестве воспитателя (*леле*) предводителя одного из кызылбашских племен. Когда после смерти Тахмаспа эмиры племени устаджлу провозгласили шахом своего воспитанника

Хайдара-мирзу, это вызвало недовольство других племен, завершившееся убийством Хайдара. Предводители племени афшар посадили на трон его брата Исмаила II (1576–1577), который убил своих шестерых братьев, но это не стабилизировало обстановку, так как Исмаил своими заигрываниями с суннитами быстро настроил против себя кызылбашскую знать и шиитское духовенство. После внезапной смерти Исмаила II на престол взошел его брат Мухаммад Ходабенде (1577–1587) – болезненный и слабовольный человек, совершенно равнодушный к государственным делам. По словам персидского историка XVI в. Шараф-хана Бидлиси, при шахе Мухаммаде самые видные кызылбашские эмиры заключили соглашение, по которому разделили Иран между собой, оставив шаху лишь титул.

Междоусобица ослабила Иран не только в политическом, но и в экономическом отношении, чем не преминули воспользоваться его соседи. Османский султан Мурад III возобновил военные действия против Ирана, пытаясь захватить Восточное Закавказье. В 80-х годах XVI в. турки овладели Ширваном и Азербайджаном, в 1585 г. захватили и разграбили Тебриз. На востоке узбекский хан Бухары отнял у Ирана часть Хорасана (включая Мерв и Мешхед) и афганских земель с Гератом. В борьбу за другие афганские земли, принадлежавшие Ирану, включились могольские правители Индии.

Внешние войны и междоусобицы истощили государственную казну, а разорение захватчиками крупных иранских городов практически парализовало торговлю и разрушило экономику страны. В середине 80-х годов XVI в. Иран находился на грани полного распада.

В начале XVI в. территория Индии была разделена на владения многочисленных мусульманских и индусских династий. Некоторые из них охватывали обширные земли и играли роль региональных лидеров (Делийский султанат, Гуджарат, Голконда, Биджапур, Виджаянагар), другие же были расположены в периферийных районах субконтинента и мало влияли на «большую политику» (Ассам, Хандеш, Малва, Бенгалия, Орисса, Синд и другие).

ДЕЛИЙСКИЙ И ГУДЖАРАТСКИЙ СУЛТАНАТЫ

Некогда могучий Делийский султанат после его разгрома Тимуром в 1398 г. охватывал только среднюю часть бассейна Ганга и Джамны. Там у власти с 1451 г. находилась афганская династия Лоди. Сикандар-шах (1489–1517) несколько расширил пределы государства и попытался приструнить афганскую вольницу, считавшую султана «первым среди равных». Начались уже позабытые к тому времени проверки налоговой отчетности, казни за растраты и хищения. Но Сикандар проявил себя и как ревностный, фанатичный мусульманин. Во время его правления вновь стали разрушать индусские храмы. Индусам было запрещено совершать религиозные омовения в Джамне, цирюльникам – брить индусских паломников. Рассказывают, что некий брахман был убит только за то, что в присутствии мусульман заявил, что его религия не хуже ислама. Сын Сикандара Ибрахим Лоди (1517–1526) попытался продолжить политику отца по укреплению власти, но его жестокость вызвала ряд восстаний. Правитель раджпутского княжества Мевар *рана* Санга (1509–1528, клан Сесодия) благодаря успешным действиям против Ибрахима Лоди значительно расширил свои владения за счет земель Делийского султаната. Жесткая внутренняя политика и военные неудачи султана привели к тому, что часть афганской знати пригласила вторгнуться в Индию правителя Кабула Захир-ад-дина Бабура. В 1526 г. Делийский султанат был уничтожен, и на Севере Индии возникла Могольская империя.

Расположенный юго-западнее Гуджаратский султанат достиг наибольшего могущества при Абу-л Фатх Махмуде, более известным под прозвищем (точное значение которого неизвестно) Махмуд Бегара (1458–1511). Он провел достаточно успешные реформы, пытался упорядочить управление, стремился развивать сельское хозяйство, ремесла, всячески поощрял торговлю. При нем Гуджарат превратился в процветающий край, «мастерскую Индии» и один из главных центров внешней торговли. Впрочем, именно это привлекло сюда европейцев, которые стали основывать фактории на побережье Гуджарата. Султаны Гуджарата постоянно враждовали с восточными соседями – султанатами Хандеш (между реками Нарбада и Тапти) и Малва. Успеху Гуджарата в противостоянии с Малвой способствовала внутривосточная

борьба в княжестве, в котором большую роль играли индусы, занимая ряд ключевых постов в управлении. Это вызвало соперничество с мусульманской знатью, не желающей терять политическое влияние. Кажущаяся победа индусской группировки, монополизировавшей государственное управление при султани-мусульманине, привела к оттоку мусульман из Малвы, ее ослаблению и захвату Гуджаратом в 1531 г. Тем не менее в течение XVI в. сам гуджаратский султанат постепенно слабел. Это позволило португальцам закрепиться во многих портах Гуджарата, а затем облегчило Моголам его завоевание и включение в свою империю в 1573 г.

СУЛТАНАТЫ ДЕКАНА

В центральной части Индии на смену распавшемуся в конце XV в. государству Бахманидов пришел целый ряд султанатов (Биджапур, Голконда, Ахмаднагар, Бидар и Берар), активно боровшихся друг с другом, Ориссой и расположенной южнее империей Виджаянагар. Наиболее сильными из них были Биджапур в Западном Декане и Голконда в Восточном Декане. Династии Адил-шахи в Биджапуре и Кутб-шахи в Голконде были шиитскими. Это усиливало отчуждение между ними и североиндийскими государствами, в которых основная масса мусульман принадлежала к суннитам. Деканские государства, особенно Биджапур, имели тесные отношения с шиитским Ираном. Оттуда поступали новые кадры военных, а также кони, являвшиеся в то время важным стратегическим товаром. Основную массу населения деканских султанатов продолжали составлять представители различных индусских этносов. В XVI в. на территории Голконды шел процесс культурного становления народа *андхра* (телугу), на территории Биджапура — *маратхов*.

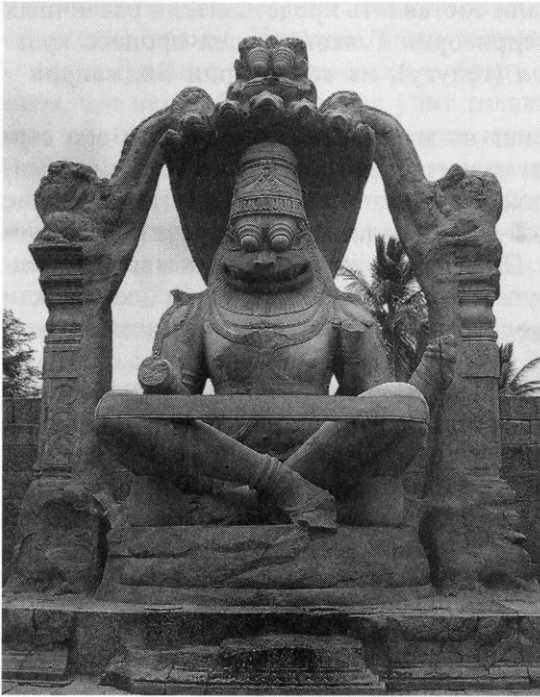
Основатель Биджапура был женат на маратхской женщине, и она стала матерью его наследника. Индусы назначались на высокие посты в администрации. Языком официальной документации был маратхи. Привлечение маратхских территориальных вождей с их отрядами в армию султана позволяло значительно усилить ее мощь. Правда, это же обстоятельство впоследствии оказалось губительным для государства. Усилившись, маратхские вожди повели борьбу за независимость и ослабили султанат перед лицом могольского натиска.

В Голконде индусы также играли важную роль в государстве. Ибрахим Кутб-шах (1550–1580) был женат на представительнице «телугу». Он поддерживал телужскую культуру: покровительствовал брахманам и храмам, поощрял развитие языка телугу, при его дворе творили поэты, ставшие основателями телужской литературы. Религиозные праздники обеих конфессий проводились совместно. Архитектурный стиль построек в городах того времени несет явные следы индусского влияния. Тем не менее сохранились сведения о разрушении храмов и насильственном обращении в ислам.

Столетиями Индия славилась своими драгоценными камнями, особенно алмазами. Привлеченные рассказами о сказочных богатствах Индии, многие купцы отправлялись туда за драгоценностями. До эпохи Великих географических открытий алмазы попадали в Европу по части Шелкового пути, проходившей через Персию. Но после того как португальцы обосновались в Гоа, драгоценные камни стали экспортировать по морю в Лиссабон, а оттуда в Антверпен, где располагалась в то время главная алмазная биржа. Одно из месторождений алмазов было расположено на территории Голконды и в течение нескольких веков приносило значительный доход правителям этого государства. Богатые купцы брали на откуп алмазоносные участки и разрабатывали их при помощи наемных землекопов, отдавая губернаторам часть найденных камней. Французский путешественник Жан-Батист Тавернье (1605–1689), сам являвшийся ювелиром и несколько раз ездивший в Индию, чтобы приобрести там драгоценные камни, особое внимание в записях о своих поездках (1676) уделил рассказу об алмазных копях, различных способах обработки камней и системе торговли драгоценными камнями, оставив целый ряд интересных зарисовок.

Благодаря приморскому положению Голконда и Биджапур вели активную внешнюю торговлю. Торговые пошлины составляли важную часть государственных доходов. В 1510 г. португальцы захватили порт Гоа и прилегающие территории. В 1570 г. Али Адил-шах попытался вытеснить португальцев из Гоа, но потерпел поражение. Однако к концу XVI в. отношения Биджапура с

португальцами стабилизировались. После утраты Гоа у Биджапура оставалось несколько важных портов, в том числе Чаул и Дабхол, что позволило султанату сохранить доходы от внешней торговли.

Статуя Лакшми Нарасимхи. Город Виджаянагар. Индия

ВИДЖАЯНАГАР

К югу от деканских султанов в начале XVI в. продолжала процветать империя Виджаянагар. С 1505 г. начинается правление новой династии, второй правитель которой Кришнадеварая (1509–1529) снова превратил Виджаянагар в могущественное государство. Он огнем и мечом подчинил своих вассалов, максимально раздвинул границы империи (на севере – до р. Кришна), активно вмешивался в распри деканских султанов. Его двор

стал центром наук и искусств. От его времени осталось много монументальных и красивых построек, в первую очередь в столице империи – городе Виджаянагар (совр. Хампи). Союз Виджаянагара с португальцами давал Кришнадеварайе значительные торговые и политические выгоды. Португальцы продавали лошадей для кавалерии ему, а не в Биджапур и Голконду.

Но Виджаянагар не превратился в централизованное государство с разветвленным административным аппаратом. Над империей висела постоянная угроза распада. Правитель должен был поддерживать свой престиж, лично напоминая вассалам об их зависимости. В поэме «Райявачакам», предположительно отражающей реалии времени Кришнадеварайи, первый министр советует государю: «Ничего нельзя узнать, если находиться в одном месте. Необходимо... чтобы люди... знали, что Ваше Величество поддерживает свою славу, объезжая царство по всем направлениям в сопровождении армии... с тем чтобы внушать страх в сердца врагов и подчиненных владык».

Империя состояла из 10 провинций, во главе которых стояли военачальники (*данданаяки*). Земли раздавались *наякам* в *амарам* («кормление»). Это было условное, но довольно постоянное владение. Не имея формального права наследования, *наяки* нередко передавали *амарам* сыновьям. *Наяк* был обязан заботиться о развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли в пределах имения, поддерживать порядок, содержать воинский контингент, отдавать в казну примерно 1/3 налоговых поступлений. *Наяки* завладели реальной властью на местах, подчинив себе и, видимо, распустив окружные общинные собрания. Со временем *наяки* становились более самостоятельными.

Империя Виджаянагар сыграла большую роль в развитии культуры дравидийских народов Южной Индии, прежде всего *каннада* и *телугу*. Косвенно существование империи и связанный с этим экономический подъем всего региона способствовали расцвету культуры в Тамилнаду и Керале.

Правители Виджаянагара были известны своей религиозной терпимостью. Дуарте Барбоза, португальский путешественник начала XVI в., счел необходимым специально отметить эту особенность жизни в Виджаянагаре: «Король допускает такую свободу, что каждый может жить по своей вере без всяких неприятностей и без вопросов о том, христианин ли он, или иудей, или мусульманин, или язычник. Равенство и справедливость соблюдаются всеми». Показателем терпимости служит, в частности, то, что армии противостоящих друг другу Деканских султанатов и Виджаянагара не были конфессионально однородными. В Виджаянагаре служило много мусульман. А мусульманским правителям помогали индусские князья, правившие в Ориссе и в Андрхе. Впервые война против Виджаянагара была объявлена религиозной (*джихадом*) лишь в 1502 г., т.е. спустя полтора столетия после начала этих войн.

После смерти Кришнадеварайи титул императора перешел к его брату Ачьютарайе, а фактическая власть к Рамарадже из рода Аравиду. Рамараджа казался еще более могущественным правителем, чем все предыдущие. Он сажал на престол шахов Бидара, с выгодой для себя вмешивался в споры между деканскими султанатами. Но эта политика привела к неожиданному результату: Биджапур, Бидар, Берар и Голконда объединили свои войска и 23 января 1565 г. в битве при Таликоте (которую называют также битвой на Кришне) нанесли Виджаянагару сокрушительное поражение. Рамараджа пал в битве. Его брат Тирумала бежал в Виджаянагар, забрал собранную по-

коленими виджаянагарских правителей казну (для перевозки которой потребовалось 550 слонов) и отступил в Пенугонду. Он стал основателем последней династии Виджаянагара – Аравиду. В ходе наступления мусульмане разграбили и разрушили значительную часть города Виджаянагара, но затем покинули его. Тирумала вновь занял город, но не стал его восстанавливать. Столица была перенесена в Пенугонду, затем еще южнее – в Чандрагири. Тем не менее Виджаянагар все еще сохранял важные позиции в южной части Индии. При Венкате II (1586–1614) империя охватывала почти ту же территорию, что и в период расцвета, но потом началась междоусобица, в результате которой правители некогда блестящего государства стали марионетками в политической игре княжеств, возникших на его обломках. Последние императоры Виджаянагара практически не имели своих владений и жили, переезжая от одного формального вассала к другому.

ЗАХИР-АД-ДИН МУХАММАД БАБУР И ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ

Бабур (1483–1530) принадлежал к династии Тимуридов, а мать его происходила из рода Чингисхана. Унаследовав трон в Бухаре в 11 лет, он в скором времени вступил в борьбу за Самарканд, который считался столицей Тимуридов. В 15 лет он сумел захватить столицу, однако не смог ее удержать. В Среднюю Азию в это время вторглось племя узбеков во главе с Шейбаниханом, которые после многолетних войн уничтожили остатки Тимуридской империи. Бабур отступил в Афганистан и обосновался в Кабуле (1504). Он сумел сплотить вокруг себя афганские (пуштунские) племена. Когда борьба за Среднюю Азию была окончательно проиграна, он стал планировать поход в Индию. Этому способствовало обращение за помощью к Бабуру вассалов Ибрахима Лоди, восстановившего против себя афганскую знать. Бабур хорошо подготовился к походу, создал из пуштунов и тюрок мобильную армию, снабженную значительной артиллерией, и весной 1526 г. вторгся в Пенджаб (Пенджаб), а затем пошел на Дели. На равнине неподалеку от города Панипат 21 апреля 1526 г. между армиями Бабура и султана Ибрахима Лоди произошла решающая битва.

Султанская армия была полностью разбита, и Бабур занял столицу. Но ослаблением Делийского султаната спешили воспользоваться и другие индийские государства. Бабуру удалось разгромить самого сильного из тогдашних индусских правителей на Севере рану Сангу, правившего в Меваре. После этого Бабур смог короноваться в Дели как *шахиншах* Индии. Он стал основателем династии, которая в европейской литературе получила название Великих Моголов. В 1529 г. Бабур разбил объединенные войска афганцев и султана Бенгалии и стал неоспоримым господином Северной Индии. Но в 1530 г. он умер, не успев завершить завоевания и создать собственную систему управления. Сын Бабура Хумаюн первоначально справлялся с трудностями, связанными с утверждением власти новой династии: он подавил несколько восстаний, разбил султана Гуджарата. Возможно, ему удалось бы удержать ситуацию под контролем, если бы не появился амбициозный враг в лице Фариды, вассала (*джагирдара*) в Бихаре.

ПРАВЛЕНИЕ ШЕР-ШАХА

Фарид принадлежал к патанскому (пуштунскому) роду Сур. В 1533 г. он принял титул Шер-хан и стал расширять свои владения за счет других джагирдаров и султана Бенгалии. Затем Шер-хан выступил и против Хумаюна. В результате долгой войны ему в 1549 г. удалось одолеть падишаха. Хумаюн бежал в Персию. Шер-хан короновался под именем Шер-шаха.

Шер-шах провел свое недолгое правление в походах. Он овладел всей Северной Индией, подчинив даже княжества Раджпутаны. Впервые мусульманский правитель Дели был признан сюзереном раджастханских княжеств. Однако Шер-шах не стал присоединять их к своим владениям, ограничившись размещением гарнизонов в Адждмере, Джодхпуре, Абу и Читоре. В 1545 г. Шер-шах случайно погиб при осаде крепости от взрыва своей же пушки. Шахом стал его сын, затем внук. Последний был убит своим дядей, вторым сыном Шер-шаха. Распри в семье Суоров ослабили их власть, и это позволило Хумаюну вернуться. В 1555 г. он вошел в Дели и восстановил власть Моголов. Однако через год умер. Будущность империи оставалась под вопросом.

Шер-шах остался в памяти потомков не только благодаря головокружительной карьере и ярким победам. Он успел провести ряд реформ, впервые ввел в Северной Индии регулярное административное деление. Основой его стала *паргана* – небольшой округ, по сути, территория крупной общины. Во главе парганы стояли три чиновника – *амин*, *шикдар* и казначей, а также два писца, один из которых вел документацию на хинди, а другой – на персидском. (Персидский язык был в то время официальным придворным и литературным языком, языком культуры по всему Среднему Востоку. Таким он стал и в Индии после ее мусульманского завоевания, несмотря на то что родным языком большинства пришлых мусульман был тюркский.) Парганы объединялись в более крупные округа (*саркары*) во главе с военным администратором (*шикдар-и-шикдаран*) и гражданским чиновником (*мунсиф-и-мунсифан*). Саркары объединялись в провинции (*суба*).

Шер-шах сократил выдачу *джагиров* (земельных владений военачальникам) и *вакфов* (дарений духовным лицам). Он стремился сосредоточить сбор налогов в руках правительства и упорядочить их сбор. Был проведен кадастр земель – каждый участок должен был быть измерен и его продуктивность определена. Правительству полагалась треть урожая, которая должна была уплачиваться по выбору налогоплательщика либо в натуре, либо в деньгах. Налогоплательщик должен был подписать документ (*кабулият*), в котором указывались все его налоговые обязательства, и в свою очередь получить от чиновника документ на право владения (*патта*). Насколько эти реформы действительно были проведены в жизнь, сказать трудно, но они продолжались позже, в правление Акбара.

Была упорядочена монетная система. Серебряная рупия Шер-шаха стала на несколько веков основной монетой Индии. Много внимания уделялось развитию путей сообщения и торговли. Ликвидировались некоторые пошлины. Основные экономические центры были связаны дорогами. Вдоль них соорудили 1700 караван-сараев. Вооруженные посты (*дак-чауки*) на дорогах должны были охранять проезжающих от нападения грабителей.

Особенно важное значение имела «шахская дорога», связавшая Бенгалию с Панджабом.

Шер-шах стал предтечей Акбара еще в одном отношении: он начал проводить политику религиозной терпимости и широко привлекать индусов на службу. Можно сказать, что именно Шер-шах заложил основы централизованной державы, которая затем просуществовала полтора столетия.

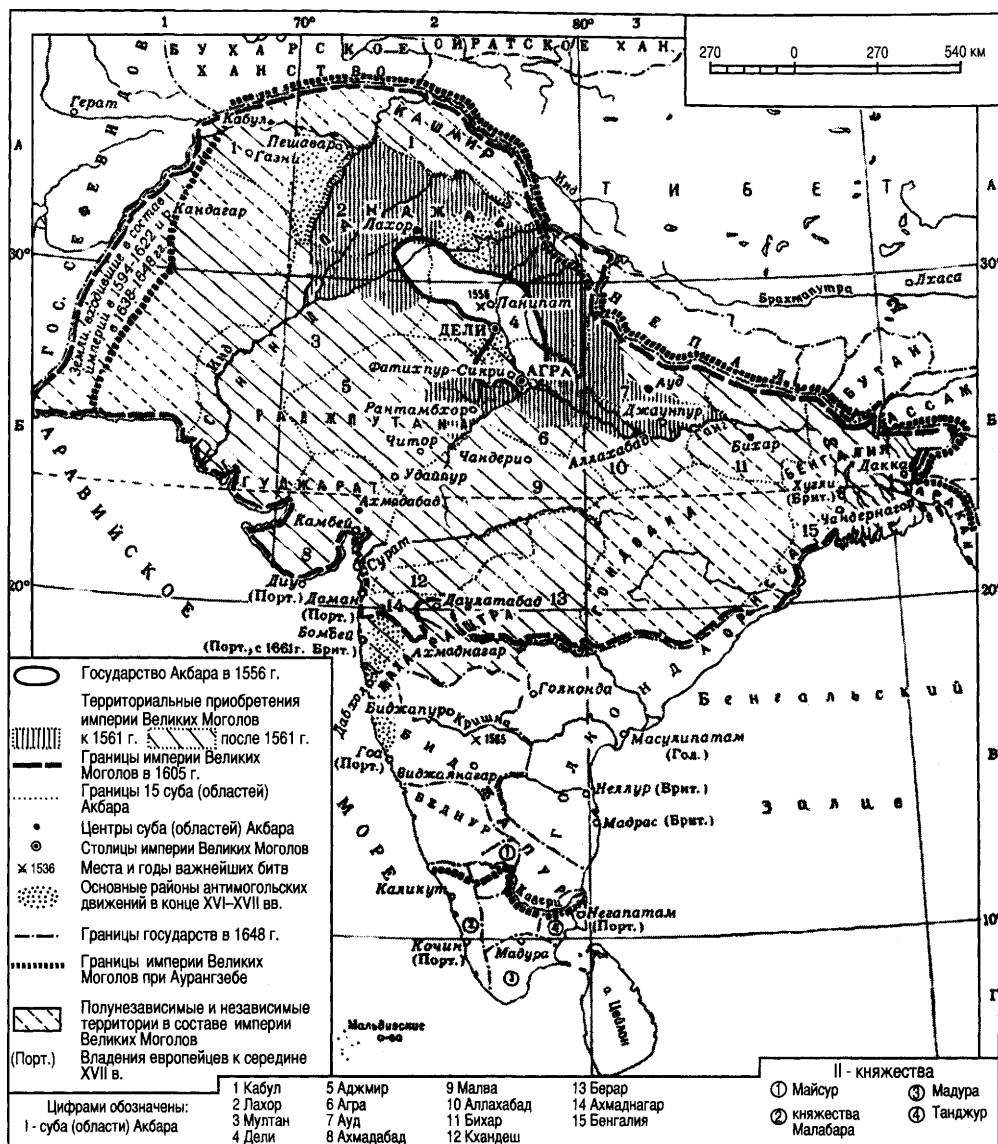
ПРАВЛЕНИЕ АКБАРА

Когда умер Хумаюн, его сыну Джалал-ад-дину Акбару было 14 лет, и он исполнял обязанности губернатора в Панджабе. До 20 лет Акбар не правил самостоятельно: значительное влияние на него оказывали Байрам-хан, энергичный и умный военачальник и администратор, который помог Акбару удержать власть, а затем его мать и жены.

Акбару удалось значительно расширить территорию империи. В 1560–1561 гг. была присоединена Малва. С 1562 г. княжество Джайпур становится одним из наиболее верных союзников Моголов в Раджпутане. Но княжество Мевар (Удайпур) оказало Акбару упорное сопротивление. В 1567–1569 гг. он осадил и взял две важнейшие крепости этого княжества – Читор (Читоргарх) и Рантхамбхор. После этой кровопролитной войны Акбару удалось установить нормальные, дружеские отношения с большинством раджпутских князей, ставших верной опорой его режима. Этому способствовала религиозная политика Акбара, направленная на консолидацию всех конфессий. Однако Мевар так и не был покорен. *Рана* (князь) Мевара Пратап Сингх (1572–1597) продолжал партизанскую войну до своей смерти. Только его сын Амар Сингх подчинился в 1614 г. следующему падишаху Джахангиру.

В 1572–1573 гг. к империи был присоединен Гуджарат, в 1574–1576 – Бенгалия. В 1581–1585 гг. шла война со сводным братом Акбара Мухаммадом Хакимом, который отделился в Кабуле. Афганистан был присоединен, правда северная его часть (Бадахшан) уступлена узбекскому правителю Абдулле-хану. В 80–90-е годы XVI в. Акбар присоединил Кашмир, Синд, Хандеш (который, правда, пришлось снова завоевывать в 1599–1601 гг.), Ориссу, Белуджистан и Кандагар. Долгая борьба шла с султанатом Ахмаднагар, в 1600 г. его столица была взята штурмом. Однако южная часть султаната сохраняла независимость еще несколько десятилетий.

Акбар всю жизнь вел войны, объединив Северную Индию, большую часть Афганистана и часть Декана. Однако главные его достижения заключались в установлении прочной системы управления и налогообложения, в создании атмосферы единства государства, опиравшегося на все слои имущего населения. Акбар был неутомимым работником на троне. Близкий друг и министр Акбара Абу-л Фазл, выражая мысли своего патрона, писал: «Успех управляющих ведомств и удовлетворение желаний подданных, знатных и низких, зависят от того, как падишах проводит свое время». Ежедневно Акбар созывал три заседания своих ближайших соратников или устраивал широкие приемы. Один день в неделю отводился судебным делам. Все финансовые решения принимал он лично, все назначения также производил сам.

Индия в XVI-XVII вв.

Вторым лицом в государстве был *вакил*, в подчинении которого находились четыре «министра»: *диван*, ведавший финансами и налогами, *мир бахши*, руководивший армиями, *мир саман*, ведавший мастерскими и складами, *садр-ус-судур*, ведавший вопросами религии и суда. Государство состояло из 15 провинций (*суба*), подразделявшихся на *саркары*. Во главе провинции стояли *субадар* (он же *сипахсалар* или *назим*), а также провинциальные *диван*, *бахши* и *кази*, или *садр*, т.е. чиновники соответствующих центральных ведомств. Через них осуществлялся прямой контроль центральной власти

над провинциальными делами. Правители старались придерживаться принципа «разделения властей»: военной, налоговой и религиозно-судебной.

Акбар ввел систему *мансабдари*, «табель о рангах». Были установлены 33 ранга, или чина (*зат*), называвшиеся по числу всадников, которых символически обязан был содержать каждый служащий империи. Таким образом, вся административная система выглядела как исключительно армейская. Даже жены падишаха в гареме имели воинские звания, что позволяло определять размер их содержания. В соответствии с чином служащий (*мансабдар*) имел право на определенное жалование, которое могло выдаваться из казны, или же в виде пожалования права на сбор налога с соответствующей территории (*джагир*). Акбар старался не раздавать много джагиров, сохранять большую часть земли в ведении налогового ведомства и переводить мансабдаров на денежное довольствие. Армия Акбара в период ее наибольшего увеличения насчитывала 250 тысяч человек.

Налоговая реформа Акбара имела фундаментальное значение для дальнейшего сохранения империи. Первоначально Акбар применил довольно примитивную систему откупов. В 1572 г. он разделил империю на 182 налоговых округа, каждый из которых должен был приносить по *крору* (10 млн) *дамов* (монет). Откупщики (*курурии*) вносили в казну эту сумму и получали право собирать налоги с округа в течение трех лет. За это время они были обязаны поднять сельскохозяйственное производство. Эта система провалилась, поскольку курурии бесконтрольно собирали все, что могли, не думая о восстановлении хозяйств. Но одновременно в течение 10 лет собирались данные об урожайности различных культур во всех провинциях и районах, где это было возможно. Была определена средняя урожайность за эти годы. Фиксировались цены на базарах, и определялась средняя цена единицы продукта. Затем треть среднего урожая выражалась в деньгах по средней цене, и эта сумма накладывалась на каждый участок. На окраинах империи сохранялись более примитивные системы. В Нижнем Синде, афганских районах и в Кашмире налог оставался натуральным и выплачивался долей урожая. В Бенгалии ставки определялись на глазок, при помощи так называемой «оценки».

Соратник Акбара Абу-л Фазл составил большой труд «Айин-и Акбари», в котором собрал статистические данные по всем провинциям империи, что позволяет получить представление о социальном строе страны и ее экономической системе. В империи жило примерно 100 млн человек. Из них примерно 1 млн составлял верхний слой – военачальники и раджи со своими войсками. Они жили в основном в городах, занимая там господствующее положение. Городское население в целом, включавшее ремесленников, купцов, слуг и маргинальные слои, составляло 15%. Городская экономика подпитывалась средствами, поступающими из села в виде налогов.

Политика Акбара в отношении немусульман была примером веротерпимости. Он поставил своей целью преодолеть враждебность индусов и мусульман, создать атмосферу уважения к чуждым мусульманам религиозным воззрениям, превратить верхи индусской общины, брахманов и раджпутов, в социальную опору власти. В 1570 г. Акбар начал строительство новой столицы недалеко от Агры, города Фатехпур-Сикри, в архитектуре которого органично слились индусские и мусульманские стили. Одним из зданий

было Ибадат-хане (букв. «Дом богослужений», или «Дом ритуалов»), служившее местом теологических дискуссий. В нем Акбар восседал на троне в середине павильона, а на круговой галерее вокруг собирались и вели религиозные диспуты мусульманские улемы разных толков, брахманы, джайны, парсы и даже монахи-иезуиты, которых Акбар специально пригласил из Гоа.

Он официально провозгласил *солх-и-кул* – принцип веротерпимости. Раджпуты и брахманы стали неперменной составной частью двора. Поощрялось изучение индуистских культов, было разрешено строительство индуистских храмов, проведение индуистских празднеств. В 1562–1564 гг. были отменены налог на индуистских паломников и *джизья* – подушная подать с немусульман. Был запрещен убой коров, тем самым государство демонстрировало, что оно уважает религиозные чувства индусов. С 1580 г. Акбар стал появляться на приемах с брахманским знаком на лбу. При этом он оставался правоверным мусульманином, правда, последователем суфиев и в то же время сторонником рационального подхода к религии. В сентябре 1579 г. он объявил себя высшим авторитетом в вопросах ислама, а затем основал новую религию *Дин-и-иллахи* («Божественная вера»). Вряд ли он хотел религиозно объединить индусов и мусульман, выработав систему верований, приемлемую для всех. Никаких мер по привлечению индуистского населения к новой религии не проводилось.

Стремление к пониманию религиозной истины за пределами узких рамок традиционного ислама, интерес к индуистской культуре, поиски общих духовных ценностей сопровождали весь «мусульманский» период истории Индии. Шел процесс синтеза конфессионально различных культур. Особенно ярко он проявился при Акбаре, когда довольно большая группа высокообразованных людей составила окружение императора. Мусульманские законники встретили все эти нововведения резкими протестами. В 1580–1584 гг. вспыхнуло восстание в Бенгалии и Бихаре под лозунгами «защиты ислама». *Кази* (от арабского кади – судья) Джаунпура издал фетву, обвиняя Акбара в вероотступничестве. Еще одно восстание против «неверного» падишаха поднялось в Кабуле. Восстания были подавлены, мятежные муллы понесли суровые наказания, но Акбару пришлось пойти на некоторые уступки. Он перестал собирать вокруг себя немусульманских богословов (кстати, Фатехпур-Сикри с его Ибадат-хане к этому времени был оставлен, поскольку оказалось, что в его окрестностях нет запасов воды, достаточных для жизни большого города), стал отпускать средства на строительство и ремонт мечетей.

Период правления Акбара – это время хозяйственного расцвета. Умеренные налоги способствовали подъему сельского хозяйства и ремесла. Росла внутренняя и внешняя торговля. Акбар снизил пошлины до 2,5 % и отменил все дополнительные поборы с торговцев и акцизы. Его система управления, постепенно размываясь, все же позволила Могольской державе оставаться могущественным государством еще целый век. Укрепление государства и экономический расцвет способствовали развитию блестящей культуры при могольском дворе, монументальному строительству.

Во время правления Шер-шаха происходил переход от архитектуры периода Делийского султаната к могольской. От него сохранились остатки крепости Пурана-кила в Дели и гробница Шер-шаха в Сасараме (Бихар). В гробнице Хумаюна, выстроенной на окраине Дели, специалисты видят персидский по происхождению замысел в индийской интерпретации.

В период Акбара влияние индийских архитектурных канонов и приемов значительно усилилось. В основном его строительство имело практическое направление – крепости, караван-сарай, школы и мечети. Наиболее известны крепости в Агре (построенная в 1565–1573 гг.), в Лахоре и в Аллахабаде. Особое место в архитектурной истории Индии занимает Фатехпур-Сикри, заложенный недалеко от Агры в 1570 г. Здесь в полной мере была осуществлена идея синтеза индусской и мусульманской архитектур. Здания в чисто мусульманском стиле с арками и куполами перемежались с дворцами с балочными перекрытиями, характерными для индусских зданий.

В этот период создавались многочисленные литературные произведения на хинди, панджаби, бенгали и ряде других новоиндийских языков. Их авторами были как индусы, так и мусульмане. Индусы слагали стихи по-персидски. Многие классические индусские сочинения были переведены на персидский. При дворе Акбара работал целый переводческий цех. Популярным литературно-историческим жанром стали жизнеописания правителей. Создатель империи, Бабур, составил автобиографию на чагатайском языке. Позднее она была переведена на персидский и стала известна как «Бабур-наме». Друг и соратник Акбара Абу-л Фазл Аллами стал автором биографии великого императора – «Акбар-наме». Хроника событий тех времен была создана и политическим противником Акбара – Бадауни. Развитие историописания и литературы сопровождалось расцветом блестящей могольской

Фатехпур-Сикри. Часть дворцового комплекса императора Акбара. Индия

книжной миниатюры, вобравшей в себя персидские традиции, но затем обогащенной различными индийскими влияниями. Император Акбар, сам увлекавшийся живописью, зачастую лично контролировал работу своей мастерской, занимавшейся составлением и иллюминированием манускриптов.

ВКЛЮЧЕНИЕ ИНДИИ В МИРОВУЮ ТОРГОВЛЮ

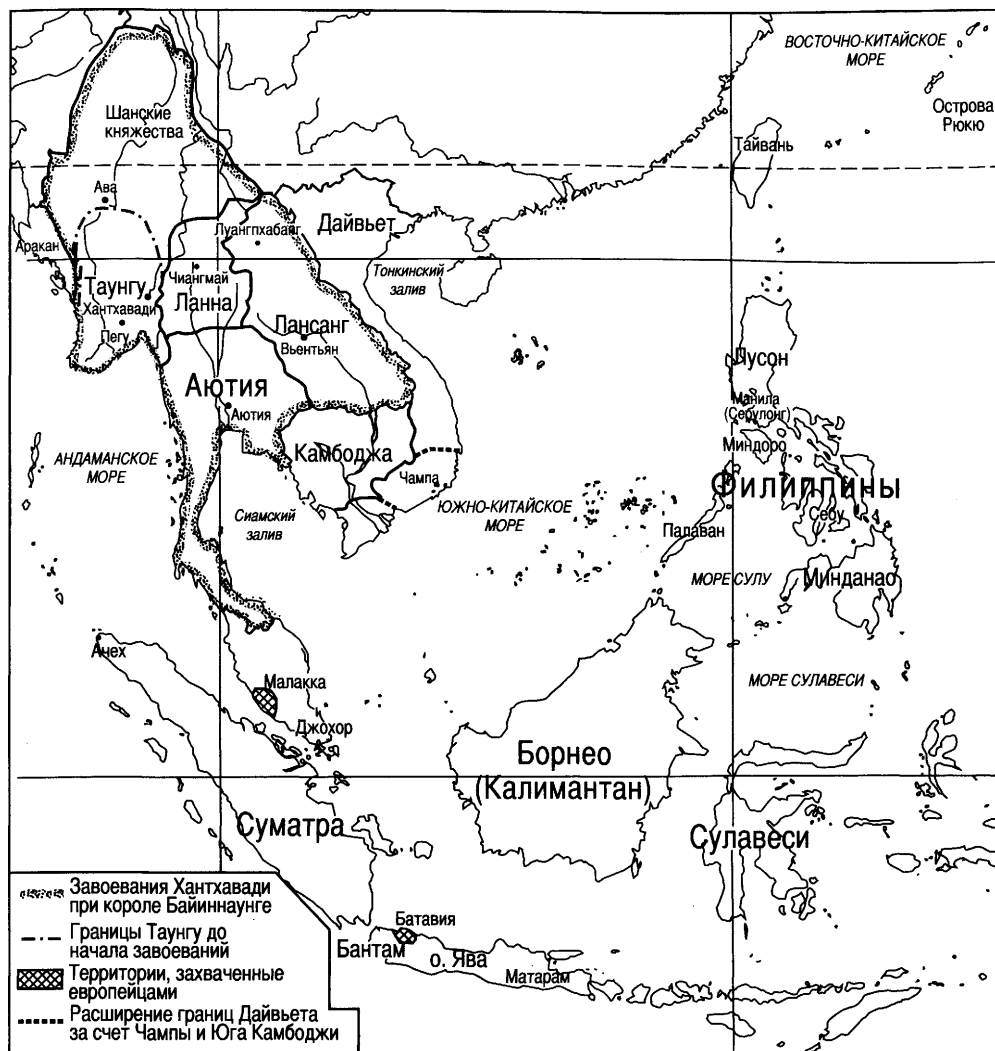
Начало проникновения европейских купцов в Южную Азию относится к самому концу XV в., когда эскадра Васко да Гамы, обогнув мыс Доброй Надежды, 17 мая 1498 г. бросила якоря в порту города Кожикод (Каликут) на западном побережье Индии. Вскоре португальцы основали несколько факторий по обоим побережьям Индии, а также на о. Цейлон. В 1510 г. Афонсу д'Албукерки захватил у Биджапура остров Гоа, который стал административным центром всех португальских владений к востоку от мыса Доброй Надежды. Д'Албукерки был назначен вице-королем так называемой «Португальской Индии», которая состояла из отдельных анклавов на восточном берегу Африки, в устье Красного моря и Персидского залива, на побережье Индии и Цейлона, на Малайском полуострове и в Китае. Появление португальцев на западном берегу привело к столкновениям и кровопролитию. Но в масштабах Индии это были мелкие стычки, не имевшие большого резонанса. Проникновение европейских купцов на рынки Южной Азии не очень беспокоило индийских правителей. Они решали свои задачи, в лучшем случае учитывая, что на территории Индии появилась еще одна сила, которую можно использовать. Союз Виджаянагара с Португальской Индией значительно облегчил португальцам ведение торговли по всей Южной Индии и помог Виджаянагару долгое время сопротивляться натиску с севера.

К концу XV – началу XVI в. политическая карта Юго-Восточной Азии (ЮВА) значительно изменилась. Ряд старых центров, объединявших под своей властью значительные территории (Камбуджадеша, Сукхотай, Маджапахит, Чампа), либо были заменены новыми, как три первых, либо постепенно теряли свое политическое значение, как последний. На территории Бирмы, по-прежнему разделенной на многочисленные государства и княжества (в этническом отношении шанские и бирманские в Центре, араканские на Западе, монские на Юге), время от времени появлялись могущественные центры, вокруг которых создавались недолговечные государства (бирманские Ава и Таунгу, бирманско-монско-тайское Пегу (Хантхавади)).

Возросла и роль тайцев и лаосцев. Тайские государства, объединяющую роль среди которых стала играть сменившая Сукхотай Аютия (Сиам), заселили бассейн Чау-Пхрайи (Менама), оттеснив кхмеров на юго-восток. С севера кхмеров в свою очередь теснили лаосцы, образовавшие ряд государств, самым могущественным из которых стал Лансанг. На чамов же наступали вьеты. Экспансия вьетов на юг приводила ко все большему сокращению владений Чампы, территория которой с конца XV в. либо была включена в состав Вьетнама, либо перешла в зависимое от него положение.

С расширением территорий, попавших под власть тайцев и лаосцев в континентальной части Юго-Восточной Азии, усилилось влияние традиций и культуры китаизированного государства Наньчжао (Дали), на землях которого эти этносы жили до его разгрома монголами. Территория Северного Вьетнама, населенная вьетами (в отличие от Центра, где до XVI в. жили чамы, и Юга, на котором до конца XVIII в. обитали кхмеры), несколько раз в ходе завоеваний попадала под прямое китайское управление. Последний из таких периодов относился к началу XV в. Буддизм окончательно превратился в основную религию в большинстве государств ЮВА, почти повсеместно вытеснив индуизм. Буддийские монастыри и храмы играли огромную культурно-образовательную роль.

Значительное влияние на развитие континентальной части Юго-Восточной Азии оказали европейцы (португальцы, голландцы, англичане, французы), которые стремились монополизировать внешнюю торговлю, успешно использовали в своих интересах внутривнутриполитические конфликты и войны между государствами и пытались проводить политику христианизации (иногда почти насильственной) местного населения. Наиболее успешно сопротивлялись европейскому давлению самые сильные из государств ЮВА: Вьетнам и Аютия, которые ограничивали деятельность европейцев на своей территории либо закрывали страну для западных торговцев. Да и в остальных материковых странах ЮВА европейцы не получили серьезного политического влияния. Что же касается островных государств, то многие из них в XVI–XVII вв. стали превращаться в европейские колонии. Успешно проникавшее с XIII–XIV вв. в Нусантару (островную часть Юго-Восточной Азии) мусульманство в XVI–XVII вв. практически полностью вытеснило

Юго-Восточная Азия в XVI–XVII вв.

индуистско-буддийскую культуру с территории Малаккского полуострова и Индонезии.

Правители островных государств (Малаккского султаната и Джохора – в Малайе, Бантена (Бантама), позднего Матарам, прибрежных султанатов на Яве), принимавшие ислам в попытке укрепить свою власть и расширить владения, не смогли противостоять европейцам (португальцам, а затем голландцам), которые стремились захватить контроль над проливами и увеличить сельскохозяйственные площади, используемые под плантации для выращивания пряностей (гвоздики, мускатного ореха, корицы и перца). Возрастала нестабильность, вызванная недовольством элит и восстаниями крестьян, насильно перевозимых европейцами с одних островов на другие и вынужденных работать на плантациях по выращиванию пряностей.

В конце XV – первой половине XVI в. на территории современной Мьянмы существовало несколько центров государственности: 1) шанские княжества в северо-восточных горных районах, охватывающих полукругом территории верховьев рек Иравади, Салуин, Ситаун; через них проходили торговые пути в Китай; 2) государства Ава, Пром и Таунгу (два последних первоначально находились в вассальной зависимости от Авы) занимали плодородные и сухие области в центральном течении Иравади и Ситауна, представлявшие собой самую густонаселенную часть бирманских земель; 3) расположенный за горным хребтом вдоль морского побережья Аракан, активно участвовавший в морской торговле в Индийском океане; 4) монские княжества нижнего течения Иравади (также активно участвовавшие в морской торговле и получавшие от нее большую часть доходов); они входили до 1539 г. в государство Раманадеса, но сохраняли значительную степень автономии и независимости от центральной власти, сосредоточенной в главном порту и столице – Пегу (известной также как Хантхавади).

Ведущую роль Таунгу, находившегося к югу от Авы и не подвергавшегося набегам шанов, обусловили географическое положение (в сухом, незаболоченном районе с плодородными почвами и большой плотностью населения, связанном по реке Ситаун и притокам Иравади с северными и южными частями бирманских земель, в отличие от отрезанного горным хребтом морского побережья Аракана) и политическая обстановка в Аве, ослабленной постоянными нападениями шанов.

ИМПЕРИЯ ПЕГУ (ХАНТХАВАДИ)

Могущественная бирмано-монско-тайская империя была создана в XVI в. правителями сравнительно небольшого бирманского княжества Таунгу. Эта империя охватывала территорию от части Юньнани на севере до южных прибрежных монских городов, от Аракана на северо-западе до кхмерских земель на юго-востоке. Несмотря на то что империя Пегу может претендовать на звание одной из самых обширных из когда-либо создававшихся в Юго-Восточной Азии, она оказалась и одной из самых непрочных. Главы объединенных под властью Таунгу бирманских княжеств (а также завоеванных тайских и лаосских земель), чьей столицей стал Пегу, практически подчинялись лично королю как верховному суверену. Поэтому смерть верховного правителя давала возможность покоренным княжествам заявить о своей независимости и перед его наследником стояла задача вновь подчинить своей власти отделившиеся земли. Тем не менее короли Пегу, пытаясь представить себя в качестве верховных суверенов надэтнического и до определенной степени надгосударственного образования, способствовали консолидации бирманских и небирманских племен (монов и шанов). Столица государства, Пегу, и ее двор стали образцом для дворов зависимых княжеств. Современники считали воплощением чудес Азии, например, огромный золотой дворец Байинаунга или построенную по его приказу пагоду Махазеди.

Английский путешественник Ральф Фитч, посетивший город Пегу в 1587 г., оставил его описание:

«Пегу – огромный, укрепленный и очень красивый город, окруженный каменными стенами и большими рвами. В нем два города: Старый и Новый. В Старом городе живут купцы из разных стран, которых приезжает множество.

Там продается множество товаров, к городу примыкают многочисленные пригороды, все дома там сделаны из тростника, который они называют бамбуком, а крыши – из соломы. Для хранения товаров в вашем доме будет специальный склад... построенный из кирпича, что сделано из-за частых пожаров, во время которых за час может сгореть 400–500 домов...

В Новом городе живет король, знать и землевладельцы. Город очень большой и густонаселенный. Форма его квадратная, стены – красивые, он обнесен широким рвом, наполненным водой, в котором много крокодилов. В городе 20 ворот, по 5 в каждой стене. На стенах много караульных башен, сделанных из дерева и покрытых золотом. Красивее улиц, чем здесь, я никогда не видел. Они идут прямой линией от одних ворот к другим, такие широкие, что может поместиться 10–12 всадников. По обеим сторонам улиц у каждого дома высажены пальмы, которые приносят орехи. Они красиво смотрятся и дают приятную тень. Благодаря ним люди могут гулять в тени целый день. Дома построены из дерева и покрыты черепичными крышами».

Представителям первой династии Таунгу впервые со времен империи Пагана удалось объединить большую часть бирманских земель, включив в свой состав шанские княжества, образовавшиеся на Севере современной Мьянмы и Юге Китая. Захватив в 1539 г. столицу Южной Бирмы, Пегу, второй правитель из династии Таунгу Табиншветхи (1531–1550) объединил под своей властью всю территорию Бирмы, основав государство, известное как империя Хантхавади. Преемник Табиншветхи Байиннаунг (1551–1581) расширил границы империи. Для этого ему сначала пришлось вновь присоединять большинство владений своего предшественника, отделившихся после смерти Табиншветхи, а затем завоевать шанские княжества, благодаря чему впервые за 200 лет была ликвидирована угроза их нападений на южно-бирманские земли. После этого началась ассимиляция шанов. В 1556 г. Байиннаунг продолжил наступление на севере, захватив княжество Чиангмай (на Севере современного Тайланда), соперничавшее с Аютией в борьбе за ведущую роль в

Золотой дворец Байиннаунга в Пегу. Реконструкция

объединении тайских земель. Чиангмай оказался в вассальной зависимости от бирманских правителей, которая продолжалась с небольшими перерывами более 200 лет (до 1774 г.).

В 1569 г. Байиннаунг, объединивший к тому моменту под своей властью силы почти всей западной части Юго-Восточной Азии и активно использовавший во время войн европейское огнестрельное оружие, после шестилетней борьбы завоевал могущественную Аютию, в течение долгого времени бывшую соперницей бирманцев в конкуренции за торговое и культурно-религиозное первенство в регионе. Затем правитель Пегу получил и контроль над большей частью земель современного Лаоса. Правление Байиннаунга стало расцветом империи, созданной первой династией Таунгу. После смерти этого правителя в 1581 г. его империя распалась так же быстро, как она была создана. Воспользовавшись борьбой за престол между сыном Байиннаунга Нандабайином и его дядей, управлявшим Авой, Аютия в 1583 г. отделилась от империи Пегу. Победив в борьбе за трон, Нандабайин пять раз пытался вернуть Аютию под свой контроль. Но ни один из походов не оказался успешным, а каждая победа тайцев способствовала тому, что шанские и лаосские подданные, так же как и «наместники» монских и бирманских княжеств, всё в меньшей степени поддерживали центральную власть (в первую очередь не снабжали Нандабайина военными отрядами). Жесткая политика правителя, пытавшегося принудительно набрать войска во все еще подчинявшихся ему частях империи, привела к бегству населения в соседние княжества и ухудшению экономического положения, вызванного истощением ресурсов страны. В 1599 г. объединившие свои силы правители Аракана и восставшей против власти Пегу области Таунгу после двухлетней войны захватили столицу бывшей империи и сожгли ее, положив конец правлению первой династии Таунгу. Династия была восстановлена в 1613 г. одной из ее боковых ветвей и просуществовала до 1752 г. В 1634 г. столица была перенесена из все еще населенного монами Пегу в бирманскую Аву, которая дала новое название государству второй династии Таунгу.

АЮТИЯ (СИАМ)

Завоевание бирманцами в 1569 г. Аютии (тайского королевства, существовавшего с середины XIV по середину XVIII в. и больше известного как Сиам) представляло собой трагический эпизод истории этого государства, превратившегося в XV в. в одно из самых крупных и могущественных в ЮВА. Захватив значительную часть земель, принадлежавших когда-то Камбуджадеше, Аютия распространяла свое влияние и на остававшиеся под властью кхмеров территории, периодически попадавшие в вассальную зависимость от тайских правителей. Кхмеры попытались восстановить свои владения, воспользовавшись завоеванием Аютии Байиннаунгом в 1569 г., когда на 14 лет тайское королевство потеряло самостоятельность. Но в ходе правления короля Наресуана (Пра Нарета, 1590–1605), прославившегося своими победами над бирманцами еще в качестве наследного принца, в 1593 г. Аютия вернула монские провинции Тавой и Тенасерим, захваченные Пегу в 1568 г., а также в 1594 г. разгромила Камбоджу, вернув все земли, отнятые кхмерами (Чантабун

и Корат, которые с тех пор прочно вошли в состав Сиама). В 1603 г. Наресуан посадил на камбоджийский трон своего ставленника, который сохранял вассальную зависимость от Аютии до 1618 г. В период правления Наресуана было также завершено объединение тайских земель под властью Аютии. Победоносное окончание войн с бирманцами отразилось и в культурно-религиозной жизни Сиама. Во многих местах, где проходили тайские войска, были основаны храмы, посвященные Наресуану. Новый расцвет Аютии привел в конце XVI – начале XVII в. к строительству на территории столицы новых храмовых комплексов, в том числе построенной по приказу Наресуана в честь победы над Бирмой пагоды в Ват Яй Чай Монгконе.

ЛАНСАНГ (ЛАОС)

Существовавшее с XIV в. на территории современного Лаоса и северо-восточной части Тайланда и раздираемое на протяжении XV в. междоусобными войнами и мятежами в провинциях лаосское государство Лансанг («Миллион слонов») достигло расцвета в правление Потисарата (1520–1550). Было произведено административное деление столичного региона. На столичных чиновников возложили ответственность за различные функции государственного управления, в том числе за организацию обороны, налогообложение и внешнюю торговлю. Контроль за ситуацией в более отдаленных районах Лансанга его правители пытались осуществлять с помощью назначения родственников в наиболее важные *мыанги* (название полунезависимых княжеств, а позднее городов и областей на значительной территории Юго-Восточной Азии: в Таиланде, Лаосе, северной части Вьетнама, шанских областях Бирмы, а также в южнокитайских провинциях Юньнань и Гуанси) и заключения династических союзов с представителями крупнейших местных родов. Религиозная политика была направлена на распространение буддизма, в провинциях строились буддийские храмы и монастыри, запрещались «языческие» жертвоприношения духам, которые когда-то были частью «государственной религии». В 1533 г. Потисарат перенес столицу из Северного Луангпхабанга в центр страны, во Вьентьян, преследуя как экономические, так и политические цели. Ведя успешные войны с Аютией, Потисарат в конце своего правления присоединил к королевству другие лаосские княжества и Чиангмай.

В середине XVI в. Лансанг столкнулся с бирманской экспансией. При короле Сеттатирате (1550–1572) в 1564 и 1569 гг. лаосская столица и крупные города были взяты штурмом войсками Байинаунга, но в целом оба бирманских похода оказались неудачными. Лишь после загадочной смерти Сеттатирата в 1575 г. Лансанг был захвачен Байинаунгом, который посадил на трон своего ставленника и обложил Лаос тяжелой данью. Оказавшись в вассальной зависимости от Пегу, Лансанг уступил бирманским правителям контроль над захваченным в 1545 г. у Аютии Чиангмаем. Сопrotивление лаосцев завоевателям было достаточно успешным и в 1593 г. Лансанг полностью восстановил свою независимость. Контроль центральной власти над владениями местных князей (мыангами) был непрочным, несмотря на то что его усилению способствовала внешняя угроза.

Распространение новых технологий ведения сельского хозяйства и спрос на лаосские товары «престижного потребления» (золото, слоновая кость,

мускус) в соседних прибрежных районах Юго-Восточной Азии (Аютии, Камбодже) стимулировали экономическое развитие Лансанга. Этому способствовал и продолжавшийся процесс переселения лаосцев на юг, в более плодородные области. Тем не менее отсутствие у Лансанга выхода к морю позволяло его более удачливым соседям, в первую очередь Аютии и Камбодже, устанавливать условия экспорта из Лаоса золота и других товаров и ввоза индийских тканей и предметов роскоши для лаосской знати, а также контролировать доступ в Лансанг огнестрельного оружия.

Упадок Лансанга в конце XVI – первой трети XVII в., вызванный войнами за освобождение от бирманского господства и многочисленными смутами, на время приостановился в период долгого правления Сулигна Вонгсы (1637/1638—1694), восстановившего контроль Лансанга над частью провинций и наладившего торговые контакты с Голландией. Вскоре после смерти Сулигна Вонгсы в ходе борьбы между его наследниками и благодаря вмешательству в дела Лансанга более могущественных соседей (Вьетнама и Сиам) государство распалось на два княжества – Луангпхабанг и Вьентьян.

ДАЙВЬЕТ (ВЬЕТНАМ)

Государство вьетов, находившееся с начала XV в. под управлением династии Поздних Ле (1428–1527), продолжало завоевательные походы на юг, в результате которых большая часть чамских земель (за исключением самого юга Чампы – Пандуранги) оказалась под властью вьетнамцев. Пандуранга признала вассальную зависимость от Дайвьета, но сохраняла определенную автономию до 1832 г., когда она вошла в состав вьетнамских провинций. Часть чамов бежала в Индонезию, на Филиппины и на остров Хайнань. Правители Дайвьета проводили активную политику переселения вьетов на чамские земли, местное население вытеснялось со своих земель.

В начале XVI в., когда династия Поздних Ле стала приходить в упадок, четверо правителей сменили друг друга меньше чем за 20 лет, а за влияние в стране стали соперничать крупные чиновничьи роды Нгуен, Мак и Чинь. В 1527 г. в результате государственного переворота власть захватил Мак Данг Зунг (1527–1530). В результате междоусобной борьбы трех кланов основанная им династия Мак потеряла большую часть своих владений в 1592 г. и обосновалась на Северо-Востоке Вьетнама – в провинции Каобанг. Контроль над столицей Ханоем (Донкинью) перешел к представителям рода Чинь, которые являлись фактическими правителями при марионеточных императорах из династии Ле. Главы рода Нгуен правили тогдашним Югом Вьетнама. В XVII в. эти династии фактически разделили страну на две части: северную под властью Чинь и южную под властью Нгуенов. Несмотря на политическую нестабильность, вызванную частыми междоусобными войнами, обе части страны достаточно успешно развивались, особенно на Юге: росли частновладельческие хозяйства, расширялось ремесленное производство и предпринимательство, интенсифицировались товарно-денежные отношения, торговля, добывающие промыслы.

МАЛАККСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И НУСАНТАРА (ОСТРОВНАЯ ЧАСТЬ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ)

В Малаккском султанате, образованном в начале XV в., во время правления султана Махмуд-шаха (1488–1511) политический курс зависел от того, кто занимал пост первого министра. Первые 10 лет им был талантливый политический деятель Тун Перак, фактический правитель страны, при котором соблюдалось равновесие между малайской и тамильской знатью. После его смерти это равновесие было нарушено: сначала при Тун Мутахире все ответственные посты в государстве заняли тамилы, а после его казни в 1510 г. – малайцы. В султанате еще более укрепились позиции ислама. Владения султана расширились до южных границ Аютии на севере и до Суматры на юго-западе. Находясь на пересечении торговых путей между Китаем, Индией, Сиамом, арабскими странами и Европой, Малакка являлась местом культурных контактов между различными цивилизациями. В XVI – XVII вв. мирные контакты сменились вооруженным противоборством с европейцами: стратегическое положение Малаккского султаната привело в 1511 г. к захвату Малакки и значительной части земель султаната португальцами, у которых город в 1641 г. отвоевали голландцы. Территория самого Малаккского султаната распалась на многочисленные более мелкие исламские княжества, чему способствовали португальцы, стремившиеся не допустить возникновения крупных местных государств.

Несмотря на это, одному из наследников Малаккского султаната – Джохору (расположенному в южной части Малаккского полуострова, куда первоначально перенес свою столицу бежавший из Малакки султан) удалось укрепить свои позиции и, заключив в 1637 г. союз с голландцами, вытеснить португальцев из Малакки. Джохор расширил свои владения за счет обширной провинции Паханг на севере, островов Риау (граничат с Сингапуром и южной частью Малакки) и части Суматры.

Северную часть Суматры занимал султанат Аче (Ачех), значительно усилившийся после захвата португальцами Малакки. Являясь наиболее исламизированным султанатом, Аче стал опорным пунктом для сопротивления португальцам, пытавшимся монополизировать торговые пути в регионе и вытеснить купцов-мусульман. Под властью Аче оказался ряд портов, из которых экспортировалось золото и пряности. Торговые, дипломатические отношения и культурный обмен связывали султанат с Османской империей (поставлявшей в том числе артиллерийские орудия), Бирмой (откуда поступал рис), Голкондой и Гуджаратом (экспортировавшими ткани), а затем империей Великих Моголов и портами Красного моря. Позиции Аче ослабли лишь после перехода Малакки в руки голландцев, сумевших перекрыть султанату часть торговых путей.

Существовавшее с конца XIII в. на Яве индуизированное государство Маджапахит (в период своего расцвета в середине XIV в. подчинившее большинство крупных островов Индонезии и значительную часть Малаккского полуострова) в XV в. начало терять свои владения. Этим воспользовались мусульманские султанаты, образовавшиеся на Севере Явы, которые объединились в коалицию и захватили в 1478 г. столицу Маджапахита. К 1527 г. это государство окончательно распалось. Одним из его наследников стал позд-

ний Матарам, первоначально включавший в себя внутренние районы центральной Явы, населенные яванцами и являвшиеся традиционным ареалом рисового земледелия. В начале XVII в. при сунане (султана) Агунге (1613–1645) Матарам распространил свою власть и на часть прибрежных районов острова, а затем его правители попытались расширить свое влияние на другие острова Индонезии: Мадuru, Южную Суматру, часть Калимантана. Усиление Матарама привело к войнам с голландцами, постепенно занявшими место португальцев. В середине XVII в. Матарам уже не мог противостоять голландской экспансии, что привело к постепенному переходу его земель под власть голландцев: в 1684 г. султан Хаджи фактически отказался от самостоятельности и признал вассальную зависимость от голландской Объединенной Ост-Индской компании.

Возникшее на западе Явы государство Бантен (Бантам), в котором основным языком был не малайский, а яванский, переживало расцвет в середине и конце XVI в. Контролируя Зондский пролив, Бантен поставлял яванский перец в Китай и пряности в Аче. Этот султанат стал крупным торговым и перевалочным центром обмена товаров, производимых на всей территории Индонезии (включая самые отдаленные острова), на великом морском пути из Европы и Индии в Китай. К концу XVI в. султанат смог захватить и специализирующиеся на выращивании перца районы Южной Суматры, где яванцы способствовали распространению ислама среди вождей местных племен. Самый известный правитель Бантена, носивший, так же как и упомянутый ранее правитель Матарама, имя султан Агунг (ок. 1651–1683), пытался интенсифицировать выращивание перца, а также организовать плантации риса и кокосовых пальм, способствовал распространению ветряных мельниц, сделанных по голландским образцам. Султан Агунг стремился укрепить экономические позиции Бантена и создал флот, в который входили европейские и китайские корабли, плававшие к берегам Японии, Китая и Ирана. Значительную роль в экономической жизни Бантена, так же как и некоторых других островных индонезийских государств, играли китайские купцы и торговцы. Тем не менее Бантен не смог долгое время сопротивляться экспансии голландской Ост-Индской компании и после войны 70–80-х годов XVII в. потерял значительную часть территорий на Западе Явы, что ускорило его упадок.

ФИЛИППИНЫ

Филиппины, находившиеся на крайнем северо-востоке Нусантары и отстававшие в своем развитии от большинства государств этого региона, тем не менее, поддерживали связи с остальной частью Юго-Восточной Азии, Индией и Китаем. Образование относительно сложных политических структур, протогосударств и государств, первоначально было связано с распространением в южной части архипелага ислама. Поэтому наибольшего развития достиг архипелаг Сулу, куда мусульманство проникло еще в начале XIV в. В середине XV в. выходцем из Малакки там был образован султанат, основатель которого выдавал себя за потомка пророка Мухаммада. В последней четверти XV – начале XVI в., благодаря «эмиграции» из захваченной

в 1511 г. португальцами Малакки, султанат появился и на Минданао, где шла активная исламизация, сопровождавшаяся строительством мечетей. Севернее, на Себу (Висайские острова), исламизация была крайне поверхностной, а единый верховный правитель отсутствовал. Одно из политических образований острова было индуизировано еще до исламизации архипелага. Именно на Себу в 1521 г. впервые высадились испанцы – экспедиция Магеллана, который погиб, вмешавшись в борьбу местных вождей.

Самый северный остров архипелага Лусон был разделен между племенными образованиями, управлявшимися группами старейшин, и в целом находился на более низкой ступени развития, чем южные острова. Тем не менее на Лусоне существовало государственное образование Тондо (в районе реки Пасиг), первоначально индуизированное, а затем и исламизированное, правитель которого Раджа Сулайман (1558–1575) тщетно пытался накануне испанского завоевания убедить других местных вождей признать свою верховную власть и принять ислам. И все же Тондо (процветание которого основывалось преимущественно на морской торговле) было тесно связано с Китаем, Чампой, Японией и султанатом Брунеем и стало в XVI в. региональным лидером. Появившиеся на острове испанцы захватили порт Серулонг (находившийся на месте Манилы) в 1570 г., а в 1591 г. разбили трех местных правителей, в том числе «короля» Тондо.

С приходом испанцев началась христианизация островов, столкнувшаяся со значительным сопротивлением на Юге архипелага, успевшем прочно впитать мусульманские традиции, но практически завершенная на Севере и в центре к концу XVII в. Новая религия, как и во многих других частях «открываемого» европейцами мира, накладывалась на Филиппинах на местные анимистические верования, шаманизм, индуизм, буддизм и различные синкретические формы, существовавшие на архипелаге до прихода испанцев. В связи с этим христианизация оставалась относительно поверхностной, чему способствовало и сравнительно небольшое число европейцев на островах, большинство из которых жило в огражденной стенами и отстроенной в традициях латиноамериканской колониальной архитектуры Маниле. Управление и земельная система также строились на Филиппинах по образцу американских владений Испании. Небольшая доля испанского населения (менее 1% в XVII в.) и его изолированность от местных жителей не помешали завоевателям сохранить Филиппины, несмотря на местные восстания, нападения англичан и голландцев. Население островов оставалось практически не ассимилированным, и к середине XVII в. лишь около 5% коренных филиппинцев знало испанский язык.

В XVI в. Китай находился в середине очередного династического цикла. Мощь и влияние государства Мин возросли при первых императорах этой династии в конце XIV – начале XV в., когда корабли юньнаньского мусульманина Чжэн Хэ бороздили воды Индийского океана и доходили до восточного побережья Африки, а десятки крупных и мелких правителей со всех концов Юго-Восточной Азии прибывали к императорскому двору, дабы лично принести «вассальную присягу» и поднести экзотические дары. Но к началу XVI в. империя пребывала в состоянии стагнации. Происходившие в стране процессы чаще всего оказывались вне «зоны контроля» слабеющей государственной власти. Повторялась история, уже многократно случавшаяся с династиями Поднебесной: разбухшие официальные структуры власти и неповоротливые механизмы управления государством становились всё менее эффективными, что вызывало к жизни другие схемы и варианты ведения дел, также опробованные историей.

Изменения затронули все социальные слои империи, начиная от жителей «запретного города» и дворов титулованной провинциальной знати, кончая торговцами и военными поселенцами. Государственное управление должно было осуществляться разрастающейся с каждым годом армией чиновников, прошедших экзаменационные конкурсы; оно строилось на специальных процедурах и «ритуалах» (например, общих приемах-собраниях сановников империи, которые, впрочем, потеряли свою первоначальную значимость уже в конце XV в.) и постепенно всё больше оказывалось сосредоточено в руках «внутридворцовой» администрации.

Ученые-чиновники, в большинстве своем отодвинутые полуофициальными и неофициальными структурами от реального управления государством (по крайней мере, на его высшем уровне), тем не менее, пытались повлиять на сложившееся положение доступными им способами. Их действия и предлагавшиеся «программы» мало сказались на реальной жизни и развитии империи Мин, но внесли при этом значительный вклад в развитие политической и экономической мысли.

В самой же «внутридворцовой» администрации с начала XVI в. Внутридворцовый секретариат (*Нэйгэ*) из назначавшихся императором секретарей (*дасюэши*) делил власть с не объединенными в какую-либо административную структуру «внесистемными» выдвиженцами-фаворитами. Многие из них были придворными евнухами – людьми, повседневно, даже ежедневно общавшимися с императором. Огромная роль евнухов была в определенной степени оправданной, так как в условиях существования громоздкого и неповоротливого бюрократического аппарата необходим был канал быстрого доступа к императору. С этой задачей могли справиться только фавориты и евнухи, «пробивавшиеся» к правителю не через всю толщу государственного аппарата, а «быстро и сбоку». К концу правления династии Мин число евнухов достигло приблизительно 100 тысяч человек. Они занимали ответственные и выгодные посты не только при дворе в столице (где их насчиты-

валось примерно 10 тысяч), но и в провинциях. Евнухи были губернаторами, правителями городов, командующими войсками, инспекторами двора.

Роль Внутридворцового секретариата (Нэйгэ) особенно возросла с 20-х годов XVI в. Именно тогда было официально признано его более высокое положение по отношению к Шести Ведомствам (*Лю бу*: жертвоприношений, назначений, военному, юстиции, финансов и трудовых работ), которые до этого считались высшей администрацией. Выросло влияние главы Внутридворцового секретариата – *шоуфу*. В секретари этого ведомства попадали в основном ученые мужи из столичной Академии *Ханьлин*. Однако среди секретарей Нэйгэ были и начальники отдельных Ведомств из Лю бу. Они работали в Нэйгэ «по совместительству», сохраняя основную должность начальника Ведомства. Внутридворцовый секретариат не являлся органом «регулярной» бюрократической машины. Поэтому его функции не были четко определены. Однако практически именно секретари, иногда при участии глав Ведомств, составляли проекты императорских указов и прочих официальных бумаг, налагали резолюции на поступающие сообщения и писали ответы на доклады чиновников. Все это, естественно, подразумевало получение предварительного одобрения императора.

Кроме того, секретари Внутридворцового секретариата имели право подавать «тайные доклады» лично императору, беседовать с ним о политических делах, толковать ему книги в его учебном кабинете. Все это открывало немалые возможности для их влияния на императора. Секретари Нэйгэ вели также повседневную хронику текущих событий для составления «Записей о свершившемся» или «Правдивых записок» (*ши лу*) в каждое царствование, а также составляли исторические сочинения и династийные истории. Составлять официальную историю династии можно было только после того, как эта династия прекратит свое существование. И это правило строго соблюдалось.

ИМПЕРАТОРЫ, СЕКРЕТАРИ И ФАВОРИТЫ

Во главе системы управления продолжал находиться император, хотя его реальная власть становилась всё более ограниченной Внутридворцовым секретариатом. Зачастую это было связано не только со стремлением самих секретарей – *дасюэшей* – расширить свои полномочия за счет императорской власти (это было сложно, так как ряд государственных функций мог исполнять лишь сам верховный правитель), а в первую очередь с незаинтересованностью императоров в государственных делах. Поэтому общие приемы-соборания превращались в фикцию, сохраняя лишь свои ритуальные функции. Военные чиновники танцевали на них перед императором с мечом в одной руке и со щитом в другой, а гражданские чиновники – с кистью и чернильницей для туши.

Тем не менее иногда императорам приходилось бороться против Внутридворцового секретариата. В условиях этой борьбы могли выдвинуться фавориты, не связанные с Нэйгэ, которые на время получали в свои руки огромную власть. Например, при императоре Чжу Хоучжао (1505–1521, хра-

мовое имя У-цзун)* в связи с тем, что государь не смог полностью подчинить своему контролю Нэйгэ, он еще в самом начале своего царствования возвысил евнуха Лю Цзиня, назначив его главой Палаты жертвоприношений (*Сылицзянь*), а в 1508 г. – начальником нового сыскного органа *Нэй-синчан* (Внутренняя канцелярия юстиции). Как и в первые десятилетия правления династии Мин при Чжу Юаньчжане, в начале XVI в. огромную роль играла служба сыска, практиковались массовые аресты и казни.

Оказавшись во главе двух могущественных ведомств, Лю Цзинь полностью исключил какое-либо влияние дворцовых секретарей и приобрел такую власть, что стал опасен для трона. Ко двору потекла река жалоб на творящиеся в империи произвол и коррупцию. За этим последовали предложения «реформ» (точнее, возвращения к традиционной форме правления, соответствующей представлениям об «идеальном» с конфуцианской точки зрения государственном устройстве древности). Петиции подавали в основном чиновники Цензората (*Юйшитай*) и ученые-конфуцианцы из столичной Академии Ханьлинь. Император Чжу Хоучжао не спешил прислушиваться к жалобам и советам, но, тем не менее, предпочел избавиться от усилившегося фаворита. В 1510 г. Чжу Хоучжао казнил Лю Цзиня и конфисковал его имущество (было обнаружено 2,5 млн лян** золота, 50 млн лян серебра и много иных ценностей). Чиновники, подававшие петиции, и в течение «правления» Лю Цзиня и после его свержения подвергались казням, арестам, высылке из столицы и конфискации имущества (в общей сложности пострадало около 500 столичных чиновников и ученых).

Сам император Чжу Хоучжао в своем отношении к империи и ее жителям немногим отличался от своего могущественного временщика. Правитель совершал грабительские налеты на близкие и далекие окраины столицы, опустошал лавки и дома своих подданных, захватывал и увозил в свой гарем женщин. Огромные суммы шли на различного рода увеселения: пиршества с редкими яствами, дорогостоящие поездки по стране, охоту, содержание зверинцев с заморскими животными, уход за парками с самыми разнообразными экзотическими растениями. За время правления Чжу Хоучжао расходы двора возросли в пять-шесть раз по сравнению с предшествующим царствованием.

Во время 45-летнего правления следующего императора Чжу Хоуцуня (1521–1566, храмовое имя – Ши-цзун) евнухи продолжали играть значительную роль в придворных интригах, но фаворитами становились уже сами главы и секретари Нэйгэ. В этот период последовательно возвышались и «падали» четыре временщика. Сначала это был глава Внутрдворцового секретариата Ян Тинхэ, который помог Чжу Хоуцуну, отпрыску боковой ветви династии Мин из провинции Хубэй, оспорить престол у его соперников (династический кризис был вызван смертью сыновей предыдущего императора в юном возрасте). Ян Тинхэ на недолгое время вернул управление страной в «традиционное русло» (т.е. в руки чиновников, занимавших свои должно-

* Традиционно китайские императоры могут называться несколькими именами: личным и посмертным храмовым. Кроме того, в качестве имени императора могли использоваться девиз или девизы его правления, что было достаточно распространено во время правления династии Мин.

** Слиток чаще всего серебра, весом порядка 40 г, и счетная единица.

сти по результатам экзаменов). Власти казнили наиболее одиозных коррупционеров предшествующего царствования, на время ограничили произвол евнухов, сократили на 10 тысяч человек аппарат репрессивно-сыскных организаций, отобрали у придворных незаконно награбленные земли и даже снизили налоги. Но эти меры в очень скором времени были сведены на нет. В 1524 г. Ян Тинхэ стараниями своих противников был отправлен в ссылку. Его сторонники в знак протеста устроили коллективный плач во дворце, стоя на коленях. По приказу императора их схватили и публично казнили. Хотя петиции с жалобами и предложениями продолжали поступать ко двору, в течение почти 50 лет на них не было никакого отклика, никакой реакции правительства, мало беспокоившегося о происходивших в стране тревожных процессах.

Сам же император Чжу Хоуцун вместо занятий государственными делами посвятил себя поиску эликсира бессмертия и беседам с придворными даосами о достижении вечной жизни. Место Яна Тинхэ при его дворе занял секретарь Чжан Цун (после 1529), которого сменил в качестве фаворита Ся Янь (после 1536), а затем Янь Сун (с небольшими перерывами почти 20 лет с 1542 по 1562). Влияние последнего на императора было особенно значительным, что помогло Янь Суну приобрести себе огромное состояние. Коррупция и взяточничество за долгий период правления фаворитов при занятом «высокими материями» императоре превратились фактически в норму. Контроль центральной власти над провинциями и границами резко ослаб.

Временный подъем и улучшение ситуации в империи Мин наступили во второй половине XVI в. при недолгом правлении Чжу Цзайхоу (1567–1572, храмовое имя – Му-цзун), одного из немногих императоров XVI в., который интересовался не только развлечениями, но и государственными делами. В это время изменился внешнеполитический курс империи Мин, с одной стороны вновь открывшейся для более активных торговых связей с другими государствами, а с другой – проводившей меры по укреплению сухопутных и морских границ: в 1570 г. был заключен мирный договор с монголами.

В первые 10 лет правления императора Чжу Ицзюня (1572–1620, храмовое имя – Шэнь-цзун), с 1572 по 1582, практическая власть находилась в руках Чжан Цзюйчжэна – регента и главы Нэйгэ, бывшего до этого учителем Чжу Ицзюня. Чжан Цзюйчжэн усилил контроль за эффективностью действий государственного аппарата, возродил аудиенции чиновников при дворе, укрепил командный состав армии. Именно в этот период двор выделил средства на восстановление ирригационной системы, была проведена крупная кадастровая перепись, направленная на выявление земель, утаивавшихся от налогообложения. В стране активно вводились новые сельскохозяйственные культуры, привезенные из Нового Света: кукуруза и картофель. Однако после смерти Чжан Цзюйчжэна в 1582 г. столь необходимые стране реформы были осуждены и во многом сведены на нет.

Тем не менее в следующие годы почти до самого конца XVI в. Чжу Ицзюнь еще интересовался государственными делами, пытался издавать собственные законы и проводил активную и достаточно успешную внешнюю политику (правда, дорого обошедшуюся Китаю). Дорого стоил империи и двор правителя с его пышными церемониями. Но к концу XVI – началу

XVII в. император потерял всякий интерес к делам управления страной и даже стал пренебрегать традиционной практикой утверждения чиновников и служащих на различные посты в бюрократическом аппарате. В итоге многие должности в государственном аппарате оставались вакантными, хотя на них претендовало много достойных чиновников и лауреатов экзаменационных конкурсов. Даже посты начальников Шести центральных ведомств (*Лю бу*) и их помощников подолгу оставались незанятыми. Наконец, к концу XVI в. наступило перепроизводство чиновников: число претендентов на чиновничье звание настолько возросло, что чины стали давать по жребию. А удачно выпавший жребий часто зависел от величины подношения тем, кто определял победителя в жеребьевке. Все это говорило о том, что отсроченный рядом мер, проведенных в 60–80-е годы XVI в., конец династического цикла приближался.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО К ЧАСТНОМУ: ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Еще в начале правления династии Мин сложилась система предоставления родственникам императора уделов, доходы с которых должны были обеспечивать им средства к достойному существованию. Но эта система показала себя малоэффективной, так как на содержание увеличивающегося с годами числа принцев крови, их родственников и потомков уходило все большее количество земель из государственного фонда. В дополнение к этому на расходы родовой знати приходилось выделять значительные средства из казны. К 60–70 годам XVI в. численность родственников императора увеличилась до 28 тысяч человек. На их содержание тратилось 37,3% всех налоговых средств. В XVI в. масштабы «усадебных полей» (*чжун тянь*) знати и «императорских усадеб» (*хуан чжуан*) также резко увеличились. Эти земли, продолжая числиться формально государственными, фактически переходили в распоряжение своих «благородных» хозяев и передавались по наследству. К середине XVI в. «усадебные поля» знати составляли двадцатую часть всех пахотных площадей в стране. Особенно велики были усадебные земли удельных правителей и их кланов. Сами же удельные князья становились все более неподконтрольными представителям слабеющей центральной власти. Дело доходило до вооруженных конфликтов между удельной аристократией и центральным правительством. Удельная знать и ее родня чинили произвол в своих владениях: смещали назначаемых из центра чиновников, бросали неугодных в тюрьмы, казнили, грабили и чрезмерно эксплуатировали местное население, обзаводились собственными сыскными организациями.

Одним из признаков кризиса в системе государственного управления с точки зрения традиционного конфуцианского мировоззрения являлся рост частных земельных владений на фоне уменьшения числа государственных земель. С этими процессами рано или поздно сталкивалась каждая китайская династия. В условиях, когда династия хотела и была в состоянии справиться с этими процессами, проводились меры, направленные на восстановление «идеалов древности». Частные земли конфисковывались, крестьяне вновь платили основные налоги в государственную казну, частная экономическая

инициатива жестко контролировалась принимаемыми правительством мерами. Таким образом, «ветви» – ремесло и торговля – обрубались, чтобы мог лучше расти «ствол» – крестьянство. В случае если династия по ряду причин не могла или не хотела возвращать страну в старое русло развития, чаще всего ее вскоре сменяла новая династия, начинавшая свое правление с проведения в жизнь подобных мер.

Династия Мин в середине, а тем более в конце своего правления, уже подрубала «ветви», например отказавшись от морской экспансии начала XV века. Однако борьба с концентрацией земель в крупных частных владениях была малоэффективной. Решиться же на более жесткие меры, регулярно предлагаемые конфуцианскими чиновниками и учеными, императоры и их советники и фавориты либо не могли, либо не хотели. В отличие от приверженцев «идеалов древности», установившаяся де-факто система экономических и земельных отношений устраивала многих. Несмотря на всю свою закрытость в первой половине XVI столетия, в условиях ослабления контроля государственной власти над провинциями Китай все же оказывался подвержен не только «разлагающим» процессам изнутри, но и влиянию внешних факторов. Поэтому центром происходивших изменений во второй половине XVI в. стал расположенный дальше от столицы и ближе к основным торговым путям традиционно более богатый Юг страны. Там на императорские указы обращали мало внимания и находили «окольные» способы добиваться желаемых результатов (будь то концентрация земель в частных руках или ведение официально запрещенной либо жестко регламентированной торговли).

КРИЗИС СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И АРМИИ

Пути превращения государственного земельного фонда в частные владения были разными. Например, земли военных поселений (часто расположенные на границах империи) переходили в частное распоряжение местного военного начальства, чиновников и присылаемых для надзора дворцовых евнухов. Офицеры и военные чиновники заставляли солдат собирать для себя урожай. Многие солдаты-военнопоселенцы бросали свои участки и бежали.

К началу XVI в. доходы казны от военных поселений составляли десятую часть от первоначально получавшихся в конце XIV в. Это непосредственно сказывалось на состоянии армии. Кризисное положение военных поселений и армии в целом описано в «Записях о свершившихся делах династии Мин» (подробной «черновой» хронике, которая составлялась при правлении самой династии Мин и должна была послужить основой для создания официальной истории, выходящей в свет уже при следующей династии):

«В начале династии снабжение армии в большинстве своем опиралось на поступления от военных поселений и соли. Ныне военные поселения пришли в упадок, соляные законы не действуют, и без [достаточных] усилий [их] не восстановить.

Когда говорят об упадке военных поселений, то имеют в виду четыре бедствия: монгольская конница непрерывно [вторгается в] пограничные районы, [а] во время военного положения нельзя заниматься хлебопашеством; воли и семена не выдаются, и нет возможности заниматься хлебопашеством; взрослые работники гибнут во множестве, и нет людей, чтобы заниматься хлебопашеством;

[Хэ]тао вот-вот перейдет к монголам; [когда] монголы приходят, [мы] переселяемся [во] внутренние [земли], поля же остаются за границей, [в таких] условиях [мы] не можем осмелиться заниматься хлебопашеством. [Из-за] этих четырех бедствий система военных поселений развалилась, однако [чиновники], управляющие военными поселениями, все еще собирают налоги в соответствии с реестрами. <...> [Таким образом], от военных поселений нет выгоды, а есть вред. Как же могут военные поселения возродиться?»

В итоге, с начала 20-х годов XVI в. власти фактически отказались от практики расселения солдат на землях военных поселений и стали сдавать эти земли гражданским людям на условиях, напоминающих аренду: закрепленные за отдельными хозяевами земли со временем приобретали характер частного владения. Государство было вынуждено переходить к практике найма солдат. Но жалование в войсках было очень низким. С появлением наемной армии постепенно отмирали и наследственные «военные дворы», которые были обязаны пополнять войска. В связи с увеличением числа наемников в течение всего XVI в. солдаты не отвлекались на полевые работы, как они вынуждены были делать это в рамках системы «военных дворов». Однако казнокрадство военных чиновников не уменьшилось, и боеспособность войск была плохой.

Основным каналом приобретения земельных владений продолжала оставаться купля–продажа земли. Цена на землю в XVI в. поднялась по сравнению с концом XIV в. в несколько раз и доходила до 50–100 лян серебра за 1 му (0,046 га). На Юго-Востоке Китая крупные земельные владения в среднем составляли 700 цин (1 цин = 1000 му), в Хэнани (Центральный Китай) от 500 до 1000 цин, в Шаньси – несколько сотен цин. Причем эти данные относились только к земле, учтенной в земельных кадастрах. А к началу XVI в. фонд учтенной земли сократился по сравнению с концом XIV в. на 30–40%. Государственные земли захватывала как близкая и дальняя императорская родня, так и непривилегированные землевладельцы («обманщики из народа»). Сокращалось и количество податных дворов, служивших основной единицей обложения налогами. В его основе лежала система «двух налогов» (*лян шуи*) – летнего (пятого месяца) и осеннего (десятого месяца). Уплачивались эти налоги теми видами продукции, которые производились в данной местности, главным образом зерном (пшеницей и просом на Севере, рисом на Юге). В XVI в. в среднем налог с государственной земли составлял приблизительно 1 ши (107, 36 л) с 1 му, т.е. приблизительно 50% всего урожая.

В XVI в. основной «летне-осенний» налог было уже практически невозможно выплачивать. А помимо него существовали различные дополнительные сборы и трудовая повинность для непривилегированного населения. Мелким землевладельцам проще было становиться арендаторами на чужих землях, что, в свою очередь, еще больше способствовало концентрации крупной земельной собственности в частных руках. В то же время возрасставшее число чиновников ставшего неэффективным государственного аппарата и толпы родовой знати требовали для своего обеспечения все большего количества средств. Но в ситуации увеличения числа частных владений и сокращения земель, с которых поступали основные доходы государства, а также в связи с истощением других источников доходов казны (например, из-за несоблюдения введенной еще в конце XIV в. монополии на торговлю солью и чаем), ростом затрат на развлечения императора и строительство его двор-

цов, казна не справлялась с покрытием основных государственных расходов. С 50-х годов XVI в. не хватало средств даже на покрытие их половины.

Во второй половине XVI в. во время уже упоминавшегося «правления» главы Верховного секретариата Чжан Цзюйчжэна в 1577–1581 гг. было решено укрепить государство, увеличив доходы казны путем выявления скрываемой от налогообложения земли. После проведения новой кадастровой переписи было обнаружено около 3 млн цин «утаенной» от налогообложения земли или 3/7 от всего земельного фонда. Оказалось, что ранее, до переписи 1577–1581 гг., в земельных реестрах числилось немногим больше половины всего земельного фонда. Но даже увеличение облагаемого земельного фонда в результате всеобщей переписи 1577–1581 гг. более чем на 40%, а количества податных дворов – на 1,5 млн человек не спасало положения. Тогда в 1581 г. Чжан Цзюйчжэн, уже под конец своего управления государством, решил ввести единый налог (*тябянь*). Все прежние разнообразные налоги и повинности заменялись единой денежной ставкой, исчислявшейся в серебре. Чжан Цзюйчжэн определил, что все прежние налоги составляли 60% общей новой ставки, исчисляемой в серебре, а повинности – 40%. Предполагалось, что теперь для исполнения повинностей государство будет нанимать работников за деньги. Сумма единого налога исчислялась государственными властями и распределялась на деревни или фискальные общины, состоящие из десятидворок или стодворок. Внутри этих деревень или фискальных общин местные власти – деревенские и волостные старосты – сами раскладывали налоги на отдельные дворы, исходя из количества получаемого ими урожая и числа работников.

Упразднение трудовых повинностей и унификация налогов (при которой многие дополнительные «незаконные» налоги попросту упразднялись) должны были облегчить тяжесть фискального бремени для налогоплательщиков. Однако положительные результаты этой реформы сказывались недолго. Улучшению ситуации в сельском хозяйстве во второй половине XVI в. в целом способствовало проникновение в Китай новых сельскохозяйственных культур из Нового Света, в первую очередь кукурузы и сладкого картофеля, который наряду с рисом превратился в основной продукт питания простого народа. Высокая урожайность этих культур способствовала новому демографическому подъему страны.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ТОРГОВЛЯ

В середине XV в. кратковременная активизация внешней политики Китая на суше дорого обошлась империи: победоносный поход в Бирму стоил огромных средств, а война с ойратами (западномонгольскими племенами) закончилась катастрофой – пленением императора и осадой Пекина. Последнее событие усилило позиции и до этого преобладавших сторонников политики «изоляции» страны. В их глазах «варварская» периферия и торговля с ней не могли дать Поднебесной ничего нового, а превосходство китайской культуры и китайских традиций должно было обеспечить империю почтением и повиновением со стороны самих варваров. Для большей безопасности соседние народы следовало «направлять» друг на друга. Данная схема ра-

ботала далеко не всегда и далеко не со всеми. Если на Юге правители граничивших с Китаем государств Юго-Восточной Азии чаще всего не представляли для северного соседа какой-либо угрозы, то ситуация на Севере была гораздо более тревожной.

Отступившие в середине XV в. от стен Пекина монголы не прекратили свои набеги, участвовавшие после объединения Монголии Даян-ханом в 80-х годах XV в., что побудило правительство Мин в конце XV – начале XVI в. выделить средства на реконструкцию Великой стены. Впрочем, и эта мера не принесла большого успеха, так как южнее стены часть района Хэ-тао – Ордос оказалась под контролем кочевников. С 1514 по 1526 г. Даян-хан почти ежегодно совершал набеги на северные районы Китая, причем неоднократно доходил до окрестностей Пекина. Попытки китайских войск отвоевать у монголов Ордос не принесли успеха. В 1550 г. монгольские войска овладели городом Датун (бывшем крупнейшим центром китайской обороны на Севере) и вновь подошли к стенам Пекина. Лишь в конце 60-х годов XVI., после окончания долгого правления императора Чжу Хоуцуна, китайцам удалось укрепить армию и оттеснить монголов. Вслед за этим, как уже отмечалось, в 1570 г. при императоре Чжу Цзайхоу был заключен мирный договор, возобновилась торговля, но отдельные набеги монголов с Северо-Запада продолжались и позже.

После событий первой половины XV в. (начиная с вывода в конце 20-х годов китайской армии из Северного Вьетнама, признавшего свой номинальный вассалитет по отношению к Поднебесной, и заканчивая сворачиванием крупномасштабных морских экспедиций в 30-е годы) Китай больше чем на столетие перешел к политике внешнеполитической и торговой «изоляции», выраженной в большей или меньшей степени при том или ином императоре. Этот поворот событий в определенной мере пошатнул положение Китая как «регионального лидера». Все реже и реже крупные и даже мелкие державы Юго-Восточной Азии, числившиеся в номинальных вассалах империи Мин, обращались к китайскому императору как к верховному арбитру при разрешении постоянно возникавших конфликтов, а уж тем более в надежде получить какую-либо реальную поддержку от слабеющей китайской армии. Тем не менее «вассалы» и «данники», в отличие от двора в Пекине, были заинтересованы в поддержании официальных отношений и в увеличении числа посольств, под прикрытием которых проводился интенсивный торговый обмен.

Резкие ограничения, а затем и прекращение официальной морской торговли (в 20-е годы XVI в. правительство династии Мин ввело строгий запрет на сношение с заморскими странами и закрыло Управление торговых кораблей (*Шибосы*), принимавшее иностранцев и их товары) не устраивали китайское купечество приморских районов. Поэтому торговые связи продолжались нелегально, процветала контрабанда. Более того, именно в руках китайских купцов и торговцев находился основной оборот товаров в регионе. Первые европейцы (португальцы), появившиеся в китайских морях в начале XVI в., не могли составить существующим неофициальным торговым китайским сетям какую-либо серьезную конкуренцию. И даже усиление европейского присутствия в регионе после захвата испанцами Филиппин и появления португальцев в Индонезии мало сказалось на сложившейся ситуации:

китайские предприниматели успешно встраивались в новые политические структуры и продолжали оставаться неофициальными торговыми лидерами.

Правительство в Пекине не проявляло никакого интереса к их предприятиям, если они не затрагивали непосредственно территорию империи. Таким образом, экспансия китайских торговцев продолжалась не благодаря, а вопреки действиям официальных структур и ведомств. Жители крупных китайских поселений в других странах рассматривались как эмигранты, недостойные милости и внимания императора. Торговцы же, нарушавшие морские запреты, были объявлены правительством «пиратами» (*вокоу* – термин, обычно применявшийся к японским пиратам). Впрочем, ни запреты, ни нелегальный статус не мешали расцвету контрабандной торговли. Зачастую «пиратов» поддерживали и местные чиновники самых разных рангов.

Именно в этих условиях развивались отношения Китая с европейцами. Потенциально возникновению конфликтов и непониманию сторонами друг друга способствовало множество факторов, начиная с различного отношения к вопросу о значимости внешней торговли, рассматривавшейся европейцами в качестве источника богатства, а китайскими властями – в виде ненужной «ветви», которую следует обрубить (что и делали морские запреты), и заканчивая разными представлениями о дипломатии. Для Китая постоянное посольство иностранной державы при императорском дворе было невозможным: китайский император мыслился в качестве правителя всего мира, поэтому в Поднебесной не могло быть равновеликого ему партнера. Именно поэтому приезд иностранных послов в Пекин мыслился лишь в традиционной форме прибытия «данников», которые, проникнувшись добродетелями правителя Поднебесной, должны были нести гуманность и просвещение в свои «варварские» периферийные государства. Несоответствие традиционной китайской системы построения внешних связей и принятых среди европейских стран дипломатических норм стало источником непонимания и трений между китайцами и европейцами с самого начала появления европейских кораблей у китайских берегов. В 1516 г. в Китай приплыл итальянец на португальской службе Рафаэль Перестрелло, а в 1517 г. – португальская эскадра Фернана д'Анраде. Тогда же появился первый португальский посол Томе Пиреш, отправившийся в Пекин. В ходе этого посольства португальцы попытались получить факторию в Китае, но власти не дали на это согласия. После отказа возникли вооруженные столкновения, неизбежные в условиях действия «морских запретов». В 40-е годы XVI в. португальцы самовольно захватили торговую базу вблизи Нинбо в Чжэцзяне и высадили колонистов.

Наибольшие усилия по реализации «морского запрета» были предприняты в 1547–1549 гг. губернатором провинции Чжэцзян Чжу Ванем, когда он начал укрепление обороны побережья. В 1549 г. Чжу Вань выбил португальцев из Нинбо. После 1555 г. «вокоу» были также вытеснены им из прибрежных вод Цзянсу и Чжэцзяна в южном направлении – к Фуцзяни и Гуандуну. Но под натиском противников запретов морской торговли Чжу Вань вскоре был смещен со своего поста и казнен. После этого нелегальная морская торговля вновь оживилась по всему юго-восточному морскому побережью. Конфликты и столкновения китайских властей с португальцами продолжались вплоть до 1557 г., когда с помощью подкупа местных властей португальцы получили в свое распоряжение город и порт Макао (Аомынь).

Пиратские флотилии из джонок в этот период доходили по Янцзы вплоть до Нанкина, и лишь в начале 60-х годов XVI в. китайскому правительству удалось ослабить их натиск. Но действия «пиратов», наряду со сменой императора, принесли свои плоды: в 1567 г. Чжу Цзайхоу отменил запрет на сношения местного населения со всеми заморскими кораблями (кроме японских). Подобное исключение для японцев было связано с ростом активности настоящих «вокоу», которые в условиях очередного ослабления центральной власти в Японии с начала XVI в. активизировали свои нападения на побережья соседних стран, включая Корею, Китай и Юго-Восточную Азию.

Ослабел и «морской запрет» для самих китайских мореплавателей, что способствовало еще большему усилению частной торговли китайских купцов, к концу XVI в. охватывавшей практически все крупные порты стран Южных морей. Однако и после 1567 г. китайское правительство пыталось сохранить контроль за морской торговлей: все выходившие в море корабли должны были иметь письменное разрешение, патент (*инь пяо*), за который требовалось платить. По возвращении корабля с привозимых товаров также выплачивались налоги. Контролем внешней торговли теперь занимались в основном провинциальные губернаторы и чиновники: они вели сношения с европейцами, которых долгие годы не удостоивали приема при императорском дворе.

В результате отмены «морских запретов» количество китайских колонистов, поселившихся в портах стран Южных морей, значительно выросло по сравнению с началом XVI в. В Сиам и Сингапур ежегодно приходило более 100 китайских торговых кораблей. На Филиппинах в 1583 г. их насчитывалось около 200 (а в ходе «репрессий» 1603 г. испанцами было убито 23 тысячи китайцев, живших в Маниле). Но китайское правительство по-прежнему остерегалось тех, кто покидал пределы страны, и не поддерживало никаких связей с обосновавшимися в странах Южных морей китайскими колонистами. Тем не менее именно они оставались носителями той самой высокой культуры Поднебесной (пусть и не в ее классической форме), которая должна была, по мнению сторонников «изоляционизма», положительным образом влиять на «варваров» и их страны. Последние, правда, все меньше проявляли интерес к установлению отношений с Китаем в их традиционной форме, с 60–70-х годов XVI в. регулярно двор в Пекине посещали лишь послы Вьетнама и Чампы.

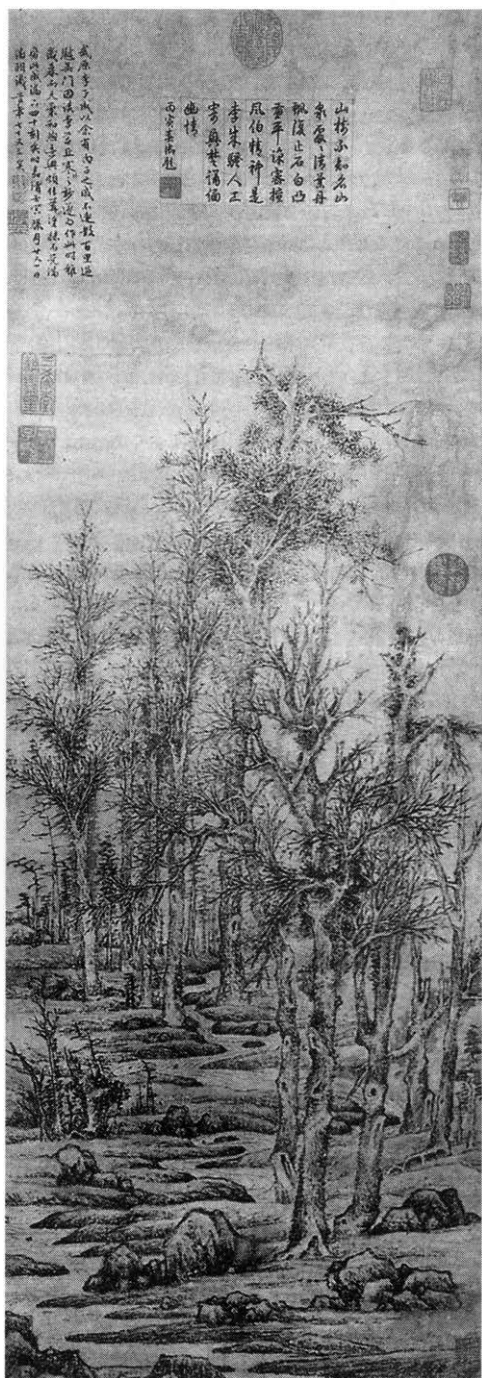
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Кризисные явления в жизни империи Мин (с точки зрения ориентированной на «эстатистские» ценности китайской конфуцианской традиции), как уже было отмечено, вызвали в XVI в. у части чиновников и представителей учено-служилых кругов стремление исправить положение. Наиболее распространенной и официально признанной философско-мировоззренческой концепцией продолжало оставаться конфуцианство (а точнее – неоконфуцианство, в котором конфуцианская основа сочеталась с элементами даосизма и буддизма). Именно в его рамках проходило обучение в столичных и провинциальных школах и академиях, что не могло не сказываться на политических установках китайских чиновников, добросовестно изучав-

ших классические тексты и проходивших через систему основанных на них экзаменов.

Все китайские «реформаторы» мечтали о возвращении к «идеалу древности». Необходимо было делать все возможное, дабы возвратиться в архаичный рай путем устранения всех «наслоений», «новшеств», «новаций», которые возникли после времен Яо, Шуня и Юя (легендарных императоров Китая, которых Конфуций считал воплощением «совершенного человека»). Следовало вернуть императору его древний облик «добродетельного» правителя и дать ему возможность придерживаться даосской концепции «недеяния» (деятельности, согласующейся с естественным ходом миропорядка). Чиновников следовало сделать честными, а управленческий аппарат – работоспособным. Армия должна была стать сильной и многочисленной. Крестьян нельзя было чрезмерно эксплуатировать. А ремесленников, торговцев и предпринимателей необходимо ущемлять, дабы не дать возможности развиться их частнособственническим инстинктам, подрывающим основы традиционного социального порядка. Минимумом реально выдвигаемых традиционалистами требований являлось возвращение к временам основателя династии Мин – Чжу Юаньчжана. Чиновники и ученые настаивали на прекращении «нерегулярного» управления. Они хотели, чтобы император взял в свои руки государственные дела и решал их в соответствии с конфуцианскими нормами, опираясь на чиновников государственного аппарата, а не на фаворитов и евнухов. В частности, они требовали укрепить разложившуюся армию, на содержание которой у центральной власти не хватало ни сил, ни средств. Традиционалисты предлагали также прислушиваться к мнениям, выражаемым в поступающих «снизу» докладах. К концу XVI столетия центр деятельности сторонников возвращения к «идеалу древности» переместился из столичной Академии Ханьлинь в провинции, и прежде всего на Юг.

Несмотря на то что с точки зрения неоконфуцианцев существовавший в Китае миропорядок был неидеальным, монголы нападали с севера, а пираты с востока, налоги были тяжелы и количество частных владений росло, жизнь в империи Мин, по мнению европейцев, во многих отношениях оставалась весьма комфортной. Невзирая на явное преимущество Запада в области изготовления огнестрельного оружия и навигационных приборов, а также в способах добычи и обработки металлов, многие китайские технологии еще долгое время превосходили европейские. К их числу относились чрезвычайно эффективные методы ведения сельского хозяйства, позволявшие худо-бедно кормить постоянно растущее население. (Возможно, именно с этими сельскохозяйственными технологиями связано более быстрое, по сравнению с Европой, распространение пришедших из Америки культур.) Не могли европейцы не обратить внимание и на китайскую технику ремесленного производства, в первую очередь на обработку шелка и хлопка, изготовление фарфора, производство бумаги. В городах существовали крупные специализированные рынки самых различных товаров. Вся страна, включая отдаленные периферийные районы, была связана торговыми путями, по которым ремесленные товары попадали в дальние уголки империи. По этим же путям происходило распространение «культурных достижений» во все более отдаленные провинции.

Вэнь Чжэнмин. Деревья зимой. 1542.
Британский музей, Лондон

К концу XVI в. значительно выросло количество издаваемых в империи книг, что способствовало еще большему распространению знаний и книжной культуры. Среди них были труды самых различных жанров: от официальных исторических хроник и докладов чиновников, географических атласов и описаний зарубежных стран (первые из которых составлялись в период действия «морских запретов») до книг по фармакологии и медицине.

Наиболее известными литературными произведениями XVI в. стали романы «Путешествие на Запад» («Си ю цзи») и «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь, Пин, Мэй»). В первом из них У Чэнчэнь (1500–1582), считающийся автором «Путешествия», в форме фантастического сатирико-приключенческого романа описывает странствие буддийского монаха VII в. Сюань Цзана по Великому Шелковому пути в Индию. В этом романе огромное внимание уделяется фантастическим персонажам, спутникам монаха — царю обезьян Сунь Укуну (фактически главному герою произведения), получеловеку-полусвинье и полулошади-полудракону. «Путешествие на Запад», написанное в полупрозаической полустихотворной форме, пользовалось популярностью как во времена династии Мин, так и в последующие эпохи, причем не только в Китае. «Путешествие на Запад» считается одним из четырех классических китайских романов (наряду с «Троецарствием» и «Речными заводами», созданными в начале правления династии Мин, а также «Сном в красном тереме» XVIII в.). В отличие от «Путешествия», «Цветы сливы в золотой вазе» (автор этого романа неизвестен) высмеивают реальность китайской жизни XVI в.

Главный герой – разбогатевший «авантюрист» Сымэнь Цин – проводит свою жизнь в развлечениях и пьянстве, окруженный шестью женами и множеством наложниц. Роман считается первым реалистическим произведением китайской литературы.

Архитектура XVI в. отразила общие тенденции: императоры и знать, интересовавшиеся больше развлечениями, чем государственными делами, строили роскошные дворцы и храмы с характерным изяществом внешнего декора. В это же время продолжалось возведение Храма Неба в столице и комплексов императорских погребений династии Мин. В живописи развивался традиционный китайский жанр «цветы и птицы», одним из самых известных представителей которого был Люй Цзи (1495–1576). Пожалуй, наиболее ярким художником конца XV – начала XVI в., рисовавшим как сценки из повседневной жизни, так и людей, пейзажи, цветы и животных, являлся Ду Чжин. Всё большее распространение книгопечатания приводило к появлению первых книжных иллюстраций, в том числе и цветных гравюр.

Фарфор и керамика, предметы домашнего обихода из самых различных материалов в XVI в. отличались не меньшим изяществом, чем крупные архитектурные формы. Фарфор и керамику в этот период начали расписывать в технике монохромной цветной глазури (желтой, зеленой, черной, розовой, часто с прорисовкой ветвей растений и птиц). Сохранялась также появившаяся еще в конце XV в. техника *дау цай* («борьба цветов»), характерной особенностью которой являлось сочетание подглазурной росписи кобальтом с надглазурной красной, зеленой и желтой эмалевыми красками.

В корейском государстве Чосон, находившемся под властью династии Ли (1392–1897), после политического и экономического подъема при правлении вана* Седжона (1418–1450) с середины XV в. началась структурная перестройка, затронувшая многие области управления и изменившая соотношение между государственным и частным землевладением. Ориентация на «идеалы древности», отдававшие предпочтение государственной собственности на землю, привела к тому, что правители время от времени препятствовали переходу земель в частные руки и превращению свободных крестьян (*янъинов*) в лично зависимых (*ноби*). Но тенденция к приватизации земли и личной зависимости всё больше усиливалась, поэтому проводимое перераспределение лишь ненадолго могло решить экономические и социальные проблемы. Другие же способы экономического регулирования не соответствовали корейским традициям. В конце XV – начале XVI в. на троне Чосона часто оказывались либо малолетние, либо не слишком интересующиеся государственными делами правители (эти две характеристики могли сочетаться), что способствовало снижению контроля государства за ситуацией как в провинции, так и в столице. В то же время *ваны*, принимавшие активное участие в государственном управлении, часто проводили разнотуправленную политику, так что чиновники и остальное население не всегда успевали приспособляться к изменениям политического курса.

В середине XV в. страна столкнулась с периодом политической нестабильности, вызванным борьбой за власть внутри правящей династии. Узурпировавший через пять лет после смерти Седжона престол ван Седжо (1455–1468) отправил в ссылку свергнутого племянника и жестоко расправился с оппозицией, попытавшейся добиться возвращения изгнанника. Стремясь укрепить государство и его «обороноспособность», новый ван увеличил численность военнообязанных, построил ряд крепостей на границе и в стратегически важных административных центрах, упорядочил организацию сухопутных войск и флота. Такая политика была до определенной степени оправдана усилением в это время внешней угрозы со стороны чжурчженей и ослаблением династии Мин в Китае. Для претворения в жизнь крупных строительных проектов и укрепления армии требовались средства, отсутствовавшие у государства, что привело к росту налогов и увеличению количества различных повинностей. Действия властей вызвали широкое недовольство как в столице, так и в провинциях, что выразилось в нескольких восстаниях, разгоревшихся в конце правления Седжо. Политика Седжо явно противоречила установкам неоконфуцианства, становившегося в этот период в Корее вслед за Китаем государственной идеологией. Неоконфуцианство учило правителей опираться на чиновников и стремиться к проведению мирной политики. Неприятие ваном подобных идеалов привело к притес-

* Титул правителя Кореи, отражавший его формальную вассальную зависимость от императора Китая.

нениям конфуцианских ученых, поддержке буддизма, даосизма и народных верований.

Но во время правления вана Сонджона (1470–1494) началась «обратная реакция». Ван приблизил к себе группу молодых ученых – *саримов* («лес ученых»), большинство из которых происходили из провинции и принадлежали к сторонникам неоконфуцианства. В правление Сонджона началось и противостояние двух основных группировок чиновников, которое продолжалось на протяжении большей части XVI в. Первую из них представляли уже упомянутые *саримы*, вторую – *хунгупха* – чиновники «старого поколения», сторонники традиционного конфуцианства, выражавшие интересы столичной «аристократии». Но возрождение неоконфуцианских традиций управления было прервано правлением князя Ёнсана (Ёнсан-гуна, 1494–1506, *гун* – «князь»), лишённого потомками за недостойное правление титула вана и посмертного храмового имени.

Ёнсан-гун был сыном второй жены вана Сонджона по имени Юн. Обвиненная в поведении, недостойном ее высокого сана (подозрение в заговоре против мужа), Юн была лишена своего положения и сослана в провинцию, когда ее сыну было три года. Через три года ее вновь обвинили в подготовке заговора, и она получила от Сонджона приказ совершить самоубийство. От Ёнсана скрывали произошедшее с его матерью даже после того, как он стал правителем Чосона. Вступив на престол в 18 лет, Ёнсан-гун проявил себя как талантливый политик, стремившийся укрепить границы на Северо-Западе и защитить побережье от японских пиратов, увеличить производство оружия и содействовать изданию исторических и географических произведений.

Но в 1498 г. произошел конфликт, связанный с подготовкой «черновой» хроники династии, описывавшей недавние события. Ёнсан воспротивился правдивому изложению событий, связанных с воцарением вана Седжо, на котором настаивали саримы. Данный конфликт, многочисленные жалобы и петиции от представителей нового чиновничества и интриги «старых» чиновников привели к казням и ссылкам саримов, пытавшихся противостоять усилению власти вана. Сам правитель перестал интересоваться государственными делами и проводил время, развлекаясь самыми изощренными способами. Пиршества и охотничьи забавы Ёнсан-гуна разоряли казну; ради организации охотничьих угодий было приказано снести все здания на определенном расстоянии от Ханяна. В то же время члены правящего дома захватывали пахотные земли, леса, рыболовные угодья и даже реки, что превратило клан правителя в крупнейшего земельного собственника в стране. Увеличивались налоги, росли коррупция и произвол на местах.

Ситуация стала еще хуже после того, как Ёнсан-гун узнал о судьбе своей матери. Все причастные к делу лица и чиновники, включая бабушку правителя, были убиты, репрессии коснулись и сановников, не имевших никакого отношения к смерти Юн. Достаточной причиной для гонений считалась критика действий правителя. Часть институтов управления, которая могла как-либо влиять на вана (включая дворцовые совещательные органы), была упразднена. Употребление и преподавание простого по сравнению с китайской иероглификой корейского алфавита (*хангыль*), с помощью которого записывались содержавшие критику петиции или трактаты, было запрещено по всей стране. В 1506 г. представители оставшихся придворных хунгупха свергли Ёнсана и отправили его в ссылку. На трон был возведен родной брат свергнутого правителя, ставший ваном Чунджоном (1506–1544). Он усилил гонения на буддизм и возобновил поддержку неоконфуцианства.

Роль, сыгранная хунгупха в смещении Ёнсана, способствовала сохранению влияния этой группировки в течение 10 лет, но затем возобновилось их противостояние с молодыми саримами. В этот период сложилась оригинальная политическая система и была разработана особая политическая культура корейского общества XVI в., заложены основы сохранения власти династии Ли на протяжении трех последующих столетий. За группировками чиновников стояли интересы тех или иных слоев населения и районов страны. Во многом это было связано с развитием сети местных частных конфуцианских религиозных институтов, являвшихся одновременно школами. Они получили название «храмов славы» (*совонов*), некоторые из которых стали «привилегированными» и получали от государства земли, *ноби* (крепостных крестьян), освобождение от налогов и повинностей.

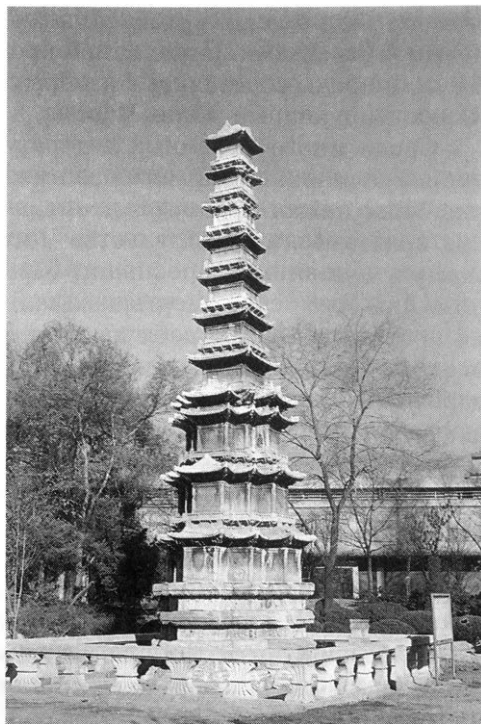
Саримы, добившиеся во второй половине XVI в. ведущей роли в управлении, к концу столетия начали образовывать «партии», названные по сторонам света (Западная, Восточная, Северная, Южная). Борьба за власть между различными группировками и «партиями» часто была связана с борьбой внутри королевского дома, обострившейся в середине века. Вместо малолетнего вана Мёнджона (1546–1567) правила его мать, последовательница буддизма. Часть саримов осудила ее действия, направленные на восстановление позиций этой религии, и была вынуждена уйти в оппозицию, другая же относилась к буддизму и даосизму вполне терпимо. Во время правления вана Сонджо (1567–1608) саримы окончательно заняли лидирующую позицию. Но усиливались идейные противоречия между ними самими, отразившиеся в разных системах жизненных ценностей. Саримы, происходившие из относительно отдаленных, не очень богатых провинций, мало связанных с окружающим миром, выступали за необходимость сосредоточиться на совершенствовании моральных ценностей. В то же время ученые чиновники из провинций, близких к столице и портовым городам, отстаивали важность развития сельского хозяйства и торговли, которые могут принести богатство.

Стремление к обогащению отражало дух времени. Государство постепенно теряло контроль над земельным фондом страны, росли крупные частные земельные владения. Законными и незаконными способами члены семьи вана, представители знати, группировки чиновников, богатые торговцы и ростовщики захватывали различные виды земель и угодий, иногда даже целые уезды. Крестьяне в этих условиях часто уходили со своих наделов, так как не могли выплачивать налоги и исполнять повинности; продавали участки крупным собственникам и оказывались арендаторами своей же земли или становились наемными рабочими; бродяжничали, шли в буддийские монастыри. Эти же процессы вели и к увеличению числа *ноби*. Налоговые недоимки с покинувших свою землю или неплатежеспособных крестьян чиновники пытались получить с их соседей. Кризис в сельском хозяйстве усугублялся постепенным разрушением ирригационной системы, на ремонт которой не хватало казенных денег. Недовольство крестьян выражалось в коллективных жалобах и протестах, бегстве в глухие места, волнениях и восстаниях. Наиболее крупное восстание, длившееся два года (1559–1560), началось в Хванхэ под руководством Лима Ккокчона. Корейский «Робин Гуд» захватывал богатства чиновников и открывал государственные зернохранилища,

раздавая их запасы бедным. Движение затронуло и соседние провинции, отряды восставших доходили до столицы, где они нападали на правительственные учреждения и дома богачей, освобождали из тюрем заключенных. Возможно, именно эти события послужили основой для известного корейского романа конца XVI – начала XVII в. «Сказание о Хон Гильдоне».

Процесс перехода земель к крупным частным землевладельцам затронул и военные поселения, благодаря которым должны были снабжаться органы управления армией и флотом, гарнизоны крепостей и военных портов. Их земли расхищались местными властями, что значительно ослабляло обороноспособность страны. Корейская армия была оснащена устаревшими видами вооружения. Во многом положение корейских войск было связано с приходом к власти саримов, выступавших за «нравственную политику» и не видевших необходимости в наращивании военной мощи. Север Кореи продолжал подвергаться нападениям чжурчжэней. Предпринятая в 1540 г. операция, в ходе которой корейские войска вытеснили обосновавшихся у Амноккана кочевников и, перейдя Туманган, нанесли удар по жившим там племенам, на определенное время обеспечила спокойствие на северных границах. С 80-х годов XVI в. нападения чжурчжэней возобновились. Однако главные внешнеполитические трудности были связаны с Японией. Для японских купцов были открыты три корейских порта, но жившие в них японские поселенцы отказывались подчиняться местным властям. Кроме того, южное побережье Кореи на протяжении нескольких веков служило местом для пиратских набегов японцев. Корейское правительство несколько раз в течение XVI в. разрывало отношения с Японией. Связи с Китаем продолжали поддерживаться в форме обмена посольствами с подарками, формально представлявшими собой дань от вассального государства. «Варвары»-чжурчжэни рассматривались Чосоном как вассалы, обязанные данью уже ему.

Несмотря на политические и экономические трудности, с которыми сталкивался Чосон в конце XV – XVI в., в этот период продолжалось развитие корейской культуры. Во время правления вана Седжо по всей Корее появились крепости и военные укрепления; членами королевской семьи был возведен ряд храмов, в числе которых пагода буддийского храма Вонгакса в Сеуле (1467). Но дальнейшее развитие архитектуры было связано со строительством по всей стране скромных по форме комплексов «храмов славы».

Пагода храма Вонгакса. 1467 г. Сеул

Совоны окружались красивейшими парками с бамбуковыми рощами, ручьями и беседками. В живописи продолжалось развитие традиций пейзажа. Виды природы сочетались с изображением людей и «жанровыми сценками», иллюстрирующими жизнь Чосона.

Среди многочисленных литературных произведений этой эпохи до нас дошли сочинения отпрысков знатных родов, саримов и других чиновников, лиц более низкого происхождения, в том числе выходцев из ноби. Многие из них критиковали правительство Чосона, высмеивали его политическую систему и чиновников. Бросивший карьеру чиновника и ставший отшельником поэт Лим Чже перед смертью сказал: «Среди четырех морей нет государства, не провозгласившего себя империей. Только наша страна не смогла этого сделать. Поэтому стоит ли горевать, что родился и умираешь в таком государстве?» Эти слова отразили политическую реальность XVI в. В то время, как различные части мира оказывались все более связанными друг с другом, Чосон проявлял мало заинтересованности в налаживании внешних контактов, развитии морской, да и сухопутной внутренней торговли. Вопрос о том, насколько был нужен Корее другой путь развития, активная внешняя политика и включение в систему международной торговли, обсуждался в самом корейском обществе XVI в. Считалось, что не корейцы заимствовали что-то у соседей, а соседи перенимали у них, не корейцы хотели что-то продать, а у них хотели купить. Но «наслаждаться» самодостаточностью и не замечать происходившие в экономике перемены Чосон мог позволить себе лишь на протяжении относительно мирных XV и XVI столетий. Вторжение японцев в конце XVI в. резко изменило всю жизнь государства.

ЯПОНИЯ В ПЕРИОД СЭНГОКУ ДЗИДАЙ

В японской и западной историографии нет единого мнения по вопросу о хронологических рамках периода «воюющих провинций» (*сэнгоку дзидай*). В данном разделе в качестве начала этого периода будет рассматриваться 1467 г., когда началась смута годов Онин-Буммэй, в качестве окончания – 1590 г., когда Тоётоми Хидэёси уничтожил княжество Ходзё (Гоходзё) в Восточной Японии и подчинил северные районы страны, тем самым завершив объединение Японии.

Эпоху *сэнгоку* нередко сводят к политическому хаосу и междоусобным войнам, которые отрицательно отразились на социально-экономическом развитии страны. Характеризуя этот период, многие историки используют встречающееся в источниках выражение *гэкокудзё* («низы ниспровергают верхи»). В самом деле в Японии в конце XV – XVI в. происходили острые социальные и политические конфликты: крестьянские восстания, выступления за отмену долгов, жестокие войны между удельными правителями, против которых поднимали мятежи вассалы. Враждующие буддийские школы вели друг с другом не только диспуты, но и настоящие сражения. Однако этот же «бунташный» период японской истории характеризовался прогрессом в экономике, развитием городов (многие из них вырастали из поселений вокруг замков даймё и монастырей), распространением начал самоуправления в самых разных общественных группах, расширением внешних контактов, блестящим расцветом культуры как в центре, так и на периферии.

Эпоха «воюющих провинций» характеризовалась упадком сёгуната Асикага и нарастанием политической децентрализации. Раздоры внутри дома Асикага и кланов могущественных военных наместников (*сюго*) привели к кровопролитным междоусобным войнам годов Онин-Буммэй (1466–1477). После того как в 1493 г. сёгун Асикага Ёситанэ был отстранен от власти в результате дворцового переворота, инспирированного *канрэй* (своего рода «первым министром») Хосокава Масамото, произошло дальнейшее ослабление авторитета *бакуфу* (административного аппарата сёгуната). Все сёгуны, начиная с Ёситанэ и заканчивая последним властителем из династии Асикага – Ёсиаки (1568–1573), вынуждены были подолгу скитаться в провинциях, укрываясь от врагов. Все они умерли вдали от Киото, кроме Асикага Ёситэру (1546–1565), который покончил с собой, после того как почти все его воины пали в ожесточенной схватке с силами мятежных вассалов. Сёгуны после смуты годов Онин превратились в марионеток могущественных сановников и вассалов, которые в реальности определяли политику сёгуната Асикага (представители различных ветвей дома Хосокава, а затем клан Миёси). Военное правительство бакуфу в это время в полной мере не контролировало даже ближайшие к Киото провинции.

На фоне упадка центральной власти в японских провинциях в конце XV–XVI в. возвысились фактически независимые от центра правители (*сэнгоку даймё* – *даймё эпохи Сэнгоку*). Сейчас историки называют этим термином властителей, значительно отличавшихся друг от друга структу-

рой властных полномочий, а также размером контролируемой территории (от нескольких уездов до нескольких провинций). Некоторые *сэнгоку даймё* происходили от военных наместников (*сюго*) сёгуната Асикага (Такэда, Имагава, Оути, Отомо, Симадзу). Однако лишь некоторые сюго смогли удержать власть после смуты годов Онин. Лишившись поддержки центра, многие из них были смещены своими могущественными вассалами, занимавшими должность *сюгодай* (заместителей сюго). К сюгодай изначально принадлежали даймё Уэсуги (Нагао), Асакура, Амако. С другой стороны, многие правители периода сэнгоку, например Мори, Тёсокабэ, Мацудайра (Токугава), Асаи, Датэ, Рюдзодзи были выходцами из родов, набравших силу *кокудзин* (провинциальных землевладельцев). В целом сэнгоку даймё происходили из различных слоев господствовавшего военно-служилого слоя.

С середины XVI в. в регионах страны заметно усилились центристские тенденции, стали выделяться сильнейшие княжеские дома, захватывавшие земли более слабых соперников. На Севере (провинции Муцу и Дэва) усилился дом Датэ, в районе Канто и соседних с ним провинциях – дома Гоходзё, Такэда, Уэсуги, Имагава, в Киото и центральных областях – клан Миёси, фактически контролировавший бакуфу. В Западной Японии господствующие позиции приобрел клан Мори, на острове Сикоку – дом Тёсокабэ. На Кюсю боролись между собой дома Симадзу, Рюдзодзи, Отомо. Соперники заключали непрочные союзы, легко предавая друг друга и примиряясь со вчерашними врагами. С княжествами наиболее могущественных даймё граничили или же нередко попадали от них в зависимость полуавтономные владения мелких князей. В ряде областей страны (прежде всего в центральных районах), где не было сэнгоку даймё или их положение было непрочным, большое значение приобрели лиги провинциальных землевладельцев-воинов. Такие союзы в первой половине XVI в., например, образовали мелкие землевладельцы (*дзидзамурай*) провинции Ига, а также уезда Кога провинции Оми. Союзы (*икки*) самураев формировались для решения взаимных споров и противоречий, сохранения господства над крестьянами, обороны от врагов. Сэнгоку даймё зачастую стремились искоренить подобные объединения. В то же время некоторые князья (например, Мори) первоначально сами были участниками лиг кокудзин, и, постепенно возвысившись над своими союзниками, превратили их в вассалов.

Один из примеров своеобразия политического развития Японии в период «воюющих провинций» – вооруженные выступления, восстания и войны, которые со второй половины XV в. до начала 1582 г. организовывали последователи буддийской школы «Чистой земли» (*Дзёдо синсю*). По всей Японии к ним присоединялись представители различных социальных слоев: крестьяне, ремесленники, торговцы, воины. Большое идейное и политическое влияние на них оказывали настоятели храма Хонгандзи. Провинция Кага полностью перешла под контроль адептов секты «Чистой земли».

ДАЙМЁ, САМУРАИ, КРЕСТЬЯНЕ: ЯПОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРИОДА СЭНГОКУ ДЗИДАЙ

В обстановке политического хаоса сильная власть сэнгоку даймё в различных областях страны была востребована со стороны землевладельцев – *буси* (воинов). В условиях продолжающихся социальных конфликтов с крестьянами они нуждались в авторитете и иных ресурсах княжеской власти для сохранения господства над своими поместьями и вотчинами. Основными формами социальной борьбы было бегство отдельных крестьян или уход целых общин со своей территории. Крестьяне также отказывались платить землевладельцу годовой оброк (*нэнгу*) и подати даймё, оказывали вооруженное сопротивление сборщикам налоговых недоимок. В Японии к концу XV – началу XVI в. крестьянские общины (*со*) стали серьезной социальной силой и добились широкой автономии: получили право самостоятельно, без вмешательства вотчинника, раскладывать и собирать *нэнгу* и повинности среди своих членов. Община нередко располагала собственной военной силой, сама поддерживала порядок на своей территории, могла самостоятельно судить и наказывать преступников. Общины заключали союзы и вели войны друг с другом из-за прав на водные ресурсы и земельные угодья.

Создание сэнгоку даймё эффективной податной и административной системы, регламентация вассальных связей, забота о хозяйственном процветании княжества были напрямую продиктованы необходимостью ведения оборонительных и захватнических войн. От прочности вассальной системы зависели размеры и боеспособность войска сэнгоку даймё, которое состояло из отрядов вассалов и соединений, непосредственно подчиненных даймё. В своем княжестве даймё выступал верховным распорядителем земельных владений. Он выполнял функции, ранее принадлежавшие Асикага бакуфу, и в специальных грамотах, удостоверенных его личной монограммой или печатью: 1) подтверждал права на родовые вотчины воинов; 2) жаловал новые «лены» вассалам и служилым людям, земли святилищам и храмам, корпорациям торговцев и ремесленников. Взамен признания со стороны даймё прав на вотчины и поместья и пожалование новых земель вассалы обязаны были нести военную службу, привлекать своих крестьян к выполнению трудовой повинности, ремонту крепостей и др. Даймё стремился ограничить отчуждение как пожалованных, так и родовых владений вассалов, устанавливал порядок наследования статуса вассала и его земель.

Регламентация вассальных связей была ключевым направлением внутренней политики сэнгоку даймё. Масса служилых людей и вассалов не была однородна. Вассалы отличались друг от друга не только размером владений и объемом военной повинности, но и давностью срока службы и степенью зависимости от даймё. Даймё нередко брал заложников из недавно покоренных кланов, чтобы гарантировать их верность. Названия различных разрядов вассалов варьировались от княжества к княжеству. В целом можно выделить следующие основные категории высшего слоя вассалов: 1) кровные родственники даймё, боковые ветви его рода; 2) *фудай* – потомственные вассалы; 3) *кунисю* – могущественные провинциальные землевладельцы; 4) *такокусю* – недавно покоренные кланы, по сути находившиеся в неравноправных союзнических отношениях с даймё. Степень контроля над различными

по статусу вассальными кланами не была одинаковой. Наиболее тесные связи складывались между наследственными вассалами и даймё. Вместе с тем в пределах княжества кунисю сохраняли значительную самостоятельность. Они издавали в своих землях документы, подтверждающие землевладельческие права, выдавали иммунитетные грамоты, освобождавшие от налогов и др. Высокопоставленные вассалы (как фудай, так и кунисю) жили в своих замках, многие мелкие вассалы – в деревенских усадьбах. Некоторые из них одновременно строили усадьбы в замке – резиденции даймё.

Постоянные военные кампании определяли потребность в увеличении численности армий сэнгоку даймё. С этой целью они рекрутировали в вассальную организацию богатых крестьян (*дого*, *мёсю*). За несение ратной службы даймё освобождали их от податей и повинностей. Привлечение к военной службе крестьян позволило даймё мобилизовать весьма значительные по сравнению с прежними эпохами японской истории военные силы.

Даймё стремились в корне пресечь раздоры между вассалами, представлявшие потенциальную угрозу их власти и военной мощи княжества. Так, в сводах законов периода сэнгоку был установлен принцип *кэнка рёсэйбай* – одинакового наказания как для атакующей, так и для защищавшейся в ходе стычки стороны: вплоть до смертной казни (вместе с тем в большинстве кодексов были оговорки, ограничивавшие действие этого закона). Это было нарушением известного обычно-правового принципа «японского Средневековья» – самостоятельного, без оглядки на публичную власть использования военной силы для отстаивания своих интересов. Таким образом, даймё стремился монополизировать роль верховного судьи в разрешении конфликтов между вассалами. Хотя, по сравнению с военными наместниками сюю первой половины периода Муромати, сэнгоку даймё контролировали провинциальные военные кланы намного более эффективно, их власть не была абсолютной. Неписанные принципы взаимоотношений князя и его служилых людей предполагали не только вознаграждение земель за верную службу, но и участие вассалов в управлении княжеством. Кроме того, баланс сил между разными группировками вассалов мог определять выбор наследника даймё.

Даймё правил своими владениями, опираясь на административный аппарат, посты в котором были распределены между его потомственными служилыми людьми. Сэнгоку даймё не был всего лишь главой военного дома, сюзереном, которому повиновались вассалы и служилые люди. Он выступал в качестве носителя высшей публичной власти в своем княжестве. Так, минуя вассалов-землевладельцев, он напрямую устанавливал связи с крестьянскими общинами. Крестьянские общины как из частных владений, так и из домена самого князя платили в его казну подати (*тансэн*, *мунабэцусэн*). Во многих княжествах законодательно признавалось право крестьян обращаться к даймё с иском против своего господина. Даймё запрещали вассалам конфисковать земельный надел крестьянина до тех пор, пока он исправно уплачивал нэнгу и исполнял иные повинности в их пользу. Для даймё крестьяне в определенной степени были не просто частнозависимыми земледельцами, но подданными, защищенными княжескими законами. Вместе с тем вмешательство даймё в отношения землевладельцев и крестьян можно рассматривать и как проявление политики княжеской власти по ограничению автономии вассалов. Крестьянские общины не были внутренне

однородными. К деревенской верхушке принадлежали *мёсю* и *дого*, нередко являвшиеся представителями княжеской администрации. В хозяйствах богатых крестьян трудились не только безземельные батраки, но и несвободные, холопы, являвшиеся их собственностью. Вся крестьянская община платила *нэнгу* и другие поборы землевладельцу, а также подати *даймё*. Вместе с тем *мёсю* и мелкие *самураи*, проживавшие в деревне, взымали с крестьян в свою пользу *ренту*.

Земли в княжестве делились на *домен даймё* (важнейшие городские поселения, рудники, а также владения, конфискованные у изменников и преступников и др.) и *вотчины вассалов*, провинциальных храмов и святилищ. Многие *даймё* стремились установить по возможности более полный контроль над земельным фондом княжества, проводя *обмеры земли (кэнти)*. В этом отношении князья периода «воюющих провинций» были предшественниками второго из объединителей Японии – *Тоётоми Хидэёси*, который в масштабе всего государства провел тщательную регистрацию земельных угодий. Однако *сэнгоку даймё* (как и первый из объединителей страны *Ода Нобунага*) не прибегали к единовременному и систематическому обмеру земли на территории всего своего княжества. *Кэнти* правителей периода *сэнгоку* осуществлялись спорадически и на сравнительно небольших территориях. На основе данных из земельных кадастров *даймё* определял объем военной и других повинностей своих вассалов, а также объем «общегосударственных налогов», которыми облагались крестьянские деревни. В то же время *даймё* поощряли доноительство на тех вассалов и богатых крестьян, которые скрывали настоящую площадь своих владений. Утаивавшиеся крестьянами доходы и земли могли быть либо конфискованы, либо пожалованы крестьянам взамен несения военной службы. Впрочем, ввиду многообразия политических форм в период *сэнгоку* отмеченные выше черты политической власти были в неодинаковой мере присущи разным княжествам и владениям.

ДАЙМЁ – ПРАВИТЕЛИ И ЗАКОНОДАТЕЛИ

Некоторые *сэнгоку даймё* предприняли попытку упорядочить судебную и административную систему своего удела путем составления законодательных уложений: («Имагава *канамокуроку*» («Перечень [законов] дома Имагава, [записанных] каной») – 1526 г., «Дзинкайсю» («Собрание множества соринок») – 1536 г., «Косю хатто-но сидай» («Законы провинции Каи»; Косю – провинция Каи) – 1547–1554 гг., «Роккаку-си сикимоку» («Свод законов клана Роккаку») – 1567 г. и др.). Содержание этих кодексов различно. Так, в «Имагава *канамокуроку*» *даймё* возвышался над вассалами, создавая для них предписания и законы, а в «Роккаку-си сикимоку» княжеская власть серьезно ограничивалась, этот свод – по сути дела договор, содержащий взаимные обязательства *даймё* и его служилых людей, подтверждающий вольности и привилегии последних. Законодательные уложения *сэнгоку даймё* посвящены не только вассальным отношениям. Они затрагивали вопросы, касающиеся принципов правосудия, борьбы с уголовными преступлениями, поддержания мира и порядка в княжестве, компетенции публичной власти, стоящей над интересами отдельных социальных групп.

Судебная власть даймё распространялась не только на его служилых людей, но и на представителей других сословий. В княжествах Имагава и Гоходзё для людей низкого социального статуса, не имевших своего покровителя-посредника для обращения в суд даймё, предусматривалась возможность подавать жалобы особым способом – опуская соответствующие документы в «ящик для исков» (*мэясубако*). Вместе с тем к подаче петиций через мэясубако прибегали, видимо, свободные простолюдины (крестьяне и др.). Несвободные были подсудны своему хозяину, т.е. находились вне сферы судебной юрисдикции даймё. Наконец, в законодательных уложениях и отдельных указах даймё заявляли о своей исключительной власти над всеми жителями данного княжества безотносительно к их сословному положению. Они стремились поставить под свой надзор все связи с «внешним» по отношению к собственному уделу (*бункоку*) миром. Так, декларировался запрет на «своевольное» заключение брачных связей и обмен без санкции даймё посланиями с жителями неподвластных ему провинций. Запрещалось оказание военной помощи жителям других княжеств и т.п.

Одной из интересных особенностей законодательных сводов даймё являются запреты на споры о вероучении между различными буддийскими школами на территории княжества. Очевидно, что запреты были призваны предотвратить масштабные конфликты и столкновения между последователями различных школ и направлений буддизма (подобные случаи неоднократно имели место в период «воюющих провинций»). Сэнгоку даймё считали благосклонность синтоистских божеств, будд и бодхисаттв залогом успеха в войне, процветания княжества. Чтобы снискать поддержку свыше в борьбе с недругами, святилищам и храмам передавались щедрые денежные пожертвования и обширные земельные угодья. Даймё достаточно активно вмешивались в дела некоторых буддийских храмов и синтоистских святилищ, регламентируя своими рескриптами широкий круг вопросов: от наследования должности настоятеля до порядка проведения церемоний и празднеств. В законодательных уложениях также запрещалась купля–продажа земель буддийских и синтоистских храмов. В целом даймё выступали гарантами «религиозного мира» внутри княжества, улаживали разногласия между различными религиозными корпорациями и храмами, заботились об их благосостоянии.

Несмотря на упадок центральной власти между сёгуном и даймё, а также *тэнно* (императором) и даймё сохранялись важные церемониально-этикетные и политико-символические связи. Прежде всего, продолжало быть престижным формальное назначение на должность сёго, санкционированное из Киото (обычно вознаграждавшееся даймё щедрыми дарами). Князья также ожидали, что бакуфу будет ходатайствовать перед тэнно о присвоении им ранга и должности при дворе, которые не давали реальных полномочий, но ценились как титулы. Известно, что последние представители династии Асикага нередко играли роль посредников в заключении мира между даймё. Тем не менее сёгун утратил возможность по своему усмотрению назначать и смещать даймё, ставших сёго. Даймё же обращались к его авторитету лишь в той мере, в какой он им был необходим для легитимизации их власти.

НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЯПОНИИ

Во второй половине XVI в. начался длительный и кровавый процесс объединения Японии, завершившийся к XVII в. Некоторые историки выделяют между эпохами сэнгоку и Токугава отдельный период Адзуты–Момояма (1573–1598), в течение которого был положен конец эпохе раздробленности. Этот период получил свое наименование в соответствии с японской традицией по названиям резиденций двух первых объединителей Японии (Адзуты – замок Ода Нобунага, Момояма – место, где был расположен замок Тоётоми Хидэёси – Фусими). В 60-е годы XVI в. произошло резкое усиление позиций одного из даймё – Ода Нобунага, который к 1560 г. нанес поражение соперникам в провинции Овари, объединив ее под своей властью. Овари находилась в стратегически важном районе, через который проходила дорога, соединявшая основные центры Японии: окрестности Киото с восточными провинциями Канто. Положение Ода первоначально было достаточно слабым по сравнению с другими даймё Востока. Самыми могущественными из них были кланы Уэсуги, Ходзё, Такэда и Имагава, борьба между которыми раздирала провинции Канто уже не одно десятилетие.

Возвышение Ода Нобунага началось после неудачной попытки Имагава Ёсимото установить контроль над частью провинции Овари. Существует также мнение, что Ёсимото двинул свои силы, чтобы окончательно подчинить запад провинции Микава. В битве при Окэхадзама в 1560 г. войска Ёсимото были разгромлены, несмотря на многократное численное превосходство его сил (ок. 2 тысяч у Нобунага против 20–25 тысяч у Имагава). Ода Нобунага использовал эффект внезапности, начавшуюся грозу и неудачное расположение лагеря противника. Гибель Ёсимото в сражении при Окэхадзама привела к кризису альянса Такэда, Ходзё и Имагава. В 1568 г. Такэда Сингэн, координируя свои действия с бывшим вассалом клана Имагава и талантливым военачальником Мацудайра Мотоясу (позднее сменившим имя на Токугава Иэясу), напал на наследника Ёсимото – Имагава Удзидзанэ, которого поддержал дом Ходзё. Чтобы нейтрализовать коалицию противников, в 1569 г. Сингэн вторгся во владения Ходзё. Конфликт между основными участниками политической борьбы на Востоке страны предоставил Ода Нобунага возможность для вмешательства в дела столичного региона.

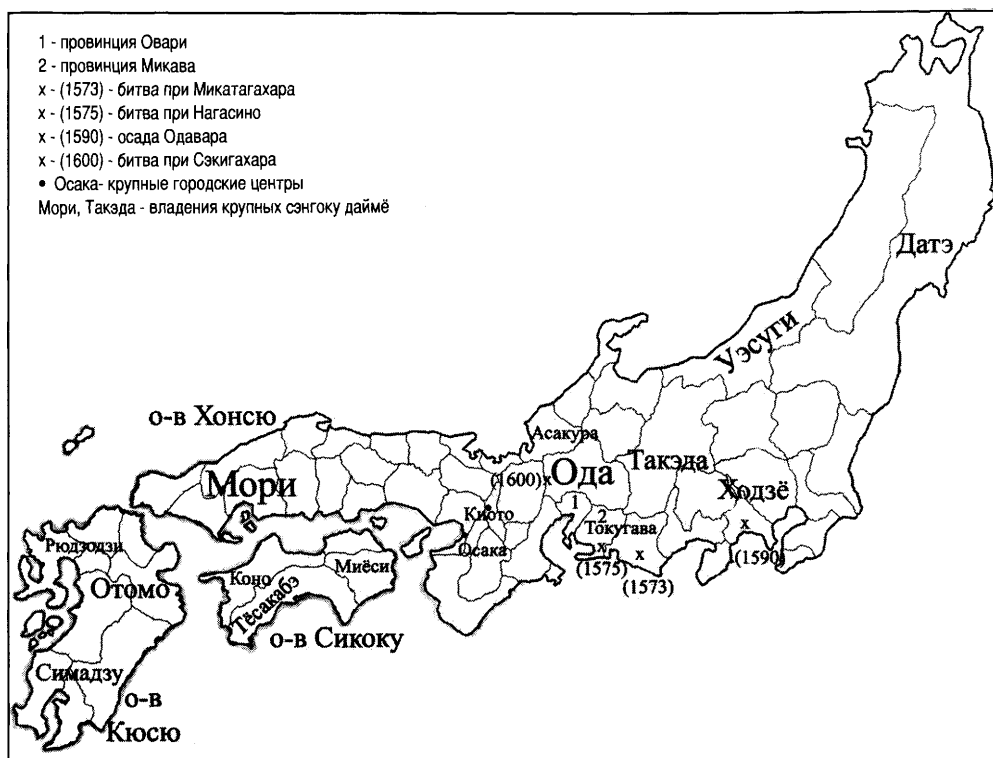
Кроме того, еще в 1562 г. Ода Нобунага смог переманить на свою сторону Токугава Иэясу, что позволило ему двинуться на Киото, так как провинция Микава, которую контролировал Токугава, закрывала тыл владений Ода. Благодаря этому осенью 1568 г. Нобунага смог откликнуться на призыв претендента на место сёгуна Асикага Ёсиаки о помощи против враждебного ему триумvirата вассалов Миёси (*Миёси саннинсю*), чьей марионеткой был сёгун Асикага Ёсихидэ. В течение короткого времени Нобунага сумел покорить ряд провинций вокруг Киото. Ёсиаки попытался включить Нобунага в должностную систему сёгуната, предлагая ему различные престижные должности, от которых тот отказался. Вскоре Ёсиаки стал тяготиться опекой своего могущественного вассала, который уже в 1569 г. заставил его признать кодекс «Дэнтю онёокитэ», ограничивший свободу действий сёгуна.

В 1571 г. Нобунага разрушил и сжег дотла один из наиболее почитаемых храмовых комплексов Японии Энрякудзи на горе Хизэй, истребив всех его

защитников. Многими его современниками это было воспринято как святотатство, хотя монахи Энрякудзи воевали на стороне его врагов – кланов Адзай и Асакура. Сохраняя контроль над Киото, Ода Нобунага противостоял различным коалициям своих соперников. Восстановив союз с Ходзё, Такэда Сингэн удалось обеспечить безопасность тыла на Востоке и в 1572 г. выступить в масштабный военный поход на Запад. По одной из версий, поход Сингэн был направлен непосредственно против Ода Нобунага. По другой – Сингэн хотел подчинить провинцию Тотоми и захватить провинцию Микава, которой владел Токугава Иэясу, союзник Нобунага. Такэда сумел также договориться с западными кланами Асакура и Адзай о совместных действиях против Нобунага. В 1573 г. Сингэн разгромил союзную армию Ода и Токугава в битве при Микатагахара (провинция Тотоми), но в том же году умер из-за болезни. Это стало одним из факторов, помешавших коалиции противников Нобунага одержать решительную победу. Нобунага вновь установил свой контроль над Киото и свергнул сёгуна Ёсиаки, де-факто прекратив правление сёгуната Асикага. Он ходатайствовал перед императором Оогимати о смене девиза правления и получил на то его согласие. Сёгун Ёсиаки сбежал на запад, чтобы заручиться поддержкой могущественного клана Мори. 1573 г. стал переломным: Нобунага смог занять лидирующие позиции в центре страны.

В 1575 г. Ода Нобунага и Токугава Иэясу разбили Такэда Кацуёри – наследника Такэда Сингэн – в знаменитом сражении при Нагасино (провинция Микава). Победа союзников была достигнута во многом благодаря мастерскому использованию огнестрельного оружия их войсками. Успех кампании 1575 г. привел к дальнейшему сближению Нобунага с императорским двором. Нобунага был удостоен престижной должности *коноэ-но дайсё*, которую, начиная с Асикага Ёсимицу, получали от тэнно сёгуны из династии Асикага. Но противники Нобунага: Мори на западе, Уэсуги Кэнсин на востоке, а также последователи Икко в столичном регионе и другие его враги – объединились против Ода. Продолжая выступать от имени «сил порядка», действующих в интересах центральной власти, Нобунага, как следует из его переписки с императорским двором, используя традиционную китайскую идеологию, называл своих противников «варварами». В последующие годы «варвары» нанесли Ода ряд поражений, но к 1579 г. Нобунага вновь одержал верх, во многом благодаря борьбе между наследниками в клане Уэсуги и переходу Ходзё на сторону Нобунага и Иэясу. В 1582 г. силы Ода Нобунага и его союзников уничтожили дом Такэда и захватили его удел. После этого Нобунага назначил в Канто своего наместника, что должно было продемонстрировать установление его власти над Востоком страны.

Установление контроля над центром страны и Канто позволило Ода Нобунага приступить к подчинению Запада. Войска его вассалов были брошены против сил могущественного клана Мори, но сам Ода оставался в столичном регионе. Находясь в буддийском храме Хоннодзи в Киото, Нобунага был неожиданно атакован превосходящими силами своего вассала Акэти Мицухидэ (ум. 1582) и сгорел в пламени охватившего храм пожара, по одной из версий, предварительно сделав себе *сэппуку* (ритуальное самоубийство).

Япония во второй половине XVI в.

Вскоре после смерти Нобунага разразилась борьба за власть между его полководцами и приближенными. Победу удалось одержать Тоётоми Хидэёси (1537–1598), предположительно выходцу из крестьян, на службе у Ода Нобунага выдвинувшемуся до положения влиятельнейшего военачальника. Хидэёси отомстил за гибель своего господина, стремительно заключив перемирие с Мори и через несколько дней разгромив Акэти Мицухидэ. В ходе военных кампаний Хидэёси удалось в 1585 г. подчинить остров Сикоку, в 1586 – остров Кюсю, в 90-е годы – регион Канто, провинции которого вскоре после смерти Нобунага были разделены между Токугава Иэясу и домом Ходзэ.

Военному подчинению провинций, не признававших претензии Тоётоми Хидэёси на роль главного представителя центральной власти, предшествовали попытки установить над ними контроль «законодательным» путем. В 1585 г. и 1587 г. Хидэёси ввел указы соответственно для острова Кюсю и области Канто и северных областей Японии, которые запрещали даймё разрешать территориальные споры силой оружия и обязывали их обращаться к его посредничеству. В 1590 г., воспользовавшись нарушением этого запрета одним из вассалов Ходзэ, Хидэёси начал подчинение Востока Японии. В ходе столдневной осады столицы Ходзэ Одавара Хидэёси также привел к покорности даймё северных областей Японии (Датэ и др.). Падение дома Ходзэ в 1590 г. можно считать датой завершения периода «воюющих провинций».

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ И КУЛЬТУРА «ВОЮЮЩИХ ПРОВИНЦИЙ»

Во второй половине XV–XVI в. в Японии наблюдался экономический подъем: совершенствовалась техника сельскохозяйственного производства, росли урожаи, получило широкое распространение хлопководство. Сэнгоку даймё, нуждаясь в средствах для своих военно-политических акций, поощряли освоение целины, проводили осушение затопленных водой территорий, строили ирригационные сооружения, дамбы и плотины. Разрабатывались золотые и серебряные рудники, что во многом было связано с растущим спросом на драгоценные металлы в Китае и других странах. Япония стала одним из ведущих поставщиков серебра на мировой рынок наряду с недавно открытыми землями Нового Света.

Прогресс в сельскохозяйственном производстве вызывал потребность в рынках, где можно было бы продать излишки продуктов. Это стало одной из причин появления множества небольших городов (призамковых, прихрамовых и т.п.). Необходимость в вооружении, строительстве сложных фортификационных сооружений обусловила покровительство даймё по отношению к литейщикам, оружейникам, кузнецам, которые селились в призамковых городах. Крупные города, такие как Сакаи, Хаката, Кувана и другие, добились широкого внутреннего самоуправления. Получавшие от даймё всевозможные льготы и привилегии купеческие кланы торговали в центральных районах страны, а также могли осуществлять масштабные внешнеторговые операции. В XVI в. японские купцы торговали с империей Мин, плавали на острова Рюкю, Тайвань, Филиппины, в страны Юго-Восточной Азии. Отсутствие сильной центральной власти привело к уменьшению контроля над прибрежными водами, что способствовало росту пиратства и контрабанды. Жертвами набегов японских пиратов часто становились берега Китая, Кореи и Индокитая. Значительный толчок экономическому развитию Японии дало появление на берегах архипелага первых европейцев. Португальцы, испанцы, а затем голландцы стали достаточно частыми гостями не только портов Юго-Запада Японии, но и резиденций даймё, в том числе объединителей страны Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. На протяжении XVI столетия Япония оказалась гораздо в большей степени, чем прежде и позднее, вовлечена в экономические процессы, связывавшие теперь не только Евразию и Африку, но и Новый Свет.

Удивительной для Японии чертой эпохи сэнгоку дзидай стала необычайная восприимчивость жителей архипелага к иностранным технологиям, товарам и идеям. Одной из возможных причин ускоренного экономического развития Японии и ее открытости внешнему миру и инородным влияниям была, вероятно, именно политическая нестабильность и децентрализация власти. С одной стороны, это способствовало различным административным, налоговым и экономическим «экспериментам» даймё, с другой – постоянная борьба между ними стимулировала поиск и внедрение всех тех технологических и военных новшеств, которые могли бы обеспечить преимущество над конкурентами. Последовавшее за объединением Японии и установлением сильной власти сёгуната Токугава относительное «закрытие» страны для активной международной торговли и иноземных влияний не отменяет значе-

ние тех экономических, социальных и административных перемен, которые произошли в течение XVI в. и во многом способствовали формированию качественно новой системы власти.

ПРОНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

В XVI в. японская цивилизация впервые вошла в непосредственное соприкосновение с европейской. Период с 40-х годов XVI в. по 30-е годы XVII в. в западной историографии получил название «христианское столетие». Первыми европейцами были португальские торговцы, которые приплыли на остров Танэгасима (находится южнее острова Кюсю) на китайском корабле в 1542 г. Важнейшим результатом этого первого контакта японцев с европейцами было знакомство с огнестрельным оружием – аркебузами, вскоре получившими широкое применение во внутренних военных конфликтах.

Первые миссионеры, иезуит Франциск Ксавье (1506–1552) с двумя помощниками, прибыли в Японию в 1549 г. на остров Кагосима (вблизи Кюсю). Проповедь Ксавье и его преемников имела успех: христианство принимали даже японские князья, одним из наиболее известных покровителей иезуитов был могущественный даймё острова Кюсю Отомо Ёсисигэ. Центром деятельности иезуитов, сохранявших монополию на проповедь христианства вплоть до прибытия францисканцев в 1593 г., был остров Кюсю. Во многом это было связано с их изгнанием из Киото, которого временно добились буддисты в 1566 г. Важнейшей базой иезуитов, а также и португальских торговцев на Кюсю в 70–90-е годы XVI в. становится г. Нагасаки. В 1580 г. даймё Омура Сумитада, первым из японских князей принявший крещение, передал Нагасаки и окрестности в вечную собственность Ордену иезуитов.

Прибывший в 1579 г. в Японию с инспекционной поездкой иезуит Алессандро Валиньяно (1539–1606) несколько раз встречался с Ода Нобунага. Иезуиты строили больницы и приюты, основали несколько школ. Оказанный им поначалу тёплый прием чрезвычайно воодушевил иезуитов: они стали считать Японию самой многообещающей из азиатских стран, а японцев самыми восприимчивыми к христианской проповеди. К 1582 г., году гибели Ода Нобунага, в большинстве случаев покровительствовавшего христианам, в Японии было ок. 150 тысяч христиан и примерно 200 церквей (численность населения на 1600 г. оценивается приблизительно в 12 млн человек).

Тоётоми Хидэёси первоначально относился к христианам благосклонно, но после военной кампании против непокорных даймё острова Кюсю он изменил свое отношение к христианству. Во-первых, Хидэёси воочию убедился, как нетерпимы могут быть христиане – некоторые принявшие крещение даймё разрушали буддийские и синтоистские храмы и силой принуждали своих подданных вступить в новую веру. Во-вторых, объединитель Японии был обеспокоен тем, что христиане могут поднять бунты и восстания подобно приверженцам «чистой земли». В-третьих, гнев Хидэёси вызвала продажа португальцами японцев в рабство за границы Японии, хотя «Общество Иисуса» просило запретить подобные операции. Наконец, опасения Хидэёси вызвал и суверенитет иезуитов над Нагасаки, который выдавал их претензии не только на религиозную, но и на светскую власть. Владения иезуитов были конфискованы, а управлять городом был назначен ставленник Хидэёси.

В 1587 г. Хидэёси издал два указа. Один предписывал вассалам, размер владений которых превышал 200 тё (1 тё = 0,99 га), просить его разрешения для принятия крещения, а также запрещал им насильно обращаться в христианство своих крестьян, другой объявлял Японию «землей богов», а христианство

«пагубным учением» и повелевал всем миссионерам покинуть страну в 20-дневный срок. Последний указ фактически не исполнялся, но уже через десять лет в 1597 г. 26 христиан (среди них – шесть францисканских миссионеров, три иезуита, 17 мирян-японцев) были распяты в городе Нагасаки, в том же году был издан новый указ о высылке всех миссионеров (к этому моменту число христиан в стране увеличилось до 300 тысяч). Этот указ также не был исполнен. Неисполнение указов предположительно объясняется заинтересованностью Хидэёси в сохранении торговых связей с португальцами. Курс на последовательное искоренение христианства был взят лишь в начале XVII в.

Политическая нестабильность, бурное экономическое развитие, значительные социальные изменения в Японии конца XV–XVI в. не могли не сказаться на специфике культурной жизни. Продолжался процесс распространения моделей первоначально элитарной придворной культуры из Киото во всё более удаленные уголки страны, образу жизни столичных аристократов во многом стремились подражать воины-буси. Этому содействовал рост грамотности, вызванный, в свою очередь, активизировавшимися торговыми связями, расширением самоуправления деревень и повышением социального статуса буси. Особенно популярным жанром литературы по-прежнему были «воинские повести», отразившие идеалы самураев. Своего расцвета достигла поэзия *рэнга* («сцепленные песни»). Поэтические собрания, во время которых сочинялись рэнга, устраивались в храмах, усадьбах аристократов и буси. Прославленными мастерами «сцепленных песен» были Соги и Сатомура Дзёха, Сокан и Аракида Моритакэ и др. Тем не менее важными средствами, с помощью которых было достигнуто относительное «единство» японской культуры в этот период, оставались и неписьменные способы передачи традиций (в том числе и переработанной литературной): песни, танцы, развивающиеся театральные формы (но, кабуки, театр кукол нингё дзёрури).

Именно в конце XV–XVI в. ряд наиболее известных японских традиций приобрел свою классическую форму. От этого периода до наших дней дошли, например, наиболее ранние из сохранившихся павильонов для чайной церемонии (*тяною*). Это искусство было популярно как среди распространявших его дзэнских монахов, так и среди воинского сословия. Один из противников Токугава Иэясу, лидер западной коалиции даймё, боровшийся с Токугава за власть после смерти Тоётоми Хидэёси, – Исида Мицунари считался одним из лучших мастеров чайной церемонии, что способствовало его быстрому возвышению среди приближенных Хидэёси. Хидэёси служил и замечательный мастер *тяною* Сэн-но Рикю, который во многом определил каноны этого искусства.

Монументальное строительство в первую очередь замков-резиденций даймё требовало привлечения огромных финансовых средств (что становилось возможным во многом благодаря эффективной экономической политике, проводимой даймё) и мобилизации значительной массы населения. Так, не одну осаду выдержала неприступная крепость Одавара; шедеврами фортификационного искусства был Осацкий замок и замок Адзуты, впрочем, достаточно быстро разрушенный. Наряду с крупными архитектурными формами развивались и более характерные для Японии традиции «камерного» искусства: уже упоминавшиеся чайные павильоны и сады, сады камней; в

Сэссю Тоё. Зимний пейзаж. Конец XV – начало XVI в.
Национальный музей, Токио

это время окончательно сформировались и представления об организации внутреннего пространства жилища. Спрос даймё и самураев на оружие и предметы престижного потребления, например появившийся в XVI в. фарфор, привел к расцвету многих видов прикладного искусства. Переживала расцвет и японская пейзажная живопись: были созданы шедевры художников Сэссю и Сэссон, живописцев школ Тоса и Кано.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ: АФРИКА И АМЕРИКА

ЭФИОПИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVII ВЕКЕ

Середина XV в. – правление Зара-Якоба (1434–1468) считается расцветом средневековой Эфиопии. Но многие из его реформ оказались недолговечными. Уже преемник Зара-Якоба Баэда-Марьям (1468–1478) вернулся к прежней «косвенной» системе управления вместо введенной в середине века строгой административной системы, при которой наместники провинций являлись практически государственными чиновниками.

МУСУЛЬМАНСКИЕ СУЛТАНАТЫ И ХРИСТИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Появление в Красном море новых сил – турок-османов на севере и португальцев на юге – привело к падению влияния местных мусульманских торговцев и их защитников – приморских султанов. Внутри Эфиопии продолжалось соперничество христианского центра и мусульманской периферии. Особенно удачными для христиан были некоторые походы Лебна-Денгеля (Давид II, 1508–1540), который, по сообщению одной из хроник, вторгся в землю Адаль, сжег города и укрепления, «пленил... мужчин и женщин, старых и малых». Но успех правителя был недолгим. Области переходили из рук в руки, и население, чтобы обезопасить себя, часто меняло веру. Особенно обострилось положение с появлением на политической арене Ахмеда ибн-Ибрагим аль-Гази, получившего прозвище Левша (Грань). Ахмед сумел привести к покорности старую купеческую верхушку Адаля и отказался выплачивать ежегодную дань *негусу* (императору). Левша занялся созданием из разрозненных отрядов, привыкших жить разбойничьими набегами, единой регулярной армии. Это было нелегко, так как многие кочевые племена (особенно сомалийские) жили без единоначалия, все вопросы решались народными собраниями. Тем не менее удачи Ахмеда и его щедрость при дележе захваченного постепенно привлекли на его сторону большинство племен, которые превратились в единое войско.

В 1529 г. Левша одержал победу над войсками христиан. Вернувшись в свою ставку, он вновь занялся укреплением войска, которое самовольно покинули кочевники, как только получили свою часть добычи. Ахмед Грань отправил богатые подарки турецкому паше города Забида в Йемене, а тот помог ему получить наемных мушкетеров, купить семь пушек и нанять пушкарей. После двух лет интенсивной подготовки Левша двинулся на завоевание Эфиопии, захватил сначала восточные области с мусульманским населением, а затем и христианские районы.

Неожиданные неудачи и тяжкие поражения христианских правителей этого времени скорее всего объясняются раздробленностью, так как полки негуса, разбросанные по стране, не имели опоры в областях, где властвовали местные земледельцы и вельможи. Воины не получали жалования и кормились за счет населения, это приводило к моральной деградации одних и росту недовольства других, что мешало объединиться для сопротивления внешней угрозе. Напротив, идеи создания единого государства (Ахмед Грань на завоеванных землях оставлял прежних правителей провинций или назначал подчинявшихся ему напрямую наместников) воодушевляли мусульман, хотя им и было нелегко отказаться от привычки прекращать войну, как только была захвачена большая добыча.

Почти вся Эфиопия была разорена. На значительной части ее укрепились воины Левши, остальные земли подвергались набегам, разрушались церкви и монастыри. Богатства христианских правителей и церкви перешли в руки мусульман. По сообщению хроник, «они... разрушили все дома молитвы, стены которых были сооружены из серебра, золота, драгоценных камней, камня индийского. Они перебили множество верующих мечами и пленили юношей и дев, мальчиков и девочек, и продали их в рабство... Тогда многие оставили веру церкви христианской и обратились в веру мусульман... В эти дни был голод великий в земле Абиссинской».

Но вскоре голод коснулся и завоевателей, начались эпидемии. Левша лихорадочно пытался организовать гражданскую власть и систему управления, наладить мирные отношения с христианами. Для этого он собирался жениться на дочери Лебна-Денгеля. Когда этот замысел не удался, он постарался использовать его сына Мину, в 1540 г. попавшего в плен. Левша окружил юношу заботой и любовью и даже женил его на своей дочери. Этим планам мирного урегулирования не суждено было сбыться. Слишком сильна была оппозиция воинствующих эмиров, для которых война и грабежи, а не мирное развитие, были основой и образом жизни. Мина был отослан «в подарок» йеменскому султану, правда, через год, после поражения и гибели Левши, его обменяли на сына последнего и позднее он стал императором.

ЦАРИЦА ЕЛЕНА

В поисках союзников негусы неоднократно обращались к португальцам. Первое посольство с письмом о помощи было подписано Лебна-Денгелем, но фактически послано Еленой (Ылени, ум. ок. 1522). Она была незаурядной личностью. Мусульманка по рождению, дочь Мехмеда, правителя подчиненной императору области Хадия, она крестилась после своей свадьбы с Зара-Якобом. Хотя ее отец и признавал сюзеренитет христианского правителя Эфиопии, тот ему полностью не доверял, боясь, что Мехмед при удобном случае перейдет на сторону традиционных противников центральной власти – правителей мусульманских султанатов на Востоке страны.

При дворе негуса, имевшего целый гарем, Елена была не главной женой, хотя и носила почетный титул «царицы справа». Она не имела тронного имени, как другие жены правителей, например Наод Могаса – жена негуса Наода

(1494–1508, внук Зара-Якоба) и мать будущего правителя Лебна-Денгеля. Согласно эфиопским хроникам, «истинные царицы» или «царицы слева», первые женщины двора, получали новое имя, созвучное тронному имени супруга. Но обе царицы присутствовали на всех важных церемониях, чтобы уравновесить их влияние на принятие решений. После смерти Зара-Якоба Елена не покинула двор, уйдя в монастырь, как это делали эфиопские царицы и до, и после нее. Она продолжала активную политическую деятельность и при его преемнике Базда-Марьяме, который «весьма любил и царицу справа Елену, ибо она была от бога совершенна во всем – в праведности, в вере, в молитве, в приобщении и в мирских делах – в изготовлении стола, в законе, в знании писания и речи». Елена принимала участие в придворной борьбе за престол после смерти самого Базда-Марьяма, а затем и его младшего сына Наода и немало способствовала тому, что выбор знати был сделан в пользу юного Лебна-Денгеля, которому в то время едва исполнилось 12 лет. С этого времени Елена, сумев отстранить соперничавшие группировки знати, фактически стала правительницей страны. Многие деяния Лебна-Денгеля на деле и задумывались Еленой, и осуществлялись под ее неофициальным руководством. В их числе была и борьба против мусульманских султанатов. Елена считала важнейшим условием процветания и благополучия родины заключение мира и создание условий для внешней торговли, которая велась как раз через земли, охваченные войной. Когда планы замирения не увенчались успехом, Елена начала поиски союзников в христианском мире. Выбор пал на португальцев, уже знакомых с Эфиопией, к которым решили отправить посольство.

ПОСОЛЬСТВА ЕЛЕНЫ В ЕВРОПУ

Послом был выбран торговец-армянин Матфей (Матевос). Армяне издавна бывали в Эфиопии, со временем возникла многочисленная община, существующая и поныне. Выбор именно армянского купца определялся и тем, что официально он являлся «раией» – подданным Османской империи, любого другого «первый же турок, в чьей власти он мог оказаться, продал бы... в рабство». В письме, подготовленном для португальского короля, Елена предлагала заключить союз против мусульман и скрепить его династическим браком, за пределами страны совместно бороться с мусульманами. Предполагалось, что Португалия вышлет для этого морской и сухопутный корпус.

После долгого путешествия (начавшегося в 1510 г.) через Гоа в Индии (где была штаб-квартира генерал-губернатора «обеих Индий», главы португальской колониальной империи) Матевос добрался до Португалии и вместе с португальским дипломатом Дуарте де Галваном повез в 1515 г. ответное письмо короля Мануэла, но это посольство не добралось до Эфиопии, уже прочно отгороженной от христианского мира мусульманскими султанатами.

Только в 1520 г., после смерти Матевоса, в страну прибыло ответное посольство, имевшее лишь дипломатические цели. Однако это было первым шагом для установления новых отношений между Эфиопией и Европой. В Португалию и Рим были посланы дорогие дары и письма, в которых выражалось согласие на занятие португальскими гарнизонами побережья Красного моря, на утверждение там католического епископата. Эти предложения тогда остались без ответа.

Неудачей окончилась и попытка Елены в 1516 г. добиться от Египта заключения договора о мире и торговле, поскольку вскоре Египет был захвачен турками. На смену же дипломатической осторожности Елены пришла воинствующая политика Лебна-Денгеля. Хотя постаревшая царица Елена по-прежнему была любима народом, она перестала участвовать в политической жизни страны, покинула двор и переселилась в свой удел в Годжаме, ведя жизнь благочестивой богатой христианки.

ПОРАЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ СУЛТАНАТОВ

После проигранной в 1531 г. кампании войска Лебна-Денгеля были вынуждены отступить в глубь страны. Власть императора, ставка которого была расположена высоко в горах, еще держалась, хотя христиане вынуждены были сдавать позицию за позицией. Лебна-Денгелю пришлось вновь обратиться за помощью к Португалии. Около 1535 г. в Лиссабон и Ватикан с царским посланием отправился Жоан Бермудеш, уроженец Галисии и участник португальского посольства 1520 г., живший при дворе в качестве заложника. Но сам Лебна-Денгель не дождался ни ответа европейцев, ни поражения старого противника. Его сын и преемник Клавдий (Галадеус, 1540–1559) оказался счастливее.

Его войска одержали ряд побед и начали постепенно освобождать потерянные ранее территории. К тому же у берегов Красного моря наконец появился флот под командованием нового вице-короля Индии дона Эштебана да Гама. С ним прибыло 400 воинов со 130 слугами. Этот отряд под командованием брата вице-короля Криштована отправился на соединение с войсками Клавдия. Первые совместные действия были весьма успешными – удалось обеспечить покорность перешедших в ислам мятежных вассалов негуса в приморских провинциях. К этому времени к сопротивлению, помимо войск негуса, стал переходить и измученный народ. Отряды вдовы Лебна-Денгеля, царицы Сабла Вангель, – крестьяне, поднявшиеся против мусульман, и португальцы, идя на встречу с войсками Клавдия, провели ряд военных операций против войск Ахмеда Граня и разбили их 4 апреля 1542 г. Левша был ранен, а воины его обращены в стремительное бегство.

Эта победа вдохновила эфиопов, упавших духом за годы несчастий. Даже неудачи в августе этого же года не развеяли надежды на лучший исход, тем более что вскоре произошла встреча Клавдия с войсками. Не остановила их и гибель Криштована да Гама, захваченного в плен Ахмедом. Решительное сражение при Вайна Дага произошло 20 февраля 1543 г. Во время него погиб и сам Ахмед, бывший долгие годы грозой не только христиан, но и непокорных соседей-мусульман. После его кончины еще продолжались военные столкновения между войсками негуса и исламскими воинами, но исход их был уже предreshен.

Со смертью Левши распалось единство созданного им султаната. Идея образовать единое государство из мелких разрозненных султанатов держалась скорее на авторитете Ахмеда, чем на действительной необходимости. Оставшись без идейного главы, преемники Левши не сумели противостоять массовому сопротивлению. Хотя время от времени и вспыхивали движения мусульман, но период могущества султанатов был уже позади. Султанаты

вновь подчинились центральной власти. Окончательный же удар был нанесен еще через четыре года, когда Клавдий совершил победоносный поход на Адаль, «разрушил укрепления их и открыл их запертые города, землю их, землю Адаль, он сделал обитаемой птицами».

ВОЙНЫ С ГАЛЛА, ФАЛАША И ОСМАНАМИ

Тем не менее внутреннее положение Эфиопии оставалось довольно сложным. К войнам с мусульманами, которых поддерживали турки, завоеваниям горных районов, заселенных фалаша (народом, придерживающимся иудейской веры), восточных земель и все еще не до конца покоренных народов центральной части страны добавились вторжения скотоводческих племен народности *галла* (оромо), составляющей ныне почти половину населения страны. Эти воинственные кочевники-скотоводы, двигавшиеся с юга, давно беспокоили Эфиопию своими набегами. У них сохранялась система возрастных классов «гада», согласно которой все мужчины проходили социальные ступени воинов и старейшин, право же на вхождение в каждую страту они должны были добывать в сражениях.

XVI–XVII века – время непрерывного сопротивления набегам галла. Однако в результате галла, как и фалаша, вошли в состав Эфиопского государства, отдельные представители их знати пополнили элиту империи. Отряды же воинственной молодежи использовались императорами как наиболее эффективная ударная сила. Успехи этого периода связаны с именем Сарса-Денгеля (1563–1597), который укрепил центральную власть, подавил внутреннее сопротивление феодалов, замирил фалаша и ликвидировал мусульманскую угрозу. До конца жизни он продолжал бороться против галла. В конце концов те расселились чересполосно с земледельцами, используя как пастбища неудобья.

По крайней мере до XVII в. области фалаша оставались не полностью подчиненными власти негуса. На отдельных *амбах* (горах с плоскими вершинами) оставались их самостоятельные владения. Да и в тех областях, где жители уже были обращены в христианство, они нередко возвращались к «вере отцов своих». «Хроника царя Клавдия» говорит о ряде областей: «Все они отступили и сделались иудеями, оставив христианство, и убили многих людей из Амхары. Когда царь выступил, они сразились с ним, осилили его, прогнали и сожгли все церкви в своих областях». Такие выступления жестоко подавлялись. Однако в то время центральная власть была не настолько сильна, чтобы полностью покорить горы и плато Сымен. Во главе фалаша стояли «цари», часто братья или близкие родственники, народ занимался земледелием, но земли было немного, и она не давала богатых урожаев на крутых склонах и в достаточно холодном климате.

Первое серьезное столкновение произошло во время правления Мины (1559–1563). Но поход 1559 г. оказался безуспешным. Неудача его отчасти была связана с распылением сил – только что закончилась война с мусульманскими владыками на Востоке, а на Северо-Востоке вспыхнул мятеж: Исхак, правитель провинции, стремился посадить на престол другого императора и пригласил на помощь турок, даже отдав им часть территории на побережье Красного моря.

В царствование Сарса-Денгеля велись, пожалуй, самые ожесточенные сражения с фалаша, особенно серьезные в 1579 г. Причинами сопротивления фалаша были как требования выплаты непосильной дани, так и нежелание насильственной христианизации. Возглавили это сопротивление Радаи и Калеф. Воины фалаша были плохо вооружены, но они умело использовали возможности рельефа. Укрепления строили на плоских вершинах с крутыми склонами, устраивали засады за утесами и в пещерах, разрушали узкие тропы, чтобы по ним не прошли мулы и кони. На вершинах делались запасы — груды камней, чтобы скатывать их во время битвы. Использовали фалаша и тактику «выжженной земли». Хронист пишет: «Калеф же, брат Радаи, начал жечь огнем дома вместе со всем, что в них было. И хлеб, который был по соседству, сжег он, ибо созрел (хлеб) в это время и настало время жатвы. И пожег он связанные снопы без пощады. И сделал он это, ибо полагал, что возвратятся они (враги. — Э.Л.), когда не достанет им пищи». Воины сражались «яростно летящими копьями, камнями брошенными, ружьями и стрелами».

Но исход сражения решила артиллерия *амхара* (эфиопов-христиан). Когда она ударила, «смутился Калеф и все войско его, смешалось все его войско ратное, ибо показалось им, что ударила в них молния с неба». Расправа была жестокой — приказано было не щадить ни мужей, ни жен, ни стариков, ни младенцев и не оставлять никого «из ходячих ногами». В 1596 г. фалаша вновь восстали. Упорство, с которым этот народ во главе с Радаи не желал подчиняться императорской власти, приводило современников в изумление. Будучи осажденными, отрезанными от источников питьевой воды, они совершали дерзкие вылазки, убив многих осаждающих и считая, что «лучше погибнуть с честью, чем жить в позоре». Все же многим «амба» пришлось сдаться, большую часть мужчин убили. Жен и дочерей павших подарили государю. Однако Геден, один из военачальников фалаша, сумел бежать, пройдя с 15 щитоносцами стан царских воинов. Возможно, его успешному бегству способствовало то, что его близкая родственница была женой правящего императора.

На Северо-Востоке императоры сталкивались с силами Османской империи. Эфиопские хроники впервые упоминают о турках в 1518 г. Сначала они лишь время от времени совершали набеги, довольствуясь добычей. Позднее к северу от эфиопских владений был основан вилайет Хабашат, а на берегу Красного моря возникли маленькие крепости с военными гарнизонами. Интересы и основные силы Османской империи были сосредоточены на иных направлениях, им пришлось даже ликвидировать вилайет. Турки играли прежде всего роль торговых посредников с внешним миром, ибо дорога к нему шла через контролируемую ими прибрежную зону. Позднее, когда Эфиопия переживала внутренние смуты, османы пытались (неудачно) завоевать ближайшие территории, выступая союзниками Ахмеда Граня. После нескольких поражений основанные турками крепости признали власть императора, многие их жители перешли к нему на службу. Знать назначали начальниками гарнизонов, прочие становились солдатами-наемниками. Так во второй половине XVI в. была не только восстановлена целостность страны, но и приобретены новые земли.

Сарса-Денгель оставил после себя налаженную систему получения налогов с провинций. Из южных областей поступали золото, скот, мулы,

шкур диких животных; из северных – лошади и заморские товары (шелк, фарфор, одежда); из центральных – золото, хлопок, украшения, мед. Однако местные правители и феодалы по-прежнему пользовались немалой властью. С прекращением бесчисленных войн и умиротворением страны их центробежные стремления возросли и они стали вновь задумываться о былой самостоятельности. Голодные годы, неурожаи и эпидемии осложнили положение внутри страны. После многолетних войн Эфиопия была разорена. Не раз вспыхивали восстания простого люда. В 1687–1688 гг. такое восстание поднял Йисхак-Уорення (Поджигатель), кузнец из Годжама. Эти движения, как и попытки отдельных феодалов добиться независимости, жестоко подавлялись.

Сложное положение усугублялось борьбой за престол после смерти Сарса-Денгеля. Три следующих негуса быстро сменили друг друга. При этом возрастало влияние в стране португальцев, которые претендовали на высокие должности, проводили миссионерскую деятельность. Особенно активно действовали иезуиты. Еще в 1554 г. был назначен католический патриарх Эфиопии. Позиции католиков упрочились при дворе императора не сразу. Их встретили настороженно, проводили богословские диспуты, синод в 1558 г. осудил идеи иезуитов. Но уже на рубеже XVI–XVII вв. в Эфиопии в среде как светской, так и духовной знати появились не только противники, но и сторонники католиков. Последним разрешили проповедовать, жениться на местных женщинах, владеть землями.

Зе-Денгель (1603–1604), сумевший на время захватить престол у негуса Якоба I (1597–1603, 1605–1607), начал переписку с римским папой Климентом VIII и королем Испании и Португалии Филиппом III. Он предложил заключить междинастийный брак и вместе выступить против Османской империи на Красном море. Также негус просил прислать специалистов: ремесленников-строителей, оружейников и воинов. Чтобы пополнить казну и ограничить притязания сепаратистов, он, подавив в 1604 г. восстание Лже-Христа, назначил твердый размер подати в зависимости от урожайности земель (до этого его определяли сами феодалы). Все это вызвало недовольство и феодалов, и церковников (глава православной эфиопской церкви *абуна* Петрос даже отлучил его), и Зе-Денгель погиб в сражении с восставшими. Негус Якоб смог установить хорошие отношения с абуней, но в то же время в 1607 г. разрешил открывать миссионерские школы.

ПРАВЛЕНИЕ СУСЕЙНОСА

В том же году власть была захвачена Сусейносом (Сиссинией). На его правление пришлось самые жестокие и кровопролитные войны с фалаша. Речь шла уже не о сопротивлении отдельных «княжеств», а о хорошо организованном движении, которое возглавил Гедеон. К фалаша присоединились и другие народы этого региона. «Знаменем» движения был некий Якоб, выдававший себя за сына Сарса-Денгеля. По словам хрониста, Гедеон возглавил войско «безумцев, ему подобных, всех бедных, всех несчастных, всех неоплатных должников». В течение нескольких месяцев 1614 г. восставшими было захвачено восемь областей. Понадобилась концентрация всех сил царской армии, чтобы захватить сначала одну, затем другую амбу и, наконец,

последний оплот Гедеоны и Якоба — амбу Саганест. Осада ее продолжалась два месяца, после чего Геден был вынужден выдать Якоба. В 1616 г. «... во всех землях, где есть фалаша, приказал царь убивать их. И убили всех без остатка, и не спасся никто, кроме нескольких фалаша, которые бежали...»

Однако сам Геден не был схвачен и продолжал борьбу в 1622 и 1623 гг. Неоднократно он обращал царские войска в бегство и захватывал обозы со всем имуществом. Сначала успех сопутствовал фалаша, они захватили ряд амб, некоторые жители страны перешли под их знамена или заключили с ними мирное соглашение. Однако вскоре превосходящие силы правителя одолели «Геден-иудея, который при четырех царях... пытался воевать» и «воцарил трех самозванцев». Геден был казнен. Но еще долго пришлось покорять остальных участников движения. А затем «царь царей расставил все войско ратное по входам и выходам в земли фалаша».

И хотя походы против беспокойных фалаша еще время от времени происходили (в 1671, 1674, 1692 гг.), в конце XVII в. кончается самостоятельное существование свободных «княжеств» и начинается складываться особая «этнокастовая» группа ремесленников-фалаша в социальной структуре страны. Лишь немногие фалаша продолжали заниматься земледелием, но уже как арендаторы, а не владельцы земли. В основном мужчины стали кузнецами, ювелирами и ткачами, а женщины — горшечницами. Эти занятия считались в Эфиопии если не презренными, то неуважаемыми. Постепенно, однако, в царском войске появились отряды фалаша, которых считали храбрыми и надежными воинами и посылали в самые ответственные походы. Некоторые (среди них бывали и женщины) получали титулы и земельные пожалования. Большую роль в изменении положения фалаша сыграло начавшееся на рубеже XVII–XVIII вв. особенно широкое (по сравнению с предыдущими периодами истории Эфиопии) городское и монастырское строительство, в котором самое активное участие приняли фалаша-каменщики, кузнецы и другие ремесленники. Сусейнос (Сиссиний), много воевавший с фалаша, опирался на феодалов, которым он раздал выгодные посты в противовес церковникам, жаждущим верховной власти. Поэтому он привечал и католических миссионеров, и галла. Если последние ранее занимали лишь пустующие земли, как правило непригодные для земледелия, то теперь император жаловал им земли в лен, зачастую отбирая их у монастырей. Он, как и его предшественник, вел переписку с Ватиканом и испанским двором (1607, 1610, 1615 гг.). Росло число католиков. В 1624 г. в Эфиопию прибыл назначенный патриархом иезуит Мендес. Многие португальцы годами жили в стране и некоторые из них оставили ценные описания (например, М. Алмейда, И. Лобо и ряд других). Они воспринимали эфиопов-монофиситов как еретиков, а то и язычников, что рассматривалось местными жителями как унижение.

В 1621–1622 гг. сам император Сусейнос и ряд придворных были тайно крещены по католическому обряду, а в 1628 г. католичество было объявлено государственной религией. Многие священные книги перевели с древнего языка *гыэз* (на котором и сегодня ведется церковная служба) на разговорный, что было воспринято как святотатство. Все это вызвало негодование широких масс, от знати до простого люда, вылившееся в настоящую гражданскую войну «за веру отцов». Соппротивление приверженцев отчей веры войскам императора, поддерживаемым иезуитами, возглавил сын Сусейноса

Фасилидас. В вооруженных столкновениях погибало немало эфиопов. Сусейнос воскликнул после одной из своих побед: «Это не победа, ведь перед нами – не враги, а наши подданные!» В 1632 г. император публично отрекся от престола в пользу Фасилидаса (1632–1667). Мендес призывал его не прекращать борьбу, но Сусейнос оставался тверд в своем решении. Был созван церковный собор, на котором присутствовали и сторонники Мендеса. После ожесточенных споров было объявлено официальное возвращение к традиционной вере. Католики были изгнаны сначала из центральных провинций, а затем из страны.

Выступления против иезуитов, однако, не смягчили противоречия внутри эфиопской церкви. Внутрицерковные споры между двумя основными направлениями (*тавахдо* и *кыбат*) продолжались. И те и другие помимо догматических расхождений хотели влиять на императорскую власть и даже претендовали на превосходство церковной власти над светской.

ГОНДЭРСКИЙ ПЕРИОД

Со времени Фасилидаса начался новый, не столь бурный период истории Эфиопии, известный как «Гондэрский» по названию столицы, построенной Фасилидасом.

ФАСИЛИДАС И ЕГО СТОЛИЦА

Долгое время у императорского двора не было постоянной столицы. Эфиопские правители объезжали страну, собирая подати и осуществляя контроль над областями, и временной столицей считалась ставка правителя. Позднее некоторые из них устраивали постоянную ставку на период дождей, но каждый создавал новую. Гондэр стал первым столичным городом. Он был основан в глубине страны в целях защиты от набегов кочевых племен и бесконечных волнений в окраинных провинциях. Фасилидас и его преемники построили большой город с великолепным дворцовым комплексом, включающим замки, библиотеку, сокровищницу, бассейны с запасами воды, погреба со съестными припасами. Комплекс, занимавший территорию около 7 га, был обнесен высокой стеной с 12 воротами. Каждый новый правитель строил себе собственный дворец. Возводились и храмы. Самый значительный памятник церковной архитектуры этого времени – монастырь Дебре Бырхан Селассие, который и ныне поражает соразмерностью и красотой фресок, покрывающих все стены и потолок главного помещения.

Гондэр стал олицетворением и сосредоточением силы централизованной власти. Здесь был сформирован сложный аппарат управления, содержались отборные воинские подразделения (своеобразная «царская гвардия»). Если до этого правители Эфиопии, как и короли средневековой Европы, буквально «не вылезали из седла», то Фасилидас, отправляя войско в поход во время сухого сезона, нередко оставался «в столице своей».

В Гондэре существовали отдельные кварталы ремесленников: кожевников, гончаров, портных, ювелиров, оружейников. Хроника о строительстве монастыря Дебре Бырхан Селассие упоминает чаши и кадилыницы, кувшины, потиры, чаши для омовения рук, венцы и кресты золотые и серебряные.

Дворец негуса Фасилидаса Фасил-Гебби. XVII в. Гондэр, Эфиопия

Фасилидас сумел добиться внутренней стабилизации и укрепить внешние торговые и дипломатические связи. Прочными стали союзнические отношения с Адалем, Сеннаром, государствами Южной Аравии, Османской и Могольской империями. Практиковался обмен посольствами, учеными, художниками, ремесленниками. Армянские священники участвовали в церковных диспутах. Индийские архитекторы и каменщики вложили свой труд в строительство дворцового комплекса, оставив своеобразную «подпись» – изображение окна в индийском стиле на стене одной из зал дворца Фасилидаса. На некоторых иконах император Эфиопии изображался в придворной одежде Великих Моголов.

Несмотря на относительное спокойствие Гондэрского периода по сравнению с предыдущими, в течение всего XVII в. центральные области страны продолжали беспокоить набеги галла, к тому времени уже прочно обосновавшихся на Юго-Востоке Эфиопии. Этот народ тогда еще не сформировался как единое целое, и разные племена по-разному участвовали в истории страны. Часто их, храбрых и непритязательных воинов, использовали в междоусобицах.

Завершает XVII в. правление Иясу I (1682–1706), который в походах 1692–1693 гг. окончательно усмирил северные области. Стремясь смягчить конфликты и разрешить противоречия, он провел важные реформы: экономическую и административную. Им были смещены ведущие соратники его отца и предшественника Йоханьса (Иоанна) I (1667–1682), поддерживавшего кыбат. Около 1689–1690 гг. была проведена реорганизация *мыкыр бет* – совещательного органа, в который входили высшие светские, военные и церковные сановники. Самые важные полномочия в ущерб церковникам достались светским сановникам, особенно происходившим с Севера (который был важен из-за контроля над внешней торговлей). Иясу I удалось добиться (путем

переговоров и вооруженными экспедициями) выгодных для Эфиопии условий торговли с османским ставленником в Массауа, прекратить грабежи купеческих караванов, установить твердые пошлины на товары, как ввозимые, так и вывозимые (зерно, масло, кофе, скот). Благодаря этим реформам и всей деятельности Иясу I страна достигла благополучия. Мирные внешние связи значительно ее обогатили. Наполнялась казна, увеличивалась роскошь убранства жилищ знати. Свидетельством этого, в частности, служат описания дворцов и храмов той поры – с золотой утварью, заморскими коврами, зеркалами, мебелью ценных пород дерева с отделкой из слоновой кости и т.п. Продолжалось монументальное строительство. Хронист, с восторгом описывая сооружение и роскошное убранство монастыря Дебре Бырхан Селассие, завершает повествование фразой: «И все это создал Иясу руками мастеров своих».

Средневековый период был временем культурного подъема страны. Уже тогда сложилась своеобразная каста *азмари* или *лалибела* – бродячих певцов и музыкантов. Они были и хранителями устной традиции, воспевавшими военачальников и феодалов, при дворах которых зачастую надолго останавливались, и вдохновителями движений сопротивления. В народной культуре сохранялось множество черт язычества, однако официальная культура, безусловно, была христианской.

К XVI–XVII векам складывается новый стиль церковной архитектуры (круглые или восьмигранные сооружения). Внутренние стены храмов расписывались фресками, украшались иконами. Особенно поражает полностью покрытый росписью, сохранившейся до наших дней, храм монастыря Дебре Бырхан Селассие. Средневековая эфиопская живопись развивалась и в форме книжной миниатюры разнообразной тематики: здесь и изображения правителей, святых и священнослужителей, и иллюстрации к библейским и историческим сюжетам, и рассказы о войнах с мусульманами, и бытовые картинки. На рубеже XVI–XVII вв. и в дальнейшем становится заметно влияние европейской церковной живописи. При всех монастырях существовали школы и хранилища книг. А в Гондэре появились светская библиотека и светская школа, куда принимали и девочек.

При дворах правителей жили придворные хронисты и поэты. В XVII в. в монастыре Дебре Бырхан Селассие близ Гондэра прославился стихотворец, знаток богословия и истории церкви Селассие. Одновременно составлялись «Истории царей», достоверно отражающие реальные события, и «Жития», в которых правитель предстал в идеальном образе. Был создан ряд светских произведений, таких как «Кэбре Ныгест» об истории династии и страны; «Сырыате Мэнгыст» (Правила царства) – своеобразный свод правил этикета и управления. Расцветали разные поэтические жанры, в том числе восходящий к XVI–XVII вв. жанр *кыне*, называемый также «воск и золото» – иносказание, где под внешне простой и ясной формой скрывался истинный сокровенный смысл. Поэзией и живописью занимались и сами правители, например Наод и Клавдий (Галадеус), который в своих сочинениях выступал против иезуитов и мусульман. При дворах практически всех правителей страны устраивались поэтические состязания, на которые съезжались участники со всей Эфиопии.

Столь же популярны были занятия музыкой. Фасилидас устраивал на крыше своего дворца в Гондэре своеобразные песенные состязания клира ближайших храмов и щедро награждал победителей.

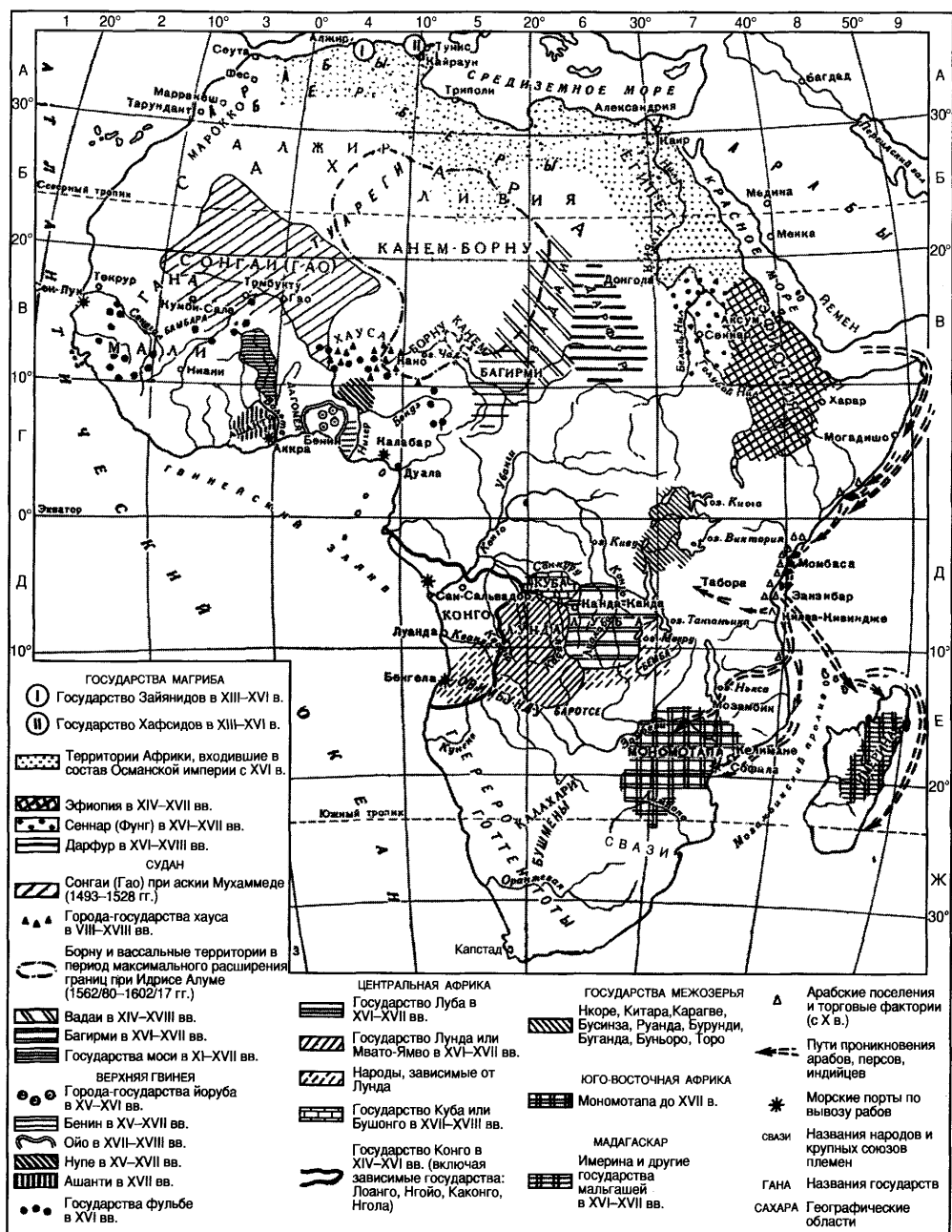
АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVII ВЕКЕ

В середине XV в. в развитии Африки южнее Сахары появился новый фактор, значение которого неуклонно возрастало, – европейское проникновение. Начало ему положили португальцы (подробнее см. в главе «Великие географические открытия»), которые раньше других европейских держав смогли создать колониальные владения в Африке, в том числе крупные – Мозамбик и Анголу, хотя уже в первые годы XVII в. у них появляются соперники, сильнейшими среди которых поначалу были Нидерланды (подробнее см. в главе «Колониальные владения европейских государств в XVII веке»). С середины столетия резко усиливается влияние Англии и Франции; проводниками их интересов в регионе стали торговые компании. К концу рассматриваемого периода французы закрепились на территории современных Сенегала и Кот д'Ивуара (Берег Слоновой Кости), а англичане – Гамбии, Сьерра-Леоне, Ганы. Последующие два столетия ознаменовались борьбой за Африку прежде всего между ними, но в XV–XVII вв. это была преимущественно не колониальная, а торговая экспансия.

Хотя рабы появились среди товаров, вывозившихся из Африки, с самого начала, главной, а часто и единственной целью европейских торговцев они стали только во второй половине XVII в., когда в Новом Свете начало интенсивно развиваться плантационное хозяйство, а расцвет работорговли пришелся на XVIII в. До середины XVII в. европейцы искали в Африке в первую очередь золото и слоновую кость, а также камедь, кожи, воск, перец, красители, страусовые перья... Африканцы же получали металлические слитки, ткани, соль, огнестрельное оружие; с караванами купцов эти товары попадали и во внутренние районы континента.

Европейцы принесли новые сельскохозяйственные культуры: апельсин, лимон, сахарный тростник, кукурузу, маниок, кофе и др. Культурное же их влияние даже на прибрежные народы Африки в ту эпоху еще не было значительным. Ранние контакты с европейцами принципиально не изменили направления их внутреннего развития (хотя во внутриафриканских конфликтах дали преимущество тем, кто мог богатеть на торговле с иноземцами и получать от них огнестрельное оружие). Попытки христианизации оказались успешными лишь в Конго. Народы, населявшие внутренние районы Африки, вообще еще не вступили в прямое взаимодействие с европейцами.

В Судане (см. ниже) и на Востоке континента продолжали играть существенную роль арабы. Однако к концу XVII в. перемещение главных торговых магистралей с транссахарских путей на Атлантическое побережье привело к ослаблению влияния как арабов, так и тех государственных образований, чье процветание основывалось на транссахарской торговле.

Африка в XVI–XVII вв.

Судан (от араб. *билад ас-судан* – «земля черных») как природную и историко-культурную область, простирающуюся более чем на 1000 км к югу от южной границы Сахары и на 5500 км с запада на восток от Атлантики до Эфиопского нагорья и делящуюся на Западный, Центральный и Восточный Судан, не следует путать с современным государством Республика Судан. При этом Восточный Судан не входит в понятие «Африка южнее Сахары».

Процветание *Западного Судана* во второй половине XV–XVI в. было связано с возвышением Сонгая – политики, созданной одноименным народом. Во второй половине XV столетия Сонгай превратился в мощную державу, победившую в борьбе за «наследство» бывшей «метрополии», которая начала разваливаться еще в конце XIV в. При *сонни* Али Бере (Великом) (1464–1492) Сонгай захватывает остатки владений Мали, включая города Томбукту (1469) и Дженне (1471), располагавшиеся на транссахарских торговых путях, побеждает туарегов, подчиняет племена, жившие в среднем течении Нигера. Нанеся в 1483 г. тяжелое поражение правителю моси, Али более чем на век утвердил гегемонию Сонгая в Западном Судане. К концу его правления Сонгай простирался от района слияния Нигера и Бани на западе до земель хауса на востоке. При этом Али удалось упорядочить систему управления страной, поставив во главе ее отдельных областей преданных ему людей. По его приказам были прорыты оросительные и судоходные каналы, а речная флотилия превращена в эффективное средство транспорта и связи.

Подъем Сонгая продолжился при Мухаммеде Туре I (1493–1529), полководце Али, свергшем его наследника Баро и основавшем новую династию *аския*. Границы страны еще более расширились во всех направлениях, охватив земли от низовий Сенегала на западе до границ государства Борну на востоке и от сахарских областей Алжира на севере до центральных районов современной Буркина-Фасо на юге. Сонгаи получили контроль над новыми торговыми путями и доступ к новым источникам золота, меди и соли. Мухаммед добился решающих успехов в централизации системы управления: держава, по площади равная империи Карла Великого, была разделена на четыре провинции, во главе которых он поставил родственников; правители покоренных политий сохраняли троны и определенную автономию, если не препятствовали завоевателям, но ставились под контроль администраторов-сонгаев. В столице же, городе Гао, функционировали «министерства», отвечавшие за финансы, отправление правосудия и прочее в масштабах всей страны. Централизация государства выразилась и во введении Мухаммедом регулярного налогообложения в основной части страны и системы сбора дани с покоренных земель, в создании вместо ополчения профессиональной армии из рабов и пленников, унификации системы мер и весов. Сонгай являлся гораздо более централизованным и жестко социально стратифицированным государством, нежели его предшественники – Гана и Мали; выше была в нем и роль сельскохозяйственного производства в сравнении с караванной торговлей.

Еще на грани I и II тысячелетий сонгайские правители и знать приняли ислам, который с тех пор выполнял функции государственной идеологии и основы правовой системы страны. Однако Али Бер относился к исламу настороженно, видя в нем, как в идеологии потенциальных мощных врагов-

североафриканцев, угрозу, и проявлял терпимость к языческим верованиям покоренных народов, а его сын Баро и вовсе отрекся от ислама, что и послужило основанием для его свержения Мухаммедом Туром. При нем, ревностном мусульманине, прославившемся далеко за пределами Сонгая пышным паломничеством в Мекку в 1496–1497 гг., политика основывалась на поддержке ислама, несмотря на жестокие войны не только с языческими, но и с мусульманскими правителями. Томбукту был одним из крупнейших в мире центров мусульманской учености, игравшим и большую политическую роль (среди его духовных лиц *аския* выбирал себе советников); важным центром исламского образования являлся и Дженне. При этом ислам по-прежнему сохранял городской и элитарный характер: широкие слои населения оставались неисламитизированными.

«История Судана» – своеобразная хроника на арабском языке, написанная в Томбукту в 50–60 годы XVII в., так описывает Дженне:

«Это великий, процветающий и благословенный город... Жители города отзывчивы, благожелательны и сострадательны. Однако они по своей природе очень завистливы к мирским благам... Дженне – крупный рынок мусульман. В нем встречаются хозяева соли из рудника Тегаззы [север современного Мали – к северу от Дженне] и хозяева золота из рудника Бито [север современной Ганы – к югу от Дженне]. Оба эти благословенных рудника не имеют себе подобных во всем мире. <...>

Дженне окружен стенами, в них было одиннадцать ворот... Когда ты находишься снаружи города и в отдалении от него, то сочтешь его всего лишь рощей из-за многочисленных в нем деревьев, но когда ты войдешь в город, то кажется, будто в нем нет ни единого дерева... Земля Дженне плодородна и возделана; она полна рынками во все дни недели».

В последние годы правления Мухаммеда начинаются мятежи на окраинах державы, а после свержения 86-летнего *аския* одним из его сыновей Мусой наступает череда дворцовых переворотов: за следующие двадцать лет на троне побывало четыре человека. Другому сыну Мухаммеда, Дауду, удалось прочно утвердиться на троне (он правил с 1549 по 1582 г.) и, казалось бы, восстановить величие державы. Однако смерть Дауда повлекла за собой новые войны за престол (за девять лет сменилось три *аския*), мятежи в покоренных землях, а также восстания социальных низов. Положение усугублялось переориентацией торговли золотом на Атлантическое побережье и смещением главных транссахарских торговых путей на восток, к городам хауса, а также участвовавшимися набегами кочевников – фульбе и туарегов. Ослабление государства подтолкнуло марокканского султана Ахмеда аль-Мансура I к вторжению в Сонгай. Уже в 1584 г. марокканцы захватили принадлежавшие ему медные рудники Тегаззы. В 1591 г. в битве при Тондиби недалеко от Гао армия *аския* Исхака II (1588–1591) потерпела сокрушительное поражение от войска полководца султана Джудара-паши, пятикратно уступавшего ей в численности, но использовавшего огнестрельное оружие. И хотя вскоре марокканцы были вынуждены отказаться от идеи подчинить себе столь обширный регион, укрепившись лишь в Гао, Томбукту и Дженне, сонгаи уже не смогли восстановить свой контроль над ним. Сонгайская держава рассыпалась, а власть ее правителей сохранилась лишь над Денди – районом, где она некогда зарождалась. Таким образом, Сонгай повторил путь Мали: пережив эпохи взлета и упадка, он вернулся в «исходное состояние».

Падение Сонгая и слабость власти марокканских пашей привели к активизации экспансии туарегов, формированию языческих государств бамбара (народ группы мадинго), завершившемся уже в XVIII столетии, и к восстановлению независимости также языческой Масины (1629).

В XVI в. достигают наивысшего подъема государства моси (располагались на землях нынешних Буркина-Фасо и Ганы), в особенности – Ятенга, Ризьям, Нанумба и Дагомба. В середине XVI столетия правитель Дагомбы по имени Даторли завоевал земли до реки Черная Вольта. Но во второй четверти XVII в. войска Дагомбы были разбиты армией созданного в середине XVI в. народом малинке государства Гонджа. Экспансия Гонджи продолжалась до 1709 г., когда ее удалось остановить ашанти.

К юго-востоку и востоку от «королевств» моси на торговых путях между Суданом и побережьем Гвинейского залива с XV в. формировалось Боргу – объединение политий народности бариба, нередко вступавших в соперничество не только с соседями, но и друг с другом, как две крупнейшие среди них: Бусса и Никки. Их расцвет пришелся на XVI в. Бариба постепенно расселились по всей саванне до массива Атакора, смешиваясь с местным населением. Основой процветания бариба была торговля солью, орехами кола, слоновой костью, золотом и невольниками. С последней четверти XVII в. до 1783 г. Боргу находилось в зависимости от йорубской «империи» Ойо. Боргу признало верховенство ее правителя и платило дань, но сохранило самостоятельность в ведении торговли и собственные династии.

История сильнейших политий крайнего Запада региона – территорий современных Сенегала и Гамбии – Фута-Торо, Джолофа, Сина и Салума до XVI в. известна мало. Вплоть до ослабления Сонгая все они в той или иной мере находились под влиянием великих держав Западного Судана. В середине XVI в. Коли Тенгела, великий воин и основатель новой династии Деньянкебе, правившей до 1776 г., объединил населенную тукулерами Фута-Торо и расширил ее пределы. Фута-Торо стала первой зоной массовой исламизации на территории нынешнего Сенегала.

Расцвет созданного народом волоф Джолофа пришелся на вторую половину XV в., когда в зависимости от него в числе прочих находились Син и Салум. Около 1540 г. в результате восстания наместника области Кайор Амари Нгоне Собеля от Джолофа откололись три провинции, ставшие суверенными политиями: Кайор, Баол и Вало. Джолоф же продолжал существовать в урезанных границах вплоть до французской колонизации. Амари правил одновременно Кайором и Баолом до конца XVI в. В дальнейшем главной чертой политической истории этих областей явились многочисленные войны между их правителями, несмотря на близкое родство династий.

Основную массу населения Сина и Салума составляли представители одного народа – серер. В начале XV в. в ходе миграций завоеватели-сосе принесли на земли серер государственную организацию, образовав возвысившуюся над ними аристократию. Однако вскоре сосе слились с серерами и в конце XV в. образовали династии правителей Сина и Салума. В конце XVI в. Салум и Син избавились от джолофского господства. Салум подчинил себе Син, и лишь спустя долгое время Син восстановил независимость.

Вследствие своего географического положения народы Сенегала и Гамбии первыми оказались вовлечены в торговлю с европейцами. При этом мест-

ные правители не только прямо наживались на ней, но и пытались играть на противоречиях между европейскими державами, время от времени нападая на фактории.

В *Центральном Судане* последние десятилетия XV – начало XVI в. были отмечены восстановлением могущества государства Борну: *маи* (правитель) Али Дуама пресек внутренние распри и сделал государство более централизованным. По сообщению знаменитого путешественника Льва Африканского, Али Дуама был необыкновенно богат, потому что поддерживал интенсивные торговые отношения со странами Магриба, продавая рабов и покупая лошадей для армии: конница составляла одну из основ его военной силы. Али Дуама вел войны с соседями, а с правителями Северной Африки устанавливал дипломатические отношения. Основным направлением экспансии было западное – на земли хауса.

В середине XVI в. Борну пережило пору упадка, связанную с военными поражениями и волнениями покоренных народов. Восстановление мощи Борну связано с именем *маи* Идриса Алуи (1562/80–1602/17). Идрис упорядочил систему командования войском, снабдил его огнестрельным оружием и пригласил военных инструкторов из Турции. Войны он вел практически постоянно, перемежая крупные военные предприятия с набегами за рабами. Он восстановил порядок в самом Борну, а затем совершил успешные походы против туарегов, тубу, котоко, мандара (народы, живущие в районе озера Чад и в Центральной Сахаре). Подавляя их сопротивление, Идрис (как и его наследники) шел на решительные меры вплоть до переселения целых племен.

Идрис был не только великим полководцем: при нем процветала и торговля. На север отправляли рабов, получая взамен лошадей, оружие и предметы роскоши, на восток и на запад шли караваны с солью, содой и тканями. Человек глубоко верующий, Идрис совершил паломничество в Мекку и упрочил позиции ислама в стране. Было возведено множество мечетей, причем впервые не из саманной глины, а из долговечного обожженного кирпича. Идрис внедрил в стране нормы коранического права и, лишив судебной власти местных правителей, передал ее мусульманским судьям – кадиям; при нем окончательно установились нормы ислама в управлении страной.

Со времени Идриса территория собственно Борну управлялась администраторами различных рангов – от вождей деревень до глав крупных округов. Подчиненные же земли административно делились на четыре области по странам света; во главе владений стояли местные правители, признававшие верховенство *маи*, или ближайшие родственники владыки Борну. Политический строй Борну оказал большое влияние на систему управления, военную организацию, титулатуру, своеобразие исламской культуры соседних с ним народов. Идрис превратил Борну в крупнейшую мусульманскую державу Центрального Судана, но уже в середине XVII в. под натиском туарегов, тубу, булала и джукун начинается ее окончательный упадок.

Для городов хауса (особенно Кано), как и для Борну, развитие транссахарской торговли привело к укреплению культурных связей с исламским миром. Во второй половине XV в. в Кано и Кацине, наиболее вовлеченных в торговлю с ним, поселилось немало не только купцов-мусульман, но также

фульбских и североафриканских богословов и юристов, ученых из Томбукту. Под их влиянием правитель Кано Мухаммад Румфа (1463–1499) провозгласил ислам официальной религией, признал кораническое право, инициировал разрушение языческих святилищ и строительство мечетей. Интенсивными оставались торговые связи хауса как с Северной Африкой, так и со странами к западу и юго-западу от земель хауса.

В конце XV – XVI в. города хауса оказались в роли буфера между крупнейшими державами региона – Борну на юго-востоке и Сонгаем на северо-западе; более мощное давление оказывал Сонгай. В результате военных кампаний аския Мухаммеда (ок. 1500 и 1513–1514) были вынуждены платить дань и терпеть сонгайских наместников Кано, Кацина, Заззау, Замфара и Гобира. Однако на крайнем Западе страны хауса появилась новая сила – государство Кебби, которое свергло власть Сонгая над городами хауса и попыталось установить над ними свое господство. Во второй четверти XVI в. Кебби удалось победить Борну. Однако вскоре конец гегемонии Кебби положила Кацина, а сонгаи возобновили походы на земли хауса.

Падение Сонгая и упадок западных транссахарских торговых путей через его столицу Гао способствовали расцвету государственных образований, которые вели торговлю по восточным магистралям, – Борну и особенно хауса. Столкновения между городами хауса за доминирование на этих путях стали определяющим фактором в истории региона в XVII–XVIII вв. В конце XVII в. выявилось превосходство Кацины над Кано, но в это же время усилилась и вступила в борьбу с Кациной Замфара. Процветала торговля в южном направлении: хаусанцы экспортировали изделия из кожи и хлопка, а ввозили орехи кола. Началось расселение хауса в южном направлении.

Гораздо меньше, чем о хауса, известно о еще трех полициях Центрального Судана: Нупе, Вадаи и Багирми. Нупе сложилось в XV в. в бассейне Нигера на территории современной Нигерии. XVI–XVII вв. явились временем становления в Нупе раннегосударственных политических институтов и формирования социальной организации, основанной на жесткой иерархии статусов.

Вадаи возникло на одноименном плато в XVI в., когда правящая элита тунджур подчинила маба (народность, проживающую к востоку от озера Чад) и родственные им народы. В первой половине XVII в. Вадаи превращается в султанат. Расположенное между Борну и Дарфурским султанатом Вадаи поначалу было вынуждено платить им дань, но на грани XVII и XVIII вв. при султани Якубе Арусе избавилось от зависимости.

Багирми – политическое образование одноименного народа в бассейне рек Шари и Логоне на территории современного Чада, вероятно, появилось в первой половине XVI в. Ислам проник в Багирми в конце XVI или первой трети следующего столетия, но прочно там не утвердился. Небольшое по размерам Багирми, несмотря на давление Борну и Вадаи, в XVII в. вело войны с соседями ради захвата рабов, которыми успешно торговало.

Верхняя Гвинея – область, располагающаяся к югу от Западного и Центрального Судана до Атлантического океана – по-прежнему оставалась отрезанной от Судана и мира ислама тропическими лесами; важнейшими явле-

Воины с церемониальными мечами. Бенин, XVI–XVIII вв.
Бронза. Лувр, Париж

ниями ее истории в рассматриваемое время были утверждение на побережье европейцев и длительное доминирование Бенина*.

Оба (верховный правитель) Эвуаре Огидиган (Великий) (ок. 1440 – ок. 1473) и его наследники в XVI в. расширили пределы политики до р. Нигер на востоке и, вероятно, до территории современной Ганы на западе. Началась широкая военная и миграционная экспансия. Зачастую отряды, захватывавшие земли, основывали на них крепости с гарнизонами (так в середине XVI в. был основан Лагос – один из крупнейших городов современной Африки). Там, где система управления была близка к бенинской, местные дина-

* Доколониальный Бенин (как и подавляющее большинство городов йоруба) находился на Юго-Западе современной Нигерии, тогда как значительную часть территории современной Республики Бенин занимала Дагомея, затем давшая имя французской колонии и независимому государству, переименованному в Бенин в 1975 г. Также на территории Республики Бенин располагалось несколько йорубских «городов-государств», включая один из старейших – Кету.

стии оставлялись на троне, если признавали верховенство *оба*. В противном случае у власти ставились родственники *оба* (обычно сыновья), приводившие ее в соответствие с бенинским эталоном. В итоге Бенин стал одним из самых полиэтнических образований в доколониальной истории Верхней Гвинеи.

Покоренное местное население облагалось данью. Притоку в Бенин все новых богатств способствовало расширение торговых связей с соседями и установление контактов с португальцами, основавшими торговую факторию в бенинском порту Гвато в 1486 г. В 1516 г. только получение пушек от португальцев позволило *оба* победить в уже почти проигранной войне с игала. Однако попытки миссионеров утвердить в Бенине христианство закончились неудачей. В целом взлет Бенина начался еще до появления португальцев, и не связи с европейцами явились его первопричиной.

В правление Эвуаре система социально-политических институтов Бенина сложилась фактически в том виде, в каком она далее существовала на протяжении 400 лет, вплоть до завоевания страны англичанами. Державу ослабил фактический переход власти в руки группировок придворных вождей, завершившийся в начале XVII в., а также внутрдинастические распри, междоусобные войны и участвовавшие восстания в покоренных землях, правители которых начали создавать собственные войска, а также участвовать в работоторговле, не делясь доходами с «метрополией». Начался распад «империи»; первым отделилось Варри, расположенное в дельте Нигера и потому способное самостоятельно осуществлять контакты с европейцами. В итоге на грани XVII–XVIII вв. голландцы отмечали, что Бенин находится в глубоком упадке, а его столица, некогда вызывавшая у них восторженные сравнения с Амстердамом, стала похожа на деревню.

В XVII в. на основе социокультурной близости, общей политической мифологии и экономических связей образовалась система городских политий йоруба (Иле-Ифе, Ойо, Кету, Иджеша, Эгбадо и др.), многие из которых ранее находились в зависимости от Бенина. Общим для них и Бенина было наличие общепризнанного городского центра (столицы с резиденцией правителя и главным рынком) и деревенской округи, общинный принцип организации даже сложных по структуре социумов. В условиях непрерывной борьбы между политиями йоруба усилилось Ойо. Многие города йоруба, хотя и сохранили собственные династии правителей, попали в данническую зависимость от него, но при этом за родиной йорубской политической традиции Иле-Ифе сохранялась роль сакрально-ритуального центра; там по-прежнему получали инвеституру правители различных йорубских городов, включая *алафина* Ойо, а также *оба* Бенина. Ойо, слабое в XV в., в XVI–XVII вв. набрало силу в борьбе с Нупе и Боргу, в итоге взяв над ними верх, а со второй половины XVII в. вело успешные завоевательные войны в южном направлении.

Важное преимущество Ойо состояло в том, что оно располагалось на границе лесной и саванной зон и, во-первых, вело выгодную торговлю с хауса, а во-вторых, в отличие от других йорубских политий, могло использовать конницу, ставшую основой его войска; в отличие от тропического леса в саванне не распространена муха цеце. Обогащалось Ойо и на торговле рабами с европейцами. В XVII – начале XVIII в. Ойо было крупнейшим поставщиком рабов для перепродажи европейским купцам в Виду, главном работор-

говом порту Западной Африки того времени. Однако Ойо всегда оставалось непрочным образованием, никогда не имевшим централизованной организации. В коренных землях Ойо каждая область пользовалась широкой автономией, а власть *алафина* ограничивалась придворным советом *ойо мези*, имевшим право даже свергать неугодного правителя. Положение же коренных народов варьировалось от почти символической зависимости до полного подчинения наместникам *алафина*.

В первые десятилетия XVII в. в Верхней Гвинее формируется новая сила – Дагомея, политическое образование народа фон со столицей в Абомее. Став в дальнейшем одним из наиболее мощных, централизованных и хорошо организованных ранних государств Африки, она оказала упорное сопротивление колонизаторам. В середине XVI в. мигранты из распадавшейся в то время политики Тадо (в нынешнем Того) создали «королевства» Аллады и, возможно, Сави. В XVII в. правители Аллады и Сави через расположенные в их владениях порты активно торговали с европейцами рабами, получая взамен огнестрельное оружие. Пришедшие из Аллады в начале XVII в. сыновья ее правителей основали династии в Абомее и Аджаче (ныне столица Бенина Порто-Ново) и принесли с собой возникшую в Алладе религию вудуизма.

Появление европейцев вызвало к жизни новый феномен в африканской истории: создание прибрежных обществ, формы политической организации которых были различны, но процветание (в отличие от Бенина, Ойо или Дагомеи) основывалось исключительно на работорговле: Старый и Новый Калабар, Бонни, Попо, Брасс и др. В XIX в., с переориентацией европейцев в их отношениях с африканцами с торговли на территориальные захваты, подобные образования очень быстро пришли в упадок.

В XV – середине XVIII в. в центре современной Ганы существовало вождество Боно, возникшее в результате длительных миграций с севера народов группы акан. В XVI столетии образование другими группами акан политий Акваму, Денчбира и Аданси уменьшило роль Боно в посреднической торговле золотом, являвшейся основой его существования. Прибрежное расположение позволяло им самим торговать золотом с португальцами. Эти политии не только соперничали с Боно, но и вели борьбу между собой. В 1677 г. Акваму завоевало народы фанти и га, а в 1693 г. даже захватило датский форт, который вернуло лишь за выкуп. В начале XVIII в. Акваму контролировало все восточное побережье современной Ганы и ведущую там работорговлю. В самом конце XVII в. начинает складываться конфедерация аканского народа ашанти со столицей в Кумаси.

На побережье *Нижней Гвинеи* и в прилегающих к нему внутренних областях Север региона по-прежнему уступал Югу в сложности социально-политической организации обществ. В нынешнем Камеруне между XV и XVII вв. появляется народ тикар, пришедший с плато Адамауа, вожди которого создали ряд небольших политий. Еще одно политическое образование на землях Камеруна в то время – Мандара народности мандарауа, возникшее в конце XV столетия, – за счет гористого характера своего месторасположения успешно сопротивлялось попыткам подчинить себя со стороны мощного Борну. В конце XVII в. правители Мандара приняли ислам.

Южнее, на Атлантическом побережье и во внутренних областях современных Демократической Республики Конго, Анголы и частично Замбии процессы, ведущие к усложнению социально-политической организации, протекали гораздо интенсивнее. К приходу португальцев в низовьях р. Конго существовало три процветающих «королевства»: Макоко народности батеке (иначе – тию), Лоанго и Конго (оба – носителей языка киконго). Степень политической централизации в Конго была выше, чем в соседних обществах: здесь верховный правитель (*маниконго*) мог смещать вождей и сановников. В то же время страна слишком зависела от личности правителя. Нечеткость же правил наследования власти (до XVIII в. на трон имел право претендовать любой потомок любого предшествующего правителя) приводила к частым междоусобицам. В Лоанго существовала другая система: наместники не могли быть смещены, но установилась иерархия провинций; самой важной из них управлял наследник престола, а когда он его занимал, остальные наместники перемещались на ступень выше. То есть в Лоанго правила наследования власти были гораздо четче, чем в Конго, но степень централизации ниже. Макоко в XVII в. объединяло множество соседско-большесемейных общин, сгруппированных в провинции, пользовавшиеся широкой автономией. Дань с них собирали титулованные вожди, составлявшие совет при правителе. Нормы наследования верховной власти имели много общего с конголезскими.

К началу XVI в. сильнее всего среди соседей являлось Макоко, за ним следовало Конго. Однако помощь португальцев способствовала возвышению последнего, и в итоге Конго заняло обширные пространства в основном к югу, но также и к северу от низовой одноименной реки. С 1482 г. в Конго из Португалии прибывали торговцы и миссионеры. Их влияние в стране усилилось после того, как принявший католицизм принц Афонсу в 1506 г. победил в борьбе за трон брата-язычника и короновался под именем Афонсу I. Видя в португальцах торговых партнеров и помощников в борьбе с сепаратизмом провинций, он окружил себя заморскими советниками, а с 1512 г. один из них – светский или духовник маниконго – официально входил в придворный совет, со временем получив те же полномочия, что и глава совета.

Афонсу правил до 1543 г. Историки часто сравнивают его с Петром I: как и русский царь, он стремился европеизировать свою страну. Афонсу придавал большое значение христианизации и созданию слоя европейски образованных людей, внедрению европейских принципов градостроительства, ремесленной техники, придворного этикета, одежды знати и т.п. По его просьбе при дворе Мануэла I Португальского был составлен обширный план преобразований с целью превратить Конго в централизованное государство европейского типа. Централизации были призваны способствовать обучение элиты (в первую очередь, членов правящего клана) и создание конголезской церкви во главе с сыном Афонсу Энрике, епископом и наместником в провинции Мпангу. Именно в Конго христианские миссионеры добились наибольшего успеха за весь доколониальный период африканской истории.

Большие расходы на европеизацию покрывались за счет увеличения поборов с населения и экспорта рабов, что порождало огромные проблемы и внутри страны, и в ее взаимоотношениях с соседями. Не случайно в 1526 г. Афонсу попытался (безуспешно) запретить работорговлю. Кроме того, Пор-

тугалия пресекала все попытки Конго установить прямые связи с другими европейскими державами и Ватиканом, стремясь получить исключительный доступ к богатствам страны. В 20-х годах XVI в. отношения между Конго и Португалией обострились. Следующему выдающемуся правителю Конго, внуку Афонсу Диогу I (1545–1561), несмотря на стремление продолжать реформы, пришлось вести многочисленные войны и бороться с попытками европейского вмешательства во внутренние дела страны, что привело к нарастанию напряженности в отношениях с церковью.

После смерти Диогу началась вооруженная борьба за трон между ставленниками португальцев и их соперниками, мятежи в провинциях и вторжения извне народов суква и яга, приведшие к оккупации Конго. Последние разрушили столицу Мбанза-Конго и удерживали власть в стране с 1568 по 1575 г., когда их изгнали португальцы, вмешавшиеся в ход событий по просьбе маниконго Алвару I (1568–1587). Конго было освобождено, но вновь попало в зависимость от Португалии. Чтобы ослабить ее, маниконго Алвару II (1587–1614) начал устанавливать отношения с Нидерландами, а в 1613 г. ему, наконец, удалось наладить прямые связи с Ватиканом. Голландцы же в 1665 г. спровоцировали войну между Конго и португальцами. Маниконго Антониу I денонсировал договор 1651 г. об уступке Португалии Луанды и областей к югу от р. Данде и изгнал из страны португальцев. Но в битве при Амбуиле Антониу потерпел сокрушительное поражение и был убит. Хотя у португальцев не хватило сил занять страну, а новая попытка сделать это в 1670 г. завершилась для них разгромом, могущество Конго было подорвано, в том числе междоусобными войнами, шедшими в 1667–1710 гг.

СЕМЬЯ И БРАК У БАКОНГО В XVI – XVII ВЕКАХ

Итальянский капуцин падре Гиацинт Брушотто в течение шести лет (с 1650 по 1656 г.) работал в Луанде на территории современного Конго при короле Гарсии II и описал термины родства в языке конго, а также обычаи и образ жизни местных народов.

Основной социальной единицей у народа конго (баконго) была диканда, большая семья, состоявшая из мужчин и их родственников по женской линии. Диканда владела землей, организовывала хозяйственные работы. В ее рамках наследовались титулы. Вместе с главой диканды – *нгуди-анкази* (брат матери) – проживали его братья с женами, их дети возрастом до 12–13 лет, а также дети сестер *нгуди-анкази*, достигшие этого возраста. Сестры *нгуди-анкази* и его братьев проживали в других дикандах, куда были выданы замуж.

Центральным событием бракосочетания был выкуп. В XVI–XVII вв. у баконго происходит замена выкупа невесты путем отработки на поле тестя на выкуп с помощью подарков, причем своеобразной платежной единицей выступали циновки макута. После выкупа жена переселялась в дом мужа, но оставалась до смерти членом своей диканды. Она была обязана работать на мужа, но имела и собственные участки земли, с которых отдавала мужу определенную часть урожая, а остальным распоряжалась по своему усмотрению. Теплые отношения между мужем и женой воспринимались негативно. Если муж слишком баловал свою жену, хорошо кормил ее и украшал хижину, диканда обвиняла его в ненужной растрате общественных денег.

За соблюдением прав жены пристально следила ее диканда. *Нгуди-анкази* оказывал сестре финансовую помощь и мог защитить ее с помощью оружия. Не-

удивительно, что такие браки были неустойчивы. В языке *маюмбе* (семья Банту) существует пословица: «Брак умирает, родство бессмертно». Дети, рождавшиеся в браке, до 12–13 лет жили вместе с отцом и матерью и помогали им в ведении хозяйства, а затем переходили в диканду матери. Мальчики жили там с тех пор постоянно, а девочек со временем выдавали замуж. После смерти мужа жена переселялась обратно в свою деревню, к родственникам.

Сравнивая положение женщин в Конго и в Испании, Брушотто с удивлением отмечал, что в Конго женщины пользуются полной свободой и уважением, в то время как их сестры в Испании живут затворницами и не имеют гражданских прав. При рождении девочки в Конго семья устраивает торжество, появление ее на свет считается праздником, тогда как рождение мальчика никак не отмечается.

Южнее Конго, между р. Кванза и Бенго, около 1500 г. образовалось Ндонго. Его правитель носил титул *нгола*, от которого происходит название Анголы. Португальцы посещали Ндонго с 1520 г., но постоянные связи установились в 1557 г. после победы Ндонго в войне с Конго, одержанной при помощи работорговцев с острова Сан-Томе. Завоевание же португальцами богатой серебром страны растянулось более чем на столетие – с 1579 по 1683 г.

С борьбой Ндонго против португальцев связано имя национальной героини Анголы Нзинги Мбанди (1582–1663), ставшей нгола после смерти брата-правителя в 1624 г. Вопреки стремлению Португалии играть на противоречиях между африканскими правителями (в частности, нгола и маниконго), она создала их коалицию, но потерпела поражение в битве на р. Кванза и отступила на восток, где в 30-е годы XVII в. завоевала Матамбу и стала там правительницей. Вместе с правителем соседнего Касанже Нзинга контролировала важнейшие в регионе пути доставки рабов на побережье из внутренних районов континента. Создав сильную армию, Нзинга заключила союз с высадившимися в Анголе голландцами, и в 1648 г. объединенные войска голландцев, Нзинги и маниконго разгромили португальцев. Независимость Ндонго была восстановлена на три с половиной десятилетия. В то же время на Юге Анголы португальцам удалось установить прочный контроль с конца 40-х годов XVII в.

Сравнение прибрежных политий Нижней Гвинеи с обществами, сложившимися во внутренних областях, показывает, что чем дальше от побережья с его центрами работорговли они располагались, тем меньше в них проявлялись тенденции к дезинтеграции. К юго-востоку от Конго в итоге длительных и сложных этнических и политических процессов в конце XVI в. сформировались два крупных образования: Лунда и Луба, созданные едиными народами и просуществовавшие до конца XIX в. В Лунда присоединенные к ядру страны земли, хотя и платили дань, обладали высокой степенью внутренней автономии. С XVII в. верховный правитель Лунда носил титул *мвата-ямво* (по имени величайшего монарха в истории страны). Его полномочия существенно ограничивались советом знати (в основном главами общин потомков первопоселенцев) и родственницей-соправительницей *лукокешей*. Новый правитель наследовал жен предшественника, а поскольку система родства учитывала обе линии – отцовскую и материнскую, и браки заключались между членами одних и тех же знатных семейств, узы близкого родства соединяли всех представителей элиты. Эта система позволила лун-

да создать более мощную политику, чем луба, у которых укрепление связей с побежденными вождями путем заключения браков не допускалась. Вследствие этого правитель Луба *мулохве* зависел от совета знати и был вынужден считаться с членами своего клана в еще большей мере, чем монарх Лунда. Одной из особенностей политической системы Луба являлось то, что двор часто перемещался из одной части страны в другую. Внутренняя структура Луба была подобна, в частности, бенинской в Верхней Гвинее: с одной стороны, страна состояла из провинций, контролировавшихся наместниками монарха, и округов, которыми правили лица, назначавшиеся наместниками провинций с согласия *мулохве*, а с другой – из некогда независимых вождей и отдельных общин, чьи традиционные главы подчинялись суверену напрямую. Военно-политически и экономически более сильная Лунда вела активную торговлю с другими политиями региона, а с конца XVII в. обе они выступали посредниками в работорговле.

К югу от Лунда на землях современной Замбии одна из этнических групп лунда в конце XVII в. основала собственную политику – Лози. Ее первый правитель Мбоо создал отличную от лундской политическую систему. Страна была разделена на округа, распределенные между членами правящего клана, которые управляли ими с помощью советников. Мбоо завоевал долину р. Замбези. Его брат Мванамбиньи создал себе владение южнее. Война между братьями и их потомками в конце концов завершилась победой Лози.

Севернее Лунда в середине XVI столетия куба (иначе – бушонго) начали подчинять себе другие народы (нгенди, нгомбе и т.д.). Около 1600 г. группы мигрантов-куба создали ряд объединений, между которыми примерно до 1630 г. шла борьба за гегемонию, завершившаяся созданием «королевства» Куба (или Бушонго), просуществовавшего до 80-х годов XIX в. При первом правителе (*ньими*) Мбуле а Нгоонге и его наследниках в середине XVII в. сформировались политическая организация и идеология Куба. Сакрализованный глава страны правил совместно с советом; его резиденция находилась в центральной из четырех провинций, населенной бушонго. Достаточно высокий уровень развития ремесел, прежде всего ткачества, плавки и обработки железа и меди позволял Куба вести активную торговлю.

ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

В Восточной Африке, как и в предшествующую эпоху, во второй половине XV–XVII в. высоким уровнем социально-политической организации выделялись два изолированных друг от друга социокультурных ареала: прибрежный, бывший зоной арабо-африканского синтеза, и внутренний, в Межозерье, на который арабы влияния не оказывали. В конце XV в. дополнительным фактором усиления различий между побережьем и Межозерьем стало появление на побережье европейцев: во внутренние районы Восточной Африки и они, и арабы проникли только в середине XIX в. Межозерье отличалось от почти всех историко-культурных областей Африки слабостью торговых связей даже с соседними регионами, по крайней мере до XVII в.

На *африканском побережье и близлежащих островах Индийского океана* цивилизация суахили после расцвета XIII–XV вв. переживала пору упадка,

Виды Адена, Софалы, Момбасы и Килвы. Раскрашенная гравюра из книги «Civitates orbis terrarum», издававшейся Г. Брауном в Кёльне в 1572–1624 гг.

связанную с установлением португальского господства. Как и в Западной Африке, появление португальцев привело к разрушению сложившейся системы торговли. В стремлении монополизировать эту торговлю португальцы не останавливались перед разорением прибрежных городов. Так, в 1505 г. они заняли Софалу и перенаправили торговлю золотом и слоновой костью отсюда в метрополию и в Гоа. В результате захваченная в том же году Килва, до этого остававшаяся одним из богатейших суахильских городов, осталась в стороне от новых торговых путей и быстро деградировала.

КИЛВА

Моряки Франсишку ди Алмейды, захватившие Килву в 1505 г., оставили и ее описание. Его приписывают Гансу Майру – немцу, состоявшему на португальской службе. Прибыв на восьми кораблях, португальцы потребовали, чтобы к ним явился правитель города, но он лишь прислал дань: «пять коз, маленькую корову и большое количество кокосовых орехов и других фруктов» (а по словам моряка, дань Португалии должна была составлять 1500 унций золота в год). Португальцы высадились на берег, захватили и разграбили город, но правитель успел бежать. Майр описывает Килву так:

«В Килве много больших домов в несколько этажей в высоту. Они построены из камня с известковым раствором и украшены различными узорами из гипса... На острове и в городе живет 4000 человек. Страна очень плодородна: там... производят масло, собирают мед и воск...

И на острове и на континенте много деревьев и пальм... Там растут сладкие апельсины, лимоны, овощи, мелкий лук, душистые травы. Всё это – в садах, орошаемых водой из колодцев. Также выращивают бетель. Его листья жуют богатые арабы...

Здесь больше черных рабов, чем белых мавров: они используются на полях для сбора кукурузы и для другой работы... Много кораблей, размером с 50-тонную каравеллу и более маленьких... На них нет парусов... Они плавают в Софалу, расположенную в 255 лигах.

Отсюда вывозят флаконы с хорошими духами, много самых разных стеклянных изделий и все виды товаров из хлопка, благовония, древесную смолу, золото, серебро и жемчуг...

Люди вооружены стрелами и большими луками, крепкими щитами из пальмовых листьев, связанных хлопком, и лучшими пиками, чем у жителей Гвинеи. Мечей мы почти не видели. У них есть четыре катапульты для метания камней, но они еще не умеют использовать порох...

Рабы носят одежду из хлопка, которую обвязывают вокруг пояса, и она спадает до колен; остальное же тело остается голым. Белые арабы и рабовладельцы носят одежду из двух хлопчатых полотен: одно они обвязывают вокруг пояса, и оно спускается до ступней, другое перебрасывается через плечи и спадает до пояса».

На севере прибрежной полосы португальцы объединились с правителями Малинди против соседней Момбасы и помогли установить там правление малиндских марионеток. После этого главным опорным пунктом португальцев на севере стал Форте-Жезус, построенный в Момбасе в 1593 г. В итоге кроме Малинди и Могадишо – самого северного суахилийского города, до которого они так и не дошли, португальцы разграбили все крупные города суахили. Естественно, что история региона в XVI–XVII вв. отмечена множеством антипортугальских восстаний. Крупнейшее из них под лозунгами возвращения к исламу и прекращения деятельности католических миссий началось в Момбасе в 1631 г. и было подавлено лишь через шесть лет. Упадок суахилийских городов спровоцировал нападения на некоторые из них соседей-банту; так, в 1587 г. зимба разграбили Килву, убив при этом, по сообщению очевидца, три тысячи горожан.

Во второй половине XVII в. ослабление Португалии и усиление Оманского султаната (в 1650 г. выбившего португальцев из Маската) привели к утрате португальцами всех опорных пунктов в Восточной Африке к северу от Мозамбика, включая Занзибар, с 1652 г. ставший форпостом оманских арабов в регионе. Доминированию португальцев окончательно пришел конец в 1698 г., когда оманцы изгнали их из Момбасы. Торговля тканями, драгоценными металлами, пряностями, благовониями и другими товарами в западной части Индийского океана перешла в руки Оманского султаната.

В *Междозерье* процесс формирования «королевств» протекал особенно активно в XVI в. По времени он совпал с приходом с севера, с верховьев Нила, скотоводческих нилотских народов, однако некогда распространенное мнение (так называемая «хамитская теория»), что они положили ему начало, неверно. В частности, расцвет первого мощного политического образования в регионе – Китары – пришелся на XV в. (см. т. 2). У многих других народов банту в Междозерье к XIV в. уже сложилась сложная социально-политическая организация – вождества с территорией от 250 до 500 кв. км и населением

в несколько тысяч человек. Однако нилоты значительно ускорили ход процесса политогенеза и придали своеобразие формам социально-политической организации тех обществ, которые сложились в области Великих озер при их непосредственном участии.

Независимая история Китары завершилась в конце XV в. поражением от мигрантов-нилотов – *бито* (подразделения этноса луо), создавших на ее руинах собственную политику – Буньоро (в науке иногда называемую Уньоро или Китара-Буньоро) во главе с династией, основанной военачальником-победителем. Судя по всему, в конце XVI в. происходит смена династии. С этого времени дети правителя стали принадлежать родственной группе матери, вследствие чего почти все родственные образования бито вовлекались в управление страной. До середины XVII в. Буньоро было самым могущественным из наследников Китары. Страна делилась на 10 провинций во главе с назначавшимися из центра «губернаторами». В период подъема Буньоро центру подчинялась территория более чем в 5 тысяч кв. км, хотя уровень централизации был невысок.

Социальная структура Буньоро приобрела вид, характерный для политий, возникших в результате подчинения банту нилотами: на вершине пирамиды оказалась правящая элита (*бакама*) во главе с верховным правителем (*омукама*), под ней – скотоводы (*бахума*), а у основания – земледельцы *баиру*. Могущество знати основывалось на владении стадами крупного рогатого скота и земель. Чтобы войти в ее состав, недостаточно было принадлежать к бито – надо было обладать немалым богатством. Богатые выходцы из среды *баиру* могли занимать высокие административные посты, однако в совете при *омукама* заседали исключительно бито.

К XVII в. на востоке Межозерья образовались Карагве, Кизиба и ряд более мелких политий. С середины того же столетия большинству из них, как и Буньоро, пришлось признать превосходство Буганды, в это время вступившей в пору военного и политического могущества. Начав расширяться в конце XVI в. на периферии владений Буньоро, через сто лет Буганда уже распространяла свою власть на берега оз. Виктория и р. Катонги.

Своеобразие Буганды состоит в том, что в отличие от прочих сильных политий Межозерья она возникла без прямого участия нилотов, трансформировавшись в раннее государство из объединения вожеств бантуского народа ганда. В XVI–XVIII вв. Буганда постепенно превратилась в государство, отличавшееся самой высокой в истории Восточной и Центральной Африки степенью политической централизации и организацией управления на основе территориального принципа: десять провинций делились на округа, и во главе территориальных подразделений всех уровней ставились представители не родовой, а служилой знати – прямые ставленники центра.

Верховным правителем страны являлся сакрализованный монарх (*кабака*), правивший при помощи совета титулованных вождей (*люкико*) во главе с «премьер-министром» (*катикиро*). *Люкико* выбирало нового *кабака* из сыновей умершего. Общество Буганды было достаточно глубоко стратифицировано социально. Уникальной для Африки южнее Сахары особенностью Буганды являлось появление в доколониальный период элементов частно-собственнических поземельных отношений.

С середины XVII в. вторым после Буганды по мощи в Северном Междоузье было Нкоре (или Анколе), чье основное население составляли тутси и хуту – предки современного народа ньянколе. Во главе Нкоре стоял монарх (*омугабе*) из клана *хинда*, считавшегося кланом чистокровных тутси. Страна делилась на 16 провинций. При этом у Нкоре, как и у Буньоро, не было столицы как стабильного поселения, выделяющегося размерами и архитектурой. Домохозяйство правителя отличалось от прочих не роскошью, а лишь большими размерами и добротностью.

Социально-политическая организация Нкоре, как и других «королевств», в которых сосуществовали хуту (ира) и тутси (хима), основывалась на подчинении земледельцев-банту (хуту) скотоводам-нилотам (тутси), овладевшим не только стадами, но и землей. Социальная система держалась на патронажно-клиентельных связях. Эксплуатация хуту на иной основе, кроме патронажно-клиентельной, предполагающей взаимные обязательства сторон, запрещалась; если патрон-тутси не выполнял своих обязательств по защите клиента-хуту, тот имел право обратиться с жалобой к верховному правителю. Отношения клиента и патрона связывали не только хуту и тутси, но и тутси и омугабе: предоставляя монарху свой скот, ставя ему на службу свое оружие, тутси получали защиту с его стороны. Примечательно, что в ходе экспансии (осуществлявшейся Нкоре в южном и восточном направлениях) во многих случаях побежденные скотоводы включались в господствующий слой общества, а земледельцы – в зависимый и именовались соответственно *бахима* и *баиру*, несмотря на то что относились к иным этносам. Иначе говоря, в Нкоре род занятий, социальный статус и этническая принадлежность отождествлялись друг с другом. Участвовать же в военных походах и вообще носить оружие (как и держать скот) имели право только хима.

В южной части Междоузья в начале XVI в. земледельцы-банту хуту также были покорены скотоводами-нилотами тутси. В результате возникли «королевства» Бурунди и Руанда, соперничество между которыми продолжалось до XIX в. Период централизации Руанды пришелся на время правления Кигери I Мукобанья (1506–1528) и Мибамбве I Мутабази (1528–1552), а Бурунди – на годы нахождения у власти Нtare III Рушатси (ок. 1675/80 – ок. 1705/09). Очевидно, в начале XVII в. в обеих странах произошла смена династий: в междоусобные войны вмешались новые завоеватели, принадлежавшие к другому этнополитическому подразделению тутси, предводители которых и взошли на троны. Верховные правители обеих этнически и исторически родственных политий носили титул *мвами*. Они раздавали земли тутси, вверяя им и их население – земледельцев-хуту.

В обеих странах большую политическую роль играл хранитель священного барабана – мистического вместилища сакральной силы правителя и мощи страны (примечательно, что этот символ власти был заимствован nilотскими правителями у глав покоренных банту). Однако организация такого важного политического института, как совет при правителе, в Бурунди и Руанде различалась. В Бурунди все высокие должности занимали члены *ганва* – клана верховного правителя (из тутси), ограничивавшие его власть. Ганва являлись владельцами земли и получали дань с земледельцев и скотоводов, пользовавшихся ею. В Руанде же исходили из принципа, что тутси

обладают властью военной, а хуту – сверхъестественной, идущей от высших сил. Поэтому в Руанде совет при *мвами (абиру)* состоял только из хуту.

В Руанде и Бурунди нилоты переняли язык и многие традиции подчиненных им земледельцев, но их этнического слияния и образования новых этносов, как в Карагве, Кизибе или Нкоро, не произошло по сей день. Здесь тутси установили жесткий этнокастовый строй, закрепив свое превосходство над хуту (а также немногочисленными пигмеями-тва – охотниками-собираателями, использовавшимися в качестве домашней прислуги и поставленными на низшую ступень социальной лестницы). Эта система утвердилась в полном объеме в начале XVII в. Межэтнические (а следовательно, и межкастовые) браки были запрещены, и социальный статус каждого человека определялся в зависимости от его этнической принадлежности. В Руанде за соблюдением сословной замкнутости следили строже, чем в Бурунди, но и там и там воинственные скотоводы-тутси, будучи гораздо малочисленнее (менее 20% населения), держали земледельцев-хуту в повиновении. Согласно кодексу чести тутси, они ни в коем случае не должны были заниматься каким-либо физическим трудом, кроме воинского. Зависимость банту от нилотов в числе прочего выражалась в том, что тутси отдавали хуту на выпас свой скот. Размер стада говорил о социальном статусе его владельца. Участки земли для обработки хуту тоже получали от тутси на правах держания под часть урожая. Взамен патрон-тутси брал на себя обязательство защищать своего клиента-хуту. Повысить свой социальный статус – оказаться приравненным к тутси – хуту мог только, если ему каким-то образом удавалось обзавестись собственным стадом. Напротив, тутси мог опуститься на социальный уровень хуту, потеряв свое стадо, например, в результате эпизоотии.

ЮЖНАЯ АФРИКА И ОСТРОВА ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

На *Юге Африки* португальцы, как упоминалось выше, в 1505 г. завладевшие самым южным крупным суахилийским торговым городом Софалой и изгнавшие оттуда арабов, попытались продавать африканцам льняные и шерстяные ткани из Европы, однако те предпочитали индийские хлопчатобумажные ткани, доставлявшиеся ранее арабскими купцами. Торговля в Софале замерла, а арабы освоили новый маршрут – по реке Замбези. Осознав свою ошибку, португальцы начали ввозить ткани из хлопка и быстро вытеснили арабов из бассейна Замбези, по которой отныне шла вся португальская торговля с внутренними областями региона. Это привело к окончательному упадку Софалы, из которой в конце XVI в. вывозили только слоновую кость.

Упадок Софалы прямо отразился на «королевстве» Момотапа, что привело к переезду двора верховного правителя *мвене мутапа* из Зимбабве в Звонгомбе (близ столицы современной Республики Зимбабве Хараре). В XVI в. Момотапа делилась на ряд областей, включая те четыре, о которых сообщают португальские источники: Китеве, Седанда, Манника и Момотапа (столичная). Среди ученых нет единого мнения по поводу причин кризиса (см. т. 2). Очевидно, что с начала XVI в. на них наложился и внеш-

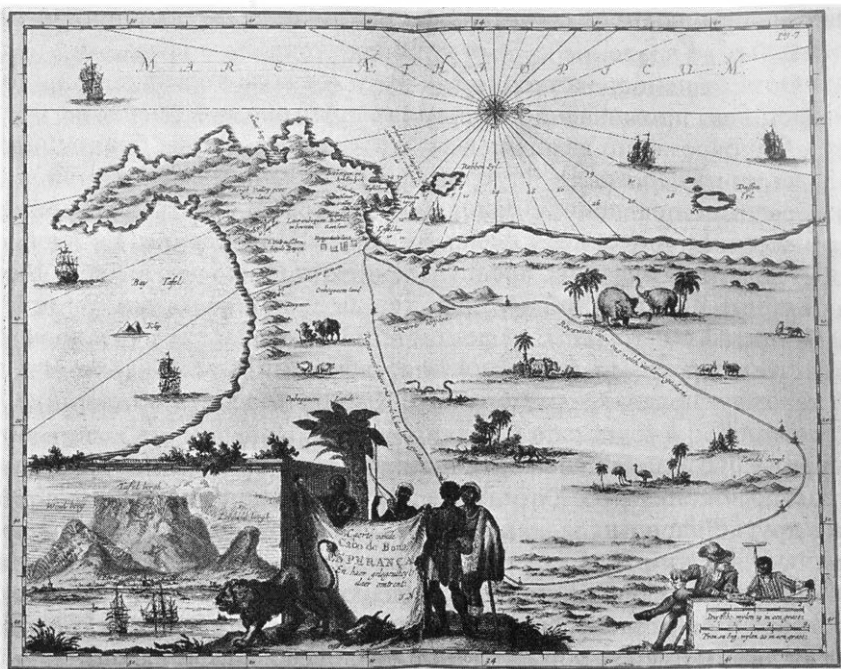
неполитический фактор – появление португальцев. Основой процветания Мономотапы являлась торговля золотом, железом и медью, причем не только с другими внутренними районами Африки, но и через Софалу с городами восточноафриканского побережья, Аравией, Индией, Юго-Восточной Азией. С упадком Софалы этой торговле пришел конец. К тому же проникновение португальцев на земли Мономотапы привело к столкновениям. Их обострения в течение некоторого времени удавалось избегать благодаря соглашению: назначенный португальцами и утвержденный *мвене мутапа* администратор управлял главной факторией в Массаве. Он взимал пошлины в пользу мвене мутапа, и ни один европеец не имел права проникнуть в глубь страны без его (или самого правителя Мономотапы) разрешения.

История Мономотапы XVI–XVIII вв. – наглядный пример того, как внутренний кризис может усугубляться внешними причинами. Чтобы не быть свергнутым с трона конкурентами, мвене мутапа был вынужден искать поддержки у португальцев, а в благодарность за нее в 1607 г. уступить им все рудники, включая золотые, и вплоть до 1759 г. держать при себе охрану из 30 португальцев, имевших огнестрельное оружие. В то же время попытки миссионеров крестить правителя завершились полным провалом. Укрепить свое положение мвене мутапа удалось, но лишь в краткосрочной перспективе: зависимость от португальцев оттолкнула подчинявшихся ему вождей, увидевших в чужеземном влиянии угрозу традиционным устоям. XVII–XVIII вв. стали периодом медленного, но неуклонного распада Мономотапы.

Хотя Португалии удалось закрепиться в Мозамбике, в низовьях и на среднем течении Замбези, и превратить его в свою колонию, ее присутствие в верховьях реки уменьшалось с конца XVII в. Главную роль сыграл один из вождей розви (субэтноса шона) Чангамира, в 1684–1693 гг. изгнавший португальцев почти из всех факторий. Он же в 1693 г. нанес поражение и Мономотапе, после чего она окончательно утратила господствующее положение в регионе. Гораздо менее враждебно к португальцам относились правители марави, чья политика, возникнув в XVI в., укреплялась к северу от Замбези по мере ослабления Мономотапы. У марави не было золота, но португальцы покупали слоновую кость, железо, рабов, а также хлопчатобумажные ткани местного производства для перепродажи в Мономотапе.

Важным фактором развития Южной Африки стало создание в 1652 г. Капской колонии. Она постоянно расширялась; все больше иммигрантов уходило в глубь континента, создавая там фермерские хозяйства. К 1689 г. коренное население – скотоводы-готтентоты – было вынуждено прекратить борьбу против отторжения своих земель. На фермах европейских переселенцев и их потомков широко использовался труд рабов. Пока Капская колония только укреплялась, европейцы не решались вступать в конфликты с автохтонным населением – готтентотами и бушменами, и рабов завозили из Западной Африки, Южной Азии, с Мадагаскара. Однако затем их основной контингент составили готтентоты. Бушмены же, охотники-собиратели, «непригодные» для сельскохозяйственных работ, подвергались истреблению.

Из переселенцев, в основном голландцев, но также немцев и бежавших сюда после отмены в 1685 г. Нантского эдикта французов-гугенотов на юге Африки сложился европейский по происхождению и языку этнос – буры, или африканеры. Результатом создания Капской колонии стало и появление

Карта Мыса Доброй Надежды. Около 1682 г. Королевская библиотека Гааги

так называемых «цветных» — потомков детей от расово смешанных браков (первое время разрешавшихся) и внебрачных связей.

Развитие *Мадагаскара* и большинства *архипелагов в Индийском океане* (Коморских, Маскаренских и Сейшельских островов) в раннее Новое время, как и в Средние века, протекало в изоляции от африканского континента. На Мадагаскаре наиболее сложно организованное общество — Имерина — возникло в гористом центре острова, населенном народом мерина. Согласно его устной традиции, записанной в XIX в., сложение Имерины началось в XIV–XV вв., однако значительное расширение ее территории произошло только в XVI–XVII вв. при *мпанзака* (правителях) Андриаманалу (ок. 1540 – ок. 1575), Раламбу (ок. 1575 – ок. 1610) и Андриандзаке (ок. 1610 – ок. 1630). Согласно устной традиции, институты центральной власти и система распределения земель между членами правящей династии были созданы Раламбу, при нем же страна получила название, а Андриандзака основал г. Антананариву. Наконец, на грани XVII и XVIII вв. все земли мерина были объединены Андриамасинавалуной (ок. 1675–1710). Даже при нем территория Имерины не превышала в ширину 50 км, но население ее росло, и возникали новые поселения. Для управления ими правитель назначил особых администраторов, контроль за которыми должны были осуществлять четыре его сына. В конце концов Андриамасинавалуна официально разделил Имерину между ними. Начавшаяся с его смертью эпоха междоусобиц продолжалась до 1794 г.

С конца XVI – начала XVII в. общество Имерины делилось на слои: аристократов (*андриана*) во главе с *мпанзака*, получавших от него, считавшегося верховным собственником всей земли, обширные наделы в условное

владение; простолюдинов (*хува*) – в основном крестьян, живших на землях, не переданных во владение какому-либо аристократу, и обязанных податями и повинностями непосредственно монарху, а также торговцев, лично зависимых крестьян, проживавших на землях аристократов (*менакели*), и рабов (*андеву*). Одновременно каждая из этих страт состояла из билинейных родственных групп (*каразана*), внутри которых обычно и заключались браки. Таким образом, с появлением деления общества на страты в Имерине установилась жесткая социальная иерархия родственных групп. Ее идеологическим обоснованием являлось представление о том, что чем выше общественное положение родственной группы, тем большая часть жизненной силы, даруемой предками (*хасина*), ей достается. Мпанзака, как считалось, правил совместно с предками, более могущественными, чем монархи. Внутри же любой каразана обладателями большей хасина виделись ее старшие члены мужского пола.

Имерина была далеко не единственным политическим образованием на Мадагаскаре: к концу рассматриваемого времени не только мерина, но и некоторые другие народы создали более или менее обширные и сложно организованные политии. Так, «королевства» сакалава – Менабе и Буэни (или Буйна) – занимали обширную, хотя и слабо заселенную территорию на западе острова и богатели за счет торговли рабами. Во главе них стояли представители двух ветвей одной династии – Марусерана.

Из европейцев первыми у берегов Мадагаскара появились португальцы (в 1500 г.), но все их попытки закрепиться на юго-восточном, восточном или западном побережье Мадагаскара, предпринимавшиеся вплоть до 1619 г., заканчивались неудачей. В середине XVII в. свой форт возвели голландцы, но после основания Капской колонии ликвидировали его за ненадобностью. Судьба английских колоний, созданных в 1644 и 1650 гг., оказалась особенно трагичной: в первой через год в живых осталось лишь двенадцать человек, эвакуированных на родину, от второй вообще не сохранилось никаких следов. Серьезные попытки закрепиться на острове были предприняты в 1642–1671 гг. французами. Однако в 1674 г. воины народа антануси перебили большую часть колонистов и разрушили их факторию Форт-Дофин.

В то время гораздо увереннее чувствовали себя на Мадагаскаре европейские пираты, с 1687 по 1724 г. фактически бывшие хозяевами его восточного побережья и близлежащих мелких островов. Пираты вели активные действия практически по всей акватории Индийского океана; их добыча была столь велика, что на Мадагаскаре возник настоящий «рынок черного паруса».

Лежащие между Мадагаскаром и африканским континентом Коморские острова с XII в. находились под властью Килвы, причем ислам и его культура утвердились на островах еще раньше. К рубежу XV–XVI вв., когда Коморы стали известны европейцам, Килва ослабела и на островах шла ожесточенная борьба между мелкими султанатами. Попытка португальцев в 10-е годы XVI в. закрепиться на Коморах оказалась неудачной из-за сопротивления местного населения. Столь же нелюбезно в конце XVI в. были встречены голландцы и англичане. Однако в XVII в. европейские корабли заходили сюда для пополнения запасов продовольствия. Тогда же имела место волна миграций на острова выходцев из Африки, арабских стран, Индонезии

и Мадагаскара. В тот же период использовавшие Коморы как базу европейские пираты начали завозить плененных индийцев и китайцев. В результате в сформировавшийся еще в Средние века на основе смешения африканцев с арабами народ анталоатра (основное население Коморских островов и в наши дни) влились новые этнические компоненты.

Расположенные к востоку от Мадагаскара Маскаренские острова получили свое название по имени португальца Педру ди Машкареньяша, достигшего их в 1507 г. На тот момент острова были необитаемы и интерес у европейцев вызвали не сразу. В 1613 г. к острову Реюньону пристали голландцы, но, не найдя удобной гавани, тут же его покинули. В 1638 г. на островах высадились французы, и в 1642 г. Реюньон был провозглашен владением Франции, каковым остается по сей день. Островом владела французская Ост-Индская компания, во второй половине XVII в. завезшая рабов из Африки для работы на основанных ею кофейных плантациях. Со временем в результате смешения потомков рабов и их хозяев образовался креольский этнос, представители которого сегодня составляют большинство населения Реюньона.

Второй по величине остров архипелага Маврикий в 1598 г. начали осваивать голландцы. Его фактическим владельцем стала нидерландская Ост-Индская компания. Поначалу остров служил лишь стоянкой для торговых судов, но с 1638 г. голландцы начали создавать на острове плантации сахарного тростника, табака и хлопка, а также заниматься скотоводством. На плантациях использовался труд рабов, завозившихся с Мадагаскара и из Индонезии. В 1706 г. численность населения Маврикия составляла всего 236 человек. Отсутствие должной поддержки со стороны руководства Ост-Индской компании, истощение запасов ценного черного дерева и выступления рабов привели к тому, что в 1710 г. голландцы покинули остров.

Сейшельские острова к северо-востоку от Мадагаскара были открыты для Европы португальцами в первое десятилетие XVI в. В 1609 г. на Сейшелах высаживались английские моряки, но еще в конце XVII – начале XVIII в. эти острова служили лишь прибежищем для пиратов.

Следующая эпоха в истории Черной Африки – XVIII – начало XIX в. – ознаменовалась в первую очередь пиком работорговли.

Начальный этап европейской колонизации Нового Света по традиции изображался как цепь завоевательных походов, сопровождавшихся географическими открытиями. В конце XX в. появилось немало публикаций, в которых история колониальной Америки выглядит уже как широкомасштабный «диалог культур». Накопленные сегодня материалы позволяют рассматривать Конкисту как сложный процесс, в ходе которого конкистадоры и первопоселенцы и разрушали, и создавали новый мир, мир соединения культурных традиций разных континентов, причем этот процесс протекал бурно, нередко вызывая трагические коллизии и непредсказуемые последствия.

С целью распространения христианства конкистадорам, согласно официальным документам, разрешалось «открывать, завоевывать и заселять» неведомые прежде европейцам земли. Им предстояло заложить основы новой системы управления, добиться существенных поступлений в казну, обеспечить наилучшие условия для дальнейшего проникновения и для распространения по другую сторону Атлантики своих традиций и своей культуры.

Историю Америки в конце XV–XVI в. можно разделить на несколько отрезков. Период 1492–1519 гг. – начальный этап европейского проникновения. Уроженцы Старого Света обследовали острова и частично приатлантическую зону двух континентов, заложили первые поселения в Карибском регионе. Колумб и его сподвижники пытались в Новом Свете внедрить меновую торговлю, как действовали европейцы при колонизации Азии и Африки. Испанские первопоселенцы добились, чтобы корона изменила отношение к заокеанским владениям. В 1503 г. была введена *энкомьенда*: номинально свободные индейцы попадали под «опеку» завоевателя (*энкомендеро**), взимавшего с общин подать (*трибуто*), часть которой (обычно четвертая часть) вносилась в королевскую казну. Переселенцы получили возможность эксплуатировать индейцев на рудниках.

В 20–50-е годы XVI в. были покорены те регионы Америки, где были сконцентрированы ее основные людские ресурсы и сосредоточены немалые богатства. Одно лишь вторжение конкистадоров в Мексику принесло казне в 1522–1550 гг. золота, серебра и жемчуга на сумму свыше 1500 тысяч песо.

Во второй половине века испанцы окончательно закрепились в бассейне Ла-Платы, в Чили, Коста-Рике, на севере Мексики, но им, несмотря на все усилия, не удалось создать опорные пункты во Флориде и на Амазонке.

С 1532 г. на Востоке Бразилии появились португальские колонии, обитатели которых с целью захвата рабов периодически совершали рейды во внутренние районы континента, включая Амазонию. Охотники за рабами, назы-

* Энкомендеро могли распоряжаться трудом индейцев в течение установленного срока, но, в свою очередь, были обязаны приобщать подопечных к христианству, защищать их, постоянно иметь «коня, шпагу и другое наступательное и оборонительное оружие», чтобы в случае военных действий выступить в сопровождении отряда.

ваемые бандейрантами, появлялись, вопреки Тордесильяскому договору, и в испанских владениях, что вызывало трения между двумя монархиями.

Другие европейские державы также пытались получить доступ к богатствам Нового Света. Французские и английские пираты грабили груженные серебром корабли, Дж. Хаукинс, Ф. Дрейк, У. Рэли, Т. Кавендиш и другие корсары совершали налеты на прибрежные поселения. Предпринимались попытки создания колоний (подробнее см. в главе о колониях европейских держав в XVII в.). Обширные внутренние пространства обоих континентов фактически оставались вне контроля колониальных держав.

Коренные обитатели Нового Света не желали мириться с иноземным господством. Наиболее мощными очагами сопротивления служили возрожденное в Вилькабамбе государство инков (до 1572 г.), скрытый в дебрях Центральной Америки город-государство майя Тайясаль (до 1697 г.). С конца XVI в. борьбу вели чилийские арауканы, вытеснившие испанцев со своих земель. В антиколониальных выступлениях нередко участвовали беглые рабы.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАВОЕВАНИЯ

Завоевание обернулось для индейского мира потерей примерно трети его состава. Щедрую жатву собирали эпидемии ранее неизвестных заболеваний, с 1519 г. прокатывавшиеся по Америке примерно раз в десять лет. Рабство и непосильный труд, разрушение традиционного хозяйства и иные причины содействовали демографическому спаду. К концу столетия на Карибских островах, в прибрежных районах Перу и Мексики коренных жителей практически не осталось, в областях с более сухим климатом уцелело порядка 10–50% от первоначального числа их обитателей, наименьшие потери характерны для высокогорных районов.

Коренное население преимущественно было расселено в сельской местности, на значительном расстоянии от основанных колонизаторами городских центров, что позволяло снижать вероятность межэтнических конфликтов. В пригородах размещались *набориос* – индейцы, занятые обслуживанием горожан и в наибольшей степени подвергавшиеся ассимиляции.

Поскольку в годы колонизации индейцы, скрываясь от завоевателей, нередко переходили к полукочевому образу жизни, корона санкционировала создание редуций. В эти крупные поселения, возводимые на манер испанских, насильно сселяли аборигенов вне зависимости от их этнической принадлежности или особенностей культуры. Под присмотром миссионеров индейцы усваивали соответствующий испанским традициям образ жизни, выполняли повинности и выплачивали подати.

Исследователи полагают, что в течение первого столетия колонизации из Европы в колонии перебралось около 200 тысяч человек. Испанская корона разрешала переселяться только «старым христианам»; маврам, иудеям, позже – протестантам строжайше запрещалось следовать в Новый Свет, хотя на раннем этапе евреи фактически участвовали в его освоении. В начале XVI в. женщины составляли лишь 5,6% переселенцев, к концу века – более четверти, из них около трети были замужними дамами. Мигранты с Пиренейского

полуострова предпочитали оседать в столицах или в крупных центрах горнодобывающего производства. В среднем в заокеанских провинциях Испании «белое» население составляло около 5%.

Заметный пласт населения колоний составляли негры, в основном – невольники, вывезенные из Сенегала и земель, прилегающих к Гвинейскому заливу. Половозрастной состав африканцев был неоднородным, мужчины численно превосходили женщин. По разным подсчетам, в испанские владения за столетие попало 75–100 тысяч рабов, в Бразилию – больше.

По обширным пространствам колониальной Америки население было размещено неравномерно. Наибольшая его концентрация сохранялась там, где прежде существовали индейские государства. На покоренных территориях завоеватели создавали опорные пункты, нередко в тех местах, где ранее располагались селения аборигенов. Так, город Мехико был основан по распоряжению Э. Кортеса на руинах ацтекской столицы Теночтитлан. Когда в основанном испанцами поселении набиралось 30 домовладельцев, они обращались к королю с прошением о предоставлении статуса города и о даровании привилегий. В XVI в. получение городом герба еще не служило гарантией, что его обитатели не предпочтут перебраться в иное место; некоторые населенные пункты исчезали, продолжая жить лишь на бумаге.

Среди горожан первоначально преобладали уроженцы метрополии и представителей знатных индейских родов, которых корона уравнила в правах с испанским дворянством. Помимо них в городах оседали креолы (потомки испанцев, родившиеся в Новом Свете) и лица смешанного происхождения, численность которых росла год от года.

Новым явлением для Америки стали поселения золотодобытчиков. Состав их обитателей был очень пестрым, притом что сами поселки были невелики. Например, в Новой Гранаде в одном из них проживало 212 испанцев, руководивших процессом добычи, 300 негров-рабов, осуществлявших промывку, и около 1,5 тысяч индейцев, использовавшихся как на основной, так и на вспомогательных работах.

Этносоциальная стратификация. Появление в Новом Свете разнородных этнических и расовых компонентов привело к метисации. Лиц смешанного происхождения в разных регионах обозначали неодинаково, отношение к ним во владениях разных держав тоже не было идентичным. Наибольшее количество категорий (около полусотни) различали в Мексике и Перу. Там начала формироваться так называемая «кастовая система», когда статус человека определялся его этнорасовой принадлежностью.

Привилегированный слой составляли знатные уроженцы метрополии, им доставались высшие посты в аппарате управления, армии и церкви. Участники Конкисты лишь на первых порах пользовались значительным авторитетом и влиянием. Среди них насчитывалось не так много дворян, как принято думать. Большинство испанских первопроходцев, мечтавших о гербах и титулах, получили за заслуги домовладение и небольшие земельные участки. Тем из завоевателей, кто получил энкомьенды и/или преимущественное право занимать и передавать по наследству муниципальные должности, приходилось отстаивать дарованные привилегии. Попытка короны ликвидировать институт энкомьенды путем введения так называемых Новых Законов Индий вызвала в колониях бурю возмущения. В Мексике и Центральной Аме-

рике напряжение нарастало до тех пор, пока монархия не пошла на уступки, в Перу конкистадоры подняли восстание и были готовы провозгласить своим королем Г. Писарро. Во второй половине века, когда из-за демографического спада экономическое значение энкомьенды снизилось, борьба за распределение и перераспределение общин постепенно прекратилась.

Немногочисленной, но влиятельной группой в Испанской Америке были лица, получившие образование: писцы-нотариусы, медики, священники. Материальное положение служителей Церкви и чиновников существенно варьировалось в зависимости от ранга, сана или чина. Но не все переселенцы из Европы сумели достичь успеха и разбогатеть. Ремесленникам в годы Конкисты при остром дефиците товаров удавалось добиться привилегий, но позже их социальный статус стал снижаться. Кто-то был вынужден довольствоваться малым или ни с чем вернуться на родину. К концу XVI в. многими ремеслами занимались уже не столько «белые», сколько метисы, мулаты и негры.

Креольские кланы часто были богаче уроженцев метрополии. Они владели энкомьендами, земельными угодьями, мастерскими и лавками, стадами скота и другим имуществом. В их руках сосредоточивались бразды правления на местах, контроль над внутренней торговлей, иными сферами жизнедеятельности. Но доступ к высшим должностям был для них закрыт, что вызывало напряжение внутри «белого» меньшинства Испанской Америки.

В сложной ситуации оказалось метисное население, численность которого неуклонно возрастала, а правовой статус не был определен. В основном лица смешанного происхождения попадали в услужение, занимались ремеслами и мелкой торговлей, иногда становились солдатами, чиновниками или служителями Церкви на низших должностях. Ниже всех в иерархии оказались негры-рабы. Труд африканцев использовался на плантациях и рудниках, в портах и на строительстве, немало чернокожих невольников было занято в услужении.

Корона проявляла заинтересованность в превращении индейцев-общинников в податное сословие, поэтому в середине XVI в. было запрещено обращать аборигенов в рабство. За общинами закреплялись земельные участки, что позволило взимать подушную подать и требовать выполнения трудовых повинностей. Тяжелой обязанностью для коренных жителей являлась транспортировка грузов (переноска, реже перевозка). В ряде областей Перу и Новой Испании труд общинников широко использовался на рудниках.

Метрополии и колонии: проблемы управления и административное устройство. Удаленность заокеанских владений, неоднородность их населения, сепаратистские устремления колонистов, изменения в политической ситуации на Пиренейском полуострове и иные факторы влияли на систему управления колониями. Ее формирование растянулось на десятилетия, причем подходы к решению проблемы неоднократно менялись.

Как показал печальный пример генуэзца Христофора Колумба, назначенного вице-королем, но высланного первопоселенцами в метрополию, игнорировать мнение колонистов при создании административного аппарата в заокеанских владениях было невозможно. В то же время и механическое воспроизведение традиционных институтов власти в новых условиях не давало желаемого эффекта. Испанская корона колебалась, передавая властные полномочия от одних должностных лиц и управленческих структур другим.

При Католических королях решение проблем управления колониями было возложено на Хуана Родригеса де Фонсеку, которого сменила хунта в составе двух человек, переросшая затем в Совет (1524). Входящие в него должностные лица, назначавшиеся и смещавшиеся королем, осуществляли высшую законодательную, исполнительную и судебную власть в Новом Свете. Состав совета и его полномочия постепенно расширялись.

В первые десятилетия XVI в. влиятельными фигурами в системе колониального управления оказались аделантадо, старшие алькальды и губернаторы – обычно ими становились организаторы заокеанских экспедиций, которые реально контролировали ситуацию на местах. Традиционно аделантадо считался главой военной и политической власти в пограничных районах. Старшему алькальду могла быть вверена судебная власть на какой-то обширной территории (*алькальдия майор*). Губернатору повиновалась провинция. Сферы компетенции перечисленных должностных лиц были четко обозначены, но они размывались в капитуляциях (договорах), заключенных между короной и конкистадорами. Однако по мере «умиротворения» покоренных земель влияние участников Конкисты падало.

В 1535 г. было образовано вице-королевство Новая Испания. До 80-х годов XVI в. в его состав входили территории, в настоящее время принадлежащие Мексике (исключая штат Чьяпас) и США (штаты Флорида, Аризона, Калифорния, Невада, Нью-Мексико, Техас, Юта, часть Колорадо и Вайоминга, а также некоторые земли в бассейне реки Миссисипи), Антильские о-ва и Северное побережье Южной Америки до устья Амазонки. С 1583 г. в состав вице-королевства были включены Филиппинские острова. Прочие испанские владения в Южной Америке и Панама в 1542 г. были объединены в вице-королевство Перу.

Непосредственно королю и Совету по делам Индий подчинялись генерал-капитанства: Санто-Доминго, включавшее владения в Вест-Индии, и Гватемала, объединявшее Чьяпас и территории современных государств Центральной Америки кроме Панамы.

По мере стабилизации колониальной системы власть сосредоточивалась в руках назначаемых монархом на определенный срок вице-королей и генерал-капитанов, которым подчинялись чиновники среднего звена. Перечисленные посты занимали уроженцы метрополии, часто аристократы, которых ничто кроме служебного долга с колониями не связывало.

В качестве консультативного органа, а также высшей судебной инстанции в колониях создавались состоявшие из 3–15 судей-оидоров коллегии (аудиенсии): Санто-Доминго (1511), Мехико (1528), Панама (1538), Лима (1543), Гватемала (1548), Гвадалахара (1548), Санта-Фе-де-Богота (1549), Ла-Плата-де-лос-Чаркас (1559), Кито (1563), Сантьяго (1565) и Чили (1563–1573). Границы аудиенсий и местоположение их резиденций изменялись. В пределах аудиенсий выделялись административно-судебные округа (*коррехимьенто*), причем испанским структурам подчинялись индейские коррехимьенто.

В колониях правовое положение человека зависело от того, принадлежит ли он к «республике испанцев» или к «республике индейцев». Принадлежность к «республике испанцев» означала свободу от подушной подати и право на участие в деятельности муниципальных советов, называемых *кабильдо* или *аунтамьенто*. Полноправные горожане-домовладельцы, внесенные

в официальные списки, могли занимать муниципальные должности, пользоваться выделенными городу землями, определять цены на местные товары и услуги, им были доступны различные виды хозяйственной деятельности. Домовладельцам приходилось нести бремя расходов на общие нужды, иногда выделять «подопечных» индейцев для участия в общественных работах, а также поддерживать в надлежащем состоянии оружие, верховых лошадей, чтобы участвовать в обороне города и в иных военных мероприятиях.

В индейской среде важным звеном в системе управления была община, которая считалась коллективным собственником земли и несла круговую поруку за выполнение возложенных на нее обязательств, в том числе за выплату подушной подати (*трибута*). Жизнь общинников руководил передававший власть по наследству старейшина (*касик*, *курака*), который распределял земельные участки, занимался организацией общественных работ, отвечал за сбор налогов, судил соотечественников за мелкие преступления, опираясь на обычное право. Деятельность касиков контролировали особые чиновники.

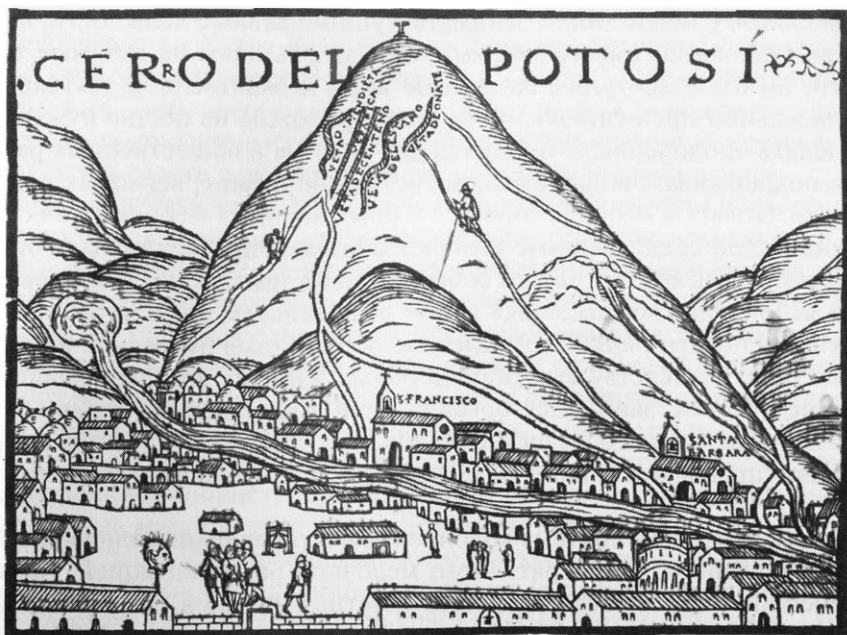
В целом испанская система колониального управления отличалась жесткой централизацией, бюрократизмом, мелочной регламентацией. Несмотря на ее внешнюю стройность, функции властных органов перекрещивались, что порождало конфликты. Расходы на содержание аппарата были велики.

Устройство заокеанских владений Португалии было иным. В начале XVI в. создавались фактории, обеспечивавшие товарообмен с аборигенами. Посылаемые короной флотилии следили за тем, чтобы на побережье не закреплялись представители конкурирующих держав. В 1534–1536 гг. прибрежная зона Бразилии была разделена на 15 частей (капитаний), переданных в наследственное владение 12 дворянам. Им предстояло наладить оборону территорий и обеспечить их заселение и экономическое освоение. Поскольку не все капитаны справились с поставленными задачами, с 1548 г. по распоряжению короля начала формироваться система централизованного управления колониями. Бразды правления вручались генерал-губернаторам, которые осуществляли полномочия, опираясь на относительно немногочисленный бюрократический аппарат и небольшие воинские контингенты. После 1580 г., когда Португалия оказалась под властью Филиппа II, Бразилия фактически попала под испанский контроль.

Владения других европейских государств в Америке были меньше по территории и численности населения, поэтому система управления в них не была столь разветвленной, ключевой фигурой обычно являлся губернатор колонии, полномочия которого определял монарх.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

На протяжении XVI в. хозяйственная жизнь многих областей Америки протекала достаточно бурно. Вторжение колонизаторов нарушило традиционный экономический уклад в индейском мире, не уничтожив его полностью. Адаптируясь к непривычным условиям, мигранты из Европы были вынуждены в той или иной степени использовать хозяйственные навыки коренных жителей. В то же время с приходом завоевателей в Новом Свете появились

Гравюра «Город и гора Потоси» из «Хроники Перу» Педро де Сьеса де Леон. 1556 г.

ранее здесь неизвестные сельскохозяйственные культуры и домашние животные, орудия труда и предметы обихода, которые постепенно распространялись среди и колонистов, и аборигенов.

Испанские монархи пытались направлять хозяйственное развитие заокеанских территорий. Экономические интересы короны была призвана отстаивать размещенная в Севилье Торговая палата (1503), которая контролировала поток мигрантов, трансатлантическую торговлю, а также ведала вопросами мореходства. С 1543 г. параллельно с ней в том же городе начал действовать объединявший местных купцов и защищавший их привилегии консулат. Доходы в казну обеспечивали разнообразные налоги.

Горнодобывающее производство и лесоразработки. Едва закрепившись в Новом Свете, колонизаторы не столько заботились о производстве продуктов питания и потребительских товаров, сколько любыми способами приобретали дорогостоящее сырье и ценные изделия, воплощавшие собой богатство в представлении людей XVI в. Драгоценные металлы и камни, в меньшей степени редкие породы дерева, красители, лекарственные растения сулили роскошь и были удобны для вывоза.

Испанские колонисты не без помощи аборигенов выявили множество месторождений золота и серебра, определили участки побережья для ловли жемчуга. Поиск и разработка коренных месторождений драгоценных металлов потребовали немало времени и сил, но богатейшие природные и людские ресурсы Нового Света позволили испанцам решить данные проблемы.

Важнейшим достижением стало открытие и освоение рудников Потоси (1545). Помимо них разработки велись в Сакатекасе (1546), Гуанахуато (1550), Пачуке (1552), Кастровиррейне (1555), Сомбререте (1558), Санта-

Барбаре (1567) и в других районах, где в основном добывали серебро, хотя горные породы содержали некоторое количество золота, меди и других металлов. Золотоносные прииски были обнаружены во внутренних районах Новой Гранады (Антиокия), в провинции Кито (Сарума и Томебамба), в Перу (Карабайя), в Чили (Конфинес, Килакойя, Чоапа, Майпо). В целом золотодобыча в Новом Свете в XVI в. составляла 19% мировой.

Честь обнаружения ртути в Новом Свете принадлежит Энрике Гарсии, горняку, имевшему опыт работы на рудниках Альмадена; в 60-е годы XVI в. была начата ее разработка в местечке Уанкавелика. Введение монополии на добычу ртути позволило короне влиять на владельцев золотых и серебряных копей, нуждавшихся в жидком металле для проведения амальгамации (обработки руды ртутью для получения ее сплава с серебром).

В испанских заокеанских владениях были найдены изумруды (совр. Колумбия), жемчуг (остров Маргарита, Кубагуа, северное побережье Южной Америки), поделочные камни. Помимо них в колониях добывали соль, цветные металлы, строительный камень и древесину. Хотя в колониях были обнаружены и железные руды, их практически не разрабатывали.

Золото добывали преимущественно путем полукустарной промывки россыпей. Серебро извлекали из-под земли, для чего прокладывали шахты и штреки. С целью обогащения руды возводились сложные конструкции, включающие каналы, водоподъемные колеса, механические песты и другие приспособления. Несовершенство техники и технологий позволяли вести разработки только верхней части месторождений.

Испанские монархи жестко контролировали деятельность шахтовладельцев. В колониях последовательно реализовывались два принципа: право на земельный участок не дает права на разработку недр, эксплуатация полезных ископаемых – привилегия короны. Лишь в конце века лица, обнаружившие жилы или россыпи, не обещавшие солидных поступлений, получали право собственности на них. Специальные чиновники наблюдали за добычей драгоценных металлов, производя отчисления в казну. Основным видом налогообложения являлась «королевская пятина» (*quinto*) – 20-процентный налог.

В первой половине XVI в. был задан высокий темп развитию добывающих отраслей, дававших 9/10 вывозимой из испанских колоний продукции. По данным П. Шоню, только в 1551–1560 гг. в Севилью поступило 42 620,08 кг золота. Месторождения Потоси обеспечили к концу столетия 50% мировой добычи серебра. Добиться столь высоких результатов удалось благодаря мобилизации рабочей силы. После запрещения рабства индейцев труд невольников в горном деле оказался нерентабельным. В Новой Испании шахтовладельцы пошли по пути привлечения наемных работников, наряду с которыми трудились и полузависимые индейцы. В Перу регулярное поступление рабочей силы на рудники обеспечивала система *миты* – приписанные к шахтам общины направляли на разработку месторождений в установленные сроки определенное количество людей под присмотром касиков.

На восточном побережье Южной Америки, где закрепились португальцы, месторождения драгоценных металлов не были найдены. Здесь добывали «бразильское (красное) дерево» и иные дары тропического леса.

Обрабатывающее производство. Хотя колонии нуждались в потребительских товарах, их производство развивалось медленно из-за нехватки ка-

питалов, специалистов, рабочей силы, высокого налогообложения и иных причин. Формы производства были более архаичными, чем в Европе.

В заокеанских владениях разрешалось производить строительные материалы, посуду, одежду, утварь, мебель, изготавливать сахар, бумагу, печатать книги, обрабатывать шерсть, кожи и другие виды местного сырья. Аналогичные товары, доставляемые из Европы, нередко оказывались и качественнее, и дешевле. Единственным видом американской готовой продукции, пользовавшимся широким спросом в Старом Свете, оказались серебряные песо, которые чеканились в Испанской Америке с 1537 г. и не подвергались порче. Монетные дворы были сооружены в Мехико, Лиме, Потоси и Санто-Доминго, предполагалось их возведение и в других городах.

Наиболее распространенной формой мануфактуры в колониях были *обрахе* (обраје, букв. мастерские), на которых производилась текстильная продукция. В Новой Испании к 1570 г. насчитывалось свыше 80 крупных производств данного рода. В Перу к концу столетия действовало около трех сотен обрахе. В разведении шелкопряда и изготовлении шелковых тканей немалых успехов добились жители Новой Испании, но в конце XVI в. данную отрасль настиг кризис. На верфях Гаваны, Панамы, Картахены и других портов сооружались корабли, что обеспечило колонии водным транспортом на 40%.

Сельское хозяйство. Снабжение колоний продукцией потребительского земледелия и скотоводства обеспечивалось разными путями. Индейцы, попавшие под власть завоевателей, были вынуждены обеспечивать себя и пришельцев продовольствием, шерстью, хлопком и другой продукцией традиционного хозяйства. Благодаря аборигенам Америки колонисты, а затем и жители метрополий и других стран Старого Света познакомились с маисом, фасолью, картофелем, томатами, маниоком и другими американскими культурами, с индюками и ламами. Но переселенцам требовались и привычные для Европы злаковые, садовые и огородные растения, крупный и мелкий рогатый скот, лошади, ослы, свиньи, разнообразная домашняя птица. Их разведением также занимались коренные жители, но под контролем колонистов и на специально выделенных для этого участках. Процесс акклиматизации растений и животных, освоение новых хозяйственных навыков в разных регионах протекал неодинаковыми темпами и дал несходные результаты.

Производство пшеницы было налажено на плоскогорьях Мексики, в горных, отчасти прибрежных районах Перу, в Чили и в других сходных по климату областях. Урожаи были высокими, но занимаемые злаком площади были невелики. Значительные затраты труда, уменьшение количества рабочей силы в сельском хозяйстве, увеличение числа мигрантов из Европы обеспечивали рост цен на пшеницу и на зерновые в целом, несмотря на попытки их искусственного сдерживания. Проблема обеспечения хлебом, особенно низших слоев городского населения, не теряла своей актуальности. Разведение винограда было налажено возле Лимы, Арекипы, в долине Ика, в районе Сакатекаса. Оливковые рощи появились в Чили и Перу. Но местные производители полностью не покрывали потребности колоний в вине, уксусе, оливковом масле.

С каждым годом все большую мощь набирало плантационное хозяйство, характерное для тропической зоны. Завезенный с Канарских островов сахарный тростник прижился на островах Вест-Индии, на Карибском побе-

режье, на Юге Мексики и в Бразилии. Хотя создание плантаций и изготовление сахара и патоки требовали значительных капиталовложений, данная отрасль неуклонно прогрессировала, поскольку цены на ее продукцию росли, а спрос не ослабевал. Плантации какао существовали в Мексике и Центральной Америке задолго до прихода европейцев. Под испанским влиянием его культивация началась в Венесуэле. Важной статьёй экспорта были производимые в Новом Свете красители: индиго, кошениль, кампешевое и бразильское дерево.

Скотоводство, нехарактерное для большинства районов Доколумбовой Америки, с появлением европейцев получило широкое распространение. Испанцы обучали обслуживавших их индейцев ухаживать за крупным и мелким рогатым скотом, лошадьми, свиньями, что способствовало распространению среди аборигенов новых видов хозяйственной деятельности.

Торговля. Обмен на местных рынках был незначительным из-за дороговизны, нехватки платежных средств и низкой покупательной способности широких слоев населения. За пределы областей, где были произведены, вывозились лишь кожи, позже солонина; вина, оливковое масло, ремесленные изделия зачастую ввозились из Испании.

Торговля между метрополиями и их колониями не была эквивалентной. Европейские державы в ущерб интересам обитателей заокеанских владений стремились сбыть собственную продукцию по максимально высокой цене, чтобы обеспечить устойчивое развитие своей экономики. Например, при попадании в Вест-Индию стоимость доставленного из метрополии груза возрастала в три-четыре раза, в Мексику – в 10–15 раз, в Перу – в 15–20 раз. Ради достижения подобного эффекта вводились налоги, действовала система монополий, утверждались разного рода ограничения и тому подобные меры. Показателен пример Испанской Америки. По распоряжению Филиппа II исключительным правом на торговлю с колониями наделялась Севилья, в заокеанских владениях сходные привилегии обрели порты Веракрус (Новая Испания) и Кальяо (Перу); Картахена в Колумбии и Панама служили основными перевалочными базами. Колониям запрещалось вести обмен друг с другом и с иными державами кроме метрополии. Контрабандная торговля по возможности пресекалась.

Своеобразной формой контроля торгового обмена метрополии и колоний была система флотилий, созданная в целях защиты от пиратов. Купеческие корабли в определенное время пересекали Атлантику по специально установленным маршрутам под охраной военных судов. Одна флотилия следовала из Севильи до порта Веракрус, другая – до Картахены и Номбреле-Диос (позже до Портобело). При возвращении из Америки корабли соединялись в гавани Гаваны и далее следовали вместе к берегам Испании. Через Тихий океан аналогичным образом передвигался Манильский галеон, доставлявший в Мексику (порт Акапулько) товары из Азии. Использование системы флотилий упрощало не только охрану судов, но и процедуру взимания налогов с ввозимых и вывозимых товаров. Французское, английское, голландское купечество пыталось нарушить испанскую монопольную торговлю с колониями. Столкновения с вражескими кораблями, пиратские налеты стали системой.

Католическая церковь играла в жизни заокеанских владений особую роль. Ее служители в качестве военных капелланов сопровождали отряды завоевателей, способствовали установлению традиционного для католических стран миропорядка в создаваемых ими поселениях, осуществляли «духовную Конкисту», приобщая к христианству «диких индейцев», а также доставляемых из Африки рабов. Духовные лица занимались отнюдь не только делами веры, они помогали решать проблемы управления, способствовали созданию образовательных, медицинских и тому подобных учреждений, содействовали развитию колониальной культуры, осуществляли идеологический контроль, в том числе при участии инквизиции. Роль Католической церкви в Новом Свете подчеркивали соборы, располагавшиеся на центральных площадях городов рядом с важнейшими административными зданиями.

На заре колонизации папы относились к Конките как к Крестовому походу. В дальнейшем служители Церкви не обнаружили единства мнений в вопросе об аборигенах Америки. Бартоломе де Лас Касас и его сторонники предлагали обращать индейцев в христианство мирными методами. Их оппоненты, лидером которых стал Хуан Хинес де Сепульведа, стремились доказать, что войны с индейцами справедливы и необходимы для обращения язычников в истинную веру. Официально ни та, ни другая сторона не получили одобрения.

На протяжении первой половины столетия испанская корона предпринимала разнообразные шаги, чтобы добиться от Рима права на патронат над Церковью в Америке, но ее претензии не были удовлетворены. В 1574 г. появилась королевская грамота, в которой король самовольно объявил о патронате, с чем папа де-факто примирился. Под покровительством монарха позиции духовенства в колониях постепенно укреплялись, чему также немало способствовала активная деятельность первых епископов, таких как Х. де Сумаррага, В. де Кирога, Х. де Лоайса и другие. Если в начале века за океаном насчитывалось лишь три епископства, то к его концу было создано пять архиепископств (с резиденциями в Санто-Доминго, Мехико, Санта-Фе-де-Богота, Лиме и Маниле), в которые вошел 31 диоцез и аббатство на острове Ямайка. Поскольку многие церковные должности подолгу оставались вакантными, в конце века при диоцезах было решено создавать семинарии.

Белое духовенство в основном контролировало приходы в городах. Христианизация аборигенов в основном была уделом францисканцев, доминиканцев, августинцев, иезуитов и представителей других католических орденов. Несмотря на внешний успех (номинально в колониях были крещены едва ли не все индейцы), проблема борьбы с язычеством не утрачивала актуальности. Методы и результаты обращения коренных американцев неоднократно обсуждались на провинциальных церковных соборах, проводившихся в Лиме и Мехико.

Инквизиция утверждалась параллельно с созданием других религиозных институтов. До 1569 г. в Новом Свете находились ее комиссары, нередко данные обязанности выполняли епископы. Первые два трибунала в Мехико и Лиме начали функционировать с 1571 г. О характере их деятельности говорят такие факты: до конца столетия мексиканский трибунал провел

902 процесса, вынес 600 обвинительных вердиктов, по которым 13 человек были казнены.

Поскольку духовенство составляло основную массу образованного населения колоний, то ему часто приходилось заниматься вопросами воспитания и обучения. Под руководством служителей Церкви были созданы начальные и средние учебные заведения, в которые принимали мальчиков и девочек. Появились коллегии для знатных индейцев и метисов, причем в некоторых из них аборигены осваивали не только католическую доктрину, но и испанский и латинский языки, логику и риторику, музыку и философию.

Священнослужители, в первую очередь миссионеры, внесли немалый вклад в изучение историко-культурного наследия индейских народов. Труды Б. де Лас Касаса, Б. де Саагуна, Д. де Ланды и других служителей Церкви и сегодня остаются важными источниками для изучения прошлого аборигенов.

В португальских владениях влияние Церкви было не менее значительным. Король Португалии, обладавший правом патроната еще в XV в., как только была открыта Бразилия, стал направлять туда францисканцев, позже иезуитов и представителей других орденов. Как и во владениях Испании, основной задачей миссионеров было обращение индейцев, для чего предпринимались попытки создания редукций. Поскольку масштабы португальской колонизации были относительно невелики, то в Бразилии был создан лишь один диоцез с центром в Баие (1551).

КУЛЬТУРА

Противостояние, симбиоз, иногда синтез культурных традиций разных регионов Старого и Нового Света, уничтожение ряда памятников индейской культуры – отличительные характеристики раннеколониальной Америки. Европеизация, обусловленная превосходством завоевателей в сфере техники и технологий, – важная, но не единственная тенденция развития. Существенный вклад уже на этом этапе формирования латиноамериканской культуры внесли многие индейские и некоторые африканские народы.

В XVI в. результаты взаимодействия цивилизаций воплощались и в материальных предметах, и в произведениях духовной культуры. Изменения, происходившие в повседневной жизни аборигенов и переселенцев, способствовали языковым заимствованиям, формированию так называемых скрещенных языков (испано-науатль, испано-мая, лингва жераль и т.п.), созданию оригинальных произведений фольклора. Письменность, ранее известная только в Месоамерике, превратилась в привычный компонент культуры во всех колониях. Ее основой стала вытеснившая иероглифику и пиктографию латиница, в том числе приспособленная миссионерами для обозначения фонем индейских языков.

Стремясь запечатлеть на бумаге прошлое и настоящее Америки, за перо взялись не только уроженцы Европы, но и креолы, индейцы и метисы, отражавшие позиции различных конфессиональных и социальных групп. В разных странах Старого Света издавались и переиздавались сочинения Э. Кортеса, Г. Фернандеса де Овьедо и других участников Конкисты. Под

впечатлением завоевания Чили А. де Эрсилья создал знаменитую эпическую поэму «Араукана», ставшую своеобразным эталоном жанра как в колониях, так и в метрополии. Самой пространной в истории испанской литературы оказалась поэма Хуана де Кастельяноса, прославлявшая покорителей Нового Света. Восприятие коренными жителями Америки Конкисты и колонизации отразили в своих произведениях потомки знатных индейских родов и аборигены-летописцы. Следуя древней традиции, авторы сопровождали, а иногда и заменяли текст рисунками («Флорентийский кодекс», «Полотна из Тлашкалы», труд Гуамана Помы де Айала и т.д.) даже в тех случаях, когда желали донести информацию до адресата в Европе.

Немногие из историко-литературных сочинений, созданных в Новом Свете в XVI в., тогда же были опубликованы. Хотя в 1535–1539 гг. в испанских заокеанских владениях появились первые типографии, перечень издаваемых ими книг оставался невелик, в основном печатники обслуживали нужды Церкви. Торговцы частично восполняли потребности колонистов, доставляя печатную продукцию из метрополии.

Под испанским влиянием за океаном получили распространение новые принципы градостроительства, архитектурные стили и приемы зодчества, но во многих городах, не говоря о сельских районах, сохранялись индейские постройки, подчас определявшие особенности планировки. Сочетание художественных приемов, выработанных народами Старого и Нового Света, можно проследить в декоре католических храмов, в их внутреннем убранстве, в сохранившихся памятниках декоративно-прикладного искусства. Сплетение элементов разных культурных традиций отличало музыку, танцы, театрализованные представления, созданные в колониях.

Взаимодействие цивилизаций коснулось даже такой сферы, как университетское образование. Испанская корона согласилась на создание за океаном соответствующих учебных заведений. В 1538 г. был основан университет в Санто-Доминго, в 1551 г. – в Мехико и в Лиме. Причем в стенах мексиканского университета можно было изучать не только традиционные дисциплины, но и языки аборигенов, осваивать индейскую медицину.

С Новым Светом связано немало научных открытий, касавшихся географии и мореходства, ботаники и зоологии, истории и лингвистики, религиоведения и медицины, горного дела и металлургии.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАРОДЫ И ИХ СУДЬБЫ

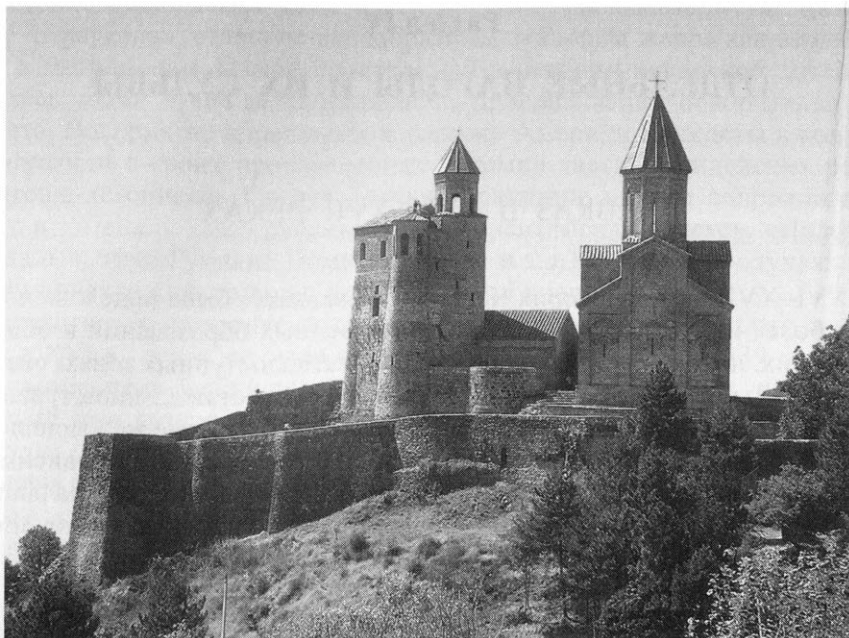
КАВКАЗ В XVI – XVII ВЕКАХ

В XVI–XVII вв. территория Кавказа и Закавказья была поделена на множество более или менее крупных государственных образований и обществ. Часть из них, находившаяся в относительно легкодоступных зонах, оказывалась в вассальной зависимости или включалась в состав административных единиц Османской империи и Сефевидского Ирана. Другие же, расположенные в труднодоступных горных районах, либо оставались независимыми, либо были формальными вассалами могущественных соседей. Начавшаяся борьба османов и Сефевидов за овладение Кавказом отразила смену «основных игроков» в регионе. Походы монголов и их наследников, окончательно подорвавшие могущество некогда единого Грузинского царства, к концу XV в. привели к образованию на его территории трех царств (Картлии, Кахетии и Имеретии) и пяти княжеств (Самцхе-Саатабаго, Гурии, Сванетии, Абхазии и Менгрелии), остававшихся в последующий период в полунезависимом положении.

В конце XV в., сокрушив в 1461 г. последний осколок Византии Трапезундскую империю, османские власти превратили район Трапезунда в резиденцию наследников престола. Приобщавшиеся там к управленческой и военной деятельности будущие султаны Баязид II и Селим I руководили первыми вторжениями в район Кавказа и Закавказья. На рубеже XV–XVI вв. были совершены набеги на Чалдыр и Кутаиси (центр царства Имеретии).

Расположенные южнее грузинских царств и княжеств земли, заселенные в основном армянами, также были разделены на несколько частей. Хаченское княжество (Нагорный Карабах), так же как и Азербайджан, до начала XVI в. входили в состав владений тюркских (огузских) союзов Кара-Коюнлу («Черных Баранов»), а затем Ак-Коюнлу («Белых Баранов»), контролировавших восточную и центральную части Кавказа и Закавказья. К концу XV в. Ак-Коюнлу переживало период внутренних междоусобиц, что способствовало усилению его бывших «вассалов», тюрок-кызылбашей, разбивших войска Ак-Коюнлу в 1501 г. Созданное предводителем кызылбашей Исмаилом Сефевидом (происходившим из города Ардебиль в Иранском Азербайджане) государство заняло бывшую столицу Кара-Коюнлу, а затем Ак-Коюнлу в Восточном Азербайджане – Тебриз, на полстолетия превратившийся в главный политический центр Сефевидов.

Таким образом, с начала XVI в. судьбы народов Кавказа и Закавказья оказались тесно связанными с борьбой Османской империи и Сефевидского Ирана. К конфликтам приводили спорное территориально-пограничное разграничение, желание подчинить те или иные племена, проживавшие и кочевавшие на этой территории, суннитско-шиитская вражда и стремление

Цитадель столицы Кахетинского царства Греми с собором архангелов Михаила и Гавриила. 1565 г.

контролировать традиционные караванные пути азиатской торговли с Западом. Но желание получать выгоды от этой торговли заставляло и договариваться, чтобы сохранить азиатско-европейский товарооборот, который европейцы пытались перевести в русло океанской торговли.

Войны вносили постоянную дестабилизацию в жизнь народов и государственных образований пограничной зоны. Многие районы Кавказа и Закавказья не раз переходили от одной державы к другой. Проникновение османских войск на иранскую территорию порой бывало очень глубоким. Они овладевали Тебризом, доходили до Каспийского моря, однако затем следовало отступление. Османам не удавалось утвердиться в местностях с шиитским населением. Линия разделения османо-иранских владений постоянно возвращалась примерно к тем позициям, которые были определены Амасьинским мирным договором 1555 г., сводившим северо-восточные османские владения к Западной Грузии и Западной Армении. Далее на север османы контролировали Восточное Причерноморье и некоторые районы Предкавказья и Центрального Кавказа.

По-настоящему утвердиться на Западе Кавказа османы начали лишь после того, как в 1555 г. западнокавказские земли были закреплены как их сфера влияния. После этого Батум был включен в состав Трабзонского эялета (крупной административной области) Османской империи. В 1578 г. на землях Южной Грузии (Самцхе) был сформирован Чалдырский эялет (известен так же как Ахалцихский, или Гюрджистанский), а еще раньше южнее – эялет Ван, и построена оборонительная линия. Во время нескольких походов на север турецкие войска занимали Поти, Кутаиси и Сухуми. Эти

города не стали, однако, местом постоянной дислокации османских гарнизонов. Княжества Восточного Причерноморья – Имеретию, Менгрелию, Гурию, Абхазию – османские власти объявили своей территорией, но форма их зависимости не была четко определена. Степень ее то усиливалась, то ослабевала, что было связано с состоянием сефевидо-османских отношений. Даже после мирных договоров 1590 и 1639 гг., еще раз зафиксировавших вхождение Западной Грузии в сферу влияния Османской империи, полного подчинения этих районов османам достичь не удавалось. Тем не менее княжества Западного Кавказа были тесно связаны с Османской империей торговыми отношениями, прежде всего участием в работоторговле, что было характерно для большей части региона в целом (в особенности для черкесских областей). Работоторговля и постоянные междоусобные войны ослабляли грузинские царства и княжества, но относительная слабость османского военного и административного присутствия в этих районах, а также труднодоступность внутренних областей препятствовали их более ощутимому подчинению османами.

Проникновение османов в район Кавказа шло и с севера, что было связано с борьбой Османской империи против генуэзцев, державших в XV в. в своих руках всю черноморскую торговлю и имевших на Черноморском побережье многочисленные фактории. Морская экспедиция 1475 г. против них привела к полной ликвидации генуэзских колоний в Причерноморье. Кафа (Феодосия), являвшаяся главной генуэзской факторией в Крыму, была взята под непосредственное османское управление, а с 1568 г. была объявлена центром особого эялета Османской империи, в который были включены окрестности этого города, Азовское побережье и примыкающие территории Северного Кавказа. В эялете размещались отряды султанских войск, которые подчинялись канцелярии капудан-паши, т.е. адмирала османского флота. Правитель Кафы *бейлербей*, *вали* или просто кафинский паша был объявлен «защитником Черного моря». Сложившееся на Крымском полуострове постордынское ханство в 1475 г. стало вассалом Османской империи. Этот статус сохранял за ним некую форму государственной обособленности и власть не только над татарскими племенами Крыма, но и над некоторыми народами и территориями Северного Кавказа.

Связи черкесских (адыгских) северокавказских племен с крымскими ханами представляли собой определенную форму личного вассалитета вождей племен, плативших дань в той или иной форме. Так, вожди черкесов-кабартай каждый год обязаны были преподносить хану и его наследникам «пленных черкесов». Считалось, что этим они предотвращают набеги крымцев на свои земли. Кроме этого был распространен обычай аталычества, т.е. отправки сыновей ханов для воспитания к черкесским беям. Принятие таких воспитанников было свидетельством подчиненности племен ханству, но оно сулило определенные выгоды, так как, если воспитанный племенем хан-заде становился ханом, он оказывал особое почтение своему аталыку (воспитателю) и молочным братьям. Воины племен порой привлекались для участия в военных действиях, которые вели крымские ханы. Значительный урон Северокавказскому региону наносила работоторговля. В османское время черкесы-рабы использовались не только как воины, но и как слуги, гаремные насель-

ники. Работорговля усиливала распри между адыго-черкесскими племенами и зависимость рядовых общинников от вождей.

Адыгские племена западной части Северного Кавказа, с которыми имело дело османские власти, очень разнились между собой в социальном и религиозном планах. Некоторые из них управлялись племенной аристократией и князьями, другие представляли собой более демократичные *джемааты* (общины) с выборными вождями и общими сходами. Эти племена, особенно проживавшие в горах, не признавали над собой никакой власти, в том числе османской или крымской. Основная масса черкесского населения оставалась верной традиционным анимистическим верованиям. Османские источники писали, что они живут «без вождей и без религии». Главы мелких племен могли быть мусульманами или христианами, порой по политическим мотивам меняя одну религию на другую. Со второй половины XVI в. начинается активное обращение в ислам адыгских князей.

В Кафинском эялете был создан Северокавказский санджак, особая административная единица, подчиненная эялету. Центром ее была крепость Тамань. Там находилась резиденция санджакбея и кадия (мусульманского судьи). Однако еще в XVII в. османские источники подчеркивают, что последним черкесским племенем, куда назначались кадии, были черкесы жане, которыми «предписания Корана в какой-то мере исполняются. Их нельзя обращать в рабство». Живущие же далее черкесы-кабартай (т.е. кабардинцы) — «из страны войны», т.е. исламские законы их не защищают. Вожди этих племен были полновластными хозяевами над соплеменниками, что и позволяло процветать работорговле, порождало внутривременную и межплеменную рознь. Османская управленческая структура усиливала разобщенность северокавказских племен. Территории Кафинского эялета считались относящимися к азиатским районам империи. Крымское же ханство оказалось включено в Румелию (т.е. европейско-балканский регион). Без особого разрешения крымцы не имели права даже вступать на земли кафинского подчинения.

Пространство Центрального Кавказа, с XV в. получившее название Кабарда, являлось местом пересечения традиционных путей из Кафы и Азова на Дербент, далее на Тебриз и от Терека в Грузию и Ширван через Дарьяльское ущелье. Это стратегически важное положение привлекало завоевателей. В XVI в. на эту территорию претендовали Иран и Османская империя, а затем и Россия. Кабарда была одной из самых густонаселенных областей Кавказа. Считается, что населявшие её адыгские племена могли выставить армию в 15 тысяч всадников. Среди воинов-кабардинцев были глубоко укоренены представления о воинской чести и доблести. Однако в XVI в. среди княжеских семей не нашлось способных объединить все племена. Межкняжеские распри привели к разделению Кабарды на Большую и Малую, а каждую из них на ряд самостоятельных племен. Со второй половины XVI в. в Предкавказье начинают вторгаться ногайцы. Свои грабительские набеги в западночеркесские и кабардинские районы не раз совершали крымские татары. Бывали и ответные вторжения черкесов в крымские владения и даже осада ими османских крепостей. Однако чаще армия крымских ханов и османские войска проходили через Кабарду на пути к театру военных действий против иранских Сефевидов. Для облегчения этого пути и возможности переброски

по нему войск из Дунайского региона османское воинское командование выдвигало даже идею о соединении каналом рек Дона и Волги. Попытка реализации этого плана и беспокойство за свои северные границы привели в 1569 г. к походу османских войск на Астрахань, незадолго до этого (в 1556 г.) присоединенную к России. Поход не удался, с Россией, пошедшей на некоторые уступки, конфликт был улажен. По настоянию российского правительства гребенское (горное) казачество вынуждено было оставить основанную ими крепость в устье реки Сунжи (правого притока Терека) и перебазироваться ближе к устью Терека. Османы после Астраханской неудачи не делали каких-либо попыток развивать свою экспансию в Восточную Европу, ограничившись Северным Причерноморьем и степями Предкавказья, где между Кабардой и Азовом обосновались так называемые Малые ногаи.

В 1557 г., т.е. на следующий год после завоевания Россией Астрахани, князья Кабарды установили отношения с Москвой. Их посольство просило защиты для своей страны от ногайцев, крымских татар и дагестанцев. Дочь кабардинского князя Темрюка Мария была выдана замуж за царя Ивана Грозного. Сам князь и его сыновья, оставшиеся в Кабарде, были мусульманами. Дочь и сопровождавший ее в Москву брат приняли православие. Крестился также племянник князя, прибывший в Москву в 1578 г. с очередным кабардинским посольством. Этот племянник стал родоначальником князей Черкасских. Для княжеских кабардинских семей было в обычае, что старшие дети оставались в Кабарде, а младшие уходили искать свою судьбу в другие страны, чаще всего в Крым, Стамбул, а то и в Москву и Польско-Литовское государство. Соответственно они меняли и веру, иногда даже несколько раз, в поисках более выгодной службы в той или иной стране. В то же время предпринятая Москвой попытка отправить в Кабарду православных миссионеров не имела успеха и в какой-то мере отпугнула свободолюбивых кабардинцев от христианства.

За первенство на Северном Кавказе с кабардинскими князьями соперничали *шамхалы* Дагестана. Шамхальство было одним из самых значительных государственных образований в Дагестане, населенном народами различного этнического происхождения. Его возвышению способствовало принятие местными обществами и княжествами ислама (начавшееся еще со времен арабских завоеваний середины VII – VIII в.), что привело к их консолидации для ведения войн против соседних народов, в первую очередь черкесов (кабардинцев) и грузин, многие из которых оставались на тот момент христианами или язычниками. В первой половине XVI в. шамхальство выступало как наиболее верный союзник Османской империи в борьбе с шиитским Ираном. Их сближало то, что в этом районе утвердился ислам суннитского толка. Территория шамхальства простиралась от Терека до Дербента. Во второй половине XVI в. там начались междоусобные раздоры, сопровождавшиеся колебаниями в политической ориентации, союзническими отношениями с мятежными крымскими царевичами (хан-заде), переговорами с иранским шахом и Москвой о закрытии османским войскам пути к Прикаспию, но про-османская ориентация брала верх. Попытки Москвы завоевать часть территории Дагестана в конце XVI – начале XVII в. оказались неудачными, так как русские войска, захватив земли одного из северных «вассалов» шамхальства в 1588 г., а затем и часть Дагестана, потерпели сокрушительное поражение

Кавказ в XVII в.

недалеко от Махачкалы. В XVII в. шамхальство после ряда внутренних конфликтов, связанных с борьбой за престол, распадается на несколько частей.

В 80-е годы XVI в. после окончания Ливонской войны Россия начинает осваивать район Нижнего Поволжья. Тогда же на Тереке утверждаются первые крепости с русскими гарнизонами. Персидский шах присылал в Москву посольство (1587) с предложением дружбы и союза для борьбы с османами. Такой союз не сложился. В 1590 г. шах Аббас подписал мир с Османской империей, по которому была установлена османская власть в Ширване и границы империи достигли Каспийского моря. Однако в 1603 г. война возобновилась. Крымские татары своими набегами на пограничные российские районы и последующими переговорами с московскими властями пытались побудить русских убрать свои укрепления с Терека, так как они якобы мешают функционированию традиционного пути Крым–Дербент. В 1594 и 1604–1605 гг. русские войска совершили два неудачных похода против дагестанского шамхальства, что в результате привело к отказу от освоенных было позиций на Тереке. Российское продвижение в этот регион остановилось почти на два века. Не укрепились там и османы. В XVII в. контроль над Дагестаном и Каспийским морем перешел в руки Сефевидского Ирана. Пограничная

линия, которая была установлена в 1555 г., оказалась наиболее естественной для размежевания территории Османской империи и Ирана.

Османе не чувствовали внешней опасности для своих причерноморских владений и не стремились далее расширять их границы. Северо-Восточные пограничные районы Османской империи оставались малоосвоенными и в военном, и в экономическом, и в религиозно-идеологическом отношении. Проехавший не раз по всему Кавказскому региону османский путешественник Эвлия Челеби писал, что при крымском хане Мухаммед-Гирее (1641–1644 и 1654–1666) «народ Кабарды удостоился чести приобщиться к исламу», однако после смещения этого хана он же (Эвлия) выражал сомнения в успехах исламизации: «Кто знает, что там произойдет впоследствии, а ныне... народ Кабарды стал мусульманским». Знаменательно, что более поздний османский автор (Хезарфен) относил кабардинцев к «стране войны», т.е. к неисламским землям, и писал, что эти племена «из страха покорились хану». Не считали османе нужным и укреплять тамошние крепости. Османские гарнизоны располагались лишь в Тамани (300 воинов), Темрюке (200) и небольшой крепости Кызылташ (40 человек). Численность гарнизонов свидетельствует о том, что их предназначение ограничивалось лишь присмотром за окрестными племенами. На протяжении всего XVII в. османе считали этот район своим, близким по духу, относительно спокойным и в силу своей удаленности от основных имперских территорий не требующим каких-либо усилий для организации его обороны.

Та же ситуация сложилась и в расположенной южнее Абхазии, где по свидетельству османских источников проживало 25 племен народа абазы (абхазы). Их Эвлия Челеби называл: «разбойничий, отважный народ... непокорный и мятежный... Не все они одного вероисповедания». Знаменательно, что этот наблюдательный путешественник предлагал восстановить заброшенную в его время крепость Анапу: «починив и исправив эту крепость, поместив в ней достаточный арсенал и войско, было бы легким делом превратить абхазские и черкесские земли в послушную и покорную область». Это, однако, сделано не было. Абхазские племена имели довольно тесные связи со стамбульским обществом. В столице Порты был даже специальный квартал, где жили абхазы – торговцы, моряки, пушкар. Многие из них отправляли своих детей для воспитания на родину. Вернувшись в Стамбул, они нередко занимали высокие посты в османском военно-государственном аппарате. Прозвище Абаза, Черкес и даже Гюрджу (грузин) имели несколько османских видных государственных деятелей. Абхазы и черкесы – родственные этнические группы, в значительной своей части исламизированные, путь их в османскую администрацию понятен. Гюрджу же, очевидно, происходили из Южной Грузии (Чалдырского зялета), где местная аристократия сохранила свои позиции, приняв ислам.

Более изолированными и в меньшей степени затронутыми конфликтами между Османской империей и Сефевидским Ираном оставались общества осетин, расположенные в труднодоступных горных районах и являвшиеся наследниками государства Алания, разбитого монголами. Аланы-осетины переместились в юго-восточную зону своего первоначального расселения, где смешались с другими местными народами. Социальное и имущественное расслоение различных осетинских обществ было в XVI–XVII вв. неоди-

наковым, большая часть из них оставалась «демократической» (управление находилось в руках *ныхасов* – народных собраний), но некоторые (Дигорское, Тагаурское) были «аристократическими» (власть принадлежала «сильным фамилиям», обладавшим рядом привилегий). Со стороны Кабарды в район расселения осетин проникал ислам. В земли соседних с ними ингушей (часть их обществ также некогда входила в состав Алании и была оттеснена в горы монгольским нашествием), ранее до определенной степени христианизированных грузинскими миссионерами, в XVI–XVII вв. мусульманство начало проникать со стороны Дагестана и Чечни. В последней также до XV–XVI вв. преобладало проникшее из Грузии христианство. Впрочем, степень начавшейся с усилением османов и Сефевидов исламизации (как и ранее христианизации) была на тот момент еще не очень высокой.

Оттесненные в горные районы осетины, ингуши и чеченцы стремились в этот период вернуться обратно в более плодородные и удобные для жизни долины. Наиболее успешными в этом отношении были чеченцы, которым удалось к началу XVIII в. значительно потеснить к северу ногайцев. Третьей силой для этой части Кавказа, так же как и для Кабарды, в этот период становится Московское государство. Среди чеченских обществ были достаточно сильны «промосковские настроения», хотя большую часть XVI–XVII вв. преобладали проосманские. В Москву в конце XVI в. (1588 г.) было отправлено первое посольство, которое фактически договорилось о переходе чеченских князей под покровительство русского царя. Москва стремилась установить свое влияние в чеченских землях (так же как и в кабардинских), через которые проходили важные торговые пути. Расселявшиеся на этих территориях русские казаки первоначально находились в хороших отношениях с горцами, периодически участвуя вместе с ними в совместных военных операциях против общих противников (крымских ханов, османов и Сефевидов).

Попытки осетин и ингушей спуститься в долины на тот момент оказались менее успешными. Они были пресечены в ходе совместных русско-кабардино-чеченских действий. Но отношения Москвы с осетинскими княжествами (находившимися в состоянии почти не прекращавшейся междоусобной борьбы) складывались неплохо, через их земли (например, Трусовское ущелье) проходили русские посольства к грузинским князьям и грузинские посольства в Москву. Осетины часто участвовали в военных конфликтах между грузинскими княжествами и турками или иранцами.

Грузинские княжества Гурия, Имеретия и Менгрелия оставались христианскими. Они платили дань, но не ежегодно, а раз в два-три года. Католические миссионеры, посещавшие этот регион, писали, что князья добровольно сделались данниками султана, однако, хотя и платили дань, не позволяли османским войскам входить в их княжества «не только для владычества, но и для прохода войск». Как свидетельствует уже упоминавшийся Эвлия Челеби, он проехал по всему Восточному Причерноморью, а это означало, что османская власть там признавалась, но степень подчиненности разных районов была различной. Он же пишет, что природные условия, например Менгрелистана, таковы, что даже с огромным войском проникнуть туда невозможно. Походы в глубь грузинских княжеств случались, и вели себя там османские войска как «в стране войны», т.е. прежде всего интересовались добычей и пленниками. В XVI в. походы совершались и со стороны

Дагестана, и в восточные области Грузии. Однако устанавливать свою власть там османы не пытались.

Черное море, превратившись во внутренний османский бассейн, с конца XVI в. было закрыто для плавания иностранных кораблей. Международная торговля в регионе значительно сократилась. Экономические связи стали развиваться во внутримперской сфере. В торговле Юго-Восточного Причерноморья продолжал играть значительную роль порт Трабзон, специализирующийся на морской торговле с «Менгрелистаном, страной Абазы и Черкесстаном». В порты Южного Причерноморья традиционно поступали товары, следующие из Ирана по Великому Шелковому пути и анатолийскому пути пряностей и красителей из арабских стран и Индии. В периоды, когда торговля с Ираном затруднялась длительными ирано-османскими войнами, поток транзитных товаров караванной торговли пытались привлечь к себе османские вассалы Западного Кавказа. К внутримперской торговле они были неплохо приобщены и ранее. Так, доминиканский миссионер в Крыму Эмилио Портелли д'Асколи писал, что из областей Восточного Причерноморья купцы вывозят мед, прекрасные нитки для выделки полотна, рабов, воск и получают такую прибыль, что, затратив 100 реалов, выручают 300. Это же подтверждал посланник России в Имеретии (1650–1652) Алексей Иевлев: «А приезжают в Кутаис город торговые люди из турок, из кызылбаш, из Азова, из Тифлиса, из Гуриелей и Дадьян». Это «турки, жиловя, кызылбашеня, армяне, азовцы».

В 30–40-е годы XVII в. князь Менгрелии Леван II Дадияни вел дипломатические переговоры с рядом европейских держав о том, чтобы направить иранский шелк через Грузию и Черное море в Польшу и другие европейские страны, используя традиционные балканские торговые пути. Это был более короткий путь, чем через Ормуз и Алеппо и далее по Средиземному морю или через океан. А шелк в Грузии стоил вдвое дешевле, чем вывозимый из Алеппо. Планы Дадияни заинтересовали Польшу, Францию, итальянские республики и персидского шаха. Но османские власти, не желавшие пускать в район Черного моря торговцев других стран и менять традиционные грузопотоки в стране и практику внутренних пошлин, сорвали экономически выгодную затею своего вассала.

В конце XVI и первой половине XVII в. Причерноморье сильно страдало от морского пиратства и нападений пиратов на приморские города и крепости. Этими пиратами были запорожские казаки, но в восточной части Черноморья им нередко помогали «менгрельские азнауры» (дворяне) и представители других кавказских народов. В слабо освоенных и плохо организованных районах османского приграничья племенная вольница, не находившая себе другого применения, кроме войн и набегов, становилась все более заметным фактором дестабилизации политической и экономической жизни. Османские власти, озабоченные своими внутренними проблемами, оставили этот район без внимания. Вплоть до второй половины XVIII в. они не предпринимали на Кавказе усилий для более глубокого укрепления своих позиций. Успокаивало их и то, что и иранские власти вели себя так же пассивно, заботясь лишь о признании местными владетелями их верховенства.

Азербайджан и большая часть армянских княжеств оказались в начале XVI в. под властью государства Сефевидов. Армянское нагорье, через кото-

рое проходили важнейшие торговые пути, стремились захватить и османы, что привело к целому ряду конфликтов, в ходе которых эта область была сильно разрушена и пришла в запустение. По миру 1555 г. в Амасье османы получили всю Западную Армению, включая Васпуракан с центром в городе Ван, а Сефевиды сохраняли власть над Восточной Арменией. Создавалась даже «нейтральная зона» с центром в городе Карс. Но турки, возобновившие военные действия в конце 70-х годов XVI в., добились в 1590 г. присоединения к своим владениям всего Южного Кавказа. Аббас I (1587–1629), вынужденный подписать договор 1590 г., благодаря проведенной им реорганизации войска, смог отвоевать эти земли в начале XVII в. (1603–1605 гг.). В ходе борьбы с османами Аббас I использовал тактику выжженной земли. Отступая под натиском превосходящих по численности войск султана Ахмеда I, шахиншах приказал разрушать города и деревни, а население переселять во внутренние области Ирана. Находившиеся в зоне военных действий грузины, армяне и курды были насильственным образом переселены в район столицы Сефевидов Исфахана. Переселяемое население исчислялось несколькими сотнями тысяч. Значительную его часть составляли ремесленники. Одним из многих городов, пострадавших во время военных действий начала XVII в. и кампании Аббаса I по переселению армян, был крупный город Джуга (Джульфа).

РАЗРУШЕНИЕ ДЖУГИ (описание Жана Шардена, конец XVII века)

Этот город имеет полное основание называться старым, так как он совершенно разрушен; ныне можно судить только о его величине. <...> По словам армян, в этом городе было четыре тысячи домов, но, судя по развалинам, их могло быть вдвое меньше, причем большинство их состояло из каких-то ям и пещер, сделанных в горе и более пригодных для скота, чем для людского жилья. <...> Там в настоящее время живет не более тридцати армянских семейств.

Джульфу со всеми ее фортами и укреплениями разрушил Аббас Великий. Он поступил так по той же причине, по которой разрушил Нахичевань и другие города Армении, находящиеся на той же линии, а именно для того, чтобы лишить турецкую армию жизненных припасов. Этот тонкий политик и великий полководец, видя, что его силы не равны неприятельским, и желая помешать им ежегодно вторгаться в Персию, решил превратить в пустыню страны, лежащие между Ерзерумом и Тавризом по той линии, где расположены Эривань и Нахичевань и служившие обычным маршрутом для турок, где они укреплялись, потому что находили там достаточно жизненных припасов для продовольствия войска. По словам персидской истории, он вывел из этих мест всех жителей и животных, разрушил все здания, сжег все деревни и деревья, отравил много родников и таким способом обеспечил свои владения.

Жители Джуги были переселены в окрестности Исфахана, где ими был основан город Нор Джуга (Новая Джуга). Переселенные богатые джугинские купцы и ремесленники по замыслу Аббаса I должны были развивать ремесла и торговлю со странами Европы, в первую очередь торговлю шелком. Во многом запустению южных армянских земель, такому же, какое произошло в окрестностях Джуги, способствовало постепенное переселение на покинутые коренным населением земли кочевых племен. Другие кавказские

Страница из первой печатной армянской книги «Урбатагирк» («Книга Пятницы»). 1512 г.

народы также подвергались переселениям в последующие годы (например, в 1614 и 1616 гг. тысячи грузин были переселены в Иран, во втором случае – почти все жители Кахетии, где вместо них расселили кызылбашей).

Война между османами и турками, возобновившаяся уже в 1606 г., привела к четырехлетнему голоду (во время которого были зафиксированы случаи людоедства), в результате чего не погибшие и не переселенные теперь уже турками в центральные районы Малой Азии местные жители сами во множестве устремились в соседние и дальние государства, где значительно возросла численность армянских общин. Именно в областях, куда армяне были переселены или переселились сами, активно развивалась их культура: в Нор Джуге сформировалась своя школа армянской миниатюры, а также открылась в 1638 г. первая на Среднем Востоке типография. Армянские типографии существовали и в Венеции (первая печатная книга на армянском издана в 1512 г.), Константинополе, Риме, Львове, Милане, Париже и Ливорно.

В восточной части Армении к концу XVI в., кроме уже упомянутого в начале Хачена, образовались новые княжества – Гюлистан, Джраберд, Варанда и Дизак, позднее известные как «меликства Хамсе» («пять меликств»). Очередные войны османов с сефевидами привели к установлению в 1639 г. границ, которые практически не менялись затем до XIX в. Восток отошел к Ирану, Запад – к Турции. Османы разделили свои территории на эялеты (позднее переименованные в вилайеты): Эрзерумский, Карский, Баязетский, Себасийский, Ванский и Диярбекирский. Ими управляли назначаемые султаном *паши*. Сефевиды включили армянские земли в состав Ереванского и

Нахичеванского ханств, позднее были созданы также Карабахское и Гандзакское ханства. Относительной независимостью пользовались лишь некоторые горные общины. В юго-западной части исторической Армении значительную роль играли курды. Их знать владела огромными землями и отвечала за охрану пограничных районов.

Таким образом, степень подчинения южной части Кавказа и в особенности Закавказья их завоевателям была достаточно высокой. В тех областях, где не было введено прямое управление Османской империи или государства Сефевидов, влияние «сюзеренов» проявлялось все равно достаточно сильно. Борьба против них не всегда была успешной вследствие отсутствия крупных государств и соперничества многочисленных местных царств, княжеств и знати друг с другом. Часто полунезависимые князья были вынуждены подчиняться решениям, принимаемым в Стамбуле или Исфахане, оказывались в плену или в заложниках у своих сюзеренов. Гораздо большей независимостью пользовались расположенные севернее общества и протогосударственные образования. Но и с этой стороны Кавказ постепенно оказывался включенным в сферу влияния новой силы в регионе – Московского царства, экспансия которого была лишь временно приостановлена внутригосударственными неурядицами.

КОНЕЦ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ

После изгнания монголов из Китая в 1368 г. ставка последнего юаньского императора Тогон-Тэмур (1333–1370) располагалась около озера Далайнор, откуда он планировал вернуться в Китай. Однако Тогон-Тэмур был разбит войсками империи Мин в 1370 г., и от первоначальных планов пришлось отказаться. Его сын Аюшридара (1370–1378) был вынужден перенести ставку в древнюю столицу империи город Каракорум и заключить мирный договор с Китаем. Договор был нарушен следующим ханом Тогус-Тэмуром (1378–1388).

В этот период монголы еще сохраняли административные институты, выработанные за столетний период господства над Китаем. Однако постепенно проявлялась тенденция к восстановлению более архаичных механизмов управления. Военно-административная структура монголов состояла уже не из «туменов» (10 тысяч воинов), а из племен, которых у монголов насчитывалось 40, а у ойратов – четыре. Возможно, это число имело символический характер, а не указывало на реальное количество племен. Конфедерация делилась на левое (*дзун гар*) и правое (*барун гар*) крылья. Фактически это уже была не кочевая империя, а имперская конфедерация. Элиту составляли потомки Чингисхана, так называемый «Золотой род» (*алтан уруг*) или «белая кость» (*цаган ясун*), ханы, племенные вожди. Остальное население делилось на «лучших», простолюдинов и «черный» люд.

В первые десятилетия существования династии Мин китайцы совершали активные военные походы против кочевников. В год Куликовской битвы (1380) они отправились в самое сердце степной империи и сожгли Каракорум. Город пришел в запустение. В 1387–1388 гг. минские войска совершили еще два удачных похода. По данным китайских источников, в плен попало около 70 тысяч кочевников. Хан был убит своим соперником. Внутри монгольского общества начались усобицы. С одной стороны, существовала сильная конкуренция среди многочисленных наследников Чингисхана. С другой – племенные вожди стремились усилить собственную власть. В летописи того времени приводятся слова одного из вождей: «Зачем нам принимать над собой господина? Сами ведь можем ведать свои головы! Убьем теперь этого наследного принца-царевича!» Все это привело к окончательному распаду степной империи.

В то же время монголы обратились к традиционной политике хунну и тюрков: чередованию набегов и вымогательств подарков. Поскольку столица империи Мин была перенесена на юг, в Нанкин, набег не угрожал Китаю новым завоеванием. Однако китайцы не хотели ни торговать, ни откупаться подарками. В результате XIV–XVII вв. вошли в историю как период нескончаемых грабежей и набегов кочевников на приграничные районы Поднебесной.

В конце XIV в. начались войны между восточными и западными монголами. Последние в дальнейшем стали называться ойратами. Отчасти конфликты между ойратами и монголами, обитавшими в центральных и восточных

районах страны, были спровоцированы тем, что последние контролировали пути в Китай, препятствуя соседям торговать с династией Мин. В 1434 г. ойраты разбили восточных монголов и подчинили почти всю территорию Монголии. Расцвет племенной конфедерации ойратов связан с именем хана Эсена (1440–1454).

ДИПЛОМАТИЯ ПОДАРКОВ

Воссозданная имперская конфедерация успешно противостояла Срединной империи. Под давлением кочевников китайцы снова открыли рынки и обещали выплачивать подарки в качестве компенсации за то, что номады не будут нападать на приграничные территории. В 1446 г. Эсен привез в Китай для обмена на товары престижного потребления 800 лошадей, 130 тысяч беличьих шкур, 16 тысяч шкур горностаев и 200 соболей.

Для Китая практика обмена подарками означала необходимость принимать большие делегации из степи. При Эсене была достигнута официальная договоренность о том, что численность посольств не будет превышать 50 человек, но хитрые кочевники постепенно довели ее до двух-трех тысяч. Китайские чиновники разводили руками и говорили, что могут оплатить пребывание лишь ограниченному числу членов посольства, ссылаясь на достигнутую ранее договоренность. Ойраты настаивали на увеличении расходов, что приводило к конфликтам и новым набегам. Кроме того, по дороге в столицу империи кочевники вели себя не как послы, а как завоеватели: грабили местное население, убивали и похищали людей.

В 1449 г. китайцы решили проучить степняков. Была собрана большая армия, которую возглавил сам император. Однако войско оказалось плохо подготовленным и в решающем сражении потерпело поражение от кочевников. Император Ин-цзун попал в плен. Эсен, уверовав в собственную непобедимость, принял титул «великого юаньского императора». Он хотел получить огромный выкуп и породниться с династией Мин, но китайцы отказались выкупать пленного императора. Это ослабило авторитет Эсена среди племенных вождей, рассчитывавших получить значительную наживу. Вскоре начались раздоры и Эсен погиб в борьбе с племенными вождями.

* * *

Середина XV столетия была временем формирования новой картины степной Евразии. На территории современного Казахстана в 1428 г. было создано государственное образование во главе с Абулайр-ханом. Примерно в этот же период были образованы другие конфедерации кочевников: Ногайская орда (конец XIV – XVI в.), Казанское ханство (1438–1552), Крымское ханство (1443–1783), Казахское ханство (1465–1731), Сибирское ханство (конец XV – 1598), Астраханское ханство (1502–1556). Правильнее эти политические образования было бы называть квазиимперскими образованиями, поскольку структурно они были подобны классическим кочевым империям древности и Средневековья, но отличались меньшими размерами.

Характерной чертой большинства новых конфедераций являлась политическая гегемония чингизидов. Само собой разумеющимся считалось, что править должны только потомки Чингисхана. Ханский титул редко переда-

вался по наследству. Гораздо чаще ханов избирали на собраниях знати (аналогах монгольских *курултаев*). Хань выполняли военные и перераспределительные функции, являлись верховными арбитрами в различных спорах. Чиновничье государство не существовало. «Десятичная система» практически везде сменилась традиционной родо-племенной организацией. В ханствах сохранилась крыльевая структура. Крылья делились на отдельные вожества или племена, подразделявшиеся на сегменты более мелкого порядка, вплоть до линиджей и общинно-семейных групп.

В третьей четверти XV в. восточным монголам удалось потеснить ойратов и восстановить контроль над Монголией. Это произошло при Даян-хане (1470–1543). Он объединил всю территорию Монголии и принял титул «Великого юаньского хана». Вторая половина XV в. вошла в историю как время непрерывных набегов кочевников на Китай. Но только в 1488 г. был заключен желанный для номадов договор об открытии рынков для торговли с Поднебесной, с небольшими перерывами сохранявший свое действие до 1500 г. Степняки поставляли на рынки лошадей, крупный рогатый скот, шкуры и другую продукцию скотоводческого хозяйства. Из Китая они получали ткани, в том числе шелковые, а также чугунные котлы.

После смерти Даян-хана созданная им конфедерация снова распалась на ханства и племена. Между их вождями опять начались усобицы. В этот период фактически обособились Северная (Халха), Южная и Западная (Джунгария) Монголия. Южная Монголия разделилась на семь ханств, состоявших из 49 хошунов (племен или вожеств). Халха делилась на семь хошунов. Некоторая стабилизация внутреннего положения была достигнута только в период правления Алтан-хана во второй половине XVI в. Ставка хана превратилась в настоящий город Хухэ-Хото (совр. Хух-Хото – Внутренняя Монголия). Там проживали торговцы, ремесленники. В окрестностях города селились китайские крестьяне, занимавшиеся земледелием. Алтан-хан активно способствовал распространению тибетского буддизма в Монголии. Ему удалось настоять и на открытии нескольких приграничных рынков. Но как только монголы требовали от китайцев поставок зерна и тканей, правительство Поднебесной, не желавшее их усиления, прекращало торговлю. И номады вновь садились на коней и отправлялись в набег за товарами престижного потребления.

Согласно договору 1571 г. многие монгольские племенные вожди получили от Срединной империи право на торговлю и на получение подарков. Монополия верховного хана на внешние отношения с Китаем была нарушена. Поскольку каждый вождь получил собственные источники доходов, племена стали противиться объединению под чьей-либо властью. Значительно ослабило монгольское общество и перепроизводство элиты, ставшее следствием обычая многоженства. Только у Даян-хана имелось более ста потомков мужского пола, не считая наследников других линий, идущих от Чингисхана, а также поколений его братьев и прочих родственников. В XVII в. некоторые чингизиды имели уже меньше 50 голов скота. Стремление увеличить благосостояние представителей «белой кости» за счет других категорий монгольской кочевой аристократии привело к росту внутренних конфликтов и усобиц.

На рубеже XVI–XVII вв. над номадами нависла новая опасность. На Северо-Востоке Китая формировалось маньчжурское государство. Маньчжуры (манчжуры) стали активно переманивать ханов Южной Монголии на свою сторону. Те, кто сопротивлялся, были подчинены силой. В 1632–1634 гг. было разгромлено Чохарское ханство, дольше других сопротивлявшееся маньчжурам. В 1636 г. состоялся съезд ханов, на котором великий хан маньчжуров Абахай был провозглашен богдоханом монголов. С этого времени Монголия фактически разделилась на две части – Внутреннюю и Внешнюю (Халху) Монголию. На территории Западной Монголии ойратские племена объединились в Джунгарское ханство (1635–1758). Границы ханства протянулись до озера Балхаш и верховьев Иртыша.

В 1646 г. маньчжуры нанесли первое поражение монгольским ханам из Халхи. С течением времени большая часть племен Халхи попала под влияние маньчжурской династии Цин, завоевавшей и Китай. Это привело к ухудшению отношений между восточными монголами и ойратами. Правитель ойратов Галдан-хан совершил в 1688 г. поход в Халху и разбил восточных монголов, которые были вынуждены просить поддержки у маньчжуров. В 1691 г. маньчжуры созвали Доломорский съезд всех монгольских ханов, на котором объявили о «добровольном» вхождении Северной Монголии в состав империи Цин. Маньчжуры реорганизовали институты управления степными племенами, включив монголов в военно-административную систему империи. Из племен создали так называемые «знамена» (*ци*). Монгольские ханы и старейшины принимались на службу и получили чиновничьи титулы. Для управления делами монголов было организовано специальное ведомство. В 1636 г. введено «Уложение», регламентирующее правила поведения кочевников. Маньчжуры использовали самые разнообразные способы контроля за номадами: брачные союзы с ханами, институт заложенничества, создание конкуренции между различными племенами, переселение на север китайцев и поощрение оседлости.

Буддизм распространялся на территории Монголии с конца XVI в. В 1586 г. на месте развалин Каракорума был основан первый буддийский монастырь Эрдени-Дзу. Сначала наиболее активно новую религию принимала элита. Простые номады были равнодушны к «желтой вере» (так монголы называли буддизм по цвету одежды его монахов). Однако в период правления Цинской династии в Монголии роль буддизма (ламаизма) резко выросла. Он помогал решению извечной для китайских империй проблемы замирения кочевников.

Номады стали вовлекаться в процессы рыночного обмена. Но китайские торговцы сознательно занижали стоимость скотоводческой продукции, поставляя кочевникам товары низкого качества. Поскольку, как обычно, у скотоводов не хватало наличных денег, жители Поднебесной с легкостью давали им средства взаймы, но под высокие проценты, что приводило к разорению многих степняков. Элита фактически поощряла такое положение дел, поскольку пользовалась у китайцев неограниченным кредитом. В целом скотоводческое хозяйство было вынуждено приспосабливаться к новым экономическим реалиям и ориентироваться на внешний рынок. С этого времени номады – некогда «бикфордов шнур» истории цивилизаций (по образному замечанию Ф. Броделя) – оказались вытесненными с авансцены мировой истории.

НАРОДЫ АРКТИКИ И СУБАРКТИКИ

Приполярная область, включающая Арктику (тундру) и Субарктику (бореальные леса), как принято считать, с древности делилась на пять устойчивых этнокультурных ареалов: нордический палеогерманский на Севере Европы, палеоуральский на Севере Восточной Европы и Урала, восточносибирско-палеоазиатский на Северо-Востоке Азии, палеоэскимосский в Арктике от Берингоморья до Гренландии и палеоиндейский в лесной полосе Северной Америки. Долговременная устойчивость этих ареалов предопределялась системами внутренних связей и миграций, в свою очередь обусловленных экологией и традиционными схемами занятий. Все культуры Севера обладали высокой адаптивностью и подвижностью, унаследованной от предков – охотников-мигрантов каменного века, освоивших Евразию от Скандинавии до Чукотки, перешедших по Берингову мосту* в Новый Свет и достигших в своей экспансии 76° с.ш. в Евразии (сумнагинская культура, остров Жохова, Новосибирский архипелаг) и 83° с.ш. в Гренландии (культура *индепенденс* на Земле Пири). Вместе с тем они различались характером адаптаций и миграций: приморские нордическая и эскимосская традиции опирались на ресурсы моря и мореходство; материковые лесные и тундровые культуры – на промысловый потенциал внутренних территорий и транспортную сеть рек-водоразделов-высокогорий. Контакты с южными соседями не ограничивались технологическими заимствованиями и иногда приобретали вид встречного воздействия или экспансии, например в случаях заселения Америки, походов в Европу северных германцев или военной миграции на Юг Сибири носителей кулайской культуры раннего железного века.

Стратегии адаптации различались по опорным биоресурсам и способам их освоения. Каждая из культур Севера – морская зверобойная, тундровая оленная или таежная охотничье-рыболовная – по-своему вторила поведенческим циклам промысловых видов: эскимосы сезонно перемещались в зависимости от миграций китов, моржей и тюленей, северные самодийцы, саамы и чукчи – вслед за кочующими стадами оленей, таежные угры, кеты, алгонкины и атапаски – с учетом сложного переплетения биоритмов лесных зверей, рыб и птиц. В языке ненцев слово «жизнь» имеет один корень с «диким оленем», в языке восточногренландских эскимосов – с понятием «лов морского зверя».

Переменчивая Арктика с бурными сезонными миграциями зверей и птиц ставила своих обитателей в более жесткие условия, чем укрытая лесами Субарктика с устойчивым многообразием биоценоза. Если экосистема тайги позволяла бореальным промысловикам жить в равновесии с природой, исповедуя охранительно берегающие установки, то экосистема тундры вынуждала арктических охотников вести хищническую добычу по правилу «найти и уничтожить»: массовые охоты на оленей, овцебыков, белух, стаи лисных птиц широко известны в циркумполярной зоне. Этими же обстоятельствами

* Перешеек, существовавший примерно до X тысячелетия до н.э.

отчасти объясняются резкие миграционные подвижки, а также решительные перестройки адаптивных стратегий, в том числе «оленоводческая революция» XV–XVII вв. на Севере Евразии.

Северные культуры приспосабливались не только к колебаниям климата и миграциям промысловых зверей, но и друг к другу, причем одни выступали в роли локальных, осваивавших местные природные ресурсы, другие были магистральными, охватывавшими большие пространства и связывавшими или подчинявшими ряд локальных культур и сообществ. В последнем случае реализовалась трехмерная модель экосоциальной адаптации, когда магистральная культура использовала не столько биоресурсы, сколько локальные культуры. На подчинении местных промысловых общин путем военно-грабительских рейдов и/или торговли строились стратегии колонизации викингов, эскимосов-туле, северных пермян, тундровых самодийцев и кочевых якутов.

МОРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

Средневековая морская колонизация Арктики скандинавами и эскимосами началась в X в. н.э. и завершилась распадом сети колоний около XV в. н.э. Традиции приморской адаптации в Северной Атлантике и Тихоокеанском регионе уходят корнями в каменный век, однако взлет мореходства пришлось на период средневекового климатического оптимума, когда две морские культуры вслед за отступившими льдами стремительно ворвались в Арктику на гребне Гольфстрима и через горло Берингова пролива. Подобно взрывной волне, обе морские миграции раскатились по Арктике: скандинавская – до Лабрадорского моря на западе и Карского на востоке, эскимосская – до Колымы на западе и Гренландии на востоке. Истории и фольклору было угодно сохранить свидетельства встречи мореходов двух арктических «школ», случившейся в Гренландии около 1000 г. н.э. Впрочем, диалог викингов и эскимосов мало походил на обмен опытом, он изобиловал взаимными набегами, поджогами и похищениями.

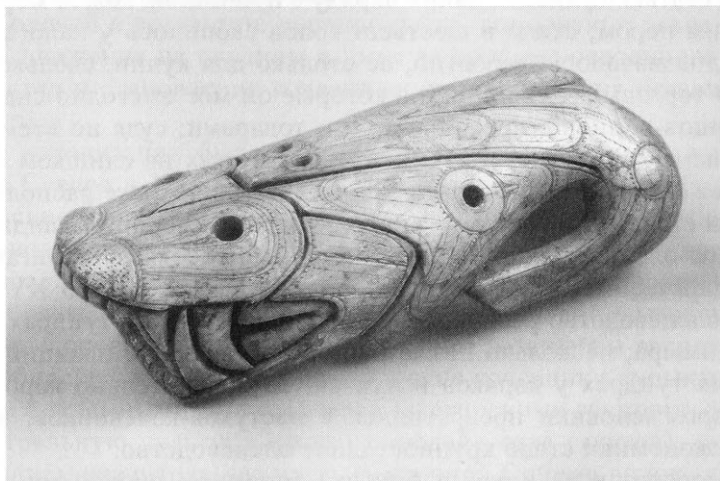
Экосоциальная адаптация викингов в Арктике была основана на морском промысле и использовании ресурсов соседей – финнов и бьярмов, населявших побережье Баренцева и Белого морей. Халогаландец Оттар, один из первопроходцев Северного морского пути конца IX в., был китом на море, собирал дань с финнов (саамов) и торговал с беломорскими бьярмами. Создаваемые северными викингами колонии играли роль перевалочных баз, торговых перекрестков и боевых форпостов, а методами «социальной экономики» были в зависимости от ситуации торговля, сбор дани или пиратство. Со своей стороны местные жители не только страдали от набегов викингов, но и прибегали к их посредническим и военным услугам: например, согласно саге, норвежский конунг Хальвдан защищал карел и покорял бьярмов.

Сходную картину протяженных миграций и роста вооруженности мореходов рисует археология Северотихоокеанского региона в эпоху *туле* (X–XIII вв.). Большие жилища берингийских китобоев, как и длинные дома скандинавов, могли быть как долговременными резиденциями, так и походными бараками. Не раз отмечалось, что развитие морского промысла способствовало формированию больших коллективов и учащению межгрупповых конфликтов, а также появлению военного культа и класса воинов. Охота на кита сродни морскому сражению и рождает идеологию господства над стихиями и пространством, легко переносимую на общественные отношения. Промысловая экспедиция китобоев, насчитывавшая от трех до восьми байдарных команд (30–70 мужчин), при случае превращалась в военную или пиратскую флотилию. По-видимому, дальние

рейды за мигрирующими китами носили не только и не столько промысловый, сколько военно-колониционный и торговый характер. Диапазон миграций морских кочевников Берингоморья охватывал как северные, так и южные моря (с чем связано распространение в Северотихоокеанском регионе и Арктике пластинчатых доспехов южного происхождения). Арктические эскимосы-мореходы создали обширную сеть колоний, вовлекая в торговые, военные и брачные отношения местных жителей, от предков юкагиров и чукчей на Западе до групп бирнирк и дорсет на Востоке.

Морские культуры сохраняли целостность до тех пор, пока насыщались импульсами из базовых очагов – Скандинавии и Берингоморья. Со временем этап колонизации сменился этапом развития колоний, и героика покорения пространств растаяла в обыденности налаженных отношений. Морские пути и берега, напротив, стали замерзать – теплый климат сменился к середине II тысячелетия н.э. «малым ледниковым периодом». Свою роль сыграло влияние южных цивилизаций Востока и Запада, предлагавшее устойчивые альтернативы ценностям северных элит. Основным фактором, приведшим к «остыванию» северных морских культур, было превращение кочевых морских дружин в оседлую элиту колоний. Ушли в прошлое боевые флотилии северных пиратов и китобоев, а вместе с ними корабли-драконы, трезубцы и большие общинные дома.

Первыми сошли со сцены викинги. С севера на их владения наступали льды, с юга – христианство. На Русском Севере они растворились в среде поморов, в Гренландии их колонии исчезли в XV в. Одновременно гренландские эскимосы переориентировались с морской охоты на промысел мускусного быка. Упадок китобойного промысла и, соответственно, культуры *туле* произошел в XIV–XVI вв. на всем арктическом пространстве от Гренландии до Чукотки; в центральной части канадской Арктики добыча китов прекратилась полностью. С XV в. большие поселения китобоев на мысе Крузен-

Зооморфное скульптурное изображение. I тысячелетие н.э.
Эвенкский могильник (Чукотка) © Государственный музей
искусства народов Востока, Москва

штерна уступили место разбросанным по берегу однокомнатным хижинам, жители которых вместо китов ловили рыбу. Колонии магистральных морских культур распались на локальные общины.

В Северотихоокеанском и Североатлантическом ареалах арктические мореходы не только осваивали морские берега, но и создавали цепочки речных колоний. Это вызывало развитие сухопутных, прежде всего зимних коммуникаций, а в целом – эффект транспортного резонанса, когда удвоенный потенциал путей по воде и суше обеспечивал устойчивость обширного социального пространства. Два вида транспорта подпирали друг друга, давая возможность протянуть сеть коммуникаций в отдаленные земли (например, восточноевропейские, уральские и чукотские тундры). В качестве наземного транспорта викинги предпочитали коней, эскимосы – собак. В Евразии альтернативой скандинавским лошадям и эскимосским собакам стали олени. Крупнейшие очаги арктического оленеводства – саамский, ненецкий и чукотский – находились в непосредственных связях с центрами морской культуры: тундры саамов и ненцев примыкали к «северному кольцу» викингов, тундры чукчей – к морским путям эскимосов-туле. Оленеводческие кочевья начинались там, где кончались морские, и были их сухопутным продолжением.

Оленеводство в Северной Евразии известно с раннего железного века и стало традицией, по меньшей мере, в четырех культурных ареалах – в Фенноскандии, на Урале, Алтае и Чукотке. Однако до середины II тысячелетия н.э. оно сохраняло значение вспомогательного средства охоты (олени-маншики) и транспорта. Крупные стада и соответствующие кочевые практики распространились в тундрах Евразии с запада на восток в XVI–XVIII вв.

Становление самого раннего, саамского очага крупнотадного оленеводства связано с влиянием культуры скандинавов. Уже первое описание североскандинавского оленеводства IX в. норманном Оттаром содержит признаки расширения его масштабов: ручные упряжные олени ценились и составляли статью «финской дани» наряду с пушниной, кожей морского зверя и птичьим пером; стадо в шестьсот голов скопилось у халогаландца из дани и предназначалось, вероятно, не столько для кухни, сколько для зимних военно-торговых экспедиций, в которые он мог ежегодно снаряжать до десятка купцов-воинов с проводниками и товарами; судя по всему, «самые знатные» саамские партнеры-данники, для которых не слишком обременителен был ежегодный налог в пять ездовых оленей, также располагали значительными стадами. В XVI в. в горных тундрах Северной Скандинавии кочевали саамы-олeneводы, потесненные южными соседями и двигавшейся на север государственностью с ее повинностями и налогами. В XVII в. крупнотадное оленеводство распространилось в самоедских тундрах от Белого моря до Таймыра; несколько позже оно заняло ведущие позиции в восточносибирских тундрах у коряков и чукчей. За относительно короткий срок северные промысловики превратились в пастухов-кочевников, и основой тундровой экономики стало крупнотадное оленеводство.

Эпоха морских кочевников в Арктике сменилась эпохой тундровых кочевников. Оленеводческая революция, прокатившаяся в середине II тысячелетия н.э. по северу Евразии от Скандинавии до Чукотки, была не только экономическим сдвигом, но и социальным потрясением, связанным с война-

ми и грабежами. Стартовой площадкой крупностадного оленеводства было использование домашних оленей в качестве товара и транспорта, в том числе для стремительных военных набегов на «боевых нартах». Некоторые поведенческие характеристики буквально роднят кочевников моря и тундры. Как некогда викинги захватывали друг у друга корабли, считая власть над морем залогом господства на земле, так за оленей стада сражались со своими соседями ненцы и чукчи, сознавая, что именно олени дают ключ к обладанию тундрой. Тех и других оседлые жители называли пиратами и разбойниками. Те и другие славились необычайной подвижностью, воинственностью и тягой к торговле. Возможно, мореходы пробудили в тундровых охотниках вкус к торговле и войне, который со временем вызвал к жизни новые кочевые культуры.

Непосредственной причиной «олeneводческой революции» в тундрах Евразии нередко считается похолодание климата, способствовавшее быстрому размножению оленей; в качестве сопутствующего фактора рассматривается утверждение на Севере государственной власти, обеспечившее развитие торговли и ослабление межплеменных конфликтов. Особое внимание при этом уделяется узаконению российским государством частной собственности: в иных условиях «богач был бы очень скоро экспроприирован своими же сородичами. Кроме того, большое стадо оленей было бы объектом постоянных воцелений соседей, и роду богача пришлось бы почти бесконечно воевать».

В действительности становление кочевого оленеводства пришлось на начальный этап колонизации, полный войн, конфликтов и переселений. Собственно накопление больших стад было борьбой за власть в тундре – «войной за оленей». Вероятнее всего, не благоприятные, а кризисные социальные условия середины II тысячелетия н.э., вызванные экспансией государств, обернулись ростом миграционной подвижности и отходом туземцев в отдаленные тундры – «бегством в кочевники». Экологическим следствием внешнего политико-демографического давления было сокращение популяции диких оленей в результате перепромысла, социокультурным – военизация жизни, движение на окраины и даже за пределы освоенного пространства, рост стад и становление кочевничества как условия независимости и мобильности.

Фактор колонизации был ключевым в социокультурных сдвигах и миграциях на Севере в XV–XVII вв. Доминирующую роль все больше играли европейские очаги колонизации, хотя остаточное воздействие оказывал и центральноазиатский очаг. Мигрировавшая на север еще во времена монгольского владычества группа прибайкальских курыкан продвинулась по экологически близкой степям долины Лены и заняла алдано-вилуйско-ленский перекресток, с древности бывший эпицентром развития и распространения восточносибирских культур. Южносибирские кочевники-курыкане во взаимодействии с туземными тунгусскими и юкагирскими группами создали новую магистральную культуру «конных людей» саха (якутов), охватившую своим влиянием значительную часть Восточной Сибири вплоть до Арктики (группа якутов-олeneводов).

С середины II тысячелетия н.э. приполярная зона становится ареной экспансии и соперничества европейских метрополий: Западной Европы, Скан-

динавии, Новгорода, Москвы. Началась европейская колонизация Севера с походов норманнов в Бьярмию и заселения Исландии, Фарер и Гренландии на рубеже I–II тысячелетий н.э. На западе скандинавская экспансия достигла Америки (Лейв Эйрикссон), но вскоре иссякла: поселения на Ньюфаундленде запустили, а в Гренландии колонии норманнов прекратили существование около XV в. На Северо-Востоке Европы колониальное движение получило развитие в торгово-промысловых и военных походах новгородцев и поморов. За полтысячелетия на севере Восточной Европы сложилась поморская культура с центром в Беломорье и обширной сетью колоний от Скандинавии до Урала.

Северорусская экспансия придавала дополнительный импульс движению соседних уральских культур как в Арктике (саамской и самодийской), так и в Субарктике – северопермской (коми-зырянской). Предки коми-зырян со времен викингов были активными участниками речной торговли, их этническое имя *permi* приобрело у соседей нарицательный смысл «бродячий торговец». Во взаимодействии с норманнами и новгородцами они контролировали речные пути от Балтики до Приуралья. Не случайно коми-зыряне выступили проводниками русских торгово-промысловых и военных походов за Урал, включая рейд Ермака.

На американском Севере первые последствия европейской колонизации обозначились в конце XVII в. В отличие от племен Новой Англии, потесненных и истребленных белыми колонистами, северные алгонкины (кри, монтанье, наскапи), находившиеся в сфере влияния Новой Франции, по-прежнему обитали вокруг Гудзонова залива и на Лабрадоре. Проникновение белых охотников-трапперов и мехоторговля основанной в 1670 г. английской Компании Гудзонова залива вызвали активизацию пушной добычи и движение к торговым факториям. В это же время торили пути на Север миссионеры, рудокопы и чиновники, сыгравшие решающую роль в колонизации Арктики и Субарктики Нового Света.

ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В СЕРЕДИНЕ XV – XVII ВЕКЕ

Раннее Новое время в истории мировой еврейской диаспоры – это период миграций (в первую очередь на Восток), образования и расцвета новых центров (в Речи Посполитой и в Османской империи), формирования новой этноконфессиональной группы – крещеных евреев, в основном пиренейского происхождения, и их активного участия в экономической жизни Европы, а также период постепенных изменений в ментальности и социальном устройстве еврейского сообщества, предвосхитивших эпоху Просвещения, эмансипации и ассимиляции.

К концу XV в. еврейское население в Западной Европе заметно уменьшилось: после изгнания из Англии (1290), Франции (1394), Испании и других владений Арагонской короны (1492) и насильственной христианизации в Португалии (1497) еврейские общины оставались лишь в Италии, Провансе (в подвластных папскому престолу графстве Венессен и в Авиньоне) и в ряде княжеств Священной Римской империи. Изгнанники и добровольные эмигранты, покинувшие страны Западной и Центральной Европы из-за правовой нестабильности, экономической эксплуатации или социальной агрессии, пополняли еврейские общины Польши, Литвы, Галиции, Балкан и Палестины, и до возобновления – уже в XVII в. – еврейского присутствия в крупных европейских торговых городах центры диаспоры переместились в Польско-Литовское государство и Османскую империю.

ЕВРЕЙСКИЙ ЦЕНТР В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Вторая половина XIII – XIV в. в еврейской традиционной историографии именуются «веком мученичества» германского еврейства. Правовой и социальный статус евреев как «крепостных короны» (*servi camerae*) стал трактоваться властями в сугубо эксплуататорском ключе; возрос финансовый гнет, включавший принудительные займы, новые чрезвычайные налоги и подушную подать – «золотой пфенниг» (рассматривавшийся как возрождение древнего «святого шекеля» – налога на Иерусалимский храм, который после поражения Великого восстания в Иудее и разрушения Храма стали платить в пользу храма Юпитера Капитолийского, т. е. в пользу римского императора, чьим наследником считал себя император Священной Римской империи). Участились случаи наветов (обвинений в ритуальном убийстве – «кровавый навет», осквернении гостии и отравлении источников воды), которые, как правило, поддерживались местными властями, в особенности церковными. Как вследствие наветов, так и по другим причинам вспыхивали серийные погромы; некоторые германские банды даже специализировались на еврейских погромах (банды *юдешилегеров* – «избивателей евреев»).

В XV–XVI вв. эти тенденции сохранились, и на них наложилась череда локальных и иногда временных изгнаний из немецких и австрийских горо-

дов (Берлин, Страсбург, Майнц, Регенсбург, Нюрнберг и др.) и курфюршеств (Мекленбург, Бранденбург, Саксония, Тироль, Штирия, Каринтия и др.). Городские власти, защищая интересы ремесленных и особенно купеческих гильдий, которые опасались конкуренции с еврейской стороны, добивались от императора «привилегий нетерпимости» (*privilegium de non tolerandis Judaeis*) – права изгнать евреев и не допускать их больше в свой город.

Несмотря на то что как немецкий, так и итальянский гуманизм характеризовался рядом доброжелательных и плодотворных контактов между христианскими и еврейскими интеллектуалами (гуманисты брали у евреев уроки библейского иврита) и юдофилией некоторых выдающихся его представителей (например, Иоганна Рейхлина), лютеранская Реформация отношения к евреям в Германии не изменила. Мартин Лютер, проповедовавший сначала благосклонность к евреям в пику католической юдофобии (например, в сочинении «О том, что Иисус Христос был рожден иудеем», 1523), со временем, не дождавшись массового перехода евреев к своей вере, стал прибегать к антиеврейским популистским лозунгам и поддерживать традиционные наветы (трактат «Об иудеях и их лжи», 1543), тем самым узаконив юдофобию в протестантских княжествах. Изгнанное и бежавшее от погромов еврейское население германских земель стало концентрироваться в Чехии и в Речи Посполитой. В Чехии в середине XVI в. также возникла угроза изгнания, и часть чешских евреев переселилась в Польшу (в Казимеже, пригороде Кракова, существовала чешская община).

В Польше и Литве евреи появились после погромов во Франции и Германии и в связи с немецкой колонизацией этих земель, т.е. еще в XII–XIII вв. Еврейская община, неизменно лояльная к центральной власти, не имеющая политических амбиций, исправно платящая высокие налоги и являющаяся важным элементом городского развития, изначально получала протекцию и привилегии от польских королей и литовских великих князей. За исключением кратковременного изгнания из Литвы (1495–1503) и обвинений в прозелитизме (в связи со случаями иудействования) и протурецких симпатиях, а также нескольких кровавых наветов, покровительственное отношение короны сохранилось и в XVI в., особенно при королях Сигизмунде I Старом (1506–1548), Сигизмунде II Августе (1548–1572) и Стефане Батории (1575–1586). XVI – начало XVII в. традиционно считаются «золотым веком» восточноевропейского еврейства.

Согласно полученным от короля привилегиям и в связи с государственными и внутриобщинными фискальными нуждами развивалось еврейское самоуправление, достигшее в Речи Посполитой высокого уровня. Управление это было умеренно олигархическим (существовал имущественный ценз для избирателей) и многоступенчатым: пирамиду из общинных, окружных и земельных советов (они же сеймы, или *ваады*) венчал Ваад Четырех земель – верховный совет, куда съезжались представители еврейских общин из основных областей государства (сначала земель было пять – Великая Польша, Малая Польша, Галиция, Волынь и Литва, с 1623 г. в Литве возник свой Ваад). Помимо ваадов была организована касса взаимопомощи для всей еврейской общины страны (в частности, эта касса покрывала судебные издержки индивида или общины при необходимости защиты от наветов) и верховный суд, который заседал в Люблине во время регулярных ярмарок.

Польские еврейские купцы занимались транзитной торговлей от Балтики до Крыма и Стамбула. Они продавали поташ, деготь, строевой лес и селитру – товары, пользовавшиеся особым спросом в Германии и Швеции во время Тридцатилетней войны (1618–1648). Кроме того, евреи выступали агентами колонизации и администрирования украинских земель, будучи крупными арендаторами, откупщиками налогов и управляющими у польского панства и шляхты, получивших на Украине большие вотчины.

Дискриминация православных, в частности ущемление казацких вольностей, привели к казацким войнам 1648–1649 гг. (восстанию Б. Хмельницкого), в ходе которых многие еврейские общины Волыни, Подолии и Галиции подверглись погромам и потеряли десятки тысяч убитыми и несколько меньше эмигрантами, пленными и перешедшими в христианство. Еврейская национальная память и традиционная историография видят в этих событиях первый Холокост восточноевропейского еврейства, конец «золотого века» и начало упадка еврейского центра в Речи Посполитой. Ревизионисты сокращают число жертв (до 40 тысяч со 100 или даже 500 тысяч, о которых писали ученые XIX в.), считают последовавшую за погромами миграцию польских евреев на Балканы и в Западную Европу благотворной и утверждают, что польская община не пришла в упадок, а сохраняла свою гражданскую автономию, экономическое благосостояние, высокий культурный уровень и влияние на диаспору и дальше, вплоть до второй половины XVIII в.

ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Другим направлением миграции евреев в XV–XVI вв. стала Османская империя.

Отношение изгнанников к Германии и Турции иллюстрирует письмо эмигранта рабби Исаака Царфати, призывающего соплеменников последовать его примеру (Салоники, 1550 г.):

«Ваши крики и рыдания достигли наших ушей. Нам рассказали о всех тех бедах и преследованиях, которые обрушились на вас в германских землях. ...Варварский жестокий народ притесняет верных сыновей избранного народа. Римские священники и епископы подняли головы. Они стремятся искоренить память об Иакове и стереть имя Израиля. Они все время придумывают новые гонения. <...> Послушайтесь, братья, моего совета. Я тоже родился в Германии и изучал Тору у германских раввинов. Но я покинул землю, в которой родился, и прибыл в Турцию, землю, которая благословлена Богом и полна всякими благами. Здесь я обрел покой и счастье. И для вас Турция может стать землей мира. <...> Здесь, в земле турок, нам не на что жаловаться. Богатства наши велики; мы владеем золотом и серебром. Нас не гнетут тяжелые налоги, торговлю нашу никто не ограничивает. Щедрь плоды этой земли. Все дешево, и каждый из нас живет в достатке и мире. Здесь евреев не заставляют носить желтую шапку в знак позора, как то происходит в Германии, где даже богатство и крупное состояние – проклятие для еврея, ведь он тем самым пробуждает зависть в христианах, и те изобретают всяческую клевету, дабы лишить еврея его золота. Поднимитесь, братья мои, препояшьте чресла ваши, соберитесь с силами и приходите к нам. Здесь вы будете свободны от врагов ваших, здесь вы обретете покой».

В XV в. к эмигрантам из Германии присоединились беженцы из Пиренейских королевств, где до того относительно стабильное и благополучное положение еврейского населения стало постепенно ухудшаться. Первые волны миграции в Северную Африку и дальше в Турцию последовали за серийными погромами 1391–1392 и 1412 гг. Другим вариантом реакции на погромы, более распространенным в Испании, чем во Франции или Германии, стало вынужденное принятие христианства, и в начале XV в. в Кастилии и Арагоне образовалась заметная группа крещеных евреев, называемых *новохристианами*, *мarrанами* или *конверсо* (обращенными). Пытаясь противодействовать конкуренции со стороны многочисленной и активной группы, формально приравненной в правах к старохристианам, испанцы ввели в обиход слово «раса» в значении «национальность» и стали дискриминировать новохристиан по признаку «нечистоты крови» – средневековый принцип конфессиональной идентификации сменился национальным принципом Нового времени. Успешной интеграции *конверсо* в испанское общество мешали статуты о чистоте крови, закрывавшие им путь в наиболее престижные структуры и профессии, городские погромы и в довершение всего введенная в Кастилии и возобновившая свою деятельность в Арагоне в 1478 г. инквизиция, которая преследовала новохристиан за тайное иудействование. Спасаясь от инквизиции и, возможно, желая вернуться к вере предков и к традиционному образу жизни, конверсо в XV и особенно XVI в. эмигрировали из Испании в другие европейские королевства, куда им как христианам доступ был разрешен (об этом см. далее), или в Османскую империю.

В XV в. в Пиренейских королевствах иудеи страдали от растущей дискриминации в профессиональной деятельности, сегрегации и геттоизации; в конце века был положен конец их пребыванию в Кастилии и Арагоне – сначала изгнание из Андалусии (1483), затем из всех владений Католических королей (1492). Изгнанники, равно как и эмигранты в предшествующие десятилетия, направились в Португалию, Италию, Северную Африку, Палестину и на Балканы. В 1497 г. все португальские евреи были насильно обращены в христианство, и после учреждения в начале XVI в. португальской инквизиции многие стремились бежать из Португалии в свободные от инквизиции христианские страны или в Турцию, где возвращались в иудаизм и реинтегрировались в еврейскую общину.

Поначалу переселившиеся в Османскую империю испанские евреи (*сефарды*) уступали местным ближневосточным и североафриканским «арабизированным» (*мустарабим*) и греческим (*романиоты*) евреям по численности и влиятельности. После ряда конфликтов между сефардами и романиотами в Стамбуле и в других крупных городах верх взяли сефарды, обладавшие высоким интеллектуальным авторитетом, богатством и имевшие связи с Европой (что представлялось выгодным турецким властям), а также благодаря высокой самооценке и амбициозности. В результате к началу XVII в. сефардам удалось получить контроль за сбором налогов в большинстве еврейских общин Османской империи и ассимилировать не только малочисленные общины ашкеназов и итальянских евреев, но и романиотов и мустарабим.

XVI – начало XVII в. принято считать новым «золотым веком» еврейства под властью ислама. Политика Порты по отношению к евреям была крайне благоприятной. Евреи как «народы Книги» пользовались статусом *зимми* («покровительствуемых»), который накладывал на их деятельность ряд ограничений, однако в Османской империи было принято наиболее либеральное толкование этого статуса. Евреи, особенно сефарды, стали играть заметную роль в имперской экономике, занимаясь традиционной для них финансовой деятельностью (налоги, таможи, кредиты), а также текстильным производством и поставками для султанского двора и армии; обеспеченность государственными заказами поначалу была очень выгодна для еврейских предпринимателей, но в конце XVII – XVIII в., когда государство будет в упадке, жесткая привязка к неплатежеспособной армии будет иметь негативные последствия для еврейских предприятий.

Особенно успешно сефарды проявили себя в дипломатии и международной торговле, где им помогали связи с их крестившимися соплеменниками и соотечественниками в Европе. В продолжение пиренейской традиции в Османской империи из сефардской общины выделилось несколько влиятельных придворных евреев, врачей, банкиров и дипломатов. Наибольшим влиянием на султанов (Сулеймана Великолепного и Селима II) и активностью в международных делах отличался Иосиф Мендес-Бенвенисте (он же Наси), португальский марран, через Италию и Голландию эмигрировавший в Турцию и там вернувшийся к иудаизму, банкир султана и дипломат, губернатор Наксоса, Кикладского архипелага и города Тверии в Палестине. Как дипломатический советник и посланник султана он проводил собственную политику: так, обещаниями турецкой помощи он склонял Нидерланды к восстанию против Испании, а его тетя и теща Грасия Мендес, возглавлявшая крупный торговый дом, пыталась организовать торговый бойкот итальянского порта Анконы в знак протеста против папской инквизиции.

Тогда же происходило заселение и возрождение палестинского центра во главе с двумя городами – Иерусалимом и Цфатом. Поскольку в Палестине находились наиболее авторитетные раввины, предпринимались попытки восстановления традиционных институтов; так, главный сефардский раввин Иерусалима принял древний титул *ришон ле-цион* («первый на Сионе»). В Цфате помимо школы законоведов, представленной прежде всего рабби Иосифом Каро, который составил правовой свод «Шулхан арух» («Накрытый стол»), до сих пор авторитетный в разных толках иудаизма, возникла также знаменитая мистическая школа. Основоположителем цфатской, или лурианской каббалы стал рабби Исаак Лурия Ашкенази (1534–1572), чье учение записали и развили его ученики. Сильный мессианский подтекст лурианской доктрины быстро снискал популярность и послужил стимулом к возникновению среди османского еврейства мощного мессианского движения, увлекшего практически всю мировую еврейскую диаспору.

Лидер этого движения Саббатай Цви (1626–1676), талантливый талмудист (уже в 18 лет он был назван *хахамом* – «мудрецом») и каббалист родом из Измира, в 1648 г., когда на Балканы дошли сведения о погромах на

Украине, объявил себя мессией и стал проводить в разных еврейских общинах Османской империи религиозные обряды, неприемлемые с точки зрения законов иудаизма. Его слава росла, и даже критически настроенный раввинат не мог помешать его популярности. Датой «Освобождения» был объявлен 1666 г., но вместо этого Саббатай Цви был арестован турецкими властями и оказался в тюрьме; впоследствии, дабы избежать казни, он принял ислам, а еще через несколько лет был сослан в Албанию и там умер. Разочарование в Саббатае Цви было болезненным – пропорционально его невероятной популярности, в том числе в Европе, куда сведения о нем проникли очень быстро благодаря как тесным торговым и семейным связям османских евреев с западными, так и традиции палестинских общин регулярно посылать в Европу своих эмиссаров за финансовым вспомоществованием. Европейские евреи, зная о Саббатае Цви только по письмам и слухам, демонстрировали, тем не менее, полное доверие к призывам лже-мессии: одни продавали дома, чтобы получить деньги на путешествие до Святой земли, другие верили, что перенесутся на облаках; богатые нанимали корабли, чтобы перевезти бедных, и закатывали бочки с продовольствием и вином; в 1666 г. издатели датировали книги «первым годом исполнения пророчества и Царства». Последовавший за этим небывалым мессианским подъемом крах саббатрианства способствовал зарождению религиозного скептицизма у западноевропейских еврейских интеллектуалов, контактирующих с христианскими рационалистами. Другим следствием саббатрианства и широкого распространения каббалы в Европе стало расслоение религиозной элиты на раввинистскую (талмудистскую) и каббалистскую, которые конкурировали и зачастую противостояли друг другу; подобное раздвоение постепенно привело к кризису традиционного общинного руководства и его отдалению от «паствы».

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ЦЕНТРОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Помимо папских владений в Южной Франции и Италии, средневековые еврейские общины в Европе оставались еще в Праге и Вене. В XVII в. небольшие общины возродились в ряде германских городов (Майнце, Страсбурге), а в конце века при «великом курфюрсте» Бранденбурга герцоге Пруссии Фридрихе Вильгельме, носителе уже нового политического сознания, менее ориентированного на конфессиональные параметры, евреи были снова допущены в Бранденбург.

В некоторых крупных торговых городах Европы в XVII в. также появились еврейские общины, но путь их возникновения был иным. Сначала в город прибывала группа пиренейских купцов-христиан еврейского происхождения, повсеместно именуемых *португезами*, и оседала там. Постепенно община реиуданизировалась, добивалась *post factum* признания властями законности своего существования, а со временем расширялась за счет новых иммигрантов, в том числе *ашкеназов* (евреев из Центральной и Восточной Европы), которые стали появляться на Западе после Тридцатилетней войны и украинских погромов 1648–1649 гг.

Эмануэль де Витте. Интерьер португальской синагоги в Амстердаме. 1680 г. Рейксмузеум, Амстердам

Классической моделью подобного общинного строительства служит сефардская община Амстердама, сформировавшаяся в конце XVI – начале XVII в., когда пиренейские конверсо приобрели уже достаточный опыт в организации бегства с полуострова (в 1601 г. король Испании и Португалии Филипп III за взятку в 170 тысяч крусадо снял запрет на эмиграцию). Община быстро росла и обогащалась, в том числе за счет перемирия Голландии с Испанией, по которому последняя снимала эмбарго на голландские товары и амстердамские конверсо благодаря знанию языка и связям с бывшими соотечественниками приняли активное участие в возобновившейся торговле с Испанией и Португалией. Позднее летописцы амстердамской общины попытаются представить реиудаизацию как исходный пункт истории общины, относя ее к 1580 г. и видя в ней главную цель эмиграции. На самом деле пиренейские конверсо бежали в Голландию не ради возвращения в иудаизм (для этой цели разумнее было бы эмигрировать в Османскую империю), а ради спасения от инквизиции, которая угрожала всем, даже не иудействующим, а главное – ради привлекательных коммерческих перспектив. Лишь со временем, ориентируясь на опыт сефардских общин на Балканах и в Италии, а также стремясь получить признание еврейского мира и местных протестантских властей (которые скорее готовы были признать иудейскую общину, чем общину, состоявшую из иудеев, иудействующих и католиков), амстердамские португезы избрали путь реиудаизации (в 10-е годы XVII в. у них появляется синагога и свое кладбище).

Кальвинистская купеческая верхушка Амстердама (регенты) относилась к евреям вполне толерантно, блюдя экономическую выгоду города, а не конфессиональное единообразие. Гражданские права евреев практически не ущемлялись еще и потому, что в Голландии за отсутствием евреев не сложилось антиеврейского законодательства. Постепенно, на протяжении XVII в. голландская и португезская деловые элиты сближались, демонстрируя общий стиль жизни (европейское образование, языки, моду и т.д.). К концу века португезы утвердились в разных сегментах голландского рынка, прежде всего в ювелирном секторе и в банковском деле; они финансировали поход Вильгельма Оранского на Англию после «Славной революции» и контролировали четверть акций Ост-Индской компании.

Несмотря на обусловленное инквизиционными гонениями восприятие Испании как страны плена или рабства, португезы культивировали иберийское наследие: сохраняли язык и культуру, ставили в театрах пьесы испанских драматургов, покупали у испанской короны аристократические титулы и гербы, которыми очень гордились. К единоверцам непиренейского происхождения, а именно к ашкеназам, которые стали прибывать в Западную Европу в середине XVII в., португезы относились с презрением, не принимали их в свои конгрегации и предпочитали оплачивать их отъезд в другие еврейские общины. Но к концу XVII – началу XVIII в., когда приток португезов с Пиренейского полуострова иссяк, а приток евреев из Восточной Европы продолжался, сефарды стали проигрывать им в численности, а со временем и в богатстве и влиятельности. Субэтническое дистанцирование привело к тому, что в Новое время во многих европейских городах существовало несколько еврейских общин со своими синагогами, кладбищами и религиозным укладом.

В немецком вольном городе Гамбурге в конце XVI в. также появились купцы-португезы; община росла и обогащалась благодаря торговле с Новым Светом и Испанией, успешно конкурировала с Амстердамом. В начале XVII в. португезы открыто вернулись к иудаизму, а в середине столетия в общину стали вливаться беженцы из Речи Посполитой.

Выходцы с Пиренеев и из Голландии основали марранские, со временем ставшие еврейскими, общины в Лондоне и в городах Нового Света. Общины португезов появились во Франции: в Бордо, Байонне, Марселе, Лионе, Нанте, Руане, Париже и других городах. С середины XVI до середины XVII в. они получили ряд привилегий от французских королей, разрешающих «купцам и другим португальцам, называемым новыми христианами», проживать в королевстве на правах местных уроженцев. Тогда же предпринимались попытки их изгнать или обложить дополнительным налогом за иудействование, но соображения экономической выгоды перевесили стремление к конфессиональной унификации. Португезы остались во Франции, и в документах XVIII в. их именовали евреями («евреи вышеуказанных округов, известные и утвердившиеся в нашем королевстве как португальцы или новые христиане», – грамота Людовика XV от 1723 г.).

Еврейский социум как на Востоке, так и на Западе в период раннего Нового времени оставался традиционным, но в европейских общинах намечались некоторые инновации, предвестники эмансипации конца XVIII – XIX в.

Первыми агентами модернизации стали прусские и австрийские придворные евреи (Hoffaktoren), сыгравшие важную роль в строительстве центральноевропейского абсолютизма. Богатые и влиятельные, выделившиеся из общины и живущие в нееврейском окружении, они начали борьбу за гражданские права для своих единомышленников. Следующим важным этапом стало вмешательство в еврейскую автономию государственной бюрократии, сопровождавшееся улучшением правового статуса евреев. Эти новшества были связаны как с изменениями в окружающей западной цивилизации (социальная и политическая секуляризация, рационализация управления, веротерпимость и др.), так и с духовным кризисом, вызванным крахом саббатрианства, а также с тем фактом, что многие еврейские общины XVII в. не являлись прямыми преемниками средневековых, а возникали из марранских общин или из ничего; используя символику и риторику амстердамской общины, они были «птицами Феникс», возродившимися из пепла инквизиционных костров.

Феникс, возрождающийся из пепла. Эмблема «Неве Шалом». Нидерланды. XVII в.

Часть 2

XVII ВЕК

Раздел I

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ СТРАН ЕВРОПЫ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: АБСОЛЮТИЗМ

Тридцатилетняя война и последовавшие за ней другие затяжные войны способствовали усилению абсолютистских тенденций в целом ряде государств Европы. Войны требовали непривычно высоких расходов, увеличилась общая численность армий, она уже измерялась не тысячами, а десятками тысяч солдат. Покрывать растущие расходы было особенно трудно, когда существовала необходимость испрашивать согласия сословных собраний на введение новых налогов; устранение этой необходимости можно считать важнейшим критерием перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии. Чтобы добиться такого успеха, монархи могли использовать разрыв между отдельными сословиями (примером этого в XVII в. будут события в Дании и Швеции), могли также применять свое неоспоримое право распускать сеймы и годами не созывать их, насильственно собирая с населения новые налоги – практика, стимулировавшаяся ситуацией военного времени.

В сфере государственного права уходит в прошлое (несмотря на поддержку ее Католической церковью) популярная ранее концепция «смешанной монархии», соединенной с элементами аристократического и демократического характера. На смену ей приходит теория единого и нераздельного суверенитета, который в монархическом государстве всецело принадлежит монарху. Это, однако, не вело к оправданию деспотизма – скорее наоборот, к лучшему пониманию государем его ответственности не только перед Богом, но и перед своим государством, своим долгом правителя. Характерный для Ренессанса идеал короля как героической, почти сверхчеловеческой личности, для которой мир есть арена совершения подвигов – этот идеал перестает вдохновлять государей; постоянный труд на благо своего государства, труд управленца становится нормой поведения для образцового монарха. «Царствовать – значит трудиться, и царствуют для того, чтобы трудиться; желать одного без другого было бы неблагодарностью и дерзостью перед Бо-

гом, несправедливостью и тиранией перед людьми», – сказано в «Мемуарах» Людовика XIV.

XVII век был веком рациональной политической мысли, первым веком новой, экспериментальной науки и философии. Это не могло не оказать существенного влияния на идеологию и практику абсолютизма, в частности, благодаря закреплённой Вестфальским миром «деидеологизации» внешней политики. Рационализм был тесно сопряжен с эмпиризмом, политика еще не опиралась на разработанные теоретические схемы социологического или политэкономического характера; зато было достигнуто понимание необходимости детальных статистических обследований существующей практики, причем главным критерием при принятии решений стала возможность конкретной, сугубо практической выгоды в плане усиления власти, богатства и престижа монарха, обогащения своей страны за счет других стран.

В обстановке постоянной внешнеполитической напряженности и нужды всех государств в звонкой монете и кредите правительства активно вмешиваются в сферу экономики, широко усваивая ряд принципов экономической политики, впоследствии объединенных под названием *меркантилизма*, которые, впрочем, составляли скорее свод практических рецептов, чем продуманную экономическую теорию.

Становилась все ощутимее неадекватность традиционной системы налогообложения, связанной с сословными привилегиями. Призванные быть охранителями этих привилегий, европейские монархи не могли не учитывать и объективной необходимости перехода к более рациональному и равномерному обложению. Это важнейшее противоречие внутренней политики абсолютизма решалось в ту или иную сторону при разном соотношении социальных и политических сил. Возможность рационализации налоговой системы обеспечивалась относительной независимостью государства и переходом к бюрократической системе управления.

* * *

Франция Людовика XIV считается классическим примером абсолютизма XVII в. Версальский двор действительно дал пример для подражания многим европейским монархам. А между тем развитие французского абсолютизма отличалось большим своеобразием и даже уникальностью. Его характерную черту составляла особая влияние судейского аппарата, который благодаря продажности и наследственности должностей (гарантированной введенным в 1604 г. специальным ежегодным платежом, так называемой «полеттой», по имени собиравшего налог откупщика Ш. Поле) ощущал себя особым сословием, стоящим на страже законности. Только здесь судьи, пользуясь своим правом представления возражений (ремонстраций) на предлагаемые к регистрации фискальные эдикты, пытались присвоить себе право контроля над финансовой политикой монархии, перенять функции, которые в других странах осуществляли сословно-представительные собрания.

Главным конфликтом в истории французского абсолютизма в XVII в. стал внутренний конфликт между новым административным и традиционным судейским аппаратами, между чрезвычайными и регулярными методами управления. Происходивший во Франции процесс усиления центральной

власти шел параллельно с процессом укрепления судебно-правовых начал и престижа королевских судей. Вначале обе тенденции подкрепляли друг друга, судейские не видели для себя опасности в применении административных методов управления. Но при Ришелье, особенно в связи со вступлением Франции в Тридцатилетнюю войну, перевес администрирования стал столь явным, что судейский аппарат во главе с Парижским парламентом оказался в постоянной оппозиции к политике административного нажима.

В 30-е годы XVI в. почти во всех провинциях появились правительственные комиссары – присланные из центра интенданты, главной задачей которых стало обеспечение сбора налогов; они отстранили от распределения талей местных оффисье (должностных лиц) финансового ведомства и придирчиво контролировали провинциальных судей. Для расправы со своими противниками Ришелье в нарушение прав регулярной юстиции использовал чрезвычайные судебные трибуналы из верных ему лиц. Армейские штаты необычайно выросли, управление армией бюрократизировалось, перейдя из рук аристократов-военных к гражданским лицам – купившим свои должности ординарным военным комиссарам и назначенным из центра армейским интендантам, исполнявшим приказы госсекретариата военных дел. Соответственно выросли налоги, в первую очередь «крестьянский налог» талей, но возможности крестьянства были на пределе, и нельзя было обойтись без новых поборов с горожан, а учреждавшие их эдикты подлежали регистрации в верховных судебных палатах. Сбор налогов требовалось осуществлять быстро: не только все косвенные налоги, но даже талей стала отдаваться на откуп компаниям ненавистных народу финансистов. Так создавалась ситуация Парламентской Фронды 1648–1649 гг., когда Парижский парламент благодаря своей антиналоговой программе стал лидером широкого антиправительственного движения.

Парламентскую Фронду сменила «Фронда принцев» – правительству пришлось вести вооруженную борьбу с аристократической оппозицией. Это была борьба за власть в центральном аппарате управления, причем недовольные аристократы использовали свое влияние в подвластных им губернаторствах.

Поражение Фронды привело к тому, что перевес административных методов управления был закреплён в нормальных, мирных условиях при личном правлении Людовика XIV.

Прежде всего король резко сократил число членов постоянно работавшего с ним Узкого совета (государственных министров). Из его состава были исключены (и впредь туда не допускались) принцы и вообще все аристократы, духовные лица. Новыми министрами и ближайшими советниками монарха стали люди, воспитанные в недрах административного аппарата.

Необычайно расширился круг полномочий провинциальных интендантов. Они не только организовывали сбор всех налогов, но и получили право финансовой опеки над городами и сельскими общинами в связи с проводившейся короной политикой форсированного погашения их долгов. Интенданты исполняли многообразные чрезвычайные поручения правительства (в частности, оказывая содействие организации мануфактур и торговых компаний), собирали статистическую информацию о социальной, хозяйственной и демографической ситуации на местах.

Гиацинт Риго. Портрет Людовика XIV. 1702 г. Лувр, Париж

Людовику XIV удалось добиться полного политического подчинения парламентов и других верховных судебных палат. Им было запрещено ставить под сомнение решения Государственного совета, было жестко ограничено (но отнюдь не отменено) их право на представление ремонстраций.

Перейдя к интендантской системе управления, Франция обошла по уровню централизации свою старую соперницу *Испанию*, ранее бывшую первой бюрократической державой континента. Этому успеху способствовало и то, что в отличие от Франции, всегда знавшей лишь одного короля, Испания возникла в результате династической унии двух равноправных королевств, Кастильского и Арагонского. До начала XVIII в., когда в политической структуре страны произошли радикальные перемены, абсолютистским, строго говоря, можно было называть лишь политический строй Кастилии (впрочем, её жители составляли 80% населения всей Испании).

Перенапряжение сил Испанской монархии, поражение в многолетней войне сочеталось с ослаблением ее централизаторских усилий; крах жесткой политики Оливареса говорил о многом. В Кастилии стал заметен контраст между развитостью мадридской бюрократии и отсутствием надежных исполнителей на местах. Институт коррехидоров (назначаемых короной губернаторов городов), созданный еще в конце XV в., с течением времени утратил свою былую эффективность: коррехидоры обжились на своих местах, вошли в городское общество, должности их стали продаваться (как и подавляющее большинство муниципальных должностей). В повседневной жизни кастильские города пользовались почти неограниченной автономией.

Между тем в Мадриде продолжала существовать разветвленная система королевских советов во главе с Государственным советом, разделивших между собой по территориальному и функциональному признаку управление всеми землями Испанской державы. Места советников в этих советах были практически монополизированы представителями знати, продажа должностей на них почти не распространялась. Однако все советы имели свои ответвления, вспомогательные комитеты и комиссии с большим штатом служащих, должности которых по большей части подлежали продаже; так приобщались к управлению страной дипломированные в университетах специалисты (*летрадо*). Монарх мог осуществлять свое личное влияние на Государственный совет через секретаря своего кабинета, бывшего обычно и секретарем Госсовета, но настоящее правительство королевских секретарей-министров появится только в начале XVIII в.

Кастильские кортесы формально продолжали существовать (с XVI в. они утратили характер трехсословного собрания, превратившись в представительство двух десятков привилегированных городов), но фактически с 60-х годов XVII в. они перестали собираться: при необходимости ввести новый налог или продлить взимание старого правительство проводило опрос либо их постоянной депутации, либо, еще надежней, представленных в кортесах городов поодиночке.

XVII век стал последним веком сословно-представительных собраний в трех землях Арагонской короны (собственно Арагон, Каталония и Валенсия), как и самой этой короны. Их созыв зависел от центрального правительства, которое старалось обходиться без него – но официально все оставалось по-старому, включая обязательность присяги короля, лично или через наместников, в сохранении местных привилегий и обычаев; действовали постоянные комитеты кортесов (депутации), а за нежелание работать с сословиями Арагонской короны монархии приходилось расплачиваться: кастильская система налогов на арагонские земли не распространялась, и только местные кортесы могли вотивовать прямой налог в пользу короля, так что отказ от их созыва означал вынужденное согласие правительства с привилегированным в налоговом отношении статусом арагонской части Испании.

Все изменилось в годы Войны за испанское наследство, когда Каталония, а затем Арагон и Валенсия изменили новой, бурбонской династии, став на сторону австрийского претендента. После победы Филиппа V в 1707 г. Арагонская корона была объявлена упраздненной, кортесы всех ее земель вместе с депутациями – распущенными; бывшие арагонские земли и особенно взятая с боем Каталония стали как бы опытным полем для проведения широко-

ких абсолютистских экспериментов в области налоговой и административной политики. Только тогда Испания превратилась в единую монархию, хотя фактически разнородность составляющих ее частей оставалась еще очень велика.

Особенность установления абсолютизма в *Дании* состояла в том, что это произошло одним скачком, в результате государственного переворота, своего рода «абсолютистской революции» 1660 г.; поэтому датские монархи были гораздо меньше, чем их собратья в других странах, связаны необходимостью соблюдения традиций. А до этого Дания представляла собой сословную избирательную монархию, контролируемую аристократическим Государственным советом (ригсродом) и трехсословным собранием (ригсдагом), которые и избирали короля. Правда, выбор был предрешен, власть всегда переходила от отца к старшему сыну – однако, получая ее из рук сословий, новый монарх подписывал «капитуляцию», жестко ограничивавшую его полномочия.

Переворот 1660 г. означал политический крах старого дворянства, провалившего свою роль защитника страны в неудачных войнах со Швецией, а между тем наделенного огромными налоговыми привилегиями, сохранение которых стало выглядеть совершенно неоправданным. Кризис разразился осенью 1660 г. во время сессии ригсдага, когда встал вопрос о введении новых налогов, которые затронули бы иммунитет дворянства; против дворян под лозунгом «Равенство для всех» объединились палаты горожан и духовенства (в протестантских странах духовенство являлось податным сословием). Спор оказался непримиримым, и тогда младшие сословия по наущению короля Фредерика III (1648–1670) обратились к нему с петицией о введении в стране режима наследственной монархии и отмене данной им при восшествии на трон «капитуляции». Городская милиция Копенгагена продемонстрировала готовность поддержать это требование силой. Дворянской палате и ригсроду пришлось признать свое поражение; 18 (28) октября 1660 г. состоялась церемония общей присяги на верность новому государственному строю. После этого ригсдаг был распущен и уже более не собирался, прекратилось и существование ригсрода.

Вся власть перешла к королевскому окружению, управление страной было реорганизовано на бюрократической основе. Датская монархия смогла провести ряд радикальных реформ, не осуществленных в других абсолютистских государствах. Главным видом налогов стал прямой подоходный налог, введенный в 60-е годы XVII в. и распространявшийся на все сословия; его введению предшествовало составление общего земельного кадастра. Была проведена работа по унификации права, завершившаяся в 1683 г. публикацией единого свода законов.

До 1660 г. дворянство Дании было малочисленным, фактически замкнутым сословием. Абсолютизм снял барьеры, мешавшие приобретению дворянских титулов, и процесс обновления дворянства пошел весьма интенсивно, особенно за счет служащих государственного аппарата. Копенгагенская буржуазия также активно поддерживала абсолютную монархию: благодаря ей она получила равное с дворянами право на покупку земель, управление коронным имуществом и занятие должностей.

Датскому абсолютизму принадлежит приоритет в изобретении так называемой «Табели о рангах» (1671 г.), установившей четкое соответствие меж-

ду разными гражданскими, военными и придворными рангами и связанные с подъемом по этой лестнице нормы одворянивания. Затем эта практика была перенята рядом других монархий, в частности и Россией.

Стоит отметить, что несмотря на легкий, бескровный характер переворота 1660 г., созданный им режим оказался очень прочным (в отличие от абсолютизма в соседней Швеции) – поколебать его уже не могли ни военные неудачи, ни посредственность отдельных монархов.

Переход к абсолютизму в *Швеции* имел ту уникальную особенность, что в антиаристократический блок входили не только буржуазия и духовенство, как в Дании, но и многочисленное здесь свободное (государственное) крестьянство. Имевшее свою палату в четырехсословном риксдаге, оно составило один из элементов баланса сил, способствовавшего утверждению абсолютной монархии. Кроме того, в Швеции абсолютизм мог в гораздо большей мере, чем в Дании, опереться на старое мелкое дворянство, заинтересованное в государственной службе благодаря военному характеру сословия.

Укрепление шведской сословной монархии в первой половине XVII в. происходило в обстановке прочного согласия короны со всем дворянством, включая и аристократию, на базе общей заинтересованности в широкой завоевательной политике. Этот союз скрепляла масштабная раздача монархами дворянам земельных владений, причем не только из фонда коронных земель – раздаривались и дворы свободных крестьян, которые отныне должны были платить налог натурой не государству, а получившему их в дар дворянину. Это означало реальную угрозу ликвидации свободного крестьянства. К середине 50-х годов XVII в. дворянству принадлежало уже около двух третей всех дворов, все новые земли переходили в разряд привилегированных, а это означало сокращение налоговых поступлений и рекрутских контингентов. Государство стремилось парировать это нежелательное последствие своей политики введением новых чрезвычайных налогов, взимавшихся и с дворянства. Лозунгом же оппозиционного блока податных сословий, наиболее активным участником которого было крестьянство, стало требование генеральной редукции, т.е. изъятия у дворян большей части раздаренных им земель.

Решающее столкновение произошло в 1680 г. К тому времени окончилась эпоха завоевательных войн, дававших богатую добычу, но осталась необходимость больших военных расходов, чтобы охранять захваченное. Мелкое дворянство стало поддерживать идею редукции, надеясь, что она затронет только землевладение знати, зато будут отменены чрезвычайные налоги.

Решение о проведении «великой редукции» применительно к крупным земельным владениям было принято риксдагом в ноябре 1680 г., а затем, в ответ на протесты риксрода, собрание приняло постановление о том, что король имеет право не считаться с мнениями Государственного совета.

Так при короле Карле XI (1660–1697) начался переход к абсолютной монархии. Риксдаг, постоянно собиравшийся в его правление, был удовлетворен политической линией монархии и не раз добровольно отказывался от своих прерогатив. Были уничтожены должности возглавлявших риксрод несменяемых сановников-аристократов, их заменили назначенные королем президенты соответствующих министерств-коллегий. В результате энергичного проведения «великой редукции» дворянское землевладение к 1700 г. со-

кратилось вдвое, угроза закрепощения свободного крестьянства была устранена бесповоротно.

В первую половину правления воинственного Карла XII (1697–1718), до полтавского разгрома, риксдаг за ненадобностью не созывался вовсе. Полтавская битва и последующие поражения вывели Швецию из числа великих держав, в разоренной войной стране сложилась антиабсолютистская оппозиция, легко восторжествовавшая после гибели Карла. По конституции 1719 г. абсолютистский режим был уничтожен.

В тех европейских странах, где к середине XVII в. уже была закреплена основная масса крестьянства, где слабая буржуазия не могла быть противовесом всесильному дворянству, установление абсолютистского строя требовало политического согласия с дворянами-крепостниками, которые только при условии гарантии всех привилегий могли смириться с лишением своих сословных органов прямого участия в управлении государством. Вместе с тем здесь очень большую роль играло и прямое насилие, если монарху удавалось собрать достаточно большую армию. Хороший пример такого перехода к абсолютизму дает история *Бранденбургско-Прусского государства* при «Великом курфюрсте» Фридрихе Вильгельме (1640–1688).

Широкие внешнеполитические планы курфюрста требовали введения новых, косвенных налогов на содержание войска, дабы дополнить вотируемый бранденбургским ландтагом прямой налог («контрибуцию»), от которого было освобождено дворянство. Однако предложенный Фридрихом Вильгельмом проект введения общего акцизного сбора с торговли был отклонен Большим ландтагом Бранденбурга в 1652 г. За вотиrowание традиционной «контрибуции» дворянские депутаты требовали подтверждения всех привилегий их сословия, и они своего добились. В частности, постановление 1653 г. объявило статус крепостного естественным состоянием крестьянина. Теперь помещики могли с уверенностью восстанавливать свои пострадавшие в годы Тридцатилетней войны хозяйства на крепостнических основах, несмотря на невыгодную конъюнктуру демографического спада. За это курфюрст получил право на сбор «контрибуции» сроком на шесть лет, смог набрать 20-тысячную армию и принять активное участие в большой войне 1655–1660 гг. (см. главу о международных отношениях).

Так был дан «первоначал» к абсолютистской перестройке. Получив войско, Фридрих Вильгельм сразу же начал пользоваться им как инструментом для насильственного взыскания произвольных «контрибуций», налагавшихся помимо предоставленной ему ландтагом, которая далеко не соответствовала уровню военных расходов.

Городское хозяйство восстанавливалось достаточно успешно, и в 1680–1681 гг. курфюрст решил напрямую подчинить его задаче обслуживания армии. Во всех городах, безо всякой санкции ландтага, «контрибуция» была заменена акцизом. Это означало и конец городского самоуправления, поскольку ведать взиманием нового налога должны были не городские власти, а назначаемые лично курфюрстом налоговые комиссары (штейерраты), подчиненные новому правительственному органу, ведавшему снабжением армии генералкригскомиссариату. Вскоре к штейерратам перешел надзор над всей городской жизнью.

Итак, с 80-х годов XVII в. в Бранденбурге устанавливаются как бы две системы управления – гражданская (в деревне) и военная (в городах). По старинке собираемая в деревне «контрибуция» вотируется местными окружными ландтагами, ее собирают выборные из среды местного дворянства (ландраты). Но на практике и в гражданскую сферу протягиваются щупальца генералкригскомиссариата, поскольку курфюрст по-прежнему не склонен держаться в рамках вотируемых размеров «контрибуции», и военная администрация бесцеремонно отдает ландратам соответствующие распоряжения.

Специфические черты Бранденбургско-Прусской монархии как милитаризованного государства окончательно определились в XVIII в., когда дворянство полностью осознало, сколь престижным для него является содержание большой постоянной армии.

Государственный строй *державы Австрийских Габсбургов* в XVII в. нельзя определить как сложившийся абсолютизм, но и здесь отчетливо проявлялась абсолютистская тенденция политического развития. Было налицо очень сложное и противоречивое сочетание разветвленного центрального бюрократического аппарата и активных сословно-представительных органов, причем и в местном управлении чиновники, назначаемые монархом, действовали параллельно с сеймовой администрацией. Во всех частях державы – в наследственных австрийских герцогствах, в землях Чешской и Венгерской корон – существовали четырехсословные собрания (магнаты были отделены от рядового дворянства).

В австро-чешских землях ландтаги и сеймы собирались постоянно. Они вотиrowали основной прямой налог («контрибуцию») и выносили решение о наборе воинских контингентов, которые должны были содержаться за счет этого налога. Местная сеймовая администрация собирала «контрибуцию», дворянские депутаты становились командирами сеймовых войск.

Собственно императорские наемные войска содержались на коронные доходы и экстраординарные сборы. Император Священной Римской империи мог рассчитывать на военную и финансовую помощь лояльных германских государств и Ватикана в борьбе против своих непокорных протестантских подданных (в начале Тридцатилетней войны) или против османов (в войне Священной лиги). Именно прямому военному насилию Габсбурги были обязаны успехами в укреплении своей власти.

После Белогорской победы над восставшими чешскими сословиями Чешская корона в 1627 г. стала наследственной в роду Габсбургов. Ее сеймы были лишены права контроля над пополнением дворянского сословия, благодаря чему Габсбурги смогли почти полностью обновить состав некогда оппозиционного чешского дворянства, раздав конфискованные земли преданным монархии людям. Их преданность была тем большей, что с помощью монархии на чешских землях прочно утвердилась барщинно-крепостническая система. Сеймы Чешской короны утратили право на законодательную инициативу: в делах, затрагивающих общегосударственные интересы, они могли обсуждать только вопросы, поставленные перед ними монархом, а для обсуждения менее важных дел требовалось согласие монаршего комиссара на сейме. Перестали созываться местные сеймики чешских земель, избиравшиеся ими окружные старосты стали императорскими назначенцами.

Менее драматично, но в том же направлении развивались отношения между императором и ландтагами австрийских герцогств: права последних на законодательную инициативу и утверждение новых дворян постепенно отмирали, не упраздненные официально. И все же, несмотря на эти успехи, императоры, как уже было сказано, не покушались на право сословно-представительных собраний в австро-чешских землях взимать налоги и набирать солдат.

В Венгерском королевстве, где знать долго не доверяла иностранной династии, а сейм имел право не только выбирать государя, но и отказывать ему в повиновении – император, воспользовавшись победой над дворянским восстанием 1670 г., попытался повторить опыт, удавшийся в Чехии после Белогорской битвы: в стране был введен режим военной оккупации, сейм не созывался, выборного главу местной администрации (палатина) сменил назначенный императором губернатор. Ввиду роста национального сопротивления и турецкой опасности этот эксперимент в 1681 г. пришлось временно прервать. Однако успехи в войне Священной лиги, изгнание турок из Венгрии вновь изменили ситуацию: в 1687 г. венгерская монархия была объявлена наследственной. Размещение в Венгрии большой императорской армии дало венскому правительству возможность ввести здесь сбор «контрибуции» явочным порядком, опираясь на грубую военную силу и не спрашивая согласия сейма.

Но методы, применимые в Бранденбурге, оказались непригодными в венгерских условиях. Ответом на беспрецедентный рост налогового гнета и насилия солдат стала национальная война под руководством Ференца Ракоци (1703–1711).

Отсылая читателя к соответствующей главе этого тома, вкратце отметим, что и *Россия* в XVII в. проходила европейский путь развития своей государственности – от монархии с активно действующими сословно-представительными собраниями (Земские соборы) к торжеству абсолютистских, бюрократических методов управления. В первые сорок лет правления династии Романовых, которая получила свою легитимацию именно от избирательного Земского собора 1613 г., эти собрания с широким участием выборных от дворян и посадских людей созывались постоянно: в трудные годы восстановления разоренной Смутой страны правительство нуждалось в советах представителей общества. Плодом этих контактов, ответом на многочисленные челобитные стало знаменитое Соборное уложение 1649 г. Надо, однако, оговориться, что, в отличие от всех сословно-представительных собраний стран зарубежной Европы, Земские соборы никогда не имели – и при «самодержавной» традиции правления не могли иметь – права вотиrowания налогов. Они играли чисто совещательную роль, не обладали законодательной инициативой: все выносимые на их рассмотрение решения предлагались от имени царя и оформлялись как принятые единогласно. После 1653 г. Земские соборы больше не собирались.

Процесс развития абсолютизма в европейских странах нельзя представлять себе изолированно, не учитывая взаимного влияния опыта разных стран. Только буржуазные государства, Англия и Голландия, могли видеть источник

своей силы в принципах, противоположных абсолютистским*, но государи континентальной Европы должны были учитывать, что отставание в монархической централизации грозит поставить их страны в невыгодное положение по сравнению с опередившими их державами. Доказательством этого стал печальный опыт *Речи Посполитой*, где с середины XVII в. укоренился принцип обязательного единогласия в шляхетской палате сейма (*liberum veto*). Достаточно было одному депутату заявить протест против какой-либо резолюции – и она отвергалась, сейм распускался, причем становились недействительными все уже принятые на нем решения. Уже к концу XVII в. военная слабость Польши стала очевидной, а в следующем столетии неспособная создать собственный оборонный потенциал страна станет беззащитным объектом экспансии усилившихся соседей.

* Как показано в соответствующих главах, в Голландии, и особенно в Англии, также разворачивались процессы, ведущие к установлению абсолютистских режимов (*Примеч. ред.*).

В XVII в. мир уже представлял в известном отношении экономическое единство, в создании которого роль Европы была ключевой. Когда в XVI в. географические рамки торговых операций европейцев быстро распространились до мировых пределов, выросла потребность в драгоценных металлах при международных расчетах. В самой Европе развивались передовые формы безналичного расчета, кредитно-банковская система (на пути этого развития имелись свои трудности), но покрыть отрицательный баланс, существовавший в торговле Европы с Азией, можно было только перекачкой массы звонкой монеты.

Этот отрицательный баланс не был случаен. Европа как континент с более динамичными темпами развития обладала и большим динамизмом вкусов и потребностей, жители Азии были более консервативны в своих привычках и сравнительно мало нуждались в европейских товарах. В то же время в странах Азии (в отличие от Америки) почти не имелось крупных европейских колоний поселенческого типа, которые могли бы предъявить большой спрос на европейские продукты и изделия (там возникали колонии-фактории). Итак, выражением неравномерности темпов экономического развития континентов и в то же время их складывающейся экономической общности стал постоянный перелив драгоценных металлов с Запада на Восток.

Если мы взглянем под этим углом зрения на карту тогдашнего мира, то прежде всего выделим главный источник поступления в Европу серебра – испанские колонии в Америке. Разработка серебряных руд в самой Европе (Германия, Чехия, Словакия), имевшая весьма существенное значение в первой половине XVI в., к XVII в. пришла в упадок. Золото поступало из Африки благодаря неэквивалентной торговле европейцев с местными племенами, и отчасти из Испанской Америки; только с начала XVIII в. в дело вступит новооткрытое бразильское золото. Широкий прилив американского серебра с середины XVI в. привел к тому, что серебро дешеvelo по отношению к золоту; впрочем, для торговли со странами Азии, где в ходу была серебряная монета, важным оставалось главным образом именно серебро.

Основная масса американского серебра пересекала Атлантику на испанских судах и попадала в Севилью или ее аванпост Кадис и оттуда полулегальными, но налаженными путями (официально вывоз драгоценных металлов из Испании запрещался), благодаря пассивному балансу испанской внешней торговли расходилась в другие европейские страны, снабжавшие Испанию и ее колонии необходимыми им товарами. Меньшая часть испанского серебра переправлялась через Тихий океан в испанские Филиппины.

Существенная часть поступившего в Европу серебра уходила в сокровища, в ювелирные изделия, другая часть циркулировала в виде монеты, активизируя товарную экономику, но львиная доля переправлялась на Восток по трем основным каналам: через Балтику и Архангельск, через страны Леванта и морским путем вокруг мыса Доброй Надежды. По оценке официального голландского документа 1683 г., в Республику Соединенных провинций еже-

годно ввозилось из Испании на 15–18 млн гульденов драгоценных металлов, из них 13 млн реэкспортировались (в том числе 9 млн гульденов непосредственно на Восток).

Через Архангельск, Прибалтику и Польшу серебро поступало в Россию и вывозилось оттуда в юго-восточном направлении – в Иран и Среднюю Азию. Османская империя получала серебро и через Балканы, и через средиземноморские порты, но вывозила его в Иран. Иран частично вывозил драгоценные металлы в Индию и в Батавию на Яве, центр владений могущественной голландской Ост-Индской компании. Последняя, пользуясь своим монопольным положением на мировом рынке пряностей, активно участвовала в торговле со странами Индийского океана и Дальнего Востока и обслуживала своими судами торговлю между этими странами, получая деньги за фрахт. Ее торговый баланс был активным по отношению к Ирану (с 30-х годов XVII в.) и Японии, но пассивным по отношению к Индии и Китаю. Необходимые для торговли запасы драгоценного металла компания получала не только непосредственно из метрополии, но и из Ирана, Филиппин, а также из Японии, где имелись собственные разработки серебряных руд и где с 30-х годов XVII в. право на ограниченную торговлю имели только голландцы (но в 1668 г. японское правительство запретило вывоз из страны серебра).

Индия и Китай являлись двумя полюсами притяжения для мировых запасов драгоценных металлов, которые здесь и оседали.

Определенная, со временем возрастающая часть поступившего в Европу серебра уходила обратно через Атлантический океан, в те колонии европейских держав, которые не имели собственных серебряных рудников. Выплата жалования служащим администрации, солдатам и морякам создавала здесь активный платежный баланс в сношениях колоний с метрополиями, тогда как торговый баланс колоний, нуждающихся в европейских товарах, оставался неизбежно пассивным. Для колоний чеканилась особая монета, которую было невыгодно вывозить обратно в Европу.

Следуя меркантилистским рецептам, европейские страны стремились сосредоточить в своих руках, отнять у соседей как можно больше звонкой монеты. Успехи в развитии производства, обеспечивавшие положительный торговый баланс в торговле с Испанией, были важным, но отнюдь не единственным средством достижения победы, ибо не существовало пропорционального соответствия между положительным сальдо торгового баланса и получаемой данной страной массой драгоценных металлов. При прочих равных условиях эти металлы имели тенденцию стягиваться туда, где они были дороже и где на них существовал особый спрос – в странах, занявших место у тех «кранов», через которые европейская монета «отливала» на Восток, – прежде всего в Голландии, затем в Англии. Такие страны выигрывали и на вексельном (обменном) курсе. Необходимость избавиться от посредников, завоевать для себя независимые позиции в мировой торговле на всех ее важнейших направлениях в XVII в. осознавалась все отчетливее.

Важность монетарного фактора привела в историографии к стремлению найти именно в нем объяснение тех кризисных явлений в европейской экономике, которые были поспешно объединены в понятие «всеобщий кризис XVII века». В 50–60-е годы XX в. эта концепция, казалось, прочно утвердилась в западной исторической науке. В основе всех затруднений глобального

характера видели последствия, как представлялось, непреложно установленного факта резкого сокращения ввоза серебра из Испанской Америки. Оно вызвало феномен длительной стагнации и даже падения цен в их металлическом выражении, который ассоциировался с экономическим упадком, поскольку именно такое соотношение было характерно для хорошо изученной конъюнктуры циклических кризисов XIX–XX вв. В работах некоторых особенно решительных сторонников концепции «всеобщего кризиса» звучали даже фаталистические мотивы бесплодности всех усилий в борьбе с неблагоприятной конъюнктурой.

В 1934 г. вышла оказавшая большое влияние на западную историографию книга американского историка Э. Гамильтона «Американские сокровища и революция цен в Испании 1501–1650 гг.». Автор привел данные о ввозе в Испанию из ее американских колоний золота и серебра. Они свидетельствовали о крутом росте среднегодового ввоза драгоценных металлов с 1536–1540 гг. (3,9 млн песо) до кульминационных 90-х годов XVI в. (34,8 млн песо). Далее этот рост прекратился, период 1600–1639 гг. Гамильтон рассматривал уже как время заметного снижения ввоза (в среднем 25 млн песо в 1626–1630 гг.), а затем последовало резкое падение до 3,4 млн песо в 1656–1660 гг. После 50-х годов XVII в. данные Гамильтона, работавшего в архивах Севильи (через которую проходила вся официально разрешенная торговля Испании с Новым Светом), обрывались, поскольку тогда была отменена обязательная регистрация ввоза золота и серебра частными лицами; он предполагал, что и во второй половине XVII в. ввоз драгоценных металлов в Испанию оставался небольшим.

Американский ученый вычислил и общий индекс движения испанских цен в переводе на серебро. Оказалось, что цены постоянно росли до 1601 г. (индекс 1501 г. – 33, индекс 1601 г. – 144, если принять за 100 средний показатель 70-х годов XVI в.), а затем начался длительный период их стагнации вплоть до 1650 г. (до которого доведена таблица Гамильтона) с колебаниями индекса в пределах 101–146. Таким образом, перелом кривой движения цен совпал во времени с переломом кривой ввоза драгоценных металлов, и возникла возможность объяснить феномен падения цен всецело на базе количественно-монетарной теории. Подобно тому как революция цен XVI в. объяснялась прежде всего ввозом американского серебра, так и падение или стагнация цен в переводе на серебро в XVII в. стали объясняться нехваткой драгоценных металлов в условиях еще недостаточно развитой кредитно-банковской системы.

Цифры Гамильтона произвели тем большее впечатление, что они относились к действительно ключевому географическому пункту. Значимость его результатов была подтверждена в 50-е годы XX в. капитальным исследованием французского историка П. Шоню о севильской торговле. Он вычислил по разрозненным архивным данным тоннаж прибытий и отплытий кораблей, крейсировавших между Севильей и Америкой. Шоню определил, что фаза длительного подъема испанской трансокеанской торговли продолжалась до 1590-х годов (общий тоннаж отплытий вырос с 47 тыс. т в 1556–1560 гг. до 114 тыс. т в 1586–1590-х гг.), после чего началась длительная фаза колебаний вокруг достигнутого уровня, продолжавшаяся до 1620-х годов, когда восстановилась тенденция спада, особенно с 1630-х годов, и в 1646–1650 гг.

общий тоннаж отплытий составлял всего 60 тыс. т. Итак, было установлено совпадение изменений в объеме торговли с движением ввоза драгоценных металлов по данным Гамильтона. Благодаря этому популярность концепции всеобщего кризиса XVII в., поставленной в тесную связь с количественно-монетарной теорией, к концу 50-х годов XX в. достигла высшей точки. Истоки кризиса стали искать в самом начале XVII в., конец же относили к началу XVIII в.

Итальянские историки К. Чиполла (1952) и Р. Романо (1962) подчеркивали значение кризиса 1619–1622 гг., оказавшего решающее разрушительное воздействие на итальянскую промышленность, следствием чего была аграризация экономики Италии. Действительно, в Ломбардии период 1580-х – 1610-х годов стал временем большой экономической активности, сочетавшейся с демографическим подъемом; 1613–1619 гг. были временем бума, и контраст со сменившим расцвет глубоким кризисом оказался очень резким. Страшная чума 1630 г. довершила упадок. К 1640 г. объем шерстоткацкого производства в Милане упал в пять раз по сравнению с 1620 г. (3 тыс. кусков в год против 15 тыс.). Кризис итальянской экономики, ознаменовавшийся в 1620-х годах прекращением деятельности управлявшихся генуэзскими банкирами – главными кредиторами испанской короны – международных ярмарок в Пьяченце, был, следовательно, синхронен падению испанской трансатлантической торговли; это понятно, если учесть тесные экономические связи Италии и Испании.

Вместе с тем именно 1620-е годы стали временем серьезных затруднений в левантской торговле. Резко сократилось венецианское судоходство: взимавшийся в Венеции сбор со стоянки кораблей, который давал в 1603–1605 гг. рекордную среднегодовую сумму 6,6 тыс. дукатов, к 1623 г. упал до 1,6 тыс. дукатов и продолжал падать далее, в 1630-е годы он составлял менее 1,2 тыс. дукатов.

Имел ли кризис начала 1620-х годов еще более широкое значение, охватил ли он Север Европы? Именно так считал Романо, который делал этот вывод, исходя из анализа международного судоходства в его другом ключевом пункте – Копенгагене. Датские историки в 1906–1953 гг. издали 7 томов статистических данных о взимавшихся датской короной с иностранных кораблей зундских пошлинах за 1497–1783 гг. Согласно этим данным, среднегодовое число рейсов через Зунд достигло максимума в 1590-е годы (5623 против 1336 в первой половине XVI в.), затем снижалось, причем снижение в 1620-е годы было весьма заметным (3726 против 4779 в 1610-е годы) и дошло до минимума в 1660-е годы (2600 рейсов). При учете другого показателя – размеров тоннажно-стоимостного сбора – максимум приходился на 1610-е годы. Если рассматривать движение отдельных товаров, то 1620-е годы ознаменовались резким падением вывоза балтийского зерна в 1622–1624 гг. из-за неурожаев в Польше и затем из-за новых неурожаев и блокады воевавшими с Польшей шведами устья Вислы в 1627–1629 гг.; этому соответствовало сильное сокращение ввоза на Балтику соли – главного импортного товара для прибалтийских стран.

Однако статистическая серия зундских пошлин имеет существенную лагуну – в ней отсутствуют сведения о тоннаже судов. Французский историк П. Жаннен (1964) проделал специальные изыскания, чтобы установить эво-

люцию тоннажа зундского судоходства разных стран по соответствующим данным для Кёнигсберга. Оказалось, что в первую половину XVII в. тоннаж голландских кораблей (а они составляли 60–70% общего числа) очень сильно вырос, так что общий вид кривой с учетом тоннажа стал выглядеть совсем иначе. Если показатели 1590-х годов для голландских судов принять за 100, то индекс 1646–1653 гг. будет по числу кораблей 62, а по их тоннажу 136, вместо падения получается рост; последствия кризиса 1620-х годов (индекс 1624–1631 гг. по тоннажу 75) были преодолены благодаря последующему подъему. Аналогичные результаты были получены для английских судов: при показателях 1623–1625 гг., принятых за 100, индекс 1635–1640 гг. составил 109 по числу кораблей, зато 196 по тоннажу. Жаннен обратил внимание и на то, что кризис 1620-х годов затронул не все статьи балтийской торговли: вывоз льна и пеньки возрастал и в это время. По всем этим соображениям он отверг мысль Романо об общеевропейском значении кризиса 1620-х годов и пришел к выводу, что решительный перелом вековой конъюнктуры на Балтике следует связывать с другим, более всеобъемлющим кризисом 1650-х годов. Тем самым утверждалась идея о постепенном распространении кризиса, охватившего вначале средиземноморский Юг Европы и лишь затем, к середине века, затронувшего и Север континента.

Новое фактическое ограничение хронологических рамок всеобщего кризиса принесло изучение конъюнктуры последних десятилетий XVII в. Жаннен отметил, что 1680-е годы были временем крутого роста зундского судоходства (4 тыс. среднегодовых рейсов, что означало рост более чем на 50% по сравнению с 1670-ми годами), несмотря на то что хлебные цены в Амстердаме находились тогда на самом низком уровне. Польские экспортеры стремились компенсировать падение хлебных цен ростом вывоза – хороший пример, подтверждающий отсутствие жесткой прямой связи между движением цен и торговой активностью. Правда, в следующие 30 лет число рейсов через Зунд показывает тенденцию к падению (тоннаж судов тогда существенно не менялся), но если мы учтем, что в 1690-х – 1700-х годах сильно увеличивается число незарегистрированных рейсов (вместе с ростом шведского судоходства, освобожденного от уплаты зундских пошлин) и используем данные Жанненом оценки доли таких рейсов, то окажется, что и эти два десятилетия следует отнести к фазе высокой торговой конъюнктуры. Резким спадом балтийской торговли ознаменовались только 1710-е годы, что было явно связано с войной на Балтике, а уже с 1720-х годов после заключения мира и активного подключения к балтийской торговле России начинается характерный для XVIII в. устойчивый постоянный рост зундского судоходства.

Статистическим данным о переломе конъюнктуры в 1680-е годы соответствуют и цифры депозитов Амстердамского банка. Именно в эти годы размер вложенных в него капиталов, снизившийся было в 1660-е – 1670-е годы с 8,32 млн до 5,95 млн гульденов, вновь, как и в первой половине XVII в., начал быстро расти, дойдя к концу 1690-х годов до 13,75 млн гульденов.

Новые исследования подмывали теорию всеобщего кризиса, побуждая вносить в нее все новые оговорки. Картина общности средиземноморского кризиса с 1620-х годов была нарушена благодаря исследованию М. Морино марсельской торговли (1970). Портовый сбор в Марселе очень резко вырос после заключения франко-турецкого торгового договора 1604 г. и неуклонно

рос вплоть до Фронды, составив в 1642 г. 29 тыс. ливров против 4,8 тыс. ливров в 1603 г. Этот шестикратный рост объяснялся тем, что через Марсель шло снабжение сырьем успешно развивавшейся лионской шелкоткацкой промышленности.

Особенно тяжелый удар по теории всеобщего кризиса нанесла другая работа того же Морино (1985), лишившая эту теорию ее казавшегося столь прочным количественно-монетарного основания. Морино поставил целью проверить правильность мнения Гамильтона о низком уровне ввоза американского серебра во второй половине XVII в. Он сделал это, опираясь на подсчеты регулярно печатавшихся в голландских газетах данных о прибытии в Испанию драгоценных металлов. Результаты оказались сенсационными. Уже в 1661–1665 гг. среднегодовой ввоз составлял минимум 28,8 млн песо (ср. с приводившимися выше цифрами Гамильтона), а в 1670-е годы, 1686–1690 и 1695–1700 годы цифры ввоза превышали рекордный уровень 1590-х годов (максимумом стал среднегодовой ввоз последнего пятилетия века, составивший 46,2 млн песо). Проверив на своих источниках результаты американского историка, Морино выявил ряд не учтенных им рейсов, из-за чего степень падения ввоза в 1630–1660 годах оказалась преувеличенной. Тот факт, что докризисный уровень ввоза был восстановлен в первое же пятилетие после Пиренейского мира 1659 г., неопровержимо свидетельствовал об обусловленности всей кризисной фазы военной обстановкой. Впрочем, уже Шоню отметил связь между спадом испанской трансатлантической торговли с 1620-х годов и возобновлением в 1621 г. испано-голландской войны в условиях, когда голландский флот стал проявлять особую активность именно на атлантических морских путях. Стало ясно и то, что количественно-монетарная теория не объясняет движения цен в XVII в., коль скоро широкий ввоз серебра после 1660 г. не мешал стагнации цен. Вся мировая экономическая конъюнктура XVII в. представляется сейчас гораздо более сложной, противоречивой и богатой компенсационными возможностями.

Такие возможности имелись и на самом рынке драгоценных металлов, о чем можно судить по статистическим данным о торговле голландской Ост-Индской компании. Падение ввоза серебра через Испанию во второй четверти XVII в., видимо, сказалось на временном сокращении вывоза компаний драгоценных металлов из Европы в Азию. Среднегодовой размер этого экспорта, составлявший 0,97 млн гульденов в 1610-х и 1,25 млн гульденов в 1620-х годах, затем сократился примерно на треть, равняясь в 1630-х, 1640-х и 1650-х годах соответственно 0,89; 0,88 и 0,84 млн гульденов. Но уже в 1660-х годах уровень 1620-х годов был практически восстановлен (1,19 млн гульденов), а с 1680-х годов (1,97 млн гульденов) начался крутой и необратимый рост (в 1720-х годах голландская Ост-Индская компания вывозила на Восток ежегодно в среднем на 6,6 млн гульденов). Примечательно, однако, что отмеченное выше временное падение экспорта драгоценных металлов не привело ни к какому сокращению закупок компании в Азии. Сумма их росла неуклонно (в 1620-х годах 1,53 млн, в 1630-х – 2,17 млн, в 1640-х – 2,56 млн, в 1650-х – 2,67 млн, в 1660-х годах – 3,14 млн гульденов). Испытывая трудности с получением серебра из Европы, компания обратилась к другим источникам его поступления, активизировав свою торговлю с Ираном, Японией и Филиппинами (куда американское серебро попадало на испанских судах

более спокойным тихоокеанским путем). Вывоз компаний серебра из Японии в 1650-х годах даже превышал размеры вывоза его из Европы. Система мировой торговли была налажена достаточно прочно, чтобы выдержать испытания, предлагавшиеся ей изменчивой экономической и политической конъюнктурой.

Сторонники концепции «всеобщего кризиса» в своем увлечении фактами экономической истории, как правило, недооценивали значение внешнеполитических факторов. Они учитывали воздействие войн на экономику, когда речь шла о конкретных объяснениях колебаний конъюнктуры, но это воздействие было для них чем-то внешним, они надеялись выявить под ним проявления глубинных, не зависящих от политики, чисто экономических процессов. Опыт показал неоправданность подобного разгораживания политики и экономики. Можно утверждать, что в XVII в. войны в целом были масштабнее и при возросшей численности армий гораздо интенсивнее, чем в предыдущем столетии; соответственно, более значимыми были вызванные ими кризисные явления в сфере экономики и демографии.

XVII век не знал налаженной и достоверной статистики размеров промышленного и сельскохозяйственного производства, численности населения. Отдельные фрагменты такого рода статистики (читатель найдет их в страноведческих главах) дают достаточно пеструю и противоречивую картину. Можно было бы отметить примеры «прорывов» рутины – освоение новых культур и приемов агротехники, появление новых мануфактур и даже достаточно сложных механических станков, но все это пока не вело к качественным переменам в структурах производства. Зато такие перемены происходили в сфере торговли и обмена.

Основание в 1602 г. голландской Ост-Индской компании (и еще раньше в 1600 г. английской Ост-Индской компании, которая, впрочем, вначале была гораздо беднее и не столь централизована, как голландская) означало создание нового типа *акционерной* торговой компании, с большим объединенным капиталом, составленным из взносов сотен пайщиков, но управлявшейся в централизованном порядке узким составом олигархической администрации. Именно этот тип компаний был необходим для создания устойчивой структуры особо рискованной дальней трансокеанской торговли; решение такой задачи оказалось не под силу старым семейным фирмам, командитным товариществам и регулируемым компаниям картельного типа. По образцу голландской Ост-Индской стали создаваться торговые компании в других странах, ее акции стали главным объектом операций на торговой бирже Амстердама. Там Европа впервые ознакомилась с феноменом биржевой спекуляции, азартной игры на курсе акций, «деланием денег из воздуха».

Тот факт, что ввоз драгоценных металлов более не влиял напрямую на движение европейских цен, видимо, следует связать с распространением безналичных средств платежа, все активнее заменявших собою звонкую монету во внутриевропейском денежном обращении. Такие средства платежа были давно уже известны. Выдававшиеся на срок векселя продавались со скидкой (дисконт) третьим лицам, о чем свидетельствовали передаточные записи (индоссамент). Государственные долговые обязательства (испанские «хурос», французские ренты Парижской ратуши) также были постоянным предметом купли-продажи. Но всем этим бумажным средствам денежных расчетов были присущи свои

неудобства. Возможность обналичить вексель зависела от состояния счета векселедателя на соответствующей торговой бирже и ничем более не гарантировалась. Государственные обязательства приписывались (ассигновались) к определенным фондам доходов и зависели от регулярности и полноты налоговых поступлений; нуждавшиеся в деньгах правительства постоянно урезали платежи по рентам, учреждали ренты в большем количестве, чем могли оплатить; мелкие кредиторы разорялись, продавая свои ренты за бесценок влиятельным лицам, которые могли добиться их обналичивания по номиналу.

Жизнь требовала появления свободно обращающихся анонимных средств платежа «на предъявителя», и это новшество было внедрено в XVII в. частными банками в Англии*. Издавна исполнявшие функции банкиров лондонские ювелиры начали выдавать своим вкладчикам квитанции в мелких купюрах – банкнотах, которые стали свободно обращаться на рынке. Естественно, их надежность зависела от надежности банкира – но вот в 1694 г. практика эмиссии банкнот была перенята новосозданным центральным Английским банком.

Еще в начале XVII в. в Европе возник ряд центральных банков, кредитовавших свои и чужие правительства: Амстердамский (1609 г.), Венецианский (1619 г.), Гамбургский (1619 г.); генуэзский банк Сан-Джорджо существовал еще с начала XV в. Характерно, что все они возникли в торговых республиках, где денежная олигархия могла контролировать финансовую политику своих правителей. В абсолютных монархиях, привыкших к бесцеремонному обращению с кредиторами, речи о создании государственных банков быть не могло. Появление Английского банка явилось поэтому знаковым событием: деловой мир предлагал только что укрепившемуся строю парламентской монархии испытание на доверие – и это испытание было выдержано.

Английский банк был создан как акционерное общество, мобилизовавшее капитал в 1,2 млн фунтов стерлингов, вкладчики получили свои пакеты банкнот, а депонированные средства были даны в долг из 8% государству, которое обязалось ежегодно выплачивать эти проценты банку, и это обещание аккуратно исполнялось.

Английский банк вел активную финансовую политику, став важнейшим центром кредита: принимал к дисконтированию векселя, выдавал ссуды под залог товаров или земли. Выпускавшиеся им банкноты были гарантированы всем достоянием банка и свободно принимались при расчетах с казначейством. Это было новшеством: даже Амстердамский банк эмиссией банкнот не занимался, его вкладчики рассчитывались друг с другом безналичными переводами с одного счета на другой.

Так в XVII в. в Европе появились настоящие бумажные деньги.

* Впрочем, «свободно обращающиеся анонимные средства платежа», т.е. денежные знаки, были известны с древнейших времен (*Примеч. ред.*).

В истории культуры XVII столетие ассоциируется с определенным кругом художественных явлений, и среди них одно из самых принципиально важных – понятие «барокко», которое используется и как обозначение стилевой эпохи в истории архитектуры и искусства, и как метафора в историко-культурных обобщениях: «мир Барокко», «человек Барокко», «жизнь Барокко».

Подобно многим терминам, закрепившимся в истории культуры, слово «барокко» (итал. *barocco*, через исп. *barroco* от португ. *barroco* – причудливый, неправильный, дурной, испорченный; у французских ювелиров «*baroquet*» означает «смягчать контур, делать форму мягкой, живописной») как обозначение стиля появилось позже рубежа, с которого начался собственно отсчет этой эпохи, – во французских словарях оно встречается с 1718 г. и трактуется как синоним вычурной безвкусицы. Первым сделал слово типологической категорией Генрих Вёльфлин, определивший барокко как наивысшую, критическую стадию развития любого художественного стиля, сменяющей классику. Оппонент Вёльфлина Макс Дворжак считал стиль барокко порождением маньеризма и более высокой ступенью «развития духа», Г. Вайзе «выводил» барокко северных стран непосредственно из готики и считал его «истинным воплощением германского духа». Эмиль Маль, французский ученый-медиевист, в 20-х годах XX в. определил барокко как «наивысшее воплощение идей христианского искусства». Ханс Зедльмайр окончательно утвердил введенное Вёльфлином разделение стиля на «раннее барокко» (XVI–XVII вв.) и «позднее барокко» (XVII–XVIII вв.). В контексте эпохи барокко рассматривается стиль *рококо* (сформировавшийся к 30-м годам XVIII в. и господствовавший или влиятельный до 70-х годов того же столетия), иногда выделяемый и как самостоятельное явление.

Принципы барокко наиболее очевидно проявились в архитектуре – в новой организации пространства и архитектурного целого, во взаимоотношениях здания и окружающей среды, в декорации и в ее элементах, ордерных и чисто декоративных, в новом чувстве фактуры материала, в смысловых и символических акцентах, в принципах градостроительства. Многие темы и архитектурные мотивы барокко были заданы и в значительной степени сформулированы в XVI столетии в архитектуре позднего Ренессанса и маньеризма. Архитектура в эпоху барокко превращается в своего рода пропагандистскую риторику, направление которой задала католическая Контрреформация – убеждать, стать своеобразным синонимом чуда, в образах прославить догматы веры. Колоннады площади Сан-Пьетро, спроектированной Дж. Л. Бернини перед собором Св. Петра в Риме, по его же словам, «уподоблены» рукам Матери-Церкви, открывающимся миру. В куполах и сводах зданий Франческо Борромини постоянно присутствуют символы христианства (крест, троичные элементы), лестницы барочных церквей каскадами спускаются к ногам верующих, делая их путь в церковь – как бы от земли – естественным, но и торжественным (базилика Санта-Мария-Маджоре в Риме). Не случайно в конце XVI в. папы начали грандиозную перестройку раннехристианских

базилик в Риме – этим утверждалась апостольская преемственность Святого престола, «возвращение» к истоку. Центричность ренессансных построек, увлекавшая архитекторов и в XVII в., нередко специально устраняется (так как ассоциативно является языческой) ради базиликального плана, освященного историей ранней Церкви и всего Средневековья. Самым ярким примером является история строительства и перепланировок собора Св. Петра в Риме – от центрического здания к базилике в проекте Карло Мадерны.

Драматургическое, с элементами театральности мышление – определено одна из главных примет нового общества, отсюда превращение фасада здания в картину, которую нужно читать и в которую нужно вникать, вовлечение верующего-зрителя в пространство, управление его движением в этом пространстве и его впечатлением. Само развитие архитектурных форм можно прочесть как пьесу с развитием характеров, столкновениями, фабулой, итоговой развязкой, диалогами; отсюда и любовь к площадям, которыми обыгрываются перепады рельефа, ансамбли построек, перспективы улиц, знаковые городские точки.

В архитектуре барокко был совершен беспрецедентный переход к новой трактовке тектонической формы. На смену спокойствию, ясности и разумной и естественной пропорциональности Ренессанса приходят диссонанс и асимметрия. Центрическое сменяется протяженным, круг – эллипсом, квадрат – прямоугольником, стабильность и четкость уравновешенных пропорций – сдвигами ритмов, «многоголосием» пропорций. Состояние перехода, пафос преодоления статичного начала становится теперь условием выразительности архитектуры, важнейшей частью ее образного содержания. Различные виды искусства в барокко взаимодействуют, составляя единый «театр жизни», сопутствующий реальности в виде ее праздничного двойника. Театрально-праздничную авантюренность барочного города усиливали фонтаны – сооружения на грани архитектуры, скульптуры и живописи, роль которой здесь играла живая подвижность и переменчивость воды, рисунки, образуемые струями водометов (фонтаны, построенные по проектам и эскизам Бернини в Риме). Вся Европа увлекалась этой фонтанной сценографией, которая превратилась в XVII в. в один из главных признаков «барочности» для любого города.

Римская архитектура барокко в конце XVI – первой половине XVII в. задает несколько больших архитектурных тем. Программную и еще близкую ренессансной первооснове разработку новой архитектуры представляют собой постройки Карло Мадерны, самого старшего из великих архитекторов барокко, автора римской церкви Санта-Сусанна, в своей декорации напрямую повторяющей основные черты церкви Иль-Джезу (арх. Дж. Виньола, 1568 г., закончена Дж. Делла Порта, 1575 г.). Эту же линию трансформации ренессансного наследия представляет творчество Джан Лоренцо Бернини, который вкус эпохи к пышности и великолепию реализовывал исключительно в масштабе – через большой ордер и через криволинейные планы площадей, дублирование ритмов. Если постройки Бернини отличает еще ренессансная по духу цельность, то дальше от Ренессанса стоит третий великий мастер барокко – Франческо Борромини, продолжающий линию маньеристической архитектуры Италии. Он предпочитает сложные, изогнутые планы, разрывы фронтонов, карнизов; фасады и интерьеры его построек обладают повышенной чувствительностью к падающему и скользящему свету и рисунку теней.

Церковь Санта-Сусанна. Архитектор Карло Мадерна.
Рим. 1597–1603 гг.

Стены его церкви Сан-Карло-алле-кваттро фонтане словно растворяются в игре светотени, в выступах и проемах. Борромини изменяет природу самого пространства, используя овальные купола или купола сложного рисунка, в чем раскрылось важнейшее для барочного мировосприятия представление о господстве иррациональных сил в мироздании.

К концу XVII в. в Риме отчетливо оформились два новых направления барочной архитектуры и декорационного искусства: с одной стороны, стиль утрированных форм Андреа Поццо, Антонио Герарди и других мастеров, по сути, «изживающий» барокко, с другой – движение более консервативного характера, но с новым, классицистическим акцентом, представленное фигурой Карло Фонтана и его последователей. В 1720–1725 гг. после издания в Риме труда Ф. Борромини «Opus architectonicum» барокко в Риме в уже последней фазе своего существования (не случайно его принято именовать бароккетто, или «малое барокко») вновь «ожило», породив несколько шедевров уходящего стиля, в их числе Испанская лестница, «стекающая» к Пьяцца-

ди-Спанья от церкви Санта-Тринита-деи-Монти (арх. Франческо де Санктис, 1723–1728 гг.) и Фонтан Треви Никколо Сальви.

Активность контрреформ Католической церкви, грандиозность построек римских мастеров стали причинами быстрого распространения барочного стиля за пределы Рима – в другие центры Италии, в страны Западной Европы, где он вступил во взаимодействие с местными традициями – поздней готики, Ренессанса – и обогатился национальными мотивами.

Во всех областях Италии архитектура барокко имела особенности. Пожалуй, единственная архитектурная школа, своей цельностью и качеством приближающая к римской, существовала в Неаполе. Неаполитанские архитекторы (Карло Фандзаго) более обращают свою фантазию на декоративную сторону – эlegantный рисунок в расположении ордерных элементов на фасаде, цвет мраморов и оштукатуренных поверхностей, орнаментальные мотивы. Собственная линия барочной архитектуры, сложившаяся под перекрестным влиянием испанской и римской архитектуры, старинной сицилийской арабско-норманно-византийской традиции, существовала на Сицилии (соборы Катании и Ното – арх. Джамбаттиста Ваккарини, соборы Рагузы и Модики – постройки Розарио Гальярди, 1698–1762), с изобилием пластически крупных декоративных деталей, декоративными рустами, эффектами кьяроскуро, образуемыми крупно резанными деталями.

Крайне своеобразный вид барокко сложился в Испании (и соответственно в ее колониях, где главные шедевры появились в XVIII в.). Самая значительная постройка испанского Ренессанса, королевский дворец-монастырь Эскориал (архитектор Хуан де Эррера), стала и первой из крупных построек испанского барокко, задавшей на полтора столетия темы для его развития. Скупая и крайне простая декорация, полное отсутствие орнамента, способного зрительно облегчить массив каменной кладки, но изгнанного из этого мира аскезы, узкие, редко расставленные проемы окон, не нарушавшие единства сплошной каменной плоскости, общий аскетизм облика стали признаками стиля «эрререско», полностью победившего в Испании к концу первой четверти XVII в. С укреплением позиций иезуитов в Испании в стране стали возводиться храмы по типу римского Иль-Джезу; постепенно этот тип был принят и в других орденах. Оригинальность испанского барокко в каком-то «бесчувствии к классике», в умении вписывать в заданные монументальные темы местную колоритную деталь, в развитом орнаментальном чутье и вкусе к изобилию форм, где-либо в другом месте показавшихся бы чрезмерными и варварски пестрыми.

В германских землях лишь после окончания Тридцатилетней войны, к середине XVII столетия, появилась настоящая барочная архитектура. Она была «импортирована» сюда в уже сложившемся виде, моду на нее «разносили» странствующие итальянские архитекторы. Стиль барокко в Германии эклектически суммировал мотивы и приемы архитектуры Рима и Франции, модифицировался в контексте старой традиции, оформлялся в немецком духе с его навязчивым вкусом к программной дидактике, декларативности, с экзальтацией, с пониманием красивого как декоративного и роскошного. Существенную роль в развитии архитектуры германских стран играли церковные амбиции: протестантизм утверждал свое право на существование и пытался согласовать его с абсолютизмом монархов, католицизм отвоевы-

вал территории и провозглашал свое неоспоримое право на величие. Протестантские монархи Севера, связанные политическими союзами с Францией, ориентировались на придворную французскую культуру и, соответственно, в архитектуре – на классицизм и тип Версаля; здесь работали преимущественно французские и голландские архитекторы, что отчасти было связано и с массовым оттоком гугенотов из Франции после отмены Нантского эдикта. Католический Юг тяготел к Италии, здесь в основном строили итальянские мастера, принесшие сюда «иезуитский стиль». Под перекрестными влияниями архитектуры Италии и германских земель, с укреплением в польских землях иезуитов сложилось барокко Речи Посполитой (раннее краковское барокко).

Во Франции и в Англии принципы архитектуры барокко последовательно были осуществлены только в нескольких постройках, отмеченных прямым итальянским влиянием. К 40-м годам XVI в. стиль классицизма во Франции сформулировал свою эстетическую программу в целом ряде выдающихся строений (Восточный фасад Лувра Клода Перро, 1667 г., ансамбль Версаля, в основном 1661–1708 гг.), однако барочная (для Франции – по сути, итальянская) тема пробивалась и позднее, доказывая свое родство с классицизмом и не противореча ему. Среди немногих французских построек, отвечающих хрестоматийному пониманию барокко, – церковь Сорбонны и церковь в ансамбле Валь-де-Грас (арх. Жак Лемерсье и др.); очевидны барочные черты и в постройках Жюль-Ардуэна Мансара (Дом Инвалидов, ок. 1679–1691 гг.). Внутренняя логика барочного мышления (с его замыслом преодоления законов естества, масштабностью и склонностью к театральности, к риторике и игре форм) согласовывалась с принципами французского классицизма. Если здание храма воплощало роль Церкви и «показывало», как чудо отменяет привычные законы физического мира, то резиденция монарха должна была воплощать, наоборот, новый организующий принцип, внедряющийся в мир стихии. Так, перенос королевской резиденции из Парижа в Версаль и «конструирование» нового пространственного мира, вращающегося вокруг монарха-Солнца, иконография самого Людовика XIV как солнечного божества, светом которого живут все подданные, вся Франция, – беспрецедентные акты эпохи, в духе барочных градостроительных проектов. Личность короля, императора сама будто вносила в мир природы и общества правило, закон, схему – это и отражала архитектура королевских дворцов и замков, ансамблей новых монарших резиденций, именно поэтому в таком архитектурном типе более прижился стиль классицизма или, что более правильно по отношению к архитектуре Франции первой половины XVII в., «барочного классицизма». Вслед за грандиозным Версалем в Европе в XVII–XVIII вв. появились многие ансамбли, или достаточно точно следующие ему, или хоть отчасти сходные. Следовали Версалю и его парку, спроектированному Ленотром, устраивавшиеся по всей Европе регулярные парки, в которых природа полностью подчинена фантазии архитектора на геометрические орнаментальные темы, дальняя перспектива, которую по оси замыкает дворец, становящийся «экраном», картиной, которая заменяет (буквально – закрывает) собой бесконечность пейзажа.

Англия XVII в., по сути, находилась в стороне от магистрального русла барочной архитектуры, главный ее вклад – палладианство Иниго Джонса, на-

верное, самое выкристаллизованное и совершенное, выросшее на изучении итальянского опыта и вернувшееся в континентальную Европу во второй половине XVIII в. Однако мотивы барокко читаются во всех ключевых английских постройках, прежде всего в лондонском соборе Св. Павла, построенного по проекту Кристофера Рена; здесь они появляются и как претензия на равенство прав с Римской церковью (отсюда сходство с собором Сан-Пьетро в Риме: обращение к базиликальному плану с куполом над ним, вытянутые пропорции купола, устройство колоколен по сторонам фасада, как в первоначальном замысле собора Св. Петра), и как вкус к масштабности, мощи, крупным деталям. Показательно, что барочно-классицистический стиль Рена был с интересом воспринят во Франции в эпоху господства неоклассицизма, в Англии же он казался слишком барочным.

В архитектуре стран Северной Европы складываются две тенденции: одну отличает постепенное преобразование поздней готики в новые формы, другую – сознательное заимствование по образцу. Историческая судьба Нидерландов, разделившая их по верности католицизму или протестантизму на две части, Север и Юг, определила и ориентацию их искусства. Фландрия повторяла барочную ориентацию церковной архитектуры католического мира, – здесь был возведен целый ряд замечательных построек (собор Св. Карла Борromeо в Антверпене, 1614–1621, арх. П. Хёйсенс, Ф. Агиллон, в декорации принимал участие П.П. Рубенс, возможно, составивший также план; церковь Св. Михаила в Лёвене, арх. Г. Хесиус, 1650–1666). Голландия, на территории которой никогда не создавалось великой архитектуры, восприняла итальянские новации крайне сдержанно, барокко здесь опознается лишь в скромной, но изящной декорации домов гирляндами цветов, раковин, фруктов в оформлении окон и дверей, часто в изогнутой (волнообразной, с волютообразными завершениями) линии фронтонов. Значительной оказалась роль Голландии, всегда склонной к сдержанности и строгости, в формировании основ классицизма, только позднее распространившегося во Франции, в Англии, в Рейнских землях, в Скандинавских странах, – там везде заметно голландское влияние.

Больший масштаб по сравнению с республиканской и кальвинистской Голландией имела архитектура Скандинавских стран, в которой грань между Ренессансом, маньеризмом и барокко, между барокко и ранним классицизмом трудно различима. В Дании при прямом влиянии архитектуры Англии и Голландии утверждается голландское направление классицизма с его простыми формами и четкими членениями фасадов дворцов и особняков (Шарлоттенбург по проекту Эверта Янсена, 1672–1683), нередко сопровождающееся увлечением оригинальными барочными мотивами (церковь Спасителя в Копенгагене Ламберта ван Хавена (1682–1696). В Швеции, в XVII в. вышедшей из положения культурной провинции, долгое время держались традиции немецкого и голландского Ренессанса, со времени приезда французского архитектора Симона де ла Вале и до 70-х годов XVII в. развивалось искусство, шедшее от голландского палладианства и французского классицизма времени Людовика XIV, и лишь после середины столетия заметным стало влияние римского барокко (постройки Жана де ла Вале, Никодима Тессина и Никодима Тессина Младшего).

ЖИВОПИСЬ XVII ВЕКА. ОСНОВНЫЕ ШКОЛЫ И ТЕЧЕНИЯ

В истории западноевропейской живописи рубеж XVI и XVII в. был отмечен появлением имен (и творческих манер), отчасти еще находящихся в традиции Высокого Ренессанса и маньеризма, но уже прорывающих, нарушающих ее.

Новое видение действительности в живописи выразилось прежде всего в новом богатстве светотеневых и колористических градаций. Для живописцев Возрождения светотень была главным образом средством объемной лепки форм человеческой фигуры и предметов ее окружения, и в сочетании с перспективой – средством передачи трехмерного пространства. Теперь же переходы от света к тени становятся и средством характеристики пространственной среды в целом, светотеневая моделировка фигур и предметов – функцией движения света в пространстве. Гармоническое сочетание простых цветовых контрастов, разработанное Ренессансом, уступило место сложным звучаниям переходных оттенков, – теперь живописный образ строится на изменчивости, «движении» света и цвета, на их нарастании и угасании, сменяющих постоянство и покой «локального» цвета и симметрии, свойственные Ренессансу. Преобразующим всю живопись – как следствие коренного изменения мировидения – стало изменение концепции света, осуществившееся в живописи Караваджо, последнего художника Ренессанса и первого художника нового века. Найденные им приемы, которыми он пытался преодолеть измельченность маньеристической композиции, поверхностную и часто бессодержательную декоративность, штампованность идеалов красоты, – луч света, пронизывающий затемненное пространство, как бы «обнажающий» его и выхватывающий из мрака будто «случайные» фрагменты, – захватили все искусство Италии (прежде всего Рима и Неаполя) и не только Италии.

Влияние караваджистской концепции заметно в искусстве всей Европы. Для Рембрандта, который видел картины «утрехтских караваджистов», главным оказалась таинственная и созидающая, открывающая тайники человеческой души, сила света. В холодном и аскетичном искусстве французского мастера Жоржа де Ла Тура свет – в основном свет свечи, «высекающий» из темноты силуэты, лицо. Вермеер Делфтский воплотил в своих картинах со сценами в интерьерах еще одну удивительную способность света – делать прозрачным воздух, останавливать время.

XVII век разработал две основные композиционные системы – классицистическую и барочную. Аналитические установки классицизма привели к формированию композиции, в которой на перспективу нанизаны пространства, узлы движения, колористические группы уравниваются, т.е. логически выстраиваются, не оставляя неясного, нечитаемого глазом сразу. Барочная композиция строится на множестве или одной главной, собирающей, динамических линиях, в ней возможны незаконченное развитие темы движения, диссонансы, конфликты форм и цветовых пятен, «недоговоренность» сюжета. Полностью противопоставить две концепции, однако, невозможно, – продуманная и логичная организация встречается в чисто барочной живописи, динамическое начало – в живописи классицизма. Барочные схемы угадываются в живописи, на первый взгляд, от него далекой: рост масс

по диагонали, высокое небо и низкий уровень земли – в речных пейзажах Яна ван Гойена и голландских маринистов и пейзажистов, встроенные друг в друга сюжеты (как картина в картине) – в «Пряхах» Веласкеса, в сложно построенных театральных кулисах перспектив в классицистических пейзажах Лоррена, в силуэте фигур, развернутых в пространстве, – в портретах кисти Франса Халса, в сложной рифмовке жестов – в исторических картинах Пуссена, и т.п.

Более всего барочность как принцип организации картинного пространства реализовалась в исторической (также мифологической и аллегорической) и портретной живописи, по своей природе требовавшей рассказа, демонстрации, риторического жеста. Начиная с Рубенса тип исторической картины и парадного портрета монарха – с трубящими викториями-победами, морскими божествами, амурами, с преувеличенной аффектацией поз, жестов, общей мажорной приподнятостью всего тона картины – займет почти основное место в парадной живописи XVII и XVIII вв.

Риторичность мышления, потребность в воплощении нового мировидения и желание поражать и изобразить «реальное чудо» в эпоху барокко привели к расцвету плафонной живописи. Иллюзорное пространство живописи (например, плафон в Иль-Джезу кисти Гаулли, 1676–1679) «стремится» перекрыть реальное архитектурное пространство: разверзающийся в небо потолок, непрерывное движение человеческих масс ввысь и головокружительные ракурсы фигур, мощные контрасты теней и потоков ослепительного света призваны рождать у зрителя чувство религиозного восторга, уводя его взгляд от реальности к недостижимому мистическому сиянию, убеждая в подлинности видения – в сценах на сюжеты церковной истории, в мифологических композициях, изображающих надоблачный блаженный мир небожителей.

Радикальной в XVII в. была смена (или расширение границ) идеала совершенной формы. Живопись Караваджо (простонародность, неидеальность и «узнаваемость» – на улице в толпе, в быту – лиц его героев, редкостная смелость в превращении священного и возвышенного в повседневное и оттого в «более настоящее») выразила этот процесс. Ее «просторечие» дало искусству неведомые до того возможности раскрытия «высоких сюжетов»: антураж повседневности в ветхозаветной и евангельской сцене придавал изображенному новую глубину, приближая чудо к обычности. На протяжении всего XVII в. «соперником» караваджизма выступало искусство мастеров Болонской школы (создателями которой были братья Карраччи, около 1585 г. основавшие «Академию вступивших на истинный путь») и художников, пошедших по ее пути (Гвидо Рени, Доменикино, Гверчино, и др.). «Болонцы» отстаивали культ идеальной красоты, извлеченной из реального опыта, преображенной работой памяти и возвеличенной. Однако сейчас, в перспективе веков, становится понятно, что моментов соприкосновения между академизмом и караваджизмом было не меньше, чем противоречий, – идеального не отвергал караваджизм, бытовым, повседневным, просторечным увлекались и болонцы.

Отношение к идеальному показательнее всего раскрылось в живописи на мифологические сюжеты, идеальной по определению, но в XVII в. получившей множество оригинальных толкований. У Рубенса мифологичность

тотальна – мифологизированы его портреты, исторические картины, пейзажи, ее ключ – аллегория, знак. Его ученик Якоб Йорданс, с одной стороны, упрощает миф, делает его натуральным, с другой – как бы современным, т.е. подлинным (его сатиры среди фламандских крестьян). Менее прямолинейно и глубже открывает мир мифа Никола Пуссен. В картинах на библейские и евангельские сюжеты, сюжеты из античной истории и мифологии он естественно возрождает эпохи значительных поступков, истинного героизма, незамутненной нравственности, в них присутствует подлинная ностальгия без малейшего оттенка игры и стилизации. От иллюстративности полностью уходит Веласкес, его мифы – глубинный фон, универсальная литературная аллюзия, граница между реальностью и мифологическим полностью размыта, реальность сама – миф.

Открытием XVII в. было жанровое многообразие мира – живопись как бы меняла фокусы пристальности в изучении окружающего человека пространства. При этом крупнейшие мастера (Караваджо, Рембрандт, Веласкес, Сурбаран, Пуссен, Вермеер Делфтский), которых традиционно называют мастерами «внестилевой линии», будто суммировали в своем творчестве все жанровое многообразие, сохраняя платформу цельности искусства всего столетия, не дав ему рассыпаться на мелкие «феодалы владения».

Человек XVII в. как в никакую другую эпоху чувствует вертикаль земного – небесного, антиномичность мира и его измерений, контраст элементарно простого и изощренно сложного. Ключевым поэтому было «открытие» пейзажа и натюрморта, большого и малого миров. Мир, в эпоху Ренессанса представлявшийся гармонично устроенным, теперь оказывается пронизанным стихийными силами (Рубенс), в нем царствует фортуна, непредсказуемость, он становится многообразным, запутанным, человек в нем или герой, или игрушка судьбы (неаполитанские «романтики», А. Маньяско), или столь мал в этой грандиозной «архитектуре мироздания», что может существовать лишь в полнейшем согласии с ней (Лоррен). Особая линия пейзажа – исторические пейзажи Пуссена, в которых избраны особые моменты из начальной поры человеческой истории, когда человек еще только отрывается от природы и между ним и окружающим миром происходит разделение; когда человек становится не только частью природы, но и частью истории, и задается вопросом о своем предназначении.

Новой в XVII в. была концепция портрета, в котором одновременно существуют и лирическое, и надличностное, случайное («проговаривающиеся» жест, взгляд, деталь одежды) и социальная манера, тончайший, на нюансах, психологизм и маска. Унаследованный от Ренессанса героизированный индивидуализм в XVII в. принимает иные формы. Лучшие барочные портреты полны глубокой внутренней взволнованности, которую называли «величием души» (портреты кисти Рубенса и резца Бернини), эмоционально приподняты, исполнены полнокровной жизнерадостности, внутренней активности (в портретах Франса Халса). В лучших портретах кисти Рембрандта (прежде всего в его автопортретах) человек виден в увеличительное стекло – некоторые портреты поразительны тем, сколь мастер безжалостен, не страшась обнажить в модели или в своем автопортрете «все»: и горделивое самомнение, и опустошенность, и счастливый оптимизм, и рефлекссию на грани с депрессией, и неприятные черты. Простонародность типов у Ка-

раваджо как бы утрировала само реалистическое видение ради его оправдания, что сразу было принято мастерами портрета и понято современниками. Героєм-моделью может быть и монарх, и нищий (существование которых очевидно и реально), и мифический персонаж (по определению ненастоящий – его существование надо принять как игру), и святой (в его существование надо верить). Так, для Веласкеса безразлично, какое лицо (карлика, монарха, папы римского, своего ученика-мулата, детей, стариков, женщин) он будет писать – каждое есть источник правдивости жизни. Пуссен, а вслед за ним Филипп де Шампень (особенно в серии своих янсенистских портретов), превращают портрет в предмет философского обобщения о человеке, личности.

Окружающий человека малый предметный мир раскрывается в искусстве XVII в. не менее многообразно и сложно. Уже первый натюрморт Караваджо, его «Ваза с фруктами», представляет полный отрыв от традиции изображения предметного мира как подчиненного сюжету, сцене. Натюрморт как никакой другой род живописи отвечал вкусу эпохи барокко к аллегории и зашифрованным текстам: говорящими становились все предметы, и прочитать можно было любой набор предметов, исходя из постановки, цвета, фактур, литературных и философских аллюзий (натюрморты с завтраками, скромные и роскошные; натюрморты на сюжет «суеты сует», с часами, обгоревшими свечами, вещами, говорящими о праздной и легкой жизни, суетными мелочами или предметами, тронутыми тлением). Новое чувство видения предметного мира было связано также и с воцарением в голландском обществе прозаических вкусов буржуазной среды, занявшей место аристократии.

Сходные процессы происходили в бытовом жанре. Его предтечи – сценки в картинах и монументальной живописи на религиозные темы, в нравоучительных картинках, но только в XVII в. в Голландии, где в 40–60-е годы XVII в. он пережил настоящий «бум», оформился чистый жанр со своими законами (Хох, Терборх, Метсю, Адриан ван Остаде, Герард Доу, Ян Стен и др.). Его итогом можно считать произведения Вермеера Делфтского, бытовой сюжет которых обманчив, – художник изображает только существенное, не отвлекается на подробности, малая сценка превращается в нечто обобщающее, значительное.

Как и в эпоху Возрождения, первенство в живописи оставалось за Италией, ее влияние так или иначе затронуло искусство всех территорий Европы. Самая близкая по духу, и по сути самая барочная живопись создавалась во Фландрии, во многом благодаря ренессансной по типу, универсальной личности Питера Пауля Рубенса, а также благодаря художникам, вышедшим из его мастерской. Многообразным и сравнимым с итальянским был вклад французской школы живописи, в XVII в. развивавшейся, как и архитектура и скульптура, по нескольким направлениям: с одной стороны, господствовал классицизм и его понимание формы, сюжетов, композиции (в портрете, в религиозной картине, пейзаже), с другой – ошутимо сильнейшее влияние барочной концепции (прежде всего в аллегорической и исторической картине). Парадоксально, но показательно, что главные достижения французского искусства были подготовлены не во Франции, но в Риме, – его вершинами является творчество Никола Пуссена и Клода Лоррена, живших и работав-

ших там. Уникальное положение в западноевропейском искусстве занимала Голландия, для которой было характерно обилие самостоятельных художественных центров, сосуществование сразу множества направлений живописи, кристаллизация всех жанров живописи и многих их поджанров. В целом же голландское искусство в контексте барокко и «параллельно» с ним вело свою «внестилевую политику» – и ввиду сильной старонидерландской традиции, независимой от Италии, и вследствие перехода к протестантизму в его самом суровом, кальвинистском варианте, и с укреплением новых социальных слоев, связанных с завоеванием независимости от католической Испании и сложением буржуазии.

Испанская живопись в XVII в. как никакая другая сохранила верность своим национальным традициям, а знакомство с Италией (преимущественно через Неаполь, где воцарился караваджизм и работал испанец Хусепе Рибера), только освежило ее и придало ей силу. Барочные черты в творчестве величайшего испанца Диего Веласкеса на первый взгляд опознаются с трудом, но они – в уровне и типах обобщения личностного в портрете, в сложной драматургии исторических («Сдача Бреды») и мифологических («Пряхи») полотен, в игре пространств, отражений, аллюзий в величайшей его картине – «Менинах». Исконно испанские черты – истовую религиозность и благочестие – в разных вариантах воплотили в своих полотнах сдержанный до отстраненности и жесткости Франсиско Сурбаран и мягкий до сентиментальности Эстебан Мурильо.

Страны Северной, Центральной и Восточной Европы в основном пользовались услугами заезжих живописцев, их оригинальный вклад крайне мал. В Англии работали преимущественно приезжие мастера и «царствовал» фламандец Антонис ван Дейк, в германских землях собственная школа живописи сложилась во Франкфурте и лишь участие нескольких мастеров в общеевропейском движении искусства было заметным, в Праге всю первую четверть XVII в. господствовали маньеристические вкусы двора Рудольфа II, после чего художественная жизнь замерла, Польша и Венгрия при всей яркости местных явлений оставались живописными провинциями. Россия XVII в. была далека от европейского барокко в его чистых формах, но все же его влиянием была затронута не только русская архитектура, но и иконопись.

* * *

Пластика барокко в некотором смысле – лишь вариант живописи этого времени: скульптурные (высеченные из камня) и пластические (моделированные, литые) произведения барокко в процессе работы мастера превращаются как бы в живописные импровизации. Мастер барокко предпочитает сложный, изогнутый рисунок движения; его статуи будто «не стоят на месте», человек представлен почти всегда в движении, в ситуации смены эмоциональных состояний. Обращение к психологии, раскрывавшееся, согласно пониманию эпохи, в экстремальных состояниях личности – в экстазе (Тереза Авильская в «Экстазе Святой Терезы» Дж. Л. Бернини), боли, предсмертной агонии (его же «Святой Себастьян» и «Святая Людовика», «Милон Кротонский» Пьера Пюже), гримасе (портреты-характеры Ф.К. Мессершмидта), героическом порыве (портрет Людовика XIV Дж. Л. Бернини), натуралистически изображенных страданиях (натуралистические страдания хри-

мироощущение, выразившееся в понимании антиномичной структуры мира и человека, открытие самой изменчивости и иллюзорности жизни, осознание одиночества и слабости человека в бесконечной Вселенной и, следовательно, непостоянства счастья, шаткости жизненных ценностей, всесилья рока и случая. Яркому чувству жизни в ее многосложном психологическом аспекте нередко сопутствуют в литературе барокко мотивы разочарования, смятения, его окрашивает мрачно пессимистический колорит. Кажущееся и действительное часто неотделимы друг от друга, люди считают, будто они управляют вещами, а на самом деле часто оказываются в плену этих вещей (в подобные тона окрашены религиозная поэзия барокко во Франции, творчество Джона Донна и «поэтов-метафизиков» в Англии, драматургия Кальдерона в Испании, мистическая поэзия в Германии и т.д.).

Из отношения к жизни как к театральному действу проистекало требование в литературе фантазии, яркости, неожиданности, воздействия на все чувства человека. Театрализация жизни, поступка и слова стали стержнем жизни и выразились в демонстративности художественного стиля, в подчеркнуто декоративных средствах выражения и изъяснения, в гиперболизации характеров и характеристик и их утрировке. Свидетельством господства в барочной поэтике принципа «расточительности» художественных средств, должных волновать и удивлять, является избыточность подробностей, отказ от линейности в композиции и развитии конфликта. Литературу барокко отличают, как правило, повышенная экспрессивность и тяготеющая к патетике эмоциональность, стремление раскрепостить воображение, ошеломить читателя, пристрастие к метафоричности, к иносказанию и аллегории, основанным на сближении и сопоставлении как будто чуждых друг другу, далеко отстоящих явлений, к сочетанию и смешению иррационального и чувственного, эмоционального и рационального, экстравагантного и рассудочного, комического и трагического, тяга к диссонансам, игре контрастов.

Сдвиги по сравнению с эпохой Возрождения происходят в системе жанров, культивируемых западноевропейской литературой. XVII столетие – время блестящего расцвета драматургии (Тирсо де Молина и Кальдерон в Испании, Корнель, Расин и Мольер во Франции, Бен Джонсон и Драйден в Англии, Грифиус в Германии, Бредеро и Вондел в Голландии, комедия дель арте в Италии); рождающийся роман (испанский плутовской роман; Сорель, Скаррон во Франции; Гриммельсгаузен в Германии, отчасти Бэньян в Англии) сменяет ренессансную новеллу, как род литературы расцветают эпистолярный и мемуарный жанры.

Определенное своеобразие форм складывается в литературе отдельных стран Европы. Если итальянской литературе барокко в целом чужды иррационалистические и мистические мотивы, то они очевидны в немецкой литературе первой половины XVII в. Во второй половине столетия в Германии пышно расцветает аристократическое барокко (Цезен, Гофмансвальдау, Лопштейн), но вместе с тем появляется фигура Гриммельсгаузена, творчество которого отличается почти реалистической трезвостью. Эта потенция наблюдается и в ряде произведений испанской литературы, принадлежащих эстетической системе барокко («Истории жизни пройдохи» Кеведо). Во Франции в сфере духовной жизни (в литературе и философии) сильное развитие получает рационалистическое начало, барокко тяготеет к сочетанию с классициз-

Дж.Л. Бернини. Давид. 1623–1624 гг.
Галерея Боргезе, Рим

стианских мучеников, особенно в скульптуре Испании) объединяет всю барочную скульптуру в один психоэмоциональный мир экстремальных и антиномических состояний. Не случайно эллинистическая статуя группы Лаокоона, терзаемой змеями, была так популярна в XVII в. и повлияла на многие произведения скульптуры как образец правды психологизма и аффекта страдания.

* * *

Как и всякая стилевая эпоха, барокко может быть понято в широком смысле как общий тип мышления времени, черты которого при внимательном рассмотрении будут раскрываться во всех явлениях жизни (это можно описать словами «картина мира», «мировидение», «миропонимание») – от архитектуры и искусства, литературы, музыки и философии до повседневной жизни. При этом, конечно, всегда будет сохраняться доля несовпадения, хронологических несоответствий, не позволяющих все явления одного времени рассматривать как стилистические

синонимы. Прежде всего, это касается литературы и музыки.

«XVII век» в развитии западноевропейских литератур с 1600 по 1700 г. – не календарное понятие, обозначающее столетие, а определение самостоятельной эпохи, обладающей, однако, в разных странах различными хронологическими рубежами.

В первой половине XVII столетия свою притягательную силу в литературном мире Европы сохраняла Италия, былой очаг культуры Возрождения и вместе с тем страна, где раньше всего начали складываться барокко и классицизм. В то же время ведущую роль играет литература Испании, переживающая свой «золотой век», – ее влияние заметно и во Франции, и в Германии, и в Англии. Ко второй половине XVII в. главным очагом всеевропейских литературных влияний становится Франция, возрастает авторитет французского классицизма в целом.

Архитектуру, изобразительные искусства, литературу и музыку барокко, а также философию объединяют как их генетические корни, так и общее

мом (Корнель, прецизная литература). Характерные приметы этого феномена есть и в творчестве англичан – писателя Драйдена и поэта Дж. Милтона.

Понимание чувств как меняющихся состояний, нередко противоречивых, и психологии как контрастных «чистых» аффектов сделало драматургию почти самой яркой выразительницей времени. Не случайно, что на грани театра и музыки на рубеже XVI и XVII вв. сложилась музыкальная драма – опера. Выросшая из реконструкции античной трагедии (разработанной во флорентийском кружке Барди), из ренессансной пасторали, из театрализованно-музыкальных придворных действ с балетными мизансценами, она стала величайшим созданием барокко. Появившись во Флоренции («Орфей» Дж. Каччини и «Орфей» Я. Пери), она быстро дошла до Рима (здесь возник особый ее жанр – духовная опера: «Святой Алексей» Стефано Ланди, 1632 г.), где очень скоро угасла, так как вызвала раздражение папы Иннокентия X. Это вызвало перемещение центра новаций в Венецию; произведения венецианской оперной школы (Ф. Кавалли, М.А. Чести, К. Монтеверди) чем-то сродни живописи венецианской школы и венецианской архитектуре, их отличают живописная сложность формы, прозрачная чистота звука, фантазия. Величайший шедевр венецианской оперы – «Коронация Поппеи» Клаудио Монтеверди (1642 г.); ее полифонические хоры, виртуозные дуэты, комические песенки, «перебивающие» пафос и энергию основной линии, панорамность и фресковая масштабность музыки суммируют главные достижения венецианцев в музыке. В 1637 г. в Венеции по инициативе Монтеверди был открыт первый в мире публичный оперный театр, через несколько лет подобные театры открылись в Лондоне, Гамбурге, Париже, Праге и Вене. Черты «взволнованного стиля» Монтеверди нашли отражение в творчестве и исполнительской манере выдающихся мастеров барочного концерта.

Во второй половине XVII в. лидерство уже перешло к Неаполю (здесь начинателем оперы стал А. Скарлатти), где сложилась «*opera seria*» – «серьезная опера», строящаяся на помпезных эффектах, необычности поступков и аллегории.

В отличие от творений венецианцев, в «*opera seria*» отсутствуют хоры, ансамбли немногочисленны, все драматические события, речитативы передаются «сухими речитативами», которые звучат на фоне аккордов клавесина. Но далее следует «аккомпанированный речитатив» на фоне оркестра, подготавливающего самые важные эпизоды оперы – большие мелодические арии, раскрывающие всю силу чувства, напряжение эмоций. Бельканто, которое строится на чередовании кантилен и колоратур, напрягающих и «освобождающих» чувство, доведено в неаполитанской «*opera seria*» до совершенства.

Только французская опера смогла противостоять Италии, своей музыкой полностью завоевавшей Европу. Жан-Батист Люлли, итальянец по происхождению, главный музыкант двора Людовика XIV, от классической трагедии Корнеля и Расина взял возвышенный и торжественный стиль декламации, героическое начало, конфликт сильных страстей. Он является создателем драматически насыщенного, патетического декламационного монолога и чистой увертюры, буквально не связанной с содержанием оперы, но подготавливающей ее действо. Музыкальный язык Люлли не очень сложен, но полностью нов: ясность гармонии, ритмическая энергия, четкость членения формы, чистота фактуры говорят о победе принципов гомофонного мышле-

ния (см. ниже). Включавшиеся в оперу балетные вставки, служившие для развлечения, в то же время держали структуру музыкальной драмы, насыщали ее внесюжетными аллюзиями.

Помимо Италии и Франции, остальные территории Европы оперы почти не знали. Редким и драгоценным исключением является творчество английского композитора Генри Пёрселла; его опера «Дидона и Эней», которую отличает утонченный психологизм, строгий благородный тон – одна из самых глубоких в мировой музыке. Развитие оперы отвечает совершенствованию музыкальной техники в XVII в. После произведений одного из основателей сольного пения Джулио Каччини и его теоретических трактатов многоголосная контрапунктическая музыка лишилась своего преобладающего значения. Одной из важнейших новаций XVII в. был переход от полифонии к гомофонии – типу многоголосия, где один голос или мелодия главенствует, выражая суть музыкальной идеи, а все остальные подчиняются ей, став гармоническим сопровождением или аккомпанементом, углубляющим и оттеняющим ее. Наступило время господства генерал-баса – особого технического приема, который представлял собой условную запись аккомпанеента к верхнему голосу – мелодии; каждая басовая нота сопровождалась цифровым обозначением, указывавшим, какая именно гармония подразумевалась в данном месте. Искусством записи и расшифровки генерал-баса владел каждый композитор и исполнители на органе, лютне и клавесине, – последние по своему усмотрению могли варьировать фактуру изложения, украшая аккорды приемами фигурации. Так сам музыкальный язык обретал автономию, и музыка накапливала опыт, чтобы со временем стать «театром без зрелища».

Развитие барочной музыки тесно связано с обособлением различных инструментальных жанров – концерта и концерто гротто, сонаты (разработанные в творчестве Арканджело Корелли в конце XVII в. и Антонио Вивальди в первой четверти XVIII в.), сюиты, оформившейся в творчестве французских композиторов в конце XVII в. Как и оперы Люлли, жанр концерто гротто построен на сильных контрастах; инструменты делятся на участвующие в звучании полного оркестра и меньшую солирующую группу. Музыка построена на резких переходах от громко звучащих частей к тихим, быстрые пассажи противопоставлены медленным.

При «неуловимости» точных определений для музыки XVII в., многие ее характеристики близки барочным темам и приемам, видимым в живописи, архитектуре, скульптуре и литературе. Так, при всем различии индивидуальностей и масштабов дарования ее создателей, музыкальные произведения барокко роднят сложные музыкальные формы, наличие многих тем, ведомых одной сквозной, эмблематичность и аллегоричность (например, эмблемы креста в духовных сочинениях), торжественность и эмоциональная сила, элемент продуманной импровизации, возведенной в принцип, богатство и свобода фантазии, нередко склонность к патетике, драматизму, ораторской интонации. Но с другой стороны, несомненно, что декоративность и иллюстративность барочной музыки обманчивы: кажется, весь ее смысл в поиске полной нематериальности и совершенства звука, в удалении от натуральности – к совершенному рисунку.

Понимание жизни в драматургическом ключе, сочетание аффектации и нюансированности, балансирование между высоким и низким, жанровым,

усложнение и углубление мировидения, открывающиеся во всех формах деятельности человека барокко, будто суммированы в театре эпохи. Театр этой эпохи – торжество живописи, использование постоянно меняющихся перспективных декораций (плоскостные декорации Ренессанса сменились глубинной сценой-коробкой), сложная машинерия. Новшеством стало применение различных световых эффектов – восхода или захода солнца, быстрого затемнения сцены, изображение пожаров, наводнений, молний и т.д. Интересную схему в своей «Подзорной трубе Аристотеля» (1654) выстраивает теоретик литературы барокко Э. Тезауро: внешние изображения должны способствовать представлению разнообразных душевных состояний и открывать разуму новые проблемы. Этому служат немые произведения живописцев и скульпторов, затем драма, где эффект выразительности усиливается словом и жестом, картина, сопровождаемая девизом или иным объяснением, и, наконец, пантомима. Жизнь не только сон, считает Тезауро, она – театральное действие. Еще более театрализованной стала придворная жизнь и церемониал, светский быт. Отношения становятся театрализованными, театральная искусственность, игра превращается в важнейшую часть правильного поведения в обществе.

Фантазийность и аллегоричность мышления, аффектация эмоций, момент импровизации, «живописность» как тотальный принцип любой – зрительной, музыкальной, словесной – изобразительности, тотальное тяготение к вскрытию противоречивых начал, поиск новой одухотворенности, – эти черты можно объединить все явления эпохи барокко и мироощущения «человека барокко». Тот же Тезауро утверждает, что мир поэтических созданий, порожденных фантазией, живет по своим особым законам, отличным от законов рационального мышления и логики. Гениальность свойственна не только людям – она заложена и в природе. Человек, природа, Бог – все они способны к творчеству и наделены гениальностью. Мысли Тезауро сходны с рассуждениями Д. Бартоли («Литератор», 1645; «Досуги мудреца», 1659), – он одним из первых ввел в европейскую литературу понятие вкуса, столь распространенное в XVIII в., и передал последующим столетиям термин «гений».

НАКАНУНЕ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Начало XVII в. в Западной Европе ознаменовалось мирной передышкой в борьбе между Испанской монархией, стремившейся утвердить свою гегемонию воинствующей защитницы католицизма, и тремя наиболее развитыми в экономическом отношении западными странами – Францией, Англией и Северными Нидерландами. Претенциозные планы закончились провалом, бессилие «Католического короля» перед протестантской «ересью» стало очевидным – но и противники Испании были еще недостаточно сильны, чтобы изменить характер войны, превратив ее в наступательную. В 1598 г. на основе статус-кво Испания заключила мир с Францией, в 1604 г. – с Англией; в 1609 г. было заключено сроком на 12 лет перемирие с Республикой Соединенных провинций Нидерландов. В предшествующей этому акту особой декларации Испания признала де-факто суверенитет новой республики.

В ноябре 1606 г. был заключен мирный договор между Священной Римской и Османской империями, завершивший развязанную турками войну 1593–1606 гг., причем условия мира в целом воспроизводили довоенное положение вещей. К тому времени внимание османов было отвлечено возобновившейся войной с Ираном (1603–1613), в ходе которой шаху Аббасу I удалось вернуть все отданные туркам по миру 1590 г. земли (Грузия, Армения, Азербайджан) и овладеть территорией Ирака, включая Багдад. На ближайшие полвека именно иранский фронт стал основным для Османского государства, а на венгеро-балканской военной границе установилось относительно затишье, что позволило австрийским Габсбургам сосредоточить усилия на укреплении своей власти в Священной Римской империи.

Контрреформация давала идейное обоснование их гегемонистским устремлениям. Однако, если в находившихся под властью эрцгерцога Фердинанда (будущего императора Фердинанда II) Штирии, Каринтии и Крайне католицизму уже удалось одержать полную победу, то в Нижней и Верхней Австрии и тем более в землях Венгерской и Чешской короны борьба обещала быть тяжелой. Она неизбежно должна была распространиться на всю Германию, где в 1608–1609 гг. сложились конфессиональные коалиции немецких князей: протестантская Евангелическая уния, возглавляемая курфюрстом Пфальца кальвинистом Фридрихом V, и Католическая лига во главе с герцогом Баварии Максимилианом I. Католическая лига выглядела сильнее и сплоченнее: протестанты были расколоты на враждовавших между собой лютеран и кальвинистов. Именно кальвинистам предстояло выдержать первый натиск Контрреформации: если законность лютеранского исповедания была признана Аугсбургским религиозным миром 1555 г. (и лютеранские курфюршества Северной Германии – Саксония и Бранденбург – на первых порах старались держаться в стороне от конфликта), то кальвинистская церковь подобной гарантии не имела. Обе коалиции надеялись на помощь извне. Католики рассчитывали на финансы и военные силы Испанской державы

в силу теснейшего союза между испанскими и австрийскими Габсбургами. Но такое изменение политической ситуации, чреватое угрозой габсбургской гегемонии в Европе, никак не устраивало соперников Испании – как протестантские Англию и Голландию, так и католическую Францию; их помощь стремилась обеспечить себе Евангелическая уния.

Другие европейские государства также могли вступить в борьбу на той или другой стороне. Союзный договор связывал императора с Речью Посполитой, чей король Сигизмунд III Ваза весьма успешно проводил в своих владениях политику Контрреформации. Получив по Деулинскому перемирию 1618 г. у ослабленной России Смоленщину и Новгород-Северскую землю, Польско-Литовское государство находилось, казалось, на вершине своих политических успехов. Однако Речь Посполитую отвлекало противостояние с лютеранской Швецией, не признавшей права Сигизмунда на отцовский шведский престол и стремившейся, отняв у него ливонские земли, расширить свой плацдарм на восточном берегу Балтийского моря. По Столбовскому миру с Россией в 1617 г. шведы приобрели русские волости по берегу Финского залива с устьем Невы, лишив Россию выхода к Балтике.

В Москве по-прежнему главным врагом считали Речь Посполитую, не отказавшуюся от притязаний на русский трон в лице королевича Владислава, и были готовы при благоприятных обстоятельствах начать с ней новую войну за возвращение утерянных территорий.

В орбиту войны в центре Европы предстояло быть вовлеченными почти всем европейским странам; однако участники конфликта вступали в него не сразу, и соотношение сил постоянно менялось. Тридцатилетнюю войну (1618–1648) принято делить на несколько периодов в соответствии с тем, кто выдвигался на первое место в антигабсбургской коалиции.

Чешско-пфальцский период (1618–1624). Началом Тридцатилетней войны считается восстание чешских сословий против имперской власти в мае 1618 г. Восставшие создали собственное правительство (директорию) и в августе 1619 г. объявили о низложении короля Чехии Фердинанда Штирийского (в том же месяце ставшего императором Фердинандом II); затем чешским монархом был избран курфюрст Фридрих V Пфальцкий, коронованный в Праге в ноябре 1619 г. К восстанию присоединились не только все земли Чешской короны, (Чехия, Моравия, Силезия и Верхняя и Нижняя Лужицы), но и сословные собрания Верхней и Нижней Австрии. Активную поддержку им оказал князь Трансильвании Габор Бетлен, вторгшийся на территорию принадлежавшего Габсбургам Венгерского королевства и занявший его столицу Пожонь (Братислава), так что непосредственная опасность стала угрожать самой Вене; в 1620 г. Бетлен даже принял титул короля Венгрии. Но в конечном счете Габсбурги и их союзники оказались сильнее. Испанская армия вторглась из Южных Нидерландов в Пфальц. Император получил финансовую помощь от Испании, папы, Генуи и Тосканы; было налажено оперативное взаимодействие с сильной армией Католической лиги. Между тем войска Евангелической унии действовали очень вяло; даже тот протестантский монарх, от которого Фридрих скорее всего мог бы ожидать поддержки – его тесть английский король Яков I – отказался признать законность его избрания и ограничился дипломатическими демаршами перед Испанией, имея в виду лишь сохранить за своим зятем Пфальц. Курфюрст лютеранской

Саксонии Иоганн Георг I даже принял участие в подавлении чешского восстания, получив за это выделенную из земель Чешской короны Лужицкую область.

8 ноября 1620 г. в битве при Белой Горе под Прагой чешское войско было наголову разбито; Прагу заняли католические войска, начались жестокие расправы с вождями восстания и насильственное окатоличивание страны. Фридрих V (за которым закрепится прозвище «однозимний король»), не пытаясь сопротивляться, бежал из Чехии, и обосновался как эмигрант в Голландии. В 1623 г. Фердинанд II объявил его лишенным сана курфюрста, который был передан в награду за помощь Максимилиану Баварскому, дальнему родственнику Фридриха из младшей ветви Виттельсбахов. Потеряв союзников, Габор Бетлен в конце 1621 г. заключил мир с Фердинандом, отказался от титула короля Венгрии; за это ему было уступлено несколько венгерских комитатов.

Но тогда же истек срок перемирия между Испанией и Республикой Соединенных провинций, война возобновилась на суше и на море. Ставшая центром мирового кредита Голландия взяла на себя роль организатора новых антигабсбургских коалиций. Отдельные протестантские отряды продолжали действовать на Западе Германии, грабя католические храмы и монастыри, разоря мирное население.

Датский период (1625–1629). Полная победа Габсбургов на первом этапе войны вызвала обеспокоенность у их соперников. Новый английский король Карл I решил занять более активную позицию, нежели его осторожный отец. Был заключен союзный договор между Англией и Республикой Соединенных провинций, в силу которого Карл в том же 1625 г. объявил войну Испании. В декабре 1625 г. был заключен трехсторонний договор между Англией, Соединенными провинциями и Данией: две первые державы давали деньги, а датский король Кристиан IV должен был в союзе с рядом северогерманских князей двинуться в глубь Германии. Военный престиж Дании держался тогда высоко (в 1611–1613 гг. она одержала верх в войне со Швецией, подкрепив свои претензии на роль хозяйки Балтики), но слабость ее сухопутной армии была вскоре наглядно продемонстрирована: уже в 1626 г. ее разгромили войска Католической лиги, к которым затем присоединилась императорская армия под командованием Альбрехта фон Валленштейна. Католические войска дошли до Балтийского побережья, вторглись в датскую Ютландию, и в 1629 г. Дания вышла из войны. Ее союзники, мекленбургские герцоги, были изгнаны из своих владений, Мекленбург передали в лен Валленштейну в награду за его заслуги.

После этого нового триумфа Фердинанд II счел себя в силах нанести решительный удар по протестантизму в Священной Римской империи. 6 марта 1629 г. им был издан Реституционный эдикт, требовавший возвращения Католической церкви всех ее имуществ, отобранных у нее после Пассауского перемирия 1552 г. Это означало прямое покушение на собственность новых владельцев бывших церковных земель – не только кальвинистов, но и лютеран – и способствовало укреплению единой протестантской коалиции.

Внешнеполитическая активность Англии оказалась безуспешной. Ни война против Испании (1625–1630), ни война против Франции с целью подержать гугенотов Ла-Рошели (1626–1629) не принесли славы британскому

флоту. Выйдя из обеих войн, Карл I перестал созывать парламент и, отказавшись от его финансовой поддержки, в континентальных делах стал поневоле ограничиваться дипломатическими демаршами.

Напротив, Франция под руководством Ришелье, покончив в 1628–1629 гг. с «гугенотской республикой» внутри страны, почувствовала себя готовой к систематической борьбе с притязаниями Габсбургов на европейскую гегемонию. Но пока еще не к открытой войне, для нее после датского провала надо было найти нового главного исполнителя.

Шведский период (1630–1635). В то время как разбитые войска Кристиана IV уходили из Германии, шведский король Густав Адольф отвоевывал все новые земли у Речи Посполитой в Прибалтике; он уже показал себя великолепным полководцем и готов был стать защитником своих немецких единоверцев. Французская дипломатия помогла ему в 1629 г. заключить на шесть лет перемирие с Польшей на очень выгодных для Швеции условиях.

В июле 1630 г. армия Густава Адольфа высадилась у устья Одера, шведы вытеснили имперские войска из Померании и Мекленбурга. Обстановка складывалась благоприятно: как раз в это время император отправил в отставку Валленштейна по настоянию имперского рейхстага, обеспокоенного диктаторскими замашками лучшего императорского полководца. В 1631 г. шведское войско двинулось в глубь Германии; союзниками Швеции стали Бранденбург и Саксония, и 17 сентября в битве при Брейтенфельде Густав Адольф разбил главную имперскую армию, после чего двинулся на юг, занял Франкфурт и Майнц. Шведский король держал себя властно, как повелитель всей Германии; впрочем, его дальнейшие политические планы так и остались тайной. Весной следующего 1632 г. победоносная шведская армия двинулась на юго-восток и овладела Мюнхеном. Прямая опасность угрожала Вене, и Фердинанд II был вынужден вернуть верховное командование Валленштейну, который быстро набрал армию, вытеснил из Чехии занявших ее саксонцев и стал действовать в шведском тылу. Густаву Адольфу пришлось повернуть на север, и 16 ноября 1632 г. при Лютцене (в Саксонии) состоялось новое генеральное сражение – шведы одержали победу, но Густав Адольф пал в бою. Противник пережил его ненадолго: в феврале 1634 г. могущественный Валленштейн, который повел подозрительную двойную игру, был убит по приказу императора.

Потеряв своего полководца, шведы лишились единства командования, и 6 сентября 1634 г. их армия была разгромлена при Нёрдлингене. Однако эта военная победа не привела к уходу шведов из Германии; в то же время стало ясным, что для победы над Габсбургами открытое военное вмешательство Франции является совершенно необходимым.

Фердинанд II извлек уроки из потрясения, испытанного его империей от шведского нашествия: он осознал невозможность проведения в жизнь Реституционного эдикта. 30 мая 1635 г. был подписан Пражский мир между императором и курфюрстом Саксонии; к условиям мира затем присоединились многие протестантские и католические князья, в частности курфюрсты Бранденбурга и Баварии. Для всех них декларировалась отсрочка исполнения Реституционного эдикта на 40 лет, что означало его фактическую отмену. Противникам императора была дарована амнистия, за исключением бывшего курфюрста Пфальца, к тому времени умершего (1632), и других

протестантских князей, нарушивших верность императору до 1630 г., года шведского вторжения. Теперь германские князья призывались объединиться для изгнания иностранных войск из пределов империи.

Пражский мир означал, что отныне война в Германии теряет свой межконфессиональный характер, религиозный фактор в Тридцатилетней войне перестал быть определяющим. Теперь речь шла о том, в какой мере императору удастся укрепить свою власть в Европе.

В 1632–1634 гг. на Востоке Европы шла война между Россией и Речью Посполитой, получившая название Смоленской. Видимо, московские власти переоценили свои силы, положившись на ослабление противника в обстановке бескорольева после смерти Сигизмунда III в апреле 1632 г. Военные действия возобновились за несколько месяцев до истечения срока Деулинского перемирия, осенью, по инициативе русской стороны; при этом России пришлось воевать без союзников: до 1635 г. действовало польско-шведское перемирие, к тому же шведы слишком сильно завязли в Германии. Вначале война шла успешно, русские войска заняли целый ряд малых крепостей на оккупированных в Смутное время территориях, однако осада Смоленска затянулась, на подмогу подошло польско-литовское войско во главе с новым королем Владиславом IV, осаждающие превратились в осажденных, и в конце концов главное русское войско вынуждено было пойти на капитуляцию. Успешная оборона русскими крепости Белой все же показала полякам, что война будет трудной, и в 1634 г. между двумя государствами был заключен Поляновский мир, закрепивший за Речью Посполитой практически все земли, доставшиеся ей по Деулинскому перемирию; зато Владислав IV отказался от притязаний на русский трон и признал законным царем Михаила Федоровича.

Франко-шведский период (1635–1648). Франция втягивалась в большую войну исподволь. В 1628–1630 гг. (Война за мантуанское наследство) ей удалось в противостоянии с Испанией и Савойей утвердить права французской ветви дома Гонзага на обладание Мантуей и Монферрато (Монферратом). Во время шведского нашествия многие католические правители Западной Германии, опасаясь непредсказуемого Густава Адольфа, отдавались под покровительство Франции. Так французам удалось закрепиться в ряде крепостей Эльзаса (Лотарингия была оккупирована в 1634 г.). Под французский патронат встал даже один из семи имперских курфюрстов, архиепископ Трира. Когда весной 1635 г. испанские войска заняли это курфюршество, а сам курфюрст оказался под арестом, это стало поводом к объявлению Францией войны Испании (19 мая 1635 г.). К тому времени был заключен наступательный союз Франции с Голландией и действовали союзные отношения между Францией и созданной в 1633 г. под эгидой Швеции Гейльброннской конфедерацией западногерманских протестантских князей.

В 1636 г. Франция вступила в войну и со Священной Римской империей; арест курфюрста Трирского и низложение курфюрста Пфальцского в 1623 г. дали французам основание для заявлений о незаконности избрания новым императором Фердинанда III (1637 г.) после смерти его отца.

На франко-испанских фронтах после первых неудач французов произошел решительный перелом в пользу Франции. Силы Испании были подорваны длительной войной. В 1640 г. восстала Каталония (вскоре оккупированная

Герард Терборх. Ратификация Мюнстерского договора. 1648 г. Национальная галерея, Лондон

французскими войсками); в декабре того же года, после восстания в Лиссабоне, вернула себе независимость Португалия, поспешившая заключить союз с Францией – на Пиренейском полуострове возник новый фронт.

Со взятием в 1640 г. Арраса к Франции перешла инициатива на фландрском фронте. После овладения в декабре 1638 г. мощной эльзасской крепостью Брейзах, господствовавшей над Рейном, французские армии начали совершать регулярные вторжения в глубь Германии; в союзе с ними действовали шведы.

Несмотря на союз с Саксонией и Бранденбургом, императору так и не удалось изгнать из Германии шведов, прочно обосновавшихся в Померании и Мекленбурге, откуда они совершали далекие рейды на земли Саксонии, Силезии, Чехии, Моравии. Не выдержав тягот войны, императора оставляют его союзники: в 1641 г. со Швецией примиряется Бранденбург, в 1645 г. – Саксония.

В 1643–1645 гг. Швеция, воспользовавшись удобным случаем, свела счеты со старой соперницей Данией: ее армия с тыла, из Германии вторглась на датскую территорию и быстро сломила сопротивление датчан на суше. По миру в Брёмсбру к Швеции отошли от Дании острова Готланд и Эзель (Сааремаа), область Халланд на юге Скандинавского полуострова, обширные норвежские земли; все шведские подданные были освобождены от уплаты пошлин за переход пролива Зунд.

Габсбурги еще находили в себе силы иногда наносить ответные удары, да и их противники не были в состоянии сломить сопротивление неприятеля; дотла разоренная и обезлюдившая Германия не могла прокормить большие армии. В октябре 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке были подписаны мирные договоры (Вестфальский мир), на полтора столетия определившие международное положение германских земель. Отныне была исключена возможность установить неограниченную власть императора в пределах Священной Римской империи. Было подтверждено и гарантировано иностранными державами (Францией и Швецией) фактически существовавшее и ранее право германских князей вести собственную внешнюю политику и заключать любые союзы (с формальной оговоркой, что они не должны быть направлены против императора). Был положен конец попыткам насильственного распространения на немецких землях католицизма: подтверждался принцип Аугсбургского религиозного мира «Чья страна, того и вера», который теперь стал распространяться и на кальвинистов.

В явном выигрыше оказалась Франция: она не только закрепилась в Эльзасе, но и обрела мосты для будущих вторжений французских войск в Германию, заняв прирейнские крепости Брейзах и Филиппсбург.

Еще нагляднее были приобретения Швеции: она получила секуляризованные епископства Бремен и Верден, город Висмар и Западную Померанию со Штеттином, взяв под контроль устья Везера, Эльбы и Одера.

Восточная половина Померании отошла к Бранденбургу, получившему выход к Балтике. Магдебург был на время передан второму сыну курфюрста Саксонии с оговоркой, что после его смерти магдебургские земли отойдут к Бранденбургу (это случилось в 1680 г.). Сама Саксония получила Лужицкую область, исключенную из состава земель Чешской короны.

Сын «однозимнего короля» Фридриха V вернул себе Нижний Пфальц и сан курфюрста, но лишился половины бывших владений (Верхний Пфальц), отданной Баварии, владетель которой также сохранил курфюршеское достоинство. В составе Священной Римской империи перестали числиться Республика Соединенных провинций и давно обретшая фактическую независимость Швейцария.

Хотя Тридцатилетняя война началась и закончилась в Праге (в момент заключения мира за обладание ею боролись шведская и имперская армии), никто не озаботился судьбой разгромленного чешского протестантизма. Здесь австрийские Габсбурги остались при плодах своей Белогорской победы; с 1626 г. чешская корона из избирательной стала наследственной в их династии.

Испания еще 30 января 1648 г. заключила мир с Республикой Соединенных провинций, окончательно признав ее независимость. Тогда же мог бы быть заключен и мир между Испанией и Францией: в 1647 г. против испанской власти восстал Неаполь, и испанцы были готовы пойти на очень большие уступки на переговорах, лишь бы развязать себе руки для борьбы против неаполитанской революции. Однако французская дипломатия упустила этот момент, в апреле 1648 г. Неаполь пал, и Испания предпочла продолжить войну со своей главной противницей.

Воспользовавшись ослаблением Франции в годы Фронды, испанцам удалось вновь овладеть Каталонией (1652 г.) и отвоевать ряд позиций во Фландрии. Только после того как в 1655 г. Франция вступила в союз с правительством протектора Кромвеля, вернувшимся к популярной в Англии антииспанской политике, в войне наступил решительный перелом. В 1658 г. союзные франко-английские войска разбили испанцев в битве у Дюнкерка и взяли эту важнейшую морскую базу, которая по соглашению между союзниками была отдана Англии. (В 1662 г., после английской Реставрации, Людовик XIV выкупил ее у Карла II.) 7 ноября 1659 г. был заключен Пиренейский мир между Францией и Испанией, скрепленный браком Людовика XIV с дочерью Филиппа IV Марией Терезой. Победившая в войне Франция получила важные провинции Артуа и Руссильон.

Еще дольше, до 1668 г., продолжалась испано-португальская война, последний конфликт, возникший в рамках Тридцатилетней войны. После безуспешных попыток покорить соседку Испании пришлось признать ее независимость.

Вестфальский мир означал известную «деидеологизацию» международных отношений: вражда между христианами разных конфессий сама по себе перестала порождать большие европейские войны. Зато уже с середины XVII в. Европа познакомилась с новым типом вооруженных конфликтов – войнами торгово-колониальными. Конечно, с самого начала европейской колониальной экспансии происходили столкновения между колонистами из разных стран, но было принято считать, что такого рода заокеанские конфликты не требуют разрыва отношений между метрополиями. В военных действиях Тридцатилетней войны также существовал «колониальный фронт» (захват французами ряда испанских Антильских островов, а голландцами – португальской Северной Бразилии) – но он был все же второстепенным. Теперь же споры по торговым и колониальным вопросам стали главной причиной двух англо-голландских войн, театром которых были воды европейского континента (военные действия происходили в основном на море).

Инициатором этого новшества стала революционная Англия, чья буржуазная элита была непосредственно заинтересована в победе над торговыми конкурентами. Первая англо-голландская война 1652–1654 гг. объяснялась нежеланием Соединенных провинций согласиться с английским «Навигационным актом» 1651 г. (см. главу об Англии).

Это был сильнейший удар для международных торговых посредников, в первую очередь голландцев. Война прошла успешно для англичан, и по условиям мира голландцам пришлось признать ограничения, установленные для них «Навигационным актом».

Вторая англо-голландская война (1665–1667) еще до своего официального объявления началась со столкновений в колониях, в Гвинее и Северной Америке (где английские колонисты в 1664 г. овладели голландским поселением Новый Амстердам, совр. Нью-Йорк). Война в европейских морях шла с переменным успехом; союзницей Соединенных провинций стала Франция, опасавшаяся установления абсолютной военно-морской гегемонии Англии. Бредский мир 1667 г. произвел демаркацию интересов: отдав англича-

нам Новый Амстердам, голландцы добились выгодных для себя поправок к «Навигационному акту» и получили остров Ран (Run), единственную английскую базу в Молуккском архипелаге, что означало утверждение монополии Соединенных провинций на мировом рынке пряностей. Таким образом, голландцы сделали ставку на колонии-фактории, а англичане – на поселенческие колонии. Только в следующем веке, когда цены на пряности упали, а разросшееся население английских колоний в Америке стало предъявлять все больший спрос на массовые товары своей метрополии, выяснилось, что английская ставка оказалась выигрышной.

ОТ МОРЯ ДО МОРЯ: «ПОТОП» И ДРУГИЕ ВОЙНЫ

В то время как на Западе Европы шла к концу затянувшаяся франко-испанская война, Восток континента от Балтики до Черного моря стал ареной многостороннего международного конфликта, в который помимо главных протагонистов (Россия, Швеция, Речь Посполитая – все три державы находились в состоянии войны друг с другом) вступали по ходу дела Крымское ханство, Бранденбург, Трансильвания, Дунайские княжества, Дания, Соединенные провинции и сам император Священной Римской империи. Иногда этот конфликт, не имеющий общепринятого названия, именуется Первой Северной войной (по аналогии с Северной войной 1700–1721 гг.). Однако его стержнем была не русско-шведская, а русско-польская война 1653–1667 гг., объявленная еще до того, как конфликт приобрел многосторонний характер с началом шведско-польской войны 1655–1660 гг., и продолжавшаяся после завершения русско-шведской войны 1656–1661 гг.

Истоки конфликта восходили к 1648 г. – году начала казацкой войны под руководством гетмана Запорожского войска Богдана Хмельницкого. После ряда блестящих побед на территории польской Украины образовалось фактически независимое первое украинское государство во главе с выборным гетманом. Хмельницкий опирался на военную помощь Крымского ханства, но крымцы, заботившиеся прежде всего о захвате военной добычи и пленников, показали себя ненадежными и неудобными союзниками. Гетман обратился за помощью в единоверную Москву. В октябре 1653 г. российский Земский собор решил объявить войну Польше и оказать помощь угнетаемым православным украинцам, приняв их в российское подданство. 18 января 1654 г. на знаменитой Переяславской раде было объявлено о переходе Украины в подданство к московскому государю при сохранении автономного гетманского управления.

Успехи русских войск в 1654–1655 гг. были ошеломляющими; в первый год были взяты Смоленск, Витебск, Полоцк и Могилев; во второй – Минск, Гродно, Каунас и столица Литвы Вильнюс, после чего царь объявил себя великим князем Литовским. На Украине русско-украинские войска вели осаду Львова, в Польше они доходили до Люблина. Постигшая Речь Посполитую военная катастрофа побудила к действиям шведского короля Карла X. В июне 1655 г. его войска высадились в Риге и, сломив недолгое сопротивление польских армий, в том же году заняли Варшаву и Краков.

Казалось, Речи Посполитой пришел конец, ее территория была разделена между Россией и Швецией, король Ян Казимир бежал во владения императора. В этой обстановке в Москве переоценили свои успехи, рассудив, что вопрос об Украине фактически уже решен и можно перейти к решению другой старой задачи российской политики – завоевать выход к Балтийскому морю. Война Швеции была объявлена в мае 1656 г.; русским удалось завоевать несколько городов в Лифляндии и Эстляндии (Динабург, Дерпт), но осада Риги осенью 1656 г. оказалась неудачной, и не удалось овладеть вообще ни одним балтийским портом.

Тем временем в Польше поднялась народная партизанская война против шведских захватчиков, король вернулся в страну, и организованное польское сопротивление возобновилось. 1655–1657 гг. были временем охватившей Польшу опустошительной войны, оставшейся в памяти польского народа под выразительным названием «Потоп». Швеция привлекла на свою сторону Бранденбург и Трансильванию, союзником Польши стал император. Русский двор осознал невозможность ведения войны на два фронта и в ноябре 1656 г. пошел на заключение двухлетнего перемирия с Польшей. Это решение привело к трениям с Хмельницким, для которого борьба против поляков продолжала оставаться главной задачей. Украинские полки примкнули к вторгшейся в Польшу армии князя Трансильвании Дьердя Ракоци, рассчитывавшего получить польскую корону; ему удалось даже на короткий срок овладеть Варшавой в июне 1657 г., но отряды гетмана были отозваны по настоянию Москвы, а к полякам пришли на помощь крымские татары, которые после перехода Украины под власть России стали постоянными союзниками Польши как более слабого соседа. Ракоци потерпел поражение и вышел из войны.

В июне 1657 г. войну Швеции объявила Дания. Карлу X пришлось выводить армию из Польши, шведский гарнизон в Кракове сдался имперским (австрийским) войскам, Бранденбург переменял фронт и также вошел в антишведскую коалицию. Однако Дания жестоко поплатилась за попытку вновь померяться силами с великодержавной соседкой. Войска датчан были разгромлены, и в феврале 1658 г. им пришлось пойти на мир в Роскилле – самый тяжелый в истории страны. Дания лишилась всех земель по ту сторону Зунда (в частности, изначально датской богатой провинции Сконе), своего единственного острова на Балтике Борнхольма и даже средней части Норвегии с Тронхеймом, древней столицей Норвежского королевства.

Вдохновленный этим успехом, Карл X в августе 1658 г. начал новую войну с Данией, на этот раз явно имея в виду покончить с ее политической независимостью, тогда Швеция стала бы хозяйкой обоих берегов Зунда. Но с такой перспективой никак не могли согласиться западноевропейские страны, заинтересованные в балтийском судоходстве – и в первую очередь Соединенные провинции, пославшие свой флот на помощь Дании. Датчане на этот раз держались стойко, отразив все попытки шведов овладеть Копенгагеном, голландцы одержали победу над шведским флотом, а на суше шведам нанесла поражение коалиционная датско-имперско-бранденбургская армия.

После смерти Карла X был подписан Оливский мир (3 мая 1660 г.) между Швецией и союзными Речью Посполитой, императором и Бранденбургом, закрепивший принадлежность Швеции завоеванных ею к 1629 г. земель в

Эстляндии и Лифляндии; в остальном границы остались прежними. Бранденбург извлек выгоду из своего удачного политического маневрирования: принадлежавшее курфюрсту герцогство Пруссия, ранее считавшееся вассальным по отношению к Польше, теперь избавилось от этой зависимости; через сорок лет новый курфюрст, воспользовавшись этим достижением, провозгласит себя королем Пруссии. Шведско-датский мир был заключен отдельно 6 июня 1660 г. в Копенгагене. Условия Роскилльского мира были подправлены в пользу Дании, она получила обратно Тронхейм и Борнхольм, но Сконе так навсегда и осталось за Швецией.

На русско-шведском фронте после неудачи русских под Ригой военные действия шли вяло, и в ноябре 1658 г. было заключено перемирие, а 1 июля 1661 г. – Кардисский мир. В то время Россия терпела неудачи в войне с Польшей (военные действия возобновились в 1658 г.), а у шведов руки были развязаны и они могли диктовать свои условия: все занятые русскими города были очищены и довоенные границы полностью подтверждены.

На Украине после смерти Богдана Хмельницкого (6 августа 1657 г.) началась борьба за гетманскую власть, причем среди казацкой старшины сложилась партия, предпочитавшая привилегированное положение подданных польской короны подчинению власти московских воевод. Новый гетман Иван Выговский, разгромив своих противников с помощью крымских татар, 16 сентября 1658 г. подписал с польскими представителями «Гадяцкие статьи» о возвращении Украины под власть Польши и попытался совместно с крымцами выбить русский гарнизон из Киева. Выговского удалось свергнуть в 1659 г., заменив сыном Богдана Хмельницкого Юрием. Осенью 1660 г. разразилась катастрофа: после неудачного боя Юрий Хмельницкий также объявил о своем переходе на сторону Польши, а московская армия потерпела тяжелое поражение под Чудновом от польско-крымского войска и капитулировала. После этого Украина разделилась в политическом отношении на Правобережную и Левобережную, каждая со своим гетманом; Правобережье подчинилось Польше, Левобережье вместе с Киевом и Запорожьем осталось под московской властью. Война продолжалась еще шесть лет, русские потеряли Вильно и постепенно отступали из Белоруссии, но прочно удерживали за собой украинское Левобережье.

Наконец, в январе 1667 г. было заключено Андрусовское перемирие сроком на 13,5 лет; обе страны были истощены и испытывали потребность не только в мире, но и в союзе перед лицом усилившейся османской и крымской агрессии. Польско-крымского союза уже не существовало; гетманом Правобережья стал с помощью крымского хана Петро Дорошенко, который в 1666–1667 гг. повел войну против Польши. По условиям перемирия Россия вернула себе Смоленщину и другие земли, потерянные во время Смуты и получила Левобережную Украину, но все взятое в Белоруссии пришлось возвратить Великому княжеству Литовскому. Из Киева русская сторона обещала вывести свои войска через два года, но обещание под разными предлогами не было исполнено; юридически вхождение Киева в состав России было оформлено Вечным миром 1686 г. (в обмен на уступку трех городов на литовской границе – Невеля, Себежа и Велижа, и была также выплачена денежная компенсация).

В Западной Европе в 60-е годы XVII в. после заключения Пиренейского мира 1659 г. победившая Франция могла занять позицию гегемона. Ослабленная Испания продолжала вести безнадежную войну с Португалией; Англия и Голландия враждовали между собой, и Людовик XIV получил возможность играть роль арбитра; к тому же положение вернувшегося в Англию в результате реставрации 1660 г. Карла II не выглядело прочным, и он нуждался в помощи, в частности и финансовой. Людовик XIV вел политику неуклонной, но осмотрительной экспансии. Он умел выжидать удобный момент, не упускал случая и стремился к тому, чтобы его территориальные претензии были подкреплены юридическими обоснованиями. Главным объектом экспансии должны были стать Испанские Нидерланды.

В Мадриде подходило к концу правление тестя Людовика XIV Филиппа IV. Единственным прямым наследником мужского пола был его родившийся в ноябре 1661 г. сын, очень болезненный инфант Карл. Если бы он умер в детском возрасте, испанская ветвь Габсбургов пресеклась бы, и встал бы вопрос о судьбе огромного наследства. При вступлении в брак с Людовиком инфанта Мария Тереза отказалась за себя и своих потомков от всяких прав на наследование отцовских владений, хотя этот отказ был обусловлен выплатой приданого, а его испанцы так и не выплатили. Инфант все-таки выжил и в 1665 г. наследовал отцу (Карл II Испанский).

Но и на этот случай у французской дипломатии была заготовлена юридическая зацепка. В некоторых принадлежащих Испании землях действовали нормы наследования, отдававшие предпочтение старшим дочерям от первого брака перед их младшими сводными братьями (право деволуции), и согласно этим нормам упомянутые земли, в том числе значительная часть Нидерландов, должны были достаться Марии Терезе.

Отправив в мае 1667 г. в Мадрид «Трактат о правах королевы» (Франция заявила в нем претензии на большую часть Испанских Нидерландов с Брюсселем и Антверпеном, на Люксембург и Франш-Конте), Людовик XIV без объявления войны вступил со своей армией во Фландрию. Так началась так называемая «Деволуционная» франко-испанская война 1667–1668 гг. Испанские крепости быстро сдавались; были взяты Турнэ, Кортрейк (Куртрэ), Дуэ, Лилль, затем было так же быстро оккупировано Франш-Конте. Особое беспокойство испытывала Голландия, опасавшаяся после захвата французами всех Южных Нидерландов стать соседкой мощной французской державы. 31 июля 1667 г. Бредским миром закончилась Вторая англо-голландская война (см. выше), а 23 января 1668 г. был заключен англо-голландско-шведский договор о Тройственном союзе. Формально он не был направлен против Франции, его целью было объявлено восстановление мира между Францией и Испанией на условиях, обещанных к этому времени Людовиком XIV (гораздо более скромных, чем заявленные им вначале притязания). Антифранцузскую направленность договору придавала секретная статья: союзники обязались воевать против Франции, если бы король сам отказался от своих условий. Об этой статье Людовик узнал очень скоро, и с тех пор разрушение Тройственного союза стало важнейшей задачей французской дипломатии. Аахенский мир с Испанией был заключен 2 мая 1668 г.: Людовик вернул ей

Франш-Конте, но оставил за собой все города Южных Нидерландов, которыми он овладел за время войны.

Разрушить Тройственный союз оказалось гораздо легче, чем ожидалось, — он был непрочен в самом основании. Вступивший в эту лигу Карл II Английский руководствовался провокационными целями: вызвать столкновение между Францией и Соединенными провинциями, возобновить англо-голландскую войну уже в союзе с Людовиком и, разбив старых врагов, укрепить собственную власть в Англии. Интересы королей совпали. Сверхсекретный англо-французский союз был подписан 1 июня 1670 г. в Дувре (его сверхсекретность объяснялась тем, что Карл, желая особо заинтересовать французского кузена и получить большие субсидии, обязался перейти в католичество — впрочем, оставляя за собой выбор момента этого перехода).

29 марта 1672 г. Англия, а 6 апреля Франция объявили войну Соединенным провинциям. Короли просчитались, недооценив стойкость сопротивления защищавшей свою независимость республики. Глубоко вторгшуюся в ее пределы французскую армию остановило море: голландцы затопили низины, открыв шлюзы. Объединенная эскадра двух монархий не смогла добиться победы над голландским флотом. Соединенные провинции выиграли время для того, чтобы найти союзников. В 1673 г. войну Франции объявили император и Испания.

Третья англо-голландская война 1672–1674 гг. отличалась от первых двух тем, что она не была популярна у английской буржуазии, которая после Бредского мира видела главного врага не в Голландии, а во Франции, быстро наращивавшей свой экономический и военно-морской потенциал. 19 февраля 1674 г. английский парламент заставил Карла II заключить сепаратный мир.

В 1674 г. французская армия была выведена с территории Соединенных провинций, и главной ареной военных действий стали Испанские Нидерланды. Перевес был явно на стороне французов, ими были взяты Валансьенн, Камбрэ, Сент-Омер, в 1678 г. Гент. На восточном фронте были отбиты все попытки имперцев вытеснить французов из Эльзаса.

Но чем больше были успехи, тем более антифранцузским становилось английское общественное мнение, и Карлу II приходилось с этим считаться. В ноябре 1677 г. был заключен брак между статхаудером Соединенных провинций Вильгельмом III Оранским и племянницей английского короля Марией; за этим последовало в январе 1678 г. оформление союзного договора между обеими странами. Начав войну как союзница Франции, Англия, казалось, была на пороге вступления во враждебную ей коалицию, чему изо всех сил противился Карл II, получавший субсидии от Людовика теперь уже просто за соблюдение нейтралитета.

Войну 1672–1679 гг. закончили Неймегенские (Нимвегенские) мирные трактаты. 10 августа 1678 г. был заключен франко-голландский мир, 17 сентября — франко-испанский. Франция получила от Испании Франш-Конте; линия границы с Южными Нидерландами была пересмотрена по сравнению с Аахенским миром: отдав некоторые слишком выдвинутые крепости, Франция приобрела Валансьенн, Камбрэ, Сент-Омер и другие города, и таким образом были установлены современные очертания франко-бельгийской границы. 5 февраля 1679 г. в том же Неймегене был подписан мир между Францией и Империей.

Но и после Неймегенских договоров мир оставался хрупким. Франция принялась расширять свои владения на германской границе, самочинно присоединяя один город за другим; юридические основания для этого подыскивали специально созданные «палаты присоединения» в Меце, Безансоне и Брейзахе. Самой заметной аннексией стало присоединение к Франции в сентябре 1681 г. Страсбурга. Эти акции вызвали большое беспокойство в Германии, но возможности императора противодействовать им были весьма ограничены: надвигалась угроза нового османского нашествия.

ОСМАНСКАЯ УГРОЗА, «СВЯЩЕННАЯ ЛИГА» И ЕВРОПЕЙСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Османский натиск на Европу возобновился после того, как в 1639 г. завершился полувековой период турецко-иранских войн; по условиям мира под власть османов отошла вся Месопотамия с Багдадом. Первой жертвой этого натиска стала Венецианская республика: ее продолжительная война с Турцией 1645–1669 гг. завершилась потерей венецианцами Крита. В 1663–1664 гг. османы, предварительно укрепив свое господство над подвассальными Трансильванией, Молдавией и Валахией, напали на венгерские владения Габсбургов. Несмотря на победу императорской армии при Сент-Готтхарде, Леопольд I предпочел смириться с фактом завоевания турками новых венгерских крепостей. Переход гетмана Правобережной Украины Дорошенко в подданство к турецкому султану спровоцировал турецко-польскую войну 1672–1676 гг., в результате которой под властью Порты оказалась сильнейшая крепость Каменец-Подольский и вся Подолия. Тем временем русское правительство решило, что новая ситуация на Правобережье освобождает его от соблюдения границы Андрусовского перемирия и сделало попытку присоединить Правобережное гетманство к Левобережному: в 1676 г. русско-украинские войска овладели Чигирином (бывшей столицей Богдана Хмельницкого), лишившийся былой популярности Дорошенко присягнул на верность царю и был выслан из Украины в российские пределы. Следствием была русско-турецкая война 1677–1681 гг. (так называемая «Чигиринская война»); после упорного сопротивления русским пришлось оставить дотла сожженный Чигирин, и Бахчисарайский мир зафиксировал границу по Днепру, при опустошении «буферной зоны» на правом берегу реки.

Мир с Россией позволил Порте сосредоточить усилия на главном направлении османской экспансии, к чему ее постоянно побуждала Франция. В 1682 г. Османская империя объявила войну Габсбургской, и в июле 1683 г. огромное турецкое войско осадило Вену. Германские государства сплотились перед лицом общей угрозы, рейхстаг вотировал большой налог на армию, император заключил союз с Речью Посполитой, и на помощь Вене пришло польское войско во главе с королем Яном Собеским. 12 сентября 1683 г. турки потерпели сокрушительный разгром под Веной, началось освобождение Венгрии. В 1684 г. под эгидой римского папы была создана Священная лига, дабы завершить успешно начатое изгнание турок из Европы. В ней участвовали Священная Римская империя, Речь Посполитая и Венеция. Ватикан оказывал лиге не только моральную, но и мощную финансовую поддержку.

В 1686 г. после заключения «Вечного мира» и союза с Речью Посполитой к лиге примкнула и Россия.

Подобный поворот событий оказался неожиданным для Людовика XIV. В обстановке, когда Европу охватил крестоносный энтузиазм, христианнейшему королю не подобало развязывать войну против Габсбургов. А между тем в том же 1683 г. уже началась новая франко-испанская война, вызванная притязаниями французских «палат присоединения» на ряд городов в Испанских Нидерландах. Французские войска вели наступление, опустошали Фландрию и Брабант, овладели Люксембургом. И эту успешную войну пришлось прервать: в августе 1684 г. было заключено сроком на 20 лет Регенсбургское перемирие между Францией, Империей и Испанией.

Изгнание турок шло успешно. В 1686 г. после трудной осады пала Буда, главный оплот их власти в Венгрии. В 1688 г. императорские войска взяли Белград. В следующем году они заняли всю Сербию и дошли до Македонии. Успешно действовали венецианцы, занявшие Пелопоннес и Афины. Казалось, что крах Османской державы принял обвальный характер и можно рассчитывать даже на освобождение Константинополя.

Людовик XIV не мог допустить такого усиления австрийских Габсбургов и в 1688 г. пошел на разрыв Регенсбургского перемирия. К тому времени ему противостояла созданная в 1686 г. Аугсбургская лига, куда вместе с императором вошли курфюрсты Баварии, Саксонии, Пфальца и многие другие немецкие княжества, а из государств, владевших землями в составе империи – Испания (Южные Нидерланды) и Швеция (Бремен, Верден и др.); лигу щедро финансировали Соединенные провинции.

Война 1688–1697 гг. между Францией и коалицией ее противников известна под названиями Войны за пфальцское наследство, или Войны с Аугсбургской лигой. Спор о Пфальце возник в 1685 г. после смерти бездетного курфюрста Карла II Зиммернского, брата невестки Людовика XIV Елизаветы Шарлотты (жены герцога Орлеанского). Курфюршество досталось Филиппу Вильгельму Нейбургскому, тестю императора Леопольда I, но Людовик решил отстаивать наследственные права своей невестки. Другим, непосредственным поводом к началу военных действий стала неудачная попытка французского монарха в 1688 г. провести на вакантный пост архиепископа-курфюрста Кельна своего ставленника, чему воспрепятствовал Ватикан. Фактически Франция, открыв новый антигабсбургский фронт на западе под мелкими предложениями, выступила как союзница Османской империи, спасавшая ее от разгрома. Последствия не преминули сказаться: в 1690 г. воспрянувшие духом турки нанесли контрудар, отвоевав Сербию вместе с Белградом.

Вскоре после начала войны на западе, ознаменовавшегося вторжением французских армий в Рейнскую область и безжалостным опустошением Пфальца, произошла «Славная революция» 1688–1689 гг. в Англии, усилившая дипломатическую изоляцию Франции. Новым английским королем стал Вильгельм III Оранский, статхаудер Соединенных провинций, свергнувший с престола своего тестя, католика Якова II. Две сильнейшие морские державы оказались объединенными личной унией, и Англия прочно вошла в ряды антифранцузской коалиции. Людовик XIV не признал законность англий-

ского переворота, приютил Якова II и помог ему при организации экспедиции в Ирландию, окончившейся в 1691 г. полным провалом.

Империя объявила войну Франции в октябре 1688 г.; в 1689 г. к коалиции присоединились Испания, Соединенные провинции и Англия, в 1690 г. – Савойя. Франции пришлось вести войну почти на всех своих границах (кроме швейцарской). В военном отношении она явно превосходила своих противников и на суше чаще всего побеждала. Ряд громких побед был одержан во Фландрии; в последний год войны была взята Барселона. Но, конечно, одолеть многочисленных противников чисто военными средствами было невозможно. Выход из войны приходилось искать дипломатическим путем, соглашаясь на некоторые территориальные жертвы.

В 1696 г. Франция ценой уступки нескольких крепостей склонила к миру Савойю. Общий мир был заключен в сентябре–октябре 1697 г. в Рисвике. Франция отказалась от всех сделанных в ходе войны завоеваний, отдала Испании города, полученные по Регенсбургскому перемирию 1684 г. (в частности Люксембург), отказалась от самочинных присоединений в Германии, осуществленных после Неймегенского (Нимвегенского) мира (но оставила за собой Страсбург), согласилась вернуть герцогу Лотарингии его оккупированные владения и признала Вильгельма III королем Англии. Подобная уступчивость объяснялась желанием иметь свободу рук в преддверии предстоящей борьбы за испанское наследство: конец бездетного Карла II Испанского был уже близок, а с ним пресекалась испанская ветвь дома Габсбургов.

Близился и конец войны Священной лиги. После отвоевания османами Белграда военные действия на имперско-турецком фронте велись с переменным успехом, пока в них не поставила точку блестящая победа Евгения Савойского над армией самого султана при Зенте (в Венгрии) 11 сентября 1697 г.

Военные успехи Польши оказались весьма скромными. Войско Яна Собеского было сильно своей шляхетской кавалерией, но пехоты имело мало, сейм не выделял средств на большую армию. Взять Каменец-Подольский оказалось не по силам. В дальние планы Собеского, вдохновленного своим триумфом под Веной, входило завоевание Молдавии и Валахии, но походы в Молдавию привели только к овладению несколькими небольшими крепостями.

За вступление России в войну Речь Посполитая заплатила выгодным для Москвы «Вечным миром» с уступкой Киева. Предполагалось, что русско-украинские войска поведут наступление непосредственно на Крым. Россия не имела опыта большой наступательной войны с Крымским ханством, и два похода (1687 и 1689 гг.) из-за плохой организации и неудачно выбранного маршрута окончились впустую. Для многочисленного войска, двигавшегося сухим путем на Перекоп, оказалось слишком трудным преодоление незаселенной безводной степи, и оба раза оно поворачивало обратно (во второй раз, правда, постояв несколько дней у Перекопа). После этого в Москве надолго потеряли интерес к войне, пока ею не заинтересовался молодой Петр I. Итогом его походов было взятие в 1696 г. Азова, турецкой крепости в устье Дона, для чего был использован новопостроенный русский речной флот. Однако

активизация русских военных усилий произошла слишком поздно, союзники по Священной лиге уже стремились к скорейшему заключению мира.

Этот мир был заключен в Карловицах в январе 1699 г. Император получил почти всю Венгрию и – как непосредственно подчиненное ему владение – Трансильванию, лишившуюся собственных князей. Венеция овладела Пелопоннесом. Польша в обмен на занятые ею крепости в Молдавии вернула себе Каменец-Подольский и всю Подолию. Русский представитель присутствовал в Карловицах, но смог добиться только заключения перемирия. Русско-турецкий мир был заключен позднее в Стамбуле 3 (14) июля 1700 г.: Россия получила Азов и освобождение от выплаты дани («поминок») крымскому хану.

Европа стояла на пороге двух новых больших международных конфликтов: Войны за испанское наследство и Великой Северной войны.

АНГЛИЯ В ПРАВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ СТЮАРТОВ

Родоначальник новой династии Яков I Стюарт (1603–1625) объединил под своей властью Англию, Шотландию и Ирландию, положив начало триединому королевству – Великобритании. Однако уже вскоре наметились разногласия между королем-шотландцем и его английскими подданными. Не питая должного уважения к английским политическим традициям, будучи убежденным сторонником абсолютизма, Яков отстаивал эту доктрину в самой крайней форме, утверждая, что королевская власть имеет божественное происхождение, государь является суверенным правителем, стоящим неизмеримо выше не только парламента, но и закона. Притязания Якова I вызвали негативную реакцию английских парламентариев и юристов, чувствительно относившихся к «древним английским свободам». Резкая полемика в парламенте против расширения королевской прерогативы и узурпации прав этого представительного органа не затихала с 1604 г. вплоть до его разгона Карлом I Стюартом в 1629 г.

При Якове I расходы короны возросли почти вдвое. Огромные средства шли на содержание двора, роскошь которого была притчей во языцех, как и падение нравов, которое общественное мнение приписывало влиянию королевских фаворитов, в частности Дж. Вильерса, герцога Бэкингема. Ради пополнения казны Стюарты прибегали к продажам дворянских званий и титулов, что вызывало раздражение родовитого дворянства и аристократии, но не радовало и мелких джентри: всякого джентльмена, чей доход составлял 40 фунтов стерлингов в год, принуждали покупать звание рыцаря, а в случае отказа облагали высоким штрафом.

В течение всей первой половины XVII в. Стюарты усиливали финансовый нажим на налогоплательщиков, требуя экстраординарных платежей и принудительных займов короне. Недовольство вызывали не только размеры сборов, но и заявления Якова и Карла I об их праве произвольно облагать население без согласия парламента.

С восшествием на престол Якова I произошла резкая смена внешнеполитического курса Англии. Заключенный в 1604 г. мир с Испанией был неодобрительно встречен населением, однако обеспечил экономический подъем и рост английского экспорта. Яков I стремился к установлению всеобщего мира между протестантскими и католическими государствами Европы. Он выдал свою дочь за кальвиниста Фридриха Пфальцского, но одновременно вел переговоры о браке сына Карла с испанской инфантой. Англичане не разделяли устремлений своего монарха, и вести о неудаче «испанского сватовства» были встречены ликованием. Призрак католической опасности виделся протестантам повсюду, в особенности после так называемого «Порохового заговора» 1605 г., когда группа католиков попыталась взорвать здание парламента вместе с королем.

Недовольство населения политикой короны возросло с началом Тридцатилетней войны в 1618 г., когда Яков, все еще веря в союз с Испанией, не решился открыто поддержать своего зятя Фридриха Пфальцского, ограничившись лишь финансовой помощью немецким протестантам. Позже принц Карл и герцог Бэкингем заняли антииспанскую позицию, и Англия вступила в войну с Испанией (1625–1630), однако это не снискало им популярности. Карл женился на французской принцессе-католичке Генриетте Марии, но этот подозрительный в глазах англичан альянс не предотвратил начала англо-французской войны (1627–1629), в которой Бэкингем неудачно пытался поддержать французских гугенотов.

Карл I (1625–1649) требовал двенадцатикратного увеличения налогов, помимо дополнительных сборов и займов на ведение войны. Несмотря на протестантские чувства, парламентарии отказались санкционировать такие расходы. Все сессии с 1624 по 1629 г. проходили в острейших спорах по этому вопросу. Их кульминацией стала выработанная оппозицией «Петиция о праве» (1628), отрицавшая право монарха на произвольное обложение населения без согласия парламента и осуждавшая незаконные аресты за отказ платить эти сборы.

В результате столкновений с оппозицией Карл I в 1629 г. разогнал парламент и до 1640 г. не собирал его, правя единолично и продолжая взимать пошлыны, корабельные деньги, вводить новые монополии, штрафовать джентри и даже представителей аристократии по любому поводу и без. Следствием этого стало почти полное отчуждение между королем и его ближайшим окружением, с одной стороны, и дворянским сообществом, купечеством лондонского Сити, основной массой налогоплательщиков, чьи интересы отстаивала парламентская оппозиция, – с другой.

Наметившийся в обществе раскол был усугублен религиозной политикой Стюартов. Толерантность Якова I по отношению к католикам настораживала протестантов, но искренность его кальвинистских убеждений не вызывала сомнений. Пуритане развернули широкую пропаганду против «англокатоликов» – прелатов, сохранявших и насаждавших «католические» обряды. В ответ были введены запреты на пуританские проповеди и диспуты, усилен контроль за единообразием службы и церковной дисциплины, активизировался суд Высокой комиссии, наблюдавшей за священниками и осуществлявший цензуру печати.

За этими репрессиями пуритане усматривали влияние нового врага – арминиян. Арминиянство стало весьма популярным в среде англиканского духовенства, эту доктрину разделяли большинство епископов Карла I, архиепископ Кентерберийский У. Лод и сам король. Идея сотрудничества Церкви и государства воплощалась в том, что Лод стал в 30-е годы главным советником короля, епископы активно работали в светской администрации и в мирных комиссиях, в том числе преследуя религиозных диссидентов.

В результате панических страхов перед англокатоликами и арминиянами, якобы захватившими двор и Церковь, усилился отток английских кальвинистов, как пресвитериан, так и индепендентов, в Новый Свет, где они получали свободу исповедовать веру по собственному усмотрению.

Свидетельством глубокого кризиса стюартовского режима стали полемика парламентской оппозиции с абсолютистскими претензиями короны, а

также этико-религиозное противостояние ее подданных и официальной государственной церкви. Дальнейшее нарастание политического кризиса привело Англию к взрыву – революции.

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII ВЕКА

Английская революция XVII в. представляла собой религиозно-политический и социальный конфликт, принявший форму парламентского противостояния и гражданских войн и повлекший радикальные перемены в общественных отношениях.

В 1637 г. в Шотландии, где Карл и архиепископ Лод стали насаждать англиканское богослужение, вспыхнуло восстание. Неудачи в англо-шотландской войне 1639–1640 гг. вынудили короля созвать парламент, который, однако, не проработал и месяца (13 апреля – 5 мая 1640), за что и получил название Короткого. После сокрушительного поражения от шотландцев в битве при Ньюбери королю вновь пришлось созвать парламент, позже получивший название Долгого (ноябрь 1640–1653 гг.).

Требования парламентской оппозиции нашли отражение в ее программных документах: «Петиции о корнях и ветвях» (1640) и «Великой ремонстрации» (1641). Обсуждение последнего из них обнаружило наличие расхождений в стане парламента, где все более четко различались пресвитериане и индипенденты. Главным в Великой ремонстрации был вопрос об обеспечении собственности на землю, движимое имущество и доходы от торговой и предпринимательской деятельности. Цель защиты собственности имущих подданных преследовали и два акта, принятых летом 1641 г.: Акт об упразднении Звездной палаты и Акт о незаконном сборе корабельных денег. Осенью 1641 г. по инициативе парламента по обвинению в государственной измене были брошены в Тауэр граф Страффорд и архиепископ Лод.

Декабрь 1641 – январь 1642 гг. были отмечены открытым противостоянием короля и палаты общин и началом памфлетной войны. Карл I уехал из Лондона на Север, чтобы собрать силы для вооруженной борьбы. В августе 1642 г. в Ноттингеме был поднят королевский штандарт: это стало началом Первой войны между королем и парламентом.

В целом, на стороне парламента выступили предприниматели, новое дворянство, йомены, торговцы, ремесленники и подмастерья преимущественно Восточной и Юго-Восточной Англии. Сторонники парламента именовались «круглоголовыми» (по форме короткой стрижки пуритан). На стороне короля выступали крупные землевладельцы-аристократы (преимущественно из «роялистских» северных и северо-западных графств, а также из Уэльса и Корнуолла), придворные, королевские чиновники, генералитет, англиканский епископат. Сторонники короля (роялисты) получили название «кавалеров».

Размежевание лагерей по социальному признаку совпадало в основном с разделением страны по признаку религиозному. Католики и англикане выступили на стороне короля, в то время как представители обоих основных течений пуританизма (пресвитериане и индипенденты) – на стороне парламента. Со временем эти религиозные течения все более приобретают

политическую окраску: выделяются так называемые «пресвитериане в парламенте» («политические пресвитериане») и так называемые «индепенденты в парламенте» («политические индепенденты»). Первые рассматривали войну лишь в качестве средства добиться соглашения с королем на предмет ряда полезных для них уступок – преимущественно в вопросе о собственности. Вторые были готовы вести войну с королем до победного конца.

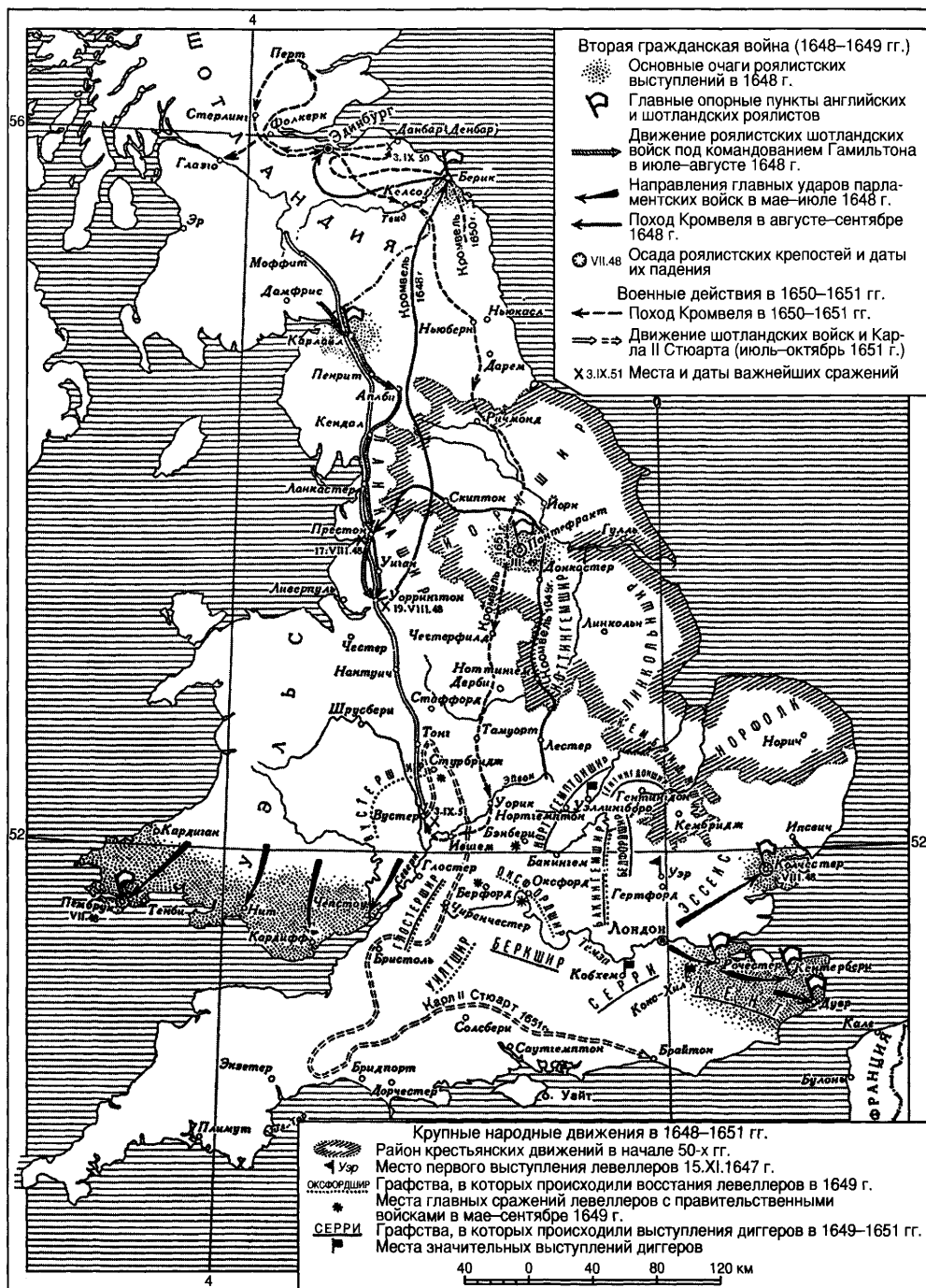
На начальном этапе войны армии не имелось ни у короля, ни у парламента. Единственной военной силой в стране была милиция (ополчение). Преимуществом парламента являлся контроль над Лондоном и его милицией, а также над военным флотом и основными портами страны.

В начале Первой гражданской войны (1642–1646) ярко проявил себя член палаты общин Оливер Кромвель (1599–1658). Из числа «крепких» йоменов-пуритан он создал ядро армии парламента – кавалерию кирасиров-«железнобоких». Тем не менее до лета 1644 г. материальное и военное преимущество было на стороне короля. В июле 1643 г. роялистам сдался Бристоль. На Севере они нанесли поражение части армии парламента; даже Лондон оказался под угрозой, но был спасен благодаря усилиям лондонской милиции. Лишь 2 июля 1644 г. в одном из решающих сражений – битве при Марстон-Муре – армия Кромвеля одержала победу над королем.

Бедствия английской деревни во время войны, усугубленные наступлением джентри (ставших в ходе революции полными собственниками земли) на права крестьян, привели в это время к ряду крестьянских выступлений в разных частях страны.

В середине 40-х годов позиции пресвитериан в парламенте несколько ослабли, что позволило индепендентам во главе с Кромвелем добиться перестройки армии. Вместо отрядов милиции и наемников при активном участии Кромвеля была создана единая регулярная армия «новой модели», состоявшая из добровольцев, поддерживавших парламент. Предусматривалось централизованное командование этой армией и ее содержание за счет государственных средств. На основании так называемого «билля о самоотречении» 1644 г. состоявшие в армии члены парламента должны были отказаться от своих командных постов. Совмещение было разрешено лишь одному члену парламента – Кромвелю, так много сделавшему для армии. К весне 1645 г. в армии «новой модели» насчитывалось 22 тыс. чел.; ударной ее силой стал шеститысячный отряд кавалерии «железнобоких». Главнокомандующим армии был назначен Томас Ферфакс, его помощником – Кромвель; среди ее командного состава имелись выходцы из народа: полковники Фокс, Прайд, Хьюсон, в недавнем прошлом являвшиеся соответственно котельщиком, извозчиком, сапожником. 14 июня 1645 г. армия «новой модели» разгромила роялистов в решающей битве при Нэсби. Король бежал на Север и в начале мая 1646 г. сдался в плен шотландцам, которые за сумму 400 тысяч фунтов стерлингов выдали его парламенту. Эти события положили конец Первой гражданской войне.

После победы при Нэсби пресвитериане парламента считали свои задачи выполненными. Уже во время войны парламент широко прибегал к конфискации земель у короля, епископата и прочих его активных сторонников. У парламента сосредоточился огромный земельный фонд – до половины

Английская революция

всех земель страны. Однако имело место и «обратное» движение земли к роялистам, скупавшим ее через подставных лиц в парламенте.

24 февраля 1646 г. палата общин ликвидировала систему феодальной опеки и Палату по делам опеки и отчуждений. Фактически этим постановлением было отменено рыцарское держание, что позволяло дворянам свободно распоряжаться своей земельной собственностью. При этом все повинности копигольдеров, составлявших большую часть английского крестьянства, сохранялись, копигольд не был превращен во фригольд (свободную собственность крестьянского типа). По-прежнему крестьян в их тяжбах с лордом должны были судить местные, манориальные суды, а не суды общего права. Так была подготовлена почва для наступления на копигольдеров: в XVIII в. последовало их беспрецедентное массовое обезземеливание в ходе парламентских огораживаний.

Наряду с крестьянами в период революции тяготы переживали и городские низы: парламент обложил налогами предметы первой необходимости (соль, топливо, пиво, ткани); резко вздорожала жизнь. Задерживалось жалование солдатам, которые были вынуждены жить за счет реквизиций у местного населения. Вызванное войной нарушение хозяйственных связей приводило к застою в промышленности и торговле.

С точки зрения буржуазно-дворянских кругов (представленных в парламенте пресвитерианами и частью индипендентов, которых за их близость к пресвитерианам называли «шелковыми»), после разгрома сил короля от армии, сделавшей свое дело, можно было избавиться. Зимой 1647 г. было принято постановление о ее роспуске. Однако солдаты и часть низшего офицерства, из рядов которого выдвинулись руководители – агитаторы, все более оттеснявшие от командования «грандов» (офицеров, представлявших верхушку командования), отказались сдать оружие. Борьба армии и парламента постепенно приобретала политический характер.

В этот период из рядов индипендентов выдвигается новая партия, в качестве главной задачи выдвигавшая требование уравниения людей в политических правах – левеллеры (уравнители). Руководитель левеллеров Джон Лильберн в своих политических воззрениях основывался на доктрине естественного права и принципе равенства людей от рождения. Левеллеры требовали привлечь народ к управлению страной, отрицали власть как монарха, так и парламента, представляющего сословную олигархию. Их идеалом являлось уничтожение всех сословных привилегий, выборы в «демократический парламент», установление свободы вероисповедания, демократизация суда, введение свободы торговли и др. Таким образом, они стремились к углублению революции в интересах более широких слоев. Однако готовность к демократизации у левеллеров была не безграничной: в своей программе они полностью обошли проблему копигольда, что ослабило демократическое крыло революции.

Между тем конфликт между армией и парламентом обострялся. На июнь парламент назначил роспуск армии, но его сорвали агитаторы, тесно связанные с левеллерами. Более того, солдаты перевезли Карла I в распоряжение армии. А когда в августе в Лондоне произошел переворот, во главе которого стояла пресвитерианская верхушка парламента, армия вошла в столицу. Парламент, по-прежнему склонный к компромиссу с монархией, попытался

положить конец демократизации армии и договориться с Карлом I об устраивающей обе стороны форме государственного устройства. По поручению грандов генерал Генри Айртон разработал документ «Главы предложений», в котором излагались основы «согласительной» с королем программы парламента. В противовес этой программе снизу был выдвинут политический манифест левеллеров «Народное соглашение». Оно представляло собой, по сути, проект республиканского устройства страны, хотя левеллеры и не решались открыто произносить слово «республика». В нем содержалось требование роспуска Долгого парламента и созыва нового, однопалатного, каждые два года на основе всеобщего избирательного права для мужчин. Программа левеллеров, несмотря на ее определенную социальную ограниченность, отличалась несомненным политическим радикализмом и сыграла большую роль в углублении революции.

С целью поставить под контроль движение за «Народное соглашение», индипенденты во главе с Кромвелем, не желавшие принять принцип всеобщего избирательного права и в этом смыкавшиеся с пресвитерианами и грандами, обсудили программный документ левеллеров на армейском совете в пригороде Лондона Пэтни (28 октября 1647 г.). 15 ноября 1647 г. на армейском смотре 14 зачинщиков бунта двух полков, настроенных бороться за «Народное соглашение», были арестованы и преданы суду, а один из них расстрелян перед строем. В армии была проведена чистка. Попытка неповиновения, вдохновленная идеями уравнилителей, была подавлена; армия вновь оказалась в руках грандов.

Между тем, пользуясь противоречиями в стане парламента, Карл I готовил новую войну. Он привлек на свою сторону шотландских пресвитериан и бежал на остров Уайт. Опасность, исходившая от роялистов, заставила пойти на сближение индипендентов-грандов, левеллеров и агитаторов. В результате на совете руководителей армии в Виндзоре в апреле 1648 г. Карл I был официально признан преступником за тягчайшие преступления против Божьего дела и нации.

Началась Вторая гражданская война. Разгромив мятежи роялистов на Западе и Юго-Востоке, Кромвель двинулся на Север и в битве при Престоне 17 августа 1648 г. разбил шотландцев, сражавшихся теперь на стороне короля. К концу месяца война фактически была закончена. Несмотря на склонность пресвитерианской части парламента к очередному компромиссу с королем, индипенденты в союзе с левеллерами решили судьбу английской монархии. Армейские офицеры перевезли Карла I с острова Уайт в замок, откуда он не мог бежать. 6 декабря произошла так называемая «Прайдова чистка»: отряд под началом полковника Прайда занял вход в парламент и не пропустил туда пресвитериан, готовых к сделке с королем. Индипенденты, оставшись в парламенте в большинстве, в декабре 1648 г. приняли решение о суде над королем. 4 января 1649 г. парламент провозгласил себя носителем верховной власти в стране: Англия фактически стала республикой, а в мае республику провозгласили официально. Назначенный парламентом Верховный суд после долгих колебаний вынес Карлу I смертный приговор. 30 января 1649 г. король был обезглавлен. В марте 1649 г. была упразднена Палата лордов и отменена королевская власть «как ненужная, обременительная и вредная для свободы».

Политический радикализм английских революционеров сочетался с социальным консерватизмом. Весной 1649 г. последовал окончательный разрыв индепендентов, составлявших отныне большинство в однопалатном парламенте Республики, с левеллерами. Лильберн, назвавший власть индепендентов «новыми цепями Англии», вместе со своими сторонниками был брошен в Тауэр. Борьбу за «Народное соглашение» возглавили «армейские» левеллеры. В войсках вспыхнуло восстание, жестоко подавленное Кромвелем. Трагедия движения левеллеров во многом объяснялась тем, что в основе их концепции «народного суверенитета» лежало ограниченное социальное содержание самого понятия «народ», которое, отделяя непривилегированные сословия от джентри, одновременно исключало неимущие слои города и деревни.

Демократическое разрешение аграрного вопроса в интересах крестьянства Англии предлагали «истинные левеллеры». Это движение, возглавленное Джерардом Уинстенли, возникло весной 1649 г. и являлось отражением надежд крестьянства на то, что с уничтожением королевской власти станет возможно переустроить жизнь на основах справедливости. Уинстенли писал о том, что в стране не может быть истинной свободы, пока земля остается в собственности лордов и что революция, уничтожившая власть короля, не может считаться законченной, если осталась власть лордов над копигольдерами. В памфлете «Закон свободы», представлявшем проект переустройства общества на основе отмены частной собственности на землю, он писал о том, что справедливость может проявляться в виде признания земли общим достоянием народа. Когда Уинстенли и 30–40 его сторонников начали сообщать вскапывать не принадлежавшую им, но пустующую землю в графстве Суррей (откуда и возникло их прозвище – «диггеры», т.е. «копатели»), против них, несмотря на мирный характер движения, ополчились все партии, включая левеллеров: ведь диггеры посягнули на принцип неприкосновенности частной собственности. Движение было подавлено. Поражение левеллеров и «истинных левеллеров» сузило социальную базу индепендентской республики, предопределив тем самым неизбежность ее крушения.

1649–1653 гг. в истории республики известны как годы «завоевания Ирландии». Контроль над ней со стороны Англии ослаб во время гражданских войн, и в 1641 г. ирландцы-католики восстали против протестантски настроенной английской администрации, создав католическую Конфедеративную Ирландию. Для усмирения конфедератов и конфискации их земель в Ирландию прибыли войска Кромвеля, жестоко подавившие восстание. Ирландские католики были вынуждены перебираться на крайний Запад страны или эмигрировать, а их земли раздавались английским сторонникам Кромвеля. Постепенно в стране сформировался слой земельных собственников, принадлежавших к протестантской административной элите – выходцам из Англии и Шотландии.

Схожие черты имела и политика в Шотландии, где сын казненного Карла I был провозглашен королем под именем Карла II. Войска Кромвеля вторглись в страну и разгромили шотландцев в битве при Денбаре (1650 г.), а затем в сражении при Вустере (1651 г.). Ударом по господству старинных кланов стала конфискация большей части земель шотландской аристократии.

Однако часть среднего и мелкого дворянства Шотландии после уплаты штрафов сохранила свои владения.

Одновременно индипендентская республика была вынуждена подавлять роялистские выступления в американских колониях, особенно южных, где преобладали монархисты и сторонники англиканской церкви. Казнь короля вызвала открытый протест в их среде. В 1650 г. парламент объявил колонистов, не признавших республики, изменниками. Со временем колониям пришлось подчиниться республике – но лишь после введения последней некоторых уступок: так, была допущена свобода вероисповедания, введена свобода торговли со всеми государствами (за исключением находившихся в состоянии войны с Англией) и др.

Внешняя и торговая политика республики основывалась на принципах государственного протекционизма. В 1651 г. был издан «Навигационный акт». Иностранцам запрещалось торговать с английскими колониями без разрешения правительства Англии, а неевропейские товары разрешалось ввозить в Англию лишь на ее кораблях. Товары из Европы могли ввозиться либо на английских судах, либо на судах той страны, где они производились. Рыбу могли ввозить лишь при условии, что она добыта английскими рыболовными судами. Эти законы были призваны устранить из английской торговли с колониями и европейскими странами посредничество Голландии. Соединенные провинции отказались признать навигационные законы, что привело к англо-голландской войне 1652–1654 гг., закончившейся победой Англии. Голландия была вынуждена признать Навигационные акты, хотя после Второй и Третьей англо-голландских войн их действие было несколько смягчено.

Военные победы и внешнеполитические достижения Кромвеля на время предотвратили реставрацию Стюартов. Политика «землеустройства» в Англии, Ирландии и Шотландии и переход огромного фонда конфискованных земель в руки английских предпринимателей и нового дворянства расширили круг людей, считавших революцию законченной. Новые собственники были заинтересованы в установлении сильной власти.

Не сумев убедить членов «Охвостья Долгого парламента» в необходимости самороспуска, 20 апреля 1653 г. Кромвель явился в палату общин в сопровождении солдат и разогнал «Охвостье». Взамен он попытался создать более представительный орган, в котором он мог бы иметь большее влияние. В июле 1653 г. был создан так называемый Малый парламент «святых», состоявший из кандидатов локальных религиозных общин, часть которых представляла собой весьма экзальтированных представителей крайних сект и течений, ожидавших наступления тысячелетнего царства Христа. Политические идеи стали облекаться в оболочку мистических чаяний. Кромвель просчитался, не учтя сохраняющейся в низах общества жажды перемен. Малый парламент оказался весьма активен и демократичен в своей политике, им были поставлены вопросы об освобождении копигольда от лежавших на нем повинностей, об отделении Церкви от государства, введении гражданского брака, отмене церковной десятины, реформировании общего права страны. Деятельность Малого парламента вызвала резкий протест в окружении Кромвеля. 12 декабря 1653 г. он был распущен, а реформы, начатые им, прерваны. Согласно новому конституционному проекту, названному «Орудие

Р. Уокер. Портрет Оливера Кромвеля. Середина XVII в.
Национальная портретная галерея, Лондон

управления», вся полнота власти перешла в руки Кромвеля вместе с титулом «лорд-протектор». Протектор становился пожизненным главой республики. Он должен был править страной совместно с однопалатным парламентом, избиравшимся на основе высокого имущественного ценза (200 фунтов стерлингов). Это делало избрание доступным для новых собственников: представителей дворянства, крупной и отчасти средней буржуазии.

Протекторат Оливера Кромвеля (1653–1658) представлял собой режим военной диктатуры, подавлявшей выступления «низов». Отсюда проистекало и стремление «новых собственников» к реставрации старых порядков и в конечном итоге – к возвращению монархии. В 1657 г. была восстановлена Палата лордов; Кромвелю была предложена королевская корона, однако он не принял ее. Режим протектората завершился в 1658 г. со смертью лорда-протектора. Роялисты все более открыто стремились к реставрации династии Стюартов. Новый протектор, Ричард Кромвель, не мог противостоять реставраторским тенденциям. 25 мая 1659 г. он был низложен, власть номинально перешла к восстановленному «Охвостью» Долгого парламента.

Однако генерал Монк, командовавший шотландской армией, занял Лондон и созвал новый парламент, который обратился к Карлу II с предложением занять английский престол на основе условий, изложенных в Бредской декларации 1660 г. Возвращение Карла II в Англию знаменовало реставрацию монархии Стюартов.

РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ И «СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Взойдя на престол, Карл II (1660–1685) стремился создать стабильный режим и проводить политику религиозной терпимости. Согласно Бредской декларации, власть должна была принадлежать королю, Палате общин и восстановленной Палате лордов. Был принят закон об амнистии, не распространявшийся на участников суда над Карлом I (их позднее казнили) и нескольких активных деятелей революции. Тело Кромвеля было извлечено из могилы и повешено. Несмотря на обещания, данные в Бреде, был принят закон о возвращении короне, Церкви и роялистам конфискованных земель, исполненный, впрочем, лишь отчасти.

Карл II был склонен к компромиссам, стремился избегать конфликтов, любил увеселения, ему был чужд религиозный ригоризм. Король и глава правительства граф Кларендон не желали выталкивать на политическую периферию пресвитериан и диссентеров (так называли религиозно инакомыслящих). Кроме того, Карл, младший брат которого герцог Йоркский (будущий Яков II) и жена Екатерина Португальская исповедовали католицизм, считал необходимым облегчить жизнь католиков.

Парламентские выборы 1661 г. дали ощутимый перевес роялистам. «Кавалерский парламент», как его именовали, мог уже не оглядываться на недавних союзников-пресвитериан и постепенно восстановил значительную часть прежней политической конструкции. Королю вернули право единолично формировать Тайный совет и назначать должностных лиц на церковные и административные посты, налагать вето на парламентские билли, приостанавливать законы, созывать и распускать палаты, единолично вести внешнюю политику. Отменили гарантии периодичности созывов парламента; распустили профессиональную армию, отменили насильственное присоединение Шотландии и восстановили в ней епископат.

«Кавалерский парламент» отказался от ряда положений Бредской декларации, восстановил англиканскую церковь в прежнем виде, вернул епископов в Палату лордов (восстановленную в 1660 г.). Затем были приняты Акт о корпорациях (1661), запрещавший пресвитерианам и сектантам избираться в структуры городского самоуправления, Акт о единообразии (1662), постановивший лишить приходов тех, кто отказался подписаться под англиканскими статьями, из-за чего около 2 тысяч пресвитериан оставили свои бенефиции.

В 1662 г. был принят Акт о цензуре, запрещавший издавать книги без разрешения властей, а в 1664–1665 гг. – законы против сектантов. Под угрозой штрафа и тюремного заключения запрещалось проводить религиозные собрания в частных домах; а священникам-сектантам запрещалось ближе чем на пять миль приближаться к местам своего прежнего проживания. Законы 1661–1665 гг., названные «Кодексом Кларендона», существенно подо-

рвали влияние пресвитериан, но число диссентеров по-прежнему оставалось весьма значительным.

Отношения «Кавалерского парламента» (1661–1679) и монарха за семнадцатилетний период совместного сосуществования претерпели существенную эволюцию. Сам Карл II не приветствовал насаждение англиканства и в декларациях в 1662, 1663, 1668, 1672 гг. заявлял о приоритете принципа веротерпимости. Однако он сталкивался с решительным сопротивлением палат, которые связывали предоставление очередных субсидий с отказом короля от политики свободы совести. Другой причиной разногласий становились постоянно исходившие от Короны требования денег. В 1662 г. плачевное состояние казны заставило Карла II продать французам завоеванный Кромвелем у испанцев Дюнкерк.

Во внешней политике Карла II преследовали неудачи. Начатая им в 1665 г. англо-голландская война развивалась крайне неудачно. В 1667 г. королю пришлось пойти на мир, так и не достигнув своих целей. В 1670 г. Карл II заключил договор с Людовиком XIV и согласился в обмен на финансовую помощь принять вместе с Францией участие в новой войне против Голландии. Тайная статья договора допускала восстановление в Англии католицизма. Этот союз и война с Голландией 1672–1674 гг. не получили одобрения в английском обществе. Английская элита боялась установления гегемонии католической Франции в Европе больше, чем коммерческих успехов Голландии. К тому же королевский двор все больше и больше подозревали в симпатии к католичеству. Военные неудачи и рост оппозиционных настроений внутри страны заставили Карла II заключить в 1674 г. с Голландией бесславный сепаратный мир.

В 1674 г. правительство возглавил граф Денби, который придерживался антифранцузского курса и стремился наладить диалог с парламентом. Подкупая должностями и пенсиями депутатов, он сколотил многочисленную проправительственную фракцию и добился от парламента больших субсидий. Однако главной проблемой, решить которую Денби оказалось не по силам, был сам Карл II, который неразумно тратил деньги и за спиной министра заключил с Францией новое секретное соглашение.

В 1678–1679 гг. антикатолическая ксенофобия достигла в английском обществе кульминации. По ложным обвинениям судебному преследованию подверглось более 1200 католиков, некоторых из них казнили. Оппозиция, ведомая графом Шефтсбери, кричала о наличии заговора. Риторика депутатов по своему накалу напоминала революционную. Всех католических лордов, кроме брата короля, герцога Йоркского, исключили из верхней палаты. Карл II, не веривший в заговор, но подвергавшийся огромному давлению, был вынужден пойти на новые ограничения свободы совести. Когда же появились публикации секретных дипломатических документов о французских выплатах Карлу II, парламентарии потребовали импичмента (отстранения) Денби. Тогда король распустил Кавалерский парламент. Перед тем как разойтись, депутаты в 1679 г. успели принять знаменитый Habeas Corpus Act, который ограничил срок ареста заключенного без предъявления обвинения тремя днями.

Карл II еще трижды созывал парламент. Необходимость координировать действия в ходе выборов и в палате общин способствовала формированию

политических партий. Именно тогда оппозиция получила название партии вигов, а сторонники Карла II – партии тори. Виги опирались на население крупных городов, центров предпринимательства. Не будучи противниками монархии, они стремились усилить значение парламента в управлении страной и ограничить королевские prerogatives; ввести принцип веротерпимости для протестантских диссентеров, но не для католиков. Виги были хорошо организованы. Парламентского большинства они добивались, используя антикатолические предрассудки соотечественников, проводя пропагандистские мероприятия, шествия, издавая острые памфлеты. Виги прославились эффективными петиционными компаниями в адрес короля. В Лондоне и крупных городах их организационными ячейками стали многочисленные кофейни и клубы.

Тори представляли консервативное провинциальное дворянство, которое обоснованно подозревало столичных политиков в продажности. Видя повсюду признаки неповиновения короне, тори выступали за охрану королевской prerogatives, которую считали основой государственной стабильности, придерживались теории божественного происхождения монархии и пропагандировали идею повиновения власти.

В парламентах 1679–1681 гг. преобладали виги, раздувавшие антикатолическую истерию, инициировавшие судебные процессы и казни католиков. Виги настойчиво требовали лишить герцога Йоркского права престолонаследования. Обращаясь к договорной теории происхождения государства, они утверждали, что король обязан выполнять волю народа и назначить своим преемником протестанта: либо собственного незаконнорожденного сына герцога Монмаута, либо дочь герцога Йоркского протестантку Марию, жену штатгальтера (статхаудера) Голландии Вильгельма Оранского.

Католическая угроза оказалась мнимой, зато возможность новых потрясений – реальной. Подданные же боялись смуты больше, чем папизма. Англиканские прелаты поддержали короля, говоря, что под предлогом борьбы с папистским заговором диссентеры и виги хотят уничтожить установленный церковный порядок. В Лондоне прошли шествия в поддержку короны. Карл II распустил и уже больше не собирал парламент.

В конце жизни короля на страну, казалось, снизошло умиротворение: парламент не беспокоил его своими претензиями, право законного наследника не подвергалось сомнению, англиканская церковь стояла незыблемо и поддерживала династию, торговля росла, колонии в Северной Америке крепили и развивались.

Интеллектуальные дарования взошедшего на престол брата короля Якова II (1685–1688) были скромными, но он обладал решительным характером и получил опыт, командуя флотом в войне с Голландией и в ходе антикатолической кампании, когда его пытались лишить прав на престол. Первое время ему удавалось пожирать плоды политической стабилизации, достигнутой его братом. Хотя у кормила власти в протестантской стране встал убежденный католик, парламент сразу же удовлетворил его финансовые запросы. Мятеж графа Аргайла в Шотландии и восстание герцога Монмаута в Англии были быстро подавлены.

Политику веротерпимости Яков II проводил очень прямолинейно. Он приостановил правовые ограничения для католиков и стал назначать их

на административные и военные должности. Эти действия, совпавшие с отменой во Франции Нантского эдикта (1685) и начавшимися там гонениями на протестантов, были восприняты в Англии как результат всеобщего заговора папистов против Реформации. Парламент и англиканская церковь стали протестовать. Монарх не смог обрести союзников среди диссентеров, уклонявшихся от поддержки короля. В 1687 и 1688 гг. Яков II издавал Декларации о веротерпимости, тут же осуждавшиеся англиканской церковью. В знак протеста архиепископ Кентерберийский и еще шесть епископов отправились в добровольное заключение в Тауэр.

В 1688 г. у короля родился сын, которого крестили по католическому обряду. Перспектива длительного католического управления страной спровоцировала формирование широкой оппозиции королю, основу которой составили виги, богатые диссентеры, пресвитериане и даже некоторые англиканские священники и тории.

Наиболее влиятельные лорды от лица населения обратились к голландскому штатгальтеру Вильгельму Оранскому, женатому на дочери короля Марии, с приглашением занять трон. Вильгельм высадился в Англии, но не хотел сомнительной славы цареубийцы, поэтому двигался со своими войсками нарочито медленно, позволив Якову бежать во Францию.

Переворот требовал конституционного оформления. Специально созданный Конвент принял формулу, предложенную вигами: престол после бегства короля признавался вакантным, а Вильгельм и Мария объявлялись королем и королевой Англии. В то же время Конвент принял специальную «Декларацию прав», содержащую гарантии сохранения роли парламента. Монарх лишился прерогативы приостанавливать законы или менять их без согласия парламента. Ему запрещалось без санкции парламента взимать какие-либо сборы с подданных и содержать постоянную армию в мирное время. Декларация провозглашала свободу парламентских выборов, свободу слова и прений в стенах парламента, а также содержала запрет на любые преследования депутатов. Поскольку у Якова II был сын-католик, документ запретил передавать английскую корону лицам, исповедующим католическую религию. В декабре Декларация была утверждена в парламенте как Билль о правах. Благодаря мирному развитию событий и достигнутому соглашению между королем и парламентом, государственный переворот 1688–1689 гг. получил наименование «Славной революции». Билль о правах заложил правовые основы конституционной монархии в Англии.

Вильгельм III (1689–1702) был вынужден продолжить борьбу с тестем, который при поддержке французов овладел Ирландией. В защиту Стюарта поднялись горные шотландские кланы. Подавив эти восстания, Вильгельм до 1697 г. воевал с Францией. Пока шла война, он подолгу находился вне Англии, доверяя управление страной жене и узкой группе министров. Нужда в деньгах заставляла его ежегодно созывать парламент, просить субсидий и вести с депутатами диалог. Парламент, учредив специальную комиссию, впервые стал осуществлять контроль за расходованием государственных средств. Поскольку налоги не покрывали расходов на войну, приходилось прибегать к займам. Виги, доминировавшие в правительстве, преобразовали займы в единый государственный долг и в 1694 г. учредили для его обслуживания национальный банк. Банк быстро превратился в главный кредитный

инструмент Англии, стал выпускать банкноты и положил начало рынку ценных бумаг. К 1698 г. государственный долг вырос до 16 млн фунтов, и на его ежегодное обслуживание тратилось до 30% государственных доходов.

Вильгельм и Мария не имели наследников. Дети младшей сестры Марии Анны умерли. Поэтому в 1701 г. был принят Акт о престолонаследии, который еще больше ограничил королевскую прерогативу и подтвердил, что английский трон может быть унаследован только протестантом. Сын Якова II окончательно лишился надежд на корону. Право преемственности перешло к внучке Якова II Софии Ганноверской и ее детям. Акт утверждал независимость судей от королевской власти и возможность их смещения лишь обеими палатами; запрещал новым монархам покидать страну без разрешения парламента и миловать лиц, против которых начата процедура импичмента, не разрешал быть членами Палаты общин тем, кто получал жалование от короны.

КУЛЬТУРА АНГЛИИ В XVII ВЕКЕ

В истории английской культуры XVII века можно условно выделить три периода, обладавшие несомненным внутренним единством. Первый период охватывает почти половину столетия до 40-х годов XVII в. и начала Английской революции. Это была эпоха, сохранявшая преемственность с ренессансными традициями елизаветинского века, однако уже в 20–30-е годы на смену стилистике маньеризма пришло барокко.

Первые Стюарты продолжали традиции елизаветинского меценатства, покровительства литературе и театру, не жалея средств на художественную пропаганду новой династии на английском престоле. Популярной формой придворных развлечений, прославлявших Якова и Карла Стюартов, были любительские пьесы-маски с участием самих монархов, над сценическим оформлением которых трудились лучшие архитекторы (И. Джонс) и поэты (Б. Джонсон). В придворной живописи доминировал итало-фламандский маньеризм, ведущим архитектором был Иниго Джонс, которому принадлежал первый классический по стилю архитектурный ансамбль площади в Лондоне – Пьяцца Ковент-Гарден с церковью Св. Петра.

Заметным явлением при дворе стало коллекционирование произведений искусства. Прекрасную коллекцию живописи собрал Карл I. По его заказу Рубенс расписал плафон Банкетного зала дворца Уайтхолл сценами апофеоза Якова и аллегорического соединения Англии и Шотландии. Ученик Рубенса Антонис Ван Дейк, занимавший с 1635 г. должность придворного живописца, открыл новую эру в английском парадном портрете, создав незабываемый образ Карла I как правителя, непоколебимо уверенного в божественной природе своей власти. Благодаря влиянию Рубенса и Ван Дейка в Англии утвердилась эстетика барокко.

В развитии английского театра первой половины XVII в. можно выделить два этапа. Первый, продлившийся до начала 20-х годов, был временем наивысшего расцвета драматургии, представленной именами У. Шекспира, Б. Джонсона, Дж. Марстона, Ф. Бомонта и Дж. Флетчера. Театральное искусство этого времени продолжало развиваться в рамках гуманистической

мысли и эстетической традиции Ренессанса, хотя в нем все сильнее чувствовалось влияние маньеризма. Второй этап (20–40-е годы) стал временем относительного упадка английского театра, несмотря на то что для него продолжали писать талантливые драматурги – Д. Уэбстер, Дж. Флетчер и другие. Философской основой их пьес стал неостоицизм, а эстетическим идеалом – сенекианская драма с ее мрачным колоритом, буйством страстей, реками крови, присутствием потусторонних сил.

Плодотворно развивалась комедия: на рубеже XVI–XVII вв. была популярна романтическая авантюрная комедия, сочетавшая литературную или сказочную фабулу с элементами народного театрального действия. Ей на смену пришла комедия, тяготеющая к бытовому реализму, сатире и морализаторству в лице Бена Джонсона, зачинателя так называемой «комедии нравов», и авторов «городских комедий», с морализующими финалами и социальной критикой. В отличие от них авторы, писавшие для аристократов (Бомонт и Флетчер), избегали наставительного тона. Предлагая зрителю занимательные сюжеты с невероятными приключениями придворных кавалеров и дам, они демонстрировали снисходительное отношение к падению нравов при дворе и атмосфере вседозволенности.

Поэзии начала XVII в. свойственны отказ от петраркизма в любовной лирике, присутствие иронии и скептических ноток, любовь к парадоксам и остроумным интеллектуальным построениям, трезвая и зачастую пессимистическая оценка человека и окружающей действительности. Метафизической поэзии, зачинателем которой стал Джон Донн, присущи глубокая философичность, интеллектуализм наряду с остротой душевных переживаний и напряженностью религиозного чувства. Лирика «поэзии кавалеров», представленной в первую очередь Беном Джонсоном, была в большей степени сконцентрирована на переживании любовного чувства, противопоставлявшегося неумолимому бегу времени и хрупкости жизни, она воспевала наслаждения, отвечая вкусам придворной среды.

Второй период в развитии английской культуры XVII в. (1640–1660 гг.) был связан с революцией, которая перевернула прежние жизненные устои общества. Культура двора и «кавалеров», а вместе с ней и многие привычные формы светской литературы и искусств оказались сметены. На смену им пришел совершенно иной тип пуританской культуры «благочестивых», основывавшейся на кальвинистской этике. В течение двух десятилетий в Англии искоренялось все, что ей противоречило: мирская лирическая поэзия, театр, живопись. Гонениям подверглась и традиционная народная культура. Тем не менее этот период оказался плодотворным для развития общественной мысли, философии, героической эпической поэзии.

На годы революции и реставрации пришелся расцвет творчества Томаса Гоббса (1588–1679). В 50-х годах вышли в свет основные сочинения Гоббса – «Левиафан», «О теле» и «О человеке». Он пытался применить аналитические принципы математики, геометрии и механики к познанию человеческого общества. Антропология Гоббса воспринимала человека как механическое устройство, сердце которого уподоблялось пружине, а члены – колесикам и рычагам. Наличие у него духовной субстанции (не поддающейся измерению) он отвергал, как и возможность существования у людей имманентно присущего знания, в том числе идеи Творца. Полагая, что все

знания о мире человек получает из опыта благодаря чувственным ощущениям, на основе которых затем делает рациональные умозаключения, Гоббс стал одним из основоположников теории сенсуализма.

Общество также виделось Гоббсу устройством, движущимся по законам механики. В «Левиафане» он создал образ гигантского искусственного человека, объединяющего в себе множество людей – модель общества/государства. Гоббс исходил из положения о независимых и равных в своих возможностях индивидах, изначально пребывавших в «естественном» догосударственном состоянии «войны всех против всех». В дальнейшем люди ради порядка и безопасности делегировали права тем, кого признали властями; так зародились государство, право и гражданские законы. Важнейшим моментом его теории служил тезис о первичности общества по отношению к государству и любой форме власти. Философу принадлежал также тезис о постепенном «отчуждении» государства от общества, о неконтролируемом росте «Левиафана» с его учреждениями, поглощающими человеческую личность.

События 1640–1660 гг. оказали огромное влияние на творчество великого английского поэта, участника и певца революции Джона Милтона (Мильтона, 1608–1671). Приверженец пуританизма, сочувствовавший религиозным радикалам в их полемике с англиканской церковью, Милтон приветствовал революцию, видя в ней борьбу с тиранией королевской власти и духовным диктатом. После свержения монархии Милтон написал трактат «Защита английского народа», в котором оправдывал сопротивление абсолютизму. Милтон прославлял республику как наилучшую форму правления, позволяющую каждому выдвинуться благодаря его достоинствам и талантам. В 1649 г. Милтон стал секретарем республики. В результате крайнего перенапряжения сил Милтон ослеп, но продолжал работать.

Интеллектуальные поиски Милтона нашли отражение в трактате «О христианской доктрине», в котором автор высказал ряд граничивших с ересью идей (в частности, отрицал троичность Бога и выражал сомнения в бессмертии души) и противопоставил свободу христианина в истолковании Писания диктату мертвой догмы и авторитету церковной организации.

После крушения республики и реставрации монархии труды Милтона были публично сожжены. В эти годы поэт создал масштабные эпические поэмы на библейские темы – «Потерянный Рай» (1667), «Возвращенный Рай» (1671) и «Самсон-борец» (1671). В «Потерянном Рае» повествование о битве падших ангелов с небесной ратью превращается у Милтона в гимн восстанию против авторитета. «Возвращенный Рай» указывал путь к обретению внутреннего рая и спасения путем совершенствования человеческой души. В самой автобиографичной поэме, «Самсоне», Милтон прославляет борца за веру, героя, ослепленного врагами, но не сломленного ими. Обращение Милтона к эпическим формам и его величественный белый стих способствовали утверждению классицизма в английской литературе.

Реставрация всецело определила характер следующего, третьего этапа в развитии английской культуры, охватывавшего 1660–1700 гг. Бурные перемены в общественной жизни вызвали увлечение «социальной физикой». В то же время реакцией на недавние потрясения стало охлаждение религиозного пыла, на смену которому пришел умеренный рационализм. Успешное

развитие политической мысли, науки и литературы заложило основы идеологии раннего Просвещения в Англии.

Вместе с монархией в Англии возродилась и светская культура, носителями которой являлись дворяне и аристократы, противопоставлявшие себя «гонителям веселья» – пуританам. Одним из первых актов Карл II восстановил театр. В эпоху Реставрации он претерпел важные изменения: театральные помещения стали крытыми, сцена обрела рампу, отделявшую актеров от зрителей, появились изысканные декорации, женские роли впервые стали исполнять актрисы, а не актеры-мужчины.

Ханжество пуритан, грубость и алчность буржуазии подвергались осмеянию со сцены. Комедиографы У. Конгрив и Д. Фаркер оставили живые зарисовки легкомысленных нравов своего времени, не пытаясь обличать их. При дворе Вильгельма и Марии нравы стали строже, общественное мнение осуждало безнравственность, драматурги стали возвращаться к назидательности, увенчивая свои пьесы триумфом добродетели. К концу XVII в. бытовой реализм с его прозаическим языком, близким к повседневной речи образованных слоев общества, окончательно возобладал на английской сцене над романтической комедией Возрождения.

Традиции пуританской по духу литературы не прерывались и в эпоху Реставрации, найдя продолжение в творчестве крупнейшего прозаика того времени Джона Баньяна, чья аллегорическая поэма-видение «Путь паломника» (1678), трактующая человеческую жизнь как путь к истине и Небесному граду, была очень популярна в демократической среде.

Высшие достижения английской архитектуры этого времени связаны с именем Кристофера Рена (1632–1723), которому принадлежала главная роль в перестройке столицы после Великого Лондонского пожара 1666 г. По проектам Рена в Лондоне было возведено более 50 церквей, сочетавших классические черты в декорации фасадов с пышным барочным убранством интерьеров. Самым знаменитым творением зодчего стал лондонский собор Св. Павла, призванный играть в жизни протестантской Англии такую же важную роль, как собор Св. Петра в Риме – в жизни католиков.

У истоков раннего Просвещения стоял философ-деист Джон Локк. Он был последовательным сенсуалистом, утверждая, что человеческие знания и представления берут начало в мире чувств и опыта, и нет ничего в сознании человека, что прежде не было дано ему в ощущениях. Творца Локк представлял бестелесным мыслящим началом. Разумность и единство законов, по которым были устроены Вселенная, природа и человек, служили для философа гарантией познаваемости этого мира. «Социальная физика» Локка основывалась на идеях равенства людей по своей природе и их свободы. Осмысление итогов «Славной революции» привело Локка к мысли о необходимости распределения властных полномочий между тремя взаимосвязанными, но независимыми ветвями власти – законодательной (парламент), исполнительной (судебная система и армия) и федеративной (король и кабинет министров). Провозглашенные Локком политические принципы сделали его основоположником европейского либерализма. Признавая изначальное равенство людей, английский мыслитель объяснял различия в их умственном развитии и общественном положении стечением обстоятельств и воспитанием.

В конце XVII в. просветительские идеи стали оказывать влияние и на литераторов – Д. Дефо, Дж. Свифта. А. Поупа. Идеи раннего Просвещения способствовали активизации общественно-политической жизни. В политических клубах, светских салонах, научных и философских кружках, в которых формировалось общественное мнение, широко обсуждались свобода слова, политические свободы, борьба с цензурой и веротерпимость. Новые представления о роли образования и воспитания оказались близки английскому масонству, видевшему одной из своих целей преодоление сословных барьеров и просвещение общества.

Вторая половина XVII в. представляла собой качественно новый этап в развитии английской науки. Мифологизированную «органическую» картину мира сменила новая «механистическая» модель, основанная на математическом расчете и признании атомарного строения материи. Рационализм был присущ не только ученым, но и теологам (так называемым латитудинарианами), исходившим из того, что разум и откровение не противоречат друг другу, и истины веры должны быть умопостигаемы. Крупнейшие английские ученые обращались к вопросу о природе божественного и к физико-математическим доказательствам бытия Бога.

Исаак Ньютон (1642–1727) работал в Кембриджском университете над проблемами оптики, механики и астрономии. Его исследования подвели фундамент математических расчетов под теории его предшественников в астрономии и физике. Благодаря Ньютону окончательно сформировались новая картина мира (просуществовавшая вплоть до открытия Эйнштейном теории относительности) и облик новой европейской науки.

Менее известно, что значительная часть творческого наследия Ньютона – теологические труды, комментарии к Апокалипсису, полемические трактаты о Троице, написанные с неортодоксальных антитринитарных позиций, работы, показывающие глубокое влияние на ученого традиций алхимии и ренессансных эзотерических учений.

Ньютону принадлежало учение об абсолютном пространстве, в котором осуществляется движение, в то время как центр его, согласно физическим законам, должен пребывать в покое. Ньютон трактовал абсолютное пространство как атрибут Бога. Физико-математическими аргументами Ньютона, обосновывавшими божественное начало, широко пользовались деисты в XVIII в.

РЕСПУБЛИКА СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ В XVII ВЕКЕ

В первой половине XVII в. Соединенные провинции развивались в условиях тяжелой борьбы с Испанией – продолжалась Восьмидесятилетняя война, прерванная лишь Двенадцатилетним перемирием 1609–1621 гг. В экономическом развитии республики в этот период важную роль играла блокада устья Шельды, организованная северными провинциями еще в 1585 г. и не отмененная с началом перемирия. Прекращение свободной навигации по Шельде, исключившее для Антверпена возможность вести морскую торговлю, на которой базировалась его экономика, окончательно разорило город. Роль главного торгового центра и морского порта Европы перешла к Амстердаму.

В 1621 г. война северных провинций с Испанией возобновилась. Испанцы овладели рядом важных крепостей, в том числе в 1625 г. Бредой (голландцы вернули ее только в 1637 г.), что создало угрозу существованию Соединенных провинций. Но при статхаудере принце Фредерике Хендрике (1625–1647) войска республики отвоевали потерянное и начали наступление, захватив Маастрихт и выиграв несколько морских сражений. По Мюнстерскому миру 1648 г. Испания де-юре признала независимость республики, была определена северная граница Испанских Нидерландов, санкционировано закрытие устья Шельды для внешней торговли. Блокада Шельды прервала международные торговые связи Антверпена, почти на два века избавив портовые города Нидерландов от опасного конкурента.

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Семь северных нидерландских провинций: Гелдерн (Гельдерн), Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия, Оверэйссел и Гронинген, а также область Дренте, не имевшая представительства в Генеральных штатах, – вошли в состав Республики Соединенных провинций, высшим органом государственной власти которой являлись Генеральные штаты. Хотя исторически они были связаны с ранее существовавшими Генеральными штатами, их полномочия значительно выросли: теперь они имели право решать вопросы войны и мира, заключать договоры с другими странами. Каждая провинция имела в них один голос. Генеральные штаты издавали общие законы, вотиrowали налоги, контролировали деятельность высших административных и судебных учреждений, утверждали в высших должностях. Но процедура принятия решения была очень сложна. Депутатам приходилось выполнять наказ своих избирателей, и решение принималось только единогласно.

Первое место в аппарате Генеральных штатов занимал великий пенсионарий провинции Голландия. Должность статхаудера в республике была сохранена, хотя уже не было короля, чьи интересы он раньше представлял. Как правило, на эту должность избирали представителей династии Оранских-

Нассау. Статхаудеры обладали большой военной и административной властью и обычно занимали этот пост сразу в нескольких провинциях. В период войны статхаудер являлся главнокомандующим армией и флотом, в мирное время – главным капитаном армии и главным адмиралом флота. Однако в мирное время его права не были четко определены. В Генеральных штатах статхаудер имел лишь право совещательного голоса.

Значительно были урезаны права занимавшегося военными делами и финансами Государственного совета; к началу XVIII в. большая часть его полномочий перешла к Генеральным штатам. Но и их могущество в Республике было кажущимся: их полномочия ограничивались решением лишь вопросов, относящихся к Унии (союзу провинций). А верховная власть по сути находилась в руках суверенных провинций, и депутаты от каждой из них исполняли волю избирателей. Важные вопросы депутаты должны были представлять на рассмотрение местных органов управления, Провинциальных штатов. Добиваться в Генеральных штатах необходимого для принятия решения единогласия семи провинций удавалось с трудом. Императивный мандат депутатов нередко затягивал на месяцы и даже годы решение даже таких вопросов, как увеличение армии или участие в войне.

Споры в Генеральных штатах возникали не только из-за различия интересов провинций. На протяжении всего периода республики в ней существовали две основные противоборствующие силы. Одну из них представлял статхаудер, вокруг которого группировалась партия оранжистов, основу ее составляли аристократы. Оранжисты поддерживали стремление статхаудера стать первым лицом государства, выступали за более тесное объединение провинций республики и даже фактическое превращение страны в унитарную монархию. Поэтому их еще называли унитаристами.

Оранжистам противостояли «республиканцы» – партия купеческой олигархии Голландии. Великий пенсионарий провинции Голландия являлся одной из ее главных фигур. Партия «республиканцев» объединяла депутатов Провинциальных штатов, регентов провинций и городов, купечество. Регенты образовывали замкнутую группу очень влиятельных и богатых людей. Они занимали важные должности в городском управлении и в Провинциальных штатах, обладали большой властью в фискальных и судебных делах, местной экономике. Республиканская партия, отстаивая принцип суверенности провинций, стремилась ослабить власть Генеральных штатов и решать дела Унии в интересах прежде всего провинции Голландия.

Борьба за власть между республиканской и оранжистской партиями сопровождалась тяжелыми кризисами в системе управления страной. При этом внешнеполитическая ситуация часто имела решающее значение.

Внешнеполитический курс страны стал одной из причин конфликта между статхаудером Морицем Нассауским, противником перемирия с Испанией, и великим пенсионарием провинции Голландия Олденбарневелтом, видевшем в компромиссе с Испанией возможность поправить финансовое положение республики. Эта борьба переплелась с религиозными спорами между арминиянами и гомаристами. Арминияне, умеренные кальвинисты, последователи лейденского теолога Арминия, выступали за веротерпимость и ограничение вмешательства церкви в вопросы политики, гомаристы во главе с проповедником Гомаром счи-

тали веротерпимость ересью, требовали усиления центральной власти и влияния церкви в делах государства.

Статхаудер, в противовес симпатизировавшему арминиянам Олденбарневелту, открыто принял сторону гомаристов. Олденбарневелт расценил это как вызов, и поскольку религиозные споры вызвали в ряде городов разногласия и даже волнения, инициировал принятие Штатами Голландии указа («Жесткая резолюция» от 4 августа 1617 г.), который не только позволял городам самостоятельно формировать отряды наемных войск с целью наведения порядка в городах, но и обязывал глав подразделений регулярных войск действовать совместно с ними. Мориц Нассауский расценил это как ущемление своих полномочий и в ответ совершил государственный переворот. При поддержке Амстердама, армии и части депутатов Генеральных штатов он в 1618 г. распустил все сформированные на основании «Жесткой резолюции» военные отряды и изгнал арминиян из магистратов городов. 29 августа 1618 г. Олденбарневелт и его соратники как сторонники арминиян были арестованы; учение арминиян подвергалось осуждению церковью. Суд, начавшийся 20 февраля 1619 г., обвинил Олденбарневелта в государственной измене (речь шла о якобы имевших место тайных связях с испанцами), и 13 мая 1619 г. он был казнен. Спустя два года война с Испанией возобновилась.

Активная политическая борьба между «республиканцами» и оранжистами шла на всех уровнях власти. При этом центральная власть в стране, идет ли речь о Генеральных штатах или статхаудерах, никогда не была настолько сильной, чтобы победить партикуляризм провинций.

Существовавшая в Соединенных провинциях веротерпимость не была безоговорочной: кальвинистская церковь являлась официальной церковью республики и подчинялась властям, а в 1619 г. католикам запрещено было отправлять свой культ публично и занимать гражданские и военные посты. Однако законы против них редко исполняли с положенной строгостью, и многие католики занимали должности в магистратах, становились армейскими офицерами. К 1650 г. протестанты составляли уже половину населения страны.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЭКОНОМИКИ

Соединенные провинции, географически расположенные очень выгодно, быстро выдвинулись в число могущественных мировых держав, по своему экономическому потенциалу обогнав уже в середине XVII в. все страны Европы. Это было прежде всего результатом установления на их территории новых общественно-экономических отношений, обеспечивавших быстрый рост капиталистических форм производства и обмена, бурное развитие производительных сил. Развитию экономики способствовала активная колониальная политика, в результате которой республике удалось захватить богатейшие земли. Колониальную экспансию вели нидерландские Ост-Индская и Вест-Индская компании, и фактический грабеж огромных территорий способствовал накоплению в стране капиталов.

В экономике республики, производство которой находилось на мануфактурной стадии развития, ведущее место занимала текстильная промышленность с центрами в Лейдене, Роттердаме, Харлеме, Амстердаме. Основой

ее роста стали капиталы, производственный опыт и торговые связи богатых переселенцев из Южных Нидерландов, Франции и Германии.

Второе место по удельному весу отрасли в экономике занимало судостроение. В XVII в. в республике был создан особый тип корабля, удобный для морских перевозок – флейт. Ежегодно в стране строилось до тысячи средних и крупных судов, половина которых предназначалась для других стран. Флот республики по количеству судов намного превосходил флот любой страны мира. Расцвет судостроения сопровождался развитием торговли лесом, производством парусины, мачт, лодок, канатов, компасов.

В хозяйстве страны важную роль играло рыболовство, особенно лов сельди. До 70-х годов XVII в. это был очень доходный промысел: соленая и копченая голландская сельдь пользовалась спросом во всей Европе. В XVII в. нидерландцы начали заниматься и китобойным промыслом в полярных водах.

Активно продолжали развиваться традиционные отрасли: пивоварение, хлебное винокурение, мыловарение, а также бумажное и табачное производство. С середины XVII в. в республике, куда из колоний начали ввозить большое количество сахара, развивалась сахарная промышленность. Амстердам являлся основным поставщиком сахара для значительной части Европы.

Во второй половине XVII в., когда в Европе резко увеличился спрос на китайский и японский фарфор, город Делфт стал центром производства фаянса. Делфтские мастера так искусно подражали китайским, что их изделия на европейском рынке вскоре смогли конкурировать с дальневосточными.

Нидерландское сельское хозяйство специализировалось на выращивании огородных культур и садовых растений, прежде всего редких видов цветов, завезенных издалека (например, тюльпанов). Продукции сельского хозяйства хватало и для продажи в другие страны. Хорошо экспортировались сыр, сливочное и рапсовое масло, красители, овощи, цветочные луковицы, льняное семя.

Основная масса нидерландских крестьян состояла из арендаторов или же безземельных батраков. Однако в отсталых провинциях Северо-Востока страны, где большая часть земельной собственности оставалась в руках дворян, еще сохранялись сеньориальные повинности.

Земли обедневшего дворянства охотно скупали разбогатевшие купцы и ростовщики. Многие из них вкладывали большие средства в строительство различных гидротехнических сооружений, что в условиях страны позволяло увеличить пространства для сельскохозяйственных угодий за счет осушения отвоеванных у моря территорий. На этих так называемых польдерных землях выращивали овощи и фрукты, редкие цветы и растения.

Соединенные провинции обладали достаточно высоким уровнем благосостояния, однако существовала пропасть между богатыми и бедными. Налоговые тяготы в Республике были перенесены с подоходного налога, составлявшего 1% (!) с капитала, на налоги на потребление (акцизы). Такое налогообложение сделало страну одной из самых дорогих по стоимости потребительских товаров. Как следствие – частые выступления крестьян и рабочих с требованиями снижения налогов.

Основным источником богатства Соединенных провинций служила торговля, главным образом посредническая. Хотя торговля, как и капиталы,

облагалась низким налогом, казна собирала достаточно средств. Все провинции по размерам налоговых выплат превосходила провинция Голландия, а фактически – город Амстердам, налоговые выплаты которого в конце XVII в. равнялись сумме совокупного налога всех других провинций республики. Слагаемые превосходства Амстердама состояли в следующем: узловое положение в системе морских и речных коммуникаций, мощный флот, товарная и фондовая биржи, Амстердамский банк, прекрасно организованное портово-складское хозяйство, а также методы прибыльного фрахта и страхования. Амстердам являлся мировым центром перераспределения товаров, цено- и курсообразования, вексельных операций и кредитования.

Высшей точки своего могущества Соединенные провинции достигли к середине XVII в. Они заняли ведущие позиции в мировой торговле и приобрели славу мирового банкира, солидными заемщиками которого выступали Англия, Дания, Швеция, Бавария и Испания. Это столетие оказалось для страны поистине «золотым веком» (нидерландская историография очерчивает его хронологические рамки приблизительно 1585–1670 гг.), веком успехов нидерландской буржуазии и ее полноправного господства в мире.

ПЕРВЫЙ БЕССТАТХАУДЕРНЫЙ ПЕРИОД. АНГЛО-ГОЛЛАНДСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО, ФРАНКО-ГОЛЛАНДСКИЕ ВОЙНЫ

Голландия, давая казне более половины всех государственных доходов, старалась активно использовать свои финансовые возможности, чтобы проводить в жизнь политику, нацеленную на сохранение мира. Ведение войны обходилось дорого, и она разрушала торговлю, обогащавшую республику. Соединенные провинции после Мюнстерского мира не проявляли территориальных амбиций в Европе и избегали вовлечения в военные конфликты. Однако статхаудеры, опасаясь, что в мирное время им не удастся сохранить свою власть, проявляли недовольство, и конфликты между статхаудерами и великими пенсионариями продолжались.

Так, в начале 1650 г. статхаудер Вильгельм II, настаивавший на продолжении войны с Испанией с целью отвоевать и Южные Нидерланды, отклонил предложение штатов Голландии значительно сократить армию и облегчить таким образом налоговое бремя провинции. В ответ Голландия прекратила выплаты своей части квоты на содержание армии. По приказу статхаудера были арестованы некоторые из важных лиц провинции, но жители Амстердама восстали и освободили их. В ответ на попытку статхаудера ввести в Амстердам войска городские власти приказали запереть шлюзы и накопить в них воду, грозя в случае атаки затопить окрестности.

После смерти в ноябре 1650 г. Вильгельма II патрицианско-регентская олигархия Голландии, ставшая ведущей силой в стране, добилась решения штатов пяти провинций о запрещении занимать должность статхаудера представителям династии Оранских-Нассау. Были отменены все постановления статхаудеров, упразднены пожалованные им привилегии и восстановлены основные положения Утрехтской унии о главенствующей роли в республике Генеральных штатов. Вся власть в стране перешла к республи-

канской партии, начался так называемый первый бесстатхаудерный период (1651–1672).

С 1653 г. республикой фактически управлял великий пенсионарий Голландии Йохан де Витт. Он проводил курс на обеспечение гегемонии Голландии в республике и укрепление военно-морского флота, а не сухопутной армии, считавшейся оплотом оранжистов. Должность статхаудера в провинции Голландии была упразднена, а оранжисты повсеместно оттеснены от власти.

Первое бесстатхаудерное правление приходится на период ожесточенной борьбы с Англией за морскую гегемонию. Ранее, пользуясь ослаблением Англии в годы гражданской войны, Соединенные провинции укрепили свои позиции в торговле. Наиболее чувствительные потери торговля Англии понесла на русском и балтийском рынках, где в результате действий нидерландской дипломатии в 1649 г. были отменены привилегии английских купцов. Нидерландцы потеснили англичан в Средиземноморье и в колониях Испании. Поэтому период англо-нидерландского сближения, наступивший после установления в Англии республиканского режима, оказался кратковременным. Английское правительство выступало за самую решительную политику по отношению к Соединенным провинциям – либо крепкий союз двух держав, почти слияние их в единое государство, либо борьба с целью принудить нидерландцев признать английскую гегемонию на море. Важную роль при этом сыграли происки оранжистов, стремившихся вернуть себе власть с помощью англичан. Не пропали даром и усилия французской дипломатии, направленные на разжигание войны между обеими республиками.

Английский парламент выражал недовольство тем, что Соединенные провинции стали прибежищем английских роялистов, а сын казненного короля Карла I Карл Стюарт, приходившийся Вильгельму II шурином, проживал там «на правах родственника». Но Генеральные штаты отказались выдать принца и отвергли предложение Кромвеля заключить тесный союз двух протестантских республик, осознавая, что такой союз положит конец голландскому морскому превосходству. Тогда в 1651 г. английский парламент издал Навигационный акт, согласно которому импортируемые в Англию товары должны были доставляться на английских кораблях. Тем самым Соединенные провинции фактически исключались из торговли с Англией.

Навигационный акт 1651 г. и нападения английских пиратов на нидерландские суда привели к давно назревавшему столкновению между странами, которому Нидерланды всячески сопротивлялись. Оно обернулось в итоге серией войн, получивших в историографии название англо-голландских.

В ходе Первой англо-голландской войны (1652–1654), отличавшейся масштабностью морских сражений, голландскому флоту, сначала под командованием адмирала Мартина Тромпа, затем адмирала Михиеля де Рейтера, фактически не удалось одержать ни одной победы. В то же время война потребовала от Соединенных провинций огромного напряжения. Отсутствие мощного военного флота вынуждало вводить в бой усовершенствованные торговые корабли, принадлежавшие разным владельцам (которые к тому же располагали различными финансовыми возможностями). Дорого обошлась стране и зависимость экономики от внешней торговли: блокада побережья английским флотом в 1653 г. едва не привела к экономической катастрофе.

Стараниями великого пенсионария Голландии Де Витта и вопреки протестам оранжистов и остальных провинций, выступавших за продолжение войны до победного конца (например, Зеландия настаивала на союзе с Францией для успешной борьбы с Англией), в апреле 1654 г. был заключен мир. Соединенные провинции признали Навигационный акт 1651 г. и обязались возместить ущерб, нанесенный английской Ост-Индской компании с 1612 по май 1652 г., а также выслали из страны Стюартов. Со своей стороны, Англия в 1654 г. признала отстранение принца Оранского, близкого родственника Стюартов, ото всех государственных должностей в республике.

Следующие десять лет правления Де Витта стали временем воплощения в жизнь его концепции развития страны, и основными приоритетами для него были «покой, мир и торговля». Именно тогда Соединенные провинции достигли наивысшего могущества и влияния за всю свою историю. Но в 1660 г. в Англии был принят новый Навигационный акт, еще больше ущемлявший интересы Соединенных провинций. Англичане повсюду теснили нидерландцев: задерживали их корабли, заняли их колонии в Северной Америке, на Малых Антильских островах (о. Синт-Эстатиус), на Зеленом Мысе в Африке. Заключение в апреле 1662 г. франко-голландского договора, а в сентябре того же года нового англо-голландского договора о свободе рыболовства в прибрежных водах Англии и Республики не помогло избежать военных конфликтов в Северной Америке и Западной Африке. Формально Вторая англо-голландская война (1665–1667 гг.) была объявлена Англией в начале 1665 г.

В ходе войны в крупных морских сражениях нидерландцы не раз одерживали победу. Флот республики летом 1667 г. несколько раз входил в устье Темзы, но атаковать Лондон нидерландцы так и не решились. 31 июля 1667 г. в Бреде был подписан мирный договор. Стороны сохраняли за собой все захваченные в ходе войны колонии: Англия – Новый Амстердам в Северной Америке, Соединенные провинции – остров Ран (Молуккские острова) и Суринам в Южной Америке. Вторая англо-голландская война явилась поворотным пунктом в отношениях между двумя морскими державами: уход англичан из Юго-Восточной Азии (Индонезии), а нидерландцев из Северной Америки фактически означал раздел сфер влияния между странами.

Третья война Соединенных провинций с Англией (1672–1674) была осложнена тем, что им пришлось бороться с целой коалицией во главе с Францией. Заключив тайный договор с Карлом II, Людовик XIV, разделявший ненависть английского короля к республиканцам, объявил Соединенным провинциям войну (так называемая Голландская война 1672–1678). Общими усилиями они планировали захватить Соединенные провинции с их богатейшими колониями. Франция пообещала в случае победы уступить Англии нидерландский остров Валхерен и города Брилле и Кадзанд. Таким образом, устье реки Шельды оказалось бы открытым для английской торговли.

В ходе наступления в июне 1672 г. французским войскам удалось захватить четыре провинции и десятки крепостей. Генеральные штаты попытались начать мирные переговоры, но выдвигаемые Францией требования территориальных уступок представлялись неприемлемыми. Бедствия войны скопрометировали политику Де Витта и усилили позиции принца Вильгельма Оранского. В наиболее пострадавших районах Соединенных провинций на-

чались массовые выступления, перешедшие в восстание. В адрес правительства и самого Де Витта звучали резкие обвинения в военных и дипломатических неудачах. 21 июня 1672 г. Де Витт сложил с себя полномочия великого пенсионария, а 4 июля принц Вильгельм Оранский был провозглашен штатами Голландии статхаудером провинции (под именем Вильгельма III). Генеральные штаты назначили его главнокомандующим вооруженными силами республики. Первое бесстатхаудерное правление завершилось.

Чтобы остановить продвижение французской армии на север, в провинцию Голландия, нидерландцы открыли шлюзы и затопили часть страны. Безопасность побережья от нападения английского флота обеспечила эскадра под командованием Де Рейтера. Опасности оккупации удалось избежать.

В феврале 1674 г. Англия заключила сепаратный мир с Соединенными провинциями. Но война с Францией, в основном на территории Южных Нидерландов, продолжалась до 1678 г. и завершилась Нимвегенским (Неймегенским) миром.

В результате войн Соединенных провинций с Англией и Францией произошло ослабление их экономического могущества и снижение роли в мировой политике. Уровень производства в республике упал, увеличились налоги, а французская оккупация 1672 г. и затопление части страны привели к уничтожению многих предприятий. Навигационные акты и французские протекционистские законы причинили большой ущерб нидерландской промышленности и судоходству. Ощутимый удар был нанесен по торговой и колониальной экспансии Соединенных провинций, хотя доходы от торговли оставались значительными. Именно в период войн второй половины XVII в. нидерландский капитал начал стремительно уходить в сферу внешних займов и государственного долга, где находил прибыльное применение.

Войны привели к изменению в стране расклада политических сил. Народные выступления начала 70-х годов XVII в. пошатнули господство «республиканцев», к власти пришли оранжисты, внешнеполитическим партнером которых стала Англия. Власти городов и провинций надолго смирились с почти абсолютной монархической властью статхаудера Вильгельма III.

В 1688 г. в ходе «Славной революции» Вильгельм III Оранский как супруг Марии Стюарт, старшей дочери английского короля Якова II, был призван в Англию и в 1689 г. провозглашен королем. В Соединенных провинциях он оставался статхаудером. В период Англо-голландской унии 1689–1702 гг. республика действовала в фарватере политики Англии: финансировала военные кампании антифранцузской коалиции, участвовала в боевых действиях на территории Южных Нидерландов (Соединенные провинции воевали с Францией в 1688–1697 гг., в так называемой Войне за пфальцское наследство). Торговые споры решались в пользу Англии, а голландское купечество лишилось выгодного посредничества в торговле Англии с другими странами. Все это существенно ослабило экономику и вызвало в стране мощную волну недовольства. После смерти Вильгельма III в 1702 г. Генеральные штаты, не признав права его наследников, вновь ввели бесстатхаудерное правление.

XVII столетие оказалось временем бурного расцвета нидерландской науки и искусства. Маленькая страна в XVII в. стала родиной многих выдающихся ученых и внесла огромный вклад в развитие науки.

С конца XVI в. в Соединенных провинциях вырос интерес к естественным наукам – географии, астрономии, картографии. В 1631 г. картограф, географ и математик В.Я. Блау (1571–1638) выпустил в Амстердаме, в то время центре европейской картографии, географический атлас, в котором усовершенствовал труды А. Ортелиуса и Г. Меркатора. В 1650 г. географ и путешественник Бернхардус Варениус (Бернхард Варен) издал «Всеобщую географию», где впервые выделил из системы знаний о Земле географию общую и региональную; эта книга стала теоретическим итогом эпохи Великих географических открытий. Николаас Витсен опубликовал книгу о России, составил и в 1692 г. издал карту этой страны, дав также обстоятельное описание Сибири в книге «Северная и Восточная Тартария».

В 1608 г. Иоганн Липперсгейм изобрел первую зрительную трубу. Значительным вкладом в развитие науки стали открытия Христиана Гюйгенса (1629–1695), выдающегося механика, физика, математика и астронома. Антони ван Левенгук (1632–1723) создал микроскопы, которые давали увеличение в 200–300 раз. Его по праву считают основоположником микробиологии.

В XVII в. особую известность приобрела нидерландская анатомическая школа. Стали создавать анатомические музеи и театры, где проводились публичные вскрытия. Центрами анатомических исследований стали Лейденский и Амстердамский университеты. С ними связаны имена основоположника клинической медицины Николаса Тульпа (Тюльпа, 1593–1674), анатомов и физиологов Ренье де Графа (1641–1673) и Фредерика Рюйша (1638–1731).

В конце XVI и особенно в XVII в. всеобщий интерес к естественным наукам сочетался с интересом к искусству и увлеченностью всем редким и необычным. В богатых домах появляются своеобразные кабинеты редкостей – кунсткамеры. В них можно было увидеть коллекции измерительных приборов, карт и глобусов, раковин, минералов, предметов из экзотических стран. Они напоминали об обширности света и разнообразии миров.

Первоначально такие коллекции возникали в домах людей, связанных с далекими путешествиями. Сюда мог попасть любой предмет, который вызывал любопытство и являлся редкостью для европейцев. Размеры частных собраний увеличивались, что требовало систематизации накопленного материала, выделения отдельных частей коллекций. Наряду со смешанными коллекциями, где хранилось и собиралось все подряд, появились собрания нового типа, в которых связь между экспонатами определялась логикой научного мышления, основанной на опытах и наблюдении. Новый тип коллекций явился развитием теории Фрэнсиса Бэкона, согласно которой каждая коллекция должна быть своеобразной лабораторией для исследователя.

Интерес стали вызывать обычные существа в процессе их развития – жуки, бабочки и другие насекомые. Часто встречались коллекции цветов и растений. Деление коллекций на темы и разделы способствовало и формированию системы классификации. Раковины разделялись по морям их обитания, монеты – по времени чеканки. Экспонаты Naturalia были разложены и расставлены по

семьям и видам, одежда и предметы народов, населяющих далекие континенты – по регионам. Часто витрины-шкафы расставлялись таким образом, чтобы зритель мог понять особый, скрытый смысл – теорию сотворения мира. Минералы характеризовали землю, раковины – море, бабочки – воздух, а предметы, сделанные руками человека, символизировали четвертую стихию, которая участвовала в сотворении мира – огонь.

На рубеже XVII–XVIII вв. многие кунсткамеры были тщательно изучены, систематизированы и описаны. Ими заинтересовались монархи и члены их семей. По просьбе царствующих особ некоторые коллекции объединялись или выкупались у владельцев, создавая основы будущих национальных музеев, например петербургской Кунсткамеры. Ее основу составили голландские коллекции, купленные Петром I в Нидерландах, где коллекционирование оставалось делом частных лиц, аристократов, купцов, врачей.

Соединенные провинции внесли не менее важный вклад в развитие гуманитарных наук и прежде всего в философию (Барух Спиноза), юриспруденцию (Гуго Гроций), политику и экономику (Питер де ла Курт).

Барух Спиноза (1632–1677) был убежденным приверженцем пантеизма, религиозно-философского учения, отождествлявшего понятия «Бог» и «природа». Цель религии Спиноза видел в наставлении людей в нравственном образе жизни и считал, что церковь и государство не должны посягать на свободу мысли и совести. Спиноза создал цельную систему, во всех своих частях основанную на строго последовательном и логическом построении доказательств («Этика, доказанная в геометрическом порядке»).

Гуго Гроций (Хейг де Грот, 1583–1645) был выдающимся юристом, философом и историком. В труде «Свободное море, или О праве, принадлежащем голландцам в области торговли с Индией» (1609) Гроций отстаивал право свободного плавания в открытом море, доказывая несостоятельность притязаний какой бы то ни было державы на исключительное морское господство. Книга «О праве войны и мира» (1625), изданная в разгар Тридцатилетней войны, стала первым систематическим изложением теории международного права.

Питер де ла Курт (1618–1685), юрист и публицист, выступавший за неограниченную свободу предпринимательства, был автором острых памфлетов и трактатов по экономике, например «Процветание города Лейдена» и «Интерес Голландии, или Основы голландского благосостояния».

В нидерландской живописи, переживавшей в XVII в. небывалый расцвет, сложились несколько соперничавших друг с другом центров. Прежде всего это Харлем, где работали Франс Хальс и его ученики. Затем следовал более консервативный, ориентированный на Италию Утрехт. Амстердам с 30-х годов XVII в. прочно ассоциируется с именем Рембрандта. Делфт подарил миру классический бытовой жанр, представленный Питером де Хохом, Карелом Фабрициусом и, конечно же, Яном Вермеером (Вермером).

Нидерландская живопись носила по преимуществу светский характер, поскольку Католическая церковь здесь не выступала важным заказчиком художественных произведений. Не было ни королевского двора, ни аристократии, запросы и вкусы которых могли бы влиять на художников. Художники писали картины главным образом для продажи на рынке, а их покупателями были бюргеры и крестьяне. Демократизм нидерландского общества ярко

Ян Вермеер. Улочка Делфта. 1658 г. Рейксмузеум, Амстердам

проявился в рождении наряду с бюргерским крестьянского бытового жанра (Адриан ван Остаде, Ян Стен, Герард Терборх). Нидерландскую школу в целом называют жанровой. Основными жанрами были портрет, пейзаж и натюрморт.

Важное место в нидерландской живописи XVII в. занимал натюрморт. Свойственная нидерландцам любовь к деталям, интерес к культивированию редких цветов сделали его самым изысканным и утонченным из живописных жанров. Его крупнейшими мастерами были Питер Клас и Виллем Хеда.

Нидерландские пейзажи дают всеобъемлющее изображение природы страны: море и дюны, мельницы по берегам рек и каналов, леса и луга, деревушки и многолюдные города. Среди пейзажистов XVII в. особую славу снискали Якоб ван Рейсдаль, Ян ван Гойен и Филипс Конинк.

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) работал в разных жанрах. Темой его искусства была жизнь человека, его внутренний мир, чувства, будничное и возвышенное. Рембрандт создал множество автопортретов и портретов, среди которых знаменитый «Ночной дозор» (1639–1642) – групповой портрет гильдии стрелков. Следуя своим творческим потребностям, которые часто шли в разрез со вкусами амстердамских бюргеров, художник писал полотна огромной художественной силы.

Скульптура и архитектура не играли большой роли в искусстве Соединенных провинций. Кальвинизм отрицал присутствие в церкви скульптурных и живописных изображений культового характера. Жилые постройки планировались экономно и рационально, в них не находилось места скульптуре. Поэтому скульптура присутствует в Нидерландах главным образом на фронтонах важных общественных сооружений и на надгробиях.

В архитектуре Соединенных провинций отсутствовали монументальные дворцовые постройки и пышные церкви. Облик городов определяли муниципальные учреждения, торговые ряды, рынки, здания торговых компаний, биржи, склады, портовые сооружения. Дома строились из красного кирпича с отделкой из белого камня. Особенностью нидерландской архитектуры XVII в. является ее функциональность и внимание к сооружениям технического характера. Постоянная угроза наводнения требовала создания системы гидротехнических сооружений и определяла планировку всех крупных городов.

К лучшим образцам зодчества первой половины века относятся сооружения Ливена де Кея (Мясные ряды в Харлеме) и Хендрика де Кейсера (Южная и Западная церкви Амстердама). Тогда же в стране появились первые сооружения в стиле классицизма, главным образом ратуши. Амстердамская ратуша (1648–1655) архитектора Якоба ван Кампена была самым крупным зданием городских учреждений в Европе того времени. Показательно, что резиденции статхаудера выглядят гораздо скромнее.

Свой «золотой век» пережила и нидерландская литература. Поэт и драматург Питер Хофт (1581–1647) был главой представительной группы ученых и литераторов, художников и певцов – Мейденского кружка (1610–1647). Участником Мейденского кружка был поэт и драматург Йост ван ден Вондел (1587–1679), в творчестве которого сочетались черты классицизма и барокко. Он отражал в своем творчестве злободневные проблемы и являлся глубоко национальным поэтом.

К концу XVII в. ситуация изменилась. Если в области внешней политики, экономики, а также философии страна все больше ориентировалась на Англию, то искусство и литература (особенно драматургия и поэзия) стали следовать французским образцам. Национальная нидерландская традиция уступает место французскому влиянию. Отход от национальных корней подвел черту под «золотым веком» нидерландского искусства и почти на два столетия вывел Нидерланды из числа стран передовой культуры. Это совпало с периодом ослабления экономического могущества республики.

НАНТСКИЙ ЭДИКТ И ВОЗРОЖДЕНИЕ СТРАНЫ

В 1598 г., заключив Вервенский мир с Испанией и завершив изданием Нантского эдикта эпоху длительных религиозных войн, французская монархия первого короля из династии Бурбонов Генриха IV (1589–1610) вступила в полосу мирного развития и восстановления разрушенной экономики.

Нантский эдикт означал, что во Франции сложилась редкая для тогдашней Европы ситуация легального сосуществования двух религий. Гугеноты получили полную свободу совести и гарантию от религиозных преследований, они могли занимать самые высокие посты в государственном аппарате: сам сюринтендант (суперинтендант) финансов и ближайший советник короля Сюлли был ревностным кальвинистом. Для разбора споров между католиками и гугенотами в ряде парламентов были созданы на смешанной основе специальные «палаты эдикта». Но свобода совести сочеталась с ограничением свободы культа: протестантское богослужение можно было отправлять только там, где оно было разрешено ранее, ни в коем случае не в Париже, в местах пребывания двора, епископальных городах и в армии. Католический же культ должен был быть восстановлен и действовать наравне с протестантским там, где его отправление было запрещено гугенотами. Содержание основной части эдикта под сильным нажимом правительства было зарегистрировано во всех французских парламентах. Дополнительные гарантии гугенотам были даны в не подлежащих регистрации королевских актах: Генрих IV обязался ежегодно выплачивать им определенную сумму и передал в распоряжение гугенотских военачальников все реально занятые ими города, крепости и замки, оплачивая содержание их гарнизонов. Эти негласные уступки делались на срок в восемь лет и впоследствии продлевались. Вожди гугенотской «партии» стремились превратить эти временные уступки в постоянные и еще более расширить сферу своего контроля.

Благодаря политическим и военным гарантиям гугеноты смогли создать как бы свое «государство в государстве» и даже «республику в монархии». Наряду с провинциальными и национальным синодами протестантской церкви созывались имевшие политический характер выборные провинциальные и генеральная ассамблеи; последняя делегировала своих представителей при короле, за которым было, впрочем, признано право давать разрешения на созыв всех синодов и ассамблей (собиравшихся примерно раз в три года). Гугенотская «партия» не отличалась единством – интересы достаточно миролюбивой торгово-промышленной буржуазии могли вступать в противоречие с интересами принявших кальвинизм аристократов и их дворянской клиентелы. В целом ситуация, созданная Нантским эдиктом, не устраивала полностью ни ту, ни другую сторону и мыслилась как временная; в интересах короля было вернуть государство к религиозному единству, но он понимал, что для этого потребуется немало времени.

Другим осложнением, созданным гражданскими войнами, был сильный рост возможностей аристократической оппозиции, что объяснялось перестройкой системы внутридворянских связей. На смену формализованным феодальным связям «сеньор – вассал» приходили связи нового типа, «патрон – клиент», требовавшие от клиента безоговорочной личной преданности. Наибольшие возможности обзавестись многочисленной дворянской клиентелой имели губернаторы провинций, чей авторитет объяснялся их статусом личных представителей монарха. В обычных условиях они, как правило, оставались верными слугами трона – но при ослаблении центральной власти, если их не устраивал состав правительства, они могли предъявить свои требования, опираясь на собственную вооруженную силу. Разумеется, не интересы провинции, а борьба за власть и влияние в центре составляла тогда главный предмет их интересов, и их оппозицию нельзя считать проявлением феодального сепаратизма. Губернаторы были сменяемыми королевскими «комиссарами», но им хотелось, чтобы пост главы «своей» провинции стал если не юридически, то фактически наследственным.

Первое десятилетие XVII в. для Франции было временем восстановления разрушенной войнами экономики. Сюринтендант Сюлли уделял главное внимание сельскому хозяйству, возрождению земледелия и скотоводства – «двух грудей, питающих Францию». Были прощены недоимки по талье, и Государственный совет благожелательно рассматривал просьбы крестьянских общин о снижении этого налога. Крестьянские восстания прекратились. При Генрихе IV были сделаны первые шаги перехода к промышленной меркантилистской политике. Государство начало систематически поощрять создание привилегированных мануфактур для освоения новых видов производства, дабы сократить вывоз монеты за границу. Основное внимание уделялось производству предметов роскоши, особенно шелковых тканей – следовало покончить с гегемонией в этой сфере законодательницы мод Италии. Делались первые, робкие попытки создания компаний для ведения заокеанской торговли. Правда, еще не было понимания важности выхода на океанские просторы – но все же именно тогда, в 1608 г. был основан Квебек и возобновилась вялотекущая колонизация Канады.

В 1604 г. произошло важнейшее событие в административной истории Франции – Генрих IV счел выгодным для казны отменить так называемое «правило 40 дней». Согласно этому правилу, владелец должности мог передать ее наследнику не позже чем за 40 дней до своей смерти, в противном случае должность объявлялась вакантной и король продавал ее в свою пользу. Отныне должность оставалась в обладании семьи покойного независимо от времени его смерти, если он каждый год платил специально введенный сбор, который по имени взявшего его собирать его откупщика Поле называли «полеттой». Полетта дала гарантию наследственности должностей и закрепила права собственности на них. Правда, введена она была не навечно, а на срок в пять лет и потом регулярно продлевалась.

Ответом рынка на введение полетты стал крутой рост цен на должности, продолжавшийся в течение первой трети XVII в. Должность советника Парижского парламента, стоившая в 1597 г. всего 11 тысяч ливров, в 1606 г. продавалась за 36 тысяч, а в 1635 г. рыночная цена ее достигла своего максимума – 120 тысяч ливров. Все оффисье, парижские и провинциальные,

судебного и финансового ведомств, ощутили скачкообразный рост своего достояния. Но это сразу же вызвало протест всех, для кого рост цен на должности и закрепление их наследственности резко сузили возможности приобщиться к исполнению престижных функций. Особенно негодовало родовитое провинциальное дворянство. Политики, заинтересованные в развитии национальной промышленности и торговли, понимали, что отлив капиталов в покупку должностей мешает этому развитию.

Другой причиной отлива капиталов в непроизводительную сферу было то предпочтение, которое их обладатели оказывали кредитованию государства перед другими видами инвестиций. На рубеже XVI и XVII вв. возникли большие компании откупщиков, занимавшиеся сборами основных косвенных налогов во всем государстве: компания «Пяти больших откупов» (главные таможенные сборы, 1598 г.), Большой габели (1598 г.), Эда (акцизные сборы, 1604 г.). Большие компании объединяли по нескольку субкомпаний и имели разветвленный штат служащих, налоговых сборщиков; капитал составлялся не только из личных средств компаньонов, но и из ссужаемых им денег частных лиц. В XVII в. главными кредиторами короля стали французские подданные.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

14 мая 1610 г. Генрих IV был убит религиозным фанатиком Ф. Равальяком. Это произошло за несколько дней до того, как король должен был выехать к армии, чтобы начать большую войну против австрийских и испанских Габсбургов. После его гибели опасность внешней войны на время отпала, зато появилась угроза войны внутренней. Регентшей при девятилетнем Людовике XIII стала его мать, королева Мария Медичи, при которой на первых порах главную роль играли старые министры Генриха IV. Они и превратились в основную мишень для аристократической оппозиции во главе с первым принцем крови Анри де Конде. В 1614–1620 гг. Франция стала ареной новой серии гражданских войн. Локальные военные действия перемежались с мирными соглашениями. Социальная опора аристократической оппозиции была ограничена – и крестьяне, и города оставались спокойными, больше всего желая сохранения мира. Обладая поддержкой многочисленной дворянской клиентелы, особенно из управляемых ими провинций, принцы вступили в союз с радикальным (в основном дворянским) крылом гугенотской «партии», обеспокоенной курсом правительства на сближение с Испанией и стремившейся расширить и закрепить свои привилегии.

Главным требованием недовольных принцев стала смена правительства и реорганизация Узкого (малого королевского) совета, в котором ведущая роль должна была перейти к представителям высшей аристократии. По настоянию оппозиционеров в 1614–1615 гг. собрались Генеральные Штаты – последние перед Великой французской революцией. Политические притязания принцев там не встретили поддержки; центральным вопросом стала судьба полетты, отмена которой была главным требованием дворянской палаты собрания: провинциальные дворяне жаловались, что из-за роста цен

они не в состоянии покупать судейские должности. Правительство удовлетворило это требование, но на защиту полетты встал Парижский парламент, и министры, обеспокоенные перспективой союза парламента и Конде, воздержались от ее отмены; победив в главном для себя вопросе, парламентарии вернулись на позиции политической лояльности.

Военное превосходство оппозиционеров привело к их временной победе – в 1616 г. в Узкий совет фактически на правах первого министра был введен Конде, но через несколько месяцев он подвергся аресту, а война вспыхнула с новой силой. Вся власть в столице перешла к фавориту Марии Медичи заносчивому авантюристу итальянцу Кончино Кончини. Требование отставки безродного проходимца стало популярным лозунгом оппозиции, и когда 24 апреля 1617 г. Кончини был убит по личному приказу юного короля, война сразу прекратилась. Но политические цели высшей аристократии не были достигнуты, первым советником Людовика XIII стал его фаворит, организатор переворота Шарль де Люин (Люинь). Обиженные аристократы начали спланировать вооруженный мятеж. Война возобновилась и продолжалась до августа 1620 г., когда Людовик XIII, сумевший привлечь на свою сторону симпатии горожан и рядового дворянства, разгромил армию мятежников. Король примирился с матерью, вернувшейся ко двору. Немалую роль в этом сыграл советник Марии Медичи, епископ Люсонский Арман-Жан де Ришелье (1585–1642), вознагражденный за эту услугу саном кардинала.

После победы над аристократической оппозицией основной задачей правительства стала борьба с ее союзниками гугенотами, уничтожение кальвинистского «государства в государстве». Для этого потребовались три войны, занявшие все 20-е годы. В 1621–1622 гг. королевские войска заняли большинство гугенотских крепостей на Юге и Юго-Западе Франции, главным центром сопротивления протестантов оставалась Ла-Рошель. Окончательно это сопротивление было сломлено уже при министерстве Ришелье, который в 1624 г. был введен в Узкий совет и сумел стать ближайшим советником короля (Люин умер в 1621 г.). 28 октября 1628 г. после годичной осады Ла-Рошель капитулировала. В 1629 г. королевская армия перешла в Лангедок, громя последние гугенотские крепости. 28 июня 1629 г. в только что взятом лангедокском городе Алэ был подписан мир между королем и его протестантскими подданными. Нантский эдикт был подтвержден в своей основной, верифицированной парламентами части, но были взяты назад все уступки, имевшие временный характер: гугеноты лишились крепостей и права созывать генеральные ассамблеи политического характера (национальные синоды протестантской церкви продолжали собираться до 1659 г.). С политической и военной организацией гугенотов было покончено.

Вдохновленный этим успехом, Ришелье попытался сделать новый важный шаг к унификации управления страной. Было решено, что в целом ряде привилегированных «земель Штатов» – в Лангедоке, Провансе, Дофине, Бургундии – взимание налогов будет изъято из ведения местной сословной администрации и передано в руки королевских офицеров финансового ведомства (элю). Эта попытка оказалась успешной только в Дофине, где упразднили и сами провинциальные Штаты. Но в Лангедоке, Провансе и Бургундии она столкнулась с ожесточенным сопротивлением, доходившим до восстаний, и в начале 30-х годов правительство отказалось от своей инициативы, заме-

План Парижа в XVII в. Гравюра

нив введение системы элю выплатой провинциями выкупных денег, и больше до самой революции подобных опытов не производилось.

Особенностью экономической политики Ришелье являлось понимание важности торгового и военного мореходства. Кардинал лично занялся этим делом, приняв в 1626 г. специально для него созданную должность сюринтенданта навигации и торговли. Интенсивное строительство флота помогло покорению Ла-Рошели, а после начала войны с Испанией в 30-х годах французам удалось захватить несколько Антильских островов: Гваделупу, Мартинику и другие, ставших самыми ценными колониальными владениями Франции. Правда, своих сил для того, чтобы наладить колониальное хозяйство, еще не хватало, и обслуживание потребностей колонистов приняли на себя союзники Франции голландцы.

После решения гугенотского вопроса Ришелье взял курс на активизацию антигабсбургской внешней политики; противодействие Габсбургам было тем более важным, что именно тогда их успехи в Тридцатилетней войне достигли кульминации. Для проведения этой политики ему потребовалось преодолеть сопротивление враждебной придворной «партии» во главе с королевой-матерью Марией Медичи. В ноябре 1630 г. кардиналу удалось сокрушить своих противников; следующие 12 лет стали временем его диктатуры. 1631 г. ознаменовался обострением внутривластной борьбы: за границу бежали Мария Медичи и наследник престола, младший брат короля Гастон Орлеанский; в 1632 г. набранная им армия вторглась во Францию, на сторону мятежа открыто встал губернатор Лангедока маршал Монморанси. После того как правительственные войска разгромили армию Гастона и Монморанси,

взятый в плен маршал был публично обезглавлен. Гастон покаялся, потом снова бежал за границу, через два года вернулся, но продолжал организовывать заговоры против Ришелье, отрекаясь от своих сообщников, когда из-за его нерешительности эти заговоры проваливались. Только в 1638 г., когда у короля родился сын, будущий Людовик XIV, ситуация разрядилась: Гастон перестал быть наследником трона. Но еще в 1641 г. во Францию вторглась армия принца крови графа Суассона, она разбила королевские войска, однако ее предводитель стал жертвой несчастного случая или покушения, и мятежники рассеялись. Последний заговор против Ришелье был организован любимцем короля, его главным шталмейстером Сен-Маром в 1642 г.; заговорщики были уличены в сговоре с Испанией и казнены.

В сентябре 1631 г. в Париже начала работать печально известная Палата Арсенала – чрезвычайный политический трибунал из специально назначенных судей, выносивший смертные приговоры без права приговоренных апеллировать в парламент; протест последнего перед королем был резко отклонен монархом.

В 1635 г. Франция вступила в Тридцатилетнюю войну. Сразу же обозначился беспрецедентный рост военных расходов. Если в год начала войны поступления от тальи в королевскую казну составляли 7,3 млн ливров, то через восемь лет – 49,8 млн (стремительный рост за восемь лет почти в семь раз!) Поднялась волна антиналоговых народных восстаний. В 1635–1637 гг. ряд провинций Юго-Западной Франции (Ангума, Сентонж, Перигор, Керси) был, как и в 90-е годы XVI в., охвачен новым крестьянским восстанием «кроканов» («грызунов»). Оно началось с массовых вооруженных сходок и подачи петиций, затем приняло форму локальной сельской войны с созданием крестьянской армии на базе объединения отрядов из соседних приходов. «Кроканы» стремились занимать города, чтобы захватить оружие; расправлялись с агентами фиска. Для подавления восстания пришлось использовать регулярные воинские части, разбившие крестьянскую армию в ожесточенном сражении при Ла Совта-д'Эме (1 июня 1637 г.).

В 1639 г. всю Нормандию охватило так называемое «восстание Босоногих». Оно началось как движение солеваров и крестьян в приморской зоне свободного солеварения в связи со слухами о введении там соляного побора габели. Восставшие создали «армию страдания» под вымышленным руководством «капитана Жана Босоногого». В широком смысле слова «восстанием Босоногих» принято называть весь комплекс городских и крестьянских выступлений против сборщиков налогов в важнейших городах Нормандии: Байё, Кане, Руане (август 1639 г.). Восстание было подавлено к концу года войсками, вернувшимися с фронта, массовыми репрессиями руководил лично канцлер Франции Сегье.

ФРОНДА

В обстановке большой войны окончательно определилось преобладание административных методов управления над судебными, и судейский аппарат, возглавляемый Парижским парламентом, перешел в постоянную оппозицию к политике административного нажима и чрезвычайных финансовых сборов. Судейскую элиту не устраивало хозяйничанье появившихся почти

во всех провинциях королевских интендантов, подчинивших себе местных финансовых оффисье и безжалостно выжимавших налоги из населения. Она враждебно относилась к финансистам, с помощью которых корона могла собирать поборы, не утвержденные судебными палатами. Судейский аппарат стоял за исторически выверенный, постепенный путь централизации в рамках традиционной законности, но в военных условиях именно чрезвычайные методы управления оказывались наиболее надежными. Судейские и финансовые оффисье защищали и свои корыстные, кастовые интересы: правительство взимало с них принудительные сборы, продавало новые должности, девальвируя ценность старых.

Антиналоговая и антифинансистская программа обеспечила Парижскому парламенту возможность стать лидером широкого антиправительственного движения, каким была Фронда на ее первом этапе («Парламентская Фронда» 1648–1649 гг.). Политическая ситуация, способствовавшая началу Фронды, сложилась после того как почти одновременно ушли из жизни Ришелье (4 декабря 1642 г.), а затем Людовик XIII (14 мая 1643 г.), королем стал пятилетний Людовик XIV (1643–1715) и началось регентство его матери Анны Австрийской. Хотя в это время уже обозначились решающие успехи французских армий на фронтах Тридцатилетней войны, до мира было еще далеко. Но возможности платившего талью крестьянства были на пределе, требовалось перенести центр тяжести в налогообложении на привилегированное население городов, прежде всего Парижа. Но этого можно было добиться только с помощью новых фискальных эдиктов, подлежащих верификации в верховных судах – а суды враждебно относились к такой политике, считая, что все финансовые проблемы будут решены, если как следует ограбить финансистов.

Особенностью ситуации нового королевского малолетства по сравнению с годами малолетства Людовика XIII было то, что застрельщицей нового оппозиционного движения стала уже не недовольная аристократия, чьи возможности были основательно подорваны при Ришелье, а судейская элита. Наиболее влиятельные принцы долго проявляли лояльность к правительству нового первого министра, натурализованного итальянца кардинала Джулио Мазарини (1602–1661). Волна народных волнений 1643–1645 гг., связанных с ожиданиями облегчения от нового царствования, с течением времени улеглась сама собою. Перед началом Фронды в провинциях наступило затишье: народ терпел, надеясь на близкое заключение мира. И все же она началась – как неожиданный повсеместный взрыв страстей «забастовавших» налогоплательщиков по сигналу из центра, поданному Парижским парламентом.

Фронды могло бы не быть, если бы в январе 1648 г. правительство не упустило возможность заключить выгодный мир с Испанией (см. гл. «Международные отношения»). «Критическая масса» для взрыва была накоплена в последних числах апреля 1648 г., когда регентша демонстративно отвергла все ремонстрации парламента по группе новых финансовых эдиктов, показав полное нежелание двора считаться с мнением верховных судей – а через несколько дней после этого было получено известие о важной победе испанцев, падении Неаполитанской республики (см. гл. «Италия в XVII в.»), что означало крах всех надежд на близкое окончание войны. После этого стало достаточно одного неосторожного движения правительства (попытка

провести продление права на должности для младших верховных палат в необычной, а потому уже подозрительной форме), чтобы началась катастрофическая реакция. Задетые этим решением палаты обратились за помощью в парламент, признав его лидерство, – и раздраженный пренебрежением двора парламент решил (13 мая 1648 г.) вступить в союз с обиженными коллегами, создав совместно с ними совещательную Палату Св. Людовика. Пока еще речь шла о защите частных, корпоративных интересов судейской элиты – но общество ожидало от новой авторитетной палаты предложений о решительных реформах. Столкнувшись с запретами и репрессиями правительства, парламентарии почувствовали потребность в народной поддержке; от защиты собственных интересов они перешли к разговорам о необходимости облегчить тяготы разоренного войной народа. Как только в провинции прошли слухи о том, что парижские судьи хотят облегчить налоговое бремя, сразу же начался массовый и повсеместный отказ от уплаты податей, сопровождаемый народными волнениями. Аппарат власти на местах оказался парализован: парламент поддержал выдвинутое 30 июня предложение Палаты Св. Людовика об отзыве всех провинциальных интендантов. Так началась Фронда.

Две попытки правительства перейти в контрнаступление окончились провалом. Арест популярного лидера оппозиции парламентского советника П. Брусселя обернулся Днями Баррикад 26–28 августа: покрыв всю столицу баррикадами и окружив королевский дворец, парижане добились освобождения арестованного. 22 октября 1648 г. двору пришлось даровать декларацию, весь текст которой был составлен самим парламентом. Эта декларация утвердила принцип контроля парламента над государственными финансами, снижение ряда косвенных налогов и талли, осветила государственное банкротство с изъятием у финансистов части незаконно полученной ими прибыли. Уничтоженная в подавляющем большинстве провинций власть интендантов переходила к регулярным судебным-финансовым трибуналам; все судебные оффисы получили гарантии практически полной личной неприкосновенности; право на существование чрезвычайной юстиции решительно отвергалось.

Правительству оставалось прибегнуть к прямой военной операции с установлением продовольственной блокады Парижа. В ночь на 6 января 1649 г. двор тайно бежал из столицы. Началась Парижская война (январь – март 1649 г.), ставшая кульминацией Парламентской Фронды. Парламент потребовал отставки и изгнания первого министра Мазарини, объявив его возмутителем общего спокойствия. Выдвижение этого требования, ставшего главным лозунгом оппозиции, позволило привлечь на защиту парламента многих недовольных министром аристократов. Зона конфликта охватила почти всю Северную Францию, на сторону Фронды перешла Нормандия, но военное превосходство было у правительственных войск во главе с принцем Луи де Конде («Великий Конде») и прорвать блокаду парижане оказались не в состоянии. Аристократы-фрондеры не имели никакой программы, выходящей за рамки удовлетворения своего честолюбия или корыстного интереса; формально они признавали руководство парламента, но вскоре стали пытаться навязать ему свою волю, втянуть Париж в союз с внешним врагом, призвав на помощь испанскую армию.

Положивший конец Парижской войне Сен-Жерменский мир (1 апреля 1649 г.) был заключен на условиях компромиссного выхода из тупиковой ситуации. Но от него пошла «нисходящая линия» Парламентской Фронды. Программа парламента была исчерпана, больше дать он не мог – народ отказывался платить даже «законные» налоги, и не в силах судей было защитить его от насилий и грабежей солдат, переставших получать жалованье. Политическая инициатива перешла к правительству, начавшему умирять неплательщиков и постепенно восстанавливать в провинциях интендантский режим управления.

На следующем этапе Фронды («Фронда Принцев», 1650–1653 гг.) развернулась борьба за власть между Мазарини и аристократической группировкой во главе с Конде. Сила фрондерской знати состояла как в опоре на собственную разветвленную клиентелу, так и в том, что ей подчас удавалось использовать энергию плебейских движений для подчинения себе парламентов и городского патрициата. Правительство нанесло первый удар, неожиданно арестовав в январе 1650 г. Конде. Приверженцы Конде закрепились в Бордо, и королевской армии пришлось долго осаждать столицу Гиени. В феврале 1651 г. враги Мазарини – и аристократы, и парламент – неожиданно для него объединились, Конде был освобожден, а кардиналу пришлось отправиться в заграничное изгнание. Осенью возобновилась гражданская война между правительством и Конде, двор выехал из столицы, а затем Мазарини по приглашению королевы вернулся во Францию с набранным им войском. Парижский парламент пытался занять особую позицию, осуждая и Конде, и Мазарини, но 4 июля 1652 г. вошедшим в Париж солдатам армии Конде удалось с помощью части плебса устроить погром ратуши и свергнуть старый муниципалитет, а новый заключил союз с мятежными принцами. Только в октябре 1652 г. королевское правительство смогло при поддержке напуганных погромом зажиточных парижан вернуть себе власть над столицей. Декларацию 22 октября 1648 г. не отменили, но фактически предали забвению, и парламенту было запрещено заниматься большой политикой. Датой окончания Фронды считается 3 августа 1653 г., когда пал ее последний оплот Бордо, где в течение целого года власть принадлежала плебейской организации «Ормэ» («поляна под вязами», по названию места проведения собраний).

ВЕК ЛЮДОВИКА XIV

Преодолев испытания Фронды, а затем доведя в 1659 г. до победоносного конца войну с Испанией, французская абсолютная монархия вступила в самую блестящую фазу своего существования, связанную с именем «Короля-Солнца» Людовика XIV, который после смерти Мазарини в 1661 г. стал править самостоятельно, не назначая первого министра. Король учел уроки Фронды, ограничив возможности потенциальной оппозиции. Он не допускал в свой Узкий совет ни принцев крови, ни духовных лиц, выбирая министров из круга профессионалов-администраторов, принадлежавших к недавнему дворянству. Вакантные посты губернаторов провинций принцам также не предоставлялись. Были снесены старые городские стены Парижа, поддержание порядка в столице было возложено на новосозданный корпус

королевской полиции. Политическое подчинение верховных судебных палат было закреплено введением новых регламентов, ограничивших их права на представление ремонстраций. Хозяевами в провинциях стали интенданты, чьи полномочия необычайно расширились (см. гл. «Тенденции развития государственности. Абсолютизм»). Стиль поведения Людовика очень удачно сочетал выполнение функций представительства и реального управления. Роскошные увеселения привлекали и приручали знать, тогда как неизменная пунктуальность и работоспособность монарха позволяли ему успешно играть роль правящего главы государства.

Первым советником короля в вопросах экономики и финансов стал Жан-Батист Кольбер (1619–1683). Выходец из богатой купеческой семьи города Реймса, начавший службу в госсекретариате военных дел, он затем управлял личным хозяйством Мазарини и был рекомендован королю умирающим кардиналом. С 1661 г. Кольбер стал одним из трех государственных министров и фактическим главой администрации провинциальных интендантов, с 1665 г. – генеральным контролером (министром) финансов, с 1669 г. – государственным секретарем по делам флота, колоний, двора и сношениям с Церковью. Он был также (с 1664 г.) сюринтендантом королевских строений, ведавшим строительством Версаля и других королевских резиденций. Кольбер выдвигал задачу корректировки структуры французского общества в интересах абсолютизма, которая должна была повысить численность и престиж «полезных» групп (земледельцы, ремесленники, торговцы, военные) за счет профессий, отвлекающих от этих занятий (финансисты, судейские, монахи). Этим целям должны были служить: созданная в 1661 г. и действовавшая с небывалым размахом Палата правосудия, судившая виновных в злоупотреблениях финансистов; падение политического престижа судейских и снижение цен на их должности с перспективой отмены полетты (на что так и не решились, хотя цены на должности действительно начали необратимо снижаться); проект монастырской реформы (отвергнутый в последний момент из-за противодействия духовенства).

Собственно экономическая политика Кольбера («кольбертизм») представляла крайний вариант меркантилизма, соединивший устремления к активной роли в мировой торговле и к интенсивному промышленному строительству. Целью было добиться для Франции экономической гегемонии в Европе: перетянуть к себе благодаря активному торговому балансу запасы звонкой монеты из других стран и прийти к хозяйственной независимости, развив все еще отсутствовавшие в стране виды производства. Отсюда особое внимание к созданию мануфактур, внедрявших производство новых изделий и новые технические приемы; оно сочеталось с регламентацией цехового производства для улучшения качества массовой ремесленной продукции. Протекционистский таможенный тариф 1667 г. стал первым общепольным тарифом, приспособленным к защите национальной промышленности. К достижениям политики Кольбера относились налаживание французского колониального хозяйства на Антильских островах и создание сети первых торговых баз в Индии, для чего были организованы в 1664 г. монопольные Вест-Индская и Ост-Индская компании (на смену первой из них быстро пришла торговля купцов-частников). Успехи в строительстве флота позволили Франции стать одной из ведущих военно-морских держав.

Кольбер подготовил серию ордонансов, частично унифицировавших королевское законодательство. Он выступил инициатором создания Академии наук Франции (1666 г.) и Парижской обсерватории (1667 г.), курировал государственное меценатство в области литературы и искусства.

Влияние Кольбера упало после вступления Франции в 1672 г. в серию затяжных войн, приведших к осуждавшемуся им чрезмерному росту государственных расходов. Вновь начались займы у финансистов, учреждение рент, продажа должностей. Введение новых налогов вызвало в 1675 г. волну народных восстаний, прокатившуюся по всей Западной Франции, от Сен-Мало до Бордо. Война подвергла тяжелым испытаниям новосозданные торговые компании и мануфактуры, оставляя лишь жизнеспособные. Планы преобразований социальной структуры пришлось отложить в сторону; из наставника своего государя Кольбер превратился в министра, достающего деньги на военные расходы.

Важнейшим событием в истории Франции, имевшим несомненные отрицательные последствия, была отмена в 1685 г. Нантского эдикта. Ей предшествовала шестилетняя кампания правительственных предписаний, планомерно вытеснявших гугенотов из многих сфер общественной деятельности, от придворных должностей до профессии акушерки. Ущемления в правах протестантов постоянно требовало духовенство, да и масса католического населения рукоплескала мерам, направленным против еретиков, особенно те, кто вследствие вводимых запретов на профессии избавлялся от сильных конкурентов. В 1685 г. дело дошло до массовых обращений в католичество посредством печально известных «драгонад»; у гугенотов размещали на постой драгун, те вели себя с солдатской бесцеремонностью, и хозяева, чтобы избавиться от постояльцев, становились католиками. Один за другим переходили в королевскую веру старые протестантские города, ко двору шли торжествующие реляции, и Людовик поверил, что основную массу протестантов действительно озарил свет истины, а значит, Нантский эдикт утратил смысл и подлежит отмене, что и было объявлено эдиктом, подписанным в Фонтенбло 18 октября 1685 г. Отправление протестантского культа подвергалось запрету по всей стране (кроме недавно присоединенного Эльзаса), пасторам надлежало немедленно уехать из Франции. Рядовым же протестантам эмиграция была запрещена под страхом отправки на галеры. Они были вправе оставаться при своей религии, не подвергаясь за это гонениям, но, лишённые храмов и пастырей, могли отправлять ее обряды только келейно или на сходках в потаенных местах (как стали говорить, «в пустыне»), а дети их должны были уже получить католическое воспитание. Но помешать гугенотской эмиграции оказалось невозможно, многие уехали еще до эдикта. Общее число эмигрировавших оценивается приблизительно в 200 тысяч человек, среди них находились богатые купцы и умелые ремесленники, и их отъезд принес вред французской экономике. Не оправдался и расчет на постепенное отмирание протестантизма: гугенотское меньшинство сохранялось во Франции до самой революции.

Затяжные войны конца XVII – начала XVIII в. стимулировали принципиальные нововведения во французской налоговой системе: именно тогда появились в виде дополнения к старым налогам прямые подоходные налоги, взимаемые и с привилегированных слоев. В 1695 г. была введена *капитация*,

которая раскладывалась в соответствии с делением налогоплательщиков на 22 класса, по теоретической оценке доходов разных профессий и состояний (за исключением освобожденного от нее духовенства). С 1710 до 1717 г. в качестве временной меры взималась уже с реальных доходов, определяемых по автодекларациям, *королевская десятина*; духовенству и от нее удалось откупиться. Поскольку подоходные налоги не отменяли традиционных поборов, неравномерность обложения была смягчена, но не устранена.

Численность армии уже к 1678 г. выросла вчетверо по сравнению с 1667 г., составив примерно 300 тысяч солдат; это была самая многочисленная армия Европы. В своей основе она оставалась наемной, профессиональной. Благодаря энергии военного министра Ф.-М. Лувуа в армии была укреплена дисциплина, упорядочена выплата жалованья. Но солдат не хватало, и в 1688 г. была организована королевская милиция, строившаяся на принципе воинской повинности. Каждая деревня обязывалась выставлять солдата, избираемого, если не находилось добровольцев, по жребию. Вначале созыв милиции рассматривался как временная мера, затем она стала постоянным учреждением, ее командирами становились провинциальные дворяне. В принципе милиция предназначалась для несения гарнизонной и караульной службы, но в военные годы она превращалась в важный источник пополнения регулярной армии. Общая организация сбора милиции и командование ею в рамках округов были возложены на интендантов. Флот обогнал сухопутную армию в деле организации принудительного набора: в 1669–1673 гг. все жившее морем мужское население побережья было разделено на три класса, каждый из них должен был служить в военном флоте по очереди в течение года.

«КАТОЛИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Укрепление абсолютизма в политической и идеологической сферах шло параллельно с движением «Католического возрождения». После провозглашения Нантского эдикта контрреформация во Франции проходила в обстановке легального сосуществования двух религий. Потеря монополии на истину пошла на пользу католицизму, сумевшему найти в себе силы, чтобы развернуть интенсивную борьбу за умы и души верующих. Одоблив в 1615 г. решения Тридентского собора (хотя они не были официально приняты светской властью), церковь Франции продемонстрировала солидарность с идейной стороной движения католической Реформы.

Усиливается влияние и престиж монашества, постепенно становится более строгой внутренняя дисциплина монастырской жизни, как по почину отдельных аббатов и аббатис, так и во исполнение указаний Ватикана. Монашество увеличивается количественно, несколько меняется качественно (женское монашество начинает численно преобладать над мужским), появляются новые активные ордена. Монахи налаживают работу госпиталей, приютов, раздачу милостыни, к ним тянутся охваченные религиозным рвением миряне.

Самым влиятельным монашеским орденом стали иезуиты. Рьяные поборники Католической лиги, после покушения Шателю на Генриха IV в 1594 г. они были изгнаны из округов Парижского, Руанского и Дижонского парла-

ментов, но в 1603 г. по настоянию папы вернулись и даже приобрели особое политическое влияние – именно с этого года сложилась традиция назначения королевским исповедником непременно члена иезуитского ордена. Важнейшей заслугой иезуитов стала перестройка школьного образования с учетом требований гуманистической культуры: они уделяли особое внимание углубленной гуманитарной подготовке, знанию классических языков. Поэтому иезуитские коллежи были весьма популярны среди всех, кто мечтал о службе своих сыновей в судейском аппарате. В иезуитских коллежах провели свои школьные годы Декарт, Корнель, Мольер. Положение монашества во Франции было все же деликатным, и особенно это относилось к иезуитам, принимавшим обет безоговорочного подчинения папе. Утверждение идеологии национальной монархии означало и рост галликанских настроений, стимулировавших неприязнь к управлявшемуся из-за границы монашеству. Поэтому для успеха «Католического возрождения» было важно, что в движении активную роль стало играть белое духовенство.

В 1611 г. под руководством П. де Берюлля, в будущем кардинала (1575–1629), по итальянскому образцу была организована французская Ораторианская конгрегация, – общежитийное содружество священников, подчинявшихся своим епископам. Главной задачей Оратории было обучение клириков, подготовка квалифицированных священников в заведениях типа семинарий. Но очень скоро епископы стали поручать именно ораторианцам организацию в их епархиях коллежей, конкурировавших с иезуитскими. Повсеместное создание семинарий во всех епархиях относится ко второй половине XVII в., но уже в 1642 г. трудами ораторианца Ж.-Ж. Олье в парижском предместье Сен-Жермен-де-Пре, при его приходской церкви, была создана главная французская семинария Сен-Сюльпис, самый авторитетный центр подготовки приходского духовенства.

Духовным лидером «Католического возрождения» был св. Венсан де Поль (1576–1660). Сын бедного гасконского крестьянина, сумевший получить университетское образование в Тулузе и Сарагосе, ставший советником монархов, он на всю жизнь сохранил искреннее сострадание к народным бедствиям, оставаясь верным своему девизу «За Бога и за бедных». Человек исключительного организационного таланта, он создал целый ряд благотворительных конгрегаций («Дамы Милосердия», «Девы Милосердия»); организовал Общество священников-миссионеров (так называемых «лазаристов», по имени возглавляемого Венсаном парижского прихода Сен-Лазар), имевшее главной целью религиозное просвещение крестьянства; издавал даже газету «Хранилище милосердия», где помещались известия о бедствиях крестьян и оказываемой им материальной помощи. Венсан де Поль не только сам руководил семинарией, под его началом в Сен-Лазаре стали проводиться регулярные «церковные конференции» (нечто вроде междуприходских «курсов повышения квалификации» для кюре). Он даже пытался влиять на большую политику, с подкупающей наивностью убеждая Ришелье поскорее прекратить разорительную войну, а Мазарини во время Фронды – добровольно уйти в отставку ради общего мира и согласия.

С самого начала деятели «Католического возрождения» стремились стимулировать религиозную активность мирян. Знаменитая книга св. Франциска Сальского (1567–1622) «Введение в набожную жизнь» доказывала, что для

достижения совершенного благочестия не нужно отказываться от светского и даже придворного образа жизни. Именно по инициативе мирян во главе с генеральным наместником в Лангедоке герцогом Вантадуром в 1627 г. было создано известное Общество Святых Даров, в которое входили на равных правах светские лица и священники (но не допускались монахи). Общество преследовало цель как оказания гуманитарной помощи (беднякам, больным, заключенным, пострадавшим от неурожая или военного разорения крестьянам), так и надзора за нравственностью, выявления нарушителей религиозных норм. При этом его заседания и членство в нем были строго засекречены, что объяснялось благочестивыми соображениями: благотворителям подобало оставаться неизвестными. (О самом существовании общества знали как церковные власти, так и правительство.)

Во Франции не существовало инквизиции. Протестантов даже после отмены Нантского эдикта нельзя было привлечь к ответственности просто как еретиков. Но принцип свободы совести не распространялся на вольнодумцев и радикальных сектантов, задачу их искоренения выполняли светские судебные трибуналы. В 1619 г. в Тулузе по приговору местного парламента был сожжен на костре по обвинению в атеизме итальянский философ Джулио Ванини. В 1663 г. на Гревской площади в Париже взшел на костер Симон Морен, объявлявший себя новым Христом («Сыном Человеческим»); он был выдан светским властям активистами Общества Святых Даров. Постоянным явлением, прежде всего в деревне, были ведовские процессы, особенно частые в начале века.

В 30-е годы XVII в. обозначился идейный раскол ранее единого «Католического возрождения» оформилось течение *янсенизма* (т.е. сторонников доктрины фламандского теолога Янсения, 1585 – 1638); центром новой секты стал расположенный под Парижем женский монастырь Пор-Рояль, рядом с которым селились «отшельники»-янсенисты. Главным пунктом спора стал рационально неразрешимый вопрос о соотношении свободы воли и предопределения. Янсенисты делали акцент на необходимости Божественной благодати для спасения души. Эта позиция была близка к кальвинистской, хотя во всем остальном янсенисты оставались католиками и участвовали в антипротестантской полемике. Как и у кальвинистов, вера в предопределение вела к углубленной духовной работе верующего, к стремлению постоянно убеждаться в своей избранности. Вместе с тем ставилось под сомнение принятое массой католиков убеждение в спасении через добрые дела, столь важное для успеха «Католического возрождения». Янсенисты вели полемику с иезуитами, известным эпизодом которой стала публикация «Писем к провинциалу» Блеза Паскаля.

И папа, и Ассамблея французской церкви осудили янсенизм; король потребовал, чтобы все духовные лица подписали «формуляр» о своем осуждении заблуждений Янсения, но янсенисты сопротивлялись. Продолжение спора порождало конфликты между ультрамонтанством (радикальным папизмом), церковным и политическим галликанством, поскольку не было согласия, кому должен принадлежать непререкаемый авторитет в вопросах догматики – и в 1669 г. по инициативе папы был заключен так называемый «Церковный мир». Он сохранялся более тридцати лет, когда спор вновь обострился: янсенистские идеологи нового поколения активизировали свою

пропаганду, и Людовик XIV, стремившийся во что бы то ни стало сохранить единство Католической церкви, в согласии с папой распорядился в 1709 г. уничтожить монастырь Пор-Рояль; монахини были принудительно выселены, все строения срыты.

С 60-х годов XVII в. наметился спад питавшего «Католическое возрождение» спонтанного религиозного энтузиазма, бесконтрольность которого настораживала королевские власти. Для таких политиков, как Мазарини и Кольбер, чрезмерная набожность служила симптомом потенциальной политической неблагонадежности. Знаковым явлением стала ликвидация Общества Святых Даров. Правительство не могло примириться с существованием секретной организации, полсотни филиалов которой охватывали всю Францию и которая своим надзором за нравственностью вторгалась в его компетенцию (дело доходило до содержания частных тюрем). Именно Общество Святых Даров развязало в 1664 г. кампанию против комедии Мольера «Тартюф» как наносящей ущерб религии. Но «гонители» сами находились в положении гонимых, и уже в 1665 г., не выдержав усиленной полицейской слежки, руководство общества приняло решение о его самороспуске. «Набожные» обладали достаточными связями, чтобы затормозить постановку вольнодумной пьесы, но только на пять лет. Мольер убедил короля, что его комедия обличает не благочестие вообще, а только прикрывающихся им лицемеров, и после добавления лестного для монарха счастливого конца (в первом варианте пьеса кончалась торжеством Тартюфа) в 1669 г. «Тартюф» появился на парижской сцене; его триумфальный успех знаменовал важные перемены «духа времени».

Во второй половине века постепенно сходят на нет ведовские процессы: правительство препятствовало всплескам антиведовской истерии в деревне, приняв рационалистическую трактовку ведовства как суеверия или сознательного обмана, но не как следствия «пакта», заключенного колдуном с дьяволом.

КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ XVII ВЕКА

Рационалистическая упорядоченность стала важнейшей чертой французской культуры, классицизм превратился в официальный стиль абсолютной монархии. Главной задачей созданной еще при Ришелье Французской академии стало наведение порядка в литературном языке: чистка его словарного состава, упрощение синтаксиса; успех этой реформы способствовал превращению французского языка в международный язык политики и светского общения.

Достижения барокко применялись в дворцовой архитектуре и в оперной музыке ради создания эффекта королевской пышности. Но эстетика классической трагедии была полемически противопоставлена барочному стилю испанской драматургии. Известное правило «трех единств» (времени, места и действия) исключало злоупотребление сценическими эффектами, позволяя сосредоточиться на углубленном психологическом раскрытии основного конфликта. В этом сложнейшем жанре были созданы лучшие пьесы Корнеля и Расина. К верности природе, чуждой барочной изощренности, призывал Мольер, соединивший в своем творчестве образцы высокой комедии нравов

(«Тартюф», «Дон Жуан», «Мизантроп») с использованием традиций народного фарса.

В узком слое французских интеллектуалов в течение всего века подспудно сохранялись шедшие от Ренессанса традиции скептицизма и вольномыслия. Во второй половине столетия становится широко известной рационалистическая система Декарта (1596–1650) – механистическая и деистская модель мира, оставлявшая Богу после создания материи-пространства лишь акт «первого толчка», который запустил вселенскую машину. Хотя все работы философа были внесены Ватиканом в «Индекс запрещенных книг», это не мешало их популярности, наглядно проявившейся в том, что прах скончавшегося в Швеции Декарта был перевезен во Францию и торжественно захоронен в церкви Сен-Жермен-де-Пре; картезианство превращается в научную и философскую школу. Декарт еще маскировал свою приверженность теории Коперника, но уже в 1686 г. результаты научной революции в астрономии были изложены в популярной форме в книге Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», так через полвека после процесса Галилея коперниканство стало предметом бесед в светских салонах Парижа. Страна приближалась к веку Просвещения.

СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ЮЖНЫЕ НИДЕРЛАНДЫ В XVII ВЕКЕ

Испанская монархия вступила в XVII в. могущественной державой – одной из самых обширных, какие только знала история. Помимо Пиренейского полуострова в ее состав входили южная часть Нидерландов, Франш-Конте и Шароле, Неаполитанское королевство, Сицилия, Сардиния, Миланское герцогство и необозримые колониальные владения: Америка от Калифорнии до Огненной Земли, Филиппины, португальские колонии в Африке, Азии и Америке. Однако в XVII в. Испания все менее способна была продолжать борьбу за преобладание в Европе, а в конечном счете утратила и былой престиж, и Португалию, и некоторые другие территории.

Правление каждого из испанских Габсбургов XVII в. отличалось своими особенностями, что позволяет историкам, хотя и с оговорками, выделять в испанской истории XVII в. три периода «по царствованиям». Правление Филиппа III (1598–1621) – сравнительно мирный период в истории Испании, когда страна довольно долго не вела больших войн. Но именно в это время она столкнулась с множеством внутренних проблем. При Филиппе IV (1621–1665) Испания попыталась вернуть утраченные позиции, а с этой целью провести реформы, которые, однако, в условиях непрерывных войн не получили развития. В то же время кризисные явления в стране нарастали, и именно тогда Испанская монархия, потеряв Португалию и едва не утратив Каталонию, рассталась с надеждами восстановить свою гегемонию в Европе. Наконец, при Карле II (1665–1700) страна медленно выходит из кризиса, сумев показать соперникам свою способность к сопротивлению и обойтись сравнительно небольшими территориальными потерями.

ПРОБЛЕМА УПАДКА ИСПАНИИ

Уже в самом начале XVII в. проникательные современники, впечатленные размахом перемен к худшему, стали рисовать портрет Испании своего времени в мрачных тонах, часто преувеличивая черты упадка и сурово осуждая своих соотечественников. Нередко они сравнивали Испанскую монархию с Римской империей и приходили к выводу, что, пережив, подобно Древнему Риму, эпоху расцвета и величия, достигнув вершины своего могущества, Испания обречена последовать примеру Рима и в другом: за расцветом неминуемо следует упадок. Сходные идеи высказывали и политические противники Испании, прежде всего французские и английские публицисты. Под пером испанских и иностранных авторов сформировался комплекс представлений об упадке Испании. Просветители закрепили его своим авторитетом, и в дальнейшем он тяготел над многими поколениями историков. Лишь во второй половине XX в. стали слышны голоса исследователей, неудовлетворенных этим термином, подчеркивавших, что он требует важных оговорок и слишком прост для характеристики сложных перемен в жизни Испании

XVII в. В качестве альтернативы они предлагают термин «кризис», хотя это слово нередко воспринималось современниками и историками в медицинском смысле — как критическая точка болезни, за которой следует выздоровление, восстановление социального организма. Не случайно возникает сравнение Испании с Фениксом, возродившимся из пепла.

В последнее время стала популярной метафора из области физики: историки говорят об «упругости» Испанской монархии, оказавшейся способной восстанавливать свою первоначальную форму после воздействия сильнейшего давления, казалось бы, необратимо деформировавшего ее.

Как бы ни называть этот феномен испанской истории XVII в., за ним стоит вполне определенная реальность. Кризисные явления, под знаком которых прошла значительная часть XVII в., проявились в самых разных сферах: демографической, экономической, социальной, политической и военной. С конца XVI в. проблемы множатся, а в середине XVII в. кризис достиг апогея. Самым очевидным его проявлением стало сокращение населения, особенно городского. Частые неурожаи, неумеренный рост налогов и сеньориальных платежей приводили к разорению земледельцев и обезлюдению деревни. Покидая деревни, люди скапливались в городах, но именно города особенно страдали от опустошавших страну эпидемий. Самой смертоносной была чума 1647–1654 гг. Существенными факторами сокращения населения стали также изгнание морисков, военные потери и эмиграция в Америку. Лишь в первые годы XVIII в. население вновь достигло уровня конца XVI в. — 8 млн. В то же время происходило его перераспределение по территории страны: центральные районы Кастилии в XVII в. так и не восстановились, в то время как население Каталонии несколько возросло.

Резко сократилась деловая активность во всех областях экономики, которая и в XVII в. сохраняла многие черты, характерные для Средневековья. Собственниками большей части земли по-прежнему являлись крупные светские и духовные сеньоры; некоторые из них сосредоточили в своих руках власть над сотнями городков, сел и деревень. Политика королевской власти, сохранявшей жесткие правила майората, защищала высшую знать от разорения, но тем самым ограничивала земельный рынок; минимальными оказывались и возможности сеньоров внедрять передовые методы хозяйствования. Испания оставалась аграрной страной, но при этом все более зависела от привозного хлеба.

Последствия ввоза серебра из Америки отрицательно сказались на промышленном производстве, особенно суконном, которое при отсутствии последовательной протекционистской политики короны не могло конкурировать с иностранным. К XVII в. экономика Испании уже настолько зависела от своевременного прихода «серебряных флотов» из Нового Света, что сокращение поступлений из Америки оказалось для нее болезненным. Оно было вызвано увеличением расходов на добычу серебра, растущим удержанием его части в пользу колониальных властей, трудностями в обеспечении американского рынка необходимыми товарами в обмен на вывозимые драгоценные металлы, изъятием части золота и серебра другими странами путем контрабандной торговли и пиратства.

Хотя кризисные явления в разной мере затронули разные регионы и различные отрасли экономики (так, производство оружия и кораблестроение,

пользуясь поддержкой государства, пострадали меньше), в целом промышленность не восстановилась до конца XVII в. Внешняя торговля – и атлантическая, и средиземноморская – сокращалась и переходила в руки иностранцев. С 20-х годов начался спад колониальной торговли.

Почти весь XVII век Испанская монархия существовала в условиях непрерывных войн и связанного с ними постоянного финансового дефицита. Правительство все время пыталось изыскивать новые источники пополнения казны (новые налоги, продажа должностей, рент и юрисдикций, даже права голоса в кортесах, требования «добровольной» помощи у институтов и частных лиц). Но всего этого не хватало, и в ход шла порча монеты, что имело негативные последствия: быстрый рост инфляции, особенно значительной на фоне «революции цен», «кризис доверия» населения к правительству, рост социальной напряженности. Замена серебряной монеты деньгами из сплава серебра и меди (в котором серебра становилось все меньше) наглядно обозначила переход от экспансии к стагнации и упадку. Государство все хуже справлялось с трудностями, периодически объявляя банкротство (1607, 1627, 1647 гг.). Отдельным частям монархии, не получавшим помощи из центра, приходилось самим заботиться о своих интересах. В них нарастали настроения сепаратизма, что в 1640 г. привело к отделению Португалии.

Кризисные явления в промышленности, торговле и финансах повысили ценность земли и сделали ее покупку оптимальным вложением капиталов. В то же время, стремление сеньоров любыми способами обеспечить рост ее доходности вызвало в XVII в. так называемую сеньориальную реакцию – широкое наступление сеньоров на права крестьян, проявившееся в изъятии у земледельцев земель, находившихся в общем пользовании и необходимых для ведения хозяйства, а также в попытках восстановить давно уже не взимавшиеся повинности. Вместе с растущим налоговым гнетом и неурожаем это привело к упадку крестьянского хозяйства и к росту недовольства. Множилось число нищих. В крупных городах скапливались тысячи бродяг – *пикаро*, жизнь которых описывает особый жанр испанской литературы – плутовской роман (см. с. 590). Нищих выдворяли из городов, ссылали на галеры, но ничто не помогало в борьбе с этим злом.

Одновременно выросли удельный вес и влияние привилегированных слоев (рост числа титулов, продажи сеньорий, продажи и узурпации дворянских званий), выросла и роль аристократии в управлении страной, ее представители занимали важнейшие посты в государстве. Дополнительную социальную напряженность в обществе по-прежнему создавали статуты «чистоты крови», хотя периодически звучали предложения отменить или хотя бы ограничить их.

Купцы и финансисты, чьи занятия стали менее надежными и выгодными, отказывались от них, вкладывали деньги в землю и аноблировались. Становясь дворянами, они принимали систему ценностей этого сословия, но их возвышение укрепляло в обществе веру во всевластие денег, перед которыми должны потесниться честь и благородство.

В меньшей степени кризисные явления затронули духовенство, получившее на Тридентском соборе четкую программу действий; влияние клира на общество в XVII в. усилилось. Глубокая религиозность испанцев

имела в это время свои особые черты. По представлениям испанцев их держава воплощала – перед лицом разделенной противоречиями Европы – идеал политического и религиозного единства. Они видели себя богоизбранным народом, составляющим оплот католицизма, со всех сторон осажденный врагами: скрытыми и явными протестантами, мусульманами, иудеями... Хотя во внешней политике от нетерпимости по отношению к врагам все чаще приходилось отступать, внутри страны она казалась естественной и необходимой.

Хотя полное единообразие религиозной ортодоксии оставалось недостижимым идеалом, ее воздействие на культуру и всю жизнь общества проявлялось здесь сильнее, чем где бы то ни было. Однако повышенный накал религиозной жизни сочетался, особенно в глухих деревнях, с традициями язычества и магии. Показателем возросшего социального напряжения стало более широкое, чем прежде, распространение «охоты на ведьм», особенно в северных провинциях, таких как Галисия и Страна басков. Инициаторами преследований ведьм обычно выступали не инквизиторы, а односельчане обвиненных.

Социальное недовольство в XVII в. неоднократно прорывалось в восстаниях, причинами которых чаще всего выступали дороговизна продовольствия, злоупотребления сеньоров, попытки властей ввести новые налоги или увеличить прежние. В 1693 г. вспыхнуло крупное крестьянское восстание в Валенсии. В городских восстаниях, таких как бунт в Бильбао против попытки ввести королевскую монополию на соль (1631), ведущую роль играли ремесленники и беднота. Восстания были подавлены, но в ряде случаев властям пришлось пойти на уступки. Еще одной из форм социального протеста стал разбой, особенно распространенный в Валенсии и в Каталонии.

В области внутренней политики кризисные явления проявились в уменьшении эффективности аппарата управления, а также в серии событий, так или иначе ослабивших Испанскую монархию: в изгнании морисков, в сепаратистском движении в Португалии и Каталонии, в восстаниях в итальянских владениях Испании, в заговорах знати против короля.

Отличительной чертой XVII в. в Испании стала особая роль королевских доверенных лиц (*validos*), которым монархи передавали важнейшие рычаги управления. Некоторые из них фактически обладали властью первого министра, но она основывалась исключительно на доверии короля и всегда была ограничена влиятельной оппозицией. Появление этого института было вызвано растущей сложностью дел управления, и в то же время разграничение высшего титула и повседневного осуществления власти освобождало короля от возможной критики за ошибки в делах управления. В Испании такая система фактически означала возврат высшей знати к прямому руководству страной. Ее эффективность зависела от талантов и деловых качеств фаворита, но насущных задач ни один из них решить не смог. Наиболее влиятельными фаворитами были Франсиско Гомес де Сандоваль-и-Рохас, герцог Лерма, при Филиппе III, и Гаспар де Гусман, граф-герцог Оливарес, при Филиппе IV; позже доверенные лица монархов не пользовались такой властью.

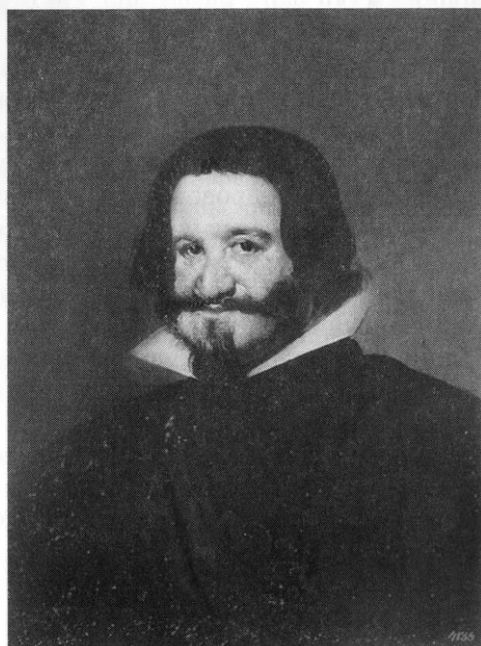
Внешнеполитической составляющей упадка Испании стал кризис имперской политики: для ее проведения не хватало ни финансовых, ни людских ресурсов. Рост налогов, порча монеты, приостановки платежей по долговым обязательствам приводили лишь к дальнейшему ухудшению ситуации. За этим неизбежно последовали военные поражения, территориальные потери и утрата прежнего влияния в международных делах.

Корыстолюбивый и тщеславный герцог Лерма, ставший фаворитом слабовольного и мало занимавшегося делами управления Филиппа III, получил шансы хотя бы отчасти восстановить экономику и финансы, поскольку имел возможность действовать в сравнительно мирных условиях. Однако Лерма направил свои основные усилия на личное обогащение.

С конца 1598 по 1618 г. герцог Лерма фактически управлял государством. Выходец из аристократического рода, он получил должность при дворе наследника престола Филиппа и подчинил слабохарактерного принца своему влиянию, а когда тот стал королем, стремительно вознесся на вершину власти. Контролируя доступ к монарху и назначение на важнейшие должности, он передал ключевые посты своим людям и, хотя имел при дворе сильных противников, сохранял власть в своих руках.

В 1601 г. Лерма добился от короля переноса столицы из Мадрида в Вальядолид, а в 1606 – ее возвращения в Мадрид, получив от этого огромные выгоды. Значительную часть этих средств он потратил на украшение своего городка Лерма, где был создан великолепный архитектурный ансамбль. Алчность и коррумпированность Лермы и его ставленников в сочетании с неудачной внутренней политикой привели к росту недовольства. Предвидя опалу, Лерма добился от папы Павла V кардинальской шапки. В 1618 г. интригу против отца возглавил его сын герцог Уседа, который и стал новым королевским фаворитом; Лерма был удален от двора, а после смерти в 1621 г. Филиппа III подвергся преследованиям; ему пришлось вернуть часть своего огромного состояния. Видимо, лишь кардинальская шапка спасла ему жизнь.

В области внутренней политики главным событием правления Лермы стало изгнание морисков – потомков испанских мусульман. Хотя они еще в конце XV в. приняли христианство, многие подозревали их в тайной приверженности исламу и враждебности по отношению к христианам. В испанском обществе мориски являлись бедной и социально приниженной группой. В Валенсии они составляли почти треть населения. Поскольку на их труде основывалось процветание многих сеньоров, те пытались защищать их от нападков. Но на рубеже XVI–XVII вв., с нарастанием кризисных явлений, все громче слышались голоса политиков, говоривших о враждебности морисков и их возможном союзе с турками; служители церкви подчеркивали провал культурной ассимиляции и христианизации морисков. В конце концов было принято

Диего Веласкес. Портрет графа-герцога Оливареса. Ок. 1638 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

решение об их изгнании, осуществленное в 1609–1614 гг. Морисков под конвоем отправляли в средиземноморские порты, а оттуда перевозили в Африку. Эта жестокая мера, направленная на достижение религиозного единства страны и ее безопасности в условиях враждебного окружения, была одобрена большинством населения, но имела тяжелые демографические и экономические последствия. Страна потеряла до 400 тысяч земледельцев и ремесленников.

ОЛИВАРЕС: РЕФОРМЫ НА ФОНЕ ВОЙНЫ

В 1621 г. с воцарением Филиппа IV к власти пришел его фаворит Оливарес, талантливый и энергичный политик, выдвинувший программу восстановления могущества Испании. Для достижения этой цели он готов был преодолеть любые препятствия: привилегии провинций, практические и юридические ограничения королевской власти, спесь знати и своекорыстие городских олигархий. Оливарес видел в Испанской монархии множество недостатков, которые хотел исправить с помощью реформ. Однако состояние страны и международная обстановка резко ограничивали его возможности.

На первых порах Оливарес сумел обуздать коррупцию, принял меры с целью остановить сокращение населения (ограничение ухода в монашество, помощь многодетным семьям, привлечение ремесленников-иммигрантов), сократил число чиновничьих и придворных должностей, ввел законы против роскоши. Он пытался упорядочить налоговую политику, прекратить порчу монеты и обуздать инфляцию. Он стремился заинтересовать дворянство военной службой, а податное сословие – предпринимательством, поощрял торговлю и земледелие. Более всего он жаждал преодолеть провинциальный партикуляризм монархии, унифицировав управление, законодательство и налоговую систему ее окраин по кастильскому образцу. Однако проекты реформ из-за нехватки денег откладывались до окончательной военной победы, а те, которые все-таки проводились, вызывали ожесточенное сопротивление.

В войне Оливарес шел до конца, будучи убежден, что от полной мобилизации людей и ресурсов зависит само существование Испанской монархии. Ради достижения конечной победы над главным противником – Францией, убежденный католик Оливарес готов был даже пойти на союз с гугенотами, подчиняя религию государственной необходимости.

В 1625 г. Оливарес выдвинул проект военного союза всех частей Испанской монархии. Он предложил создать 140-тысячную армию, набранную во всех провинциях по квотам, установленным в соответствии с их населением и ресурсами. Но Каталония отказалась, и проект так и не был осуществлен. После начала войны с Францией (1635) и открытия новых театров военных действий напряженность в отношениях между центром и провинциями Испанской монархии еще более возросла.

С целью мобилизовать для войны все ресурсы монархии Оливарес увеличивал налоги и набирал солдат, не считаясь с привилегиями королевств и провинций. Особое раздражение это вызвало в Португалии, в 1640 г. отложившейся от Испанской монархии, и в Каталонии, которую удержала лишь сила оружия. Показателем недовольства в самой Кастилии стал заговор

герцога Медина Сидония против короля (1641). Неудачи конца 30-х – начала 40-х годов исчерпали кредит монаршего доверия Оливаресу, и в 1643 г. король отправил его в отставку. Ситуация после этого стала только хуже: Португалию вернуть не удалось, Каталония продолжала бунтовать, вспыхнули восстание на Сицилии (1646–1647) и восстание Мазаньелло в Неаполе (1647).

События в Каталонии, в силу стратегической важности ее положения на границе с Францией, имели особое значение. Здесь восстание против испанских властей началось в 1640 г. Нарушение традиционных привилегий и рост налогов обострили недовольство, искусно подогреваемое французами. Каталонцы признали своим государем Людовика XIII Французского, что привело к открытому конфликту. Военные действия шли с переменным успехом, но грабежи и своекорыстие французов, ослабление Франции во время Фронды и более гибкая политика Мадрида склонили чашу весов на сторону Испании. В 1652 г. капитулировала Барселона. Каталония осталась в составе Испанской монархии, но Филиппу IV пришлось подтвердить ее привилегии.

ИСПАНИЯ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

В царствование Карла II (1665–1700) Испания уже не претендовала на роль великой державы и перестроила свою внешнюю политику, пытаясь лишь сохранить свои обширные владения в Европе и за океаном. Страна была разорена, постоянные неудачи все более подрывали ее престиж.

Карл II унаследовал трон в четырехлетнем возрасте; регентшей стала королева-мать Марианна Австрийская, но большим влиянием пользовались ее фавориты. Будучи физически и психически больным человеком, король легко поддавался внушению. Фактически государством правили придворные группировки, за которыми нередко стояли интересы иностранных держав, особенно Франции и Австрии. Постоянные войны не позволяли провести насущные реформы. Тем не менее власти принимали меры, способствовавшие возобновлению экономической активности: была создана хунта по делам торговли, приняты законы, поощрявшие производство, включая подтверждение совместимости дворянского статуса с занятиями ремеслом и торговлей.

Наибольшая угроза исходила от Франции, в политике которой стремление округлить свои владения за счет пограничных территорий сочеталось с желанием целиком присоединить владения заpireнeйского соседа. В поисках союзников Испания сближается с Англией и Голландией, но она была слабее их и для нее каждая война приводила к новым территориальным потерям.

При Карле II впервые были установлены прямые дипломатические отношения между Испанией и Россией, причем инициатива принадлежала последней. В 1667–1668 гг. Испанию посетило посольство П.И. Потемкина, однако предложение российского царя Алексея Михайловича установить регулярные торговые связи между двумя странами не встретило в Испании особого интереса.

Король не мог иметь детей, и уже при его жизни появились претенденты на испанское наследство, среди которых были внук французского короля

Людовика XIV Филипп Анжуйский и сын императора Леопольда I эрцгерцог Карл. Незадолго до смерти Карл II назначил наследником Филиппа Анжуйского. За смертью короля последовала Война за испанское наследство, в результате которой на испанском престоле династия Бурбонов сменила Габсбургов.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

XVII век стал эпохой расцвета испанской культуры, ее Золотым веком. Многое в развитии культуры определило осознание современниками кризиса и упадка, заставлявшее задуматься о причинах происходящего. Кроме того, еще действовала инерция огромной империи, вобравшей в себя опыт культурного развития всех ее составных частей, включая Италию и Нидерланды, и развившей его в соответствии со своими потребностями. Никогда прежде испанская культура не оказывала столь значительного и многостороннего влияния на общеевропейские культурные процессы.

В то же время разные ее сферы развивались крайне неравномерно. Если театр, литература, живопись пролагали новые пути для всей Европы, то в архитектуре не появилось ничего сравнимого с Эскориалом, а в сфере науки вклад Испании был еще скромнее.

Хронологические рамки Золотого века не совпадают с XVII в. Обычно его начинают с 80-х годов XVI в., а завершают примерно 1680 г. Стилистически культура Золотого века очень неоднородна: его начало прошло под знаком Возрождения, но уже на рубеже XVI–XVII вв. в Испании распространился маньеризм, и тогда же заявило о себе барокко. Таким образом, в литературе и театре начала XVII в. Ренессанс, маньеризм и барокко сосуществовали и влияли друг на друга, а затем барокко вытеснило два других. В архитектуре же стиль барокко распространился позже, с середины XVII в.

Важнейшую роль в развитии испанской культуры XVII в. сыграл королевский двор, достигший особого блеска в правление Филиппа IV; сам король был крупнейшим меценатом своего времени, покровительствовал Веласкесу и Кальдерону. Вслед за монархами к коллекционированию обращаются придворные. Составлялись первоклассные собрания живописи, библиотеки, а также «комнаты диковин», в которых, в соответствии со вкусами эпохи барокко, собирались предметы редкие и исключительные. Многие аристократы покровительствовали писателям и художникам.

В религиозно-философской мысли XVII в. самым заметным явлением оставалась так называемая «вторая схоластика», оказавшая влияние на Декарта, Лейбница и других философов Нового времени. Ее крупнейшим представителем был Франсиско Суарес (1548–1617), глубоко переработавший метафизику Аристотеля и учение Фомы Аквинского, что обновило схоластику и позволило успешно использовать ее в новых условиях.

Вклад Испании в Научную революцию был очень скромным. Жесткий контроль со стороны инквизиции и искусственная изоляция (хотя и неполная) от протестантских стран создали в стране обстановку замкнутости и нетерпимости, плохо совместимую с научными исканиями.

Упадок Испании вызвал к жизни целое направление в общественной мысли. Многие авторы размышляли над его причинами, пытались понять его суть и предлагали свои решения. Их именовали арбитрастами (от исп. слова «арбитрио» – в одном из значений: средство или произвольное решение короля), а представленное ими направление общественной мысли, достигшее расцвета в первой трети XVII в., историки называют арбитразмом. Среди арбитрастов имелись глубокие мыслители (С. де Монкада, П. Фернандес де Наваррете и другие), которые осмыслили исторический опыт Испании и осознали необходимость реформ. Они отстаивали идеи протекционизма и меркантилизма, размышляли над последствиями ввоза серебра из Америки для экономики страны, критиковали предрассудки современников (в частности, презрение к производительному труду).

В трудах историков также воплотился опыт самосознания испанцев эпохи упадка. В прошлом они искали истоки своего национального характера и подтверждение притязаниям. Всегда актуальная для них проблема единства или многообразия исторического развития Пиренейского полуострова с восстановлением суверенитета Португалии звучала особенно злободневно. Поскольку в условиях ослабления центра монархии слабели и связи между ее частями, все чаще акцентировалась самодостаточность каждой области и ее прошлого; появилось множество историй городов и провинций.

Одним из самых заметных феноменов испанской культуры Золотого века был театр; спектакли пользовались огромной популярностью. Начало расцвета испанского театра связано с именем Лопе де Веги (1562–1635). Он написал свыше 2 тысяч пьес (сохранилось менее четверти). Несмотря на некоторые черты Ренессанса, в целом творчество Лопе принадлежит барокко. Он строил пьесу так, чтобы не ослаблять напряженного интереса зрителя к действию, удерживать его внимание постоянной переменой декораций и костюмов. Черты барокко проявляются и в обычном для Лопе жанре «новой комедии», смешивающей «высокое» и «низкое», трагическое и комическое, и тем самым нарушающей законы ренессансной теории драмы.

Во втором десятилетии XVII в. сложилась школа Лопе де Веги, к которой в широком смысле принадлежали все последующие драматурги Золотого века: все они следовали принципам «новой комедии», в то же время усиливая или трансформируя отдельные стороны художественной системы Лопе. Так, Тирсо де Молина, создавший бессмертный образ дона Хуана (дона Жуана), внес в театр углубленный психологизм, а Педро Кальдерон де ла Барка – религиозно-философский пафос. Творчество Кальдерона (1600–1681) стало вершиной театра барокко. Его отличают глубокие раздумья о природе человека и его месте в мироздании, красота стиха, обилие символов и аллегорий.

В литературе начала XVII в. особое место занимает Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616). Хотя его поздние произведения, включая и роман «Дон Кихот» (т. 1, 1605, т. 2, 1615), вышли в свет уже в эпоху барокко, писатель сохранял верность идеалам Возрождения. Однако осознание невозможности их торжества окрашивает гуманизм Сервантеса в трагические тона. Книга породила множество толкований, она по праву считается одним из лучших романов мировой литературы, а по числу языков, на которые пере-

ведена, уступает лишь Библии. Однако на испанскую литературу XVII в. «Дон Кихот» почти не оказал влияния.

Зато огромным было воздействие романа «Гусман де Альфараче» Матео Алемана (т. 1, 1599), обозначившего рождение нового литературного жанра – плутовского, или пикареского романа (от исп. *pícaro* – «плут»). Перед его читателями разворачивается панорама общества, построенного на обмане, корысти и беззаконии. Черты кризиса ренессансного сознания проявились в рассуждениях о порочности человеческой природы, устойчивом ощущении дисгармоничности мира, общества и человеческого сознания, вселили фортуны, играющей жизнью героя. Первая треть XVII в. – время расцвета жанра.

Одной из вершин испанского барокко стало творчество Бальтасара Грасиана (1601–1658). Философский роман «Критикон», сборник афоризмов «Карманный оракул», моральный трактат «Герой» Грасиана в XVII–XVIII вв. пользовались европейской известностью.

В поэзии барокко в начале XVII в. выделились две стилевые тенденции, соперничавшие друг с другом. Для культизма, или культеранизма (видимо, от лат. *cultus* – «изысканный»), связанного с именем Луиса де Гóngоры-и-Арготе (1561–1627), характерны неологизмы, нарушение принятого порядка слов, сложные метафоры, мифологические аллюзии. Концептисты, Франсиско де Кеведо-и-Вильегас (1580–1645) и его последователи, исходили из идеи внутренней сложности мысли, стремясь к лаконизму и смысловой насыщенности каждой фразы. Для них характерна игра на многозначности слов, каламбуры, разрушение словесных штампов.

Испания в XVII в. стала одним из лидеров в развитии европейской живописи. В стороне от его магистрального пути остался, пожалуй, только Эль Греко (1541–1614) – грек с острова Крит, с 1576 г. живший в Испании; у него имелись ученики, но так и не сложилась школа.

Хусепе Рибера (1591–1652), придворный живописец испанских вице-королей в Неаполе, испытал сильное влияние Караваджо. Его полотна привлекают драматизмом религиозного переживания, ощущением брэнности и хрупкости телесного, но также и душевной стойкостью персонажей. Франсиско Сурбаран (1598–1664) писал по заказам монастырей циклы картин с эпизодами из истории монашеских орденов и из житий святых. Сурбарану принадлежат также лучшие натюрморты в испанской живописи.

Крупнейший испанский художник XVII в. Диего Веласкес (1599–1660) с 1623 г. был придворным живописцем Филиппа IV; главной для него стала тема власти. Он писал портреты короля, членов его семьи и Оливареса, но также и портреты придворных шутов и карликов, достигнув в них вершины драматического восприятия человеческой личности. Его «Сдача Бреды» запечатлела одну из побед Испанской монархии над Соединенными провинциями: благородству испанского главнокомандующего Амброждо Спинолы противостоит достоинство побежденных, но не сломленных голландцев. Это полотно стало рубежной вехой в складывании в европейской живописи концепции исторической картины. Смерть Веласкеса и его младшего современника Бартоломе Эстебана Мурильо (1617–1682) обозначила конец Золотого века испанской живописи.

ПОРТУГАЛИЯ: ЭПОХА «ТРЕХ ФИЛИППОВ» И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА

В отличие от Испании в Португалии переход от XVI к XVII в. не был рубежной вехой; зато таковой стал 1581 г., когда Португалия со своими колониями в Азии, Африке и Америке вошла в состав Испанской монархии.

Эпоха династической унии, или «трех Филиппов» (Филиппа II, Филиппа III и Филиппа IV Испанских, которые в Португалии именовались, соответственно, Филиппом I, Филиппом II и Филиппом III), довольно четко делится на два периода: до и после начала 20-х годов XVII в. В первый из них испанские власти в целом соблюдали режим автономии, обещанный португальцам по условиям объединения двух корон. Испанцы старались не вмешиваться в дела Португалии и ее колоний, а налоги долгое время оставались весьма умеренными. К тому же пребывание в составе Испанской монархии приносило Португалии и преимущества: были сняты таможенные барьеры между двумя странами, а при торговле с колониями португальцы могли рассчитывать на защиту испанского морского флота. Тем не менее утрата независимости болезненно воспринималась в стране с высоким уровнем национального самосознания. Показателем народного недовольства стал «себастьянизм» (см. главу «Испания в XVI в.»).

К тому же после 1581 г. португальские колонии, менее защищенные от вражеских нападений, чем испанские (португальские власти, успешно сдерживавшиеся европейских конфликтов, не видели в этом необходимости), подвергались атакам голландцев и англичан. Уже на рубеже XVI–XVII вв. многие португальские владения, включая острова Индонезии, перешли в руки голландцев.

Ситуация обострилась, когда Оливарес стал добиваться более пропорционального участия в тяготах Тридцатилетней войны всех провинций монархии (по сравнению с уже разоренной Кастилией). Резко выросли налоги, и португальцев стали привлекать к службе за пределами их страны.

Растущее недовольство вылилось в волнения, наиболее масштабным из которых стало восстание 1637 г. в Эворе. На этом фоне группа португальских дворян в 1640 г. совершила переворот и свергла власть испанской наместницы; независимость страны была восстановлена, и на престол взошел праправнук Мануэла I герцог Браганса, ставший королем Жоаном IV (1640–1654). Новой власти удалось сплотить общество для защиты отечества и заключить союзы с Францией, Голландией и Англией. Все это позволило стране отстоять свою свободу. После победы португальцев при Вила-Висозе в 1665 г. испанские власти признали независимость Португалии по Лиссабонскому миру 1668 г. и вернули ей все ее колонии, которые к тому времени еще не были захвачены другими странами, за исключением Сеуты, оставшейся за Испанией.

В условиях войны с Испанией Жоан IV хотел заручиться самой широкой поддержкой сословий, а потому регулярно собирал кортесы. Вплоть до 1668 г. страна была сословно-представительной монархией с сильной властью кортесов. Однако после заключения мира с Испанией кортесы утратили прежнюю роль, а после 1698 г. вообще не созывались. В то же время возросла роль центральных королевских советов и особенно королевских се-

кретарей. С конца XVII в. финансовые ресурсы монархии выросли, что было связано с открытием и началом добычи бразильского золота (первая партия прибыла в Лиссабон в 1699 г.). Однако влияние этой добычи на развитие метрополии было двойственным: пополняя королевскую казну и покрывая дефицит внешней торговли, она создавала у властей иллюзию процветания страны и делала их менее заинтересованными в развитии экономики самой Португалии.

Политическая история Португалии в конце XVI – XVII в. прямо повлияла на культурные процессы в стране. За несколько десятилетий страна прошла путь от принятия испанской культуры и усвоения многих ее достижений до ее отторжения в очень резких формах. Утрата независимости в целом отрицательно сказалась на культурных процессах в Португалии, хотя приобщение к испанской культуре, переживавшей в это время блестящий расцвет, имело и положительное значение. В условиях борьбы с Испанией получили развитие политическая публицистика и исторические труды: славным прошлым своей страны португальцы обосновывали борьбу за свободу.

ИСПАНСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ

Для Южных Нидерландов, остававшихся в течение всего XVII в. либо в орбите влияния Испанской монархии, либо непосредственно в ее составе, это столетие оказалось наполнено войнами с Соединенными провинциями и с Францией. Военные действия на территории страны, лишь сравнительно редко и ненадолго сменявшиеся мирными периодами, привели к постепенному упадку экономики; к тому же на судьбы региона влияли экономические проблемы Испании. Хотя население многих крупных городов Фландрии и Брабанта: Брюсселя, Антверпена, Гента, Брюгге и других – выросло, однако они очевидно проигрывали экономическое соревнование с центрами Соединенных провинций, особенно с Амстердамом. Антверпен сильно пострадал в ходе освободительной войны, а после установления контроля голландцев над устьем Шельды окончательно уступил лидерство Амстердаму.

Тем не менее первые десятилетия XVII в. считаются «золотым веком» Южных Нидерландов. Во многом это связано с изменением их статуса и с талантами правителей. В 1596 г. Филипп II назначил правителем Южных Нидерландов своего племянника эрцгерцога Альбрехта (Альберта), который в 1599 г. стал мужем дочери Филиппа инфанты Изабеллы Клары Эухении. Филипп II передал ей права на Нидерланды, номинально ставшие теперь независимыми от Мадрида, однако в случае бездетности инфанты после ее смерти эти права должны были вернуться к испанским Габсбургам.

Совместное правление Альбрехта и Изабеллы, особенно после заключения мирных договоров Испании с Англией (1604) и Республикой Соединенных провинций (1609), ознаменовало наступление долгожданного мира, сопровождавшегося экономической стабильностью. Популярность четы правителей способствовала повышению авторитета династии Габсбургов. Однако задолго до смерти Альбрехта стало очевидно, что жизнеспособных детей у супружеской четы не будет, и целью правителей стало подготовить Южные Нидерланды к формальному возвращению в состав Испанской монархии.

Вид Антверпена в 1610 году. Гравюра

Для решения этой задачи они широко использовали визуальную пропаганду и покровительствовали знаменитым художникам. Их меценатство способствовало расцвету фламандского барокко, крупнейшим представителем которого стал придворный художник Альбрехта и Изабеллы П.П. Рубенс (1577–1640). Двор правителей в Брюсселе стал одним из крупнейших политических и художественных центров Европы, важнейшим звеном в цепи габсбургской дипломатии.

После смерти Альбрехта (1621) Изабелла продолжала управлять Южными Нидерландами до своей смерти в 1633 г., но уже от имени короля Испании. Ее преемник кардинал-инфант Фердинанд, младший брат Филиппа IV, был талантливым полководцем и государственным деятелем, однако Нидерландами правил недолго: в 1641 г. в возрасте всего 32 лет он внезапно умер.

Поражение Испании в Тридцатилетней войне напрямую сказалось и на Испанских Нидерландах: по Вестфальскому миру Соединенные провинции сохранили за собой захваченные ими территории во Фландрии, Брабанте и Лимбурге. В войнах против Франции во второй половине XVII в. Испанская монархия лишилась еще нескольких пограничных территорий Испанских Нидерландов. По итогам Войны за испанское наследство (1701–1714) Южные Нидерланды перешли к австрийским Габсбургам.

В XVII в. экономическая и торговая роль итальянских государств в Европе продолжает снижаться, при сохранении существенного культурного и художественного влияния итальянцев в архитектуре, живописи, музыке; в науке и отчасти церковной жизни.

ДЕМОГРАФИЯ

Численность населения Италии к началу XVIII столетия составила примерно 13 млн человек, около одной десятой населения всей Европы. Сильнейшие эпидемии чумы охватывали страну в начале 30-х и середине 50-х годов XVII в. В первом случае особенно пострадали Венеция, Милан и Пьемонт, во втором – Милан и Генуя; число жителей крупных городов сокращалось почти на треть. Политическая карта страны отличалась все той же пестротой формально феодальных владений, большая часть которых находилась под управлением Испании; Папское государство, Великое герцогство Тосканское, Генуя, Венеция и герцоги Савойские пользовались некоторой самостоятельностью, чаще всего следуя в русле одной из великих держав – Испании или Франции.

ЭКОНОМИКА. ФИНАНСЫ, ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ПОСТЕПЕННЫЙ СПАД

В экономическом отношении действие негативных факторов, уже заметных ранее, в XVII в. усилилось. Перенос основных торговых путей в Атлантику, изменение маршрутов торговли с Востоком, которые стали обходить Италию, сопровождались ее вытеснением со стороны новых доминирующих держав, выигравших соперничество с Испанией – Голландии, Англии и Франции.

Преобладающая часть Апеннинского полуострова находилась под прямым или косвенным управлением испанцев. Ослабление Испании в борьбе с северными государствами и с Турцией, раздел дома Габсбургов и начало соперничества между его австрийской и испанской ветвями сказывались на судьбах Италии двояко: с одной стороны, слабость «метрополии» сокращала ресурсы для развития зависимых территорий, с другой – она повышала возможности сопротивления политическому и налоговому гнету. В экономике некоторое значение сохраняли отрасли, ориентированные на экспорт, производство предметов роскоши (дорогие ткани, хрусталь, художественное стекло, ювелирные изделия), местная промышленность. «Революция цен» (снижение стоимости драгоценных металлов и удорожание сельскохозяйственной продукции) сделала выгодным экспорт последней.

Текстильная промышленность не пережила резкого упадка, но сукноделие сменилось производством шелка. Кораблестроение, обслуживавшее в

значительной степени потребности Испании, сокращалось вместе с ее ослаблением и с конкуренцией северных стран, в том числе и на торговых путях в Восточном Средиземноморье.

В техническом и технологическом отношении Италия стала отставать от других стран Запада, интересы ее правителей в силу политической зависимости часто были связаны с внешнеполитической конъюнктурой. Вместе с тем появились элементы своего рода «просвещенного абсолютизма», пытавшегося проводить в жизнь «научные» принципы управления, реформировать административную и налоговую системы, организовывать общественные работы, строить дороги и украшать города, покровительствовать науке, торговле и ремеслам, унифицировать законы, системы мер и весов, сокращать таможенные барьеры. Важным фактором был экспорт идеологии и «культурных разработок» католицизма, сохранившего свое влияние в Южной и Средней Европе. Миссионерская деятельность отчасти компенсировала утрату экономического влияния Италии в расширившемся мире.

Большая часть земель в стране принадлежала дворянам и духовенству. На Юге сохранялась крепостная зависимость, подсудность крестьян сеньорам. На протяжении XVII в. в наиболее отсталых областях Италии: на Сицилии, в Савойе и Пьемонте – часто вспыхивали крестьянские восстания, направленные против привилегированных сословий и налогового гнета.

Во время Тридцатилетней войны на Севере Италии в очередной раз столкнулись интересы Испании и Франции. В связи с пресечением династии Гонзага разгорелась война за Мантуанское наследство (1628–1631), в результате которой значительная часть Монферрата отошла к савойцам, а крепость Пинероло – к Франции. В приграничных спорах герцоги Савойские принимали то одну, то другую сторону и сумели расширить свои владения. Независимыми оставались республика Венеция, с переменным успехом сражавшаяся с турками, и Папское государство, политический авторитет которого, тем не менее, снижался. Наконец, условно независимыми можно назвать Генуэзскую республику и Великое герцогство Тосканское.

В эпоху барокко Италия в значительной мере сохраняет свою роль законодательницы художественной моды. Стиль барокко с его тягой к грандиозности и зрелищности, к объединению усилий разных искусств соответствует задачам периода Контрреформации и становления абсолютных национальных монархий. Крупнейшие архитекторы, авторы барочных ансамблей, работали в Риме: Карло Мадерна (1556–1629), Лоренцо Бернини (1598–1680), участвовавшие в постройке собора Св. Петра и оформлении площади, Франческо Борромини (1599–1667), создатель ряда римских церквей и палаццо. В живописи барокко оформились разные направления, объединяемые принципами творческой свободы и фантазии, доходившей до вычурности уже у маньеристов, театральности и изощренной виртуозности мастерства. Академисты Гвидо Рени, Гверчино, Доменикино создают масштабные полотна на исторические и мифологические темы, продолжая классическую традицию Ренессанса. Караваджисты добиваются предельного реализма и даже натурализма в изображении, сюжетное содержание отходит на второй план – отсюда тенденция к зарождению жанровой живописи, игра света и тени придает картинам философскую и смысловую двойственность.

Церковь Санта-Мария-делла-Салюте. Архитектор Бальдассаре Лонгена. Венеция. 1631–1687 гг.

В XVII в. Рим превратился в Мекку для европейских художников, особенно с Севера, отдаленными наследниками Караваджо стали Вермеер Делфтский и Рембрандт, в Испании Веласкес. Рубенс, работавший в Риме, сочетал элементы разных направлений. Итальянскую живопись в Риме изучали также Хосе Рибера и Николя Пуссен.

В итальянской музыке XVII в. закладывались принципы, сохранившиеся и получившие развитие в Новое время. С одной стороны, самостоятельное значение приобрела инструментальная музыка, нотная запись стала более строгой, появилась возможность быстрого и широкого распространения печатных изданий нот; с другой – повышаются требования к виртуозности исполнения (в вокальной музыке достигающие вершины в искусстве певцов-кастратов), усиливается тенденция к украшательству и импровизации. Возникают и совершенствуются новые жанры: фуги, концерто grosso (Арканджело Корелли, 1653–1713), оратория и опера. Оперный жанр, восходивший к театрализованным празднествам эпохи Ренессанса, обретает свои устойчивые черты в театрах Флоренции, Венеции и Неаполя; итальянские труппы разносят их по всей Европе. Особой популярностью пользовались оперы итальянских композиторов Клаудио Монтеверди (1567–1643) и Алессандро Скарлатти (1660–1725).

XVII в. в истории папства и его взаимоотношений с католическим миром составляет единый период с XVI в.: Риму удалось сохранить свое влияние в значительной части Европы и расширить его в мире за счет активной миссионерской деятельности; внутренняя политика проводилась в абсолютистском духе централизации и укрепления власти путем административных, финансовых и военных реформ, позволявших участвовать в европейских конфликтах и даже делать территориальные приращения. Вместе с тем, двойственность положения понтифика как светского государя и одновременно духовного главы католичества, терпимая в эпоху средневекового универсализма, становилась все более уязвимой в окружении крепнущих и конкурирующих между собой национальных держав, внутри которых Церкви отводилось второстепенное место. Выборность папы в сочетании с духовным характером его авторитета и с правилом celibата вступала в противоречие с естественным желанием обеспечить будущее своей семьи и с необходимостью отстаивать государственные интересы на международной арене. В Ватикане по-прежнему процветали продажность должностей и nepotизм – существовала даже официальная должность кардинала-непота, племянника и соправителя папы. Лишь к концу столетия наметились успехи в борьбе с этими явлениями. Расходы пап, связанные, помимо прочего, с еще усилившимся в это время размахом строительства в Риме и меценатством, росли, однако их финансовые и политические возможности уменьшались. Значительная часть доходов уходила на выплаты по займам. Международная деятельность папства приобрела первостепенное значение – большинство пап сделали карьеру, будучи нунциями в европейских странах, но вмешательство Рима во внутренние дела этих держав все больше раздражало монархов и народы.

Занимавший римский престол в 1605–1621 гг. Павел V сделал свой род Боргезе одним из самых могущественных в Италии. В начале его правления разгорелся конфликт с венецианскими властями, которые покусились на юридические и прочие привилегии духовенства на своей территории – тенденция к сокращению иммунитета Церкви была общеевропейской. Наложенный папой интердикт не возымел действия, и конфликт разрешился компромиссом благодаря посредничеству Франции. В дальнейшем французское влияние на римский престол постоянно усиливалось в ущерб испанскому.

Другие папы первой половины XVII в. отличались не меньшим nepotизмом, чем Павел V. Заметный след оставил 20-летний pontификат Урбана VIII Барберини (1623–1644), который наряду с покровительством своим родственникам развернул широкую административную деятельность: укреплял армию, закладывал крепости и дворцы, устраивал публичные празднества – все это, впрочем, крайне обременяло казну. Политика Урбана VIII и ее результаты были вынужденно компромиссными, в ходе Тридцатилетней войны папа оказался союзником протестантской коалиции, в силу своих связей с перешедшей на ее сторону Францией; при нем во владения Церкви вернулось герцогство Урбино (1631) после смерти последнего герцога Делла Ровере, не имевшего сыновей. Попытка папы отобрать небольшое герцогство Кастро (в 80 км северо-западнее Рима) у рода Фарнезе окончилась неудачей, городок был взят и разрушен до основания уже преемником Урбана Иннокентием X

Людовика XIV, вальденсов, издавна обосновавшихся в Пьемонте и считавшихся древнейшими протестантами. Герцог пытался избавиться от невыносимой уже опеки Франции, но потерпел несколько тяжелых поражений; успех ожидал его только в XVIII в., после отчаянной защиты Турина в 1707 г. в ходе Войны за испанское наследство.

Испано-габсбургской ориентации придерживались, в основном, великие герцоги Тосканские, несмотря на традиционные связи с Францией, укрепившиеся после заключения в 1600 г. брака дочери Франческо I Марии Медичи (второй французской королевы Медичи) с Генрихом IV. Ее дядя Фердинанд I (1587–1609) был последним крупным правителем этой династии, который заботился о развитии строительства и торговли, занимался осушением земель и основал в Ливорно новый порт, объявив город «вольной гаванью» (порто-франко), где свободно могли селиться и исповедовать свою веру евреи и другие неkatолики. При его сыне Козимо II (род. в 1590, герцог в 1609–1621 гг.) начинается частичный отход от этой политики: Козимо поощрял развитие Ливорно и вообще морского флота, но положил конец банковской деятельности Медичи, как несовместимой со статусом семьи. Следуя родовой традиции, он покровительствовал наукам и приютил у себя Галилея, преследуемого инквизицией. Преждевременная смерть Козимо привела к воцарению его одиннадцатилетнего сына Фердинанда II (1610–1670), регентами при котором стали его бабка Кристина Лотарингская и мать Мария Магдалина Австрийская. Обе дамы были чрезвычайно набожными и наводнили флорентийский двор духовенством, при этом они, в соответствии с происхождением каждой, придерживались разной политической ориентации. Пристрастие к роскоши, которое разделила с ними жена Фердинанда Виттория делла Ровере, сказывалось на состоянии казны. Сын Фердинанда Козимо III (1642–1723) воспитывался, в основном, матерью, его 53-летнее правление стало периодом постепенного упадка.

Самостоятельную игру на итальянской политической сцене стремилась вести олигархическая Генуэзская республика, которая 25 марта 1637 г. даже провозгласила царицей и покровительницей своего государства Богоматерь, чтобы уравнять его статус с монархиями. (В свое время Савонарола во Флоренции объявил правителем республики Христа.) В начале 30-х годов была построена новая городская стена, а к 1651 – портовый мол. Тем не менее финансовое могущество генуэзцев получает тяжелые удары в связи с периодическими банкротствами их главного заемщика, испанского правительства, в первой половине столетия. К этому прибавляется чума 1630 и 1656 гг. (последняя унесла жизни более 70 тысяч человек) и внутренняя нестабильность, проявляющаяся в ряде заговоров. В 1617–1622 гг. разгорелся политический конфликт с герцогами Савойскими, которые хотели закрепиться на Лигурийском побережье. В 1625 г. он перерос в войну, в которой против Генуи действовали кроме Пьемонта английские, голландские и французские флотилии. Республику спасли только противоречия в стане союзников и начало боевых действий против них со стороны Испании, которые привели к перемирию, заключенному в марте 1626 г. В 1628 г. был раскрыт заговор в пользу пьемонтцев, организованный Джулио Чезаре Вакеро; виновный был обезглавлен вместе с тремя сообщниками, а его дом срыт до основания. Несмотря на это, заговоры, порождаемые раздорами в среде аристократии, про-

должались, и самым опасным из них стало покушение на территориальную целостность республики, зачинщиком в котором выступал авантюрист Рафаэле Делла Торре, выходец из Генуи. Он попытался напасть на генуэзские владения при поддержке герцога Савойского Карла Эммануила II, намеревавшегося захватить порт Савону. Заговор был раскрыт и планы Делла Торре расстроены, но военные действия начались, продлившись с июня 1672 по январь 1673 г., когда французский король Людовик XIV, претендовавший на роль главного арбитра в регионе, принудил стороны прекратить огонь. Зависимость Генуи от Франции еще более усилилась вследствие инцидента 1684 г., в ходе которого Людовик XIV, раздраженный поддержкой, оказанной дожем Испании, организовал карательную экспедицию против города. Французский флот подверг Геную разрушительной бомбардировке в течение нескольких дней, более тысячи зданий было полностью уничтожено. Генуэзский дож Франческо Леркари был вынужден в мае 1685 г. отправиться в Версаль, чтобы лично просить прощения у короля.

Оплотом независимости Италии в XVII в. по-прежнему оставалась только Венеция, которая приобрела славу центра политического и светского свободомыслия, особенно после конфликта с Ватиканом в 1604–1607 гг. Он получил также название «войны перьев», поскольку важнейшую роль в ней играла пропаганда, имевшая широкий общественный резонанс. Со стороны венецианцев пропагандистскую кампанию возглавил монах ордена сервитов Паоло Сарпи (1552–1623), отстаивавший верховную юрисдикцию светской власти над духовенством и его имуществом (которое в Венеции составляло половину всей недвижимости). В 1606 г. папа Павел V наложил на республику интердикт, но венецианские власти призвали свой клир не соблюдать его. Сарпи был подвергнут анафеме (позднее, в октябре 1607 г. он получил тяжелое ранение в результате покушения). Иезуиты и другие монахи, подчинившиеся велению папы, были изгнаны из города. В апреле 1607 г. благодаря посредничеству французского кардинала Жуайёза стороны достигли компромиссного соглашения. В самой Венеции существовали две партии, одна из которых (*giovani*), профранцузская, выступала против светских полномочий папы и против его союзников, испанских и австрийских Габсбургов; другая партия (*vecchi*) была прокатолической. Внешняя политика Республики святого Марка вращалась вокруг этих двух полюсов, но ее существенно корректировало противостояние с Турцией, сближавшее венецианцев с римско-габсбургским лагерем. Одной из важнейших задач являлась защита приморских владений и торговли от пиратов: в 1613–1620 гг. разворачивается борьба с хорватскими ускоками, при поддержке австрийцев грабившими как христиан, так и турок. Параллельно обостряется конфликт с Испанией, которой Светлейшая республика противостоит в ходе войны в Вальтеллине (1620–1626) и войны за Мантуанское наследство. Здесь она терпит тяжелые поражения, к которым присоединяются неурожай и чума 1630–1632 гг. Роль Венеции в европейских делах становится все менее значительной, и на фоне Тридцатилетней войны европейские державы все менее считаются с ее интересами. Республика сосредоточивает свои усилия на восточном направлении, перестраивая военный флот: наряду с галерами, составляющими Малую армаду, организуется Большая армада из многопушечных парусных судов, сначала арендуемых в Голландии и Англии, затем собственных. Они

в 1649 г. Двойственность сопровождала и решения Урбана VIII, касающиеся духовной сферы: он тратил огромные средства на искусство и сам был поэтом, но не гнушался использовать для своих проектов бронзу Пантеона и мрамор Колизея*; предпочел избегать споров с янсенистами и потому вовсе запретил дискуссии; в деле Галилея стремился сохранить лицо и больше всего был возмущен ущербом, наносимым публикациями последнего его (папы) собственной репутации. Во второй половине XVII в. временно наметился отход от профранцузской политики, связанный с противостоянием Габсбургов и Османской империи. Папа Климент X (1670–1676) содействовал союзу польского короля Яна Собеского и императора, в 80-е годы Иннокентий XI (1676–1689) финансировал усилия Габсбургов по освобождению территорий Австрии и Венгрии от турецкого владычества. Иннокентий вел аскетический образ жизни и стремился искоренить nepotизм, однако официальный запрет на раздачу должностей родственникам (при сохранении поста кардинала-непота) последовал лишь при Иннокентии XII (1691 – 1700) в 1692 г.

Иннокентий XII вернулся к политике сотрудничества с французским королем Людовиком XIV, отношения с которым дошли при его одноименном предшественнике до открытого противостояния из-за притязаний галликанской церкви на самостоятельность. Людовик отказался от принципов галликанизма, ставивших собор выше папы, но сохранил право назначения епископов, утверждавшихся затем Римом. В целом итогом столетия стал тот факт, что важнейшие изменения в сфере религиозной политики (отмена Нантского эдикта 1685 г., поставившая французский протестантизм вне закона, неудачи Стюартов в Англии) никак не зависели от воли римского престола.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

На протяжении XVII в. значительная часть итальянских земель по-прежнему находилась под прямым управлением королей Испании, назначавших вице-королей Неаполя и Сицилии. (Неаполитанских вице-королей могли замещать их наместники, избиравшиеся из членов королевского дома, а сицилийских – так называемые Президенты Сицилии.) Главные проблемы, с которыми сталкивались правители, это борьба с турецкими нападениями, необходимость строительства крепостей, дорог и новых городских зданий, стихийные бедствия (чума 1656 г., землетрясение 1693-го). Недовольство населения феодальными порядками и тяжелым фискальным гнетом, способствовавшее процветанию разбойничества, выливалось иногда в крупномасштабные выступления. В конфликты втягивалось и духовенство, у которого власти оспаривали право убежища для преступников. Поводом для серьезных разногласий с Римом, как и в других странах, служили властные притязания: южные территории по старинке считались феодалом папы, но на Сицилии светские власти еще с норманнских времен пользовались привилегией назначать прелатов и распоряжаться церковным имуществом. Испанцев часто поддерживало местное высшее духовенство и иезуиты (между прочим,

* По этому поводу возникла латинская поговорка, основанная на игре слов: «Чего не сделали варвары, сделали Барберини» (*Quod non fecerunt barbari, fecerunt Barberini*).

первая образцовая иезуитская коллегия, переросшая затем в университет, была основана в 1548 г. в Мессине). Борьба с засильем иезуитов была одним из мотивов антииспанского восстания, подготовленного в 1598 г. знаменитым автором «Города солнца», доминиканцем Томмазо Кампанеллой (1568–1639), которого поддерживали монахи других орденов. Кампанелла провел 27 лет в неаполитанской тюрьме по приговору инквизиции, а в конце жизни был вынужден уехать во Францию. Его взгляды представляют собой смесь натурфилософских, эсхатологических, мистических и утопических идей; политические проекты создания мировой монархии и усовершенствования человека и общества мыслились как практически достижимые, в частности с помощью генетического улучшения человеческой породы. Кампанелла выступал в защиту Галилея, причем он не был одинок в Неаполе, где сформировалась особая культурная среда, чуткая к новым веяниям; выходцем из нее был крупнейший поэт итальянского барокко Джамбаттиста Марино, подражатели которого получили название маринистов. Неаполь с его 300-тысячным населением находился в большой зависимости от снабжения продовольствием, и введение налогов на продукты первой необходимости привело в конце концов к восстанию Мазаньелло в июле 1647 г. Его мишенью были «дурные правители» и налоги, но после убийства вождя волнения приняли антииспанский характер. С октября 1648 по апрель 1649 г. при поддержке Франции в Неаполе просуществовала «Королевская республика» во главе с герцогом Генрихом Гизом, отдаленным потомком анжуйских королей. В 1646–1648 гг. восстания вспыхивали также в крупнейших городах Сицилии, а в 1674–1678 гг. Мессина, обратившаяся за защитой к Людовику XIV, находилась в руках французов.

Владения Испании в Северной Италии также приходилось отстаивать от притязаний Франции и герцогов Савойских, игравших на противоречиях держав. Когда в 1612 г. открылся вопрос о наследстве Гонзага, герцог Карл Эммануил I (1580–1630) вступил в борьбу с Испанией за Монферрат, в 1614–1615, затем продолжил ее в союзе с Францией в 1616–1618 и 1620–1626 гг. во время религиозного конфликта в Вальтеллине, принадлежавшей швейцарцам. В ходе войны за Мантуанское наследство герцог соблюдал нейтралитет, а его преемник Виктор Амедей I (1630–1637) принял сторону Франции и уступил ей по секретному договору крепость Пинероло, получив взамен часть Монферрата. После скоропостижной смерти герцога власть перешла в руки его жены, сестры Людовика XIII Марии Кристины Французской, получившей титул «Королевственная Мадам» (*Madama Reale*). Во время ее регентства развернулась борьба между профранцузской и происпанской партией – во главе последней стояли братья ее мужа. Улучшение наступило только с началом в 1663 г. самостоятельного правления Карла Эммануила II (род. в 1634, герцог в 1638–1675 гг.), который создал постоянную пьемонтскую армию, учредил общедоступные школы и занимался благоустройством своей столицы Турина. Воцарению Виктора Амедея II (род. в 1666, герцог, затем король в 1675–1730, ум. в 1732 г.) также предшествовал период регентства его матери, «королевственной мадам» Жанны Баттисты Савойя-Немурской, продлившийся до 1684 г. Этот период отмечен антифискальными выступлениями подданных и преследованием, по настоянию

успешно действуют в 1638 г. при отражении массированного набега тунисских и алжирских пиратов. В 1644 г. мальтийские рыцари, захватив богатую добычу, в том числе невольниц, предназначенных для султанского гарема, находят приют на принадлежащем Венеции Крите; в отместку турки нападают на Крит, и несмотря на ряд успехов венецианского оружия, к 1669 г. заволадевают островом (падение Кандии). Последние плацдармы венецианцев на Крите были утрачены, однако, лишь в 1718 г. вместе с другими владениями в Греции.

В 1684 г., уже после обороны Вены, Венеция вступает в Священную лигу против турок и под руководством престарелого полководца Франческо Морозини (дож с 1688 г.) отвоевывает Пелопоннес. В 1698 г. город посещает один из союзников, русский царь Петр I. Карловицкий мир 1699 г. закрепил за Венецией греческие владения, хотя и ненадолго.

Политическое ослабление Республики святого Марка сопровождалось экономическим; ее роль в посреднической торговле снизилась, а собственное производство сохраняло некоторую конкурентоспособность лишь в сфере предметов искусства и роскоши, а также в сельском хозяйстве, где одной из ведущих культур стала кукуруза. Венеция в XVI в. оставалась главным итальянским центром книгопечатания, для которого не обязательно было оглядываться на Индекс запрещенных книг. Венеция по-прежнему притягивает к себе людей науки (Галилей демонстрирует здесь свой телескоп) и искусства (здесь работает Монтеверди). Республика становится одним из рассадников оперного искусства. Крупнейшим архитектором венецианского барокко был Бальдассаре Лонгена (1598–1682), автор церкви Санта-Мария-делла-Салюте, воздвигнутой в 1631–1687 гг. в память о прекращении мора.

ИМПЕРИЯ НА РУБЕЖЕ XVI – XVII ВЕКОВ

К концу XVI в. в Священной Римской империи обозначились симптомы опасного кризиса, вылившегося спустя десятилетия в самую длительную войну в немецкой истории. Ресурсы стабильности и компромисса, заложенные в статья Аугсбургского мира 1555 г., оказались исчерпаны, доверие на вершинах сословной пирамиды пошатнулось, был дан толчок к распаду важнейших имперских институтов. Главный разрушительный фактор истории видят в процессах конфессионализации общества, запущенных религиозным расколом первой половины XVI в. Под конфессионализацией понимают «врастание» новых вероисповеданий в общественную толщу, новое воцерковление светских сословий, отдельного человека, превращение духовных установок в руководство для повседневной жизни и общественного быта. Религиозное размежевание невозможно было остановить Аугсбургскими трактатами, церковная жизнь как в католической, так и в протестантских частях Германии шла своим чередом, внутри имперского организма складывались самостоятельные религиозно-культурные анклавы, и узы общности затрещали под напором центробежных сил.

Земли Империи до начала XVII в. переживали демографический рост: Германия оставалась одной из самых густонаселенных стран Европы, в ней проживало на 1618 г. по разным подсчетам до 20 млн человек. Аграрный сектор производства оставался определяющим и, несмотря на ухудшавшиеся с 70-х годов XVI в. климатические условия, для большинства регионов был характерен устойчивый прирост зерновой продукции. Сбои в аграрном секторе, имевшие место в разных регионах, все еще не складывались в тенденцию, и их нельзя выставить причиной глобальных потрясений. Промышленное развитие сильно различалось по областям, в нем наметились важные сдвиги, связанные с утратой лидирующих позиций южнонемецкой группой городов во главе с Аугсбургом: старые текстильные и финансовые центры достигли предела своих возможностей. Но одновременно наблюдалось смещение торгово-хозяйственного потенциала в другие крупные города. Так к концу XVI в. возвысился Франкфурт-на-Майне, а на Севере в ганзейском регионе динамично развивались Гамбург и Бремен, переориентировавшиеся на транзитную торговлю заокеанскими товарами, английской шерстью и сахаром. Даже банковское дело переживало скорее стадию реструктуризации, нежели упадка: на смену захиревшим и распавшимся в век Реформации домам Фуггеров и Вельзеров пришли новые мощные лидеры во Франкфурте, ганзейских городах, как например, в том же Гамбурге, где в 1621 г. был открыт первый в Германии публичный банк, в Лейпциге, Нюрнберге и других городах. Горнорудные прииски и мануфактуры Саксонии, Тироля, горных районов Швабии и Баварии по-прежнему, несмотря на симптомы стагнации, обогащали казну местных княжеских домов и по уровню добычи олова и серебра занимали ведущее место в Европе. Имперские земли не превратились

в отсталый регион Европы, так что нельзя считать, что Тридцатилетней войной предшествовал глубокий экономический упадок.

Культурное развитие также едва ли поддается однозначной оценке. Во второй половине XVI в. бурный расцвет искусств, наметившийся ранее в канун и в годы Реформации, сменился, на первый взгляд, некоторым застоем. Но это была лишь передышка, связанная с формированием новых социокультурных моделей, заданных конфессионализацией. Религиозный раскол содействовал необычайному росту учебных заведений всех уровней, начиная от начальных приходских школ на селе и заканчивая латинскими гимназиями в городах и университетами (с 1500 по 1700 г. в землях империи было открыто более 20 новых университетов). По числу высших школ Германия решительно опережала соседние европейские страны. В католических землях большой популярностью пользовались иезуитские коллегии, университеты в Диллингене и Ингольштадте, в лютеранской Германии значимыми оставались «альма матрес» Саксонии (Виттенберг, Лейпциг), Ростока, Альтдорфа и Страсбурга. Кальвинисты могли похвастаться основанной в 1584 г. академией в городе Херборн, во владениях нассауских графов. Немецкая литература обогатилась плодами духовной дидактики и полемики, а жанр «летучих листков» и «газет» пользовался огромным спросом на рубеже XVI–XVII вв. В сфере изобразительного искусства жесткие требования религиозной ортодоксии сталкивались с желанием не отставать от общеевропейской моды. Следствием становились парадоксальные и тесные культурные контакты протестантских земель с католическим Югом, с Италией и наследственными землями Габсбургов. Центрами распространения зарождающегося барокко выступали княжеские резиденции, главным образом саксонских Веттинов, баварских и пфальцских Виттельсбахов и Габсбургов. Пражский двор императора Рудольфа II стал в начале XVII в. прибежищем выдающихся мастеров искусств Северной Европы и законодателем культурной моды. Творчество выдающихся художников Ханса фон Аахена, Бартоломеуса Спрангера, Джованни Арчимбольдо превращало главную резиденцию Империи в средоточие культурной жизни Центральной Европы. Начавшаяся Тридцатилетняя война во многом заглушила новый культурный подъем.

КРИЗИС И ВОЙНА. ИТОГИ 1648 ГОДА

К концу XVI в. все отчетливей стали проступать черты опасного кризиса, охватившего с годами всю имперскую организацию. Развивался он поэтапно, выводя из строя важнейшие учреждения власти и ослабляя возможности согласия на почве Аугсбургских договоренностей. Евангелические и реформатские сословия с 80-х годов XVI в. все решительней требовали полной свободы вероисповедания на территории католических церковных и светских владений, отмены «духовной оговорки», позволявшей Католической церкви сохранять ее общины при смене властей, а кальвинисты ко всему прочему – и уравнивания в правах с лютеранами и католиками. Католики, в свою очередь, обвиняли протестантов в грубом нарушении Аугсбургских соглашений, в насильственной секуляризации церковных земель, бывших на 1552 г. в собственности Старой церкви, и требовали их немед-

ленного возвращения. Под ударом оказалось согласие на уровне правительственных институтов. С 1588 г. фактически прекратил свою деятельность имперский камеральный суд, его функции были переданы рейхстагу, но там невозможно было достичь согласия, поскольку протестанты выдвигали непременным условием компромисса полную отмену «духовной оговорки», а католики требовали возвращения отнятого у Церкви имущества, прежде всего четырех монастырей в Южной Германии, секуляризованных протестантскими властями в конце века. Кроме того, в 1607 г. император Рудольф II санкционировал вмешательство баварского герцога Максимилиана в дела имперского города Донауверта, хотя по закону ими должен был заниматься лютеранский герцог Вюртемберга как глава Швабского судебного округа. В таких условиях новый рейхстаг, собравшийся в Регенсбурге, стал ареной яростной полемики религиозных партий и был распущен. Так распался последний общеимперский форум, где на законных основаниях можно было бы вести диалог между сословиями. Немедленно вслед за тем были созданы альтернативные, т.е. не предусмотренные имперским законом, объединения протестантов и католиков: в мае 1608 г. Евангелическая уния, включавшая Пфальц и его союзников на Юго-Западе, а в 1609 г. Католическая лига во главе с герцогом Баварии. Оба блока, обладавшие собственными вооруженными силами, стремились обрести поддержку за рубежом, ища союзников: Уния – в Англии и Нидерландах, а Лига – в Испании и Риме. Границы Империи оказались взломаны, ее внутренние дела отныне стали достоянием большой европейской политики.

Ко всему добавлялась явная слабость верховной власти: император Рудольф II в отличие от отца и деда был не готов вести диалог с протестантами, чувствовал себя защитником католического дела и, подверженный мистике и оккультным наукам, отдал управление делами многочисленным фаворитам из своего окружения в Праге. Неудачи в войне с Турцией, ссора с лидерами венгерского дворянства и непомерное честолюбие раскололи единство Габсбургской семьи: против Рудольфа выступил его младший брат эрцгерцог Матфей (Матвей, Маттиас), отнявший у него сперва корону Венгрии в 1608 г., а затем в 1610 г. и Чехии (так называемая «распря братьев»). Дождавшись кончины Рудольфа, Матфей в 1612 г. без помех вззошел на престол Империи, но, как и старший брат, не имея законного потомства, вынужден был озаботиться скорейшим решением династического вопроса, будоражившего всех Габсбургов, в том числе и испанскую родню императора: Мадрид, предвидя угасание немецкой ветви, был не прочь получить в недалеком будущем и корону Империи. Спасая интересы австрийского дома, Матфей открыл дорогу к престолу своему двоюродному брату эрцгерцогу Фердинанду Штирийскому, главе младшей штирийской ветви Габсбургов (1578–1637). Фердинанд последовательно короновался в 1617 г. чешской, а в 1618 г. – венгерской короной.

И Рудольф, и его противники, желая получить поддержку наследственных земель, щедро раздавали привилегии и поощряли автономию местных сословий, что ярче всего проявилось в даровании чешским подданным в 1609 г. «грамоты его величества» (*Majestätsbrief* – императорской привилегии), своего рода свода гарантий в том числе и в религиозном вопросе для протестантов Богемии.

Наконец, немалую роль в обострение ситуации внесла смена поколений княжеской элиты. Новые лидеры, такие как эрцгерцог Фердинанд Штирийский, уже упомянутый герцог Баварии Максимилиан (1598–1651) или молодой властитель Пфальца кальвинист Фридрих V (1610–1632) были воспитаны в строгих религиозных традициях своих конфессий и не желали идти на уступки иноверцам-еретикам. Никто не хотел разрушения имперского единства, но все мечтали об уступках в пользу своих партий и вероисповеданий.

Начавшаяся в 1618 г. война стала следствием слишком затянутого узла противоречий, возникших на немецкой почве, поэтому современники называли конфликт не только «Тридцатилетней войной», но и войной «немецкой». Если говорить о ее влиянии на структуры власти и общества в Германии, то ход войны, строго говоря, распадается на два больших этапа, характеризующих позиции короны и имперских сословий (подробнее см. гл. «Международные отношения в XVII веке», с. 518–530).

От восстания в Праге в 1618 г. и до 1629 г. нарастала роль сильной имперской власти. При содействии Католической лиги императору (с 1619 г. после кончины бездетного Матфея им стал эрцгерцог Фердинанд – император Фердинанд II, 1619–1637) удалось покончить с мятежными условиями в Чехии в 1620 г. и одновременно уничтожить главное прибежище антиимперской оппозиции – Евангелическую унию: Пфальц был оккупирован испано-лигистскими войсками, а его правитель курфюрст Фридрих V бежал в Нидерланды. Была развернута собственно императорская армия во главе с Альбрехтом фон Валленштейном, усилиями которого была одержана победа над Данией в 1625–1627 гг., а на балтийских водах началось строительство первого в истории военного флота Империи. В 1629 г. Фердинанд закрепил достигнутый успех, издав эдикт о реституции всех отнятых у Католической церкви после 1552 г. владений, что грозило полной ликвидацией в пользу Габсбургов и Рима сложившегося к началу XVII в. баланса сословно-религиозных сил. Могущество короны достигло небывалых размеров, даже Карлу V после победы над Шмалькальденским союзом не удавалось столь эффективно использовать свои полномочия. Но вожди Лиги во главе с Баварией и умеренные лютеране, ведомые курфюрстом Саксонии Иоганном Георгом I (1611–1656), испугавшись гегемонии Габсбургов, заставили императора отказаться от полномасштабного исполнения эдикта и распустить вооруженные силы во главе с Валленштейном. В свою очередь, непримиримые противники Габсбургов и Лиги в лице кальвинистских и части лютеранских князей охотно приняли в 1631 г. помощь со стороны высадившихся в Германии шведов во главе с их королем Густавом Адольфом. Парадоксальным образом на помощь католической династии пришли успехи протестантского оружия: разгром Лиги в 1631–1632 гг. покончил с опасной для императора конкуренцией Баварии, позволил выставить престол единственным гарантом интересов католических сословий и реорганизовать новую армию. Причем Валленштейн, вновь назначенный главнокомандующим, вскоре показался ненадежным и был устранен в феврале 1634 г. группой офицеров по распоряжению самого императора: событие, указывавшее на прочный контроль военных структур со стороны Вены. Победа над шведами под Нёрдлингеном в 1634 г., одержанная при поддержке испанских войск, вновь резко усилила консолидирующую роль престола. Заключенное в 1635 г. в Праге

соглашение (Пражский мир) возвращало в число союзников императора лидера лютеранских сословий курфюрста Саксонии, упраздняло все прямо неподконтрольные императору альянсы, в том числе Лигу, и создавало механизм общеимперской борьбы с иноземными захватчиками под руководством короны.

Однако с конца 30-х годов явственно обозначился военный провал Габсбургов и их союзников: императорские войска, разьединенные французскими и шведскими фронтами, терпели одну неудачу за другой. Возможности короны оказались исчерпаны, новый государь Фердинанд III (1637–1657) вынужден был реанимировать широкий диалог сословий с короной и возобновить в 1641 г. работу рейхстага, а позже позволить всем участвовавшим в войне имперским подданным самостоятельно и наряду с короной вести мирные переговоры с иноземными державами. Из двух мирных соглашений, подписанных в 1648 г. в вестфальских городах Мюнстере и Оснабрюке и закончивших Тридцатилетнюю войну, для будущего Империи особую важность имели именно Оснабрюкские статьи, поскольку они регулировали отношения короны и сословий, а также религиозный вопрос. Впрочем, по традиции их также именуют частью Вестфальских мирных трактатов.

Итогами мира стало территориальное усиление за счет Империи более сильных соседей – Швеции и Франции. Швеция получила устья северонемецких рек Эльбы и Везера, епископства Бремен и Верден, и половину Померании: по вновь приобретенным землям скандинавское королевство могло теперь представлять свои интересы на имперском рейхстаге. Франция обзавелась Эльзасом и правом держать свои гарнизоны в ключевых приграничных крепостях. Но главное значение для будущего Империи все же лежало в выработке относительно эффективного механизма разрешения религиозных проблем и восстановлении баланса сил как между сословиями, так и между короной и сословиями. Кальвинисты были узаконены в религиозных правах с лютеранами и католиками, а границы церковных владений зафиксированы в довоенных пределах. Впредь все споры, затрагивавшие интересы представителей разных вероисповеданий, должны были решаться на рейхстаге не простым голосованием по куриям (протестанты там всегда оставались в меньшинстве), а по принципу религиозной принадлежности и при обоюдном согласии. Все протестанты сформировали так называемый *corpus reformatorum* во главе с курфюрстом Саксонии, позже – курфюрстом Бранденбурга, а католические депутаты – *corpus catholicorum* во главе с курфюрстом Баварии. Восторжествовала религиозная терпимость, впредь перемена веры властителя не затрагивала гарантированный религиозный статус населения, становясь частным делом правящей семьи. Исключение составляли лишь наследственные земли Габсбургов и Верхний Пфальц, отошедший к Баварии: здесь была осуществлена полная рекатолизация безотносительно к положению на 1624 г.

Все вассалы императора, воевавшие на стороне его врагов, получали амнистию, а опальные чины – реституцию. Восстанавливалась также и система имперских судебных округов, сам же рейхстаг получил постоянное место заседаний в Регенсбурге и превратился в постоянно действующий орган (современники прозвали его «вечный рейхстаг в Регенсбурге»). В целом Вестфальский мир для Германии был по сути лишь откорректированной

формой Аугсбургского соглашения 1555 г. Корона и сословия удовлетворялись положением *status quo ante bellum*, территориальные властители остались в структурах Империи не «суверенами» в полном смысле этого слова, а традиционными подданными короны, правда, с большими полномочиями. Двухуровневый характер сохранился: корона и сословия формировали два базовых полюса общественной организации. Подверженная различным колебаниям «вестфальская система» просуществовала вплоть до конца Империи в 1806 г.

ОТ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА К МИРУ В УТРЕХТЕ: ИМПЕРИЯ В «ЛЕОПОЛЬДИНСКУЮ ЭРУ»

Собственно война закончилась для Германии лишь в 1650 г.: только тогда были окончательно освобождены все занятые войсками стран-победительниц территории. Общее положение немецких земель было весьма плачевным: по разным подсчетам годы войны унесли до 5 млн жизней, целые земли, как например, Вюртемберг или Мекленбург, почти обезлюдели. Ужасы Тридцатилетней войны надолго врезались в народную память, мощным пластом отложились в историческом сознании и были сглажены лишь в XX веке катастрофами двух мировых войн. Экономическое положение в целом рисовалось также крайне тяжелым, хотя и рознилось по областям. Некоторые районы были вовсе избавлены от военного лихолетья (Кёльн, Франкфурт-на-Майне, Гамбург, Бремен, земли Вестфалии и Нижнего Рейна), некоторые, как например Саксония, восстановили потенциал в течение нескольких десятилетий, однако значительная часть Германии переживала стресс и стагнацию вплоть до начала нового XVIII в.

Для политического будущего важнейшее значение имело долгое царствование Леопольда I (1658–1705), принявшего ношу всех последствий послевоенной перестройки. Во внешних делах новому императору необходимо было найти противовес почти безраздельной французской гегемонии на Западе и мощному влиянию шведской короны на Севере. При этом старый союзник Габсбургов мадридский двор уступил Франции сперва по условиям Пиренейского мира 1659 г., а позже в ходе так называемой «Деволуционной войны» 1667–1668 гг. (см. главу о международных отношениях). Но гораздо более опасным становилось влияние Парижа на внутренние дела самой Империи: поддержку у Мазарини и позднее у «короля-солнца» искали князья западных областей, рассчитывавшие выйти из-под влияния Габсбургов. Первым серьезным шагом в этом направлении стало образование в 1658 г. «Первого рейнского союза» западногерманских княжеств под прямой протекцией Мазарини. Пиком же французского давления можно считать так называемую «реунионистскую» практику Людовика XIV: начиная с 1679 г. все области Империи, ранее находившиеся в вассальной зависимости от французской короны, объявлялись королем исторической собственностью Франции, что давало повод к прямой вооруженной оккупации. Так, в 1681 г. в руках у французов оказался Страсбург. Но широкая антифранцузская коалиция с участием Нидерландов и Англии, громко заявившая о себе в ходе «голландской войны» 1672–1678 гг., остановила давление Парижа. С 80-х годов наме-

тился перелом, благоприятный для Габсбургов.

Империя старалась поддерживать противников Швеции, давая приют польскому королю Яну Казимиру, изгнанному шведами из Варшавы в ходе Первой Северной войны 1655–1660 гг., а спустя несколько лет помогая бранденбургскому курфюрсту в открытой войне со шведской короной.

Со второй половины 80-х годов обозначилась новая, более благоприятная для короны фаза во внешней политике, что было связано не только с ослаблением франко-шведского влияния. Пользуясь свободой рук на юго-востоке, Леопольд перешел в решительное наступление на Турцию и добился внушительных успехов. Кульминацией стало отражение османского нашествия у стен Вены в 1683 г. и освобождение Будапешта вкупе с блестящими победами нового военного гения Габсбургов принца Евгения Савойского. Границы наследственных земель были резко раздвинуты; Леопольд, вслед за своим дедом Фердинандом II, спасшим для Габсбургов Чехию после Белогорской битвы 1620 г., по праву может считаться одним из отцов будущей Дунайской монархии.

Внутренняя политика короны также делится на два этапа, причем в ходе первого, до конца 70-х годов, Леопольду важнее было наладить устойчивую работу имперских учреждений, восстановленных после 1648 г., в частности с 1663 г. – рейхстага. В диалоге с ведущими силами сословного общества, с княжеской элитой, Леопольд относительно успешно маневрировал между лояльно настроенной курфюршеской коллегией и желавшей дальнейшей перестройки Империи в духе усиления сословий княжеской курией, одним из признанных лидеров которой долгое время был весьма тонкий политик архиепископ Майнцкий Иоганн Филипп фон Шенборн (1647–1673). Стремясь ослабить оппозицию, император всячески поощрял старых и проверенных союзников, в частности курфюрста Саксонии Фридриха Августа I, позволив тому завладеть в 1697 г. польской короной. Важным рычагом оставались брачные партии, например, женитьба старшего сына императора, Иосифа, на принцессе из дома Вельфов, позже получивших от Леопольда курфюрше-

Ян Томас ван Иперен. Император Леопольд I в маскарадном костюме. 1667 г. Портретная галерея замка Амбрас, Инсбрук

Геррит ван Хонтхорст. Портрет курфюрста Фридриха Вильгельма I Бранденбургского и его первой жены Луизы Генриетты Оранской-Нассау. 1647 г. Маурицхейс, Гаага

ские права (Ганноверская ветвь) и возшедших в 1715 г. на английский престол. Император с успехом использовал упомянутое исключительное право возведения в княжеское и курфюршеское достоинство; путем систематической протекции и раздачи титулов венский Хофбург превращался в прибежище верных слуг династии, в блистательный эталон имперской представительности, способный поспорить с французским Версалем.

Крутой перелом произошел уже в первой четверти XVIII в., в годы Войны за испанское наследство (1701–1713/1714), когда Габсбурги смогли вернуть многие из утраченных по Вестфальскому миру земель.

Общественные структуры Империи пережили к концу XVII в. заметные изменения, в частности в группе ведущих княжеских династий. С переходом Пфальцского курфюршества в 1685 г. к католической ветви старших Виттельсбахов ушел в прошлое фактор радикальной кальвинистской, откровенно профранцузской политики Гейдельберга. Саксонские курфюрсты, получившие согласно Вестфальскому миру земли Лаузица, добились самого большого территориального прироста и постепенно начинали уступать влиянию северных соседей, Гогенцоллернов. При этом, однако, дрезденские Веттины оставались верными союзниками короны, особенно в лице курфюрста Иоганна Георга III (1681–1691), отличившегося во главе имперских войск при осаде Вены в 1683 г. В Пруссии при Фридрихе Вильгельме I Великом (1640–1688) был достигнут компромисс с сословиями, реорганизована армия и оздоровлены сильно расшатанные финансы. Курфюрст был еще далек от «абсолютистского» стиля правления (ср. главу об абсолютизме), но передал своему сыну, первому королю Пруссии, добротное наследство. Баварские Виттельсбахи, закрепив по Вестфальскому миру курфюршеские регалии, все более сближались с Францией. В правление внука Максимилиана I Макса Эммануила антигабсбургский курс приобрел четко выраженные черты, но закончился полной катастрофой на полях войны за Испанское наследство. Мюнхен перестал быть конкурентом Вены в раскладе сил ведущих династий.

В социальной толще позиции дворянства остались непоколебленными. Обладатели титулов стремительно вытесняли лиц неблагородного происхождения со всех уровней придворного управления, уверенно контролировали администрацию в провинции и резиденциях. В городах все прочнее становились позиции цеховой и купеческой элиты, что сопровождалось, впрочем, налаживанием внутриобщинного диалога и прекращением крупных социальных выступлений.

Церковная жизнь медленно утрачивала былой полемический накал – вместе с уходом в прошлое самого ожесточенного этапа религиозного противостояния. Но в социальном плане позиции Католической церкви оказались все же предпочтительней: через церковную карьеру или через конверсию в католицизм открывался путь к престижным имперским службам, к манящему своим блеском миру католической средиземноморской Европы. Характерным симптомом здесь стал массовый переход в католицизм протестантского дворянства, главным образом высшей знати, во второй половине XVII в. Кальвинизм и особенно лютеранство, сохранив в основном традиционные зоны влияния, переживали перемены преимущественно в духовно-нравственной сфере, воплощенные в пиетистском движении стараниями Филиппа Якоба Шпенера (1635–1705), выдающегося деятеля лютеранской культуры рубежа веков.

Германия встретила XVIII в. с окрепшими, испытывавшими пробу на прочность структурами имперской организации, восстановленными после 1648 г. Немецкие земли были избавлены от тяжелого груза острых религиозных разногласий и получили возможность еще почти сто лет сосуществовать в рамках единого здания Священной Римской империи под державной десницей Габсбургов.

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Культурная жизнь Германии после 1648 г. все еще хранила черты многоконфессионального уклада: различные виды искусств тяготели к стандартам, заданным соответствующими вероисповеданиями. Война, несомненно, истощила культурный потенциал, но в еще большей мере сказывалось соседство мощных центров европейской барочной культуры.

Католический Юг испытывал влияние культуры итальянского, позже французского барокко. Протестантский Север также оказался подвержен барочным вкусам, что влекло к определенной унификации в художественных стилях отдельных регионов. В музыке синтез обозначили великие мастера: Генрих Шютц (1583–1672), заимствовавший для протестантского хора барочные музыкальные инвективы из Италии, и отдаленные наследники его таланта – два поколения семейства Бахов, совершенствовавших традицию вокальных лютеранских пассионов («Страстей»). В области литературы блистали представители так называемой Силезской школы во главе с барочным поэтом Мартином Опицем, равно как Ганс Кристоф Гриммельсгаузен, отобразивший в своем романе «Симплициссимус» быт эпохи Тридцатилетней войны в зеркале утопических и пиетистских идеалов.

Заметный религиозный акцент, присущий XVII в., перекочевал и в век Просвещения. Сказалось это прежде всего на развитии наук: идеи камерализма, замешанные на концепции рачительного, патриархального правления, получили самое широкое развитие в протестантском ареале. У истоков здесь стоял знаменитый публицист Людвиг Файт фон Зекендорф, опубликовавший в 1655 г. свой трактат о княжеской власти. Эта доктрина повлияла и на философию раннего немецкого Просвещения, прежде всего на Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716), чьи историко-философские воззрения основывались на твердом лютеранском фундаменте.

Увлеченность точными науками, явно математический привкус философских изысканий были характерны для протестантской интеллектуальной элиты. Католический мир в большей степени тяготел к традиционным гуманитарным дисциплинам, изучению древних языков, античной истории и философии.

Все более зримыми становились всходы на ниве образования: немецкий университет, сформировавшийся в своей классической научно-педагогической программе в век конфессионализации, столетие спустя уже мог конкурировать с французскими, английскими и итальянскими академиями, становясь притягательным для европейской молодежи. Соперничество церквей, стремившихся опереться на собственную образованную паству, дало успешные плоды в XVIII в.: обилие университетских центров, городских гимназий и сельских «элементарных» (начальных) школ превращали Германию в одну из самых просвещенных стран Запада. Именно развитие общей культуры привело к расцвету творческой, философской мысли под занавес истории самой Империи на исходе XVIII столетия, подготовившему рост национального самосознания уже в новых условиях.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XVII ВЕКЕ

В раннее Новое время политическая ситуация в Северной Европе значительно изменилась по сравнению со Средневековьем. С середины XVI в. здесь осталось только два самостоятельных государства: Шведское королевство и Датская монархия, включавшая также Норвегию с Исландией. Изменилось и соотношение сил: на ведущие позиции постепенно вышла Швеция, для которой XVII в. и начало XVIII столетия стали «эпохой великодержавия» (швед. stormaktstiden) – периодом военных успехов, территориальной экспансии, борьбы за гегемонию на Балтике.

Во внутренней истории скандинавских монархий основное содержание периода составили: централизация; борьба дворянства (в первую очередь крупного) за сохранение и преумножение экономического и политического могущества; развитие крупного предпринимательства (по мнению многих историков, генезис капитализма) и борьба ранней буржуазии за свои права, а также связанное с перечисленными процессами формирование абсолютизма.

В скандинавском варианте генезиса абсолютизма можно выделить несколько этапов. На первом (примерно конец XV – середина XVI в.) скандинавские правители – государи «ренессансного» типа – добились успехов в усилении центральной власти. На втором этапе (середина XVI – середина XVII в.) централизация продолжалась, причем власть была разделена между королем и магнатами. Следствием борьбы и одновременно сотрудничества короны и аристократов явилось неустойчивое равновесие сил. Иногда такую систему называют «monarchia mixta» (смешанная монархия).

В борьбе с ведущими магнатами скандинавские короли нередко опирались на мелкое и среднее дворянство, а также на состоятельное, но непривилегированное сословие – раннюю буржуазию. В этой связи на стадии «смешанной» монархии были важны всесословные собрания – риксдаги.

Наконец, во второй половине XVII в. в Дании и Швеции оформился абсолютизм в «чистом» виде. Аристократы лишились многих формальных и фактических привилегий. Усилились позиции буржуазии. Большую роль стал играть узкий круг сподвижников, фаворитов и доверенных лиц монарха. Были проведены реформы центрального и местного управления. Впоследствии, в XVIII в., скандинавское самодержавие приняло апробированную в других странах форму просвещенного абсолютизма.

* * *

Сравнительно точные данные о численности населения Швеции доступны только с 20-х годов XVIII в. Тогда в королевстве (включая Финляндию) проживало 1800 тысяч человек. В Дании (включая области на Скандинавском полуострове) в середине XVII в. насчитывалось около 850 тысяч человек.

Североевропейское общество XVII в. по-прежнему являлось аграрным. В Швеции подавляющее большинство населения (более 95%) составляли

Петер Исаакс. Портрет короля Дании Кристиана IV. Ок. 1611–1616 гг. Национальный исторический музей, замок Фредериксбург

крестьяне: самостоятельные хозяева-бонды, арендаторы-ландбу, беднота. Около 2% – духовные лица и дворяне; 3% – бюргеры и горные мастера. В Дании крестьяне, в основном арендаторы, составляли более трех четвертей населения. Около 12% датчан XVII в. были горожанами, 5% – духовными лицами. Датское дворянство являлось немногочисленным – всего 0,2% (примерно 1800 человек). Скандинавские города оставались небольшими. Лишь столицы Копенгаген (около 25 тысяч) и Стокгольм (15 тысяч) являлись относительно крупными (средними по европейским меркам) населенными пунктами.

В этом консервативном социуме все же происходили перемены, связанные отчасти с внутренними процессами, отчасти с реформами «сверху». Монархи, их сподвижники и партнеры из дворян и бюргеров занимались промышленностью

и торговлей, основывали компании, организовывали мануфактуры. Строились новые города: так, был основан крупный порт на Северном море – Гётеборг. В Швеции и Норвегии развивалась горно-металлургическая промышленность, где внедрялись новые технологии и методы организации труда. Прогрессировали отрасли промышленности, связанные с потребностями армии и флота: производство пушек, сукна, пороха, дегтя.

В связи с развитием промышленности и торговли, а также совершенствованием государственного управления и военного дела в Скандинавские страны прибывало все больше иностранцев. Это были предприниматели с капиталами, связями, знаниями и идеями, а также инженеры, мастера, офицеры и другие специалисты. Перемены затронули и аграрный сектор: происходили изменения в статусе земли, приоритетах землевладельцев, положении крестьян, характере сельского труда.

И конечно, драматичной являлась политическая борьба. Во внешнеполитической игре ставкой были земли, пошлины и налоги, контрибуции и стратегические позиции, власть и престиж. Во внутренней политике Швеции и Дании в XVII в. доминировали две взаимосвязанные темы: распределение власти и способы пополнения казны.

В Швеции в отношении первого из этих вопросов перемены наступили в 1611 г., когда умер король Карл IX, занимавший независимую позицию в

отношениях с государственным советом – риксродом. Наследник, Густав II Адольф (король Швеции в 1611–1632 гг.), к моменту восхождения на престол являлся несовершеннолетним. Для аристократов настало время реванша. Юный Густав Адольф стал полномочным монархом, но был вынужден принять на себя обязательства-кондиции, сформулированные лидером магнатов Акселем Оксеншерной. Король обещал не издавать законы, не объявлять войну, не заключать мир и не вступать в союзы без согласия риксрода и сословий. Налагая экстраординарные подати и объявляя рекрутские наборы, король должен был ставить в известность риксрод и совещаться с представителями населения. Оговаривалось, что на высшие должности могут назначаться только дворяне. Король обещал не злоупотреблять созывами риксдагов (к которым часто апеллировал Карл IX). Так монарх лишился свободы маневра, которую давало обращение к сословиям.

За формальными привилегиями последовала реальная перемена – реорганизация управления. Важные вопросы теперь решались на прямом совещании короля с риксродом. Центральное управление перешло к коллегиям, возглавленным высшими должностными лицами из дворян. К коллегиям была приравнена и государственная канцелярия, усовершенствованная Акселем Оксеншерной, который вступил в должность канцлера. Была проведена и реформа местного управления.

Реформы коснулись и риксдага: в 1617 г. были регламентированы прения на всесословных собраниях: король предьявляет письменный запрос, делегаты совещаются по куриям, дают ответы и в случае разногласий стремятся прийти к общему мнению. Если добиться единства не удалось, король имеет право предпочесть ответ, который сочтет лучшим. Фактически такой распорядок давал королю возможность контролировать прения.

Было преобразовано дворянство. Указ от 1626 г. о Рыцарском доме (палате шведского дворянства) внес изменения как в порядок принятия дворянством коллегиальных решений, так и в структуру сословия. Его поделили на три группы, заседавшие по трем куриям: графы и бароны; рыцари; низшие дворяне. При обсуждении государственных вопросов аристократы, фактически представленные двумя куриями, имели преимущество перед мелкими и средними дворянами.

Вообще преобразования, главными творцами которых являлись Оксеншерна и, со временем, одаренный, честолюбивый и деятельный король Густав Адольф, распространились на многие сферы. Так, была проведена реформа образования, которое стало трехступенчатым: начальная школа; гимназия либо реальное училище; университет. Обучение стало разносторонним и приняло более светский характер: главной целью теперь являлась подготовка государственных служащих, воспитанных в патриотическом духе.

Одной из заслуг Густава Адольфа являлась модернизация армии. Реорганизация пехоты заключалась в создании на основе рекрутских наборов так называемых областных полков, приписанных к крупным регионам страны. Кавалерия же создавалась преимущественно из наемников; содержали их гражданские лица, которые за это освобождались от налогов. Солдаты – мушкетеры и пикинеры – получили новейшее легкое вооружение; артиллерия оснастилась мобильными орудиями. При всей эффективности модернизированной армии в условиях затяжных кровопролитных войн требовались

дополнительные формирования, и приходилось прибегать к вербовке наемников.

«Смешанная», королевско-дворянская монархия сформировалась и в Дании – еще во второй половине XVI в. Казалось, ничто не предвещало изменений на рубеже XVI–XVII вв., когда полноту власти обрел король Кристиан IV. При коронации (1596) монарх, по обычаю, обязался блюсти кондичии, отражавшие интересы магнатов. Но вскоре одаренный и энергичный Кристиан IV начал проводить самостоятельную политику. Возникли противоречия с ригсродом, особенно по вопросам внешней политики. Король сотрудничал с ним, однако использовал разногласия внутри него, созывал нерегулярно, назначал на высшие должности своих доверенных лиц.

Главным предметом расхождений являлись отношения со Швецией. Схожие разногласия присутствовали и в Швеции. Магнаты обеих стран стремились к традиционным отношениям, при которых многие споры решались в переговорах между датскими и шведскими аристократами. Такой мирный процесс усиливал магнатов, служил их сословным интересам и нередко избавлял от бремени военных расходов. Монархи, напротив, стремились к агрессивной внешней политике, при которой увеличивалась армия и расширялись полномочия короля как ее главнокомандующего.

Действуя решительно, Кристиан IV добился усиления своих позиций. Предпосылкой тому служило оздоровление государственного бюджета: король мог действовать свободно, не советуясь с магнатами о пополнении казны и не испрашивая их одобрения в расходах. Кроме того, датский король являлся еще и голштинским герцогом и в качестве такового мог проводить внешнюю политику, не согласованную с датскими советниками. Это давало монарху еще большую свободу действий.

Сотрудничая с ригсродом, но ограничив его власть, Кристиан IV продолжал политику предшественников, целью которой являлась централизация. Была предпринята попытка унифицировать законодательство, увенчавшаяся частичным успехом. Централизация сопровождалась усложнением аппарата, ростом бюрократии. Для удовлетворения потребности в компетентных должностных лицах в Дании, как и в Швеции, была проведена реформа образования. Централизации служила и ленная политика: Кристиан IV увеличивал долю ленов, жалуемых на условиях отчета перед королем, обогащая и усиливая корону, ограничивая доходы и полномочия ленников.

Добившись успехов во внутренней политике, датский король попытался активно действовать на международной арене. В 1611 г. Дания объявила войну Швеции. Момент был выбран удачно: часть шведской армии участвовала в интервенции в Россию. Датские войска захватили порт Кальмар – один из важнейших шведских форпостов на Балтике (отсюда название конфликта – «Кальмарская война»), а затем овладели шведскими крепостями на Северноморском побережье. Но развить успех не удалось; флот датчан потерпел неудачу, пытаясь взять Стокгольм. И хотя мир (1614) был заключен на условиях, почетных для Дании, ресурсы страны истощились. А в 1617 г. Столбовским миром закончился и шведско-русский конфликт.

Заклучив мир с Данией и Россией, Густав Адольф развязал себе руки для войны еще с одним противником Швеции – Польшей. Повод к конфликту заключался в династическом споре: польская ветвь династии Васа (или Ваза)

претендовала на шведский трон. Но главной причиной стала борьба за прибалтийские земли, города и торговые пути. В 1621 г. Густав Адольф завоевал Ригу. Шведская армия овладела Лифляндией, а в 1626 г. нанесла решающее поражение польским войскам. По условиям перемирия, заключенного в 1629 г., Швеция получила Лифляндию, а также (сроком на шесть лет) несколько городов на Балтике, важных в стратегическом и экономическом отношении.

Вехой во внешней политике скандинавских государств XVII в. стал главный международный конфликт столетия – Тридцатилетняя война (подробно о ней в главе о международных отношениях). Причины участия Швеции и Дании в этой войне были отчасти религиозными (поддержка протестантских государств), отчасти политико-стратегическими (борьба за территории, ресурсы и влияние в Центральной и Северной Европе).

Первым из скандинавских монархов в Тридцатилетнюю войну вступил Кристиан IV. В 1625 г. при поддержке Голландии и Англии он вторгся в Северную Германию. Но уже в 1626 г. он потерпел поражение от войск Католической лиги, был вынужден выйти из борьбы и заключить мир.

В 1626 г. в войну вступил и Густав Адольф, начав борьбу с императором за обладание Штральзундом. Пойдя на союз со Штральзундом и разместив в нем войска, Густав Адольф получил возможность использовать этот город-порт в боевых действиях. В 1629 г., заключив перемирие с Польшей, Густав Адольф получил разрешение риксрода на боевые действия в Германии, которые он уже и так вел *de facto*. В 1630 г. шведское войско вторглось в Германию. У Густава Адольфа на тот момент почти не было союзников. Дания и германские государства, с которыми король вел переговоры о союзе, заняли нейтральную позицию, не желая играть роль сателлитов Швеции. Помощь извне все же поступила – в виде субсидий от Франции. Затем, по мере военных успехов Швеции, к ней стали примыкать имперские города и княжества: Магдебург, Гессен, Померания, Бранденбург, Саксония.

Кульминацией шведских успехов стала победа при Брейтенфельде (1631). Она подняла престиж Густава Адольфа, привлекла на его сторону новых союзников в Германии. Планы короля приобрели грандиозный размах: теперь он хотел не только присоединить к Швеции новые территории, но и возглавить вечный союз протестантских государей – *corpus evangelicorum*.

От мечты о таком союзе пришлось отказаться после гибели Густава Адольфа в битве при Лютцене и последовавших за ней военных неудач шведов и их союзников. Все же Оксеншерне, возглавившему шведов, удалось выправить положение. Получив новые субсидии от Франции, шведы возобновили наступление. Но целью теперь были только территориальные приобретения, которые Швеция и получила по Вестфальскому миру 1648 г.

Под занавес войны, в 1643 г., шведы, воспользовавшись моментом, напали на Данию, атаковав ее одновременно с немецкой и шведской территории, а также с моря. Потерпев несколько поражений, датчане были вынуждены подписать Брёмсебрусский мир 1648 г. К Швеции отошли восточнорвежские провинции Херьедален и Йе́мтланд, стратегически важные острова на Балтике Готланд и Эзель, а также область Халланд. Мир в Брёмсебру знаменовал поворот в истории отношений Швеции и Дании: раньше чаще приходилось обороняться Швеции, теперь роли поменялись.

Отчасти различными, отчасти схожими для Дании и Швеции стали внутренние последствия Тридцатилетней войны. Для датского короля такими последствиями стали пошатнувшиеся позиции в отношениях с магнатами и вынужденные реформы. Напротив, укрепились позиции магнатов и зажиточных бюргеров. Усилились и противоречия между бюргерством и дворянством. Поражения показали необходимость военной реформы, в результате которой была создана армия смешанного типа – из иноземных наемников, дворянской конницы и датских крестьян-рекрутов. Возросшие расходы на оборону усилили позиции ригсрода, с которым Кристиану IV пришлось согласовывать свою политику. И хотя датское общество и государство продолжали развиваться, ослабленная войнами и внутренними раздорами Дания к середине XVII в. переживала не лучшие времена.

Для Швеции результаты войны оказались значительно лучше. Усилились связи с остальной Европой, были усвоены достижения науки и культуры. В частности, создана регулярная почта, стала выходить первая газета, появились (впервые в истории Швеции) постоянные дипломатические представительства за рубежом. Потребности армии и военные расходы привели к реорганизации экспортных отраслей экономики. Бюджет, в соответствии с принципами меркантилизма, пополнялся за счет пошлин и акцизов.

В аграрном секторе веянием новой эпохи для Швеции стала практика отчуждения государственных земель в частную собственность. Она практиковалась вместо сошедших на нет ленных пожалований. Предметом дарений могли быть коронные угодья: при этом крестьянин-арендатор короны становился арендатором дворянской земли. Осуществлялась и продажа коронных земель дворянам: в этом случае крестьянин-арендатор имел право выкупить у короны арендуемый участок и перейти в разряд самостоятельных хозяев – бондов. Сделки купли-продажи стали совершаться и в отношении тягловой земли. Предметом продажи в данном случае являлась не сама земля, а право взимать на ней налоги. В результате таких сделок корона, получив временный выигрыш в виде наличности, передала в частные руки доходы с двух третей всех обрабатываемых земель страны. Больше всех за счет таких сделок обогатились представители преуспевающих дворянских родов – Оксеншерна, Делагарди, Брахе (Браге), а также предприниматели-иностранцы.

Именно в это время в Швеции сложился слой крупных помещиков нового поколения – обладателей обширных угодий и роскошных усадеб. Часть земель находилась в собственности помещика; на другой части он лишь взимал в свою пользу налоги, а наделы оставались (по крайней мере, формально) в собственности бондов. Но фактически эти бонды попадали в зависимость от помещика и нередко становились жертвами его произвола.

Смерть Густава Адольфа (1632) повлекла серьезные политические последствия. Наследнице престола, дочери короля Кристине, исполнилось в ту пору шесть лет. Остро встал вопрос о создании регентского правительства.

Ситуацией воспользовался Аксель Оксеншерна, заявив, что Густав Адольф якобы поручил ему создать проект политических реформ и сформировать временное правительство. «Воля» монарха была исполнена; в правительство вошел Оксеншерна и двое его родственников. Реформы, в 1634 г. одобренные риксдагом, зафиксировали численность риксрода в 25 человек. Управление страной сосредоточилось в пяти коллегиях, заседавших в Сток-

гольме. Был создан высший государственный суд. Взаимодействие с условиями официально приобрело характер консультаций с элитой; риксдаг отошел на второй план. В целом реформы Оксеншерны имели олигархический характер, служили интересам узкого круга особо могущественных магнатов.

С этой олигархической системой пришлось вести борьбу королеве Кристине (1644–1654), которая по достижении совершеннолетия стала править страной. Кристина старалась обрести поддержку за пределами «оксеншерновской» фракции: делала крупные земельные дарения дворянам-фаворитам, щедро раздавала графские и баронские титулы, аноблировала людей из податного сословия, пыталась ограничить личное влияние Оксеншерны. Отношения королевы и канцлера (ее бывшего воспитателя!) значительно ухудшились. Тем временем Кристина приняла тайное решение не вступать в брак, а корону передать кузену и жениху пфальцграфу Карлу Густаву.

Между тем накопились новые социально-политические проблемы. Главным являлся вопрос об источниках покрытия государственных расходов. Разрешить противоречия (усиленные неурожаем и дороговизной) должен был риксдаг 1650 г. На риксдаге депутаты от податных сословных групп потребовали ограничить права дворянства и произвести редукцию отчужденных в его пользу владений. Однако требования сословий были использованы как козырь в политической игре королевы. Вступившись за дворян, она добилась, чтобы те в порядке благодарности признали Карла Густава наследником шведского престола. В 1654 г. королева, перейдя в католичество, сложила с себя корону и покинула Швецию. Причины такого решения по сей день не ясны. Вероятно, к ним относились и политические соображения, и религиозные идеи, которые королева могла почерпнуть от своего духовника Юханнеса Маттиэ, сторонника религиозного синкретизма – учения о единстве христианской церкви, разделенной на враждующие конфессии.

Когда Карл X Густав (1654–1660) вззошел на престол, в шведском обществе сохранялись все противоречия и проблемы. Податное сословие требовало ограничить привилегии дворянства и произвести редукцию. Дворяне, в свою очередь, настаивали, чтобы монарх гарантировал соблюдение их прав. Король дал дворянам такие гарантии, но их практическое значение было невелико. Он не утвердил реформы Оксеншерны, а в 1655 г. созвал риксдаг, который принял решение о редукции четверти земель короны, подаренных дворянству после смерти Густава Адольфа. До приведения решения в исполнение дворянам надлежало выплачивать королю сумму, равную четверти доходов с владений, подлежащих редукции.

В Дании, как и в Швеции, существенные перемены произошли в связи со сменой суверена. В 1648 г. умер Кристиан IV – монарх, чье правление составило эпоху в жизни страны. Риксдаг избрал новым королем сына Кристиана IV. Фредерик III (1648–1670) обязался блюсти кондиции, ограничившие власть монарха. Формально король во многих отношениях стал подотчетен ригсроду, был обязан согласовывать с ним внешнюю политику, меры по формированию армии и флота, введение чрезвычайных налогов. Во многих случаях ригсрод имел право вето. Запрещалось принимать на службу советников-иностранцев. Ригсрод закрепил за собой право выдвигать кандида-

тов на вакантные должности государственных советников. Так, формально ригсрод получил значительную власть.

Но при этих уступках за королем сохранились значительные полномочия и связанные с ними реальные возможности. Монарху принадлежало решающее слово при назначении должностных лиц. Он распоряжался регулярными доходами короны и являлся верховным главнокомандующим.

Напротив, положение датского дворянства – формально блестящее – на деле было отнюдь не идеальным. Свобода от налогов, которой пользовались дворяне, возбуждала неприязнь у податных слоев общества. Представители этих слоев жаловались королю на несправедливость. А между тем формально декларируемая свобода от налогов являлась на практике весьма относительной: датским дворянам приходилось осуществлять так называемые добровольные вспоможения, дабы пополнить бюджет. Часть этого бремени приходилось нести мелким дворянам, что порождало их недовольство. Другая проблема заключалась в том, что ригсрод, взявший на себя функции правительства, исторически являлся прежде всего политическим органом; его члены не обладали в должной мере управленческими и хозяйственными навыками. Этим были недовольны представители других сословных групп, желавших получить доступ к управлению – потенциальные чиновники. И не только потенциальные: в Дании и Норвегии уже имелись востребованные профессионалы, выходцы из бюргерского сословия.

В довершение всего ригсрод раздирали противоречия, которые сглаживались при жизни авторитетного суверена Кристиана IV, но после его смерти обострились. Одно из противоречий, между группой датских магнатов и норвежским наместником Ханнибалом Сехестедом, приобрело характер противостояния метрополии и колонии. Сехестед и Кристиан IV были заинтересованы в относительной внутренней самостоятельности Норвегии. Наместник, в обход ригсрода, подчинялся непосредственно королю. При Фредерике III датские магнаты упразднили этот порядок. Сехестед был отозван из Норвегии, новый наместник проявлял лояльность по отношению к ригсроду, а частичной автономии Норвегии был положен конец.

Хозяйство Дании с середины XVII в. переживало затяжной, продолжавшийся почти столетие упадок, вызванный отчасти военным разорением, отчасти общим для Европы падением цен на сельскохозяйственную продукцию. Дания преодолевала последствия международного кризиса дольше, чем Англия, Нидерланды или Швеция. К этому добавлялись неудачная конъюнктура и нехватка оборотных средств, из-за чего датские купцы, экспортеры скота и зерна, проигрывали конкурентную борьбу иностранным оптовикам.

Эти негативные явления сказались на положении датских городов, большинство которых почти полностью зависели от экспорта скота и зерна. Кризис экспорта в сочетании с налоговым гнетом со стороны государства привел к длительному упадку мелких и средних городов. Значительно лучше было положение Копенгагена, чья торгово-купеческая верхушка обладала более значительными капиталами и тесно сотрудничала с правительством.

Что касается сельского хозяйства Дании, то в нем ярко проявились две тенденции: массовая приватизация коронных земель и увеличение доминирующего барщинного хозяйства. Крестьяне, становясь барщинниками, полу-

чали свободу от налогов государству и ренты помещику ценой попадания в личную зависимость от землевладельца.

Власти пытались оздоровить экономику, применяя протекционистские меры, основывая торговые компании, регламентируя городское хозяйство. Но все это приводило лишь к временным улучшениям. Нехватка финансов вынуждала правительство отказываться от протекционистских мер: повышать пошлины на датские товары, восстанавливать внутренние таможи. Организация производства затруднялась из-за недостатка квалифицированной рабочей силы. Торговые компании прекращали свою деятельность вследствие нехватки капиталов: банковское дело в Дании еще не получило развития, а деньги многих богатых датских бюргеров вкладывались в недвижимость, приносящую умеренный, но стабильный доход. Пополнять бюджет (основные статьи расходов – содержание армии и двора) приходилось за счет займов и налогов. Но традиционных, «старых» налогов не хватало. Возможный выход заключался в том, чтобы приравнять дворян к податному населению, заставив платить поземельные налоги с поместий.

Итак, и в Швеции, и в Дании к середине XVII в. обозначились кризисные явления, во многом вызвавшие кардинальную политическую перемену – установление абсолютизма. Этому предшествовали и отчасти способствовали шведско-датские войны конца 1650 г.

Результаты предыдущей войны со шведами, конечно, никоим образом не устраивали датчан. Реальной была и опасность новой агрессии со стороны Швеции. В связи с этим Дания заключила оборонительный союз с Голландией. Для новой войны имелись многочисленные причины. Швеция со времен Тридцатилетней войны содержала наемное войско в Германии, которое следовало использовать для военных действий и обеспечить за счет военной добычи. К тому же у шведов имелся честолюбивый и одаренный главнокомандующий – король Карл X Густав. А новые территории Шведского королевства являлись удобным плацдармом для войны против Дании.

В свою очередь, датчане стремились к реваншу, а традиционной причиной противостояния являлось соперничество на Балтике. Момент оказался благоприятным: часть шведской армии участвовала в трудной для Швеции войне с Польшей. В Дании начались военные приготовления: был усилен флот, построены новые и реконструированы старые крепости, проведена реформа армии: сокращено постоянное наемное войско, а на сэкономленные средства создана армия из крестьян-рекрутов. Реформа оказалась неудачной: новобранцы не обладали опытом, и к тому же помещики, ответственные за призыв, нередко уклонялись от отдачи крестьян в рекруты. Положение усугублялось бездарностью командиров и злоупотреблениями должностных лиц.

Как бы то ни было, приготовления были произведены. 1 июня 1657 г. король Фредерик III, объявив войну Швеции, начал наступление. Карл X Густав получил возможность перебросить войска из разоренной Польши в “хлебную” Данию и, перейдя в контрнаступление, развязать формально оборонительную, а по сути завоевательную войну. В краткий срок шведы овладели Ютландским полуостровом, взяли штурмом важнейшие крепости. Правда, на море датчане были сильнее, и важнейшие датские острова – Зеландия, Лолланн, Фюн – казались неприступными. Но морозная зима 1657–1658 гг. помогла шведам: их армия по льду перешла проливы и овладела острова-

ми. Охваченные паникой датчане спешно подписали Роскилльский мирный договор, по которому к Швеции отошли значительные территории в Дании и Норвегии, в частности весь Юг Скандинавского полуострова. Балтийское море объявлялось закрытым для нескандинавских судов.

Роскилльский договор, конечно, не мог обеспечить прочный мир между королевствами. Со стороны Дании этот договор носил вынужденный, чрезвычайный и потому временный характер. Шведам же не терпелось поставить победную точку: сделать Балтийское море шведской внутренней акваторией (*mare claustrum*) и в как можно большей степени подчинить себе датчан.

В Дании военные неудачи усиливали критику дворян, на которых возлагалась ответственность за поражение. Столичные буржуа требовали сделать дворянство податным сословием, разрешить переход дворянской земли в собственность бюргеров и придать Копенгагену особый статус. Но тут вспыхнула новая шведско-датская война, на сей раз начатая шведами. Поскольку в данном случае Швеция несомненно являлась агрессором, Дания могла рассчитывать на международную поддержку. Поэтому шведскому королю была необходима молниеносная война, которая завершилась бы захватом Копенгагена. В этом случае иностранные державы были бы поставлены перед фактом полной и безоговорочной победы Швеции.

Надежды шведов не сбылись. Им удалось осадить Копенгаген, но гарнизон и бюргерство города сопротивлялись организованно, умело и отважно: ведь речь шла уже не об отдельных потерях и уступках, а о судьбе страны. Кроме того, бюргеры вдохновили недавно обретенные свободы: Копенгаген стал вольным городом – особым субъектом датского королевства, участвующим в управлении страной. Столичные патриции получили доступ к государственным должностям. У копенгагенских бюргеров, помимо патристических чувств, имелся и ощутимый прагматический стимул к борьбе.

Осада датской столицы, равно как и вся война, приняла затяжной характер; попытка решающего штурма окончилась неудачей. Началась партизанская война. На сторону Дании встали Англия и Нидерланды. Швеция была вынуждена подписать новый мирный договор, отказавшись от части новоприсоединенных территорий в Норвегии и, самое главное, от притязаний на контроль над Балтикой. Более всех выиграли Нидерланды, Англия и другие морские державы, получившие свободный доступ в Балтийское море.

Для обоих скандинавских королевств войны 50-х годов XVII в. явились катализаторами общественных перемен: показали относительную слабость аристократии, силу буржуазии, противоречия между этими двумя сословными группами; способствовали укоренению мысли о необходимости реформ.

В Дании поводом для реформ стал огромный государственный долг, причем в данном случае в качестве кредиторов выступил узкий круг копенгагенских предпринимателей и иностранных финансистов. Кредиторы требовали гарантий уплаты; разоренная войной страна, не имея возможности собрать требуемые средства в виде налогов, оказалась на грани банкротства.

Для решения этой проблемы было созвано всесословное собрание 1660 г., ставшее в датской истории эпохальным. Перед участниками – дворянами, клириками и бюргерами – был поставлен вопрос: как изыскать средства на государственные расходы и покрытие долга. Правительство предложило меры: налог на ряд потребительских товаров, сокращение военных расходов.

В ходе обсуждения в куриях выявились разногласия между бюргерством и духовенством, с одной стороны, и дворянством – с другой. Бюргеры и клирики потребовали, чтобы дворяне наравне со всеми платили налоги и тем способствовали выходу страны из кризиса. Дворяне воспротивились; найти общий язык не удалось, и в дальнейшем дебаты велись только в куриях, без выработки общей платформы. Такое развитие событий было выгодно королю, который активно общался с каждой из курий по отдельности и воздействовал на них через доверенных лиц.

В ходе дебатов дворяне заявили, что готовы на уступки. Бюргеры же выступили с широкой программой: режим экономии; частичное принудительное сокращение суммы долга; кардинальная реформа управления, в результате которой бюргеры должны получить доступ к государственным должностям.

В ходе одного из совещаний депутатов от бюргерства и духовенства возник план введения в Дании наследственной монархии. Изложив этот план письменно, бюргеры и клирики представили его на рассмотрение дворян. Получив отрицательный ответ, они предъявили тот же план королю. Тот ответил согласием и незамедлительно приказал оцепить Копенгаген войсками и привести армию в повышенную боевую готовность. Депутаты дворянской курии, поставленные, по существу, перед фактом военного переворота, дали добро на реформу. Затем, с одобрения комиссии, составленной из бюргеров, духовных лиц и лояльных дворян, король денонсировал кондиции и пообещал издать закон об основах собственного правления. В начале 1661 г. был создан акт, согласно которому король Дании и Норвегии провозглашался абсолютным монархом этих стран. Акт был разослан по Дании, Норвегии и Исландии, где был скреплен подписями представителей сословий.

Так наступил заключительный, решающий этап в становлении датского абсолютизма. Была фактически упразднена старая сословная система: дворянство утратило свободу от налогов. Духовенство и бюргерство получили доступ к государственным должностям. Еще более усилились позиции копенгагенского бюргерства, которое получило статус особого сословия. Был создан «закон о короле», закрепивший принципы самодержавного правления. Датский монарх получил неограниченную власть. Управление Данией–Норвегией сосредоточилось в коллегиях – органах, типичных для абсолютистской системы. Коллегии были разделены по профессионально-отраслевому признаку. Членами коллегий являлись как дворяне, так и буржуа. На местном уровне также была проведена реформа. Лены преобразовались в амты – округа, управляемые королевскими чиновниками-амтманами. А сбор налогов в этих округах перешел в ведение других чиновников. Благодаря таким мерам центр усиливал контроль над регионами.

Установление абсолютизма внесло ясность в официальный статус Норвегии, в котором ранее имелись противоречия и спорные моменты. Теперь Норвегия стала юридически полноценным королевством – субъектом дуалистической датско-норвежской наследственной монархии. Но перемена коснулась лишь формального статуса: страна не имела реальной автономии и по-прежнему управлялась из Копенгагена.

Что касается судьбы датского дворянского сословия, то многие «старые» дворяне продолжали сотрудничать с королем. Но их представительство в органах власти – государственном совете, коллегиях, амтствах – в кон-

це XVII в. неуклонно уменьшалось. Напротив, росла доля «новых» дворян. Дания–Норвегия в значительной степени оставалась государством помещиков, но сами помещики зачастую были новые – аноблированные буржуа.

В Швеции самодержавное правление было введено позже, чем в Дании – в 80-е годы XVII в., но при схожих обстоятельствах. Так же как и в Дании, реформы в Швеции были ускорены военными неудачами и финансовыми трудностями. Как и в Дании, реформе здесь предшествовали острые политические дебаты с участием монарха и сословий.

Различие заключалось в идейно-правовом «сценарии» перехода к абсолютизму. В Дании, в соответствии с представлениями о естественном праве и договорных обязательствах подданных и правителя, этот переход был оформлен как волеизъявление сословий, делегировавших свои полномочия монарху. В Швеции правовым основанием реформы послужила новая интерпретация древнего законоуложения – Ландслага, где говорилось, что король должен совещаться с государственным советом – риксродом. Это предписание порождало различные толкования. Если бы удалось провозгласить, что король волен совещаться с риксродом только когда ему это угодно, и притом вправе оставлять окончательное решение за собой, то монарх без помощи каких-либо специальных доктрин, *de facto*, получал практически неограниченные полномочия и становился абсолютным монархом.

Внутриполитическая ситуация в Швеции осложнилась, когда умер Карл X Густав. На смертном одре король утвердил состав регентского правительства при несовершеннолетнем Карле XI (1660–1697). На риксдаге 1660 г. завещание монарха было ратифицировано с рядом поправок: правительство должно совещаться с риксродом и держать ответ перед риксдагом, которому надлежало созываться регулярно – раз в четыре года. В итоге было создано сравнительно слабое временное правительство, зависевшее от дворян. Но закрепить этот политический успех дворянам не удалось.

Официально провозглашенный курс на экономии не позволял продолжать агрессивную внешнюю политику. В 60-е годы XVII в. и в начале 70-х шведские дворянские верхи стремились к миру с иностранными государствами, делали ставку на дипломатию. Как звено в этой мирной политике рассматривался заключенный в 1672 г. альянс с Францией. Реалии оказались иными: Швеция была втянута в ненужную и бесславную войну с противниками Франции – Австрией, Нидерландами, Бранденбургом, а затем и с Данией. Шведские войска потерпели несколько поражений. Военные неудачи подорвали престиж Швеции, ослабили ее международные позиции. Лишь дипломатическая поддержка Франции позволила Шведскому королевству выйти из войны на приемлемых условиях.

По завершении войны последовало временное сближение бывших противников – Швеции и Дании, не доверявших могущественным союзникам и стремившихся обрести поддержку у соседей-скандинавов. Был заключен договор об оборонительном союзе, достигнута договоренность о династическом браке. Значительных последствий это сближение не имело. Но оно показало, насколько жизнеспособной, несмотря на противоречия и конфликты, оставалась идея сотрудничества скандинавских государств.

В Швеции военное поражение привело к падению престижа риксрода. Этим воспользовался король Карл XI, который стал действовать, не сове-

шаясь с риксродом: самостоятельно заключил мир с Данией, не обсудил детали предстоящей свадьбы с датской принцессой. На протесты членов риксрода король ответил, что не нуждался в их мнении. Так начал претворяться в жизнь принцип *pop rogatum*: советники не должны вмешиваться, если их не спрашивают.

Разрешить противоречия предстояло на риксдаге, назначенном на осень 1680 г. Результатом дебатов стали несколько принципиальных резолюций: о расследовании злоупотреблений правительства; о редукции всех земельных дарений в зарубежных провинциях Шведского королевства; о редукции значительной части земельных дарений в метрополии; об отмене графских и баронских титулов и соответствующих привилегий.

Но этим дело не ограничилось. Уже после официального завершения риксдага делегаты в ответ на запрос короля заявили: шведский монарх волен сам решать, в каких случаях консультироваться с советниками, которые сами по себе – обычные подданные монарха. Советники вынужденно смирились с такой трактовкой своей роли. Последовали практические меры. Была сведена на нет роль государственных советников в управлении: их заменили доверенные лица короля. А результатом проведения в жизнь постановлений риксдага о расследовании и редукции стали значительные материальные потери магнатов и, соответственно, приобретения короны.

Следующий шаг был сделан на риксдаге 1682 г.: делегаты утвердили право короля самостоятельно издавать любые законы. Вопрос о том, совещаться или не совещаться с сословиями при законотворчестве, король отныне в каждом случае мог решать по своему усмотрению. В числе прочего, монарх получил право лично руководить редукцией дворянских владений.

Земли и доходы, приобретенные посредством редукции, Карл XI использовал на нужды военной и административной реформ. Была создана мощная постоянная армия на основе «надельной» системы (швед. *indelningsverket*). Кавалеристы и пехотные офицеры получили на свое содержание доходы с редуцированных земельных наделов. Затем система была распространена на солдат, получивших небольшие земельные участки. Результатом стало создание многотысячной и – благодаря регулярным учениям – хорошо обученной армии. Именно ей, под командованием следующего короля Карла XII было суждено вступить в Северную войну. «Надельная» система утвердилась не только в армии: подобным образом, за счет редуцированных земельных владений, теперь содержались и многие гражданские должностные лица.

Редукция, конечно, нанесла удар по дворянству. Особенно пострадали те дворяне, чьи владения в основном состояли из земель, отчужденных у короны. Лучше оказалось положение владельцев старинных средневековых поместий, ведь такие владения, разумеется, не подлежали редукции.

Что касается крестьян, многим из них реформа принесла правовое облегчение, восстановив их положение свободных сельских хозяев, не зависящих от помещика. А вот материальное положение таких крестьян вследствие реформы могло и ухудшиться: у многих из них появились строгие начальники – офицеры и чиновники, живущие за счет «надельной» системы и неукоснительно взыскивающие положенную подать.

ЧЕХИЯ, ВЕНГРИЯ И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В XVII ВЕКЕ

В XVII в. исторические судьбы Чехии, Венгрии, Речи Посполитой и Австрии оказались еще теснее переплетенными, чем в XVI в. Два внешних фактора – Тридцатилетняя война и турецкая опасность – определяли и внутривосточную ситуацию в странах Центральной и Восточной Европы. Почти постоянные войны на протяжении столетия создавали атмосферу нестабильности и экзальтации, что нашло отражение в распространении нового общеевропейского стиля – барокко с его театрализованной устремленностью к трансцендентным ценностям и эмоциональной взвинченностью. Постепенное вытеснение протестантизма в регионе вернуло страны Центральной и Восточной Европы в лоно обновленного Тридентским собором католицизма. Но экономический упадок, сокращение внешнеэкономических связей определили общее отставание этого региона от быстро развивающихся стран Западной Европы. Сокращение численности населения, прежде всего крестьянского, привело к усилению крепостнической эксплуатации и утверждению фольварочной формы хозяйства. Бурно протекавший XVII в. оставил о себе героический миф и значимое культурное наследие, в котором выделяется творчество Я.А. Коменского. Философ и педагог, он сконцентрировал в своих сочинениях основные проблемы эпохи и обозначил идеи, актуальные для будущего, которые окажутся востребованы лишь в XX в.

ЧЕХИЯ

Тридцатилетняя война, изменившая облик Европы, началась в Чехии с антигабсбургского сословного восстания 1618–1620 гг. (см. также главу о международных отношениях в этом разделе). Политика короля и императора Матиаса (Матвея, Матфея), по необходимости еще придерживавшегося толерантности, подготавливала контрнаступление Католической церкви: своим наследником он сделал яркого католика Фердинанда Штирийского (император и король Чехии и Венгрии Фердинанд II, 1619–1637). Габсбурги мало считались с интересами отдельных земель (стран), входивших в их обширные владения, отсюда вытекали и их конфликты с сословиями. Процесс конфессионализации обусловил превращение религиозной принадлежности в «партийную» с ярко выраженной политической окраской. Было бы неправильно представлять конфликт чешских сословий с Габсбургами как сопротивление всего народа иноземной династии. Во-первых, население Чешского королевства было неоднородным: протестанты в начале XVII в. составляли около 90% населения, но большой политический и экономический вес сохраняла католическая аристократия. Во-вторых, Габсбурги, как до этого Ягеллоны, уже давно рассматривались в качестве законных монархов, угрозы германизации, о которой говорила старая историография, на самом деле не существовало. В-третьих, протестантские сословия представляли интересы

Казнь вождей Чешского восстания 1618–1620 гг. Гравюра. Прага, 1621 г.

дворянства, поэтому города слабо, а крестьянство совсем не поддержали шляхту. Восстание с самого начала ориентировалось на заграничную помощь, тем самым связав себя с общим конфликтом между католиками и протестантами в Западной Европе. Это, с одной стороны, вывело Чехию в центр европейских противоречий, но с другой – ее значение в масштабе всей Европы было слишком мало, чтобы протестантский мир поставил ее проблемы на первое место. Все эти обстоятельства повлияли на характер, ход и результаты чешского восстания.

Весной 1618 г. съезд протестантского дворянства выразил императору Матиасу протест в связи с нарушениями Маэстата 1609 г. (см. главу в 1-й части). 23 мая перед началом нового съезда вожди радикальных протестантов выбросили из окна канцелярии Пражского Града (дефенестрация) местоблюстителей королевского престола Славату и Мартиница вместе с секретарем Фабрициусом – главных проводников королевско-императорской политики. Съезд избрал Директорию из 30 человек, которая встала в решительную оппозицию к королю, начала созывать войска и обратилась за помощью к Протестантской унии германских княжеств. Войско сословий во главе с Матиасом Турном, недавно натурализовавшимся в Чехии немецким дворянином-протестантом, осадило Вену и обстреляло императорский дворец. Однако некоторые города Чешского королевства и католическая аристократия остались верны монарху. В начале 1619 г. умер император Матиас, моравское дворянство примкнуло к чешскому восстанию, а общий сейм в Праге принял новую конституцию равноправных земель с избираемым королем во главе, чья власть была сильно ограничена сословными учреждениями. Летом 1619 г. против Габсбургов выступил трансильванский князь-протестант Габор Бетлен, занявший Верхнюю Венгрию (совр. Словакия), но союз со-

словий с ним оказался непрочным. 19 августа 1619 г. сословия объявили о детронизации Фердинанда II и избрали королем Фридриха Пфальцского. Однако этот расчет не оправдался, и реальной помощи новому монарху никто не оказал. Хотя на общем сейме весной 1620 г. была создана конфедерация сословий земель Чешской короны, Австрии и Венгрии, реального объединения антигабсбургских сил не состоялось, тогда как императора поддерживали Испания, папская курия и глава Католической лиги Максимилиан Баварский. Среди чешских сословий начала распространяться неуверенность, не хватало денег для войск, армия отступала. Решительный перелом произошел в результате битвы на Белой Горе у Праги 8 ноября 1620 г.: небольшая императорская армия наголову разбила плохо воевавшее из-за неуплаты денег войско сословий. Белогорская битва обозначила рубеж чешской истории: после нее начался трехвековой период габсбургского абсолютизма, рекатолизации и фактической потери государственности. Фридрих Пфальцкий бежал, многие города без боя встречали армию императора. Психологически устрашающее значение имела публичная массовая казнь на Староместской площади Праги руководителей и участников восстания, в число которых входили известные гуманисты, ученые, политики. Печатные листовки с гравюрой, изображавшей казнь, облетели всю Европу. Фердинанд II умело использовал ситуацию для кардинального изменения устройства страны, ставшей теперь наследственной землей династии Габсбургов. В старой историографии Белая Гора была синонимом национального угнетения, последовавшего затем упадка национальной культуры, вытеснения всего чешского иностранным, что объявлялось следствием рекатолизации. Теперь представляется, что поражение у Белой Горы не стало национальной трагедией, как перед этим ею не стала Липанская битва, положившая конец гуситским войнам. Белая Гора обозначила переход к новой эпохе в истории чешского народа, к новым формам идеологии и культуры, к тесной интеграции в огромное пространство державы Габсбургов.

«Обновленное земское устройство» и мандат Фердинанда II от 1627 г. предусматривали новое устройство чешских земель, в частности увеличение полномочий чешской придворной канцелярии в Вене к ущербу для чешского сейма и других органов самоуправления, которые формально сохранялись. Земских чиновников теперь назначал монарх, и они несли ответственность только перед ним. В сейм вводилось католическое духовенство. Католичество объявлялось единственной государственной религией. Всем некаатоликам предлагалось сразу перейти в католическую веру или эмигрировать, в кратчайший срок распродав свое имущество, в том числе земли. Сразу же возникли спекуляции с куплей-продажей земли, в результате которых резко обогатилось несколько лиц, прежде всего А. Валленштейн (Вальдштейн), бывший протестант, ставший позднее военачальником императорских войск в Тридцатилетней войне и обеспечивший трону многие победы. В Чехии он создал из приобретенных за бесценок крупнейшее панство, что позволило ему проводить самостоятельную политику и вести переговоры с протестантской эмиграцией, предлагавшей ему чешскую корону. Эмиграция из Чехии достигла колоссальных размеров, в основном покидали страну образованные люди, мелкое и среднее дворянство. За рубежом чешская эмиграция была политически активна, однако ее призывы не повлияли

на исход Тридцатилетней войны: по Вестфальскому миру 1648 г. Чехия осталась наследственным владением Габсбургов. Сама война, многие сражения которой проходили на чешской территории, разрушила экономику страны, резко сократила численность населения, главным образом сельского. Люди жаждали мира, поэтому дали отпор шведской протестантской армии, в конце войны попытавшейся взять Прагу. Наметилась консолидация общества на основе верности Габсбургам и католицизму. Изменилась структура дворянства: в Чехии земли получили генералы и офицеры императорской армии, составившие так называемое интернациональное дворянство, чуждое чешским традициям, но открытое европейским культурным влияниям. Представители старых чешских аристократических родов, напротив, устремились в Вену, где, занимая в XVII–XVIII вв. ответственные должности, фактически руководили внешней и внутренней политикой империи. В XVII в. они еще не порвали связи с чешской средой, ее культурой и языком. Экономический кризис после войны способствовал дальнейшему закреплению крестьянства, что было необходимо для успешного существования фольварочного хозяйства. Это стало причиной крестьянских восстаний 70-х годов XVII в. и повлияло на составление барщинного законодательства Леопольда I. Все земельные участки были описаны в кадастрах, введено налогообложение в соответствии с природными качествами земель.

Рекатолизация проходила в мирных формах, медленными темпами, без насильственных мер, но уверенно. В этом состояла заслуга как пражского архиепископа, так и иезуитов – главных деятелей Контрреформации. Они блестяще справились со своей задачей: создать новую католическую барочную культуру взамен прежней протестантской, в основе своей гуситской, но одетой в ренессансные одежды. Во второй половине XVII в. под управление иезуитов был передан Пражский университет, который превратился в международный центр науки («вторая схоластика»), стал прибежищем неортодоксально мыслящих ученых. В Праге читали лекции, пропагандировавшие открытия Коперника и Галилея, Я. Марци занимался исследованиями в области физики и оптики, его открытия имели мировое значение. При университете возникло иезуитское книжное издательство «Наследие св. Вацлава», печатавшее на чешском языке религиозно-просветительскую литературу для массового читателя. Она способствовала переходу чешской словесности в новую фазу: язык эпохи барокко, утратив искусственную классичность Ренессанса, стал ближе к простонародному, разговорному. Чешские поэты и писатели, связанные с рекатолизацией, обращались к простому народу на его языке. Распространение получил жанр песенников религиозного содержания. Выдающимся поэтом-композитором проявил себя А. Михна, с которого началась традиция чешского канторского искусства, благодаря которому в XVIII в. Чехия станет «консерваторией Европы». К. Шкрета поднял чешскую живопись на европейский уровень, а эмигрант В. Холлар в своих графических видах городов создал «портрет» Европы XVII в. Официальное равноправие чешского и немецкого языков не означало их равенства, поскольку они стали выполнять разные социальные функции: немецкий являлся языком учреждений, вытесняя там чешский и латынь, а чешский низводился до «простонародного диалекта», хотя в быту им продолжало пользоваться чешское дворянство.

Перед чешской интеллигенцией, перед иезуитами и членами других монашеских орденов стояла задача «искупления чехами греха еретичества», превращения страны в «богоспасаемую землю». Эту цель преследовала не только духовная литература, но и начавшееся в конце XVII в. поистине всенародное движение за канонизацию Яна Непомуцкого, ставшего символом новой религиозности, дистанцированной от государственной власти и близкой чаяниям простого народа. В лице нового святого бывшие еретики находили своего небесного покровителя. Вновь расцветает культ святых-покровителей Чехии (святые Кирилл и Мефодий, князь Вацлав, Прокоп Сазавский и др.). С конца века начинается строительство новых соборов и монастырей, паломнических центров и часовен, в результате чего происходит тотальная сакрализация чешского ландшафта. Стремление к реабилитации стало основой земского патриотизма – барочного типа исторического сознания, крупнейшим выразителем которого стал иезуит Богуслав Бальбин. В своих сочинениях он прославлял «красоту и богатства чешской земли», обращался к забытым страницам ее истории, положительно оценивал гуситов за их патриотизм, призывал к сохранению чешского языка, хотя сам писал только на латыни.

Мировое значение приобрела деятельность Я.А. Коменского – «учителя народов», как его называли при жизни. В определенном смысле он является квинтэссенцией европейского барокко как стиля мышления и культурной формы. Глава Общины чешских братьев, он был вынужден эмигрировать и прославился как основатель современной педагогики, сочетавший практичность, полезность знания в жизни с общественным, духовным смыслом знания, которое преобразует нравственность человека. Разработанный им метод составления учебников (книжка с картинками – единый обучающий наглядный организм), внедрение поурочного, повозрастного и наглядного методов обучения, вера в появление единого, всеобщего простого языка как средства коммуникации для человечества делают его наследие актуальным в последующие эпохи. Как философ Коменский, стремясь к согласованию науки и религии, разрабатывал пансофическое знание (всеобъемлющая божественная мудрость), на основе которого создал грандиозный проект совершенствования человечества (трактат «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», обнаруженный только в первой половине XX в.).

ВЕНГРИЯ

Для Венгрии, по-прежнему остававшейся поделенной на три части, XVII в. стал цепью непрекращавшихся войн и смут. Почти вдвое сократилась численность населения. Перестал существовать единый этносоциальный организм – венгерское общество. Особо тяжелые условия сложились на подвластной туркам территории, где основную тяжесть налогообложения и феодальных повинностей несло крестьянство. В Трансильвании и в королевской Венгрии утвердилось господство барщинно-доменной системы, сохранявшей и усиливавшей аграрный характер этих земель. Превалировало крупное землевладение магнатов, ставших ведущей политической силой, что вызывало их конфликты со средним и мелким дворянством. Эксплуата-

ция крестьянства приводила к восстаниям, в основном локальным, и к участию крестьян в войсках оппозиционных Габсбургам магнатов. В XVII в. продолжился процесс рекатолизации, однако, по причине приверженности к протестантизму многих магнатов, а также части крестьян и горожан, он остался незавершенным, что использовалось венгерскими феодалами в целях борьбы за сохранение своих прав и привилегий. В 1681 г. Государственное собрание подтвердило принцип свободы вероисповедания, хотя и в несколько ограниченных масштабах, а также другие привилегии дворянства.

Магнаты королевской Венгрии и Трансильвании продолжали сопротивляться габсбургской доктрине абсолютизма, используя турецкую угрозу и балансируя между Веной и Портой в отстаивании своей самостоятельности. В Трансильванском княжестве, где единственным магнатом являлся князь, сохранялось ведущее положение протестантских конфессий, поэтому конфликт Трансильвании с Габсбургами приобретал религиозную окраску. Князья Трансильвании претендовали на объединение венгерских земель под своей властью, поэтому идеология венгерского патриотизма имела антигабсбургскую направленность. Во время Тридцатилетней войны трансильванские князья дважды претендовали на венгерскую корону. Выступление Габора Бетлена в 1619–1626 гг., поддержавшего восстание в Чехии, преследовали цель усиления личной власти, чего в итоге он частично добился. Аналогичный характер носил поход князя Дьёрдя Ракоци I в 1644 г. С 1619 г. короли Венгрии из династии Габсбургов регулярно подтверждали сохранение дворянских привилегий и законов страны, что несколько ограничивало их власть. С 1630 г. при короле должны были находиться двое венгерских советников. Принимаемые Государственным собранием решения, компромиссный характер которых был результатом предшествующих острых конфронтаций между протестантской и католической частью магнатов, всегда в целом отстаивали сословные интересы феодалов. Укреплению положения магнатов способствовали разрешение на приобретение домов в королевских городах (1634 г.) и запрещение королю отчуждать комитаты («графства») или частные землевладения в свою или чью-либо пользу (1646 г.). Сохранялась должность палатина как символической фигуры представителя сословий.

С середины XVII в. начинается упадок Трансильвании, вызванный грабительскими походами османов и крымских татар в ответ на попытки князя Дьёрдя Ракоци II проводить самостоятельную политику. В частности, вопреки желанию Порты (формально князь считался ее вассалом) и в союзе со Швецией он вмешался в войну в Польше («Потоп») и пытался получить польскую корону. Идею создания независимого и от Габсбургов, и от Порты Венгерского государства, во главе которого встал бы трансильванский князь, вынашивало венгерское дворянство, мнение которого выражал крупный хорватский магнат, выдающийся полководец и политический писатель Миклош Зриньи (Никола Зринский). С этой целью в 1666 г. возник дворянский заговор против Леопольда I; после раскрытия заговора последовали репрессии. В 1680 г. обстановку дестабилизировало восстание магната Имре Тёкёли, захватившего Верхнюю Венгрию (совр. Словакия) и создавшего там собственное княжество, ставшее вассалом Османской империи. Королю пришлось возобновить деятельность сеймовых учреждений, прерванную в 1673 г.

Государственное собрание 1681 г., как уже отмечалось, показало невозможность осуществления политики абсолютизма в Венгрии в те годы.

В австро-турецких войнах второй половины XVII в. Венгрия отвоевала Буду и значительную часть земель, захваченных турками. По мирному договору, заключенному в 1699 г. в Сремских Карловцах (совр. Сербия), королевство Венгрия, включая Трансильванию, восстанавливалось почти в границах до 1526 г. Трансильвания осталась самостоятельным княжеством в системе владений Габсбургов, сохранив свои законы и привилегии дворянства. В условиях войны с турками и их постепенного вытеснения с венгерской этнической территории Габсбурги доказали, что только они, в союзе с антитурецкой Священной лигой, являются реальной силой, способной изгнать османов с завоеванных ими территорий. Венгерское Государственное собрание уступило требованиям Габсбургов и в 1687 г. признало их право на наследственное владение венгерской короной, отказавшись от права на вооруженное сопротивление монарху. Это открывало путь к установлению абсолютизма и прекращало (правда, на время) гражданские войны, что способствовало стабилизации страны, измученной двумя столетиями войн.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В Речи Посполитой XVII в. ознаменовался апогеем «золотых шляхетских вольностей», что привело к трансформации шляхетской демократии в магнатскую олигархию. Усилился процесс внутренней дезинтеграции государственного управления, осознаваемый самими шляхтичами, недаром в это время появилось выражение «Польша держится непорядком» (*Nierządem Polska stoi*). Любая мера королевской власти по установлению хоть какого-нибудь порядка расценивалась шляхтой как нарушение законов страны и сразу же вызывала вооруженное сопротивление. Юрий Крижанич, хорватский католик, долго живший в России и стремившийся к славянской интеграции, придумал меткое слово, выражающее сущность магнатской олигархии, – «вольнобесие». Ситуацию в стране обостряла усилившаяся после Брестской церковной унии 1596 г. конфронтация конфессий: население белорусских земель в основном приняло унию, тогда как на украинских территориях сохранялась верность православию. Главной силой в этом регионе становится запорожское казачество, активно участвовавшее в войнах с турками и крымскими татарами, поэтому требовавшее уважения к своей православной вере и равных с польской шляхтой прав. Нежелание польских магнатов учитывать интересы казачества привело в середине XVII в. к войне под руководством гетмана Богдана Хмельницкого, которая закончилась вхождением в Россию Левобережной Украины и Киева.

XVII столетие принесло Речи Посполитой внешнеполитическую нестабильность, страна почти все время воевала. В этой атмосфере окончательно сформировался тип поляка-сармата как рыцаря-защитника западной христианской цивилизации перед угрозами мусульманского и православного мира. Одновременно рыцарь-сармат должен быть рачительным хозяином на своей земле, добрым помещиком по отношению к крестьянам, их покровителем. Сарматская ментальность кроме традиционных для польского шляхтича ка-

честв включала в себя значительный восточный элемент, как в манере поведения, так и во внешнем облике.

Наиболее наглядно это демонстрирует так называемый сарматский портрет – жанр живописи, ставший ведущим в польском искусстве эпохи барокко. Его цель – представить члена шляхетского сословия во всем блеске славы, поэтому главное в портрете – аксессуары знатности и власти, гербы и пояснительные надписи. Задача такого портрета – не психологическая характеристика конкретного человека, а создание социального архетипа. Иметь в своем доме галерею портретов предков, неважно, реальных или вымышленных, стало делом чести любого шляхтича, претендовавшего на место в обществе. Специфической разновидностью сарматского портрета стал надгробный портрет, помещавшийся на торце гроба, что было связано с длительными пышными похоронными церемониями, на которые съезжались многочисленные родственники покойного. С сарматским сознанием также связан расцвет гербовников и литературы, посвященной описаниям подвигов и доблестей. В XVII в. на значительное место выдвигается шляхта «кресов» – так по-польски стали называться восточнославянские земли Речи Посполитой (*Kresy Wschodnie* – букв. «восточные окраины»). Там велись наиболее ожесточенные военные действия, территория постоянно подвергалась набегам османов и крымских татар, население жило с ощущением непрекращающейся опасности. Эти факторы обеспечили значительную активность «кресовой» шляхты, по праву считавшей себя защитницей Европы и требовавшей учитывать ее интересы во внутренней и внешней политике.

Войны, в которых участвовала Речь Посполитая, следовали одна за другой, иногда накладываясь друг на друга. Страна стала одной из крупнейших держав, от которой зависела европейская политика. Кроме войн на востоке с Россией, на юге с Османской империей и Крымом, из-за стремления польских королей из рода Ваза (Васа) получить шведскую корону Речь Посполитая была вовлечена в первой половине XVII в. в династическую войну. Отношения с Габсбургами оставались напряженными, несмотря на общие цели в освобождении Европы от турок. Ход военных действий показал, что без военного участия Польши победа над Османской империей одними силами державы Габсбургов невозможна.

Попытка Сигизмунда III (1587–1632) укрепить свою власть столкнулась с решительным сопротивлением шляхты, объединившейся вокруг краковского воеводы М. Зебжидовского. «Рокош» Зебжидовского вылился в гражданскую войну (1607–1609), в которой победила «кресовая» шляхта. Король был вынужден отказаться от планировавшихся реформ. «Кресовая» шляхта оказала помощь русскому авантюристу, бежавшему в Литву и выдававшему себя за чудом спасшегося царевича Димитрия, сына Ивана Грозного. Поддержка Лжедмитрия I стала поводом для вооруженного вторжения в Московское государство, предпринятого шляхтой без предварительного согласования с королем, который, впрочем, поддержал вместе с польскими иезуитами претензии самозванца. Смута начала XVII в. создала великолепный предлог для вмешательства Речи Посполитой в русские дела (см. гл. «Смута в России в конце XVI – начале XVII века»).

В 1611 г. русское правительство («семибоярщина») избрало на русский трон польского королевича Владислава ипустило в Кремль польский гарнизон. Взятие войском Сигизмунда III Смоленска, победоносные рейды конницы гетманов Жолкевского и Сапеги, неэффективное участие шведской

армии в войне на русской стороне, переход значительной части боярства на сторону поляков и Лжедмитрия II показали, что Москва стоит на грани краха. В изменившиеся планы Сигизмунда III уже входило коронование царской короной и присоединение Московской Руси к Речи Посполитой. Однако начавшийся подъем русского освободительного движения позволил войску Минина и Пожарского в 1612 г. освободить Москву от поляков и пытавшихся ее захватить казаков атамана Заруцкого. Кстати, в боях за Москву единственное свое поражение потерпел выдающийся полководец гетман Я.К. Ходкевич, чьи родственники в Литве поддерживали православие. Сложное переплетение личных, групповых, национальных, государственных, династических и конфессиональных интересов, сконцентрировавшихся в «Смутное время», не позволяет современным историкам делать однозначные оценки происшедшего и говорить только о негативном воздействии Речи Посполитой, тем более что именно с этого времени начинается мощное влияние Польши, а через нее и Западной Европы, на культуру России, что в итоге подготовило реформы Петра I. Можно утверждать, что культурный и политический «прорыв в Европу», сопровождавшийся территориальными приобретениями, Россия начала именно со «Смутного времени» благодаря польскому воздействию. В 1613 г. в результате выборов на соборе к власти в Русском государстве пришла новая династия Романовых. Попытка поляков в 1617 г. провести реванш закончилась крахом. Этому способствовала возобновившаяся война со Швецией, которая велась еще с 1600 г. В 1632 г. избранный польским королем Владислав IV вновь начал войну с Москвой и взял Смоленск, но перед угрозой военного конфликта со Швецией в 1634 г. заключил мир, отказавшись от претензий на русский трон.

Хотя официально Речь Посполитая не участвовала в Тридцатилетней войне, она воевала со Швецией и боевые действия проходили на польско-литовской территории. В этой войне она потеряла Ригу и Дерпт (Тарту), но сохранила Гданьское Поморье, хотя и в разоренном виде. Попытке Сигизмунда III оказать помощь Фердинанду II в покорении восставших в 1618 г. чешских сословий воспротивилась польская шляхта, справедливо увидевшая в этом предостережение в свой адрес; к тому же она всегда была настроена антигабсбургски. Тридцатилетняя война ничего не принесла Речи Посполитой, но в том же 1648 г. началось казацкое восстание гетмана Б. Хмельницкого, приведшее к переходу части земель Речи Посполитой к Московскому государству в 1654 г. Русско-польская война, в ходе которой русские войска взяли Смоленск и Гомель, вызвала новую смуту в Польше, чем воспользовалась шведская ветвь династии Ваза. В 1655 г. произошел так называемый «Потоп»: шведы без боя заняли почти все польско-литовские земли, воспользовавшись изменой литовских магнатов Радзивиллов и других аристократов польскому королю Яну Казимиру (1648–1668). Сорокатысячная армия Карла X Густава буквально затопила Польшу. Началась затяжная полупартизанская война против шведов, главной силой которой стала шляхта, поддерживавшая своего короля из стремления ограничить своевластие магнатов. Результаты «Потопа» оказались катастрофичны: население страны сократилось на треть или четверть, сельское и городское хозяйство было разорено. В результате усилилась крепостническая эксплуатация крестьянства, что упрочило положение магнатов – владельцев обширных поместий.

Воспользовавшись ослаблением Польши, Россия в 1658 г. возобновила войну за Украину. В 1660 г. Польша и Швеция заключили Оливский мир, признав границы, существовавшие до «Потопа». По Андрусовскому перемирию (1667) и затем по условиям «вечного мира» (1686) Россия вернула Смоленск и приобрела Левобережную Украину с Киевом. Эти события стали сильными потрясениями для государственной и военной системы Речи Посполитой. Королевская власть ослабела, а шляхта стала открыто злоупотреблять своими привилегиями, в частности правом *liberum veto*, т.е. необходимостью единогласного принятия решений на сейме. Достаточно было одному шляхтичу выйти вперед и крикнуть «Не позволю!», как сейм становился недееспособным. Впервые такой срыв работы сейма зафиксирован в 1652 г. Магнатская олигархия часто использовала зависимую от нее мелкую шляхту (обычно методом подкупа), манипулируя голосованием на сейме. То, что в условиях постоянных войн, территориальных и людских потерь, начинавшейся анархии Речи Посполитой в первой половине XVII в. удалось не только выжить, но и сохранить положение великой державы и боеспособную армию, вызывает удивление историков.

На элекционном сейме 1669 г. мелкая и средняя шляхта взяла реванш: королем был избран ее кандидат Михаил Вишневецкий, оказавшийся абсолютно бездарным и безынициативным правителем, что, впрочем, устраивало все группировки шляхты. В 1672 г. началось османское нашествие: турки захватили Подолье и дошли до Львовщины и Краковщины. Польша была вынуждена заключить унижительный мир и выплатить султану большую дань. Это вызвало недовольство шляхты. Победа над турками под Хотином (1673), одержанная гетманом Яном Собеским, показала значительный потенциал польской армии, но не прекратила турецко-татарских набегов. Благодаря ореолу победителя турок Ян Собеский был избран шляхтой на королевский престол (1674–1696). Польша вошла в Священную лигу (1684) против Турции и оказала решающее влияние на ход войны, которую в основном вели Габсбурги. Последний успех турок в Европе – осада Вены в 1683 г., угрожавшая в случае падения столицы Габсбургов новой волной опустошения европейских земель. Положение спас Ян III Собеский, который прибыл к стенам Вены с 30-тысячной армией, в основном состоявшей из полков польских гусар. Получив за победу над турками под Веной от римского папы титул «спасителя христианства и Европы», польский король запечатлел в истории

Ежи Шимонович-Семигиновский. Ян III Собеский под Веной. Гравюра 1686 г.

доблесть польского оружия. По миру 1699 г. в Сремских Карловцах Польша вернула себе многие земли, в основном украинские, захваченные турками. Однако во внутриполитических делах Ян III Собеский оказался слабым правителем. Элекционный сейм 1697 г. вызвал острое противостояние магнатских партий. Конкуренция французской и саксонской кандидатур закончилась победой того, кому оказывал поддержку Петр I. Так, Россия, которая в начале XVII в. была объектом военной экспансии Речи Посполитой, в конце века превратилась в державу, влиявшую на политику соседних государств. С этого времени Речь Посполитая входит в сферу российских интересов, что и показала начавшаяся в 1700 г. Северная война, вновь, как и в 1600 г., обострившая польско-шведские отношения.

* * *

Польская культура XVII в. принесла плоды почти во всех видах художественного творчества. Хотя наука и образование переживали регресс, на этом фоне рывок вперед осуществила православная культура Речи Посполитой: коллегия, основанная киевским митрополитом Петром Могилой (Киево-Могилянская академия), стала тем учебно-научным учреждением, которое осуществило синтез православной веры и западной образованности, и позднее оказала сильное влияние на русскую культуру. Искусство Речи Посполитой рано восприняло барочную стилистику, которая как нельзя лучше подходила смутному и военному XVII в. Его условия наложили суровый отпечаток на польскую литературу: она вновь стала по преимуществу рукописной. В ней, как и в изобразительном искусстве, господствовал стиль сарматского барокко с его пышностью, велеречивостью, аллегоричностью и эмблематичностью. Выдающимися поэтами, писавшими преимущественно на польском языке, были представители семейства Морштынов С. Твардовский, В. Коховский, В. Потоцкий. По-прежнему создавались сатирические сочинения, бичующие нравы. Появляются огромные по объему стихотворные исторические хроники. Отстраивается новая столица Варшава, в архитектуре которой сказывается сильное влияние голландского и французского зодчества. Королева Мария Казимира Собеская, француженка по происхождению, покровительствовала своим соотечественникам. Новая резиденция Собеских, Вилянов под Варшавой, строится по типу версальского дворцово-паркового комплекса и станет образцом нового, помещичьего, типа польской усадьбы.

Появляется новый центр религиозной жизни – монастырь Ясна Гура в Ченстохове, где находится чудотворная икона Божией Матери, почитаемая и католиками, и православными. Отразив в 1655 г. нападение шведских войск, монастырь расширяется и перестраивается в барочном стиле, особое значение придается капелле с чудотворной иконой, которая стала почитаться как спасительница Польши. Культ Ченстоховской иконы Божией Матери широко распространяется на территории Речи Посполитой, становясь ее национально-государственным сакральным символом и несколько смягчая противоречия между католиками и православными. Кстати, по Андрусовскому перемирию Россия получила право защищать интересы православного населения Речи Посполитой в условиях противостояния и с католиками, и с униатами.

В музыке в первой половине XVII в. отмечается ранний расцвет барочного стиля. Новые веяния приходят из Италии. Под их влиянием проходит творчество М. Зеленьского, ознаменовавшее переход от ренессансной полифонии к барочной. К вершинам барочной музыки относятся церковные и светские сочинения М. Мельчевского, Б. Пенкеля, А. Яжембского, позже С. Шажиньского; до середины XVII в. польская музыкальная культура не уступала лидерам общеевропейского раннего барокко.

И в поэзии, и в живописи одной из ведущих становится тема смерти. Иногда она сопрягается с военной темой, но чаще является самостоятельной. «Триумф смерти» – сюжет, распространенный в европейской барочной культуре, – в Польше приобретает особый размах и трагизм. Другой полюс – воспевание земных радостей, по-славянски масштабное. В целом это создает стереоскопическую картину человеческого существования на грани пропасти в годину испытаний.

РОССИЯ ОТ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ ДО ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Российский социум состоял из множества так называемых «чинов» – социальных групп, которые по представлениям людей того времени образовывали строгий иерархический порядок*. Все государевы подданные разделялись на две основные группы: тяглые люди (т.е. платившие «тягло» – налоги) и привилегированные нетяглые. Освобождение от налогового бремени имели военные (служилые люди), бюрократия (приказные люди), духовенство и служилые иноземцы. Служилые люди «по отечеству», в отличие от «служилых людей по прибору», происходили из фамилий разной степени родовитости, издревле служивших русским князьям на военной, административной и дипломатической службах. Среди них были как роды титулованные (т.е. князья), так и нетитулованные. Служилые люди занимали думные и придворные чины, а также менее престижные чины московские и городовые. Каждый город имел свою дворянскую корпорацию. Городовые дворяне составляли главную силу дворянского ополчения. За свою службу они наделялись царской милостью: поместью землей и денежным окладом. Служилыми людьми «по прибору» являлись пушкары, оружейники и другие мастера военного дела, люди, которых поставляли в войско тяглые дворяне городов и деревень, а также поверстанные в службу казаки и стрельцы. Последние являлись кремлевской охраной. Стрельцы избирались обычно из московских посадских людей, они жили своей слободой, подчинялись Стрелецкому приказу, из которого получали хлебное и денежное жалованье.

В 30-х годах были созданы полки нового (или иноземного) строя, которые вооружали и обучали по западным образцам. В командовании ими участвовали приглашенные иностранные офицеры. К концу века полки нового строя (солдатские – пехотные и рейтарские – конные) уже составляли значительную часть армии. Полки формировались путем набора «даточных людей»: с каждых ста крестьянских дворов брали одного человека в год. Однако эти полки не были в полной мере регулярной армией, при отсутствии войны они распускались по домам.

Бюрократию в Московском государстве представляли дьяки и подьячие, служившие в приказах и в XVII в. ставшие весьма многочисленной и влиятельной группой в обществе. Трое дьяков обычно входили в состав Думы.

Своя лестница чинов имела и у духовенства. Оно делилось на белое и черное (монашество). Все высшие церковные иерархи относились к черному духовенству. Церковный причт, помимо священников и дьяконов, включал в себя множество мелких должностей (певчие дьячки, пономари, просвирни и пр.). Приходское духовенство имело небольшие участки земли и получало

* «Чин» в понимании того времени – определенный социальный ранг (сравнимый с современными военными чинами), его не следует путать с должностями.

«ругу» – содержание от прихожан. Монастыри владели обширными землями с крестьянами, которые жаловали им за церковное поминовение усопших.

Тяглые группы пополняли государеву казну деньгами и исполняли «казенные службы»: строили мосты, прокладывали дороги, содержали кабаки, собирали налоги и делали многое другое. Купечество с наибольшим капиталом, имевшее заграничные торги, входило в Гостиную сотню. За ним следовали купцы, относившиеся к Суконной сотне, затем – более мелкие торговцы и ремесленники: так называемые «посадские люди». Они жили в слободах, образовывавшихся по профессиональному признаку (Рыбная, Бронная, Пушкарская и пр.). «Тягло» платили со слободы, а с небольших городов – всем посадским населением города, иначе говоря, внутри своей общины ее члены решали сами, кому и сколько платить. Привилегированную касту среди ремесленников составляли государевы мастеровые люди, обслуживавшие дворец. Крестьяне в XVII в. в подавляющем большинстве имели хозяев – либо помещиков и вотчинников (частновладельческие крестьяне), либо государя (дворцовые и государевы крестьяне), либо церковь (патриаршие и монастырские крестьяне). В наиболее тяжелом положении находились крестьяне небогатых помещиков, которые при своей малочисленности должны были обеспечивать благосостояние хозяев. Климатические условия средней и северной полос России с их продолжительным зимним периодом давали возможность крестьянам в это время заниматься различными мелкими ремеслами и отхожими промыслами. Большую прослойку общества составляли дворовые люди или холопы, которые состояли в кабальной зависимости разного типа, подписав на себя кабальную запись или имея похолопленных родителей. Они не пахали земли, а работали на хозяев за кров, хлеб и защиту. Выгнать холопа хозяин не имел права, он мог быть только передан другому владельцу. Холопов имели представители практически всех «чинов», кроме помещичьих крестьян. На «дне» общества находились наемные рабочие, исполнявшие различную «черную» работу и получавшие за нее плату; так оплачиваемая работа была презируемой. В отличие от них нищие и убогие, жившие от милостыни населения, имели уважаемый статус.

В России XVII в. постоянно находилось значительное количество иностранцев разных этносов, социальных групп и профессий: военных, купцов, мастеров, врачей, дипломатов, плененных и беженцев. Еще с XVI в. иностранцы были выделены в особый «чин» русского общества со своим правовым статусом. Они восполняли недостаток отечественных специалистов (инженеров, рудознатцев, архитекторов и т.д.). Через «служилых» и «торговых» иностранцев осуществлялось поддержание связей с Западом. Иностранцы имели как привилегии (в налогообложении и торговых пошлинах), так и ограничения в правах. Власти старались изолировать их от русского населения и помешать распространению чужих религиозных воззрений. Практическая необходимость присутствия иностранцев в стране не исключала развития ксенофобии в сфере церковной жизни. Правительство разработало систему экономических и социальных мер, подталкивающих иностранцев к переходу в православие. Иностранцы, не принимавшие православия, испытывали подозрительное отношение к себе, их старались склонить к перекрещиванию и чинили всевозможные препятствия к отъезду из страны.

Помимо вышеуказанных, существовали и иные более мелкие группы населения, которые было принято определять термином «люди разных чинов» (что позднее превратилось в слово «разночинец»).

СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ

Самодержцы Романовы. Московские бояре Романовы в 1613 г. стали новой правящей династией. Детские годы первого Романова, царя Михаила Федоровича, пришлись на тяжелое Смутное время, когда его опальная семья оказалась рассредоточенной по дальним монастырям. Заурядный юноша занял престол по стечению обстоятельств и не был подготовлен к несению такого тяжкого бремени. С 1619 по 1633 г. никакие государственные решения не принимались без воли его отца патриарха Филарета*, но и потом царь всегда советовался с боярами и «всей землей».

Повысить престиж новой династии был призван брак с какой-либо представительницей королевского дома Западной Европы. После провала этих попыток в Дании и Швеции пришлось отказаться от поиска царской невесты за границей. Первый брак Михаила Федоровича не продлился и месяца в связи со смертью его жены Марии Долгорукой, вторым браком с 1626 г. он был женат на дочери мелкопоместного Можайского дворянина Евдокии Стрешневой. У них рождались дочери, супруги обращались к святым старцам с просьбой о молении за появление наследника, и наконец в 1629 г. родился сын – царевич Алексей. Михаил Федорович показал себя правителем осторожным, склонным к компромиссам, но в конце жизни он вдруг отважился повторить попытку заключения династического союза, а именно брака своей дочери Ирины с принцем («королевичем») Вальдемаром, графом Шлезвиг-Гольштейнским (одним из 23 детей датского короля Кристиана IV, сыном отmorganатического брака, не имевшим прав на датский трон). Против этого проекта выступало все ближайшее окружение царя Михаила Федоровича. На переговорах в Копенгагене королю были даны обещания сохранить в России вероисповедание графа. Но в таком случае в состав Государева двора вошел бы неправославный человек, что его членам не представлялось возможным. Согласно посольской договоренности, граф Вальдемар приехал в Москву, однако его, лютеранина, здесь начали принуждать к переходу в православие, на что он категорически не соглашался. Возникла сложная ситуация: отпустить Вальдемара домой не могли – это было бы бесчестьем для невесты, но из-за его упорства в вопросах веры совершить брак не могли тоже. В разгар этого конфликта в июне 1645 г. царь Михаил скоропостижно умер, вскоре скончалась и его жена. Граф Вальдемар был отпущен домой с миром.

Шестнадцатилетний Алексей Михайлович, еще опекаемый своим дядькой, боярином Б.И. Морозовым, вступил на российский престол. Его царствование длилось тридцать один год. Алексей Михайлович был первым браком женат на Марии Милославской и имел 13 детей. В наследники престола готовили старшего сына Алексея, но он умер в 1670 г. не достигнув 16 лет, как говорили злые языки, оттого что слишком усердствовал в учебе. Наследником стал его младший брат Федор. Второй брак царя с Натальей

* В 1619 г. Филарет был освобожден из польского плена; в 1633 г. он скончался. До 1619 г. Михаил находился под влиянием матери и других родственников, которые, в частности, помешали его женитьбе на избранной на первых смотринах Марии Хлоповой.

«Большой наряд» царя Михаила Федоровича. 1627–1628 гг. Оружейная палата, Москва

Нарышкиной принес ему сына Петра (1672 г.) и дочь Наталью (1673 г.). Любитель соколиной охоты и церковного пения, царь Алексей Михайлович уделял много внимания и государственным делам, постоянно работал, не расставаясь с пером и бумагой, обычно участвовал в заседаниях Боярской думы, возглавлял военные походы. До настоящего времени сохранилось его обширное эпистолярное наследие. Личная канцелярия Алексея Михайловича вскоре превратилась в Тайный приказ, который фактически и возглавлял сам царь. Приказ занимался практически всеми делами, к которым Алексей Михайлович проявлял внимание, тайно контролировал деятельность других приказов.

После смерти Алексея Михайловича в 1676 г. царский престол перешел к его 14-летнему сыну Федору – тяжело больному, но решительному и неглупому юноше. При нем активно работала Дума и ее комиссии, после длительного перерыва, в 1682 г., был вновь созван Земский собор. Федор правил шесть лет и не оставил наследника. На российский престол в результате стрелецкого восстания возвели двух его еще несовершеннолетних братьев: Ивана и Петра (род. в 1672 г.), их опека поручалась старшей сестре царевне Софье Алексеевне. Она имела фаворита князя В.В. Голицына, который стал на первых ролях участвовать в управлении государством. Однако два организованных им Крымских военных похода прошли с малым успехом и большими потерями, что не принесло ему популярности.

Пока власть находилась в руках царевны Софьи и князя В.В. Голицына, вдовствующая царица Наталья Кирилловна с сыном Петром проживали в

подмосковных селах Преображенском и Измайлове. В подростковом возрасте Петр жил вдали от столичных дел и развлекался со сверстниками, организуя «потешные полки» для военных игр и других забав. Со временем эти созданные для «потех» войска превратились в два батальона по 300 человек в каждом. В 1689 г. Петру исполнилось 17 лет, и его отношения с Софьей стали очень напряженными. Софья боялась «потешных» Петра, Петр – верных царевне стрельцов. Поверив слуху, что стрельцы идут в поход против него, он бежал из Преображенского и укрылся за стенами Троице-Сергиева монастыря. Вскоре вслед за ним пришли его полки – Преображенский и Семеновский. Петра против Софьи поддержал патриарх, многие думные люди и некоторые стрелецкие полки. Софья оказалась в изоляции. Власть перешла в руки Петра. Князь В.В. Голицын был сослан, а Софья заключена в Новодевичий монастырь. Царь Иван не вмешивался в государственные дела, в 1696 г. он умер. Установилось единовластие царя Петра Алексеевича.

Боярская дума. Романовы правили страной в тесном сотрудничестве с Боярской думой. Этот орган государственного управления состоял из четырех думных чинов: бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки. Первые два чина занимали представители наиболее родовитых фамилий – княжеских и боярских. Однако далеко не все члены этих семей попадали в Думу – думным чином жаловал царь. Думные люди занимались государственными делами вместе с царем и по его поручению. Бояре возглавляли полки, являлись городовыми воеводами, руководили крупнейшими приказами, исполняли придворные службы. При назначениях на должности и на места в придворных церемониях вступал в силу механизм местнических традиций: полученное назначение сравнивалось с должностями, на которых ранее служили предки, и если оно оказывалось разрядом ниже или в подчиненном положении к менее значительному роду, то это воспринималось в качестве бесчестия. В этом случае думные люди отказывались выполнять царское распоряжение и приступать к исполнению службы, предпочитая царский гнев и опалу принятию недостойной их должности. Только думными чинами – царской милостью – не местничались никогда. В Разрядном приказе «ведались разряды», т.е. фиксировались и хранились все указы о дворянских назначениях на службу, о пожалованиях в думные чины. Эти документы были необходимы при местнических спорах. Со временем местнические отношения становились все более запутанными, в местнические споры стали вступать между собой даже незнатные лица. Все это парализовало административную и военную деятельность, делало и повседневную жизнь людей утомительной. Поэтому часто государь объявлял то или иное мероприятие как совершающееся «без мест», но и тут его распоряжениям подчинялись не все. В ноябре 1681 г. последовал указ царя Федора Алексеевича об окончательной отмене «враждотворного местничества», который в 1682 г. был одобрен «всею землею». Местничество, таким образом, де-юре было упразднено.

Численность Думы к концу века значительно увеличилась за счет роста количества людей в двух ее нижних чинах. Родовитые бояре стремились провести в них представителей своего клана и тем усилить его. Дума становилась непомерно разросшимся и малоэффективным органом. Петр I не упразднял Думу, он просто перестал делать пожалования в думные чины и собирать ее на совет. Так постепенно Дума прекратила свое существование.

Приказы. Судебные, финансовые и административные задачи в общегосударственном масштабе выполняли московские приказы, а на местах – приказные избы и воеводские управления. Воеводам подчинялись выборные губные и земские старосты, а сами они контролировались приказами и Думой. Имелось три группы приказов: 1) общегосударственные отраслевые (например, Поместный приказ ведал дворянскими землями, Стрелецкий – стрелецким войском, Посольский являлся дипломатическим ведомством, Иноземский приказ контролировал службу иностранных военных и пр.); 2) территориальные (например, Сибирский, Казанский, Малороссийский) и 3) дворцовые (например, приказ Большого дворца, Конюшенный и др.). Всего к концу века насчитывалось до 80 различных приказов.

Земские соборы. Земские соборы стали характерной чертой функционирования власти в XVII в. Термин «Земский собор» начал использоваться в XIX в. историками, а современники его называли «собор всея земли», иначе говоря, съезд выборных людей от всех групп населения. В состав «полного» Земского собора входили: Боярская дума, Освященный собор (высшее духовенство), представители московской и провинциальных дворянских корпораций («городов»), представители горожан (в основном, купцы и ремесленники). В первые годы правления Михаила Романова соборы созывались ежегодно, они помогали царю вырабатывать решения в ситуации войн со Швецией и Польшей и страшной хозяйственной разрухи. Потом соборы созывались реже. Последний собор полного созыва действовал при Алексее Михайловиче в 1653 г. в связи с вопросом о включении Украины в состав Российского государства. Проводились и соборы неполного состава, когда кроме Боярской думы и высшего духовенства присутствовали те, кто находился в данный момент под рукой: московские дворяне, гости, случайно оказавшиеся в Москве провинциальные дворяне.

Соборы являлись расширенным царским Советом, созываемым по воле царя для консультации в важных государственных вопросах. Их деятельность не была регламентирована: отсутствовала регулярность их созыва и какой-либо установленный порядок представительства от разных чинов.

Портрет царя Алексея Михайловича. Конец 1670 – начало 1680-х годов. Незвестный художник. Государственный исторический музей, Москва

Выборы депутатов на местах происходили каждый раз по-разному. Деньги на дорогу и проживание в Москве городских выборных людей собирала делегировавшая их «земля» (община). Участие депутатов в Земском соборе рассматривалось как государственная повинность. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на соборах, было установление новых и чрезвычайных налогов. Правительство хотело иметь согласие «всей земли» на их введение. Решение проблемы с налогами косвенно влияло на принятие таких важных постановлений, как объявление войны или заключение мира.

В 1648 г. был созван Земский собор в результате восстания в Москве. Восставшие требовали от правительства наведения порядка в столице, казни некоторых «злонамеренных» бояр, в том числе дядьки царя боярина Б.И. Морозова, и установления налаженного судопроизводства. Срочно созванный Собор принял решение о создании нового свода законов – Соборного уложения, который составляла утвержденная Собором комиссия во главе с боярином князем Н.И. Одоевским. В Соборе 1648–1649 гг. участвовало 340 человек.

Соборное уложение. Собор одобрил проект нового свода законов, к которому было еще добавлено около 60 статей, составленных на основе челобитных, поданных выборными. Соборное уложение состояло из 25 глав и содержало около тысячи статей. Оно было впервые в истории законодательства России отпечатано типографским способом и распространено по всей стране. На его основе, вместе с «новоуказными статьями», которые добавляли неучтенные в нем юридические казусы, осуществлялось российское судопроизводство вплоть до 1832 г.

Наиболее значимыми явились следующие законоположения. В главе о посадском населении говорилось об упразднении «белых» слобод, не подлежащих налогообложению в качестве частных владений. Их существованием возмущались тяглецы «черных» слобод, несших на себе всю тяжесть городских повинностей. Строго запрещался переход горожан из одного посада в другой, даже вследствие брака. Крестьяне лишались возможности держать лавки в городах и могли торговать лишь с возов, давая таким образом торговле горожан больше преимуществ. В главе о поместьях и вотчинах содержались статьи, разрешавшие обмен поместных земельных владений на вотчинные, что закрепляло уже начавшийся процесс слияния этих двух категорий земельных владений в одну. В главе «Суд о крестьянах» объявлялось: «а крестьян искать без урочных лет», иными словами, вводился бессрочный сыск беглых и свезенных крестьян. Сохранялось специальное законодательство для иностранцев, чем подтверждался их особый правовой статус. Устанавливалось новое учреждение, Монастырский приказ, судебный орган, благодаря которому суд над духовенством, к великому его неудовольствию, переходил в руки светских лиц. В Соборном уложении была произведена четкая расценка, на основе которой каждый подданный мог получить денежную компенсацию за свое бесчестье. Каждое «место» получало свою «цену»: фактически «бесчестили» место, а не человека как такового. Так, например, ямщик оценивался в 5 рублей, певчий дьяк – в 3 рубля, церковный конюх – в рубль. За пределами государственной «лестницы» оказывались осужденные преступники (воры и изменники) и наемные работники (поденщики).

Издание Соборного уложения не прекратило выработку дополнительных к нему законодательных актов. Так, важным законодательным мероприятием

в отношении купечества и торговли стало введение в 1653 г. Нового торгового устава, который в 1667 г. был дополнен очередными статьями. Согласно его положениям, с любого товара (кроме соли) взималась единая пошлина – 5 коп. с рубля, помимо этого иностранному купечеству разрешалась только оптовая торговля в пределах Российского государства. Главным портом России являлся Архангельск, куда и прибывали иностранные купцы со своими товарами и могли проехать в глубь страны только с царского разрешения.

Церковная власть. Патриархи московские. Царь как наместник Бога на земле не делал существенного различия между делами государства и делами Церкви: решение этих дел в обоих случаях являлось его прерогативой. Происходило перетекание функций власти от духовной к светской. Однако в XVII в. рядом с царем появилась фигура патриарха Московского – церковного владыки, и идея о том, что всякое дело, в том числе и церковное, совершается «по царскому изволению», стало подвергаться сомнению со стороны патриаршей власти. Это создавало вместо желаемой «симфонии» двух властей определенную напряженность между ними, взаимоотношения царя и патриарха каждый раз складывались в новую комбинацию в зависимости от личностных особенностей обоих.

Патриарх был лицом не только церковным, но и государственным. Царь и патриарх вынуждены были находиться в постоянном личном контакте, вместе осуществляя церковные службы и дворцовые церемонии, разделяя трапезы и держа друг с другом совет. Временами, как в случае с патриархом Филаретом, глава Церкви оказывал первенствующее влияние на ход государственных дел, однако решающим фактором явилось то, что Филарет был отцом государя. Патриарха Филарета сменил Иоасаф (1634–1640), затем сан получил Иосиф (1642–1652), который мало импонировал царю Алексею Михайловичу. После смерти Иосифа царь с удовлетворением утвердил на патриаршество своего любимца – митрополита Новгородского Никона, но произошедший между ним конфликт привел к низложению и заточению Никона. В 1667 г. патриархом стал ничем не проявивший себя Иоасаф II, затем меньше года (с июля 1672 по апрель 1673) патриарший престол занимал новгородский митрополит Питирим. С 1674 по 1690 г. патриархом Московским был архимандрит Чудова монастыря Иоаким. Сдержанный при царе Алексее Михайловиче, он занял главенствующее положение во власти при юном царе Федоре. Однако, мужая, Федор осмеливался противоречить властному патриарху, а в последний год своего правления царь вопреки Иоакиму задумал проведение реформы епархиального управления. Последним патриархом был Адриан (1690–1700). После его смерти царь Петр Алексеевич решил, что можно обойтись и без патриаршей власти и не стал созывать Церковный собор для избрания нового церковного главы.

Церковные соборы являлись, наряду с Думой и Собором всея земли, еще одним совещательным учреждением при московских царях по церковным проблемам. Царь всегда был инициатором всех Церковных соборов; он определял состав участников и проблемы, которые следовало обсуждать, он же утверждал принятые решения. На Церковных соборах часто присутствовали члены Боярской думы и принимали участие в решении вопросов, так же как и представители духовенства присутствовали на Земских соборах и были вхожи в Думу. Различие между Боярской думой и Церковными соборами заключалось в том, что первая была постоянным учреждением, тогда как Церковные соборы созывались только на срок для обсуждения чрезвычайных вопросов.

В обычное же время церковное управление осуществлялось патриаршей и архиерейской властью. Однако в состав этой власти было включено немало светских лиц. Патриарх и архиереи имели своих патриарших бояр, дворян, дьяков, тиунов и прочих служилых людей, осуществлявших административные, судебные, хозяйственные и даже военные функции в церковном ведомстве. Архиереи имели обширные права и полномочия в своих владениях, иногда они управляли целыми областями. Однако все их земли и привилегии являлись царским пожалованием.

Выбором и поставлением первоиерархов и епархиальных архиереев Русской церкви занимались избирательные Церковные соборы. Обычно избирался тот кандидат, на которого указывал государь. Сложилась практика вызова в Москву нескольких епархиальных архиереев, сменявших друг друга, с тем чтобы в случае необходимости имелась возможность созвать их на совет. Архиереи приезжали со своей свитой и своим церковным хором и с благословения патриарха служили в московских церквах. В XVII веке частыми участниками соборов были греческие иерархи, постоянно приезжавшие в Москву за царской милостыней. Значительным событием оказывались созывы больших, или «кистинных» Церковных соборов, решавших вопросы веры и благочестия. Такие соборы созывались в расширенном составе.

В XVII в. состоялось около 50 Церковных соборов. Одной из важнейших их функций была законодательная. Собор 1620 г. вынес вердикт об осуждении Брестской унии (1596 г.) и решал проблему способов приема в Русскую церковь западных христиан, а также представителей Киевских православной и униатской митрополий. Постановления собора отражали негативную реакцию русского общества на события Смутного времени. Даже единоверные украинцы виделись теперь не в полной мере православными, и требовалось их крестить заново; само собой, что этому обряду следовало подвергать католиков, протестантов, мусульман и прочих. Не исключено, что определения собора распространялись и на православных греков. Законодательство патриарха Филарета в отношении западных христиан и немосковских православных было аннулировано на Большом соборе 1666–1667 гг. Тема отношения к украинскому и белорусскому православию актуализировалась в период попыток заключения в Киевской митрополии «новой унии» и поднималась на соборных слушаниях 1627 г. Два украинских сочинения: «Катехизис» Лаврентия Зизания и «Евангелие учительное» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого – были признаны еретическими. Соборные слушания 1645 г. посвящались вышеупомянутому «делу» графа Вальдемара. В 1649 и 1651 гг. состоялось два собора о единогласном пении, т.е. способе произнесения текстов во время литургии. Они показывают, что в согласованных действиях царя и Церковных соборов бывали и исключения. Молодой Алексей Михайлович созвал собор, чтобы настоять на принятии им указа о замене многогласного пения (т.е. одновременного чтения разных текстов) во время богослужений единогласным. Однако собор не поддержал царя, а царь не утвердил решений собора. Тем не менее при повторном решении этого вопроса на Соборе 1651 г. русская традиция многогласного пения была осуждена, и каноничным признана только строгая последовательность песнопений одно за другим.

На соборах 1654–1656 гг. при патриархе Никоне церковно-обрядовая реформа была признана необходимой и утверждены пути ее ведения. Определившиеся противники реформы, получившие название старообрядцев, на

этих соборах подверглись церковному отлучению. Но вскоре и организатор реформы патриарх Никон был подвергнут соборному осуждению. В 1660 г. начался ряд соборов, посвященных «делу патриарха Никона». Большой собор, названный вселенским, так как в своих функциях выходил за рамки местного, состоялся в 1666–1667 гг. Он осудил старообрядцев, низложил патриарха Никона, подтвердил начатые им церковные преобразования, рассмотрел проблему соотношения власти царя и патриарха. В 1682 г. Церковный собор отклонил все царские предложения о проведении епархиальной реформы, а настоять на своем находившийся на пороге смерти Федор уже не смог. Собором 1690 г. было признано недопустимым ведение литургии, основанной на католическом учении о времени пресуществления Святых Даров, и повторно запрещены сочинения Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, тексты Петра Могилы и других украинских богословов.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Результаты войн со Швецией и с Польшей первой четверти века во многом определили дальнейшие задачи внешней политики России. Прежде всего, ставилась цель вернуть потерянные регионы: южные берега Финского залива, Смоленск и Черниговско-Северские земли. Важнейшим противником России являлась Речь Посполитая. Внутри этого государства русское правительство находило потенциальных союзников в лице единомышленников. С главами Киевской православной митрополии впервые после разделения в XV в. восточнославянской церкви на две кафедры (Киевскую и Московскую) были установлены дипломатические контакты. Высшая духовная власть в Киеве (при отсутствии светской православной в Речи Посполитой) рассматривалась как представительница всего народа (система этнархии). Таким образом, сложилось определенное противоречие: во внутренней церковной политике русские власти признавали киевское православие искаженным, в то время как во внешней старались использовать факт его существования в своих международных проектах. Более того, они всеми силами пытались сохранить киевлян от подчинения унии. Помимо православного духовенства московское правительство установило прочные контакты с крепнувшей социальной силой Речи Посполитой и главным борцом с унией – казачеством. Ведя переговоры о потенциальном принятии части казачества в русское подданство, всячески поощряя миграцию в Россию (начало формирования Слободской Украины), московское правительство рассчитывало на участие Запорожской Сечи на своей стороне в готовящейся войне, получившей название Смоленской.

В 1632 г. после смерти Сигизмунда III в Речи Посполитой началось бескорольевье и сложилась благоприятная ситуация для войны с ней. Русские войска под руководством боярина князя М.Б. Шеина осадили Смоленск, но взять его не смогли. В затянувшейся осаде войско потеряло свою боеспособность, и Шеин сдался на милость новому польскому королю Владиславу IV, бывшему претенденту на российский престол. В 1634 г. был подписан Поляновский мирный договор, по которому Речь Посполитая сохраняла прежние границы, а Владислав отказывался от претензий на московский трон. Боярин М.Б. Шеин за сдачу Смоленска был казнен.

Ратификация договора растянулась на долгие годы, вопрос о границах был решен к середине 40-х годов XVII в. К этому времени между бывшими врагами наметился план совместной борьбы с Крымом. Тогда же киевский православный митрополит Петр Могила, с которым русские патриархи разорвали дипломатические отношения из-за попыток заключения «новой унии», сумел восстановить контакты с Москвой. Он активно посредничал в «деле Вальдемара», пересылал в Москву мощи св. князя Владимира и во многом определил характер будущих церковных реформ в России. После смерти Могилы тесные контакты с Россией установил митрополит Сильвестр Коссов. Но когда встал вопрос о поддержке планов Богдана Хмельницкого по поводу принятия запорожским казачеством русского подданства, глава Киевской митрополии высказался категорически против. Со своей стороны, русское правительство далеко не сразу решилось оказать военную помощь антипольским и антиуниатским выступлениям Богдана Хмельницкого, заняв на шесть лет выжидательную позицию. В этот период наметился скрытый конфликт внутри не только светской, но и духовной власти. В период участвовавших переговоров с Богданом Хмельницким царского правительства патриарх Иосиф возобновил забытую к этому времени практику перекрещивания украинцев и белорусов. Об этом было хорошо известно Сильвестру Коссову, который заявлял по поводу русского протектората: «Они нас всех перекрестят». Замыслы духовной и светской властей совпали, когда на московскую кафедру взошел Никон, сторонник войны с Речью Посполитой за киевское наследство и поборник киевской учености. Война за Украину и Белоруссию была для Никона и его греческих сподвижников лишь прологом серии войн за построение православной империи (куда, помимо восточнославянских земель Речи Посполитой, планировалось принять Молдавию и Валахию; имперетинский князь Александр III в 1651 г. принес Москве вассальную клятву, хотя политических последствий это не принесло; поднимались и идеи освобождения Константинополя).

Как отмечалось, Земский собор 1653 г. принял решение о поддержке единоверцев в Речи Посполитой в их борьбе с католицизмом и унией. За этим шагом последовал разрыв «вечного мира» 1634 г. с Речью Посполитой и объявление ей войны. Одновременно из Москвы к гетману Войска Запорожского Богдану Хмельницкому было отправлено посольство, возглавляемое боярином и дворецким В.В. Бутурлиным. Представители русского духовенства в составе посольства везли шапку (символизирующую корону), крест и образ Спасителя. Местом переговоров был выбран пограничный г. Переяслав (казаки отказались от идеи принятия посольства в сакральной столице «всей Руси» – Киеве, о чем мечтали в Москве). Казачья верхушка на предварительном совещании, старшинской Раде, выработала условия заключения союзнического договора с Россией. Во многом они базировались на правовой системе Речи Посполитой. План предполагал взаимное клятвенное принятие обязательств, прописанных условий (гарантий свобод Гетманата) и денежных компенсаций со стороны России за принятие вассалитета. В.В. Бутурлин отказался от имени царя приносить присягу Войску Запорожскому, объяснив, что в правовой системе России цари не приносят присяги своим подданным. Региональная политика России была совсем иной. Практика присоединения новых территорий (отработанная в Сибири и Поволжье) основывалась на принесении присяги правителями этих земель царю с использованием фор-

мул «принять под высокую царскую руки» и «в вечное холопство». Конфликт едва не сорвал торжественную церемонию в Успенском соборе Переяслава. Старшины удалились на совещание. Но в конечном счете они приняли версию московского посла. На большой Раде (генеральном военном совете) гетман Богдан Хмельницкий, 284 старшины (верхушка казачьего войска), представляющие Киевское казачество, Черниговский и Брацлавский полки, а также мещанство Переяслава принесли присягу на верность царю Алексею Михайловичу. Они поклялись в том, «чтобы быть им с землей и городами под царской великою рукой неотступно». (Оригинальных документов Переяславской Рады не сохранилось. Существует лишь статейный список В.В. Бутурлина в Посольский приказ – черновой и белой варианты.) От лица царя гетману была вручена грамота и знаки гетманской власти: хоругвь, булава и горлатная шапка. (Следует отметить, что в русском правовом сознании принятие присяги означало вступление в подданство и являлось необратимым. Выход из подданства (нарушение присяги) рассматривался как государственная измена и жестоко карался.) После Переяславской Рады последовала масштабная компания крестоцелования. Представители московского посольства побывали в 117 городах и населенных пунктах Украины. На территории 17 полков присягнуло 127 тысяч человек. Отказались присягать ряд представителей казачьей старшины, некоторые казачьи полки и города, а также киевское духовенство во главе с митрополитом Сильвестром Коссовым.

Противодействие духовенства Киевской православной митрополии Богдан Хмельницкий компенсировал активной поддержкой греческого высшего духовенства, в том числе патриархов Христианского Востока. Параллельно в Москву выехало посольство Войска Запорожского для прояснения условий подданства и оформления письменного договора. Петиция к царю включала 23 «Статьи Богдана Хмельницкого» (оригинальный вариант не сохранился) и их чуть более поздний вариант – 11 статей (сохранился русский перевод в Посольском приказе с царскими резолюциями). В ответ в Москве посольство получило жалованные грамоты на подтверждение вольностей Войска Запорожского и признание прав украинской шляхты (оригиналы не сохранились). Современные термины, характеризующие Переяславскую Раду, варьируются от «воссоединения», «присоединения», «военно-политического союза», «протектората» до «экспансии» и «инкорпорации».

Новая война с Речью Посполитой, начавшаяся в 1654 г., оказалась неимоверно трудной и принесла колоссальные потери. Русские войска, в которых присутствовал сам царь Алексей Михайлович, сначала действовали успешно: они заняли почти всю Белоруссию и часть Литвы с г. Вильно. Сопротивление русским было слабым, поскольку в это же самое время Польша вела войну со Швецией и находилась на грани полного поражения. Однако Россию обеспокоили успехи шведов. Было решено начать войну со Швецией, а с Речью Посполитой заключить перемирие, которое предусматривало, что после смерти Яна Казимира королем Речи Посполитой будет избран Алексей Михайлович или его сын Алексей. Но война России со Швецией пошла неудачно и была завершена в 1661 г. Кардисским миром, который повторял условия Столбовского мирного договора 1617 г. Берега Финского залива оставались за Швецией.

А война с Польшей продолжалась. Казаки, игравшие в этой войне важную роль, раскололись на два лагеря – промосковский и пропольский. Один

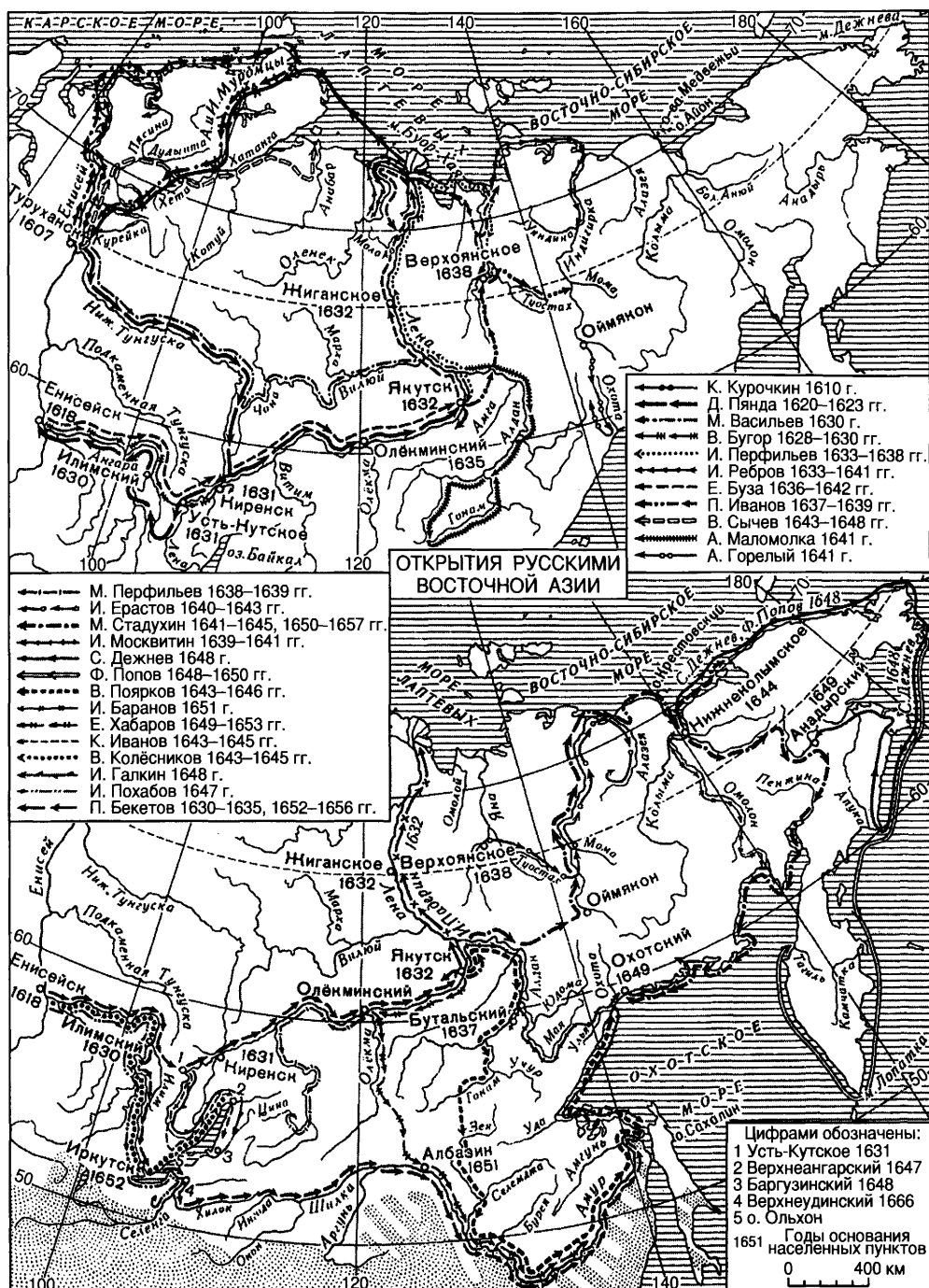
гетман сменял другого и почти все они отворачивались от Москвы, созывали новые рады и переходили на сторону Речи Посполитой. Преемник Богдана Хмельницкого гетман Иван Выговский в 1658 г. в союзе с крымскими татарами и польской армией нанес тяжелейшее поражение русскому войску.

Истощив свои силы тяжелой 13-летней войной, Россия и Речь Посполитая в 1667 г. заключили Андрусовское перемирие. Его условия расценивались как дипломатическая удача А.Л. Ордина-Нащокина, ведшего эти переговоры. Россия отказывалась от Белоруссии, но возвращала Смоленскую землю, Чернигово-Северские земли, Левобережную Украину и Киев с окрестностями на правом берегу Днепра. В 1686 г. с Речью Посполитой был торжественно заключен «вечный мир», подтверждавший условия Андрусовского перемирия. В этот период России удалось добиться и церковных изменений. Киевская митрополия была выведена из подчинения Константинопольского патриарха и стала частью Московской церкви. Что касается административного управления, то Левобережная Украина сохранила определенную автономию. Территории Речи Посполитой, занятые русскими войсками, управлялись непосредственно из Москвы. Земли, с которых польскую администрацию изгнали казацкие армии, оформились в Гетманат. Здесь установилось двойное управление: назначаемый из Москвы воевода и гетман. Несомненно, между ними существовали трения.

Многовековая борьба России с крымскими ханами-вассалами Османской империи в последней четверти века привела к первой в истории России непосредственной войне с Турцией. По Андрусовскому перемирию 1667 г. Правобережье Днепра осталось за Речью Посполитой. Но в южной части этих земель, Запорожье, реальная власть находилась в руках казачества во главе с гетманом П. Дорошенко. Он был противником и Польши, и России, и принял подданство Турции. Столицей его была крепость Чигирин. Русские войска заняли Чигирин, принудили Дорошенко принести присягу царю и отказаться от гетманства, но его действия позволили Османской империи предъявить претензии на Украину. В 1677 г. турецкое и крымское войско осадило Чигирин. На помощь осажденным двинулась большая русско-казацкая армия во главе с боярином князем Г.Г. Ромодановским и гетманом Левобережной Украины И. Самойловичем. Турки отступили. Но уже на следующий год они овладели Чигирином. Гарнизон города в порядке отошел, и военные действия почти прекратились. В 1681 г. в г. Бахчисарае Россия и Турция заключили перемирие на 20 лет. Земли между Днепром и Бугом признавались нейтральными и не подлежали заселению ни со стороны России, ни со стороны Турции. Однако после заключения «вечного мира» России с Польшей война с Турцией возобновилась и продолжалась с 1686 по 1700 г.

КОЛОНИЗАЦИЯ

В XVII в. продолжалось освоение русскими Сибири – огромной малозаселенной территории, на которой проживали различные северные народности (ханты и манси, ненцы и сибирские татары, эвенки и якуты, буряты и чукчи, ительмены и др.). В глубь Сибири ехали по собственной инициативе ватаги «охочих людей» и посланные воеводами отряды с уже обжитых мест. Эти отряды осваивали берега рек Енисея, Ангары, Лены. Братский острог на

Освоение Сибири Российским государством

Ангаре и Якутский острог на Лене (1632 г.) стали форпостами дальнейшего движения на восток. В 1639 г. отряд казаков во главе с И. Москвитинным вышел к Охотскому морю. В 1643 г. отряд В. Пояркова, отправившись из Якутска, добрался до Амура и, преодолев невероятные трудности, спустился по нему к Охотскому морю. Лишь малая часть отряда вернулась в Якутск. В 1649 г. из того же Якутска отправился отряд «охочих людей» под начальством Е. Хабарова, который достиг Амура и основал на нем несколько острожков. В 1648 г. отряд С. Дежнева вышел в море из устья Колымы. Судно Дежнева обогнуло мыс, представлявший собою северо-восточную оконечность Азии; впоследствии он был назван мысом Дежнева. Землепроходцы не столько хотели открыть новые земли, сколько найти новые племена, подчинить их российскому самодержцу и обложить налогом (ясаком). Поэтому встречи с местным населением не отличались миролюбием. Вслед за землепроходцами шли крестьяне. В первую очередь подальше от властей стремились уйти староверы. В лесостепной зоне Сибири появилась пашня. Сибирь не знала крепостного права, и здесь не возникло поместных земель, но тут царили суровые климатические условия и необжитая природа. Освоение Сибири было приостановлено на время войн с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию. У правительства не хватало средств вести борьбу на два фронта. Средства от продажи сибирских мехов шли на военные расходы.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

Одним из самых глубоких социокультурных потрясений в стране стал церковный раскол. В начале 50-х годов XVII в. в Москве среди высшего духовенства сложился кружок «ревнителей благочестия», члены которого желали устранения различных церковных неурядиц и унификации богослужения на всей огромной территории страны. Первый шаг в этом направлении уже был сделан: Церковный собор 1651 г. под нажимом царя ввел единоголосное церковное пение. Теперь необходимо было определить, чему следовать в церковных преобразованиях: собственной русской традиции или чужой. Этот выбор делался в условиях уже наметившегося в конце 40-х годов XVII в. внутрицерковного конфликта, обусловленного борьбой патриарха Иосифа с усиливающимися украинскими и греческими заимствованиями, инициированными царским окружением. По смерти в 1652 г. Иосифа и кремлевское духовенство, и царь Алексей Михайлович возжелали, чтобы его место занял новгородский митрополит Никон: характер и воззрения Никона, казалось, принадлежали человеку, способному возглавить задуманную царем и его духовником церковно-обрядовую реформу. Однако Никон согласился стать патриархом только после долгих уговоров царя и с условием отсутствия каких-либо ограничений своей патриаршей власти. А такие ограничения создавал Монастырский приказ. Никон имел большое влияние на молодого царя, считавшего патриарха ближайшим другом и помощником. Во время отъездов из Москвы Алексей Михайлович оставлял управление не в руках боярской комиссии, как это было принято ранее, а на попечение Никона. Ему дозволялось именоваться не только патриархом, но и «государем всея Руси». Заняв такое неординарное положение во власти, Никон стал им

злоупотреблять, захватывать чужие земли для своих монастырей, унижать бояр, сурово расправляться с духовенством. Его занимала не столько реформа, сколько утверждение сильной патриаршей власти, образцом для которой служила власть папы римского.

В 1653 г. Никон приступил к осуществлению реформы, которую предполагал проводить с ориентацией на греческие образцы как наиболее древние. На деле же он воспроизводил современные ему греческие образцы и копировал украинскую реформу Петра Могилы. Преобразования Церкви имели внешнеполитический подтекст: новая роль России и Русской церкви на мировой арене. Рассчитывая присоединить Киевскую митрополию, русские власти мыслили создание единой Церкви. Это требовало схождения церковной практики между Киевом и Москвой, в то время как они должны были ориентироваться на греческую традицию. Безусловно, патриарху Никону оказывались нужны не различия, а единообразие с Киевской митрополией, которая должна войти в состав Московской патриархии. Он всячески развивал идеи православного универсализма.

Однако многие соратники Никона, будучи не против реформы как таковой, предпочитали иное ее развитие – с опорой на древнерусские, а не на греческие и украинские церковные традиции. В результате реформы традиционное русское двоеперстное освящение себя крестом был заменено троеперстным, написание «Исус» переименовано на «Иисус», возглас «аллилуйя!» провозглашался трижды, а не дважды. Были введены иные слова и обороты речи в молитвы, псалмы и Символ веры, произведены некоторые изменения в порядке богослужения. Исправление богослужебных книг проводилось справщиками на Печатном дворе по греческим и украинским книгам. Церковный собор 1656 г. принял решение об издании исправленных Требника и Служебника – важнейших для каждого священника богослужебных книг.

Среди всех слоев населения нашлись те, кто отказался признать реформу: она означала, что российский православный обычай, которого издревле придерживались их предки, был порочен. При чрезвычайной приверженности православных к обрядовой стороне веры, именно ее изменение воспринималось очень болезненно. Ведь, по мнению современников, только точное исполнение обряда создавало контакт с сакральными силами. «Умру за единый “аз”»! (т.е. за изменение хотя бы одной буквы в священных текстах), – восклицал идейный руководитель приверженцев старых порядков, старообрядцев, и бывший член кружка «ревнителей благочестия» протопоп Аввакум. Он утверждал, что древнее русское православие «свято и непорочно», а у греков правоверие испортилось от турецкого завоевания, поэтому не нам у греков, а им у нас надо учиться истинной вере. В отношении украинских заимствований старообрядцы также были непреклонны. На деле строя свою богословскую систему на основе почерпнутых в первой половине XVII в. текстов из Киевской православной митрополии, они напоминали о фактах проклятий украинских сочинений (Зизания и Ставровецкого), о перекрещивании и, главное, о тезисе печатных кодексов времен патриарха Иосифа о подчинении Украины и Белоруссии после Брестской унии антихристом. В логике их рассуждений реформа патриарха Никона представляла не чем иным, как введением Брестской унии в России (на самом деле

Никон активно уничтожал униатскую иерархию на присоединенных территориях Речи Посполитой).

Приверженцы старины первоначально оказывали яростное сопротивление реформе. В защиту старой веры выступили боярские жены Ф.П. Морозова и Е.П. Урусова. Не признавший реформу Соловецкий монастырь более восьми лет (с 1668 по 1676 г.) противостоял осаждавшим его царским войскам и был захвачен только в результате предательства. Нововведения породили раскол не только в Церкви, но и в обществе, он сопровождался распрями, казнями и самоубийствами, острой полемической борьбой. Старообрядчество сформировало особый тип религиозной культуры с сакральным отношением к письменному слову, с верностью старине и недоброжелательным отношением ко всему мирскому, с верой в близкий конец света и с враждебным отношением к власти – как светской, так и церковной. В конце XVII в. староверы разделились на два основных течения – беспоповцев и поповцев. Беспоповцы, не найдя в конечном счете возможности учреждения собственной епископии, не могли поставлять священников. В результате, основываясь на древних канонических правилах о допустимости совершения в экстремальных ситуациях таинств мирянами, они отвергли необходимость священников и всей церковной иерархии и стали выбирать из своей среды духовных наставников. Со временем формировалось множество старообрядческих толков (течений). Некоторые из них в ожидании скорого конца света подвергали себя «огненному крещению», т.е. самосожжению. Они понимали, что в случае захвата их общины правительственными войсками их сожгут на костре как еретиков. В случае подхода войск они предпочитали сгореть заранее, не отступив ни в чем от веры, и тем самым спасти душу.

В 1658 г. патриарх Никон в результате размолвки с царем объявил, что более не будет исполнять обязанности церковного главы, снял с себя патриаршее облачение и удалился в свой любимый Новоиерусалимский монастырь. Он полагал, что просьбы из дворца о его скорейшем возвращении не заставят себя ждать. Но этого не произошло: даже если советливый Алексей Михайлович и сожалел о случившемся, его окружение более не желало мириться со столь всеобъемлющей и агрессивной патриаршей властью, которая, по выражению Никона, была выше царской, «как небо выше земли». Чья власть в реальности оказалась более значимой, продемонстрировали дальнейшие события. Царь, принявший идеи православного универсализма, уже не мог лишить патриарха сана (как это делалось в Русской поместной церкви постоянно). Ориентация на греческие правила поставила его перед необходимостью созвать вселенский Церковный собор. Исходя из устойчивого признания об отпадении от истинной веры Римской кафедры, вселенский собор должен был состоять из православных патриархов. Все они так или иначе приняли участие в соборе. В 1666 г. такой собор осудил Никона и лишил его патриаршего сана. Никона сослали в Ферапонтов монастырь, а позднее перевели в более суровые условия на Соловки.

Одновременно собор одобрил церковную реформу и предписал преследование старообрядцев. Протопоп Аввакум был лишен священства, предан проклятию и отправлен в Сибирь, где ему отрубили язык. Здесь он написал многие произведения, отсюда рассылал послания по всей стране. В 1682 г. он был казнен.

Однако устремления Никона сделать духовенство неподсудным светским властям находили сочувствие у многих иерархов. На Церковном соборе 1667 г. им удалось добиться уничтожения Монастырского приказа.

ВОССТАНИЯ

Невозможно найти текст, в котором XVII в. не назвали бы «бунташным». Действительно, в этот период страну особенно часто сотрясали народные возмущения, истоки которых, возможно, кроются в Смутном времени. Оно принесло, с одной стороны, тяготы и разруху, с другой – веру в то, что можно прийти «скопом» к Московскому Кремлю и повлиять на власть и ее политику. В стране в течение всего XVII в. появлялись самозванцы, менее успешные, чем Лжедмитрии, однако также находившие сочувствие в народе. Крупнейшим восстанием второй половины века было восстание Степана Разина (1670–1671 гг.), охватившее обширную часть страны. Из городских восстаний к самым крупным относились восстания в Москве: в 1648 г. (Соляной бунт), в 1662 г. (Медный бунт) и стрелецкие восстания в 1682 («хованщина») и в 1698 гг. Возмущения горожан наблюдались не только в Москве, но и в десятках других городов, с особой силой они вспыхнули в Новгороде и в Пскове в 1650 г. Правительство никогда не шло на прямые уступки восставшим, оно стремилось быстро выявить зачинщиков и обвинить их в неповиновении властям – одном из самых страшных преступлений. Однако определенные меры против факторов, вызывавших недовольство, в конечном итоге правительством принимались. Так, были отменены и соляной налог, и чеканка медной монеты.

Восстание Степана Разина. Огромные просторы страны давали возможность тем, кто разорился и не мог далее вести свое хозяйство, уходить в другие местности. Правительство же, со своей стороны, принимало все меры к предотвращению подобных своевольных перемещений не только крестьян, но и всех других слоев населения. Зачастую беглые направлялись на Дон. Здесь издавна действовал казачий принцип: «с Дона выдачи нет». Московское правительство терпело казацкую вольницу, поскольку территории донских казаков являлись буферной зоной, задерживающей нападения крымских татар, ногайцев и других степных народов. За это казаки получали щедрое царское жалованье, однако они не приносили царю присягу. Беглые пополняли казачье войско, охранявшее южные границы Московии, и тем служили на ее благо. Казаки самостоятельно совершали набеги на Крым и даже на Турцию. В 1637 г. донские казаки с помощью запорожских внезапно штурмом захватили турецкую крепость Азов, запиравшую выход из Дона в Азовское море. Пять лет (до 1642 г.) казаки удерживали Азов, отражая приступы сильной турецко-татарской рати. По вопросу о том, что делать с Азовом, в Москве собрался Земский собор, который решил ввиду невозможности вести войну с Турцией не оказывать казакам помощи, и они были вынуждены уйти из крепости.

В 60-е годы Дон оказался переполнен беглыми, не имевшими своей семьи и хозяйства. Богатая казачья старшина стремилась избавляться от этих лишних людей, отправляя их в грабительские походы. Одним из таких удач-

ных набегов в Персию и на Каспий командовал сын известного «домовитого» казака Рази Степан Разин. На Волге он грабил царские суда, перебив немало купцов и служилых людей, освобождал каторжников. Однако, возвращаясь на Дон через Астрахань, Разин оказал уважение царскому воеводе, сдал ему пушки и персидских пленников. К удачливому атаману Разину стекалось множество добровольцев, и он принял решение идти вверх по Волге на Москву. К осени 1670 г. восстание охватило все Поволжье и прилегающие к нему районы. Действовали десятки крестьянских отрядов, члены которых никогда не видели самого атамана. На стругах Разина, по распускаемым слухам, находились лжецаревич Алексей (умерший сын царя Алексея Михайловича) и сосланный в ссылку патриарх Никон. Одним из главных лозунгов восставших был популярнейший в народе призыв: уничтожить «изменников-бояр», что и осуществлялось в каждом захваченном городе. В завоеванных городах устанавливались порядки по образцу казацкой вольницы. Движение разинцев было остановлено только тогда, когда из Москвы под командованием боярина князя Ю.А. Долгорукого на них двинулась рать, превосходившая их численностью и включавшая полки нового строя. Осаждавшее г. Симбирск войско восставших было разбито царским воеводой, а сам тяжело раненный Разин увезен соратниками на Дон. Здесь казачья старшина сочла за лучшее выдать его российскому царю. Летом 1671 г. в Москве на острове Балчуг Разин был казнен; большую часть восставших постигла та же участь. Однако в отдельных местах население еще продолжало оказывать сопротивление, Астрахань пала только в ноябре 1671 г.

В 1681–1683 гг. проходили сильные волнения в Башкирии, вызванные слухами о предстоящем насильственном крещении местного населения. Его возглавили местные вожди (Сеит Саафер и др.), объявившие Москве «священную войну» и организовавшие военный союз с калмыками. Они разбойничали и грабили под Казанью. Из Москвы слухи о крещении были опровергнуты, калмыки не оправдали возложенных на них надежд, и тогда волнения улеглись.

Стрелецкие бунты. После смерти царя Федора Алексеевича претендентами на российский престол стали двое его младших братьев: Иван, сын царя Алексея Михайловича от первой жены Марии Милославской, и Петр — его сын от второй жены Натальи Нарышкиной. Эта ситуация породила соперничество между кланами Нарышкиных и Милославских. Когда в 1682 г. с благословения патриарха Иоакима царем был провозглашен царевич Петр — младший, но выгодно отличавшийся от старшего брата крепким здоровьем, Милославские остались недовольны. Они воспользовались крайне озлобленным состоянием стрельцов, которым недавно было вдвое урезано жалованье при разрешении (в виде компенсации) заниматься ремеслом и торговлей. Однако эти занятия облагались налогами, платить которые служилым людям было и обидно, и невыгодно. Стрельцы собирались на тайные сходки, составляли списки неугодных им лиц, хотели «кинуть на копья» своих мздоимцев-начальников. Среди стрельцов распространился слух, что Нарышкины «извели» царевича Ивана. Стрелецкие полки в боевом порядке вошли в Кремль. С Красного крыльца им показали обоих живых и невредимых царевичей. Однако желание «побить бояр» уже стало непреодолимым: в кремлевских палатах началась резня, продолжавшаяся три дня. Погибли многие бояре,

в первую очередь из клана Нарышкиных. По требованию стрельцов царями были провозглашены оба брата – Иван и Петр, а до их совершеннолетия опеку над ними осуществляла их старшая сестра Софья Алексеевна.

С мая по октябрь стрельцы чувствовали себя хозяевами Москвы, как и их начальник, глава Стрелецкого приказа боярин князь И.А. Хованский. Царевна Софья укрылась в Троице-Сергиеве монастыре. К ней на совет съехались думные люди, приговорившие князя Хованского как бунтовщика к казни. Князя вызвали из Москвы якобы для участия во встрече сына гетмана Самойловича, по дороге у с. Пушкино он был арестован и вскоре казнен. Софья стала собирать дворянское ополчение, а стрельцы приготовились к вооруженной защите Москвы. Однако они быстро поняли всю бесперспективность такой стратегии и принесли царям повинную. В ноябре царский двор вернулся в Москву.

Новый бунт московские стрельцы подняли в 1698 г., когда царь Петр находился за границей. Пройдя с Петром тяготы Азовского похода, стрельцы надеялись на возвращение в Москву, но их удалили из столицы. Им не нравились новшества, происходившие при дворе, возросшая роль иностранцев, задержки с выплатой жалованья. Стрельцы пытались связаться с царевной Софьей и возвести ее на престол. Все это заставило царя срочно вернуться в Москву. Но к его приезду восставшие уже потерпели поражение на реке Истре под Новоиерусалимским монастырем от войск, возглавленных боярином А.С. Шеиным. Петр сам провел следствие по этому делу, более тысячи человек было казнено, а стрелецкое войско расформировано.

КУЛЬТУРА

Русскую культуру XVII в. часто характеризуют, заимствовав выражение Й. Хейзинги, как «осень Средневековья». В этот период светские элементы культуры явственно потеснили церковные, наметились изменения в основополагающих мировоззренческих понятиях – о познании Бога и мира, о человеке и его возможностях, особенно о возможностях человеческого разума.

После Смутного времени русская культура призвана была осмыслить потрясения начала XVII в. Русское общество открыло для себя культуру Речи Посполитой (как светскую, так и православную). Но следы проникновения западной учености сначала оказались немногочисленны, и официальная Церковь стремилась их уничтожить. Смута повлияла на формирование мировоззрения «осажденного града»: Россия как последний оплот православия, Третий Рим, мыслилась в окружении постоянного натиска врагов-еретиков. Чистое православие виделось патриарху Филарету единственной консолидирующей силой общества, которое необходимо было неустанно охранять от внешних влияний. Ориентация на собственную культурную и богословскую традицию, когда все остальные версии православия виделись искаженными, не исключала использования для усиления аргументации переводных украинских и белорусских сочинений. Они присутствуют и в публицистике Смутного времени, и в богословской полемике. Это скрытое влияние начинает нарушаться в 40-е годы XVII в., когда часть интеллектуальной элиты сменила «изоляциялизм» на западничество в версии украинофильства, а за-

тем полонофильства, а другая, назвавшаяся старообрядцами, пыталась сохранить мировидение первой половины XVII в.

Важные новшества появились в сфере обучения. В Москве свои школы имели иноземные землячества: лютеранская школа существовала в Немецкой слободе, в Мещанской слободе по просьбе проживавшего здесь белорусского и украинского населения была создано училище по типу братских украинских школ. Однако среди русского населения до середины века обучение грамотности осуществлялось во внешкольных формах: в семье, в учреждениях (приказах), индивидуально у мастера грамоты, который мог иметь как одного, так и нескольких учеников. Среди горожан было немало людей, занимавшихся обучением грамоте одновременно с ремеслом или торговлей, а среди подьячих мало кто не имел учеников. В дворянских семьях учительством занимались грамотные холопы, часто пленные поляки.

Одной из главных причин отсутствия в Московском государстве школьной системы была позиция Православной церкви, отличавшаяся от католической недопущением разума в дела веры. Если католическому богословию для обоснования догматов веры требовались в качестве «служанок» науки, порождавшие схоластическую систему образования, то в православии богопостижение происходило не через разум и «внешнюю мудрость», а через нравственный подвиг и душевное умиление. Отказавшись от схоластической философии, православие не нуждалось и в схоластическом (т.е. школьном) образовании. Появление первых московских школ на фоне этой традиционной системы обучения стало удивительным новшеством. Образцом для этих школ, созданных при правительственной поддержке, послужили средневековые школы Запада. Их опыт был воспринят через школьную практику южно-русских и западно-русских земель, откуда и были приглашены учителя. Еще в 30–40-е годы XVII в. предпринималось несколько попыток пригласить к патриаршему двору греческого дидакала для обучения греческому и латинскому языкам и другим «наукам», но тогда они не увенчались успехом. Это начинание было успешно продолжено патриархом Никоном, и греки учили детей в патриарших монастырях и при патриаршем дворе. В конце 40-х годов при активном участии окольничего Ф.М. Ртищева был организован «училищный монастырь» на Воробьевых горах, куда в качестве учителей принимали старцев из юго-западных русских земель. Это училище поддерживалось, в том числе и финансово, правительством. Достоверно известно, что здесь шло преподавание польского и латинского языков, возможно, обучали грамматике, риторике и богословию. В середине 60-е годов действовала Заиконоспасская школа, в которой постигали науки под руководством учителя царских детей монаха из Белоруссии Симеона Полоцкого несколько подьячих Тайного приказа и один певчий. Их учили латинскому языку, основам грамматики, риторике, поэтики, логики. После смерти Полоцкого в 1682 г. занятия продолжил его ученик Сильвестр Медведев, имевший уже более 20 учащихся. Наиболее многочисленной являлась Типографская школа при Печатном дворе. Здесь получали навыки славянского чтения и письма, продвинутые ученики изучали греческий. Школа готовила справщиков и переводчиков для Печатного двора. В связи с планами правительства Федора Алексеевича открыть высшее учебное заведение – Академию, «Привилегия» (Устав) для которой создавалась в 1682 г., были приглашены два ученых

грека братья Лихуды. Для них при Богоявленском монастыре в 1685 г. была построена специальная «школьная палата», в которой занимались 30–40 учеников – дети людей из разных сословий. Лихудам было разрешено преподавать «все свободные науки» на греческом и латинском языках. Типографская и Богоявленская школы стали базой для создания Славяно-Греко-Латинской академии. Последняя давала схоластические знания и являлась органом надзора над религиозными убеждениями учащихся.

Существовало определенное противоречие между схоластически церковным характером созданных в Москве школ и значительным светским контингентом обучавшихся в них лиц. Для них полученные знания часто имели ограниченный диапазон практического применения. Поэтому кадры государственного аппарата (приказные люди) обретали навыки и знания в основном в приказах, в процессе ученичества.

Школы появились в обстановке острой идейной борьбы, поскольку многим они представлялись латинством, не совместимым с православными традициями. «Русь, чего это тебе захотелось немецких поступков и обычаев!», – восклицал протопоп Аввакум. «Мудроборцы» отстаивали ненужность схоластического обучения и знания иных кроме славянского языков. Боязнь латыни объяснялась воинственным отношением православия к Риму и католицизму, соответственно книги, написанные на латыни, считались «ложными», еретическими. По этой же причине не одобрялся и польский язык. Желавшие их знать (а такие люди все же встречались) обучались тайно, под страхом наказания. Официальное обучение латыни и польскому языку, поддержанное светскими и церковными властями, стало рискованным новшеством второй половины XVII в. Оно было вызвано не столько желанием перенять чуждую науку, сколько необходимостью иметь людей, разбирающихся в «западной учености» в связи с быстрым преодолением изоляции России от других стран. Прежние попытки сделать это путем обучения за границей потерпели неудачу. Теперь, при царевне Софье, сложилась партия «латинствующих», которая доказывала первенствующее значение латыни над греческим языком, «грекофилы» же во главе с патриархом Иоакимом утверждали обратное.

В Москве появились люди, ратовавшие за новые формы и новое содержание обучения, занимавшиеся учительством и писавшие сочинения, популяризовавшие знания о Боге, мире и человеке. Это учитель детей царя Алексея Михайловича Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Епифаний Славинецкий и др. В 1679 г. Полоцким была создана Верхняя типография, расположенная в царском дворце и не зависевшая от патриарха. «Латинствующие» своим поэтическим творчеством в стиле барокко впервые специально творили образы и метафоры для создания имиджа царской власти, в первую очередь власти «просвещенной», что, например, было особенно важно для царевны Софьи – женщины у власти, не имевшей дотоле своего благочестивого «образа».

Падение Софьи в 1689 г. привело к недолгой победе грекофилов во главе с патриархом Иоакимом над латинствующими. Церковный собор 1690 г. запретил произведения Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева.

Обращение к мирской жизни в культуре XVII в. принято называть ее «обмирщением». Древнерусская книжность в XVII в. преодолела отношение к

писанию литературных текстов как к сакральному процессу, в который не должно проникать ничего суетного и мирского. Даже самые яростные поборники старины – протопоп Аввакум и его соратник Епифаний – создали тексты, превзошедшие все мыслимые пределы новизны – тексты автобиографического характера. «Житие» Аввакума стало первым широко известным русским произведением автобиографического жанра, который он самостоятельно создал, используя страстный, полемический разговорный язык своего времени. Независимо от него начал писать о своих страданиях и Епифаний.

Новым литературным жанром явились сатирические повести, высмеивавшие пьянство и лицемерие духовенства, судебную волокиту и взяточничество судей. Появились повести и иного характера – с драматическими перипетиями и острым сюжетом. Они в большом количестве переводились с польского. Тенденция развития светского направления в литературе проявила себя уже в конце XV в., однако оказалась прерванной церковными репрессиями; в XVII в. противодействие ее противников уже не могло сыграть решающей роли.

Процессы обмирщения проявились и в архитектуре, и в живописи. Каменные архитектурные сооружения второй половины XVII в. отличаются большой декоративностью – «узорочьем». Они украшены затейливыми, непохожими друг на друга наличниками, многоцветными изразцами, резными деталями из белого камня и фигурного кирпича и имеют нарядный вид. В конце XVII в. стал особенно популярным стиль московского (или «нарышкинского») барокко, образцом которого считается московская церковь в Филях. Продолжало развиваться в таких же узорочных формах и деревянное зодчество, например, не сохранившийся до наших дней архитектурный шедевр – дворец царя Алексея Михайловича в подмосковном селе Коломенском.

Новым жанром в живописи стала парсуна – портретное изображение в иконописном стиле. Яркие фрески ярославских мастеров оказались насыщены изображениями деталей обыденной жизни. Виднейшим придворным иконописцем конца XVII в. был Симон Ушаков. В его произведениях ясно виден отход от традиций древнерусской живописи и увлечение реалистическим изображением: он стремился дать объемность в написании лиц, показать игру света и тени, использовать элементы перспективы. Ушаковым был написан трактат о живописи («Послание к любителю иконного писания»), в котором он теологически обосновывал свои взгляды на изменение в иконописной манере изображения. Его произведение на эту тему не было единственным, ранее об этом же писал малоизвестный живописец Иосиф Владимиров. Свои новаторские взгляды этим иконописцам приходилось отстаивать от нападок и обвинений в отсутствии благочестия со стороны любителей старины.

Все представители дома Романовых, включая и Петра Алексеевича, были знатоками придворной музыки и церковного пения. Церковное пение и знание распевов являлось обязательным компонентом в обучении детей. При дворе Федора Алексеевича, имевшего огромную нотную библиотеку, модным нововведением, привнесенным поляками и украинцами, стало партесное пение, т.е. пение на несколько голосов (партий). Мастера этого пе-

ния начали пользоваться новой нотной системой – пятилинейной, с нотными знаками, отдаленно похожими на современные. В духе барокко выдержаны многочисленные полифонические произведения композиторов последней четверти XVII в., наиболее известным из которых был Н. Дилецкий. Ему принадлежит трактат под названием «Идея грамматики мусикийской».

В 1672 г. по инициативе царя Алексея Михайловича состоялась первая театральная постановка («комедия») «Артаксерксово действо» (по сюжету библейской Книги Есфирь), поставленная с помощью пастора лютеранской кирхи И. Грегори. Она имела огромный успех, и в дальнейшем придворный театр поставил множество пьес, отличавшихся разнообразием и оригинальностью, которые, однако, имели возможность смотреть лишь царская семья и узкий круг придворных.

Московские приказы (в первую очередь Посольский и Оружейная палата) были влиятельными культурными центрами, в них работали грамотные подьячие, интересовавшиеся новинками литературы, живописи, техники, некоторые из них сами занимались литературным творчеством и переводами с иностранных языков. Существовали культурные центры и в провинции. Так, в сибирском Тобольске развернулась деятельность мелкого дворянина и человека многих замечательных талантов, поклонника европейских наук С.У. Ремезова (1642 – ок. 1720). Вместе с сыном он занимался картографированием Сибири (его карты составляют три объемных атласа), описанием и изучением ее народов, историей ее колонизации. Все свои труды Ремезов самостоятельно иллюстрировал.

Внутреннее развитие средневековой русской культуры в широком смысле этого слова в XVII в. перешло на такой уровень, когда многим россиянам стала не очень страшна, в общих чертах понятна, и, главное, интересна западноевропейская культура. Ее хотели лучше узнать, зачастую затем, чтобы с ней крепко поспорить, но также и затем, чтобы взять ее себе на вооружение. Последнее особенно проявилось в создании новой придворной культуры с ее ориентацией на Польшу и начавшимся разрывом с народными традициями.

XVII ВЕК – «НОВЫЙ ПЕРИОД» РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ?

Семнадцатый век было принято называть «новым» или «переходным» периодом в русской истории. «Новым» его назвал В.О. Ключевский, поскольку находил в нем серьезные социально-политические изменения: смену боярской власти властью «нового класса» – дворянства, падение значения Боярской думы и усиление самодержавия. Из работ Ключевского понятие о XVII в. как о «новом периоде» почерпнул В.И. Ленин, но он вложил в него иной, экономический смысл. Ленина интересовал генезис капиталистического производства в России, и он видел его зарождение «приблизительно с XVII века». Вслед за ним советские историки определяли XVII в. как «период складывания общероссийского рынка», т.е. переход от натурального хозяйства к рыночному, образование первых мануфактур, иначе говоря, переход к капитализму. Однако радикальных перемен политического устройства по сравнению с XVI в. не произошло, не снизилось до конца XVII в. и зна-

чение Боярской думы. Также не обнаруживаются существенные изменения в сфере производства и потребления, в свою очередь тяжелые экономические последствия Смутного времени и усиление крестьянской крепостной зависимости указывают на слабость предпосылок для развития капиталистических отношений. Зачатки крупного производства (как, например, железоделательные заводы) поддерживались казной и в первую очередь имели значение для вооружения армии.

Бесспорные изменения, однако, произошли в области религиозного мировоззрения, в области культуры. Другим бесспорным новшеством оказалось то, что Московское царство в XVII в. радикальным образом изменило свои границы, присоединив к себе огромные территории и включив в себя разные народности, что положило начало формированию имперского сознания. Произошли важные изменения в организации войска. Усложнилась социальная структура общества, и увеличилось количество бюрократических учреждений.

Реформы Петра начались уже на исходе XVII столетия, вдохновленные его «Великим посольством» 1698 г. Ответ на вопрос о том, почему, говоря словами протопопа Аввакума, России так захотелось «немецких обычаев», а, выражаясь научно, она встала на путь вестернизации, историки ищут в процессах, проходивших в XVII в. Существует мнение о том, что петровским реформам предшествовал «системный кризис», т.е. произошла дезорганизация всех сфер государственной жизни. Высказываются и мнения противоположные, указывающие на спокойное поступательное развитие страны в направлении той же вестернизации. Бесспорно одно: контакты с западной культурой после Смутного времени, после присоединения Смоленских земель, стали достаточно тесными для того, чтобы не только Петр, но и многие его современники почувствовали отсталость России.

Но однозначная характеристика XVII в. в целом как «нового периода» не представляется правомерной. Разным оказывается «образ» любого века в зависимости от того, из какой «точки» смотрит на него исследователь. Взгляд на XVII в. «из XVI века» обнаружит в нем как хорошо знакомые, так и совершенно новые черты. Взгляд на него же, с точки зрения эпохи Петра, найдет в нем ретроградную средневековую «старую» Русь, которую Петр отверг и начал строить «новую Россию». Взгляд на реформы Петра «из XVII века» оказывается противоположным – он отмечает преемственность деяний Петра по отношению к уходящей эпохе. Многие исследователи полагают, что «преобразовательные настроения» (В.О. Ключевский) возникли уже в царствование Алексея Михайловича, весьма укрепились при Федоре, а затем при его сестре Софье Алексеевне, достигнув своего апогея в царствование Петра. Таким образом, отнесение XVII в. то к «новому», то к «старому», то к «переходному» периоду российской истории зависит и от общих концепций, и от «местонахождения» исследователя на шкале исторического времени.

Раздел II

МИР ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

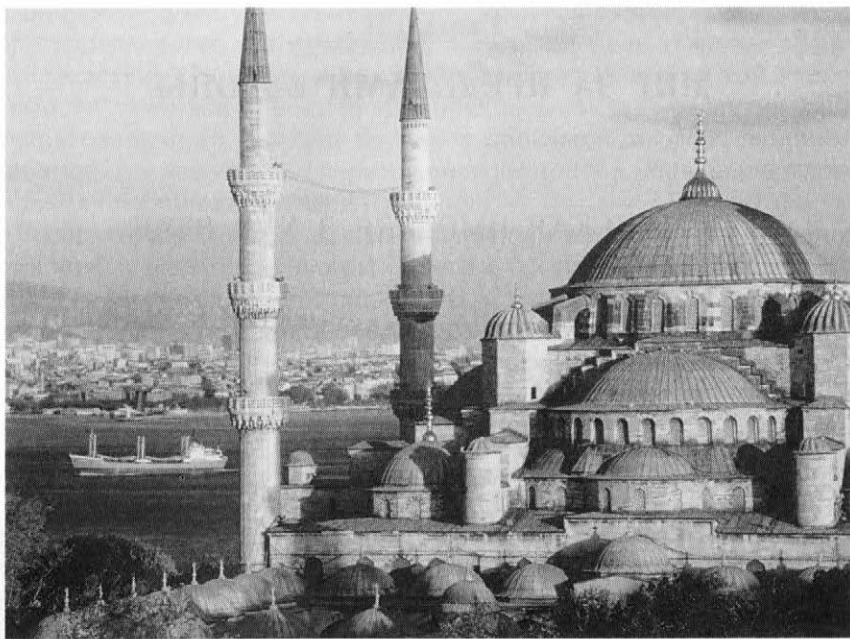
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVII ВЕКЕ

НАРАСТАНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ИМПЕРИИ

К началу XVII в. Османская империя объединила в своих пределах огромные территории Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Европы. Она вовлекла в единый государственный организм области и людские сообщества, разнящиеся между собой в экономическом, политическом, этническом и культурно-религиозном отношениях, имеющие разный опыт собственного государственного строительства. При этом завоеватели не пытались проводить в подчиняемых землях каких-либо глубинных социальных преобразований. В первые века существования империи этот принцип облегчал завоеванным народам их вхождение в новое государство, но постепенно противоречия нарастали. Первой свою оторванность от имперской государственной структуры почувствовала Анатолия, где компактно проживало турецкое население. На грани XVI–XVII вв. в Анатолии произошла серия так называемых восстаний «джежали» (см. ниже), связанных со сбоями в функционировании тимарной системы, которая кормила воинов кавалерийского ополчения (*сипахи*), поддерживала земледельческое хозяйство в районах своего распространения и выступала как местная территориальная администрация. Кризис тимарной системы был порожден несколькими причинами.

Государство, заботясь о поступлении в казну тех налогов, которые оно продолжало собирать с райятов, проживающих во владениях сипахи, строго фиксировало доходы, которые шли самому сипахи-тимариоту, т.е. выступало как бы защитником крестьян-райятов. Но уже в законах Мехмеда II содержалось положение: если сипахи «занял землю райата, то пусть платит... подати, [установленные] в этой области». Следовательно, у сипахи появилась легальная возможность присвоения крестьянских земель, что порой и происходило. В XVII в. этот процесс усиливается. За счет обезземеливания крестьянства создаются новые хозяйства, так называемые чифт-лики. Юридический статус земли не меняли, но государственный контроль за сохранением «реайи» (ранее считавшейся «казной падишаха») утрачивался.

Проблема усугублялась тем, что в XVI в., как фиксируют источники, в стране произошел «демографический взрыв». Подсчитано, что население Анатолии возросло более, чем на 50% (в Румелии рост был еще более значительным). В этих условиях ни райатское сообщество, ни издольщина не могли вместить столь бурно увеличивавшееся сельское население. В стране появилось значительное количество *чифтбозанов*, как называли крестьян, вынужденных уйти с земли. Они не находили себе применения в экономической

Мечеть Султанахмет (Голубая мечеть). 1609–1616 гг. Стамбул

жизни ни в городе, ни в деревне. Единственными возможностями как-то устроиться в жизни для них было вступление в войска крупных пашей, которые стали набирать собственные армии-свиты, либо поступить в *текке* (приюты дервишей) или медресе в качестве *софта* (ученика-послушника). Число софта в XVII в. значительно превышало потребность в них, и полунищие студенты религиозных учреждений становились одним из беспокойных элементов османского общества.

К началу XVII в. до Османской империи докатилась так называемая «революция цен», ранее прошедшая по Западной Европе в связи с поступлением туда значительного количества золота и серебра из Нового Света. Изменение масштаба цен затронуло и положение сипахи, доходы которых были четко определены их «бератом» (жалованной грамотой) в точно фиксированной денежной сумме. Тимары рядовых сипахи переставали давать необходимое им для жизни и службы обеспечение.

Уже в XVI в., как отмечают турецкие исследователи, площади обрабатываемых земель достигли в Османской империи пределов, допускаемых технологией той эпохи. Власти, однако, продолжали раздавать тимары и увеличивали число воинов, обязанных службой за доходы с этих тимаров. Переписи сипахийского ополчения фиксировали, что среди тимариотов шла поляризация. Большинство из них получали минимальные доходы, дающие им возможность лично участвовать в военных действиях в качестве кавалеристов. Вооруженных за свой счет всадников (которых ранее положено было выводить с каждых 5 тысяч акче* дохода) теперь могли содержать лишь санджак-

* Акче – мелкая серебряная монета и счетная единица.

беи. За некоторыми из них, по переписям начала XVII в., числился доход, почти равный доходу всех сипахи санджака. Постепенно исчезало среднее звено тимариотов, а рядовые сипахи превращались в некое подобие полунищих европейских рыцарей.

И, наконец, главное. Падала значимость сипахийского воинства. Кавалерия могла вести военные действия лишь в теплое время года. Зимой ее распускали. Пути, по которым собиралась армия, скорость движения, сроки сборов были твердо определены. На преодоление пути от Стамбула до австро-венгерских земель, где шла война в XVII в., армии требовалось не менее 100 дней. Следовательно, в своих завоевательных действиях османская армия действовала на пределах оперативных возможностей. Появление ручного огнестрельного оружия (мушкетов) повысило значение пехоты по сравнению с кавалерией.

ВОССТАНИЯ «ДЖЕЛЯЛИ». ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СУДЕБ ИМПЕРИИ

К рубежу XVI–XVII вв. в Анатолии скопилось много лиц, потерявших или теряющих свой былой социальный статус. К ним относились выталкиваемые из аграрной сферы райяты, софта, не получившие места в судебно-религиозной структуре, мелкие тимариоты, неспособные обеспечить себе необходимую экипировку для участия в сипахийском ополчении, потомки воинов анатолийских бейликов, крестьянских и племенных ополчений первых лет завоеваний, не заслужившие тимаров, но считавшие себя принадлежащими к военному сообществу (*аскери*). Наличие этих лиц дестабилизировало обстановку в регионе. Толчок к увеличению дестабилизации дала новая война с Габсбургами, начавшаяся в 1593 г.

Уходя в поход и уводя с собой своих тимариотов, управители эялетов назначали вместо себя каймакамов (заместителей), которые должны были выполнять административные функции во время их отсутствия. В распоряжении каймакамов оставалась часть войск бейлербея, теперь, как правило, наемных. Наемные отряды содержались за счет того, что им разрешали собирать в свою пользу дополнительные (не зарегистрированные государством) подати с населения санджаков и эялетов, подвластных их нанимателям. Кадии сообщали в Стамбул о многочисленных жалобах населения на грабежи, учиняемые этими наемниками. Если бей лишался своей должности (в случае смуты, отставки, перемещения), эти воины превращались в настоящих разбойников, выступавших под разным названием – левенды, секбаны, дели, сарыджа и др. В результате управление Анатолией полностью разладилось. Нередко происходили столкновения бейлербеев и санджакбеев, возвращавшихся с театра военных действий, со своими же каймакамами. Побеждали те, кто имел больше личных войск, поэтому и назначение на местные административные должности стало уходить из рук центральных властей. В этих условиях анатолийские тимариоты неохотно покидали свои владения и шли на войну в далекую Европу.

В 1596 г. после битвы под Керезтешем (Венгрия) в османской армии была проведена очередная проверка наличного состава тимариотской кавалерии.

Было выявлено отсутствие многих тимариотов. За невыполнение военных обязанностей у 30 тысяч тимариотов было предписано изъять тимары, а их самих казнить. Некоторых дезертиров действительно казнили. Основная же масса бывших тимариотов устремилась в Анатолию, где влилась в действовавшие там и ранее секбано-левендские подразделения, пополнив их численно и придав им явно антиправительственный настрой.

В самом конце XVI – начале XVII в. напряжение в Анатолийском регионе достигло своего предела и вылилось в конце концов в многочисленные по-военному организованные восстания, получившие название *джеляли* (по имени шейха Джеляля, возглавлявшего одно из антиосманских выступлений в Анатолии в начале XVI в.). Восставшие опустошали деревни и мелкие города, выжгли ряд кварталов прежней столицы османов Бурсы, взяли крепости Урфу и Токкат, разгромили окрестности таких городов, как Конья, Амася, Кайсери. На стороне восставших действовали в разное время многие бейлербеи, санджакбеи, коменданты крепостей, а также сыновья крымского хана, проживавшие в качестве заложников в Анатолии. В сочувствии восставшим обвинялся шейх уль-ислам Санулла. Наиболее крупные восстания возглавляли Кара-Яызджи и Дели Хасан (1599–1603), а также Календер-оглу (1592–1608), которые заявляли о том, что стремятся вырвать Анатолию из-под власти османской династии.

Поскольку основная армия империи была в это время занята войной в Европе, против восставших посылались отдельные военачальники с наемными войсками, т.е. с такими же выбившимися из прежней социальной среды войнами, как и восставшие, которых они должны были усмирить. Нередки были случаи, когда паши, посланные правительством для подавления восстаний, но оказавшиеся не в состоянии выполнить возложенное на них поручение, опасаясь гнева султана, переходили на сторону джеляли и даже становились их руководителями. Правительство же, желая привлечь на свою сторону наиболее популярных руководителей восстаний, предлагало им порой высокие административные должности, например бейлербеев и санджакбеев, правда, в Румелии, а не в Анатолии, где они действовали как джеляли. И такие предложения принимались. Справиться с восстаниями правительство смогло лишь после спешно заключенного мира с Австрией (1606 г.) и использования освободившейся армии для подавления движения. Однако отдельные выступления джеляли продолжались в течение всей первой половины XVII в.

Восстания пагубно сказались на судьбах многих групп населения, но особенно крестьянства. В Анатолии фактически все воевали против всех. С 1603 г. начинается так называемое «великое бегство» (*бююк качгунлук*) крестьянства, вынужденного из-за опустошений, вызванных военными действиями, покидать свои дома и деревни. Часть крестьян присоединялась к войскам джеляли, другие нанимались в правительственные войска, но подавляющее большинство пыталось бежать в более спокойные районы империи. Переписи второго десятилетия XVII в. фиксируют, например, увеличение на Балканах числа людей, прибывших из Анатолии и платящих джизье, т.е. немусульман. Туда бежало прежде всего христианское население Анатолии, а потому коренным образом менялась этническая и конфессиональная картина этой части империи. В результате «великого бегства» многие районы Анато-

лии лишались крестьянского населения, стал сокращаться ареал земледельческой культуры. Начинало преобладать скотоводство. Период джеляли, следовательно, затронул не только социальную и демографическую сферы, но и хозяйственную основу жизни Анатолии.

После подавления восстаний правительство формально восстановило в Анатолии тимарную систему и сипахийское ополчение, но не устранило те язвы, которые разъедали эти институты изнутри. Продолжало расти число чифтликов на землях крупных тимаровладельцев. Основная же масса тимариотов оставалась хотя и многочисленной (в XVII в. империя могла собрать до 200 тысяч сипахи-кавалеристов), но материально хуже обеспеченной и жаждущей новых земель.

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ КАПЫКУЛУ В ВОЕННОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ИМПЕРИИ

В османской армии сипахийская кавалерия перестает быть главной ударной силой. Возрастает роль *капыкулу* («рабов [августейшего] порога»), выходцев из девширме, рабов с Кавказа, профессиональных воинов, состоящих на жалованье у султана. Среди капыкулу наиболее известно пехотное войско – янычары, но были и другие подразделения, как пехотные, так и кавалерийские, вспомогательные, а позднее и имевшие особое техническое оснащение (например, пушкари и т.п.). Кроме денежного жалованья, они получали от казны пропитание, экипировку, вооружение. Только на их жалованье уходило более половины всех доходов государства (данные бюджета 1660/61 финансового года). Не случайно выходец из сипахийской среды Кочиbey в обращении к султану в 40-х годах XVII в. писал о засилье иноземных элементов во всех органах власти. Недовольство в османском обществе было вызвано не столько этническими, сколько социальными противоречиями, но выходцы из девширме (набора мальчиков из семей христианских подданных империи) были действительно не турками и не мусульманами по происхождению, что усугубляло конфликтность ситуации.

Верхушка капыкулу, занимая должности везиров и бейлербеев, членов султанского дивана и командиров войск, состоящих на жалованье, приобщалась к отличному от тимаров сипахи типу земельных пожалований – *хассам* и *арпалыкам*, которые не передавались по наследству, были связаны с определенной должностью, но имели более крупные размеры, чем все прочие султанские пожалования. В крупных владениях капыкулу и дворцовой знати появляются управители, сами же их владельцы продолжали жить и работать в столице или ином назначенном султаном месте, являясь лишь своего рода рентополучателями. Но они все больше претендовали на тот земельный фонд, который ранее кормил сипахи. Порою, правда, используя тот же термин «тимар», за капыкулу записывали и доходы с неаграрных или вообще неопределенных источников поступлений. Так, при размещении янычарских отрядов в провинциях их командирам был положен тимар, но представлял он собой не что иное, как отчисления от жалованья подчиненных им янычар. Следовательно, сохраняясь формально и включая в себя верхушку капыкулу, тимарная система перерождалась изнутри.

Основную массу сипахийской кавалерии стали составлять отряды бейлербеев, формируемые из их личных наемников. Они буквально грабили жителей подвластных им областей. Бейлербеи должны были платить наемникам и центральному правительству за свое назначение, поскольку такие должности фактически стали продавать с торгов. Попытки обуздать бейлербеев из центра нередко приводили к их восстаниям, порой создавались даже их коалиции, грозившие походом на Стамбул. Но это не были восстания управляемых ими территорий, а лишь военные мятежи, «бунты пашей», не имевших какой-либо поддержки среди местных жителей. Местное население в этих условиях пыталось самоорганизоваться снизу. Складывался новый местный административный слой, связанный с откупной системой (к услугам которой османское правительство все чаще начинало прибегать при сборе налогов в казну), наследственными вакфами, управлением султанских и иных хассов, городской верхушкой. Местная знать постепенно становилась местной администрацией, это были не грабители, а лица, связанные с производственной деятельностью населения. Источником их доходов служили рентные сборы с крестьянства либо доходы от ремесла и торговли. Эта новая знать получила название *аяны*. У них появлялись свои сторонники и в султанском окружении, также желавшем навести в стране порядок.

КРИЗИС ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В столице империи рубеж XVI–XVII вв. знаменуется кризисом власти. Его проявлением была частая смена должностных лиц, обострение традиционной борьбы верхушечных кланов, возрастание роли гарема. При султанах Мураде III (1574–1595) и Мехмеде III (1595–1603) большое влияние приобрели их матери (*валиде*), соответственно Нурбану-султан и Сафийе-султан, обе венецианки по происхождению.

Шел процесс обесценивания денег. Курс основной денежной единицы, акче, падал. К 1630 г. османская денежная система фактически развалилась. Даже внутри османского экономического пространства крупные платежи стали производиться в испанской валюте (реалах, пиастрах). Коррупция стала всеобщей. Даже султан Мурад III, как говорили, не гнушался брать взятки. Янычары, до этого отличавшиеся железной дисциплиной, начинают бунтовать (первый бунт произошел в 1589 г.), превращаются в подобие преторианской гвардии, сменяющей неугодных государственных мужей. В то же время они сближаются с торговцами и ремесленниками, так как в условиях сильной инфляции янычары оказались вынужденными искать дополнительные источники материального обеспечения.

В Алжире, Сирии, Ираке в 1596–1610 гг. царила атмосфера бунта и полного безначалия*. В Йемене, аль-Хасе и других аравийских землях османская власть фактически пала. В Тунисе и Западном Триполи янычары при поддержке городской бедноты захватили власть. Там фактически возникли самостоятельные государства (в Тунисе в 1594 г., в Западном Триполи в 1603 г.) во главе с деями – выборными янычарскими правителями, лишь номинально

* В Кербеле в 1604 г. местные жители целиком вырезали турецкий гарнизон.

подчиненными османским пашам. В Алжире аналогичный режим сложился в 1659–1671 гг. В Египте в 1587–1605 гг. произошло пять янычарских мятежей. В 1609 г. восставшие мамлюки попытались провозгласить независимое мамлюкское государство в Нижнем Египте. В Сирии и Ливане восставали друзские эмиры. Восстания в османских вассальных княжествах – Молдавии (1572–1574), Валахии (1594–1601), Трансильвании (1594) – вовлекали в пограничную борьбу соседнюю Польшу и Крымское ханство. Последнее незадолго перед этим впервые отказалось послать войска на иранский фронт. В войнах с Ираном 1577–1590, 1603–1618, 1623–1639 гг. османские власти были вынуждены думать о поддержании обоюдовыгодной торговли шелком, что заставляло их умерять свои претензии к соседнему государству. Лишь таможенные пошлины от торговли шелком давали султану ежегодно 300 тысяч золотых, пополнявших его личную казну. Дефицит же казначейства в 1608 г. составлял свыше 100 тысяч. В период войн до трех четвертей ткацких станков в Бурсе стояло из-за нехватки шелка, а Иран усиленно искал себе партнеров по торговле, вел переговоры с Испанией, итальянскими городами, Англией и Россией. По договорам с Ираном 1612 и 1618 гг. османы уступили завоеванные ими Тебриз и Восточное Закавказье, что было платой за возобновление торговли. В войне 1623–1639 гг., когда шах Аббас I сумел оккупировать Ирак, Закавказье и в течение пятнадцати лет удерживал Багдад, османы с трудом вернули эти свои территории (Ереван был взят в 1635–1636 гг.; Багдад в 1638 г.). Но граница по Каср-и Ширинскому договору 1639 г. фактически вернулась на рубеж 1555 г., соответствовавший интересам обоих государств и позволявший возобновить торговлю.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА И АРАВИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ОСЛАБЛЕНИЕ ВЛАСТИ ОСМАНОВ

Установленная османами система управления Египтом, в котором гражданский губернатор (паша) фактически не имел возможности контролировать османские же войска, привела к тому, что в XVII в. подчинение Египта Стамбулу становилось все более и более номинальным. Влияние мамлюков не было полностью уничтожено. Постепенно часть из них влилась в османские войска и администрацию, а также благодаря покупке прав на сбор податей и в новую систему землевладения. Серьезный финансовый кризис, с которым столкнулась империя в конце XVI в., привел к целому ряду уже упоминавшихся восстаний. Все чаще и чаще соперничавшим друг с другом мамлюкским семьям удавалось смещать губернаторов с их поста. Обычно для этого писали жалобы в Стамбул, который удовлетворял просьбы подданных, видимо, понимая сложившуюся расстановку сил в Египте. Мамлюки даже выработали специальный ритуал смещения губернатора: к нему направляли посланца на осле, одетого в белый плащ и белую шапку. Он входил в зал для приемов в резиденции паши, загибал край ковра, на котором тот сидел, и по одной версии говорил «Паша! Ты смещен», а по другой – просто молча уходил.

С начала XVII столетия поменялась ситуация и на Аравийском полуострове. Местное население в Йемене проявляло недовольство османским правлением. Это было вызвано как тяжелыми налогами и присутствием в Йемене войск завоевателей, так и религиозными причинами: большинство местных жителей принадлежали к шиитам. Это предопределило лозунги борьбы против османов –

был вновь провозглашен имамат (существовавший до турецкого завоевания). Первого имама – аль Мансура аль Кассира (1559–1620) поддержали местные племена и жители крепости Хаджа, и он начал отвоевывать Йемен у империи. Его сыну и преемнику удалось окончательно вытеснить османов из страны в 1644 г.

Сменилась расстановка сил и в соседнем Омане, и в Персидском заливе. В 1622 г. Аббас I в союзе с англичанами получил контроль над выходом из залива, захватив у португальцев Ормуз. Португальцы сохраняли свои позиции в Маскате до конца 40-х годов XVII в., когда город был захвачен одним из арабских шейхов, сделавшим его столицей нового Оманского султаната. В 90-е годы самый известный из правителей султаната – Саиф бин Султан (1690–1707) начал экспансию в Восточную Африку. Его флот одержал ряд значительных побед над португальцами, англичанами и голландцами. Оманский султанат поставил под свой контроль побережье до Мозамбика и значительную часть торговли в Индийском океане.

В Марокко контролировавшее большую часть страны во второй половине XVI в. государство Сааидов распалось в начале XVII в. на две части с центрами в Фесе и Марракеше. Междоусобицами воспользовались европейцы (теперь уже не португальцы, а испанцы), захватившие часть портов, а также местные роды, создавшие независимые княжества на Юге и на Севере. В дальнейшей борьбе за власть победили Алауты, в 60-е годы подчинившие часть Марокко. Второй султан династии, Мулай Исмаил (1672–1727), еще два десятилетия покорял остававшиеся независимыми или полунезависимыми земли. В 1687 г. Мулай Исмаил столкнулся с мятежом берберов, выступивших на стороне его противников и поддержанных османами. Поэтому он приказал создать армию из нескольких тысяч темнокожих жителей Судана, которых набирали в Тимбукту (Томбукту). Впоследствии их детей обучали сначала обращению с мулами и строительному делу (что пригодилось для крупномасштабных проектов Мулая в Мекнесе), а затем езде верхом и владению оружием. Чернокожим солдатам, положение которых было зависимым или полузависимым, в конце 90-х годов предоставили право покупать землю. По всей территории Марокко были построены крепости (*касбы*), которые должны были усилить контроль правителя над территорией. Мулай отвоевал часть городов у испанцев, безуспешно пытался захватить османские владения в Алжире и налаживал торговые контакты с голландцами, англичанами и французами. Последние стали к концу XVII в. играть ведущую роль в торговле Марокко.

В Европе после заключения мира 1606 г. с Австрией, Османская империя не имела каких-либо территориальных приращений, хотя именно там она надеялась утолить земельный голод сипахийских слоев общества. Центрально-европейские державы, занятые с 1618 г. Тридцатилетней войной, получили на это время некоторую передышку от османского натиска, хотя пограничная нестабильность в этом регионе сохранялась. Желая дать населению отдохнуть от произвола бейлербеев, османское правительство порой привлекало анатолийских, румелийских и иных пашей с подвластными им войсками для военных действий в Дунайских княжествах, Трансильвании, Причерноморье и даже к столкновениям с Польшей и Австрией, и это тогда, когда официально империя каких-либо войн в этом регионе не вела.

Небольшая часть султанского окружения понимала необходимость более или менее радикальных преобразований. Большинство же выступало за восстановление доброго старого порядка, сохранение и укрепление тех

социально-экономических и политических институтов, которые сложились при Сулеймане I Кануни. Такие ностальгические представления о прошлом поддерживались тимариотами, многими янычарами, крестьянством и мусульманским духовенством.

Жертвой таких настроений пал первый реформатор османских порядков султан Осман II (1618–1622). В первую очередь он хотел избавиться от влияния капыкулу, женщин и слуг гарема, опирающихся на различные янычарские группировки. Он намеревался распустить янычар и другие военные подразделения капыкулу и создать новое войско. Оно должно было формироваться за счет привлечения в армию молодых людей из мусульманских районов Анатолии и Сирии, т.е. султан стремился тюркизировать армию и государственный аппарат, избавив их от засилья чужаков из капыкулу. С этим же было связано его намерение перенести столицу в турецкую Бурсу или Анкару. Султан планировал также реформу шейх уль-исламата и всего аппарата шариатской власти, хотел сам формировать иерархию улемов. В 1621 г. Осман II, под предлогом совершения хаджа, начал подготовку к отъезду из Стамбула. В ответ на это янычары, подстрекаемые духовенством, подняли восстание и на основании фетвы шейх уль-ислама низложили Османа II, а потом подвергли его зверской и унижительной казни.

После гибели Османа II в Стамбуле возобладали противоположные настроения – политика традиционализма, подразумевающая искоренение еретических «новшеств» и восстановление староосманских порядков. Между тем в стране продолжалась борьба различных группировок капыкулу и провинциальных пашей, неоднократно угрожавших походами на столицу (например, в период восстания Абаза-паши в 1622–1628 гг.). В Стамбуле бесчинствовали различные вооруженные банды, грабившие, а то и убивавшие наиболее зажиточных горожан.

Пришедший к власти в 1623 г. султан Мурад IV сумел навести относительный порядок. При нем командиры отдельных янычарских корпусов и лидеры различных группировок правящего класса подписали общий документ – декларацию о поддержке султана. При содействии янычар было организовано массовое побоище участников вооруженных банд. Мурад IV сделал довольно успешную попытку восстановления тимарной системы как финансово-экономической основы османской армии и администрации. Произошедший в это время страшный пожар Стамбула (выгорела почти четверть города) был объявлен знамением Аллаха, наказывающего за отступление от шариата. Строжайшим образом были запрещены спиртные напитки, кофе, табак, закрыты все кофейни и питейные заведения, считавшиеся рассадником вольномыслия. Более строго стали соблюдаться конфессиональные различия в одежде и головных уборах. Усилился внутренний шпионаж, доносительство, всевозможные слежки. Ходили легенды, что сам султан в простом платье тайно бродит по улицам, наблюдая за подданными, а затем строго карает их за всевозможные, даже мелкие нарушения. Успехи Мурада IV были, однако, недолговечны, и в народе сохранилась о нем недобрая память.

При следующем султани Ибрагиме I (1640–1648) и в первые годы царствования возведенного на трон в семилетнем возрасте Мехмеда IV (1648–1687) обострились разброд в правящих кругах и борьба за власть. Продолжалась коррупция, продажа с торгов всех должностей в государстве. Усилилось

влияние гарема на внутреннюю жизнь и даже внешние сношения империи. Валиде (мать султана) Кёсем-султан даже подозревалась в тайных связях с венецианцами во время начавшейся в это время (1645 г.) войны за Крит. Усилился процесс обесценивания денег, что вызвало в 1651 г. в Стамбуле одно из наиболее сильных городских восстаний. Подавление восстания, конфискации имущества у ряда придворных, жесткие наказания за взятки позволили несколько стабилизировать финансовое положение. Политический хаос все же продолжался. С 1651 по 1656 г. сменилось восемь великих везиров. И, наконец, после многочисленных консультаций в придворной среде должность великого везира при 15-летнем султанине Мехмеде IV была отдана 70-летнему Кёпрюлю Мехмеду-паше. Это был властный человек, прошедший большую школу придворной и бейлербейской службы. Он потребовал и получил чрезвычайные полномочия.

ВЕЗИРЫ КЁПРЮЛЮ И ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Кёпрюлю Мехмед-паша стал родоначальником целой династии великих везиров. Сам он занимал эту должность до конца своей жизни, ему наследовал сын Фазыл Ахмед-паша (1661–1676), затем зять Кара Мустафа (1673–1683). Несколько других отпрысков этой семьи занимали везирские должности и позже. Все они имели репутацию честных и способных администраторов, сложившуюся еще при первом Кёпрюлю.

Жесткими мерами (высылками, казнями, конфискациями) Мехмед-паша сумел усмирить бунтовавшие войска капыкулу, расправиться с учащимися медресе (софта) и частью дервишества, выступавшими против обитателей текке и официального мусульманского духовенства, которых они обвиняли в грехах и чревоугодии. В своих действиях Мехмед-паша получил поддержку шейх уль-ислама. Великий везир сумел назначить своих сторонников на все высшие должности государства, в том числе и на посты глав миллетов (религиозно-этнических общин немусульманского населения империи). Им были подавлены восстание в Трансильвании и выступление ряда анатолийских бейлербеев. В карательных мероприятиях везир действовал очень жестко, не позволял никому вмешиваться в свои дела. Главный его аргумент, заставлявший даже султана соглашаться с не всегда удобными ему решениями и назначениями, состоял в том, что ему необходим спокойный тыл для борьбы с Венецией. Война с республикой св. Марка шла с 1645 г. и временами ставила османов в очень трудное положение, когда угроза нападения нависала даже над Стамбулом. В 1657 г. Мехмед-паше удалось добиться перелома в войне и снятия блокады Дарданелл, что особенно укрепило авторитет великого везира.

Наследовавший Мехмед-паше его сын Фазыл Ахмед-паша (1661–1676) также не отказывался от казней и карательных мер, но проявил себя более тонким администратором. В отличие от отца, который был, очевидно, неграмотен, он получил хорошее образование, собиравшись стать улемом и только по настоянию отца пошел по его стопам. Султан Мехмед IV устранился от каких-либо дел по управлению страной. В историю он вошел с прозвищем «Авджи» (Охотник) и известен не как государственный деятель, а как люби-

тель развлечений и удовольствий. При дворе устраивались большие празднества, собирались поэты, музыканты и ученые. Это окружение султана во многом формировалось Ахмед-пашой и создавало новый настрой в придворной среде. В стране росло новое чиновничество. Это были уже не взятые по девширме рабы-капыкулу, оторванные от общества, преданные и зависимые лишь от султана, и не бейлербеи, «калифы на час», бунтующие против центра, но не имеющие опоры среди населения подчиненных им районов. Новые деятели болели за судьбы империи (и за свое место в ней, разумеется), пытались сохранить тот порядок, который давал ей в прошлом силу и возможность быть «великой державой». Они были более профессиональны и образованы. Не случайно именно в это время происходит отделение правительственного аппарата Османской империи от дворца и дворцовых служб. Для него даже строится специальное здание, новая резиденция великого везира, располагавшаяся за пределами дворцового комплекса Топкапы – Баб-и Али («Высокие Врата»), что в русском языке стало именоваться на французский манер выражением «Высокая Porta» (фр. La Sublime Porte). Именно Porta, а не султанский дворец становится олицетворением османского государства. Не ликвидировав сути кризисных явлений, первые два везира из семейства Кёпрюлю сумели успокоить и подчинить страну, навели порядок в финансовой сфере.

Большое внимание стало уделяться тимарной системе, которая распространилась теперь на новые слои воинства. Тимары стали даваться офицерам флота и различных технических войск. Однако, по сути дела, прежние формы и названия прикрывали новые аграрные отношения. Теперь государство само увеличивало налоговый нажим, не считаясь с возможностями реайи. Подавляющая часть крестьян райатов превращается в издольщиков, права которых на землю не охранялись государством. Появляется большое число лиц, стремящихся взять на откуп налоговые поступления в казну и строить свои отношения с налогоплательщиками на частноправовой основе. Произошел разрыв между налоговой и тимарной системами государства. Со второй половины XVII в. термин «реайа» в значении охраняемого государством налогоплательщика перестает использоваться применительно к мусульманскому крестьянству, превращавшемуся в издольщиков на своей земле. Как реайа стали восприниматься лишь немусульмане, платящие налог «джизье», который во времена Кёпрюлю давал 20% доходов империи.

Восстановление тимарной системы, проверка и упорядочение прав на тимары были во многом формальными и декларативными. Но везиры Кёпрюлю заставили эту систему в последний раз заработать и всколыхнули надежды у той массы воинства, которая переполняла многие районы империи. Они жаждали новых земель, а потому хотели новых завоеваний. Суровый полицейско-административный контроль и финансовый порядок, установленные везирами Кёпрюлю, сделали возможной новую и последнюю успешную волну османских завоеваний в Европе. Еще не было закончено завоевание Крита (Кандийская война 1645–1669 гг.), но уже начинается поход против Австрии (1663–1664), затем война с Польшей (1672–1677), а затем и Россией (1678–1681). На Крите и в Подолии были проведены раздачи новых тимаров. Украинские земли не оправдали, правда, надежду Османской империи. Подолия, жители которой, устав от казацко-польских усобиц, в 1672 г.

встречали османские войска хлебом и мясом, не смогла стать достойным объектом для тимарной «колонизации». Она не могла прокормить даже турецкий гарнизон крепости Каменец-Подольский, снабжение которого шло из Молдавии. Разоренные предшествовавшими войнами земли Подолии не давали ожидаемых доходов новым тимариотам, которые к началу 80-х годов буквально бежали из этого района.

Для раздачи в тимары требовались не просто земли, а земли культивированные и заселенные. Ведь тимар представлял собой по сути дела не земельное пожалование, а право сбора части государственных налогов с подвластного населения. Отсюда заинтересованность османского государства в новых освоенных сельскохозяйственных пространствах и сохранении местного населения. Война с Польшей и Россией этого не дали. По договору с Россией 1681 г. предусматривалось, что земли между Днепром и Бугом должны остаться безлюдными и пустынными.

Сам поворот османской экспансии в сторону Восточной Европы оказался неожиданным для султанского окружения. Он был спровоцирован не столько предполагаемыми выгодами, сколько обращением гетмана Петра Дорошенко о принятии его вместе с Украиной в османское подданство. Это породило надежды на легкое и быстрое территориальное расширение имперских пределов. Однако наиболее вожделенным для новых завоеваний османов оставалось австро-венгерское направление. Поход 1663–1664 гг. не принес успеха, но возбудил новые желания. Как сообщают османские хронисты тех лет, знакомство с австрийскими землями и высокий уровень жизни населения произвели на османскую армию «деморализующее» впечатление. Они увидели в этих краях «гяурский рай». Вена – точка, где остановились османские завоевания при Сулеймане Кануни, снова была объявлена тем «красным яблоком», которое, по легенде, должно упасть в руки мусульманских гази и обозначить конечную цель османской экспансии. В 1683 г. третий везир из семейства Кёпрюлю, зять и воспитанник Мехмед-паши, Мерзифонлу Кара Мустафа вновь повел османские войска на Вену.

Поход на Вену кончился сокрушительным разгромом османских войск и казнью командующего. Последствиями этого разгрома явилось образование антиосманской коалиции европейских держав – Священной лиги (Австрия, Речь Посполитая, Венеция, а позднее (с 1686 г.) и Россия). Военные действия Лиги продолжались 16 лет, велись на четырех фронтах, находившихся на значительном удалении от основной базы османского государства – Анатолии, где в это время начался новый этап мятежей. Военный энтузиазм времен первых Кёпрюлю угас, наблюдалось массовое дезертирство. Снова появились отряды левендов, ищущих своих предводителей, которые вырастали теперь из самих мятежников. В официальной историографии эти выступления называли *тюреди ис'янлары*, т.е. «мятежи выскочек».

Отряды *тюреди* и их наиболее авторитетный предводитель Эген Осман Белюк-баши сыграли решающую роль в низложении в 1687 г. султана Мехмеда IV. Новый султан Сулейман II (1687–1691) официально включил этих воинов в состав османской армии, а их командира назначили главнокомандующим. Но Эген Осман не имел опыта руководства такими большими вооруженными силами. Поражение османских войск под Белградом (сентябрь 1688 г.) явилось результатом интриг в армейской среде, направленных против

командующего, и стало предлогом к его отставке. Сам он был казнен, а его отряды растворились в новой массе воинов, которые были призваны в армию по всеобщей мобилизации. Назначенный в это время новый великий везир из семейства Кёпрюлю Мустафа-паша сумел мобилизовать силы страны и изыскать средства для финансовой поддержки «священной борьбы» с неверными, не останавливаясь даже перед посягательством на вакуфное имущество. Первоначально им были достигнуты заметные успехи на австрийском фронте, отвоеваны Ниш и Белград, но затем снова началась полоса неудач. Сам великий везир погиб в сражении у Саланкамена (август 1691 г.).

Завершилась война Карловицким миром 1699 г. Османская империя потеряла значительные территории: к Австрии отошли Восточная Венгрия, Трансильвания и почти вся Словакия, к Речи Посполитой – Правобережная Украина с Подоліей, к Венеции – Морея, ряд островов Архипелага и крепости Далмации. За Россией по мирному договору 1700 г., заключенному в Стамбуле, остался Азов с прилегающими к нему землями. Завершение войны 1684–1699 гг. знаменовало начало нового этапа в османской истории, который характеризуется прекращением экспансии в Европе и значительными переменами во внутренней жизни страны.

Огромные людские потери в войнах и восстаниях XVII в. ослабили влияние демографического фактора и способствовали консолидации в рядах правящего класса. Былое соперничество «рабов султанского порога» (капыкулу) и сипахи исчезает. Перестала использоваться практика девширме. И правящая элита, и воины, состоящие на жалованье у султана (т.е. янычары и т.п.), начали пополнять свои ряды за счет выходцев из своей собственной среды. Тимарная система перестала служить основой местного управления и контролировать землепользование. Власть на местах переходит к местным аянам, которые, сосредоточив в своих руках значительные денежные богатства, земли и прочую недвижимость, приобрели определенный публичный авторитет и поддержку местных кадиев. Они стали назначаться не из людей двора или местной знати. Более того, стали создаваться комиссии: в центре в них входили шейх уль-ислам и другие высшие духовные лица, которые должны были упорядочить соотношение между различными налоговыми сборами, а на местах – представители горожан и крестьян, определявшие нормы налогообложения. Делались попытки внести порядок в хаос системы землевладения, о котором говорят все источники того времени. В дворцовые школы, где ранее обучались рабы девширме, теперь стали набираться «неотесанные» турки из Анатолии. Начиная формироваться новая знать с новыми вкусами и даже новым языком, в котором стало больше турецких слов и терминов и сокращалось использование персидских и арабских. Реформировалась канцелярская служба, вакансии в которой стали заполняться более подготовленными молодыми людьми, прошедшими специальное обучение.

Великий везир Амджа-заде Хюсейн-паша и его единомышленник *реис уль-кюттаб* («начальник чиновников») Рами Мехмед, подписавшие от имени Порты Карловицкие соглашения, понимали, что позорный мир нужен стране. Нужны были и вынужденные, и необходимые послевоенные послабления. Будут ли они продолжены и сможет ли новая знать обновить страну, должен был показать новый век.

РЕФОРМЫ АББАСА I

Наиболее дальновидная часть кызылбашской знати, желая сохранить Сефевидское государство, решила отстранить от власти шаха Мухаммада Ходабенде и посадить на трон его сына Аббаса. Вступивший на престол в возрасте шестнадцати лет шах Аббас I (1587–1629) сумел коренным образом изменить положение дел в Иране. Чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах, Аббас пошел на территориальные уступки соседним державам: по мирному договору 1590 г. он отдал султану Мураду III Закавказье и часть Западного Ирана, а Хорасан оставил практически беззащитным перед наступавшим с востока бухарским ханом Абдуллой II.

Важнейшими задачами Аббаса I были укрепление центральной власти и создание сильной армии. По материнской линии Аббас происходил из Мазандарана, т.е. был иранцем, и не испытывал особого расположения к кызылбашам. Из имевшихся в середине XVI в. 114 кызылбашских эмиров при Аббасе осталось около 35. Во время его правления многие кызылбаши были истреблены или лишены своих земель. За счет владений, ранее находившихся в распоряжении кызылбашских племен, Аббас существенно расширил фонд земель *хассе*, доходы с которых поступали в личную шахскую казну. В шахский домен был обращен целый ряд областей – Гилян (после подавления там восстания в 1592 г.), Мазандаран, Лар и др. Эти меры вкупе с введением государственной монополии на торговлю шелком, ставшей основой иранского экспорта, позволили аккумулировать значительные средства на проведение реформы государственного управления и реорганизацию армии.

Своей социальной опорой шах избрал местных иранцев и кавказцев – армян, грузин, черкесов. Именно из них в первую очередь стали выдвигаться лица для назначения на высокие государственные должности. В период правления Аббаса ведущая роль в политической жизни страны перешла от тюрко-азербайджанского кочевого элемента к оседлому иранскому.

Шах покончил с устаревшей системой государственного управления. На первый план в чиновничьей иерархии при Аббасе I вместо прежнего *векила* вышел гражданский чиновник *этемад ад-доуле* (букв. «доверие державы»), возглавлявший совет (*меджлис*) из семи (позднее – 10) сановников-министров. Вторым лицом в государстве после него был главнокомандующий армией (*сипахсалар-е кулли Иран* – «главнокомандующий всей армией Ирана»). Аббас лишил знать контроля над провинциями и стал лично назначать туда государственных чиновников – губернаторов-хакимов в областях земель *дивани* и сановников-вазирова в землях *хассе*, куда наряду с шахскими были включены вакуфные и немногочисленные частные земли (*мульк*). В ряде окраинных автономных территорий – Картли, Кахетии, Луристане, Курдистане и Арабистане – сохранялась собственная традиционная система управления и собственный бюджет. Зависимость этих областей от шаха вы-

ражалась в отправке к его двору подарков и предоставлении в случае объявления войны феодального ополчения.

Взамен армии средневекового типа, которой было племенное кызылбашское ополчение, Аббас I начал создавать регулярное войско по турецкому и европейскому образцу. Были сформированы четыре постоянных военных корпуса: *курчи*, комплектовавшийся главным образом из кызылбашей; корпус *гулямов* (букв. «рабы»), созданный по типу янычарской гвардии в Османской империи из обращенных в ислам христиан, в основном грузин; *туфенгчи*, куда входили рассредоточенные по областям мушкетеры-конники, вооруженные мушкетами и саблями и находившиеся в распоряжении провинциальных правителей; артиллерийский корпус, быстро пришедший в упадок при преемниках Аббаса.

Благодаря реформе армии Аббас I смог покончить с сепаратизмом внутри страны и вести активную внешнюю политику. Во время его правления были значительно расширены пределы страны. В результате успешных войн с османами, узбеками и Моголами было восстановлено иранское господство в Хорасане (1597–1598), значительной части Закавказья (1603–1624), Кандагаре (1622), Ираке Арабском и Верхней Месопотамии (1623).

Многолетние войны шиитов-Сефевидов с османами и узбеками, придерживавшимися суннитского толка ислама, к XVII в. перестали восприниматься обеими сторонами как чисто религиозное противостояние. Постепенно они приобрели национальную окраску и стали рассматриваться как борьба между иранцами и тюрками, несмотря на то что значительную часть суннитов Хорасана и Мавераннахра составляли этнические иранцы. Размежевание между этими двумя большими группами иранцев привело к тому, что за шиитами Западного Ирана, входившими в государство Сефевидов, постепенно закрепилось наименование «иранцы», а за суннитами иранского происхождения в Хорасане и Мавераннахре – «таджики».

Аббас I провел также финансовую реформу: ввел новые серебряные монеты весом в 4,6 г (*аббаси*, равнявшаяся 200 динарам), урегулировал налоги. От налоговой политики шаха особенно выиграли центральные районы Ирана, для населения которых были снижены или даже вовсе упразднены многие подати.

По приказу шаха в 1598 г. столицу из Казвина перенесли в расположенный в центре страны Исфахан, который был заново отстроен в предместьях старого города. В столице был возведен роскошный шахский дворец, разбиты великолепные сады (*чарбаг*), построены мосты и ирригационные системы. В центре города была сооружена огромная площадь Майдани Накши Джахан («Образ Вселенной»), к которой с юга примыкала Шахская мечеть, а напротив мечети располагался знаменитый базар Кайсарийе с двухэтажными торговыми рядами. Город был окружен богатыми предместьями, из которых наиболее значительным была Новая Джульфа, населенная купцами-армянами, насильственно переселенными сюда из разрушенного иранцами в 1605 г. города Джульфа на реке Аракс. Чтобы соединить Новую Джульфу с Исфаханом, через реку Зайанда-руд был построен мост, носивший имя любимого полководца Аббаса – Аллаверды-хана. Управлявший столицей чиновник (*даруга*) назначался, как правило, из знатной грузинской семьи, чаще всего Багратидов. По оценкам европейских путешественников, посетивших Исфахан, его население в XVII в. насчитывало от 600 тысяч до 1 млн человек.

Шах Аббас I и паж. Музей Ага хана, Женева

В 1623–1624 гг. Иран посетил московский купец Федот Котов, оставивший подробные записки о своем путешествии.

В качестве своей резиденции Аббас I построил город Феррахабад в Мазандаране. Там также были сооружены пышные дворцы и парки, а вдоль южного побережья Каспийского моря проложена новая дорога.

При Аббасе I в крупнейших иранских городах – Мешхеде, Казвине, Тебризе, Ширазе – расцвели ремесла и торговля. По приказу шаха вдоль торговых путей строились караван-сарай, ремонтировались старые и сооружались новые дороги, предпринимались меры по обеспечению безопасности купцов. В городах существовали казенные шахские ремесленные мастерские (*кархане*) с большим количеством мастеров, работавших преимущественно по найму. Некоторые кархане принадлежали крупным вельможам. Кархане выпускали разнообразную продукцию – ткани (шелковые и шерстяные), ковры, оружие. Европейцы называли эти мастерские мануфактурами, однако их продукция не предназначалась для рынка.

Усиление страны при Аббасе I повысило заинтересованность европейских держав в установлении прямых контактов с Ираном, минуя посредничество Османской империи и Португалии. Аббас I поддерживал тесные связи со многими европейскими странами. Он неоднократно обменивался посольствами с Россией, Англией, Польшей, Священной Римской империей и Голландией.

Регулярный обмен посольствами с Россией начался в 1587–1588 гг. Первоначально Иран намеревался создать антиосманский союз с Москвой и, в частности, добиться того, чтобы Россия препятствовала проходу турецких сил через Северный Кавказ на юг. В 1604–1605 гг. отряд воеводы И.М. Бутурлина выступил в поход на дагестанского правителя (шамхала), чтобы через его владения двинуться на Дербент, где стоял турецкий гарнизон. Однако поход закончился неудачей, а внутренние осложнения в России, начавшиеся после смерти Бориса Годунова, привели к временному свертыванию активности Москвы на восточном направлении. Шах Аббас, находившийся тогда в состоянии войны с османами, продолжал поддерживать связи с правительством Василия Шуйского и установил контакты с обоими Лжедмитриями. Не будучи заинтересован в усилении смуты в России, Аббас проигнорировал просьбу о помощи, с которой к нему обратился атаман донских казаков И.М. Заруцкий, бежавший в Астрахань с Мариной Мнишек и выражавший готовность сдать город иранцам. После прихода к власти Михаила Федоровича в 1613 г. и взятия на следующий год Астрахани царскими войсками возобновился обмен посольствами между Россией и Ираном, что привело к налаживанию торговых отношений между двумя государствами.

Влиятельное положение при дворе Аббаса I приобрели англичане братья Ширли – Энтони и Роберт, которые прибыли в Иран в конце XVI в. и помогли шаху реформировать армию. Впоследствии братья по поручению Аббаса выполняли и дипломатические поручения. Энтони в начале XVII в. направился в качестве шахского посла к европейским государям (в Германию, Венецию, Испанию и к папе римскому) в надежде найти союзников для борьбы с турками. Во время пребывания в Испании один из членов посольства Урудж-бек принял христианство, отказался возвращаться в Иран и под именем дона Хуана Персидского написал по-испански книгу об Иране.

Не добившись особых успехов на дипломатическом поприще, Энтони в 1613 г. издал описание своих странствий в Лондоне, а затем осел в Испании. Роберт Ширли также не преуспел в организации антиосманской коалиции, но весьма способствовал налаживанию торговых контактов Ирана с Англией.

На предоставленных британской Ост-Индской компанией кораблях Аббас в 1622 г. отвоевал у португальцев стратегически важный остров Ормуз в Персидском заливе. Португальская крепость была разрушена, а вместо нее на материке построили крепость и порт Бендер-Аббас («Порт Аббаса»), ставший крупным центром международной торговли. За оказание помощи в борьбе против португальцев английская и голландская Ост-Индские компании получили от иранского шаха торговые льготы.

Еще одной заметной персоной при дворе Аббаса I был просвещенный римский аристократ Пьетро делла Валле. Он принимал участие в военных кампаниях шаха против турок, а также выступил в роли придворного историка, написав выдержанное в восторженных тонах жизнеописание шаха. Во время путешествий по Персии Пьетро делла Валле видел развалины древних городов Вавилона и Персеполя, любовался образцами персидской клинописи. По возвращении на родину он привез множество материалов о своих путешествиях: рукописи на восточных языках, копии клинописных надписей, путевые заметки. Он, в частности, оставил любопытное сообщение о том, что при шахском дворе обретались казаки, подданные польского короля, отряд которых состоял на военной службе у Аббаса I. Благодаря реформам Аббаса I Сефевидский Иран достиг зенита своего могущества и смог просуществовать при слабых преемниках шаха еще более века.

УПАДОК ИРАНА ПРИ ПРЕЕМНИКАХ АББАСА I

Внук Аббаса Сефи I (1629–1642) отказался от продолжения политики своего деда. Он легко попал под влияние евнухов гарема, которые постепенно приобрели огромную власть. Сефи I казнил или отстранил от должности многих сподвижников Аббаса, отменил некоторые его указы и постановления, в частности ликвидировал государственную монополию на торговлю шелком, существовавшую с 1617 г. В правление Сефи I Иран потерял значительную часть своей территории. В 1639 г. после вторжения в Иран армии Мурада IV, разорившего ряд стратегически важных городов (в том числе Тебриз и Хамадан), был заключен мирный договор с Османской империей, по которому Иран окончательно утратил Ирак Арабский с Багдадом. На востоке возобновились войны с узбекскими ханами и индийскими Моголами, вновь захватившими Кандагар (правда, ненадолго – до 1649 г.).

Шахи Аббас II (1642–1667) и Сулейман (1667–1694) мало вникали в государственные дела, что привело к дальнейшему ослаблению державы. Это выразилось, в частности, в том, что во второй половине XVII в. стала заметно сокращаться внешняя торговля Ирана, постепенно переходившая в руки европейцев. При Аббасе II во внешнеторговом обороте с Ираном ведущее место заняла Голландия, которая получила право беспощинного экспорта

иранского шелка. Свой караван-сарай в Шемахе имели русские купцы, где они торговали преимущественно оловом, кожей и соболями.

К 50-м годам XVII в. относится первое серьезное осложнение отношений между Москвой и Исфаханом. Причиной тому стало ограбление ширванских торговцев, в чем шахское правительство обвинило гребенских казаков. Вообще-то набеги казаков на иранское побережье в первой половине XVII в. совершались чуть ли не ежегодно, но они имели лишь дипломатические последствия: иранские послы подавали жалобы в Посольский приказ, а в ответ получали предложения самим наказать обидчиков, поскольку царское правительство являлось лишь формальным сюзереном самоуправляемых казачьих общин. Однако в 1653 г. шах направил свои войска к приграничной русской крепости Сунженский городок. Конфликт был разрешен только в 1662 г. при содействии армянских купцов, заинтересованных в беспрепятственном транзите через Россию иранского шелка.

Податное бремя крестьян, сокращенное в центральных областях Ирана при Аббасе I, в правление его преемников стало резко возрастать, особенно к концу XVII в. Усиление налогообложения (в три раза за 1698–1701 гг.) привело к бегству крестьян с земли. В ответ на это в 1710 г. шах Султан-Хусейн (1694–1722) издал фирман о прикреплении крестьян к земле; для поимки беглецов устанавливался срок в 12 лет. Подобные меры не принимались в Иране со времен монгольского господства. От налогового гнета страдали не только крестьяне: были восстановлены налоги с кочевников, в несколько раз повышен подушный налог с немусульман. На рубеже XVII–XVIII вв. в стране произошло несколько восстаний сельского и городского населения (в Тебризе в 1709 г., в Исфахане в 1717 г. и др.), а преследование мусульман-суннитов и ухудшение статуса христиан способствовали восстаниям на национальных окраинах – среди армян, грузин, курдов, белуджей, афганцев. Для Ирана наступала эпоха больших потрясений.

Весь XVII век прошел в Индии под знаком расширения и видимого роста могущества Могольской державы. Но к концу века она оказалась на грани распада. При сыне Акбара, коронованном под именем Нур-ад-дин Мухаммад Джахангир-падишах Гази (1605–1627), и при внуке Шах Джахане (1628–1658) завоевания Моголов продолжались. Специально надо отметить подчинение Джахангиром раджпутского княжества Мевар, до этого упорно отказывавшегося подчиняться завоевателям, несмотря на разрушение при Акбаре его древней столицы Читора (Читоргарха). Рана (князь) Амар Сингх признал себя вассалом Моголов. Проблема Мевара, которая тревожила дельхийский двор на протяжении нескольких веков, была временно (до 1680 г.) решена.

Другой удачей Джахангира было умиротворение Бенгалии. Несмотря на то что она считалась частью империи, местные князьки продолжали воевать с наместниками во все время правления Акбара. Джахангиру удалось договориться с князьками и получить их признание как верховного правителя. Но его успехи на юге и на западе были скромнее. На юге он не сумел присоединить Ахмаднагар, а на западе столкнулся с могущественным шахом Ирана Аббасом I, что помешало ему завоевать весь Афганистан. Борьба с Персией за Кандагар продолжалась с переменным успехом и при Шах Джахане. Он занял Ахмаднагар и поставил в зависимость от Моголов султанаты Биджапур и Голконду. В этот период начинаются мятежи местных вождей в Махараштре. С частью из них Шах Джахану удалось на первых порах договориться и получить, по крайней мере на словах, изъявление покорности.

ТАДЖ МАХАЛ

Шах Джахан известен не столько благодаря своим завоеваниям, сколько благодаря построенному по его приказу мавзолею Тадж Махал в Агре, одной из столиц Могольской империи. Император приказал построить его для своей любимой третьей жены – Мумтаз Махал, которая умерла при родах в 1631 г. (одним из 14 детей Мумтаз Махал и Шах Джахана был и следующий падишах Аурангзеб).

Строительство мавзолея длилось около 22 лет (1632–1653). В нем участвовало более 20 тысяч человек со всех концов империи, а также из соседних государств. Разработкой проекта Тадж Махала и его строительством руководило несколько архитекторов, объединенных в совет, подотчетный императору. Стены мавзолея выложены светлым мрамором, меняющим свой оттенок в разное время суток, и инкрустированы полудрагоценными камнями. Для транспортировки строительных материалов использовали более тысячи слонов, а также множество волов, упряжками по 20–30 животных перевозивших специальные повозки с каменными блоками. Мрамор для мавзолея добывали за 300 км от места строительства, многие другие материалы свозились со всех концов империи. Площадка для строительства была специально укреплена и поднята над уровнем

реки Джамны на 50 метров. Вода подавалась с помощью специальной системы резервуаров.

Величественное здание построено в традиционном для Моголов стиле, сочетающем персидские и местные традиции; оно напоминает мавзолей императора Хумаюна в Дели (1565–1572). Купол Тадж Махала высотой в 35 метров возвышается над четырьмя меньшими. Общая высота сооружения вместе с каменным постаментом составляет 74 метра. Само здание окружено четырьмя 40-метровыми минаретами. Внутри расположены гробницы Мумтаз Махал и самого Шах Джахана.

Управлять четырьмя деканскими субами (провинциями) Могольской империи и осуществлять контроль над вассальными деканскими султанатами был назначен один из младших сыновей Шах Джахана Аурангзеб, который действовал весьма своевольно. Первое наместничество Аурангзеба на Декане продолжалось с 1636 по 1644 г. Его самостоятельность вызвала подозрения падишаха, и он направил Аурангзеба сначала в Гуджарат, а затем на далекую северо-западную границу – завоевывать Балх и Бадахшан. Там Аурангзеб не снискал особой славы, а дела на Декане опять требовали сильной руки, и в 1652 г. началось второе наместничество Аурангзеба на Декане, продолжавшееся до 1657 г., когда он включился в борьбу за трон. При жизни отца амбиции Аурангзеба были направлены на юг – на окончательное подчинение Биджапура и Голконды. Но Шах Джахан и его старший сын Дара Шукох, считавшийся официальным наследником престола, мешали намерениям Аурангзеба, опасаясь его личного усиления в ущерб центральной власти.

В сентябре 1657 г. Шах Джахан заболел, и его четверо сыновей стали готовиться к борьбе за власть. Старший сын Дара Шукох был объявлен наследником, но другие братья не собирались с этим мириться. К тому же Дара не пользовался авторитетом в среде делийской знати. Он больше был известен не как военный и администратор, а как ученый и писатель, интересовавшийся индуизмом и христианством и прославившийся еретиком. Аурангзебу удалось привлечь на свою сторону своих братьев Шуджу и Мурада, и войска претендентов пошли на столицу, не ожидая, когда образуется вакансия на троне. В результате Аурангзебу удалось избавиться от всех своих братьев, посадить отца в темницу и занять трон на долгие 50 лет (1658–1707).

ПРАВЛЕНИЕ АУРАНГЗЕБА

Основы системы управления и налогообложения, заложенные Акбаром, при его потомках начали размываться, однако продержались весь XVII в. Появились первые признаки разложения системы мансабдарства, в соответствии с которой все служащие делились на ранги согласно количеству всадников, находившихся у них на содержании. Увеличилось расхождение между чином и размером реально содержавшихся джагирдарами войск. Увеличилась доля земли, розданной в джагиры, и, соответственно, уменьшилась доля земли, находившейся под непосредственным управлением казны (земли *халисе*). Наместники в провинциях стали гораздо более своевольны. Налоговая система работала исправно, хотя наблюдались некоторые отступления от законных ставок поборов. Джагирдары и другие землевладельцы стали

вводить дополнительные сборы (*абвабы*) в свою пользу. Однако пока еще эта практика не стала столь разорительной, как впоследствии.

Ни Джахангир, ни Шах Джахан не были религиозными фанатиками, но не обладали и терпимостью, отличавшей Акбара. Положение индусов в империи снова стало ухудшаться. Шах Джахан прекратил строительство индуских храмов, снова ввел налог на немусульман (*джизью*) и стал поощрять обращение в ислам. При Аурангзебе началась откровенная исламская реакция.

Аурангзеб родился в 1618 г. и прожил 89 лет. Выполняя с 16 лет важнейшие государственные поручения своего отца, он приобрел еще до вступления на трон огромный военный, административный и дипломатический опыт. Он свободно говорил и каллиграфически писал по-арабски и по-персидски. Урду был его родным языком, знал он и хинди. Правда, его читательские интересы ограничивались научной и богословской литературой. Он не любил поэзию, не ценил изобразительное искусство, ненавидел музыку. Исполнение музыкальных произведений при его дворе было запрещено.

Аурангзеб вел скромный, даже аскетический образ жизни, выполнял все предписания религии, лично переписывал Коран и гордился тем, что тратит на себя только то, что зарабатывает этим переписыванием. Остальное время было полностью посвящено делам управления и войны. Он делил с солдатами все трудности походной жизни, вникал во все тонкости административной работы, лично составлял письма и предписания министрам, губернаторам, даже мелким функционерам. Бывало, что его военачальники терпели поражения, но сам он неизменно одерживал верх над противником. Империя при нем расширилась, охватив почти весь субконтинент и значительную часть Афганистана.

Однако все усилия Аурангзеба в конце концов оказались тщетными, а успехи эфемерными. Империя начала распадаться уже на его глазах. Она включала этнически различные народы, духовная пропасть между мусульманским правящим меньшинством и индусским угнетенным большинством не уменьшалась. Все это вело к восстаниям, которые приобретали национальную окраску. Аурангзеб своей политикой способствовал росту отчужденности населения от Моголов. Его целеустремленность превращалась в фанатизм. Он сам плодил вокруг себя врагов, отталкивал потенциальных союзников, уповая прежде всего на силу. Не уступая, а может быть даже превосходя своего прадеда Акбара в трудолюбии, Аурангзеб не обладал его широтой взглядов и пониманием индийской ситуации.

Ему не удалось продвинуть пределы государства на восток далее Бенгалии. Ахомское государство в Ассаме сумело отстоять свою независимость. На западе сопротивление афганских племен постоянно ставило под вопрос власть Моголов в этом регионе. На юге успехи Аурангзеба были, казалось бы, наиболее впечатляющими. Ему удалось присоединить Биджапур и Голконду, что означало продвижение власти Моголов почти до самого юга полуострова. Он нанес поражения вождю маратхов Шиваджи и заставил его на время подчиниться и выехать к своему двору, в Агру. Но вскоре все здание империи стало рушиться.

Серьезным фактором растущей нестабильности стала самоубийственная *религиозная политика* Аурангзеба. Указы, ущемляющие индусов, следовали один за другим. В 1665 г. было объявлено, что мусульманские торговцы должны платить пошлины в размере 2,5% от стоимости товаров, а индусские – 5%, а в 1667 г. пошлины с мусульманских купцов были вообще от-

менены. В 1669 г. было приказано приступить к уничтожению брахманских школ и индуcских храмов. В 1671 г. вышел указ, разрешающий занимать административные посты только мусульманам. Этот указ отражал непонимание правителем ситуации в империи. Браhманы и кайяcтхи (каста писцов) издавна занимали подавляющую часть должностей, требующих определенной образованности, а среди мусульман не имелось достаточного количества грамотных людей. Эта «кадровая реформа» провалилась, и через несколько лет было разрешено половину постов отдавать индусам. Однако указы сыграли свою роль в отчуждении верхних слоев индусского общества от власти. В 1695 г. индусам, кроме раджпутов, было запрещено передвигаться в паланкинах, ездить на слонах и на чистокровных лошадях, а также носить оружие.

Все это привело к тому, что восстания джатов, бунделов, маратхов, раджпутов и сикхов становились все более ожесточенными. Впрочем, многие раджпутские князья остались на службе Моголов, их контингенты составляли важную часть имперской армии. В 1669 г. начались столкновения между имперскими войсками и кланами землевладельческой и земледельческой касты *джатов* в окрестностях Матхуры, т.е. в районе, расположенном между столицами Моголов – Дели и Агрой. В Бунделкханде (территория к югу от Джамны) в 1671 г. взбунтовался Чхатрасал, вождь раджпутского клана *бунделов*, который первоначально верно служил Моголам, участвовал в их походах против маратхов, однако вдохновленный героическим сопротивлением последних, решил основать собственное княжество. Это ему удалось. Он стал союзником маратхов. В 1672 г. началось восстание первоначально мирной религиозной секты *сатнами*, распространенной в северной Раджпутане и прилегающих районах Панджаба. Оно было жестоко подавлено. Это нарушило мирные отношения между Моголами и княжествами Раджпутаны, установившиеся в период правления Акбара и Джахангира. Аурангзеб вознамерился присоединить княжество Марвар, но там началась партизанская война. Марвар был поддержан Меваром. Аурангзебу удалось захватить все меварские крепости, но и здесь партизанская война не прекращалась. В конце концов и Марвар, и Мевар сохранили независимость.

ДВИЖЕНИЕ СИКХОВ

В XV–XVI вв. в Северной Индии появилось несколько религиозных общин, проповедовавших ненужность храмов и брахманов, возможность личного общения с богом, выступавших против кастовых различий. Одной из таких общин была группа последователей Нанака (1469–1539), которого стали считать «учителем» (гуру), а его последователи стали называть себя «учениками» (*сикхами*). Сикхи учили, что Бог един, не имеет формы и имени, что в мире борются светлые и темные силы, преодолеть темные силы можно путем самоусовершенствования, ведя благочестивую, умеренную жизнь. Им запрещалось употребление алкогольных напитков и табака. Спасение, по учению сикхов, доступно всем, вне зависимости от касты. Они боролись с кастовыми предрассудками, принимали в свою среду всех желающих и устраивали совместные обеды, чтобы подчеркнуть, что не признают возможности ритуального осквернения одной касты другой. Первоначально это была мирная секта, организованная по образцу суфийских орденов. Она привлекала мелкий городской люд. Затем большинство в общине стали составлять сельские жители, прежде всего из касты джатов.

«Сингх» («Лев»), до этого считавшийся кастовым именем только раджпутов. Им предписывался образ жизни раджпутов, воинской касты. Вся деятельность общины была подчинена задаче военного противостояния Моголам.

ДВИЖЕНИЕ МАРАТХОВ

На Декане, в Махараштре еще под властью Биджапура шло становление целого слоя мелких вождей (*дешмукхов*), которые, опираясь на построенные ими крепости, воевали друг с другом и с властями – сначала с Биджапурскими, а потом и Могольскими. Среди них выделился Шиваджи из рода Бхосле. Он захватил несколько важных крепостей и дважды нанес поражения большим биджапурским армиям. Затем Шиваджи стал нападать только на могольские владения. В 1665 г. Шиваджи был разбит имперской армией и вынужден был согласиться стать вассалом Моголов. Но его заключили в Агре под домашний арест, который больше напоминал тюрьму.

Шиваджи удалось хитростью освободиться из заключения (по легенде он симулировал болезнь, добился разрешения отправлять в храмы приношения за свое здоровье в виде сладостей и фруктов, а затем слуги вынесли его и его сына в больших корзинах, как будто бы заполненных фруктами). Кружным путем он вернулся в Махараштру. В 1670 г. он возобновил военные действия. Его отряды проникали во все провинции Декана, требуя у местных жителей уплаты четвертой части налогов (*чаутх*) и еще десятой части налога в качестве *сардешмукхи*, т.е. сбора, полагающегося дешмукху. Маратхские войска разграбили Сурат – один из крупнейших могольских портов. В 1674 г. Шиваджи короновался в Райгархе как независимый государь с титулом *чхатрапати*. 3 апреля 1680 г. он умер, так и не побежденный Аурангзебом.

Несмотря на то что Шиваджи стоял во главе государства всего шесть лет, он создал стройную систему управления: «правительство» из восьми «министров», главный из которых носил титул *пешва*, деление на провинции (*прант*). Провинции состояли из *парган* и *тарафов*. Во главе парган он оставил прежних наследственных дешмукхов и дешпанде, но снес их укрепления, чтобы пресечь возможные сепаратистские устремления. Армия маратхов состояла из легковооруженной пехоты и легкой конницы. Всадники либо нанимались вместе с лошадью, либо снабжались лошадью из казны. Армии не имели обозов, они должны были обеспечивать свое снабжение сами, грабя население по пути. Высокая подвижность маратхской конницы по сравнению с огромными неповоротливыми армиями Биджапура и Моголов была основной причиной побед Шиваджи. Оборона страны базировалась на крепостях. К концу жизни у Шиваджи насчитывалось 240 крепостей. Он создал также флот из 400 судов.

После смерти Шиваджи правителем маратхов стал его сын Самбхаджи (Шамбхуджи) (1680–1689). Аурангзебу удалось его разбить и пленить всю его семью. Но после этого борьба маратхов за независимость становится поистине народной. 20 февраля 1707 г. Аурангzeb умер в Ахмаднагаре, практически осажденном маратхами.

Золотой храм. Амритсар. Конец XVI – начало XVII в.

В XVII в. территория, контролируемая сикхами, стала обретать подобие государственности: она была разделена на провинции, в которых сидели представители гуру, стали собираться налоги в казну секты, создаваться вооруженные отряды. При Джахангире секта подверглась преследованиям, начались вооруженные столкновения. Гуру сикхов превратились не только в духовных, но и в военных вождей. Хар Говинд (1606–1645) отстроил свою религиозную столицу Амритсар (где находится построенный еще при его предшественнике знаменитый Золотой храм сикхов Хармандир-Сахиб), учредил правительство, ввел налоги, создал небольшую мобильную армию (300 всадников, в распоряжении которых имелось 700 лошадей, и отряд мушкетеров из 60 человек). При нем сикхам было разрешено охотиться и употреблять в пищу мясо.

Десятый гуру Говинд Сингх (1675–1708) стал последним гуру сикхов. В 1699 г. он собрал съезд всех сикхов и объявил о полной перестройке сикхской организации. Пост гуру был упразднен. Говинд Сингх остался военным руководителем, но ведение религиозными делами перешло ко всей общине, которая была названа *хальсой* («общиной чистых»). Сикхи вступали в общину после обряда окропления водой, взболтанной кинжалом. Они получили пять отличительных признаков: должны были носить длинные волосы (не стричься и не бриться с детства), иметь при себе специальный гребень для волос, стальной браслет, носить кожаные штаны, удобные для верховой езды, постоянно носить меч или кинжал (*кирпан*). Волосы убирались под тюрбан, завязываемый особым способом. Каждый сикх получал титул

Империю Моголов не следует считать бюрократическим государством. Она была прежде всего военной организацией. Все служащие имели воинский чин и в соответствии с ним должны были получать содержание в виде либо жалования из казны, либо возможности собирать в свою пользу государственные налоги с определенной территории (джагир). Работа аппарата не была строго регламентирована, функции различных ведомств пересекались, вопросы решались под влиянием соображений, часто далеких от государственных интересов, по настроению падишаха или тех или иных вельмож. Взятки составляли важнейший фактор при решении всех вопросов. Это не была коррупция в современном значении слова, поскольку «подарки» вельможам и самому падишаху не рассматривались как нарушение правил или законов. Сохранялись вассальные княжества раджпутских и прочих раджей, включавшихся в имперскую структуру на основе своего рода договоров, большей частью устных. На территории этих княжеств имперский налоговый аппарат не действовал. Князья формально приравнивались к служащим империи, получали чин, но их реальные доходы зависели не от чина, а от налоговых возможностей княжества. Они платили Моголам дань (*пишкеш*), устанавливаемую произвольно, в зависимости от соотношения сил, и в остальных своих доходах не отчитывались. Если князь выказывал неповиновение и вызывал недовольство двора, его, конечно, можно было снять и заменить другим представителем правящего рода, но такие случаи воспринимались болезненно и могли привести к войне. В целом князья оставались наследственными правителями. Система управления замыкалась на императоре. От его личных качеств зависело функционирование всех ее звеньев. Аурангзеб, возможно, был еще более трудолюбив, чем Акбар, но осуществлял столь мелочный контроль над всеми вопросами, настолько не терпел инициативы служащих, что окружил себя безвольными и угодливыми людьми, неспособными решать все обострившиеся проблемы. Распад империи, произошедший после Аурангзеба, в частности, объясняется административными просчетами последнего Великого Могола.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Собственность на землю не была закреплена в праве. Сбор налогов всегда, начиная с глубокой древности и до британского завоевания, обосновывался официально только тем, что государь защищает подданных от внешних и внутренних врагов и потому уполномочен получать вознаграждение. Это право на сбор и перераспределение налога можно назвать верховной собственностью, или правом собственности на землю как территорию с подвластным населением. Главным распорядителем этой собственности выступал государь. Но ее большая часть постоянно находилась в руках тех или иных частных лиц. Правящий слой состоял в основном из мусульман. Но еще со времен Делийского султаната значительную роль в нем играли индусские князья.

Верхнему слою господствующего класса противостоял слой деревенских землевладельцев, которые чаще всего назывались *заминдарами*, что и озна-

чает буквально «владелец земли». Они принадлежали чаще всего к высоким кастам, составляли крупные общины (до ста деревень), были вооружены, имели наследственные отчуждаемые права на землю, эксплуатировали низшие слои деревни: арендаторов, ремесленников, членов обслуживающих каст. Их собственность на землю (которую можно назвать низовой, податной, подчиненной) была ограничена обязанностью организовывать обработку земли и уплачивать поземельный налог, который в XVII в. стал тяжелее. Официально он достиг половины урожая, но из-за различных вычетов, производившихся до основного раздела между землевладельцем и фискальным чиновником, составлял, по-видимому, треть валового урожая. Права заминдара на землю были довольно ходким товаром.

Слой низовых собственников-налогоплательщиков по численности составлял 90% господствующего класса, но официально привилегий не имел. Тем не менее на нем держалось государство. От него зависели как организация сельскохозяйственного производства, так и поступление налогов в казну. Если происходили «крестьянские восстания», то речь шла о восстаниях этого слоя, поддерживаемого широкими массами сельского населения, которые видели в деревенских заминдарах своих естественных покровителей. Сельские общины имели самоуправление, осуществлявшееся кастовыми советами землевладельческой касты. Вожди общин рассматривались властями как низовые чиновники, но они занимали свои посты по наследству и распоряжались внутри общин без контроля со стороны государственного аппарата.

Размеры и величие индийских городов поражали путешественников. Один из них в начале XVII в. писал, что Агра не уступает крупнейшим городам мира. Другой полагал, что Лахор больше Константинополя. Французский путешественник второй половины XVII в. Ф. Бернье писал, что Дели по размеру почти не уступает Парижу, а Агра – больше Дели. Однако все эти восторженные описания относятся к периодам расцвета соответствующих городов, связанным, как правило, с их столичным положением или с пребыванием в них больших гарнизонов. Двор, армия и обслуживающий их персонал составляли основной контингент потребителей продовольствия, ремесленных изделий, всех прочих товаров и услуг. Если столица переносилась в другой город или если его покидала армия, город хирел. Городское самоуправление не развивалось.

Основой экономики служило сельское хозяйство. Крестьянские хозяйства, принадлежавшие полноправным общинникам или их арендаторам, абсолютно преобладали. Основной экономической проблемой, которой неустанно занимались власти на всех уровнях, было расширение запашки. Вместе с тем не уделялось никакого внимания вопросам усовершенствования методов земледелия и орудий труда. Исключение составляют меры, которые прямо вели к увеличению налогов. Это относится прежде всего к орошению, а также к расширению выращивания товарных культур. Сельское хозяйство было в основном натуральным, но часть его продуктов поступала в продажу и товарные отношения были довольно развиты. Большое городское население, наемная армия, взимание налогов в деньгах приводили к тому, что до половины урожая продовольственных и почти весь урожай технических культур поступали на рынок.

Индия была одним из крупнейших производителей железа. Оно изготовлялось из руды, собиравшейся по всему Декану прямо на поверхности почвы или залегавшей неглубоко от поверхности. Metallургическое производство велось мелкими артелями примитивным сыродутным методом с использованием древесного угля. Каменный уголь не использовался, доменный процесс не был известен. Однако таких артелей было много, и в сумме они производили достаточное количество металла для нужд армии и хозяйства. На мировом рынке ценилась индийская сталь.

Довольно развито было судостроение. Большие джонки обеспечивали торговлю и другие перевозки между портами побережья, по основным рекам, а также перевозки в Аравию и страны Юго-Восточной Азии.

Была развита пищевая промышленность. Производилось большое количество сахара из сахарного тростника, растительного и коровьего масла. Несмотря на религиозные запреты, выпускалось много алкогольных напитков. Большую роль играло производство опиума. В XVII в. появились новые культуры: табак, томаты, красный перец-чили, привезенные европейцами из Америки. Важно отметить, что распространение новых культур и новых вкусовых привычек не являлось инициативой правящих кругов, а шло спонтанно, под влиянием развития товарных отношений. Индия славилась также красителями, особенно синей краской, изготавливавшейся из листьев индиго.

Но наибольшее развитие в индийской промышленности получила текстильная отрасль. Производилось около 150 сортов различных тканей, главным образом хлопчатобумажных, но также шелковых и шерстяных, тканей из волокна кокосового ореха (*койры*). Специализация различных регионов на производстве разных сортов вызывала к жизни развитую внутреннюю торговлю тканями. Шелковые ткани производились только в нескольких центрах, в том числе в Бенгалии, Гуджарате и Кашмире. Индийский шелк потреблялся не только внутри страны, но шел и на экспорт. Кашмирские шерстяные шали стали предметом престижного потребления в среде индийской знати, а затем приобрели всемирную известность. Европейские закупки тканей дали этой отрасли значительный стимул.

Таким образом, индийское промышленное производство по своему объему составляло в то время важную часть мировой экономики. Однако экономическая роль Индии базировалась на количественных факторах – огромной численности населения, в том числе ремесленного. Два обстоятельства препятствовали дальнейшему развитию: низкий уровень технической оснащенности и господство мелкого, индивидуального хозяйства, недостаточное развитие разделения труда, кооперации его в более крупные хозяйственные ячейки.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ С ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

После Английской революции английская Ост-Индская компания активно включилась в восточную торговлю, отесняя сначала португальцев, а затем и голландцев. Главной факторией англичан на западном побережье в 1613–1616 гг. стал Сурат. На восточном побережье они укрепились в Масулипатаме, Пуликате и Армагаоне. В 1639 г. британцы построили форт Сент-

Джордж, вокруг которого вырос крупный город Мадрас (сейчас – Ченнай), ставший центром английских владений в Южной Индии. На берегу реки Хугли в Бенгалии были куплены три деревни, на месте которых в 1690 г. был заложен форт Вильям, ставший центром города Калькутты (сейчас – Колката), столицы английских владений в восточных районах Индии. Опорным пунктом на западе стал Бомбей (ныне – Мумбаи), который перешел к Англии в качестве приданого португальской инфанты, вступившей в брак с английским королем Карлом II, а затем был им продан Ост-Индской компании.

Созданная в 1602 г. нидерландская Ост-Индская компания основала свои фактории по закупкам индийских товаров не только на побережье, но и в глубине субконтинента. Датская Ост-Индская компания, возникшая в 1616 г., также приобрела несколько прибрежных факторий. Позже, чем другие, возникла французская Ост-Индская компания (1664 г.), однако она активно включилась в передел восточных рынков. Центром французских владений в Индии стал Пондишери (Путтуччери), основанный в 1674 г.

Влияние европейской торговли на экономическое состояние страны стало более значительным, чем в XVI в., и на первых порах скорее благотворным. Европейские купцы платили пошлины, пополнявшие казну местных государей. Они закупали местные товары и тем самым способствовали расширению производства. Их можно было использовать как незначительную, но надежную военную силу в борьбе с соседями. То, что при этом компании использовали межгосударственные противоречия для расширения своих торговых привилегий и для закрепления за собой ряда территорий, не вызывало настороженности.

Большинство европейцев действовало в Южной Азии как купцы, представители частных акционерных компаний. Только португальские экспедиции и владения на Востоке находились под контролем государства. Компании сами закупали корабли, снаряжали их, нанимали военные отряды и отчитывались только перед акционерами. Меньше всего они думали об интересах своей страны или о развитии экономики метрополии. Они готовы были разорить собственную текстильную промышленность, ввозя индийские ткани, вошедшие в моду и пользовавшиеся большим спросом.

В XVII в. главным товаром восточной торговли стали хлопчатобумажные ткани. Кроме того, важное значение имел вывоз селитры, необходимой для производства пороха, и красителей, прежде всего индиго. Покупали европейцы также хлопок, пряжу, сахар, шелк. В обмен они предлагали свои товары: медь, ртуть, оружие, шерстяные ткани. Но в целом у европейцев в то время не имелось товаров, которые уравнивали бы импорт из стран Востока. Британцы в начале XVII в. экспортировали индийские ткани главным образом в Индонезию в обмен на пряности, которые везли уже в Европу. В 30–60-е годы – в основном на рынки Африки, Турции, Леванта, и лишь в последней четверти XVII в. стали ввозить ткани в Европу.

Негативное влияние на морскую торговлю в Индийском океане оказало соперничество европейских компаний. Постоянной проблемой были европейские купцы, снаряжавшие корабли в обход монопольного права компаний. Их приходилось отлавливать и захватывать. В результате европейцам не удалось полностью поставить под свой контроль торговлю арабских и индийских купцов, хотя она и была в значительной степени дезорганизована.

Ее объемы сократились, значительно возросла сухопутная торговля через Кандагар и Герат. Европейские фактории в Индии испытывали постоянную нужду в деньгах. Их деятельность была бы невозможной без сотрудничества с местным торговым капиталом. Собственно скупка товаров, необходимых европейцам, производилась местными крупными торговцами через разветвленную сеть посредников-скупщиков. Местные богачи также выдавали факториям крупные займы. Это сотрудничество европейского и местного торгового капитала объяснялось тем, что их интересы совпадали. Индийские торговцы сколачивали крупные капиталы, пользуясь тем, что индийские товары благодаря европейцам вышли на мировой рынок.

Конечно, бесцеремонность пришельцев, а часто и их нежелание считаться с местными обычаями и приказами властей время от времени вызывали резкую реакцию губернаторов и центральных правительств. Фактории европейцев подвергались осадам, некоторые из них были разрушены. Однако в целом местные власти покровительствовали *фирингам*, как называли всех европейцев, видя в них источник дополнительных доходов.

Расширение внешних рынков для индийских товаров привело к определенному расширению производства. Увеличились посевы продовольственных культур, пряностей, хлопка, индиго. Бум испытывало производство тканей – хлопчатобумажных и шелковых. В Гуджарате, на восточном побережье и в Бенгалии сосредоточилось значительное количество ткачей, работавших по заказам европейских факторий. Однако этот подъем не сопровождался совершенствованием орудий, технологических приемов или организации труда. Огромные массы золота и серебра, начавшие поступать с Запада, не оплодотворили индийскую экономику. Драгоценные металлы оседали в сокровищницах султанов, навабов, раджей и падишахов. Дополнительные доходы, которые могли бы получить производители, земледельцы и ремесленники, съедались возросшими налогами.

Система авансирования ремесленников (*дадни*), распространенная еще до появления европейцев, с их приходом стала еще разветвленное. Авансировались либо зерно, либо деньги, реже – сырье. Однако дальнейшего развития отношений подчинения труда капиталу не произошло. Купцы, скупщики-ростовщики, не стремились вкладывать средства в развитие производства на новой основе, видели путь к увеличению прибылей только в расширении массы подчиненных им ремесленников и в их эксплуатации.

С появлением европейских анклавов, пользовавшихся правами экстерриториальности, в них стали селиться ремесленники, прежде всего ткачи, надеясь найти там убежище от прямых грабежей и вымогательств. Благодаря этому росли колониальные города, такие как Мадрас, Бомбей, Калькутта, Пондишери и др. Туземное население в них пользовалось даже некоторым самоуправлением. Таким образом, утверждение европейцев на земле Индии и в ее торговле привело к определенному развитию ряда производств, обеспечивших рост экспорта. Однако основы традиционного экономического строя не были в тот период подорваны, и это привело к экономическому упадку в следующий период, когда политика колонизаторов на Востоке изменилась.

В период Могольской державы продолжались два процесса, начавшиеся еще в Средние века: во-первых, вызревание национальных культур на базе единого для них классического санскритского наследства, а во-вторых, взаимообогащение индусской и мусульманской культур. Оба эти процесса вызвали противодействие консервативных сил. В среду индусов проникают идеи равенства людей перед Богом, возможности личностных отношений с Богом, развиваются течения типа *бхакти*, отрицавшие брахманские обряды. «Реформаторы» из числа вишнуитских богословов и сторонников тантризма писали о необходимости привлекать к обрядам шудр и женщин, о приемлемости местных культов, включая культы отсталых племен, о привлечении мусульман к единым ценностям. В этих условиях брахманская ортодоксия пытается отстоять незыблемые устои храмового индуизма, сохранить и развить древнюю санскритскую, брахманистскую традицию. Получает новый импульс комментаторская литература и составление *нибандх* – сводов положений *дхармашастр*, полностью оторванных от реалий дня. В них вновь и вновь прокламируется, что истинное учение предназначено для высших каст, к нему не должны допускаться шудры и женщины. В наиболее консервативных сочинениях утверждается даже, что лишь брахманы несут знание, кшатрии же и вайшьи недостойны знать истину. Наличие мусульман в Индии полностью игнорируется. Санскритская литература подобного рода создается при дворах раджпутских князей.

Весьма схожая по содержанию борьба различных тенденций наблюдалась и в среде индийских мусульман. Старший сын Шах Джахана Дара Шукох был ученым-мистиком суфийского ордена *кадирийе*. Он довольно пристально изучал иные религиозно-философские системы. По его приказу были переведены на персидский книги по системе йогов, «Бхагаватгита», упанишады. Отход от ортодоксии, наблюдавшийся у ряда мусульманских мыслителей, беспокоил ревнителей «чистоты» религии. Дара Шукох был казнен не как политический противник Аурангзеба, а как еретик. Ответом на «разброд» среди мусульман послужило развитие арабоязычной теологической литературы – появление многочисленных комментариев на Коран, аннотированных глоссариев и т.п. Вершиной арабских исследований в Индии явился составленный при Аурангзебе «Фатава-и Аламгири». Шеститомный свод, созданный группой теологов под руководством Шейха Низама, стал одной из лучших книг по исламскому праву. Синтеза индусской и мусульманской культур в единую индийскую так и не произошло.

КИТАЙ В КОНЦЕ XVI – XVII ВЕКЕ: ОТ ИМПЕРИИ МИН К ИМПЕРИИ ЦИН

В конце XVI – начале XVII в. кризисные явления в империи Мин стали очевидны. Династический цикл подходил к концу, следовало ожидать всевозможных бедствий будущего «междоусобицы»: массовых народных восстаний, распада Поднебесной, анархии; борьбы с сепаратистами. Приближался и критический для средневековых китайских империй срок существования – 300 лет.

Император фактически полностью устранился от реального управления государством. Удельные князья вели себя все более независимо. В Поднебесной насчитывалось огромное количество чиновников и еще больше – лауреатов экзаменационных конкурсов, желавших получить должности после сдачи экзаменов. Однако, обеспечить всю эту бюрократическую армию имперское правительство уже не могло. В стране процветали частное землевладение и «теневая экономика», в то время как традиционный конфуцианский, а затем и неоконфуцианский идеал сильной государственной власти, опирающейся на честное чиновничество, сильную армию и трудолюбивое крестьянство, все больше превращался в недостижимую иллюзию.

Правда, кризис китайской государственности, как это не раз бывало, сопровождался некоторым экономическим развитием. Росли города и увеличивалось число их обитателей. Шел процесс превращения в города торгово-ремесленных поселений, первоначально не имевших городского статуса, – *чжэней* и *ши*. В конце XVI – начале XVII в. в крупных чжэнях проживало уже от 50 до 350 тысяч человек. Чжэни были настоящими городами европейского типа – центрами торгово-ремесленного производства и обмена, а не просто административными ставками. В наибольшей мере эти процессы были характерны для более развитых регионов в Центре и на Юге страны. Все больше крестьян, разоренных высокими налогами (их повышение было связано с ведением военных кампаний в Корее и против маньчжуров, например за 1618–1628 гг. налоговое бремя возросло в два раза), переселялись в города и становились ремесленниками. Именно в этот период появились своеобразные городские «агломерации»: наиболее развитые города стали центрами притяжения для образования меньших торговых и ремесленных центров. Внутри городов существовало разделение производственной «специализации» между улицами и кварталами. Некоторые города были крупными центрами какого-то определенного производства: фарфора – Цзиндэчжэнь, шелковых тканей – Сучжоу и Ханчжоу, бумаги – Шитанчжэнь, производства изделий из железа – Фошаньчжэнь и др.

Наряду с государственным производством, сохранявшим главное значение, продолжается начавшийся в XVI в. бурный рост частного предпринимательства. На некоторых из частных предприятий работало по несколько тысяч наемных рабочих. В ряде отраслей, в первую очередь в производстве тканей, появляются рассеянные мануфактуры. В городах, так же как и в

сельской местности, функционировали определенные механизмы оказания взаимопомощи. В сохранении таких механизмов были часто заинтересованы богатые местные семейства, стремившиеся путем образования clientela сохранить свое неофициальное влияние.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ДИНАСТИИ МИН

Последним внешнеполитическим успехом империи Мин стало участие китайских войск в 90-е годы XVI в. в борьбе с японцами, пытавшимися захватить Корею, а затем двинуться на Поднебесную. Китай показал себя достойным «сюзереном», способным защитить сохранявшую лояльность Корею. Тем временем европейское проникновение в Китай, пусть и сильно ограниченное властями, на какое-то время усилилось. В конце XVI в. в Поднебесную начали прибывать христианские миссионеры. Кроме религиозных, эти проповедники выполняли и определенные дипломатические функции, а также собирали различные сведения о Китае. В 1581 г. в Гуанчжоу появился итальянский иезуит Маттео Риччи. В 1601 г. он переехал в Пекин и приобрел большое влияние при дворе. Маттео Риччи обладал незаурядными лингвистическими способностями и умел запоминать и воспроизводить до 500 иероглифов, записывая их как в прямом, так и в обратном порядке.

В начале XVII в. Китай столкнулся и с усиливающейся активностью северных соседей. В 1618 г. в Пекине побывала первая русская миссия во главе с Иваном Петлиным, который от имени русского правительства предлагал наладить посольский обмен и торговлю. На северных границах Китая также активизировались маньчжуры, завоевавшие в 1618 г. южные районы Маньчжурии и полуостров Ляодун, которые входили до того момента в состав Поднебесной. Правда, дальнейшее продвижение маньчжуров удалось тогда остановить.

В 20-е годы XVII в. у берегов Китая появились голландцы, захватившие сначала южную часть Тайваня, а в 1641–1642 гг. и весь остров. Однако на континент голландцам проникнуть не удалось. Чуть позже к Гуанчжоу приплыли английские корабли. Добиваясь права вести в Гуандуне торговлю, англичане разрушили из корабельных орудий китайские укрепления в Хумэни около Гуанчжоу. Но к этому времени внутренние проблемы тревожили жителей Поднебесной уже значительно больше, чем вопросы внешней политики.

ЕВНУХИ, ИМПЕРАТОРЫ И РЕФОРМАТОРЫ

Самым верным признаком надвигающегося конца династии Мин было в глазах китайцев ставшее почти неограниченным влияние евнухов на принятие политических решений. При императоре Чжу Юцзяо (1620–1627, храмовое имя – Си-цзун) всеми делами в государстве управлял евнух Вэй Чжунсянь, произвол которого превзошел все бесчинства фаворитов предыдущих правителей. Сам Чжу Юцзяо проводил дни, осваивая плотницкое дело. Тем временем, будучи главой Палаты жертвоприношений (Сылицзянь), Вэй Чжунсянь передал в ее полное распоряжение все государственные дела,

забрав их из Внутридворцового секретариата (*Нэйгэ*). Вэй Чжунсянь возглавил и сыскной орган *Дунгуан*, что дало ему возможность распоряжаться жизнью и смертью придворных и высших чиновников. Местные власти строили в честь Вэй Чжунсяня храмы и поклонялись размещенным там изображениям евнуха. В его честь выкрикивали здравицу: «9500 лет», приветствуя почти так же, как императора, которому желали 10 тысяч лет жизни.

Власть Вэй Чжунсяня закончилась со смертью его «господина». Взошедший на императорский трон младший брат Чжу Юцзяо – Чжу Юцзянь (1627–1644, храмовое имя – Сы-цзун) первым делом приказал всесильному фавориту совершить самоубийство и попытался в дальнейшем править самостоятельно. Впрочем, если Чжу Юцзянь и хотел исправить ситуацию в империи, то его инициативы оказались безуспешными: система управления была почти полностью разрушена. Казна государства была пуста, во многом благодаря тому, что Чжу Юцзянь, как и его предшественники, предавался безудержным увеселениям. Чрезмерная подозрительность, попытки вымогать подарки у своих же чиновников и государственных учреждений, а также излишняя жестокость не снискали императору любви среди подданных.

Часть чиновников и конфуцианских ученых продолжала оставаться равнодушной к происходящему в Поднебесной, что традиционно выражалось в подачах императору докладов с предложениями мер, способных спасти положение. Впрочем, как и в XVI в., к большинству выдвигаемых проектов не прислушивались. Значительную активность среди подававших доклады чиновников с конца XVI в. проявляла группа выходцев из провинциальной академии «Дунлинь». На формирование идей ее основателя Гу Сяньчэна в определенной мере повлиял торгово-промышленный Юг с его развитым ремеслом, торговлей и предпринимательством. В городе Уси (провинция Цзянсу в низовьях Янцзы) Гу Сяньчэн преподавал в местной академии «Дунлинь» и там сплотил вокруг себя группу единомышленников, вместе с которыми писал и распространял сочинения на политические темы. «Дунлиньцы» подавали доклады императору, поддерживая одних политических деятелей и порицая других. К ним присоединялись многие чиновники, в том числе и столичные.

Наряду с такими традиционными требованиями, как участие императора в государственных делах, отстранение от власти временщиков и евнухов, рассмотрение поступающих «снизу» докладов, борьба со взяточничеством, выдвижение на чиновничью должность только после получения степени, укрепление армии, снижение налогов и повинностей, дунлиньцы предлагали и нечто новое. Например, впервые в китайской общественно-политической мысли была выдвинута идея отмены публичных палочных избиений – требование определенного уважения к личности. И уж совершенно невиданными в китайской политической практике были такие предложения, как ослабление государственного контроля над частной торговлей и промышленной деятельностью и отмена государственных монополий. Подобные идеи шли вразрез с основной политической концепцией «поощрения ствола и обрубания ветвей». Эти предложения, с одной стороны, отражали влияние Юга, всегда в большей степени стремившегося приспособиться к новым жизненным реалиям, с другой, показывали, что и в среде чиновников, получавших традиционное неоконфуцианское образование, появлялось осо-

знание того, что с проблемами можно бороться не только традиционными путями.

При правлении Чжу Инцзюня (1572–1620, храмовое имя – Шэнь-цзун), равнодушного к делам управления в последние десятилетия своего царствования и занятого пьянством и курением опиума, группировке Дуньлинь не удавалось реализовать ни одного из своих предложений. Впрочем, один из сторонников провинциальной Академии Дунлинь – Ли Саньцай, прославившийся как чиновник, сумевший во время своего губернаторства навести порядок в районе Хуайфу (провинция Цзяннань), стал в 1612 г. главой Ведомства налогов, что давало реформаторам определенные возможности для влияния на политический курс государства. Проанализировав ситуацию, чиновник предсказал серьезные проблемы с маньчжурами на Севере и значительную вероятность того, что в стране вскоре начнутся массовые крестьянские восстания. Но предлагаемые Ли Саньцаем меры были в глазах двора слишком радикальными. Большинство придворных, да и сам император Чжу Инцзюнь хотели лишь вернуть эффективность существующей системе, а не перестраивать ее полностью. Деятельность Ли Саньцай оказалась парализована нерешительностью императора. Из-за многочисленных ложных обвинений в коррупции и превышении полномочий Ли Саньцай был вынужден уйти в отставку.

Но в кратковременное правление императора Чжу Чанло (1620, храмовое имя – Гуан-цзун) дуньлинцы получили определенную возможность действовать. Они оттеснили от управления евнухов, выдвинули на государственные должности своих людей, отпустили средства на оборону границ и, самое главное, реализовали одно из своих экономических предложений – отменили налоги на рудники. Однако через два месяца император Чжу Чанло был отправлен, а реформаторы оттеснены от управления. Реальная власть перешла к евнуху Вэй Чжунсяню, и все в стране потекло по-старому. Беспокойство вызывало лишь драматическое развитие событий на северных границах. Маньчжуры в 1621 г. взяли Ляоян. Срединному государству было практически нечего им противопоставить. Сторонники реформ вновь перешли в наступление. Императора убедили вернуть Ли Саньцай в политику. Правда, он был назначен лишь в южную столицу Нанкин, до которой так и не добрался, умерев по дороге от болезни.

И все же дуньлинцы пытались продолжать борьбу. Возглавивший в 20-е годы дуньлинское движение после смерти Ли Саньцай Ян Лянь в 1624 г. подал доклад с перечислением 24 «больших преступлений» Вэй Чжунсяня. Но в итоге всемогущий евнух учинил расправу над дуньлинцами, после чего движение сошло на нет. Император Чжу Юцзянь, попытавшийся в какой-то мере претворить предложения дуньлинцев в жизнь, не добился значительных результатов, так как кризис было уже невозможно остановить. Волнения и бунты крестьян переросли в «крестьянскую войну», продолжавшуюся два десятилетия (1628–1647).

Глубокий кризис, выражавшийся в массовом разорении крестьян, глубоким недовольстве части чиновников и лауреатов, ремесленников и торговцев, волнениях в армии, вел к тому, что по всей территории Поднебесной множились шайки разбойников. В скором времени такие отряды насчитывали уже по несколько тысяч человек и могли представлять собой значительную угрозу для войск династии Мин, все еще пытавшихся справиться с возникающими беспорядками. Ситуация походила на замкнутый круг. Правительственные войска были непрестанно заняты уже не столько стычками с маньчжурами на Севере, сколько непрерывной войной против отрядов восставших. Для проведения этих операций требовались средства, что вело к росту налогов, а рост налогов, в свою очередь, вел к пополнению отрядов мятежников. Лидеры восстания раздавали народу захваченное продовольствие и деньги, что способствовало массовому переходу на их сторону местного населения в занимаемых ими провинциях. В ряды повстанцев вливались и беглые солдаты, имевшие навыки ведения военных действий.

Один из источников того периода («Мин цзи бэй люе») показывает, как сложившаяся в империи ситуация воспринималась «снизу»:

«Наш государь вовсе не темен, но он одинок, и дела не доходят до него. Все чиновники своекорыстны... Они составляют группировки, а преданность и честность их ничтожна. Даже в высшие учреждения проникла преступность. Авторитет двора падает с каждым днем. Все доходы идут в руки царских родственников и знати, а силы народа истощены до крайности.

Гуны и хоу (князья) питаются мясом и одеваются в шелка, а император считает их своей надежной опорой. Евнухи все жадны и глупы, а император считает их своими ушами и глазами. Брошенных в тюрьмы все больше и больше, а образованные не помышляют о соблюдении своего долга. Гнет от налогов становится все тяжелей. Народ ненавидит императора и готов погибнуть, чтобы погиб и он».

Возможно, и существовали решения, способные изменить ситуацию, но правительство, столкнувшееся с тем, что все «лучшие умы» и кандидаты на ведущие чиновничьи должности были устранены физически или ушли в подполье в ходе гонений на дунлиньцев, не сумело их найти. Тем временем повстанцы в разных районах Поднебесной начинали осознавать необходимость координации собственных действий. В 1628 г. во главе 10 отрядов встал Гао Инсянь, ставший позднее первым признанным вождем восстания. В 1631 г. лидеры различных отрядов решили объединиться и начать действия против правительственных войск на нескольких направлениях, взаимодействуя друг с другом. Они прорвались на восток Поднебесной и подступили к Пекину, где лишь элитные части императорской гвардии, вооруженные европейским огнестрельным оружием, и правительственные силы из четырех соседних провинций смогли заставить восставших повернуть назад.

Неудача первой совместной операции привела к разобщению отрядов, которые разбрелись по разным провинциям. Но в 1635 г. руководители 13 отрядов повстанцев вновь собрались вместе в Хэнани и договорились о совместных действиях. С Юга, где находились основные силы движения во главе с Гао Инсянем, восставшие отправились на Северо-Восток и захватили

среднюю столицу империи – Фэнъян, где разграбили и сожгли императорский мавзолей, захватив его сокровища. Но из-за поссорившихся друг с другом командиров отряды вновь разъединились, после чего правительственные войска перешли в контрнаступление. Возможно, их действия и привели бы к успеху, так как с частью главарей движения чиновникам Минов удалось временно договориться, взяв их на государственную службу. Но, судя по всему, Небо и впрямь не благоволило династии. На страну обрушился целый поток различных бедствий, вызванных, по-видимому, не только изменением климата, сказавшимся на большей части Евразии, но и заброшенностью дамб, каналов и ирригационных сооружений из-за бездействия центральных и местных властей: засухи, неурожая, голод, эпидемии, нашествия саранчи и т.д. Нападения маньчжуров с севера представляли собой все большую опасность для Поднебесной.

Все это доказывало восставшим, что династия Мин потеряла мандат Неба. Следовательно, борьбу против нее нужно было продолжить, дабы установить новую, здоровую и жизнеспособную династию, ведь в ходе почти таких же событий когда-то пришел к власти основатель династии Мин крестьянский император Чжу Юаньчжан. Лидеры восставших видели себя если не будущими императорами, то, как минимум, основателями своих собственных государств. Их воины за 10 лет войны уже разучились жить мирно. В 1639 г. спад народного движения сменился новым подъемом; во главе него встали бывшие сподвижники Гао Инсяня Ли Цзычэн и Чжан Сяньчжун. Но сил для нанесения империи сокрушительного удара повстанцам еще не хватало, прежде всего из-за бесконечной борьбы за лидерство в их рядах. План создания собственного государства казался тогда вождям восставших более реалистичным, чем захват Пекина. И Чжан Сяньчжун реализовал такой план.

Сначала в Сяньяне в провинции Хубэй он создал состоящую из множества чиновников и основанную на системе экзаменов традиционную государственную структуру, а затем перебрался в богатую и относительно спокойную провинцию Сычуань. В 1644 г. Чжан Сяньчжун захватил сычуаньскую столицу Чэнду, получил поддержку значительной части местного населения и провозгласил себя ваном Великого Западного государства (Дасиго). Новая власть попыталась найти поддержку у местных чиновников и создать хорошо функционирующую систему управления. Бедняки были довольны, так как Чжан Сяньчжун щедро раздавал деньги и распределял конфискованные у крупных землевладельцев наделы между крестьянами. Он не являлся правителем всей Поднебесной, но в истории Китая был период Троецарствия, когда ядром государства Шу-Хань (221–263) являлась именно Сычуань. В его сознании могла укорениться мысль о том, что ван Сычуани ничем не хуже ванов Кореи, столетиями оказывавшихся не менее успешными, чем сами императоры в воплощении конфуцианских и неоконфуцианских идеалов.

Ли Цзычэн оказался более амбициозным, чем Чжан Сяньчжун. Титул князя он принял еще в 1636 г., притом что вел самый простой образ жизни. Так же, как и остальные крестьянские вожди, с особым рвением он уничтожал оказывавших ему сопротивление удельных князей, богатства которых раздавал своим солдатам и местному населению. Собрав под своим руководством почти миллионную армию, главной силой которой являлась конница, Ли Цзычэн присвоил себе титул Великого Полководца, Следующего Веле-

ниям Неба и Возрождающего Справедливость. В 1644 г. он нанес сокрушительное поражение правительственным войскам в Шэньси, захватил столицу этой провинции Сиань, после чего провозгласил себя императором Да Шунь. Воссоздав традиционные китайские структуры власти, введя систему экзаменов и приступив к чеканке собственной монеты, крестьянский император объявил Сиань своей западной столицей. Вскоре огромное войско Ли Цзычэна (600-тысячная конница и 400-тысячная пехота) начало наступление на Пекин. Население находившихся на пути следования победоносной армии областей, включая офицеров и чиновников, дружно переходило на сторону нового императора. Правительственная армия, выступившая для защиты Пекина, попросту разбежалась, часть ворот распахнулась перед восставшими. Когда новый правитель вступил в столицу, Запретный город охватила паника, наследника престола спрятали, а императрица и наложницы Чжу Юцзяня покончили жизнь самоубийством. Сам император Сы-цзун удавил себя собственным шелковым поясом.

Наконец-то Ли Цзычэн, приветствуемый традиционными пожеланиями 10 тысяч лет жизни императору, сел на драконовый трон*. Вполне возможно, что смена одной китайской династии на другую и состоялась бы, несмотря на то что у династии Мин оставалось много сторонников. Однако начав свое правление в Пекине с массовых казней наиболее одиозных функционеров прежнего режима, обвиненных в коррупции (таких было более тысячи), Ли Цзычэн не смог удержать собственное войско, через несколько дней после входа в столицу учинившее разбой и грабежи. Различия между старой и новой властью в глазах населения начали стираться. Но вмешательство маньчжуров, сумевших воспользоваться борьбой внутрикитайских сил друг с другом, кардинально изменило ход событий.

ВОЦАРЕНИЕ ДИНАСТИИ ЦИН

Жившие на северных границах империи Мин маньчжуры возводили свое происхождение к чжурчжэньским племенам, когда-то создавшим на Севере Китая династию Цзинь («Золотая», 1115–1234), которая впоследствии была свергнута монголами. Маньчжуры, угрожавшие Китаю в XVII в., были объединением племен под властью хана Нурхацы (1616–1626), взявшего для своей новой династии старое название Цзинь. Ведущую роль в маньчжурском государстве играли члены правящего «Золотого рода» (Айсинь Гиоро), влияние которых на политические решения непосредственно зависело от количества подчиненных им «знамен» — больших подразделений маньчжурской конницы. Закованные в надежные панцири, способные к быстрой переброске сил на значительные расстояния, маньчжуры представляли собой серьезную угрозу как для своих кочевых соседей в монгольских степях, так и для оседлых народов, живших к югу от их владений, — жителей Китая и Кореи. Уже упоминавшийся захват Ляодуна в 1621 г. был одним из первых серьезных достижений маньчжуров, переходивших от разорения территорий к закреплению на них.

* Дракон — символ императорской власти.

Доргонь с императорскими регалиями. XVII в.

Интересно, что маньчжурские источники («Мань-вэнь лао-да» – «Старинные маньчжурские записи», 1607–1637) представляют походы соотечественников как ответ на агрессию Китая:

«Во время большого парадного пира по случаю взятия Ляодуна император [Тай-цзу, титул императора и храмовое имя были присвоены Нурхацци его потомками посмертно] появился во дворце и рассадил всех от высшего до низшего, от главнокомандующего до помощников. <...> И... император сказал: “китайцам мало своего большого государства, они пожелали истребить маленькое государство. <...> Мы их громаду осилили. Небо обвинило китайцев, а нас оправдало. То, что вы выпили одну чарку и получили одну пару платья, разве это вознаграждение [за ваши труды]? Военные князья, пусть ваши сердца будут увлечены неустанным трудом”».

При следующем хане Абахэе (хан в 1626–1643 гг., с 1636 г. носил монгольский императорский титул богдохан) большую роль играл один из его братьев талантливый полководец Доргонь (1612–1650). Походы на

Срединное Царство 1636 и 1638–1639 гг. оказались для маньчжуров чрезвычайно удачными: было уведено много тысяч пленников и голов скота, крупные и мелкие города, оказывавшиеся на пути у войска кочевников, были захвачены и подверглись грабежам. Тем временем само маньчжурское государство было в 1636 г. переименовано в империю Цин («Чистую»). Столицей маньчжуров являлся Мукден. Правящие круги новой империи (в достаточной степени китаизированные, но сохранявшие и свою «варварскую» с точки зрения китайцев культуру) начали вынашивать планы захвата Поднебесной.

Неожиданная смерть Абахая в 1643 г. привела на трон Цин малолетнего наследника – выбранного членами правящего «Золотого рода» шестилетнего богдохана Фулиня (1643–1661). Выбор богдохана сопровождался различными интригами: часть членов правящего рода хотела нарушить династические традиции (позволявшие передавать престол только по нисходящей линии) и сделать императором Доргоня, в котором родовая знать справедливо видела потенциально сильного и талантливого правителя. Но сам Доргонь, предвидя возможные проблемы с легитимацией подобного решения, отказался от возможности наследовать брату. Компромисс был найден в назначении Доргоня и племянника Нурхацы Цзиргалана, также зарекомендовавшего себя в качестве успешного военачальника, регентами при богдохане. Смуты из-за наследования престола, на которую могло бы надеяться правительство Поднебесной, не произошло.

Главной проблемой для маньчжуров, жаждущих завоевать богатые китайские земли, оставалась достаточно сильная армия, которую династии Мин удалось сохранить на северных границах. Расположенная около Великой стены в Шаньхайгуане 120-тысячная Восточная армия под командованием опытного военачальника У Саньгуя была приблизительно равна по численности силам маньчжуров (их насчитывалось около 140 тысяч) и вполне могла оказать им достойное сопротивление. Кочевники стремились склонить китайского военачальника на свою сторону. Тот, в свою очередь, был вынужден вести с противником переговоры, так как правительство Мин не оставляло надежды на заключение хотя бы временного мира на Севере, чтобы разгромить повстанцев. Еще более желанным развитием ситуации было бы согласие конницы маньчжуров на участие в военных действиях против крестьянских армий, за что Пекин обещал щедрое вознаграждение и передачу части земель для расселения маньчжурских семей.

Ситуация резко изменилась после захвата Пекина Ли Цзычэном. Армия У Саньгуя, оставаясь на стороне законной династии Мин, представляла для восставших серьезную опасность. Переговоры Ли Цзычэна с пограничным главнокомандующим не привели ни к каким результатам. Поэтому император Да Шунь отправился с половиной своих войск (400 тысяч) в поход на север. Казалось бы, судьба не пожелавшего подчиниться новому императору полководца была предрешена. Но У Саньгуй принял неожиданное решение. Он прошел унижительную для китайца «языческую» и варварскую процедуру принесения клятвы верности богдохану, сменил пучок на маньчжурскую прическу (сбритые выше лба волосы и коса) и пере-

Внутренняя часть Запретного города. Пекин

шел на сторону врага, чтобы, объединив силы с маньчжурами, разгромить Ли Цзычэна.

Тот не знал о происходивших в стане маньчжуров событиях. Поэтому появление маньчжурских сил во время битвы повстанческого войска с Восточной армией, когда силы Ли Цзычэна начали одерживать верх, стало для крестьянского императора неожиданностью и решило исход сражения. Остатки войска Ли Цзычэна, преследуемые силами У Саньгуя, отступили в Пекин, откуда вскоре повстанцы были вынуждены уйти на Юго-Запад, так как население столицы теперь относилось к ним крайне враждебно, а запасов продовольствия не хватало.

Тем временем Доргонь, стремившийся захватить хорошо укрепленный Пекин с населением в шесть-семь млн человек без длительной осады и боев, пошел на хитрость. Воспользовавшись объявлением У Саньгуя о том, что в город вскоре прибудет законный наследник династии Мин, которого нужно встречать торжественным образом за воротами города, регент маньчжуров неожиданно приказал минскому военачальнику отступить. Понимая, что за Доргонем следует мощная маньчжурская армия, китайский полководец вынужден был подчиниться приказу. Не имеющее ни малейшего представления о произошедших событиях население Пекина в назначенный день ожидало правительственные войска и наследника Минов. То, что вместо них через другие ворота въехали маньчжуры и без сопротивления заняли Запретный город, пекинские чиновники осознали лишь через какое-то время. Впрочем, они быстро приспособились к сложившимся обстоятельствам, выразили свою полную поддержку маньчжурам и предложили Доргоню императорский престол, от которого тот вновь отказался, сохраняя верность племяннику.

ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧУРОВ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДИНАСТИИ ЦИН
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В октябре 1644 г. Фулинь был провозглашен императором новой династии Поднебесной – Цин, столицей которой стал Пекин. Маньчжуры тут же попытались ввести в городе свои порядки, требуя, в частности, смены китайских причесок и одежды на маньчжурские. Но далеко не вся Поднебесная была готова подчиниться власти варварской династии. На китайской территории сохранялись государства, созданные командирами повстанцев. Кроме того, был провозглашен новый император из династии Мин. На окончательное подчинение Срединного государства своей власти династия Цин потратила почти 40 лет. Лидеры народных отрядов, объявлявшие себя императорами или ванами, гибли, их место занимали другие вожди, претендовавшие на драконовый трон. Провинциальные чиновники выдвигали кандидатуры новых императоров, часто по несколько в одно и то же время. Часть нежелающих подчиняться завоевателям китайцев бежала на острова, один из наследников династии Мин – в Бирму, северные земли которой разорили многотысячные китайские отряды. Бирманцы вскоре выдали незадачливого минского императора. Правивший какое-то время в Чжэцзяне и Фуцзяни претендент на минский престол Лу-ван пытался обратиться за помощью к японскому сёгуну Токугава Иэмицу, но тот предпочел не вмешиваться в конфликт.

Маньчжуры заимствовали у китайцев традиционную систему управления и охотно принимали на службу чиновников, служивших династии Мин. В первые годы Доргонь стремился завоевать поддержку населения, обещая отменить или снизить различные налоги, введенные при прошлой династии. Новые власти пытались сделать государственную структуру менее коррумпированной. Впрочем, ряд чиновников категорически отказался сотрудничать с завоевателями. С большими трудностями маньчжуры столкнулись, когда речь зашла о необходимости составить официальную историю правления свергнутой династии. Это являлось одной из первых задач, которые возлагались на новые династии в Китае. Шансы справиться с этой проблемой своими силами у маньчжуров отсутствовали. Несмотря на высокую оценку «варварами» (как минимум их верхушкой) достижений неоконфуцианской культуры, их закованные в панцири воины не обладали ни образованием, ни желанием для того, чтобы сесть за чтение подробнейших записей, составлявшихся на протяжении трех столетий. А этой работой в начале каждой новой династии занимались несколько десятков, если не сотен чиновников.

Но виднейшие ученые (например, Хуан Цзунси, 1610–1695) ответили отказами на предложение правящей династии принять участие в работе по составлению официальной истории. Тогда были приняты срочные меры с применением «кнута и пряника» для привлечения конфуцианских ученых к работе как по составлению хроники династии Мин, так и по сбору и упорядочиванию исторических, литературных, философских и географических материалов культурного наследия прошлого. В результате цинские власти не только успели составить «Историю Мин» в 332 томах к 40-м годам XVIII в., но произвели на свет такое количество различных исторических, философских, литературных и иных энциклопедий и компендиумов, каким не могла похвастаться ни одна предшествующая династия Поднебесной.

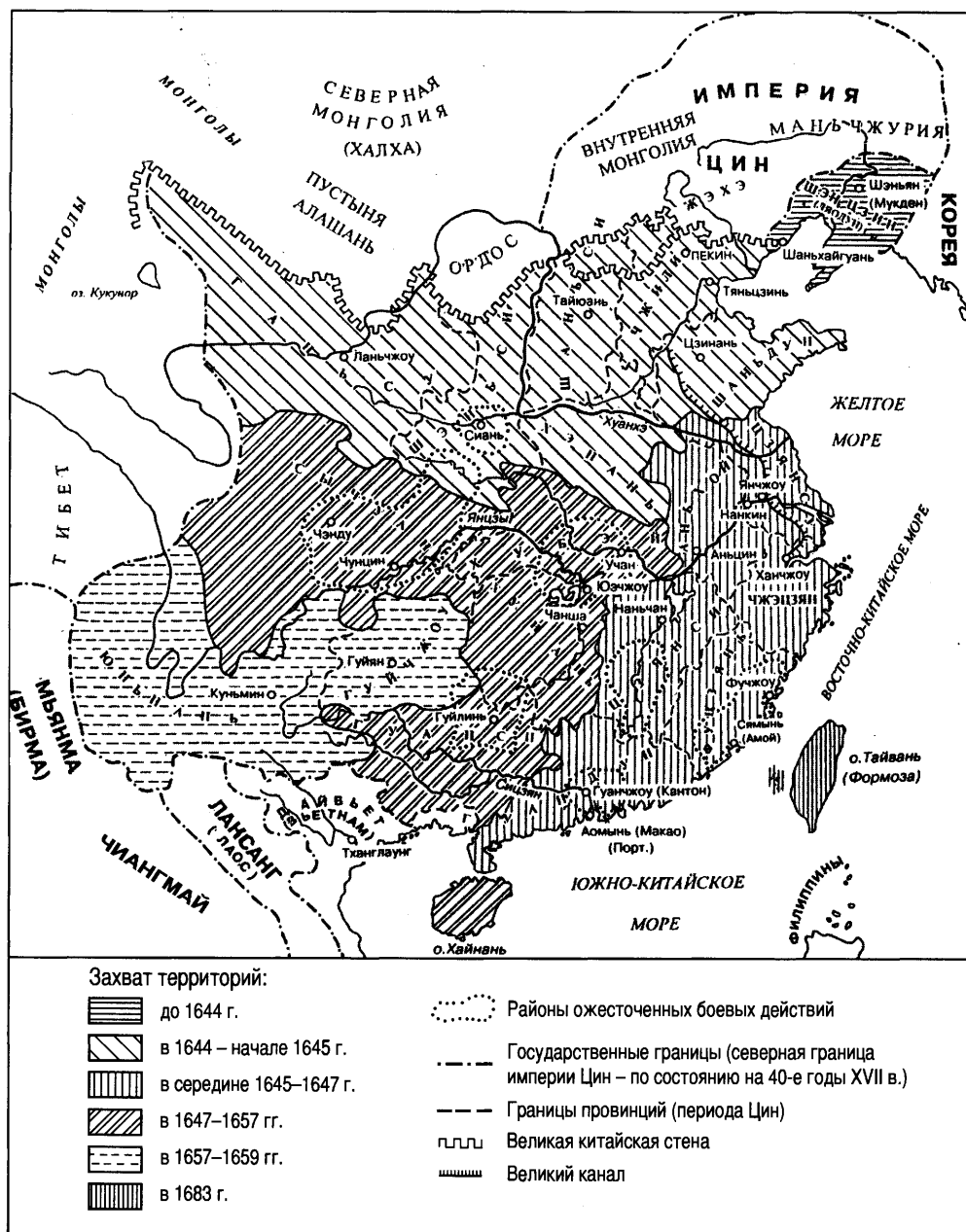
От миссионеров-иезутов новая династия получала не только огнестрельное оружие, но и доступ к европейским знаниям в самых различных областях.

Маньчжуры боялись быть ассимилированными местным населением, поэтому межэтнические браки между маньчжурами и китайцами были строго запрещены. В то же время новая династия пыталась навязать населению целый ряд элементов маньчжурской культуры, в первую очередь уже упоминавшиеся прически и одежду. Для чиновников и других представителей высших сословий подчинение этим требованиям было обязательным. Однако насильственное введение в китайский быт и повседневную жизнь маньчжурских традиций вызывало ожесточенное сопротивление населения. Целые города и уезды отказывались подчиняться подобным приказам. Вспыхивавшие восстания жестоко подавлялись самими маньчжурами, монголами или теми китайцами, которые перешли на их сторону. В некоторых местах население было почти полностью вырезано в ходе карательных операций.

К 1647 г. маньчжурам, казалось бы, удалось покончить с основными силами сопротивления. Лишь на крайнем Юге, в Гуйлине – столице провинции Гуанси – провозглашенный императором Мин Гуй ван продержался почти 15 лет (1646–1661), являясь символом борьбы с маньчжурами. Поэтому именно в Гуанси стекались сторонники свергнутой династии. В 1648–1649 гг., после того как часть полководцев вновь признала власть императора Мин, силы старой династии перешли в контрнаступление, хотя их достаточно впечатляющие успехи оказались недолговечными. Маньчжурам, все больше и больше расширяющим подвластную им территорию, удавалось использовать силы самих китайцев: У Саньгуй был далеко не единственным полководцем, перешедшим на их сторону. Еще три талантливых и обладавших значительным влиянием китайских военачальника воевали на стороне завоевателей: Кун Юдэ, Шан Кэси и Гэн Чжунмин. Доргонь обещал предоставить им практически автономные владения, что способствовало быстрому отвоеванию проманьчжурскими силами большинства потерянных территорий.

Смерть в 1650 г. Доргоня вызвала борьбу за власть при дворе в Пекине. Еще в 1647 г. Доргонь отстранил от власти второго регента, Цзиргалана, и стал единоличным правителем империи Цин. Его слава была столь велика, что посмертно его объявили императором и удостоили храмового имени Чэн-цзун. Правда, посмертное торжество Доргоня длилось недолго. Вернувшийся к власти Цзиргалан обвинил Доргоня во всевозможных преступлениях. Но и Цзиргалан не смог удержаться у власти. При трусливом и бездейственном императоре Фулине вскоре стал править глава придворных евнухов У Лянфу. Сменявшие друг друга после смерти в 1661 г. Фулина князь-регенты нового семилетнего императора Сюанье (1661–1722) – Обой/Аобай (1661–1669) и Сонготу (1669–1679) – не обладали военными и административными талантами, сравнимыми со способностями Доргоня. Возможно, это повлияло на затягивание войны с Минами, окончательно завершить которую смог лишь сам Сюанье, после того как в 1679 г. начал править самостоятельно.

Активным и опасным противником Цин в 1650–1660 гг. был Чжэн Чэн-гун, занявший со своим флотом в 1652 г. почти всю южную часть Фуцзяни и контролировавший побережье этой провинции. Последнее было неуди-

Завоевание Китая маньчжурами

тельно: предками Чжэн Чэнгуна являлись южнокитайские пираты, умевшие воевать на море значительно лучше завоевателей. В 1654 г. Чжэн Чэнгун поднялся по Янцзы вплоть до Нанкина. Его походы продолжались и в последующие годы. В связи с этим в 1661 г. были введены чрезвычайные меры: сначала изданы строжайшие морские запреты, а затем все прибрежное население, кроме жителей обнесенных стенами городов Цзянсу, Чжэцзяна и

Фуцзяни, насильственно переселили на 15–20 км в глубь материка. Там была проведена граница, нарушение которой каралось смертной казнью. Между границей и морем лежала мертвая зона: жилища сжигались, поля вытаптывались. Чжэн Чэнгун и его силы были вынуждены перебраться на Тайвань, отвоёвав его у голландцев в 1661 г.

Сохранявшиеся очаги сопротивления сторонников династии Мин и восставших против власти маньчжуров в 1673 г. бывших полководцев-изменников (У Саньгуя, создавшего в Юньнани собственное государство – империю Чжоу; Шан Кэси, княжество которого располагалось в Гуандуне, и наследника Гэн Чжунмина Гэн Цзинчжуна, занявшего Фуцзянь) были подавлены лишь в 1680–1683 гг. Сторонники старой династии бежали на Тайвань, где власть династии Чжэн была достаточно сильной, чтобы попытаться отвоевать Фуцзянь в 70-е годы XVII в., интриговать против Цин, поддерживая при этом дипломатические отношения с маньчжурами, и даже строить планы по захвату Филиппин. Однако после смерти наследника Чжэн Чэнгуна – Чжэн Цина в 1681 г. – на Тайване вспыхнула борьба за власть. Маньчжуры использовали ситуацию в свою пользу. Летом 1683 г. огромный флот империи Цин двинулся покорять государство Чжэнов. Семь дней защищались острова Пэнху (Пескадорские острова), 12 тысяч сторонников Чжэнов погибло. Войска и чиновники на самом Тайване капитулировали, были прощены и вывезены на материк. На Тайване разместили военный гарнизон маньчжуров.

Окончание военных действий улучшило обстановку в стране. Морские запреты были отменены, и в пустовавшую много лет прибрежную зону южных провинций стало возвращаться население. Не смирившиеся с поражением сторонники Мин (которых насчитывалось больше 1,5 млн) отплыли на только что захваченные Вьетнамом территории Камбоджи (южная часть современного Вьетнама). С позволения вьетнамцев они начали осваивать эти земли, став инструментом распространения вьетнамского контроля.

После окончания военных действий правление Сюанье протекало относительно спокойно. Волна восстаний шла на убыль. Государственная власть стабилизировалась, экономика начала восстанавливаться. В первые годы своего правления Сюанье ввел налоговые послабления, однако постепенно он их отменил. Поземельный и подушный налоги были обременительными для крестьян, но не в такой степени, как при Мин. В то же время росло число дополнительных или «смешанных» налогов. Иногда сумма дополнительных налогов, поборов и надбавок либо равнялась, либо даже превышала основные налоги: подушный, поземельный и натуральный. В ходе завоевания маньчжуры стали вводить систему круговой поруки *баоцзя*, которая к 70-м годам XVII в. охватила все местности, занятые маньчжурами.

К концу XVII в. империя Цин добилась значительных результатов как в выстраивании системы управления, в которой старые китайские образцы сочетались с нововведениями, так и в распространении своей власти на огромные территории. Император Сюанье предпочитал править сам, контролируя деятельность всех основных ведомств. Еще в 1671 г. был восстановлен существовавший при Мин Внутридворцовый Секретариат (*Нэйгэ*), в который вошло равное количество маньчжуров и китайцев. Но теперь он носил лишь чисто исполнительные функции. В 80-е годы XVII в. правительство начало активно восстанавливать земледелие. На покинутые земли возвращались беженцы, которые вновь распахивали заброшенные в ходе войн земли, вос-

становились ирригационные сооружения, усиливался контроль государственных структур над населением. Династия правила над территорией, значительно отличавшейся по своему составу от земель, некогда подвластных династии Мин. Впервые с монгольских времен Срединное царство оказалось в составе одного государства с центральноазиатскими областями. Но и в тех районах, которые и раньше входили в состав Поднебесной, но были не до конца освоены ханьцами, с приходом новой династии начали происходить значительные изменения. Под большим контролем оказались малые народы Южного Китая: народности мяо-яо, тибето-бирманские народы и некоторые другие. В самом начале XVIII в. общекитайская модель управления сменила здесь сохранявшуюся до этого власть племенной аристократии. Завоеванный сначала родом Чжэнов, а затем и империей Цин остров Тайвань значительно изменился. Населенный издревле в основном местными племенами австронезийского происхождения и пиратами, после завоевания континентального Китая цинскими войсками этот остров подвергся массовой колонизации, в ходе которой его население резко выросло и стало в основном ханьским. Тайвань превратился в форпост внешней торговли и политики Цин.

На большей части самой Поднебесной династия Цин сохранила существовавшую ранее систему административного деления на две столицы и 13 провинций, хотя их объединили в более крупные единицы, которыми управляли «генерал-губернаторы» (в большинстве своем маньчжуры по происхождению), контролировавшие губернаторов провинций. Родина завоевателей, Маньчжурия, была разделена на три части, одна из которых, восточная, оставалась закрытой для китайцев. Захваченные в ходе активной завоевательной политики Сюань в конце XVII – начале XVIII в. северные монгольские земли и Тибет оставались не включенными в общекитайскую систему административного управления. На севере интересы маньчжуров пересекались с интересами правителей России. Это привело к ряду пограничных конфликтов, завершившихся заключением в 1689 г. Нерчинского договора, определившего границу между Россией и империей Цин. В результате русские были вынуждены покинуть ряд занятых до этого земель.

Россия оставалась единственным иностранным государством, с которым империя Цин заключила договор. Маньчжуры, перенявшие дипломатические традиции предыдущих династий Поднебесной, рассматривали отношения с соседними и дальними государствами с позиции превосходства Срединного царства над всем остальным миром: от прибывающих в столицу империи посольств ожидали признания верховной власти императора и выплаты дани. Как и при династии Мин, Цины жестко регулировали сферу внешних сношений. В китайские порты могли входить иностранные корабли, имевшие не более 100 человек на борту. Миссии «данников» Китая также ограничивались сотней иностранцев, и лишь 20 из них допускались в столицу империи Пекин. Существовал запрет на вывоз из страны ряда товаров, в первую очередь оружия.

Европейцы, прибывавшие в этот период ко двору Цин (португальцы, голландцы и представители папы римского), были подготовлены к встрече с китайским церемониалом уже значительно лучше, чем их предшественники в XVI в. Ради того чтобы добиться ослабления жесткого контроля над внешней торговлей, введенного после отмены морских запретов, европейцы были готовы и на выполнение предписываемых церемониалом поклонов, и на номинальное признание своих стран данниками Поднебесной. Их гибкость в

вопросах дипломатии не принесла желаемых результатов. Но частная и нелегальная торговля продолжала процветать, правда, она была в основном сосредоточена в руках самих китайцев, которые вели свои операции по всей Юго-Восточной Азии. Действовавшие на протяжении 20 лет морские запреты наряду с нежеланием жить под властью завоевателей стимулировали новые волны китайской эмиграции в соседние регионы, в число которых, кроме упомянутого выше Юга Вьетнама, входили Сиам и султанаты Малайи.

Стремление правителей Цин обеспечить лояльность своих китайских подданных, и в первую очередь чиновников, привела в годы самостоятельного правления императора Сюань (1679–1722) к разработке и проведению многочисленных проектов в области культуры. Правительство стремилось всемерно укрепить идеологию неоконфуцианства. С этой целью поощрялась деятельность различных школ и академий, так как именно из них должны были выходить те, кто в центре и на местах будет осуществлять управление империей. Получать подобное образование должны были теперь и представители маньчжурской аристократии. Таким образом, сохраняя этническую обособленность маньчжуров, правительство Цин начало культурную ассимиляцию своего этноса в рамках китайской конфуцианской традиции.

Тем не менее часть ученых, писателей и художников, как уже было упомянуто, не поддерживала новую власть, несмотря на предпринимаемые Цинами меры. Эти люди писали собственные исторические, философские, политические и литературные произведения, презирая создаваемые при маньчжурском дворе. Уже упоминавшийся Хуан Цзунси (какое-то время лично участвовавший в вооруженной борьбе против захватчиков и ездивший с посольством в Японию) занимался исследованиями в области истории китайской философии. Во многом на его политические идеи оказало влияние учение Ван Янмина (1472–1529), а также движение дунлиньцев. В своем политическом трактате «Мин и дай фан лу» («Просвещаю варваров в ожидании визита [совершенномудрого правителя]») Хуан Цзунси обосновывал допустимость свержения порочных государей, ставил под вопрос традиционное представление о непогрешимости императора, утверждал, что Поднебесная не может являться собственностью государя, которой тот распоряжается по своему полному усмотрению. Используя традиционную для Китая риторику о возвращении к «идеалам древности», Хуан Цзунси фактически выдвигает идеи о необходимости ограничения императорской власти. Этим ограничением мог служить государственный аппарат, состоящий из образованных чиновников. Хуан Цзунси выдвигал и ряд предложений в сфере экономики, среди которых были проекты упорядочения налоговой системы и организации войск, максимального поощрения ремесла и торговли, учреждения банков и унификации денежного обращения.

Китайская живопись этого периода отражает разные тенденции. Художники, поддерживавшие свергнутую династию Мин (часть из них происходила из самого правящего дома, например Бада Шаньжэнь, 1626–1705), рисовали в утонченной манере, используя сдержанную цветовую гамму. Основными темами оставались пейзажи, цветы и животные. Картины других художников эпохи Цин гораздо более яркие. Среди них происходивший из бедной семьи Юнь Шоупин (1633–1690), кисти которого принадлежат красочные изображения цветов и пейзажи.

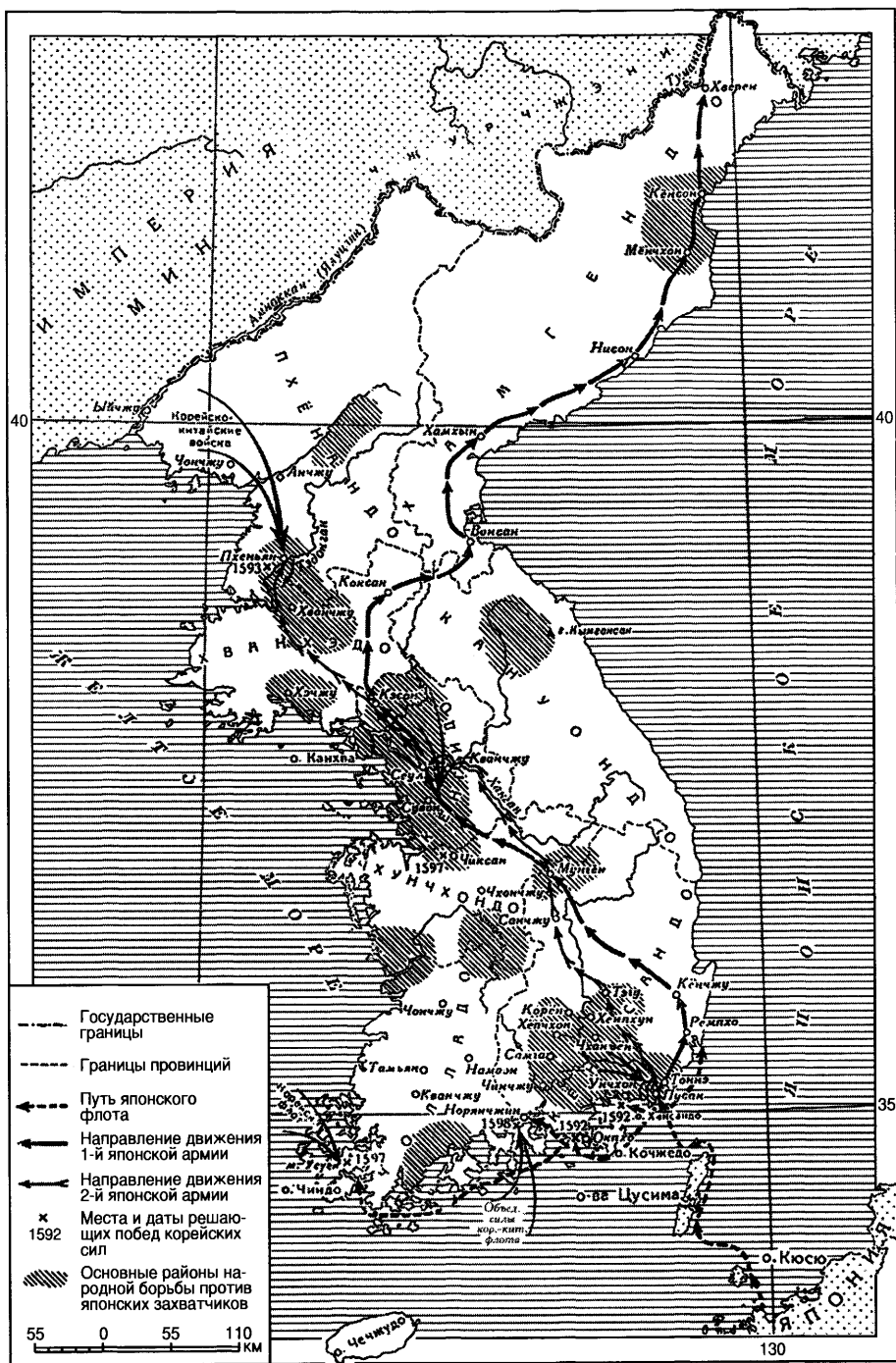
Конец XVI в. стал одним из переломных моментов в истории Кореи. На протяжении нескольких веков страна практически не сталкивалась с серьезной внешней угрозой. Напор чжурчженей на севере не был чрезмерным. Японские пираты разоряли берега Чосона (название корейского государства с конца XIV в.), но после разгрома их базы на острове Цусима в 1419 г. набеги с моря не представляли опасности для внутренних районов страны. В этих условиях между группировками *саримов* (чиновников и ученых неоконфуцианцев) шла ожесточенная борьба. Саримы-«восточники» говорили о необходимости мирной внешней политики, и эта точка зрения встречала понимание властей. Саримы-«западники», сторонники усиления армии и укрепления обороны, не смогли отстоять свои предложения. Воспользовавшись борьбой за назначение наследника престола, «восточная» группировка смогла в 1591 г. оттеснить представителей воинственной «западной партии» от власти.

Тем временем ситуация в Японии развивалась опасным для Чосона образом. Тоётоми Хидэёси, объединивший страну к началу 90-х годов XVI в., планировал завоевание Кореи. Впрочем, он намечал также завоевание Китая, а если получится, то и Индии. Некоторые объясняют его амбициозные планы усиливающейся с годами неадекватностью поведения, другие, напротив, полагают, что Тоётоми Хидэёси пытался перенаправить агрессию князей-*даймё* в безопасном (а, возможно, и выгодном) для страны направлении.

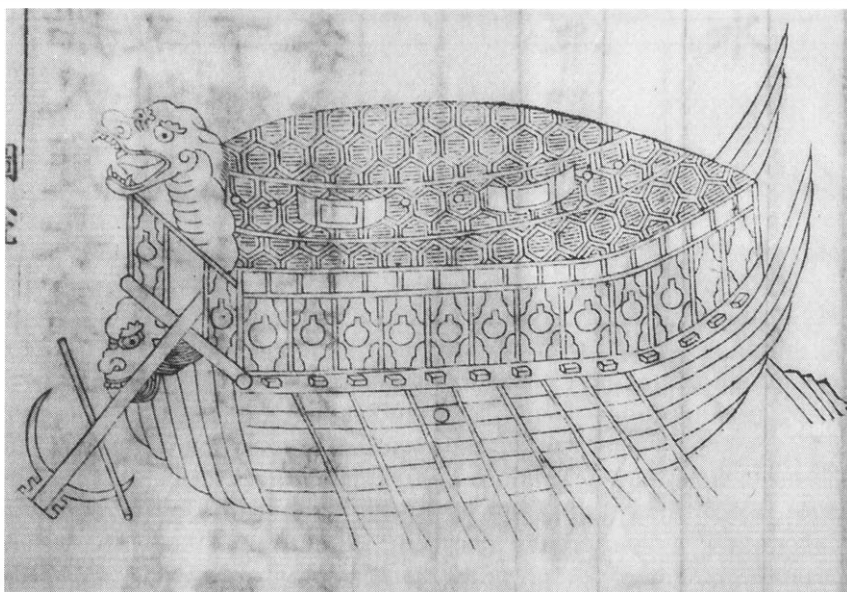
ИМДЖИНСКАЯ ВОЙНА

Осуществляя план правителя Страны восходящего солнца, весной 1592 г. на юго-восточное побережье Кореи высадилась 200-тысячная японская армия. Началась Имджинская война (1592–1598). Гарнизоны крепостей и укрепленных лагерей пытались оказывать сопротивление интервентам, но японские войска, имевшие огнестрельное оружие, стремительно продвигались вперед. Ван Сонджо (1567–1608) с семьей и приближенными тайно покинул столицу. Брошенные правителем жители города сожгли несколько дворцов и ведомственных зданий, а также уничтожили списки *ноби* (крепостных). Двор вана переехал в Пхеньян, а японская армия взяла Сеул без боя. Вскоре японцы заняли и сопротивлявшийся Пхеньян, но ван успел перебраться на границу с Китаем. В погоне за корейским правителем японские войска достигли китайской границы. Захватив основные городские центры и районы по пути своего продвижения, японцы не контролировали большую часть страны. Сохранившиеся «на местах» правительственные войска и народное ополчение организовали сопротивление захватчикам.

Морская война развивалась более удачным для корейцев образом – две эскадры генерала Ли Сунсина (1545–1598) успешно сражались с японцами и уничтожили более 300 кораблей на японских базах. Ли Сунсин, с 1591 г.

Корея в период борьбы против японского вторжения

Корейский военный корабль-кобуксон

готовясь к возможному вторжению японцев, спешно тренировал войска, запаса́л оружие и продовольствие. Значительным преимуществом перед врагом стали созданные еще в XV в. и усовершенствованные Ли Сунсином бронированные «корабли-черепахи» (*кобуксон*). Кроме того, корейцы мастерски вели огневой бой, очень профессионально используя артиллерию.

Благодаря народному сопротивлению на суше удалось вытеснить японцев из ряда городов, однако правительство ждало помощи от Китая. Присланный во главе 50-тысячной китайской армии генерал Ли Жусун (1549–1598) вместе с корейскими ополченцами выбил в начале 1593 г. японцев из Пхеньяна, но, потерпев поражение, не развил наступление. В итоге японцы, предложив перемирие китайцам, сами покинули Сеул, опасаясь окружения войсками народного ополчения. Переговоры между Китаем и Японией не принесли результатов, так как Тоётоми Хидэёси требовал отдать ему половину Кореи. Китайские войска покинули Корею. Но сами корейцы воспользовались передышкой для укрепления армии, правда, предпринимаемым мерам препятствовал охвативший страну массовый голод. Чуть позднее по ложному доносу был смещен со своей должности генерал Ли Сунсин. Это привело к тому, что во время вновь начавшегося в 1597 г. наступления японцев корейский флот потерпел поражение, в то время как сухопутные войска смогли остановить продвижение японцев на север. Ли Сунсина восстановили в должности, и он с остатками корейского флота численностью в 12 кораблей потопил 30 кораблей противника. В 1598 г. силы Ли Сунсина, объединившись с присланной китайцами на помощь эскадрой, совместно с сухопутными войсками оттеснили японцев на крайний Юг. Японские войска, в свою очередь, получили известие о смерти Тоётоми Хидэёси и собрались отступать. Приблизительно в это время сухопутные войска захватчиков узнали о гибели

своего флота в бухте Норянджин. Правда, в сражении погиб и командующий корейскими войсками Ли Сунсин.

Война с Японией завершилась. Отношения между странами были вскоре восстановлены (корейское посольство 1607 г.) благодаря настойчивости преемника Тоётоми Хидэеси Токугава Изясу, вернувшего на родину более семи тысяч корейских пленных. Но несмотря на одержанную победу, военные действия, в течение нескольких лет проходившие на значительной территории Чосона, усугубили экономические проблемы, в первую очередь в сельском хозяйстве. Последствия войны сказывались в Корее на протяжении нескольких десятилетий. Японские войска уничтожили запасы семян, истребили скот, разрушили оросительные системы. Площади обрабатываемой земли сократились втрое по сравнению с довоенным периодом. Правительству пришлось облагать более высоким налогом провинции, в меньшей степени затронутые военными действиями. Многих мастеров-ремесленников увели в плен, благодаря чему Япония усовершенствовала производство керамики и текстиля, получила технологию книгопечатания с передвижным металлическим шрифтом, от которой там, впрочем, вскоре отказались, как и от огнестрельного оружия, запрещенного при сёгунате Токугава почти полностью. Всё это привело к снижению качества ремесленной продукции в Корее. Кроме того, подверглись уничтожению правительственные записи, архивы, исторические документы и многочисленные предметы искусства.

Для восстановления сельского хозяйства правительство решило применить традиционную схему «поощрения земледелия». В основные крестьянские районы посылались чиновники, которые должны были собрать беженцев и вернуть их на прежние земли. Беженцам выдавали зерно и орудия труда из государственных запасов. Тем не менее практически не были смягчены налоги. В связи с тяжелым положением правительство решилось в 1608 г. на взимание вместо многочисленных натуральных податей унифицированного налога зерном. Эта мера предлагалась еще в начале XVI в., но ее введение затянулось на целое столетие.

В социальной структуре Кореи на протяжении XVII в. происходили значительные перемены. Возросла роль богатых купцов и торговцев, в то время как знать (*янбаны*) теряла свои позиции. Финансовые трудности заставляли власти проводить все новые налоговые реформы, а также осуществлять продажу титулов. Общество стало более подвижным в социальном отношении, чем до войны. Богатые крестьяне и купцы могли теперь получить статус привилегированного сословия *янбан* или претендовать на сдачу экзамена на должность чиновника, а крепостные крестьяне (*ноби*) обладали возможностью выкупить себя. Крепостные крестьяне, которые раньше не проходили военных учений, стали набираться для обучения военному делу, что позволило им в большей мере чувствовать себя наравне со свободными.

После войны продолжилась борьба политических группировок за власть, приносившую экономические преимущества. Родственники вана и чиновники, занимавшие ответственные посты, могли получить в собственность обширные пустующие земли и превратить их в необлагаемые налогами владения. Сторонники воинственных «западников» устроили в 1623 г. вооруженный переворот и захватили власть. При этом был смещен и наследник вана Сонджо Кванхэ-гун (1608–1623, т.е. князь Кванхэ), не удостоенный официальными историками посмертного имени и лишенный титула вана.

Несмотря на то что Кванхэ-гун не получил титула вана, он был талантливым государственным деятелем. Став наследным принцем во время Имджинской войны, Кванхэ принимал участие в обороне страны. После изгнания японцев он фактически правил Чосоном до смерти Сонджо, проводя мероприятия по восстановлению страны. Но Кванхэ был лишь сыном наложницы, что уменьшало его шансы на наследование престола. Интриги начались сразу же после смерти Сонджо. Чиновники одной из фракций «северян» (подробнее см. с. 388) спрятали документ о назначении Кванхэ наследником (другая часть «северян» поддерживала Кванхэ). Заговор был раскрыт, и Кванхэ стал официальным правителем, но это мало что давало в условиях бесконечной борьбы друг с другом различных группировок саримов, стремившихся не допустить усиления власти вана.

Тем не менее «северяне» и Кванхэ проводили успешные меры по укреплению обороны, переписи населения, перераспределению пустующих земель, восстановлению дворцов и книгохранилищ, переизданию многочисленных литературных, исторических и научных произведений. Среди них была медицинская энциклопедия «Тоньый погам» («Сокровенное зеркало восточной медицины»), поднявшая искусство врачевания в Чосоне на новый уровень. Корея попыталась занять нейтральную позицию в конфликте между маньчжурами (бывшими чжурчжэнями) и династией Мин. В 1618 г. маньчжуры начали завоевание Китая, и в 1619 г. Корея по требованию Мин отправила на помощь императору на полуостров Ляодун 13 тысяч солдат, но их ждала неудача, после которой корейский главнокомандующий предпочел заключить перемирие. В дальнейшем Кванхэ сохранял с маньчжурами мир.

Но меры, предпринятые Кванхэ, чтобы прекратить борьбу группировок, не увенчались успехом. Несмотря на все противоречия в их среде, позиции чиновников-саримов, в течение столетия игравших важнейшую роль в управлении государством, были слишком сильны для того, чтобы допустить серьезное укрепление власти правителя. Официально смещение Кванхэ с престола было оправдано тем, что он ссылал и казнил своих братьев, их родственников и сторонников. Но и по сей день среди историков нет единого мнения об этих событиях. Действительно ли правитель так боялся заговора со стороны родственников, что расправился с ними? Так представляла ситуацию историография «победителей». Но за всем этим стояла острая борьба группировок и фракций, которую Кванхэ упорно пытался прекратить... Заговор «западников», обвинивших правителя в измене династии Мин и расправе с родственниками, привел на трон внука Сонджо вана Инджо (1623–1649), оказавшегося гораздо менее успешным политиком. Кванхэ был сослан на остров (где умер в 1641 г.), а его сторонники при дворе казнены.

Оказавшаяся у власти группировка «западников» выступала за поддержку династии Мин в Китае, что привело к проблемам с образовавшимся в начале XVII в. государством маньчжуров.

ВОЙНЫ С МАНЬЧЖУРАМИ

Маньчжуров беспокоило наличие в тылу сторонников династии Мин, что привело в 1627 г. к неожиданному вторжению кочевников на территорию Кореи. Маньчжуры захватили Пхеньян и стали продвигаться к Сеулу. Их наступление было остановлено активными действиями народного ополчения, а также благодаря тактике «выжженной земли», применяемой местным

населением. Военачальник правителя маньчжуров Абахая (Тай-цзуна, 1592–1643, император с 1626 г.) Амин считал дальнейшее наступление нецелесообразным и предложил мир вану Инджо, который со своими приближенными и семьей по традиции прятался на острове Канхвадо. По условиям договора, заключенного ваном, маньчжуры обязывались вывести свои войска из Кореи, а корейцы – не помогать минскому Китаю. Стороны договорились о ежегодном обмене посольствами и пограничной торговле. Но набеги маньчжуров продолжались, они требовали поставок продовольствия, военных кораблей и судостроителей для войны с Китаем. В итоге ван отказался принимать посольство маньчжуров, требовавшее признать вассальную зависимость Кореи от провозглашенной в 1636 г. династии Цин.

Отказ привел к новой войне с маньчжурами, которых возглавил сам Абахай. Войска Цин стремительно продвигались к Сеулу. Ван успел отправить на остров Канхвадо семью и приближенных, но не смог бежать туда сам, так как маньчжуры перекрыли дорогу. Хотя Инджо спасся, захватчики переправились на остров и захватили семью вана и сановников. Это заставило Инджо в 1637 г. заключить крайне невыгодный для Чосона мир. Корея признавала себя вассалом Цин, обязывалась отправлять к их двору заложников (включая двоих сыновей вана), разорвать все связи с империей Мин, поставлять продовольствие и корабли для завоевания Китая и посылать четыре посольства с большой данью каждый год. Условия договора возмутили население, в некоторых местах участники народного ополчения продолжали нападать на завоевателей. В 1644 г., после провозглашения власти маньчжуров в Китае, новые правители Поднебесной сократили число посольств с данью до одного в год. Но недовольство корейцев маньчжурами не ослабевало. Ставший ваном в 1649 г. Хёджон (1649–1659) хотел организовать поход против Цин, но был вынужден отказаться от него из-за тяжелого экономического положения в стране.

Маньчжурское нашествие замедлило социально-экономическое развитие Чосона. Правительство, столкнувшееся с постоянной агрессией со стороны соседей, решило максимально отгородиться от внешнего мира. Населению запретили вступать в контакты с иностранцами. Жителей прибрежных районов переселили внутрь страны, а на побережье поставили посты, следящие за тем, чтобы туда не подходили иностранные суда. Внешнюю торговлю жестко регламентировали и ограничили. Политическая изоляция неблагоприятно сказалась на всех аспектах развития Кореи в последующие столетия. Но вновь наступивший долгий период мира и внимание правительства к хозяйственным нуждам привели к определенному подъему экономики Кореи во второй половине XVII в. Это стало возможным во многом благодаря тому, что ван Сукчон (1674–1720) смог добиться усиления позиций правителя, часто меняя представителей двух основных группировок чиновников у власти. Но к концу века Чосон сотрясали народные восстания, вызванные частыми наводнениями, непрерывными неурожаями и эпидемиями. Население страны за шесть лет с 1693 по 1699 гг. сократилось почти на 1,5 млн человек. Кризис, вызванный войнами с маньчжурами и бедствиями, обрушившимися на Корею в конце века, страна смогла преодолеть лишь к середине XVIII в.

Еще в начале XVII в. в Корее возникло движение за «реальные науки» (*сирхак*). Оно было во многом связано с проникновением в страну идей китайского ученого-философа Ван Янмина (1472–1529), который отождествлял познание с действием. Сторонники движения «сирхак» считали, что неоконфуцианство не способно приспосабливаться к переменам, происходящим в экономике и в самом обществе, а поэтому необходимо выработать новую, более реалистичную идеологическую систему. Во главу угла ставилось самосовершенствование человека, расширение его кругозора. С этой целью один из основоположников движения «сирхак» Ли Сугван (1563–1628, псевдоним Чибон) написал «Чибон юсоль» («Избранные высказывания Чибона»), в котором читателя знакомил с другими «цивилизациями»: мусульманской, буддийской и христианской. В этой же работе обосновывалась ошибочность многовековой идеализации Китая и доказывалось, что Корея равна ему по уровню развития и длительности истории. Сторонники движения говорили о необходимости развития рыночной экономики, внедрения денежного обращения, строительства кораблей и т.д. Некоторые выступали за усиление власти вана, другие вновь стали говорить о том, что государство должно в первую очередь опираться на крестьян.

В этот период значительно повысился уровень географических знаний и картографии. Издавались словари и исследования в области корейского языка и математики, труды по сельскому хозяйству, зоологии и ботанике, многочисленные работы по различным медицинским методикам. Случайно попадавшие в Корею потерпевшие кораблекрушение голландцы научили корейцев изготовлению пушек. Живопись XVII в. стала более свободной от традиций предшествующих периодов. Самый известный живописец того времени Ли Джин (1581 – после 1674) изображал в основном святых, духов и пейзажи. Впрочем, художники продолжали рисовать и традиционные цветы и птиц, жанровые сценки, животных, правда, часто в уже изменившейся манере.

В конце XVI – начале XVII в. произошло объединение страны, эпоха «воюющих провинций» (1467–1590) (*сэнгоку дзидай*) завершилась, и в XVII в. в стране наступил долгожданный мир. После победы в 1590 г. над могущественным кланом Ходзэ под властью Тоётоми Хидэёси (сменившего Ода Нобунага в роли «объединителя» страны) фактически оказалась вся Япония. Земли отныне либо принадлежали Хидэёси, либо передавались князьям, присягнувшим ему на верность.

Многие из основных характеристик последовавшей за правлением Хидэёси эпохи Токугава были заложены уже в ходе реформаторской деятельности Тоётоми Хидэёси. При нем в 1582–1598 гг. в масштабах всей страны был составлен земельный кадастр и унифицированы единицы измерения земельной площади. При этом урожайность любых сельскохозяйственных угодий выражалась в *коку* риса. Обмер земель привел к значительному росту официально зарегистрированного земельного фонда. Была осуществлена унификация и упорядочивание земельных отношений в деревне. В кадастровых записях наделы земли закреплялись за крестьянами, которые их обрабатывали. В результате составления земельных описей богатые крестьяне потеряли право на взимание с других крестьян ренты (*кадзиси токубун*), которая включалась в состав *нэнгу* (годового оброка), выплачивавшегося землевладельцу. На основе данных кадастра устанавливался объем военной службы, которую должны были нести воины-землевладельцы, и оценивалась доходность владений того или иного дaimё.

При Хидэёси также были приняты меры, направленные на ужесточение сословных различий. В 1588 г. вышел указ, предписывавший изъятие оружия у крестьян и строго запрещавший впредь им владеть. По указу Хидэёси 1591 г. население страны делилось на три сословия – самураев, крестьян и горожан. Переход самураев или крестьян в сословие горожан запрещался, самураи не могли поменять своего господина. Позднее сословие горожан было разделено на два самостоятельных сословия торговцев и ремесленников; такая сословная структура (*си-но-ко-сё*) сохранялась на протяжении всего периода Токугава. Самураи составляли 5% населения, крестьяне – около 80–90%, торговцы и ремесленники – 8%, около 2% приходилось на долю париев – *эта* («неприкасаемые», наследственные корпорации, выполнявшие работу, считавшуюся нечистой: убой скота, выделка кож и т.п.) и *хинин* (букв. «нелюди», главным образом, преступники, которые могли быть прощены и восстановлены в прежнем статусе).

Самураи обладали эксклюзивным правом на ношение оружия и на обладание фамилиями (остальные японцы получили фамилии только в эпоху Мэйдзи, 1868–1911). За оскорбление, нанесенное представителем несамурайского сословия, воин имел право зарубить обидчика на месте. Заключение браков между членами разных сословий было строжайше запрещено (запрет можно было обойти при помощи процедуры усыновления/удочерения).

Подчинив к 1591 г. всю Японию, Тоётоми Хидэёси строил планы установления мирового господства: захвата Кореи, Китая, а затем и Индии. Хидэёси потребовал от вана (правителя) Кореи оказать содействие Японии в покорении Китая. Но ван отказался поддержать японцев и пропустить их в Китай через свою территорию. В 1591 г. Хидэёси распорядился начать приготовления к вторжению в Корею.

23 мая 1592 г. японские войска (около 160 тысяч человек) высадились в порту Пусан. Уже на следующий день Пусан пал, а японцы начали продвижение к столице Кореи Сеулу. 12 июня Сеул был занят без боя, а 22 июля пал Пхеньян.

Однако вскоре развернулось партизанское движение. Одновременно весьма успешно начал действовать корейский флот, перерезавший морские коммуникации японцев. Кроме того, корейцы получили военную поддержку от Китая. 8 февраля японцы оставили Пхеньян, а 18 апреля – Сеул. Они вывели из Кореи большую часть войск, начались длительные переговоры с Китаем.

Жесткая позиция Хидэёси (он требовал отдать в жены японскому императору дочь китайского императора, передать Японии почти половину территории Кореи, и т.д.) и высокомерный тон сделали бы переговоры невозможными, если бы японские переговорщики не подделали письмо Хидэёси китайскому императору. В фальшивке Хидэёси почтительно спрашивал у императора пожалования ему титула «ван».

Благодаря фальшивке переговоры значительно продвинулись. Но когда Хидэёси понял, что ни одно его требование не выполнено, а ему самому пожалован лишь титул, означавший признание им китайского вассалитета, он пришел в ярость. Военная кампания возобновилась в августе 1597 г. Второй поход оказался еще менее успешным, японцы не дошли до Сеула, встретив серьезный отпор корейско-китайских войск как на суше, так и на море. После смерти Хидэёси в 1598 г. вновь начались мирные переговоры.

Японские войска в Корее действовали исключительно жестоко, перебив тысячи корейцев, в том числе мирных жителей. Мирный договор между Японией и Кореей был заключен в 1609 г., японцы получили право торговли с Кореей в порту Пусан. Вплоть до XIX в. Корея оставалась единственной страной, с которой у Японии наладились официальные дипломатические отношения. Правда, посольства в Эдо прибывали также из королевства Рюкю, расположенного на одноименных островах. Но фактически Рюкю в 1609 г. было присоединено к японскому княжеству Сацума и лишь для сохранения торговых отношений с Китаем продолжало называться королевством, признавая себя вассалом Китая.

Одной из самых острых проблем для «объединителей» Японии оставался вопрос легитимизации власти. Ни Ода Нобунага, ни Тоётоми Хидэёси не получили титула «сёгун»; формально его мог даровать только император. Оба «объединителя» использовали императорский двор для укрепления своих позиций, получив назначения на высокие должности. Нобунага в 1578 г. был назначен Правым министром. Хидэёси в 1585 г. занял высшую придворную должность *кампаку* (канцлер), а затем стал *тайко* (регент при императоре). Простолюдину по происхождению, Хидэёси пришлось также прибегнуть к процедуре усыновления древним аристократическим родом Фудзивара. Правда, преемственности власти должности не гарантировали.

Пытаясь решить эту проблему, Хидэёси назначил наследником своего сына Хидэёри (1593–1615), а до достижения им совершеннолетия управ-

лять страной должен был совет из пяти крупнейших даймё – Токугава Иэясу (1542–1616), Маэда Тосиизэ, Мори Тэрумото, Кобаякава Кагэкацу и Укита Хидэиэ. Однако после смерти Хидэёси, скончавшегося от болезни в 1598 г., даймё вступили в борьбу за власть. К 1600 г. в стране сложилось две коалиции: западная, признававшая законным преемником Хидэёри, и восточная с Токугава Иэясу во главе, признававшая гегемоном Иэясу. 21 октября 1600 г. в битве при Сэкигахара (совр. префектура Гифу) 70-тысячное войско во главе с Токугава Иэясу одержало победу над 80-тысячным войском западной коалиции. В 1603 г. указом императора Гоёдзэй (1586–1611) Иэясу был назначен сёгуном. В ходе зимней кампании 1614 г. и летней 1615 г. замок Хидэёри был захвачен и сожжен, а он сам и его мать совершили самоубийство.

Еще до решающей битвы Иэясу позаботился о генеалогическом обосновании своих претензий на власть, возведя свое происхождение к роду Гэндзи (Минамото) – старейшему и влиятельнейшему из военных кланов. Представитель этого рода, Минамото Ёритомо, основал первый в истории Японии Камакурский сёгунат (1192–1333). В 1605 г. Иэясу передал должность сёгуна своему третьему сыну Хидэтада (1579–1632), получил назначение на должность «кампаку» и почетный титул «огосё» (отрекшийся сёгун) и формально удалился от дел, хотя фактически сохранил все нити управления в своих руках. Иэясу позаботился о соблюдении впредь четкого порядка передачи власти: титул сёгуна должен был переходить к старшему сыну в его семье. Династия Токугава просуществовала с 1603 по 1867 г.

Начало правления Токугава ознаменовалось изменениями во внешней политике, связанными с резким ужесточением отношения к христианам. Во многом эта политика была вызвана опасениями усиления европейского влияния вследствие дальнейшей христианизации. Указы против христиан начали издаваться еще при Тоётоми Хидэёси, но большинство из них не исполнялось. В 1612 и 1614 гг. вновь были изданы указы о запрете христианской проповеди, второй из них предписывал миссионерам покинуть страну. Лишь немногие проповедники ослушались этого указа и остались в Японии.

ЯПОНСКОЕ ПЛАВАНИЕ НА «ВОСТОК»

Один из даймё-христиан Датэ Масамунэ организовал в 1613 г. посольство к папе римскому и «южным варварам» (как называли в Японии европейцев). Правительство бакуфу на тот момент еще не окончательно склонилось к политике изоляционизма. Поэтому оно прислало своих людей для участия в путешествии. Посольству также предстояло вести переговоры с испанцами о заключении торгового договора. Сам Датэ Масамунэ стремился установить прямые торговые связи с Новым Светом.

Идею организации посольства выдвинул живший в Японии монах-францисканец Луис Сотело. На средства Датэ был построен корабль «Датэ Мару». Посольство (в 180 человек, включая самураев, около 40 португальцев и испанцев, множество купцов и моряков) во главе с Хасэкура Цунэнага стало вторым японским посольством в Европу (первое, также организованное даймё-христианами, отплыло из Нагасаки в западном направлении на европейском корабле в 80-е годы XVI в.). Третье состоялось лишь спустя 200 лет.

Корабль «Датэ Мару» пересек Тихий океан и пришел в Акапулько. Хасэкура Цунэнага и его люди пересекли Мексику и отплыли в Европу на испанском

корабле. По дороге посольство останавливалось на Кубе. В Европе Хасэкура Цунэнага побывал в Испании, Франции и Италии. Но переговоры не принесли успеха, так как европейцы были обеспокоены усиливающимися гонениями на христиан в Японии.

К моменту возвращения послов в Японию в 1620 г. ситуация в стране изменилась к худшему. Новый сёгун Токугава Хидэтада в большей степени склонялся к политике «изоляции», чем его отец. Возможно, запрет торговли с Испанией и разрыв дипломатических отношений в 1623–1624 гг. были вызваны и докладами участников посольства, описавших испанскую политику в Новом Свете.

Новая волна гонений на христиан привела к массовым казням в 1622 г. в Нагасаки и в 1623 г. в Эдо. В следующие годы гонения на христиан продолжались, многих подвергали пыткам, принуждая отречься от веры. Документально подтверждена казнь около 3 тысяч христиан в этот период.

Последним всплеском христианской активности стало Симабарское восстание 1637–1638 гг. (на полуострове Симабара, о. Кюсю). Ряды восставших составляли крестьяне и рыбаки, доведенные до отчаяния нуждой, непомерными налогами и неурожаем 1637 г., но большая их часть принадлежала к христианам и выступала под христианскими лозунгами. Считается, что количество восставших насчитывало до 37 тысяч человек. Напуганное успехами повстанцев бакуфу мобилизовало против них более чем сотысячную армию. Практически все повстанцы были уничтожены (опустевшие области принудительно заселили жителями разных районов страны), антихристианские меры еще более ужесточились, рядом указов 1633–1639 гг. страна была фактически закрыта.

Отныне японцам под страхом смертной казни запрещались заграничные путешествия, все миссионеры, а также португальские торговцы подлежали высылке. С 1641 г. лишь голландцы и китайцы получили право торговли с Японией, и только в порту Нагасаки. Иностранцы могли приплывать также в небольшие порты в княжестве Сацума и на острове Цусима (в основном, торговавшими с Рюкю и Кореей соответственно). Бакуфу продемонстрировало решимость последовательно выполнять указы о закрытии страны – когда в 1640 г. в Нагасаки прибыл португальский корабль с 61 посланником, просившими смягчить запрет для португальцев, все они были обезглавлены, а экипаж, состоявший из 13 китайцев, отпущен в Макао, дабы сообщить об их судьбе. Несмотря на «закрытость» страны, ее торговый и культурный обмен с другими странами не был полностью прекращен. Даже в XVIII в. часть отраслей ориентировалась на внешнюю торговлю (в том числе производство шелковых тканей в Киото) и ввозимое из-за моря сырье. Европейские знания (так называемые *рангаку* или «голландские науки») в области математики, картографии, оптики, медицины, ботаники проникали в Японию через контакты с голландцами в Нагасаки (хотя иностранцы жили обособленно на отдельном острове и в специальном квартале). Благодаря этому в 1671 г., например, была издана «Всеобъемлющая карта мириады народов» – карта с рисунками, изображающими жителей различных стран (в основном азиатских), и их этнографическим описанием.

Закрытие Японии способствовало наступлению стабильности в стране, что подстегнуло экономический рост. За период с 1600 по 1720 г. площадь

посевных земель в стране увеличилась на 82%. Благодаря технологическим и агрокультурным инновациям выросла и урожайность. Повышение урожайности, отмена внутренних таможенных пошлин способствовали развитию торговли и ремесел. Продолжился рост городов: Эдо (совр. Токио), небольшая деревушка, которую в 1590 г. Иэясу сделал своей ставкой, к концу XVII в. стал крупнейшим городом в мире с населением около 1 млн человек, население городов Осака и Киото сравнялось с населением Лондона и Парижа.

* * *

Хотя император и его двор не обладали никакой властью в стране, институт императорской власти был сохранен, и формально указ о своем назначении сёгуны получали от императоров. Сёгуны демонстрировали свое покровительство императорскому дому, оплачивая расходы на ремонт и сооружение дворцов и резиденций императора и его двора. Для установления родственных контактов между императорским родом и домом Токугава использовались брачные связи. В то же время сёгунат издавал распоряжения, предписывавшие аристократии заниматься лишь традиционными искусствами и церемониями, не покидать пределы дворцового комплекса и т.п. Представители аристократии не могли назначаться ни на военные, ни на гражданские должности в аппарате управления бакуфу.

Владения сёгунов располагались в 47 из 68 провинций и составляли примерно одну шестую часть всех возделываемых в стране земель, концентрируясь в основном в восточных районах Хонсю. Значительную часть доходов сёгунат получал также, контролируя крупнейшие города – Эдо, Осака, Сакаи, Киото, Фусими, Нара и Нагасаки. Кроме того, сёгунат обладал монополией на разработку серебряных и медных рудников.

Владения даймё – княжества (*хан*) – занимали три четверти всей территории архипелага. На протяжении эпохи Токугава одновременно существовало около 260 княжеств. Однако даймё занимали подчиненное положение по отношению к бакуфу. Такая система политического управления в историографии получила название «*бакухан*» (*бакуфу*+*хан*), она оформилась в период правления трех первых сёгунов династии Токугава, т.е. не ранее 30–40-х годов XVII столетия. Большая часть даймё выдвинулись на службе дому Токугава. Лишь в редких случаях положение даймё удалось сохранить представителям кланов, возникших до появления на исторической арене Ода Нобунага. Все даймё делились на три группы. Возглавляли иерархию *симпан-даймё* (родственные роду Токугава дома; их насчитывалось 23). Затем следовали *фудай-даймё* («наследственные даймё», союзники Токугава в битве при Сэкигахара, к концу XVIII в. их насчитывалось 145). Затем *тодзама-даймё* («внешние даймё», бывшие противники Иэясу, их насчитывалось 98). Большая часть владений фудай-даймё располагалась в районе Канто, неподалеку от Эдо. Владения тодзама-даймё концентрировались в основном западнее г. Осака или на окраинах архипелага. По своему экономическому потенциалу тодзама-даймё зачастую превосходили фудай-даймё, но политически были бесправны, так как не имели права занимать должности в аппарате сёгуната.

При первых пяти сёгунах около половины всех налогооблагаемых земель страны сменили своих владельцев. В дальнейшем наследственный принцип в княжествах становится ведущим, сёгунат вмешивался в редчайших случаях.

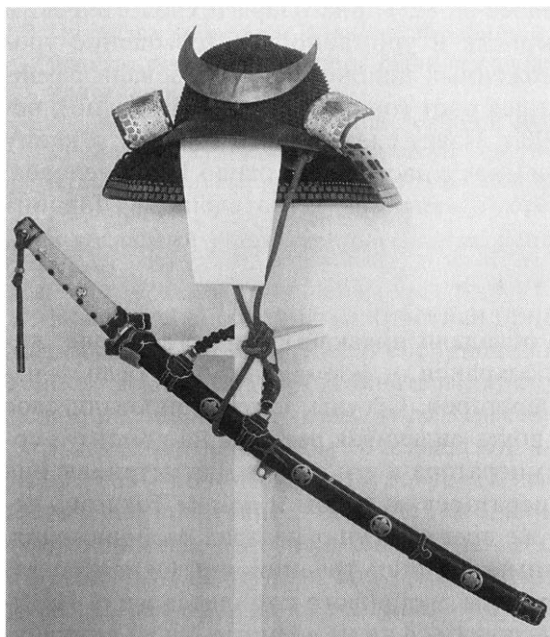
На деятельность даймё было наложено множество ограничений: без разрешения бакуфу они не могли ни ремонтировать, ни перестраивать свои замки (с 1615 г. даймё могли владеть только одной крепостью), ни вступать в брак; они были обязаны докладывать о подозрительных действиях своих соседей, им запрещалось укрывать преступников, замешанных в антиправительственной деятельности. В 1615 г. Иэясу составил «Кодекс для военных домов» («Букэ сэхатто»), в 13 статьях которого содержались рекомендации по управлению княжествами. Впоследствии в кодекс вносились изменения и дополнения. Со времен Иэясу кодекс зачитывали перед даймё во время церемонии инаугурации нового сёгуна. Действенным способом контроля над даймё была система заложничества (*санкин котай*), первоначально применявшаяся к тодзама-даймё, а с 1642 г. распространенная и на фудай-даймё. Один год князя со своими семьями должны были провести в столице Эдо, а на следующий год могли вернуться в свое княжество, оставив, однако, свою семью в Эдо.

Даймё имели право на издание законов, сбор налогов, чеканку монеты (монополия на чеканку монеты, имевшей хождение в масштабах всей страны, принадлежала сёгунату, но в рамках отдельных княжеств могли использоваться и собственные денежные знаки), осуществление судебных функций.

Если в эпоху «воюющих провинций» большинство воинов получали от своего господина поместье с правами управления и сбора налогов, в котором они и проживали, то к концу XVII в. такая система, получившая название система *дзидзамураи* (*дзидзамураи* или *госи*, сельские самураи), сохранилась лишь в 40 княжествах (около 17% от общего числа княжеств). В большинстве же случаев самураи получали жалованье рисом и проживали в резиденции своего даймё, что делало их полностью зависимыми от рисового пайка и служило одним из факторов роста городов и развития внутреннего рынка.

С 1633 г. бакуфу периодически направляло инспекторов (*дзюнкэнси*) во владения даймё для проведения проверок. Даймё должны были также регулярно предоставлять отчетную документацию – переписи населения, отчеты о судебной деятельности и т.д. В 1644 г. было предписано предоставить бакуфу подробные карты княжеств с указанием урожайности земель. Даймё были обязаны помогать бакуфу в осуществлении многочисленных проектов по сооружению крепостей, резиденций, дворцов и т.д., предоставляя материальные и людские ресурсы. Резиденция сёгунов Токугава и правительства – замок в Эдо, реконструкция разрушенного Осацкого замка, сооружение храмового комплекса Никко, где почитался основатель династии Токугава Иэясу, и многие другие проекты были осуществлены за счет княжеств. В зависимости от доходности княжествам предписывалось также содержание фиксированного числа военных сил.

Несмотря на небольшой размер, княжества обладали многочисленным административным аппаратом. Так, в княжествах Сакура и Овари насчитывалось порядка 150 должностей. Совокупный административный аппарат всех

Японский шлем и меч. XVII в. Китайский музей, Генуя © Photo Scala, Florence

Значительную часть чиновников бакуфу составляли *хатамото* и *гокэнин* – непосредственные вассалы сёгунов. Хатамото насчитывалось около 5200 человек, часть из них были владельцами феодальных поместий, а часть получали содержание рисом, хатамото имели право на личную аудиенцию у сёгуна. Гокэнин (около 2 тысяч человек) в основном получали выплаты рисом и не имели права на личную аудиенцию у сёгуна. Сёгуны никогда не были единоличными правителями, решения принимались коллегиально. Хотя степень личного участия первых трех сёгунов династии Токугава в государственном управлении была велика, в дальнейшем она сокращалась.

Важными делами общегосударственного масштаба (контроль за императорским двором, контроль за даймё, внешняя политика, оборона, налогообложение и т.д.) и выработкой общего курса управления ведали Старшие государственные советники (*родзю*), число которых колебалось от четырех до шести. Родзю назначались из числа фудай-даймё высшего статуса (т.е. обладавших наибольшими доходами в рисовом эквиваленте). Младшие государственные советники (*вакадосиёри*, от трех до пяти человек), назначавшиеся из числа фудай-даймё более низкого ранга, ведали более частными аспектами управления – делами вассалов дома Токугава, назначениями на должности в административном аппарате, ранговыми продвижениями, военными делами и т.п. Важнейшими ведомствами, находившимися в подчинении у родзю, были Финансовое управление (*кандзё бугё*), Управление делами синтоистских и буддийских храмов (*дзися бугё*), Управление делами г. Эдо (*Эдо-мати бугё*). Претендент на ту или иную должность в аппарате сёгуната должен был обладать фиксированным годовым доходом, поскольку чиновники платили своим помощникам из собственных средств. В некоторых случаях бакуфу выплачивало дополнительные средства чиновникам, если их доходы не соответствовали полученной должности.

Моделью системы управления для княжеств служила система управления во владениях сёгунов Токугава. В начале правления каждого сёгуна (или при вступлении в права управления княжеством) даймё приносили клятву верности. Взамен они получали инвеституру на управление княжеством, скрепленную личной печатью сёгуна.

Даймё могли переводиться из одного княжества в другое, в наказание за серьезные провинности их владения могли быть конфискованы бакуфу.

княжеств, возможно, достигал цифры в 350 тысяч чиновников. Уже к середине XVII в. важнейшие должности в большинстве княжеств замещались главами ограниченного числа родов. Обычно 80% доходов княжества составляли поступления от земельного налога, ставка которого в среднем составляла около 30% урожая, но в некоторых княжествах достигала и 70–80%.

В 1632 г. сёгунат составил отдельные уставы для хатамото и гокэнин – «Сёси хатто», в 1655 г. были созданы уставы для буддийских священников, многочисленные регламентации регулировали также деятельность ремесленников и торговцев. Единого свода уголовных законов не существовало вплоть до 1742 г., когда был составлен «Кодекс из ста статей» («Осадамэгаки хяккадзё»). Однако законы не предавались широкой огласке, а напротив, хранились в качестве секретных внутренних инструкций, предназначенных для чиновников, в чьи обязанности входило вершить правосудие. В то же время конкретные указы и распоряжения широко обнародовались: вывешивались на доски объявлений, публично зачитывались.

Хотя княжества имели право издавать собственные законы, в основном они копировали законы бакуфу или следовали китайским образцам преимущественно времен династии Мин. В целом же господствовавшие среди самураев идеалы беспрекословного подчинения и преданности своему господину, а также культивировавшиеся в среде крестьянского и городского населения идеи о покорности властям и о необходимости следовать идеалам бережливости позволяли достичь высокой степени управляемости и были в этом отношении гораздо эффективнее уголовного законодательства.

К началу XVIII в. преимущественно в центральной Японии появились районы, специализировавшиеся на товарных культурах – хлопке (был завезен из Кореи в конце XVI в., в XVII в. одежда из хлопка получает распространение среди простолюдинов), табаке (завезен в Японию испанцами в конце XVI в.), индиго и др. Ни одно княжество не было полностью самодостаточным.

Большая часть городов возникала вокруг замков (призамковые города, *дзёкамати*), т.е. прежде всего они являлись политическими центрами, обычно с населением 10–30 тысяч человек. Но росли и крупные портовые города (Хаката, Сакаи, Нагасаки). Крупнейшим городом страны был ее административный центр – Эдо, ядро жителей которого составляли самураи. Киото сохранял значение культурной столицы, а также славился производством и окрашиванием шелковых тканей. Город Осака являлся крупнейшим центром оптовой торговли и главным рынком страны.

Городское управление также строилось по сословному принципу: делами торговцев и ремесленников, с одной стороны, и делами самураев – с другой, занимались разные органы административного управления делами. Возглавлявшие городскую администрацию магистраты (*мати бугё*) назначались бакуфу. В Эдо, Киото, Осака, ввиду важности этих городов, на должность *мати бугё* назначались даймё или прямые вассалы сёгуна.

Одним из важных последствий возникновения крупных городов стал расцвет городской культуры, получившей название «культура эпохи *Гэнроку*» (*Гэнроку* – девиз правления императора Хигасияма с 1688 по 1704 г., но понятие «культура *Гэнроку*» охватывает период с 1680 по 1709 г., вре-

Хисикава Моронобу. Красавица и юноша. Вторая половина XVII в.
Национальный музей, Токио

мя правления пятого сёгуна Цунаёси). В театральном искусстве это расцвет кукольного театра *нингё дзёрури* и театра *кабуки*, постановки которых были адресованы прежде всего горожанам. Успех кукольного театра и театра *кабуки* во многом связан с творчеством великого японского драматурга Тикамацу Мондзаэмон (1653–1725). В литературе это время появления таких знаковых фигур, как новеллист, торговец по происхождению Ихара Сайкаку (1642–1693), создавший галерею портретов горожан (купцов, повес и куртизанок, мелких служек), и выходец из семьи обедневшего самурая поэт Мацуо Басё (1644–1694), один из создателей ныне прославленного во всем мире жанра трехстишия-*хайку*. В живописи появились гравюры «*укиё-э*» (букв. «картины преходящего мира»). Главными темами гравюры служили изображения гейш и портреты актеров театра *кабуки*.

На период Токугава приходится расцвет книгопечатания в городах. Ранее центрами книгопечатания выступали буддийские монастыри, издававшие исключительно конфуцианскую классику, китайскую поэзию и буддийскую литературу. Во время компаний в Корею 1592–1598 гг. японцы познакомились с технологией подвижных печатных литер. Литеры и типографские станки были привезены в Японию, с 1601 г. типографским способом впервые начинают издаваться произведения японской литературы. Книгопечатание оказалось прибыльным делом, но вскоре с целью сократить расходы издатели вернулись к печати кириштанским способом. К 1720 г. только в Киото насчитывалось около 200 издательств. Помимо китайской и буддийской классики, а также японской классической литературы, начинает издаваться популярная литература, написанная простым языком, т.е. записанная азбукой (яп. «кана») с минимальным использованием иероглифики – литература *кана-дзоси*. Она включала широкий жанровый спектр – романы, истории о сверхъестественном, этические наставления, прикладную литературу (путеводители, письмовники, наставления в искусстве чайной церемонии и икэбана).

* * *

Господствовавшие в стране политические идеалы не всегда соответствовали экономической и социальной действительности. Формально социальный статус торговцев и ремесленников считался ниже крестьян, но фактически некоторые торговцы были богаче князей, а ставки налогообложения в городах были значительно ниже, чем в деревне. Однако, хотя нормы эксплуатации крестьян отличались чрезвычайной жестокостью, общий уровень жизни за период Токугава вырос, как выросло и население страны – с 15–17 млн в 1600 г. до 31 млн 300 тысяч в 1721 г.

При этом увеличилась и территория, включившая в себя как острова Рюкю (формально остававшиеся под двойным вассалитетом Китая и Японии), так и территории на Севере. Даймё Мацумаэ, небольшого японского княжества на Юге Хоккайдо, признавшие себя вассалами Токугава в 1604 г., получили разрешение от сёгуна развивать торговлю мехами и морскими продуктами с «королевством Эдзо», населенным общинами айнов. (Айнов считали потомками «варваров» *эмиси* – автохтонного населения Японских островов, оттесненного на крайний Север. Их территория включала в себя большую часть Хоккайдо, Сахалина и Курил.) В 1669 г. на Хоккайдо началась борьба кланов айнов друг с другом, переросшая в восстание против Мацумаэ (по имени его лидера названное «восстание Сакусайну», 1669–1672). После подавления восстания войсками сёгуната положение айнов значительно ухудшилось, хотя формально сёгунату продолжал подчиняться лишь Юг острова.

Созданная в начале эпохи система управления доказала свою эффективность и стабильность, предоставила возможности для экономического развития, пусть и ограниченные. Политику страны на протяжении всего периода Токугава определяли высшие представители военного сословия, крупные землевладельцы, что было естественным в рамках аграрного общества, которым оставалась тогда Япония.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVII ВЕКЕ

В XVII в. европейские страны продолжали бороться друг с другом за обладание богатствами Азии, Африки и Америки. К Испании и Португалии добавились новые державы, вставшие на путь завоевания собственных колониальных владений или, по крайней мере, создания торговых факторий: Англия, Франция, Республика Соединенных провинций, но также такие страны, как Дания, Швеция и даже герцогство Курляндия. Пиренейские страны вынуждены были примириться с тем, что договоры 1494 и 1529 гг. о разделе сфер влияния в мире не были признаны другими, однако пока им удавалось в основном сохранять свои владения. Возможности занять те или иные территории, отстоять их в борьбе с другими державами и, главное, заселить у разных европейских держав были неодинаковыми; общим для всех «новых игроков» являлось стремление действовать в разных частях света, чтобы в случае неудач на одном направлении по возможности компенсировать их успехами на другом.

Если Испания и Португалия к началу XVII в. имели уже огромный опыт колонизации, то другие державы делали лишь первые шаги. Однако именно по этой причине у них была возможность учитывать испанский опыт, хотя в ряде случаев шли иным путем. Выбор того или иного способа колонизации зависел и от военной силы пришельцев, и от привлеченных капиталов, и от людских ресурсов. А приток капиталов и людских ресурсов, в свою очередь, зависел не только от богатства и населенности метрополии, но и от того, насколько успешно складывались самые первые этапы колонизации, насколько эффективной была пропаганда ее успехов.

Начало и ход колонизации, как правило, были напрямую связаны с внутренним состоянием метрополии и ее положением в Европе. Так, Швеция активизировала свою колониальную деятельность после поражения при Нёрдлингене (1634), когда отход от нее части германских союзников поколебал ее статус великой державы. Создание собственных заокеанских колоний, хотя бы и не слишком богатых и обширных, как бы уравнивало Швецию с самыми могущественными державами Европы.

Колониальные владения в XVII в. тянулись вдоль океанских берегов; лишь испанцы и португальцы в Бразилии были в состоянии контролировать ряд внутренних областей Америки, отстоящих от побережья более чем на сотню километров. Далеко заходили по рекам и французы в Канаде, но они не устанавливали прочного контроля над открытыми территориями.

Многие поселения, особенно в Северной Америке, на протяжении десятилетий балансировали на грани выживания, и даже сравнительно успешные колонии в XVII в. нередко насчитывали лишь немногие сотни или даже десятки жителей, вся жизнь которых зависела от своевременного прибытия раз в год или раз в несколько лет одного или нескольких кораблей из метрополии с запасами продовольствия и новыми колонистами.

Основное ядро испанских колоний в Америке сложилось уже в середине XVI в.; тогда же оформилась и их административная структура. В XVII в. добавились слабо заселенные и, по меркам того времени, сравнительно бедные земли на Севере Мексики и в Аргентине; в 1697 г. был покорен Тайясаль – последний из городов-государств майя. Однако рядом с территориями, где испанская власть установилась относительно прочно, простирались бескрайние земли, которые испанцы контролировали только на словах: тропическая сельва, высокогорья, аргентинская пампа. Некоторые из них были труднодоступны в силу природных условий, в других случаях испанцы просто не проявляли заинтересованности в освоении этих территорий. В Чили же испанцы на всем протяжении XVI–XVII вв. так и не смогли сломить сопротивление индейцев-арауканов.

Владения в Америке являлись составной частью Испанской монархии и потому разделяли трудности, с которыми сталкивалась метрополия. XVII век принес им территориальные потери: голландцы, англичане и французы захватили Малые Антильские острова; голландцы также утвердились в устье Ориноко и на Молуккских островах, а англичане – на Ямайке (с 1655 г.), Багамском и Бермудском архипелагах. Франция овладела восточной половиной Гаити.

Заметную роль в колониальном противоборстве стали играть пираты. Если первое время пираты базировались в портах Англии и Франции, то по мере ослабления Испании они обзавелись базами и в самой Америке: в разные годы это были Ямайка, Тортуга и другие острова Вест-Индии.

Главными объектами «охоты» становились испанские корабли, перевозившие золото, серебро и другие ценные грузы. Пираты совершали также налеты на порты и прибрежные поселения. Чтобы защитить от них ценные грузы, испанские власти собирали корабли в большие флотилии под надежным конвоем – «серебряные флоты», которые ежегодно пересекали Атлантику в обоих направлениях. Такой способ защиты в целом выглядел эффективным, но уже в 1628 г. голландским корсарам удалось захватить у берегов Кубы «серебряный флот» с грузом серебра на 14,5 млн флоринов.

«Золотым веком» Карибского пиратства стала вторая половина XVII в., когда флотилии пиратов во главе с удачливыми предводителями, такими как Генри Морган, нападали даже на самые мощные крепости, захватывая огромные богатства. После англо-испанского договора 1670 г. совместные действия английских и испанских эскадр позволили обуздать пиратов, однако к тому времени действия морских разбойников наряду с упадком самой Испании подточили ее морское могущество в Новом Свете и перераспределили часть американских сокровищ в пользу ее противников.

* * *

К XVII в. в Испанской Америке правовой статус человека определялся его этнической и расовой принадлежностью. Испанцы, прибывшие из-за океана, составляли наиболее привилегированный слой, лишь они могли претендовать на высшие посты в аппарате управления, армии и церкви. Несмотря на постоянную испанскую эмиграцию в Новый Свет (в то время как

обратно возвращались сравнительно немногие), численность белых была относительно невелика. Они селились преимущественно в городах, организованных по образцу испанских.

Уроженцы метрополии смотрели свысока на испанцев, которые уже несколько поколений жили в колониях и именовались креолами, подозревая последних, зачастую не без основания, в том, что те смешивались с индейцами, не сохранив «чистую» испанскую кровь. Креолам был закрыт доступ к высшим должностям, что вызывало их недовольство, тем более, что нередко они оказывались богаче уроженцев метрополии и держали бразды правления на местах в своих руках. В некоторых регионах в их ряды влились представители знатных индейских родов, которым корона сохранила титулы и владения. Фактически креолы составляли аристократию колониального общества.

В XVII в. понятие «креол» утрачивало первоначальный расовый смысл и приобретало этнокультурное наполнение: креолами все чаще могли считаться не потомки испанцев, а те, кто принадлежал к этому слою по своим манерам, обычаям и психологии. В этом смысле креолом мог считать себя и метис, и недавно приехавший в Америку европеец, если он быстро воспринял местный образ жизни. Постепенно креольское население все более идентифицировало себя именно по этнокультурному признаку. В результате отчуждение, возникшее между креолами и испанцами еще в XVI в., в XVII в. стало более заметным.

Ниже креолов в «кастовой» иерархии стояли метисы. Они не обладали всей полнотой прав, им запрещалось владеть землей, носить оружие, заниматься некоторыми ремеслами, однако они освобождались от некоторых налогов и повинностей и находились в целом в лучшем положении, чем индейцы. Метисы занимались земледелием и скотоводством, ремеслом и мелкой торговлей, работали по найму. Вопреки запретам метрополии лица, рожденные в смешанных браках, нередко попадали на службу в армию, в церковь и на чиновничьи должности.

Особое место в колониальной иерархии занимали индейцы. Демографическая катастрофа, которую пережил индейский мир после Конкисты, еще ощущалась на протяжении всего XVII столетия, и к концу его численность коренного населения была намного ниже уровня доколумбовой эпохи. Тем не менее индейцы преобладали всюду, кроме прибрежных районов и островов. На территории Мексики и Перу они в несколько раз превосходили по численности любую другую этническую группу. Основная масса индейцев жила в сельской местности. Корона была заинтересована в сохранении их особого статуса, поскольку именно они платили подушную подать и несли трудовые повинности, в частности работали на рудниках.

Низший слой составляли негры-рабы. Они работали на плантациях и рудниках, многие находились в услужении. Больше всего их насчитывалось в тех районах, где выращивались тропические культуры – например, на островах Вест-Индии, где коренное население было полностью истреблено еще в XVI в. Там, где проживало много негров, уже в XVII в. в результате их смешения с европейцами появилось множество мулатов.

В мировой экономике колонии Центральной и Южной Америки играли огромную роль. Именно оттуда Западная Европа получала большую часть необходимых ей драгоценных металлов. Только рудники Потоси в начале

XVII в. давали около 50% мировой добычи серебра; немало серебра добывалось и в Сакатекасе на территории Мексики.

Помимо драгоценных металлов из Нового Света поставлялись сахарный тростник, табак, хлопок, какао, пряности и органические красители. Колонии служили также рынками для сбыта европейских товаров. Все это способствовало обогащению метрополий, тогда как развитие обрабатывающих отраслей испанские власти сознательно ограничивали. Так, колонисты не имели права разводить виноград и оливы, выращивать шелковичных червей – соответствующие продукты приходилось ввозить из метрополии. Власти нередко тормозили развитие ремесла, душили американскую экономику высокими налогами.

Исключительным правом на торговлю с колониями в течение почти всего XVII в. пользовалась Севилья, лишь в самом конце столетия ее сменил Кадис. Колониям запрещалось вести обмен друг с другом и с иными державами, кроме метрополии. Контрабандная торговля по возможности пресекалась, хотя на практике сами колонисты прибегали к ней втайне от властей. Своеобразной формой контроля над торговым обменом колоний с метрополией была система «серебряных флотов». На Тихом океане сходным образом была организована навигация между Мексикой и Филиппинами. Знаменитый Манильский галеон, доставлявший в Мексику товары из Азии и тем самым связывавший Азию с Америкой напрямую, а не через Европу, выступал в это время как своего рода воплощение рождавшегося мирового рынка.

В заокеанских владениях Испании, с одной стороны, воспроизводилась характерная для метрополии система управления, с другой – сохранялись элементы устройства, присущие индейскому миру. Основные направления колониальной политики Испании устанавливал созданный еще в XVI в. Совет по делам Индий, который назначал светских и духовных должностных лиц и контролировал деятельность колониальной бюрократии. Организацией трансатлантической торговли и навигации занималась Севильская Торговая палата, подчиненная Совету по делам Индий. Оба учреждения находились в метрополии. Чиновники, руководившие их деятельностью, назначались монархом и отстаивали интересы короны.

К началу XVII в. испанские колонии были объединены в два вице-королевства: Новую Испанию и Перу. В состав первого входили Мексика, Центральная Америка, острова Вест-Индии и Южное побережье Карибского моря, а также Филиппины. Вице-королевство Перу включало почти все прочие территории Южной Америки, кроме подвластной португальцам Бразилии. Там, где шли военные действия или сохранялась угроза нападения, создавались генерал-капитанства, напрямую подчиненные короне.

Вице-короли назначались монархами на ограниченный срок из числа испанских аристократов или служителей церкви. Корона заботилась, чтобы вице-короли не устанавливали тесных связей с колонистами. Параллельно действовали судебные-административные органы – аудиенсии, которые служили противовесом власти вице-королей и губернаторов. Контроль над теми и другими осуществляли ревизоры, присылавшиеся из Испании.

Задачи управления на местах решали муниципальные советы – кабильдо. Чтобы успешно проводить за океаном свою политику, монархи назначали на высшие посты в аппарате управления только уроженцев метрополии.

Однако в систему колониального управления была встроена и индейская община, которой руководили старейшины-касики. Испанцы старались без особой необходимости не вмешиваться в их отношения с соплеменниками, однако контролировали их действия.

В целом система колониального управления являлась дорогостоящей, громоздкой и отягощенной мелочной регламентацией. Все важные решения принимались в Испании, но вследствие огромных расстояний ждать такого решения приходилось много месяцев. Классический принцип испанской бюрократии: «Повиноваться и не выполнять» – в полной мере действовал и в колониях.

Огромную роль в жизни Испанской Америки играла Церковь. К началу XVII столетия «духовная Конкиста» уже достигла в Америке значительных успехов. Утвердилась стройная система диоцезов, во множестве основывались монастыри (к началу XVII в. только в Новой Испании их насчитывалось более 400). Христианизация индейцев продвигалась быстрыми темпами, хотя нередко оставалась весьма поверхностной.

Служители Церкви в Америке занимались делами управления и благотворительностью, осуществляли идеологический контроль, они сыграли выдающуюся роль в развитии колониальной культуры. Церковь представляла собой великолепно организованный экономический организм, ее служители умели образцово вести хозяйство. Среди монашеских орденов в обращении индейцев огромную роль сыграли иезуиты, особого успеха добившиеся в Парагвае.

Так называемое государство иезуитов в Парагвае занимает особое место в истории Америки. Территория, находившаяся под контролем иезуитов, достигала в период расцвета 200 тыс. кв. км и включала, помимо Парагвая, также часть земель Аргентины, Уругвая и Бразилии. На этой территории в XVII в. было создано около 30 особых поселений-редукций. В каждой из них проживало обычно по несколько тысяч индейцев. С согласия короны их обитатели на 10 лет освобождались от уплаты податей.

В 1610 г. Общество Иисуса получило разрешение испанского монарха на монопольное управление племенами гуарани с гарантией невмешательства в их дела как светской администрации, так и местных епископов. Сначала миссионеры столкнулись с большими трудностями. С одной стороны, гуарани находились на низком уровне развития, практиковали групповые браки и каннибализм; перестроить их жизнь на новых основах было сложно. С другой стороны, португальские плантаторы из соседних районов, нуждаясь в рабской рабочей силе, совершали набеги на миссии и уводили индейцев. Эту проблему удалось решить благодаря тому, что в 1639 г. иезуиты получили от короны беспрецедентное право вооружить подвластных им индейцев огнестрельным оружием, что позволило наладить оборону редукций.

Во главе редукции стоял отец-иезуит – администратор и духовный наставник, опиравшийся на поддержку индейцев. Он жил в центре укрепленного поселения рядом с церковью, а вокруг располагались скромные, но добротные дома для индейцев. Индейцы в редукциях не знали частной собственности и трудились сообща, обеспечивая миссию всем необходимым и выплачивая налоги. В то же время усилия иезуитов по развитию частной инициативы не имели успеха ввиду психологических особенностей индейцев. Распределение носило уравнилительный характер: питание, одежда и жилье были одинаковы для всех. Иезуиты

исходили из того, что для успеха христианской проповеди ее надо вести на языке индейцев, они изучали языки индейцев, составляли их словари и грамматики.

Иезуитам удалось добиться удивительных результатов: быстрой и сравнительно глубокой христианизации индейцев, всеобщей грамотности, эффективно налаженного хозяйства, обеспечивавшего и сравнительно высокий уровень жизни, и своевременную уплату налогов в казну. Редукции процветали вплоть до 1768 г., когда в результате изгнания иезуитов из Испании и ее владений их государство было уничтожено.

К XVII в. западноевропейская цивилизация уже во всеуслышание заявила о себе первыми в Испанской Америке типографиями и университетами, великолепием колониальной архитектуры, в которой утвердился стиль барокко, замечательными литературными и историческими произведениями. Выдающимся памятником исторической мысли стала «История государства инков» Инки Гарсиласо де ла Вега (1539–1616). Внебрачный сын капитана испанских конкистадоров и внучки верховного правителя инков, он с детства воспринял и язык кечуа, и инкскую культуру, и основы европейских знаний. Главный труд Гарсиласо – «Подлинные комментарии инков» (1609), содержащие уникальные сведения по истории державы инков.

Гарсиласо был первым, кто осознал особенность и значение своего положения как сына двух великих культур и отразил эту двойственность в своем творчестве, одновременно восхваляя и достоинства созданного инками государства, и Конкисту, разрушившую его, но зато принесшую индейцам христианство. Отстаивая идею единства мира, он стремился поместить исторический опыт инков в общемировой контекст. Труд Гарсиласо находился в русле исканий европейской общественной мысли и оказал на нее очевидное влияние. Разумные принципы управления в государстве инков воспринимались в Европе как идеальная модель устройства общества.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ

История португальской колониальной империи в XVII в. в значительной мере отмечена противостоянием с новыми восходящими колониальными державами – Нидерландами и в дальнейшем с Англией.

В XVI в. португальские владения в Азии и на Индийском океане простирались от африканской Софалы на побережье современного Мозамбика и острова Ормуз между Оманским и Персидским заливами до Молуккских островов и Макао. Португалии принадлежали плацдармы в Марокко (Сеута, Танжер, Мазаган) и фактории на побережье Западной Африки от островов Зеленого мыса до Луанды; она обладала островами в Гвинейском заливе и владела обширными территориями в Южной Америке (Бразилия). Основными богатствами, извлекавшимися португальцами из заморских колоний, были золото из Гвинеи и юго-восточных областей Африки (Мономотапа), сахар с островов Мадейра и Сан-Томе и из Бразилии, перец с Малабарского побережья Индии и из Индонезии, мускатный орех и гвоздика с Молуккских островов, корица с Цейлона, золото, шелк и фарфор из Китая, хлопчатобумажные ткани из Индии; важную роль играла и работорговля.

Португальская колониальная империя сочетала в себе черты морской державы (укрепленные пункты, плацдармы, фактории находились по преимуществу на побережье, и связывали их между собой именно морские пути) и торговой структуры (в частности, в Азии португальцы встраивались в уже существовавшие торговые потоки между различными регионами). В Бразилии речь шла о колонизации территорий, направленной на развитие экспортно-ориентированного хозяйства на основе принудительного труда.

В 1580–1640 гг. Португалия входила в состав Иберийской унии под властью испанского монарха. Обе колониальные империи оставались административно разделены и управлялись каждая по-своему. Однако сам факт нахождения Португалии в составе унии привел к тому, что Португалия оказалась втянута в конфликт Испании и Нидерландов, переросший в противостояние Нидерландов и Португалии. Современники полагали, что именно союз с Испанией обрек португальскую империю на нападение со стороны Нидерландов, хотя в условиях монополии иберийских государств в колониальной сфере практически любая чужая активность в этом направлении вела к конфликту со старыми колониальными державами.

Противостояние Португалии и Нидерландов началось в 1598–1599 гг. с нападения голландских военных кораблей на острова Сан-Томе и Принсипи, а завершилось в основном в 1663 г. с завоеванием португальских торговых факторий на юго-западном побережье Индии. До провозглашения независимости Португалии в декабре 1640 г. Испания и Португалия вместе противостояли Нидерландам; в дальнейшем Португалии пришлось вести войну на два фронта, воюя с Испанией на Пиренейском полуострове и с Нидерландами на заморских территориях.

Исследователи выделяют несколько направлений португальско-нидерландского противостояния в XVII в.: в общих чертах речь шла о контроле, во-первых, над торговлей специями из Юго-Восточной Азии, во-вторых, над работорговлей в Западной Африке и, наконец, над сбытом сахара из Бразилии. В первом случае португальцы утратили значительную часть своих позиций в Индийском океане и за несколько десятилетий уступили пальму первенства Нидерландам, а затем Англии; во втором случае ни одна из сторон не получила решающего преимущества; в третьем случае победа осталась за португальцами.

В первое десятилетие XVII в. нидерландская Ост-Индская компания (основана в 1602 г.) лишила Португалию контроля над «островами пряностей» (Молуккские острова). В 1619 г., разрушив г. Джакарта на острове Ява, голландцы основывают свой собственный торговый и административный центр Батавию. В 40–50-е годы они вытесняют португальцев из Малакки и с Цейлона, а в начале 60-х годов XVII в. – из Малабара (Юго-Запад Индии). У португальцев остаются Макао (южное побережье Китая) и несколько островов из группы Малых Зундских островов (Тимор, Солор, Флорес). Важный центр португальского влияния в Индии – «золотой Гоа», как его называли современники, – со временем оказался окружен голландскими и английскими владениями. В 1662 г. Бомбей, наряду с Танжером в Марокко, был передан Португалией Англии в качестве приданого Екатерины Брагансской при заключении ее брака с Карлом II Стюартом. Кроме того, в 1639 г. португальцев изгнали из Японии под предлогом их содействия восстанию

христиан, и монополия на контакты со страной, закрывшейся от западного влияния, осталась у голландцев. До этого события фактория португальцев в Нагасаки была частью таких протяженных торговых маршрутов, как Макао–Малакка–Гоа–Лиссабон, Гуанчжоу–Макао, позднее – Макао–Филиппинские острова – Мексика.

В Восточной Африке голландцы попытались отобрать у Португалии Мозамбик, а в 1652 г. захватывают у нее мыс Доброй Надежды и основывают там собственную колонию с центром в Кейптауне. В Западной Африке голландцы закрепились на Золотом берегу (современная Гана), а в 1638 г. захватили крепость Сан-Жоржи-да-Мина, заложенную португальцами еще в XV в. В 1641–1648 гг. голландцы удерживали контроль над побережьем Анголы, где находились важные центры португальской работорговли, однако в 1648 г. португальско-бразильские силы, прибывшие из Рио-де-Жанейро, отвоевали Луанду. К середине 60-х годов голландцы располагали первыми португальскими плацдармами на Золотом берегу, но Ангола, Бенгела, острова Сан-Томе и Принсипи остались за португальцами.

В Бразилии «голландские вторжения» считаются самым масштабным политическим и военным конфликтом в истории страны в колониальное время. Вторжения начались с захвата в 1624 г. города Салвадор, центра колониальной администрации Бразилии и стратегически важного пункта на Северо-Востоке страны, где производился сахар. Голландцы пробыли в Салвадоре около года и после упорных боев сдались. В 1630 г. голландцы захватили капитанство Пернамбуку и до 1645 г. удерживали контроль над этой северо-восточной областью Бразилии, специализировавшейся на производстве сахара. В 1645–1654 гг. захваченные земли были отвоеваны; применявшаяся тактика партизанских действий получила название «бразильской войны» (в противовес регулярной «европейской войне» по правилам). В изгнании голландцев принимали участие отряды местных землевладельцев, а также отряд под командованием негра Энрике Диаша и индейца Фелипе Камарау, что символически расценивалось в последующие эпохи как зарождение бразильской нации на основе союза трех рас.

Поставки бразильского сахара в Европу, а также связанная с потребностями плантационного хозяйства работорговля в Западной Африке остались в руках у португальцев. О тесных связях в рамках сложившегося в Южной Атлантике «хозяйственного комплекса» говорит тот факт, что Луанда была отвоевана генерал-губернатором Бразилии, а военачальники в Пернамбуку, действовавшие против голландцев, занимали до этого посты в колониальной администрации Анголы.

Католические миссионеры, в особенности иезуиты и доминиканцы, были важными проводниками португальского влияния в Азии, и голландским протестантским пасторам не удалось повторить их успех. Кроме того, даже после завоевания голландцами португальских владений в Южной и Юго-Восточной Азии языком международного общения там зачастую продолжал оставаться португальский. В донесении руководству Ост-Индской компании генерал-губернатор Батавии в 1659 г. отмечал, что не только местное зависимое население, но даже дети голландских колонистов используют португальский язык как свой.

В последней четверти XVII в. восточная часть португальской колониальной империи начинает приходить в упадок, что было связано как с недостаточной численностью португальского белого населения, способного развивать колонии, так и с необходимостью противостоять новым неприятелям после окончания конфликта с Нидерландами: Оманской империи, положившей конец португальскому господству в западной части Индийского океана, а также захватившей португальские опорные пункты к северу от Мозамбика, и маратхам в Индии. Постоянная вооруженная борьба и жизнь в условиях пограничья отвращали Португальских эмигрантов от переселения в Ост-Индию; значительная часть тех, кто добровольно покидал Португалию в поисках лучшей доли, устремлялась в Бразилию. При этом, несмотря на то что Португальская Америка была самой доходной частью колониальной империи, именно колонии в Ост-Индии, в частности Гоа, считались самыми ценными и престижными владениями португальской короны, наследием славных завоеваний XVI в.

В конце XVII столетия начинается новый этап в истории португальской колониальной империи, связанный со значительным увеличением в ее экономике доли Бразилии. С 90-х годов производство сахара и табака выходит на новый уровень; главное же – в Бразилии обнаружены месторождения золота (начало XVIII в. станет временем настоящей «золотой лихорадки»). Приток бразильского золота в метрополию будет способствовать выравниванию торгового баланса Португалии в Европе, до того времени в основном отрицательного, а также активизации Португалии в Западной Африке, так как помимо основного «потребителя» невольников – плантационного хозяйства, рабский труд будет широко применяться на разработках месторождений золота и драгоценных камней.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ НИДЕРЛАНДОВ

Колониальная империя Нидерландов начала складываться в самом конце XVI в., после того как северные провинции освободились от власти испанской короны. Молодое государство стремилось участвовать в доходной торговле с Азией. На первых порах, чтобы обойти португальцев, которые надежно контролировали южный морской путь, голландцы стали искать путь из Европы в страны Дальнего Востока в северо-восточном направлении: севернее Норвегии и побережья России (экспедиции В. Баренца 1594–1597 гг.).

В это же время несколько амстердамских купцов, которым удалось получить португальские карты южного морского пути из Европы в страны Востока, учредили «Компанию дальних стран» и снарядили четыре корабля. Второго апреля 1595 г. эта экспедиция под командованием К. Хаутмана и П.Д. Кейзера вышла из порта острова Тексел, держа курс на Индонезию. В июне 1596 г. голландские корабли достигли западного берега Явы, бросив якорь в порту Бантам. А в августе 1597 г. «Компания дальних стран» отправилась на Восток еще одну небольшую флотилию, возвратившуюся с богатым грузом пряностей: перца, мускатного ореха и гвоздики.

Успех экспедиции превзошел все ожидания. В Соединенных провинциях начали создаваться многочисленные торговые компании, отправлявшие флотилии в Ост-Индию. Там нидерландцы заключали договоры с местными князьями, которые охотно шли на это в надежде избежать португальского владычества. В результате к 1602 г. республике удалось добиться монополии на торговлю гвоздикой с острова Амбон, мускатным орехом с острова Банга и с побережья Суматры.

Конкуренция между небольшими торговыми компаниями нарастала. Кроме того, в одиночку им было трудно обеспечить защиту своим торговым судам, часто подвергавшимся нападению со стороны хорошо вооруженных испанских и португальских галеонов.

По инициативе великого пенсионария Голландии Й. Олденбарневелта мелкие нидерландские торговые компании объединили в одну, способную противостоять английской Ост-Индской компании. 20 марта 1602 г. Генеральные штаты утвердили Хартию акционерной Объединенной Нидерландской Ост-Индской Компании (далее: ОИК) с уставным капиталом в 6,5 млн гульденов. Капитал был распределен между провинциями, доминирующими были доли Голландии и Зеландии. ОИК предоставлялось право на монопольную торговлю со странами к востоку от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива сроком на 21 год с возможностью дальнейшего его продления.

Руководство ОИК состояло из шести секций, или палат, которыми назначались 17 директоров – так называемый Совет семнадцати. Совету принадлежала вся полнота власти в Компании. Директорами и членами ОИК были представители богатейших купеческих и регентских семей, видные государственные деятели и деятели кальвинистской церкви. Великий пенсионарий и статхаудер являлись крупными пайщиками ОИК.

С самого начала своего существования ОИК была наделена гораздо большими правами, чем это требовалось в интересах торговли (даже с учетом необходимой вооруженной защиты торговых караванов), и имела весомую государственную поддержку. Помимо монопольных привилегий на торговлю, прав снабжать торговый и военный флот, заключать официальные контракты с туземными вождями и выбирать управителей на местах, ОИК имела свои вооруженные силы, вела в колониальных владениях самостоятельные войны, судила и наказывала своих служащих.

На первом этапе Компания не ставила задачи непосредственного завоевания многочисленных индонезийских княжеств. ОИК ограничивалась созданием факторий и фортов в важных торговых и стратегических пунктах. Она избегала прямого вмешательства в дела местных султанатов и княжеств и довольствовалась навязыванием их правителям договоров, которые обеспечивали Компании монополию на вывоз из Юго-Восточной Азии пряностей и ввоз туда нидерландских товаров. Исходя из приоритета торговли, нидерландцы в отличие от своих португальских предшественников, проводивших насильственную христианизацию, старались уважать обычаи и верования туземного населения. Однако по мере укрепления своих позиций и расширения зоны влияния нидерландцы начали действовать по отношению к нему все более жестоко и бесцеремонно. От идеи создания торговой империи Соединенные провинции перешли к созданию мощной колониальной державы.

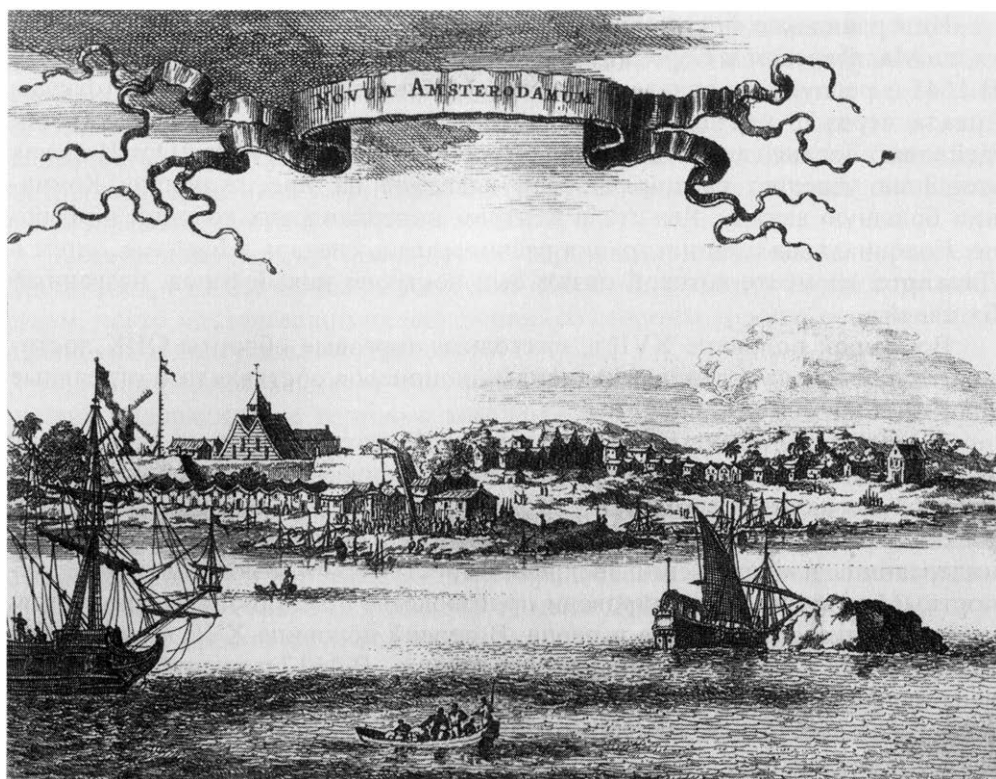
Нидерландские фактории появились на островах Малайского архипелага, на Малабарском и Коромандельском побережьях Индостана и в Японии. В 1641 г. республика овладела Малаккой, затем захватила Тайвань (откуда, правда, через 20 лет была изгнана китайцами), а в 1658 г. – большую часть Цейлона. Достигшая расцвета во второй половине XVII в. Ост-Индская компания успешно расширяла свои владения на Яве, сулившие Компании большую выгоду. Ява стала центром нидерландских колоний в регионе. Колониальная администрация располагалась сначала в Бантаме, затем в Джакарте, на месте которой позже был построен новый город, названный Батавией.

Во второй половине XVII в. ежегодные торговые обороты ОИК достигали 15–20 млн гульденов, дивиденды акционеров составляли в отдельные годы от 60 до 100%.

ОИК широко применяла так называемый метод косвенного управления захваченными территориями при посредстве привлеченной на свою сторону местной феодальной верхушки или же навязывала неравноправные договоры князьям, не завоевывая территории княжеств. Через местных правителей нидерландцы насильственно внедряли в крестьянских хозяйствах новые экспортные культуры и регулировали производство традиционных продуктов: гвоздики, мускатного ореха и перца. В первой половине XVII в. усилилось также проникновение нидерландцев в Африку. В 1617 г. республика завладела Зеленым Мысом в Западной Африке, в 1640 г. началась колонизация острова Маврикий, объявленного нидерландским владением еще в 1598 г. В 1652 г. по заданию ОИК ее служащий Ян ван Рибек основал Капскую колонию на мысе Доброй Надежды. В ее удобную бухту заходили на стоянку корабли ОИК, следовавшие в Азию. Здесь им пополняли запасы питьевой воды и продуктов, производили мелкий ремонт и оказывали помощь больным.

Постепенно территориальные владения нидерландцев на Юге Африки расширялись, потребность в продовольствии увеличивалась. Многие служащие ОИК освобождались от гарнизонной службы, переходили в разряд свободных поселенцев и становились фермерами (занимаясь преимущественно скотоводством). Однако они вынуждены были подчиняться Компании и сбывать ей продукцию своих хозяйств по фиксированным ценам. С расширением объема оборонительных и хозяйственных работ в Капской колонии остро встала проблема рабочей силы. После неудачных попыток подчинить местное население, рабов с 1657 г. стали привозить из Южной Азии, с Мадагаскара и с Гвинейского побережья. В последней четверти XVII в. в Капскую колонию начали переселяться протестанты из Англии и Шотландии, а также бежавшие из Франции после отмены Нантского эдикта гугеноты.

Для торговли в Западном полушарии в 1621 г. Генеральные штаты Соединенных провинций учредили Вест-Индскую компанию (далее: ВИК). К началу 40-х годов XVII в. республике уже принадлежало почти все бразильское побережье, с созданными португальцами плантациями сахарного тростника. Помимо сахара ВИК вывозила из Америки какао, хлопок и индиго. Рабов для работы на бразильских плантациях доставляли с западного побережья Африки. Однако португальцы к 1654 г. вернули под свой контроль большую

Новый Амстердам – центр голландских владений в Северной Америке. Гравюра XVII в.

часть земель, а в 1661 г. Соединенные провинции окончательно ушли из Бразилии. В 30-е годы республике удалось захватить также ряд островов в Карибском море и только здесь основательно закрепиться.

Из-за сильной конкуренции с англичанами и французами результаты деятельности ВИК были не столь впечатляющими как ОИК. Компания занималась не только торговлей, но и имела разрешение на каперство, т.е. захват торговых судов неприятеля или торговых судов нейтральных держав, перевозящих грузы для неприятельского государства. Самой большой добычей ВИК стал захват в 1628 г. испанского «серебряного флота». В 1674 г. первая ВИК была ликвидирована, а в 1675 г. была создана вторая Вест-Индская компания. Ее уставной капитал был меньше, чем у предыдущей. Занималась она в основном экспортом сахара из Суринама и вывозом рабов с западноафриканского побережья. Опорными пунктами нидерландской работорговли стали острова Вест-Индии. Во второй половине XVII в., на которую приходится пик торговли африканцами-невольниками, нидерландцы вывезли из Африки и перепродали не менее 500 тысяч рабов.

Северная Америка была не столь важна для Нидерландов, как Африка или Вест-Индия. Тем не менее и там они в 1626 г. основали колонию Новые Нидерланды. Однако в 1667 г. ее завоевали англичане.

Обширные малонаселенные пространства Северной Америки к концу XVI в. оставались еще не заняты Пиренейскими странами. Именно здесь, параллельно с поисками северо-западного прохода, англичане в конце 70-х – начале 80-х годов XVI в. приступили к созданию собственных поселений. Корона, не имея ресурсов для финансирования таких предприятий, отдавала их на откуп частным лицам, но тщательно следила за тем, чтобы открытие новых земель и устройство поселений были должным образом оформлены и над ними установлен ее суверенитет. Х. Джилберт (Гилберт) получил патент на управление от имени Елизаветы I территориями в районе Ньюфаундленда и в 1583 г. вступил во владение островом, но при возвращении в Англию погиб во время шторма. В 1584 г. его сводный брат фаворит королевы У. Рэли получил патент на открытие и заселение всех земель в Северной Америке, еще не принадлежащих христианским государям. В 1585 г. посланная им экспедиция основала на острове Роанок первую английскую колонию в Америке, названную Виргинией (Вирджинией). Вследствие ссор между руководителями и конфликтов с индейцами колонисты в 1586 г. покинули поселение. Вторая их партия отправилась в Виргинию в 1587 г., но в ожидании испанского вторжения метрополия долго не имела возможности оказать им помощь, а в 1590 г. англичане обнаружили лишь руины форта. После этого Рэли утратил интерес к предприятию. Елизаветинский этап колонизации Северной Америки закончился безрезультатно.

В 1607 г. в Виргинии высадились партия поселенцев, отправленных Лондонской торговой компанией. Права на эту территорию даровал ей король Яков (Джеймс) I. В его честь поселенцы назвали основанный ими город с укрепленным фортом Джеймстауном. Многие поселенцы, не заботясь об обустройстве колонии и ее снабжении продовольствием, тут же бросились искать золото (которого там не было вовсе). Долгое время колонисты жестоко страдали от голода; зиму и весну 1608 г. пережили 38 колонистов из 144, и в первые годы такая смертность являлась правилом, а не исключением. Руководители компании, разочарованные тем, что колония не приносила доходов, почти не оказывали поселенцам помощи. Главная заслуга в том, что Виргиния в те годы все-таки выжила, принадлежит Джону Смиту.

ДЖОН СМИТ И ПОКАХОНТАС

Даже для того авантюрного времени биография капитана Джона Смита (ок. 1579–1626) отличается невероятными приключениями и поворотами судьбы. Он сражался с испанцами в восставших Нидерландах и с турками в Венгрии, оказался в турецком плену и в рабстве, но бежал и сумел вернуться на родину. Разумеется, Смит не мог не увлечься заморским предприятием и, как человек опытный, был введен в совет колонии. Он быстро выучил язык местных индейцев и стал ключевой фигурой в отношениях между ними и колонистами. В декабре 1607 г. он попал в плен к индейцам и едва не был казнен; его спасла Покахонтас, 12-летняя дочь вождя Пауатана, которая упростила отца сохранить ему жизнь.

Одновременно с организацией жизни Джеймстауна Смит занимался обследованием и картографированием окрестностей колонии; он пытался найти

водные пути к Тихому океану, находившемуся, по представлениям того времени, совсем недалеко. В 1609 г. Смит вернулся в Англию, а в 1614 г. отправился в Америку во второй раз. В этом плавании он исследовал северную часть Виргинии, назвав ее Новой Англией (тогда Виргинией называлось всё атлантическое побережье Америки от 34° до 45° с.ш.).

Вернувшись на родину, Смит занялся обработкой собранных материалов и публикацией своих книг. Его итоговый труд – «Общая история Виргинии, Новой Англии и островов Соммерса» (1624). Не слишком признанный при жизни, посмертно Смит заслужил славу одного из первых исследователей и картографов восточного побережья Соединенных Штатов, «крестного отца» Новой Англии, родоначальника будущих «пионеров Запада» и, наконец, прародителя американской литературы, первого англоязычного писателя на территории США.

Любопытная судьба была уготована Покахонтас. По воспоминаниям колонистов, в 1608 г. она спасла их, открыв план своего отца напасть на колонию. В 1613 г. она стала заложницей у колонистов, в плену приняла христианство, а затем вышла замуж за Джона Рольфа. Во многом благодаря ему в Виргинии стали выращивать табак, и именно к Рольфу возводят свой род многие американские аристократы. В 1616 г. Покахонтас с семьей уехала в Англию, где экзотическая «императрица Виргинии» вызвала огромное любопытство, но вскоре умерла.

Не найдя золота, виргинцы стали заготавливать лес. В колонии установился каторжный режим: полуголодное существование с непосильным трудом и палочной дисциплиной. Особенно тяжелым было положение сервентов – тех, кто, желая уехать в Америку, но не располагая для этого средствами, заключал контракт, по которому в качестве платы за переезд обязался отработать определенный срок (обычно семь лет) «за достаточное и разумное питание». По прошествии оговоренного срока сервенты могли собой распоряжаться, но до этого они мало чем отличались от рабов.

Жизнь виргинцев существенно изменилась лишь после того, как они стали выращивать табак, пользовавшийся растущим спросом на мировом рынке. Все шире распространялись плантации, для работы на которых с 1619 г. стали ввозить из Африки рабов-негров. Сначала их было мало, но со второй половины XVII в. рабов ввозили в массовом порядке. Негры не имели никаких прав и считались имуществом владельца. Произошли изменения и в формальном статусе колонии: с 1623 г. она была объявлена королевским владением. Власть осуществлял губернатор, назначаемый короной.

В 1632 г. Карл I пожаловал лорду Балтимору территорию к северу от Виргинии и к югу от реки Потомак. При этом король даровал лорду-собственнику практически неограниченные права. Новую колонию называли Мэриленд в честь святой Марии – небесной покровительницы королевы Генриетты Марии; с нее берет начало особый тип собственнических колоний (т.е. принадлежавших определенному лицу или лицам).

Вторая по времени возникновения английская колония в Америке возникла значительно севернее Виргинии, в Новой Англии. В 1620 г. корабль «Мейфлауэр» доставил в Америку около сотни колонистов. Среди них были как пуритане, спасавшиеся от религиозных преследований и искавшие за океаном «Новый Ханаан» (в американской традиции их называют отцами-пилигримами), так и представители других вер; немало собралось выходцев

из низов общества, включая уголовников; зато представители привилегированных слоев отсутствовали вовсе.

Когда стало очевидно, что расстаться с попутчиками сразу по прибытии не получится и что жить в еще не обжитых местах придется всем вместе, пуритане убедили остальных сесть за стол переговоров и заключили соглашение. Они обязались создать «справедливые и одинаковые для всех законы», которым все обещали подчиняться. Хотя лояльность монарху не ставилась под сомнение, фактически речь шла об опыте государственного устройства на демократической основе.

Переселенцы избрали губернатора и основали город Новый Плимут. В первую же зиму умерло более половины поселенцев. К счастью, удалось заключить договор с индейцами, которые не раз оказывали помощь колонистам. Поэтому, когда собрали первый урожай зерновых, поселенцы устроили праздник, на который пригласили и индейцев – «День благодарения» (позже национальный праздник США).

Спустя 10 лет в Новой Англии к северу от Нового Плимута возникла колония Массачусетс, территория которой постепенно расширялась; в конце XVII в. она поглотила и Новый Плимут. В этой колонии пуритане установили религиозную нетерпимость, напомиравшую о кальвинистской Женеве. Всем несогласным приходилось бежать из Массачусетса, подобно тому, как сами пуритане прежде бежали из Англии. Один из изгнанников, пастор церкви в Салеме (Сейлеме) Роджер Уильямс, вместе со своими сторонниками в 1636 г. основал новую колонию Провиденс (основу будущего штата Род-Айленд); ее фундаментом стало соглашение переселенцев, сходное с соглашением на Мейфлауэр.

Число английских колоний на земле Америки росло. В 20–30-е годы XVII в. еще две колонии, Нью-Гэмпшир и Коннектикут, возникли в Новой Англии. А между нею и южными колониями были основаны так называемые срединные колонии. Часть этого района еще в 20-х годах XVII в. заняли голландцы, основавшие там колонию Новые Нидерланды. Но в ходе одной из англо-голландских войн англичане отвоевали ее (1664) и переименовали в Нью-Йорк.

В 1682 г. сын адмирала Уильям Пенн основал еще одну из срединных колоний – Пенсильванию, что переводится с латыни как «Лесистая земля Пенна». В колонии удалось создать благоприятные условия для лиц, исповедовавших разные религии. Сам Пенн был квакером, противником насилия; не случайно он назвал основанный им в том же 1682 г. город Филадельфией («Городом братской любви»).

Пенн сумел избежать конфликтов с индейцами и заключил с ними договор о добрососедских отношениях, но так бывало далеко не всегда. Первые переселенцы высаживались на земле, на которой веками жили индейцы, и судьба колоний зависела от того, как сложатся отношения с аборигенами. Индейское население Северной Америки было сравнительно малочисленным, что сделало возможным длительное сохранение довольно мирных отношений колонистов с индейцами; к тому же европейцы, оказавшись в тяжелых условиях, остро нуждались в помощи индейцев и регулярно ее получали. Одновременно англичане вовлекали коренное население в торговлю пушниной, предлагая в обмен европейские изделия и спиртные напитки.

Но как только становилось возможно и выгодно говорить с индейцами с позиций силы, соображения добрососедства отступали на задний план. Захватывая или приобретая за бесценок земли индейцев, колонисты оттесняли последних дальше на запад. Они использовали вражду между племенами и натравливали индейцев друг на друга и на своих европейских конкурентов (так, англичане регулярно использовали ирокезов против французов). В результате действий европейцев племена перемещались на новые места, этническая карта Америки менялась, да и в целом в жизни индейцев происходили необратимые изменения. Губительным оказалось воздействие на них завезенных из Старого Света заболеваний. В свою очередь индейцы, сталкиваясь с насилием, вступали в борьбу за свои земли и нападали на колонистов.

Стычки колонистов с индейцами, в первые десятилетия английской колонизации очень частые, затем на какое-то время стали более редкими: индейцы отступили на запад, а колонисты довольно долго оставались в пределах территории, располагавшейся вдоль Атлантического побережья.

К концу XVII в. цепочка английских колоний протянулась вдоль атлантического побережья на тысячи километров. Эти территории, по меркам того времени, не считались богатыми и ценились в основном из-за плодородия почвы. Их население постоянно росло за счет иммигрантов. Среди них встречались люди разных религиозных воззрений, национальности и социального происхождения. Так, в годы Английской революции в колонии принудительно направлялись роялисты, ирландцы и шотландцы.

Переселенцы и их потомки считали себя английскими подданными, на которых распространяется действие таких актов, как Habeas Corpus Act или Билль о правах 1689 г. В XVII в. колонисты стремились не отделиться от Англии, но лишь обеспечить каждой общине возможность жить по своим законам. Община станет в Северной Америке основой гражданской жизни.

Колонии различались между собой не только по географическим характеристикам, но и по экономическому развитию, религиозной принадлежности и составу населения. Хотя главой всех колоний являлся английский король, они делились на колонии королевские, управлявшиеся, как Виргиния, представителем короны, собственнические, принадлежавшие частным лицам (Мэриленд и некоторые другие), и корпоративные, формально признававшие власть короля, но свои дела решавшие сами (Массачусетс). В первое время преобладали собственнические колонии, но со временем большинство владений за океаном перешло под управление короны.

Значительная власть в колониях принадлежала двухпалатным ассамблеям. Они имели право издавать законы, вводить налоги, определять ежегодный бюджет колоний, устанавливать размеры жалованья для всех должностных лиц, включая самого губернатора. Губернаторы, однако, также обладали очень широкими полномочиями: они отвечали за проведение в жизнь законов; командовали вооруженными силами; производили назначения на все должности; следили за тем, чтобы решения ассамблей соответствовали английским законам, и имели право вето в отношении всех решений ассамблей; назначали судей и сами имели широкие судебные полномочия. В целом английские колонии были свободнее от опеки метрополии, чем испанские или португальские.

Значительные различия между северными и южными колониями существовали и в сфере экономики. На Севере получило развитие мелкое фермерское хозяйство, производившее продукцию главным образом для собственного потребления. Условия жизни были более суровыми, побуждая земледельцев заниматься также добычей леса, охотой и рыболовством.

В южных колониях создавались плантации по разведению табака, риса и других культур, пользовавшихся растущим спросом на мировом рынке. Наличие дешевой рабочей силы и больших массивов плодородных земель открывали перед колонистами широкие перспективы, однако на деле плантаторы очень зависели и от английских торговых кампаний, контролировавших сбыт продукции, и от королевской администрации.

Метрополия ограничивала развитие производства в колониях, используя их в качестве рынков сбыта для собственной продукции и источников дешевого сырья, особенно корабельного леса, но препятствовала развитию обрабатывающих отраслей.

Хотя в целом в английских колониях не возникало столь острых социальных конфликтов, как в Европе, однако и здесь случались бунты колонистов, недовольных ограничительными мерами британских властей (восстание колонистов Виргинии во главе с плантатором Натаниэлем Бэконом в 1676 г.). Гораздо чаще на Юге случались восстания негров-рабов. Но число их участников, как правило, было небольшим, а сами восстания быстро подавлялись белыми колонистами. Еще одной формой протеста белых колонистов против притеснений властей стало скваттерство – незаконное переселение за пределы колоний на запад.

Колонии отличались конфессиональной пестротой: в Виргинии преобладали католики, в Пенсильвании – квакеры, в Массачусетсе – пуритане. В ряде колоний установилась веротерпимость (законодательно это было впервые зафиксировано в Мэриленде в 1649 г.). Иным было положение в Массачусетсе, где пуритане пытались построить «Град Божий на земле», проявляя религиозную нетерпимость. Именно в Массачусетсе в конце XVII в. развернулись события, уникальные для английских колоний в Америке.

САЛЕМСКИЕ ВЕДЬМЫ

Охота на ведьм в Новой Англии сильно отличалась от их преследований в Испанской Америке. Здесь она разворачивалась не в католических, а в протестантских колониях, при отсутствии инквизиции. Но именно в Новой Англии, в маленьком пуританском Салеме (Сэйлеме) в 1692 г. по этому обвинению были казнены десятки людей.

В январе 1692 г. заболели две девочки. Их тела принимали необычные позы, дети кричали и жаловались, что их кто-то колот булавкой и ножом, а когда слышали проповедь, затыкали уши. Врач решил, что болезнь вызвана ведьмой, и девочки тут же указали на Титубу, жившую в их доме рабыню-индианку. Вскоре число заболевших девочек и девушек увеличилось. 1 марта по их показаниям арестовали трех женщин, включая Титубу. Затем последовали и другие аресты, в том числе четырехлетней девочки. Однако эти обвинения уже обеспокоили прихожан, сомневавшихся в виновности хорошо им известных людей. А когда одна из заболевших обвинила влиятельного в Салеме человека, ее тут же одернули, и она отказалась от этого оговора.

В мае 1692 г. начался судебный процесс. Главным доказательством служили показания пострадавших о том, что они видели дух обвиняемого, который являлся к ним. Судьи считали, что Дьявол может использовать образ человека только с его согласия, их оппоненты это отрицали. Первый смертный приговор был вынесен в июне. В июле–сентябре состоялись новые казни. Всего в тюрьме оказалось более 150 человек. Из них повесили 19 человек, один погиб под пытками, еще несколько умерли в заключении.

Историки объясняют этот феномен по-разному: массовыми страхами и истерией, сговором детей, болезнями или отравлением, особенностями положения женщин и детей, пуританской психологией, социальными противоречиями, борьбой за власть.

Между тем последовали заявления авторитетных лиц, что дьявол может принимать образ невинного человека и что «лучше десять ведьм избегут наказания, чем будет наказан один невинный». После этого губернатор приказал не считать «видения» обвинителей доказательствами, прекратить аресты и отпустить всех, кто был арестован на основании «видений», а остальных вскоре помиловал. Через несколько лет судьи признали свои ошибки (уникальный случай для таких процессов), но окончательно приговоры были отменены лишь в XX в.

В XVII в. на основе культур уроженцев разных частей света постепенно складывалась новая культура колонистов (американцами они тогда еще себя не называли). Европейское влияние при этом преобладало; распространилось книгопечатание, создавались библиотеки и высшие учебные заведения; в 1636 г. был основан знаменитый Гарвардский университет.

Английские квакеры на табачной плантации острова Барбадос. 1680.
Британская библиотека, Лондон

В XVII в. Северная Америка являлась лишь одним из направлений британской колониальной экспансии. Другим направлением стала Вест-Индия, где у Испании уже не хватало сил для контроля над всеми своими владениями. После первых неудач были основаны колонии на островах Сент-Китс (1623), Барбадос (1627) и Невис (1628). На них возникли плантации сахарного тростника с широким применением рабского труда. Позже к английским владениям в Вест-Индии добавились Ямайка и Багамские острова.

В 1660 г. была основана «Компания королевских предпринимателей, торгующих с Африкой», которая владела факториями на западном побережье Африки. Вывоз рабов из Африки в английскую Вест-Индию встраивался в сформировавшуюся в Атлантике систему «торгового треугольника».

Другой важной целью английской колониальной экспансии в XVII в. стала Индия. К 1600 г. была основана Английская Ост-Индская компания. Англичане пытались конкурировать с голландцами и на Молуккских островах, но оттуда им в 1622 г. пришлось уйти, в то время как в Индии они смогли закрепиться. Более серьезное экономическое значение этот регион приобрел для Англии позже, уже в XVIII в.

ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ

«Солнце светит для меня, как и для других... Бог создал землю не только для одних испанцев...», – так, по преданию, еще в XVI в. французский король Франциск I обозначил свое отношение к разделу сфер влияния за пределами Европы между Испанией и Португалией. Однако активизация колониальной политики Франции приходится на XVII в.

К началу этого столетия французское колониальное присутствие в Новом Свете ограничивается несколькими областями в Канаде, регулярным промыслом трески у побережья Ньюфаундленда (с 1524 г. объявленного французским владением, что с 60-х годов XVI в. оспаривалось англичанами) и участием в корсарских вылазках в Атлантическом океане и у побережья Южной Америки против Испании и Португалии, объединенных с 1581 г. под властью испанского монарха. Опыт создания постоянных поселений в Бразилии и во Флориде в XVI в. оказался неудачным; тем не менее опыт регулярных, хотя и единовременных, экспедиций и ведение меновой торговли с индейцами еще будет востребован как при основании второй французской колонии на севере Бразилии в 1612 г., так и при освоении Канады в XVII в.

Французское присутствие в Новом Свете в раннее Новое время обычно связывается с Канадой, с Антильскими островами и с Гвианой. Менее известно, что на протяжении почти ста лет французские мореплаватели и купцы (а порой и колонизаторы и миссионеры) отправлялись в Бразилию.

Их путешествия начинаются уже в первой четверти XVI в., невзирая на Тордесильянский договор, закрепивший доступ в Новый Свет лишь за Испанией и Португалией. Уроженцев Нормандии и Бретани привлекает в Бразилии ценное красное дерево *пау бразил* (используемое как краситель), давшее название стране. По преимуществу торговые (хотя порой и корсарские) экспедиции частных лиц предшествовали официальным колониям (первая – «Антарктическая Фран-

ция» – основана в 1555 г. на побережье центральной части страны, на месте современного г. Рио-де-Жанейро, вторая – «Равноденственная Франция» – в 1612 г. значительно севернее, практически на границе Амазонии).

В обоих случаях речь шла о районах, слабо контролировавшихся португальцами, которые обратили на них внимание именно из-за французского присутствия; фактически оно стимулирует португальскую колонизацию этих мест. Так, Рио-де-Жанейро был основан на берегу залива Гуанабара, чтобы помешать французам вернуться в залив, где на острове располагалась их первая колония. Мараньян на Севере Бразилии до прихода французов был практически «ничьей землей», но после разгрома «Равноденственной Франции» начинается его освоение португальцами.

Хотя обе колонии просуществовали недолго, память о них отразилась в топонимах, дошедших до наших дней. Остров в заливе Гуанабара носит имя основателя «Антарктической Франции» Н.Д. де Вильгальона, а столица капитанства, а ныне штата Мараньян называется Сан-Луис: французы в 1612 г. нарекли его Сен-Луи, в честь юного короля Людовика XIII.

Король Генрих IV с интересом относился к заморским предприятиям, особенно если они были связаны с перспективой обретения сокровищ. Так, в начале XVII в. миражи легендарного Эльдорадо в бассейне реки Амазонки побудили Генриха IV назначить «генерального королевского наместника в Америке от Амазонки до Тринидада» (обладателю этого титула предоставлялась возможность практически самостоятельно исследовать земли в бассейне рек Амазонка и Ориноко, и лишь несколькими годами позже, уже после гибели Генриха IV, он получил от королевской власти достаточно скромную поддержку для основания постоянного поселения в Мараньяне, на Севере Бразилии). В дальнейшем освоение данного региона будет связываться уже с Гвианой. Пользуясь тем, что эта территория на стыке португальских и испанских владений почти не была заселена, но уже начала привлекать внимание новых колониальных держав – Голландии и Англии, французы создают в регионе собственные плацдармы (в 1626 г. основана Кайенна, столица и форт будущей французской Гвианы). В 20–70-х годах XVII в. во Франции действуют торговые компании, занимавшиеся основанием и развитием французских поселений в Гвиане: с 1627 г. – «Общество руанских купцов», с 1643 г. – «Компания Кап-дю-Нор», с 1652 г. – «Компания двенадцати руанских сеньоров», в 1663–1674 гг. – «Кайеннская компания» (г. Ла-Рошель). Кайенна и французские территории в Гвиане несколько раз захватывались голландцами и англичанами, но с 1674 г. они признаются владениями французской короны и их границы несколько раз пересматриваются.

Французские торговые компании участвуют в освоении и другого региона – бассейна Карибского моря и Антильских островов. Туда постепенно проникают колонисты из других европейских стран. В 1625 г. французы основываются на острове Св. Христофора (совр. Сент-Китс), владение которым они некоторое время делят с англичанами; на следующий год появляется «Компания Св. Христофора», одним из акционеров которой был сам кардинал Ришелье (в 1635 г. она преобразуется в «Компанию островов Америки»). Французы проникают на Санто-Доминго (часть острова Эспаньола, ныне Гаити), закладывают поселения на Мартинике и в Гваделупе, предпринимают попытки захватить Гренаду и Тобаго. «Компания островов Америки» выступала собственником островов из архипелага Малых Антильских,

но их губернатор назначался королем. В 1652 г. компания, оказавшись на грани банкротства, даже выставила острова на продажу.

Бассейн Карибского моря стал ареной активных действий пиратов. А. Эксквемелин, современник событий и автор известного сочинения о жизни и обычаях пиратов Вест-Индии, так описывал основные «хозяйственные занятия» европейцев в этом регионе: «Одни стали заниматься охотой на диких буйволов и взяли себе имя *буканьеры*, другие назвались *флибустьерами*... и принялись пиратствовать, третьи начали обрабатывать землю и получили название фермеров». Интересно, что название «флибустьеры» (это слово, по некоторым версиям, восходит к голландскому обозначению небольшого быстрого судна) уже в середине XVII в. вошло во французский язык и стало обозначать корсаров именно Карибского моря. Буканьеры тоже, не ограничиваясь заготовкой мяса, нападали на испанские корабли. В 60-е годы, когда остров Тортуга, признанный центр пиратства, перешел под контроль Франции, буканьеров и флибустьеров стали брать на службу французской короны. Лишь в 1697 г. по Рисвикскому договору Франция, Англия и Голландия обязались прекратить поддержку пиратов.

Экономическое развитие французских Антиль было связано с возделыванием табака, затем к нему добавился сахарный тростник и производство сахара, выращивание хлопка и индиго. «Компания островов Америки» вербовала во Франции колонистов на три года, однако в дальнейшем европейскую рабочую силу стали заменять африканские рабы. Вест-Индия, наряду с Бразилией, стала активным импортером рабов; работорговля, помимо обеспечения рабочей силой плантационного хозяйства, сама стала прибыльным занятием. Не случайно Франция, как и другие колониальные державы, стремится получить доступ к африканскому рынку: в 1638 г. на побережье Сенегала действуют уже три французские компании. Во второй половине XVII и в особенности в XVIII в. работорговля, которую ведут французские купцы, принимает широкий размах; доходы от нее способствовали процветанию Нанта, Руана, Бордо, Сен-Мало и других крупных портовых городов метрополии, ведущих «треугольную торговлю». В Северной Америке французская колониальная экспансия осуществлялась на протяжении всего XVII в., но речь в большей степени шла об исследовании новых областей, чем о планомерной колонизации и заселении огромных территорий.

После того как в 1534 г. Жак Картье достиг залива Св. Лаврентия и поднялся вверх по течению одноименной реки, объявив эти земли владением Франции, а в 1541 г. Франциск I назначил первого вице-короля Канады, интерес к этому региону возрождается в начале XVII в. Генрих IV отправляет в Канаду экспедицию, по итогам которой в 1604 г. С. Шамплен и П. де Мон основывают поселение в Акадии (совр. Новая Шотландия); в 1608 г. Шамплен заложил Квебек, ставший опорным пунктом для исследования района Великих озер, а в дальнейшем центром пушной торговли. Отправляя Шамплена в Северную Америку, королевская власть ставила задачей «заселить и возделывать земли... и разыскать там золотые и серебряные рудники». Шамплен же со своими соратниками стал насаждать сельское хозяйство как основу экономики колонии: «Наилучшие рудники, которые я знаю, – утверждал М. Лескарбо, современник Шамплена и автор первой «Истории Новой Франции», – это зерно, вино и откорм скота. Кто их имеет – имеет деньги». Про-

блема заключалась в том, что сельское хозяйство европейского типа, которое колонисты пытались вести в Северной Америке, не давало тех прибылей, которые окупали бы затраты на их содержание за морем, хотя, несомненно, способствовало минимальной «продовольственной безопасности» поселений.

В 1627 г. кардинал Ришелье учредил «Компанию ста пайщиков» (просуществовала до 1663 г.), которой были переданы в управление Квебек и все французские владения («Новая Франция») от Флориды до Полярного круга и от Ньюфаундленда до Великих озер. Присягнув на верность королю, компания имела право вести войну, раздавать земельные пожалования и пользоваться монополией в торговле (особенно в пушной). Предполагалось, что в течение пятнадцати лет в Канаду будет переправлено 4 тысячи колонистов, которые получают землю и трехлетнее содержание за счет компании, однако эти расчеты не всегда соответствовали реальности. К концу существования компании в Канаде проживало 3 тысячи колонистов.

С 30-х годов XVII в. к колонизации земель добавляется миссионерская деятельность, активную роль в которой играли иезуиты. Их сообщения о различных областях Северной Америки, об обычаях и нравах индейских племен стали в дальнейшем важным источником распространения во Франции сведений об индейцах. Миссионеры также содействовали заключению союзов с индейцами; в целом же французское присутствие в Северной Америке и получение прибыли от торговли пушниной оказалось тесно связано с установлением союзнических отношений с местными племенами. Французов поддерживают алгонкины и гуроны; их соперники ирокезы принимают сторону англичан.

После роспуска «Компании ста пайщиков» в 1663 г. французские владения в Северной Америке переходят под прямое управление со стороны государства: как и в провинциях в самой Франции, здесь есть свои губернатор, интендант и епископ. Постепенно растет численность населения, оно достигает 10 тысяч человек, но все равно это было значительно меньше, чем у англичан в Северной Америке. Такая разница связана с различными установками двух метрополий: во Франции считалось, что ее собственное население уменьшается, и она сама испытывает нехватку рабочих рук, поэтому массовая эмиграция в колонии не поощрялась, к тому же в Канаду не допускались гугеноты; в Англии же охотно использовали колонии для отправки туда недовольных, безземельных крестьян, религиозных диссидентов и т.п.

Другое отличие колониальной политики Франции в XVII в. – то, что частная инициатива, игравшая столь важную роль в торговых компаниях Голландии и Англии, отходит на второй план. Акционерами торговых компаний часто становились представители социальных слоев, причастных к государственной власти, – придворные, крупные чиновники.

Изменения в колониальной политике Франции связаны с именем Ж.-Б. Кольбера, стремившегося проводить ее в соответствии с принципами меркантилизма. «Ценность» колоний определялась тем количеством непосредственных экономических благ, которые они могли дать метрополии. В этом плане североамериканские владения (где по выражению современников оказались лишь «месторождения бобрового меха») уступали Вест-Индии. Кроме того, «острова Америки» (т.е. Антилы) были важны еще и как

опорные пункты для перехватывания испанских кораблей, перевозивших серебро из своих колоний в Европу. Политика Кольбера способствовала смещению центра французских колониальных интересов в сторону Антильских островов.

В 1663 г. Кольбер распускает все существовавшие до того торговые компании, обладавшие монополией на торговлю с колониями, и учреждает две крупные компании – Ост- и Вест-Индскую (по аналогии с голландскими и английскими). Канада остается под прямым управлением государства; в последней четверти XVII в. французские отряды достигают Огайо, Иллинойса и реки Миссисипи. В 1682 г. бассейн Миссисипи объявлен французским владением, название которому дано в честь Людовика XIV – Луизиана.

В Восточном полушарии французы проникают в Индийский океан, делая попытку утвердиться на Мадагаскаре, где в 1642 г. строится Форт-Дофин; несмотря на восстание коренного населения, в ходе которого этот опорный пункт подвергся разрушению, в 1686 г. Мадагаскар объявлен владением Франции. Другими базами по пути в Индию стали остров Бурбон (современный Реюньон) и остров Иль-де-Франс (современный Маврикий). В самой Индии также возникали французские фактории и базы: первую из них основала Французская Ост-Индская компания в 1668 г. (Сурат в районе Бомбея), в дальнейшем их число значительно возросло.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ШВЕЦИИ, ДАНИИ И КУРЛЯНДИИ

Несомненный интерес для историков представляет и история проигравших – тех стран, которые тоже встали на путь захвата заморских земель, но не сумели расширить или хотя бы надолго сохранить свои владения. К такому относились некоторые государства Скандинавии, Германии и Прибалтики, в частности Дания, Швеция и Курляндия. Их колониальные предприятия в 20–30-х годах XVII в. имели своей целью встроиться в испытанную систему торговли по Атлантическому треугольнику, а для этого обзавестись факториями как в Африке, так и в Америке.

В 1637 г. в Швеции, при участии таких высокопоставленных лиц, как канцлер Аксель Оксеншерна, была создана компания для колонизации Северной Америки и организации торговли с ней. В 1638 г. экспедиция, отправленная компанией в Америку, достигла устья реки Делавер (Делавэр). Здесь на купленной у индейцев земле zaloжили колонию Новая Швеция, центром которой стал основанный тогда же Форт-Кристина. Первые годы существования колонии оказались успешными. Отношения с индейцами и с соседними Новыми Нидерландами сначала оставались достаточно мирными, а попытки англичан нарушить торговую монополию Швеции удавалось пресекать. Были основаны еще несколько поселений; население Новой Швеции выросло до 600 человек, в числе которых, наряду со шведами и финнами, имелись голландцы и немцы на шведской службе; поселенцы начали выращивать табак.

Несмотря на быстрый рост колонии, численность ее населения в десятки раз уступала соседним английским и голландским владениям. Неудиви-

тельно, что когда в 1655 г. начался конфликт с Нидерландами, отправленное для ликвидации Новой Швеции голландское войско оказалось больше, чем все население шведской колонии, и она была легко захвачена (позже, в 1667 г., сама голландская колония перешла к Англии).

В 1649 г. по инициативе одного из богатейших людей Швеции Луи де Геера была основана Шведская Африканская компания, известная также под названием Гвинейской; ее первоочередной целью стал Золотой берег. В 1650 г. шведы купили там у одного из местных правителей землю и заложили на ней форт Карлсборг. Однако вскоре англичане захватили несколько кораблей компании, создав для колонии значительные трудности. В 1658 г. Карлсборг был захвачен датчанами, что послужило одним из поводов к возобновлению войны между Швецией и Данией. В 1660 г. Швеции удалось вернуть себе колонию, однако тремя годами позже ее захватили голландцы. В 1667 г. шведы за компенсацию отказались от своих владений в Африке и от права вести там торговлю. Заокеанские предприятия Швеции возобновились лишь в XVIII в.

У истоков заморских предприятий Дании стоял голландец Роланд Краппе, перебравшийся в Данию и заинтересовавший короля Кристиана IV перспективами заокеанской торговли. В 1616 г. он обзавелся королевской привилегией на учреждение компании, получившей название Ост-Индской и организованной по голландскому образцу. В 1618 г. датская эскадра отправилась на Цейлон, а после неудачной попытки получить на острове торговые привилегии повернула к Индии. В 1620 г. датчане сумели основать на Коромандельском побережье, на арендованной у одного из местных правителей земле, укрепленное поселение Транкебар, ставшее более чем на два века их опорным пунктом в Азии. Датчане скупали здесь дешевые местные ткани и морем отправляли на Целебес (современный Сулавеси) и Яву в обмен на пряности и шелк, которые вывозились в Данию. Одновременно датчане встраивались в торговлю португальцев, предоставляя им свои корабли для перевозки товаров. Тем не менее колония долгое время балансировала на грани финансового краха. В 1627 г. датский ригсрод был вынужден просить Соединенные провинции о помощи, и голландская Ост-Индская компания взяла Транкебар под свое покровительство; после этого положение улучшилось, но ненадолго. В условиях Тридцатилетней войны контакты с метрополией были сведены к минимуму, и колонисты, вновь оказавшись в отчаянном положении, нашли выход в каперской деятельности в Бенгальском заливе. Несмотря на это колония вымирала, и лишь возобновление в конце 60-х годов регулярных рейсов из Дании и учреждение в 1670 г. новой Ост-Индской компании принесли плоды: доходы стабилизировались, хотя и оставались небольшими. Попытки Дании расширить свое присутствие в Индии, основав факторию в Бенгалии, успеха не имели.

Уже в начале 20-х годов XVII в. Кристиан IV заинтересовался идеей торговли с Америкой. Однако созданная для этой цели Вест-Индская компания оказалась недолговечной: Тридцатилетняя война надолго сделала торговые связи с Америкой слишком рискованными. Положение изменилось лишь в 1652 г., когда впервые после долгого перерыва был совершен прибыльный торговый рейс в Вест-Индию. В 1666 г. датчане высадились на одном из Виргинских островов (ныне Сент-Томас), а в 1672 г. возобновленная Вест-

Индская компания основала здесь колонию. Был построен порт, возникли плантации сахарного тростника, на которых работали африканские невольники. В 1675 г. губернатор присоединил к датским владениям близлежащий остров (ныне – Сент-Джон). В конце XVII – начале XVIII в. компания процветала, успешно занимаясь торговлей в рамках Атлантического треугольника.

Успеху торговли способствовало и наличие у компании с 1658–1659 гг. собственных колоний в Африке, известных как Датская Гвинея, или Датский Золотой Берег. Центром датских владений в Африке стал заложенный в 1661 г. Кристиансбург (ныне в г. Аккра), мощные укрепления которого защищали датскую торговлю золотом, слоновой костью и невольниками.

Собственную прибыльную компанию для колониальной торговли решил создать Бранденбург; в 1682 г. компания получила свою хартию. Ей удалось обосноваться на Золотом Берегу в Африке, где в 1683 г. был основан названный в честь «великого курфюрста» Фридриха Вильгельма форт Гросс-Фридрихсбург, а также две торговые фактории и форт на острове Аргуин. Кроме рабов, корабли компании вывозили золото и орехи кола. Ведущую роль как в торговле, так и в управлении колониями Бранденбурга играли голландцы. Однако с 1698 г. доходы от торговли стали падать. Конкуренция с другими европейскими компаниями были слишком высока. Бранденбург почти прекратил поддерживать свои фактории, и в начале XVIII в. они перешли в руки голландцев и французов.

Во второй половине XVII в. при герцоге Якобе Кеттлере собственными колониями обзавелось и герцогство Курляндия, переживавшее в это время расцвет и обладавшее крупным торговым флотом. В 1637–1642 гг. курляндцы трижды безуспешно пытались основать колонию на Тобаго; испанцы считали его своим, но колонизацией острова не занимались. Первых успехов курляндцам удалось добиться в Африке: в 1651 г. они основали на острове в устье реки Гамбия колонию под защитой форта. Все население колонии состояло из 150–200 военных и нескольких десятков купцов.

Вскоре была предпринята очередная попытка колонизации Тобаго. В 1654 г. курляндский корабль высадил на юго-западной части острова несколько десятков семей колонистов. Тобаго был провозглашен Новой Курляндией, а один из заливов острова до сих пор именуется Большим Курляндским. Поселенцы воздвигли Форт-Якоб, под защитой которого возник город Якобштадт. Были основаны плантации сахарного тростника и табака. Колония росла, однако еще быстрее росла голландская колония, основанная на Тобаго вскоре после курляндской. Когда во время Северной войны 1655–1660 гг. Курляндия была ослаблена и не могла оказывать помощи своей колонии, обе колонии, африканская и американская, были захвачены голландцами. После завершения войны герцогство на некоторое время восстановило свои колонии: в Африке – совсем ненадолго, в Америке – до 1690 г. (с перерывами), когда курляндцы окончательно покинули остров.

МИР К КОНЦУ XVII СТОЛЕТИЯ

ЗАКОНЧИЛОСЬ ЛИ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

В предыдущем томе мы попытались определить черты, характеризующие средневековую Мир-Систему: повторявшиеся пандемии как следствие «смыкания цивилизаций», особая роль Великой степи и сменявших друг друга кочевых империй, господство всадников (чаще всего профессиональных воинов) над пехотинцами, роль мировых религий, служивших стеном хребтом средневековых обществ и придававших большую связанность регионам. Применительно к латинскому Западу, который по некоторым причинам считается наиболее близким к идеальному типу «феодального общества», мы ссылались на определение его сущности средневековым А. Герро, предложившим понятия *dominium* и *Ecclesia*. Первый термин указывал на неразрывную связь власти над людьми и господства над землей, причем особенность Запада состояла в том, что единство этих двух граней осуществлялось на локальном уровне, в рамках сеньории, что придавало социальной системе особую устойчивость. Второе ключевое понятие отсылало к Церкви, не только как к институту, но и как к «общине верных» – единственно мыслимой форме стабильного человеческого общежития. Принадлежность к священному мистическому телу, сопричастность ему давали ответ на вопрос о природе связи человека и общества. С известными оговорками определение Герро можно было распространить и на другие регионы средневековой Мир-Системы. Более или менее универсальными являются и такие характеристики Средневековья, как тесная связь непосредственного производителя со средствами производства (главным образом с землей), применение внеэкономического принуждения, значительная роль натурального хозяйства, преимущественно аграрный характер большинства обществ. Средневековые люди в массе своей жили в небольших социумах, основанных на личных взаимосвязях, в идеале все участники социальной коммуникации знали друг друга в лицо (*face-to-face communication*, по определению социологов). Сторонники теории Мальтуса подчеркивают зависимость роста населения от несущего плодородия земли и указывают на наличие в Средние века определенного «потолка» демографического роста, пределов развития, за которыми неизбежно следовал коллапс. Современные адепты теории магрибского мыслителя Ибн Халдуна говорят о своеобразных циклах политико-демографического развития средневековых обществ, определяемых, помимо прочего, «перепроизводством элит» относительно основной массы населения.

Говоря о специфике Запада, мы отмечали, что в силу ряда причин, прежде всего при отсутствии острой необходимости иметь мощное государство, мобилизующее ресурсы для отпора противнику, он мог позволить себе «роскошь феодализма», понимаемого в узком смысле слова как политиче-

ская раздробленность. Динамика европейского общества обеспечивалась не вопреки феодализму, а скорее благодаря ему. Но для конца Средневековья можно говорить лишь о потенциальном преобладании Европы. Другие регионы средневековой Мир-Системы не уступали Западу, а некоторые его явно превосходили по ряду параметров. Что изменилось к концу XVII столетия?

НЕБЕССПОРНАЯ ГЕГЕМОНИЯ ЗАПАДА

Историки смотрят на описываемую эпоху из будущего, зная результат, поэтому применительно к Европе конца XVII в. часто пишут о подъеме Англии на фоне стагнации Голландии, отставания Франции, загнивания Испании и всего региона Средиземноморья. Что же касается Мир-Системы этого времени, то ее принято рассматривать под знаком уже установившейся европейской гегемонии: военной, экономической и политической. Но если взглянуть на мир глазами современников, картина будет иной. Англичане были уверены, что попали под гнет предприимчивых голландцев, которые заполонили страну, взяли ее в долговую кабалу и посадили на престол своего короля. Франция, поставившая во главе испанской империи своего короля – Бурбона, оставалась самой сильной державой. Генуэзские купцы и банкиры продолжали кипучую деятельность на основных биржах Европы, венецианские карнавалы поражали великолепием, в Италии по-прежнему находились важнейшие центры духовной жизни Европы.

Да, Запад активно осваивал мир, хотя и не имея еще на руках главного козыря – индустриального производства: машинная революция еще не свершилась. И потому сальдо торгового баланса Запада в торговле с Востоком оставалось отрицательным. Вопреки меркантилистским доктринам главным товаром, поставляемым Западом на Восток оставались драгоценные металлы. Европейцы часто бывали в других регионах мира, старались эксплуатировать их, извлекать выгоду. Но движение шло в обе стороны, и сеть армянских купцов – подданных персидского шаха и турецкого султана – охватывала и Запад, и Россию, и Индию, их можно было встретить в Кадисе и в Лхасе.

В Амстердаме в 1699 г. была опубликована книга на армянском языке с цветистым названием: «Сокровищница мер, весов, чисел и монет всего света... собранная трудами ничтожного причетника Луки из Вананда иждивением и повелением господина Петроса, сына Хачатура из Джульфы». В этом издании все показательно – и то, что типографию с армянскими шрифтами проще всего было оборудовать в тогдашнем центре мира, Амстердаме (впрочем, конкурирующим центром армянской культуры на Западе будет прежняя экономическая столица – Венеция), и то, что в роли мецената выступил уроженец Джульфы (точнее Новой Джульфы близ Исфахана), и то, что «ничтожный причетник» Лука Ванандеци (на самом деле – эрудит, которого ценил Лейбниц) оказывается способным составить точное описание мер, весов и монетных систем всех европейских и множества неевропейских торговых центров. Книга, написанная «для вас прочих, братия торговцы, кои принадлежите к нашему народу», дает представление об удивительно разветвленной сети армянской торговли. Помимо Западной Европы, Кавказа, Леванта и Ирана, приводятся сведения о Москве, Астрахани, Новгороде, Хайдарабаде, Маниле, о рынках Явы, Сулавеси, Цейлона, Египта, Анголы, Занзибара, Мономотапы... На просторах разросшейся Мир-Системы прекрасно ориентировались отнюдь не только жители Запада.

«Военная революция» многократно усилила Запад, но его военное преимущество то и дело ставилось под вопрос. В 1669 г. после многолетней осады пала венецианская Кандия, и турки полностью завладели Критом. С 1672 г. они утвердились на Украине, в Подолии, а в 1678 г. одержали победу над русскими войсками под Чигирином. В 1683 г. визирь Кара-Мустафа стоял в центре Европы, и Ян Собеский, спасший Вену, был обязан победой не столько техническому превосходству европейского оружия, сколько отчаянной смелости польской конницы. После битвы под Веной военное счастье османов начало закатываться, но турецкую мощь не стоило недооценивать: венецианцы в начале XVIII в. лишились всех своих владений в материковой Греции, а неудача Прутского похода царя Петра I перечеркнула все его прежние успехи на Азовском море.

На Дальнем Востоке в 1661 г. китайцы отбили у голландцев остров Формоза, в 1689 г. Цинское правительство добилося вытеснения русских с правого берега Амура, несмотря на героическую оборону Албазина. Военный и дипломатический успех Китая во многом был основан на помощи европейских иезуитов, обучавших литью новых пушек и обеспечивших ведение переговоров в Нерчинске. В борьбе с европейцами можно было опереться на других европейцев. Османской империи не раз приходила на помощь Франция, англичане помогли персам отвоевать Ормуз у португальцев, голландцы любезно предоставили артиллерию сёгуну для подавления восстания христиан Симабары и для изгнания португальцев из Японии.

УРОК ЯПОНИИ И СЕКРЕТ ЕВРОПЫ

Пример Японии интересен по многим причинам. Ведь недаром историки часто сравнивают эту островную империю с Европой. В «эпоху воюющих провинций» соперничество между даймё сопровождалось бурным развитием провинций. Рост городов и обретение ими определенной независимости, подъем товарности хозяйства и включение Японии в морскую торговлю повлекли за собой множество инноваций в жизни островов. И в высшей степени показательной является история японского огнестрельного оружия.

В 1543 г. ураган прибил китайскую джонку с португальскими купцами к берегам острова Танэгасима. Местный даймё заинтересовался европейскими аркебузами и велел своему оружейнику изготовить такие же. В течение года в мастерских были сделаны и с выгодой проданы в другие провинции более 600 аркебуз. Вскоре японские ружья (*тэппо*) стали производиться в массовом порядке, причем японцам удалось усовершенствовать их конструкцию. Предвосхищая европейскую тактику Морица Нассауского, Ода Нобунага в сражении при Нагасино (1575) расположил пехотинцев (*асигару*) в три ряда и приказал стрелять залпами строго по команде. Чередование шеренг позволило поддерживать непрерывный огонь, который уничтожил лучшую самурайскую конницу. При помощи огнестрельного оружия центральное правительство разгромило коалиции даймё и монастырей, взяв крепости, считавшиеся неприступными. Последним эпизодом в этой борьбе можно считать подавление восстания христиан Симабары в 1638 г., когда против твердыни повстанцев крепости Хара успешно применялись пушки. После этого объединенная

Япония два века жила без крупных войн. Стабилизации внутренней жизни способствовало закрытие страны для иностранцев.

Примечательно, что сразу после установления мира сёгуны из рода Токугава строго запретили сначала простолюдинам, а затем и вообще всем жителям Японии хранить *тэппо*. Самурайская идеология была несовместима с использованием огнестрельного оружия, ведь любой крестьянин с его помощью мог подло убить благородного воина, долго учившегося владеть мечом, и это ставило под вопрос незыблемость социальной иерархии. Во второй половине XVII в. власти полностью запрещают изготовление ружей. В следующем столетии японцы утратили секрет производства огнестрельного оружия, оставив порох лишь для фейерверков.

Большинство европейских монархов, как и Токугава, считали себя рыцарями, чья «идеология меча» отвергала аркебузы, и смерть Баярда, рыцаря без страха и упрека, была тем трагичнее, что он погиб от подлой пули. Но ни у одного из правителей Запада не было возможности запретить новое оружие или выйти из «гонки вооружений» — слишком жестким оказалось военно-политическое соперничество в вечно раздробленной Европе.

Ценности традиционного общества предписывали борьбу за незыблемость социального порядка. Но на Западе силы, стоявшие на страже традиции, оказались не на высоте именно из-за отсутствия политического единства региона. Напомним, что политическая раздробленность на Западе стала возможной только в силу удаленности от кочевых империй Великой степи. Япония же пользовалась благами островного положения, поэтому давнее и почти постоянное соперничество аристократических кланов, мешавшее установлению сильной власти, не вело к завоеванию страны чужеземцами и даже способствовало интенсивному военному, экономическому и культурному развитию, делая японскую историю столь динамичной и не похожей на историю других стран Дальнего Востока. Стабилизация, восстановление реального политического единства в эпоху Эдо, достигнутые при использовании военно-технических инноваций, укрепили возможность властей блокировать опасные новшества.

КИТАЙСКОЕ ВЕЛИЧИЕ, ЕГО КРИТИКА И СУДЬБЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

При императоре Канси, которого по продолжительности правления можно сравнить с его старшим современником Людовиком XIV, Китай начал восстанавливаться после ужасов гражданской войны и маньчжурского завоевания. Династии Цин удалось укрепить социальную базу, опираясь на союз «восьмизнаменных маньчжуров» с китайскими военными и гражданскими элитами и чиновниками. Демографическому росту способствовало, помимо прочего, и распространение новых культур: маиса, батата и арахиса. Из предметов импорта, кроме серебра, в Китае были востребованы индонезийские пряности, нюхательный и курительный табак и во все большем масштабе опиум (изначально его смешивали с табаком как средство от малярии), большим спросом пользовалась сибирская пушнина. Прочие товары представляли скорее экзотический интерес, как, собственно, и сами евро-

пейцы. Мало-помалу христианские миссии стали подвергаться все большим ограничениям, пока, наконец, христианство и вовсе не было запрещено в Поднебесной. Маньчжурские власти не без основания полагали, что европейцы, оказавшие им важные услуги при завоевании Китая, могут помочь и их противникам. Под строгим контролем властей морская торговля с Западом была разрешена лишь в Гуанчжоу, а сухопутная – в Забайкалье. В то же время европейские страны нуждались в китайских товарах неизмеримо больше. Для амальгамирования серебра в рудниках Нового Света привозилась ртуть из Гуйчжоу, все большим спросом пользовался китайский чай, помимо традиционно ценимого шелка, возросла мода на фарфор; курфюрст Август Сильный сам признавался, что подвержен настоящей «фарфоровой болезни». Спрос на китайский фарфор сохранится и после того, как в 1710 г. в Европе будет открыт первый фарфоровый завод.

XVIII век станет периодом восхищения не только китайскими товарами, но и социальным строем Поднебесной, ее справедливыми законами, принципом меритократии, отдающим должности ученым, прошедшим экзамены, – все это импонировало европейским интеллектуалам. Но Китаем восхищались не все европейцы. Вот что говорит один автор устами своего персонажа, оказавшегося там в 1702 г.: «Должен сознаться, что по возвращении домой мне было странно слышать, как у нас превозносят могущество, богатство, славу, пышность и торговлю китайцев...» Миллионный Нанкин не впечатлил путешественника: «Чего стоит китайская торговля по сравнению с торговлей Англии, Голландии, Франции и Испании? Что такое китайские города по сравнению с нашими в отношении богатства, силы, внешней красоты, внутреннего убранства и бесконечного разнообразия? Что такое китайские порты с многочисленными джонками и барками по сравнению с нашей навигацией, нашими торговыми флотами, нашими мощными военными кораблями? Наш Лондон ведет более обширную торговлю, чем необъятная китайская империя. Один английский, голландский или французский восьмидесятипушечный линейный корабль разбил бы и уничтожил весь китайский флот... Миллион китайской пехоты не мог бы справиться с одним нашим регулярным пехотным полком, занявшим позицию, которую невозможно окружить... Словом, если бы расстояние, отделяющее Китай от Московии, не было столь огромным..., то царь московский без большого труда выгнал бы китайцев с их земли и завоевал бы их в одну кампанию... Он сделался бы уже за это время императором китайским и не был бы бит под Нарвой королем шведским, силы которого в шесть раз уступали русским войскам». Эти слова принадлежат Робинзону Крузо, отправленному по воле автора в девятилетнее путешествие «по трем частям света». На склоне лет герой, посетив свой остров, вновь отправился в плаванье и, обогнув Африку, через Индию и Индокитай достиг Цинской империи, откуда с купеческим караваном пересек всю Сибирь. В Тобольске, переживая лютую зиму, Робинзон угощал китайским чаем местное общество, состоящее из ссыльных вельмож. Затем, оказав помощь в победе сыну одного из опальных князей, он через Архангельск вернулся в Европу.

Оставим на совести Д. Дефо низкую оценку боеспособности петровской армии. Окажись Робинзон в Тобольске десятью годами позже, его общество

составили бы шведы, плененные под Полтавой. Но, может быть, высокомерные слова о превосходстве Запада над Китаем – тоже результат недостаточной информированности автора и его бахвальство основано на недооценке могущества империи Цин?

Заклучив Нерчинский мир, империя добилась своих целей: на два века остановила продвижение русских по Амуру, сильно затруднив им дальнейшее освоение других земель в бассейне Тихого океана; русским купцам дозволялось вести торговлю только в особых зонах, что давало возможность, перекрыв торговый поток, в одностороннем порядке воздействовать на Россию, добиваться от нее помощи или, по крайней мере, нейтралитета в отношениях со Степью.

Именно на западном направлении новизна цинской политики была наиболее очевидна. Маньчжуры решили проблему, дамокловым мечом висевшую над Китаем две тысячи лет. Великая стена стала ненужной. Маньчжуры продвигались в Монголию, Турфанский оазис, в сторону Тибета, выселяя в эти области китайских колонистов, поощряя переход кочевников к оседлости. Считается, что покровительствуя распространению буддизма в его ламаистской форме, цинское правительство снижало извечную воинственность кочевников. Принципиально менялась структура экономических связей: теперь не земледельцы платили кочевникам дань за спокойствие, маскируя ее под вид торговли, но китайские купцы путем ростовщического кредита устанавливали экономическое господство над скотоводами, подключая их к складывающемуся международному рынку. В следующем столетии Китай нанесет смертельный удар наследнику «кочевых империй» – Джунгарскому ханству.

Переселение калмыков в Прикаспий в первой трети XVII в. и разгром ими Ногайской орды относится к числу последних больших перекочевков. Великая степь все более сжимается: с востока на нее наступал Китай, с севера и северо-запада все дальше продвигались русские засечные черты – Белгородская, Симбирская, Новая, Закамская, Исетская. В начале следующего столетия их сменят солидные укрепленные *линии*, возводимые в соответствии с фортификационными принципами маршала Вобана. У Великой степи были отвоеваны миллионы гектаров плодородной земли, что в корне меняло экономическую и демографическую ситуацию государства Российского.

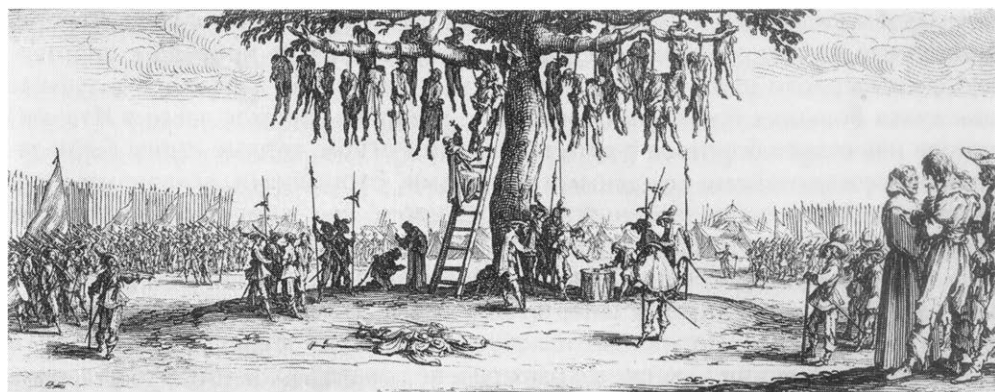
Не стоит торопиться и списывать со счетов беспокойный кочевой мир. Степь сотрясали набеги и войны калмыков с башкирами, джунгар – с казаками и киргизами. «Замиренные» и «объясаченные» племена поднимали восстания. Туркмены с Мангышлака переселялись на Северный Кавказ, в Мервский оазис и в предгорья Копетдага, набеги кочевников угрожали русским городам в Сибири и Поволжье. Для правителей Хивы, Бухары и Коканда, да, пожалуй, и Персии, кочевники оставались важнейшим фактором, влиявшим на их жизнь. Но огнестрельное оружие, обученная армия, новые фортификационные системы и возросшая мощь государств с их бюрократическим аппаратом и регулярным налогообложением делали свое дело. Кочевой фактор из всемирного во все большей степени становился региональным. Кочевые империи окончательно сошли с исторической сцены. В этом смысле в XVII в. мировое Средневековье явно закончилось.

Средневековые закончились и в военном отношении. В прошлом осталось преобладание всадника над пехотинцем и сражение, понимаемое как поединки благородных всадников, хотя рыцарская конница еще не раз одерживала победы, особенно в гражданских войнах, как правило, более архаичных по военным технологиям. К концу XVII в. европейские армии изменились уже давно и необратимо.

Заметим, что Робинзон, сравнивая Европу и Китай, начинает с восхваления восьмидесятипушечного корабля. И действительно, после победы португальского флота при Диу в 1509 г. европейцы заявили о претензиях на мировую гегемонию именно на море. Точнее, в океане, поскольку на Средиземном море превосходство Запада не было столь очевидным. Битва при Лепанто, выигранная с величайшими жертвами и не давшая ощутимых результатов, по сути, не сильно отличалась от сражения античных триер. Только океанские корабли, подвижные и оснащенные пушками (пусть сначала и не приспособленными для прицельного огня), стали основой европейской мощи. Европейцы не переставали совершенствовать маневренность флота и умение вести артиллерийский огонь, что достигалось слаженностью действий матросов и канониров. В XVII в. блестящие эскадры Пиренейских стран будут превзойдены флотами Голландии, Англии, а концу века и Франции.

Купеческий флот почти не отличался от военного. Торговые корабли, оснащенные пушками для защиты от пиратов, сами при случае промышляли морским разбоем, легко превращаясь в военные суда. Казенные военные корабли сопровождали купеческие караваны и перевозили грузы (как, например, Манильский галеон), их капитаны в качестве личной добычи охотно захватывали корабли, сочтенные неприятельскими. Любопытно, что в русский язык слово «приз» вошло из морского устава Петра I, где оно обозначало каперский захват судна. Снаряжение морского корабля изначально мыслилось как коммерческое предприятие.

С войной на суше дело обстояло иначе. Слишком живучи были рыцарские представления о войне как о поприще бескорыстной отваги и подвигов благородных всадников. Но уже сражения XVI в. приучили как к необходимости калькуляции военных расходов, так и к тому, что благородный человек может воевать в пешем строю. Последнюю мысль демонстрировала уже испанская пехота. Но решающим стал рубеж XVI и XVII вв., когда после нововведений Морица Нассауского европейская армия становилась управляемой в бою: дисциплина, постоянные тренировки и муштра вели к тому, что пехота, а впоследствии и конница могли выполнять сложные маневры по приказу командующего. Воинские подразделения представляли собой отлаженный механизм, способный вести организованный и непрерывный огонь из мушкетов. Так, процесс обращения с мушкетом был разбит на 42 операции, выполняемые по четким командам. Художник Якоб де Гейн изобразил каждую из операций в серии эстампов, моментально скопированных в массе изданий (см. с. 62 наст. тома). В России голландские военные наставления были изданы почти сразу в 1607 г., а в 1647 г. они легли в основу устава Алексея Михайловича «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Рано столкнувшись с европейскими армиями, русские цари оказались вниматель-

Калло Жак (1592/1593–1635). Дерево повешенных. Из серии «Большие бедствия войны». 1633. Гравюра. Британский музей, Лондон

ными учениками, вводя «полки иноземного строя». Этим они отличались от османских султанов, одержавших слишком много побед над неверными, чтобы учиться у них военному искусству.

Для слаженных действий на поле боя нужны были постоянные военные упражнения, и потому солдат уже не отпускали на период мирного времени. Помимо воинской дисциплины, таким образом достигалась и способность к взаимозаменяемости: место каждого выбывшего воина тут же занимал другой, знавший весь алгоритм действий. Параллельно шел важный процесс унификации вооружений. Уже Мориц Нассауский требовал оснастить армию однотипными мушкетами одинакового калибра, что было выгодно и производителям оружия, гарантировало им постоянные заказы больших партий. Единообразие вооружения, формы и поведения солдат способствовало достижению нового качества. Если предложенный Т. Гоббсом образ «Левиафана» применительно к государству был скорее смелой метафорой, то воинское подразделение, действующее как единое целое, более наглядно воплощало эту идею. Помимо муштры, движения под звуки труб и барабанов военных оркестров (появившихся именно в это время) и приверженности к особой военной субкультуре, единение и дисциплина поддерживались жестокими карательными мерами. На одной из картин Жака Калло из серии «Большие бедствия войны» изображено большое дерево, на котором висят казненные солдаты. Под деревом над барабаном склонились две фигуры, под присмотром офицера кидающие игральные кости. Так, путем жребия осуществлялась децимация: за нарушение приказа и мародерство казнили каждого десятого. Эта мера, принятая во многих европейских армиях, была прописана и в воинском уставе Петра I.

Солдаты новой армии носили с собой шанцевый инструмент и обязаны были копать траншеи и возводить редуты. Во время Чигиринского похода шотландец на русской службе Патрик Гордон тщетно пытался заставить стрельцов взяться за лопаты. Стрельцы не желали уподобляться крестьянам, а Гордон не мог никого казнить за невыполнение приказа – эта прерогатива принадлежала только царю. Важно, что война нового типа требовала огромных земляных работ. Появление пушек лишило средневековые города

и замки былой неприступности. Это осознали, конечно, не только в Европе. Восточные владыки стали ценителями артиллерии, что привело к торговому буму, выросли цены на японскую медь и малайское олово, необходимые для литья больших бронзовых пушек. Но в Европе (прежде всего в Италии) города научились бороться с артиллерийским огнем, гордые стены были заменены приземистыми земляными насыпями, бастионами, эскарпами и равелинами. Логическим завершением этого процесса станет «железный» пояс крепостей маршала Вобана. Подобный принцип европейской фортификации можно будет впоследствии обнаружить и в фортах Нового Света, и в крепостях, сжимавших Великую степь, и на далеком Амуре во время второй осады Албазина (1686). Но крепостное строительство по этим правилам сразу и многократно увеличило военные расходы, не говоря уже о том, что содержание регулярной армии и боевых кораблей также требовало огромных денег.

«ДЕНЬГИ – НЕРВ ВОЙНЫ»

Военное превосходство достигалось сочетанием экономической мощи с организационными преимуществами. Завоевывать чужие территории, чтобы за их счет покрыть военные расходы, было возможно тогда, когда покорялись земли не в Европе, а в Азии, Америке и Сибири. Война между европейскими державами требовала иных объемов финансирования. Основные средства поступали от сбора налогов, и общей была тенденция роста возможности государств изымать все большую часть доходов подданных. Это было непросто и грозило мятежами. Однако наличие регулярной армии позволяло государству справляться с этими угрозами (особенно после Фронды и современных ей европейских мятежей и революций). Главным было выстроить эффективную фискальную систему, но так, чтобы не подорвать возможности экономического развития страны.

Основная проблема заключалась в том, что налоги собирались медленно, а деньги требовались сейчас. Нужны были люди, которые хотели бы и могли финансировать правителя. Трудно представить себе купца, отказавшегося помочь султану, падишаху или царю. За просьбой могла последовать конфискация. Даже там, где политика «обрубания ветвей, чтобы лучше рос ствол», не провозглашалась открыто, возможность вмешательства власти удерживала накопление частного капитала на определенном уровне.

На Западе, где не существовало единой управляющей структуры, контролирующей все пространство христианского мира, власть рынка даже над самыми могущественными монархами стала реальностью. Монарх распоряжался лишь в своей стране, а деньги не признавали границ. Требовались иные отношения власти и капитала.

Приемы мобилизации денежных средств, опробованные итальянскими городами, получили большое распространение. Тосканские банкиры в Лионе кредитовали чудовищно раздутые военные расходы французского короля, генуэзцы давали в долг королю испанскому. Влияние генуэзцев возросло во второй половине века, после того как, по выражению историков, «испанский всадник загнал кобылу Фуггеров». Слишком тесная связь с Габсбургами неблагоприятно сказалась на южногерманских банковских домах, которые,

хоть и получали торговые привилегии, монополии на разработку рудников и звонкие титулы, но были разорены банкротствами, объявляемыми испанским королем. Генуэзцы же, имея вековой опыт банковской деятельности, оказались лучше приспособлены к сложной игре. Свои средства они дополняли деньгами многочисленных кредиторов средней руки, у которых брали деньги под скромный процент, а затем предоставляли заем испанскому королю. Банкиры утверждали, что ссужают под 10% годовых, тогда как королевские секретари уверяли, что генуэзцы получали не менее 30%. Доходы Филиппа II зависели от прихода «серебряных галеонов» и от налогов, собираемых в Испании. Расходовать большую часть денег надо было в Антверпене, где деньги выплачивались солдатам, которые требовали жалования только в золоте. Генуэзцы наживались на конвертации серебра в золото (через Венецию серебро шло на Восток, где белый металл всегда был в цене) и на переводе векселей на Антверпен. Скупая королевские облигации («хурос») по выгодному курсу, они успешно спекулировали ими на Пьяченцских и Безансонских ярмарках, игравших роль своеобразного «фондового рынка», кроме того генуэзцы получали прибыли от торговли, не всегда законной, с Новым Светом. Неудивительно, что задолженность короны стремительно росла, и параллельно зрело недовольство короля алчностью банкиров. В 1575 г. Филипп II объявил о банкротстве и даже обрушил на генуэзцев репрессии. Но денег в казне не прибавилось, новых займов никто не дал, и у короля не осталось золота для выплаты жалования военным в Нидерландах. Да если бы оно и было, то отправить звонкую монету морем было нельзя из-за пиратов, а перевести деньги посредством векселей оказалось невозможным, никто не соглашался по ним платить. «Забастовка» банкиров имела роковые последствия: не получавшая жалования испанская армия взбунтовалась, в результате чего Антверпен был разгромлен и, в конце концов, ведущая роль в мировой торговле перешла к Амстердаму.

Правители Франции также зависели от займов итальянских банкиров, выплаты которым были приурочены к Лионским ярмаркам. Однако Валуа были осторожнее — они могли казнить своих финансовых чиновников («финансистов») или просто припугнуть их расследованием, но с банкирами старались отношений не портить. В XVII в. влияние итальянских банкиров уменьшилось, но, несмотря на развитый фискальный аппарат, французский абсолютизм будет зависеть от деятельности компаний французских откупщиков.

В XVII в. мировым финансовым центром, «кассой Европы» стал Амстердам, главный товарный рынок, главное место акцепта (учета анонимных переводных векселей). Вслед за товарами на Амстердамскую биржу, созданную в 1602 г., текли потоки бумаг, которые превращались в деньги, перераспределяемые затем по всему миру. Изобилие капиталов позволяло заимствовать деньги под сравнительно небольшой процент. Их можно было тратить на организацию заморских экспедиций (Амстердамский банк был создан в 1609 г. в первую очередь для помощи Ост-Индской компании), на набор солдат и оснащение военных кораблей, на освоение к своей выгоде сопредельных стран, не говоря уже о спекуляциях. Голландские деньги приносили прибыль в России, на Цейлоне и Японии, в испанских колониях и в Севилье (несмотря на формальное состояние войны с Испанией до 1648 г.). Французы жаловались на засилье голландских купцов и их капиталов, а крупнейшие

английские фирмы еще в начале XVIII в. вели документацию на голландском языке.

Кредит лежал в основе военного могущества Запада, но для кредита была необходима устойчивость денег. Чтобы оградить сделки от постоянных колебаний монетных курсов на крупнейших финансовых ярмарках, купцы и банкиры создавали «фиктивные деньги» для внутренних расчетов, такие «счетные деньги» были у венецианского банка Риальто и у Амстердамского банка.

В отличие от континентальных стран в Англии по ряду причин фиксированный курс фунта стерлингов не менялся с елизаветинских времен, производилась лишь перечековка изношенной монеты. Решающий момент наступил в конце XVII в., когда неурожай 1694 г. привел к росту закупок продовольствия за границей, а необходимость оплачивать свою армию на континенте многократно увеличила отток туда серебра. На Амстердамской бирже обесценивались английские монеты, векселя и кредитные билеты недавно созданного (1694 г.) Английского банка. Острая нехватка наличных денег блокировала рынок бумаг и диктовала необходимость срочной перечековки монеты. Общественное мнение склонялось к необходимости осуществить при этом девальвацию елизаветинского фунта как минимум на 20%. Возобладала позиция философа и экономиста Джона Локка, выступившего за неизбежность фунта как гарантии неприкосновенности вложенных в Англию капиталов. Это подняло котировку фунта стерлингов в Амстердаме. Дополнительные меры, предпринятые новым директором Монетного двора Исааком Ньютоном, еще более укрепили финансовую систему Англии. Страна смогла окончательно перейти к долгосрочным займам. Многие были недовольны ростом государственного долга и зависимостью от иностранных банкиров. Но это давало возможность английскому правительству получать деньги под несопоставимо низкие проценты, если сравнивать с займами короля Франции. Уверенность кредиторов подкреплялась парламентским контролем над финансами. Это приведет к финансовому триумфу Лондона над Амстердамом, но пока до этого далеко. Запомним лишь, что к началу XVIII в. в Англии сильно разбогатеть на займах правительству было сложно, а вложения в другие сферы были не менее доходными, но более надежными.

Капитал обеспечивал Соединенным провинциям и Англии военное могущество при развитии либеральных принципов управления. Примечательно, что обе страны не будут привержены меркантилизму; отстаивая свободу торговли, обе проявляли реальную веротерпимость, предоставляли убежище эмигрантам всех мастей и первыми официально разрешили существование иудейских общин.

Однако, чем меньше у государств имелось финансовых возможностей, тем сильнее чувствовалась приверженность их правителей принудительным стратегиям управления, чтобы «идти в ногу со временем». Когда-то страны, сопредельные средневековым кочевым империям, оказывались перед выбором: ответить на вызов, создав мощное государство, или быть ими завоеванными. Теперь было необходимо предпринимать не меньшие усилия, чтобы устоять в мире, где произошла «военная революция», подкрепленная экономической мощью передовых стран. Выход виделся в том, чтобы, усиливая государство, командными методами преобразовывать общество и хозяйство,

создать новую армию, использовать иностранные капиталы, технологии и знания к своей выгоде, чтобы защитить свои земли и хозяйство, а, при возможности, и самим поживиться за счет соседей. Территории стран, не успевших вовремя перестроиться, начинали быстро осваиваться соседями экономически, а затем и политически.

ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК БОГАТСТВА

Откуда Запад брал средства, которые затем вкладывал в банковскую сферу и в вооружение? Обратим внимание, что в рассуждениях Д. Дефо военное превосходство Запада увязывается именно с превосходством торговым. И действительно деньги, предоставляемые банкирами правителям на их неотложные, в том числе и военные нужды, имели в первую очередь купеческое происхождение. В каждый исторический период существовали определенные «королевские» товары дальней торговли – дорогие, легкие в транспортировке, не скоропортящиеся, пользовавшиеся устойчивым спросом: пряности, шелк, красители, квасцы, благородные металлы. Европа, как мы помним, ввозила золото и вывозила серебро в виде монет – йоachimсталеров, дукатов, пиастров, но даже в этих случаях оказывались возможны серьезные колебания цен, затоваривание. Более важным было знание конъюнктуры при торговле товарами широкого спроса и в гораздо больших объемах, а только такая торговля позволяет говорить ряду исследователей, и в частности И. Валлерстайну, о возникновении «настоящей» мировой экономики.

Согласно поговорке, «пальцы купца должны быть испачканы в чернилах»: помимо учетной документации коммерсант вел ежедневный обмен корреспонденцией со своими агентами и партнерами. Ведь торговый успех был основан на владении информацией. То, что сведения дорого стоят, первыми поняли венецианцы, создавшие сеть дипломатов-осведомителей. Для торговой корреспонденции порой применялись шифры. Владельцы торговых компаний, претендующих на монопольное положение в том или ином регионе, могли придержать стратегически важную информацию. Так, английская Московская компания была лучше всех осведомлена о российских делах, но не делилась этими сведениями, ее тексты оставались рукописными, предназначенными только для своих.

Но долго утаивать сведения было трудно. Можно спорить по поводу термина «информационная революция», но отрицать качественный сдвиг в ускорении обмена новостями сложно. В последней трети XVI в. в Европе рождается периодика – сначала рукописные, а затем печатные сборники новостей. Показательной была эволюция коммерческой периодики от «Газеты Фуггеров», предназначенной только для служащих этого банковского дома, до «Новостей Ллойда», издаваемых с 1696 г. по сей день. Эдвард Ллойд не был ни купцом, ни мореплавателем, но как хозяин лондонской кофейни, где собирались капитаны и судовладельцы, оценил, что стекающаяся к нему информация чрезвычайно ценна для страхового дела. Его современник Д. Дефо редко покидал Британию, но по книгам, газетам и рассказам бывалых людей с большой точностью описал детали плаваний Робинзона – стоимость

фрахта, подробности вексельных операций, цены на ходовые товары. Справочной литературы хватало в избытке.

Судьбы моряков зависели от массы случайностей, но чаще всего их маршруты были предсказуемы. При всей необычайности приключений Робинзона, они происходили в основном в границах главных «треугольников» европейской торговли. Первая часть его жизни связана с атлантическим треугольником. Робинзон ходил к Гвинейскому берегу, вывозя оттуда слоновую кость, шкуры и, главное, золотой песок. Именно в это время, с 1663 г., Карл II начал машинную чеканку золотых монет – гиней, названных так, поскольку золото доставлялось с Гвинейского берега. С плантаций, принадлежавших Робинзону в Новом Свете, в Европу шел сахар и табак. Дефо стыдливо умалчивает о главной товарной составляющей третьей стороны треугольника, но ее легко домыслить: мы узнаем, что на бразильских плантациях Робинзона трудились невольники и что соседи-плантаторы, желая быстро разбогатеть, втянули его в рискованное предприятие с целью отправиться в Африку. По словам Дефо, они направлялись за африканским золотом, но целью большинства подобных экспедиций являлась работорговля, причем контрабандная, ведущаяся в обход привилегированных компаний и без официального разрешения (*асьенто*), и именно она давала баснословную прибыль. По подсчетам историков, к 1680 г. работорговля превышала 55% всего экспорта из района Сенегала и Гамбии, а спустя столетие – 86,5%. Из Западной Африки ежегодно вывозились десятки тысяч рабов для плантаций Нового Света, что вело к упадку африканских держав, расположенных во внутренних областях континента, и к расцвету мелких прибрежных государств, занятых в посреднической торговле.

Во второй части романа Робинзон оказывается в восточном торговом треугольнике. В Индии он закупает бенгальские изумруды и опиум, затем, загрузившись пряностями в Индонезии и Индокитае, оказывается в Гуанчжоу. Корабль, принадлежавший Робинзону, достигает Манилы, а оттуда идет в Акапулько (скорее всего, с грузом ртути). Сам Робинзон в сопровождении миссионеров отправился на север, закупив предварительно китайский шелк и чай. Вернувшись в Европу через Сибирь, где он продал мускатный орех выгоднее, чем в Европе, и запаса пушниной, Робинзон, после раздела прибыли между компаньонами, получил на руки 3475 фунтов 17 шиллингов и 3 пенса. Для 72-летнего путешественника это было неплохо: такую сумму квалифицированный английский плотник мог заработать за четверть века, но все же итог выглядел не слишком впечатляющим, учитывая многочисленные риски и потери.

Искатели приключений и «приватеры» могли сказочно разбогатеть или полностью разориться – баланс подводился лишь в конце рискованного предприятия. Более надежной была торговля, организованная через многочисленные сети, как правило, носившие этнический характер. Традиционно сильные позиции (при этом соперничая друг с другом) сохраняли землячества итальянских купцов в Испании, Франции и Германии. Большую роль играла шотландская торговая диаспора в Польше. Меньшинством, активным и ненавидимым местным населением, были португальские купцы в испанских владениях Нового Света. Мы уже упоминали об обширной сети армянских купцов. Индийские купцы чувствовали себя, как дома, в Средней Азии,

на Молуккских островах и в России, обосновавшись в Астрахани, Казани, Ярославле и Москве. Они играли здесь столь важную роль, что немногим позже одна их угроза покинуть страну в знак протеста (после того как московские власти не разрешили вдове купца устроить ритуальное самосожжение – *саги* в 1724 г.) заставила правительство уступить. В западных областях Османской империи и сопредельных странах были активны купцы-«греки» (так называли всех православных выходцев с Балкан).

По отношению друг к другу сети могли находиться в состоянии взаимодополнения или соперничества. Так, караванная торговля, маршруты которой начинались в Магрибе, Леванте и на Балканах, оставалась почти полностью закрыта для европейских купцов. Роль караван-баши играли армяне, евреи, индусы. Показательно, что Дефо, осведомленный в тонкостях морской торговли, допускает грубые ошибки в описании торговли сухопутной (Робинзон доводит у него своих верблюдов почти до Архангельска).

Общины сефардов, по-прежнему активные на Средиземном море, соперничали с ашкенази, в какой-то мере заполнившими вакуум, образовавшийся в торговле Германии после Тридцатилетней войны. Маршруты купцов из Фуцзяни, ориентированных на морскую торговлю, почти не пересекались с маршрутами купцов из Шаньси. Последние, торговавшие по всей Поднебесной, оценили выгоды сотрудничества с маньчжурами, открывшими им новые торговые пути на севере. Отношения солидарности, культивируемые в шаньсийских торговых домах, помогут им в будущем перейти от торговли солью и чаем к созданию системы банков.

Существовал еще и менее престижный, но не менее важный уровень коммерции – торговля вразнос, которая также часто контролировалась этническими группами. Классический пример представляли собой горцы-савояры, ходившие со своими котомками от Пиренеев до Польши. Несмотря на небольшие партии товара, умещавшегося в котомке корабейника (ленты, кружева, дешевые книжки, иголки), общий оборот такой торговли исчислялся солидными суммами. Характерно, что разносчики нуждались в особом языке, закрытом для окружающих. Если диалектной особенности не было, выдумывался условный язык. Так, российские корабейники, *офени*, с конца XVII в. пользовались особым жаргоном – *феней*, настолько своеобразным, что иностранцы считали говоривших на нем особым народом.

Доминирование в торговле достигалось путем иерархического подчинения торговых систем. Так, голландское господство в Индонезии базировалось на контроле над давно существовавшими здесь сетями китайских купцов и индийских торговцев-*бания*; торговля европейцев в Западной Африке также опиралась на достаточно развитые структуры африканских контрагентов.

По-настоящему прибыльная торговля основывалась на нескольких принципах. Как правило, ее вели привилегированные компании, стремившиеся к монополии, что давало им возможность сохранять высокие цены на товар. Голландская Ост-Индская компания всеми силами удерживала Тимор, главный источник сандалового дерева, и, желая взвинтить цены, сжигала целые плантации гвоздики и коричневого дерева на Молуккских островах. Важно было «снять сливки» – первым прийти в регион, занять здесь господствующее положение и всячески удерживать его. Всем, кто появлялся позже,

приходилось играть уже по другим правилам – выдерживать конкуренцию, вкладывать в дело значительные средства. Такова была судьба компаний, запоздавших с появлением на Востоке, – французской, датской и шведской Ост-Индских компаний.

Другим принципом служило создание системы промежуточных складов, что позволяло вести комиссионную торговлю, в которой особенно сильны были голландцы. Наличие оборудованных складов в факториях позволяло им лучше, чем прочим европейцам, торговать «из Индии в Индию», доставляя, например, медь из Японии в Сиам и Индию с тем, чтобы обменять ее на хлопковые и шелковые ткани и оленьи кожи для их поставки как в Японию, так и в Европу. Собственно, весь Амстердам и прилегавшие к нему территории представляли собой в XVII в. гигантский склад, куда свозились товары со всего мира и откуда затем, не спеша, они расходились по разным территориям, но уже в качестве голландского товара.

Кроме того, крупная торговля, торговля мирового масштаба, предполагала наличие разнообразных форм концентрации капитала. Знаменитая компания «купцов-авантюристов» (искателей удачи) была организована в форме старинного религиозного братства, где каждый участник действовал самостоятельно, в то время как английская Московская компания – один из первых примеров акционерного общества. Многократно превосходившая конкурентов по объемам операций голландская Ост-Индская компания была устроена очень сложно и даже архаично, предполагая представительство различных нидерландских провинций.

Крупная торговля, использовавшая «привилегию осведомленности», была спекулятивной, причем предметом спекуляции мог становиться любой товар. Стоило, например, разразиться голоду, затронувшему Средиземноморье (1591 г.), как хозяева «большой» торговли мгновенно изменили маршруты кораблей, груженных зерном из балтийского региона, направив их на юг, где торговля хлебом сулила особо высокую прибыль. Дальняя торговля все в большей степени закрепляла специализацию регионов, занимавших, по выражению И. Валлерстайна, «периферийное и полупериферийное» положение по отношению к экономическим центрам.

Владение информацией, капиталами и деньгами и умение пользоваться механизмами торговли значительно увеличивали спекулятивную прибыль. Пайщикам привилегированных компаний давно уже не приходилось рисковать жизнью и имуществом. Тем не менее богатство купцов требовало некоторой «подстраховки». Во-первых, в силу множества причин (перенос торговых путей, капризы моды, затоваривание, деятельность конкурентов, снижающих прибыль, превратности войн) торговая конъюнктура могла измениться, во-вторых, возможность вложений денег в торговлю имела некоторые естественные пределы.

Капиталы часто перетекали из торговли в финансовую сферу. Однако риски здесь оставались высокими, да и к по-настоящему прибыльным операциям допускались далеко не все. В условиях неблагоприятной конъюнктуры капиталы часто вкладывались в промышленность и в сельское хозяйство.

ВЫГОДНО ЛИ БЫЛО ВКЛАДЫВАТЬ ДЕНЬГИ В ПРОИЗВОДСТВО?

Гибко реагируя на изменения условий торговли, первыми научились спасать свои капиталы богатые итальянские горожане. Генуэзцы вовремя перевели деньги из факторий Черного моря на Запад, вложив их в производство сахара на Сицилии, Мадейре, а затем и в Новом Свете. Тосканцы в своих *боттегах* обращались к производству новых видов тканей. Венецианцы отличались внедрением новых рецептов производства (муранское стекло, зеркала, буранские кружева), которые охраняли так же строго, как и секреты своего Арсенала. Венеция становится одним из важнейших центров книгопечатания. Капиталы итальянских купцов, вложенные в развитие лионских типографий, принесли заслуженную славу французскому книгопечатанию. Чтобы открыть свою типографию и издавать книги, не требовалось больших капиталов, но достаточно быстро выяснилось, что успех в книжном деле сильно зависит от «длинных денег», наличия системы складов и сети книжной торговли, а главное, от способности ждать. В какой-то мере европейское книжное дело может служить моделью взаимоотношений купеческого капитала и производства в XVI–XVII вв.

Книгопечатание, возникшее на ремесленной основе, в конечном итоге попало под контроль купцов, однако существенного технического перевооружения типографий не происходило вплоть до конца XVIII в. Изменялось другое. Книгоиздатели гибко реагировали на запросы книжного рынка, порой формируя новый тип книги, и тогда имя собственное становилось нарицательным («альдины», «эльзевиры»). Они могли вкладывать средства в дорогостоящие многотомные издания, получать от церковных и светских властей привилегии и заказы. Типографы, мелкие книготорговцы чаще всего попадали в зависимость от купцов-книгоиздателей, однако сохраняли элемент экономической самостоятельности, публикуя на свой страх и риск малозатратные издания, в том числе политические памфлеты, альманахи, книжицы «для народа» (например, труасская серия «Голубой библиотеки»).

Процесс подчинения купцом самостоятельных ремесленных мастерских насчитывал не одно столетие и достаточно хорошо известен историкам. Он мог реализовываться в разных формах: система раздач, контроль купца за одной технологически важной операцией процесса производства при подчинении всех мастеров, включенных в производственную цепочку. Купцам оказывалось проще обходить цеховые ограничения, вынося производство в сельскую местность либо в мелкие города, не имевшие ремесленных цехов. Купцы легче, чем цеховые ремесленники, следовали за модой, осваивая новые виды тканей (атлас, тафта, муар, газ, саржа, камелот, тонкая шерсть) и новые красители (кошениль, индиго). В конечном счете, именно купцы и создавали тот самый необходимый слой из вчерашних ремесленников и крестьян-надомников, который будет востребован на капиталистических предприятиях. Но купцы были слишком чувствительны к прибылям, чтобы приходить в производство «всерьез и надолго». Как только конъюнктура менялась и становилось ясно, что норма прибыли несколько лет подряд падает ниже 10%, деньги из производства изымались. В конце XV – начале XVI в. купеческий капитал буквально хлынул в горное дело в Центральной и

Восточной Европе. Но уже во второй половине XVI в., когда прибыль начала снижаться (из-за дороговизны леса и рабочей силы, истощения рудных жил), купцы передали большую часть горных предприятий государям, предпочитая переключиться на распределение товаров. Подобным образом плантации сахарного тростника и сахароваренные заводы сначала привлекали массу предпринимателей, мечтавших стать плантаторами. Однако в итоге в выигрыше оставались те, кто вовремя успел переключиться с производства на торговлю, поставляя промышленные товары плантаторам и сахарозаводчикам в обмен на их продукцию. Если говорить о централизованных мануфактурах, то их прибыли не являлись гарантированными, именно поэтому мануфактуры всегда существовали в окружении полузависимых от купца надомников. Впрочем, правительства многих стран, преследуя меркантилистские цели, вмешивались, помогая мануфактуристам протекционистскими тарифами и подавляя волнения рабочих, либо же сами основывали казенные мануфактуры.

Но и в самом конце XVII в. индийские и китайские ткани, несмотря на все транспортные расходы, превосходили лучшие европейские образцы соотношением цены и качества. Успех восточных ремесленников основывался не на улучшении ткацких станков, а на их виртуозном мастерстве и дешевизне рабочей силы. Вообще, восточному, в частности китайскому, обществу не был чужд дух предпринимательства. Так, в одном из «Рассказов о необычайном» китайского писателя Пу Сун Лиана девушка-волшебница постоянно помогает людям: помимо обычных для колдуньи чудес, она то экспериментирует с новыми культурами и спасает деревню от голода, то заводит централизованную мануфактуру с жесткой дисциплиной и разделением труда. Но главное конкурентное преимущество восточного производства – дешевизна рабочих рук – станет главным препятствием на пути механизации.

Если мы возьмем Англию, то увидим, что к концу XVII в. за счет определенного изобилия капиталов соблазн увода денег в финансовую сферу оказывался не столь велик, как в других странах, и капиталы для инвестирования в производство имелись. Но здесь, как и в Голландии, жизнь была дорога (такова расплата за положение центра мировой экономики), и задача снижения себестоимости за счет сокращения доли ручного труда (поневоле оплачиваемого относительно высоко) оставалась актуальной. Пока же машины находили лишь спорадическое применение и, за исключением некоторых видов производства вооружения, технологический прорыв еще только подготавливался.

Традиционно наиболее престижной областью вложения денег являлось сельское хозяйство. В конце концов, не только венецианские сенаторы, но и большинство купцов выбрали этот путь, превращаясь в состоятельных помещиков. Они получали устойчивый доход от прекрасно организованных имений, которые в зависимости от условий специализировались на виноградарстве, животноводстве или на интенсивном зерновом хозяйстве, выращивании технических культур. Не следует переоценивать уникальность Европы и в этой сфере. В Индии крестьяне быстро отреагировали на рост европейского спроса на местную культуру – индиго, которая давала три урожая в год, но требовала сложной обработки и немалых капиталовложений. Правительство Великих моголов пыталось установить монополию на это прибыльное производство. После 1633 г., когда военные действия затронули область Агры,

где выращивали индиго с листьями наиболее глубокого синего цвета, цены на товар непомерно выросли. Английские и голландские Ост-Индские компании составили картель, пытаясь на время приостановить закупки, чтобы сбить цену. Но индийские крестьяне решили выкорчевать часть посадок индиго, временно перейдя к возделыванию других культур, оборачивая конъюнктуру к своей выгоде. Но, как нетрудно догадаться, в Индии подобное производство было редким исключением. Крестьянской нищете способствовали многие обстоятельства – от непомерного налогового гнета до частых войн, немаловажным фактором являлся рост задолженности ростовщикам, индийская деревня задыхалась от нехватки денег.

В урбанизированных областях Европы имелись «свободные» деньги, которые, будучи вложенными в сельское хозяйство, могли порождать знаменитый *high-farming*, тип хозяйства, характерный для Нидерландов, все больших областей Англии и некоторых районов Франции, Северо-Западной Германии и Северной Италии. Интенсивное хозяйство, как правило, специализированное и высокотоварное, велось крупными фермерами, использовавшими наемную рабочую силу; однако они вынуждены были заключать не пожизненные, а в лучшем случае, среднесрочные договоры с собственниками земли. В этих условиях отношения между сеньорами и крестьянами все меньше напоминали *dominium*, отношения власти/собственности, которые, как мы помним, были базовым понятием для средневекового общества. Несмотря на сохранение различного рода держаний и феодальных прав, земельные отношения становились все более похожими на отношения собственности в том виде, в каком они будут описаны Адамом Смитом в следующем столетии.

Аграрные отношения в Центральной и Восточной Европе, на чью долю досталось снабжение Западной Европы зерном через порты Балтики, развивались иначе: экономическая конъюнктура требовала усиления личной зависимости крестьян, которые не были похожи ни на фермеров, ни на наемных рабочих. Но и здесь, в зоне «второго издания крепостничества», помещики из феодальных держателей будут превращаться в земельных собственников, ведущих товарное производство сельскохозяйственной продукции.

Но если для *dominium* такая трансформация была делом пусть не далекого, но все-таки будущего, то с другим понятием, характеризующим специфику средневекового общества, – с *Ecclesia*, дело обстояло иначе.

КОНЕЦ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И РОЖДЕНИЕ АБСТРАКТНОГО СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

На понятии *Ecclesia* держалось социально-политическое единство, и произошедшие с ней изменения оказались наиболее наглядны и драматичны. На множасьиес вызовы времени общество на первых порах отвечало традиционными попытками сохранить единство и усилить собственную сплоченность. Для этого корпорации, городу, королевству надо было еще теснее объединиться в почитании своего небесного покровителя (отсюда стремительный взлет торговли реликвиями в позднее Средневековье). Но также необходимо было отторгнуть «чужих», либо реальных (отсюда отказ от терпимости к мусульманам и иудеям на Пиренейском полуострове, строительство

гетто в Венеции), либо вымышленных (отсюда пароксизм «охоты на ведьм»). Вполне традиционным являлся и предлагаемый рецепт: реформы, понимаемые в буквальном смысле, как возврат к старине. Новым стало более сильное, чем раньше, участие в этих исканиях мирян, обеспокоенных собственным спасением и поэтому предъявлявших больше требований к духовенству. Клир критиковали и ранее, но теперь книгопечатание превратило эту критику во всеобщее достояние. Типографский станок предоставлял и другую возможность: священные тексты теперь можно было зафиксировать раз и навсегда, унифицировать. Филологическая критика гуманистов облегчала пересмотр и уточнение переводов, ранее считавшихся каноническими. Латинский Запад в этом отношении не отличался оригинальностью, достаточно вспомнить, что между утверждением книгопечатания в России и реформами патриарха Никона прошел примерно такой же срок, что и между деятельностью Гутенберга и выступлением Лютера. В таких случаях всегда находились люди, которых подобные нововведения не устраивали – вообще или же в конкретной их форме. Возникла угроза схизмы. Разве можно было допустить, как говорили французы в середине XVI в., «разврат двух религий в одном королевстве»? Стремление восстановить единство любой ценой, в том числе путем насилия, вполне соответствовало логике Ecclesia. И вновь европейский пример не был уникален. В Японии не только истребили христиан, но и приняли беспрецедентное решение: ни один иноземец не должен был отныне осквернять своим присутствием священную японскую землю (исключение составлял остров Дэдзима в гавани Нагасаки, поскольку он был насыпан искусственно, только там разрешили находиться горстке голландцев). Традиционная поликонфессиональность и относительно мирное сосуществование религий в империи Моголов сменяются при Аурангзебе взаимной нетерпимостью различных общин. В Русском государстве старообрядцы как в географическом, так и в социальном смысле оказались вытеснены на периферию.

На Западе же столь предсказуемые религиозные конфликты закончились непредсказуемой ситуацией, когда стороны вынуждены были терпеть присутствие друг друга. Это стало возможно лишь в некоторых странах, но именно они и оказались самыми передовыми: Нидерланды, Англия, Франция, в какой-то степени Германия. Такое сосуществование мыслилось как зло, но зло наименьшее, а потому терпимое в качестве временной меры до восстановления церковного единства. Но и эта временная толерантность воспринималась в обществе неодобрительно, существовало много недовольных, которые могли покинуть страну и уехать в Новую Англию, как, например, английские пуритане, или в Канаду, как французские католики. В XVII в. не раз пытались отказаться от веротерпимости, но возродить Ecclesia уже не удалось. Мало кто верил теперь в спасение всего общества. Важно было позаботиться о своей душе, о спасении ближних (родственников, друзей). Вера во все большей степени становилась внутренним делом, внутренним выбором. В этом направлении развивались и протестантские конфессии, и посттридентский католицизм.

Исчезновение Ecclesia как единственно мыслимой формы существования общества вынудило искать новые обоснования социально-политическому единству. Еще в начале 60-х годов XVI в. подданным английской королевы

и французского короля было предложено сплотиться вокруг монарха и помнить, что они являются не католиками или протестантами, а прежде всего англичанами и французами. Далеко не сразу, но этот принцип консолидации общества возобладал, и XVII в. оказался в целом благоприятным для абсолютистских концепций. Впрочем, король как центральная фигура мог быть заменен идеей верности «общему делу» – *res publica*.

Лучшие умы все чаще задавались задачей объяснить саму природу человеческого общества. Одним оно виделось иерархией социальных групп, наделенных общими чертами и обладавшими определенными привилегиями, другие представляли его в виде атомов, одинаковых индивидов, вступающих во взаимодействие. XVII в. вообще любил различные социальные классификации, то в виде расписания чинов – «табели о рангах», то в виде категорий налогоплательщиков («тариф капитации» Людовика XIV). Эти и другие классификации свидетельствовали о достижении нового уровня в развитии абстрактного социального мышления. При отнесении людей к той или иной социальной категории теперь важны были не конкретные, уникальные качества человека, а соответствие формальным критериям. Социальная структура обрела большую жесткость и однозначность. Если раньше велись долгие и безуспешные споры о том, благороден ли человек по крови или по добродетелям, то теперь дворянином мог считаться лишь тот, кто соответствовал четко определенному набору требований. Эту новую форму социального мышления ощутили на себе многие жертвы знаменитых «проверок дворянства», предпринятых Кольбером. Семьи, не обладавшие установленным доходом и не предъявившие документальных подтверждений своего статуса, теряли дворянские права.

Характерно, что поиски новых принципов социальной классификации совпадают по времени с расцветом жанра воинских уставов, рассматривавших армию как совокупность одинаковых взаимозаменяемых единиц, подчиненных общей дисциплине. Личные качества воина, его доблесть в расчет не брались. Точно так же не был важен ни конкретный вид товара, ни личность торговца или кредитора для утвердившейся в XVII в. формы переводного векселя, в котором фиксировался лишь номинал сделки и время погашения. Да и в научной картине мира, характерной для этого столетия, мир воспринимался состоящим из отдельных корпускул, единиц, которые были связаны друг с другом силами, поддающимися математическому измерению и подчиненными действию общих законов. В XVII в. общество начинали описывать в физических и математических категориях. Церковные и светские власти стремились все исчислить и подсчитать: множились переписи, кадастры, налоговые списки; в каждом приходе в обязательном порядке велись книги учета рождений, свадеб и смертей. Одним из результатов церковных реформ стало усиление контроля над жизнью народа в целом и каждого человека в частности.

Оборотной стороной нового стиля социального мышления стало, по выражению М. Фуко, «великое закрытие»: безумцы отделялись от «нормальных людей» и запирались в больницах тюремного типа; преступников, которых раньше держали под замком лишь до суда, а затем карали или миловали, теперь отделяли от общества, отправляя на каторгу или в тюрьму; нормальным виделось теперь содержание неимущих в работных домах; да и детей

предлагалось отправлять в закрытые учебные заведения, подальше от мира взрослых. В правовом отношении усилился контроль над женщинами: произошло ограничение их имущественной самостоятельности, чаще действовало правило брать фамилию мужа в браке.

Укрепление социальных перегородок, всеобъемлющая регламентация общества были скорее идеалом и не препятствовали новым формам группировки людей, объединенных по различным основаниям. В это время появляются такие формы общения, как кружки и салоны, где люди разных сословий разговаривали на равных, создавая репутации и вырабатывая новые моды. Важную роль играла владелица салона, в некоторых из них женщины были не только гостеприимными хозяйками. Так, французские «прециозницы» способствовали оформлению особой культурной модели: утонченности чувств, изысканности языка, благородства интеллектуального общения, в котором женщины выступали, как минимум, наравне с мужчинами. Культуролог Н. Элиас говорил о «процессе цивилизации» или установлении «цивилизации нравов»: контроль над аффектами, хорошие манеры, в том числе и застольные, вежливое обращение, – нормы, установившиеся сначала при дворе, в XVII в. стали распространяться, захватывая все более широкие круги населения.

Новыми формами общения становятся кафе. Триумфальный и синхронный успех новых напитков, завезенных с трех разных континентов (кофе, чай, шоколада) диктовал новый тип человеческого общения – светские и деловые беседы. Вряд ли бы Э. Ллойд стал обладателем столь точной информации, если бы держал не кофейню, а портовый кабачок. За дымящимися чашками велись разговоры о делах и политике, шел обмен новостями. Здесь же читали газеты, а то и памфлеты на злободневные темы. Кафе, наряду с салонами, становились местом рождения *публики* – людей разного социального происхождения, но объединенных тем, что именно они вырабатывают общественное мнение. Еще одним таким местом стал театр.

Наряду с местами открытого неформального общения к концу XVII в. расцветают различного рода тайные общества. Союзы странствующих подмастерьев (компаньонажи) обрастают мистическими символами, которые были понятны лишь посвященным. Из союза каменщиков вырастают первые масонские ложи, объединявшие людей разных конфессий, мечтавших о переустройстве общества. Распространяются тайные учения розенкрейцеров; в один ряд с ними можно поставить и некоторые католические конгрегации.

Наиболее значимым результатом новых возможностей общения между людьми стало рождение института науки. Появляющиеся научные кружки, общества и академии объединяли людей разных сословий, наций и конфессий, заинтересованных в развитии науки, которая понималась теперь как приращение нового знания. Эти сообщества любознательных возникали спонтанно, но наиболее прозорливые политики спешили взять такие организации под свое покровительство. Отношение папского престола к науке ассоциируется у нас в основном с осуждением Галилея. Гораздо менее известно, что еще в 20-е годы XVII в. папа Урбан VIII некоторое время покровительствовал «Академии рысьеглазых» (Академии деи Линчеи), в 1630 г. великий герцог Тосканский открывает «Академию опытов» («экспериментов»). В 1660 г. появляется Лондонское королевское общество, а в 1666 г. Французская королевская академия наук. В 1700 г. создается Берлинская академия

наук благодаря усилиям Лейбница, видевшего в академии наиболее перспективную форму организацию науки. Ему удалось убедить в этом Петра I.

К концу XVII в. европейское общество обрело так много новых черт, что более походило на Европу XIX в., чем на христианский мир XVI столетия.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Итак, исчезли многие атрибуты Средневековья: пандемии, радикально влиявшие на демографические показатели (последняя из них поразила Европу в первой трети XVII в.), кочевые империи, преобладание конницы над пехотой, дал трещину принцип Ecclesia, кое-где началась трансформация института dominium, и хотя сеньории сохранялись в Европе, они приспособились к рыночному хозяйству.

Хотелось бы еще раз предостеречь от опасности «прогрессистских стереотипов» применительно к прошлому. Распространение нововведений не было триумфальным шествием. Казалось бы устаревшие галеры разгромили парусный маневренный шведский флот в битвах при Гренгаме и Гангуте. Не везде удавалось воспользоваться плодами «военной революции». «Войска иноземного строя» оказались ненужной роскошью в Сибири. Голландцы успешно действовали в Бразилии, пока им противостояли регулярные испанские части, привыкшие воевать по европейским правилам. Однако после восстановления независимости Португалии испанцы ушли, и португальские плантаторы начали партизанскую войну. Образцовую голландскую армию пришлось эвакуировать: «регулярно» воевать в сельве оказалось слишком дорого.

Распространение «белого человека» по планете могло наткнуться на серьезные препятствия. Стоило индейцам познакомиться с лошадьми и огнестрельным оружием, и они смогли надолго задержать европейцев. Таковы были арауканы Южной Америки и индейцы Североамериканских прерий. Сломить сопротивление тех и других удастся лишь во второй половине XIX в. Русские казаки, продвигаясь на Северо-Восток Евразии, так и не сумели завоевать чукчей.

Подобных примеров можно привести много, но следует отметить, что речь идет не о борьбе старого и нового. Так называемые традиционные народы переживали собственную и порой весьма радикальную трансформацию, так или иначе они оказались затронуты нововведениями, что вело к созданию их собственных «империй». Распространение новых культур могло радикально изменить условия существования древних народов. Так, например, появление кукурузы на Северном Кавказе, по мнению некоторых исследователей, способствовало стремительному росту численности адыгских племен.

Таким образом, трудно было отыскать на глобусе место, где население не сталкивалось бы с чем-то новым, ранее несслыханным. Это означало, что наступающие новые времена будут совсем не похожи на прошлые. По выражению немецкого философа Р. Козеллека, «горизонты ожидания» начинали расходиться «с полем опыта». Осознание этой истины интеллектуальной элитой приведет к вере в прогресс, что станет по-настоящему революционным переворотом в сознании. Но это уже будет эпоха Просвещения, которой посвящен следующий том нашего издания.

Мир на рубеже XVIII столетия для читателя истории, да и для современника выглядит совершенно иным, чем в конце XV – начале XVI в. Разумеется, речь идет о взгляде образованного европейца, потому что китайцы, индусы и арабы подходили к историческому времени с другими мерками, но было бы неправильно целиком противопоставлять их европейским, поскольку идеи цикличности, преемственности и обновления получили распространение в разных культурных традициях. Однако предприимчивые и любознательные европейцы обзавелись к рассматриваемому моменту важнейшим инструментом освоения мира, которое к концу XVII в. радикально преобразило его картину – рационально-экспериментальным научным познанием. Сам образ Земного шара благодаря географическим открытиям стал совершенно другим и куда более отчетливым, но это же можно сказать и о небесных сферах, и о недрах земли, и о живой природе. Искусство и культура приобрели некоторую самостоятельность: если раньше духовность человека была связана с его конфессией, то теперь появился новый способ примириться с несовершенством мира – через искусство, новое понимание культурных ценностей – как нечто непреходящее, достойное сохранения в обители муз (музее). Свой вклад в эту сокровищницу внесли и великие творцы XVI–XVII вв. Микеланджело, Рембрандт, Эразм, Паскаль, Ньютон и многие другие, о ком говорилось в этом томе.

География, экономика, демография подверглись изменениям. Человеческий мир оказался гораздо плотнее заселен, число его обитателей выросло. На карте появились новые страны и народы, даже новые континенты. Европейцы столкнулись с совершенно непохожими на них цивилизациями в Америке, Африке и Азии. Конечно, культурные и другие связи и взаимовлияние существовали до этого, но именно с конца XV в. начался грандиозный всемирно-исторический эксперимент, когда европейские в широком смысле технологии стали прививаться на чужую почву и дали там часто неожиданные всходы – это наиболее заметная сторона процесса, но и «технологии» жизни других стран и континентов не столь явно, но, может быть, не менее сильно повлияли на судьбы Европы.

Началось противоборство нивелирующего рынка, стандартизирующей машинной индустрии и самобытности традиционных укладов. Прежде вектор безудержного роста, заложенный в живой природе, сдерживался недостатком ресурсов, эпидемиями, малочисленностью населения, затрудненностью контактов, но теперь развитие технологий и наук смело многие барьеры. Возникла потребность в новых видах ресурсов, новых рынках и новой рабочей силе. В рамках складывающегося мирового рынка усилилась

специализация регионов, одни страны превращались в поставщиков сырья, другие – технологий.

Если даже воздержаться от употребления расплывчатых терминов «буржуазия» и «капитализм», нельзя не заметить, что в эту эпоху на историческую арену выходят новые социальные лица, разночинцы, не вписывающиеся целиком в старые общественные схемы, действительно обязанные своим появлением городской среде, но изменившие при этом все бытование социума. Рынок наемной рабочей силы пополняется за счет притока крестьян из деревни. Возникают банки, финансовый капитал, национальные и международные рынки; можно сказать, что возникает «производство», потому что производство в узком смысле, в смысле Нового времени, означает деятельность, направленную, как это ни парадоксально, не на создание ценностей, а на извлечение прибыли.

Об этом времени говорят как об эпохе революций, хотя это не было его исключительной чертой – ведь промышленная революция началась позднее, Научная революция не дала еще существенных и материальных плодов, «информационная революция» случилась лишь в конце XX в. Можно говорить о революции книгопечатания, которая привела к тиражированию знаний в невиданных ранее масштабах, о транспортной революции – переходе к океаническим плаваниям, о «пищевой революции», связанной с распространением новых сельскохозяйственных культур. «Революция цен» привела к устойчивой дороговизне в XVI в. Отдельные изобретения, нашедшие свое применение в эту эпоху: компас, порох, печатный станок – вошли в употребление благодаря переменам в умонастроении. Военная революция началась гораздо раньше и, похоже, никак не закончится до сих пор. Религиозные и политические революции действительно происходили в это время, хотя о терминах истории продолжают спорить.

Важнейшие религиозные перемены произошли в Европе: религиозно-политическое движение Реформации разделило ее в основном по оси Север–Юг, раскола не миновала и Православная церковь в России. В Азии конкурируют между собой сторонники разных течений ислама – шииты, сунниты, махдисты; в Индии насаждаемый завоевателями ислам соперничает с традиционными верами и новыми сектами (сикхами), а на Дальнем Востоке неоконфуцианство, государственная религия в Китае и в Корее – с разнообразными формами буддизма и даосизмом. Благодаря путешествиям и колониальным захватам, а также деятельности миссионеров христианство получило шанс широко раздвинуть свои границы и приступило к новой евангелизации мира, но затем натолкнулось на реакцию отторжения в таких странах, как Китай и Япония.

В политической области переосмысление и индивидуализация отношений человека с Богом сопровождалась размежеванием церквей и государства, переоценкой роли и сущности власти в целом. Конфессии традиционно были связаны с этносами, составляя духовное святилище и основу этнических и цивилизационных идентификаций; в процессе так называемой «конфессионализации» вероисповедные ценности уступили место национальным и перестали быть главным поводом и оправданием для кровопролитных войн (что не отменило самих войн). Государство с его надличностным «интересом» сделалось самоцелью и начало служить самому себе, находя оправ-

дание в получающих с этого времени распространение теориях народного суверенитета. Если абсолютному монарху приписывалась фраза: «Государство – это я», то с неменьшим правом можно было утверждать, что король – не что иное как государство, потому что личность правителя окончательно отделилась от концепта власти и государь стал лишь одним из важнейших винтиков бюрократической машины.

Процесс обновления и, можно сказать, сама жизнь, ускорились, чему соответствовала изменившаяся социальная установка на новизну, авантюристическая погоня за успехом, увеличившаяся мобильность в обществе. Мотивы подражания и восстановления древности как оправдание перемен уходят в прошлое, политические новации обосновываются теперь необходимостью реформ.

С XVI в. началось заметное восхождение Европы, ее путь к лидерству, который не был однозначным и в конце концов привел к лидерству не столько Европы в географическом смысле слова, сколько ее наследников, использовавших наработки Нового времени, прежде всего США, а в самое последнее время и других развитых и развивающихся стран на разных континентах. Но и в раннее Новое время приоритету Европы и даже ее выживанию угрожала очередная опасность с Востока в лице Османской империи, а напор европейских технологий и их носителей: купцов, путешественников и миссионеров – натолкнулся на политические преграды на Дальнем Востоке, который на некоторое время остался полузакрытым для европейцев. Подобная же реакция ожидала в это время иноземцев и в огромной России, хотя близость к западноевропейскому «муравейнику» и существенная общность корней неизбежно подтачивали эту замкнутость. Россия не совсем успешно, но достаточно громко дебютировала на сцене мирового политического «театра» (если использовать тогдашний лексикон), чему способствовали попытки ее властей подражать западным новшествам. Их постепенное внедрение наряду с укреплением самодержавия, несмотря на смуты, крестьянские восстания и войны, готовило прорыв петровского царствования.

Однако и для России (даже формально), и для всего мира с 1700–1701 гг. начался отсчет уже качественно иной эпохи, пусть и в рамках того же «раннего Нового времени». Для современного нам человека этот период обладает не просто той притягательностью, которой обладают запоминающиеся образы прошедшей жизни; он нам близок, потому что многими чертами походит на сегодняшнее, но сохраняет в себе немало того, что навсегда утрачено.

ХРОНОЛОГИЯ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ*

1394–1460 гг.	Энрике (Генрих) Мореплаватель
1409–1447 гг.	Правление Шахруха в Средней Азии
1410 г.	Грюнвальдская битва
1418–1450 гг.	Седжон, ван Кореи
1420-е гг.	Вывод китайской армии из Северного Вьетнама
1428–1527 гг.	Династия Поздних Ле во Вьетнаме
1436–1467 гг.	Джахан-шах, правитель Кара-Коюнлу
1438–1552 гг.	Казанское ханство
1443–1783 гг.	Крымское ханство
1447–1492 гг.	Казимир IV Ягеллончик, король Польши, Великий князь Литовский
1448–1481 гг.	Кристиан I, король Дании, Швеции и Норвегии
1451–1489 гг.	Бахлул Лоди, правитель Делийского султаната
1451–1506 гг.	Христофор Колумб, итальянский мореплаватель
1452–1498 гг.	Джироламо Савонарола, флорентийский религиозный деятель
1457–1478 гг.	Узун-Хасан, правитель Ак-Коюнлу
1458–1511 гг.	Махмуд Бегара, правитель Гуджаратского султаната
1460–1497 гг.	Ле Тан Тонг, правитель Вьетнама
1461–1483 гг.	Людовик XI, король Франции
1464–1492 гг.	Правление в Сонгае сонни Али Бера (Великого)
1465–1731 гг.	Казахское ханство
1466/1469–1536 гг.	Эразм Роттердамский, нидерландский мыслитель и писатель
1467–1590 гг.	Период «воюющих провинций» (<i>сэнгоку дзидай</i>) в Японии
1469 г.	Захват Сонгаем г. Томбукту
1469–1527 гг.	Никколо Макиавелли, итальянский мыслитель, писатель и историк
1469–1539 гг.	Нанак, основатель сикхизма
1470–1543 гг.	Даян-хан, хан восточных монголов
1472–1529 гг.	Ван Янмин, китайский философ
1473 г.	Битва при Терджане, победа османов над Ак-Коюнлу
1473–1543 гг.	Николай Коперник, польский астроном
1474–1504 гг.	Изабелла, королева Кастилии
1474–1533 гг.	Лодовико Ариосто, итальянский поэт
1475 г.	Установление протектората Османской империи над Крымским ханством
1475–1564 гг.	Микеланджело Буонарроти, итальянский скульптор, художник, архитектор
1477–1576 гг.	Тициан Вечеллио, итальянский художник
1478–1510 гг.	Джорджоне, итальянский художник

* Для государей указаны даты правления.

1478–1535 гг.	Томас Мор, английский мыслитель, писатель и историк
1479 г.	Уния Арагона и Кастилии
1479–1516 гг.	Фернандо (Фердинанд) II, король Арагона
1481 г.	Введение инквизиции в Испании
1481–1512 гг.	Баязид II, султан Османской империи
1481–1513 гг.	Ханс, король Дании, Швеции и Норвегии
1482–1492 гг.	Завоевание Гранадского эмирата Испанией
1483 г.	Гуситское восстание в Праге
1483–1520 гг.	Рафаэль Санти из Урбино, итальянский художник
1483–1546 гг.	Мартин Лютер, немецкий религиозный деятель
1483 г.	Поражение правителя моси в битве с Али Бером
1485–1603 гг.	Династия Тюдоров в Англии
1485–1509 гг.	Генрих VII, король Англии
1486 г.	Гуадалупская сентенция, отмена личной зависимости крестьян в Каталонии
1486–1525 гг.	Фридрих III Мудрый, курфюрст Саксонии
1488 г.	Открытие Бартоломеу Диашем южной оконечности Африки
1488–1534 гг.	Швабский союз
1488–1511 гг.	Махмуд-шах, султан Малакки
1489–1517 гг.	Сикандар Лоди, правитель Делийского султаната
1490 г.	Избрание Владислава Ягеллона королем Венгрии
1491 г.	Присоединение Бретани к Франции
1492 г.	Изгнание иудеев из Испании
1492 г.	Основание Иваном III крепости Ивангород на границе Ливонии
1492–1493 гг.	Первая экспедиция Колумба, открытие Америки
1492–1503 гг.	Папа Александр VI
1493–1519 гг.	Максимилиан I, император Священной Римской империи
1493 г.	Санлиссский мир
1493 г.	Барселонский договор
1493–1529 гг.	Мухаммед Тур I, основатель династии <i>аския</i> в Сонгае
1494 г.	Тордесильяский договор
1494 г.	Съезд Ягеллонов в Левоче
1494–1535 гг.	Вальтер фон Плеттенберг, магистр Ливонского ордена
1494–1506 гг.	Ёнсан-гун, ван Кореи (посмертно лишен титула)
1494–1559 гг.	Итальянские войны
1495 г., 6 июля	Битва при Форново-ди-Таро
1495 г.	Вормсский рейхстаг: провозглашение «вечного мира» в землях Империи
1495–1521 гг.	Мануэл I Счастливый, король Португалии
1497–1498 гг.	Плавания Д. и С. Каботов, открытие Северной Америки
1498 г.	Открытие Васко да Гамой морского пути в Индию
1498–1515 гг.	Людовик XII, король Франции
1499–1500 гг.	Открытие испанцами и португальцами Бразилии
1500 г.	Присоединение к Русскому государству Чернигова, Новгорода-Северского, Путивля и Брянска
1501–1506 гг.	Александр Ягеллон, король Польши, великий князь Литовский
1501–1576 гг.	Джиrolамо Кардано, итальянский натурфилософ
1502–1736 гг.	Правление династии Сефевидов в Иране
1502–1524 гг.	Правление Исмаила I в Иране
1502–1556 гг.	Астраханское ханство

1502–1574 гг.	Дамиан де Гойш, португальский гуманист
1502–1508 гг.	Восстание бедуинов в Хиджазе
1503 г.	Введение института энкомьенды в испанской Америке
1503 г.	Создание в Севилье Торговой палаты
1503 г.	Перемирие между Россией и Литвой
1503–1513 гг.	Папа Юлий II
1504 г.	Смерть Изабеллы Кастильской, временный распад унии Кастилии и Арагона
1504 г.	Блуаский договор
1505 г.	Радомская конституция (Польша)
1505–1533 гг.	Василий III, великий князь Московский
1506–1548 гг.	Сигизмунд I Старый, король Польши, великий князь Литовский
1507 г.	Антифранцузское восстание Паоло да Нови в Генуе
1508–1517 г.	Война Камбрейской лиги
1508–1540 гг.	Правление негуса Лебна-Денгеля (Давида II) в Эфиопии
1509 г., 14 мая	Битва при Аньяделло
1509 г.	Победа португальцев над египетским флотом при о-ве Диу
1509–1529 гг.	Кришнадеварая, правитель Виджаянагара
1509–1547 гг.	Генрих VIII, король Англии
1509–1564 гг.	Жан Кальвин, французский религиозный деятель
1509–1588 гг.	Бернардино Телезио, итальянский натурфилософ
1510 г.	Присоединение Пскова к Москве
1510 г.	Захват Гоа португальцами
1511 г.	Образование Священной лиги
1511 г.	Захват Малакки португальцами
1512 г.	Объединение нидерландских земель в «Бургундский округ империи»
1512 г.	Завоевание Испанией Наварры к югу от Пиренеев
1512 г., 11 апреля	Битва при Равенне
1512 г.	Первая печатная книга на армянском языке (Венеция)
1512–1517 гг.	V Латеранский собор
1512–1520 гг.	Селим I, султан Османской империи
1513 г.	Открытие Васко Нуньесом де Бальбоа Тихого океана в его восточной части
1513–1521 гг.	Папа Лев X
1513–1523 гг.	Кристиан II, король Дании, Швеции и Норвегии
1514 г.	Крестьянское восстание в Венгрии под руководством Дьёрдя Дожи
1514 г.	Взятие Смоленска русскими войсками
1514 г.	Победа турок-османов над войсками Сефевидов в битве на Чалдыранской равнине
1515 г.	Битва при Мариньяно
1515 г.	Династический договор Владислава II Ягеллона с Габсбургами
1515–1547 гг.	Франциск I, король Франции
1516 г.	«Вечный мир» Франции со Швейцарской конфедерацией
1516 г.	Болонский конкордат между Франциском I и Львом X
1516 г., 24 августа	Битва при Алеппо
1516–1556 гг.	Карл I Габсбург, король Испании (с 1519 г. Карл V, император Священной Римской империи)
1517 г.	Камбрейский договор о разделе сфер влияния в Италии
1517 г.	Захват Каира войсками османского султана Селима I

1517 г.	Первые дипломатические контакты португальцев с Китаем
1517 г., 31 октября	Публикация 95 тезисов Мартина Лютера
1517–1526 гг.	Ибрахим Лоди, правитель Делийского султаната
1519–1521 гг.	Завоевание державы ацтеков испанцами во главе с Э. Кортесом
1519–1522 гг.	Первое кругосветное путешествие
1520–1522 гг.	Восстание комунерос в Испании
1520–1566 гг.	Сулейман I Кануни
1520 г.	Вступление Кристиана II на шведский трон; «Стокгольмская кровавая баня»
1520–1547 гг.	Потисарат, правитель Лансанга (Лаоса)
1521 г.	Взятие османами Белграда
1521 г.	Вормсский рейхстаг
1521 г.	Избрание Густава Вазы регентом Швеции
1521–1557 гг.	Жоан III Благодетельный, король Португалии
1521–1566 гг.	Чжу Хоуцун, император династии Мин
1522 г.	Перемирие между Россией и Литвой
1522 г.	Захват Родоса турками
ок. 1522 г.	Смерть Елены (Блени), царицы Эфиопии
1522–1523 гг.	Рыцарское восстание Франца фон Зиккенгена в Германии
1522–1523 гг.	Папа Адриан VI
1523 г.	Распад Кальмарской унии
1523–1534 гг.	Папа Климент VII
1523–1560 гг.	Густав I Ваза, король Швеции
1523–1533 гг.	Фредерик I, король Дании и Норвегии
1524 г.	Создание в Испании Совета по делам Индий
1524 г.	Изгнание протестантов из Праги
1524–1525 гг.	Крестьянская война в Германии
1524–1576 гг.	Тахмасп I, шах Ирана
1525 г.	Битва при Павии
1525 г.	Образование герцогства Прусского
1525/1530–1569 гг.	Питер Брейгель Старший, нидерландский художник
1526 г., 21 апреля	Битва при Панипате, завоевание Бабуrom Делийского султаната
1526 г.	Победа турок под Мохачем
1526 г.	Утверждение династии Габсбургов в Чехии и Венгрии
1526–1527 гг.	Херредаги («съезды господ») в Оденсе: решение о реформе церкви в Дании
1526–1529 гг.	Коньякская лига
1526–1530 гг.	Бабуr, правитель империи Великих Моголов
1527 г.	Завоевание шанскими племенами Авы
1527 г.	Риксдаг в Вестеросе о реформе шведской церкви
1527 г., 6 мая	Разгром Рима имперскими войсками
1527–1592 гг.	Династия Мак во Вьетнаме
1529 г.	«Большой мятеж» в Лионе
1529 г.	Камбрейский мир («дамский мир») между Карлом V и Франциском I
1529 г.	Осада турками-османами Вены
1529 г.	Сарагосский договор между Испанией и Португалией
1529–1536 гг.	«Парламент Реформации» в Англии
1529–1597 гг.	Франческо Патрици да Керсо, итальянский натурфилософ
1530 г.	Аугсбургский рейхстаг
1531 г.	Образование Шмалькальденской лиги
1531 г.	Захват Малвы Гуджаратом

1532–1535 гг.	Завоевание державы инков испанцами во главе с Ф. Писарро
1533–1584 гг.	Иван IV Грозный (род. 1530)
1534 г.	Акт о Супрематии в Англии
1534 г.	Установление дипломатических отношений между Францией и Османской империей
1534 г.	Открытие Канады Жаком Картье
1534–1535 гг.	Мюнстерская коммуна
1534–1535 гг.	Выступления анабаптистов в Северных Нидерландах
1534–1536 гг.	«Графская распря», война за датский престол
1534–1549 гг.	Папа Павел III
1534–1588 г.	Ода Нобунага
1535 г.	Вхождение Милана в состав владений Карла V
1535 г.	Образование вице-королевства Новая Испания
1535 г.	Завоевание Ирака Османской империей
1535–1559 гг.	Кристиан III, король Дании
1536 г.	Виттенбергское согласие
1536 г.	Решение Датского риксдага об интеграции Норвегии
1536 г.	Захват Славонии турками
1536 г.	Акт объединения Уэльса и Англии
1537–1574 гг.	Козимо Медичи, герцог Флоренции, с 1569 г. великий герцог Тосканский
1537–1598 гг.	Тоётоми Хидэёси
1538 г.	Разгром флота имперской коалиции турками у Превезы
1539–1540 гг.	Гентское восстание
1540 г.	Учреждение ордена иезуитов
1540–1545 гг.	Правление Шер-хана в Дели
1541 г.	Поход Сахиб-Гирея на Москву
1541 г.	Вхождение Центральной Венгрии в состав Османской империи
1541 г.	Провозглашение Генриха VIII королем Ирландии
1541–1614 гг.	Эль Греко (Доменикос Теотокопулос), испанский художник
1542 г.	Создание Конгрегации Римской инквизиции
1542 г.	Образование вице-королевства Перу
1542–1587 гг.	Мария Стюарт
1542–1616 гг.	Токугава Иэясу
1544 г.	Мирный договор в Крепи
1545 г.	Завоевание Лансангом земель Ланны (Чиангмайя) у Аютии
1545 г.	Открытие серебряных рудников Потоси в Южной Америке
1545–1563 гг.	Тридентский собор
1545–1598 гг.	Ли Сунсин, корейский военачальник
1546 г.	Открытие серебряных рудников Сакатекаса в Мексике
1546–1547 гг.	Первая Шмалькальденская война
1546–1567 гг.	Мёнджон, ван Кореи
1546–1601 гг.	Тихо Браге, датский астроном
1547 г.	Восстание сословий в Чехии
1547 г.	Победа войск Карла V при Мюльберге
1547 г.	Заговор Фиески в Генуе
1547 г.	Венчание Ивана IV на царство
1547–1548 гг.	Аугсбургский рейхстаг, роспуск Шмалькальденской лиги
1547–1552 гг.	Походы русских войск на Казань
1547–1553 гг.	Эдуард VI, король Англии
1547–1559 гг.	Генрих II, король Франции
1547–1616 гг.	Мигель де Сервантес Сааведра, испанский писатель
1547–1619 гг.	Йохан ван Олденбарневелт

1548–1600 гг.	Джордано Бруно, итальянский философ и писатель
1548–1572 гг.	Сигизмунд II Август, король Польши
1548–1617 гг.	Франсиско Суарес, испанский философ
1549 г.	Прагматическая санкция Карла V о Нидерландах
1549 г.	Первый Земский собор в России
1549–1582 гг.	Правление в Сонгае <i>аския</i> Дауда
1550 г.	Судебник Ивана IV
1550 г.	«Кровавый указ» в Нидерландах
1550 г.	Кенигсбергский союз
1550–1572 гг.	Сеттатират, правитель Лансанга
1550–1579 гг.	Альбрехт V, герцог Баварии
1550–1580 гг.	Ибрахим Кутб-шах, султан Голконды
Середина XVI в. – 1776 г.	Правление в Фута-Торо династии Деньянкебе
1551 г.	Стоглавый собор
1551–1552 гг.	«Пармская война»
1551–1581 гг.	Байиннаунг, правитель империи Пегу (Хантхавади)
1552 г.	Учреждение «президиальных судов» Генриха II
1552 г.	Пассауское перемирие в Германии
1552 г.	Учреждение иезуитского коллегіума в Вене
1552 г.	Взятие Казани войсками Ивана IV
1552 г.	Вторая Шмалькальденская война
1552–1555 гг.	Сиенская война
1553–1554 гг.	Экспедиция Х. Уиллоуби и Р. Ченслера, установление дипломатических отношений между Англией и Россией
1553–1558 гг.	Мария Тюдор, королева Англии
1554 г.	Восстание Т. Уайетта
1555 г.	Аугсбургский религиозный мир
1555 г.	Восстановление власти Моголов в Дели
1555 г.	Раздел Закавказья между османами и Сефевидами по миру в Амасье
1555–1556 гг.	Отречение и раздел владений Карла V
1555–1559 гг.	Папа Павел IV
1556 г.	Присоединение Астрахани к России
1556–1564 гг.	Фердинанд I, император Священной Римской империи
1556–1598 гг.	Филипп II, король Испании
1556–1605 гг.	Акбар, правитель империи Великих Моголов
1557 г., 10 августа	Битва при Сен-Кантене
1557 г.	Установление отношений между Кабардой и Москвой
1557–1578 гг.	Себастьян I, король Португалии
1558 г.	Вхождение порта Кале в состав Франции
1558–1567 гг.	Восстание Вильгельма фон Грумбаха
1558–1575 гг.	Раджа Сулайман, правитель Тондо
1558–1583 г.	Ливонская война
1558–1603 гг.	Елизавета I, королева Англии
1558 г., 11 мая	Взятие русскими войсками Нарвы
1559 г.	Издание в Риме Индекса запрещенных книг
1559 г.	Като-Камбрезийский мир, завершение Итальянских войн
1559–1560 гг.	Франциск II, король Франции
1559–1565 гг.	Папа Пий IV
1560-е гг.	Распространение кальвинизма в германских землях
1560 г.	Эдинбургский договор

1560 г.	Открытие собрания Генеральных штатов в Орлеане
1560 г.	Победа турок над испано-венецианским флотом у о-ва Джерба
1560 г.	Битва под Эргеме
1560 г.	Основание Вьентьяна, новой столицы Лансанга (Лаос)
1560 г.	Победа Ода Нобунага над Имагава Ёсимото в битве при Окэ-хадзама
1560–1568 гг.	Эрик XIV, король Швеции
1560–1574 гг.	Карл IX, король Франции
1561–1626 гг.	Фрэнсис Бэкон, английский философ
1562 г.	Подчинение Ливонии Польше, упразднение Ливонского ордена
1562 г.	Перемирие между Россией и Швецией
1562–1598 гг.	Религиозные войны во Франции
1562/80 – 1602/17	Правление <i>маи</i> Идриса Алумы в Борну
1562–1635 гг.	Лопе де Вега, испанский драматург
1563 г.	Занятие русскими войсками Полоцка
1563–1570 гг.	Скандинавская Семилетняя война
1563–1597 гг.	Правление негуса Сарса-Денгеля в Эфиопии
1564 г.	Поражение русской армии от литовских войск под Оршей
1564–1576 гг.	Максимилиан II, император Священной Римской империи
1564–1616 гг.	Уильям Шекспир, английский драматург
1564–1642 гг.	Галилео Галилей, итальянский астроном и математик
1565 г.	Открытие испанцами морского пути из Азии в Америку
1565 г.	Битва при Таликоте, поражение Виджаянагара
1565–1572 гг.	Опричнина
1566 г.	Созыв Иваном IV Земского собора
1566–1572 гг.	Папа Пий V
1566–1574 гг.	Селим II, султан Османской империи
1566–1609 гг.	Нидерландская революция
1567 г.	Восстание кальвинистов в Шотландии
1567–1568 гг.	Вторая религиозная война во Франции
1567–1572 гг.	Чжу Цзайхоу, император династии Мин
1567–1643 гг.	Клаудио Монтеверди, итальянский композитор
1568 г.	Казнь Эгмонта и Горна в Нидерландах
1568 г.	Адрианопольский мир
1568–1570 гг.	Третья религиозная война во Франции
1568–1571 гг.	Восстание морисков в Испании
1568–1573 гг.	Правление Ёсиаки, последнего сёгуна из династии Асикага
1568–1592 гг.	Юхан III, король Швеции
1568–1639 гг.	Томмазо Кампанелла, итальянский мыслитель
1568–1648 гг.	Восьмидесятилетняя война в Нидерландах
1569 г.	Люблинская уния. Образование Речи Посполитой
1569 г.	Поход Ивана IV на Новгород
1569 г.	Восстание в Северной Англии
1570 г.	Сен-Жерменский мир
1570–1571 гг.	Осада Ревеля русскими войсками
1570–1573 гг.	Турецко-венецианская война за обладание Кипром
1571 г.	Битва при Лепанто
1571 г.	«39 статей» – Символ веры англиканской церкви
1571–1572 гг.	Походы Девлет-Гирея на Москву и битва при Молодях (26.07–02.08.1572 г.)
1571–1630 гг.	Иоганн Кеплер, немецкий математик и астроном

1572 г., 23/24 августа	Варфоломеевская ночь в Париже
1572 г.	Начало открытого восстания в Нидерландах
1572 г.	Завоевание испанцами государства инков в Вилькабамбе
1572–1573 гг.	Четвертая религиозная война во Франции
1572–1581 гг.	Чжан Цзюйчжэн, глава Нэйгэ – Верховного секретариата в империи Мин
1572–1585 гг.	Папа Григорий XIII
1572–1597 гг.	Пратап Сингх, рана Мевара
1572–1620 гг.	Чжу Ицзюнь, император династии Мин
1573 г.	Акт о веротерпимости в Польше
1573 г.	Утверждение Генриховых артикулов в Польше
1573–1598 гг.	Период Адзути-Момояма (объединение Японии)
1573–1610 гг.	Караваджо, итальянский художник
1574 г.	Вступление турецких войск в Тунис
1574–1576 гг.	Пятая религиозная война во Франции
1574–1589 гг.	Генрих III, король Франции
1575 г.	Чешская конфессия
1575 г.	Победа Ода Нобунага и Токугава Иэясу над Такэда Кацуёри в сражении при Нагасино
1576 г., 8 ноября	«Гентское умиротворение»
1576–1586 гг.	Стефан Баторий, король Речи Посполитой
1576–1612 гг.	Рудольф II, император Священной Римской империи
1577 г.	Шестая религиозная война во Франции
1577 г.	«Формула согласия», подтвердившая единство немецкого лютеранства
1577 г.	«Вечный эдикт» дона Хуана Австрийского
1577–1580 гг.	Кругосветная экспедиция Ф. Дрейка
1577–1640 гг.	Петер Пауль Рубенс, фламандский художник
1578 г.	Поражение португальцев при Алькасар-Кебуре
1578 г.	Образование на землях Южной Грузии (Самцхе) Чалдырского эялета
1579 г.	Утрехтская уния
1579 г.	Аррасская уния
1579 г.	«Блуаский ордонанс»
1579 г.	Взятие Полоцка войском Стефана Батория
1580 г.	Седьмая религиозная война во Франции
1580–1584 гг.	Религиозное восстание в Бенгалии и Бихаре
1580–1630 гг.	Эммануил I, герцог Савойский
1580–1640 гг.	Португалия в составе Испанской монархии
1581 г.	Учреждение Левантийской компании в Англии
1581 г.	Низложение Филиппа II штатами северных провинций Нидерландов
1581/1582 гг.	Начало похода Ермака в Западную Сибирь
1582 г.	Перемирие между Речью Посполитой и Россией
1583 г.	Перемирие между Россией и Швецией
1583–1645 гг.	Гуго Гроций, нидерландский юрист, философ и историк
1585 г.	Основание английской колонии Виргиния на о-ве Роанок
1585 г.	Немурский эдикт Генриха III
1585 г., 17 августа	Взятие Антверпена испанскими войсками
1585–1590 гг.	Папа Сикст V
1586–1587 гг.	Восьмая религиозная война во Франции («Война трех Генрихов»)
1586–1614 гг.	Венкат II, правитель Виджаянагара

1587 г.	Казнь Марии Стюарт
1587 г.	Первые указы против христианства в Японии
1587–1609 гг.	Фердинанд I, великий герцог Тосканы
1587–1629 гг.	Правление шаха Аббаса I в Иране
1587–1632 гг.	Сигизмунд III, король Речи Посполитой
1588 г.	Поход испанской «Непобедимой армады»
1588–1591 гг.	Правление в Сонгае <i>аския</i> Исхака II
1589 г.	Учреждение патриаршества в России
1589–1610 гг.	Генрих IV, король Франции
1590-е гг.	Борьба империи Мин с Японией за господство в Корее
1590–1605 гг.	Наресуан, король Аютии (Сиам)
1591 г.	Поражение правителя Тондо (Филиппины) в битве с испанцами
1591–1594 гг.	Казацкие восстания в Польше
1592–1598 гг.	Имджинская война
1592–1605 гг.	Папа Климент VIII
1593 г.	Обращение короля Франции Генриха IV в католичество
1593–1606 гг.	Пятнадцатилетняя война Габсбургов с Турцией
1594 г.	Антианглийское восстание в Ольстере
1594–1597 гг.	Экспедиции Виллема Баренца в поисках северо-восточного пути в страны Востока
1596 г.	Брестская уния
1596 г.	Поход англо-голландского флота на Кадис
1596 г.	Антииспанский союзный договор Англии и Франции
1596–1650 гг.	Рене Декарт, французский философ
1598 г.	Вервенский мир
1598 г., 13 апреля	Нантский эдикт Генриха IV
1598–1605 гг.	Царствование Бориса Годунова в России
1598–1621 гг.	Филипп III, король Испании
1598–1680 гг.	Джованни Лоренцо Бернини, итальянский архитектор и скульптор
1599–1660 гг.	Диего Веласкес, испанский художник
1600 г.	Учреждение английской Ост-Индской компании
1600 г.	Шведско-польская война
1600 г.	Взятие моголами г. Ахмаднагара
1600–1681 гг.	Педро Кальдерон де ла Барка, испанский драматург
1601 г.	Лионский мир
1601 г.	Мятеж маршала Эссекса в Англии
1602 г.	Учреждение нидерландской Ост-Индской компании
1603–1612 гг.	Иранско-турецкая война
1603–1625 гг.	Яков I Стюарт
1603–1867 гг.	Правление династии сёгунов Токугава в Японии
1604–1605 гг.	Поход отряда воеводы И.М. Бутурлина в Дагестан
1604–1607 гг.	«Война перьев» между Венецией и Папским государством
1604–1611 гг.	Карл IX, король Швеции
1605 г.	Правление Лжедмитрия I в России
1605–1621 гг.	Папа Павел V
1605–1627 гг.	Джахангир, правитель империи Великих Моголов
1606 г.	Ситваторокский мир
1606 г.	Венский мир, восстановление независимости Трансильвании
1606 г.	Закон о религиозном равноправии в Венгрии
1606–1607 гг.	Крестьянская война И. Болотникова в России
1606–1610 гг.	Правление Василия Шуйского в России
1606–1669 гг.	Рембрандт Харменс ван Рейн, нидерландский художник
1607 г.	Основание Джеймстауна в Виргинии

1607–1632 гг.	Правление негуса Сусейноса (Сиссиния) в Эфиопии
1608 г.	Основание Квебека
1608 г.	Создание Евангелической унии в Германии
1608 г.	Изобретение Иоганном Липперсгеймом зрительной трубы
1608–1623 гг.	Кванхэ-гун, ван Кореи (посмертно лишен титула)
1609 г.	Создание Католической лиги в Германии
1609 г.	Присоединение королевства Рюкю к княжеству Сацума (Япония)
1609 г.	Мазстат о религиозной свободе Рудольфа II
1609–1614 гг.	Изгнание морисков из Испании
1609–1621 гг.	Двенадцатилетнее перемирие
1609–1621 гг.	Козимо II, великий герцог Тосканы
1610–1695 гг.	Хуан Цзунси, китайский ученый
1610–1768 гг.	Государство иезуитов в Южной Америке
1611–1612 гг.	Ополчение Минина и Пожарского
1611–1619 гг.	Матфей, король Чехии, с 1612 г. император Священной Римской империи
1613–1645 гг.	Михаил Федорович, первый царь из династии Романовых
1614–1615 гг.	Собрание Генеральных штатов во Франции
1616 г.	Учреждение датской Ост-Индской компании
1616–1626 гг.	Нурхаци, хан маньчжуров
1617 г.	Столбовский мир России со Швецией
1618 г.	Антигабсбургское восстание в Чехии
1618 г.	Деулинское перемирие России с Речью Посполитой
1618 г.	Посольство Ивана Петлина в Китай
1618–1648 гг.	Тридцатилетняя война
1618–1683 гг.	Завоевание Китая маньчжурами
1619–1637 гг.	Фердинанд II, император Священной Римской империи
1619 – 1683 гг.	Жан-Батист Кольбер
1620 г., 8 ноября	Битва при Белой Горе
1620 г.	Основание англичанами колонии Новый Плимут
1620–1621 гг.	Польско-турецкая война
1620–1627 гг.	Чжу Юцзяо, император династии Мин
1621 г.	Основание первой нидерландской Вест-Индской компании
1621 г.	Взятие маньчжурами Ляояна
1621–1665 гг.	Филипп IV, король Испании
1621–1670 гг.	Фердинанд II, великий герцог Тосканы
1623–1644 гг.	Папа Урбан VIII
1623–1649 гг.	Инджо, ван Кореи
1623–1662 гг.	Блез Паскаль, французский ученый и мыслитель
1624–1642 гг.	Правление Ришелье во Франции
1625–1630 гг.	Англо-испанская война
1625–1649 гг.	Карл I Стюарт
1625–1672 гг.	Ян де Витт, великий пенсионарий с 1653 г.
1626–1629 гг.	Англо-французская война
1626–1636 гг.	Абахай, хан маньчжуров
1626–1650 гг.	Вильгельм II Оранский, stadthouder Республики Соединенных провинций
1626–1667 гг.	Колония Новые Нидерланды в Северной Америке
1627 г.	Маньчжурское вторжение в Корею
1627–1629 гг.	Англо-французская война
1627–1644 гг.	Чжу Юцзянь, император династии Мин
1627–1663 гг.	«Компания ста пайщиков» во Франции
1628 г.	Публикация «Петиции о праве» в Англии

1628 г.	Захват голландскими корсарами «серебряного флота»
1628 г.	Объявление католичества государственной религией в Эфиопии
1628–1631 гг.	Война за мантуанское наследство
1628–1647 гг.	Крестьянская война в Китае
1628–1658 гг.	Шах Джахан, правитель империи Великих Моголов
1629 г.	Реституционный эдикт Фердинанда II
1629 г.	Разгон парламента королем Карлом I
1630-е гг.	Распад Монголии на Внутреннюю и Внешнюю (Халху)
1630–1637 гг.	Виктор Амадей I, герцог Савойский
1631 г.	Битва при Брейтенфельде
1631 г.	Присоединение герцогства Урбино к Папской области
1632 г.	Битва при Лютцене
1632–1634 гг.	Разгром Чохарского ханства маньчжурами
1632–1634 гг.	Смоленская война между Россией и Речью Посполитой
1632–1653 гг.	Строительство Тадж Махала
1632–1667 гг.	Правление негуса Фасилидаса в Эфиопии
1632–1677 гг.	Барух Спиноза, нидерландский философ
1632–1704 гг.	Джон Локк, английский философ
1632–1723 гг.	Антони ван Левенгук, нидерландский ученый
1633 г.	Создание Гейльброннской конфедерации протестанских князей
1633/39–1854 гг.	Период закрытия Японии (<i>сакоку</i>)
1634 г.	Битва при Нёрдлингене
1635 г.	Пражский мир между императором Фердинандом II и курфюрстом Саксонии
1635–1758 гг.	Джунгарское ханство
1636 г.	Провозглашение Абахая богдоханом монголов
1636–1912 гг.	Маньчжурская династия Цин
1637 г.	Основание в Швеции компании для колонизации Северной Америки и организации торговли с ней
1637–1638 гг.	Симабарское восстание в Японии
1637–1694 гг.	Сулигна Вонгса, правитель Лансанга
1638 г.	Первая типография на Среднем Востоке – армянская типография в Нор Джуге
1638–1675 гг.	Эммануил II, герцог Савойский
1639 г.	«Восстание босоногих» в Нормандии
1639–1640 гг.	Англо-шотландская война
1640 г.	Восстановление независимости Португалии
1640 г., апрель–май	Короткий парламент в Англии
1640–1652 гг.	Восстание в Каталонии
1640–1653 гг.	Долгий парламент в Англии
1640–1654 гг.	Жоан IV, король Португалии
1640–1688 гг.	Фридрих Вильгельм I Великий, курфюрст Бранденбурга, герцог Пруссии
1641 г.	Захват Республикой Соединенных провинций Малакки, о-ва Тайвань и части о-ва Цейлон
1642 г.	Начало войны между королем Карлом I и парламентом
1642–1643, 1644 гг.	Плавания А. Тасмана, открытие Австралии
1642–1646 гг.	Первая гражданская война в Англии
1643–1650 гг.	Регентство Доргоня в империи Цин
1643–1661 гг.	Фулинь, богдохан маньчжуров
1643–1715 гг.	Людовик XIV, король Франции
1643–1727 гг.	Исаак Ньютон, английский ученый и мыслитель
1644 г.	Провозглашение Ли Цзычэна императором Да Шунь

1644 г.	Провозглашение богдохана Фулиня императором династии Цин в Китае
1645 г.	Брёмсебрусский мир между Швецией и Данией
1645 г.	Битва при Нэсби
1645–1669 гг.	Турецко-венецианская война
1645–1676 гг.	Алексей Михайлович, русский царь
1646–1647 гг.	Антииспанское восстание на Сицилии
1646–1716 гг.	Готфрид Лейбниц, немецкий философ и ученый
1647 г.	Восстание Мазаньелло в Неаполе
1648 г.	Вестфальский мир (Мюнстерский и Оснабрюкский мирные договоры)
1648 г.	Вторая гражданская война в Англии
1648 г.	Открытие С. Дежневым северо-восточной оконечности Азии
1648–1649 гг.	Парламентская Фронда во Франции
1648–1670 гг.	Фредерик III, король Дании
1649 г.	Соборное уложение Алексея Михайловича
1649 г., 30 января	Казнь короля Англии Карла I
1649 г.	Установление республики в Англии
1650 г.	«Фронда принцев» во Франции
1651 г.	Навигационный акт в Англии
ок. 1651–1683 гг.	Агунг, султан Бантена
1652 г.	Основание Капской колонии на мысе Доброй Надежды
1652–1654 гг.	Первая англо-голландская война
1653 г.	Последний Земский собор полного созыва в России
1653–1658 гг.	Оливер Кромвель, лорд-протектор Англии
1653–1658 гг.	Церковные реформы патриарха Никона
1653–1667 гг.	Русско-польская война
1654 г.	Переяславская Рада
1655 г.	Захват англичанами острова Ямайка
1655–1660 гг.	«Потоп» – шведское вторжение в Польшу
1656–1661 гг.	Русско-шведская война
1657–1705 гг.	Леопольд I, император Священной Римской империи
1658 г.	Мир в Роскилле
1658 г.	«Гадяцкие статьи» гетмана Ивана Выговского
1658 г.	Битва при Дюнkerке
1658–1707 гг.	Аурангзеб, правитель империи Великих Моголов
1659 г.	Пиренейский мир
1660 г.	«Абсолютистская революция» в Дании
1660 г.	Оливский мир между Швецией и Речью Посполитой
1660 г.	Второй Навигационный акт в Англии
1660 г.	Шведско-датский мир
1660–1685 гг.	Карл II, король Англии
1660–1697 гг.	Карл XI, король Швеции
1660–1725 гг.	Алессандро Скарлатти, итальянский композитор
1661 г.	Кардисский мир
1661–1683 гг.	Государство Чжэнов на Тайване
1661–1722 гг.	Сюанье (Канси), император династии Цин
1664 г.	Основание французской Ост-Индской компании
1665 г.	«Королевский закон» в Дании
1665–1667 гг.	Вторая англо-голландская война
1665–1700 гг.	Карл II, король Испании
1667 г.	Андрусовское перемирие России с Речью Посполитой
1667 г.	Бредский мир
1667–1668 гг.	Деволуционная франко-испанская война

1668 г.	Лиссабонский мир
1668 г.	Аахенский мир
1669 г.	Турецкое завоевание о. Крит
1670 г.	Секретный англо-французский договор в Дувре
1670–1671 гг.	Восстание Степана Разина
1670–1676 гг.	Папа Климент X
1670–1723 гг.	Козимо III, великий герцог Тосканы
1671 г.	«Табель о рангах» в Дании
1672–1674 гг.	Третья англо-голландская война
1672–1676 гг.	Турецко-польская война
1672–1678 гг.	Франко-голландская война
1674–1680 гг.	Правление чхатрапати Шиваджи в Махараштре
1674–1720 гг.	Сукчон, ван Кореи
1675 г.	Основание второй нидерландской Вест-Индской компании
1675–1730 гг.	Амадей II, герцог Савойский
1676–1679 гг.	Датская «Сконская война» против Швеции
1676–1682 гг.	Федор Алексеевич, русский царь
1676–1689 гг.	Папа Иннокентий XI
1677–1681 гг.	Русско-турецкая война («Чигиринская война»)
1678 г.	Нимвегенский мир
1680 г.	«Великая редукция» в Швеции
1681 г.	Указ об окончательной отмене местничества в России
1682 г.	Основание в Северной Америке колонии Пенсильвания
1682 г.	Объявление бассейна р. Миссисипи владением Франции
1682, 1698 гг.	Стрелецкие восстания в России
1682–1696 гг.	Совместное царствование Петра I и Ивана V в России (до 1689 г. – при регентстве Софьи)
1682–1706 гг.	Правление негуса Иясу I в Эфиопии
1683 г.	Разгром турок под Веной
1684 г.	Создание антиосманской Священной лиги
1684 г.	Регенсбургское перемирие
1685 г.	Отмена Нантского эдикта во Франции
1685–1688 гг.	Яков II, король Англии
1686 г.	«Вечный мир» между Россией и Речью Посполитой
1686 г.	Создание антифранцузской Аугсбургской лиги
1687 г.	Провозглашение Венгрии наследственным владением Габсбургов
1688 г.	«Славная революция» в Англии
1688 г.	Победа правителя ойратов Галдан-хана над восточными монголами
1688 г.	Взятие Белграда императорскими войсками
1688–1697 гг.	Война за пфальцское наследство
1689 г.	Нерчинский договор России с империей Цин
1689–1702 гг.	Вильгельм III, король Англии; англо-голландская уния
1691 г.	Долонорский съезд монгольских ханов, вхождение Северной Монголии в состав империи Цин
1691–1700 гг.	Папа Иннокентий XII
1692 г.	Процесс «салемских ведьм» в Северной Америке
1696 г.	Взятие русскими войсками Азова
1697 г.	Рисвикский мир
1697 г.	Победа армии Габсбургов над турками в битве при Зенте
1697–1698 гг.	«Великое посольство» Петра I
1697–1718 гг.	Карл XII, король Швеции
1699 г.	Карловицкий мир
1700 г.	Русско-турецкий мир в Стамбуле

МИР НАКАНУНЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 2006–2007. Т. 1–2.
- Даймонд Д.* Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М., 2009.
- Лахман Р.* Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010.
- Нефедов С.А.* Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.
- Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008.
- Проблемы генезиса капитализма.* М., 1978.
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992. М., 2009.
- Europe 1450 to 1789 // Encyclopedia of the Early Modern World.* N.Y.; Detroit; San Diego, 2003.
- Histoire du Monde au XVe siècle.* P., 2009.

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

- История литератур Латинской Америки.* М., 1985. [Т. 1].
- Кофман А.Ф.* Рыцари Нового Света. М., 2006.
- Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий: в 5-ти т. М., 1983. Т. 2.
- Свет Я.М.* Колумб. М., 1973.
- Elliott J.H.* Imperios del mundo Atlántico: España y Gran Bretaña en América, 1492–1830. Madrid, 2006.
- First Images of America: the Impact of the New World on the Old / Ed. F. Chiappelli.* Berkeley; Los Angeles; L., 1976. Vol. 1–2.
- La época de los descubrimientos y las conquistas (1400–1570) / Coord. por J. Perez.* Madrid, 1998 [Historia de España Menéndez Pidal. T. XVIII].
- Martínez Shaw C., Alfonso Mola M.* Europa y los nuevos mundos en los siglos XV–XVIII. Madrid, 1999.
- Parry J.H.* The Age of Reconnaissance. Discovery, Exploration and Settlement, 1450–1650. L., 1973.

«ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» XVI – XVII ВЕКОВ

- Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.
- Black J.* European Warfare, 1494–1660. L., 2002.
- Duffy Chr.* Siege Warfare: the Fortress in the Early Modern World 1494–1660. L., 1979.
- Howard F.* Sailing Ships of War, 1400–1860. N.Y., 1979.
- Parker G.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1996.

Quatrefages R. La Revolución Militar Moderna: El Crisol Español. Madrid, 1996.
Rogers C.J. (ed.) The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe. Boulder (Color), 1995.

СОБЫТИЯ И ПЕРЕМЕНЫ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ: ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕФОРМАЦИЯ, КОНТРЕФОРМАЦИЯ

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Опыт исследования. М., 1996 (1-е нем. изд. 1860 г.).
История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / ред. Л.М. Брагина. М., 1999.
Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966 (2-е изд. 1972).
Культура Возрождения: Энциклопедия: В 2-х т. М., 2007–2011.
Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976.
Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
Droysen G. Geschichte der Gegenreformation. Stuttgart, 1983 (1. Aufl. 1893).
Encyclopedia of the Renaissance / Ed. P.F. Grendler. N.Y., 1999. Vol. 1–6.
Kristeller P.O. Studies in Renaissance Thought and Letters. Roma, 1956–1996. Vol. 1–4.
MacCulloch D. The Reformation: A History. N.Y., 2003.
The Oxford Encyclopedia of the Reformation / Ed. H.J. Hillebrand. Oxford, 1996. Vol. 1–4.

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Белый Ю.А. Иоганн Кеплер (1571–1630). М., 1971.
Белый Ю.А. Тихо Браге (1546–1601). М., 1982.
Веселовский И.Н., Белый Ю.А. Николай Коперник. М., 1974.
Грицак Е.Н. История медицины. М., 2003.
История математики. М., 1970. Т. 2: Математика XVII столетия.
Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.
Курсанов В.С. Научная революция XVII в. М., 1987.
Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
Cohen H.F. The Scientific Revolution: A Historiographical Inquiry. Chicago, 1994.
Henry J. The Scientific Revolution and the Origins of Modern Science. N.Y., 1997.
Reason, Experiment, and Mysticism in the Scientific Revolution. N.Y., 1975.
Rethinking the Scientific Revolution / Ed. by M.J. Osler. Cambridge, 2000.

РАЗВИТИЕ И УСПЕХИ МЕДИЦИНЫ В XVI–XVII ВЕКАХ

Гезер Г. История повальных болезней. СПб., 1866.
Глязер Г. О мышлении в медицине. М., 1969.
Ковнер С. История древней медицины. Киев, 1888.
Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб., 2010.
Менье Л. История медицины. М., 1926.
Сточик А.М., Затравкин С.Н. Реформирование практической медицины в процессе научных революций 17–19 веков. М., 2012.
Сточик А.М., Затравкин С.Н. Формирование естественнонаучных основ медицины в процессе научных революций 17–19 веков. М., 2011.
Фуко М. Рождение клиники. М., 1998.
Чалык Ю.В. Концептуальная медицина. М., 2006.
Porkert M. Chinese Medicine. N.Y., 1988.

- Арбес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
Арбес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени. М., 2003.
Мюшембле Р. Очерки по истории Дьявола. XII–XX вв. М., 2005.
 Словарь средневековой культуры / ред. А.А. Гуревич. М., 2007.
Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006.
Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.
Histoire de la vie privée. Vol. 3 / Sous dir. de Ph. Ariès et G. Duby. P., 1985.
Ozment S. Flesh and Spirit. Private Life in Early Modern Germany. N.Y., 1999.
Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. L., 1979.

ИТАЛИЯ В XVI ВЕКЕ

- Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
 История Европы. М., 1993. Т. 3. Ч. 1, гл. 7.
 История Италии. М., 1970. Т. 1.
Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне Нового времени. М., 1974.
Чиколони Л.С. Социальная утопия в Италии. XVI – начало XVII в. М., 1980.
Dandeleth Th.J., Marino J.A. Spain in Italy. Politics, Society and Religion. 1500–1700. Leiden, 2007.
Montanelli I., Gervaso R. L'Italia della Controriforma. Milano, 1968.
Procacci G. Storia degli italiani. Roma; Bari, 1968.
 Storia d'Italia. Dalla caduta dell'Impero romano al secolo XVIII / A cura di R. Romano, C. Vivanti. Torino, 1974. Vol. II.
Spagnoletti A. Le dinastie italiane nella prima età moderna. Bologna, 2003 (Collezione di testi e di studi. Storiografia).

ФРАНЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVI ВЕКЕ

- Варфоломеевская ночь: События и споры. М., 2001.
Луцицкий И.В. Католическая лига и кальвинисты во Франции (опыт истории демократического движения во Франции во второй половине XVI в.). Киев, 1877.
Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М., 2010.
Мунье Р. Убийство Генриха IV. СПб., 2008.
Уваров П.Ю. Франция XVI в. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.
Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII вв. СПб., 2004.
Arnavi E. Le Parti de Dieu: l'Étude sociale et politique de la Ligue Parisienne, 1585–1594. Lueven; Bruxelles, 1980.
Bennassar B., Jacquart J. Le XVI siècle. P., 1972.
Cassan M. Le temps des guerres de Religion: le cas de Limousin (vers 1530 – vers 1630). P., 1996.
Chaunu P. La réforme protestante. Bruxelles, 1984.
Crouzet D. La Genèse de la Réforme française 1520–1562. P., 1999.
Crouzet D. Les Guerriers de Dieu. La violence au temps des troubles de religion (v. 1525–v. 1610). Champ Vallon, 2005.

Delumeau J. Le Péché et la peur: La culpabilisation en Occident (XIIIe–XVIIIe siècles). P., 1989.

Histoire de la France urbaine / Sous la dir. G. Duby. P., 1981. Vol. 3.

Histoire de la France rurale / Sous la dir. G. Duby et A. Wallon. P., 1975. Vol. 2.

СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

Альтамира-и-Кривеа Р. История Испании. М., 1951. Т. 1–2.

История Испании / ред. В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова. М., 2012. Т. 1.

Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2007.

Перес Ж. Изабелла Католичка. Образец для христианского мира? СПб., 2012.

Сарайва Ж.Э. История Португалии. М., 2007.

Abellán J.L. Historia crítica del pensamiento español. Madrid, 1986. Vol. 2.

Bernal A.-M. Monarquía e imperio. Barcelona, [Madrid], 2007 [Historia de España / J. Fontana, R. Villares; 3].

La historia sin complejos: la nueva visión del Imperio Español (estudios en honor de J.H. Elliott) / Ed. D. García Hernán Madrid, 2010.

Thompson I.A.A. War and Society in Habsburg Spain: Selected Essays. Aldershot (Hampshire), 1992.

Yun Casalilla B. Marte contra Minerva: el precio del imperio español, c. 1450–1600. Barcelona, [2004].

НИДЕРЛАНДЫ В XVI ВЕКЕ

Мотлей Д. История нидерландской революции и основания республики Соединенных провинций. СПб., 1865–1871. Т. 1–3.

Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937.

Чистозвонов А.Н. Гентское восстание 1539–1540 гг. М., 1957.

Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958.

Чистозвонов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964.

Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нидерланды с древнейших времен до конца XVI века. М., 2004.

Groenveld S., Leeuwenberg H., Mout M., Zappey W.M. De Tachtigjarige Oorlog: opstand en consolidatie in de Nederlanden (ca. 1560–1650). Zutphen, 2008.

АНГЛИЯ, ШОТЛАНДИЯ И ИРЛАНДИЯ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., 2005.

Винокурова М.В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004.

Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI – начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997.

Дмитриева О.В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998.

Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.

Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906.

Andrews K.R. Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630. Cambridge, 1984.

- Elton G.R.* England under the Tudors. L.; N.Y., 1974.
Graves M.A.R. The Tudor Parliaments. 1485–1603. L., 1987.
Rowse A.L. The Elizabethan Renaissance: the Cultural Achievement. L., 1974.
Starkey D. The Reign of Henry VIII. Personalities and Politics. L., 1985.

ГЕРМАНИЯ И АВСТРИЯ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

- Ермолаев В.А.* Революционные движения в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966.
Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.
Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.
Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008.
Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969.
Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.
Blickle P. Communal Reformation: The Quest for Salvation in Sixteenth-Century Germany. Brill Publisher, 1992.
Brunner O. Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter. Baden-bei-Wien, 1939.
Iserloh E. Geschichte und Theologie der Reformation. Paderborn, 1980.
Schilling H. Konfessionalisierung und Staatsinteressen: internationale Beziehungen 1559–1660. Paderborn, 2007.
 Glaube und Macht. Kirche und Politik im Zeitalter der Konfessionalisierung / Hrsg. W. Reinhard, H. Schilling. Freiburg, 2004.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XV – XVI ВЕКАХ

- Дементьев Г.А.* Введение Реформации в Дании. СПб., 1900.
 История Дании. М., 1996.
 История Норвегии. М., 1980.
 История Швеции. М., 1974.
Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг и начало Реформации в Швеции. М., 2008.
 Danmarks historie. København, 1980. Bd. 2.
Harrison D., Eriksson B. Sveriges historia: 1350–1600. Stockholm, 2010.
 Norges historie. Oslo, 1977. Bd. 5.
Roberts M. The Early Vasas: A History of Sweden 1523–1611. Cambridge, 1968.
Svalenius I. Gustav Vasa. Stockholm, 1994.

ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН В XVI ВЕКЕ

- Арбузов Л.А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912.
Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893.
Angermann N., Misans I. Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland. Lüneburg, 2001.
Seraphim E. Geschichte von Livland: Das livländische Mittelalter und die Zeit der Reformation. Gotha, 1906.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ, ЧЕШСКОЕ И ВЕНГЕРСКОЕ КОРОЛЕВСТВА В XVI ВЕКЕ

- Дворник Ф.* Славяне в европейской истории цивилизации. М., 2001.
История Венгрии. М., 1971. Т. I.
История культур славянских народов. Т. I: Древность и Средневековье. М., 2003.
История Польши. М., 1956. Т. I.
Контлер Л. История Венгрии. М., 2002.
Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.
Тымковский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.
Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя. Мінск, 2007–2010. Т. 1–3.
Gieysztor A., Kieniewicz S. et al. History of Poland. W-wa, 1971.
Pánek J., Tůma O. et al. A History of the Czech Lands. Prague, 2009.
Velké dějiny zemí Koruny české. Praha; Litomyšl, 2005–2007. Sv. VI–VII.

РОССИЯ В XVI СТОЛЕТИИ

- Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2 (гл. 23).
Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.
Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. М., 2010.
Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998.
Флоря Б.Н. Иван Грозный: 3-е изд. М., 2003.
Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973.
Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. L., 2003.
Pelenski J. Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560). P.; The Hague, 1972.

СМУТА В РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

- Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. СПб., 2008.
Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992.
Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в.: 5-е изд. М., 1995.
Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: 2-е изд. М., 2007.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990.

Тюменцев И.О. Смутное время в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008.

Ульяновский В.И. Смутное время. М., 2006.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

Шепелев И.С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Волгоград, 2012. Т. 1–2.

Bohun T. Moskwa 1612. W-wa, 2004.

Dunning Ch. A Short History of Russia's First Civil War: the Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. Pennsylvania, 2001.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКЕ

Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. / ред. А.И. Филюшкин. М., 2010.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002–2004. Ч. 1–3.

Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. Л., 1963.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV – начало XVI в. М., 1975.

Королюк В.Д. Ливонская война. М., 1954.

Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в XVI – начале XVII в. М., 1973.

Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений, середина XVI в. М., 2003.

Attman A. The Struggle for Baltic Markets: Powers in Conflict, 1558–1618. Lund, 1979.

Histoire des relations internationales. P., 1953. Vol. 2.

Mattingly G. Renaissance Diplomacy. L., 1955.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.

Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

Зеленев Е.И. Мусульманский Египет. СПб., 2007.

Жюльен Ш.А. История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. М., 1961. Т. 2: От арабского завоевания до 1830 г.

Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984.

История османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 1–2.

Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторический очерк. М., 1990.

Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age. 1300–1600. L., 1973.

Karpat K. (ed.) The Ottoman State and its Place in World History. Leiden, 1974.

Mantran R. (ed.) Histoire de l'Empire ottoman. P., 1989.

Sevim A., Yucel Y. Turkiye tarihi. Ankara, 1990–1992. Т. 1–4.

ИРАН

Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западно-европейскими странами (вторая половина XV – начало XVII века). Баку, 1991.

Фарзалиев А., Мамедова Р. Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике. СПб., 2004.

Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку, 1981.

Babaie S. Isfahan and its Palaces: Statecraft, Shi'ism and the Architecture of Conviviality in Early Modern Iran. Edinburgh, 2008.

Babayan K. Mystics, Monarchs, and Messiahs: Cultural Landscapes of Early Modern Iran. Cambridge (Mass.), 2002.

Calmaid J. Études safavides. Paris; Tehran, 1993.

Mazzaoui M. (ed.) Safavid Iran and Her Neighbors. Salt Lake City (Ut.), 2003.

Morgan D. Medieval Persia. L., 1988.

Newman A.J. Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire. L.; N.Y., 2006.

Savory R. Iran under the Safavids. Cambridge, 1980.

Society and Culture in the Early Modern Middle East: Studies on Iran in the Safavid Period. Leiden, 2003.

Studies on the History of Safavid Iran. L., 1987.

ИНДИЯ

Алаев Л.Б. История Индии: учебник для вузов / Л.Б. Алаев, А.А. Вигасин, А.Л. Сафронова. М., 2010.

Алаев Л.Б. Средневековая Индия. СПб., 2003.

Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии: Краткий очерк. М., 1973.

История Индии в Средние века. М., 1968.

Кей Д. История Индии. М., 2011.

Green N. Making Space: Sufis and Settlers in Early Modern India. Oxford, 2011.

Religious Cultures in Early Modern India. New Perspectives / Ed. by R. O'Hanlon, D. Washbrook. Routledge, 2011.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Бандиленко Г.Г., Гневушева Е.И., Деоник Д.В. История Индонезии. М., 1992. Ч. 1.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII–XVI в. М., 1982.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XVII – начале XVIII века. М., 1987.

Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004.

Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004.

Тюрин В.А. История Малайзии. М., 1980.

Холл Д.Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.

SOAS. Bulletin of Burma Research, Vol. 2, No. 2, Autumn 2004.

Lieberman V. Strange Parallels. Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830. Cambridge, 2003, 2009. Vol. 1–2.

КИТАЙ

Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. М., 2010.

Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002.

Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5-и т. М., 2007–2010 (Т. 6 – дополнительный).

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.

Малявин В.В. Китай в XVI–XVII веках. Традиция и культура. Эпоха. Быт. Искусство. М., 1995.

Малявин В.В. Империя ученых. М., 2007.

Малявин В.В. Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. М., 2008.

Позднеева Л.Д. История китайской литературы: собрание трудов. М., 2011.

Mungello D.E. The Great Encounter of China and the West, 1500–1800. Plymouth, 2009.

Stuart-Fox M. A Short History of China and Southeast Asia: Tribute, Trade and Influence. Singapore, 2003.

КОРЕЯ

Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв. М., 1981.

Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999.

Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до наших дней. М., 1982.

История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М., 2000. Т. III.

Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009.

Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVII вв. СПб., 1995.

Ли Г.Б. История Кореи: новая трактовка. М., 2000.

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2-х т. М., 2010. Т. 1.

Хан Ёнгу. История Кореи: новый взгляд. М., 2010.

ЯПОНИЯ

История Японии. М., 1998. Т. 1.

Ламерс Й.П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага. СПб., 2012.

Полхов С.А. «Дзинкайсю» – законодательное уложение Датэ Танэмунэ (1536 г.) // Япония 2012. Ежегодник. М., 2012. С. 293–340.

Полхов С.А. К вопросу о структуре власти сэнгоку даймё (по материалам законов Имагава) // История и культура традиционной Японии. *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности РГГУ. М., 2011. Вып. XXIX. С. 131–217.

Полхов С.А. «Косю хатто-но сидай»: структура законодательного уложения эпохи сэнгоку // История и культура традиционной Японии. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. М., 2010. Вып. XXXII. С. 31–70.

Полхов С.А. «Роккаку-си сикимоку» – свод законов периода «воюющих провинций» // Япония 2011. Ежегодник. М., 2011. С. 181–222.

The Cambridge History of Japan. Vol. 4: Early Modern Japan. Cambridge, 1991.

ЭФИОПИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVII ВЕКЕ

- Бартницкий Л., Мантель-Нечко И.* История Эфиопии. М., 1976.
Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. М., 1982.
Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII в. М., 1990.
Caraman Ph.S.J. The Lost Empire. The Story of the Jesuits in Ethiopia 1555–1634. L., 1985.
Henze P.B. Layers of Time. A History of Ethiopia. L., 2001.
Marcus H.G. A History of Ethiopia. Los Angeles, 1994.
Messing S.D. The Story of the Falashas, «Black Jews» of Ethiopia. N.Y., 1982.

АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVII ВЕКЕ

- Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. М., 1992.
Бондаренко Д.М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в до-колониальной Тропической Африке. М., 1997.
Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М., 1981.
Горнунг М.Б., Липец Ю.Г., Олейников И.Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973.
Маке Ж. Цивилизации Африки южнее Сахары (История, технические навыки, искусства, общества). М., 1974.
The Cambridge History of Africa. Vol. 3: c. 1050 – c. 1600 / Ed. by R. Oliver. Cambridge, 1977.
The Cambridge History of Africa. Vol. 4: c. 1600 – c. 1790 / Ed. by R. Gray. Cambridge, 1975.

НОВЫЙ СВЕТ В XVI ВЕКЕ

- América Latina en la época colonial.* Barcelona, 2002. Т. 1.
Bakewell P.J. A History of Latin America: c. 1450 to the Present. Oxford, 2004.
Bernard C., Gruzinski S. Historia del Nuevo Mundo. México, 1996, 1999. Т. I–II.
The Cambridge History of Latin America. Vol. I, II: Colonial Latin America. Cambridge, 2008.
Elliott J.H. Imperios del Mundo Atlántico: España y Gran Bretaña en América, 1492–1830. Madrid, 2006.
Historia de América. Barcelona, 2006.
Historia General de América Latina. (Ed. UNESCO) Vols. II, III. 1–2; IV, V. Barcelona, 2000/2003.
Historia de las Américas. Sevilla, 1991. Т. I–III.
Lood M., Brading D.A. América Latina de la época colonial. 1: España y América de 1492 a 1808. Barcelona, 2003.
Zavala S. El mundo americano en la época colonial. México, 1992.

КАВКАЗ В XVI – XVII ВЕКАХ

- Кушева Е.П.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.
Лемерсье-Келькеже Ш. Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в. // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 272–294.

Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990.

Орешикова С.Ф. «Турецкое озеро»: Чёрное море в XV–XVII вв. // Восток. 2005. № 3. С. 18–35.

Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времён до начала XIX века. М., 2008.

Baqué-Grammont J.-L. Les Ottomans, les Safavides et leurs voisins. Istanbul, 1987.

КОНЕЦ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.

Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. М., 1991.

Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983.

Покотилов Д.И. История Восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по кит. источникам). СПб., 1893.

Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

Legrand J. L'administration dans la domination sino-manchaue en Mongolie Qalq-a. P., 1976.

Serruys H. Sino-Mongol Relations During the Ming. Brussel, 1959, 1967, 1975. Vol. 1–3.

НАРОДЫ АРКТИКИ И СУБАРКТИКИ

Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

Линкола М. Образование различных этноэкологических групп саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 48–59.

Меновщиков Г.А. Эскимосы. Магадан, 1959.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.

Chard Ch. Time Depth and Culture Process in Maritime Northeast Asia // Asian Perspectives. 1962. 5(1). P. 118–126.

Krupnik I. Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Hanover; L., 1993.

Wheelerburg R. Uma Saami Native Harvest Data Derived from Royal Swedish Taxation Records 1557–1614 // Arctic. 1991. 44(4). P. 337–345.

ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В СЕРЕДИНЕ XV – XVII ВЕКЕ

Бенбасс Э., Родриг А. Евреи Леванта: Сефардская община в XIV–XX веках. М., 2001.

Бенбасс Э. История евреев Франции. М.; Иерусалим, 2004.

Дубнов С.М. История евреев в Европе. Т. 3: Новое время (XVI–XVII век). Расселение сефардов и гегемония ашкеназов. М.; Иерусалим, 2003. (1-е изд. Рига, 1936).

Кац Я. Традиция и кризис. Еврейское общество на исходе Средних веков. М., 2010.

Крицлер Э. Еврейские пираты Карибского моря. М., 2011.

Шодем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.; Иерусалим, 2004.

Ben-Naeh Y. Jews in the Realm of the Sultans: Ottoman Jewish Society in the Seventeenth Century. Tübingen, 2008.

Bonfil R. Jewish Life in Renaissance Italy. Berkeley, 1994.

Cygielman Sh. Jewish Autonomy in Poland and Lithuania until 1648 (5408). Jerusalem, 1997.

Israel J. Diasporas Within a Diaspora: Jews, Crypto-Jews and the World of Maritime Empires, 1540–1740. Leiden, 2002.

Israel J. European Jewry in the Age of Mercantilism: 1550–1750. L.; Portland, 1998.

Ruderman D.B. Jewish Thought and Scientific Discovery in Early Modern Europe. New Haven, 1995.

Stern S. The Court Jew: A Contribution to the History of the Period of Absolutism in Central Europe. Philadelphia, 1950.

Weinryb B.D. The Jews of Poland: A Social and Economic History of the Jewish Community in Poland from 1100 to 1800. Philadelphia, 1973.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. АБСОЛЮТИЗМ

Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965.

Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982.

Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

Antoine M. Le Coeur de l'Etat. Surintendance, contrôle général et intendances des finances 1552–1791. P., 2003.

Carsten F.L. Die Entstehung Preussens. Köln, 1968.

Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. Histoire et historiographie. P., 2002.

Jespersen K.J.V. Absolute monarchy in Denmark. København, 1988.

Kamen H. Spain in the later XVIIth Century. L.; N.Y., 1980.

Mandrou R. L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'Etat. 1649–1775. P., 1977.

Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. P., 1974–1980. T. 1–2.

Nordmann C. Grandeur et liberté de la Suède, 1660–1792. P.; Louvain, 1971.

ЕВРОПА И МИР: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА

Attman A. The Bullion Flow between Europe and the East 1000–1750. Göteborg, 1981.

Barbour V. Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century. Ann Arbor, 1963.

Chaunu P. Séville et l'Amérique au XVIe et XVIIe siècles. P., 1977.

Cipolla C.M. Mouvements monétaires dans l'Etat de Milan (1580–1700). P., 1952.

Da Silva J.G. Banque et crédit en Italie au XVIIe siècle. P., 1969. Vol. 1–2.

Glamann K. Dutch-Asiatic Trade, 1620–1740. København, 1958.

Hamilton E.J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge (Mass.), 1934.

Morineau M. Incroyables gazettes hollandaises et fabuleux métaux américains. Cambridge; P., 1985.

- Базен Ж.* Барокко и рококо. М., 2001.
Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. СПб., 1913.
 Всеобщая история архитектуры. М., 1969. Т. 7.
 Всеобщая история искусств. М., 1963. Т. 4.
 История искусств стран Западной Европы от Возрождения до начала 20 века. Живопись. Скульптура. Графика. Музыка. Драма–Театр. Искусство 17 века / ред. Е.И. Ротенберг и М.И. Сви́дерская. М., 1988. Кн. 1: Италия. Испания. Фландрия; М., 1995. Кн. 2: Голландия. Франция. Англия. Германия.
Лазарев В.Н. Портрет в европейском искусстве XVII в. М.; Л., 1937.
 Пространственные искусства в западноевропейской художественной культуре XIII–XIX веков: В двух книгах. М., 2010.
Castillo D.R. Baroque Horrors: Roots of the Fantastic in the Age of Curiosities. Univ. of Michigan Press, 2011.
Parkinson Zamora L., Kaup M. Baroque New Worlds: Representation, Transculturation, Counterconquest. Duke Univ. Press, 2010.
Zanlungo C. The Story of Baroque Architecture. Prestel, 2012.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

- Алексеев В.М.* Тридцатилетняя война. Л., 1961.
Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.
Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.
 Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998–2001. Ч. 1–2.
Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
Флоря Б.Н. Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1653–1661). М., 2010.
Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1984.
Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne. XVIe – XVIIIe ss. P., 2007.
Dickmann F. Der Westfälische Frieden. Münster, 1965.
 Krieg und Politik, 1618–1648: Europäische Probleme und Perspektiven. München, 1988.
Wolf J.B. Toward a European Balance of Power, 1620–1715. Chicago, 1970.

АНГЛИЯ В XVII ВЕКЕ

- Английская буржуазная революция XVII века / ред. Е.А. Косминский и Я.А. Левицкий. М., 1954.
Архангельский С.И. Аграрное законодательство Английской революции. 1649–1660 гг. М.; Л., 1940.
Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40–50-х гг. XVII в. М., 1960.
Барг М.А. Кромвель и его время. М., 1950.
Барг М.А. Народные низы в Английской революции XVII в. Движение и идеология истинных левеллеров. М., 1967.
Кондратьев С.В. Английская революция XVII века. М., 2010.

- Лавровский В.М., Барз М.А.* Английская буржуазная революция. М., 1958.
Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб., 2005.
Hill Chr. The World Turned Upside Down: Radical Ideas during the English Revolution. L., 1972.
Wrightson K. English Society, 1580–1680. L., 1995.

РЕСПУБЛИКА СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ В XVII ВЕКЕ

- Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVI–XVIII вв. М., 1949.
Чистозвонов А.Н. Становление государственного строя Республики Соединенных провинций // Средние века. 1987. Вып. 50.
Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М., 2007.
Шатохина-Мордвинцева Г.А. Соединенные провинции Нидерландов в 1650–1672 гг. и политика Йохана де Витта // Средние века. 2010. Вып. 71, № 1–2.
Deursen A.Th. van. Maurits van Nassau 1567–1625. De winnaar die faalde. Amsterdam, 2005.
Geyl P. Geschiedenis van de Nederlandse Stam. Amsterdam, 1961. Дл. 1–6.
Fockema Andreae S.J. De Nederlandse Staat onder de Republiek. Amsterdam, 1961.
Algemene Geschiedenis der Nederlanden. Haarlem, 1979–1985. Дл. 1–15.
Israel J.I. The Dutch Republic, Its Rise, Greatness, and Fall 1477–1806. N.Y., 1995.

ФРАНЦИЯ В XVII ВЕКЕ

- Люблинская А.Д.* Франция в начале XVII в. (1610–1620). Л., 1959.
Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965.
Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982.
Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.
Малов В.Н. Парламентская Фронда. Франция 1643–1653. М., 2009.
Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) М.; Л., 1948.
Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990.
Bluche F. Louis XIV. P., 1986 (рус. пер.: М., 1998).
Jouanna A. Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'Etat moderne 1559–1661. P., 1989.
Le Roy Ladurie E. Saint-Simon ou le système de la Cour. P., 1997.

СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ЮЖНЫЕ НИДЕРЛАНДЫ В XVII ВЕКЕ

- Дефурно М.* Повседневная жизнь Испании Золотого века. М., 2004.
Силюнас В.Ю. Стиль жизни и стили искусства (Испанский театр маньеризма и барокко). СПб., 2000.
Abellán J.L. Historia crítica del pensamiento español. Madrid, 1986. Vol. 3.
Dominguez Ortiz A. La sociedad española en el siglo XVII. Madrid, 1963. V. 1–2.
Elliott J.H. The Count-Duke of Olivares: the Statesman in an Age of Decline. New Haven; L., 1986.
Fernández Albaladejo P. La crisis de la Monarquía. Barcelona, [Madrid], 2009.
Ribot García L. El arte de gobernar. Estudio sobre la España de los Austrias. Madrid, 2006.

Storrs C. The Resilience of Spanish Monarchy 1665–1700. Oxford, 2006.
Stradling R.A. Philip IV and the Government of Spain, 1621–1665. Cambridge, 1988.

См. также литературу к главе по истории Испании конца XV – XVI в.

ИТАЛИЯ В XVII ВЕКЕ

История Европы. М., 1993. Т. 3. Ч. 2, гл. 7.

Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто. Италия в XVII–XVIII вв. Л., 1980.

Callard C. Le prince et la republique, histoire, pouvoir et société dans la Florence des Medicis au XVIIe siècle. P., 2007.

Montanelli I., Gervaso R. L'Italia del seicento (1600–1700). Milano, 1969. (Storia d'Italia).

ГЕРМАНИЯ В КОНЦЕ XVI – XVII ВЕКЕ

Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVII вв. М., 1955.

Прокотьев А.Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011.

Barracough G. The Origins of Modern Germany. Oxford, 1946.

Konfessioneller Fundamentalismus. Religion als politischer Faktor im europäischen Mächtsystem um 1600: Schriften des Historischen Kollegs Kolloquien. Kolloquien 70 / Herausgegeben von Heinz Schilling unter Mitarbeit von Elisabeth Müller-Luckner. München, 2007.

Pass J.R. The German Political Broadsheet 1600–1700. Wiesbaden, 1996–1998. Vol. 5–6.

Schilling H. Early Modern European Civilization and its Political and Cultural Dynamism. The Menahem Stern Jerusalem Lectures. Hanover, 2008.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XVII ВЕКЕ

Carlsson S., Rosén J. Svensk historia. Stockholm, 1978. Bd. 1.

Danmarks historie. København, 1989. Bd. 3.

Lindkvist T., Sjöberg M. Det svenska samhället 800–1720. Lund, 2003.

Norges historie. Oslo, 1977. Bd. 6–7.

Villstrand N.E. Sveriges historia: 1600–1721. Norstedts, 2011.

ЧЕХИЯ, ВЕНГРИЯ И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В XVII ВЕКЕ

Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.

История культур славянских народов. М., 2005. Т. II: От барокко к модерну.

Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ, 2005.

Pánek J., Tůma O. et al. A History of the Czech Lands. Prague, 2009.

Tazbir J. Polska XVII w. W-wa, 1974.

См. также литературу к главе «Польско-Литовское, Чешское и Венгерское королевства в XVI веке».

РОССИЯ ОТ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ ДО ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2006.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010.

Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.

Очерки русской культуры XVII века. М., 1978–1979. Ч. 1–2.

Панченко А.М. Русская культура кануна петровских реформ. Л., 1984.

Успенский Б.А. Царь и патриарх. М., 1998.

Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.

Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVII ВЕКЕ

Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб., 2005.

История литератур Латинской Америки. М., 1985. [Т. 1].

История США: В 4-х т. М., 1983. Т. 1: (1607–1877).

Томас А.Б. История Латинской Америки. М., 1960.

Тюрин В.А. Ранний европейский колониализм в странах Востока // История Востока. М., 2000. Т. 3.

Albuquerque Luís de (dir.). Dicionário de História dos Descobrimentos Portugueses, Lisboa, 1994. Vol. 1, 2.

Bonnichon Ph. Des cannibales aux castors. Les découvertes françaises de l'Amérique (1503–1788). P., 1994.

Boxer C.R. The Dutch Seaborn Empire 1600–1800. L., 1965.

Butel P. Histoire de l'Atlantique de l'Antiquité à nos jours. P., 1997.

Elliott J.H. Imperios del mundo Atlántico: España y Gran Bretaña en América, 1492–1830. Madrid, 2006.

Gaastra F.S. De Geschiedenis van de VOC. Zutphen, 1991.

Gruzinski S. Les quatre parties du monde: histoire d'une mondialisation. [Paris], [2004].

Klaveren I.I. The Dutch Colonial System in the East Indies. Rotterdam, 1953.

Newitt M.D. D. A History of Portuguese Overseas Expansion, 1400–1668. L., 2005.

Scammell G.V. The First Imperial Age, European Overseas Expansion, c.1400–1715. L.; Boston, 1989.

ЗАКОНЧИЛОСЬ ЛИ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 2006–2007. Т. 1–3.

История Европы. М., 1993–1994. Т. 3–4.

История женщин. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб., 2008.

Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008.

Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.

Раков В.М. «Европейское чудо» (Рождение Новой Европы в XVI–XVIII). Пермь, 1999.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства, 1990–1992. М., 2009.

Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма. Проблемы методологии. М., 1985.

- Аахен Ханс фон 265, 604
 Абаз-паша 671
 Абахай (Тай-цзун), маньчжурский император 466, 701, 702, 715
 Аббас I, шах Ирана из династии Сефевидов 65, 456, 460, 517, 669, 670, 676–682
 Аббас II, шах Ирана из династии Сефевидов 680
 Абдулла II, хан Бухары см. Шейбаниды
 Абу Саид, правитель Мавераннахра и Хорасана см. Шейбаниды
 Абулайр-хан 464
 Абу-л Фазл Аллами 356, 358, 360
 Аввакум 653, 654, 659, 660, 662
 Агиллон Ф. 506
 Агрикола Георг 30, 216
 Агрикола Иоганн 223
 Агунг, султан Бантена 370
 Агунг, сулан (султан) Матарам 370
 Адашев Алексей 283–286
 Адзаи, даймё 392
 Адил-шахи 351, 352
 Адриан, патриарх 645
 Адриан VI, папа 128, 163
 Азелли Гаспаро 100
 Айртон Генри 540
 Акбар (Джалал-ад-дин), император из династии Великих Моголов 41, 59, 65, 355, 356, 358–361, 682–685, 688
 Акэти Мицухидэ 398, 399
 Албукерке Афонсу д' 39, 176, 361
 Альванд, султан (Северо-Западный Иран) 344
 Алвару I, маниконго (правитель) Конго 426
 Алвару II, маниконго (правитель) Конго 426
 Алевиз Новый 275
 Александр Казимирович, великий князь Литовский 247
 Александр VI Борджиа, папа 118, 125
 Александр III, князь Имеретии 648
 Алексей, царевич 640
 Алексей, самозванец 656
 Алексей Михайлович, русский царь 587, 640, 641, 643, 645, 646, 649, 652, 656, 659–662
 Алеман Матео 590
 Алесси Галеаццо 131
 Али, праведный халиф 22, 345
 Али Адил-шах 352
 Али Бер (Великий), сони (правитель) Сонгая 417
 Али Дунама, маи (правитель) Борну 420
 Алишер Навои, поэт 22
 Аллаверды-хан (Алаверди-хан), полководец Аббаса I 677
 Алмейда (Альмейда) Франсишку ди 39, 176, 429
 Алтан-хан, правитель монголов 465
 Аль Мансур аль Кассир, имам Йемена 670
 Альба, герцог, Фернандо Альварес де Толедо 175, 183, 184, 186, 189, 225, 315, 317
 Альбрехт (Альберт), правитель Нидерландов 592, 593
 Альбрехт Бранденбургский, гроссмейстер Немецкого ордена 223, 322
 Альбрехт V Баварский 227, 782
 Альбрехт Майнцский, архиепископ 222
 Альварадо Педро де 45
 Альд Мануций 135, 277
 Альмагро Диего де 45
 Альмейда (Алмейда), М. 411
 Альтдорфер А. 228
 Альфонс II Неаполитанский 118
 Амако, даймё 392
 Амар Сингх, рана (правитель) Мевара 356, 682
 Амари Нгоне Собель, правитель Кайора и Баола 419

- Амджа-заде Хюсейн-паша, великий ве-
зирь 675
- Амин, военачальник маньчжуров 715
- Андрате Антониу де 41
- Андрате Фернан д' 381
- Андрез Лаврентиус 238
- Андриаманалу, мпанзака (правитель)
Имерины 435
- Андриамасинавалуна, мпанзака Имери-
ны 435
- Андрианзакка, мпанзака Имерины 435
- Анна Австрийская, королева Франции
105, 571
- Анна Бретонская, королева Франции
136, 138, 140
- Анна де Божё, регентша при Карле VIII
137
- Антониу I, маниконго (правитель) Кон-
го 626
- Антониу (дон Антониу), претендент на
tron Португалии 175
- Аракида Моритакэ 402
- Аретино Пьетро 70, 124, 135
- Аргайл, граф 546
- Ариас Монтано Б. 171
- Ариосто Лодовико 124, 134
- Аристотель 67, 71, 82, 84, 93, 94, 516,
588
- Арминий 78, 554
- Арруда, братья 173
- Арруда Франсишку ди 173
- Артсен Питер 190
- Арчимбольдо Джованни 257, 604
- Асакура, даймё 392, 398
- Асикага, династия сёгунов 15, 391–393,
396, 398
- Асикага Ёсиаки 391, 397, 398
- Асикага Ёсимицу 398
- Асикага Ёситанэ 391
- Асикага Ёситэру 391
- Асикага Ёсихидэ 397
- Аспилькуэта М. де 171
- Атауальпа, правитель Тауантинсуйю 45
- Аурангзеб, император из династии Ве-
ликих Моголов 682–685, 687, 688,
693, 770
- Афанасий, митрополит 287
- Афонсу I, маниконго Конго 425
- Ахмад (Ахмед), правитель Ак-Коюнлу
25, 343
- Ахмад ал-Мансур I, султан Марокко
337, 418
- Ахмед, султан в Средней Азии 22
- Ахмед ибн-Ибрагим аль-Гази (Ахмед
Грань, «Левша»), правитель Адаля
404, 405, 407, 409
- Ахмед ибн Маджид 39
- Ачьютарайя, правитель империи Вид-
жаянагар 353
- Аюшридар, правитель монголов 463
- Бабу (Захир-ад-дин), шахиншах, осно-
ватель династии Великих Моголов
21, 23, 65, 350, 354, 360
- Багратида, грузинский род 677
- Бада Шаньжэнь 709
- Бадауни 360
- Байиннаунг, правитель империи Пегу в
Бирме 364, 365, 366, 782
- Байрам-хан 356
- Байсункар (сын Шахруха, Иран) 342
- Бакоц Т. 259
- Балашши Балант 272
- Баловень, казацкий атаман 305
- Балтимор, лорд 740
- Бальбин Богуслав 630
- Бальиви Джорджо 101
- Баньян см. Бэньян
- Барберини, род 598
- Барбоза Дуарте 353
- Баренц Виллем 48, 192, 735
- Баро, правитель Сонгая 417, 418
- Барроу Исаак 89
- Барруш Жоан де 50, 174
- Бартоли Д. 516
- Бартолин Томас 100
- Басё Мацуо 725
- Басмановы 287
- Алексей Данилович 288
- Иван Федорович 293
- Бассано Якопо 135
- Баторий Стефан (Иштван Батори), во-
евода Трансильвании, король Поль-
ши 269, 289, 324
- Баффин В. 48
- Базда-Марьям 404, 406
- Баязид I, османский султан 21, 342
- Баязид II, османский султан 341, 451
- Баязид, сын Сулеймана I Великолепного
341, 347
- Баярд 755
- Безнин М.А. 288
- Бейль Пьер 52

- Беллини
 Джентиле 135
 Джованни 135
 Якопо 135
 Беллини Л. 101
 Бельский Б.Я. 290, 292
 Бембо Пьетро 122, 134
 Беринг Витус 34
 Берлихинген Гёц (Готфрид) фон 219
 Бермудеш Жоан 407
 Бернини Джованни Лоренцо 502, 509, 511, 512, 595
 Бернье Ф. 689
 Бертон Роберт 95
 Берюль П. де 587
 Бетанкур Жан де 11
 Бетлен Габор, трансильванский князь 518, 519, 627, 631
 Бецаль см. Лев
 Бехайм М. 48
 Бехзад 346
 Блау Виллем 561
 Богдан Хмельницкий 116, 525–527, 530, 632, 648, 649, 650
 Боден Жан 146, 154
 Бойль Роберт 89, 94
 Бойтак Д. 173
 Болейн Анна, жена Генриха VIII 202, 203
 Болотников Иван 293, 296, 297, 298
 Бомонт Фрэнсис 548, 549
 Бон Фрязин 275
 Боргезе, римский род 597
 Борджиа, итальянский род испанского происхождения 127, 134
 Александр см. Александр VI
 Лукреция 134
 Цезарь (Чезаре) 127
 Борис Годунов, русский царь 275, 290–293, 295, 679
 Борнемисса Петер 272
 Борромео Карло 81, 128, 129, 131
 Федерико 131
 Борромини Франческо 501–503, 595
 Ботуэлл (Босуэлл, Босвелл), граф 208
 Боярдо Маттео 124
 Браге Тихо 85, 91, 94, 781
 Браманте Донато 128
 Брант Себастьян 227
 Браувер Х. 49
 Бредеро Г.А. 513
 Брейгель Старший Питер 191, 257
 Бриссак 158
 Бриссон Барнабэ 154, 157
 Бриссоне Г. 139
 Бродель Фернан 466
 Бронзино Аньоло 123
 Брунеллески Филиппо 30
 Бруно Джордано 85, 122, 128, 154, 257
 Бруссель Пьер 572
 Брушотто Гиацинт 426
 Будный Симон 271
 Бурбон Антуан 147, 148, 149
 Бурбон Генрих – см. Генрих IV
 Бурбон Карл, кардинал 157
 Бурламакки Ф. 133
 Бурский А. 271
 Бутурлин В.В., боярин 648, 649
 Бутурлин И.М., воевода 456
 Буше Жан 156
 Бьельке Хогеншильд 241
 Бьондо Флавио 5
 Бэкингем – см. Вильерс
 Бэкон Фрэнсис 71, 82, 83, 91, 92, 94, 211, 561
 Бэньян (Баньян) Джон 513, 551
 Бюрен, граф 225

Вайзе Г. 501
 Ваккарини Дж. 504
 Вакеро Джулио Чезаре, генуэзский заговорщик 600
 Валиньяно Алессандро 401
 Валла Лоренцо 221
 Валле Пьетро делла см. Делла Валле
 Валленштейн (Вальдштейн) Альбрехт фон 62, 519, 520, 606, 628
 Валлис (Уоллес) Джон 89
 Вальдбург Гебхардт Трухзес фон, архиепископ 227
 Вальдемар, граф 640, 646, 648
 Вальдземюллер Мартин 43
 Валуа, династия 146, 155, 156, 168, 212, 213, 311
 Ванандеци Лука 753
 Ван-Гельмонт Ян-Батист 99
 Ван Дейк Антонис 511, 548
 Ванини Джулио 578
 Ван Леденберг Жилль 190
 Ван Янмин 709, 716
 Варениус Бернхардус 561
 Василий III, русский царь 273–277
 Василий IV Шуйский, великий князь 295–297, 299–300, 300, 679
 Васкес де Коронадо Франсиско 45
 Вассиан Патрикеев 277

Васюк Грязной см. Грязной
Вацлав, святой 630
Вазс де Торрес Л. 49
Вега Лопе де 170, 589
Ведель В. 101
Везалий Андреас 100
Веласкес Диего 508, 509, 510, 511, 585, 590, 596
Вельзеры, династия банкиров и предпринимателей 46, 216, 220, 603
Венкат II, правитель империи Виджаянагар 354
Венсан де Поль, католический святой 577
Вентадур, герцог 578
Вербёци Иштван 259, 260
Вергилий 124
Веревкин Г. 298
Вермеер Делфтский (Дельфтский) Ян 507, 509, 510, 562, 563, 596
Веронезе Паоло 135
Веспуччи Америго 43
Веттины, княжеская династия 217, 604, 610
Вёльфлин Г. 501
Вивальди А. 515
Виет Франсуа 89
Виктор Амедей I, герцог Савойский 599
Виктор Амедей II, герцог, затем король Савойский 599
Вилем из Рожмберка 255
Вильганьон Н.Д. де 746
Вильгельм I, принц Оранский, статхаудер Голландии 181–184, 186–188, 317
Вильгельм II, принц Оранский, статхаудер Голландии 557, 558
Вильгельм III, принц Оранский, статхаудер Голландии, король Англии и Шотландии 480, 529, 531, 546–548, 559–560
Вильерс Дж., герцог Бэкингам 534, 535
Вимпфелинг Якоб 221
Виньола Дж. 502
Висковатый И.М., глава Посольского приказа 283
Висконти
 Валентина 137
 Джан Галеаццо 119, 311
Витсен Николаас 561
Витт Йохан (Ян) де 94, 558, 559, 560

Витте Эммануэль де 479
Виттельсбахи, княжеская династия 217, 227, 519, 604, 611
Виттория см. Делла Ровере
Вишневецкий Адам, князь 293, 294
Вишневецкий Михаил см. Михаил Вишневецкий
Влад III Цепеш (Дракула), господарь Валахии 27
Владимир Андреевич Старицкий, князь 288
Владимир Мономах 276
Владислав II Ягеллон, король Чехии и Венгрии 253, 259
Владислав III Варненчик, король Польши и Венгрии 254
Владислав IV, король Польши 300, 301, 303, 306, 521
Вобан Себастьян де 64, 760
Вондел Йост ван ден 513
Воротынский М.И., военачальник 288
Выговский Иван 527, 650
Вэй Чжунсянь 695–697
Вяземский Афанасий 287, 288
Габсбурги (династия) 57, 64, 81, 121, 127, 130, 133, 139, 145, 161, 168, 178, 179, 212, 213, 216, 217, 226, 227, 249–256, 259, 260–265, 272, 309, 310, 313, 319–325, 338, 340, 490, 517–523, 528, 530, 567, 581, 592, 593, 598, 601, 604–610, 626, 631–635, 665, 760
Гаек Вацлав 271
Галван Дуарте де 406
Галдан-хан, правитель ойратов 466
Галилей Галилео 84, 86, 87, 88, 90, 92, 94, 123, 128, 580, 598, 599, 600, 602, 629, 772
Гальярди Р. 504
Гама Васко да 39–41, 176, 361
Гама Криштован да 407
Гама Эштебан да 407
Гамильтон Э. 495, 496, 498
Гао Инсянь, лидер Крестьянской войны в Китае 698, 699
Гарвей (Харви) Уильям 91, 100
Гассенди Пьер 94
Гастон, герцог Орлеанский 569
Гаулли Дж.Б. 508
Гверчино (Джованни Франческо Барбери) 508, 595
Гвиччардини Франческо 122

- Геденон, вожь фалаша 409–411
 Геер Луи де 750
 Гейденштейн Р. 271
 Гейн Якоб де 62, 758
 Геннадий Схоларий, патриарх Констан-
 тинопольский 328
 Генриетта Мария, королева Англии и
 Шотландии, жена Карла I Стюарта
 535, 740
 Генрих II Валуа, король Франции 121,
 140, 142, 145, 146, 147, 314, 315,
 340
 Генрих III Валуа, король Франции 152,
 153–156, 188, 268
 Генрих IV Бурбон, король Франции 116,
 130, 151, 157, 158, 168, 319, 565–
 567, 576, 600, 746
 Генрих VII Тюдор, король Англии 198,
 199, 200, 210
 Генрих VIII Тюдор, король Англии 79,
 195, 199, 200, 202, 206, 210
 Герарди А. 503
 Герберштейн Сигизмунд 272
 Гермоген, патриарх 301
 Герро А. 752
 Гизы, династия герцогов 145, 148–151,
 153, 155–157, 207
 Гиз Генрих I де 150–152, 154–156
 Гиз Генрих II де 599
 Гиз Карл (Шарль) де (сын Генриха I
 де Гиза) 158
 Гиз Франсуа де 145, 148–149, 315
 Гиз Луи де, кардинал Лотарингский
 155
 Гиз Шарль де – см. Майеннский,
 герцог
 Гилберт (Джилберт) Х. 739
 Гильберт (Гилберт, Джилберт) Уильям
 83
 Глинская Елена, см. Елена Глинская
 Гоббс Томас 56, 95, 549, 550, 759
 Говинд Сингх, гуру сикхов 686
 Гогенцоллерны, династия 217, 223, 225,
 610
 Годунов Борис см. Борис
 Гозий Станислав, кардинал 267
 Гойен Ян ван 508, 563
 Гойш Бенту де 41
 Гойш Дамян де 176
 Голицын В.В., князь 301
 Голицын В.В., князь, фаворит царевны
 Софьи 641, 642
 Гольбейн Младший Ганс 210, 228
 Гомулка Миколай 272
 Гонгора-и-Арготе Луис де 590
 Гонзага, герцоги Мантуанские 134
 Федерико II 134
 Франческо II 134
 Гонсалес де Мендоса Хуан 41
 Гонсалес де Сельориго М. 171
 Гонсевский (Корвин-Гонсевский) Алек-
 сандр 301
 Гордон Патрик 66, 759
 Госсарт Ян 190
 Готхард Кеттлер, магистр Ливонского
 ордена) 248
 Гофман Мельхиор 245
 Гофмансвальдау Х.Г. фон 513
 Гоходзе, даймё см. также Ходзе 341,
 392
 Грааф см. Граф
 Гранвелла, кардинал 182
 Грасиан Бальтасар 590
 Грассай Шарль де 143
 Граф (Грааф) Ренье де 101, 561
 Грегори Дж., математик 89
 Грегори И., пастор 661
 Грибоедов А.С. 346
 Григорий XIII, папа 129, 152
 Гриммельсгаузен Ганс Кристоф 513,
 612
 Грифиус А. 513
 Гросин У. 210
 Гроций Гуго (Хейг де Грот) 562
 Грумбах Вильгельм фон 219, 782
 Грюневальд (Нитхард-Готхард) Матиас
 228
 Грязной Васюк (Василий) 288
 Гуаман Пома де Айяла Ф. 450
 Гу Сяньчэн 696
 Гудзон Г. 48
 Гук Роберт 88, 89
 Гус Ян 222
 Густав I Васа (Ваза), король Швеции
 234–235, 237–241, 325, 327, 780
 Густав II Адольф, король Швеции
 62–64, 305, 306, 520, 521, 615–619
 Гуттен Ульрих фон 213, 221
 Гэн Цзинчжун 706
 Гэн Чжунмин 705, 706
 Даке Нильс 238
 Да Мессина Антонелло 135
 Даниил, митрополит 277

Дара Шукох, старший сын Шах Джаха-
 на 683, 693
 Дарнли, лорд 208
 Даторли, правитель Дагомбы (государ-
 ства моси) 419
 Датэ, даймё 392, 399, 719
 Датэ Масамунэ 719
 Дауд, аския (правитель) Сонгая 418
 Да Гама – см. Гама
 Да Шунь см. Ли Цзычэн
 Даян-хан 380, 465
 Дворжак М. 501
 Де Витт Йоханн (Ян) де – см. Витт.
 Де Граф Ренье – см. Граф, Ренье де
 Де Кей Ливен – см. Кей, Ливен де
 Де Кейсер Хендрик – см. Кейсер, Хен-
 дрик де
 Де ла Курт Питер – см. Курт Питер де ла
 Де ла Вале Жан 506
 Симон 506
 Де ла Тур Ж. – см. Ла Тур Ж. де
 Де Рейтер Михиель – см. Рейтер, Ми-
 хиель де
 Де Санктис Ф., архитектор 504
 Дежнев Семен 34, 652
 Декарт Рене 87, 89, 90, 91, 93, 94, 577,
 580
 Дели Хасан 666
 Делла Валле Пьетро 680
 Делла Порта Дж. 502
 Делла Ровере, семья 127
 Виттория, супруга великого герцога
 Тосканского Фердинанда II 600
 Франческо Мария II, герцог Урбин-
 ский 597
 Делла Торре Рафаэле 601
 Денби, граф 545
 Дефо Даниэль 552, 756, 763, 764, 765
 Дешарж 64
 Джами 25
 Джахангир (Нур-ад-дин Мухаммад
 Джахангир-падишах Гази), прави-
 тель империи Великих Моголов
 356, 682, 684–686
 Джахан-шах, правитель Кара-Коюнлу
 23, 24, 343
 Джем, сын Мехмеда II 341
 Дженкинсон Энтони, купец и дипломат
 348
 Джонс Иниго 505, 548
 Джонсон Бен 211, 513, 548, 549

Джорджоне (Джорджо Гаспарини,
 Дзордзи да Кастельфранко) 135
 Джудар-паша, султан Марокко 418
 Ди Джон 257
 Диаш Бартоломеу 39
 Диаш Энрике 734
 Диогу, маниконго (правитель) Конго
 426
 Дионисий 276
 Длугош Ян 253, 271
 Дмитрий, царевич 292, 296
 Дмитрий Иванович, внук Ивана III 273
 Д’Обинье Агриппа 146
 Додунс Ремберт 192
 Дожи Дьёрдь, руководитель крестьян-
 ского восстания 253, 260
 Долгорукая Мария, царица, жена Ми-
 хаила Федоровича 640
 Долгорукий Ю.А., князь 656
 Доменикино 508, 595
 Дон Хуан Австрийский – см. Хуан Ав-
 стрийский
 Дон Хуан Персидский – см. Урудж-бек
 Донн Джон 95, 513, 549
 Доргонь, регент при маньчжурском им-
 ператоре Фулине 701–705
 Дория, генуэзский род 131
 Андреа 131
 Джованандреа 131
 Дорошенко Петро, гетман 527, 530, 650,
 674
 Доу Г. 510
 Драйден Джон (1631–1700, поэт) 513,
 514
 Дрейк Фрэнсис 65, 205, 317, 318, 439
 Ду Чжин 385
 Д’Эсте, герцоги Феррарские 134
 Альфонсо 134
 Изабелла 134, герцогиня Мантуан-
 ская
 Эрколе I 134
 Дю Белле Ж. 139
 Дю Бур Анн 146
 Дюбуа Ф. 151
 Дюканж Жак 52
 Дюмулен Шарль 143
 Дюплесси-Морне Филипп 152
 Дюрер Альбрехт 228, 257
 Евгений Савойский, полководец 532,
 609

Екатерина Арагонская, королева Англии, жена Генриха VIII 202, 203
 Екатерина Брагансская (Португальская), королева Англии и Шотландии, жена Карла II 544, 733
 Елена Глинская, царица, супруга Василия III 276, 277
 Елена (Ылени), царица Эфиопии 405–407
 Елизавета Валуа, супруга Филиппа II 318
 Елизавета I Тюдор, королева Англии 105, 152, 184, 188, 203, 204, 206, 207, 208, 317
 Елизавета Йоркская, королева Англии, жена Генриха VII 198
 Епифаний Славинецкий 659
 Ермак, казачий атаман 289, 472
 Ессениус Ян 271

 Ёнсан-гун, правитель Кореи 387, 388

 Жанна д'Альбре, королева Наваррская 147, 150
 Жанна Баттиста Савойя-Немурская 599
 Жаннен П. 496, 497
 Жантийе И. 152
 Жермена де Фуа, королева Арагона 162
 Жоан I, король Португалии 38
 Жоан II, король Португалии 36, 41, 172
 Жоан III Благочестивый, король Португалии 174, 176
 Жоан IV, король Португалии 591
 Жоан, инфант португальский 174
 Жолкевский С., коронный гетман 300, 301, 633
 Жуайёз Генрих де, герцог 155
 Жуайёз Франсуа де, кардинал 601

 Замойский Ян, коронный канцлер в Польше 253, 271, 294
 Зара-Якоб, негус Эфиопии 404–406
 Заруцкий И.М., казачий атаман 298, 303–305, 634, 679
 Зебжидовский М. 633
 Зе-Денгель, негус Эфиопии 410
 Зедльмайр Х. 501
 Зекендорф Людвиг Файт фон см. Файт фон Зекендорф
 Зеленский М. 637
 Зизаний Лаврентий 646

Зиккинген Франц фон 219, 223
 Зриньи Миклош 262, 631

 Ибн Ийас 345
 Ибн Сина (Авиценна) 98
 Ибн Халдун 23, 329, 752
 Ибрагим I, османский султан 671
 Ибрахим Кутб-шах, султан Голконды в Индии 351
 Ибрахим Лоди, делийский султан 350, 354
 Ибрахим-паша, везир при Сулеймане I 341
 Ибрахим-Султан, правитель Балха в Иране 342
 Иван III, великий князь 12, 245, 247
 Иван IV Грозный, русский царь 152, 276, 278, 279, 285, 286, 287, 288, 324
 Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек 303, 305
 Иван Федоров – см. Федоров Иван
 Идрис Алума – маи (правитель) Борну 420
 Иевлев Алексей 459
 Изабелла Арагонская, жена герцога Миланского 118
 Изабелла, королева Кастилии 42, 159, 160
 Изабелла Клара Эухения, правительница Нидерландов 592, 593
 Илейка Муромец (царевич Петр Федорович), самозванец 297
 Имагава, даймё 392, 395, 396, 397
 Имагава Ёсимото 397
 Имагава Удзидзанэ 397
 Инджо, ван Кореи 714, 715
 Инка Гарсиласо де ла Вега 732
 Иннокентий VIII, папа 115, 118
 Иннокентий X, папа 514, 597
 Иннокентий XI, папа 598
 Иннокентий XII, папа 598
 Ин-цзун (см. также Чжу Цичжэнь), император династии Мин 464
 Иоанн Лейденский 180
 Иоанн Секунд 191
 Иоаким, патриарх 645, 656, 659
 Иоасаф, патриарх 645
 Иоасаф II, патриарх 645
 Иов, патриарх 293, 294
 Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии 519, 606
 Иоганн Георг III, курфюрст Саксонии 611

- Иоганн Постоянный, курфюрст Саксонии 223
 Иоганн Фридрих, курфюрст Саксонии 225
 Иосиф, патриарх 645, 648
 Иосиф Волоцкий 276
 Иржи из Подебрад, король Чехии 253
 Ирина Годунова, царица, жена Федора Иоанновича 293
 Исида Мицунари 402
 Искандер-шах, принц Парамешвара, основатель Малаккского султаната 17
 Исмаил I, шах Ирана, основатель династии Сефевидов 25, 335, 341, 344, 345, 347, 348, 451
 Исмаил II, шах Ирана из династии Сефевидов 349
 Истома Григорий 12
 Истомин Карион 659
 Исхак, правитель одной из провинций Эфиопии 408
 Исхак II, аския (правитель) Сонгая 418
 Ихара Сайкаку 725
 Иясу I, негус Эфиопии 413, 414, 789

 Йакуб, правитель Ак-Коюнлу 343
 Йисхак-Уорення (Поджигатель) 410
 Йоханис (Иоанн) I, негус Эфиопии 413

 Кабир 19
 Кабото (Кабот) Джованни 48
 Кабото (Кабот) Себастьяно 205
 Кавалли Ф. 514
 Кавальери Бонавентура 89
 Казимир IV Ягеллончик, король Польский и великий князь Литовский 319
 Календер-оглу 666
 Калеф, вождь фалаша 409
 Калло Жак 759
 Кальвин Жан 75, 78, 90, 144–145
 Кальдерон де ла Барка Педро 513, 588, 589
 Камарау Фелипе 734
 Камознс Луис де 50, 176, 177
 Кампанелла Томмазо 599
 Кампен Якоб ван 564
 Канизий Петр, католический святой 227
 Кансух аль-Гури, султан 335, 336
 Караваджо (Микеланджело Меризи) 123, 507, 508, 509, 590, 596
 Кара Мустафа Мерзифонлу – см. Кёпрюлю
 Кара-Юсуф, правитель Кара-Коюнлу 22, 23, 342
 Кара-Языджи 666
 Кардано Джироламо 122
 Карион см. Истомин
 Карл Великий, император 155, 419, 617
 Карл IV, император 256
 Карл V Габсбург, император Священной Римской империи и король Испании (как Карл I) 31, 46, 57, 77, 117, 121, 127, 131, 134, 139, 140, 161–168, 170, 178–180, 212, 213, 222, 224, 225, 308, 310, 311, 313, 314, 338, 340, 606
 Карл II Габсбург, король Испании 528, 532, 581, 587
 Карл I Стюарт, король Англии и Шотландии 519, 520, 534–541, 544, 548, 558, 740
 Карл II Стюарт, король Англии и Шотландии 92, 524, 528, 529, 541, 544–546, 551, 559, 691, 733, 764
 Карл VII, король Франции 29
 Карл VIII, король Франции 118, 136, 137, 311, 313, 341
 Карл IX, король Франции 148, 149, 150, 152, 294
 Карл IX, король Швеции 241, 294, 303, 614, 615
 Карл X Густав, король Швеции 525, 526, 619, 620, 621, 624, 625, 634
 Карл XI, король Швеции 63, 488, 624, 625
 Карл XII, король Швеции 489, 625
 Карл II Зиммернский, курфюрст Пфальца 531
 Карл II Штирийский, эрцгерцог 217
 Карл Людвиг, эрцгерцог 588
 Карл Смелый, герцог Бургундский 212
 Карл Филипп, шведский королевич 305, 306
 Карл Эммануил I, герцог Савойский 134, 599
 Карл Эммануил II, герцог Савойский 599, 601
 Карлштадт Андреас 223
 Каро Иосиф, рабби 477

Карпаччо Витторе 135
 Карраччи братья 123
 Картье Жак 47, 147, 747, 780
 Кастеллион Себастьян 116
 Кастельянос Хуан де 450
 Кастильоне Бальдассаре 122, 134
 Катарина Саксен-Лауэнбургская 239
 Катарина Ягеллонка, королева Швеции,
 жена Юхана III 240
 Каччини Дж. 514, 515
 Кванхэ-гун, правитель Кореи 713, 714
 Кеведо-и-Вильегас Франсиско де 513,
 590
 Кей Ливен де 564
 Кейзер П.Д. 735
 Кейсер Хендрик де 564
 Кемден Уильям 210
 Кеплер Иоганн 85, 86, 87, 88, 90, 91,
 256, 257
 Кеттлер Готхард, магистр Ливонского
 ордена 248
 Кеттлер Якоб, герцог Курляндии 751
 Кёпрюлю, династия османских везиров
 672–675
 Мехмед-паша, родоначальник дина-
 стии 672, 674
 Мерзифонлу Кара Мустафа
 (Мустафа-паша, Кара Муста-
 фа), зять Мехмед-паши 672,
 674, 675
 Фазыл Ахмед-паша (Ахмед-паша),
 сын Мехмед-паши 672, 673
 Кёр Жак 29
 Кёсем-султан, мать Мурада IV и Ибра-
 гима I 672
 Кигери I Мукобанья, правитель Руанды
 432
 Кирога Васко де 50
 Клавдий (Галадеус), негус Эфиопии
 407, 408, 414
 Кларендон, граф 544
 Клас Питер 563
 Клеве Йос ван 190
 Клезль Мельхиор, епископ 227
 Клеман, Жак, убийца короля Франции
 Генриха III 156, 157
 Климент VII, папа 119, 121, 128, 132,
 313
 Климент VIII, папа 130, 410
 Климент X, папа 598
 Клузий Карл (Шарль Делеклюз) 192
 Ключевский В.О. 661, 662

Кобаякава Кагэкацу 719
 Ковердейл Майлз 201, 203
 Козеллек Р. 773
 Козимо I Медичи, великий герцог То-
 сканский 133
 Козимо II Медичи, великий герцог То-
 сканский 600
 Козимо III Медичи, великий герцог То-
 сканский 600
 Койтер Волхер 192
 Коклей Иоганн 213
 Колер И. 216
 Колет Джон 210
 Коли Тенгела, правитель Фута-Торо,
 основатель династии Деньянкебе
 419
 Колиньи Г. де, адмирал, участник Рели-
 гиозных войн во Франции 150, 151
 Коложвари Томаш 270
 Коломбо Р. 100
 Колумб Христофор 11, 41, 42, 47, 60,
 458
 Кольбер Жан-Батист, государственный
 деятель 574–575, 748, 749
 Колычев Филипп – см. Филипп, митро-
 полит 288
 Коменский Ян Амос 111, 626, 630
 Коммин Филипп де 137
 Конгрив Уильям 551
 Конде
 Генрих II (Анри) 567, 568
 Людовик I (Луи), принц из рода Бур-
 бонов 147, 148, 149, 152, 153
 Людовик II (Великий Конде) 572,
 573
 Конинк Филипс 563
 Константин IX Мономах, византийский
 император 276
 Конфуций 383
 Кончини Кончино, фаворит Марии Ме-
 дичи 568
 Коперник Николай 84, 85, 86, 87, 90,
 122, 271, 580, 629
 Корелли Арканджело 515, 596
 Корнель Пьер 513, 514, 577
 Кортес Эрнан, конкистадор, завоеватель
 Мексики 45, 50, 65
 Коссов см. Сильвестр
 Котов Федот 679
 Кохановский Ян 271, 272
 Коховский Веспасиан 636
 Крапах Старший Лукас 228

- Кранмер Томас, деятель Реформации 201, 202
 Краппе Роланд 750
 Крижанич Юрий 632
 Кристеллер П.О. 70
 Кристиан I, король Дании 232
 Кристиан II, король Дании 233, 234, 236
 Кристиан III, король Дании 236, 237
 Кристиан IV, король Дании 519, 616, 617, 619, 620, 750
 Кристина Лотарингская, регентша при Фердинанде II 600
 Кристина, королева Швеции 618, 619
 Кришнадеварая, правитель империи Виджаянагар 353
 Кромвель Оливер 62, 537, 540, 541, 542, 543, 544, 558
 Кромвель Ричард 543
 Кромвель Томас 199, 202
 Крот Рубеан 221
 Ксавье Франциск (Франсиско Хавьер, Франциск Ксаверий) 41, 401
 Кун Юдэ, китайский военачальник 705
 Курбский Андрей Михайлович, князь 280, 283, 286
 Курт Питер де ла, экономист 562
 Кутб-шахи, династия султанов Голконды в Индии 351
 Кухорн Менно ван 64
 Лайош (Людовик) II, король Венгрии и Чехии 212, 254, 260, 320, 338
 Ламбер Франсуа 223
 Ланди С. 514
 Лас Касас Бартоломе де 42, 50, 448
 Латимер Хью, деятель Реформации 201, 202
 Ла Тур Жорж де 507
 Ле Буржуа Марен 63
 Ле Поздние, династия во Вьетнаме 368
 Ле Лой, основатель династии Поздних Ле 17
 Лебна-Денгель (Давид II), негус Эфиопии 404–407
 Лев X, папа 119, 127, 138, 233, 312, 313
 Лев Африканский 420
 Лев бен Бецалель Иегуда 257
 Леван II Дадиани, князь Менгрелии 459
 Левенгук Антони ван 84, 101, 561
 Леденберг – см. Ван Леденберг
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 89, 91, 588, 612, 753, 772
 Лейв Эйрикссон 472
 Лейонхувуд Маргарета 238
 Лемерсье Ж. 505
 Ленин В.И. 661
 Ленотр А. 505
 Леонардо да Винчи 30, 123, 134, 138
 Леопольд I, император Священной Римской империи 113, 116, 530, 608, 609, 629, 631
 Леркари Франческо, дож Генуи 601
 Лерма, герцог, Франсиско Гомес де Сандоваль-и-Рохас 584, 585
 Ле Руа Л. 146
 Лескарбо М. 747
 Лесли А. 66
 Лестер, граф 188, 317
 Лефевр д'Этапль Жак 139
 Лжедмитрий I, самозванец в России 294–296
 Лжедмитрий II («Тушинский вор»), самозванец в России 298, 299, 300, 301
 Ли, династия ванов в Корее 14, 386, 388
 Ли Джин 716
 Ли Жусун, военачальник 712
 Ли Саньцай, чиновник 697
 Ли Сугван (псевдоним Чибон) 716
 Ли Сунсин, военачальник 65, 710, 712, 713
 Ли Цзычэн (император Да Шунь), лидер Крестьянской войны в Китае 699, 700, 703
 Лили У. 210
 Лильберн Джон, руководитель левеллеров 539, 541
 Лим Ккокчон, лидер восстания в Хванхэ в Корее 388
 Лим Чже 390
 Линэкр Томас 210
 Липперсхей Ханс 84
 Лисовский А.Ю. 298
 Ллойд Эдвард 763, 772
 Лобо И. 411
 Ловчиков Г. 287
 Лод Уильям, архиепископ Кентерберийский 535, 536
 Лоди, афганская династия правителей Делийского султаната 350
 Лодовико Моро (Сфорца), герцог Миланский 118, 119, 312

- Лойола Игнатий (Игнасио) 80, 81, 169
 Локк Джон 116, 551, 762
 Лонгена Бальдассаре 596, 602
 Лопе де Вега см. Вега
 Лопес де Легаспи М. 46
 Лопиталь Мишель де, политический деятель 147, 148, 149
 Лоррен Клод 508–510
 Лоуэр Р. 101
 Лу-ван, претендент на престол из династии Мин 704
 Лувуа Ф.-М., военный министр Франции 576
 Луиза Генриетта Оранская-Нассау, жена Фридриха Вильгельма I 610
 Луиза Лотарингская, королева Франции, жена Генриха III 154
 Луиза Савойская, королева Франции 140
 Луиш, инфант португальский 175
 Лука из Вананда см. Ванандеци
 Лука Лейденский 190
 Лурия Ашкенази, Исаак 477
 Лю Цзинь 374
 Людовик II Венгерский см. Лайош
 Людовик XII, король Франции 118, 137, 138, 311, 312
 Людовик XIII, король Франции 108, 756
 Людовик XIV, король Франции 108, 116, 483, 485, 505, 511, 524, 528, 531, 545, 559, 570, 571, 573–575, 579, 588, 598, 599, 601, 608, 749
 Людовик Нассауский 183
 Людовик Орлеанский – см. Людовик XII
 Людовик Ягеллон – см. Лайош
 Люин (Люинь), Шарль де 568
 Люй Цзи 385
 Люлли Жан Батист 514, 515
 Лютер Мартин 32, 75, 76, 77, 78, 112, 139, 144, 176, 180, 201, 221, 222, 223, 226, 227, 228, 235, 474, 770
 Ляпунов Прокопий 296, 297, 301, 303
 Магеллан Фернан 43, 44, 371
 Магнус, брат датского короля 247
 Мадерна Карло 503, 595
 Мазаньелло 587, 599
 Мазарини Джулио 571, 572, 573, 574, 579, 608
 Майеннский, герцог (Шарль де Гиз) 156–158
 Майер М. 257
 Майр Ганс 429
 Мак, династия во Вьетнаме 368
 Мак Данг Зунг, правитель Вьетнама 368
 Макарий, митрополит 280, 282, 283, 285, 287
 Макиавелли Никколо 7, 28, 122, 124, 132, 152
 Макс Эммануил, герцог Баварский 611
 Максим Грек (Михаил Триволис) 277, 283
 Максимилиан I Габсбург, император Священной Римской империи 31, 139, 161, 212, 260, 312, 313
 Максимилиан II Габсбург, император Священной Римской империи 152, 213, 216, 217, 227, 252
 Максимилиан I, герцог Баварии 517, 605, 611, 628
 Маль Э. 501
 Мальпиги М. 91
 Мандер Карел ван 191
 Мансар Ж.-А. 505
 Мануэл I Счастливый, король Португалии 41, 172–176, 406, 425, 591
 Маньяско А. 509
 Маргарита Валуа, королева Наварры и Франции, жена Генриха IV, сестра Карла IX 150
 Маргарита Наваррская, королева Наварры, жена короля Генриха д'Альбре и мать Жанны д'Альбре 139
 Маргарита Пармская, наместница короля Испании в Нидерландах 182, 183
 Мариана Хуан де 171
 Марианна Австрийская, королева Испании 587
 Марина – см. Мнишек
 Маринео Сиколо Л. 161
 Марино Джамбаттиста 599
 Мариотт Эдм 89
 Мария Бургундская 139
 Мария Венгерская 178
 Мария Казимира Собеская, королева Польши 636
 Мария Кристина Французская («Королевственная Мадам», сестра Людовика XIII) 599

- Мария Лотарингская (регентша Шотландии, мать Марии Стюарт) 207
 Мария Магдалина Австрийская (регентша при Фердинанде II) 600
 Мария Медичи см. Медичи
 Мария Стюарт, королева Шотландии и Франции 148, 207, 208, 310, 317, 318
 Мария Стюарт, королева Англии и Шотландии, жена Вильгельма III Оранского 529, 546–548, 551, 560
 Мария Темрюковна, царица, жена Ивана Грозного 455
 Мария Тереза, королева Франции, жена Людовика XIV 524, 528
 Мария Тюдор («Кровавая»), королева Англии 105, 168, 203, 315
 Маркс Карл 52, 58
 Марло Кристофер 211
 Марникс тот Синт Альдегонде Филипп ван 191
 Марстон Джон 548
 Мартире д'Ангиера (Ангьера) Пьетро (Педро Мартир де Англери) 50, 161
 Марусерана, династия правителей на Мадагаскаре 436
 Марци Ян 629
 Массимилиано Сфорца, герцог Миланский 119
 Матисен Ян 180
 Маттиэ Юханнес 619
 Матфей (Матвей, Маттиас, Матиас, Матьяш) Габсбург, император Священной Римской империи 256, 605, 606
 Матфей (Матевос) 406
 Матьяш Корвин, король Венгрии 253, 259, 261, 271
 Маунтджой, лорд, английский наместник Ирландии 206
 Махмуд Бегара (Абу-л Фатх Махмуд), султан Гуджарата 350
 Махмуд Гаван 18
 Махмуд-султан, предводитель узбеков, потомок Шибана 346
 Махмуд-шах, правитель Малаккского султаната 369
 Мацудайра, даймё (см. также Токугава) 392
 Мацудайра Мотоясу (см. также Токугава Иэясу) 397
 Мацумаэ, даймё 725
 Машкареньяш Педру ди 437
 Маэда Тосииэ 719
 Мбоо, правитель Лунда 428
 Мбуле а Нгоонге, правитель (ньими) Куба 428
 Мванамбиньи (Лунда) 428
 Медведев Сильвестр 658, 659
 Медина Сидония, герцог 587
 Медичи, династия 6, 132
 Алессандро, герцог 132
 Джованни см. Лев Х
 Джованни делле Банде Нере 132
 Екатерина, королева Франции 105, 147, 148, 149, 150
 Козимо – см. Козимо Медичи
 Лоренцино (Лоренцаччо) 132
 Лоренцо «Великолепный», правитель Флоренции 118, 132, 312
 Мария, королева Франции 567, 568, 569, 600
 Пьеро ди Лоренцо, правитель Флоренции 132
 Фердинанд – см. Фердинанд Медичи
 Франциск – см. Франческо Медичи
 Меланхтон Филипп 223, 224, 225, 226
 Мельхиор см. Клезль
 Мельчевский Марцин 637
 Мендес, католический патриарх Эфиопии 411, 412
 Мендес Грасия 477
 Мендес-Бенвенисте Иосиф (Наси) 477
 Мендеш Пинту Фернан 177
 Мере Польтро де 149
 Меркадо Т. де 50, 171
 Меркатор Герард 192, 561
 Меркёр, герцог 158
 Мессершмидт, Ф.К. 511
 Метсю Г. 510
 Метерен Эмманюэль ван 189, 190
 Мехмед II Фатих, османский султан 24, 25, 28, 328–330, 335, 341, 663
 Мехмед III, османский султан 668
 Мехмед IV, османский султан 671, 672
 Мехмед, правитель области Хадия 405
 Мехмед-паша 672
 Мёнджон, ван Кореи 388

- Мибамбве I Мутабази, правитель Руанды 432
 Мигель, внук Фердинанда и Изабеллы 161
 Миёси, клан в Японии 391, 392, 397
 Микеланджело Буонарроти 123
 Милославская Мария, царица, первая жена Алексея Михайловича 640, 656
 Милтон (Мильтон) Джон, поэт и политический деятель 94, 514, 550
 Мин, династия (см. также Чжу) 10, 13–15, 17, 372, 374, 376, 377, 380, 383–385, 386, 463, 464, 695, 698–700, 702–706, 708, 709, 714, 724
 Мин Гуй ван, правитель Гуанси из династии Мин 705
 Мина, негус Эфиопии 405, 408
 Минамото (Гэндзи), влиятельный японский род 719
 Минамото Ёритомо, основатель Камакурского сёгуната 719
 Минин Козьма 303, 634
 Мисюрь Мунехин 276
 Михаил Вишневецкий, король Польши 635
 Михаил Федорович, русский царь 291, 305, 521, 640, 641, 643
 Михай Храбрый, валашский господарь 322
 Михна Адам 629
 Мнишек Марина 294, 305, 679
 Мнишек Юрий, самборский воевода 294, 295
 Молчанов Михаил 296
 Мольер Жан-Батист 513, 577, 579
 Мон П. де 747
 Монк Джордж, военачальник 544
 Монкада С. де 589
 Монмаут (Монмут) Джеймс Скотт, герцог 546
 Монморанси Анн де, коннетабль 145, 149, 315
 Монморанси Анри II, герцог и маршал, губернатор Лангедока 569, 570
 Монсдоттер Карин 240
 Монтеверди Клаудио 514, 596, 602
 Монтекукколи Раймондо 62
 Монтень Мишель де 50, 116, 146
 Мор Томас 50, 144, 202, 210
 Моралес А де 171
 Морган Генри 65, 728
 Морен Симон 578
 Мори, даймё 392, 398, 399, 719
 Мори Тэрумото 719
 Морино М. 497, 498
 Мориц Нассауский, статхаудер 62, 188, 189, 554, 555, 754, 758, 759
 Мориц Саксонский, курфюрст, 224, 225
 Морозини Франческо, дож Венеции 602
 Моро см. Лодовико Моро
 Морозов Б.И., боярин 640, 644
 Морозова Ф.П., боярыня 654
 Мстиславец Петр – см. Петр Мстиславец
 Мулай Исмаил, султан Марокко 670
 Мумтаз Махал 682, 683
 Мурад, брат Аурангзеба 683
 Мурад, султан в Центральном и Южном Иране 344
 Мурад III, османский султан 322, 349, 668, 676
 Мурад IV, османский султан 671, 680
 Мурильо Бартоломе Эстебан (1617–1682) 511, 590
 Муса, правитель Сонгая 418
 Мустафа, сын Сулеймана I 341
 Мухаммад (Мухаммед, Мохаммед), пророк 336, 370
 Мухаммед-Гирей, крымский хан 457
 Мухаммад Румфа, правитель Кано, города хауса 421
 Мухаммед Тур I, правитель Сонгая 417, 418, 421
 Мухаммад Хаким, сводный брат Акбара, императора из династии Великих Моголов 356
 Мухаммад Ходабенде, брат Исмаила II, правитель Ирана 349, 676
 Муциан Руф 221
 Мэйо Дж. 101
 Мюллер Иоганн (Региомонтан) 37
 Мюнцер Томас, предводитель Крестьянской войны в Германии 223, 224
 Наливайко С., атаман 294
 Нанак, гуру, основоположник сикхизма 19, 685
 Нандабайин, правитель империи Пегу в Бирме 366

- Наод, негус Эфиопии 406, 414
 Наод Могаса 406
 Наресуан (Пра Нарет), король Аютин 366, 367
 Нарышкины 656, 657
 Нарышкина Наталья, царица, вторая жена Алексея Михайловича 641, 656
 Нгуен, династия во Вьетнаме 368
 Небриха Элио Антонио де 161
 Невежа Тимофеев 284
 Непер (Нэпер) Джон 89
 Нзинги Мбанди, нгола (правительница) Ндонго 427
 Никитин Афанасий 10
 Никифор Тарасиев 284
 Никон, патриарх 645, 646, 647, 648, 652, 653, 654, 655, 656, 658, 770
 Нил Сорский 276
 Нитхард-Готхард Матиас – см. Грюневальд
 Нокс Джон, деятель Реформации 207
 Норман Георг 538
 Нортумберленд, герцог 203
 Нtare III Рушатси, правитель Бурунди 432
 Нуньес де Бальбоа Васко 43, 45
 Нурбану-султан, мать Мурада III 668
 Нурхаци (Тай-цзу), правитель маньчжуров 700–702
 Ньютон Исаак 86, 87, 88, 89, 91, 92, 94, 552, 762, 774

 Обой (Аобай) 705
 Оболенские, княжеский дом 287
 Ода Нобунага, даймё 65, 397–401, 717, 718, 721, 754
 Одоевский Н.И. 644
 Оксеншерна Аксель 615, 617–619
 Олденбарневелт Йохан ван, великий пенсионарий Голландии 189, 554, 555, 736
 Оливарес, граф-герцог, Гаспар де Гусман 486, 584, 586, 587, 590, 591
 Оливер Исаак 211
 Олид Кристоаль де 45
 Олье Ж.-Ж. 577
 Омура Сумитада 401
 Опиц Мартин 612

 Оранские-Нассау, династия 181, 189, 553, 557
 Ордин-Нащокин А.Л., боярин 650
 Орельяна Франсиско де 45
 Орлей Барент ван 190
 Ортелий Абрахам 48, 189, 192, 561
 Орти Л. 171
 Осман II, османский султан 671
 Остаде Адриан, ван 510, 563
 Острожский К., воевода, князь 294
 Отман Франсуа 152
 Отомо, даймё 392
 Отомо Ёсисигэ 401
 Отрепьев Григорий см. Лжедмитрий I
 Оттар Халогаландец 468
 Оути, даймё 392
 Охеда Алонсо де 43

 Павел III 128, 314
 Павел IV 128, 315
 Павел V 597, 601
 Павел из Левочи 270
 Падилья Хуан де 163
 Пазмань Петер 264, 272
 Пакье Этьен 146
 Палестрина Дж. 124
 Палладио Андреа 135
 Пантоха де ла Крус Х. 170
 Паоло да Нови 131
 Папен Дени 83
 Парацельс 99, 296, 297
 Пармиджанино 123
 Паскаль Блез 88, 89, 578
 Паскевич И.Ф. 346
 Патрикеев Вассиан – см. Вассиан Патрикеев
 Патрици да Керсо Франческо 122
 Пауатан 739
 Пачеко Мария 163
 Пашков И. 296, 297
 Пеке Жан 100
 Пенкель Б. 637
 Пенн Уильям 741
 Перестрелло Рафаэль 381
 Пери Якопо 124
 Пернштейны, дворянский род в Чехии 255
 Перро К. 505
 Перссон Йеран 241
 Петлин Иван 695

- Петр I, российский царь 66, 532 602, 636, 642
 Петр Могила, киевский митрополит 636, 647, 648, 653
 Петр Мстиславец 283–284
 Петр Фрязин (Петрок Малый) 280
 Петрарка Франческо 117
 Петри Олаус 235
 Петрос, сын Хачатура из Джульфы 753
 Пёрселл Генри 515
 Пий IV, папа 128
 Пий V, папа 128, 129, 208
 Пинсон В.Я. 43
 Пиреш Томе 381
 Пири Рейс (Реис), турецкий адмирал 338
 Писарро Гонсало 45
 Писарро Франсиско, завоеватель Тауантинсуйю 45, 47, 65
 Питирим, митрополит 645
 Плавт 124
 Плантен Кристоф 191, 192
 Платон 72, 94
 Плеттенберг Вальтер фон, магистр Ливонского ордена 27, 245, 247
 Пожарский Д.М., князь 303, 305, 634
 Покахонтас 739–740
 Поло Марко 37, 41
 Помпонацци Пьетро 123
 Понтормо 123
 Попов Федот 34
 Портелли д'Асколи Эмидио 459
 Поссевино Антонио, папский нунций 289
 Потемкин П.И. 587
 Потисарат 367
 Потоцкий В. 636
 Поуп Александер 552
 Поццо А. 503
 Поярков Василий 652
 Прайд Томас 540
 Пратап Сингх, рана (правитель) Мевара 356
 Прокоп Сазавский 630
 Птолемей Клавдий 35
 Пуссен Николя 508–510, 596
 Пу Сун Лин 768
 Пюхю Конрад фон 238
 Равальяк Ф. 567
 Радаи, вождь фалаша 409
 Раджа Сулайман, правитель Тондо (Филиппины) 371
 Разин Степан, атаман 655, 656
 Ракоци Дьёрдь (Георгий) II, князь 526, 631
 Ференц 491
 Раламбу, мпанзака Имерины 435
 Рамараджа, правитель империи Виджаянага 353
 Раме Пьер де ля (Рамус) 82
 Рами Мехмед 675
 Расин Жан 513, 514, 579
 Рафаэль Санти из Урбино 123, 128, 134
 Региомонтан – см. Мюллер Иоганн
 Рей Миколай 271
 Рейс (Реис) Кемаль 28
 Рейсдадь Якоб ван 563
 Рейхлин Иоганн 221, 474
 Рекесенс Луис де, наместник Филиппа II в Нидерландах 184
 Рембрандт Харменс ван Рейн 95, 507, 562, 564, 596, 774
 Ремезов С.У. 661
 Рен Кристофер 506, 551
 Рене Анжуйский 137
 Рени Гвидо 508, 595
 Рёйтер (Рюйтер) Миخیель (Михиел) де, адмирал 65, 558, 560
 Рибера Хусепе (Хосе) де 590, 596
 Риго Г. 485
 Рид Б. 270
 Римплер Георг 64
 Ричард III, король Англии 198
 Риччи Маттео 41, 695
 Ришелье, герцог, кардинал, Арман Жан Дюплесси 484, 520, 568, 569, 570, 571, 577, 579, 746, 748
 Роберваль 147
 Родригес де Фонсека Хуан 442
 Роксолана (Хюррем-султан), жена Сулеймана I 341
 Рольф Джон 740
 Романо Джулио 123, 134
 Романо Р. 496
 Романовы, династия 293, 491, 634, 640, 642, 660
 Романова Анастасия 278, 284, 290
 Романов Алексей – см. Алексей Михайлович
 Романов Михаил см. Михаил Федорович

Ромодановский Г.Г., боярин 650
 Ростовские, княжеский дом 287
 Ртищев Ф.М. 658
 Рубенс Петер (Питер) Пауль 131, 506, 508–510, 548, 593, 596
 Рудбек О. 100
 Рудольф II Габсбург, император Священной Римской империи 217, 227, 249, 252, 256–258, 263, 322, 511, 604, 605
 Ружинский Роман, гетман 298
 Руффо Марко 275
 Рэли (Рейли, Ралей) Уолтер 439, 739
 Рюдзодзи 392
 Рюйш Фредерик 561
 Рюриковичи, династия 273, 293, 296, 298

 Сабла Вангель, царица Эфиопии 407
 Савин А.Н. 194
 Савонарола Джироламо 132
 Саиф бин Султан, правитель Оманского султаната 670
 Сакусайну, лидер восстания айнов на Хоккайдо 726
 Сакс Ганс 227
 Сальви Никколо 504
 Самойлович И., гетман Левобережной Украины 650, 657
 Самбхаджи (Шамбхуджи), правитель маратхов 687
 Санга рана (правитель) Мевара 350, 354
 Сандоваль Гонсало 45
 Санта Крус, маркиз, Альваро де Басан 65
 Санторио С. 101
 Санулла 666
 Санчес Коэльо А. 170
 Сапега Ян Петр, гетман 298, 633
 Сарпи Паоло 601
 Сарса-Денгель, негус Эфиопии 408–410
 Сатомура Дзёха 402
 Сафи ад-Дин, шейх, родоначальник и эпоним Сефевидов в Иране 344, 601
 Сафийе-султан, мать Мехмеда III 668
 Сваммердам Ян 101
 Свифт Джонатан 552
 Сегье Пьер, канцлер Франции 570
 Седжо, ван Кореи 386, 387, 389

Седжон, ван Кореи 15, 33, 386, 387
 Сеит Саафер, башкирский вождь 656
 Сейсель Клод 142
 Селим I (Явуз, Грозный), османский султан 25, 27, 309, 335, 336, 338, 341, 345, 451
 Селим II (по прозвищу Пьяница), османский султан 477
 Сен-Мар Анри, маркиз 570
 Сервантес Сааведра Мигель де 7, 169, 589
 Сервет Мигель 78, 90, 100
 Сеттатират, правитель Лансанга 367
 Сефи I, шах Ирана из династии Сефевидов 680
 Сехестед Ханнибал 620
 Сигизмунд I Старый, король Польши 260, 261, 266, 474
 Сигизмунд II Август, король Польши 240, 247, 267, 285, 286, 289, 323, 324
 Сигизмунд III, король Польши 241, 269, 294, 297, 298, 301, 303, 323, 324, 518, 521, 633, 647
 Сиденгам Томас 102
 Сидни Филипп 210
 Сикандар-шах, делийский султан 350
 Сикст V, папа 129
 Сильвестр, духовник Ивана IV 284–286
 Сильвестр Коссов, киевский митрополит 648, 649
 Сильвий Ф. 101
 Симадзу, даймё 392
 Симеон Бекбулатович, 289
 Симеон Полоцкий (Петровский-Ситнианович) 658, 659
 Синан 338
 Сиснерос см. Хименес де Сиснерос
 Скандербег Георгий 27
 Скарга Петр 264, 271
 Скарлатти Алессандро 514, 596
 Скаррон Поль 513
 Скопин-Шуйский М.В., князь, полководец и государственный деятель 300
 Скуратов Малюта 288
 Славинецкий Епифаний 659
 Смит Адам 769
 Смит Джон 739–740
 Собеская см. Мария Казимира
 Содерини Пьеро, пожизненный гонфалоньер Флоренции 132

- Сокан 402
 Солари Пьетро Антонио 275
 Соломония Сабурова, жена Василия III 276
 Сомерсет, герцог 203
 Сонготу, регент при императоре Сюанье 705
 Сонджо, ван Кореи 388, 710, 713
 Сонджон, ван Кореи 387
 Сорель III. 513
 Сотело Луис 719
 София Ганноверская, герцогиня 548
 Сото Эрнандо де 45
 Софья (София, Зоя) Палеолог, жена Ивана III 273
 Софья, царица 641, 642, 657, 659, 662
 Спарре Эрик 241
 Спиноза Бенедикт (Барух) 72, 94, 562
 Спрангер (Шпрангер) Б. 257, 604
 Стародубские, княжеский дом 287
 Ствош Вит (Файт Штосс) 270
 Стевин С. 89
 Стен Ян ван 563
 Стефан – см. Баторий
 Стефан III Великий, господарь Молдавии 27
 Стоу Дж. 210
 Стрешнева Евдокия, царица, жена Михаила Федоровича 640
 Стуре
 Нильс 240
 Сванте 233
 Стен Старший, регент Швеции 232, 247
 Стен Младший 233, 239, 240
 Стюарт Мария см. Мария Стюарт
 Суарес Франсиско 588
 Суассон (Луи де Бурбон), граф 570
 Суксон, ван Кореи 715, 789
 Сулейман I (Законодатель (Кануни), Великолепный), османский султан 32, 261, 329, 332, 337–341, 347, 477, 671, 674
 Сулейман II, османский султан 674
 Сулейман, шах Ирана из династии Сефевидов 680
 Сулигга Вонгса, правитель Лансанга 368
 Султан-Хусейн, шах Ирана из династии Сефевидов 681
 Сумбулов Г.Ф. 296
 Сун, династия 13
 Сурбаран Франсиско 509, 511, 590
 Сурита Х. де 171
 Сусейнос (Сиссиния), негус Эфиопии 410–412
 Сфорца, династия 314
 Сфорца Бьянка Мария 212
 Лодовико см. Лодовико Моро
 Массимилиано – см. Массимилиано Сфорца
 Франческо – см. Франческо Сфорца
 Сымэнь Цин 384
 Сэн-но Рикю 402
 Сэссон 403
 Сэсю Тоё 403
 Сюанье (Канси), император династии Цин 705, 706, 708, 709, 755
 Сюлли Максимильен де Бетюн 565, 566
 Ся Янь 375
 Табиншветхи, правитель империи Пегу в Бирме 365
 Тавернье Жан-Батист 352
 Такэда, даймё, Япония 392, 397, 398
 Такэда Кацуёри 398
 Такэда Сингэн 397, 398
 Тарасиев Никифор 284
 Тасман Абел Янсзон 49
 Тассо Торквато 124
 Таунгу династия 362, 365, 366
 Таусен Ханс 235
 Тахмасп I, шах Ирана из династии Сефевидов 346, 347, 348
 Тезауро Э. 516
 Телезио Бернардино 122, 123
 Темрюк, князь Кабарды 455
 Терборх Герард 510, 522, 563
 Тереза (Тереса) Авильская, святая 81, 169
 Теренций 124
 Тессин Никодим 506
 Тессин Младший, Никодим 506
 Тетцель Иоганн 222
 Тёкёли Имре, трансильванский магнат 631
 Тёсокабэ, даймё 392
 Тикамацу Мондзаэмон 725
 Тимофеев см. Невежа
 Тимур (Тамерлан) 19–23, 25, 26, 334, 342, 350
 Тимуриды 21–24, 342, 343, 346, 354

Тиндал Уильям, деятель Реформации 201
 Тинторетто (Якопо Робусти) 135
 Тирконел, граф, лидер антианглийского восстания в Ирландии 206
 Тирон, граф, лидер антианглийского восстания в Ирландии 206
 Тирсо де Молина 513, 589
 Тирумала, основатель последней династии Виджаянагара, Аравиду 353, 354
 Титуба 743
 Тициан Вечеллио 103, 134, 135, 163, 170
 Тогон-Тэмур 463
 Тогус-Тэмур 463
 Тоётоми Хидэёри 718, 719
 Тоётоми Хидэёси 391, 395, 397, 399–402, 710, 712, 713, 717–719
 Токугава, династия сёгунов в Японии 392, 397, 400, 713, 717, 719, 721–723, 725, 726, 755
 Токугава Иэмицу 704
 Токугава Иэясу (Мацудайра Мотоясу) 65, 397–399, 402, 713, 719, 721, 781
 Токугава Хидэтада 719, 720
 Токугава Цунаёси 725
 Толедо Х.Б. де 170
 Торквемада Томас де 160
 Торрес – см. Ваэс де Торрес Л.
 Торриджано Пьетро 210
 Торричелли Эванджелиста 83, 89
 Транквилион-Ставровецкий Кирилл 646, 647
 Тролле
 Густав 233
 Эрик 233
 Тромп М., адмирал 558
 Трубецкой Д.Т., князь 303
 Тульп (Тюльп, Тюлп) Николаес 561
 Тун Мутахир 369
 Тун Перак 369
 Тупак Инка Юпанки, правитель Тауантинсуйю 12
 Турзо, венгерский род 252, 262
 Тюдоры, династия 195, 198–200, 206, 210, 310
 Тюдор Мария – см. Мария Тюдор
 Тюльп – см. Тульп
 Тюрени Анри 62

У Ляньфу 705
 У Саньгуй, китайский полководец 702, 703, 705, 706
 У Чэньзэнь 384
 Уайетт Томас 203
 Узун Хасан («Длинный Хасан»), правитель Ак-Коюнлу 24, 25, 334, 343, 344
 Уиллис Томас 101
 Уиллоуби (Уиллоби) Хью 48, 205
 Уильямс Роджер 741
 Уинстенли Джерард 541
 Укита Хидэиэ 719
 Улама-бек Текелю, кызылбашский эмир 347
 Улугбек, правитель Мавераннахра 21, 342
 Урбан VIII, папа 597, 598, 786
 Уртадо де Мендоса Диего 171
 Урудж-бек (Дон Хуан Персидский) 679
 Урусова Е.П., боярыня 654
 Уседа, герцог 585
 Ушаков Симон 660
 Уэбстер Д. 549
 Уэсуги (Нагао), даймё 392, 397, 398
 Уэсуги Кэнсин 398

Фабриций Иеронимус 100
 Фабрициус Карел 562, 627
 Фазыл Ахмед-паша 672
 Файт фон Зекендорф Людвиг 612
 Фандзаго К. 504
 Фарид 354, 355
 Фаркер Джордж 551
 Фарнезе, знатный итальянский род 186, 314, 597
 Александр (Алессандро), герцог Пармский 186, 314
 Алессандро – см. Павел III
 Пьерлуиджи 128
 Фасилидас, негус Эфиопии 412–414, 787
 Федерико II Арагонский, король Неаполитанский 119
 Федерико II – см. Гонзага
 Федор Алексеевич, русский царь 640–642, 645, 647, 656, 660, 662
 Федор Иоаннович, русский царь 290, 292, 293
 Федоров Иван, первопечатник 283, 284
 Федоров И.П., боярин 288

- Феодора Комнина, жена Узун-Хасана 343, 344
 Фердинанд I Габсбург, император Священной Римской империи 162, 167, 212, 213, 216, 217, 225, 226, 252, 254, 255, 261, 324, 338
 Фердинанд II Габсбург, император Священной Римской империи 258–259, 517–520, 605–606, 609, 626, 628, 628, 634
 Фердинанд III Габсбург, император Священной Римской империи 521, 607
 Фердинанд I, король Неаполитанский 118
 Фердинанд II (Феррандино), внук Фердинанда I Неаполитанского 118
 Фердинанд I Медичи, великий герцог Тосканский 133, 600
 Фердинанд II Медичи, великий герцог Тосканский 600
 Фердинанд (Фернандо) Католический, король Арагона и Кастилии 42, 119, 159–162, 311, 312
 Фердинанд, кардинал-инфант 593
 Ферма П. 88, 89
 Фернандес де Кордова Гонсало 62
 Фернандес де Наваррете Педро 589
 Фернандес де Овьедо Гонсало 449
 Ферфакс Томас, военачальник 537
 Фиески, генуэзский род 131
 Филарет, митрополит (Федор Романов) 298, 301, 305, 306, 640, 645, 646, 657
 Филипп I Габсбург (Филипп Красивый), эрцгерцог, король Кастилии 161, 162, 178
 Филипп II Габсбург, король Испании (как король Португалии – Филипп I) 43, 46, 121, 128, 141, 149, 152, 157, 167, 168–172, 181, 182, 185, 186, 189, 203, 208, 315, 316, 318, 447, 591
 Филипп III Габсбург, король Испании (как король Португалии – Филипп II) 116, 410, 479, 581, 584, 585, 591
 Филипп IV Габсбург, король Испании (как король Португалии – Филипп III) 524, 528, 584, 586, 588, 591, 593
 Филипп V Бурбон, король Испании (Филипп Анжуйский) 486, 588
 Филипп Великодушный, ландграф Гессенский 223, 225
 Филипп-Вильгельм Нейбургский, курфюрст 531
 Филипп, митрополит 288
 Филофей, монах 276
 Фитч Ральф 364
 Фишер Дж., епископ 202
 Флетчер Дж. 548, 549
 Фонсека – см. Родригес де Фонсека
 Фонтана К. 503
 Фонтенель Б. 580
 Франсуа Алансонский, герцог, брат короля Франции Генриха III 152
 Франциск (Франческо) I, великий герцог Тосканский 133
 Франциск I Валуа, король Франции 119, 121, 138, 139, 140–143, 310, 313, 340, 745
 Франциск II Валуа, король Франции 148, 207, 311
 Франциск Сальский, католический святой 81, 577
 Франческо II см. Гонзага
 Франческо II Сфорца, герцог Миланский 120, 130
 Фредерик II, король Дании 234, 235, 237
 Фредерик III, король Дании 487, 619, 621
 Фредерик Хендрик, статхаудер 553
 Фридрих III, император Священной Римской империи 31, 216, 226
 Фридрих V, курфюрст Пфальцский 517, 518, 519, 534, 606, 628
 Фридрих Август I, курфюрст Саксонии 609
 Фридрих Вильгельм («Великий курфюрст») 62, 478, 489, 610, 611, 751
 Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонии 222, 223
 Фриц Йос 220
 Фробишер Мартин 48
 Фрыч Моджевский Анджей 271
 Фуггер Ганс 31
 Фуггеры, династия банкиров и предпринимателей 216, 220, 603, 760, 763
 Фуко М. 771
 Фулинь, император династии Цин 702, 704, 705
 Хабаров Е. 652
 Хавен Ламберт ван 506
 Хаджи, султан Матарам 370

Хайдар-мирза 348
 Хайреддин Барбаросса 337
 Хаклюйт Р. 50, 210
 Халил-Султан, правитель Ирана 342
 Хальвдан, норвежский конунг 468
 Хальс (Халс) Франс 508, 509, 562
 Хар Говинд, гуру сикхов 686
 Хасэкура Цунэнага 719, 720
 Хаутман К. 735
 Хеда Виллем 563
 Хезарфен 457
 Хельмгард фон Хохберг Вольф 216
 Хёджон, ван 715
 Хейзинга Й. 657
 Хейсенс П. 506
 Хигасияма, император Японии 724
 Хиллиард Николас 211
 Хименес де Кесада Г. 46
 Хименес де Сиснерос Франсиско 161, 162
 Хинес де Сепульведа Хуан 448
 Хисикава Моронобу 725
 Хлодвиг 152, 153
 Хлопко Косолап 293
 Хлопова Мария 640
 Хованский И.А., боярин, глава Стрелецкого приказа 657
 Ходзё (Гоходзё), даймё, Япония 392, 397–399, 717
 Ходкевич Я.К., гетман 283, 304, 634
 Холиншед Р. 210
 Холлар В. 629
 Хон Гильдон 389
 Хонтхорст Геррит ван 610
 Хосокава, даймё 391
 Хосокава Масамото 391
 Хофт Питер 564
 Хох Питер де 510, 562
 Хуан Австрийский (дон Хуан Австрийский), полководец, наместник Филиппа II в Нидерландах 168, 186
 Хуан I, король Кастилии 159
 Хуан, инфант, сын Католических королей 161
 Хуан Цзунси 57, 704, 709
 Хуана Безумная, королева Испании 161, 162
 Хуана, инфанта, дочь Энрике IV и жена Афонсу V 159
 Хумаюн, император из династии Великих Моголов 348, 354–356, 683

Хуньяди Янош, военный и политический деятель 26, 27
 Хусейн, шиитский имам 345
 Хусейн-бек шамлу, векиль Исмаила I Сефевиды 347
 Хуссейн Байкара, правитель Герата 21–23

 Царфати Исаак 475
 Цви Саббатай 477, 478
 Цвингли Ульрих 75, 77, 144
 Цезен Ф. фон 513
 Цельтис Конрад 221
 Цепеш Влад – см. Влад III Цепеш
 Цзинь (см. также Цин), маньчжурская династия 700
 Цзиргалан, регент при маньчжурском императоре Фулине 702, 705
 Цин, династия 57, 66, 466, 694, 700, 702, 704–709, 715, 754–757

 Чангамира, вождь розви в Южной Африке 434
 Челеби Эвлия 457, 458
 Челлини Бенвенуто 70, 138
 Ченслер Р. 48, 205
 Чести М.А. 514
 Чжан Сяньчжун 699
 Чжан Цзюйчжэн 375, 379
 Чжан Цун 375
 Чжу Вань 381
 Чжу, императорский род в Китае (династия Мин)
 Чжу Ицзюнь (Шэнь-цзун) 375, 697
 Чжу Хоуцун (Ши-цзун) 374, 375, 380
 Чжу Хоучжао (У-цзун) 373, 374
 Чжу Цзайхоу (Му-цзун) 375, 380, 382
 Чжу Цичжэнь (Ин-цзун) 464
 Чжу Чанло (Гуан-цзун) 697
 Чжу Юаньчжан, основатель династии 374, 383, 699
 Чжу Юцзянь (Сы-цзун) 696, 697, 700
 Чжу Юцзяо (Си-цзун) 695, 696
 Чжэн, династия на Тайване 706
 Чжэн Цзин 706, 708
 Чжэн Чэнгун 705, 706
 Чжэн Хэ 17, 372
 Чингисхан 21, 22, 354, 463, 464

Чинь, род правителей Северного Вьетнама 368

Чиполла К. 496

Чунджон, ван Кореи 387

Чхатрасал, вождь раджпутского клана бунделов 685

Шажиньский С. 637

Шампень Ф. де 509

Шамплэн С. 747

Шан Кэси, китайский военачальник 705, 706

Шараф-хан Бидлиси 349

Шарден Жан 460

Шастель Жан 158

Шах Джахан, император из династии Великих Моголов 682–684, 693

Шаховской Г., князь 297

Шахрух, младший сын Тимура, правитель в Средней Азии 21, 342, 343

Шейн А.С., боярин 657

Шейн М.Б., боярин 647

Шейбани-хан – см. Шейбаниды

Шейбаниды 346

Шейбани-хан (Мухаммад Шейбани) 23, 25, 346, 347, 354

Абдулла II, хан Бухары 356, 676

Абу Саид, правитель Мавераннахра и Хорасана 343

Шейх Низам 693

Шекспир Уильям 7, 50, 75, 211, 548

Шенборн Иоганн Филипп фон, епископ 609

Шер-шах (Шер-хан Фарид, правитель из династии Суrow) 348, 355, 356, 360

Шереметев Ф.И. 300

Шибан (сын Джучи) 346

Шиваджи, чхатрапати (правитель) маратхов 684, 687

Ширли Роберт 65, 679, 680

Ширли Энтони 679, 680

Шкрета К. 629

Шоню П. 495, 498

Шпенер Филипп Якоб 611

Штосс Файт см. Ствош Вит

Шуджа, брат Аурангзеба 683

Шуйский Василий – см. Василий Шуйский

Шуйский Д.И., князь 298

Шунь 383

Шютц Генрих 612

Эвуаре Огидиган (Великий), оба (правитель) Бенина 422, 423

Эген Осман Белюк-баши 675

Эгмонт, граф 181, 182, 183

Эдуард IV, король Англии 199

Эдуард VI, король Англии 203, 310

Эйрикссон Лейв см. Лейв Эйрикссон

Экк Иоганн 222

Эль Греко (Доменикос Теотокопулос) 170, 590

Эльзевир Лодевейк 192

Эммануил Филиберт, герцог Савойский 121, 134

Энгельс Фридрих 58

Энрике IV, король Кастилии 159

Энрике, король Португалии 175

Энрике (Генрих) Мореплаватель, инфант 38

Энрике, епископ конголезской церкви 425

Эразм Роттердамский 138, 139, 144, 161, 167, 176, 191, 210, 221, 774

Эрик XIV, король Швеции 239, 240, 241, 288

Эррера Фернандо де 170

Эррера Хуан де 170, 504

Эсен, хан племенной конфедерации ойратов 464

Эсте см. д'Эсте

Юй 383

Юлий II, папа 119, 127, 128, 312

Юлий III, папа 314

Юн, жена вана Сонджона 387

Юнь Шоупин 709

Юрий Дмитриевич, князь Звенигородский и Галицкий 30

Юрий Хмельницкий 527

Юхан III, король Швеции 241, 251, 288

Ягеллоны (династия) 212, 249, 250, 251, 253, 254, 259, 260, 268, 319, 324, 338, 626

Яжембский А., польский композитор 637

Якоб I, негус Эфиопии 410

Якоб, вождь восстания в Эфиопии 410, 411

Яков I Стюарт, король Англии и Шотландии (как Яков VI) 206, 208, 209, 518, 534, 535

Яков II Стюарт, король Англии и Шотландии 531, 532, 544, 546, 547, 548, 560
Яков IV Стюарт, король Шотландии 206
Яков V, король Шотландии 207
Ян Казимир, польский король 526, 609, 634, 649
Ян Лянь 697
Ян Непомуцкий, святой 630
Ян I Ольбрахт, король Польши 259
Ян Панноний 272
Ян III Собеский, король Польши 62, 530, 532, 598, 635, 636

Ян Тинхэ 374, 375
Янош Жигмонд (Сигизмунд, Янош II Запольяи), король Венгрии, князь Трансильвании 261, 262
Янош I Запольяи (Ян Запольский), князь Трансильвании 260–262
Янсений Корнелий 578
Янссен Э. 506
Яо 383
Ярославские, княжеский дом 28

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

- Аахен (Ахен) 604
Або (Турку) 240
Абомея 424
Абу 355
Абхазия 451, 453, 457
Ава, государство в Юго-Восточной Азии 362, 364, 366
Авила 161, 163
Авиньон 473
Австралия (Новая Голландия) 48, 49
Австрия 32, 134, 166, 214, 217, 227, 258, 338, 517, 518, 587, 598, 624, 628, 666, 670, 673–675
Агра 358, 360, 682, 684, 685, 687, 689, 768
Адаль, область в Эфиопии 404, 408, 413
Адамау, плато в Африке 424
Аданси, полития в Африке 424
Аден 10, 429
Аденский залив 336
Аджаче (Порто-Ново) 424
Аджмер 355
Адзути, замок в Японии 397, 402
Адриатическое море, Адриатика 19, 130
Азамор, г. в Африке 174
Азербайджан 25, 333, 342, 344, 349, 451, 459, 517
Азия 12, 34, 35, 36, 41, 46, 47, 50, 51, 65, 96, 107, 114, 166, 176, 192, 308, 320, 338, 354, 438, 447, 493, 498, 581, 591, 652, 727, 730, 732–735, 737, 750, 760, 774, 775
Азов 66, 454, 455, 532, 533, 655, 675
Азовское море 655, 754
Азорские о-ва 38
Акадия (Новая Шотландия) 747
Акапулько 46, 447, 764, 719
Акваму, полития в Африке 424
Аккерман 334
Ак-Коюнлу 19, 23, 24, 25, 26, 333, 334, 342–344, 451
Аккра (Кристиансбург) 751
Алания 457, 458
Албазин 66, 754, 760
Алгарви 41
Александрия 36
Александровская слобода 284, 286
Алеппо (Халеб) 459, 779. См. также Халеб
Алжир 309, 314, 316, 337–340, 417, 668–670
Аллада 424
Аллахабад 360
Алтай 22, 470
Алькала-де-Энарес 161
Альмаден 445
Альпы 116, 118, 121, 128, 134, 311
Альтдорф 604
Алэ 568
Амазония 439, 746
Амазонка, р. 45, 438, 439, 442, 746
Амасья 347, 460, 666
Амбон, о-в 736
Амбуаз 148, 149
Америка 11, 12, 34–37, 41–43, 45–51, 57, 60, 107, 114, 124, 161, 164, 166, 167, 171, 175, 192, 300, 308, 317, 438, 439, 440, 443, 446–450, 467, 472, 493, 495, 525, 581, 582, 589, 591, 690, 727–731, 737, 739–743, 746, 749–751, 760
Амноккан, р. 389
Амритсар 686
Амстердам 179, 182, 184, 434, 478, 479, 480, 497, 500, 524, 525, 555–557, 559, 561–564, 592, 753, 761, 762, 766
Амударья, р. 347
Амур, р. 66, 652, 754, 757, 760
Амхара 408

Амьен 158
Анадолу, османские районы Анатолии 331
Анапа 457
Анатолия 23–25, 326–328, 331, 333–335, 341, 342, 345, 663, 665–667, 671, 674, 675
Анафэ 173
Ангара, р. 650, 652
Англия 7, 35, 47, 48, 50, 55, 57, 58, 59, 61, 79, 82, 83, 84, 92, 104, 105, 109–114, 116, 136, 145, 157, 168, 161, 169, 172, 175, 184, 187, 188, 193, 195–197, 199, 201–208, 210, 215, 250, 290, 308–310, 312, 313, 315–319, 342, 415, 473, 480, 491, 492, 494, 500, 505, 506, 511–513, 517–519, 524, 528, 529, 531, 532, 534–536, 541–549, 551, 557–560, 564, 587, 591, 592, 594, 598, 601, 605, 608, 617, 620, 622, 669, 679, 680, 690, 691, 727, 728, 732, 733, 737, 739–742, 745–748, 750, 753, 756, 758, 762, 768–770
Ангола 415, 425, 427, 734, 753
Ангумуа, пров. во Франции 157, 570
Андалусия 163, 476
Андхра, княж. в Индии 353
Анды 45
Анжу 152
Анкара 342, 671
Анкона, г. в Италии 130, 477
Анна 14
Антананариву 435
«Антарктическая Франция», колония в Бразилии 745, 746
Антверпен 11, 30, 171, 179, 185, 186, 188, 190, 191, 197, 198, 216, 317, 352, 506, 528, 553, 592, 593, 761
Антильские о-ва (Антилы) 42, 111, 442, 524, 559, 569, 574, 728, 745–749
Антиокия в Новой Гранаде 445
Аньяделло 119
Аомынь см. Макао
Апеннинский п-ов 117, 137, 315, 594
Апулия 119, 134, 312
Арабистан, область в составе Ирана 676
Арабский Ирак 333, 342, 344, 347, 677, 680

Аравийское море 36
Аравийский полуостров (Аравия) 16, 18, 41, 96, 177, 335, 336, 346, 347, 413, 434, 669, 690
Арагон 56, 159, 160, 162, 166, 167, 169, 310, 476, 486
Арагонская Корона 166, 310, 473, 486
Аракан, государство в Юго-Восточной Азии 364, 366
Аракс, р. 677
Аргентина 728, 731
Аргуин, о-в 751
Ардебиль 344, 346, 451
Арекипа 446
Арзамас 299, 303
Арзила 174
Аризона 442
Арктика 12, 467–472
Армагаон, город в Индии 690
Армения 23, 321, 333, 338, 342–344, 347, 452, 460–462, 517
Армянское нагорье 459
Аррас 187, 522
Артуа 178, 179, 186, 313, 524
Архангельск 493, 494, 645, 756, 765
Ассам, область в Индии 350, 684
Астрабад 346
Астраханское ханство 66, 279, 321, 464, 778
Астрахань 299, 305, 321, 455, 656, 679, 753, 765
Атакора горы 419
Атлантический океан (Атлантика) 11, 12, 21, 28, 35, 37, 42, 43, 50, 146, 205, 417, 421, 438, 447, 493, 494, 594, 728, 734, 745
Аугсбург 31, 213, 215, 225, 228
Афганистан 23, 41, 346, 354, 356, 682, 684
Афон 277
Африка 4, 11, 19, 28, 34, 35–37, 39, 41, 42, 49–51, 54, 59, 161, 166, 174, 175, 192, 308, 338, 361, 372, 400, 415–417, 424, 431, 433, 434, 437, 438, 448, 559, 581, 586, 591, 691, 727, 732, 737, 738, 740, 745, 749–751, 756
Африканский рог 10, 16
Ахен см. Аахен

- Ахмаднагар, город в Индии 351, 356, 687
 Ахмаднагар, султанат в Индии 351, 356, 682
 Ахомское государство (в Индии) 684
 Аче (Ачех) 369, 370
 Аюття (Сиам), государство в Юго-Восточной Азии 14, 17, 362, 365–369, 382, 709, 766, 781
 Бавария 212, 217, 219, 227, 517, 520, 523, 531, 557, 603, 605–607
 Багамский архипелаг (Багамские о-ва) 42, 45, 728, 745
 Багдад 338, 345, 517, 530, 669, 680
 Багирми, полития в Африке 421
 Бадахшан 356, 683
 Баия 449
 Байё 570
 Байонна 480
 Балеарские о-ва 28, 164
 Балканский п-ов (Балканы) 25, 261, 320, 326–328, 333, 342, 473, 475–477, 479, 494, 666, 765
 Балтийское море 229, 231, 285, 323, 325, 518, 526, 622
 Балтика 179, 234–236, 247, 264, 266, 306, 322–324, 472, 475, 493, 496, 497, 518, 519, 523, 525, 526, 613, 616, 617, 621, 622, 769
 Балх 342, 683
 Балхаш, оз. 466
 Банга, о-в 736
 Бани, р. в Африке 417
 Банска Быстрица 252
 Банска Штявница 252
 Бантам, г. 735, 737
 Бантен (Бантам), султанат на о-ве Ява 363, 370
 Баол, полития в Африке 419
 Барбадос, о-в 744, 745
 Баренцево море 468
 Басра 345, 347
 Батавия (Джакарта) 494, 733, 734, 737
 Бахчисарай 650
 Баязетский эялет 461
 Безансон 124, 530
 Белая гора, место под Прагой 519, 628
 Белград 262, 320, 338, 531, 532, 674, 675
 Белое море 11, 468, 470, 472
 Белоруссия 527, 648, 649, 650, 652, 653, 658
 Белуджистан 356
 Бельгия 114
 Бенгалия 18, 350, 354, 355, 356, 358, 359, 682, 684, 690, 691, 692, 750
 Бенгела 734
 Бенго, р. в Африке 427
 Бендер-Аббас, г. в Персидском заливе 680
 Бенин, государство в Африке 422–424
 Берар, султанат в Индии 351, 353
 Берген 231, 235
 Берег Слоновой Кости см. Кот д'Ивуар 415
 Бержерак 153
 Берингов мост 467
 Берингов пролив 34, 468
 Берингоморье 467, 469
 Бермудский архипелаг 728
 Берри 153
 Бидар, султанат в Индии 351, 353
 Биджапур, султанат в Индии 350–353, 361, 682–684, 687
 Бильбао 584
 Бирма (Мьянма) 14, 362, 364, 365, 367, 369, 379, 704
 Биру см. Перу
 Бискайя 166
 Бихар 354, 359, 360
 Блекинге, обл. на юге Скандинавского п-ова 229
 Ближний Восток 19, 205, 461, 663
 Блуа 153, 155, 156
 Богемия (Чехия) 214, 215, 605
 Боливия 45, 46
 Болонья 121, 138
 Болхов 298
 Большие Антильские о-ва 44
 Бомбей (Мумбаи) 691, 692, 733, 749
 Бордо 141, 147, 151, 480, 573, 575, 747
 Борну, государство в Африке 417, 420, 421, 424
 Борнхольм, о-в в Балтийском море 526, 527
 Босворт 198
 Босния 327
 Брабант 178, 179, 182, 186–188, 531, 592, 593

- Бразилия 42, 47, 147, 172, 174, 438, 440, 443, 447, 449, 524, 727, 731–735, 738, 745–747, 773
 Бранденбург 214, 219, 223, 474, 478, 489, 490, 491, 517, 520, 522, 523, 525, 526, 607, 617, 624, 751
 Братислава см. Пожонь
 Брауншвейг-Вольфенбюттель, княжество в Германии 224
 Бреда 511, 544, 553, 559, 590
 Брейзах 522, 523, 530
 Брейтенфельд 520, 617
 Бремен 213, 215, 523, 531, 603, 607, 608
 Брёмсебру 522, 617
 Брест 64, 325
 Бретань 136, 137, 140, 157, 158, 745
 Брилле 184, 559
 Бристоль 537
 Британские о-ва 206
 Брно 251
 Бруней 371
 Брункеберг 232
 Брюгге 30, 198, 592
 Брюссель 162, 169, 179, 183, 184, 186, 188, 528, 592, 593
 Брянск 319
 Буг, р. 650, 674
 Буганда, государство в Африке 431, 432
 Буда 254, 259, 261, 320, 531, 632
 Будайский эялет 320
 Булонь 314
 Бунделкханд 685
 Буньоро (Уньоро, Китара-Буньоро), полиция в Африке 431, 432
 Бургос 161
 Бургундия, историческая обл. 139, 140, 178, 212, 313, 343, 568
 Бургундия, граф. см. Франш-Конте
 Бургундский округ 178
 Буркина-Фасо 16, 417, 419
 Бурса (Брусса) 666, 669, 671
 Бурунди 432, 433
 Бусса, полиция в Африке 419
 Бухара 22, 346, 349, 354, 757
 Буэни (Буйна), полиция на Мадагаскаре 436
 Буэнос-Айрес 46
 Бьярмия 472
 Вадаи, полиция в Африке 421
 Вайна Дага 407
 Вайоминг 442
 Балансьен (Балансьенн) 187, 529
 Валахия 262, 320, 334, 339, 341, 530, 532, 648, 669
 Валенсия, г. 164
 Валенсия, историческая обл. 160, 164, 166, 486, 584, 585
 Вало, полиция в Африке 419
 Валхерен, о-в 559
 Вальтеллина 599, 601
 Вальядолид 585
 Вананд 753
 Ванский эялет 461
 Варанда 461
 Вардар, р. 326
 Варшава 269, 525, 526, 609, 636
 Васпуракан, область в Западной Армении 460
 Васси 149
 Ватикан 201, 407, 411, 426, 490, 530, 531, 576, 580, 597, 601
 Везер, р. 523, 607
 Велиж 527
 Великая степь 760
 Великие Луки 289
 Великие озера 747
 Великобритания 62, 63, 65, 534
 Великое княжество Литовское 267, 268, 270, 273, 275, 284, 285, 298, 319, 322, 323, 527. См. также Литва
 Вена 32, 66, 116, 221, 227, 262, 338, 478, 518, 520, 530, 602, 606, 609, 611, 627, 628, 629, 631, 635, 674, 754
 Венгерское королевство 250, 259, 262, 270, 320, 338, 491, 518
 Венгрия 24, 55, 59, 79, 249, 250, 251–254, 258–264, 262, 267, 271, 272, 338, 343, 491, 511, 518, 519, 530–533, 598, 605, 626–628, 630–632, 665, 675, 739
 Венден (Цесис) 247
 Венесуэла 447
 Венеция 24, 26, 27, 30, 31, 59, 65, 112, 118–121, 127, 129, 134, 135, 168, 212, 275, 311–314, 316, 334, 343, 345, 461, 496, 514, 530, 533, 594–596, 601, 602, 672, 674, 675, 679, 753, 761, 767, 770
 Веракрус 447

- Верден 140, 212, 315, 523, 531, 607
 Вермланд, обл. в Скандинавии 229
 Версаль 505, 574, 610
 Верхняя Австрия 217, 518
 Верхняя Венгрия 259, 627, 631
 Верхняя Гвинея 421, 424, 428
 Верхняя Лужица 518
 Вестерос 235
 Вестергётланд 235
 Вест-Индия 43, 205, 318, 442, 446, 447, 728–730, 738, 745, 747, 748, 750
 Вестфалия 180, 244, 608
 Виборг, г. в Дании 235
 Виган 197
 Виджаянагар (совр. Хампи), г. в Индии 353, 354
 Виджаянагар, империя в Индии 17, 19, 350–354, 361
 Византия 21, 26, 27, 57, 333, 342, 451
 Виктория, оз. 431
 Вила-Висоза 591
 Виллер-Коттре 142
 Вильганьон, о-в 746
 Вилькабамба 439
 Вильно (Вильнюс) 267, 269, 270, 300, 324, 525, 527, 649
 Вильяр 163
 Вильянди см. Феллин
 Виндзор 540
 Винланд 36
 Виргиния (Вирджиния) 739, 740, 742, 743, 750
 Висайские о-ва 371
 Висла, р. 212, 496
 Висмар 523
 Витебск 525
 Виттенберг 222, 223, 604
 Внешняя Монголия (Северная Монголия, Халха) 465, 466
 Внутренняя Монголия 466
 Вогеzy, горы 116
 Волга, р. 22, 205, 279, 299, 300, 303, 321, 455, 656
 Вологда 205, 276, 299
 Воынь 474, 475
 Вольмар (Валмиера) 245
 Вормс 216
 Воронеж 305
 Восточная Англия 197, 536
 Восточная Аравия 347
 Восточная Европа 31, 54, 69, 243, 252, 309, 321–323, 455, 467, 472, 478, 480, 511, 626, 674, 767, 769
 Восточная Прибалтика 242–244, 247, 323
 Восточная Сибирь 471
 Восточное Средиземноморье 27, 36, 334, 595
 Восточно-Китайское море 14
 Вроцлав 251
 Вустер 541
 Вьетнам (см. также Дайвьет) 17, 362, 367, 368, 380, 382, 706, 709
 Вьентьян, г. 367, 782
 Вьентьян, княжество 368
 Вюртемберг 224, 605, 608
 Гаага 435
 Гавайский архипелаг (Гавайи) 12
 Гавана 446, 447
 Гавр 147
 Гаити (Эспаньола), о-в 42, 728, 746
 Галапагосские о-ва 12
 Галисия 163, 166, 407, 584
 Галиция 271, 473–475
 Гамбия, область в Африке 415, 419, 764
 Гамбия, р. 751
 Гамбург 213, 215, 216, 244, 480, 514, 603, 608
 Гана 417–419, 422, 424, 734
 Ганг, р. 350
 Гангут, мыс 773
 Гандзакское ханство 462
 Гао 337, 417, 418, 421
 Гарильяно, р. 119
 Гвадалахара 442
 Гваделупа, о-в 569, 746
 Гватемала 45, 442
 Гвато, порт в Африке 423
 Гвиана 745, 746
 Гвинейский залив 39, 419, 440, 732
 Гвинейское побережье (Гвинейский берег) 737, 764
 Гвинея 421, 424, 427, 428, 430, 524, 732, 751
 Гданьск 252, 264
 Гейдельберг 611
 Гелдерн (Гельдерн), провинция в Нидерландах 178, 187, 553
 Геннегау (Эно), провинция в Нидерландах 178, 179, 184, 186

Гент 179, 180, 186, 188, 190, 529, 592
Генуя 26, 28, 118, 119, 121, 126, 129, 131,
212, 312, 313, 315, 316
Герат 21–23, 342, 343, 346, 349, 692
Германия 31, 58, 77, 79, 84, 104, 112, 115,
121, 140, 143, 168, 189, 201, 202,
209, 213, 214, 216, 219–221, 223–
228, 235, 245, 255, 257, 270, 310,
314–316, 343, 474–476, 493, 504,
512, 513, 517, 519–523, 530, 532,
556, 603–609, 611, 612, 617, 621,
679, 749, 764, 765, 769
Гессен (Хессен) 223–225, 617
Гётеборг 614
Гиень 141, 153, 155, 157, 573
Гилян, область в Иране 344, 676
Гималаи, горы 41
Гиндукуш, горы 19
Гифу, префектура на о-ве Хонсю 719
Гоа, о-в 17, 18, 39, 41, 352, 359, 361, 406,
429, 733–735
Годжам, провинция в Эфиопии 407, 410
Голконда, государство в Индии 350–353,
369, 682–684, 782
Голландия 11, 35, 48–50, 104, 107, 110,
114, 178, 179, 181, 182, 184, 186–
190, 197, 317, 368, 426, 477, 479,
480, 491, 492, 494, 506, 510, 511,
513, 518, 519, 521, 528, 529, 542,
545, 546, 553–555, 557–560, 562,
587, 591, 594, 601, 617, 621, 679, 680,
736, 746–748, 753, 756, 758, 768
Голштиния 212–214
Гольфстрим 468
Гонджа, государство в Африке 419
Гондэр 412–414
Государство гарнизонов 121
Готланд, о-в 229, 234, 522, 617
Гранада 161, 164
Гранадский эмират 28, 160
Гренада, о-в 746
Гренгам, о-в 773
Гренландия, о-в 11, 36, 467–469, 472
Греция 135, 602, 754
Гринвич 318
Гродно 525
Гронинген, провинция в Нидерландах
178, 187, 553
Гросс-Фридрихсбург 751
Грузинское царство 451

Грузия 24, 338, 452–454, 457–459, 517
Грумант, о-в 11
Грюнвальд 244
Гуанабара, залив 746
Гуанахуато 444
Гуандун 381, 695, 706
Гуанси 367, 705
Гуанчжоу 695, 734, 756
Гуджарат (Гуджаратский султанат),
историческая обл. и государство в
Индии 10, 18, 19, 350, 351, 354, 356,
369, 683, 690, 692
Гудзонов залив 472
Гуйлинь 705
Гуйчжоу 756
Гурия, грузинское княжество 451, 453,
458
Гюлистан, княжество на Кавказе 461
Дабикское поле (Мердж-Дабик) 335
Дабхол, порт в Индии 352
Дагестан 455, 456, 458, 459
Дагомей, государство в Африке 422,
424
Дайвьет, государство в Юго-Восточной
Азии 17, 368
Далай-нор, оз. 463
Даларна 229
Дали (см. также Наньчжао) 362
Далмация 675
Дальний Восток 13, 14, 39, 494, 735,
754, 755, 775, 776
Дания 12, 79, 113, 215, 229–239, 247,
248, 276, 277, 286, 323, 324, 482,
487, 488, 506, 519, 522, 525–527,
557, 606, 613, 614, 616–625, 640,
727, 749, 750
Дарданеллы 672
Дарьяльское ущелье 454
Датская Гвинея (Датский Золотой Бе-
рег) 751
Датун, г. в Китае 380
Дебрецен 263
Декан, центральная часть Индии 17, 18,
351, 356, 683, 687, 690
Делавер (Делавар) 749
Дели 354, 355, 360, 683, 685, 689
Делийский султанат 17–19, 21, 350, 354,
360, 688
Делфт (Дельфт) 189, 556, 562, 563

- Денди, район в Африке 418
 Денчър, полития в Африке 424
 Дербент 454–456, 679
 Дерпт (Тарту) 243–245, 247, 285, 526, 634
 Деште-Кевир, пустыня в Иране 24, 343
 Джайпур, княжество в Индии 356
 Джакарта (см. также Батавия) 733, 737
 Джамна, р. в Индии 350, 683, 685
 Джаунпур 359
 Джеймстаун 739
 Дженне 337, 417, 418
 Джерба, о-в 316
 Джодхпур 355
 Джолоф, полития в Африке 419
 Джохор, султанат в Малайе 363, 369
 Джраберд, княжество в Армении 461
 Джуга (Джульфа), г. на Кавказе 460
 Джунгарское ханство 466, 757
 Дижон 141
 Дизак, княжество на Кавказе 461
 Диллинген 604
 Динабург (Даугавпилс) 526
 Диу 39, 345, 758, 779
 Диярбекирский эялет 461
 Дмитров 300
 Доброй Надежды, мыс 361, 435, 493, 734, 736, 737
 Дон, р. 294, 322, 455, 532, 655, 656
 Донауверт 605
 Дорогобуж 306
 Дофине 568
 Дренте, область в Нидерландах 178, 553
 Дувр 529, 789
 Дунай, р. 212, 262, 322
 Дуэ 178, 186, 528
 Дьепп 147
 Дьяково 280
 Дэва, пров. на о-ве Хонсю 392
 Дэдзима, о-в 770
 Дюнкерк 524, 545
 Евразия 19, 42, 66, 400, 464, 467, 468, 470, 471, 699, 773
 Европа 5–9, 11, 19, 21, 28, 29, 31, 32–37, 39, 41, 50, 51, 53–60, 62, 64–69, 71, 74–80, 83, 85, 90, 92, 93, 101–104, 107–111, 113, 115–119, 121, 124, 125, 127, 130, 131, 136, 141, 146, 150, 159, 167, 168, 170, 172, 174, 175, 178, 179, 191, 192, 197, 198, 210, 213, 215–217, 221, 237, 244, 249, 250–252, 256–258, 260, 262, 264, 266, 267, 270, 271, 275, 277, 279, 285, 290, 306, 309, 310, 316, 320, 322, 327, 334, 338, 352, 369, 370, 406, 412, 433, 437–439, 443, 446, 449, 450, 459, 460, 467, 472, 473, 477, 478, 482, 491, 493, 494, 496–500, 502, 505–507, 512–515, 518, 521, 524, 530, 531, 533, 534, 542, 545, 553, 556, 557, 564, 565, 574, 576, 581, 584, 587, 588, 593, 603, 611, 618, 620, 626, 628, 629, 633, 635, 665, 670, 673, 675, 691, 719, 727, 730, 732, 734, 735, 743, 745, 749, 753–756, 758, 760, 761, 763, 764, 766, 768, 769, 773–776
 Евфрат, р. 335, 343, 345
 Египет 10, 19, 20, 21, 26–28, 32, 39, 54, 65, 309, 335–337, 407, 669, 753
 Елец 296
 Емтланд, область в центральной Скандинавии 229
 Енисей, р. 650
 Ереван (Эривань) 460, 669
 Ереванское ханство 461
 Ерзерум (Эрзерум) 460
 Жарнак 149
 Женева 78, 147, 203, 207
 Жеротин, г. в Чехии 258
 Жохова, о-в 467
 Забайкалье 756
 Забид, г. в Йемене 404
 Заззау, г. в Африке 421
 Закавказье 20, 342, 345, 349, 451, 452, 462, 669, 676, 677
 Замбези, р. 428, 433, 434
 Замбия 425, 428
 Замостье, г. в Польше 253, 271
 Замфара, г. в Африке 421
 Занзибар, о-в 10, 16, 430, 753
 Западная Армения 338, 347, 452, 460
 Западная Африка 16, 38, 424, 429, 434, 559, 732, 734, 735, 737, 764, 765
 Западная Венгрия 212
 Западная Грузия 338, 452, 453

- Западная Двина, р. 286, 289, 323
 Западная Европа 13, 34, 56, 57, 98, 99,
 101, 164, 213, 243, 247, 308–310,
 315, 334, 471, 473, 475, 517, 528,
 626, 627, 634, 640, 664, 729, 769
 Западная Монголия (Джунгария) 465
 Западная Сибирь 290
 Западное Средиземноморье 168
 Западный Иран 22, 23, 334, 342, 344,
 676, 677
 Запорожье 294, 397, 322, 527, 650
 Зарайск 277
 Затисье, область в Центральной Европе
 262
 Зволен 271
 Звонгомбе, г. в Африке 433
 Зеландия, датский о. 229, 621
 Зеландия, пров. в Нидерландах 178, 179,
 181, 182, 184, 186, 187, 317, 553,
 559, 736
 Зеленого мыса, о-ва 38, 732
 Зеленый мыс 38, 559, 737
 Земля Пири 467
 Зимбабве 433
 Золотая Орда 22, 319, 321, 322, 326
 Золотой берег (совр. Гана) 734, 750, 751
 Зондский пролив 370
 Зунд (Эресунн), пролив 179, 215, 236,
 496, 497, 522, 526

 Ивангород 245
 Ига, пров. на о-ве Хонсю 392
 Иджеша, политика в Африке 423
 Иерусалим 19, 124, 157, 477
 Ижорская земля 306
 Ика, долина в Перу 446
 Иле-Ифе, политика в Африке 423
 Иллинойс 749
 Имеретия, грузинское княжество 451,
 453, 458, 459
 Имерина, политика в Африке 435, 436
 Империя Великих Моголов (империя
 Моголов, держава Моголов, Мо-
 гольская империя, Могольская дер-
 жава) 18, 57, 348, 350, 359, 369, 413,
 682, 683, 688, 693, 770
 Ингольштадт 224, 604
 Индийский океан 10, 16, 18, 19, 32, 39,
 40, 43, 49, 65, 309, 337, 345–347, 364,
 372, 413, 428, 430, 433, 435, 436,
 494, 670, 691, 732, 733, 735, 749
 Индии (Западные Индии) 43
 Индия 10, 17–19, 21, 23, 27, 34–36, 39–
 43, 53, 57, 59, 60, 135, 172, 174, 176,
 177, 205, 317, 335, 337, 342, 347–
 357, 359–361, 369, 370, 384, 406,
 407, 434, 459, 494, 562, 574, 682,
 685, 690–693, 710, 718, 732, 733,
 735, 745, 749, 750, 753, 756, 764,
 766, 768, 769, 775
 Индокитай 400, 756, 764
 Индонезия (Нусантара) 17, 49, 177, 363,
 368–370, 380, 437, 559, 591, 691,
 732, 735, 764, 765
 Индостан, п-ов 735
 Индржихув Градец, г. в Чехии 252
 Инсбрук 225, 609
 Ипр 179, 186
 Иравади, р. в Юго-Восточной Азии 364
 Ирак 23, 338, 344, 345, 347, 517, 668,
 669, 781. См. также Арабский Ирак
 Иран 21–23, 25, 55, 316, 321, 322, 334,
 335, 338, 342–344, 346–349, 351,
 370, 451, 454–457, 459–461, 494,
 498, 517, 669, 676, 677, 679–682,
 753
 Иранский Азербайджан 344, 451
 Иранское нагорье 36
 Ирландия 199, 206, 208, 210, 532, 534,
 541, 542, 547
 Иртыш, р. 466
 Исландия 11, 229, 472, 613, 623
 Испанская монархия 167, 169, 171, 175
 Испания 7, 26, 35–38, 42, 44, 46, 47, 50,
 51, 56, 58, 64, 65, 76, 79, 104, 116–
 119, 121, 125, 127–131, 134, 136,
 139–141, 145, 150, 158–169, 171,
 172, 174, 175, 179, 181, 183, 184,
 186, 187, 189, 191, 192, 203, 208,
 209, 212, 308–313, 315–319, 327,
 335, 337, 371, 410, 427, 440, 447,
 449, 473, 476–480, 485–487, 493,
 495–498, 504, 512, 513, 517–519,
 521, 523, 524, 528, 529, 531, 532,
 534, 535, 553–555, 557, 558, 565,
 567, 568, 570, 571, 573, 581, 582,
 584, 586–596, 598–601, 605, 628,
 669, 679, 680, 720, 727, 728, 730–
 733, 745, 753, 756, 761, 764

- Исфахан 344, 346, 460, 462, 677, 681, 753
- Италия 5, 7, 29, 50, 58, 64, 69, 76, 79, 80, 82–84, 92, 94, 104, 108, 111, 112, 117–119, 121, 122, 124–127, 130, 132, 134–138, 140, 144, 145, 161, 166–168, 181, 209, 212, 215, 221, 257, 261, 270, 275, 277, 308, 310–316, 341, 473, 476–479, 496, 502, 504, 505, 507, 510–515, 562, 566, 571, 588, 594, 595, 597, 600, 604, 612, 636, 720, 753, 760
- Йемен 336, 338, 404, 668–670
- Йемтланд, пров. Норвегии 617
- Кабарда (Центральный Кавказ) 454, 455, 457, 458
- Кабул 350, 354, 356, 359
- Кавказ 20, 298, 451–460, 462, 667, 679, 753, 757, 773
- Кага, пров. на о. Хонсю 392
- Кагосима, о-в в Японии 401
- Кадзанд, г. в пров. Зеландия 559
- Кадис 318, 447, 493, 730, 753
- Казанское ханство 66, 279, 464
- Казань 275, 278–280, 283, 285, 287, 303, 321, 348, 656, 765
- Казахское ханство 464, 777
- Казахстан 464
- Казвин 346, 347, 677, 679
- Каир 309, 335, 336
- Кайенна 746
- Кайор, полития и область в Африке 419
- Кайсери (Кесария), г. в Турции 666
- Кале 145, 197, 203, 315
- Каликут (Кожикоде) 10, 39, 361
- Калькутта (Колката) 691
- Калимантан (Борнео), о-в 17, 370
- Калифорния 45, 442, 581
- Калуга 297, 300
- Кальмар 231, 616
- Калья, порт в Перу 447
- Кама, р. 279
- Камбей, г. в Индии 10
- Камбоджа 17, 366, 368, 706
- Камбрэ 121, 529
- Камбуджадеша, государство в Юго-Восточной Азии 362, 366
- Каменец-Подольский 530, 532, 533, 674
- Камерун 424
- Канада 47, 147, 566, 727, 745, 747–749, 770
- Канарские о-ва (Канары) 11, 28, 38, 42, 161, 446
- Кандагар 356, 677, 680, 682, 692
- Кан 570
- Кано, г. в Африке 420, 421
- Канто, обл. на о-ве Хонсю 392, 397–399, 721
- Канхвадо, о-в 715
- Каобанг 368
- Капская колония 434, 436, 737
- Карабайя, рудник в Перу 445
- Карабахское ханство 462
- Карагве, полития в Африке 431, 433
- Каракорум 463, 466
- Кара-Коюнлу 19, 23, 25, 342, 343, 451
- Каргополь 297
- Карельский перешеек 306
- Карибские о-ва 439
- Карибский регион 438
- Карибское море 46, 205, 318, 730, 738, 746, 747
- Карибское побережье 446
- Каринтия 217, 225, 474, 517
- Карлсбург 750
- Карс 460
- Карский эялет 461
- Карское море 48, 468
- Картахена 446, 447
- Картлия, кавказское царство 451, 676
- Каспийское море (Каспий) 36, 205, 452, 456, 656, 679
- Кастилия (Кастильское королевство) 38, 104, 159–164, 166, 167, 169, 175, 310, 342, 476, 485, 582, 586, 591
- Кастро, герцогство в Италии 597
- Кастровиррейна, пров. Перу 444
- Каталония 160, 166, 486, 521, 524, 581, 582, 584, 586, 587
- Като-Камбрези 130, 145, 212, 310, 315
- Катонга, р. 431
- Каунас (Ковно) 525
- Кафа (Феодосия) 327, 334, 453
- Кафинский эялет 454
- Кахетия (Кахетинское царство), кавказское царство 451, 452, 461, 676
- Кацина, г. в Африке 420, 421
- Кашмир 356, 358, 690
- Кашшай (Кошице) 252

- Кванза, р. в Африке 427
 Квебек 566, 747, 748
 Кебби, государство в Африке 421
 Кежмарок 271
 Кейптаун (Капстад) 734
 Кёльн 189, 219, 227, 429, 531, 608
 Кембридж 87, 201
 Кенигсберг 497
 Керала 18, 353
 Кербела 345, 668
 Керезтеш 665
 Керси, обл. во Франции 570
 Кету, полития в Африке 422, 423
 Киев 267, 319, 527, 532, 632, 647, 649, 650, 653
 Кизиба, полития в Африке 431, 433
 Кикладский архипелаг 477
 Килакойя, рудник в Чили 445
 Килва, г. в Африке 429, 430, 436
 Киликия 335
 Килия 334
 Киото 15, 391, 392, 396–398, 401, 402, 720, 721, 724, 726
 Кипр, о-в 20, 24, 27, 135, 316, 334
 Китай 11, 13–15, 21, 27, 32–34, 36, 41, 46, 48, 53–57, 59, 61, 65, 66, 98, 172, 177, 205, 361, 364, 365, 369–372, 375, 377, 378–384, 386, 389, 400, 463–466, 494, 695, 699, 700, 701, 707–710, 712, 714–716, 718, 726, 732, 733, 754–758, 775
 Китара, королевство банту 431
 Кито 442, 445
 Клушино 300
 Кога, уезд на о-ве Хонсю 392
 Кожикодэ см. Каликут
 Коканд 757
 Коломенское 278, 279
 Коломна 277, 296, 299, 304
 Колорадо 442
 Колумбия 45, 46, 445, 447
 Колчестер 197
 Колыма, р. 468, 652
 Кольский, п-ов 306
 Коморские, о-ва (Коморы) 435–437
 Конго, государство в Африке 59, 415, 425–427
 Конго, р. 425
 Коннектикут 741
 Константинополь (см. также Стамбул) 36, 276, 277, 326, 333, 336, 343, 461, 531, 648, 650, 689
 Конфинес, рудник в Чили 445
 Конья 666
 Копенгаген 231, 235, 236, 487, 496, 506, 526, 527, 614, 620, 622, 623, 640
 Копетдаг 757
 Корат, плато в Тайланде 367
 Корея (см. также Чосон) 14, 15, 33, 55, 65, 382, 386, 389, 390, 400, 694, 695, 699, 700, 710–716, 718, 720, 724, 726, 775
 Корнуолл, графство 536
 Коромандельский берег 18, 39
 Корсика, о-в 28, 131, 315
 Кортрейк (Куртрэ) 528
 Коста-Рика 438
 Кот д'Ивуар (Берег Слоновой Кости) 415
 Кошице см. Кашшай
 Крайна 217
 Краков 84, 252, 269–271, 324, 474, 525, 526, 635
 Красное море 10, 21, 36, 40, 335, 336, 361, 369, 404, 406–410
 Крепи 121, 314
 Кристиансбург (см. Аккра) 751
 Кромы 296
 Крузенштерна, мыс 469
 Крым 267, 275, 284, 285, 286, 296, 321, 326, 453, 455, 456, 459, 475, 532, 633, 648, 655
 Крымский, п-ов 453
 Крымское ханство 275, 321, 324, 334, 454, 464, 525, 532, 669
 Куба (Бушонго), полития в Африке 428
 Куба, о-в 42, 45, 720, 728
 Кубагуа 445
 Кувана, г. на о. Хонсю 400
 Курдистан 321, 335, 342, 344, 345, 347, 676
 Курилы (Курильские о-ва) 726
 Курляндия (Курляндское герц.) 247, 248, 727, 749, 751
 Куртре 179
 Куско 45
 Кутаиси (Кутаис) 451, 452, 459
 Кызылбашское государство (см. также Иран, Персия) 344

Кызылташ, крепость на Кавказе 457
Кюсю, о-в 392, 399, 401, 720

Лабрадорское море 468

Лабрадор, п-ов 472

Лагос, г. в Африке 422

Ла-Манш 208

Лангедок 149, 568, 569, 578

Ланкашир 196

Ланна (см. также Чиангмай), княжество
в Юго-Восточной Азии 363

Лансанг (см. также Лаос), государство в
Юго-Восточной Азии 362, 367, 368

Лаос 366–368

Ла Плата 46, 438

Ла-Рошель (Ларошель) 147, 150, 151,
208, 519, 568, 569, 746

Латвия 242, 324

Лаузиц 214, 611

Лахор, г. в Индии 360, 689

Левант 10, 28, 36, 197, 691, 753, 765

Левобережная Украина 527, 530, 650

Левоча 259, 270

Лейден 184, 191, 192, 555, 562

Лейпциг 216, 222, 603, 604

Лена, р. 471, 650, 652

Лепанто, мыс 64, 129, 130, 134, 168, 316,
758

Ливан 336, 669

Ливия 316, 337, 339

Ливония 242, 244, 245, 247, 248, 268,
285, 288, 323, 324

Ливонский орден 242–245, 247, 248,
273, 275, 284–286, 323, 324, 325

Ливорно 133, 461, 600

Лигурийское побережье 600

Лилль 178, 187, 528

Лима 442, 446, 448, 450

Лимбург, пров. Нидерландов 178, 593

Лимузен 141

Лион 124, 136, 139, 141, 147, 149, 151,
480

Лиссабон 42, 173, 175, 176, 352, 407,
522, 592, 734

Литва 247, 248, 264, 275, 283–288, 298,
473, 474, 525, 633, 634, 649

Литомысль 252, 253, 271

Лифляндия 526, 527, 617

Лоанго, полития в Африке 425

Лози, полития в Африке 428

Лоллан, о-в 621

Ломбардия 119, 121, 130, 131, 134, 312,
496

Лондон 92, 104, 111, 189, 197, 210, 211,
480, 514, 522, 536, 537, 539, 540,
543, 544, 546, 548, 551, 559, 680,
721, 744, 756, 762

Лотарингия 43, 212, 315, 521, 532

Луангпхабанг, княжество в Юго-
Восточной Азии 368

Луанда 426, 732, 734

Луара, р. 138, 141, 155

Луба, политическое образование в Аф-
рике 427, 428

Лужицкая область 519, 523

Луизиана 749

Лукка 118, 133

Лунда, политическое образование в Аф-
рике 427, 428

Лусон, о. Филиппинского архипелага
371

Лхаса 753

Львов 271, 283, 334, 461, 525

Любек 234, 236, 244

Люксембург 178, 179, 528, 531, 532

Лютцен 520, 617

Людун, п-ов 700, 701, 714

Мавераннахр 22, 23, 27, 342, 343, 346,
677

Маврикий (Иль-де-Франс), о-в 49, 437,
737, 749

Магдебург 225, 523, 617

Магелланов пролив 736

Магриб 28, 337, 420, 765

Мадагаскар, о-в 434–437, 737, 749

Мадейра, о-в 11, 38, 732, 767

Маджапахит, государство на о-ве Ява
17, 362, 369

Мадрас (Ченнай) 691, 692

Мадрид 130, 140, 163, 164, 167, 169, 310,
313, 486, 528, 585, 587, 605

Мадуро, о-в 370

Мазеган, г. в Марокко 732

Мазандаран, обл. в Иране 344, 676, 679

Майнц 219, 474, 478, 520

Майпо, золотой прииск в Чили 445

Макао (Аомынь) 41, 381, 720, 732–734

Македония 531

Макоко, полития в Африке 425

Малабар, обл. в Юго-Западной Индии 733
 Малабарский берег (Малабарское побережье) 10, 12, 18, 32, 39, 732, 737
 Малайский, п-ов 361
 Малайский архипелаг 737
 Малайя 363, 709
 Малакка 10, 39, 40, 369, 370, 733, 734, 737
 Малаккский, п-ов 17, 363, 369
 Малаккский пролив 10
 Малаккский султанат 17, 19, 363, 369
 Малая Азия 54, 344, 326, 461
 Малва, султанат в Индии 350, 351, 356
 Мали, государство в Африке 417, 418
 Малинди 39, 430
 Малые Антильские о-ва 42, 44, 728, 746
 Малые Зундские о-ва 419, 733
 Малые ногаи 455
 Мальмё 235, 236
 Мальта, о-в 64, 65, 316, 339
 Мамора (Ла Мамора), г. в Марокко 173
 Мангышлак, п-ов 757
 Мандара, полития в Африке 424
 Манила 46, 371, 382, 448, 753, 764
 Мантуя 118, 134, 212, 312, 521
 Маньчжурия 695, 708
 Мараньян 746
 Марбург 223
 Марвар, княжество в Индии 685
 Маргарита, о-в 445
 Мардин, г. в Иране 345
 Марианские острова 43
 Мариенбург 247, 286
 Мариньяно 119, 138, 312
 Марица, р. 326
 Марокко 173, 174, 337, 670, 732, 733
 Марракеш 337, 670
 Марсель 30, 140, 147, 314, 319, 480, 497, 498
 Марстон-Мур 537
 Мартиника, о-в 569, 746
 Маскаренские о-ва 435, 437
 Маскат 336, 430, 670
 Массауа 414
 Массачусетс 741–743
 Масулипатам, г. в Индии 690
 Матамба, королевство в Анголе 427
 Матарам, государство на о-ве Ява 363, 370

Матхура 685
 Махараштра, обл. в Индии 682, 687
 Махачкала 456
 Мацумаэ, княжество на о-ве Хоккайдо 726
 Мбанза-Конго, г. на территории совр. Анголы 426
 Мевар (Удайпур), княжество в Индии 350, 354, 356, 682, 685
 Медина 19, 335, 336, 587
 Межозерье, обл. в Африке 428, 430–432
 Мекка 19, 21, 22, 24, 335, 336, 339, 344, 418, 420, 596
 Мекленбург 213, 214, 474, 519, 520, 522, 608
 Мекнес, г. в Северной Африке 670
 Мексика 13, 45–47, 171, 438–440, 442, 446, 447, 719, 728–730, 734
 Мелилья 161
 Менабе, полития в Южной Африке 436
 Менгрия (Менгрелистан), грузинское княжество 451, 458, 459
 Мерв 25, 347, 349
 Мервский оазис 757
 Месоамерика 449
 Месопотамия 36, 345, 530, 677
 Мессина 135, 599
 Мехелен 178, 187
 Мехико 169, 440, 446, 448, 450
 Мец 140, 212, 315, 530
 Мешхед, г. в Иране 349, 679
 Микава, пров. на о-ве Хонсю 397, 398
 Микатагахара 398
 Милан 118, 119, 121, 125, 130, 131, 134, 137, 140, 212, 275, 311, 312–314, 316, 461, 496, 594
 Миланское герц. 118, 130, 138, 139, 312, 581
 Минданао, о-в Филиппинского архипелага 370
 Минск 525
 Миссисипи, р. 442, 749
 Мо 139, 144, 149
 Могилев 525
 Модена 127, 134
 Моденско-Феррарское герцогство 134
 Мозамбик 16, 39, 415, 430, 434, 670, 724, 732, 735
 Молдавия 262, 320, 334, 339, 341, 530, 532, 533, 648, 669, 674

- Молоди 321
 Молуккские о-ва (Молуккский архипелаг, Острова пряностей) 17, 43, 174, 205, 525, 559, 728, 732, 733, 745, 765
 Момбаса 39, 429, 430
 Момояма, замок в Японии 397
 Монголия 380, 464–466, 757
 Мономотапа, государство в Южной Африке 433, 434, 732, 753
 Монтальчино, республика в Италии 315
 Монферрат (Монферрато) 118, 134, 521, 595, 599
 Моравия 251, 256, 258, 518, 522
 Москва 48, 267, 268, 273, 275–281, 283, 284, 286–288, 292–301, 303–306, 321, 348, 455, 456, 458, 472, 518, 525, 526, 532, 634, 640, 641, 643, 644, 646, 648–650, 652, 653, 655–659, 679, 681, 753, 765
 Московское государство (Московия, Московская Русь, Московское царство) 205, 233, 267, 272, 303, 343, 348, 458, 462, 633, 634, 638, 655, 658, 662, 756
 Мохач 212, 254, 261, 320, 338
 Мпангу, пров. Конго 425
 Мстиславское княж. 319
 Мукден 702
 Муцу, пров. на о-ве Хонсю 392
 Мушская равнина в Армении 343
 Мюльберг 225
 Мюльхаузен 223, 224
 Мюнстер 77, 180, 523, 607
 Мюнхен 520, 611

 Наварра 41, 139, 150, 162, 310–312
 Нагасаки 401, 402, 719–721, 724, 734, 770
 Нагаино в пров. Микава 398, 754
 Наксос, о-в 477
 Намюр 178, 179, 186
 Нанкин 13, 382, 463, 697, 706, 756
 Нант 147, 480, 747
 Нанумба, полития в Африке 419
 Наньжао (Дали), государство в Южном Китае 17, 362
 Нара, г. в на о. Хонсю 16, 721
 Нарва 243, 245, 247, 285, 323, 324, 756
 Нассау 183

 Нахичевань 460
 Нахичеванское ханство 462
 Ндонго, полития в Африке 427
 Неаполитанское королевство 118, 119, 121, 126, 137, 310–312, 581
 Неаполь 104, 118, 121, 130, 137, 311–313, 315, 504, 507, 511, 514, 523, 587, 590, 596, 598, 599
 Нева, р. 518
 Невада 442
 Невель 527
 Невис, о-в 745
 Неджеф 345
 Нёрдлинген (Нордлинген) 64, 520, 606, 727
 Нигер, р. 417, 421–423
 Нигерия 421, 422
 Нидерланды 5, 47, 49, 58, 62, 63, 65, 78, 79, 82, 84, 107, 112, 116, 119, 134, 136, 138, 139, 145, 150, 152, 157, 162, 167–169, 172, 178–186, 188, 189, 191, 201, 208, 209, 212, 213, 216, 226, 257, 309, 316–318, 415, 426, 477, 517, 518, 528, 529, 531, 553, 556, 557, 558, 560, 562, 564, 581, 588, 592, 593, 605, 606, 608, 620, 622, 624, 732, 733, 735, 738, 739, 741, 749, 750, 761, 769, 770
 Нижний Новгород 277, 303
 Нижняя Австрия 217, 517, 518
 Нижняя Гвинея 424, 427
 Нижняя Лужица 518
 Никки, полития в Африке 419
 Нил, р. 19, 430
 Нинбо, г. в Китае 381
 Ницца 314
 Ниш 675
 Нкоре (Анколе), государство в Африке 432, 433
 Новая Англия 472, 740, 741, 743, 770
 Новая Гвинея 49
 Новая Гранада 440, 445
 Новая Зеландия 12, 49
 Новая Земля 12, 48
 Новая Испания 447, 730
 Новая Швеция 749, 750
 Новгород 205, 243, 277, 288, 289, 303, 472, 655, 753
 Новгород-Северская земля 518
 Новгород-Северский 306, 319

- Новгородская земля 299, 300, 306
 Новосибирский архипелаг 467
 Новые Нидерланды 738, 741, 749
 Новый Амстердам 524, 559, 738
 Новый Плимут 741
 Новый Свет 9, 11, 13, 28, 41–44, 50, 57, 112, 125, 127, 145, 147, 205, 206, 375, 379, 400, 415, 438–440, 443–445, 447–450, 467, 472, 480, 495, 535, 582, 664, 719, 720, 728, 730, 745, 756, 760, 761, 764, 767
 Ногайская орда 275, 279, 321, 464, 757
 Номбре-де-Диос, г. в Мексике 447
 Нор Джуга (Новая Джуга, Новая Джульфа) 460, 461, 677, 753
 Норвегия 79, 229–234, 237, 526, 613, 614, 620, 622–624, 735
 Нордлинген см. Нёрдлинген
 Нордкап, мыс 11
 Норидж 197
 Норянджин, бухта 713
 Ноттингем 536
 Нупе, полития в Африке 421, 423
 Нусантара, островная часть Юго-Восточной Азии см. также Индонезия 362, 370
 Нью-Гэмпшир (Нью-Хэмпшир) 741
 Нью-Йорк 741
 Нью-Мексико 442
 Ньюбери 536
 Ньюфаундленд, о-в 11, 48, 205, 472, 739, 745, 748
 Ньюфаундлендская банка 48
 Нюрнберг 31, 76, 189, 213, 227, 228, 603

 Овари, пров. на о-ве Хонсю 397, 723
 Оверэйселл, пров. в Нидерландах 178, 187, 553
 Огайо 749
 Огненная земля 581
 Одавара, замок в Японии 390, 402
 Одессе 235
 Одер, р. 520, 523
 Ойо, полития в Африке 419, 423, 424
 Ока, р. 279, 299, 319, 322
 Океания 34
 Окинава (см. также Рюкю) 14, 32
 Окраинные земли 199

 Оксфорд 201
 Окэхадама 397
 Оломоуц 251
 Ольстер (Ирландия) 206
 Оман 336, 670
 Оманский залив 732
 Оманский султанат (Оманская империя) 430, 670, 735
 Оми, пров. на о-ве Хонсю 392
 Опочно 271
 Оран, г. в Северной Африке 161, 316, 337
 Ордос, плато в Монголии 380
 Оркнейские о-ва 229
 Ориноко, р. 728, 746
 Орисса 350, 351, 352, 356
 Оркнейские о-ва 229
 Орлеан 148, 149, 151
 Ормуз, город в Иране 39, 336, 345–347, 459, 670, 754
 Ормуз, о-в в Персидском заливе 680, 732
 Орша 275, 286
 Орши, г. ныне во Франции 178, 187
 Осака 402, 721, 724
 Османская империя (Османская держава, Османская Турция) 25–28, 32, 55, 57, 59, 65, 96, 117, 134, 166, 174, 198, 251, 279, 309, 314, 316, 320–322, 324, 326, 328, 329, 331–340, 343, 348, 349, 369, 406, 409, 410, 413, 451–457, 462, 473, 475–477, 479, 494, 517, 530, 531, 598, 631, 633, 650, 663, 664, 670, 673, 675, 677, 679, 680, 754, 765, 776
 Оснабрюк 523, 607

 Павия 64, 119, 139, 310, 313
 Паган, империя в Юго-Восточной Азии 365
 Палестина 309, 335, 336, 473, 476, 477
 Палос 42
 Панама, обл. 442
 Панама, порт 446, 447
 Панамский перешеек 43, 45
 Панджаб (Пенджаб), обл. в Индии 18, 354, 356, 685
 Пандуранга, княжество в составе Чампы 368
 Панипат 354, 780

- Папское государство 118, 130, 134, 308, 314, 315, 594, 595
- Парагвай 731
- Париж 44, 93, 104, 136, 139, 141, 144–146, 149–152, 154–158, 191, 268, 314, 422, 461, 480, 485, 505, 514, 565, 569–573, 578, 580, 608, 689
- Парма, г. и княж. в Италии 127, 128, 212, 314, 315
- Пасиг, р. 371
- Пассау, епископство 225, 258
- Пасхи, о-в 12
- Паханг, пров. на севере Малайи 369
- Пачука 444
- Пегу (Хантхавади), г. 362, 364, 365
- Пегу (империя Хантхавади, империя Пегу) 362, 364–367
- Пейл, юго-восточная часть Ирландии 206
- Пекин 13, 41, 379–382, 695, 698–700, 702–705, 708
- Пелопоннес, п-ов 314, 327, 531, 533, 602
- Пенджаб см. Панджаб
- Пенсильвания 741, 743
- Пенугонда, г. в Виджаянагаре 354
- Перекоп 532
- Переяслав (Переяславль, Переяслав Хмельницкий) 648, 649
- Перигор, пров. во Франции 570
- Пернамбуку 734
- Персеполь, столица древней Персии 680
- Персидский залив 40, 342, 345, 347, 361, 670, 680, 732
- Персия (см. также Иран) 16, 18, 27, 41, 172, 205, 336, 344, 348, 352, 355, 460, 656, 680, 757
- Перу (Биру) 12, 45–47, 176, 205, 439–442, 444–447, 729, 730, 761
- Пиза 119
- Пикардия 139, 153
- Пиренеи 21, 116, 162, 311, 480, 765
- Пиренейский, п-ов 37, 130, 440, 441, 480, 522, 581, 589, 769
- Поволжье 297, 300, 303, 321, 456, 648, 656, 757
- Подолье, обл. в Польше 635
- Пожонь (Братислава, Прессбург) 252, 260, 262, 518
- Познань 252
- Полоцк 286, 289, 323, 525, 783
- Польша 59, 79, 116, 152, 212, 241, 245, 247–254, 261, 264, 266–272, 286, 288, 295, 296, 300, 304, 320, 322, 323, 343, 459, 473, 474, 492, 494, 496, 511, 520, 525–527, 532, 533, 616, 617, 621, 631, 633–637, 643, 647, 649, 650, 661, 669, 670, 673, 674, 679, 764, 765
- Померания 214, 520, 522, 523, 607, 617
- Поморье 634
- Пондишери (Путтуччери), г. в Индии 691, 692
- Пор-Рояль 578, 579
- Порта, см. Турция, Османская империя 673
- Портобело, г. в Панаме 447
- Португалия 35–44, 47, 49, 50, 51, 62, 116, 127, 159, 161, 167, 169, 172–177, 209, 309, 316–318, 334–336, 406, 407, 410, 425, 426, 427, 429, 430, 434, 443, 449, 473, 476, 478, 479, 522, 528, 581, 584, 586, 587, 589, 591, 592, 679, 727, 732–735, 745, 773
- Поти 452
- Потомак, р. 740
- Потоси 46, 444–446, 729
- Правобережная Украина 527, 530, 675
- Прага 249, 251, 252, 254–258, 263, 271, 478, 511, 514, 518, 519, 523, 605–607, 627–629
- Пражский Град 270, 271, 627
- Превеза 314, 781
- Прессбург см. Пожонь
- Престон 197, 540
- Прешов 252, 271
- Прибалтика 179, 212, 242–245, 247, 248, 285, 294, 300, 323, 494, 520, 749
- Прикаспий 757
- Принсипи, о-в 733, 734
- Приуралье 472
- Причерноморье 54, 321, 322, 326, 338, 452, 453, 455, 458, 459, 670
- Прованс 136, 140, 311, 319, 568
- Провиденс, колония 741

- Пром. государство в Юго-Восточной Азии 364
- Пруссия 65, 223, 235, 267, 323, 527, 478, 611
- Прусское герц. 214, 489
- Пряностей о-ва см. Молуккские о-ва
- Псков 205, 244, 247, 273, 274, 289, 290, 299, 303, 306, 324
- Пуасси 148
- Пуатье 149
- Пуату 141
- Пуликат, г. в Индии 690
- Пусан, г. в Корее 718
- Путивль 295–297, 303, 319
- Пфальц 219, 226, 517, 518, 520, 523, 531, 605–607
- Пхеньян 710, 712, 714, 718
- Пьемонт, обл. в Италии 118, 121, 125, 126, 134, 314, 315, 594, 595, 600
- Пьяченца, г. и княж. в Италии 127, 128, 496
- Пэнху о-ва (Пескадорские о-ва) 706
- Пэтни, пригород Лондона 540
- Равенна 119, 312
- «Равноденственная Франция», колония в Бразилии 746
- Раджпутана (Раджастан, Раджастхан) 18, 355, 356, 685
- Райгарх 687
- Раманадеса, государство в Юго-Восточной Азии 364
- Ран, о-в 525, 559
- Рантхамбхор 356
- Ревель (Таллин, Колывань) 243, 244, 245, 247, 286, 288, 289
- Регенсбург 222, 474, 605, 607
- Реджо в Эмилии 127, 134
- Реймс 574
- Рейн 188, 214, 564, 608
- Рейнская область 531
- Республика Святого Марка 135, 601, 602, 672
- Республика Соединенных провинций 188, 190, 192, 319, 493, 519, 523, 524, 553, 727
- Речь Посполитая 62, 152, 264, 265, 267–270, 288, 289, 291, 294, 296, 298, 299, 301, 303, 306, 323, 324, 325, 473–475, 480, 492, 505, 518, 520, 521, 525, 526, 530–532, 626, 632–636, 647–649, 650, 652, 654, 657, 674, 675
- Реюньон (Бурбон), о-в 437, 749
- Риау, о-ва 369
- Рибе 231
- Рига 242–245, 247, 285, 286, 289, 525, 526, 527, 617, 634
- Ризьям, государство в Африке 419
- Рим см. также Рум 28, 55, 60, 69, 73, 75, 79, 80, 81, 110, 115, 118, 120, 123, 127–130, 134, 135, 138, 144, 174, 202, 203, 208, 222, 233, 270, 276, 313, 406, 461, 501–503, 506, 510, 551, 581, 595–598, 605, 659
- Рио-де-Жанейро 734, 746
- Роанок, о-в 739
- Род-Айленд, о-в 741
- Родос, о-в 27, 334, 341, 345
- Романья 118, 119, 127, 134, 312
- Российское государство (см. также Московия, Московское государство) 276, 319, 321, 323, 324, 643, 645
- Россия 34, 48, 54, 56–60, 66, 98, 205, 215, 244, 247, 273, 275–280, 283–285, 289, 290, 293, 294, 296, 297, 299–307, 319, 321–325, 334, 346, 348, 454, 455, 456, 459, 488, 491, 494, 497, 511, 518, 521, 525–527, 530–533, 561, 616, 632–636, 639, 644, 647–650, 653, 657, 661, 662, 669, 673–675, 679, 681, 708, 735, 757–759, 761, 765, 770, 775, 776
- Ростов 298
- Росток 213
- Роттердам 555
- Руан 147, 149, 480, 570, 747
- Руанда 432, 433
- Румелия (Рум, страна Рума), балканские владения османов 331, 454, 663, 666
- Рум (Рим) 57, 322
- Румыния 262
- Русильон 161, 524
- Рюкю о-ва (см. также Окинава) 14, 400, 718, 720, 726
- Рязанщина 286, 296, 305
- Рязань 273, 299

- Савойское герц. 118
 Савоя 118, 121, 134, 145, 313–316, 318, 319, 521, 532, 595
 Савона, г. в Лигурии 601
 Саганест, амба (крепость) в Эфиопии 411
 Сакаи, г. на о. Хонсю 15, 400, 721, 724
 Сакатекас 444, 446, 730
 Саксония 212–215, 217, 219, 220, 222, 224, 225, 474, 517, 519, 520, 522, 523, 531, 603, 604, 606–609, 617
 Сакура, княжество на о-ве Хонсю 723
 Саланкамен 675
 Салвадор (Сальвадор), г. в Бразилии 734
 Салем (Сейлем, Сэйлем) 741, 743
 Салоники 475
 Салуин, р. 364
 Салум, полиция в Африке 419
 Салуццо, маркизат в Италии 121, 134, 315, 319
 Самарканд 21–24, 342, 346, 354
 Самцхе (Южная Грузия) 452
 Самцхе-Саатабаго, кавказское княжество 451
 Сан-Жоржи-да-Мина, крепость в Гане 734
 Сан-Луис (Сен-Луи), г. в Бразилии 746
 Санта-Барбара, серебряный рудник 444
 Санта-Фе-де-Богота 442, 448
 Санто-Доминго 442, 446, 448, 450
 Сан-Томе, о-в 427, 732–734
 Сантьяго 442
 Сарума, золотой прииск 445
 Сафим (Сафи), г. в Марокко 174
 Сахалин, о-в 726
 Сахара 415, 417, 420, 431
 Сахель 16
 Сацума, княжество на о-ве Кюсю 718, 720
 Св. Лаврентия, залив 747
 Св. Лаврентия, р. 47, 747
 Сарагоса 577
 Сардиния, о-в 121, 130, 581
 Сасарам 360
 Сванетия, кавказское княжество 451
 Свияжск 279, 299
 Священная Римская империя 27, 57, 81, 113, 116, 140, 184, 212, 216, 217, 219, 233, 242, 247, 308, 313, 320, 473, 490, 517, 519, 521, 523, 525, 530, 603, 611, 679
 Себасийский эйялет 461
 Себеж 306, 527
 Себу, о-в Филиппинского архипелага 371
 Северная Америка 34, 36, 48, 65, 205, 467, 546, 559, 727, 738, 739, 741, 742, 745, 747–749
 Северная Англия 197, 208
 Северная Африка 13, 38, 96, 309, 335–338, 420, 421, 476, 663, 669
 Северная Двина, р. 48
 Северная Европа 179, 322, 470, 506, 604, 613, 617
 Северная Индия 18, 19, 23, 342, 354, 355, 356, 685
 Северная Италия 119, 125, 127, 130, 212, 314, 599, 769
 Северная Монголия (Халха) 465, 466
 Северное море 208
 Северное Причерноморье 321, 455
 Северные Нидерланды 180, 184, 185, 212, 309, 317, 517
 Северный Кавказ 20, 298, 453–455, 679, 757, 773
 Северо-Западная Русь 319
 Северокавказский санджак 454
 Северская земля 319
 Северщина 297, 299
 Севилья 43, 164, 167, 730
 Сеговия 159, 163
 Сейшельские о-ва 435, 437
 Секешфехервар 261
 Сенегал 415, 419, 440, 764
 Сенегал, р. 417
 Сен-Жермен-ан-Лэ 140
 Сен-Жермен-де-Пре 577, 580
 Сен-Кантен 64, 121, 145, 168, 315
 Сен-Мало 147, 575, 747
 Сеннар, султанат в Африке 413
 Сент-Джон, о-в 751
 Сент-Джордж (см. также Мадрас, Ченнай), форт в Индии 690
 Сент-Китс (Сент-Китс, Святого Христофора), о-в 745, 746
 Сент-Омер 529
 Сент-Томас, о-в 750
 Сентонж, пров. во Франции 141, 157, 570

- Сербия 531, 632
 Сердань, графство в Пиренеях 161
 Серулонг (см. также Манила), порт на Филиппинах 371
 Сеул (Ханян) 387, 389, 710, 712, 714, 715, 718
 Сеута 11, 28, 35, 38, 591, 732
 Сиам (см. также Аютия) 14, 362, 366–369, 382, 709, 766
 Сиань 700
 Сибирское ханство 66, 464
 Сибирь 34, 66, 293, 346, 467, 561, 648, 650–652, 654, 661, 756, 757, 760, 764, 773
 Сигетвар, замок 262
 Сиенская республика (Сиена) 118, 121, 133, 315
 Сикоку, о-в 399
 Силезия 251, 258, 518, 522
 Симабара, п-ов в Японии 720, 754
 Симбирск 656
 Син, полития в Африке 419
 Сингапур 369, 382
 Синд, пров. Индии (ныне Пакистана) 18, 350, 356, 358
 Синт-Эстатиус, о-в 559
 Сирия 20, 21, 25, 309, 335, 336, 668, 669, 671
 Ситаун, р. 364
 Сицилийское королевство 118
 Сицилия, о-в 119, 121, 125, 126, 130, 504, 581, 587, 595, 598, 599, 767
 Скандинавия 36, 55, 59, 215, 229, 230, 232, 234, 467, 469, 470–472, 749
 Скандинавский п-ов 229, 522, 622
 Сконе, пров. в Скандинавии 229, 526, 527
 Славония 261, 781
 Словакия 262
 Словения 272
 Смоланд, обл. в Скандинавии 234, 235, 238
 Смоленск 274, 275, 299, 300, 301, 303, 306, 521, 525, 633, 634, 635, 647
 Смоленщина 319, 518, 527
 Сокотра, о. 39
 Соломоновы о-ва 12
 Солор, о-в 733
 Солсбери 197
 Сомбререте, г. и рудник 444
 Соммерса о-ва 740
 Сонгай 417–419, 421
 Софала, г. в Африке 429, 433, 434, 732
 Спиш 250, 259
 Средиземное море 314, 316, 334, 343, 459, 758, 765
 Средиземноморье 26, 27, 37, 146, 179, 309, 315, 316, 334, 338, 339, 558, 595, 753
 Среднее Поволжье 292, 300, 303
 Среднее Подунавье 262, 320
 Средний Восток 19, 461
 Средняя Азия 25, 342, 346, 348, 354, 494, 764
 Средняя Италия 119, 126, 127
 Сремские Карловцы 632, 636
 Стамбул (Константинополь) 24, 261, 321, 326, 327, 337, 338, 340, 455, 457, 462, 475, 476, 533, 664, 665, 668, 669, 671, 672, 675
 Стародуб 298
 Стокгольм 231–233, 235, 239, 241, 614, 616, 618
 Страна басков 584
 Страсбург 227, 474, 478, 530, 532, 604, 608
 Стренгнес, г. 234
 Судан 16, 337, 415, 417–421, 670
 Сукхотай, государство в Юго-Восточной Азии 362
 Сулавеси (Целебес), о-в 750, 753
 Сулу, о-ва 370
 Суматра, о-в 14, 16, 17, 369, 370, 736
 Сурат, г. в Индии 10, 687, 690, 749
 Суринам, колония Нидерландов 559, 738
 Сухуми 452
 Сучжоу, г. в пров. Цзянсу 41, 694
 Суэцкий канал 39
 Суэцкий перешеек 36
 США 45, 442
 Сымен, плато в Эфиопии 408
 Сыр-Дарья, р. 19
 Сычуань 699
 Сьерра-Леоне 415
 Сэкигахара (Секигахара), г. на о-ве Хонсю 719, 721
 Сяньян, г. в пров. Хубэй 699

- Тавой, провинция Аютии 366
 Таиланд (Тайланд) 365, 367
 Тайвань (Формоза) 400, 695, 706, 708, 737
 Тайясаль, город-государство майя 439, 728
 Таликота 353
 Таллин см. Ревель
 Тамань, крепость 454, 457
 Тамилнаду, обл. на Юге Индии 353
 Танжер 175, 732, 733
 Танэгасима, о-в 401
 Тартария (Сибирь) 561
 Тарту см. Дерпт
 Тасмания, о-в 49
 Тауантинсуйю, государство инков 45
 Таунгу, государство в Юго-Восточной Азии 362, 364–366
 Тверия (Тивериада), г. в Палестине 477
 Тверь 289
 Тебриз (Тавриз), г. в Иране 23–25, 335, 343, 344, 346, 347, 349, 451, 452, 454, 460, 669, 680
 Тевтонский орден 245, 247, 267, 322
 Тегеран 346
 Тексел, о-в 735
 Телч 252
 Темза, р. 559
 Тенасерим, пров. Аютии 366
 Теночтитлан 45, 440
 Терек р. 454–456
 Терраферма 119, 135, 312
 Техас 442
 Тибет 41, 708, 757
 Тибетское царство 41
 Тимбукту (Томбукту) 337, 417, 418, 421, 670
 Тимор, о-в 753
 Тироль 217, 220, 474, 603
 Тирренское море 121, 315
 Тиса, р. 262
 Тисо-Дунайское междуречье 320
 Тифлис (Тбилиси) 459
 Тихий океан (Южное море) 12, 13, 21, 43, 44, 46, 48, 49, 205, 447, 493, 719, 730, 740, 757
 Тобаго (Новая Курляндия) 746, 751
 Тобольск 756
 Токио 721, 725
 Токкат, крепость в Анатолии 666
 Толедо 161, 163, 164, 167
 Томар, г. в Португалии 173
 Томебамба, золотой прииск 445
 Тондо, государство на Филиппинах 371
 Тортуга, о-в 728, 747
 Тосканское герц. (Великое герц. Тосканское) 118, 121, 594, 595
 Тотоми, пров. в Японии, на о-ве Хонсю 398
 Трабзон (см. также Трапезунд) 459
 Транкебар, колония Дании в Индии 750
 Трансильвания (Семиградье) 261–263, 268, 322, 338, 339, 341, 518, 525, 526, 530, 533, 630–632, 669, 670, 672, 675
 Трансильванское княж. 262, 631
 Трапезунд (Трабзон) 327, 343, 451
 Трапезундская империя 24, 343
 Тренто (лат. Тридентум), г. в Италии 80
 Тринидад, о-в 746
 Триполи 161, 309, 316, 337, 668
 Трир 219, 223
 Трнава, г. 262
 Троице-Сергиев монастырь (Сергиев Посад) 299, 300, 642, 657
 Тула 277, 297, 298
 Тулон 140
 Тулуза 141, 147, 151, 577, 578
 Туль 140, 212, 315
 Туманган, р. 389
 Тунис 28, 316, 337, 339, 668
 Тур 156, 157
 Турень, обл. во Франции 153
 Турин 134, 314, 599, 600
 Турнэ 528
 Турфанский оазис 757
 Турция 54, 55, 57, 107, 117, 152, 205, 224, 277, 314, 316, 347, 420, 461, 475–477, 530, 594, 601, 605, 609, 635, 650, 655, 691
 Тус, г. в Хорасане 347
 Тушино, село под Москвой 298, 299, 300
 Тырново 341
 Тюрингия 212, 223
 Уайт, о-в в Англии 540
 Уанкавелика, ртутный рудник в Перу 445
 Углич 291, 292
 Угра, р. 319

Украина 264, 297, 322, 475, 478, 525–527, 530, 632, 635, 643, 647–650, 652, 653, 674, 675, 754
 Ула, р. 286
 Ульм 31, 213
 Уппсала 241
 Урал 467, 470, 472
 Уральские горы 289
 Урбино, герцогство 118, 123, 597
 Уругвай 731
 Урфа, османская крепость 666
 Уси, г. в пров. Цзянсу 696
 Устюг 205
 Утрехт, г. и епископство в Нидерландах 178, 181, 182, 187, 553, 562
 Уэльс 198, 199, 536

 Фарерские о-ва (Фареры) 229, 472
 Фарс, область Ирана 344
 Фатехпур-Сикри, г. в Индии 358–360
 Феллин (Вильянди) 245, 247, 286
 Фенноскандия, культурный ареал 470
 Фергана 23
 Феррара 118, 124, 130, 134, 212
 Феррахабад, г. в Иране 679
 Фес 670
 Филадельфия 741
 Филиппинские о-ва (Филиппины) 17, 43, 44, 46, 370, 371, 380, 382, 400, 493, 494, 581, 706, 730, 734
 Филлах 225
 Финляндия 79, 229, 240, 613
 Финский залив 518, 647, 649
 Фландрия 167, 168, 178–182, 184, 187, 188, 313, 507, 510, 524, 528, 531, 532, 592, 593
 Флоренция 73, 86, 92, 118–125, 127, 131, 135, 312, 313, 514, 596, 600
 Флорес, о-в 733
 Флорида, п-ов 45, 47, 147, 438, 442, 745, 748
 Фонтенбло 139, 140, 575
 Формоза, о-в (см. Тайвань) 753
 Форт-Дофин 436, 749
 Форт-Кристина 749
 Форт-Якоб 751
 Форте-Жезус, порт в Африке 430
 Фошаньчжэнь, г. 694
 Фракия 328
 Франкония 212, 215, 220

Франкфурт-на-Майне 213, 215, 216
 Франция 7, 35, 41, 55–58, 61–63, 65, 78, 79, 81, 82, 92, 104–106, 109, 112–114, 116–119, 121, 125, 127, 128, 130, 132, 134, 136–147, 149, 152, 155, 157, 158, 161, 163, 164, 166, 168, 174, 176, 182, 184, 187, 197, 203, 207, 208, 213, 215, 224, 225, 308–319, 340–342, 415, 437, 459, 472–474, 476, 478, 480, 483–485, 504–506, 510, 512, 513, 515, 517–524, 528–532, 545, 547, 556, 559, 560, 566–580, 586, 587, 591–595, 597, 599, 600, 607, 608, 611, 617, 624, 720, 727, 728, 737, 745–749, 753, 754, 756, 758, 761, 762, 764, 769, 770
 Франш-Конте (графство Бургундия) 166, 167, 178, 181, 316, 528, 529, 581
 Фрисландия, пров. в Нидерландах 178, 187, 213, 220, 553
 Фусими, г. в Японии, ныне часть г. Киото 397, 721
 Фута-Торо, полития в Африке 419
 Фуцзянь, пров. Китая 381, 704–706, 765
 Фэнъян, округ в пров. Аньхой 699
 Фюн, о-в 229, 621

 Хабашат, вилайет в Африке 409
 Хадия, обл. в Эфиопии 405
 Хайдарабад 753
 Хайнань, о-в 368
 Хаката, г. на о-ве Кюсю 15, 400, 724
 Халеб (Алеппо) 309, 335, 336. См. также Алеппо
 Халланд, обл. в Скандинавии 229, 522, 617
 Хамадан, г. в Иране 680
 Хамсе, мемликства 461
 Хандеш, султанат в Индии 350, 356
 Ханой (Донгкинъ) 368
 Хантхавади, империя в Юго-Восточной Азии (см. Пегу) 362, 364, 365
 Хантхавади, город (см. Пегу) 364
 Ханчжоу, г. в пров. Чжэцзян 694
 Хара, крепость на о-ве Кюсю 754
 Харар 433
 Харлем (Гаарлем), г. в Голландии 555, 562, 564

- Хаченское княж. (Хачен) (Нагорный Ка-
 рабах) 451, 461
 Хванхэ, пров. в Корее 388
 Хельсингфорс (Хельсинки) 239
 Херборн, г. в земле Гессен 604
 Херьедален, пров. в Норвегии 229, 617
 Хива 757
 Хиджаз, область на Аравийском п-ове
 335, 336
 Хиума, о-в 233
 Хизь, гора на о-ве Хонсю 397
 Ходзё (Гоходзё), княж. в восточной Япо-
 нии 391, 396
 Хоккайдо, о-в 726
 Холмогоры 205
 Хомбург (Гомбург, ныне Бад-Хомбург),
 г. в земле Гессен 223
 Хонсю, о-в 721
 Хорасан 22, 25, 346, 347, 349, 676, 677
 Хорватия 262
 Хорезм 22, 346
 Хотин 635
 Хуайфу, район в обл. Цзяннань 697
 Хубэй, пров. Китая 374, 699
 Хугли, р. 691
 Хузистан, обл. в Иране 344
 Хумэнь, форт 695
 Хэмптон-Корт, резиденция королей Ан-
 глии 210
 Хэнань, обл. в Китае 378, 698
 Хэтао, район в Китае 378, 380
 Цейлон, о-в 10, 39, 361, 732, 733, 737,
 750, 753, 761
 Центральная Англия 195
 Центральная Германия 224
 Центральная Европа 31, 166, 212, 249,
 252, 253, 257, 262, 264, 268, 271,
 300, 319, 322, 323, 473, 478, 511,
 604, 617, 626, 767, 769
 Центральная Швеция 241
 Цзиндэчжэнь, г. в пров. Цзянси 694
 Цзяннань 697
 Цзянсу, г. 706
 Цзянсу, пров. 381, 696
 Цусима, о-в 14, 710, 720
 Цфат, г. в Палестине 477
 Цюрих 77
 Чад, оз. 420, 421
 Чалдыр 451
 Чалдыранская равнина 345
 Чампа, государство в Юго-Восточной
 Азии 362, 368, 371, 382
 Чандрагири, г. в Виджаянагаре 354
 Чантабун, г. в Тайланде 366
 Чатэм, о-в 12
 Чау-Пхрайя (Менам), р. 362
 Чаул, порт в Индии 352
 Ченстохов 636
 Чериньола 64, 119
 Черная Африка 437
 Черная Вольга, р. в Африке 419
 Чернигов 295, 306, 319
 Черное море 22, 27, 343, 453, 459, 525,
 767
 Чески Крумлов 252, 253
 Чехия 79, 212–214, 219, 249–251, 253–
 256, 258, 259, 267, 270–272, 343,
 474, 491, 493, 518–520, 522, 605,
 606, 609, 626–631
 Чечня 458
 Чжэцзян, пров. в Китае 381, 704, 706
 Чиангмай, княжество 365, 366, 367
 Чигирин 530, 650, 754
 Чили 12, 45, 65, 438, 442, 445, 446, 450,
 728
 Чиму, государство на терр. Перу 12
 Читор (Читоргарх), г. в Раджастане 355,
 356, 682
 Чоапа, золотой рудник в Чили 445
 Чосон (см. также Корея) 386, 389, 390,
 710, 713–715
 Чукотка 467, 469, 470
 Чьяпас, штат Мексики 442
 Чэнду, г. в пров. Сычуань 699
 Шамбери, столица Савойи 134
 Шамбор, резиденция королей Франции
 140, 225
 Шампань 314
 Шаньси, обл. в Китае 378, 765
 Шаньхайгуань, крепость 702
 Шароле 166, 167, 581
 Швабия 212, 214, 215, 219, 220, 603
 Шведское кор. 229, 613, 621, 624,
 625
 Швейцария (Швейцарская конфедера-
 ция) 77, 78, 143, 144, 212, 213, 313,
 523

Швеция 63, 79, 113, 229, 230–241, 245, 247, 248, 286, 289, 291, 293, 294, 293, 299, 300, 305, 306, 323–325, 475, 482, 487, 488, 489, 506, 518–523, 525–527, 531, 557, 580, 607, 609, 613–622, 624, 631, 634, 635, 640, 643, 647, 649, 727, 749, 750

Шельда, р. 553, 559, 592

Шемаха, г. 681

Шираз, г. в Иране 16, 24, 679

Ширван 25, 321, 454, 456

Шитанчжэнь, г. 694

Шмалькальден 224

Шотландия 79, 206–208, 210, 310, 311, 317, 534, 536, 541, 543, 544, 546, 548, 737, 747

Штеттин 523

Штирия 217, 227, 474, 517

Штральзунд 617

Шэньси, пров. Китая 700

Эвора, г. 591

Эгейское море 27, 327

Эдирне 320

Эдзо, «королевство» 726

Эдо (совр. Токио) 718, 720–724

Эзель (Сааремаа) 286, 522, 617

Эзель-Викское епископство (Эзель-Вик) 242, 245, 247

Эйслебен 221

Эквадор 45

Эксетер 197

Эльба, р. 31, 523, 607

Эльдорадо, легендарная страна в Америке 46, 746

Эльзас, обл. 220, 521, 523, 529, 575, 607

Эль-Ксар-аль-Кебир (Алкасар Кебир) 175

Эно см. Геннегау

Эресунн см. Зунд

Эрзерумский эялет 461

Эривань (см. также Ереван) 460

Эрфурт 221

Эскориал 170–171, 504, 588

Эспаньола – см. Гаити

Эстергом 262, 263

Эстония (Эстляндия) 242, 245, 247, 286, 324, 526, 527

Эфиопия 36, 51, 59, 177, 404–406, 408–414

Юго-Восточная Азия 16, 19, 36, 39, 43, 346, 362–364, 366–368, 370, 372, 380, 382, 400, 434, 559, 690, 709, 733, 734, 736

Юго-Восточная Европа 663

Югра, область на севере России 11

Южная Азия 16, 361, 434, 691, 737

Южная Америка 12, 42, 43, 46, 47, 205, 442, 445, 559, 729, 730, 732, 745, 773

Южная Германия 50, 79, 224, 605

Южная Европа 38

Южная Италия 130, 166

Южная Монголия 465

Южное Задунавье 262

Южное море см. Тихий океан

Южные Нидерланды 79, 185, 189, 192, 212, 518, 528, 529, 531, 556, 557, 560, 592, 593

Юкатан, п-ов 45

Юньнань, пров. Китая 364, 367, 706

Юра, горы 116

Юрьев (Дерпт) 285, 286

Юта, штат 442

Ютландский п-ов (Ютландия) 11, 229, 235, 519, 621

Ява, о-в 14, 17, 49, 363, 369, 370, 494, 733, 735, 737, 750, 753

Яик, р. 305

Якобштадт, г. на о-ве Тобаго 751

Якутск (Якутский острог) 652

Ямайка 448, 728, 745

Янцзы, р. 382, 696, 706

Япония (Японские о-ва) 14–16, 36, 41, 48, 53, 55–57, 59, 65, 177, 205, 370, 371, 382, 389, 391–393, 395, 397, 399–402, 494, 498, 499, 709, 710, 712, 713, 717–720, 724–726, 733, 737, 754, 755, 761, 766, 770, 775

Яркент 41

Ярославль 205, 303, 765

Ятенга, государство в Африке 419

СОДЕРЖАНИЕ*

Введение	
<i>М.А. Юсим</i>	5
Мир накануне раннего Нового времени	
<i>П.Ю. Уваров</i>	10

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ В КОНЦЕ XV–XVII ВЕКЕ

Великие географические открытия	
<i>В.А. Ведюшкин</i>	34
Некоторые черты социально-экономической и политической жизни в XVI–XVII веках	
<i>М.А. Юсим</i>	52
«Военная революция» XVI–XVII веков	
<i>Д.Г. Федосов</i>	62
События и перемены в духовной жизни Европы: Возрождение, Реформация, Контрреформация	
<i>М.А. Юсим</i>	67
Научная революция	
<i>Д.Ю. Бовыкин</i>	82
Развитие и успехи медицины в XVI–XVII веках	
<i>А.М. Сточик, С.Н. Затравкин</i>	96
Повседневная жизнь Европы в XVI–XVII веках	
<i>Д.Ю. Бовыкин</i>	103

Часть I КОНЕЦ XV – XVI ВЕК

Раздел I СТРАНЫ ЕВРОПЫ

Италия в XVI веке	
<i>М.А. Юсим</i>	117
Франция во второй половине XV–XVI веке	
<i>П.Ю. Уваров</i>	136

* Наряду с авторами соответствующих глав, авторами кратких текстов (врезок) в различных главах тома являются: А.А. Анисимова (С. 199), И.В. Ведюшкина (С. 275–276, 276–277, 279–280, 283–284), А.А. Майзлиш (С. 337, 352, 429–430, 669–670, 682–683, 719–720), Е.Б. Сахарова (С. 401–402), А.М. Сточик, С.Н. Затравкин (С. 89), А.В. Титорский (С. 426–427), М.А. Юсим (С. 221).

Страны Пиренейского полуострова в конце XV–XVI веке	
<i>В.А. Ведюшкин</i>	159
Нидерланды в XVI веке	
<i>Г.А. Шатохина</i>	178
Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке	
<i>М.В. Винокурова, О.В. Дмитриева, Д.Г. Федосов</i>	193
Германия и Австрия в конце XV–XVI веке	
<i>А.Ю. Прокопьев</i>	212
Скандинавские страны в XV–XVI веках	
<i>А.Д. Щеглов</i>	229
Ливонский орден в XVI веке	
<i>А.Д. Щеглов</i>	242
Польско-Литовское, Чешское и Венгерское королевства в XVI веке	
<i>Г.П. Мельников</i>	249
Россия в XVI столетии	
<i>В.Д. Назаров</i> при участии редколлегии	273
Смута в России в конце XVI – начале XVII века	
<i>В.Д. Назаров</i>	291
Международные отношения в Европе в конце XV–XVI веке	
<i>В.Н. Малов, Б.Н. Флоря</i>	308

Раздел II СТРАНЫ ВОСТОКА

Османская империя в конце XV–XVI веке	
<i>С.Ф. Орешкова</i>	326
Иран во второй половине XV–XVI веке	
<i>И.Г. Коновалова</i>	342
Индия в XVI веке	
<i>Л.Б. Алаев</i>	350
Юго-Восточная Азия в XVI–XVII веках	
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	362
Китай в XVI веке	
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	372
Корея во второй половине XV–XVI веке	
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	386
Япония в период сэнгоку дзидай	
<i>С.А. Полхов</i>	391

Раздел III ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ: АФРИКА И АМЕРИКА

Эфиопия во второй половине XV–XVII веке	
<i>Э.С. Львова</i>	404
Африка южнее Сахары во второй половине XV–XVII веке	
<i>Д.М. Бондаренко</i>	415
Новый Свет в XVI веке	
<i>Е.Ю. Лыкова</i>	438

Раздел IV

ОТДЕЛЬНЫЕ НАРОДЫ И ИХ СУДЬБЫ

Кавказ в XVI–XVII веках <i>С.Ф. Орешкова</i> при участии редколлегии	451
Конец кочевых империй <i>Н.Н. Крадин</i>	463
Народы Арктики и Субарктики <i>А.В. Головнев</i>	467
Еврейская диаспора в середине XV – XVII веке <i>Г.С. Зеленина</i>	473

Часть 2

XVII ВЕК

Раздел I

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ СТРАН ЕВРОПЫ

Тенденции развития государственности: абсолютизм <i>В.Н. Малов</i>	482
Европа и мир: экономическая конъюнктура <i>В.Н. Малов</i>	493
Век барокко <i>В.Е. Сусленков</i>	501
Международные отношения в XVII веке <i>В.Н. Малов</i>	517
Англия в XVII веке <i>М.В. Винокурова, О.В. Дмитриева</i>	534
Республика Соединенных провинций в XVII веке <i>Г.А. Шатохина</i>	553
Франция в XVII веке <i>В.Н. Малов</i>	565
Страны Пиренейского полуострова и Южные Нидерланды в XVII веке <i>В.А. Ведюшкин</i>	581
Италия в XVII веке <i>М.А. Юсим</i>	594
Германия в конце XVI–XVII веке <i>А.Ю. Прокопьев</i>	603
Скандинавские страны в XVII веке <i>А.Д. Щеглов</i>	613
Чехия, Венгрия и Речь Посполитая в XVII веке <i>Г.П. Мельников</i>	626
Россия от Смутного времени до Петровских реформ <i>О.Е. Кошелева, Т.А. Опарина</i>	638

Раздел II
МИР ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

Османская империя в XVII веке	
<i>С.Ф. Орешкова</i>	663
Иран в XVII веке	
<i>И.Г. Коновалова</i>	676
Индия в XVII веке	
<i>Л.Б. Алаев</i>	682
Китай в конце XVI–XVII веке: от империи Мин к империи Цин	
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	694
Корея в XVII веке	
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	710
Япония в XVII веке	
<i>Е.Б. Сахарова</i>	717
Колониальные владения европейских государств в XVII веке	
<i>В.А. Ведюшкин, О.В. Окунева, Г.А. Шатохина</i>	727

Раздел III
МИР К КОНЦУ XVII СТОЛЕТИЯ

Закончилось ли Средневековье?	
<i>П.Ю. Уваров</i>	752
Заклучение	
<i>М.А. Юсим</i>	774

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронология раннего Нового времени.....	777
Литература.....	790
Указатель имен.....	807
Указатель географических названий.....	829

Научное издание

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В ШЕСТИ ТОМАХ

Том 3

МИР В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Редакторы *В.Н. Токмаков, Г.В. Шевцова*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Р.В. Молоканова,*

Е.Л. Сысоева, Т.А. Печко

Компьютерная верстка *С.В. Ишутина*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 15.04.2013
Формат 70×100 1/16, Гарнитура Таймс
Печать офсетная

Усл.печ.л. 69,6 + 2,6 вкл. Усл.кр.-отт. 81,0. Уч.-изд.л. 65,0
Тираж 1420 экз. (РГНФ – 300 экз.) Тип. зак. 3228

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

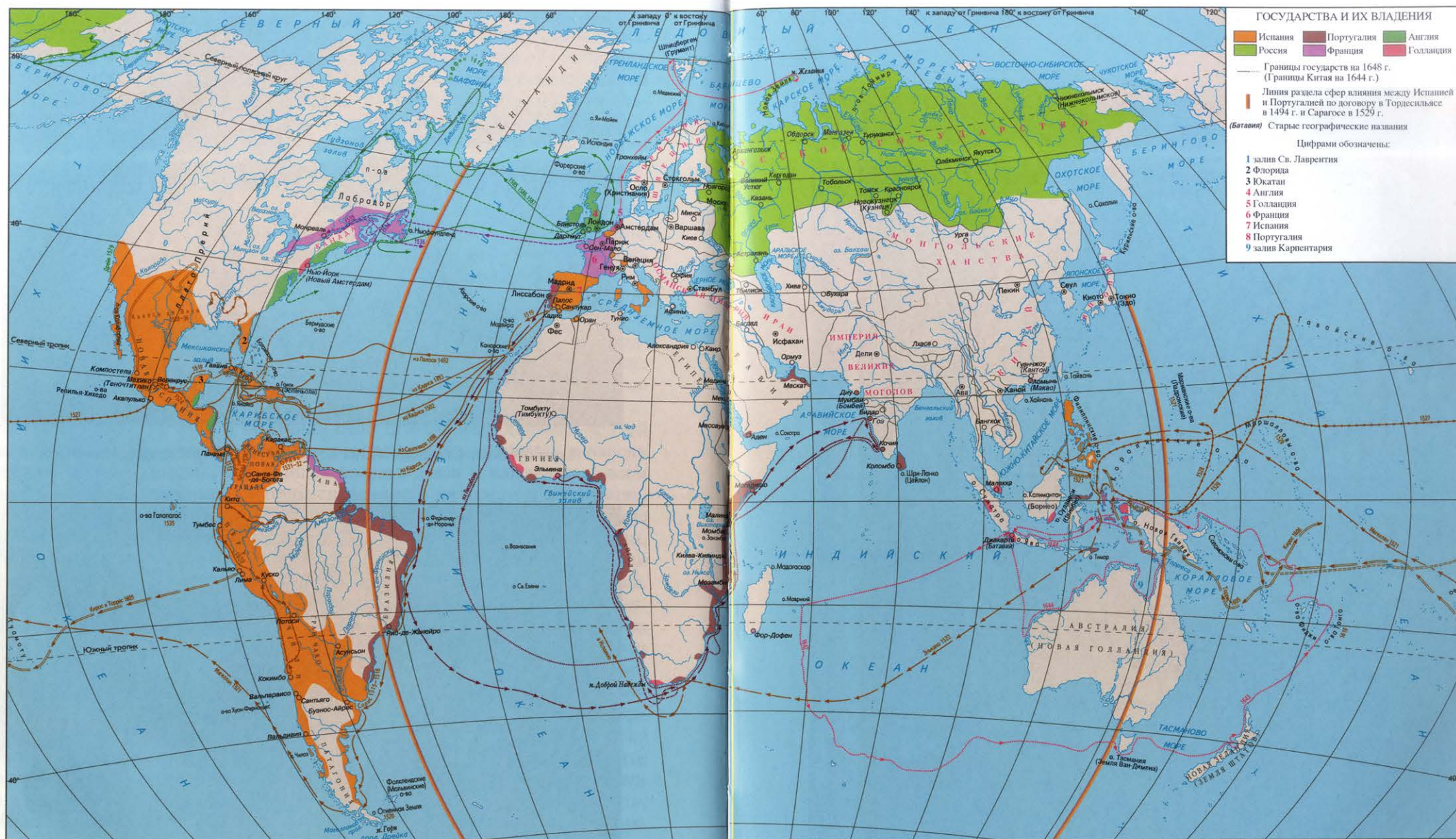
ООО «Цифровая типография № 21»
123022, Москва, Рочдельская ул., 15, стр. 13

Питер Брейгель Старший. Жатва. 1565 г. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

Питер Брейгель Младший. Зима. Катанье на коньках. 1600–1605 гг. ГМИИ, Москва

ГОСУДАРСТВА И ИХ ВЛАДЕНИЯ

 Испания	 Португалия	 Англия
 Россия	 Франция	 Голландия

— Границы государств на 1648 г.
(Границы Китая на 1644 г.)

— Линия раздела сфер влияния между Испанией и Португалией по договору в Тордесильясе в 1494 г. и Сарагосе в 1529 г.

(Батавия) — Старые географические названия

Цифрами обозначены:

- 1 залив Св. Лаврентия
- 2 Флорида
- 3 Юкатан
- 4 Англия
- 5 Голландия
- 6 Франция
- 7 Испания
- 8 Португалия
- 9 залив Карпентария

ВАЖНЕЙШИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ИСПАНСКИЕ

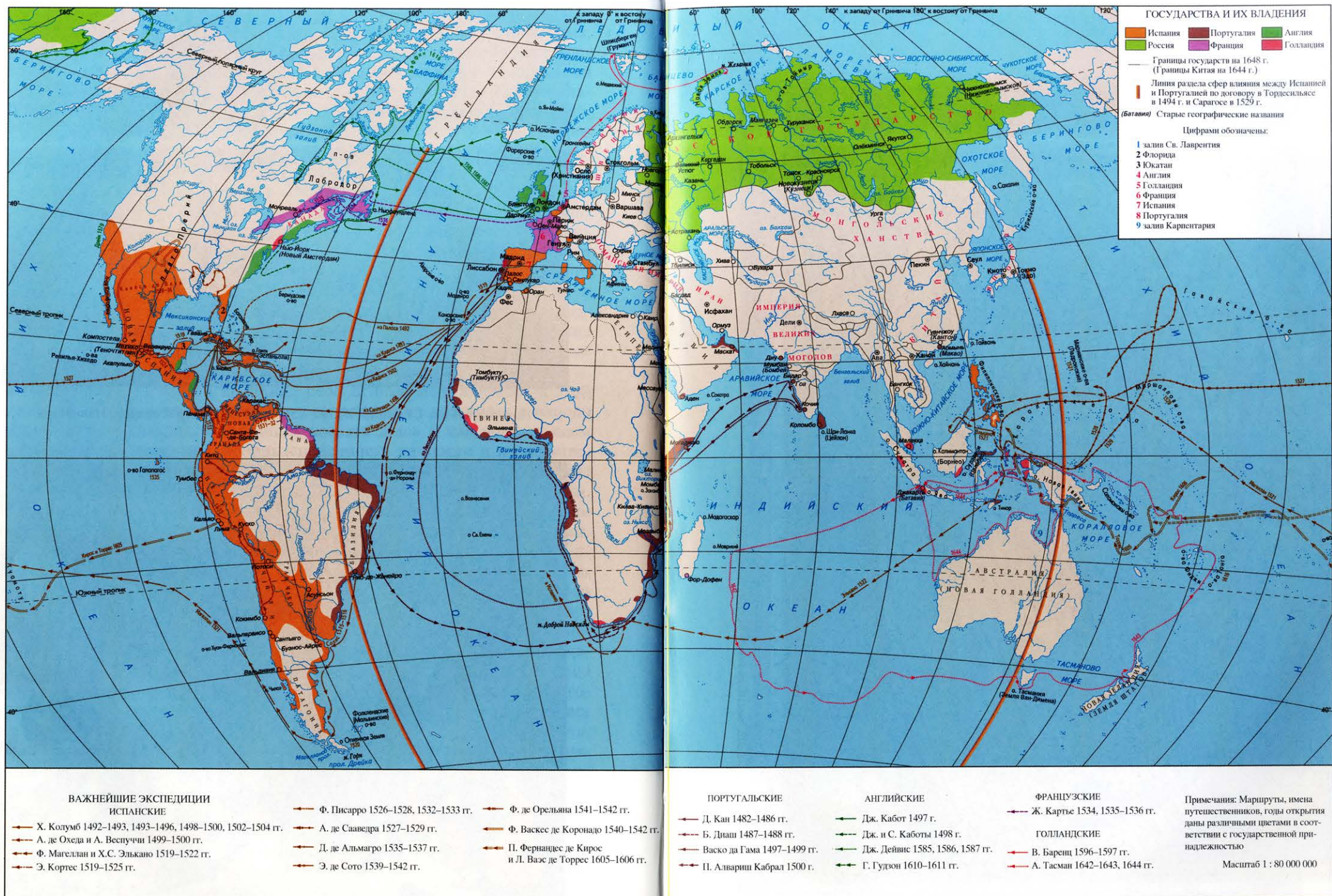
— Х. Колумб 1492–1493, 1493–1496, 1498–1500, 1502–1504 гг.	— Ф. Писарро 1526–1528, 1532–1533 гг.	— Ф. де Орельяна 1541–1542 гг.
— А. де Охеда и А. Веспуччи 1499–1500 гг.	— А. де Сааведра 1527–1529 гг.	— Ф. Васкес де Коронадо 1540–1542 гг.
— Ф. Магеллан и Х.С. Элькано 1519–1522 гг.	— Д. де Альмагро 1535–1537 гг.	— П. Фернандес де Кирос и Л. Ваз де Торрес 1605–1606 гг.
— Э. Кортез 1519–1525 гг.	— Э. де Сото 1539–1542 гг.	

ПОРТУГАЛЬСКИЕ	АНГЛИЙСКИЕ	ФРАНЦУЗСКИЕ
— Д. Кан 1482–1486 гг.	— Дж. Кабот 1497 г.	— Ж. Картье 1534, 1535–1536 гг.
— Б. Диаш 1487–1488 гг.	— Дж. и С. Каботы 1498 г.	
— Васко да Гама 1497–1499 гг.	— Дж. Дейвис 1585, 1586, 1587 гг.	ГОЛЛАНДСКИЕ
— П. Алваринш Кабрал 1500 г.	— Г. Гудзон 1610–1611 гг.	— В. Баренц 1596–1597 гг.
		— А. Тасман 1642–1643, 1644 гг.

Примечания: Маршруты, имена путешественников, годы открытия даны различными цветами в соответствии с государственной принадлежностью

Масштаб 1 : 80 000 000

Великие географические открытия

Великие географические открытия

Карта мира по Птолемею. Карта гравера Йохана Шнитцера из Армсхайма (1482 г.), выполненная по «Космографии» Птолемея

Флот Педру ди Машка-
реньяша. Из рукописи
«Жизнеописания
португальских
вице-королей Индии».
Португалия, 1558 г.
© Photo Scala Florence

Куско. Гравюра второй
половины XVI в.

Андрис ван Эртвелет. Возвращение в Амстердам второй экспедиции в Ост-Индию 19 июля 1599 г. 1610–1620-е гг. Национальный морской музей, Гринвич, Лондон

Альберт Якобс Кёйп. Портрет нидерландского купца с женой в Батавии. Ок. 1640–1660 г. Рейксмузеум, Амстердам

Говерт Дирк Кампхейзен. Замок «Три короны» в Стокгольме. 1661 г. Стокгольмский городской музей

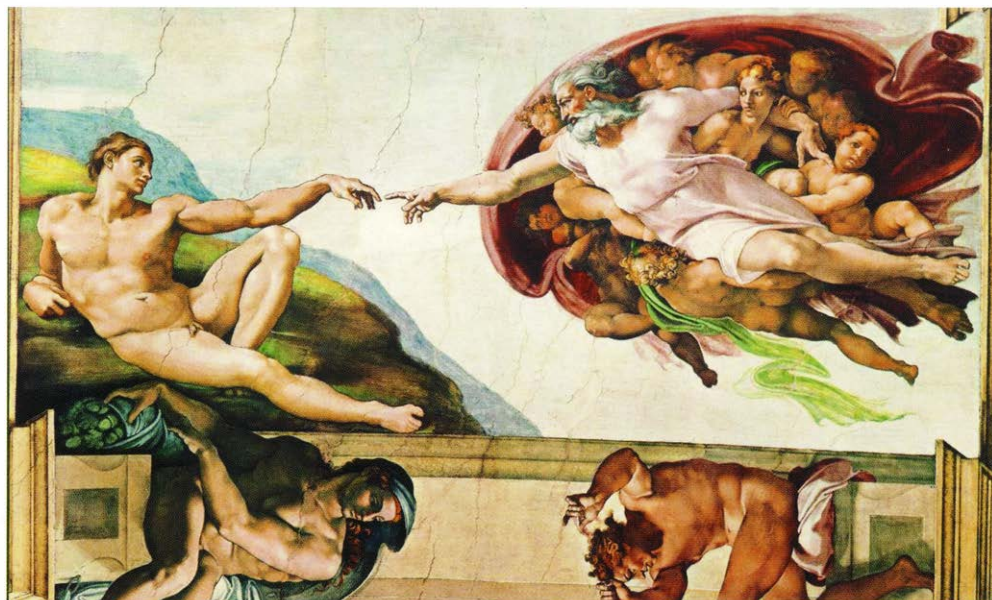
Рембрандт Харменс ван Рейн. Урок анатомии доктора Тульпа. 1632 г. Маурицхёйс, Гаага

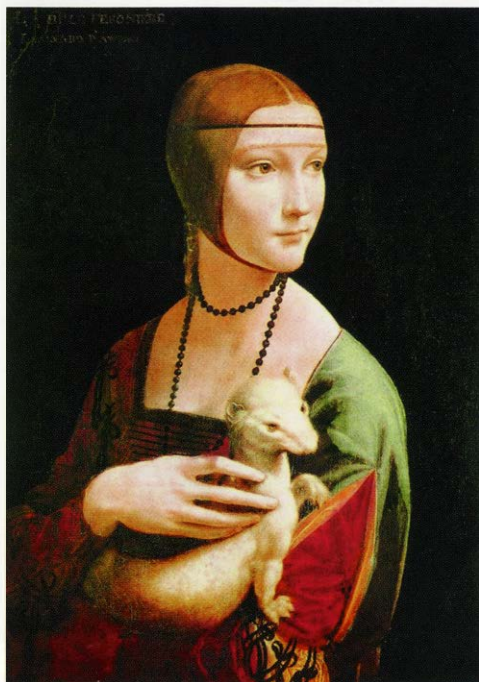
Маринус ван Реймерсвале. Банкир и его жена. 1539 г. Прадо, Мадрид

Здание банка Сан-Джорджо в Генуе

Микеланджело. Сотворение Адама. Ок. 1511 г. Сикстинская капелла, Ватикан

Леонардо да Винчи. Дама с горностаем. 1489–1490 гг. Музей Чарторыйских, Краков

Рафаэль Санти. Дама с единорогом. Ок. 1506 г. Галерея Боргезе, Рим

Эль Греко. Апостолы
Пётр и Павел. 1592 г.
Государственный
Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Караваджо.
Ужин в Эммаусе.
1599–1602 гг.
Национальная
галерея, Лондон

Замок Шамбор
в долине Луары –
резиденция
Франциска I

Франсуа Клуэ.
Портрет Генриха II
и Екатерины Медичи
в окружении других
королей и герцогов
Франции. Галерея
Уффици, Флоренция
© Photo Scala
Florence

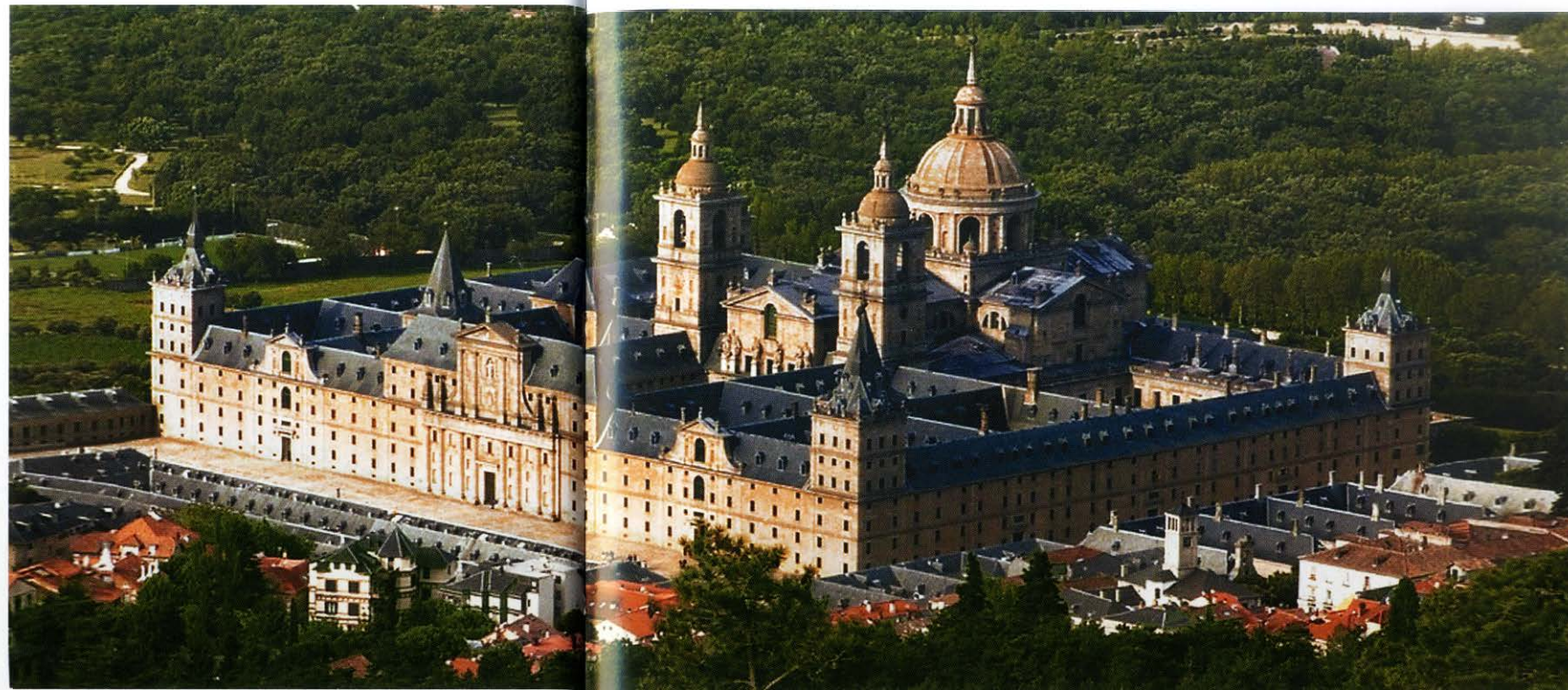

Жан Клуэ. Парадный портрет короля Фран-
ции Франциска I. 1525–1530 гг. Лувр, Париж

Филипп де Шампень. Портрет кардинала
Ришелье. Фрагмент. 1622 г. Лувр, Париж

Эскориал.
1563–1584 гг.

Бернхард Штригель.
Портрет императора
Максимилиана
и его семьи. 1515 г.
Художественно-
исторический музей,
Вена

Михиль Янсон ван Миревельт. Портрет
Морица Оранского. 1613–1620 гг. Рейкс-
музеум, Амстердам

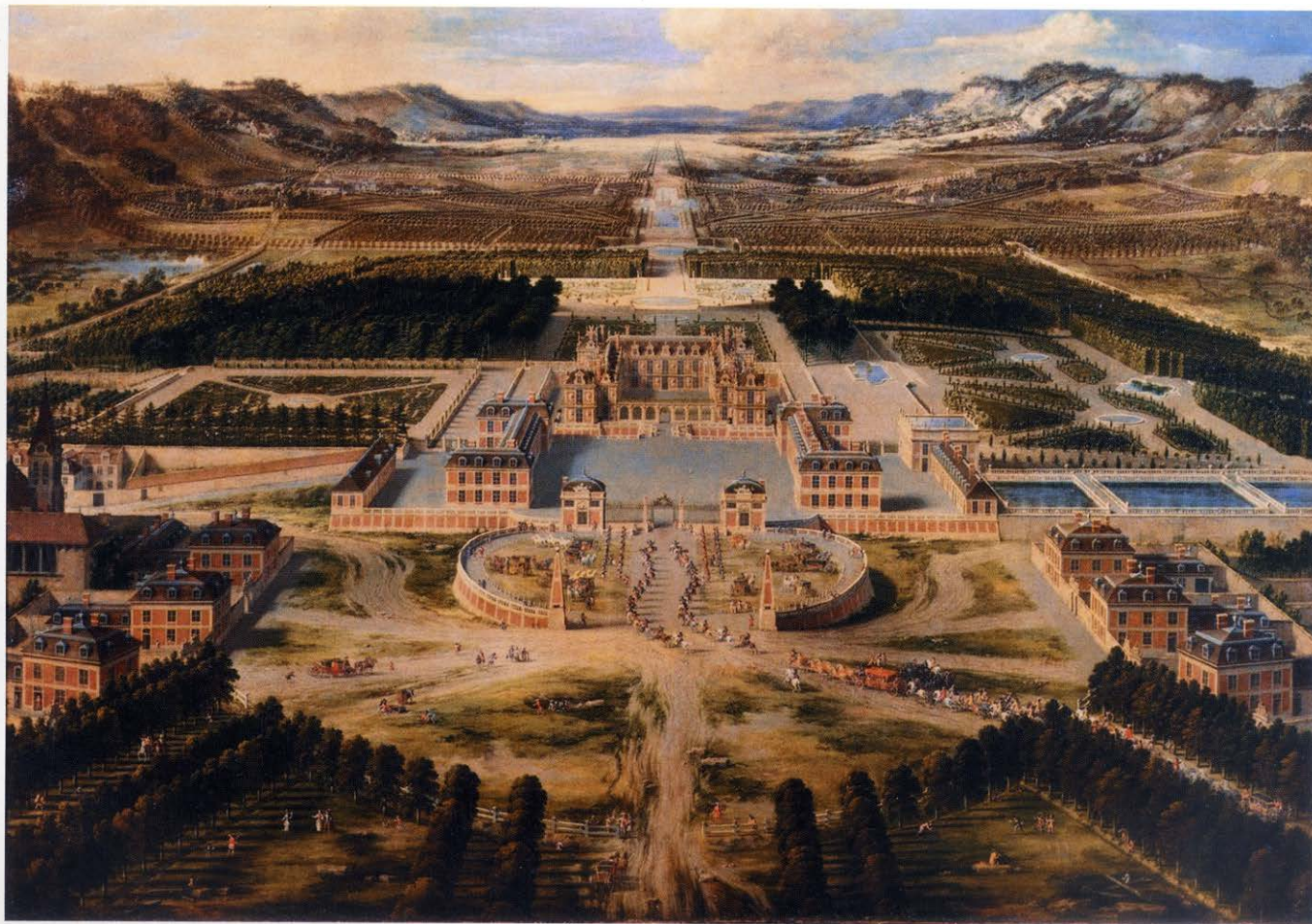
Тициан. Филипп II. Галерея
Палатина, Флоренция © Photo
Scala Florence

Елизавета I Тюдор. Портрет предположительно работы Д. Гауэра. Ок. 1588 г. Великобритания, частное собрание

Антонис Ван Дейк. Тройной портрет короля Карла I Стюарта. 1635 г. Виндзорский замок, Королевские собрания

Версаль в 1668 г. Картина Пьера Пателя. Версаль

Ганс Гольбейн Младший. Послы. 1533 г. Национальная галерея, Лондон

Неизвестный художник. Битва при Лепанто. Конец XVI в. Национальный морской музей, Гринвич, Лондон

Неизвестный художник. Заключение Лондонского мира в 1604 г. Национальная портретная галерея, Лондон

Диего Родригес де Сильва Веласкес. Сдача Бреды. 1634–1635 гг. Музей Прадо, Мадрид

Кристофер Рен. Морской госпиталь в Гринвиче. 1696–1712 гг.

Дж.Л. Бернини. Собор и площадь св. Петра. Ватикан, Рим

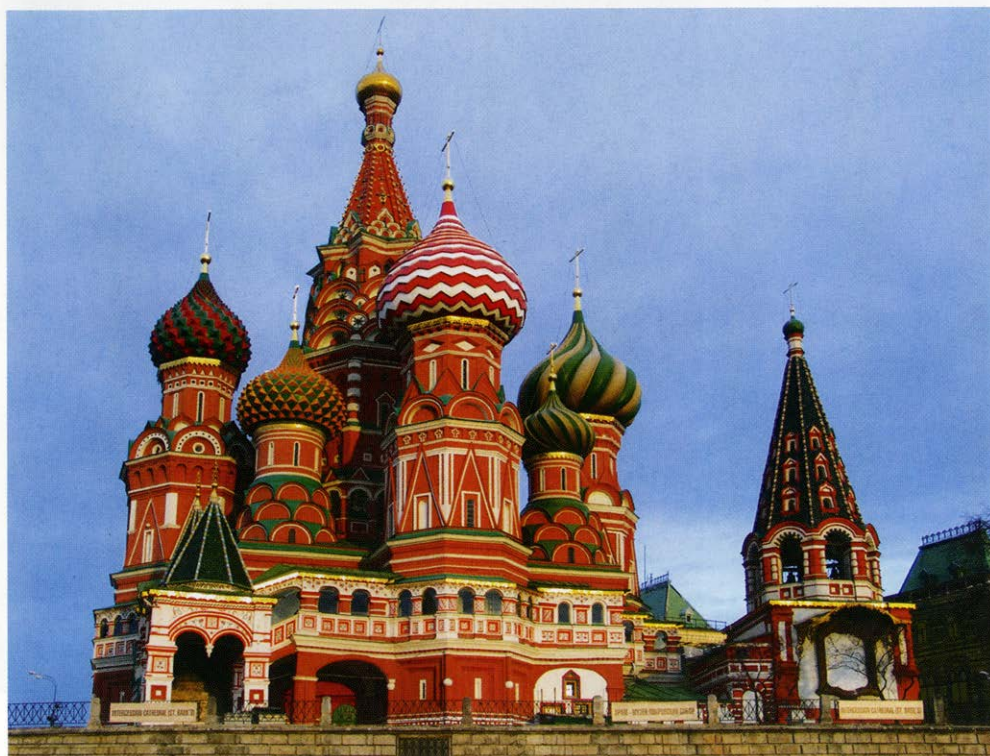
Петер Пауль Рубенс.
Конный портрет герцога
Лермы. 1603 г. Прадо,
Мадрид

Дионисий. Архангел. Фрагмент росписи Ферапонтова монастыря. 1502 г.

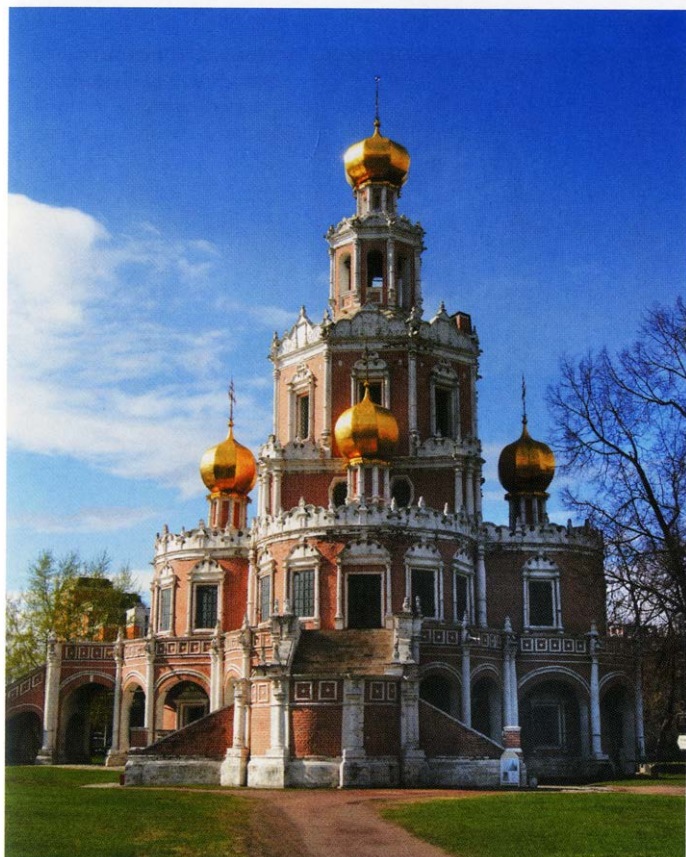

Иван IV Грозный. Парсуна работы неизвестного художника. Конец XVI – начало XVII в. Национальный музей, Копенгаген

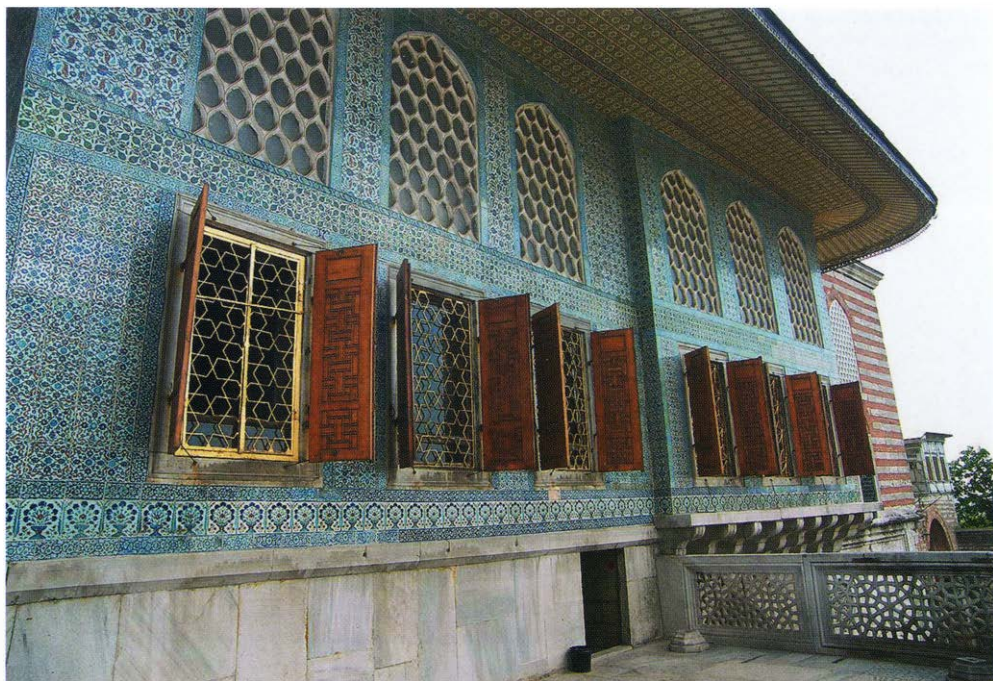

Собор Василия Блаженного (Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву). 1555–1561 гг. Москва

Благоверный князь
Михаил Васильевич
Скопин-Шуйский.
Парсуна. Начало XVII века.
Государственная
Третьяковская галерея,
Москва

Церковь Покрова в Филях.
90-е годы XVII в.

Дворец Топкапы.
XV–XVI вв. Стамбул.

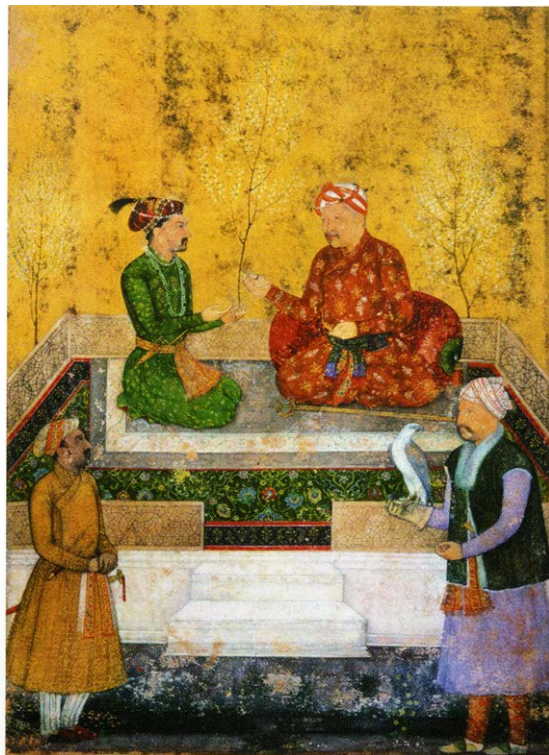
Султан Осман II
(1618–1622) и его везир
Давид-паша с янычарами
и стражей. Миниатюра.
Ок. 1620–1622 гг. Музей
искусств Лос-Анджелеса
© Photo Scala Florence

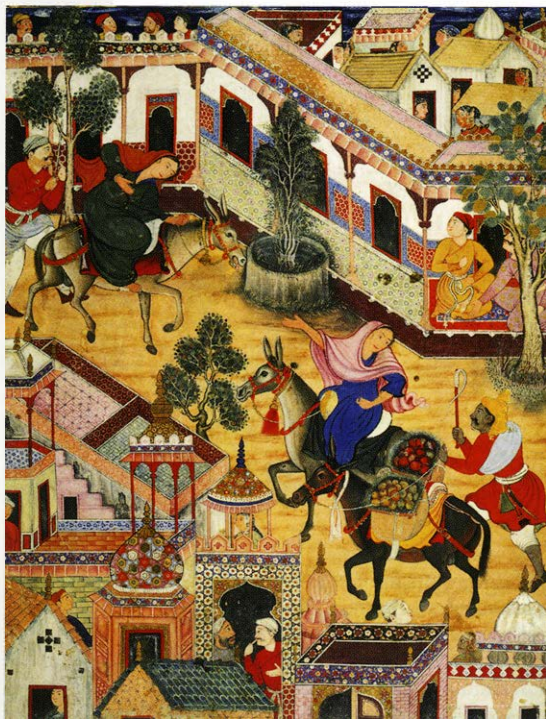
Блюдо. Середина – вторая половина XVI в. Изник, Турция © Музей искусства народов Востока, Москва

Мухаммад Надир аль-Самарканди. Суфии в экстазе. Миниатюра. Персия. Ок. 1650–1655 гг. Британская библиотека, Лондон © Photo Scala Florence

Акбар и Джахангир. Миниатюра периода Моголов. Индия.
Музей Гимэ, Париж
© Photo Scala Florence.

Миниатюра из «Истории Хамзы».
Ок. 1570 г. Индия. Музей
Метрополитен © The Metropolitan
Museum of Art/Scala Florence

«Птицы». Миниатюра.
Индия, 1590–1600 гг.
Музей Гимэ, Париж
© Photo Scala Florence

Ват Чайваттханарам.
Аютия. XVII в.

Монастырь Эрдени-Дзу в Каракоруме (Монголия). XVI в.

Ду Чжин. Ученый Шень Фу передает книгу с документами. Китай. Конец XV – начало XVI в. Музей Метрополитен © The Metropolitan Museum of Art/Scala Florence

Курильница для благовоний
(Китай). Династия Мин.
Музей Метрополитен, Нью-Йорк
© The Metropolitan Museum
of Art/Scala Florence

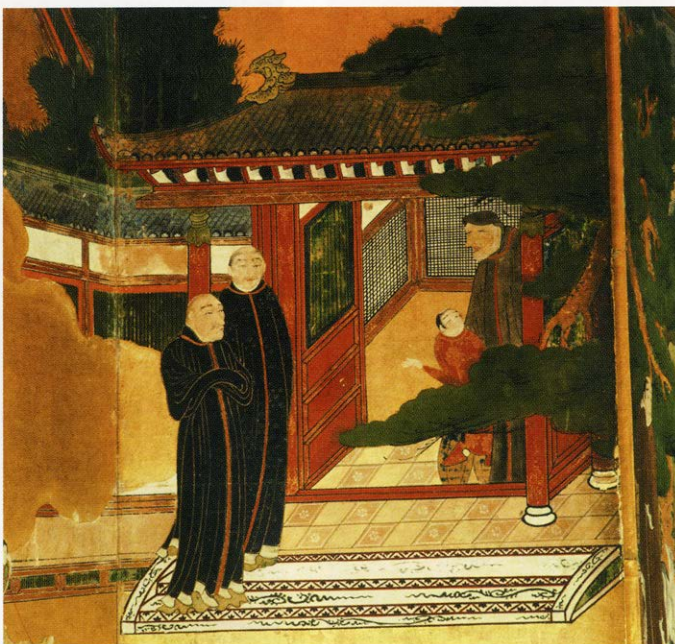
Император Сюань (Канси). Портрет начала
XVIII в. Дворцовый музей (Музей Гугун), Пекин

Хон Инь. Цветы и птицы ранней весной.
Ок. 1500. Художественный музей Ким-
белла © Photo Scala Florence

Отшельник и олень. Чосон. Конец XVII в. Художественный музей Кимбелла © Photo Scala Florence

Иезуиты в Японии. Деталь ширмы. Мемориальный музей Янга, Сан-Франциско © Photo Scala Florence

Сёгун из династии Токугава и 16 самураев. XVII в. Япония.
Замок Сфорца, Милан © Photo Scala Florence

Росписи Дербе Быхан Селассие. XVII в. Эфиопия

Карта Америки. Гравюра XVII в.